ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

De Personis / О Личностях

Сборник научных трудов

Четвертое издание

Том I

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2023

УДК 929(100)(082)
ББК 63.3(0)-8я43
О 11

De Personis / О Личностях. Сборник научных трудов. 4-е изд. Том I / А.И. Фурсов (сост.). М.: Товарищество научных изданий КМК. 2023. 600 с.
De Personis / On Personalities. A collection of scholarly works. 4th ed. Vol. I / Compiled by A.I. Fursov. Moscow: KMK Scientific Press. 2023. 600 p.

Сборник научных трудов является логическим продолжением трёх первых сборников «чёрной серии» ИСАН: «De Conspiratione / О Заговоре» (М., 2013), «De Aenigmate / О Тайне» (М., 2015) и «De Secreto / О Секрете» (М., 2016). Настоящий сборник посвящён личностям и семьям, сыгравшим большую, нередко решающую роль в истории. При этом, однако, объектом пристального изучения они становились нечасто.

The collection of scholarly works logically continues the three first collections in the "black series" of the Institute of System-Strategic Analysis: "De Conspiratione / On Conspiracy» (Moscow, 2013), "De Aenigmate / On Mystery" (Moscow, 2015) and "De Secreto / On Secret" (Moscow, 2016). The present collection is devoted to personalities and families, which played a great and often decisive role in history. However, they rarely became the focus of intent study.

© А.И. Фурсов, предисловие, 2018, 2019, 2020, 2023
© С.Н. Земляной, «Человек, который изобрёл христианство (Историчность Иисуса, гностический миф о Христе и биографизм Нового Завета в перспективе экстремального христианства Маркиона из Синопа)», 2018, 2019, 2020, 2023
© Е.Ю. Зубарёва, «Виттельсбахи. Государство и династия», 2018, 2019, 2020, 2023
© К.А. Фурсов, «Кэрролл С. Мученики и убийцы: семья Гизов и создание Европы», 2018, 2019, 2020, 2023
© К.А. Фурсов, «Пэрри Г. Главный чародей Англии: Джон Ди», 2018, 2019, 2020, 2023
© А.В. Островский, А.Б. Гехт, «Улоф Ашберг: автопортрет в контексте эпохи», 2018, 2019, 2020, 2023
© О.Б. Озеров, «Гибель "Красного паши"», 2018, 2019, 2020, 2023
© С.Н. Земляной, «Учёный, который умел забивать "чистые голы". Подвижная жизнь Георгия Гамова», 2018, 2019, 2020, 2023
© Н.И. Кротов, «Пламенные банкиры в пыльных шлемах», 2018, 2019, 2020, 2023
© Институт системно-стратегического анализа, 2018, 2019, 2020, 2023
© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2018, 2019, 2020, 2023

ISBN 978-5-907747-00-5
ISBN 978-5-907747-01-2 (I)

СОДЕРЖАНИЕ

Фурсов А.И. Предисловие 4

Земляной С.Н. Человек, который изобрёл христианство
(Историчность Иисуса, гностический миф о Христе
и биографизм Нового Завета в перспективе экстремального
христианства Маркиона из Синопа) 7

Зубарёва Е.Ю. Виттельсбахи. Государство и династия..... 83

Кэрролл С. Мученики и убийцы: семья Гизов и создание Европы 133

Пэрри Г. Главный чародей Англии: Джон Ди 201

Улоф Ашберг — автопортрет в контексте эпохи 247

Озеров О.Б. Гибель «Красного паши» 453

Земляной С.Н. Учёный, который умел забивать «чистые голы».
Подвижная жизнь Георгия Гамова 473

Кротов Н.И. Пламенные банкиры в пыльных шлемах 493

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель держит в руках четвёртую книгу из «чёрной серии» (по цвету обложки) — одного из проектов Института системно-стратегического анализа (ИСАН). Будучи самостоятельной работой, данный двухтомный сборник продолжает тематику сборников «De Conspiratione / О Заговоре» (М., 2013), «De Aenigmate / О Тайне» (М., 2015) и «De Secreto / О Секрете» (2016), речь в которых идёт о реальных субъектах мировой истории, о реальных механизмах мировой истории, о реальной власти, которая всегда не на виду.

Настоящий сборник — «De Personis / О Личностях» — посвящён как отдельным людям, так и семьям, которые сыграли огромную роль в истории, но до сих пор либо остаются в тени, либо освещаются так, что главное в их деятельности всё равно оказывается в тени.

Сборник открывается работой российского философа и переводчика **С.Н. Земляного «Человек, который изобрёл христианство»**. В центре очерка — Маркион из Синопа (ок. 85 г. – ок. 160 г. н.э.), создатель экстремальной версии христианства, христианский гностик. С.Н. Земляной привлёк внимание к процессу создания христианства как информационно-организационного, духовно-властного комплекса в определённых интересах и к роли в этом процессе конкретного человека, реформаторский потенциал которого сравним с таковыми Франциска и Лютера. Именно этим объясняется реакция на него деятелей типа Тертуллиана. Маркион доказывал, что Иисус отверг Ветхий Завет, выступал против иудаизации христианства, будучи в этом плане паулинистом и оппонентом Петра и К°. В своей работе С.Н. Земляной показывает как конкретная персона, личность вступает в конфликт с историей и какое значение имеет для сегодняшней России.

Статья **Е.Ю. Зубарёвой «Виттельсбахи. Государство и династия»** посвящена династии баварских герцогов, сыгравших большую роль в европейской истории. Бавария не стала национальным государством, а вошла в состав Германии, поэтому Виттельсбахи оказались в тени других немецких династий — Гоггенштауфенов, Гогенцоллернов, Габсбургов. Однако если смотреть на прошлое не из XIX–XXI вв., а из него самого, Виттельсбахи занимают место не только в географическом, но и в историческом центре Европы. В XIII–XIV вв. Бавария была самым богатым и не-

зависимым немецким герцогством. По поводу происхождения дома Виттельсбахов есть несколько версий, некоторые из которых разбирает Е.Ю. Зубарёва.

Работа **С. Кэрролла «Мученики и убийцы: семья Гизов и создание Европы»** (в реферативном изложении **К.А. Фурсова**) посвящена ещё одной герцогской семье, которой так и не удалось основать династию и превратиться в королевскую. Речь идёт о семье Гизов, сыгравшей большую роль в определении облика современной Франции и Европы. Гизы потерпели поражение, но их активность, их комплоты действительно остановили распространение протестантизма во Франции. Об этой семье, с представителями которой мы встречаемся в знаменитой трилогии А. Дюма-отца («Королева Марго», «Графиня Монсоро», «Сорок пять»), написано немного, работа С. Кэрролла — одна из лучших, да и читается как приключенческий роман на политическую тему.

Работа **Г. Пэрри «Главный чародей Англии: Джон Ди»** (в реферативном изложении **К.А. Фурсова**) посвящена интереснейшему персонажу времён Елизаветы I. Астролог, математик, шпион в «одном флаконе», подписывавший свои донесения королеве «агент 007», Джон Ди является автором теории «Зелёной империи» — речь идёт об установлении контроля Англии над Северной Евразией (т.е. Россией) и Северной Америкой. Корона и правящий класс Великобритании, организованный в закрытые надгосударственные структуры мирового согласования и управления, постоянно пытались реализовать проект «Зелёной империи» шпиона-астролога, о котором известно не так много. Г. Пэрри интересно показывает нам разведчика европейского масштаба и одновременно, выражаясь современным языком, геополитика, во многом определившим цели Туманного Альбиона по отношению к миру вообще и к России в частности.

Материал под названием **Улоф Ашберг: автопортрет в контексте эпохи**» посвящён известному шведскому банкиру еврейского происхождения, теснейшим образом связанному с большевиками — по сути он либо финансировал их, либо выступал посредником в их отношениях с другими источниками финансирования, а затем — с советским правительством.

Материал состоит из нескольких частей. Во-первых, это переводы воспоминаний У. Ашберга и фрагментов его книги «Возвращение» (переводчики — **А.Б. Гехт, В.Е. Морозов, Е.Г. Носова**); во-вторых, это вступительная статья к воспоминаниям **А.В. Островского** и примечания, написанные главным образом им, но также А.Б. Гехтом; в-третьих, это публикация Списка людей из Гостевой книги У. Ашберга и главы из книги А.С. Кана (перевод А.Б. Гехта); глава посвящена денежной помощи большевиков друзьям партии в Швеции и за её пределами (перевод А.Б. Гехта).

В целом материал даёт представление и о биографии самого У. Ашберга, и о тех играх, которые вели большевики, а затем правительство СССР для достижения своих целей.

Статья **О.Б. Озерова «Гибель “красного паши”»** приоткрывает завесу тайны над деятельностью советского дипломата и разведчика Карима Хакимова. Хакимов оказался в центре тайной войны на Ближнем Востоке, где действовали такие персонажи как Лоуренс Аравийский, сэр Сент-Джон Филби (отец Кима Филби). Тезис О.Б. Озерова интригующ: Хакимов в этой тайной войне победил, а СССР проиграл. Как и почему — читатель узнает из текста статьи.

Вторая статья **С.Н. Земляного** в настоящем сборнике называется **«Учёный, который умел забивать “чистые голы”. Подвижная жизнь Георгия Гамова»**. О голах речь идёт в переносном смысле, под «голами» имеются в виду открытия одного из крупнейших физиков XX в. — альфа-распад, горячая Вселенная с реликтовым излучением и генетический код. Земляной представляет социально-психологический портет Гамова, анализирует некоторые несообразности его биографии, предлагая своё прочтение её.

Большая статья **Н.И. Кротова «Пламенные банкиры в пыльных шлемах»** посвящена малоизученной теме становления банковской системы в СССР на примере трёх основных банков — Госбанка, Промбанка и Внешторгбанка. При этом сама история банков подаётся Н.И. Кротовым сквозь призму биографий конкретных лиц, личностей, сыгравших когда-то большую роль, но сегодня напрочь забытых. По сути речь идёт о личностной истории советской банковской системы в период её становления.

При том, что герои материалов, опубликованных в этом томе, жили в разное время, творили в разных сферах, а История выставила им разные оценки, у них есть несколько общих черт. Во-первых, все они были личностями, причём с весьма драматичной, а нередко трагической судьбой. Во-вторых, все они в большей или меньшей степени сыграли значительную роль в тех событиях, в которых им пришлось волею судьбы принять участие. В-третьих, большинство из них до сих пор находятся в тени. Одна из задач сборника — заставить тень отступить. Как это у классика? Тень, знай своё место.

А.И. Фурсов

С.Н. Земляной

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИЗОБРЁЛ ХРИСТИАНСТВО

Историчность Иисуса, гностический миф о Христе и биографизм Нового Завета в перспективе экстремального христианства Маркиона из Синопа

Земляной Сергей Николаевич (1949–2012) — российский философ

В истории культуры попадаются люди очень странного «разбора». Биологически и исторически присутствуя в одном времени, они духовно и майевтически (майевтика — философское родовспомогание истории, каким занимался, например, Сократ) принадлежат совсем другому времени, а то и вовсе — финалу всех времён. Дело с ними обстоит примерно так, как у Пушкина в «Евгении Онегине» с Татьяной: «Она в семье своей родной // Казалась девочкой чужой». Диалектика своего, родного и чужого, инородного очень важна для таких людей. Они выступают пролагателями путей из своего инородного настоящего в чужое родное будущее. Однако этими путями, как правило, идут другие. А эти люди как бы продолжают блуждать в странном междуцарствии наставленных друг на друга зеркал разных времён, беспрестанно волнуясь о близящемся светопреставлении. Современники пользуются их мыслями и прозрениями, без чего в своей современности не могут свести концы с концами, но предусмотрительно стирают при этом всякую память о мыслителях и пророках. Культура выходит из ступора, а человек, которому она обязана этим выходом, выпадает из предания, из истории. Доксографы грядущего возводят его мыслительные достижения, подхваченные потомством, к совсем другим людям. И тогда, например, просвещённая Пиама Гайденко через много столетий отважно и искренне пишет историческую ерунду о далёком и близком: «Опираясь на Кьеркегора, представители экзистенциализма пытаются вернуться к раннему христианству (а Шестов и Бубер — к Ветхому Завету) с его трансцендентизмом»[1]. Экзистенциализм вообще-то возрождает не раннехристианское, а гностическое понимание личности, и у истоков его стоит не Августин, как полагает Гайденко, а совсем другой человек, с которым как раз и случился подобный исторический казус.

Герой данного эссе — создатель экстремальной версии христианства и родоначальник христианской библейской теологии Маркион из Синопа (ок. 85–ок. 160 гг. н.э.). Я целиком присоединяюсь к общей оценке роли и значения Маркиона в истории христианской цивилизации, данной её блестящим исследователем Гансом Йона-

[1] *Гайденко П.П.* Смерть // Этика. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 442.

сом: «Маркион Синопский из Понта занимает уникальное место в истории гностической мысли, как и в истории христианской церкви. В отношении последней он был наиболее непоколебимым и подлинным “христианским” гностиком, и именно по этой причине бросил величайший вызов христианской ортодоксии; или, точнее, его вызов более, чем любая другая “ересь”, определил потребность формулирования ортодоксального вероучения как такового». В этом заключается парадоксальность исторической роли Маркиона: «еретик» как никто другой способствовал становлению ортодоксии.

Однако по Йонасу Маркион и его идеи отнюдь не относятся к давно минувшим эпохам и архаизировавшимся культурным пластам: «В любом случае маркионитство осталось проблемой христианства до наших дней. И независимо от всех дискуссий по поводу вероучения, миссия нового и чуждого Бога Маркиона никогда не перестанет затрагивать человеческую душу»[2]. Рассказывая о Маркионе, я не пытаюсь даже примерить на себя личину беспристрастного и объективного биографа и повествователя: по ходу дела я одновременно волей-неволей говорю об эпохе, в какую он жил, о том, что в ней ещё волнует и задевает сегодня меня и, возможно, кого-то ещё из современников. Более того, я говорю, хотя и косвенно, также о духовной ситуации сегодняшних дней (например, религиозной). Может быть, поэтому в данной работе непропорционально большое место занимают историко-культурные околичности и современные аллюзии. Бог — это околичности. Или, на худой конец, аллюзии.

Сказанное о Маркионе с известными натяжками относится и к умственному течению, с которым по обыкновению связывается его имя, к гностицизму. Великий протестантский теолог XX в. Роберт Бультманн подчёркивал, что «гностический миф выражает определённое понимание наличного бытия человека и его экзистенции. Гностицизмом была открыта радикальная инаковость человеческого Я в сравнении со всем мирским бытием — в противоположность самопониманию греков. Была открыта радикальная инаковость и, стало быть, — одиночество человека в мире. Мир не только чужой для него, это — тюрьма, мрачная, зловонная преисподняя, в которую он заброшен. Заброшен безо всякой провинности и прежде всякого выбора»[3]. Никто не сформулировал это понимание человеческого существования с сотериологическими, искупительными обертонами более пластично, чем знаменитый гностик Валентин (II в. н.э.): «Освобождение — познание того, кем мы были, кем мы стали; где мы были, куда мы заброшены; куда мы стремимся, что искупаем; что есть рождение, что возрождение».

В XX в. это понимание было подхвачено не только Мартином Хайдеггером (1889–1976), великолепно сказавшим о заброшенности (брошенности, падшести) в § 38 «Бытия и времени» под названием «Падение и брошенность». Ещё дальше пошёл другой властитель умов современности Карл Густав Юнг (1875–1961), который от имени крупнейшего гностика Василида (II в. н.э.) написал, может быть, самое загадочное своё произведение «Семь наставлений мёртвым», где «можно заметить намётки и предвосхищения тех мыслей Юнга, которые впоследствии воплоти-

[2] *Йонас Г.* Гностицизм (Гностическая религия). СПб.: Лань, 1998. С. 145, 154.

[3] *Bultmann R.* Das Urchristentum im Rahmen der antiken Religionen. Zuerich u. Stuttgart: Artemis, 1963. S. 178–179

лись в его научных трудах» (Аниэла Яффе): «SEPTEM SERMONES AD MORTUOS. Семь наставлений мёртвым, что написал Василид из Александрии, города, где Восток соприкасается с Западом»[4]. В вышедшей в 1962 г. мемуарно-исповедальной книге «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг прямо заявил о своих застарелых гностических пристрастиях: «С 1918 и по 1926 год я серьёзно увлекался гностиками. Они тоже соприкоснулись с миром бессознательного, они обратились к его сути, очевидным образом проистекавшей из природы, инстинктов… Современной психологии бессознательного положил начало Фрейд, введя классические мотивы гностиков — сексуальность, с одной стороны, и жестокую отцовскую авторитарность — с другой. Гностические мотивы Яхве и Бога-творца вновь появились у Фрейда в мифе об отцовском начале и связанном с ним Сверхэго»[5]. Иными словами, гностицизм имеет какое-то отношение к невралгическим пунктам современной мысли. Правда, далеко не очевидно, какое.

[4] *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. М.: АСТ; Львов: Инициатива, 1998. С. 440–455.

[5] Там же. С. 247–248.

High technology в изменении прошлого

Кто овладеет прошлым, тот овладеет настоящим и получит ключ к будущему. Весь вопрос в том, что такое овладение должно осуществляться на уровне самой передовой — на данный момент — high technology. В обращении с историей вообще показан некий технологический максимализм. На тех, кому случалось как следует вчитаться в антиутопический роман Джорджа Оруэлла «1984», неизгладимое впечатление производило описание высокотехнологичной практики изменения прошлого, принятой в измышлённой им тоталитарной Океании и осуществляемой там Министерством правды: «Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее. Поэтому документами можно было подтвердить верность любого предсказания партии; ни единого известия, ни единого мнения, противоречащего нуждам дня, не существовало в записях. Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно. И не было никакого способа доказать потом подделку»[6]. Согласно повествованию Оруэлла, в самой большой секции документального отдела Министерства правды работали люди, чьей единственной задачей было выискивать и собирать все экземпляры газет, книги других изданий, подлежащих уничтожению и замене. Номер «Таймс», который из-за политических переналадок и ошибочных пророчеств Старшего Брата перепечатывался, быть может, с десяток раз, всё равно был датирован в подшивке прежним числом, и нет в природе ни единого опровергающего экземпляра. Книги тоже перепечатывались снова и снова и выходили без упоминания о том, что они переиначены. Разумеется, это всего лишь антиутопический мысленный эксперимент.

Но, как известно, весь ужас утопий (к антиутопиям это тоже относится) состоит в том, что они сбываются. И даже порой задним числом. Нет, здесь я — даже не о тех душераздирающих картинах, когда, ничтоже сумняшеся, мнительные соотечественники без устали примеривали оруэлловское описание к реалиям советской эпохи, восклицая: «Как похоже!» — и отмечали 1984 г. с не меньшим пафосом, чем несколько позже — тысячелетие Крещения Руси. Но никому из этих на-

[6] *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика. М.: Прогресс, 1989. С. 44 и далее.

блюдательных людей, да, не исключено, и самому автору приведённого пассажа, не приходило в голову, что это — точнейшее воспроизведение задним числом того **трансформационного процесса**, который происходил внутри кафолической церкви в I–IV вв. н.э. (кафолической я буду называть христианскую церковь до её раскола на католицизм и православие). Я имею в виду шедшие тогда параллельно и конформно консолидацию христианской церкви и превращение христианства в государственную религию Римской империи, с одной стороны, и формирование христианского вероучения, увенчавшееся принятием Никео-Цареградского символа веры и канонизацией Нового Завета — с другой. Если обратиться к «другой» стороне, то прежде всего нужно отдать себе отчёт в **масштабах перемен**, происшедших в ареалах распространения христианства.

В Новый Завет — собрание почитаемых всеми христианами книг — входят, как известно, 27 произведений: четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), «Деяния апостолов», 21 послание апостолов. Завершает Новый Завет Откровение Иоанна Богослова. Однако писания Нового Завета были лишь незначительной частью обширной христианской литературы, создававшейся в I–III вв., т.е. до признания христианства официальной религией. Как отмечает известный историк раннего христианства И. Свенцицкая, «христианские писатели конца II – IV в. упоминают, цитируют, пересказывают различные Евангелия: от Петра, от Андрея, от Варфоломея, два Евангелия от Фомы, совершенно различные по содержанию, Евангелие от Марии. Во фрагменте письма богослова Климента Александрийского (около 200 г.) говорится, что имели хождение три Евангелия от Марка: каноническое (признанное), “подложное” (написанное неким проповедником по имени Карпократ) и тайное Евангелие (написанное якобы самим Марком для “избранных”). Некоторые Евангелия названы по тем христианским группам, среди которых они почитались (хотя, возможно, в их подлинных названиях также стояло имя какого-либо апостола), например, Евангелие евреев, Евангелие египтян». Епископ Лугудуна (совр. Лион) Ириней (первая половина II – начало III в.) в своём сочинении «Против ересей» с возмущением пишет, что последователи Валентина (крупнейший представитель религиозно-философского течения в христианстве — гностицизма) «дошли до такой степени дерзости, что своё недавнее сочинение назвали Евангелием Истины». Кроме Евангелий в произведениях христианских писателей упоминаются и другие, не вошедшие в Новый Завет книги, которые «почитались» разными христианскими группами как источники вероучения: Апокалипсис Петра, Апокалипсис Павла, деяния некоторых апостолов (Павла, Филиппа, Андрея), послания, «Пастырь» Гермы и др. Археологические раскопки XIX–XX вв. открыли фрагменты и целые сочинения, не признанные церковью»[7]. Куда подевалось всё это богатство? Оно было большей частью попросту уничтожено кафолической церковью ради превращения её в государственную и во имя необходимого для этого «изменения прошлого».

Одним из движущих стимулов этих ликвидационных мероприятий кафолической церкви было установление и утверждение (канонизация) нового — христианского — Священного Писания. Принятие канона господствующей церковью было

[7] *Свенцицкая И.С.* Возникновение раннехристианской литературы // Апокрифы древних христиан. Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. С. 6–7.

ускорено признанием христианства римским государством при императоре Константине (307–337). «Чтобы разобраться в расхождениях христиан (а в этот период шла ожесточённая борьба между ортодоксальным течением и арианством — учением, отрицающим догмат о Троице), Константин потребовал, чтобы епископы предоставили ему копии священных книг. После длительных консультаций, уже после смерти Константина, на соборе в Лаодикее в 363 г. было принято решение разослать по всем христианским церквам списки канонических произведений. Согласно Лаодикейскому канону, в состав Нового Завета вошли 26 писаний — все, кроме Апокалипсиса Иоанна. В 367 г. в письме епископа Афанасия были названы уже все 27 писаний Нового Завета. Но этот список не был признан повсеместно: христиане многих сирийских общин не признали Откровения Иоанна… Окончательный список новозаветных книг был утверждён ортодоксальной церковью на Карфагенском соборе в 419 г.»[8]. Кафолическая церковь силами своих лучших умов два с половиной столетия занималась систематической фальсификацией своей ранней истории со всеми характерными аспектами такого изменения прошлого, отмеченными Оруэллом. Религия была очищена от компрометирующих связей, христианство — исторически и литературно выхолощено.

Закономерны и неизбежны вопросы: какое отношение имел Маркион к этой деструкции литературного наследия первоначального христианства? Какими принципами руководствовалась кафолическая церковь при отборе и отбраковке раннехристианских текстов и обращалась ли она в этой связи к идеям Маркиона? Почему, например, она не остановилась на одном Евангелии, как сделал в своём Каноне Маркион (об этом — ниже), а включила в Новый Завет целых **четыре** Благих Вести об Иисусе, во многом не согласных друг с другом? Или чем объяснить феномен, который я назвал бы «эффектом Иосифа Крывелёва» в честь крупного советского религиоведа, ныне покойного, который весьма рельефно его изобразил? Вот схематичная зарисовка данного красочного феномена: чем древнее датировка текста или документа, связанного с Новым Заветом, тем отчётливее Иисус Христос предстаёт как Бог, как жертвенный агнец, извечно, из столетия в столетие приносимый в жертву за наши грехи, как логос, как абстрактный, сверхъестественный символ, а не как человек из плоти и крови, имеющий конкретную историческую биографию. И, напротив, чем позже документ, тем больше содержится в нём подробностей земной биографии Иисуса — человека. Невозможно поверить, будто последующие поколения всё лучше и лучше вспоминали то, чего не знали предыдущие. Пусть в этой зарисовке не всё верно (самое позднее из канонических Евангелий — от Иоанна — является и самым абстрактным, умственным), но всё же — в чём тут дело?

Хочу сразу оговорить то, что моего героя, т.е. Маркиона из Синопа, очень мало волновала фактическая биография реального еврейского проповедника Иешуа Га-Ноцри, т.е. Иисуса из Назарета. Но Маркион Маркионом, а **проблема общеприемлемого для христиан разных национальностей письменного воссоздания истории жизни и земного служения Иисуса в середине II в. во весь рост встала перед совокупным христианством**. Что до Маркиона, его отношение к Евангелиям и евангелистам, к апостолам вообще и к Павлу в частности в значительной мере

[8] Там же.

было **реактивным**: Маркион тоже отреагировал на религиозную злобу времени. Без учёта всего с этим связанного не понять и «князя еретиков», его позиционирования в религиозных битвах столетия.

Помянутая проблема приобретала остроту исподволь, год за годом и десятилетие за десятилетием. Христианские общины, разбросанные на огромном расстоянии в различных населённых пунктах Средиземноморского бассейна, не имели в I – первой половине II в. ни постоянной связи между собой, ни авторитетных для всех христиан церковных институтов, ни вероисповедных книг, в которых были бы твёрдо зафиксированы основы того, во что надо верить. Эпизодически в общины приходили бродячие проповедники («дидаскалы»). Уже появлявшийся на страницах данной работы И. Крывелёв видел ситуацию с вероучением в общинах следующим образом: «Навещавшие общину проповедники рассказывали то, что им было известно о Христе, его жизни, смерти, воскресении, и о том, чему он учил, о его “речениях”. В сознании самих верующих шла работа фантазии, заполнявшей пробелы в традиции, разукрашивавшей эту традицию подробностями. Лишь в наиболее крупных и богатых общинах были “писания” — папирусные или пергаментные свитки с какими-нибудь документами новой религии… Во II веке всё чаще в обиходе христианских общин стали появляться Евангелия — книги, в которых давалось связное жизнеописание Христа и пересказывались его поучения»[9].

Как показала И. Свенцицкая в цитированном выше сочинении, устная традиция продолжала существовать и в тот период, когда появились первые писания. Более того, не переводились ревнители христианства, которые решительно предпочитали устную традицию возникавшей на их глазах христианской литературе. Евсевий Кесарийский приводит слова христианского писателя Папия (первая половина II в.): «Если мне случалось встретить кого-либо, общавшегося со старцами, то я заботливо расспрашивал об учении старца, например, что говорил Андрей, что — Пётр, что — Филипп, что — Фома или Иаков… Ибо я полагал, что книжные сведения не столько принесут мне пользы, сколько живой и более внедряющий голос»[10]. Необходимо учитывать одну тонкость, связанную с первыми опытами письменной фиксации христианского предания: сама по себе запись не воспринималась как священный текст, священными были слова, приписанные Иисусу. Эти слова можно было толковать, открывать их истинный, с точки зрения данного проповедника, смысл. Порядок записи не имел значения, речения даже иногда разделялись.

Между **устными проповедями** различных проповедников существовали расхождения. Такие же, если не большие (соответственно градациям в давлении различных литературных и культурных традиций на письмо региональных литзаписчиков), различия существовали между **записями** этих проповедей, сделанными в общинах. Как отмечают современные исследователи (П. Джонсон и др.), раннее христианство с самого начала представляло множество вариантов, часто имевших мало общего, хотя все они концентрировались вокруг веры в воскресение Спасителя; каждая община располагала своей «историей Иисуса». Наличие таковой для религиозных объединений первоначальных христиан было жизненно важным фак-

[9] *Крывелёв И.А.* Что знает история об Иисусе Христе? М.: Советская Россия, 1969. С. 137.

[10] *Евсевий Памфил.* Церковная история. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1995. С. 3, 39.

тором их сплочения, внутренней монолитности. Наряду с вероучительным первые Евангелия имели в общинах **культовое значение**: может быть, отсюда и давняя гипотеза английского мифолога Д. Робертсона о том, что Евангелия были построены как сценарии каких-то культовых действий или даже мистерий. Что касается обзаведения Евангелиями, они либо покупались общинами на стороне или у проповедников, либо сочинялись силами членов общины.

В итоге такого стихийного творчества появилось несколько десятков Евангелий, каждое из которых имело местное распространение. Из них кафолическая церковь отобрала и канонизировала лишь четыре. Никакой высшей логики в этом отборе, по-видимому, не имелось: «Канонизированные четыре Евангелия представляли четыре наиболее мощные и влиятельные общины»[11]. Ни с одной из них кафолическая церковь попросту не хотела вступать в прямой конфликт. Таким образом, отбор Евангелий, которые впоследствии вошли в Новый Завет, определялся более прагматическими, нежели принципиальными соображениями. И вполне понятно, что обладавший острым критическим умом Маркион, который был свидетелем и участником этого процесса, рассматривал множественность Евангелий как скандал, как проявление затяжного нестроения кафолической церкви. Свою задачу он видел в восстановлении Благой Вести Иисуса Христа на основе посланий апостола Павла и Евангелия от Луки, которое Маркион считал хотя и искажённым, но не безнадёжно фальсифицированным. Но критической ревизии Маркион подверг **весь корпус раннехристианской литературы**. Таким образом, Маркион первым прошёл путь от исходного многообразия раннехристианской литературы к единству Канона. Кем же был тот, кто поставил перед собой такую колоссальную задачу?

[11] *Крывелёв И.А.* Указ. соч.

Жизнь, путешествия, слова и деяния Маркиона из Понта

По преданию, достоверность которого никем не ставилась под сомнение, Маркион был уроженцем Синопа, важнейшего греческого торгового города на южном берегу Чёрного моря. Его, стало быть, надо считать земляком знаменитого циника Диогена, что, между прочим, обыгрывается Тертуллианом в его антимаркионовском трактате. Видимо, он родился в 85 г. н.э. или несколько позже.

Во времена Римской империи по берегам Понта Эвксинского (греч. — **гостеприимное море**) стали селиться еврейские общины. Ученик апостола Павла Акила (Аквила, II в.) был выходцем из такой понтийской общины (Деян 18:1–3: «После сего Павел, оставив Афины, пришёл в Коринф; и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, — потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, — пришёл к ним; и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток»). Равным образом понтянином был и переводчик Библии с тем же именем Акила, который, правда, принадлежал к числу прозелитов. Последний был современником Маркиона и даже родился в Синопе. Примечательно то, что из этого города вышли и самые непримиримые противники иудаизма, и самые скрупулёзные переводчики Библии (кроме Акилы ещё и другой переводчик — Феодотион, II в.). Эти еврейские общины, скорее всего, и стали точками приложения миссионерской деятельности начального христианства.

Если полагаться на первое Послание Петра, то христиане в I в. уже появились на Чёрном море (1 Пет 1:1: «Пётр, Апостол Иисуса Христа, пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии…» Понт и Вифиния составляли одну сдвоенную провинцию.) По своему вероучению и отчасти по своему составу первые христианские общины в Понте и Вифинии принадлежали к иудеохристианству. Христианство I в. ещё, по существу, не мыслило себя в отрыве от иудаизма, рассматривало себя как некий «истинный иудаизм». (Кстати, сегодня эту позицию разделяют многие ассимилированные евреи.) Христианская проповедь долгое время оставалась привязанной к синагогам, а эллинистические евреи рассматривались в качестве привилегированного объекта христианской миссии. Религиоведы подметили, что в раннехристианской литературе богоизбранность Иисуса ар-

гументируется не столько совершёнными им чудесами, сколько тем, что Иисус исполнил предсказания древнееврейских пророков. Таким образом, Маркион вырастал во многом в духовной атмосфере иудеохристианства. О том, насколько многочисленными и сильными были христианские общины в этом регионе, например, во времена Траяна, свидетельствует знаменитое письмо Плиния Траяну. Вероятно, оно было написано на востоке провинции Вифиния и Понт, в Синопе, Амастрии или Амазии. Приведу перевод письма.

Гай Плиний Цецилий Секунд (61–114 гг. н.э.) — императору Траяну: «Дело мне показалось заслуживающим консультации главным образом ввиду численности подозреваемых; ибо обвинение предъявляется и будет предъявляться ещё многим лицам всякого возраста и сословия обоего пола. А зараза этого суеверия охватила не только города, но и сёла и поля; его можно задержать и справить… Отсюда легко сообразить, какое множество людей ещё может исправиться, если будет дана возможность раскаяться». Тертуллиан (ок. 160 – после 220) почти через 100 лет ссылался на это свидетельство Плиния: «Плиний Секунд, управляя провинцией, осудив на смерть нескольких христиан, а других лишив мест, ужаснулся от их множества» («Апология», 20).

Поэтому сообщение Ипполита относительно того, что Маркион был сыном епископа (одного из епископов?) Синопа, само по себе не является неправдоподобным. Вообще говоря, развитие Маркиона становится более понятным для современного человека, если принять за исходное, что ещё ребёнком или просто в юном возрасте он стал христианином и принадлежал к достаточно многочисленной христианской общине. Как справедливо отмечалось автором классических исследований по истории раннего христианства Адольфом фон Гарнаком (1851–1930), всю свою жизнь Маркион, в отличие от гностиков, работал для всего христианства и никогда не имел специфически сектантских устремлений. Также и его осведомлённость в Ветхом Завете, его пиетет по отношению к букве Ветхого Завета, пусть даже сочетающийся с общим неприятием последнего, объясняются гораздо легче и убедительнее, если предположить, что он возрастал с младых ногтей со Священной книгой в руках (кстати, ею наверняка была «Септуагинта»). Очевидно и то, что Маркион был не просто грамотным, но и учёным человеком; помимо всего прочего, он был начитан в греческой философии и не чужд эллинистической филологии.

Коль скоро Маркион на самом деле был отлучён от христианской церкви в Синопе своим отцом, это произошло, вероятнее всего, по причине отстаивания первым еретического учения: таков реальный смысл ходячей легенды о соблазнении им девственницы, за которое он был сурово наказан. В точности не известно, в чём именно состояла тогдашняя ересь Маркиона, стоившая ему отношений с отцом. Но, скорее всего, Маркион уже в молодости стал выражать сомнения в том, что Ветхий Завет, «закон и пророки» сохраняют абсолютную значимость и применимость для христианства. Отлучение от церкви по методе более поздних времён ещё не практиковалось в эпоху Адриана: оно отчасти означало нечто большее, чем позже, отчасти — нечто меньшее. Большее, ибо оно могло проводиться в таких строгих формах, что отлучённый проклинался как дьявольское отродье, т.е. исторгался из человеческого общежития. Меньшее, ибо приговор отлучающей общины не имел принудительной силы для других общин. Следует предположить, что к отлучению синопскую общину могла побудить только тяжкая ересь. Христиане в те

поры были способны отречься от своего собрата лишь в самых крайних случаях. Видимо, уже тогда Маркион отстаивал основные положения своего невыносимого, ненавистного для христианской церкви учения.

Из Синопа Маркион подался в Малую Азию: это была одна из первых его пропагандистских поездок. (Впоследствии такие поездки стали поводом для некоторых историков к предположению, что Маркион при издании посланий апостола Павла приписал ему свои собственные путешествия.) По некоторым данным, он прихватил с собой письма бывших понтийских собратьев, всё ещё дружелюбно к нему настроенных. Без особой боязни ошибиться можно утверждать, что это наверняка были рекомендательные письма. Отсюда следует, что в родном городе и провинции Маркион имел доброжелателей и последователей, что его отлучение отнюдь не всеми принималось безоговорочно. Однако и в Малой Азии (согласно источникам, в Эфесе, вероятно, также в Смирне), где он искал воспризнания у руководителей христианских общин и излагал им своё понимание Евангелия, Маркион не нашёл понимания и сочувствия, был отвергнут и отброшен.

Может быть, именно тогда, в Смирне, состоялась его встреча с епископом Поликарпом, о которой вслед за Папием сообщает Ириней, хотя не исключено, что она произошла позже в Риме. Поликарп наотрез отказал Маркиону, якобы просившему его о признании, так сказать, о легитимации в качестве христианина, заявив: «Я признаю тебя первенцем Сатаны». Судя по всему, Маркион изложил Поликарпу своё учение о двух богах и своё обоснование отказа от Ветхого Завета, что вызвало шок у его собеседника, обрушившего проклятия на его голову.

Несколько слов о Поликарпе, который был видным церковным деятелем, епископом, апостольским мужем — учеником апостола Иоанна, обличителем еретиков. Вот его выверенная церковью биография: «Святитель Поликарп, епископ Смирнский, жил в Малой Азии, в г. Смирне. Сирота, он был воспитан христианкой Каллистой. После её смерти Поликарп раздал своё имение и стал служить больным и немощным. Епископ Вукол посвятил Поликарпа во диаконы. Св. Поликарп сопровождал апостола Иоанна Богослова в его апостольских путешествиях. Св. Вукол рукоположил св. Поликарпа во пресвитера, а перед смертью завещал ему Смирнскую кафедру. Святитель пользовался горячей любовью своей паствы. Он обратил ко Христу многих язычников, ревностно боролся с ересями: уже в преклонном возрасте он прибыл в Рим, где обличил гностиков Валентина и Маркиона. Во времена гонений на христиан при Марке Аврелии язычники стали требовать, чтобы судья искал св. Поликарпа — “отца всех христиан” и “совратителя всей Азии”. По просьбе своей паствы святитель находился в небольшом селении неподалёку от Смирны. Когда римские воины пришли за ним, святой вышел навстречу и велел их накормить, а сам стал молиться, готовясь к мученическому подвигу». Он совершил этот подвиг, сопровождавшийся разного рода чудесами, после чего был сожжён. Это случилось в 167 г.[12] («Святитель» — одно из наименований священнослужителей высшей, третьей степени священства в православной церковной иерархии.)

На время путешествий Маркиона пришлось крупное восстание в Иудее в 132 г., которое наверняка произвело весьма негативное впечатление на Синопца. К вос-

[12] *Евсевий Памфил*. Указ. соч. С. 137.

станию повело решение императора Адриана основать на месте Иерусалима римскую колонию под названием Элиа Капитолина. Кроме того, под запретом оказались некоторые религиозные обряды иудеев. Восстание возглавил Симон бен Косеба, который провозгласил себя мессией и взял себе новое имя Бар-Кохба, или «Сын звезды». Христиане, поначалу поддержавшие восставших, отошли от Бар-Кохбы после того, как он заявил о своих мессианских притязаниях: для них единственным мессией оставался Иисус Христос. После первых успехов повстанцев, захвативших и удерживавших Иерусалим, восстание в 135 г. было жестоко подавлено соединёнными силами римлян. Последствия для евреев были катастрофическими: они были выселены из Иерусалима и его окрестностей и им было запрещено чаще одного раза в год приближаться к городу. Был реализован старый проект Адриана: в Иерусалиме была основана римская колония, а на месте Иерусалимского храма возник храм Юпитера. После разгрома восстания Бар-Кохбы эллинистические христиане, особенно из язычников, отшатнулись от иудеохристианства, встали на позиции полной лояльности римским властям. Маркион совершил этот поворот вместе со своими единоверцами, но заложил его несравненно круче.

Между тем Маркион отправился в Рим. Понт, Малая Азия, Рим — для него это были своего рода ступени на лестнице в небо, последовательность шагов при достижении некоей цели, которую он едва ли осознавал вполне ясно и отчётливо. Маркион был человеком исторического перехода, а такие люди сплошь и рядом достигают своей деятельностью совсем не того, на что они ориентировались. Но как бы там ни было, кто хотел тогда оказать влияние на всё христианство, тот должен был идти в столицу мира. Рим привлекал Маркиона, между прочим, ещё и тем, что христианская церковь здесь в большей мере, полнее отпочковалась от иудаизма, чем в Малой Азии. Любопытная деталь: до III в. включительно богослужение в римских общинах шло на греческом языке, на котором написан Новый Завет. В Рим Маркион путешествовал на своём собственном корабле. Известно, что он был состоятельным судовладельцем и имел в Риме соответствующую деловую репутацию. Эта поездка приходилась, вероятно, на первый год правления Антонина Пия (86–161 гг. н.э.), определённо — на антониновский исторический промежуток времени. Иероним писал о том, что Маркион заблаговременно послал в Рим свою сторонницу, чтобы она всё подготовила там к его приезду, но это сообщение недостоверно.

A propos. В сколь малой степени в наших пенатах осознано историческое значение Маркиона, свидетельствует поразительная неосведомлённость относительно элементарных данных биографии Маркиона, которой блистают люди, осуществляющие переводы и исправляющие ошибки крупнейших теологов современности, пишущие вступительные статьи и примечания к их трудам. В этих амплуа выступила О. Бойцова в русскоязычном издании книги известного католического теолога Ганса Кюнга «Великие христианские мыслители»[13], где она вооружила читателей таким нелепейшим примечанием о Маркионе: «Маркион, купец из Малой Азии, основал в середине II века общину, исповедовавшую гностическое учение и активно противостоявшую официальному христианству… Кюнг разделяет гностиков и Маркиона, чтобы подчеркнуть разницу между “теоретиками” и “практика-

[13] *Кюнг Г.* Великие христианские мыслители. СПб.: Алетейя, 2000. С. 85.

ми” гностицизма». Здесь что ни слово, то неправда или глупость: Маркион не купец, а судовладелец, не из Малой Азии, а из Понта, основывал не общину, а церкви. Эти церкви не противостояли «официальному христианству», потому что такого при жизни Маркиона ещё не было: **всё христианство, включая римское, было неофициальным**. Кюнг не потому отделяет Маркиона от гностиков, что он якобы был «практиком», а потому, что он был «теоретиком», но иного толка, чем прочие гностики, с которыми его отождествили боровшиеся с ним насмерть апологеты.

Несмотря на конфликты с христианскими общинами в Синопе и Малой Азии, Маркион всё ещё воспринимал и осознавал себя принадлежащим к совокупному христианству и потому рассматривал себя как «собрата». По его разумению, он защищал Евангелие, каким оно было даровано Иисусом и каким оно должно быть проповедано. В соответствии с этим Маркион вступил в римскую христианскую общину, подарил ей при вступлении 200 тыс. сестерциев и занял в ней довольно видное место. В Риме единоверцы сперва ничего не знали о его предыстории и его учении. Но и когда они, т.е. предыстория и учение, приоткрылись собратьям Маркиона, община и тут не возымела немедленной нужды в исключении его из своих рядов. Римские христиане оказались способными повременить с санкциями. Наверное, денежное вспомоществование также поспособствовало тому, что община не стала торопиться с осуждением своего нового члена. Да и сам Маркион, по-видимому, очень осторожно начинал пропаганду своего учения.

Весьма вероятно то, что поначалу Маркион держался в Риме чрезвычайно замкнуто, упорно работая над упрочением принципов и основ своего учения. Чему он отдавал своё время и силы? Воссозданию «истинного текста» Евангелия и посланий апостола Павла, т.е., по его разумению, их **очищению от иудаистских «интерполяций»**. И затем — написанию большого критического трактата «Антитезы» (сохранились только разрозненные фрагменты), в котором он намеревался показать **несовместимость Ветхого Завета с чистым Евангелием**. Всё это были такие сложные задачи, что справиться с ними можно было только путём долгих и талантливых усилий. Известно, что Маркион, во-первых, выполнил поставленные задачи, во-вторых, что он разорвал отношения с римскими христианами. Так как разрыв в июле 144 г. с римской церковью и последовавшая за ним пропагандистская кампания за новую церковь предполагали фактическое, если угодно, физическое наличие «чистого Евангелия» и «Антитез», Маркион должен был закончить их до 144 г.

Таким образом, Маркион как зрелый муж в течение пяти лет между 139 и 144 г. создал в Риме свой богословский трактат «Антитезы» и свой «Новый Завет», куда вошли «очищенное» им от иудаистики, от ссылок на Ветхий Завет «Евангелие от Луки» и десять впервые изданных (или написанных им самим?) посланий апостола Павла. А вот резкое высказывание французского исследователя Тристана Аннаньеля: «Маркион является ключевым персонажем, под влиянием которого христианство эллинизируется и отрекается от своих еврейских корней. Он был судовладельцем и в юности порвал с иудеохристианством. Около 140 г. в Риме Маркион, ссылаясь на некоего Савла, которого именует Павлом из Тарса и римским гражданином — хотя Тарс был романизирован не ранее 140 г., — постановляет, что «Благая Весть», Евангелие, принесённая Павлом и возвещённая Иисусом, упраздняет не только Закон Моисея, но и Библию… Не сохранилось никаких следов жизни Сав-

ла, называемого «Павел из Тарса», чьи послания были в 140 г., судя по всему, подделаны Маркионом»[14]. Разумеется, приписывание Маркиону авторства, а не только редактуры и издания писаний Павла, — это крайняя точка зрения, хотя и не обязательно неверная. В любом случае она имеет сегодня своих сторонников.

Когда Маркион завершил свои изыскания и литературные труды, он обратился к римской общине и призвал её пресвитеров определить своё отношение к его текстам и к его учению в целом. Состоялись острые дебаты, в которых центральное место, по-видимому, занял вопрос об отношении христиан к Ветхому Завету. Маркион отвергал Ветхий Завет целиком, исходя из слов Луки о том, что «нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый» (Лк 6:43). Кажется, в антииудаистской аргументации Маркиона уже тогда особо видную роль играли и ещё более отчётливые новозаветные изречения о пришивании к старой одежде заплат, отодранных от новой одежды, и о вливании молодого вина в ветхие мехи (Лк 5:36–37). Доброе дерево, новая заплата, молодое вино — это в иносказаниях Маркиона обозначения христианства. Соответственно, худое дерево, старая одежда, ветхие мехи — это наименования иудаизма. Данные изречения с их резкими антитезами действительно могли послужить в качестве фундамента учения Маркиона.

Дебаты с пресвитерами закончились тем, что они категорически отвергли неслыханное учение и исключили Маркиона из общины. Ему также вернули пожертвованные 200 тыс. сестерциев. Даже два поколения спустя не только Ипполит в Риме, но и Тертуллиан в Карфагене знали об этом впечатляющем противоборстве, которое, вероятно, в своём роде было первым в Риме. Никогда не изгладится из исторической мемории поразительное зрелище: на первом римском синоде перед лицом пресвитеров стоит человек, который втолковывает им как несмышлёнышам разницу между Законом и Евангелием и объявляет во всеуслышание их христианство иудаистски инфицированным. **Католическая церковь впервые столкнулась здесь с реформатором большого стиля, равные которому появятся через тысячу с лишним лет (Франциск, Лютер)**.

Маркион исходил из того, что его учение является истинным и что поэтому оно — до демонстрации противоположного — должно найти поддержку со стороны христианских общин, даже если его не приняли в Риме. Напрасно Тертуллиан впоследствии пытался нравственно уничтожить Маркиона, ссылаясь на заявление последнего в сохранившемся (?) письме о былой приверженности традиционной христианской вере, и расценивал это письмо как доказательство его неискренности и злонамеренности. По-видимому, Маркион не заслуживал морального осуждения за то, что после своего поражения в Синопе и Малой Азии он не захотел тотчас же выступать в качестве реформатора в Риме. Видимо, он отнюдь не пытался скрывать свои истинные убеждения, а стремился сначала провести углублённые исследования, дать своему учению надёжное обоснование и привести его в достойную форму. В надежде на то, что в этом завершённом облике оно будет обнародовано, признано христианской общиной мировой столицы и затем — всем христианским сообществом.

---

[14] *Аннаньель Т.* Христианство: догмы и ереси. СПб.: Академический проект, 1997. С. 15–16, 213.

Конечно, Маркион с тяжёлым сердцем воспринял приговор, которым он исключался из общины, а его учение клеймилось как отъявленная ересь. Но бунтарь продолжал упорно идти к поставленной, но незапрограммированной цели. Вот только вехи его похода (от чего к чему) стали иными: движение от иудеохристианства к чистому христианству стало для Маркиона частью ещё более неторного пути от бога этого мира («этого эона») к неизвестному, но благому богу. С неукротимой энергией начал Маркион свою реформаторскую пропаганду, придав ей небывалый размах. Уже около 150 г. Иустин ставил Маркиона в один ряд с родоначальником христианской ереси Симоном Магом. Со своей стороны, Тертуллиан заявлял: «Еретическая традиция Маркиона заполонила весь мир». О внешней истории маркионитской церкви известно очень мало. Указание Иустина, что сам Маркион разнёс своё учение «по всему человеческому роду», подтверждается теми сведениями, которыми располагает историческая наука относительно наличия маркионитских общин в Азии, Лидии, Вифинии, Коринфе, Антиохии, Александрии, Риме, Лионе и Карфагене. Во всех этих местах появлялись летучие листки ортодоксов против «отвратительного дьявольского учения», которое во II в. пропагандировалось на латинском языке, а с начала III в. — также и на сирийском. Епифаний находил маркионитов в Италии, Египте, Палестине, Аравии, Сирии, Персии, на Кипре.

Однако активная деятельность Маркиона едва ли продолжалась после 144 г. дольше, чем 15 лет. Ни один источник не сообщает, жил ли он в эпоху Марка Аврелия, следующего из Антонинов. Неизвестно, где и когда он умер. Легенда Тертуллиана о том, что на смертном одре Маркион раскаялся и попросил о возвращении в лоно римской церкви, является неправдоподобной.

К сожалению, нет никаких сведений и о годах наибольшей активности Маркиона. Об этом периоде сохранилось только одно важное известие — о том, что Маркион в Риме поддерживал отношения с сирийским гностиком Кердоном, который вроде бы оказал на него некоторое влияние. Евсевий Памфил в «Церковной истории» реферировал критика ересей Иринея: «Кердон, предшественник Маркиона, появился тоже при Гигине, девятом епископе. Он пришёл в Церковь, всенародно принёс покаяние, но образ жизни вёл такой: то тайком поучал, то опять каялся; уличаемый теми, кого он учил злому, удалился от общения с братьями». Так пишет он (Ириней. — *С. З.*) в 3-й книге своего сочинения «Против ересей», а в 1-й рассказывает о Кердоне следующее: «Некто Кердон, исходя из того, что о усвоил от учеников Симона (прибыл он в Рим при Гигине, девятом епископе, считая от апостолов), учил, что Бог, проповедуемый Законом и пророками, не есть Отец Господа нашего Иисуса Христа; Его отца можно познать, а Тот Бог непознаваем; Тот справедлив, а этот благостен. Маркион, родом с Понта, заимствовал у него это учение и развил его, бесстыдно богохульствуя»[15].

Правда, о Кердоне и о заимствованиях у него, совершённых Маркионом, известно только со слов Иринея и Евсевия, которые были остро и неприкрыто враждебны по отношению к еретику. Церковные отцы-апологеты безмерно преувеличивали влияние Кердона, дабы принизить оригинальность Маркиона и подвести его под общий знаменатель гностицизма. Незначительно воздействие Кердона на Мар-

[15] *Евсевий Памфил.* Указ. соч. С. 130.

киона в том, что касается отказа последнего от Ветхого Завета. Сообщение Климента Александрийского (Strom VII, 18, 107) о том, что Маркион имел личные контакты с гностиками Валентином и Василидом в Риме («как старший с младшими»), заслуживает внимания; в то время как замечание во фрагменте Муратори о том, что Валентин с кем-то ещё на пару написал для Маркиона новую книгу псалмов, не поддаётся верификации.

Завершая вынужденно краткое биографическое повествование о Маркионе, попробую, до раскрытия основ его мировоззрения, его трактовки Иисуса Христа и христианства, свести воедино те идеи синопского мудреца, которым было суждено большое будущее. Даже если в этом будущем они многократно и в корне переосмысливались.

Во-первых, творчество и деятельность Маркиона, издательская и организаторская, стали рубежом в отделении формировавшейся католической церкви от иудеохристианства, в окончательном переходе гегемонии в христианском мире от Иерусалимской церкви — к Римской церкви. Маркион был одним из самых решительных поборников деиудаизации, эллинизации христианства. В этом плане он является одной из центральных фигур в историческом размежевании петринизма и паулинизма, в котором Маркион безоговорочно принял сторону Павла.

Во-вторых, наследие Маркиона и его роль в развитии христианства побуждают рассматривать гностицизм в некоторых его изводах не только как врага, с которым боролось раннее христианство, а как **одно из формообразований самого раннего христианства**. Отрицательное и положительное присутствие гностицизма на страницах «Евангелия от Иоанна», посланий Павла и других апостолов говорит о той нелёгкой борьбе за собственную идентичность, которую вело с христианским гностицизмом ортодоксальное христианство. Когда оно победило, то постаралось стереть самую память о гностической фазе своего существования. Христианство нуждалось в респектабельности и законопослушности, к которым были не расположены эксцентричные и эзотеричные гностики, презиравшие толпу. Но ситуация для гностиков в корне изменилась: Миланским эдиктом 313 г. н.э. император Константин положил конец гонениям на христиан, а после Никейского собора 325 г. христианство и вовсе стало государственной религией в Римской империи. **(Константин, Флавий Валерий (ок. 285–337) — римский император в 306–337 гг. Константин принял христианство лишь перед смертью, в форме арианства. Ещё будучи язычником, Константин активно вмешивался в дела христианской церкви, руководил богословскими диспутами, председательствовал на Никейском соборе 325 г., выступал на стороне христианской церкви в борьбе с донатистами.)** Гностицизм стал безоговорочно одиозным для апологетов христианства.

В-третьих, именно Маркиону принадлежит пальма первенства в обосновании и реализации идеи христианского Священного Писания, Нового Завета, который должен полностью заместить для христиан Ветхий Завет (термин Маркиона). Вместе с тем, отвергая Ветхий Завет как священную книгу христиан, Маркион всецело признавал её истинность для иудеев, требовал буквального понимания его книг, отрицая аллегорическое истолкование. Таким образом, в религиозном сознании Маркиона и маркионитов имело место странное сочетание Ветхого и Нового Заветов как противоположных, с разными знаками полюсов магнита. Католическая церковь

была вынуждена принять этот вызов, и со второй половины II в. началась всё более интенсивная работа христианских мыслителей по собиранию, выверке, отбору и изданию текстов, часть из которых впоследствии, уже в послеконстантиновскую эпоху, вошла в новозаветный канон. Правда — в составе Библии, куда, вопреки Маркиону, вошли и Ветхий, и Новый Заветы. (**Главная Книга, кстати, в русском переводе безграмотно озаглавлена: гр. biblia — это в точном переводе на русский не что иное, как «книги»; между тем название-калька «Библия» употребляется по-русски как существительное в единственном числе.**)

Наконец, все эти идейные инициативы Маркиона были связаны с его главной мечтой — **превратить христианство в государственную религию Рима**. Именно поэтому миссионерская активность Маркиона была направлена исключительно на язычников, необрезанных; именно поэтому в текстах Маркиона нет критических выпадов в адрес язычества, в то время как критика иудаизма содержится на каждой странице. Огосударствление христианства в Риме произошло, как уже было отмечено выше, через полтора с лишним века после его смерти.

Это — главное. То, что хотя бы отчасти извиняет эпатаж, содержащийся в заголовке данной статьи: «Человек, который изобрёл (спровоцировал?) христианство». Правда, с изобретениями в подлунном мире дело обстоит далеко не однозначно: когда человеку вздумалось имитировать ходьбу, он придумал колесо, совсем не похожее на ногу.

Духовно-историческое местоположение Маркиона

Относительно мыслительных предприятий, подобных тому, в какое я ввязался, было сделано веское предупреждение: «Задача философии — постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них сын своего времени; и философия есть также время, постигнутое в мысли. Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид может перепрыгнуть через свою эпоху»[16]. В данном конкретном случае эти слова равным образом относятся и к автору, и к его герою. Маркион — сын своего времени, и его духовное наследие — это эпоха, постигнутая в мысли. А значит, необходимо точно определить духовно-историческое местоположение Маркиона на «интеллектуальном глобусе», пункт вхождения (врастания?) его в христианскую культуру. То есть прояснить его фактическое «не-алиби в бытии», если использовать терминологию Михаила Бахтина. В качестве путеводной нити рассмотрения будет использовано понятие «неизвестного Бога».

Ганс Йонас следующим образом характеризовал «духовный климат эпохи»: «В начале христианской веры и далее на протяжении двух последующих столетий мир восточного Средиземноморья пребывал в глубоком духовном смятении. Происхождение христианства и реакция на его миссию доказали очевидность этого смятения, но в действительности они были не единственными. Что касается обстановки, в которой возникло христианство, недавно открытые свитки Мёртвого моря (об этом позже. — *С. З.*) оказали значительную поддержку и прежде достаточно чёткой точке зрения, что Палестина была охвачена эсхатологическими движениями и что появление христианской секты было чем угодно, но не изолированным эпизодом. В разнообразных гностических сектах, которые вскоре начали повсюду появляться в кильватере христианской экспансии, духовный кризис эпохи нашёл своё наиболее отчётливое выражение и, так сказать, своё крайнее отображение»[17]. Как станет очевидным из последующего, Маркион был прикосновен к этому духовному смятению во всех его проявлениях: он имел отношение к миссии христианства

[16] *Гегель Г.В.* Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 55.

[17] *Йонас Г.* Указ. соч. С. 46.

и её резонансу, его глубоко интересовали проблемы конца мира, спасения и Спасителя; не будучи в узком смысле слова гностиком (Маркион признавал примат веры, пистис над знанием, гносисом, что было невозможно для гностика чистого разлива), он внёс огромный мыслительный вклад в гностицизм.

Маркион находился в точке перекрещивания двух важнейших тенденций этой эпохи духовного смятения: шедшей с Востока в эллинистический мир и Римскую империю «ориентальной волны» (Йонас), которая в чём-то помогала и христианству с его восточными, семитскими, иудейскими корнями, и «острой эллинизации христианства» (Гарнак), т.е. происходившего в силовом поле эллинистической культуры теологического абстрагирования христианства, выявления им своей собственной духовной специфики. Что до последнего, всё происходило так, как это бывает при проявлении фотографий: на экране культуры в эллинистическом растворе всё чётче и чётче стала проступать религиозная сущность христианства. Нельзя переоценить роль Маркиона как своего рода «проявителя», ускорившего самоотождествление христианства.

Именно под этим углом зрения рассматривал Маркиона Адольф фон Гарнак в книге «История догматов», где была введена формула «острая эллинизация христианства» применительно к гностицизму и в первую голову — к Маркиону. Гарнак писал: «Гностицизм — порождение великого синкретического движения I–II вв., начавшегося вследствие перехода религии от одной нации к другой, вследствие соприкосновения востока (древневавилонская религия) с западом и вследствие влияния греческой философии на религии. Надлежало обеспечить человеку доступ к божеству и создать **мировую религию** (выделено Гарнаком. — *С. З.*), которая определяла бы цену людей не по принадлежности их к такому-то государству, а по их нравственным и духовным способностям. Такой мировой религией было признано Евангелие, но всё же лишь постольку, поскольку оно допускало отделение от ветхозаветной религии и от Ветхого Завета (см. ап. Павла), воздействие религиозной философии эллинов и слияние с традиционным учением культов и с практикой мистерий»[18].

Маркион одним из первых в орбите христианства сделал концептуальные выводы из открывшейся для последнего возможности стать мировой религией. Одним из них было его непреклонное убеждение в том, что надо навсегда расстаться с перекочевавшим в христианство из Ветхого Завета представлением о Боге, смоделированным по образцу Яхве — национального Бога и единственного защитника Иудеи, пребывающего в Иерусалимском храме и ревниво оберегающего своё деспотическое единовластие. Компетентный Михаил Кубланов формулировал о Яхве в книге «Новый Завет: поиски и находки»: «Над всем этим высится ветхозаветный бог Яхве, с одной стороны — величественный творец всего сущего, а с другой — гневливый, впечатлительный, очень импульсивный, достаточно непоследовательный, одним словом, наделённый всеми достоинствами и недостатками, какие только присущи природе самого человека»[19]. Такой антропоморфный Бог явно не годился в верховные патроны мировой религии. И Маркион с гениальным чутьём предложил взамен ветхозаветного Яхве своего «неизвестного и чуждого Бога», по-

[18] *Гарнак А. фон.* История догматов // Раннее христианство. М.: Фолио, 2001. Т. II. С. 140–141.

[19] *Кубланов М.М.* Новый Завет: писки и находки. М.: Наука, 1968. С. 21.

нятие о котором он, как старатель, намыл в своём умственном лотке из песка и щебня иудейской, эллинистической, раннехристианской и гностической литературы. Этот бог был равным образом величествен в силу своей удалённости от мира и недосягаем в силу своей неизвестности.

Что до иудейских корней этого понятия, внимание Маркиона должны были привлечь представления Ветхого Завета о Боге, которого нельзя ни видеть зрением, ни познавать умом, а можно только слышать: «Говорил Яхве к вам из среды огня; глас слов вы слышали, но образа не видели, только глас» (Втор 4:12). Для древних евреев видеть Бога было равносильно смерти: «И невидим стал Ангел Господень Маною и жене его. Тогда Маной узнал, что это Ангел Господень. И сказал Маной жене своей: верно мы умрём, ибо видели мы Бога» (Суд 13:21–22). Древние евреи не должны были произносить имя Бога. Единственное, что им было доступно, — это слышать голос Божий. Роберт Бультманн писал в своей книге «Первоначальное христианство в кругу античных религий» относительно ветхозаветной концепции Бога: «Бог невидим. Греки тоже считали Бога невидимым, то есть не воспринимаемым органами чувств. Но для грека это не означало, что бог непознаваем; напротив, для познающего мышления он постижим, пусть даже с большим трудом; возможны также рациональные доказательства бытия Бога. В Ветхом Завете такая рефлексия отсутствует. Для него главное не то, что Бог принципиально недоступен для органов чувств (в древнееврейском языке вообще нет слова, которым бы выражалось понятие “невидимое”); напротив: Бог не хочет и не должен быть увиденным»[20].

А в раннехристианских текстах, скажем, у Луки, которого Маркион предпочёл остальным евангелистам, он мог опереться на такие слова Иисуса: «В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твоё благоволение. И, обратившись к ученикам, сказал: всё предано Мне Отцом Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Лк 10:21–22). Лука фактически говорит здесь о не известном никому, кроме Иисуса, Боге, который открывается только через своего Сына и Посланника. Лишь этого Бога Маркион считал достойным веры и почитания: он был неуязвим для всего — для хулы точно так же, как и для хвалы. Именно в этом смысле понял Маркиона Тертуллиан в направленной против него работе: «Бог Маркиона **естественно** непознаваем и никогда не проявляется, за исключением Евангелия» (V, 16).

Ещё более крутой и захватывающей была завязка Маркиона по поводу «неизвестного Бога» с апостолом Павлом. Тут высветились истинные исторические ставки в рискованной игре, которую вели сторонники и противники идеи «неизвестного Бога», т.е. в конечном счёте — христиане и язычники. Я уже говорил о Маркионе как поборнике идеи «неизвестного Бога». Но какое отношение имел к этому апостол Павел? Согласно принимаемой на веру многими историками легенде, в первые века нашей эры в Риме и Афинах, а также в других городах, в алтарях языческих храмов можно было прочесть надписи-посвящения, каковые гласили: «Неизвестным богам» или «Богам Азии, Европы и Африки», «Неизвестным и чуждым

[20] *Bultmann R.* Op. cit. S. 19.

богам», а порой — «Неизвестному Богу». Эта легенда вошла в железный инвентарь истории и новозаветной теологии и обросла неимоверным количеством толкований, хотя существование подобных надписей в античных храмах так и не подтверждено источниками.

Важный для меня поворот сюжета состоял в том, что в «Деяниях апостолов» помянутая легенда была использована в основополагающем контексте, в ключевом эпизоде, связанном с размежеванием христианской веры с эллинистической мудростью. Это размежевание освящено именем Павла. В первом «Послании к Коринфянам» апостол Павел резко провёл линию этого размежевания: «Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости, а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор 1:19–23). Поскольку герой моего повествования Маркион из Синопа в качестве своего духовного учителя и единственного проповедника подлинного Евангелия избрал именно Павла, я более подробно остановлюсь на указанном эпизоде «Деяний».

В ходе своих миссионерских путешествий апостол Павел посетил Грецию и, естественно, не миновал при этом Афин. В Афинах он «рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися». Слушавшие его эпикурейские и стоические философы вступили в спор с проповедником, а затем потащили Павла в ареопаг, чтобы он там изложил своё странное и новое учение, которое они никак не могли взять в толк. Павел был вынужден покориться. Вот его проповедь по «Деяниям святых апостолов» (17:22–25): «И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашёл и жертвенник, на котором написано: “неведомому Богу”. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и всё, что в нём, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворённых храмах живёт и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чём-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и всё». Особого успеха проповедь Павла не имела.

Прежде всего стоит указать на то, что, несмотря на свою внешнюю безыскусность, проповедь Павла, которую я привёл в сокращённом виде, построена по правилам и рецептам миссионерского, вербовочного ремесла и имеет очевидные аналогии, например, в некоторых образцах герметических и гностических проповедей. Все они компоновались по одному шаблону: сперва — призыв к познанию истинного Бога и к обусловленному им душевно-духовному перевороту; затем — предикация, окачествование этого Бога; далее — запугивание слушателей неминуемым Страшным судом, возмездием за нечестие; наконец — возвещение веры в воскресение и пришествие Сына Божьего, посланного им для спасения человека.

Некоторые светские учёные проводили параллель между проповедью «апостола язычников» в ареопаге и заключительными параграфами знаменитого герметическо-гностического трактата «Поймандр». Как заявлял его горячий почитатель Дж. Р.С. Мид, «Поймандр» не только принадлежит к важнейшему

типу герметической литературы, но и является одним из основных текстов подобного рода. «Он представляет, так сказать, базовое Евангелие Обществ Поймандра в форме откровения, или апокалипсиса, полученного основоположником традиции»[21]. Г. Йонас считал «Поймандр» выдающимся документом «гностической космогонии и антропологии, независимым от спекуляций христианских гностиков». По его мнению, заключительные параграфы трактата (§ 27–32, из которых Мид расценивает как интерполяцию § 27–29) «описывают последующую миссионерскую деятельность получателя откровения среди людей»[22]. Но какое отношение это имеет к Павлу?

Эдуард Норден в своей прекрасной работе «Agnostos Theos. Исследования по истории форм религиозной речи» показал, что в указанной проповеди Павла имеются реминисценции из главного герметического текста «Поймандр»[23]. Так, например, в «Поймандре» (§ 26–28) содержится характерный для Павла мотив проповедования людям, погрязшим в земном, красоты служения высшему Богу и передачи им миссионером спасительного Знания, данного ему в откровении обожения верующих благодаря этому знанию: «Таково конечное благо для обладающих Гносисом — стать Богом. Чего же ты теперь ждёшь? Ты научился всему; надлежит тебе указывать путь людям, да спасёт Бог через тебя род людской… И начал я проповедовать людям Красоту религиозного служения и Гносиса: “О народы, земнородные люди, погружённые в опьянение, сон и неведение Бога, стряхните свои чувственные оковы и очнитесь от вашего оцепенения… И одни, насмехаясь (надо мной), устремились в Путь Смерти; другие, припадая к ногам моим, умоляли их научить. И я, воспрянув, стал проповедником Рода, наставлял их моими логиями на путь спасения. Я засевал в них слова мудрости, и питаемы они были Водою Бессмертия”»[24].

Но это — не единственная и даже не самая важная манифестация взаимодействия и противоборства религий и культур, христианства и эллинизма, которой отмечен эпизод с Павлом в афинском ареопаге. Анонсированное выше во введении в «Деяния апостолов» понятие «неведомого Бога», которое стало центральным для Маркиона и в христианском гностицизме в целом (один из виднейших историков христианской церкви находит «гениальную глубину» в высказывании гностика Василида о божественном Первоначале, недоступном человеческому уму: «Оно было, когда ничего не было, но это ничто не было чем-то из сущего, а — просто, ясно, без всяких софизмов — было всецелым ничто»), высвечивает один из важных аспектов формирования текстов Нового Завета. Речь идёт о том, что раннехристианская литература не знала понятий автора и авторства в их античном или современном значении. Очевидно, что авторство новозаветных текстов имеет фиктивный характер: имена апостолов и их учеников приданы текстам для обеспечения большей литературной благонадёжности, а их истинные авторы остались безымянными. Уместно спросить: при чём здесь авторство, когда речь идёт об идее «неизвестного Бога»?

---

[21] *Мид Дж. Р.С.* Трижды величайший Гермес. М.: Алетейя, 2000. С. 21–22.

[22] *Йонас Г.* Указ. соч. С. 161–162.

[23] *Norden E.* Agnostos Theos. Untersuchungen zur Formgeschichte religioeser Rede. Leipzig u. Berlin: Teubner, 1923.

[24] *Мид Дж. Р.С.* Указ. соч. С. 20.

Замечательный исследователь Нового Завета Мартин Дибелиус писал в своей классической книге «История литературных форм Евангелия», ориентируясь на синоптические Евангелия (от Матфея, Марка и Луки): «Литературное понимание синоптических Евангелий начинается с уяснения того, что они содержат собранное с миру по нитке достояние. Их авторы лишь в самой малой степени являются писателями, главным образом они суть собиратели, передатчики-переводчики, редакторы. Их деятельность состоит прежде всего в передаче, группировке и обработке попавшего им в руки материала»[25]. К этому типу безымянных авторов относился и человек, составивший «Деяния апостолов»: при работе над текстом «Деяний» он, как выясняется, использовал не только раннехристианские и иудейские, но и языческие источники. И следы этого использования заметны в афинской речи в ареопаге апостола Павла.

Фактическая сторона дела такова: примерно в то же время, т.е. в середине I в., что и Павел, с теми же миссионерскими целями, те же Афины посетил знаменитый современник Христа и Павла — неопифагореец и чудотворец Аполлоний Тианский. В III в. Флавий Филострат Младший (ок. 170 – между 244 и 249 гг.) написал о нём книгу «Жизнь Аполлония Тианского» по заказу императрицы Юлии Домны, использовав при этом дневниковые записи некоего призрачного Дамида, который якобы сопровождал Аполлония Тианского в его путешествиях, записывал его изречения, рассказывал о том, как создавались книги Аполлония и сочинялись легенды о нём (или сочинялись книги и создавались легенды). Сличение некоторых кусков книги Филострата с «Деяниями апостолов» заставляет сделать предположение, что подлинный автор «Деяний», скрывшийся или скрытый за именем Луки, пользовался, конечно, не «Жизнью Аполлония Тианского», а упомянутыми и прореферированными в произведении Филострата текстами Аполлония, откуда почерпнул для «Деяний» некоторые ситуации и понятия. И в первую очередь — понятие «неведомого Бога» и ситуацию, в которой оно всплывает. Вот имеющие отношение к этой теме выдержки из «Жизни Аполлония Тианского».

Во время поездок Аполлоний стремился научить людей истинному богопочитанию, посещал храмы, беседовал со жрецами. В Афинах у него произошёл конфликт с элевзинским иерофантом, не пожелавшим посвятить Аполлония в таинства мистерий. Филострат отмечает (IV, 18): «По словам Дамида, у Аполлония в Афинах бесед было множество, однако Дамид записал не все, но лишь достопамятные, в коих толковались самоважнейшие предметы. Увидев, что афиняне весьма привержены обрядам, Аполлоний в первой своей беседе рассуждал о священнодействиях: в какое время дня и ночи подобает жертва, или возлияние, или молитва каждому божеству, — впрочем, можно добыть книгу Аполлония, где он излагает все эти поучения собственными словами»[26]. Поскольку путешествие Аполлония в Грецию состоялось в середине I в., названная книга о богопочитании была написана им в ближайшие десятилетия второй половины века. Таким образом, эта книга была доступна анонимному автору «Деяний апостолов», которые, по всей вероятности, были написаны в первой половине II в.

---

[25] *Dibelius M.* Die Formgeshichte des Evangeliums. Tübingen: Mohr, 1961. S. 2.

[26] *Флавий Филострат.* Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985.

Филострат же явным образом использует, в соответствии с обыкновениями того времени, книгу Аполлония Тианского для теологического оснащения своего собственного жизнеописания этого мифотворца, для мыслительного утяжеления первого биографического романа в истории западной литературы. К примеру, он повествует о мнимой дискуссии Аполлония с измышлённым им «эфиопским гимнософистом», где Аполлоний отстаивает богослужение без образов и кумиров (Филострат 6, 19): «Больше было бы пользы египетскому благочестию, когда бы вы и вовсе не воздвигали кумиров, но направили бы богословие своё по иному пути, который куда как мудрее и заповеднее: пусть бы строились для богов храмы и ставились бы в этих храмах алтари, и были бы уставы и запреты касательно порядка и чина жертвоприношений и возглашений и прочих обрядов, но кумиров бы никаких не водружали, а кто пришёл в храм, тот пусть сам и вообразит обличье божества, ибо разум рисует и ваяет искуснее художника, — но вы-то отнимаете божью красоту и у взоров, и у помыслов!»

А перед этим Филострат в той же книге (6, 3) рассказывает о встрече Аполлония на границе Эфиопии и Египта с неким юношей из Навкратиса по имени Тимасион, которого Аполлоний похвалил за почитание неведомой ему Афродиты: «Попросту отвергнуть одного из богов, как Ипполит отверг Афродиту, — это я не называю смиренномудрием, ибо куда смиренномудренее восхвалять всех богов, а тем паче **в Афинах, где даже неведомым богам воздвигнуты алтари**» (выделено мной. — *С. З.*)[27]. Разговор Аполлония Тианского с возникшим ниоткуда и бесследно пропавшим юношей на рубеже Эфиопии и Египта по поводу того, что некогда произошло в Афинах, да ещё со скрупулёзной автоцитацией, — нет, это слишком искусственно и невероятно даже для того, чтобы быть чистым авторским капризом Филострата. Последний просто вставил не туда, куда надо, кусок текста, выхваченный из книги Аполлония Тианского о богопочитании.

Эдуард Норден сопоставил не только понятия, но и ситуации, в которых Аполлоний и Павел поднимают тему «неизвестного Бога». Он наложил друг на друга эти ситуации и соответствующие схематизированные истории о пребывании в Афинах Аполлония и Павла, изложенные Филостратом и автором «Деяний»: в главных пунктах они совпали. Чрезвычайно любопытно и такое наблюдение Нордена, которое как бы закольцовывает сюжет о «неизвестном Боге»: в передаче Лукана, Ливий, рассказывая о взятии Иерусалима и Иерусалимского храма войсками Помпея (63 г. до н.э.), заводил речь об этом храме и о почитаемом в нём боге, чьё имя верующие никогда не произносят. У Лукана этот бог назван incertum deum, т.е. буквально — «неизвестностью бога».

---

[27] Там же. С. 119. В примечании к этому месту в цитируемом переводе книги Филострата её редактор Е.Г. Рабинович ссылается — как будет показано ниже, неправомерно — на проповедь апостола Павла в афинском ареопаге, как она изложена в «Деяниях апостолов». А ведь работа Нордена, где доказана зависимость автора «Деяний» (и проповеди Павла в Афинах) от Филострата, появилась в самом начале XX в. Согласно Нордену, данное рассуждение Аполлония попросту заимствовано Филостратом из несохранившейся книги Тианца об истинном богослужении. Во времена, когда писались «Деяния апостолов» (самое позднее, по Нордену, — первые десятилетия II в.), Аполлоний уже был легендой и героем многих жизнеописаний, а его книга о богослужении с репликами об Афинах стала достоянием тогдашней интеллигенции: речь о почитании «неведомых богов» была на слуху у многих. И она достигла ушей автора «Деяний апостолов».

Интрига с Аполлонием Тианским, Филостратом и их гипотетическим воздействием на ранее христианство на этом не кончается. Некий Гиерокл, который жил на сто лет позже Филострата и был большим поклонником пифагорейства, написал антихристианский памфлет «Правдолюб», сохранившийся — как и вся антихристианская литература — только в пересказе христианского оппонента. Основная идея Гиерокла заключалась в том, что Аполлоний сотворил больше чудес, чем Иисус, да и чудеса его были поважнее, однако он почитается лишь мудрецом. Отсюда Гиерокл делает ошеломительный вывод, что «обожествление Иисуса христианами неосновательно»[28]. На Гиерокла, а вместе с ним и на Филострата, на Аполлония Тианского и языческую философию, представленную в III в. неопифагорейством и родственным ему неоплатонизмом, остро полемизировавшими с христианством (Порфирий), обрушился в своём трактате с длинным названием «Против Филостратова сочинения об Аполлонии Тианском и по поводу проведённого Гиероклом сравнения между ним и Христом» знаменитый церковный историк Евсевий Кесарийский. Тем самым он на тысячу с лишним лет вычеркнул из европейской культуры книгу Филострата и имя Аполлония Тианского. Вердикт Евсевия был настолько непререкаемым, что и в XVI в. знаменитый венецианский гуманист и издатель Альдо Мануччи Старший не решился выпускать «Жизнь Аполлония Тианского» Филострата отдельным изданием, а опубликовал её в одной обложке с трактатом Евсевия.

Надо учитывать, что в III–IV вв. тема «Аполлоний и христианство» получила особое, остро актуальное звучание: с лёгкой руки Филострата Аполлоний в эллинистической культуре, теснимой и попираемой наступавшим христианством, стал воплощением образа жизни, «биоса», противоположного христианскому. Вот каким представал тогда в глазах языческого читателя филостратовского бестселлера его главный персонаж: «Аполлоний Филострата — не образцовый пифагореец, а образцовый философ, во всех отношениях превосходящий Пифагора и усовершенствовавший свою мудрость у индийских брахманов, более авторитетных, чем египетские учителя Пифагора»[29]. Е. Рабинович, чью работу я только что процитировал, убедительно показала, что возрождение древней славы Пифагора, ещё во II в. встречавшее весьма заметный отпор, сделалось общепризнанным и бесспорным в III в. — вскоре после обнародования «Жизни Аполлония»: «Как ни парадоксально это звучит, но можно полагать, что тот Пифагор, которого знала и почитала поздняя античность, в значительной степени скопирован с Аполлония, будучи как бы его исторической метафорой»[30].

Хотя на временном отстоянии в две без малого тысячи лет мнение об антихристианской направленности книги Филострата представляется нисколько не более основательным, чем сопоставление Аполлония с Христом (скорее уж стоило бы сопоставить Филострата, до надиктовки книги писцам услаждавшего императрицу Юлию занимательными рассказами о путешествиях и приключениях Аполлония, с Шехерезадой), это отнюдь не означает, что между сочинением Филострата и распространением христианства не существовало никакой связи. Связь имела место, хотя и не столь прямая,

---

[28] *Рабинович Е.Г.* «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Указ. соч. С. 233.

[29] См. там же. С. 263.

[30] Там же. С. 271–272.

как, например, связь между Аполлонием и Пифагором. Поразительная популярность «Жизни Аполлония Тианского» в III–IV вв. произрастала на почве той оборонительной войны, которую язычество вело в эти поры против христианства. Ведь новая религия совсем не сразу стала религией большинства. Традиционные культурные ценности продолжали сохранять свою актуальность для весьма значительной части римлян и нуждались в защите. Защитниками этих ценностей стали неопифагорейцы и неоплатоники, аттестовавшие себя в качестве «теургов» (буквально «богоделов»)[31]. В своём антифилостратовском трактате Евсевий критиковал «Жизнь Аполлония Тианского», а метил фактически в теургию в целом как злейшего врага христианства.

Случилось так, что расцвет неоплатонизма совпал с феноменальным успехом «Жизни Аполлония Тианского» Филострата (крупнейший неоплатоник Плотин жил в 205–270 гг.) и возрождением престижа реконструированной и модернизированной «пифагорейской жизни». Для христианства теурги были опаснейшими противниками, потому что, сохраняя и пропагандируя традиционные культурные ценности, они обладали исключительным социальным престижем. Едва ли не самым опасным для христианства из теургов оказался Максим Эфесский. Писал он мало, но имел учеников и возглавлял религиозно-философский кружок, объединённый культом Гекаты, богини чародейства. Около 350 г. с ним познакомился молодой Юлиан, наследник императорского престола. Это знакомство окончательно определило культурную и религиозную ориентацию будущего императора: в письмах своих и речах он постоянно именует Максима «вожатым, пролагающим путь». В 361 г. Юлиан наследовал державу и открыто вернулся к язычеству, отчего заслужил прозвище «Отступник», а советником к себе немедленно призвал Максима. После гибели императора Юлиана Максим был казнён.

Вновь в поле зрения христианских богословов и светских историков книга Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» и отправлявшийся от неё антихристианский памфлет Гиерокла попали в XIX в., когда вышла в свет работа «Аполлоний Тианский или отношение пифагорейства к христианству» гениального Фердинанда Кристиана Баура (1792–1860), основоположника новотюбингенской школы[32]. Баур, кстати, внёс некоторую ясность в биографические данные Гиерокла: оказывается, он не был странствующим софистом, а занимал высокую должность наместника одной из римских провинций.

Сведущие люди, однако, вполне оправданно могут заявить мне: для чего лезть в такие дебри культуры, если линия преемственности видна невооружённым глазом? Дескать, понятие «неизвестного Бога» — это типично гностическое понятие, в этой связи выше упоминалось несколько имён, уместно поискать и другие аналогии. С такой постановкой вопроса, подчёркивающей неотрывность Маркиона от гностицизма, следует согласиться, хотя она отнюдь не противоречит вышеизложенному. Христианские гностики всерьёз отнеслись к понятию «неведомого Бога»: их Бог, будучи Отцом Иисуса Христа, тем не менее оставался действительно неизвестным. Но человек, располагающийся посреди мира и принадлежащий ему телом и душой, имел в своём духе искру бытия и жизни Неизвестного Бога. То есть чувственном мире было нечто божественное. Таково было общее убеждение гностиков.

[31] См. там же. С. 273.

[32] *Baur F.Ch.* Apollonius von Tyana oder das Verhaeltniss des Pythagoreismus zum Christentum. Tübingen: Fuek, 1832.

Разделял ли его Маркион? Дело обстояло далеко не просто. Маркион придавал огромное значение гностической проблеме неизвестного Бога, но он не принадлежал к собственно гностической линии развития религиозной мысли. «Он исходил из других предпосылок, из библейского христианства, из апостола Павла. Он на примере явления Иисуса Христа целиком и полностью постиг Бога как милосердного Отца и Бога-Утешителя и был уверен в том, что никакое иное высказывание о нём не является верным; всё иное по определению есть тягчайшее заблуждение. Поэтому он проповедовал Бога последовательно и исключительно как доброго Спасителя, но одновременно — как неизвестного и чуждого Бога»[33], — заявлял Адольф фон Гарнак в своей книге «Маркион: Евангелие о чуждом Боге», которую Йонас назвал «классической, самой лучшей монографией по любой отдельно взятой ветви гностицизма»[34]. Этот неизвестный Бог не участвовал в творении человека, и в человеке не содержалось ничего божественного — не только в его теле и душе, но и в его духе. Так учил Маркион.

Возвращаясь к началу этой главки, поставлю вопрос: так в чём же конкретно Маркион был сыном своего времени, в чём он сумел его перепрыгнуть? Маркион в сущности выступил в качестве **основателя новой религии**: таковым этого мыслителя и духовного учителя признал его современник и первый литературный противник Иустин Апологет. На этом необходимо сделать особый акцент, так как в последнее время некоторые исследователи (М.К. Трофимова) снова отстаивают тезис о безрелигиозной природе гностицизма в целом, распространяя его и на Маркиона. Данный тезис аргументированно опроверг ещё Гарнак, ссылавшийся в том числе и на получившие известность высказывания Маркиона о Евангелии, проникнутые самой подлинной и глубокой верой. Другое дело, что Маркион принадлежал к числу тех основателей религии, которые не подозревают или намеренно не хотят подозревать, что они являются таковыми. Более того, они нередко искренне верят в то, что заботятся единственно лишь о будущности той религии, в камках которой они, однако, вынашивали зародыш новой, иной религии, каковая потом фактически взрывала прежнюю, материнскую изнутри. Никогда не заходят так далеко, как в тех случаях, когда не знают, куда идут.

Вот так и Маркион — он ведь субъективно как бы не стремился к чему-либо иному, нежели чем к возвеличению христианства, к артикулированию его оригинальности в сравнении с религией иудеев и философией эллинов. А результатом его усилий в этом направлении стало появление новой, маркионовской, религиозной веры и новой, «еретической» церкви, боровшейся за преобладание с кафолической. Насколько ожесточённой и важной для христианства была эта борьба, свидетельствовал тот факт, что после 140 г., когда начался судьбоносный период его деятельности, **на протяжении последующего столетия все Евангелия, выходившие из недр кафолической церкви, неизменно имели антимаркионовский пролог. Маркион задел самый нерв христианства, всей духовной культуры этой эпохи.**

[33] Hamack A. von. Marcion: das Evangelium vom fremden Gott. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1921. S. 4.

[34] *Йонас Г.* Указ. соч. С. 358.

Маркион как реформатор христианского вероучения: редактирование и издание маркионитского Нового Завета

По оценкам Адольфа фон Гарнака, ни одна религиозная личность в промежутке между Павлом и Августином не может конкурировать с Маркионом. Однако Маркион далеко не так знаменит, как Павел или Августин. Что известно о Маркионе как религиозном деятеле и мыслителе? Вообще говоря, немало. Во-первых, наличествуют более или менее подробные сообщения противников Маркиона о его «учении». Во-вторых, известен объём его Библии, а многие фрагменты из неё дошли до современности в своём подлинном виде. В-третьих, известны принципы, которыми он руководствовался в своей критике Библии, и внесённые им поправки в её текст. В-четвёртых, сохранились большие куски его трактата «Антитезы» вместе с многочисленными комментариями к тем или иным местам из Библии. В-пятых, сохранились его «прологи» к посланиям апостола Павла. То есть получается, что о Маркионе известно не меньше, чем об Иисусе Христе, и намного больше, чем о Павле.

Однако несмотря на это, Маркион стал выходить из зоны забвения только в XIX–XX вв. Приведу обобщающую характеристику Маркиона, которая содержится в книге крупного протестантского теолога Вернера Георга Кюммеля «Новый Завет. История изучения его проблем» и как подытоживает тот коренной пересмотр в оценках исторического значения «князя еретиков», который произошёл в указанный период: «Когда первохристианские писания стали рассматриваться как авторитетные первоисточники наряду с заимствованным у евреев Священным Писанием, когда на повестку дня стал вопрос, в соответствии с каким критерием можно разделить писания, признаваемые авторитетными, и писания, подлежащие устранению, в центре теологического интереса оказалась проблема авторства определённых первохристианских произведений».

И Кюммель в этой связи вспоминает о Маркионе: «Но ещё до того, как кафолическая церковь предприняла такие исследования, в середине II в. великий “еретик” Маркион дал своей церкви, отколовшейся от кафолической, завершённый канон, который состоял из сильно изменённого “Евангелия от Луки” и десяти посланий апостола Павла, столь же сильно изменённых. Однако к этой подборке посланий Павла был приложен трактат, позднее перекочевавший в латинские церковные

рукописи посланий Павла, который прояснял историю возникновения этих десяти посланий Павла. Но в этих "прологах" не только даётся ответ на существенный для Маркиона вопрос о полемической цели посланий, но рассматриваются и чисто исторические вопросы о месте возникновения и адресате посланий. И этот исторический подход стал известен также средневековью через посредство рукописей Вульгаты (перевода Библии на латинский язык, осуществлённого Иеронимом. — *С. З.*). Не все полученные таким образом данные взяты Маркионом из самих посланий Павла; частью они основаны либо на самостоятельном предании, либо на ретроспективных умозаключениях. Тем самым в данном очень древнем тексте предвосхищена историческая постановка вопроса, которая поначалу не нашла последователей»[35]. То, что «прологи» принадлежат Маркиону или маркионитской церкви, было доказано в начале XX в. несколькими исследователями (де Брюйоном, Корсеном, Гарнаком) независимо друг от друга.

Исходным пунктом и редакторской, и комментаторской, и интерпретаторской, и, собственно, богословской деятельности Маркиона было противопоставление Закона и Евангелия, карательной справедливости, с одной стороны, и милосердной любви — с другой. Маркион с головой погрузился в фундаментальные идеи «Послания к Галатам» и «Послания к Римлянам» апостола Павла, найдя в них исчерпывающее объяснение сущности христианства, Ветхого Завета и мира в целом. Идя на риск повторения, подчеркну вслед за Гарнаком: «Когда Христос говорил о двух деревьях, худом и хорошем, которые способны давать только те плоды, которые соответствуют их природе, когда он запрещал ставить новую заплату на старое платье и вливать молодое вино в ветхие мехи, он тем самым строжайшим образом предупреждал своих учеников от попыток как-то связать Его проповедь с Ветхим Заветом; они, напротив, должны были навсегда остаться далёкими друг другу»[36]. Задача Маркиона, таким образом, заключалась в том, чтобы сделать продуктивным для познания и жизни истинное содержание проповеди Иисуса и Павла, которая была понята превратно, обременена тяжкими заблуждениями.

С чем противоборствовал Маркион? С примыкающими к поздней иудейской традиции идеями христианской церкви; с пёстрыми философемами гностиков; с инерцией ветхозаветных представлений в умах христиан. У Маркиона не было надёжной точки опоры, сравнимой по духовному статусу с Ветхим Заветом, который стали признавать даже язычники. Четыре Евангелия, послания Павла — в римской общине они пользовались «апостольским авторитетом» (уважением, связанным с тем, что они возводились к прямым свидетельствам апостолов). За ними по старшинству следовали «Деяния апостолов», «Откровение Иоанна», тексты и послания, приписываемые апостолам. Из этого разнородного материала Маркион вознамерился выкристаллизовать чистое Евангелие.

В качестве убеждённого паулиниста Маркион рассматривал христианскую церковь своего времени как стоящую на краю духовной катастрофы. Откуда исходила угроза? Маркион доказывал, что Иисус отверг Ветхий Завет и возвеличенного им Бога и проповедовал «чуждого Бога». В то время как христианство чем дальше,

[35] *Kuemmel W.G.* Das Neue Testament. Geschichte der Erforschung seiner Probleme. Freiburg – München: Karl Alber, 1958. S. 3–4.

[36] *Hamack A. von.* Op. cit. S. 29.

тем больше отождествляло обоих Богов, т.е. всё более «иудаизировалось». Евангелия, носящие имена апостолов, укрепляют это заблуждение своими россказнями. Наконец, что самое худшее, даже в посланиях апостола Павла, на взгляд Маркиона, имелось много такого, что подтверждало ложную веру, будто Христос был сыном ветхозаветного Бога, Создателя мира (Бога-Демиурга), будто в деяниях Иисуса надо видеть неукоснительное исполнение воли Бога-Отца, и ничего сверх того.

Причину, по которой христианство оказалось в кризисном положении, на грани утраты своего лица, Маркион очень по-современному видел в заговоре против истины, устроенном (евреями) после смерти Иисуса и увенчавшемся успехом. Доказательством существования этого заговора для Маркиона была полемика апостола Павла с его противниками-иудаистами. (Об этом, передавая точку зрения Маркиона, писал Лев Карсавин: «Сейчас же после смерти Спасителя апостолы-иудаисты во главе с Петром сговорились, подделали Евангелие. Павел раскрыл его истинный смысл, но скоро и послания Павла были искажены. Истинное Христово и Павлово учение сохраняют только маркиониты, чужие, как и сам Христос, в этом мире Демиурга, гонимые, преследуемые»[37].) Других доказательств у него не было. Особое внимание Маркиона привлекло «Послание к Галатам», прежде всего такие его пункты: «Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово» (Гал 1:6). Иными словами, Маркион, опираясь на «Послание к Галатам», заявлял, что существует только одно Евангелие, и Павел — единственный его провозвестник; все прочие проповедуют фальсифицированное иудаистское Евангелие.

Какие же выводы делает отсюда Маркион?

1. Евангелие, которое подразумевает Павел, должно быть свободно от иудаизма, т.е. не только не иметь никаких связей с Ветхим Заветом, но враждебно ему противостоять; и наоборот, всё, что выказывает такие связи, не является христианским.
2. Послания апостола Павла тоже были искажены, так как в них проглядывает зависимость от Ветхого Завета. Они не свободны от иудаизма и нуждаются в очищении.
3. Послания апостола Павла говорят о том, что главной пружиной апостольской эпохи была борьба иудеохристиан против истинного, т.е. павловского Евангелия. Себя Маркион рассматривал как продолжателя дела Павла.
4. «Ложных апостолов» Маркион определил, исходя из «Послания к Галатам» и второго «Послания к Коринфянам» (2 Кор 11: 13–15: «Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды»).
5. Апостол Павел рассматривается Маркионом как призванный Христом апостол, к которому Евангелие пришло не через людское посредство: Павел был признан Христом с тем, чтобы противодействовать ложной проповеди. Значит, **существует Евангелие, которое не написано человеком, а прямо сообщено Христом.**

[37] *Карсавин Л.П.* Святые отцы и учители Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 37.

Маркион убеждён, что в силу этого у христианства должно быть собственное Священное Писание, аутентичное письменное Евангелие. Ввиду отказа от Ветхого Завета и ненадёжности находящихся в обращении христианских текстов, это аутентичное Евангелие надлежало воссоздать самому Маркиону. И ему суждено быть единственным. Между Христом и христианином не останется никого (кроме Маркиона). Четыре Евангелия — это скандал, это временное явление, порождённое упадком христианства. Упадок может быть преодолён благодаря содействию Христа. Христос не допустил утраты своего Евангелия и открыл его Павлу.

Но как относиться к существующим Евангелиям? Какое из четырёх наиболее авторитетных Евангелий — аутентичное? Прежде всего Маркион констатировал, что никто из 12 апостолов сам ничего не писал. Тем самым имена евангелистов «Матфей» и «Иоанн» были низведены им до уровня грубой и неловкой подделки. Но подделаны были не только имена, переписчиками из иудеохристианской среды подделаны и сами Евангелия. Маркион перепроверил все четыре Евангелия: три — от Матфея, от Марка, от Иоанна — он признал фальсифицированными, а одно — от Луки — только искажённым, подобно посланиям Павла. В противном случае Евангелие истины попросту бы погибло. Таким образом, в качестве базового Маркион выбрал третье Евангелие, которое «иудаистское предание» ложно назвало «Евангелием от Луки».

Свой выбор Маркион обосновал в трактате «Антитезы», но, к сожалению, среди сохранившихся фрагментов трактата это объяснение отсутствует. Кое-что прямо вытекает из его общей позиции. По преданию, «Евангелие от Матфея» возникло на основе собранных и сведённых воедино евангелистом логиев и притч Иисуса, рассказов о нём, сохранённых первохристианской общиной в Иерусалиме, твёрдо стоявшей на почве иудаизма, исполнения Закона. Поэтому Маркион не мог остановиться на «Евангелии от Матфея». В четвёртом «Евангелии от Иоанна» крайне несимпатичными Маркиону должны были показаться пролог, эпизод со свадьбой в Кане Галилейской, а также вся навеянная поздним иудаизмом мистика. Что касается Марка, то в плюс ему Маркион мог бы поставить то, что он не предлагает мифологических историй о детстве и отрочестве Иисуса, подобно другим евангелистам. Однако речи Иисуса в «Евангелии от Марка», на взыскательный вкус субтильного Маркиона, выглядели слишком убого.

У Луки же Маркиону должны были особо импонировать его языческое происхождение и аскетические приверженности, но его повествование о рождении и детстве Иисуса определённо казалось Маркиону чудовищной нелепицей. И если Маркион выбрал в качестве своего прото-Евангелия именно «Евангелие от Луки», то свою роль тут могло также сыграть одно важное биографическое обстоятельство: по всей вероятности, «Евангелие от Луки» было первым из Евангелий, попавшим в провинцию Вифиния и Понт, и первым, которое прочитал Маркион. Может быть, в понтийские годы оно было его единственным Евангелием, и он не захотел с ним расставаться и в зрелые годы?

Коль скоро истинное Евангелие и послание Павла были искажены, то первоочередной задачей последователей Иисуса становилось их освобождение от этих искажений. При этом Маркион мыслил это освобождение не как нововведение, инновацию, т.е. замену «Евангелия от Луки» и посланий Павла чем-то новым, а как восстановление, реставрацию, реституцию. В этом состояло его реформаторское сознание, и маркионитская церковь превозносила его как «реставратора». «Однако, берясь за эту задачу, он не полагался ни на божественное откровение, ни на особые инструкции, ни на

поддержку Святого Духа; не как энтузиаст взялся он за её исполнение, но, опираясь на внутренние основания, он применил к этой задаче средства филологии»[38]. Следует учитывать, что до начала поры цветения христианской филологии в Александрии, связанной с именами Климента и Оригена, оставалось ещё более полувека.

Понятно, что при таком квазиэмпирическом истолковании своей роли Маркион не склонен был претендовать на абсолютную верность своих правок. Что же касается характера самих правок, то среди них преобладали вычёркивания тех мест в текстах, где он находил иудаистские влияния; исправления отдельных слов, которые, по его мнению, не разобрали переписчики; в редких случаях он позволял себе нечто вписывать, добавлять в тексты для их «большей понятности». Руководствовался ли Маркион некими принципами в своей работе над «Евангелием от Луки» и посланиями Павла? Безусловно, только эти принципы отнюдь не были чисто филологическими, будучи связанными с первоосновами его мировоззрения, и имели нередко природу не столько рациональных принципов, сколько интуитивных духовных мотивов.

Адольф фон Гарнак взял на себя труд перечислить важнейшие из этих мотивов:

«1. Творец мира и Бог Ветхого Завета не должен фигурировать как Отец Иисуса Христа; он “справедлив” и коварен; его обетования относятся только к еврейскому народу и являются земными.
2. В Ветхом Завете нет пророчеств, которые бы исполнил Христос; ни Христос, ни Павел не должны ссылаться на Ветхий Завет как на авторитет; Закон и Пророки в Ветхом Завете должны пониматься буквально.
3. Добрый Бог должен оставаться сокрытым от Творца мира вплоть до своего явления.
4. Доброго Бога нельзя представлять как Правителя мира или как Бога мирского Провидения.
5. Добрый Бог должен выступать не как Судия, а исключительно как милосердный Спаситель.
6. Его искупления и обетования относятся исключительно к вечной жизни.
7. Сына доброго Бога, Христа, следует понимать в его отношении к Отцу как проявление (модальность) последнего.
8. Христос не имел в себе ничего земного, т.е. не имел плоти и тела; поэтому он не имел ни рождения, ни родственников.
9. Христос не исполнял Закон, а разрушал его; он открыл решающую противоположность между Законом и Евангелием и возвёл своё искупление к одной только вере.
10. Он требовал от человека полного отрешения от мира и плодов труда Творца мира.
11. Христос пробудил только одного истинного апостола — после того, как первоначальные апостолы обнаружили свою неспособность внимать Его проповеди; Евангелие Павла — это Евангелие Христа.
12. В ходе нового пришествия Христос явится не как Судия, но придёт в конце дней, чтобы возвестить о великом разделении, которое свершилось»[39].

---

[38] *Hamack A. von.* Op. cit. S. 39.

[39] Op. cit. S. 60–69.

Далее целесообразно проиллюстрировать сказанное несколькими примерами правок Маркиона, внесённых им в послания Павла и «Евангелие от Луки». Так, в «Послании к Галатам» (1:1), во фразе «Павел Апостол, **избранный** не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим Его из мёртвых…» Маркион зачеркнул бросающееся в глаза после сообщения Павла о своём избрании Иисусом Христом упоминание о Боге Отце, в результате чего по смыслу новой фразы получилось, что Иисус сам себя воскресил от смерти. В главе третьей «Послания к Галатам» Маркион целиком вычеркнул как иудаизирующие стихи 15–25 с репликами о Завете, Аврааме, семени его и Законе: «Братия! Говорю по рассуждению человеческому: даже человек утверждённого завещания никто не отменяет и не прибавляет к нему. Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано: и потомкам, как бы о многих, но как об одном: и семени твоему, которое есть Христос. Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утверждённого, закон, явившийся спустя четыреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу» (Гал 3:15–17). Именно такая демонстрация преемственности между Авраамом и Иисусом как его семенем, такое вкладывание в Ветхий Завет обетований о пришествии Иисуса были абсолютно неприемлемы для Маркиона: ничего подобного в его Новом Завете не оставалось.

При обработке «Евангелия от Луки» Маркион сразу вычеркнул всю историю о рождении и детстве Иисуса, т.е. с первой по четвёртую (15 параграфов включительно) главу. А эпизоды с появлением Иисуса в Назарете (Лк 4:16: «И пришёл в Назарет, где был воспитан, и вошёл, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать») и с приходом в Капернаум и исцелением одержимых бесами (Лк 4:31 и далее: «И пришёл в Капернаум, город Галилейский, и учил их в дни субботние») он поменял местами, чтобы оторвать Иисуса от Назарета, с которым его связало иудеохристианское предание. (Связало, по-видимому, оплошно, поскольку во времена Иисуса город ещё не существовал, он упоминается только с IV в. н.э.) Эффект, которого хотел добиться Маркион подобной переменой мест, хорошо описал Лев Карсавин в книге «Святые отца и учители Церкви (раскрытие Православия в их творениях)»: «В пятнадцатый год царствования Тиверия в синагоге Капернаумской явился Неведомый Бог, приняв видимое тело Иисуса. Иисус не родился, не был младенцем, но просто явился, как Бог в мнимом теле человека, не ожидаемый и не узнанный Демиургом»[40]. В «Евангелии от Луки» Маркионом были вычеркнуты также эпизоды крещения Иисуса и его искушения в пустыне. Последний — определённо за свою «человечность»: Христос Маркиона должен был «возвышаться» над подобными душевными смятениями.

Созданный Маркионом канон христианского Священного Писания был принят маркионитскими церквами, которые верили, что он чуть ли не продиктован Маркиону самим Иисусом Христом, и с порога отвергнут кафолической церковью. «В ответ на попытку Маркиона протолкнуть свой канон и на его полную интерпретацию христианской миссии, отличную от церковной, Церковь продолжила создание ортодоксального канона и ортодоксальной догмы», — подчёркивал Ганс Йонас. «В отношении первого, главная битва была за сохранение или отбрасыва-

[40] *Карсавин Л.П.* Указ. соч. С. 37.

ние Ветхого Завета, и если **“Священное Писание” к нашему времени содержит оба Завета, этим оно обязано тому факту, что учение маркионитов не имело развития**»[41]. Однако тень Маркиона и через столетие продолжала тревожить кафолических теологов. Талантливейший среди них Ориген (ок. 185–253 или 254 г. н.э.) свой главный трактат «О началах» открыл апологией «апостольского учения» и тем самым — апостолов, оказавшихся под огнём критики синопского мудреца, и с полемического выпада против Маркиона, отвергавшего Ветхий Завет и его Бога, которого от отличал от Отца Иисуса, от благого и милосердного, но неизвестного Бога: «Этот Бог, праведный и благой Отец Господа нашего Иисуса Христа, — утверждал Ориген, — дал закон, и пророков, и Евангелие; Он же есть Бог и апостолов, Бог Ветхого и Нового Заветов»[42]. Создание Маркионом первого христианского Канона, утверждение мысли о существовании совершенно автономного от иудаизма христианского Священного Писания, обоснование в «Антитезах» противоположности между иудейским Законом и христианским Евангелием — эти деяния Синопца при всей их самостоятельной значимости были тем не менее стадиями на неизведанном пути Маркиона от ветхозаветного «справедливого» Бога-творца к благому неизвестному Богу, которому он только и хотел служить. Прежде всего, отсюда проистекает отказ Маркиона от мессианского, пророческого или священнического жеста. В этом состоит его разительное отличие, например, от Симона Мага, с которым Маркиона постоянно ставили рядом. В устах Маркиона немыслимы слова, которые не страшился произносить Симон Маг: «Я есмь Бог (или сын Бога, или божественный Дух). И я пришёл. Мир уже разрушается. И вы, о люди, существуете, чтобы погибнуть из-за вашего беззакония. Но я хочу спасти вас. И вы видите меня вновь вернувшимся с силой небесной. Блажен тот, кто поклоняется мне сейчас!» Томившая Маркиона незапрограммированная, лишь загаданная цель уберегала его от искусов самообожествления, которым поддалось немало гностиков.

[41] *Йонас Г.* Указ. соч. С. 154.

[42] *Ориген*. О началах. СПб.: Амфора, 2000. С. 17.

«Чистое христианство» Маркиона, историчность Иисуса и специфика биографизма Нового Завета

Историчность Иисуса и биографическая достоверность Евангелий стали «жалом в плоти» кафолической церкви тогда, когда Маркион во всеуслышание поставил под сомнение всю апостольскую традицию, за вычетом апостола Павла и его последователя, апостольского мужа, евангелиста Луки. Как было показало выше, в своём чистом Евангелии он покончил с локальным колоритом — палестинским и еврейским, развил модалистическую концепцию Иисуса (Иисус как проявление Бога Отца, как посланный Им к человечеству ангел-мессия — angelos christos). Кафолической церкви, чтобы ответить на этот вызов, понадобилось восстановить авторитет апостолов, включая Матфея и Иоанна (евангелистов), отстоять Евангелия Матфея, Марка и Иоанна от разрушительной критики Маркиона — в частности, путём нарочитой демонстрации их биографической достоверности, апелляции к авторитету апостолов и апостольской традиции.

Что, собственно, происходило тогда с новой религией? Уже упоминавшийся выше радикальный светский историк христианства Аннаньель весьма спрямлённо, грубыми чертами изобразил процесс актуализации вопросов, связанных с историчностью Иисуса и биографизмом Евангелий, в кафолической церкви II в.: «Разгром Палестины в 70 году усилил бегство евреев в Малую Азию и Грецию, где паулианизм проповедовал идею Христа, единственного и исповедного Спасителя, который пришёл в мир, не узнанный теми, кто ожидал его пришествия, и провозвестником которого был ессейский пророк Савл, присвоенный эллинистическим направлением Маркиона под именем “Павел”» (от лат. Paulus = малый. — *С. З.*)[43]. Христианские общины и церкви почитали Иисуса-Иешуа, чьё имя означало «Господь спас, спасает, спасёт», освящали этим именем религиозную проповедь и наставления (логии). (Кстати, о логиях. Поскольку с этим термином и понятием в данной статье уже приходилось и не раз ещё придётся встречаться, приведу одну из дефиниций «дефиниций», принадлежащую отечественному античнику Андрею Козаржевскому[44]: «Прежде всего, о понятии “логии”. Они — одна из основных частей (а именно — керигма-

[43] *Аннаньель Т.* Указ. соч. С. 307.

[44] *Козаржевский А.Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 48.

тическая) канонического четвероевангелия и, как показывают папирусы, евангелий апокрифических, например гностического евангелия Фомы. Логии принято обозначать буквой G, с которой начинается немецкое слово Guelle (источник)».)

Аннаньель продолжает: «Появляется необходимость в основателях церкви, знавших Спасителя в его земном воплощении, поскольку ещё в 150 году для Маркиона, Иустина, Гермы (у которого в его "Пастыре" не называется имя Иисуса) существовал только angelos christos, ангел, сошедший на землю, чтобы указать путь спасения, принявший смерть и вновь вознёсшийся одесную Бога»[45]. То есть главными гарантами истинности христианства и его рассказа об Иисусе Христе должны были выступить апостолы. Аннаньель делает ещё одно очень острое историческое наблюдение, крайне важное в данной связи: «Вероятно, в антипаулинистском течении (назореи, эбиониты, елкезаиты) появились **романтизированные повествования**, подробно рассказывающие о земной жизни Иисуса, истинного Мессии» (выделено мной. — *С. З.*)[46]. Заслуга Аннаньеля состоит не в сопоставлении Евангелий как литературного жанра с эллинистическим романом: это было сделано задолго до него Эрвином Роде или Ольгой Фрейденберг. Этим креном к романистике идейное размежевание в рамках христианства по поводу образа Иисуса Христа не исчерпывалось.

Усилия антимаркионитского крыла паулинистского течения были направлены на борьбу с двумя концепциями, равно неприемлемыми для церкви, которая стремилась к вселенскому синкретизму, а именно — с дуализмом и с доктриной angelos christos. Дуализм был представлен прежде всего концепцией двух богов Маркиона. Об angelos christos Аннаньель сообщает следующее: «Защитники универсального христианствапредали анафеме теорию angelos christos под именем "докетизма" (от греческого dokeo — казаться). Они будут стремиться доказать, что Мессия Иисус — историческое лицо, чьё земное существование подтверждается свидетелями»[47]. Аннаньель накидал немало неординарных и даже провокационных идей, взрывающих сложившиеся представления об истории первоначального христианства: надо разобраться, насколько они состоятельны в **научном** плане. Идеологическая враждебность Аннаньеля к христианской религии в проверке не нуждается.

Открывая фронт против Маркиона, кафолическая церковь должна была считаться с тем, что он взял за основу и довёл до предельного обострения, до завершения некоторые идеи её духовного патрона — апостола Павла. Ей предстояло сделать трудный выбор между историей и керигмой или найти опосредование между ними: тропу, ведущую от истории — к керигме. Вообще говоря, разграничение «исторического» и «керигматического» толкования жизни и личности Иисуса восходит ко «Второму посланию к Коринфянам» апостола Павла, где он описывает ситуацию свидетелей Христа и служителей его Слова следующим образом: «Отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне не знаем» (2 Кор 5:16). Сообразно с этим знание Христа «по плоти» соответствует «историческому» Иисусу, а знание Христа «не по плоти», но благодаря откровению, как

[45] *Аннаньель Т.* Указ. соч. С. 308.

[46] Там же.

[47] Там же. С. 308–309.

в случае Павла, — «кериг матическому» Иисусу. Керигма в начальном христианстве — это то главное, во что нужно было уверовать, чтобы стать христианином.

Стоит отметить, что конфликтовавшие между собой апостолы Пётр и Павел расходились во многом, но только не в керигме. И Павел почти слово в слово повторял то возглашение керигмы, с которым в «Деяниях» выступает Пётр. Я имею в виду проповедь Петра в доме сотника Италийского полка Корнилая: «Пётр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему. Он послал сынам Израилевым слов, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех. Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном: как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним. И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесив на древе. Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с ним если и пили, по воскресении Его из мёртвых. И он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть определённый от Бога Судия живых и мёртвых. О Нём все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его» (Деян 10:34–43). Повторяю, керигма — это ядро христианской веры, хотя первая не исчерпывает содержание второй: так, Пётр не упоминает ни о непорочном зачатии, ни о рождении Иисуса как Сына Божия от девы Марии, ни о чудесах Иисуса, за исключением исцелений.

Проблема Павла для христианской церкви состояла, однако, в том, что керигма в его христианском сознании вступила в небесконфликтную взаимосвязь с «мифом о Христе», окрашенным в гностические цвета. Мартин Дибелиус в своей работе «Мир духов в вере апостола Павла» (1909) показал, что «Евангелие Павла тоже содержит ряд мотивов, из которых развились гностические спекуляции». Дибелиус сослался на следующее место из «Послания к Филиппийцам»: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе. Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп 2:6–8). Дибелиус полагал, что данные представления «играют большую роль в мыслительном мире гностиков. Но это не должно препятствовать признанию того, что элементы этого мыслительного мира содержатся уже у Павла. В самом деле, имеется линия, которая от Павла ведёт к гносису, и вопрос состоит лишь в том, с какого пункта к находящемуся на ней надо применять термин “гностицизм”»[48]. Через десять с лишним лет Роберт Бультманн в книге «История синоптической традиции» (1821) обосновал вывод о том, что благодаря усилиям Павла, поддержанным христианскими эллинистическими общинами, сложился «миф о Христе», деформировавший первохристианскую керигму, вероучительное ядро христианства.

Маркион мог опираться на безусловно гностические моменты в посланиях Павла и развивать их дальше, даже если это развитие впоследствии расценивалось

[48] Цит. по: *Kuemmel W.G.* Op. cit. S. 334.

некоторыми интерпретаторами как упрощение сложной и противоречивой мысли Павла. (Правда, некоторые из этих моментов он оставил без внимания: например, проигнорировал гностическую антропологическую типологию Павла, вместе с гностиками делившего людей на плотских, душевных и духовных или гиликов, психиков и пневматиков. — 1 Кор 3:1–5.) Бультманн, что называется, с текстами наперевес доказывал, что представление о ситуации естественного (не затронутого благовестием Иисуса), мирского человека у Павла и всего начального христианства было аналогично, если не тождественно, видению этой ситуации гностицизмом. Бессилие и страх характеризуют дохристианское существование. К римским христианам Павел обратился со знаменательными словами: «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!”» (Рим 18:15) — что означало, что, будучи римлянами, они жили в страхе. Люди в миру находятся также в рабстве у «бога века сего», точнее, «бога этого эона» (2 Кор 4:4), властителя порабощающих человека космических сил. Это — мировые элементы, т.е. «вещественные начала» мира (Гал 4:3, 9: «Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началом мира… Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего (вы) возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите ещё снова поработить себя им?»).

Такие вещественные начала мира Павел называет также «властями века сего преходящими» (1 Кор 2:6) или, в более точном переводе с греческого, «архонтами этого эона», а также «Ангелами, Началами и Силами» (Рим 8:38) или «престолами, господствами, начальствами и властями» (Кол 1:16). «Всё это — мифологические величины из словарного запаса гностицизма, — заявлял Бультманн. — Несомненно то, что мифологическое мышление начального христианства рисовало себе эти “власти” совершенно реалистически, как демонические существа. В мыслительном русле гностической мифологии движется Павел, когда он утверждает, что ветхозаветный Закон не дарован Богом, а передан Ангелами, а признание Закона галатами-христианами из язычников есть не что иное, как новое порабощение “вещественными началами мира”» (Гал 3:19; 4:9). Павел идёт по стопам гностиков и тогда, когда утверждает, что «архонты», введённые в заблуждение мудростью Бога, распяли на кресте Христа, «Господа славы» (1 Кор 2:9), так как не узнали Его, ведь он был облачён в человеческий и даже рабский образ» (Флп 2:6: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек»)[49].

Суть дела, однако, состояла в том, что эти гностические элементы в мышлении апостола Павла в процессе дальнейшей эволюции начального христианства сложились в **устойчивый «миф о Христе»**, разработанный наиболее детально христианским гностицизмом. По лекалам этого мифа были сюжетно скроены канонические Евангелия, равно как и наиболее ранние из апокрифических. Ныне является общепризнанным тот факт, что Ветхий Завет не имел связной теологии, которую заменял Закон и его толкование. Это относится также к иудеохристианству, к Иерусалимской церкви и исходящей от неё традиции. Вот классическое описание это-

[49] *Bultmann R.* Das Urchristentum im Rahmen der antiken Religionen. Zuerich u. Stuttgart: Artemis, 1963. S.206–207.

го мифа Робертом Бультманном: «**Гностический миф** рассказывает, во многих вариантах, о судьбе души; он сообщает о её происхождении из небесного мира света, о её трагическом падении и её чуждости на земле, о её заточении в теле, о её освобождении и о её финальном вознесении в мир света. Душа — точнее говоря, на языке гностицизма, подлинная, внутренняя самость человека — есть частичка, осколок, искра небесного светового образа (Первочеловека), который в незапамятные времена подпал под власть демонических сил тьмы. Формы рассказа дифференцируются в зависимости от того, каким способом это происходит. Эти силы разрывают, разделяют этот образ, а световые элементы служат демонам как бы в качестве связующих магнетических сил, в которых они нуждаются для того, чтобы из хаоса тьмы создать мир, подражающий строению мира света, на который демоны смотрели с завистью снизу вверх. Если отнять у демонов эти световые элементы, то их искусственный мир — то есть наш мир, космос — вновь погрузится в хаос. Они поэтому ревниво следят за пленёнными искрами света. Естественно, интерес гностического мифа концентрируется на тех искрах света, которые заключены в человеке как его внутренняя самость. Демоны пытаются их одурманить, опьянить, усыпить, чтобы они забыли небесную родину. Если с одними это удаётся, то у других бодрствующим остаётся сознание о том, что здесь он — на чужбине, в тюрьме; их переполняет жажда освобождения. Высшее божество смилостивилось над пленёнными искрами света и послало для их спасения небесный световой образ — своего сына, переоблачённого в одеяния земной жизни, дабы демоны его не узнали. Он созывает своих подопечных, будит спящих, напоминает им о небесной родине и учит их, как вернуться назад. Но прежде всего он передаёт им священные формулы, которые они должны знать, дабы при своём вознесении беспрепятственно миновать различные планетарные сферы, сторожевые крепости демонических космических сил. В своих речах он открывает себя в качестве посланника Бога: “Я ваш пастырь”, “Я есть истина” и т.д. После того как он заканчивает своё дело, он вновь возносится ввысь и тем самым прокладывает путь для своих подопечных, которые должны последовать за ним, если их Я, искра света вырывается из тюрьмы благодаря смерти. Его дело — собирание искр света; оно им движется и завершится тогда, когда все искры света освободятся и поднимутся вверх, тем самым соединившись вновь в тело светового образа, который в незапамятные времена пережил падение, плен и растерзание. Когда это произойдёт, миру придёт конец и он опять погрузится назад в хаос. Тьма остаётся предоставленной самой себе, и в этом состоит приговор ей»[50].

Не стоит думать, будто проблематика соотношения «мифа о Христе» и исторического Иисуса была целиком оккупирована еретиками (в прошлом) и теологами-постмодернистами (в настоящем). Со стороны иудаизма её сегодня рекапитулировал «от противного», например, известный израильский историк и ортодоксальный иудаист Давид Флуссер в книге «Иисус, свидетельствующий о себе». Своей работой Флуссер стремился доказать, что реальная история жизни Иисуса может быть воссоздана: «За исключением иудейского историка Иосифа Флавия и, может быть, апостола Павла, Иисус, пожалуй, единственный еврей эпохи после Ветхого Завета, о жизни и взглядах которого мы достаточно осведомлены». Флуссер предлагает с

[50] *Bultmann R.* Op. cit. S. 177–179.

большим доверием относиться к первохристианским источникам об Иисусе. Цена вопроса, однако, состоит в признании того факта, что «первые три Евангелия достаточно убедительно описывают Иисуса как еврея» своего времени: если «читать их непредвзято, можно заметить, что они описывают не столько Спасителя человечества, сколько иудейского чудотворца и проповедника».

И Флуссер совершенно в духе Маркиона и Бультманна противопоставляет «керигматическое» представление о Христе и его жизни — «историческому» пониманию: Иисус как Сын и Посланник Бога, как Спаситель снова противостоит еврейскому проповеднику с мессианскими притязаниями, исполняющему обетования пророков, как это было у Маркиона. Только Флуссер выбирает «исторического», еврейского Иисуса. В противоположность Маркиону, очищавшему логии и образ Иисуса от всего иудаистского, и в противоположность Бультманну, усматривавшему в Евангелиях синтез эллинистического и иудеохристианского представлений об Иисусе Христе, Флуссер заявляет: «Картина, которую сохранили нам первые три Евангелия, достаточно ясна: еврей Иисус действует только среди евреев и хочет действовать только среди них». Это относится не только к действиям, но и к мыслям и словам Иисуса: «Для того, чтобы понимать Иисуса, необходимо знать современный ему иудаизм»[51].

Будучи убеждённым и рафинированным иудаистом, Флуссер не относится к числу апологетов Нового Завета, которые готовы насмерть биться за историческую правдивость каждого написанного в нём слова. Но любой библеист должен уяснить для себя: можно ли вообще, в принципе восстановить из новозаветных текстов биографическую траекторию исторического Иисуса? Весьма показательно то, что современная христианская теология нередко стремится избежать подобного уяснения, выдвигая тезис, что исторический Иисус не является темой новозаветной теологии, что у неё другой предмет и другой метод. Леон Моррис в книге «Теология Нового Завета» заявляет: «Исторический подход — подход весьма неясный, сомнительный, ибо наши знания об истории ранней церкви (в противоположность нашим догадкам и умозаключениям) весьма скудны. Евангелия не стремятся дать нам историю жизни и эпохи Иисуса из Назарета. Они рассказали нам о том, что важно для нашего спасения, а история здесь — более или менее случайна». Моррис с этой своей обструкционистской позицией третирования истории и историков сегодня вовсе не одинок. Он приводит следующие слова теолога Ж. Бонсирвена: «Поскольку я пишу работу по теологии, то мне не нужно прослеживать историю начального христианства; не моё дело раскрывать проблемы, возникшие из-за пробелов в документах, которыми мы располагаем». Моррис в своих оценках ещё более категоричен: «Сведения, которыми мы в настоящее время располагаем, попросту не позволяют нам составить сколько-нибудь точное историческое изложение жизни Иисуса из Назарета и первых дней церкви, возникшей из Его жизни, смерти и воскресения»[52]. Для такой теологии невозможен диалог с историей, бывший источником силы таких великанов новозаветной науки, как Гарнак, Норден, Дибелиус, Бультманн.

---

[51] *Флуссер Д.* Иисус, свидетельствующий о себе. Челябинск: Урал LTD, 1998. С. 7–15.

[52] *Моррис Л.* Теология Нового Завета. СПб.: Библия для всех, 1995. С. 10.

Не менее бесплодна также историческая доверчивость, склонность верить каждому слову Священного Писания. Аннаньель высмеивает «серьёзных историков», которые цитируют Евангелия как исторические источники, и при этом опирается на работы Иосифа Крывелёва. И не без оснований. Крывелёв подверг скрупулёзному критическому и даже изобличительному анализу новозаветные тексты на предмет их исторической достоверности и наличия в них сколько-нибудь точных биографических сведений об Иисусе. Начинает он, разумеется, с Евангелий: «Позднее появление Евангелий представляет собой факт, достаточно твёрдо установленный библейской критикой. Ни одно из канонических Евангелий не могло появиться раньше второй четверти II в. н.э., и уж во всяком случае раньше начала II в. А поскольку это так, то ясно, что все содержащиеся в Евангелиях сведения о личности и биографии Иисуса не представляют собой свидетельских показаний». За это столетие, предполагал Крывелёв, любая легенда могла обрасти подробностями, порождёнными фантазией людей. «За сто лет даже миф мог в религиозной фантазии “материализоваться” в качестве предания о действительных исторических событиях»[53].

Появление в тексте Крывелёва терминов «легенда», «миф», к сожалению концептуально облегчённых, вульгаризированных, нельзя тем не менее назвать случайным. Он идёт по стопам так называемой мифологической школы, отрицавшей историческое существование Иисуса, объявлявшей его мифологической фигурой. Здесь возникает сложнейший, отнюдь не решённый современной наукой в полном объёме вопрос об **исторической ёмкости** таких форм осмысления прошлого, как миф, легенда, предание: после публикации трудов Мартина Дибелиуса и Роберта Бультманна одной из аксиоматических истин науки о Новом Завете стало то, что в нём наличествуют и миф (миф о Христе), и легенды (легенда о 12-летнем Иисусе в Иерусалимском храме), и предание (о том, что Симон Пётр был зелотом). Без осознания этой истины ныне невозможно даже подступиться к теме исторической достоверности Евангелий.

Справедливости ради стоит отметить, что данная тема стала центральной для «мифологической школы» уже в XIX в. Если пренебречь предысторией, то её подлинным основателем в качестве научной школы, её доныне не превзойдённым классиком остаётся Давид Фридрих Штраус (1808–1874). В 1835–1836 гг. вышел в свет его эпохальный двухтомный труд «Жизнь Иисуса». В первом томе Штраус отмечал: «Автору данного произведения, чей первый том предлагается вниманию публики, показалось своевременным поставить на место устаревшего супранатуралистического и натуралистического способа рассмотрения истории Иисуса нечто новое… Новая точка зрения, которая заменяет вышеозначенную старую, — это мифическая точка зрения. Эта книга не является первой попыткой приложить мифическую точку зрения к евангельской истории. Уже давным-давно она была применена к отдельным частям последней, но только теперь предстоит провести её на всём протяжении евангельской истории. Это никоим образом не означает, что вся история Иисуса будет выдаваться за мифическую; просто всё в ней будет критически рассмотрено под тем углом, нет ли в нём чего-то мифического. Если старая церковная экзегеза исходила из двух предпосылок, а именно, что, во-первых, в Евангелиях

[53] *Крывелёв И.А.* Указ. соч. С. 137–138.

содержится история и, во-вторых, — сверхъестественная история, если потом рационализм отбросил вторую из этих предпосылок, чтобы ещё крепче ухватиться за первую, согласно которой в этих книгах наличествует славная, хотя и естественная, история, то сегодня надо признать, что наука не может остановиться на полпути, а должна свалить и другую предпосылку и всерьёз исследовать то, стоят ли вообще Евангелия на исторической почве, и если стоят, то в какой мере»[54].

Штраус был чужд иллюзионизму наиболее горячих ревнителей мифологического подхода, объявлявших всё и вся в Новом Завете выдумкой и ложью: «Внутреннее ядро христианской веры, — полагает автор, — нисколько не затрагивается его критическими исследованиями. Сверхъестественное рождение Христа, его чудеса, его воскресение из мёртвых и вознесение на небеса — всё это остаётся вечными истинами, под какое бы сомнение ни ставилась их реальность в качестве исторических фактов». Штраус на дух не переносит, например, объяснений совершённых Иисусом чудес так называемыми естественными причинами: «Коль скоро, сообразно естественному объяснению (в эпизоде Преображения. — *С. З.*), сияние вокруг Иисуса является случайным оптическим феноменом, а явившиеся на горе Моисей и Илия суть сновидения или незнакомые люди, то встаёт вопрос: в чём состоит значение события? По какой причине такой бессмысленный, бессодержательный, основанный на обыкновенном заблуждении и суеверии анекдот был включён в Евангелия? Напротив, даже если я, сообразуясь с мифической концепцией, не нахожу в евангельском сообщении отражения действительного события, я при этом сохраняю смысл и содержание рассказа; я знаю, о чём думала первохристианская община, когда рассказывала его, и почему авторы Евангелий отвели ему столь важное место в своих памятных записках»[55].

Этот ход мысли Давида Фридриха Штрауса был подхвачен и обогащён новыми идеями Рудольфа Бультманна, в частности, в сборнике его лекций, читанных в США, под названием «Иисус Христос и мифология. Новый Завет в свете библейской критики», где изложена его нашумевшая теория «демифологизации» Священного Писания. Бультманн выступает против расхожего мнения, будто «демифологизация» равносильна рационализации христианского послания, что она разрушает тайну Бога. «Ничего подобного! Напротив, демифологизация впервые делает отчётливым истинное значение тайны Бога. Непостижимость Бога находится не на уровне рационального мышления, а на уровне личного существования. Тайна, которой интересуется вера, — это не то, чем является Бог сам по себе, а то, как он обходится с человеком»[56].

Но вернёмся к анализу произведений, входящих в Новый Завет. При ближайшем рассмотрении, заставляет желать много лучшего биографическая продуктивность и других текстов Нового Завета, помимо Евангелий: т.е. «Деяний апостолов», апостольских посланий, Апокалипсиса. В сравнении с тем, что о личности, жизненном пути и учении Христа сообщают Евангелия, Деяния не только ничего не прибавляют,

---

[54] Д.Ф. Штраус цитируется по хрестоматии *В.Г. Кюммеля*: Kuemmel W.G. Op. cit. S. 148–149.

[55] Op. cit. S. 151–152.

[56] *Bultmann R.* Jesus Christus und die Mythologie. Das Neue Testament im Lichte der Bibelkritik. Hamburg: Furche, 1964. S. 47.

но дают значительно меньше. Впрочем, за одним исключением: они содержат одно изречение Иисуса, которого нет в Евангелиях. Павел ссылается на то, что Христос сказал: «Блаженнее давать, нежели принимать». Послания апостольские ещё скупее деяний в сведениях о Христе. Они много раз подчёркивают его божественное достоинство, его происхождение от Бога Отца, его высочайшее место в иерархии сверхъестественных существ. Но если учесть, что авторами Посланий считаются апостолы Христа, т.е. люди, которые были его спутниками и соратниками, то поневоле приходится задуматься о том, почему они буквально ничего не говорят о жизни и личности богочеловека, которого они имели счастье знать, слышать, сопровождать в его путешествиях, кто провёл с ним последние дни его жизни.

По тщательным подсчётам И. Крывелёва, «только три элемента составляют всё содержание того, что говорят об Иисусе в своих посланиях апостолы: во-первых, это — божество, сошедшее с неба на землю и воплотившееся в человеческом образе; во-вторых, в своём человеческом облике божество умерло на кресте; в-третьих, оно воскресло. Ничего более определённого о жизни Иисуса-человека в Посланиях апостолов нет»[57]. То есть фактически в письмах ближайших учеников Иисуса воспроизводится павловско-гностический миф о Христе. Если вспомнить те разногласия, если не вражду, которые разделяли Петра и Павла (Пётр о Павле в третьей главе второго послания, стихи 15–16: «И долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как оно говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто **неудобовразумительное**, что **невежды и неутверждённые, к собственной своей погибели, превращают**, как и прочие Писания» (выделено мной. — *С. З.*; «превращают» = «извращают»)) в Апостольский век, то гипотеза о гностической фазе формирования христианства уже не кажется столь неправдоподобной: апостольские послания до включения в Новый Завет были явным образом отредактированы в духе паулинизма и мифа о Христе.

Когда в Посланиях речь заходит об учении Иисуса, о «заповедях господних», то обыкновенно делается косвенная ссылка на откровение, но нет ни одной цитаты из высказываний «исторического» Иисуса, сохранённых Иерусалимской церковью и иудеохристианской традицией, как нет таких ссылок и на его притчи, логии, проповеди. Ещё меньше сведений об Иисусе даёт Апокалипсис. **Его земной биографии он по существу не знает.** Само имя Иисуса упоминается в Апокалипсисе всего три раза, причём речь идёт не о человеке, а о боге или, по меньшей мере, о некоем таинственном и абстрактном существе, не воплощённом в чертах реального человеческого образа[58].

Иными словами, если судить по текстам Нового Завета, то задача биографического воссоздания земной жизни Иисуса отнюдь не была изначальной и наиважнейшей для первоначального христианства; фактически она была осознана им как нечто важное только в середине II в. Можно даже определить исторический рубеж, с которого полным ходом происходило это осознание: 140 г. н.э. — год публикации Маркионом десяти посланий апостола Павла. После Маркиона об Иисусе Христе

[57] *Крывелёв И.А.* Указ соч. С. 112–113.

[58] Там же. С. 113.

стали писать по-другому, чем писали до него. Произошла кристаллизация христианского Евангелия (существовали и языческие евангелия, благовествования о деяниях императоров) как формы письма и как сердцевины Нового Завета.

В качестве краеугольного камня христианской веры воспринимал Евангелие и Маркион. Кто-то может счесть символичным то, что русский философ, мистик и литератор Дмитрий Мережковский через 800 лет начинает свою книгу «Иисус Неизвестный» словами Маркиона о Евангелии из пролога к «Антитезам»: «О, чудо из чудес, удивление бесконечное! Ничего нельзя сказать, ничего помыслить нельзя, что превзошло бы Евангелие; в мире нет ничего, с чем можно бы его сравнить»[59]. (Кстати, о символическом. Термин «символ» — буквально «стык», — согласно Е. Рабинович, происходит от одного из способов заключения дружеского союза: друзья разламывали пополам некий предмет (монетку, дощечку и т.п.) и каждый оставлял у себя половину — предъявитель недостающей половинки (порой друг или родственник её первоначального владельца) мог рассчитывать на помощь и гостеприимство своего «символического» партнёра. Отсюда такие значения слова «символ», как «условный знак», «примета», «пароль», «залог», а также «намёк», «иносказание»[60].) Очевидно, что несравненность Евангелия не имеет биографического смысла.

Из всего вышеизложенного следует очевидный вывод: тексты Нового Завета не являются первоисточником — ни в историческом, ни в биографическом, ни в литературном плане. В XIX–XX вв. к этому выводу пришли практически все светские учёные и много теологов из разряда самостоятельно мыслящих. На рубеже столетий прозвучал вердикт известного специалиста по истории христианства Адольфа Юлихера (1857–1938): «Все три Евангелия, известные по сходству изложения под именем “синоптических”, имели дело уже с письменным материалом. Всё, что они нам сообщают, исчерпывается сведениями, имевшимися в распоряжении второго и третьего поколения после Иисуса»[61]. Этот тезис был распространён и на другие новозаветные тексты. На длительное время на передний план новозаветных исследований вышли разложение всех произведений Священного Писания на составные части и подыскание к ним, произведениям и их частям, **источников**, причём не только письменных, но и устных. Сами эти источники помещались в русло определённых **традиций**, изучению которых также стало придаваться первостепенное значение. Кроме того, проводился сопоставительный анализ христианства с другими религиями и мифологическими системами на предмет выявления **параллелей (аналогий) и общих мотивов**.

В результате глубоких и упорных изысканий новозаветный образ Иисуса Христа окончательно распался, рассыпался на элементы, мотивы, архетипы. Приведу два красноречивых свидетельства: одно принадлежит умеренному и взвешенному Сергею Аверинцеву, другое — радикальному и импульсивному Тристану Аннаньелю. Аверинцев пишет относительно представлений первохристиан об Иисусе следующее: «Для ответа на вопрос, кто такой Иисус Христос, раннее христианство, давая норму позднейшей традиции, систематически использовало наличные понятия

---

[59] *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. М.: Республика, 1996. С. 5.

[60] *Рабинович Е.Г.* Цит. соч. С. 253.

[61] Цит. по указанной работе И.С. Свенцицкой. С. 132.

и мифологемы из обихода, во-первых, палестинского иудейства (образы сакрального эсхатологического царя — мессия, “сын Давидов”, т.е. легитимный наследник древней династии; “сын человеческий”, т.е. посредник между богом и людьми и вселенский государь последних времён, ср. Дан 7, 13 и эфиопский извод “Книги Еноха”; “отрок Яхве”, или “раб Яхве”, кроткий властитель и невинный страдалец, искупающий грехи и других) (ср. Ис 43–53); во-вторых, специально кругов кумранско-ессейского типа (эсхатологический пророк и учитель); в-третьих, эллинистического иудейства (“Логос” и “второй Адам”, или “последний Адам”, он же “человек с неба”, ср. **Антропос**, — категории, общие у новозаветных текстов с текстами иудейского мыслителя I в. Филона Александрийского); в-четвёртых, языческого эллинистического синкретизма (мифологемы мистериальных культов, императорского культа, пифагорейско-платонической мистики, расхожие понятия вроде “божественный человек”, т.е. нравственно совершенный чудотворец»[62]. На мой взгляд, в ряду выделенных Аверинцевым образов, которыми преформировались представления ранних христиан об Иисусе Христе, отсутствует один очень важный: выработанный в рамках помянутого выше **гностического мифа** образ осиянного посланца и сына благого неизвестного Бога, которого тот облекает в оболочку земного тела, дабы его не узнали бесы (демоны)[63].

А вот образчик более прямолинейного, лобового подхода, который характерен для Аннаньеля. Биография Иисуса в том её виде, в каком она представлена в Новом Завете, по его мнению, носит ярко выраженный сборный, составной характер: «День рождения 25 декабря позаимствован у Митры, а также совпадает с днём солнцеворота, Тайная Вечеря — у ессеев, у них же — девственница-мать, воскрешение — у Аттиса, чудеса — у Аполлония Тианского, Нагорная проповедь взята у Учителя праведности, число апостолов соответствует двенадцати патриархам, наименование “Христос” взято из “Дамасского документа” (свиток, обнаруженный в Кумране, где рассказывается об организации одной из ессейских общин. — *С. З.*), “Сын человеческий” — из “Книги Даниила”; Мариамна-Мириам-Мария — это София самаритянского гностицизма, которая, воплотившись в человеческом теле, явится в облике падшей женщины, блудницы Пруникос, а затем станет Марией Магдалиной. Пришлось дожидаться Средних веков, чтобы получить уже оформленную биографию, изобилующую подробностями»[64]. Аннаньель не прав: уже в V в. н.э. воинствующие иудаисты создали антихристианскую глумливую псевдобиографию Иисуса, которая изобиловала «красочными» подробностями, вроде изнасилования Марии во время месячных или повешения Иисуса на гигантском стволе капусты.

Создаётся впечатление, что евангелисты и редакторы их текстов работали как бы с готовыми строительными блоками, из которых выкладывали здание биографии Иисуса. Например, такими блоками были представления о Мессии как ангеле Господнем, о его смерти на кресте и депортации в Царство Небесное, о его втором пришествии, каковые заимствованы ранним христианством у ессеев безо вся-

[62] *Аверинцев С.С.* Христианская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: БСЭ-Олимп, 1998. С. 601.

[63] *Bultmann R.* Das Urchristentum im Rahmen der antiken Religionen. Zuerich u. Stuttgart: Artemis, 1963. S. 177–178.

[64] *Аннаньель Т.* Указ соч. С. 305.

ких серьёзных коррективов, хотя и с их помещением в другой контекст. (То же самое, повторюсь, относится к использованию авторами первых христианских произведений изречений еврейских мудрецов и агадических историй о них, зафиксированных в мидрашим.) Некоторые исследователи рассматривают эти блоки как «странствующие сюжеты»; я же, вслед за Карлом Густавом Юнгом, склонен трактовать их как архетипы или архетипически заряженные формообразования сознания. Они присутствуют и в ментальности современного человека, только содержания ими актуализированы иные, чем девятнадцать веков тому назад.

Вместе с тем для Юнга уже к 1910 г. было очевидно, что, несмотря на разность актуализированных содержаний, архетипы, которые лежали в основе христианской религии, в их современных, модерных воплощениях выступают как религиозные или квазирелигиозные феномены. Отсюда характерное для Юнга и до смерти испугавшее Зигмунда Фрейда понимание психоанализа как новой религии, призванной сменить христианство, отсюда его глубокая заинтересованность гностицизмом, облекавшим свои архетипические прозрения в мифологическую форму. Юнг без обиняков сказал об этом в своём письме к Фрейду от 11 февраля 1910 г., впервые обозначившем всю глубину раскола между ними: «Религию может спасти только религия. Разве может “Интернациональный орден” (“Интернациональный орден за этику и культуру”, созданный Альфредом Кнаппом и призванный заполнить мировоззренческий и нравственный вакуум, образовавшийся в результате краха “иудеохристианского суеверия”. — *С. З.*) дать нам нового Спасителя? Каким новым мифом, в котором мы могли бы жить, он нас одарит? Только мудрецы с их интеллектуальным высокомерием знают, что такое этика, остальным не обойтись без вечно подлинного мифа». Более гностический гностицизм невозможно придумать, тем более что он очевидным образом включает в себя и «миф о Христе», т.е. о Спасителе. Далее Юнг намечает перспективы, открывающиеся перед психоанализом как религиозно-мифологическим преемником христианства: «Две тысячи лет христианства должны получить равноценную замену. Что касается этического ордена, не имеющего ничего общего с мифологией, не опирающегося на энергию архаически-инфантильных инстинктов, то это чистый вакуум, он никогда не разбудит в человеке те движущие силы, которые гонят перелётных птиц через моря и вынуждают стада животных передвигаться в определённом направлении. Я считаю, что у психоанализа куда более прекрасная и обширная задача, чем слияние с этическим орденом. Психоанализу, думается, надо дать время, чтобы он мог из многих центров проникнуть в сознание народов, снова пробудить у интеллигенции вкус к символам и мифам, осторожно вернуть Христу образ пророчествующего Бога виноградной лозы, каким он когда-то был, и таким образом впитать в себя экстатическую энергию христианства, свести всё к **одному** концу, сделать из культа и священного мифа то, чем они были, а именно пьяняще-радостный праздник, в котором этическое и животное начала в человеке слиты воедино»[65].

В чём же рациональный смысл понятия «архетип»? Юнг отмечал: «Понятие архетипа, составляющего необходимый коррелят к идее коллективного бессознательного, указывает на то, что в психике существуют в наличии определённые фор-

[65] Зигмунд Фрейд – Карл Густав Юнг. Из переписки // *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 415–416.

мы, которые вездесущи и распространены повсюду. В мифологическом исследовании их называют “мотивом”, в психологии примитивов они соответствуют понятию “representations collectives”, введённому Леви-Брюлем, в области сравнительного религиоведения они были определены Юбером и Моссом как “категория имагинации”. Адольф Бастиан уже давным-давно охарактеризовал их как “элементарные мысли”, или “прамысли”. Согласно Юнгу, коллективное бессознательное, состоящее из архетипов, передаётся по наследству. Но передаются не как неосознаваемые содержания сознания, а как пустые формы осознания, требующие своего наполнения конкретным материалом, как некие матрицы. Архетипы переживаются людьми в том виде, который соответствует исторической ситуации. В результате в действие вступают могучие и опасные влечения, которые кроются в архетипах. Нет такого зла, которому бы не предался человек под властью архетипа[66].

Сила, которая позволила христианству стать из религии изгоев, люмпенов и маргиналов государственной религией Римской империи, а после падения последней — чем-то вроде её дубликата для западных народов, — заключалась в его способности разместить в рамках одной религиозной концепции великое множество самых разных архетипов. Разумеется, эта способность не была у христианства чем-то врождённым, она была приобретена в результате многих и долгих опытов. В несколько безыскусном после изощрённых работ Дибелиуса, Бультманна, Кюммеля, Аверинцева изображении И. Свенцицкой общая картина происходивших в христианстве в первые 120 лет его существования трансформаций выглядела примерно так: «Всё более насущной становится потребность свести воедино отдельные элементы традиции, создать писаное “благовестие”, фиксирующее учение Иисуса. Появляется новый жанр, которого не знала ни библейская, ни античная литература, — развёрнутое повествование, “ядром” которого было христианское учение об искупительной смерти и воскресении Иисуса; вокруг “ядра” группировались речения Иисуса и притчи, библейские пророчества о мессии, эпизоды из жизни Иисуса, соответствующие этим пророчествам (“да сбудется реченное”), рассказы о чудесах, им совершённых. Складывается своеобразное сочетание поучения и рассказа, характерное для Евангелий, вошедших в Новый Завет, и для ряда Евангелий, в него не включённых, в частности — для Евангелий иудеохристиан»[67].

Сначала несколько слов о материале, на котором основывались Евангелия и другие новозаветные тексты, о подстрочниках. Этот материал, как уже отмечалось выше, делился на несколько разнородных частей: изречения Иисуса и воспоминания о нём, сохранённые в Палестине; керигматические формулы и учения эллинистического христианства; Ветхий Завет и элементы иудаистской устной традиции; вероучительные рукописи христиан-ессеев и христиан-гностиков. «Появление Иисуса как исторической личности относится примерно к сто тридцатым годам. Биография его основывается на двух главных источниках: логиях и целом арсенале мифологических сказаний, а получает развитие в пропагандистских писаниях. Логии — это исполненные мудрости сборники изречений в традиции поучительных писаний иудаизма наподобие “Книги Премудрости Соломона” или “Кни-

[66] См. *Юнг К.Г.* Понятие коллективного бессознательного // Бог и бессознательное. М.: Олимп и др., 1998. С. 84–85, 91.

[67] *Свенцицкая И.С.* Указ соч. С. 17.

ги Премудрости Иисуса, сына Сирахова". Изречения эти приписываются Иисусу, но отвечают стремлениям общин, или церквей, придать авторитет своим правилам и установлениям»[68]. Приведу один, поразивший меня, пример христианизации изречений еврейских мудрецов. В «Евангелии от Матфея» Иисус говорит ученикам: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). Исследователи Нового Завета обратили внимание на то, что это изречение восходит к словам Иисуса, сохранившимся на папирусе из Оксиринха и найденным потом в составе коптской версии «Евангелия от Фомы» (81): «Иисус сказал: Я — свет, который на всех. Я — всё: всё вышло из меня, и всё вернулось ко мне. Разруби дерево, я — там; подними камень, и ты найдёшь меня там». Как показал Дибелиус, оба эти логия являются переосмыслением изречения бен Терадиона из «Мишны»: «Если двое сидят вместе и занимаются словами Торы, среди них — Шехина»[69]. В иудейской мифологии и Каббале Шехина — это женская ипостась Яхве, в которой выражается его посюстороннее присутствие, его мудрость.

Археологические открытия в местах распространения раннего христианства буквально расслоили тексты Нового Завета на указанные составные части, к которым добавились ещё и другие (мотивы из вавилонской и иранской мифологии). Находки в Кумране и Наг-Хаммади, вернувшие мировой исторической науке множество эссейских, гностических, раннехристианских текстов, уничтоженных ревнителями христианской веры, убедительнейшим образом доказали, что официальная, писанная (церковная, в первую очередь) история раннего христианства не имеет почти ничего общего с его реальной историей. Она должна быть, наконец, воссоздана вне теологической перспективы: на неё нужно посмотреть земными глазами. Это совершенно очевидно, однако иные учёные что только ни пытаются предпринять, чтобы затушевать явное расхождение между двумя позициями. Вот одна из таки подтасовок-затушёвок: «Открытые среди бесценных гностических рукописей из Наг-Хаммади "Логии", которые автор, именующий себя Фомой, приписывает Иисусу, были переназваны "Евангелием от Фомы"; переписчик снабдил их длинным перечнем совпадений с каноническими Евангелиями, дабы внушить читателю, будто Фома вдохновлялся ими, меж тем как "Логии" гораздо старше канонических книг». Российские исследователи (И. Свенцицкая, М. Трофимова) склонны признавать за «Логиями» большую древность, чем за Евангелиями.

Вполне естественно, что постоянный интерес исследователей Нового Завета после его разложения на мотивы (архетипы и источники) привлекали формы бытования христианской традиции, во многом предопределившие характер этих источников: арамейская и греческая, устная и письменная. Если говорить о языковой стихии христианской устной традиции, то первохристианская община, сложившаяся в Иерусалиме вокруг апостолов, имела основным языком общения арамейский, хотя многие её члены наверняка владели и греческим, точнее, койне. Православный богослов епископ Кассиан в своей книге «Христос и первое христианское поколение» аргументировал ту точку зрения, что в период от распятия Иисуса Христа и до разрушения Иерусалимского храма (ок. 30–70 гг. н.э.) Иерусалим имел значение

[68] *Аннаньель Т. Указ соч. С. 305.*

[69] *Dibelius M.* Die Formgeshichte... S. 285.

общехристианского иерархического центра. Согласно Кассиану, есть достаточные основания утверждать, что в Иерусалиме в эти годы совершилось и закрепление Евангельского предания. Это закрепление происходило как в устной (евангелист Матфей прибегал к мнемоническим приёмам, которые были в ходу у евреев), так и в письменном виде. Исследователи приходят к заключению, указывал Кассиан, что закрепление Евангельского предания в эту древнюю эпоху не обязательно принимало письменную форму. Вполне возможно, что оно происходило одновременно на арамейском и на греческом языках. Это было необходимо, чтобы свидетельство о Христе могло быть услышано людьми эллинистической культуры, будь то язычниками по происхождению или евреями диаспоры, забывшими свой язык. Епископ Кассиан считает, что именно Иерусалимской церковью в Евангельском предании была закреплена его керигма, если использовать этот знаменитый после Рудольфа Бультманна термин. Согласно Бультманну, евангельская история этого объёма — от служения Предтечи до Воскресения — вполне отвечает тому, что составляет общесиноптическое ядро.

Языковая ситуация для носителей Евангельской традиции резко изменилась после убийства Стефана и гонений на христиан в Иерусалиме, когда значительная часть членов иерусалимской общины переселилась в Антиохию Сирийскую и другие города Сирии и Малой Азии. Антиохия Сирийская была самым знаменитым из шестнадцати городов, носивших название «Антиохия»: при римлянах она была административным центром провинции Сирия и третьим по величине городом империи, а также выдающимся культурным центром. В городе имелась крупная еврейская община. С момента переселения в Антиохию иерусалимских «братьев» начинается история одной из самых крупных и деятельных раннехристианских церквей. Многие местные жители были обращены в христианство. Именно в Антиохии верующих в Иисуса Христа впервые стали называть христианами. Антиохия стала отправным пунктом миссионерских путешествий Павла.

Именно в Антиохии, судя по всему, арамейский язык уступил греческому своё место в качестве носителя христианской устной традиции: греческий язык был языком антиохийской синагоги и родным языком антиохийских евреев, на которых была направлена миссионерская деятельность первохристиан и поселившегося здесь Павла. Любопытно, что даже в Риме христианская проповедь до III в. включительно осуществлялась преимущественно на греческом языке. На греческом языке, т.е. на койне, произошло и письменное закрепление Евангельского предания. Движущими причинами такого закрепления, по Дибелиусу, послужили нужды миссионерской деятельности христианской общины в эллинистической среде, потребности проповеди. Для христианских богословов, например для того же епископа Кассиана, камнем преткновения остаётся тот факт, что все новозаветные тексты были написаны по-гречески. Чтобы связать эти греческие тексты с Иерусалимской церковью, с прямыми учениками Иисуса, образовавшими первую общину его почитателей, богословы предположили существование Прото-Евангелий (от Матфея, от Марка) на арамейском языке, свидетельством чего являются якобы содержащиеся в них немногочисленные семитизмы. Но Мартин Дибелиус вскрыл беспочвенность таких предположений: так, содержащееся в Евангелии от Марка выражение на арамейском языке (Мк 5:41: «И, взяв девицу за руку, (Иисус) говорит ей: “талифа

куми", что значит: девица, тебе говорю, встань»), которое знаток еврейской истории Юлиус Велльгаузен (1844–1918) исправил на «рабита куми», — это выражение является не рудиментом арамейского варианта Евангелия, а заклинанием, еврейской магической формулой, которую употребил Иисус, совершая чудо. А Свенцицкая добила арамейскую гипотезу своим замечанием: «Евангелие от Матфея написано по-гречески, ветхозаветные цитаты приведены по Септуагинте»[70].

Что до живучести устной традиции, протянувшей несколько десятилетий после гибели проповедника Иисуса, она связана ещё и с тем, что первые «апостолы и пророки», последователи его учения, продолжали считать себя иудеями по вероисповеданию. Для них священным писанием были книги, включённые в Ветхий Завет. Для христиан священным текстом был перевод иудейской Библии на греческий язык, сделанный в Александрии Египетской в III в. до н.э., — упомянутая Септуагинта. Святость «Закона и Пророков», как обычно христиане обозначали иудейские религиозные книги, доступные благодаря Септуагинте, не позволяла долгое время создавать новые священные книги. Определённым уважением и в христианской среде пользовались афоризмы и изречения еврейских мудрецов, также окружённые неким ореолом святости (Антигон из Соко; Иисус сын Сирахов; Гиллель и другие), которые были собраны в популярный сборник «Пирк Абот». В науке существует точка зрения, что первыми записями, сделанными христианами, вообще-то были сборники цитат из Ветхого Завета, прежде всего тех, где речь шла об ожидаемом мессии (так называемые свидетельства — тестимонии).

Выше уже шла речь о тех исторических условиях, которые вызвали в христианских эллинистических общинах потребность связного изложения жизни Иисуса на основе наличной традиции, состоявшей из отдельных кусков и небольших сборников. Мартин Дибелиус в своей книге «История евангельских форм» проследил происхождение составных частей Евангелий, поставив во главу угла их «жизненную оседлость» («Sitz im Leben»), их функцию в жизни эллинистических общин христиан. Той стихией, в которой были взвешены все праформы христианской традиции, была проповедь, в том числе — миссионерская. Дибелиус показал, что ни одна из использованных в Евангелиях праформ (парадигма, новелла, легенда, история страстей Господних, миф) не преследовала целей обеспечения исторической достоверности повествования, воссоздания облика исторического Иисуса.

Но одной потребностью в обеспечении успеха христианской проповеди и миссии нельзя целиком объяснить своеобразие синоптических Евангелий. Недостаток чисто биографических моментов в Евангелиях, пробелы в истории жизни Иисуса Бультманн в «Истории синоптической традиции» объясняет тем, что биография Иисуса излагалась в Евангелиях, исходя из наличной традиции. Но этого мало, ибо приведённое объяснение остаётся абстрактным. Нужно вскрыть ещё один мотив к трактовке традиции об Иисусе как единства. Появилась необходимость в культовой легенде о Господе, стоящем в центре христианского культа. Схема мифа о Христе нуждалась для обретения наглядности в соединении с традицией об истории Иисуса. Это означает, что традицию следовало изложить как единство под тем углом зрения, что в ней говорит Тот и что в ней рассказывается о Том, кто в качестве Сына Божьего

[70] *Свенцицкая И.С.* Указ соч. С. 19.

жил на земле, страдал, принял смерть, воскрес и вознёсся на небеса. «Евангелия — это культовые легенды. Марк создал этот тип; миф о Христе придаёт его книге, книге тайных епифаний (богоявлений) единство, пусть не биографическое, но основанное на мифе. Матфей и Лука, правда, усилили мифическую сторону Евангелий посредством ряда историй о чудесах и нескольких зачинов и концовок. Но в целом им удалось развить дальше созданный Марком тип»[71]. Бультманн полагал, что в отличие от отдельных кусков синоптической традиции Евангелие в целом не имеет аналогов. Оно вырастает из имманентного импульса развития, заключённого в складывающейся из разных мотивов традиции, и из культа Христа и мифа о Христе эллинистического христианства. «Евангелие — это оригинальное христианское творение»[72]. Бультманн даже не считает возможным говорить о Евангелии как литературном жанре: для него Евангелие есть величина, значимая в истории догм и культа.

Образ Иисуса Христа в Новом Завете, таким образом, является результатом борьбы и компромисса паулинистского «мифа о Христе» и «истории Иисуса» в том виде, в котором она была сохранена иудеохристианской традицией. Здесь — исток специфического биографизма Евангелий: «Тем самым обозначено намерение автора, — писал Бультманн о евангелисте Марке, — объединить эллинистическую кериг му о Христе, чьим существенным содержанием является миф о Христе, каким мы видим его у Павла (в особенности — Флп 2:6 и далее; Рим 3:24), с традицией об истории Иисуса»[73].

Логика рассмотрения темы втянула нас в обсуждение важнейшего вопроса — о специфике того биографизма, который практиковался в новозаветных Евангелиях (и первых апокрифах) при описании жизни и земного служения Иисуса. Специально этот вопрос был поставлен крупным русским историком С.А. Жебелёвым в книге «Евангелия канонические и апокрифические. Общий очерк»: «Заканчивая нашу речь о Евангелиях, — заявлял учёный в концовке своей работы, — мы снова ставим вопрос, к какому же литературному жанру они относятся»[74]. Согласно Жебелёву, представляя собой произведения исторического характера, Евангелия не принадлежат к тому типу биографий, для которых классическим образцом являются «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Ещё меньше оснований зачислять Евангелия по ведомству истории. Не относятся Евангелия и к числу произведений чисто назидательного характера. «В близкую ко времени возникновения Евангелий эпоху они были отнесены к разряду воспоминаний о “словах” и “делах” Христа». Жебелёв имеет в виду тексты типа «Меморабилий» Ксенофонта, где изложено не всё то, что помнил Ксенофонт о Сократе, но лишь то, что он считал достойным сохранить для потомства. «Не представляет ли собой и наше Евангелие таких же “Меморабилий” о “словах” и “делах” Христа? Не содержит ли и оно воспоминаний не о том, что сказал, что сделал Христос на протяжении всего своего общественного служения, но лишь повествование о том, что достойно воспоминания?» Жебелёв уподобляет Евангелие античным произведениям, воспевающим «доблесть» великого человека, его «арете». «Если исключить четвёртое Евангелие, которое

[71] R. Bultmann in: *Kuemmel W.G.* Op. cit. S. 432–433.

[72] Ibid.

[73] *Kuemmel W.G.* Op. cit. S. 431.

[74] *Жебелёв С.А.* Евангелия канонические и апокрифические. Общий очерк. Пг.: Огни, 1919. С. 119.

должно рассматривать как произведение, особняком стоящее в евангельской литературе по присущим ему специфическим свойствам, то синоптические Евангелия, в их повествовательной части о “делах” Христа, носят на себе ясные следы влияния эллинистической ареталогической литературы»[75].

Весьма интересно то обстоятельно, что Жебелёв вслед за Норденом фиксирует наличие связи между «Жизнью Аполлония Тианского» Филострата и новозаветными текстами, но на ареталогической подкладке: «Биография Аполлония, изложенная Филостратом на основании рассказов некоего Дамида, спутника Аполлония, соприкасается, как показали новейшие исследования, не только в общем, но и в деталях, с каноническими и, особенно, апокрифическими “Деяниями апостолов”. В состав ареталогий входили повествования о различного рода чудесах, снах, пророчествах. Из всех этих повествований создалась литература эллинистических рассказов о чудесах или вообще о чудесном, и христианская литература в этом отношении примкнула к существовавшей уже эллинистической литературе»[76]. В целом Жебелёв пришёл к заключению, что синоптические евангелия в их повествовательной части, где говорится о «делах» Христа, носят на себе ясные следы влияния эллинистической ареталогической литературы.

Более дифференцированный подход к вопросу о жанровой специфике Евангелий и античном влиянии на евангелистов проводился в работах другого отечественного исследователя — Сергея Аверинцева. Аверинцев является убеждённым спецификатором, отстаивающим своеобразие Нового Завета, которое позволило ему оторваться и от иудейских, и от античных корней. «Слово “евангелие” означает “благовестие”, и оно применялось к христианской проповеди в целом, — указывает Аверинцев. — Каждое Евангелие не только рассказ, но и прежде всего “весть”, не только жизнеописание Иисуса, но и прежде всего проповедь о Христе. В различных Евангелиях проповеднический и повествовательный элементы находятся в различных соотношениях; однако подвижное равновесие между ними никогда не исчезает. К этому следует добавить, что евангельские тексты — не только и не столько литература, рассчитанная на одинокое, “кабинетное” чтение, сколько цикл так называемых перикоп для богослужебно-назидательного рецитирования на общинных собраниях; они с самого начала литургичны, их словесная ткань определена культурным ритмом. Надо сказать, что распространённый миф о раннем христианстве без обрядов и таинств не соответствует исторической действительности; внешняя примитивность обрядов молодой и гонимой церкви шла рука об руку с таким всеобъемлющим господством самого культового принципа, что литературное слово евангельских текстов, тоже очень простое и необработанное, есть по своей внутренней установке обрядовое слово, словесное “действо”, “таинство”. Оно предполагает скорее заучивание наизусть, ритмическое и распевное произнесение и замедленное вникание в отдельные единицы текста, чем обычное для нас читательское восприятие»[77]. Меня не может не радовать, что такой текст, такое изложе-

[75] Там же. С. 119–123.

[76] Там же. 122.

[77] *Аверинцев С.С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы. М.: Наука, 1983. Т. I. С. 506–507.

ние существуют на русском языке, но после новаторских исследований Дибелиуса и Бультманна их никоим образом нельзя признать оригинальными; всё это уже было сказано ими в начале 20-х годах прошлого столетия.

Для литературной формы Евангелий, считает Аверинцев, характерен сильный семитический колорит; по-видимому, это было жанровой традицией, от которой не отступил даже такой писатель с чисто греческими навыками речи и мышления, как автор третьего Евангелия. Прежде всего евангельские тексты пронизаны влиянием языка и стиля Септуагинты, но встречаются в них и обороты, совершенно обычные в рамках арамейского или сирийского языка, но экзотически выглядящие на греческом. Согласно Аверинцеву, литературная форма Евангелий непонятна в отрыве от традиций ближневосточной учительной прозы: Ветхий Завет, сирийские поучения Ахикара и т.д. Проза этого рода подчинена назидательности; её художественные возможности лежат не в полноте изображения, а в силе экспрессии, не в стройности форм, а в проникновенности интонаций. Аверинцев указывает на такие жанры назидательной иудейской литературы, оказавшие воздействие на Евангелия, как притча (машал), заповеди блаженства, рассказ о деяниях почитаемого проповедника (маасе): маасе обычно излагает ситуацию, спровоцировавшую какое-нибудь передаваемое из уст в уста назидательное изречение или поступок, жест, выходку «учителя». Из таких ячееподобных маасе, по Аверинцеву, сложено евангельское повествование.

Отличие от еврейской традиции состоит в том, что авторы Евангелий стремились объединить «логии», как стали называть маасе христиане, в связный рассказ, сплавить фрагменты предания в единый религиозный эпос. Для этого в еврейской литературе предпосылок не было; не воспользовались евангелисты, за исключением Луки, и приёмами греко-римской литературы, биографической прозы. Так, «перед лицом трудностей композиционного порядка автор Евангелия от Марка не мог извлечь для себя никакой пользы из опыта греко-римского биографизма»[78]. В целом же, если следовать Аверинцеву, три первых канонических Евангелия «остаются в рамках одной и той же литературной формы, основанной на относительном равновесии наивной повествовательности и религиозно-морального содержания»[79]. Если третье Евангелие ввело в кругозор раннего христианства эллинистическую моральную и эмоциональную культуру, то четвёртое Евангелие ассимилировало греческую философскую мысль и диалектику греческого мифа. Разумеется, и то и другое было переработано Иоанном в духе христианской мистики.

Мне показался достойным глубокого осмысления тот факт, что вся эта проблематика создания образа Иисуса при сочетании биографического и нравственно-философского подходов к этой задаче, совмещения в этом образе «исторического Иисуса» и «культовой легенды о Христе», — вся эта проблематика была заново воспринята и обдумана в XIX в. великим русским писателем Фёдором Михайловичем Достоевским. Достоевский, как известно, не расставался с замыслом написать роман об Иисусе Христе. 4 декабря 1877 г. он внёс в одну из своих записных тетрадей такую заметку: «Memento. На всю жизнь. 1) Написать русского Кандида. 2) Написать книгу об Иисусе Христе…» Такую книгу он так и не написал, хотя

[78] Там же. С. 509.

[79] Там же. С. 511.

без указанного замысла не появились бы его романы «Идиот» и «Братья Карамазовы». В подготовительных материалах к ним Достоевский много размышлял о том, каково должно быть литературное решение книги об Иисусе, с учётом того, что он не был обыкновенным человеком. Достоевский ясно осознавал коренное различие между литературой и религией, между письмом и вероисповеданием, и слепо следовать примеру евангелистов он, как писатель милостью Божией, попросту не мог. Говоря о своём понимании князя Мышкина в романе «Идиот», в котором нашли выражение искомые Достоевским черты образа Иисуса, «русского Христа», писатель отмечал в одном из писем: «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь». Заявляя дальше, что единственное «положительно прекрасное лицо» для него Христос, «Достоевский перечислял лучшие образцы мировой литературы, на которые он ориентировался: это, в первую очередь, “из прекрасных лиц” стоящий “всего законченнее” Дон-Кихот Сервантеса, затем “слабейшая мысль, чем Дон-Кихот, но всё-таки огромная”, Пиквик Диккенса, и, наконец, Жан Вальжан из романа “Отверженные” В. Гюго»[80]. В результате долгих раздумий Достоевский пришёл к следующему выводу, сформулированному им в заметке «Синтез романа. Разрешение затруднений»: «Чем сделать лицо героя симпатичным читателю? Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны. Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он! **невинен!**»[81].

Проблематика, с которой мы столкнулись при рассмотрении жанровой специфики Евангелий (хотя Бультманн и не считает Евангелия жанром), а именно как можно одновременно рассказывать истории или Историю и назидать, засевать зерно христианской веры в душу человека, завербовывать его в христиане, — эта проблематика в ином преломлении вновь стала крайне актуальной в XX в. К примеру, вокруг неё центрировалась известная книга Жан-Поля Сартра «Что такое литература?». Здесь Сартр, во-первых, рассматривал изящную литературу (прозу) как художество, как определённый способ открывать мир и человеческую ситуацию в нём посредством слова: «Как говорил Валери, если слово проникло сквозь ваш взгляд, как солнечный свет сквозь стекло, — значит, это проза. Во-вторых, Сартр ставит акцент на неизбывной вовлечённости писателя в дела общества и человечества, на его конститутивной ангажированности: «Для нас писатель, действительно, не весталка и не Ариэль (дух воздуха в «Буре» Шекспира. — *С. З.*). Что бы он ни делал, он замешан в деле, заклеймён, втянут в него даже в самом уединённом своём убежище». Сартр решительно отвергает возражения противников ангажированности, ратующих за «искусство для искусства», их утверждения, что ангажированность гибельна для художественной прозы: «Ангажированность не обедняет искусство, наоборот — как физик ставит перед математиками новые проблемы, вынуждающие их создавать новую символику, так и новые социальные или метафизические нужды заставляют художника придумывать новый язык,

[80] И.А. Битюгова в книге: *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л.: Наука. 1989. Т. 6. С. 625–626.

[81] Там же.

новую технику»[82]. Сартр писал о диалектике художества и ангажированности на излёте до предела политизированных и конфликтных 40-х годах. Но Жак Деррида в своём эссе «Сила и значение» поднял по существу тот же самый вопрос, хотя и в других терминах, в благополучные 60-е годы. Деррида исходит из того положения дел, которое сложилось в философии и гуманитарных науках с нашествием структурализма. Вот диагноз философа: «Раз мы живём самой этой структуралистской плодовитостью, нам слишком рано подгонять нашу мечту. Нужно подумать в ней о том, что бы она **могла** значить. Быть может, завтра её поймут как некое расслабление, если не промах, во внимании к **силе**, которое есть напряжение самой этой силы. **Форма** соблазняет, когда нет больше сил понимать силу изнутри её самой. То есть творить» (выделено автором. — *С. З.*)[83]. Иными словами, момент назидания и миссионерства в случае Евангелий, момент ангажированности в литературе в трактовке Сартра, момент силы в науке и искусстве в понимании Деррида — это внутренние моменты самого творчества, а не внешние социально-антропологические довески к нему.

[82] *Сартр Ж.П.* Что такое литература? Слова. Минск: Попурри, 1999. С. 19, 67, 24–25.

[83] *Деррида Ж.* Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 11.

«Антитезы» Маркиона и проблемы экстремального христианства

Предваряя изложение Маркионовой концепции христианства и его мировоззрения, стоит хотя бы бегло обозначить следующие герменевтические пункты, обусловливающие её уразумение: 1) ничего не известно ни о каком **систематическом учении** («системе») или чем-либо подобном, что Маркион сам выставил бы перед публикой или предал гласности; его ученики никогда не ссылались ни на какие доктринальные положения Маркиона, выраженные в понятийной форме: всё, что он оставил после себя в письменном виде, сводится к «Антитезам» или истолкованиям тех или иных мест из Библии; 2) Маркион никогда не апеллировал, подобно другим гностикам, считавшим гносис уделом избранных и вносившим в процесс познания элементы мистериальности и тайновидения, к «духу», «пневме» или к особому откровению, которым был бы облагодетельствован он один; 3) в том, что касается источников его учения, он отвергал «апокрифы» и со строжайшей неукоснительностью держался Евангелия и апостола Павла, цитировал Иисуса только по Евангелию от Луки, а Павла — по своему изданию его посланий; 4) Маркион был решительным противником заимствований христианством каких-то мыслей или положений из мистериальной мудрости и любой «философии», так как считал их «пустым обманом»; 5) он принципиально отвергал аллегорическое и типологическое истолкование текстов, которое было взято на вооружение поздним иудаизмом, иудеохристианством и большинством гностиков; 6) маркионитская церковь терпимо относилась к развитию в своих рамках учений с различными принципами, что не повело, если не принимать в расчёт Апеллеса (ученик Маркиона, отошедший от взглядов учителя и основавший в Александрии собственную школу) к её расколу.

Итак, доныне известно только одно оригинальное произведение Маркиона, в котором он изложил своё видение христианства: трактат «Антитезы». Однако сказать об этом трактате нечто связное и стройное очень трудно, поскольку от него сохранились только разрозненные фрагменты в произведениях критиков Маркиона — Иринея, Ипполита, Тертуллиана. Нет полной ясности даже с общим построением «Антитез», их структурой. Предположительно, они состояли из двух частей: историко-догматической части и схолий, или комментариев. Историко-догматическая часть, судя по всему, начиналась с обсуждения взаимоотношений

Павла со старшими апостолами, характеризуемыми как «ложные братья», продолжалась обоснованием тезиса о фальсификации Евангелия Иисуса Матфеем, Марком и Иоанном, а кроме того — составителем «Деяний апостолов», каковым не был Лука, а также показом искажений, внесённых переписчиками из иудеохристианской среды в достоверное в принципе Евангелие от Луки; заканчивалась эта часть, скорее всего, утверждением Нового Завета, как его понимал Маркион. По логике вещей, он должен был говорить здесь также о своём собрании посланий Павла и об их очищении от иудейского балласта.

Во второй части, в схолиях, или комментариях, Маркион, видимо, проводил лобовое столкновение иудейского Ветхого Завета и спроектированного им самим христианского Нового Завета. Лев Карсавин описывал данную диспозицию следующим образом: «Маркион в своих “Антитезах” сопоставил противоречащие друг другу тексты Ветхого и Нового Заветов. Ему приходилось теоретически объяснять своё религиозно-нравственное, крайне аскетическое учение. И здесь сразу же обнаружилось, насколько сильна была в нём гностическая стихия, превратившая Павлово противопоставление закона и благодати в проповедь о двух богах»[84]. Постоянная опора Маркиона на Павла имела принципиальный характер: он, как уже отмечалось, ставил знак равенства между Евангелием Павла, каким оно предстало в отредактированных им посланиях апостола, и Евангелием Иисуса. Поэтому Маркион постоянно возвращался к заявлению Павла о том, что своё Евангелие он получил не от людей, а путём прямого откровения Иисуса. Сам Маркион, повторяю, не претендовал на боговдохновенность.

Но именно здесь, в указанном заявлении Павла, крылась фундаментальнейшая проблема христианства: **возможно ли, и если возможно, то как, продолжение Благой Вести Иисуса после его смерти, воскресения и вознесения и до его второго пришествия?** Каково отношение христианской проповеди к Слову Божьему: кем она Ему доводится — хранительницей, толковательницей, возвестительницей или продолжательницей? Начальное христианство в середине I в. жило эсхатологическими ожиданиями, упованиями на скорый и неминуемый конец «мира сего», «этого эона», на приход «Царства Небесного», о приближении которого возвестил Иисус. Благая Весть Иисуса в силу этого сохраняла первозданную свежесть, приуроченность к моменту, не требовала никаких добавлений к себе: христиане ждали парузии, пришествия Иисуса если не с минуты на минуту, то со дня на день. Но время шло, мир оставался всё таким же косным и непоколебимым, Иерусалимский храм был разрушен, святой народ израильский находился в рассеянии, иудеохристиане — в изгнании. Христианству нужны были новые ориентиры, свободные от эсхатологических эксцессов и иллюзий. Свободные и освящённые Словом Божьим — Благой Вестью, которая должна была зазвучать в предположении отсрочки второго пришествия Иисуса Христа.

Раннее христианство создало несколько умственных моделей, которые призваны были обосновать **мысли о немыслимом — о возможности продолжения Благовестия, Евангелия Иисуса в ситуации, когда Иисуса не было в наличии, рядом.** Об одной из них — о модели божественного откровения — я уже упоминал.

[84] *Карсавин Л.П.* Указ. соч. С. 36.

Она содержится в посланиях Павла и в «Деяниях апостолов». В «Деяниях» (9:3–6) божественное откровение описано с приведением (цитированием) слов Иисуса, сказанных после его вознесения на небеса: «Когда же он (Савл-Павел. — *С. З.*) шёл и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь не делать? И Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». То есть Савлу-Павлу самим Иисусом было определённо обещано, что откровенное Слово Божье будет звучать и впредь.

Отсюда уверения Павла в Послании к Римлянам, что «благодать и апостольство» он получил «через Иисуса Христа Господа»; отсюда его утверждения в первом Послании к Коринфянам, что его слово и проповедь — «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы», а именно «силы Божией» (2: 4–5); отсюда, наконец, решающее заявление Павла в Послании к Галатам: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (1: 11–12). Новизну и оригинальность этого откровенного Евангелия Иисуса-Павла, Благой Вести, продолженной младшим из апостолов, и хотел отстоять в «Антитезах» Маркион.

Вторая модель продолжения Слова Божьего обозначена также в «Деяниях апостолов», в эпизоде Пятидесятницы (Деян 1:1–36): «При наступлении дня Пятидесятницы все они (апостолы. — *С. З.*) были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян 1:1–4). Апостолы, по сообщению Дееписателя, заговорили и на парфянском, и на мидянском, и на эламитском, и на многих других языках, и на каждом из них возвещали «о великих делах Божиих». Апостол Пётр связал эту глоссолалию (говорение на иных языках) с пророческим даром, с обетованием Бога в Ветхом Завете об излиянии в последние дни Святого Духа «на каждую плоть» и о Его заверении, данном евреям, в том, что «будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут» (Деян 2:17). О глоссолалии как даянии Бога, духовном даре рассуждал и апостол Павел в первом Послании к Коринфянам (см. 1 Кор 12:14).

Хотелось бы вновь провести параллель между представлениями Павла и следовавших ему гностиков о глоссолалии, о сновидениях и фундаментальными идеями психоанализа Фрейда и Юнга: стоит напомнить о психоаналитическом методе свободных ассоциаций и сумеречных состояниях пациента, о значении, придаваемом психоанализом сновидениям и бреду, в которых выражает себя бессознательное; о прогностическом потенциале снов в трактовке Юнга и т.д.

Подобный теологический комментарий к этим местам в Новом Завете дал епископ Кассиан: «В русском переводе Нового Завета (1 Кор 14) при имени существительном “язык” в единственном или во множественном числе восполняется якобы подразумевающееся определение “незнакомый”. Тем самым дар языков, который на-

блюдался в Коринфской Церкви, толкуется как овладение иностранными языками, подобное тому, какое имело место в день Пятидесятницы. Но это толкование, несомненно, неправильное. Дело в том, что в повествовании о Пятидесятнице языки, на которых говорили Апостолы, определяются как “иные” языки (Деян 2:4). Точно так же в последнем поучении Христовом в Евангелии от Марка (Мк 16:17) верующим обещается, что они будут говорить “новыми” языками. Между тем в 14-1 главе первого Послания к Коринфянам слово “язык” определения не имеет. Это различие не случайно. Из отдельных замечаний в этом месте Послания можно вывести, что звуки, которые произносили владеющие даром языков, не были бессвязными и нечленораздельными. Это был язык, но язык непонятный… Как непонятный, он и вызывал соблазн. Но из слов апостола Павла вытекает, что он был непонятен не только другим, но и самому обладателю дара. Этот последний должен был тоже молиться о даре истолкования. Молитве духом Павел противополагает молитву умом… Коринфская глоссолалия тем отличалась от чудесного дара, проявившегося в день Пятидесятницы, что она не допускала отождествления с каким-либо историческим языком… Замечательно, что, по собственному свидетельству апостола Павла (1 Кор 14:18), он сам владел этим даром в большей мере, чем другие. За это он благодарил Бога. Можно думать, что он ценил этот дар как чудесное преодоление, силою Духа Святого, тварной человеческой ограниченности (ср. упоминание языков ангельских в 1 Кор 13:1). Но дар этот был сопряжён с опасностями, и апостол Павел с этими трудностями считается»[85]. Даже при беглом рассмотрении этой модели продолжения Слова Божьего становится очевидным, что в секуляризированном виде она лежит в основе современных представлений об акте творчества вообще и поэтического творчества, в особенности, о так называемой «заумной поэзии».

Третья модель продолжения Слова Божьего была выработана в рамках христианского гностицизма. В гностическом апокрифе «Евангелие от Фомы (Иисус сказал)», найденном в Наг-Хаммади, бросается в глаза странное начало: «Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома. И он сказал: “Тот, кто обретает истолкование этих слов, не вкусит смерти”»[86]. В данной экспозиции заключён остро дискуссионный аспект проблематики, перед которой ставит исследователя «Евангелие от Фомы». Этот текст построен, по сути дела, как беседа Иисуса с учениками, которым он говорит и объясняет свои «тайные слова», постоянно взывая при этом к их собственной духовной активности, без которой ничего не будет. В пятом изречении «Евангелия» Иисус вновь возвращается к теме «тайного» и его познания, — теме, которая заявлена уже во введении. Когда и в какой ситуации происходит эта беседа?

М.К. Трофимова приводит комментарий к Введению и теме «тайного» Р. Гранта и Д. Фридмана: «“Иисус живой”, говорящий “тайные слова”, — несомненно, воскресший Господь, который, по верованиям различных гностических сект, наставлял избранных или маленькие группы после своего воскресения»[87]. Трофимова

---

[85] *Епископ Кассиан.* Христос и первое христианское поколение. Париж – М.: Русский путь, 1966. С. 202–203.

[86] Апокрифические евангелия (Предисловие Х.Л. Борхеса). СПб.: Амфора, 2000. С. 270.

[87] Апокрифы древних христиан. Исследование, тексты, комментарии. С. 225.

крайне скептически относится к этой гипотезе, которая, на мой взгляд, имеет право на существование с учётом явно гностического характера мировоззрения и категориального аппарата автора (авторов) «Евангелия от Фомы». Достойно внимания и то обстоятельство, что один из крупнейших мыслителей Серебряного века Дмитрий Мережковский возводил к ситуации, описанной Грантом и Фридманом, аграфы и апокрифы, существующие как бы по ту стороны Нового Завета: «Есть что-то **по ту сторону Евангелия**, равное ему, если даже не высшее, потому что подлиннейшее, к живому Иисусу ближайшее; сказанное лучше написанного; видевшие, слышавшие Господа знают, помнят что-то о Нём, чего уже не знает и не помнит Евангелие. Тот же странный для нас, почти страшный, смысл — в очень, кажется, древнем сказании гностиков: "Господь, по Вознесении Своём, опять сошёл на землю и провёл одиннадцать лет с учениками Своими, уча их многим тайнам". Это, видимо, древнейшая часть сказания, а вот — позднейшая: "И всё, что они видели и слышали от Него, **Он велел им записать**"»[88]. Тот, кто скрылся под авторской маской Дидима Иуды Фомы, слагал свой текст, скорее всего, руководствуясь описанной Мережковским гностической моделью продолжения Благой Вести Иисуса.

Весьма интересным является то обстоятельство, что эта гностическая модель продолжения Слова Божьего сокровенно лежала в основе глубоко укоренённых в отечественной культуре XIX–XX вв. представлений о «русском Христе», побывавшем в России и вложившем в душу русского человека свой лик и своё Евангелие. Гениальными поборниками этого смыслообраза были Фёдор Тютчев и Фёдор Достоевский. Так, в поэме «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы» Достоевский голосом Ивана поведал историю о том, как Христос, которого страждущее человечество веками молило «"Бо Господи явися нам", "снисходил, посещал" временами иных праведников, мучеников и святых отшельников ещё на земле, как и записано в их "житиях". У нас Тютчев, глубоко веровавший в правду слов своих, возвестил, что "Удручённый юношей крестной, // Всю тебя, земля родная, // В рабском виде Царь Небесный // Исходил, благославляя". Что непременно так и было»[89]. «Русский Христос», стало быть, это Христос, который ещё до своего «официального» второго пришествия навестил Россию, «святую Русь», засвидетельствовав тем самым своё расположение к земле русской, её богоугодность, передав нашему народу «глаголы жизни вечной», продолжив свою Благую Весть.

В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский под этим углом зрения интерпретировал православие в целом: «Не в православии и одном сохранился божественный лик Христа во всей чистоте? И может, главнейшее предызбранное назначение народа русского состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придёт время, явить этот образ миру». Продолжение Евангелия уравнивается русским писателем с богоявлением, епифанией. К сожалению, эти взгляды Достоевского не получили адекватного исторического освещения.

Между тем я считаю возможным установление их преемственности с христианским гностицизмом первых веков существования христианства. Если угодно, с Мар-

[88] *Мережковский Д.С.* Указ. соч. С. 25.

[89] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 279.

кионом и созданной им церковью. Лев Карсавин в интересующей меня связи писал: «Только отвергнутый и Римом (144 год), Маркион основал собственную церковь, общины которой рассеялись на пространстве от Галлии, Италии и Африки до Малой Азии, где они и существовали до X века, чтобы потом, слившись с манихеями, возродиться в болгарском богомильстве (XI–XII) и западноевропейском катарстве, или альбигойстве (XI–XIV)»[90]. Мощное влияние болгарского богомильства на духовный мир христианизировавшейся Древней Руси — факт столь же известный, сколь и мало понятый. В то время как именно с богомильством были связаны истоки той народной веры, поборником которой был Достоевский: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит в сердце искони» («Дневник писателя» за 1873 г.). Разумеется, пока это — лишь мои догадки, весь этот узел проблем требует дальнейшего, самого тщательного исследования. Но я уверен, что оно принесёт обильные и неожиданные плоды.

Если вернуться к Маркиону, то какую из трёх моделей продолжения Благовествования он положил в основу своих «Антитез»? Безусловно, первую из них. Он счёл убедительным объяснение Павла, что тот благовествует не от себя, а от Иисуса Христа Господа, обеспечившего ему привилегированный доступ к Слову Божьему. Но это небывало повысило требования, которые теперь надо было предъявлять к посланиям самого апостола Павла и к Евангелию от Луки. В интеллектуальную и языковую игру, которую представляла собой канонизация и интерпретация текстов маркионовского Нового Завета, Маркион ввёл **абсолютные критерии**. В том виде, в каком он признавал и практиковал христианскую теологию, он воспринимал и строил её как fair play, т.е. «игру по правилам» или «честную игру».

Я отнюдь не являюсь пионером в применении к сфере религии понятия игры: это с блеском сделал замечательный голландский культуролог Йохан Хейзинга в книге «Homo ludens» («Человек играющий»). Он указывал: «Игровой характер порой отличает самые возвышенные занятия. Можно ли провести линию нашего рассуждения вплоть до культовой процедуры и свидетельствовать, что жрец, совершая жертвоприношения, играет свою игру? Кто признает это за богослужением, признает это и за всем другим. В таком случае понятия ритуала, магии, литургии, таинства и мистерии все попали бы в зону действия игры… С точки зрения формы священнодействие является игрой в любом отношении, и, в сущности, так оно и есть, коль скоро оно перемещает своих участников в другой мир, отличный от обыкновенного. Для Платона это тождество игры и священнодействия было безоговорочной данностью»[91]. Хейзинга подчёркивал, что среди формальных признаков игры важнейшее место занимало пространственное отторжение игровой деятельности от «обыденной» жизни. Некое замкнутое пространство, будь то материальное либо умозрительное, отделяется, обособляется, отграничивается от повседневного окружения. Там, внутри этого пространства, совершается игра, там, внутри, действуют её правила.

То, что можно было бы назвать теологией Маркиона, и есть такая священная игра по правилам в замкнутом, обособленном умозрительном пространстве. Как

[90] *Карсавин Л.П.* Указ. соч. С. 36.

[91] *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. С. 30.

раз эти правила и сделали христианство Маркиона экстремальным: он не признавал переходов, компромиссов и полутонов; он знал только крайности. Тертуллиан констатировал: «Хотя Валентин пользуется, по-видимому, неповреждёнными Священными книгами, однако он наложил руки на истину более лукаво, чем Маркион. Ибо Маркион открыто и прямо употребил меч, а не грифель, потому что он ради своего учения совершил убийство над Писанием»[92]. Тертуллиан также однозначно засвидетельствовал склонность Синопца к игре экстремумами, к поляризации умозрительного пространства: «Разделение Закона и Евангелия — отличительное и первоначальное дело Маркиона». Это разделение последний в соответствии с правилами игры абсолютизирует, доводит до противопоставления двух онтологических начал — двух богов. Ветхозаветный Закон говорит об одном, низшем боге; Евангелие — о другом, высшем. Онтологический процесс происходит в пространстве между этими экстремумами, причём высший Бог находится за его пределами, вне мира: он — акосмичен.

Маркионовское понятие акосмического высшего Бога — не из лёгких мыслительных инноваций. У него тяжёлая наследственность. Адольф фон Гарнак проследил три главные линии преемственности, которые ведут к этому понятию. Прежде всего, Маркион подхватывает намеченную выше **гностическую линию**, связанную с фокусировкой теологической мысли на понятии «неизвестного Бога» и его отличением от Творца этого мира, Демиурга (ср. сказанное выше о гностике Кердоне и генеалогии категории «неизвестный Бог»). «Неизвестный Бог — в силу того, что его никоим образом нельзя распознать в мире и в человеке; чуждый — в силу того, что его в конечном счёте не связывают с миром и человеком никакие естественные узы и никакие обязательства; ничто не связывает Бога даже с человеческим духом. Как во всех смыслах чуждый Гость и чуждый Господь вступает этот Бог в мир. Он является чудовищной парадоксальностью. Религию, если она стремится быть истинной, а не ложной, нужно, стало быть, воспринимать только как эту парадоксальность»[93]. Вот и для Маркиона неизвестный Бог не является творцом мира и человека.

Но при этом гностики делали существенную оговорку — в духе «мифа о Христе» Бультманна: человек, стоящий посреди мира и принадлежащий ему телом и душой, имеет в себе искру бытия и жизни неизвестного Бога в виде своего духа. Эта **искрящая** оснастка так тесно связывает его с Богом, что для духа Бог вообще является не чужим и лишь относительно незнакомым: неизвестному нужно только явиться этому затуманенному и ослабевшему духу, и он тут же распознает и постигнет Бога. Стало быть, в этом пространственно-временном и чувственном мире всё-таки имеется нечто божественное, и уразумение этого не может остаться без последствий для рассмотрения самого мира: в этот космос внедрено нечто сверхъестественное и ценное. Так считали гностики.

Маркион со всей серьёзностью отнёсся к данному подходу к богу и миру, но именно поэтому он отверг все половинчатости и двусмысленности гностицизма. Маркион «проповедовал этого Бога последовательно и исключительно как добро-

[92] *Тертуллиан*. Творения. Ч. 1–2. Киев: Пётр Барский, 1910. Ч. 2. С. 35.

[93] Hamack A. von. Marcion. S. 4.

го Спасителя, но одновременно как Неизвестного и Чуждого»[94]. Разве это не парадокс: Бог спасает человека, с которым его ничто не связывает! В своём богословии Маркион сильно грешит парадоксализмом.

Далее, в своём богословии Маркион так или иначе отталкивался от **синкретизма** вероучения раннего христианства. Но синкретизм синкретизму рознь: христианство не остановилось на чистом синкретизме, а выплавило из него нечто более ценное и целостное, отмеченное **соединением несоединимого, единством противоречивого**. Гарнак подчёркивал: «Христианство в ходе своего развития могло стать более сложным, но не способно было стать более многогранным, чем оно уже было во время своего вторжения в Римскую Империю. Эта религия проповедовала доселе неизвестного Бога, и при этом оно проповедовало востребованного всеми и многими уже узнанного Господа неба и земли. Оно вербовало приверженцев нового Господа и Спасителя, который недавно, при Тиберии был распят на кресте, но одновременно оно утверждало, что он участвовал в сотворении мира и со времён праотцев открывался человеческим душам и пророкам. Христианство провозглашало, что всё принесённое и сотворённое его Спасителем является новым, и одновременно оно положило в основу своего предания древнюю священную книгу, которую оно отобрало у евреев, в каковой с незапамятных времён было напророчено всё, в чём нуждаются познание и жизнь. Оно влекло за собой великое множество возвышенных мифов, и одновременно оно проповедовало всеобъемлющий Логос, чью сущность и деятельность изображают эти мифы».

И далее: «Оно провозглашало деятельную вездесущность Бога, и одновременно — самовластие свободной воли. Оно поставило во главу угла всего ясный ум и истину, и оно же насаждало жестокую и тёмную букву, таинства, которые шли навстречу религиозной чувственности и мистике. Оно объявило космос благим творением благого Бога и одновременно — юдолью греха, где господствуют злые духи. Оно провозгласило воскрешение мёртвых во плоти и одновременно объявило плоти войну. Оно обострило небывалым образом совесть своим предсказанием скорого Страшного суда гневного Бога, и оно же одновременно провозгласило этого Бога, ради которого оно сохранило в силе все высказывания Ветхого Завета, богом всяческого милосердия и любви. Оно требовало праведной жизни в воздержании и отречении, и оно же обещало полное прощение всех грехов. Оно обращалось к отдельной душе так, как если бы она была одна на всём свете, и оно созывало всех в солидарный союз братьев, такой же всеохватывающий, как человеческая жизнь, и такой же глубокий, как человеческая нужда. Оно возвело христианскую демократию, и оно же с самого начала было склонно подчинить её сильному авторитету»[95]. Подобную парадоксальность христианство сохранило до сегодняшнего дня; можно даже сказать: ею оно и живёт.

Эта сложность в христианстве была навеяна поздним иудаизмом, из которого христианство многое восприняло как свою веру. Маркион был агентом перехода от иудеохристианства к эллинистическому христианству: «Религия стала религиозной философией»[96]. Реально это означало, что христианство обзавелось собствен-

[94] Ibid.

[95] Ibid. S. 5–6.

[96] Ibid. S. 8.

ным богословием. Гностики осуществили отсечение некоторых религиозных лейтмотивов от христианского вероучения, упростили и структурировали его, но внесли в него элементы мистериальности. У евреев не было теологии, не было её и в первоначальном христианстве.

Таким образом, в конце I – начале II в. христианство переживало тяжелейший кризис своих иудейских основ и компонентов: это-то и стремился преодолеть Маркион. Маркион придал предельную ясность загнанным в глубь христианства коллизиям между Петром и Павлом, между христианством для обрезанных и космополитическим христианством. Стало быть, Маркион развивал установку не столько на синкретизм, сколько на придание христианству простоты и единства, но без утраты парадоксальности. Тут существен один мировоззренческий поворот. **Религиозный принцип, согласно которому вся высшая истина сводится к противоположности Закона и Евангелия, у Маркиона является также принципом объяснения всего бытия, всего происходящего**. Иными словами, Маркион не столько этику интерпретирует таким образом, чтобы она отвечала мирозданию, сколько мироздание толкует так, чтобы оно отвечало этике. То есть чтобы этика была в нём возможна даже в чисто отрицательном смысле. Посредством этого тезиса религия спасения и сокровенности превращалась в этическую метафизику, что имеет своим следствием отказ от Ветхого Завета.

Эта этическая метафизика или, точнее говоря, онтология является двухслойной: Маркион, как уже отмечалось, учит о двух уровнях бытия, о двух Богах. Один Бог — «ремесленник» (Демиург), «Бог-творец», «правитель этого эона»; это — «знающий», «утверждающий», «справедливый», «законодательствующий» Бог. Напротив, другой Бог — это «тайный», «неведомый», «непознаваемый», «чуждый» Бог, но также — «новый» и «благой», милосердный Бог. С первым Богом Маркион предпринимает скорую гносеологическую расправу: Демиурга надо познавать по его созданиям. Чтобы уразуметь, кто такой Бог-творец, надо только взглянуть на сотворённый им мир: «Задирая носы, бесстыдные маркиониты берутся оспаривать работу Творца», — негодует Тертуллиан. «Действительно, — говорят они, — этот мир есть грандиозное произведение, достойное его Бога». В другом месте Тертуллиан оскорбляется в связи с рассуждениями маркионитов об «этих ничтожных элементах» (стихиях. — *С. З.*) и «этой жалкой обители Творца». Ветхий Завет, согласно Маркиону, является правдивым рассказом об этом Боге и сотворённом им мире. Они стоят друг друга. Но о высшем, неизвестном и чуждом Боге Ветхий Завет ничего не ведает.

Неуклонно следуя правилам своей «честной игры», Маркион отказывается от всяких позитивных утверждений о высшем «неизвестном и чуждом Боге»: Он не имеет никакого касательства к этому миру, ко всему тварному, включая человека. Христианство в лице Маркиона впервые вырабатывает чистое понятие о Боге, лишённое любых рудиментов антропоморфизма или эмпирических определений: это — чистый Абсолют, Экстремум, релятивирующий всё в этом мире. Это — чёрная дыра, своим абсолютным отсутствием сигнализирующая о преходящести этого мира, этого космоса. И способная в одно мгновение его поглотить, т.е. отбросить в тьму внешнюю. Такого рода мыслительные эксперименты стали обычными лишь в XX в., когда наука отказалась от принципа наглядности.

Единственным показанием о «неизвестном и чуждом Боге», которому можно и нужно верить, является Благая Весть Христа — посланного Богом, мир Сына, принявшего облик человека Иисуса и спасшего уверовавших в Него людей. Поэтому подлинным Евангелием Маркион считает Евангелие «чуждого и благого Бога, Отца Иисуса Христа, который спас из тяжких оков вечную жизнь несчастного человечества, которое ещё было чужеземным для него». Центральным сюжетом этого Евангелия, стало быть, является Спасение. То обстоятельство, что Бог-Спаситель, который является поистине Богом, не приходил к людям ни в каком откровении до своего явления в Христе, — оно вытекает из природы Спасения, каковое он дарует. На вопрос о том, почему Бог занимался Спасением чужих ему людей, нет никакого ответа в терминах причинности и мотивации: просто в силу того, что Он — благой и милосердный. На вопрос же о том, от чего освободил нас Христос: от демонов, от смерти, от греха, от вины, от плоти (все эти ответы были даны уже в первые десятилетия существования христианства), — на этот вопрос Маркион отвечает радикально. **Христос освободил нас от этого мира и его Бога, чтобы сделать нас детьми нового и чуждого Бога**. Отсюда следует, что зло, от которого освобождает божественное Спасение через Христа, есть не что иное, как мир вместе с его творцом.

Поскольку Маркион отождествил Творца мира с еврейским Богом, постольку он рассматривал Ветхий Завет, что уже отмечалось, не как религиозную подделку, а как достоверную информацию. Даже ветхозаветное обетование о приходе Мессии должно исполниться: вот только этот Мессия не будет иметь ничего общего с Иисусом Христом. Это будет натуральный еврейский помазанник, Мессия или, по-гречески, Христос — воитель и защитник еврейского народа в стиле царя Давида. Но при этом еврейский Бог вместе с верующими в свидетельство о нём, Ветхий Завет, должны были стать кровными врагами Маркиона.

По Маркиону, христианское понятие Бога должно быть целиком и полностью сконцентрировано на Спасении через Христа. Пославший Христа Бог не может и не должен быть кем-либо иным, нежели Добром в смысле милосердной и спасительной любви. Всё прочее надо отбросить: «Бог — не творец, не законодатель, не судья, он не гневается и не карает, он есть исключительно и единственно воплощённая любовь — спасительная и одушевляющая»[97]. Христианство — религия парадоксального, неизвестного и чуждого Бога, но это и эксклюзивное религиозное послание о Спасителе и Спасении. В «Антитезах», однако, чётко проявилась склонность Маркиона к докетизму в трактовке Спасителя — Иисуса Христа. Как сообщали Ириней, Тертуллиан и другие, Маркион учил, что Христос является нерождённым (важное гностическое понятие), не имеет в себе ничего человеческого и только появился «in hominis forma», т.е. в призрачном теле. Тело Христа надо представлять по аналогии с теми телами, какие были у ангелов мирового Демиурга при их явлениях. На крест Христа отправил мировой Демиург, который его не знал. Люди были настолько чужими явившемуся Иисусу, а он — мировому Демиургу, что Павел сказал: «Христос нас выкупил» (см.: Гал 3:13). А ведь выкупают чужих, а не своих. Демиург — продавец. Цена покупки — кровь Христа, которую надо связывать не с освобождением от смертного греха, а с лишением Демиурга имущественных прав на людей.

[97] Ibid. S. 18.

Само собой понятно, что пришествие Христа не было внутримирским событием, оно не вносило изменений в реальную жизнь, которая продолжала катиться по проложенному Демиургом руслу. «В сущности, оно изменяет только перспективу будущей жизни спасённой души и, через обретение веры в это будущее, — **духовные условия** её настоящего существования, ориентируя её на уход из мира, то есть на окончательное саморазрушение. В оставшееся им время пребывания на земле поведение верующих определялось не столько положительной заботой о святой жизни, сколько отрицательной — об уменьшении соприкосновений с владением Творца»[98]. Грядущее блаженство можно приблизить здесь только верой, и вера в действительности является лишь формой, которая позволяет воплотиться божественному дару, принесённому Христом, через отказ от того, от чего можно отказаться. Маркион отбрасывает гностическую классификацию человеческих типов (хилики, психики и пневматики): спасённые — это верующие, а не гностики.

Данная онтологическая концепция имеет очень серьёзные этические импликации, последствия для образа жизни людей, её принимающих. Прежде всего ею отменяются все нравственные обязательства верующих в Иисуса Христа и его Отца, неизвестного и чуждого Бога, по отношению к миру, его Творцу и подданным этого Творца, т.е. не уверовавшим людям. Ветхозаветный Закон, по Маркиону, это действенный способ порабощения людей, который используется Демиургом в дополнение к астрологическому принуждению, т.е. влиянию звёзд на судьбы людей. Любое следование иудейскому Закону только увеличило бы власть мира над христианами, сделало бы ещё более прочными их оковы. Отсюда следует главный догмат этики Маркиона и его практической морали: согласно Клименту Александрийскому, «отрицая Демиурга, Маркион выступал против использования вещей этого мира».

Логическим выводом из этого догмата явился аскетизм. Одним из его аспектов было недопущение аскетом любого осквернения себя миром и его искусами: христианин должен не выполнять заветы Творца мира, а идти им наперекор, подрывать его замысел. Как свидетельствовал Ипполит, Маркион «верил, что он досаждает Демиургу, воздерживаясь от того, что Демиург делал или утверждал». В первую очередь это воздержание распространялось на пищу: согласно Маркиону, воздержание в еде служит «во благо разрушения, и пренебрежения, и отвращения к трудам Творца». В маркионитских общинах практиковалось полное безбрачие, женщины в них не допускались, половые отношения строжайше табуировались. В этих запретах и табу ярче всего проявилась неразрывность этики и онтологии в мышлении Маркиона. Климент Александрийский указывал: «Не желая помогать продолжению мира, созданного Демиургом, маркиониты провозгласили воздержание от супружества, бросая вызов их Творцу и торопя Благого Бога, который призвал их и который, говорят они, является Богом в другом смысле: поэтому, не желая что-либо оставить здесь внизу, они обратились к воздержанности не из нравственных соображений, но от враждебности к их Создателю и нежелания использовать его творение». Для маркионитских общин главным основанием воздержания от брака было именно то, что для христианской церкви было главным оправданием допущения брака: брак служил целям размножения людей, продолжения человеческого рода.

[98] *Йонас Г.* Указ. соч. С. 148–149.

Для Маркиона, как впоследствии для манихеев, брак был дьявольской уловкой «архонтов этого эона» для удержания человеческих душ внутри мира.

Но имели место и более тонкие, трудно уловимые следствия из онтологической концепции Маркиона, из его трактовки неизвестного Бога и земной нравственности, понятой в качестве узды Демиурга, которую он надевает на людей. В противопоставлении спонтанного, немотивированного милосердия, характерного для высшего, неизвестного и чуждого Бога, с одной стороны, справедливости и ветхозаветному Закону, насаждаемым Демиургом, Богом «этого эона» — с другой, — в этом противопоставлении крылась остро актуальная для нравственно-философского мышления XIX–XX вв. проблема противоречия между двумя этиками, двумя концепциями морали. В первом приближении можно определить эту проблему как расхождение между формальной этикой и этикой содержательной, этикой всеобщей и этикой ситуативной, между пониманием морали, для которого центральными являются категории «воли» и «долга», и трактовкой морали, ставящей во главу угла понятия «сердца», «добра» и «милосердия». Эти сюжеты активно обсуждались представителями немецкой классической философии и литературы в связи с критикой этического формализма Канта. Мощный резонанс данная проблематика имела в философии и культуре XX в., в особенности — в контексте дебатов о революционной этике. О возможности этической легитимации революции и революционного террора. Своими наиболее глубокими корнями указанная проблематика уходит в археологические слои культуры, связанные с Маркионом и его противопоставлением справедливого и милосердного Богов. Остановлюсь только на одном эпизоде в этой драме идей, связанном с великим венгерским мыслителем Георгом (Дьёрдем) Лукачем (1885–1971).

Конкретно речь пойдёт об эпистолярной дискуссии, состоявшейся во время Первой мировой войны между Лукачем и известным немецким драматургом и философом Паулем Эрнстом (1866–1933). (Кстати, одним из корреспондентов Фридриха Энгельса.) Поводом для дискуссии послужили книги эсера-террориста Бориса Савинкова, появившиеся на немецком языке под псевдонимом «В. Ропшин», и находившаяся в стадии написания работа самого Лукача о Достоевском[99]. В письме Лукача Эрнсту от 14 апреля 1915 г. после обсуждения книги В. Ропшина «Конь бледный» и плана издания на немецком языке избранных воспоминаний участников первой русской революции 1905–1907 гг. с собственным предисловием (Лукач: «Меня очень интересует этот план, так как, на мой взгляд, здесь мы имеем в наличии новый тип человека, который очень важно узнать»), после сообщения о том, как движется работа над книгой о Достоевском, — после всего этого, оттолкнувшись от случайного повода, автор делает мощное отступление на краеугольную для себя тему.

На тему соотношения метафизической действительности души и властных институтов, аппаратов, конвенций: «В сравнении с действительным бытием власть институтов (der Gebilde), по-видимому, постоянно прибывает. Но мы, — для меня это переживание, связанное с войной, — не должны соглашаться с этим. Мы обя-

[99] Здесь и далее письма Лукача и Эрнста и заметки Лукача к его книге о Достоевском будут цитироваться по изданиям: *Lukacs G.* Briefwechsel 1902–1917. Budapest: Corvina Kiado, 1982; *Lukacs G.* Dostojewski. Notizen und Entwuerfe. Hrsq. von J.C. Nyiri. Budapest: Akademiai Kiado, 1985. Письма приводятся в моём переводе в соответствии с датой их написания, заметки — в соответствии с их номером или индексом в указанном издании.

заны вновь и вновь подчёркивать, что тем не менее единственно существенным являемся мы сами, наша душа, что даже её априорные объективации (по меткому выражению Эрнста Блоха) — это лишь бумажные деньги, ценность которых зависит от их обмениваемости на золото. Разумеется, нельзя отрицать реальную власть институтов. Однако смертным грехом по отношению к духу является то, чем преисполнено немецкое мышление после Гегеля: я имею в виду метафизическое освящение любой власти. Да, государство — это власть, сила (eine Macht); но может ли оно поэтому быть признано в качестве бытия, в утопическом смысле философии: в сущностном, деятельном смысле истинной этики? Мне кажется, что — не может. И я надеюсь в неэстетических разделах моей книги о Достоевском выразить против этого энергичный протест. Государство (со всеми проистекающими из него институтами) является силой; но силой являются и землетрясение или эпидемия. Землетрясение и эпидемия суть более непреоборимая сила (чем государство), ибо с ними мы способны бороться лишь механическими средствами, в то время как в случае государства в нашем распоряжении находятся этические средства».

В ответном письме Эрнста Лукачу от 28 апреля 1915 г. писатель в вежливой, но жёсткой и концептуальной форме выразил своё несогласие с тезисами своего собеседника. Прежде всего — с его трактовкой русского террориста как «нового типа человека» (угаданного, как выяснится из последующего, Достоевским): «Книгу Ропшина я прочитал, по вашему совету, и прочитал с глубочайшей увлечённостью… Книга рисует картину болезни (ein Krankheitsbild). Если бы я был русским, я тоже стал бы революционером и, весьма вероятно, террористом. Но то, от чего страждет её автор в самой глуби не своей души, — не преследование, не нужда, не наказание, страх и т.д., всё это внешнее. Он страдает от чувства, что государство, а с ним, наверное, и нация, больны. Он честный человек, к каковым, мне кажется, могу быть причислен и я; и это ужасно, что честный человек в подобной ситуации неизбежно должен совершать преступления. Ибо неудавшаяся революция есть преступление. И люди знают, что их действия бессмысленны, т.е. преступны. Я не уверен, сумел ли я выразиться понятно».

Эрнст далее подверг сдержанной критике антигосударственническую позицию Лукача, отказывавшего государству в подлинном бытии, и её антивоенные обертоны: «Идея государства, или идея семьи, или идея права кажутся мне существующими в той же малой степени, что и любые другие овеществления существительного или прилагательного. Но я — это не только Я сам, я живу и в Других. Во время этой войны, очевидно, происходит стяжение (eine Contraction) Я и нации. Здесь есть гармония, и поэтому я чувствую государство как нечто священное». Эрнст противопоставил Лукачу именно то отношение к государству, против которого яростно боролся венгр: **отношение к государству как верховной святыне**, пред которой блекнут все иные ценности. Более того, именно это отношение Лукач, судя по материалам к книге о Достоевском, считал одним из глубочайших оснований назревавшей германской государственной и немецкой национальной катастрофы.

В ответном письме Эрнсту от 4 мая 1915 г., представляющем собой небольшой философский трактат, Лукач сжато охарактеризовал свои мировоззренческие и политические установки, в сути своей противоположные эрнстовским. Оговорив то, что «относительно государства (и прочих институтов объективного духа) сто-

ило бы попытаться сблизить (наши) точки зрения при личной беседе», Лукач далее вступил в прямую конфронтацию с Эрнстом: «Когда вы говорите: “Государство есть часть самости”, — это правильно. Когда вы говорите: “Оно есть часть души”, — это неверно. Всё, к чему мы устанавливаем какое-либо отношение, является частью нашей самости (даже математический предмет); однако эта самость, которая “создаёт” данные объекты (в смысле синтетической функции разума) и тем самым нерасторжимо связывает их с собой, — эта самость есть абстрактное, методологическое понятие, а причастность возникшего таким образом объекта к самости есть методологическое отношение, значимое во внутренних границах методологической сферы. Когда из самости делают душу, это не отвечает истине: вследствие такого шага “институты” приобретают вещность и метафизичность, ибо всякое субстантивирование субъекта означает придание субстанциальности соответствующему объекту. А метафизической реальностью обладает только душа. И это никакой не солипсизм».

Здесь в ткань «общих» философских рассуждений Лукача вплетаются нити, ведущие к романам Достоевского, к новой этике, к темам революции и террора. Согласно Лукачу, «проблема состоит именно в том, чтобы найти пути от души к душе. А всё остальное — лишь инструментарий, лишь подспорье. Я считаю, что очень многие конфликты исчезли бы, если бы обеспечивался абсолютный приоритет этой области над производными областями (над правами и обязанностями, которые следует выводить из этически интериоризированных институтов). Не для того, естественно, чтобы сделать жизнь совершенно бесконфликтной, а с тем, чтобы конфликтом становилось лишь то, что ставит душу на распутье». «Я отнюдь не отрицаю, — пояснял Лукач, — что существуют люди, чьи души, — по меньшей мере, отчасти, — укладываются в объективный дух и его институты. Я протестую лишь против того, что эти отношения рассматриваются как нормативно существенные, что они выступают с претензией, будто каждый должен связать с ними судьбу своей души. (Поэтому я рассматриваю современную всеобщую воинскую повинность как самое мерзкое рабство, которое когда-либо существовало на свете.)».

И Лукач затем вновь возвращается к теме, к которой в ту пору был неотступно прикован его умственный взгляд. Я имею в виду террор как оружие революции и его изображение в повести Бориса Савинкова (Ропшина): «Сообразно с этим, — заявляет Лукач в противовес Эрнсту, — я вижу и в книге Ропшина, понятой как документ, а не как художественное произведение, не проявление болезни, а новую форму выражения старого конфликта между прежней этикой (обязанности по отношению к институтам) и 2-й этикой (императивы души). Ценностная иерархия всегда претерпевает своеобразные осложнения в тех случаях, когда душа направлена не на себя самоё, а на человечество; в случаях политического деятеля, революционера. Здесь именно и нужно принести душу в жертву, дабы её спасти, нужно стать, исходя из мистической этики, жестоким реальным политиком. Нужно нарушить абсолютную заповедь, в которой нет ничего от обязанностей по отношению к институтам. Заповедь “Не убий”».

Если в перспективе изложенного вновь взглянуть на материалы к незаконченной книге Лукача «Достоевский», то бросится в глаза, что венгерский мыслитель зорко разгадал и философски реконструировал, пересказал и развил на своём ме-

тафизическом и философско-историческом языке заветные мысли русского писателя и наследующих ему литераторов Серебряного века. Прежде всего нужно со всей силой подчеркнуть, что Лукач принял как единственно истинный образ Христа, нарисованный Достоевским в «Поэме о Великом Инквизиторе»: образ молчащего, всепрощающего, уязвимого, в чём-то слабого Бога, который с замиранием своей великой души наблюдает за страшным процессом объективации своих заветов, их превращения в свою отчуждённую противоположность, за ужасным зрелищем непреодолимости для человека искусов Сатаны, которыми тот испытывал Иисуса в пустыне. В качестве подпоры под этот образ слабого, одинокого, страждущего Бога Лукач подводит — в заметке № 67 — «последние слова Христа», как их донесли до политиков евангелисты. Первой Лукач приводит выдержку из «Евангелия от Матфея» (27:46): «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»

Эти слова ныне, как и прежде, способны разорвать душу, но Георг Лукач тем не менее, если быть верным истине, напрасно на них сослался. Парадокс излагаемой здесь драмы идей заключается в том, что ни Достоевский, ни его русские последователи, ни его адепт из Венгрии не разгадали, не расшифровали эти слова, приложили к ним неправильный масштаб, неадекватно истолковали их как жалобу Иисуса: «Какой бы разрывной эмоциональный заряд ни несли в себе эти предсмертные слова Иисуса, их смысл невозможно понять, если не учесть, что это — две строчки из псалма Давида: “Начальнику хора. При появлении зари. Псалом Давида. Боже мой! Боже мой! (внемли мне) для чего Ты оставил меня?” (Пс 21: 1–2). Иисус в свой смертный час пел псалом Давида, подобно тому как через полтора тысячелетия пели псалмы шедшие на смерть солдаты Кромвеля»[100].

Стоит пометить, что Лукач с великим философским энтузиазмом подхватил постановку вопроса о **возможности и путях постатеистической веры**, имплицитную романам Достоевского. Вопроса о вере после смерти Бога, возвещённой Гегелем и Ницше. В заметке № 42 Лукач сделал тонкое, хотя небесспорное, наблюдение: «Атеисты (Ставрогин, Иван) всегда провозглашают воззрения Достоевского». В заметке № 40 Лукач фиксирует конструктивную роль атеизма и нигилизма в творчестве и мировоззрении Достоевского: «Различие между Достоевским и другими (писателями): в том, что нигилизм является не убеждением, а переживанием… У Достоевского бог мёртв — у других: разъяснилось заблуждение. Поэтому лишь у Достоевского благодаря атеизму нечто происходит. (Базаров, Нильс Люне… они такие же, как всякий другой, — только не верят в бога)».

Отталкиваясь от Достоевского, Лукач проводит в заметке № 39 резкую черту, разделяющую русский атеизм и атеизм европейский: «**Не существует никакого европейского атеизма**, только русский (и буддистский). Следовало бы воспользоваться средневековым (способом) аргументации и сгруппировать атеистические аргументы, выделив среди них онтологические, физико-телеологические и моральные. Точно так же следовало бы центрировать всю проблему атеизма вокруг проблемы реализма (снова на средневековый манер: реализм = реализм понятий). Поскольку настоящий номинализм существует только в XIX веке (значение Фейербаха для России), имеется и точка отсчёта во времени: в Западной Европе, однако,

[100] *Земляной С.Н.* Огонь пылающий. Светское толкование притч и речений Иисуса // НГ-религии. 10.03.1999.

осознаётся только как личная (эгоистическая) проблема (Нильс Люне): может возникнуть лишь атеистическое понятие героя (он представлен в России Базаровым). Но это есть трагически-динамический тип, который ведёт к линии Геббель – Ибсен – Пауль Эрнст: **как можно умереть без бога**? (Ницше со своим сверхчеловеком здесь не более чем побочная линия рядом с геббелевско-гегелевской). Достоевский же спрашивает: как можно так жить (без Бога. — *С. З.*) (Иван, Алёша). Или: что произойдёт (в космическом, а не в человеческом смысле)?» (пунктуация Г. Лукача, выделено им же. — *С. З.*)

Эта разделительная черта между европейским и русским атеизмом важна для венгерского философа, ибо она позволяет отчётливее разглядеть, к чему ведёт та или иная атеистическая позиция. В заметке № 10 Лукач отмечает в связи с Иваном Карамазовым: «Последнее колебание Ивана как типа атеиста: (колебание) между бытием и небытием Бога (атеисты этого типа верят в Бога; наверное, Кириллов представляет собой исключение). Отсюда как следствие небытия Бога (вытекает): не новая мораль, а (постулат) "всё дозволено"… Надо изобразить — намёком — нового, молчащего, нуждающегося в нашей помощи Бога и его верующих (Каляев), которые тоже считают себя атеистами». Террорист-эсер Иван Каляев как религиозный атеист, верующий в «нового, молчаливого, нуждающегося в нашей помощи Бога», — это предвосхищенная Достоевским и угаданная Лукачем ослепительно яркая фигура эпохи.

Венгерский мыслитель, размышляя о «революционере как мистике» (заметка R/a), обращается к текстам Фридриха Шлегеля и ссылается на следующее место: «Немногие революционеры, которые действовали во время революции, были мистиками, как это свойственно лишь французам этого века. Они конституировали свою сущность и деяние как религию, и в будущем это покажется высочайшим назначением и достоинством революции». И Лукач в заметке R/в стушёвывает революцию Маркса с помощью революции В. Ропшина (и Фридриха Шлегеля) и, что весьма характерно, с помощью двоебожия Маркиона: «Проблема Ропшина: борьба 1-й этики (Розенштерн, Ипполит) и 2-й этики (Болотов, Серёжа). Маркс: победа первой (этики): борьба против Иеговы (т.е. против ветхозаветного Яхве, Демиурга, против Бога справедливости и Закона, ненавистного Маркиону. — *С. З.*): развитие революционной идеи (отсутствие субстанции). Истинной жертвой революционера, стало быть, является (буквально): принести в жертву свою душу: из 2-й этики сделать лишь 1-ю. (Маркс: не пророк, а учёный). Опасность: фарисейство (реальная политика). В другом случае: этический романтизм. Необходимое, но не поволенное преступление (Болотов и кучер 338) — индивидуальное и коллективное преступление (Серёжа Слёзкин и Драгонер 132). Неизбежный грех (246): нельзя (убивать. — *С. З.*), но (убивать. — *С. З.*) надо». Лукач оперирует здесь ситуациями и фигурами из книг Бориса Савинкова[101]. Террорист под пером обоих авторов предстаёт как «святой грешник».

Как уже отмечалось выше, из смерти Бога и проистекающего отсюда подлинного — русского — атеизма, по Лукачу, возможны два следствия: во-первых, деятельность под лозунгом «всё дозволено»; во-вторых, деятельность в русле «новой этики».

[101] *Савинков Б.* Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: Политиздат, 1990.

Независимо от того, правильно или нет истолковал Лукач постулат «всё дозволено», все, кто придерживается его на практике, являются для Лукача преступниками.

Нужно, однако, учитывать, что Лукач в материалах к книге о Достоевском использует не юридическое, а этическое и философско-историческое понятие преступления. Что значит, по Лукачу, быть преступником? Это значит, согласно заметке № 19, «идти до конца (взрывать "институты", 2-я этика) совершать преступление (например, Рогожин – Мышкин)». Отсюда вытекает онтологическая, метафизическая значимость для венгерского философа **криминального романа**, к расцвету которого в XIX–XX вв. был причастен Достоевский: «криминальный роман», по формуле Лукача, — это «прорыв в действительности (заметка № 25). В криминальном романе происходит «выход из права и этики» (там же). Иными словами, Лукач совершенно по-маркионовски провозглашает разрыв с идущими от Иеговы, Демиурга, Богатворца этикой, правом, законом. Имеется в виду, разумеется, 1-я, объективированная формальная этика. Вообще же Лукач не убоялся повести разговор об «эстетической ценности преступления», он не отказывал преступлению и в этических оправданиях.

Преступника, террориста и революционера (двух последних в качестве «грешников поневоле») Лукач подводит под категорию «бунтаря», с её романтической подоплёкой (Байрон): «Периферическое в государстве как ослабление "признание" "закона" и "долг" "бунта" против него (дезертирство: эстетическое отвращение), пишет Лукач в заметке № 31 под рубрикой "Преступление". — Поэтому государственный комплекс в целом может проходить по линии иеговического (естественный закон). (Под "иеговическим", повторяю, Лукач понимает все аналоги безжалостного и формального "Закона", который правоверные евреи возводили к своему Богу Иегове, Яхве. — *С. З.*) — Террорист как герой, чья сущность выражается в виде бунта против **этого** иеговического — но если вдруг борьба против Иеговы имеет своим центром нечто другое? (Иеговическое в системе права: русское понимание: преступник как "несчастный"; также критика юстиции в "Воскресении" Толстого». Венгерский мыслитель, однако, не ставит Толстого и Достоевского в один идейный ряд: «Русское понятие **преступления**, — пишет он в заметке № 64, — а) преступник — несчастный; б) законодатель как преступник: всякая пролитая кровь есть преступление (Раскольников I 422) Это упразднение объективного духа: линия Толстого. Переосмыслить опыты Достоевского: преступление как метафизически сущее и очевидность сознания (лишь атеизм затуманивает это: невозможные преступления Мышкина II 29). Тем самым часть объективного духа становится абсолютным духом, — а другая часть тонет в бессущественности (подобно тому, как у Толстого семья etc. Становится природой» (пунктуация, ссылки Г. Лукача; выделено им же. — *С. З.*).

Наконец в заметке под № R/c Лукач набрасывает очерк «этики революции». Каковая, как было выяснено выше, внутренне отмечена борьбой между 1-й и 2-й этиками:

«1) должно ли мне пожертвовать самим собой? (xxxxxx)
2) Юдифь:
а) **кто** такой Бог?
б) что такое деяние
Очевидность греха: только тому, для кого убийство — грех, дозволено убивать
3) требование этического минимума

4) проблема политики: в этике — трансценденция, в политике — действие
5) абстрактное добро (любовь к человечеству): Люцифер и Параклит (Сатана и Спаситель. — *С. З.*). Чернышевский о сострадании (Масарик II 48)
6) насилие: вечный мир как идеал; однако терпеть можно только желательное состояние. Проблема: имеет ли внешнее преобразование мира этическую ценность (трагедия Маркса как пророка). Отношение этики к иеговическому
7) очевидность веры: а) незнание доктринера б) знание в credo qua absurdum (еретик)
8) отступление субстанции из объективного духа; упразднение лжи. Михайловский: «Чувство **личной** ответственности за собственное общественное положение» (Масарик II 172). Отсюда: революция как долг (марксизм)
9) нельзя действовать без греха (но и недеяние есть деятельность = грех). [:положение:] Утверждение иеговического (против Толстого). «Собственный» грех (жертва чистоты)
10) совершенная прозаичность (Болотов как романтик 232). Нам не дано знать 133, 247, 339» (пунктуация, ссылки Г. Лукача; выделено им же. — *С. З.*).

Было опрометчиво полагать, что эти глубокие и оригинальные этические рефлексии не найдут себе выхода в более поздних произведениях Лукача, не вплетутся каким-то образом в ткань его философских раздумий на темы «креста революционеров», «морали и политики», «тактики и этики» (так называлась одна из первых книг Лукача-марксиста). В чём был этот крест, дают возможность уразуметь воспоминания старого коммуниста Йожефа Лендьела, довольно критично настроенного по отношению к Лукачу. Лендьел повстречался с так называемыми этиками, т.е. группой людей, пришедших вместе с Георгом Лукачем в коммунистическую партию, в начале 1919 г. «Помимо товарища Лукача, — сообщал Лендьел, — главную роль играла Елена Андреевна Грабенко, жена Лукача, бывшая эсерка. Прямо или косвенно они прихватили с собой из Гейдельбергского университета философию немецкого мистика Фихте, датчанина Кьеркегора, преимущественно Гегеля и немножко социологии Макса Вебера, смешав всё это с воззрениями Маркса». Лендьела призывали «наконец-то прочесть “Братьев Карамазовых” Достоевского»: «Это-де намного глубже, чем Толстой! Прежде всего я должен был прочесть речи старца Зосимы о “долгом подвиге”, ибо такой подвиг есть нечто большее, чем смерть за какое-то дело. Умереть, твёрдо и смело совершить нечто великое — это легко. Но следует попытаться жить, как святой! — Я прочитал речи старца; прекрасно, великолепно; но как это касается меня? — Когда затем я узнал, что за проблемы обсуждаются в кружке Лукача, я буквально открыл рот и глаза. — Вот одна из проблем: мы, коммунисты, как евреи. Наша кровавая работа состоит в том, чтобы распинать Христа. Но эта греховная работа есть вместе с тем наше призвание; только через смерть на кресте Христос становится Богом, и это необходимо, чтобы спасти мир. Значит, мы, коммунисты, берём на себя грехи мира, чтобы спасти мир. — А почему мы должны взять на себя грехи мира? И на это имелся ответ, и это был очень “ясный” ответ из “Юдифи” Геббеля: “И если Бог ставит между мной и моим деянием грех, то кто я такой, чтобы роптать из-за этого, чтобы от него уклоняться!”». А вот одна из иллюстраций к этих тезисам, приводимым в книге: в 1919 г., будучи политкомиссаром одной из дивизий

венгерской красной армии, Лукач лично отдал приказ о расстреле каждого шестого солдата из дезертировавшего батальона.

* * *

Современная Россия являет собой пример прорыва архетипов на поверхность общественного и индивидуального сознания из глубины бессознательного. Архетипы «привязываются» к совершенно невозможным содержаниям: так, архетипическое уравнение «если Бога нет, то всё дозволено» совершенно неожиданно ожило в криминальной форме «беспредела». Точно так же имеет архетипическую подкладку и сформулированный в криминальных терминах тезис о том, что в России живут не по закону, а «по понятиям». Те, кто невозбранно пользуются этим тезисом, едва ли отдают себе отчёт в том, что своими истоками он восходит к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, созданному между 1037 и 1050 гг. В своём «Слове» Иларион заявляет: «Как исчезает свет луны, когда сияет солнце, как проходит холод ночи, когда солнечная теплота согревает землю, так и закон прошёл, когда явилась благодать… Ибо закон и прежде был, ненадолго вознёсся и отошёл, вера же христианская хотя и появилась позже, но стала выше закона и распространилась на множество народов. Благодать Христова всю землю охватила и как вода морская покрыла её… Так и следовало благодати и истине воссиять в новых людях: ведь не вливают, по словам Господа, вина нового, то есть учения благодатного, в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе, а то и мехи порвутся, и вино прольётся. Если не могли иудеи закона подобие удержать, но многократно идолам поклонялись, то как могли бы сохранить учение истинной благодати? Для нового учения нужны новые мехи — новые народы, тогда и то и другое нерушимо будет. Так и было: вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла, и озеро закона пересохло, а евангельский источник наводнился и всю землю покрыл и на нас пролился»[102]. Под этими словами, видимо, подписался бы и Маркион.

[102] Красноречие Древней Руси. XI–XVII вв. М.: Советская Россия, 1987. С. 51–52.

Е.Ю. Зубарёва

ВИТТЕЛЬСБАХИ. ГОСУДАРСТВО И ДИНАСТИЯ

Зубарёва Елена Юрьевна — кандидат исторических наук

Откуда происходит княжеско-королевский дом Виттельсбахов и каково происхождение имени этой династии? Название династии «Виттельсбахи», в отличие от Вельфов, не представляет собой патронимическое родовое имя (Gentilname), не является оно также, в отличие Оттонов (die Ottonen), и чисто научным новообразованием, которое никогда не использовалось в Средние века. (Оттоны, die Ottonen — так называют Саксонскую династию (die sächsische Dynastie) германских королей и императоров, которая правила в Германии в 919–1025 гг.)

Как предполагают исследователи, название династии баварских герцогов, а затем и королей происходит от названия родового замка Виттельсбах (Wittelsbach), который находился на реке Заале на границе Баварии и Швабии (ныне это округ Айхах-Фридберг, Aichach-Friedberg, в правительственном округе Швабия, Regierungsbezirk Schwaben) земли Бавария. Источники впервые упоминают о существовании замка около 1000 г. (в Германии в это время у власти находилась Саксонская династия — первая собственно немецкая династия германских королей и императоров). В 1115 г. в одном из источников, относящихся к эпохе императора Генриха V[1], говорится, что замок Wititlinesbac является местопребыванием графа Оттона IV фон Шайерна (der Graf Otto V. von Scheyern). В 1119 г., в период правления того же самого императора Священной Римской империи Генриха II, согласно источникам, граф Отто V фон Шайерн (der Graf Otto V. von Scheyern) окончательно покинул замок Шайерн (Scheyern) и переселился в бург Виттельсбах. С 1120 г. графы фон Шайерн (die Grafen von Scheyern) начинают именовать себя в документах пфальграфами фон Виттельсбах (Pfalzgrafen von Wittelsbach), а следовательно, и замок Виттельсбах становится их родовой резиденцией. Как предполагают исследователи, название замка восходит к личному имени «Витило» (Vitilo) или «Витилис» (Vitilis), так звали одного из приближённых (точнее, министериалов), поскольку в средневековой Германии министериалами называли рыцарей, находившихся на службе у императора и князей, светских и духовных, и выпол-

[1] Heinrich V, годы жизни — 1081–1125, годы правления 1106–1125, последний император Священной Римской империи, принадлежавший к Салической (Франконской) династии. Генрих V в 1122 г. заключил с папой Калликстом II Вормсский конкордат, который на время ослабил конфликт между Империей и Папством по вопросу об инвеституре.

нявших их ответственные поручения. То есть министериалы в Священной Римской империи были неким аналогом русского служилого дворянства.

Источники, относящиеся к 1110 г., действительно упоминают некоего Витило (Vitilo) из Айхаха (Aichach) в качестве командира гарнизона замка. Сам замок был разрушен в 1209 г. в результате конфликта, вызванного убийством Филиппа Швабского (Philipp von Schwaben, 1177–1208, маркграф Тосканы, герцог Швабии, король Германии, 1198–1208, младший сын императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы и пфальцграфини Бургундии Беатрисы Бургундской) пфальцграфом Баварии Оттоном VIII Виттельсбахом. Причиной убийства послужило то, что Филипп пообещал Оттону руку своей дочери Кунигунды (Kunigunde von Staufen, другое имя — Kunigunde von Schwaben, 1202–1248), но обещания не сдержал, по политическим соображениям устроив её помолвку с двухлетним сыном чешского короля Оттокара I (Ottokar I. Přemysl, 1155–1230) Венцелем (Вацлавом) I (Wenzel I. Přemysl, чешский вариант имени Václav I, 1205–1253). В итоге Оттона VIII Виттельсбаха объявили лишённым покровительства законов как убийцу. Настигнутый на Дунае, он был 7 мая 1209 г. убит в Оберндорфе (Oberndorf) у Кельхайма (Kelheim) отрядом маршала Генриха Кальдена (Reichsmarschall Heinrich von Kalden, 1175–1214), его двоюродный брат, герцог Людвиг Баварский (Ludwig I. der Kelheimer, 1173–1231), также из династии Виттельсбахов, разрушил его родовой замок Виттельсбах.

И здесь опять-таки следовало бы отметить следующий факт. За время преобладания английского языка и англоязычной глобалистской культуры (вторая половина XX в.) наши отечественные читатели и зрители уже привыкли к тому, что настоящие дворянство и аристократия могут быть только в Англии, ну, на худой конец, во Франции, но по сравнению с англичанами даже французы — «чёртовы бастарды». Английская патриотическая песня, очень популярная в годы Первой мировой войны, гласит: «Никогда англичанин не будет рабом!» (имеется в виду Вильгельм II), но из истории слов не выкинешь (или, как любят говорить арабы и персы, «даже Аллах не может сделать бывшее не бывшим»), в отличие от Германии или России, Англия — это страна, чья история всегда определялась чужеземцами-завоевателями. В I тысячелетии до н.э. Британские острова и Ирландия были завоёваны кельтами, основной областью формирования которых, как известно, была отнюдь не Ирландия или Уэльс, а южные области Германии, Швейцария, Австрия, Чехия и Венгрия (именно по названию всемирно известного центра археологических раскопок в Австрии древнейший период истории кельтов называют гальштаттским).

В I в. н.э. гордые бритты вновь были завоёваны, но на этот раз уже римлянами. Сравните гордых бриттов с германцами, которые в это же самое время под предводительством знаменитого Германа (Арминия), знатного германского аристократа из племени херусков, во время битвы в Тевтобургском лесу (август или сентябрь 9 г. н.э.) наголову разбили римские легионы. Римский историк Флор так сформулировал последствия сражения: «Результатом этого поражения было то, что империя, которую не задержало побережье океана, была остановлена на берегу реки Рена (то есть Рейна)»[2]. Другой знаменитый римский историк, Светоний, в биографии Августа

[2] Луций Анней Флор. Эпитомы римской истории обо всех войнах за семьсот лет // *Немировский А.И.,* Дашкова М.Ф. Луций Анней Флор — историк Древнего Рима. Воронеж, 1977. 2.30.39, http://xlegio.ru/sources/famous-fieldbattles/teutoburg/florus.html

так описывает горе императора при известии о поражении римлян в Тевтобургском лесу: «Он до того был сокрушён, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: “Квинтилий Вар, верни легионы!” Этот день Август каждый год отмечал трауром и скорбью»[3]. А знаменитый римский историк Тацит так писал об Арминии, который погиб в возрасте 21 года: «Это был, бесспорно, освободитель Германии, который выступил против римского народа не в пору его младенчества, как другие цари и вожди, но в пору высшего расцвета его могущества, и хотя терпел иногда поражения, но не был побеждён в войне.»

В V в., когда жители римской Британии столкнулись с угрозой со стороны ирландских и шотландских кельтов, они решили противостоять завоевателям с помощью германских племён англов, саксов и фризов, которым выделили земли для поселения на юго-востоке Британских островов. Сравните, например, если бы Русь боролась с татаро-монголами, пригласив к себе Тамерлана, который, действительно, был активным противником Золотой Орды. Совершенно естественно, что очень скоро англы, саксы и юты перестали считаться с бриттами и начали безо всякого соглашения занимать их земли. В Германии, в земле Шлезвиг-Гольштейн, на берегу полуострова Ангельн (Angeln) находится большой валун, который отмечает участок побережья, с которого началось завоевание Британских островов. Поэтому несмотря на то, что А. Гитлер отменил операцию «Морской лев» («Unternehmen Seelöwe»), немцы всё-таки завоевали Британские острова. Ведь англосаксонская культура на Британских островах в эпоху Раннего Средневековья целиком определялась древнегерманскими традициями и была глубоко вторичной по сравнению с культурой континентальных германских племён (тех же континентальных саксов и народов Скандинавии). Да и, как полагал А.Н. Анисимов, А. Гитлер не завоевал Великобританию отнюдь не из-за «героического сопротивления англичан», а потому, что не получил от курировавших его теневых кругов, центр которых находился в США, санкции на сие деяние. С одной стороны, захват немцами Англии позволил бы США легко присоединить к себе Канаду и Австралию, но вместе с тем это настолько бы усилило Германию, что для влиятельных финансовых кругов США (эмиссаром которых, в частности, были Эрнст Ганфштенгль и Феликс Керстен (при Г. Гиммлере)) это было уже неприемлемо. Таково было мнение А.Н. Анисимова относительно отмены А. Гитлером десанта на Британские острова, который, по мнению Александра Николаевича, без специфических теневых особенностей истории А. Гитлера и нацистского движения в целом, принимая во внимание только военные факторы, несомненно, увенчался бы успехом.

А если упомянуть походы на Британские острова (их завоевателей, предводители которых (датский король Кнут Великий — *др.-сканд*. Knūtr inn rīki, *дат*. Knud den Store, Great, *норв*. Knud den mektige, 995–1035) периодически включали Англию в состав своих владений. Опять-таки можно сколько угодно упражняться на тему о скандинавском происхождении династии Рюриковичей или смаковать завоевание союзниками Германии в 1945 г., но всё-таки, в отличие от Англии, Русь в состав Дании Рюриковичи не включали, да и Германия осталась пусть формально, но независимой, а не превратилась в очередной штат США. Кроме того, как мне кажется, глубоко не правы те, кто в нашей стране всячески старается отрицать роль

[3] Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты). М., 1964. «Август».

скандинавов и немцев (после Петра Первого) в русской истории, и в частности в истории правящего слоя России. В конце концов, почти вся аристократия Европы и правящие династии даже таких стран, как Франция и Испания, германского происхождения. Та же Англия, которую у нас нередко изображают образцом монархической государственности (это совсем не так), имеет на престоле Ганноверскую династию, которая только в 1914 г. «переименовалась» в Виндзоров, да и та пришла к власти в начале XVIII в. в результате разного рода «деликатных» политических обстоятельств. Что же касается Чехии и Польши, то эти страны на разных этапах своего развития признавали вассальную зависимость от Священной Римской империи германской нации, да это и неудивительно: ведь в средневековой Европе она была прямой наследницей Западной Римской империи.

В 1066 г. англичане снова были завоёваны, на этот раз герцогом Нормандии Вильгельмом Завоевателем. Так что и французы, и Наполеон могут тоже порадоваться, что они всё-таки покорили Англию. Если англы, саксы, фризы и юты основательно ликвидировали местное бриттское население, что и нашло отражение в принадлежавшем к очень архаичным германским языкам древнеанглийском языке, господствовавшем на Британских островах в период Раннего Средневековья, то франконорманны, подобно до этого датчанам и норвежцам, составили правящий класс королевства, которое даже получило название Англо-Норманнского. Многочисленные галлицизмы в английском языке, число которых доходит до 70% корней словарного состава, ясно показывают, на чьей стороне, что называется, тогда была сила, да это нетрудно понять даже из романов Вальтера Скотта. И опять-таки сравните это с русским языком, где, несмотря на роль скандинавов в истории Древней Руси, процент лексики, имеющей скандинавское происхождение, очень незначителен. И сравните это с бесконечными потугами филологов из англоязычных стран обнаружить в немецком и скандинавских языках так называемую субстратную лексику, которая позволила бы им с восторгом воскликнуть: немцы и скандинавы — не коренное население своих стран, их можно заселять неграми и арабами! Над этими политически мотивированными усилиями очень хорошо потешался наш выдающий филолог Олег Николаевич Трубачев (в частности, в своей книге «К истокам Руси. Народ и язык»): то ли есть эта «субстратная лексика», но какого она происхождения, то есть кто же жил в Скандинавии и Германии до германцев, — не дают ответа, то ли нет, но и та, что имеется, прекрасно этимологизируется из индоевропейских языков. А вот чтобы разглядеть лексику романского происхождения в английском языке, причём лексику, обычно используемую именно в «высших сферах», никаких усилий не требуется, она и так, что называется, «на лице». Недаром те, кто хорошо владеют французским, итальянским или латинским языками, могут без проблем читать английские книги — немецкие, шведские или даже чешские книги с таким словарным запасом не прочесть.

Но, как известно, основатель Нормандского герцогства во Франции, Роллон[4], был отнюдь не романского происхождения. Как предполагают современные исследователи, Роллон — это франко-латинское имя, под которым скрывается доскандинавское имя Hrolfr, которое передано в средневековом датском источнике «Gesta Danorum» в форме

[4] Ролло; *лат*. Rollo; ок. 860 – ок. 932.

Roluo. Его соотносят иногда с другим древнескандинавским именем — Hrollaugr. Но большинство исследователей считают, что будущий герцог Нормандии — это упоминаемый в исландских сагах предводитель викингов по имени Göngu-Hrólfr, или в датской версии Ganger-Hrolf, Хрольф Пешеход. Он получил это имя, поскольку бы слишком тяжёл, чтобы ездить верхом, и таким образом ему приходилось сражаться в пешем строю. Имеется и другая интерпретация этого имени. Согласно работе известного германиста А. де Готри, имя Hrolfr переводится как Hroo/ulfr, то есть «известный как волк, прославившийся в качестве волка»[5]. Имеется и континентально-германский вариант имени Ролло: это Rodulfus, то есть «огненный волк» («rote ulfr»). Именно это имя послужило основой для французского имени Рауль (Raoul). Все эти выводы очень интересны, поскольку он тесно связан с исследованиями известнейшего германиста Отто Хёфлера (Otto Eduard Gotfried Ernst Höfler, 10 мая 1901, Вена – 25 августа 1987, Вена), согласно которым в истории германских народов Европы существует преемственность (так называемая Kontinuitätstheorie, которую после Второй мировой войны у О. Хёфлера «позаимствовали» левые историки вроде Ф. Фишера, но уже в другом обличье: мол, вся история Германии и немцев — это путь к А. Гитлеру).

Согласно точке зрения О. Хёфлера, социально-экономические, общественные и даже идеологические и духовные институты европейского Средневековья в условиях завоевания германцами Европы в эпоху Раннего Средневековья логически выросли из древнегерманского общества с его религиозно-мифологическими представлениями. Так, в частности, чрезвычайно важным для становления правящего класса и вообще форм государственности средневековой Европы, понимая под этим в том числе и рыцарство, были древнегерманские мужские союзы, посвящённые культу Водана (Одина) и объединявшие воинов, которые обладали особыми воинскими способностями, воинов-оборотней, которые в бою мистически перевоплощались в медведей и волков. Эту свою точку зрения О. Хёфлер изложил в разного рода исследованиях, наиболее известными из которых были «Культовые мужские союзы у германцев»[6], «Проблема преемственности в германской истории»[7], «Священное королевство у германцев»[8], «Священная жертва в роще семнонов и Эдда»[9], а также «Саги, мифы и культы оборотней»[10]. Кстати, нужно отметить, что, так сказать, среди наиболее фундаментальных работ О. Хёфлера «Культовые мужские союзы у германцев» и «Священное королевство у германцев» вышел в свет только первый том, продолжение исследования О. Хёфлеру не удалось опубликовать как из-за начавшейся Второй мировой войны, так и по причине упорного замалчивания его работ и политических преследований, которым он подвергался в послевоенное время. Здесь хотелось бы также отметить, что в другой своей блестящей работе «Зигфрид, Арминий и клад

[5] Jean Adigard des Gautries. Les Noms de personnes scandinaves en Normandie de 911 à 1066. Lund, 1954.

[6] Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt am Main, 1934.

[7] Das germanische Kontinuitätsproblem. Nach einem Vortrag, Hanseatische Verlagsanstalt. Hamburg, 1937. In der Reihe Schriften des Reichsinstituts für Geschichte des neuen Deutschlands.

[8] Germanisches Sakralkönigtum. Bd. I. München-Wien, 1952.

[9] Das Opfer im Semnonenhain und die Edda // Edda, skalden, Saga. Festschrift für Felix Genzmer. Heidelberg, 1952. S. 1–67.

[10] Verwandlungskulte, Volkssagen und Mythen. Wien, 1973.

Нибелунгов»[11] О. Хёфлер весьма убедительно доказывает, что прототипом Зигфрида, знаменитого героя «Песни о Нибелунгах», был Арминий, победитель римлян в битве в Тевтобургском лесу, тогда как сам прославленный клад Нибелунгов соотносит с не менее знаменитым Гильдесгеймским кладом («Der Hildesheimer Silberfund»), обширным кладом серебряной столовой римской посуды, обнаруженной 17 октября 1868 г. прусскими солдатами во время строительства укреплений на юго-востоке старинейшего города Гильдесгейм (Hildesheim). В настоящее время подавляющее большинство исследователей действительно считают, что этот клад состоит из столовой посуды эпохи Августа и, скорее всего, действительно принадлежал, по крайней мере частично, Публию Квинтилию Вару, римскому военачальнику, побеждённому Арминием в битве в Тевтобургском лесу. Хотя, конечно, эта точка зрения археологов и антиковедов вызывает невероятное раздражение у левоориентированных «передовых» учёных, ведь тем самым находят подтверждение тезисы столь ненавистного им Отто Хёфлера…

В 1154 г. на английском престоле вновь оказалась династия, которая вела своё происхождение от французской аристократии, на этот раз династия Плантагенетов. В этот год королём Англии стал Генрих II, сын королевы Матильды и графа Анжуйского Жоффруа V Плантагенета (название этой династии происходило от латинского слова «Plante Genista», одного из разновидностей дрока, который Жоффруа V любил носить на своём головном уборе). Кстати, английская королева Матильда в первом браке была женой императора Священной Римской империи Генриха V и поэтому в Англии именовалась императрицей.

Династию Плантагенетов можно было бы назвать романской, если бы она и так называемые Первый и Второй Анжуйские дома также не были германского происхождения. Первый Анжуйский дом (от него, естественно, произошёл Второй Анжуйский дом) ведёт свою линию от знатного франкского рода Ингельрингов (die Ingelgeriden, *фр*. Ingelgeriens). Родоначальником этой династии является Ингельгер (Ingelger, встречается также латинская версия имени Ingelgerius, 840–886), виконт Анжу с 880 г., жена которого Адела, в свою очередь, происходила из знатного франкского рода Гвидонидов (иначе именуемого — Ламбертидов, Die Guidonen, Widonen, Lambertiner; из этого рода происходили два императора Франкской империи). Этот род, в свою очередь, восходит к знатному франкскому аристократу Варину (Warin, латинская форма Warinus или Gerinus, французская форма Gairin, Guérin, Gerin, Garin, Gerwin, ум. 679), графу Парижскому и графу Пуату, дружиннику франкского короля Хлотаря II. Одним из потомков Варина является Варнхарий (Warnharius), граф Бретонской марки с 841 г. (графом Бретонской марки был также и знаменитый герой «Песни о Роланде», национального эпоса французского народа, Роланд, только, разумеется, и он был франком и носил характерное германское имя Hruotland, то есть «прославивший страну»). Для нас этот Варнхарий представляет большой интерес не только потому, что в 742 г. он основал монастырь Хорнбах (Hornbach) в Пфальце, но и потому, что его потомком был Вернер, граф Шпейера и Вормса (Werner, Graf im Nahegau, Speyergau und Wormsgau, 899–935), племянник первого германского короля Конрада Франконского и основатель Салической

[11] Siegfried, Arminius und der Nibelungenhort. Wien, 1978.

(Франконской) династии германских королей и императоров, находившихся на престоле Германии с 1024 по 1125 г.

Таким образом, Анжуйский дом с его соответствующими ответвлениями в Неаполитанском королевстве, Венгрии и Англии — германского происхождения, как, впрочем, и королевский дом Франции в целом.

Вот что можно сказать, например, в происхождении французского королевского дома («Maison de France», «Haus Frankreich»). После того как сыновья Людвига Благочестивого Лотарь, Людвиг Немецкий и Карл Лысый заключили в 843 г. Верденe договор о разделе Каролингской империи, на политической карте Европы возникли соответственно Восточно-Франкское королевство (будущая Германия), Западно-Франкское королевство (будущая Франция) и Королевство Лотаря (Италия, Прованс, Бургундия, Эльзас). Если в Восточно-Франкском королевстве, то есть в Германии, Каролингская династия прекратилась в 911 г. со смертью Людвига Дитяти (Ludwig das Kind), то в Западно-Франкском королевстве (Франции) Каролинги сохраняли власть (с некоторым перерывом) до 987 г., когда на французский престол взошёл Гуго Капет из рода Робертинов, графов Парижских. Его потомки правили во Франции до 1848 г. с перерывом на эпоху Французской революции, а также правления Директории и Наполеона. В историографии это событие нередко рассматривается как своего рода «национальный переворот», символизирующий «победу над германизмом». Так, по мнению французского историка О. Тьерри, избрание Гуго Капета королём символизировало последний этап борьбы между «германской расой» и «галлами», которая привела к распаду империи Карла Великого, а затем к замене в Западно-Франкском королевстве правителей германского происхождения «национальными»[12].

По мнению известного медиевиста Н.М. Бубнова, приход во Франции к власти династии Капетингов представляет собой победу национально-государственных интересов над каролингско-династическими. Феодальные круги Франции якобы понимали, что продолжение борьбы между могущественными Робертинами и слабыми, но опиравшимися на свои права Каролингами угрожает самому существованию государства, так как открывает Германии широкие возможности для экспансии на западе[13].

Однако подобная трактовка событий вряд ли является верной прежде всего потому, что сам род Робертинов (а следовательно, и род французских королей) был совершенно очевидно германского происхождения. Согласно одной из версий, Робертины происходят от Хильдебранда (690–751) (Childebrand), герцога Прованса и графа Бургундии, сына майордома Австразии Пипина Геристальского (Pippin von Herstal), победа которого в 687 г. в битве при Тертри (современный регион Пикардии) над майордомами Нейстрии и Аквитании предопределила приход к власти Каролингов. Хильдебранд был братом и верным соратником Карла Мартелла, вместе с которым он участвовал в знаменитой битве при Пуатье (731), положившей конец экспансии ислама в Европу, а также в боях с арабами в Провансе и Аквитании. В 737 г. Хильдебранд руководил осадой Авиньона, затем помогал своему племяннику Пипину Короткому завоевать Аквитанию. Хильдебранд, который по отцу был Каролингом, по матери принадлежал к франкско-бургундскому роду Нибелунгидов (название рода происходит

[12] *Thierry A.* Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1827.

[13] *Бубнов Н.М.* Мотивы избрания Гугона Капета на царство // Журнал Министерства народного просвещения, 1890. Т. 172. С. 135–156.

от немецкого слова «Nebel» — туман, см. также в древневерхненемецком — «nëbel», древнесаксонском — nëbhal, древненижненемецком — «nebble» ou «nibel», древненорвежском — «nifl», слово германского происхождения, родственное латинскому «nebula», греческому «νεφελη», означающим «облако», «туман», старославянскому «небо» и санскритскому «nabhas», означающему «туман», «облако», «небо»[14]).

Его жена также происходила из рода Нибелунгидов, по одной из версий, она принадлежала к роду бургундских королей, с которым связывают историческую основу германско-скандинавских сказаний о Нибелунгах (в 437 г. гунны под предводительством Аттилы по наущению властей Западной Римской империи разгромили королевство бургундов на Рейне со столицей в Вормсе, это событие легло в основу «Песни о Нибелунгах»[15]), согласно другой версии, происходила из алеманнских герцогов или королей Тюрингии, среди которых в Средние века также нередко встречалось имя Нибелунг. Как полагают исследователи, Хильдебранд и его сын Нибелунг также участвовали в написании «Хроники» так называемых продолжателей Фредегара. Согласно этой версии происхождения Робертинов, основатель этого рода Роберт Сильный[16], граф Тура, Блуа и Анжу, граф Парижский, маркиз Нейстрии, был внуком Нибелунга и правнуком Хильдебранда.

Согласно другой версии, наиболее распространённой в настоящее время, Роберт Сильный происходил из рейнско-франконского рода Рупертинов (die Rupertiner; в «офранцуженной» форме — Робертинов, «die Robertiner»), одну из боковых линий которых представлял знаменитый франконский род Бабенбергов (die fränkischen Babenberger), со времён Саксонской династии герцогов Австрии. В таком случае предком этого рода был франкский аристократ Хариберт (Charibert, ум. ок. 630), один брат которого Хродоберт (Chrodobertus I), Роберт I (Robert I), около 630 г. был референдарием франкского короля Дагоберта I, а племянник (?) Хродоберт II (Chrodobertus II, впервые упоминается в источниках в 653 г., ум. 678), Роберт II (Robert II), был майордомом короля Нейстрии из династии Меровингов Хлодвига II (Chlodwig II).

Внуком Роберта II был Роберт I (722–757) (Rupert, Robert I), граф Хаспенгау (Haspengau) и Вормсгау (Wormsgau), а его правнуком — Роберт IV Сильный (погиб в 866 г. в сражении с норманнами) (Rutbert IV, der Tapfere, oder der Starke), основатель французского рода Робертинов. Таким образом, как отмечают исследователи, «поскольку из рода Робертинов происходил Гуго Капет, а все последующие королевские дома Франции (Капетинги, Валуа, Бурбоны) восходят по непрерывавшейся мужской линии к Гуго Капету, таким образом французский королевский дом (Maison de France, Haus Frankreich) является ветвью франконско-германского рода Робертинов». Имя «Роберт» всегда традиционно было частью имени французских королей из династии Капетингов, последним королём, который носил это имя, был Филипп IV Красивый (1268–1314).

Здесь можно только отметить, что сестра Роберта Сильного Ода (Oda) была женой графа Вормсгау Вернера IV (Werner IV, ум. ок. 891), основателя Франконской (Салической, die Fränkische oder Salische Dynastie, die Salier) династии, ко-

[14] См.: *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961, а также исследование *Levillain L.* Les Nibelungen historiques et leur alliances de famille // Annales du Midi, vol. 49, 1937. P. 337–408; Annales du Midi, vol. 50, 1938. P. 5–66.

[15] См.: *Хойслер А.* Германский героический эпос и Сказание о Нибелунгах. М., 1960.

[16] Robert le Fort, *фр*., Robert der Starke, Robertus Fortis, *лат*.

торая в 1024–1125 гг. занимала императорский престол Священной Римской империи германской нации (официальное название Германии до 1806 г.)[17]. Следует также добавить, что матерью первого короля Франции из династии Капетингов была сестра германского императора Оттона I (Gerberga von Sachsen), жена герцога франков, герцога Аквитании и графа Парижского Гуго Великого[18]. Своё наименование«Capet» династия получила от названия монашеского головного убора «сарра», который графы Парижские из династии Робертинов носили как светские аббаты монастыря Святого Мартина в Type (La basilique Saint-Martin de Tours), главной святыни франкского королевства.

Здесь надо отметить, что в XVI в. «передовые и прогрессивные» ветхозаветные кальвинисты сожгли и разграбили базилику, от мощей св. Мартина, который сейчас считается основателем западного монашества, уцелели только фрагменты черепа и кость руки. Затем уже в годы Великой французской революции революционеры учинили в этой главной святыне Галлии (Карл Мартелл и его франки в 731 г. поспешно выступили в поход против арабов именно потому, что существовала угроза их нападения на Тур) конюшню, где, согласно их планам, должны были содержать 10 000 лошадей. Аббатство официально получило от революционных властей название «конюшня Мартина» (l'écurie Martin). А в 1797 г., уже в период Директории, базилика св. Мартина была разрушена под предлогом ветхости здания. Тогда же из аббатства исчез и знаменитый орган, а также ценнейшие произведения средневекового ювелирного искусства.

Читатель может задать вопрос: какой интерес для него может представлять происхождение всех этих королей, герцогов, графов и т.д. Ну были они все немцами, или германцами, или скандинавами (то есть тоже германцами), ну и что из этого? А то, что это блестяще подтверждает тезисы О. Хёфлера о континуитете древнегерманских и традиционных средневеково-новоевропейских структур континента, а также другой его тезис — о значении германских народов в истории Европы. Ведь в эпоху Раннего Средневековья германцы уже завоевали Европу и установили в ней свои государственные порядки, они, собственно говоря, вместе с античным греко-римским миром и христианством (хотя и христианство, как это убедительно показывает О. Хёфлер, «германский мир» (я считаю это понятие вполне допустимым по аналогии с «русским миром») весьма основательно «переработал: ведь европейское средневековое христианство совсем иное, чем христианство Ближнего Востока, Эфиопии или Армении I–II вв. н.э.) создали эту Европу и европейские народы. И поэтому ослабление Германии не могло не привести к кризису и постепенному упадку всех белых христианских народов, включая сюда даже тех, кто формально вроде бы считались в числе «держав-победительниц». Кроме того, ещё М.А. Булгаков говорил, что «вопросы крови — самые сложные вопросы в мире!» В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (этот роман, кстати, очень любил А.Н. Анисимов и знал многие отрывки из него наизусть) эту фразу произносит Коровьев (в своём подлинном виде суровый средневековый рыцарь в тёмном одеянии, который когда-то «неудачно пошутил»

[17] См.: *Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln, II (1984) Tafel 10–11, Wilhelm Prinz von Isenburg. Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Bd. I–II. Marburg, 1953; *Glöckner K*. Lorsch und Lothringen. Robertiner und Capetinger — Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Karlsruhe, 1936. T.50. P. 301–354; *Settipani C.* La préhistoire des Capétiens (481–987) / Éd. Patrick Van Kerrebrouck. Vilneuf d`Asc, 1993.

[18] *Лат*. Hugo Magnus, *фр*. Hugues le Grand, 895–956 гг.

и теперь приговорён шутить вечно), который рассказывает Маргарите о её королевском происхождении. «Ах, королева, — игриво трещал Коровьев, — **вопросы крови — самые сложные вопросы в мире!** И если бы расспросить некоторых прабабушек и в особенности тех из них, что пользовались репутацией смиренниц, удивительнейшие тайны открылись бы, уважаемая Маргарита Николаевна. Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт. Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами. Намекну: одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если бы кто-нибудь сказал ей, что её прелестную прапрапраправнучку я по прошествии многих лет буду вести под руку в Москве по бальным залам».

«На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьёвы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотою цепью повода, тёмно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом. Он упёрся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землёю под собою, он думал о чём-то своём, летя рядом с Воландом.

– Почему он так изменился? — Спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

– Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, — ответил Воланд, поворачивая к Маргарите своё лицо с тихо горящим глазом, — его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого пошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал»[19].

Но вернёмся к истории Виттельсбахов. Ситуация, когда знатный владетельный род получал своё наименование по имени родового замка, является не столь уж редкой в германской истории. Достаточно упомянуть, например, такой прославленный в истории Германии, Чехии, Венгрии, Испании, Италии, да, можно сказать, всей Европы род, как Габсбурги.

Согласно традиции, Габсбурги восходят к знатному эльзасско-швейцарскому роду Этихонидов (die Etichonen), который, возможно, был готско-бургундского происхождения. Основателем этого рода считается Магнахар (Magnachar, 503–565), происходивший из аламаннско-бургундского или остготского знатного рода, известный в источниках в качестве герцога (dux) pagi Aventicum (Швейцарские Альпы)[20]. Именно поэтому Габсбурги возводили свой род к Теодориху Великому Остготскому (Theoderich der Große, древнеисландский вариант имени Þjóðrekr, Þiðrek, древнеанглийский вариант имени Þēodrīc, 421–526), знаменитому Дитриху Бернскому[21] германских и скандинавских героических сказаний, подобно тому, как аристократические семьи Греции и Рима, порой оказывавшиеся на престоле эллинистических государств или Римской империи, возводили своё происхождение к богам и героям. Кстати, как это следует из рунических надписей и, в частности, из надписи на камне из Рёка (на шведском языке Rökstenen), самой длинной из сохра-

[19] http://masterimargo.ru/book.htm

[20] The Marii Episcopi Aventicensis Chronica сообщают о том, что в 565 г., «Magnacarius dux Francorum» «отошёл ко Господу». *Settipani C., van Kerrebrouck P*. La Préhistoire des Capétiens. Vileneuve d'Ascq, 1993. P. 481, 987.

[21] Имеется в виду не швейцарский Берн, а итальянская Верона, которая в течение некоторого времени была столицей государства Одоакра, а затем центром ёго владычества в Италии.

нившихся до нас рунических надписей, в германской традиции Теодорих Великий тоже стал богом, обладающим властью над душами воинов. В различных вариантах «Саги о Дитрихе Бернском» рассказывается о том, что чёрный конь Вотана унёс Теодориха (Дитриха) в небесный чертог Вальхаллы. Нередко Дитрих Бернский упоминается и как предводитель такого центрального образа германской мифологии, как «дикая охота» (die Wilde Jagd) или «неистовое войско» (Das wütende Heer) душ, погибших в сражении, которое под вой ветра и рёв снежной бури в осенние и зимние ночи проносится над землёй.

На основании Рёкской надписи, где имя Теодориха является центральным смысловым пунктом, Отто Хёфлер построил свою знаменитую работу «Священное королевство у германцев»[22]. А в Праге, в личной Библиотеке знаменитого императора-мистика Рудольфа II Габсбурга (Rudolf II, 1552–1612, эрцгерцог Австрийский и король Богемии с 1575 г., король Венгрии с 1572 г., император Священной Римской империи с 1576 г.) в качестве драгоценности хранился знаменитый готский «Серебряный кодекс» («Codex Argenteus»), представляющий собой первый перевод Библии на германский язык, выполненный в 341 г. христианским епископом и проповедником Вульфилой («Wulfila», буквально по-готски значит «волчонок»), сыном гота и военнопленной гречанки, жившим в 311–382 гг. н.э. В науке этот первый германский перевод Библии получил название готский «Серебряный кодекс», потому что он написан на пурпурном пергаменте серебряными чернилами и, как предполагают исследователи, был выполнен для остготского короля Теодориха Великого в его резиденции в Равенне[23]. Согласно мнению одного из крупнейших специалистов в области раннесредневековой палеографии, шведского ученого Яна-Олафа Тьядера (Jan-Olof Tjäder, 1921–1998), создателем Кодекса был знаменитый готский каллиграф Вилиарих (Вильярит), трудившийся в Равенне в первой половине VI в. (Tjäder, Jan-Olof «Studier till Codex Argenteus' historia «mit einer Zusammenfassung auf Deutsch)»[24]. Поскольку после Второй мировой войны, в связи с поражением Германии и общим упадком монархической и вообще любой европейской традиции, в науке получило небывалое распространение гиперкритическое отношение как к историческим источникам, так и к ключевым событиям европейской истории, особенно если они так или иначе связаны с германцами, то следует сразу отметить, что «Серебряный кодекс» неоднократно упоминался в раннесредневековых источниках. После смерти Теодориха Кодекс оказался в Верденском аббатстве близ Эссена, которое было основано в VIII в. знаменитым фризским святым и проповедником эпохи Каролингов св. Лиудгером и долгое время было одним из богатейших монастырей Священной Римской империи германской нации (секуляризован, то есть закрыт в 1802 г. Наполеоном в продолжение политики Французской революции).

Реформация стала настоящей катастрофой для библиотек очень многих монастырей Германии, Англии и скандинавских стран, в результате рукопись Кодекса оказалась в личной библиотеке Рудольфа II Габсбурга, а в годы Тридцатилетней во-

[22] Germanisches Sakralkönigtum. Bd. I. München-Wien, 1952.

[23] Равенна с 402 г. стала резиденцией императоров Западной Римской империи, после завоевания Италии остготами в 493 г. остготские короли, претендовавшие на роль наследников римских императоров, также сохранили её в качестве своей резиденции.

[24] Nordisk tidskrift för bokoch biblioteksväsen. № 61. 1974. P. 51–99.

йны была захвачена шведами и в настоящее время хранится в библиотеке Университета в Уппсале.

Шведы считают готов своими самыми близкими родственниками и непосредственными предками шведского народа. Знаменитый готский историк Иордан рассказывает, что, по преданию, готы пришли в низовья Вислы, на берега Балтийского моря с «обширного острова по названию Скандза» (Scandza, Scandzia), «вырвавшись подобно пчелиному рою из недр именно этого острова», или в другом месте — «как бы из мастерской племён» (officina gentium) или, вернее, как из утробы, порождающей племена. Они прибыли через «океан» (то есть через море) на трёх кораблях во главе со своим королём Беригом (Berig) к местности, получившей у них название Готискандза (Gothiscandza). Высадившись на берег, они вскоре сразились с ульмеругами, «которые сидели тогда по берегам океана» и «вытеснили их с их собственных поселений». Потом они «подчинили себе их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам». На последнем из кораблей, который прибыл позднее других, находились «родичи готов» — гепиды. Они поселились на острове, окружённом отмелями Вислы, который на их родном языке получил название Гепедойос (Gepedoios)[25].

«Остров Скандза» (у известного античного географа Птолемея его название имеет форму «Scandia») представляет германское название Скандинавии, которая в течение долгого времени была известна грекам и римлянам только в своей южной части и считалась островом; античные авторы узнали это название через посредство континентальных германцев в форме «Scadinavia» (Плиний), позднее «Scandinavia». Вторая часть слова происходит от готского «awi», древневерхненемецкого «auwia», современного немецкого «Aue», древнеисландского «ey» со значением «остров», «заливной луг». Этимология первой части, как считают исследователи, происходит от древнесаксонского «skatho», древнефризского «skatha», древневерхненемецкого «scado», современного немецкого «Schaden» — «вред», «ущерб» со значением «опасный из-за прибрежных рифов остров»[26]. Слово это сохранилось до настоящего времени как наименование южной части Скандинавского полуострова и соответствующей шведской провинции — Сконе («Skåne»).

Название «Gothiscandza» происходит от готского «Gutisk-andja», то есть «готский берег» (современное немецкое «Gotisch-Ende»). Многие немецкие учёные отождествляют это название с Гданьском (немецким Данцигом — Danzig), польские и советские учёные по понятным причинам против этого возражали[27]. Остров «Gepedoios» в устье Вислы означает «острова гепидов» (древневерхненемецкое «Gepid-auwia»).

В Скандинавии с готами связано название племени гаутов в Южной Швеции (древнеисландское Gautar, *мн.ч.*). Гауты занимали территорию на юге Швеции к востоку и западу от озера Веттерн. Имя гаутов сохранили области южной Швеции — Westergötland и Östergötland, то есть западная и восточная Готландия (исторические готы тоже подразделялись на вестготов и остготов), а также город Гётеборг (Göteborg) и река Гёта-эльв (Göta-älv). Готами (gotar, gutar) называли также жителей острова

[25] *Иордан. О* происхождении и деяниях гетов («Getica»). М., 1960 (№ 9. С. 25–26, 95–96).

[26] *Vries J. de*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 1961. S. 482–483.

[27] *Schmidt L*. Geschichte der deutschen Stämme. Bd. I–II. München, 1934–1940; Bd. I. S. 196; *Krause W.* Handbuch des Gotischen. München, 1953. S. 3; *Much R*. Goten // Reallexikon der germanischen Altertumskunde, hrsg. von J. Hoops, Straßburg, 1911–1919. Bd. II. 1913–1915. S. 306.

Готланд в Балтийском море, который играл очень большую роль в морской и торговой жизни древней и средневековой Северной и Центральной Европы. Как традиционно считают филологи-германисты, слова «Gotar» и «Gautar» связаны между собой, так же как и позднейшее название остготов: Greutingi, Grautungi, Grutungi (IV в.)[28].

Гауты (англосаксонское «Geatas») упоминаются в англосаксонском эпосе «Беовульф» как союзники данов: гаутский герцог Беовульф, племянник короля Хюгелака (Hygelac) и позднее сам король гаутов, отправляется со своей дружиной через море на помощь королю данов Хротгару из рода Скильдингов. Поэма «Беовульф» рассказывает о подвигах Беовульфа (борьбе с чудовищем Гренделем и его матерью, сражении с огнедышащим драконом), но содержит и воспоминание о реальном историческом событии, засвидетельствованном в других источниках: о гибели гаутского короля Хюгелака во время морского набега на франков Меровингов (Merowionigas) и фризов[29]. Об этом набеге рассказывают также хроники Меровингов: по сообщению наиболее раннего из них, Григория Турского (ум. в 594 г.)[30], Хохилайкус (Chochilaicus), король «данов» (имеется в виду народность Скандинавии), напав на побережье Галлии, захватил много добычи, но на обратном пути был застигнут кораблями, высланными для его преследования королём франков Теудериком (сыном Хлодвига) под начальством его сына Теудеберта, потерпел поражение, был убит в бою, а награбленное им добро досталось победителям (это событие произошло приблизительно между 512 и 520 гг.).

«Беовульф»[31] содержит также упоминания о длительных войнах между свеями (древнешведское Svear) и гаутами, которые начались при Хределе (Hredel), отце Хюгелака, и продолжались при его сыновьях. Об этих войнах межу гаутами и свеями рассказывают также и основанные на шведских источниках древнеисландские «Инглингаталь» («Ynglingatal») и «Сага об Инглингах» («Ynglingasaga»)[32]. Здесь необходимо отметить, что вплоть до конца XIX в. сами англичане, понимая под этим в том числе и население переселенческих колоний Англии, достаточно мало интересовались своей древней и раннесредневековой литературой, равно как и англосаксонской эпохой в истории Англии. Во всяком случае там в течение долгого времени не было работы, которую можно было поставить рядом со знаменитым немецким журналом «Zeitschrift für Anglistik» или исследованием известнейшего германиста К. Мюлленгофа «Беовульф. Исследования в области англосаксонского эпоса и древнейшая история ингвеонов»[33]. Это было началом продолжавшейся несколько столетий борьбы между обоими народами, которая закончилась победой свеев. С X–XI вв. гауты образуют со свеями единую шведскую народность, в силу чего современные шведы совершенно обоснованно продолжают считать готов своими предками.

---

[28] *Krause W.* Handbuch des Gotischen. S.11.

[29] Беовульф, ст. 1205–1214, 2354–2366, 2910–2921.

[30] Historia Francorum, книга III, глава 3.

[31] Ст. 2472–2489, 2946–3027.

[32] *Chambers R.W.* Beowulf. An introduction to the study of the poem, with a discussion of the stories of Offa and Finn. Cambridge, 1959. P. 2–13.

[33] *Müllenhoff K.* Beowulf: Untersuchungen über das angelsächsische Epos und die älteste Geschichte der germanischen Seevölker. Berlin, 1889. Поскольку ингвеоны проживали на берегах Северного моря и именно к этой группе германских племён принадлежат саксы, то под «германскими морскими народами» в контексте изучения «Беовульфа» следует понимать именно ингвеонов.

Это небольшое отступление было необходимо для того, чтобы, во-первых, показать всю несостоятельность гиперкритицизма, который после Второй мировой войны и прежде всего по отношению к германскому героическому эпосу и устной эпической традиции склонен отрицать их историческую достоверность, а во-вторых, подчеркнуть, насколько развитие германских народов и их правящего слоя глубоко укоренено в многовековой исторической традиции, как тесно эта традиция связана именно с определёнными народами и как прочно сохраняется эпическая традиция рассказа о глубоком прошлом.

Но вернёмся к основной теме нашей статьи. Как символ происхождения династии Габсбургов от Теодориха Великого на гробнице германского императора Максимилиана I Габсбурга (1459–1519), который приобрёл для Габсбургского дома Бургундию (благодаря женитьбе на Марии Бургундской, дочери Карла Смелого Бургундского) и Испанию (благодаря женитьбе его сына Филиппа Австрийского на испанской инфанте Хуане, дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской) стоит великолепная статуя короля остготов Теодориха работы знаменитого немецкого скульптора Петера Фишера-старшего (Peter Vischer der Ältere).

Итак, Габсбурги восходят к знатному эльзасско-швейцарскому роду Этихонидов (die Etichonen), который, возможно, был готско-бургундского происхождения. Основателем этого рода считается Магнахар (Magnachar, 503–565), происходивший из аламаннско-бургундского или остготского знатного рода, известный в источниках в качества герцога (dux) pagi Aventicum (Швейцарские Альпы). Дочь Магнахара, Маркатруда (Marcatrud), около 561 или 565 г. стала женой франкского короля Бургундии Гунтрамна (530–592). Его сын Вандален (Waldalenus, Wandalenus, ум. в нач. – сер. VII в.), который также носил титул герцога (dux), был воспитателем франкского короля Хильдеберта II (570–595), затем майордомом Австразии, а также приближённым матери Хильдеберта II, королевы Брунгильды, вестготской принцессы. По мнению исследователей, «связи этой семьи, весьма влиятельной среди франкской аристократии VI–VII вв., указывают на Прованс и Бургундию[34]. Она контролировала горные перевалы в Альпах, находившиеся на стыке владений франкских и лангобардских королей, а также баварского рода Агилольфингов, к которым в том числе возводят свой род и Виттельсбахи. Имя основателя рода Этихонидов тесно связано с именем знаменитого галльско-ирландского святого Колумбана, основателя монастыря Люксёйль (Luxeuil) в Бургундии, а также многих других монастырей в Европе. Вандален оказывал ему покровительство, будучи наместником франкской Бургундии, а один из его сыновей даже стал монахом этого монастыря. Его родственники, св. Евстахий Люксёйльский и св. Вальдеберт, наследовали св. Колумбану в качестве второго и третьего аббатов знаменитого бургундского монастыря.

Один из сыновей Вандалена — Аббон (Abbon, ум. на рубеже 730–740-х), первое упоминание о нём относится к 1 января 723 г., когда «signum Abbonis» подписался под дарственной хартией майордома Карла Мартелла, данной им в Геристале Утрёхтской епархии по просьбе святого Виллиброрда, в 726 г. он упоминается в качестве основателя в «Хартии об основании Новалезского аббатства»[35]. В 30-е годы

[34] *Dunn M.* The Emergence of Monasticism: From the Desert Fathers to the Early Middle Age. Blackwell, 2003. P. 161.

[35] См.: *Manteyer G. de.* La Provence du premier au douzième siècle. Paris, 1908. P. 71–73.

VIII в. Аббон активно участвовал в войнах Карла Мартелла с арабами, а также с мятежными правителями Аквитании и Прованса, за что получил от Карла титул патриция (Patricius Romanorum), а также власть над Провансом. Его личные владения находились в Приморских Альпах.

Другой его сын, Адальрих (Adalrich), был герцогом (dux) pagi Attoariensis, расположенного в окрестностях Дижона. Поскольку Адальрих был сторонником королевы Брунгильды и её внука Сигиберта II, то их поражение и гибель в борьбе с королём Нейстрии Хлотарем II в 613 г. привело к временному ослаблению позиций его рода. Тем не менее он считается основателем нескольких известных бургундских аббатств. Его сын, Этихо (Eticho, его называют также Athich, Adalrich, Adalricus, 645 – ок. 682 или 700 г.), был третьим достоверно известным герцогом Эльзаса и основателем рода Этихонидов, к которым и возводят своё происхождение Габсбурги, а также ряд других знатных аристократических семей на юге Германии, во Фландрии и Лотарингии. Этихо играл важную роль в политической жизни Австразии, по линии жены он находился в непосредственном родстве с королём Австразии Сигибертом III. В 673 г. король Хильдерик II сделал его герцогом Эльзаса, одновременно он удержал под своей властью также значительные части территории Прованса и Бургундии. Во время противостояния майордома Австразии Пипина Геристальского, основателя династии Каролингов, с его противниками Этихо поддержал Пипина и даже лично принял участие в знаменитой битве при Тетри (687 г.), исход которой обеспечил победу Каролингов. В итоге Этихо сумел сохранить герцогство Эльзас от последующего раздела и создать прочную наследственную династию герцогов Эльзаса. Им были основаны два монастыря — аббатство Санкт-Мориц в Эберсхайме (Ebersheim) и аббатство Хоэнберг (Hohenberg), представляющее собой замок герцогов Эльзаса, который Этихо передал своей слепой дочери, святой Одилии, святой покровительнице Эльзаса, позднее, по имени святой, получившее название Одилиенберг (Odilienberg). Оба эти аббатства, особенно Одилиенберг, являются старыми церковными центрами, которые вплоть до Первой мировой войны были тесно связаны с Габсбургским домом.

Позднее под властью династии Этихонидов Эльзас был разделён на две части: Нордгау (Nordgau — Нижний Эльзас) и Зундгау (Sundgau — Верхний Эльзас). Как считается, династия Габсбургов происходит от одной из ветвей Этихонидов — Эберхардингов (die Eberharde), графов Нордгау, Эгисхайма (Egisheim), Дагсбурга (Dagsburg) и Меца (Metz). Непосредственным предком дома Габсбургов считается Гунтрам Богатый (Guntram der Reiche, 904–973), граф Эльзаса, Зундгау, Альтенбурга, Ааргау, граф Мури и Брейсгау. Гунтрам Богатый был сыном Гуго I (ум. ок. 940), графа Зундгау, Эгисхайма, Ааргау и Хоэнберга и внуком Эберхарда III, графа Нордгау и Ааргау. Его брат Эберхард IV стал графом Нордгау, таким образом Эберхардингам удалось объединить под своей властью весь Эльзас. В годы правления внука Гунтрама Богатого, Радбода (Radbod, 985–1045), около 1020 г. в Ааргау (ныне одноимённый кантон в Швейцарии) был сооружён замок Габсбург (Habsburg), который стал главным родовым гнездом дома Габсбургов[36]. Таким образом, родина знаменитой фамилии Габсбургов — не австрийские земли. Коренные владения этого рода находились

[36] *Heimann H.D.* Die Habsburger: Dynastie und Kaiserreiche. Wien, 2001; *Werner Trillmich W.* Kaiser Konrad II. und seine Zeit. 1991, Europa Union Verlag.

первоначально в Эльзасе и Швейцарии, которые, естественно, они даже тогда, когда Швейцария оказалась самостоятельным государством вне рамок Священной Римской империи германской нации (это произошло фактически после Швабской войны 1499 г., а формально только на Венском конгрессе 1815 г.), а земли в Эльзасе и Лотарингии были захвачены Францией (конец XVII в.), продолжали считать своими. Австрийские земли перешли к Габсбургам во второй половине XIII в.

Этому предшествовало прекращение в 1254 г. династии Штауфенов (после гибели в 1254 г. императора Конрада IV, сына Фридриха II Гогенштауфена) и длительное междуцарствие, в течение которого за германский императорский престол боролись различные претенденты. В конечном итоге верх одержал Рудольф I Габсбург, который находился на престоле Германии с 1273 по 1291 г. Одним из его наиболее опасных противников был чешский король Оттокар II, правнук Фридриха I Барбароссы. После гибели в 1246 г. Фридриха II Бабенберга, последнего мужского представителя династии Бабенбергов, австрийские владения перешли к Оттокару II в результате его брака с Маргаритой Бабенберг, сестрой Фридриха II Бабенберга. Кстати, с именем Оттокара II связано основание Кёнигсберга. В 1254 г. по предложению папы римского Иннокентия IV чешский король предпринял крестовый поход на язычников в Пруссии. Во время похода в январе 1255 г. Оттокар II и Великий магистр Тевтонского ордена Поппо фон Остерна (Poppo von Osterna) заложили орденскую крепость Кёнигсберг в нижнем течении реки Прегель. Установленные Оттокаром II дружеские отношения между Чехией и Орденским государством существовали вплоть до прихода к власти в Чехии в результате гуситских войн польской династии Ягеллонов (70-е гг. XV в.). Скульптура Оттокара II находится на Королевских воротах в Калининграде, сами ворота были сооружены в период правления прусского короля Фридриха Вильгельма IV в середине XIX в.

Расширение владений Оттокара II пришлось на годы хаоса и смуты в Германии и непрекращающейся борьбы различных группировок за имперский престол. Оттокар II деятельно поддерживал анархию в Германии, понимая, что борьба между различными претендентами на германский престол (а это были даже не немцы, а граф Корнуолльский Ричард и король Альфонс Кастильский) позволит ему захватывать немецкие земли. Естественно, что Оттокар II крайне враждебно относился к Рудольфу I Габсбургу, который стал проводить политику консолидации Германской империи, сильно ослабленной как в годы правления Фридриха II Гогенштауфена (тот, будучи королём Сицилии, практически не бывал в Германии), так и в период последующей смуты. В 1274 г. Рудольф потребовал от Оттокара II принести обычную для подданного императора присягу в верности и возвратить имперские лены, незаконно захваченные чешским королём, то есть Австрию, Штирию, Каринтию и Крайну. Отказ Оттокара II привёл к объявлению его в 1275 г. изменником.

В июне 1276 г. началась война между Рудольфом I Габсбургом и Оттокаром II, в которой чешский король потерпел поражение. 21 ноября 1276 г. был заключён в Вене мир, и Оттокар II был вынужден отказаться от Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны, которые перешли под контроль короля Германии (с момента избрания его курфюрстами глава Священной Римской империи германской нации носил титул короля Германии, императором он становился только после того, как короновался папой в Риме). Рудольф I не совершал традиционного для германских импера-

торов похода в Рим, не был коронован папой и, следовательно, носил титул короля Германии. Последним германским королём, который был коронован в Риме папой как император, являлся Карл V (коронован 24 февраля 1530 г. в Болонье папой римским Климентом VII из рода Медичи). Богемию и Моравию Оттокар II получил от Рудольфа I в качестве лена при условии просьбы с коленопреклонением. Рудольф I триумфально въехал в Вену. Однако уже в следующем году Оттокар II вновь выступил против короля, но 26 августа 1278 г. в битве при Дюрнкруте (имеется чешское название — битва у Сухих Крут) в Моравии чешская армия была разбита Рудольфом I, а сам Оттокар II был взят в плен и заколот одним австрийским дворянином.

Получив в результате победы над чешским королём власть над Австрией, Рудольф I в 1282 г. передал Австрию и Штирию в наследственное владение своим сыновьям Альбрехту I и Рудольфу II. Таким образом, Австрия стала наследственным владением дома Габсбургов, который правил ею до 1918 г. Каринтия и Крайна в 1286 г. были переданы соратнику и близкому другу Рудольфа I маркграфу Мейнхарду II Тирольскому с условием, что по прекращении прямого мужского потомства Мейнхарда эти герцогства также отойдут Габсбургам. После того как сын Мейнхарда II Генрих скончался в 1355 г., не имея мужского потомства, Каринтия и Крайна, а с 1363 г. и Тироль окончательно перешли под власть Габсбургов.

В 1306 г. со смертью короля Чехии Вацлава III — в Германии его называют богемским королём Венцелем III (Wenzel III), — внука Рудольфа I Габсбурга и Оттокара II (он был сыном короля Чехии Венцеля II, сына Оттокара II, и Гуты (Jutta von Habsburg), дочери короля Германии Рудольфа I Габсбурга), в Чехии пресеклась династия Пржемысловичей. На вакантный престол Богемии, одного из богатейших владений Священной Римской империи германской нации, сразу же образовалось множество претендентов, и, пожалуй, основными из них были Габсбурги. Однако 30 августа 1310 г. в Шпейере состоялась свадьба единственной сестры Венцеля III, Елизаветы Богемской, и Иоганна, графа Люксембурга, сына германского императора Генриха VII из династии Люксембургов. Люксембургские графы происходили из старого рода графов Лимбургских.

Родоначальником этой семьи считается герцог Нижней Лотарингии Генрих II (Herzog von Niederlothringen, 1110–1167), который с 1139 г. носил титул герцога Лимбургского (Herzog von Limburg). Первым графом Лимбургским считается Вальрам I (немецкое Walram, французское Waléran, латинское Galeranus, граф Арлона, граф Лимбурга с 1065 г.). Его сын Генрих I в 1101–1106 гг. получил от императора Генриха IV, с именем которого связано начало вековой борьбы между Империей и Папством, в награду за политическую поддержку титул герцога Лимбургского, тогда же он получил и титул герцога Нижней Лотарингии, который, однако, после вступления на престол сына и злейшего противника Генриха IV, императора Генриха V, был им утрачен.

Однако Лимбургское герцогство Генрих I, несмотря на активное участие в мятежах против императора, сумел сохранить. Родовой бург герцогов Лимбургских находился к западу от Аахена, в Дольгайне, недалеко от знаменитого дворца Карла Великого. Его правнук Вальрам III, герцог Лимбурга (Walram III von Limburg, встречается и французский вариант этого имени Waléran III de Limbourg, 1175 – 2 июля 1226), в 1214 г. женился на Эрмезинде, графине Люксембурга (Ermesinde von Luxemburg), и таким образом приобрёл графство Люксембург. Сын Вальра-

ма III, граф Люксембурга Генрих V Белокурый, сильно расширил границы графства, а его правнук Генрих VII 27 ноября 1307 г. был избран королём Германии и 29 июня 1312 г. был коронован в соборе Св. Петра в качестве германского императора.

Воспользовавшись прекращением в Чехии династии Пржемысловичей, Генрих VII в 1310 г. сумел женить своего сына Иоганна Люксембургского на сестре последнего чешского короля Венцеля III Елизавете Богемской, с этого времени Богемия, подобно Австрии Габсбургов, стала наследственным владением Люксембургского дома. Власть Люксембургов в Богемии особенно упрочилась в период правления сына Иоганна Карла (правил Богемией с 1334 г.), который в 1346 г. стал королём, а затем императором Германии и сыграл самую выдающуюся роль в германской, а также чешской истории. Именно с именем Карла Люксембурга связан «золотой век» Чехии. Он прекрасно знал чешский язык, заботился о развитии городов, «злата Прага» во многом представляет собой результат деятельности именно Карла IV. В пребывания Карла IV на императорском престоле Германии на немецкой политической арене остались только два серьёзных претендента на верховную власть — Габсбурги и Люксембурги. 10 февраля 1364 г. Карл IV подписал с эрцгерцогом Австрии Рудольфом IV договор о наследстве, согласно которому сохранившаяся ветвь одного из этих домов, Люксембургов или Габсбургов, должна была получить в лен имперские земли другого рода.

В соответствии с этим соглашением император Сигизмунд Люксембург[37], не имевший наследников мужского пола, согласился на брак своей единственной дочери Елизаветы[38] с эрцгерцогом Австрийским Альбрехтом, свадьба состоялась 19 апреля 1422 г. в Вене. Таким образом, благодаря соглашению от 10 февраля 1363 г. и женитьбе на Елизавете Люксембургской после смерти Сигизмунда в 1437 г., Альбрехт II Габсбург[39] приобрёл для Габсбургов не только Чехию и Венгрию[40], но и престол Священной Римской империи, который они занимали вплоть до 1806 г. 6 августа 1806 г. «в связи с прискорбными и тягостными событиями» (имеется в виду создание 12 июля 1806 г. Рейнского союза под эгидой Наполеона) император Франц II сложил с себя корону императора Священной Римской империи и освободил чины и сословия Империи от обязанностей по отношению к нему[41].

Согласно так называемым «Шейерским княжеским таблицам» («Scheyerer Fürstentafel», фамильная хроника Виттельсбахов,), род Виттельсбахов восходит к Каролингам. Впрочем, к Каролингам возводила историю своего рода огромная

[37] Sigismund, также Siegmund von Luxemburg, венгерский вариант имени Zsigmond, 1368–1437 гг., король Венгрии с 1387 г., король Германии с 1410 г., король Чехии с 1419 г., император Священной Римской империи с 1433 г.

[38] Elisabeth von Luxemburg, венгерский вариант имени Erzsebét, чешский вариант Alžběta Lucemburská, 1409–1442 гг.

[39] Albrecht II von Habsburg, венгерский вариант имени Albert, 1397–1439 гг., Albrecht V в качестве эрцгерцога Австрии с 1404 г., маркграф Моравии с 1423 г., король Германии (Римский король) с 1438 г., король Венгрии с 1437 г., король Чехии с 1437 г.

[40] Сигизмунд был королём Венгрии в качестве мужа Марии Анжуйской, дочери Людовика Великого (в венгерской традиции Лайоша Великого, 1326–1382), последней представительнице Сицилийско-Анжуйской династии на венгерском престоле (1371–1395).

[41] Хотя, с другой стороны, разве в годы Тридцатилетней войны или во время турецкого наступления на Вену с 1683 г. Империя, как казалось многим, не стояла на грани краха? Но тем не менее ни Фердинанд II (1578–1637), ни Фердинанд III (1608–1657), ни Леопольд I (1640–1705) не отреклись от престола.

часть европейской аристократии. Однако сами Виттельсбахи большей частью считали своими предками баварский аристократический род Агилольфингов, с именем которого связано становление собственно Баварии и баварцев. Die Agilolfingern — южногерманская аристократическая фамилия, представители которой начиная с VI в. были герцогами Баварии и Алеманнии (Швабии), а также королями лангобардов. Относительно происхождения этой фамилии среди учёных нет единой точки зрения. Как предполагают исследователи, первые Агилольфинги стали герцогами Баварии и Алеманнии в качестве герцогов, назначенных меровингскими королями (Lex Baiuvariorum, часть III), однако позднее их герцогский титул стал наследственным и фактически независимым от Меровингов. Резиденцией Агилольфингов в Баварии был Регенсбург (Regensburg), а в Алеманнии — Канштадт (Cannstadt).

Как уже отмечалось выше, среди германистов нет единой точки зрения относительно вопроса о происхождении Агилольфингов. Основателем этой знатной франкско-баварской семьи считается Агилульф (Agilulf, 420–482), князь свевов (швабов) и квадов[42]. В свою очередь, он был сыном свевского князя Хунимунда (Hunimund), который жил приблизительно в 395–469 гг. и, согласно данным античных источников, правил в Suavia на Дунае. Он участвовал в нападении свевских племён на Пассау[43] и, скорее всего, был арианином по вероисповеданию. По мнению историка Й. Ярнута (Jörg Jarnut), епископ Меца Агилульф (Agilulf), неоднократно упоминавшийся в позднеантичных и раннесредневековых источниках и скончавшийся в 602 г., был одним из ранних представителей династии Агилольфингов[44].

Й. Ярнут полагает, что Агиульф (Agiulf) происходил из германского племени варинов (die Warnen). Это германское племя неоднократно упоминалось античными авторами, такими, как Плиний Старший, Тацит, Клавдий Птолемей, под разными названиями: Warini, Warni, Warinoi и т.д. Древневерхненемецкая форма этнонима «варны» — «Warjan». По мнению немецкого археолога Й. Месторфа (J. Mestorf), в I в. до н.э. – II в. н.э. варины находились в Южной Ютландии, рядом с племенами англов и ютов[45]. Эту точку зрения поддерживает и известный датский археолог Пер Этельберг[46].

Во II–III вв. н.э. варины вместе с англами, ютами и другими племенными группами южной Ютландии частично переселились в Мекленбург, топонимика которого, несмотря на последовавшее в VI в. вторжение славян на эти территории, сохранила многочисленные следы пребывания варинов в Мекленбурге (города Warnow, Waren, Warin и т.д.). Другая часть варинов обосновалась в Тюрингии, где они совместно с англами, гермундурами и другими германскими племенами влились в племенной союз тюрингов. Как предполагают исследователи, варины населяли область Веренофельд (Werenofeld), которая находилась между реками Заале и Эльстер. Пребывание варинов в Тюрингии также нашло отражение в названии племен-

[42] Как считает большинство германистов, квады — это иной вариант этнонима «швабы».

[43] В эпоху поздней античности город назывался Boiodurum.

[44] *Jarnut J.* Agilolfingerstudien. Untersuchungen zur Geschichte einer adligen Familie im 6. und 7. Jahrhundert. Stuttgart, 1986; эту же точку зрения разделяет Störmer W. Die Baiuwaren. Von der Völkerwanderung bis Tassilo III. München, 2007.

[45] *Koch J., Mertens E.-M.* Johanna Mestorf — Werk und Wirkung. Münster, 2002. S. 190.

[46] Per Ethelberg. http://www.shz.de/regionales/schleswig-holstein/als-die-angeln-sonderjylland-eroberten-id3510731.html

ного права тюрингов «Lex Anglicorum et Werinorum hoc est Thuringorum»[47]. В VI в. варины, как и тюринги, оказались в составе франкского государства Меровингов. Часть варинов добралась до устья Рейна, и история этой части племени оказалась тесно связана с судьбой салических и рипуарских франков[48].

Согласно сообщению готского историка Иордана, некто Агиульф, приближенный вестготского короля Теодориха II (453–466), принадлежавший к знатному роду варинов (Varnorum stirpe genitus), был в 456 г. назначен наместником (Statthalter) свевского королевства в Испании[49]. По мнению Й. Ярнута, этот Агиульф и являлся родоначальником знатной баварской фамилии Агилольфингов[50].

Представители дома Агилольфингов достаточно рано установили тесные политические и династические отношения с франками и лангобардами. В 548 г. франкский король из династии Меровингов Теудебальд (Theudebald, 537–555) пожаловал Гарибальду I титул герцога Баварии. В 555 г. герцог Гарибальд I (Garibald, 500–593) вступил в брак с лангобардской принцессой Вальдерадой (Walderada), дочерью лангобардского короля Вахо (Wacho), вдовой Теудебальда. Прежде Вальдерада была женой франкского короля Хлотаря I (Chlotar I, 495–551), однако их брак был расторгнут церковью из-за её приверженности арианству. Гарибальд I старался проводить политику лавирования между двумя могущественными политическими силами тогдашней Европы — франкским и лангобардским королевствами для того, чтобы обеспечить интересы Баварии и сохранить контроль над важнейшими стратегическими путями, которые вели через Альпы в Италию. В итоге Бавария и правившая в ней династия Агилольфингов стали иметь ключевое значение для обеспечения государственных интересов как Франкского, так и Лангобардского королевства. В современных источниках Гарибальд I именуется уже не только герцогом (dux), но и королём (rex) Баварии. Так, когда в 575 г. франки вторглись в Италию, Гарибальд I воздержался от активного участия в конфликте, но обручил свою дочь с лангобардским герцогом Триента Эвином (Ewin, правил на территории нынешнего Южного Тироля — Трентино).

Когда в 584 г. франки вновь вторглись в Италию, Гарибальд I поддержал короля лангобардов Аутари (Authari), в результате чего отношения между герцогством Бавария и Франкским королевством резко ухудшились. В итоге в 589 г. франкское войско вторглось в Баварию, и дети Гарибальда I Теодолинда (Theodolinde) и Гундоальд (Gundoald) бежали в Италию к лангобардам. Теодолинда позднее стала женой короля лангобардов Аутари, корона, Евангелие и другие ценности, принадлежавшие Теодолинде, вместе с сокровищами лангобардского королевского дома и знаменитой железной короной (die Eiserne Krone) лангобардских королей, которой короновались все короли Италии, начиная с Карла Великого и германского императора Оттона Великого (912–973) и вплоть до Наполеона Бонапарта, до настояще-

[47] См.: *Gaupp E.Th.* Das alte Gesetz der Thüringer oder die Lex Anglicorum et Werinorum hoc est Thuringorum. Breslau, 1834.

[48] См.: *Springer M.* Warnen // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). 2. Auflage. Band 33, Walter de Gruyter. Berlin; New York, 2006. S. 274–281.

[49] http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000792_00191.html?sortIndex=010:010:0005:010:01:00&zoom=0.75

[50] *Jarnut J.* Agilolfingerstudien: Untersuchung zur Geschichte einer adligen Familie im 6. und 7. Jh. Stuttgart, 1986. S. 10–11.

го времени хранятся в сокровищнице собора Св. Иоанна в Монце, который был построен по приказу Теодолинды[51].

Гундоальд, получивший титул герцога Асти, женился на внучке лангобардского короля Вахо. Его сын Ариберт I (Aribert I) в 651 г. стал королём лангобардов и был первым королём лангобардов, который поддерживал не арианство, а католицизм. Ариберт I активно занимался строительством церквей и монастырей, а в конце жизни фактически оставил престол, предпочтя жизнь монаха-отшельника. Таким образом, Гундоальд, герцог Асти, стал родоначальником баварской линии лангобардских королей[52]. Таким образом, возник своего рода военно-политический союз лангобардского короля, баварского герцога и герцога Асти и Триента, направленный против франков. В 590 г. новая попытка франков вторгнуться в лангобардское королевство завершилось серьёзным поражением франкского войска. Однако в 591 г. между франками и лангобардами было заключено соглашение, которое имело весьма тяжёлые последствия для Баварии. Баварское герцогство вновь оказалось в зависимости от франков. Гарибальд I был смещён или умер, и, по сообщению историка Павла Диакона, автора «Истории лангобардов», «король франков Хильдеберт поставил королём Баварии Тассило»[53]. Герцога, позднее короля Баварии Гарибальда I иногда считают первым достоверно известным правителем Баварии и представителем династии Агилольфингов.

Тассило I[54] был сыном или близким родственником Гарибальда I. Вскоре после своего вступления на престол Тассило I был вынужден вести долгие и кровопролитные войны со славянами, которые как раз в это время осуществляли широкую экспансию на Запад и пытались закрепиться в Восточных Альпах. Павел Диакон в «Истории лангобардов» так описывает эти события: «В эти же дни франкский король Хильдеберт поставил королём баваров Тассилона. Он же в скором времени с большим войском направился в страну славян и победоносно вернулся с большой добычей»[55]. В 595 г. Тассило I вновь предпринял поход против славян, который, однако, закончился неудачей, согласно рассказу Павла Диакона, Тассило I потерял в этом походе 2000 воинов. Причина неудачи заключалась в том, что славяне призвали на помощь авар, народ тюркского происхождения, который в VI в. обосновался в Паннонии, на территории нынешней Венгрии.

В 610 г. Тассило I на баварском престоле сменил Гарибальд II (Garibald II), который правил предположительно до 630 г. Правление Гарибальда II также сопровождалось многочисленными войнами со славянами. Павел Диакон сообщает об этом следующее: «В это время после смерти баварского герцога Тассилона его сын Гари-

---

[51] О Теодолинде см.: *Riezler S. von.* Theodelinde // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 37, Duncker & Humblot. Leipzig, 1894. S. 687–689; Pohl W. Theodelinde // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 30 (2005). S. 412f.

[52] О Гундоальде см.: *Menghin W. D*ie Langobarden. Stuttgart, 1985.

[53] О Гарибальде I см.: *Reiser R.* Garibald I // Bosl Karl (Hrsg.): Bosls bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 239; *Jarnut J.* Garibald I // Lexikon des Mittelalters (LexMA). Bd. 4, München/Zürich, 1989, Sp. 1116.; *Störmer W.* Garibald I // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). 2. Auflage. Bd. 10, Walter de Gruyter. Berlin; New York, 1998. S. 446–447.

[54] Tassilo I, годы правления — 591–610, позднее это имя стало одним из самых популярных в Баварии и Венгрии.

[55] *Павел Диакон.* История лангобардов. СПб., 2008. Книга IV; 7.

бальд был побеждён в Агунте (Aguntun, римское поселение, построенное при императоре Клавдии под названием «Municipium Claudium Aguntum», развалины которого находятся сейчас в восточном Тироле, в нескольких километрах от города Лиенца, Lienz) славянами, которые опустошили баварские марки. Но бавары собрались с силами, отняли у врагов награбленную ими добычу и изгнали из своей страны[56]. Именно во время этих баварско-славянских войн были окончательно разрушены Агунт и соседняя с ним община Лафант (Lavant) в Тироле.

Политическая история VII в. определялась дальнейшим ослаблением позиций меровингских королей (неслучайно в более поздних источниках их называют «ленивыми королями», faule Könige) и постепенным укреплением позиций майордомов Австразии, будущих Каролингов. Рост могущества Каролингов не соответствовал интересам баварской знати, поэтому Агилольфинги оказывали поддержку слабеющим Меровингам. Уже в 624 г. Хродоальд (Chrodoald), которого франкский историк Фредегар описывал следующим образом: «ex proceribus de gente nobili Agylolfingam», оказался в конфликте с епископом Меца Арнульфом (Arnulf von Metz) и Пипином Ланденским (Pippin von Landen), основателями дома Каролингов. Фредегар сообщает: «На 41-м году правления Хлотаря (624 г.), когда Дагоберт счастливо правил Австразией, человек Агилульфа по имени Хродоальд попал в немилость Дагоберта из-за преподобного епископа Арнульфа, майордома Пипина и других австразийских магнатов. Этот Хродоальд, будучи уже богатым человеком, всегда был готов с алчностью захватывать состояние других. Он был горд и нагл, как только можно, и у него не было каких-либо достоинств, которые оправдывали бы это. Так как из-за его преступлений Дагоберт велел убить его, то Хродоальд бежал к Хлотарю, прося того вмешаться и повлиять на своего сына Дагоберта, чтобы тот пощадил его жизнь. Когда Хлотарь встретился с Дагобертом, то попросил, среди прочих вещей, и прощения для Хродоальда, и Дагоберт обещал, что если тот изменит своё поведение, то ему не будет ничего угрожать. Но вскоре после этого Хродоальд был убит по приказу Дагоберта, когда возвращался вместе с ним в Трир. Некий Бертхар из Шарпеня (Charpeigne) вынул свой меч и вырезал у него сердце у дверей спальни»[57].

В 632 г. меровингский король Дагоберт I (Dagobert I, 608–639) предпринял большой поход против так называемого «Государства Само» («das Reich des Samo»), раннеславянского государственного образования, существовавшего на территории нынешних Чехии, Моравии, Австрии, Словении и Словакии. «Государство Само» получило своё название по имени его правителя Само, который, согласно франкскому историку Фредегару, был франкским купцом, осевшим у славян. Однако более поздний баварский источник, относящийся к 870 г., «Conversio Bagoariorum et Carantanorum» («Обращение баваров и хорутан»), считает Само славянином[58]. Согласно данным источников, в походе помимо воинов из разных частей франкского королевства приняли участие алеманны во главе с герцогом Хродобертом (Chrodobert), а также лангобарды. Поход, однако, закончился серьёзной неудачей: в битве у Вогастибурга (castrum vuogastisburc, точная локализация это-

[56] *Павел Диакон.* Указ. Соч. Книга IV; 39.

[57] http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fredegar/frametext.htm

[58] Conversio. C. 4. MG, SS. T. XI. P. 7.

го населённого пункта невозможна) франкское войско потерпело поражение. Примечательно, что баварские войска не приняли участия в этом походе, хотя герцогство было непосредственным соседом государства Само. В результате авторитету короля Дагоберта I и франкской монархии в целом был нанесён серьёзный ущерб[59].

Сыном или родственником Гарибальда II на баварском престоле был Теодо I (Theodo, 630–680). Плохое состояние источников не позволяет подробно осветить историю правления этого баварского короля или герцога, известно только, что его резиденция находилась в Регенсбурге[60]. Жена Теодо I была дочерью герцога Фриуля Гизульфа II и находилась в тесном родстве с лангобардскими королями. Однако существует также мнение, согласно которому Теодо — сын Ходоальда, убитого в 624 или 625 г. по приказу Дагоберта I[61].

Личность Теодо I оказалась тесно связана с жизнью и деятельностью св. Эммерама[62], епископа Регенсбургского. Св. Эммераму посвящено житие («Vita et passio Sancti Haimhrammi martyris» — «Житие и мученичество святого Эммерама, мученика»), написанное около 750 г., то есть спустя сто лет после кончины св. Эммерама епископом Фрайзинга Арибоном[63]. Баварская правда (lex Baiuvariorum), составленный около 635 г. сборник обычного права племени баваров (так называемая «варварская Правда»), упоминает род Хуоси в числе пяти других знатнейших родов племени баваров, которые были первыми после Агилольфингов: Троцца (Trozza, также Drazza), Фагана (Fagana), Хахилинга (Hahilinga, также Hahiligga), Анниона (Anniona)[64]. На знатность этих родов указывает получаемый ими согласно их чести двойной вергельд (Агилольфинги получали четырёхкратный вергельд)[65].

Как полагают исследователи, этот род восходит к той части баварской знати, которая первоначально находилась под властью остготов. Центром владений Хуоси была местность Пфаффенвинкель (Pfaffenwinkel) в верхней Баварии (Oberbayern), однако их владения простирались до альпийских долин. Политическое влияние этого рода было особенно сильно в западной части Баварии, представители рода Хуоси наследственно занимали епископский престол Фрайзинга, а также являлись основателями целого ряда монастырей (монастырь Бенедиктбойерн (Benediktbeuern), основан около 725 г.; монастырь Поллинг (Polling), основан около 750 г.; монастырь Штаффельзее (Staffelsee), основан около 740 г.; монастырь Тегернзее (Tegernsee),

---

[59] http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/bsb00000749/images/index.html?id=00000749&&seite=164

[60] *Klebel E.* Emmeram // Neue Deutsche Biographie, 1959. Bd. 4. S. 482.

[61] *Wenskus R.* Agilolfinger // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1973. Bd. 1. S. 96–98; *Störmer W.* Das Herzogsgeschlecht der Agilolfinger» // Dannheimer H. «Die Bajuwaren von Severin bis Tassilo 488–788», Arbeitsgruppe Bajuwarenausstellung, 1988. S. 146–147. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a135155.pdf

[62] Emmeram, существуют многочисленные варианты написания имени этого выдающегося церковного деятеля — Heimrammi, Heimeran, Emeran.

[63] Aribo, Arbeo, Arbo — епископ Фрайзинга в 765–783 гг. Арибон Фрайзингский принадлежал к одному из знатнейших баварских родов — Хуоси (Huosi, Husi, Uosi).

[64] De genealogia qui vocantur Hosi Drazza Fagana Hahilinga Anniona: isti sunt quasi primi post Agilolfingos qui sunt de genere ducali (Lex Baiuvariorum, Tit.3. S.312.

[65] Illis enim duplum honorem concedamus et sic duplam conpositionem accipiant (Lex Baiuvariorum, Tit.3. S.313). http://www.dmgh.de/de/fs1/object/goToPage/bsb00000861.html?pageNo=312

основан около 746 г., ныне замок и здания монастыря находятся во владении герцогской линии дома Виттельсбахов; монастырь Ильммюнстер (Ilmmünster), основан около 762 г.; монастырь Шледорф (Schlehdorf), основан около 763 г.; монастырь Шарнитц (Scharnitz), основан около 763 г.)[66].

Другим знатным баварским родом, упоминаемым в «Баварской правде», является Фагана (Fagana). Владения этого рода находились в области, лежащей между Изаром (Isar) и Инном (Inn), в бассейне реки Мангфалль (Mangfall) в Верхней Баварии и в нижнем течении реки Ампер (Amper) в предгорьях Альп. К владениям рода Фагана принадлежали также Эрдинггау (Erdinggau) и Изенгау (Isengau). Первым исторически известным представителем рода Фагана был граф Якоб[67]. Согласно Фрайзингской хронике, с 790 по 820 г. владения графа Якоба находились в Изенгау. Его наследниками были Хаймо (Heimo), Тунипальд (Tunipald) и Эренберт (Erenbert).

Исследования немецких учёных показали, что ядром владений рода Фагана была область Изенгау, под покровительством этого рода находился монастырь Святого Зенона (St. Zeno Kloster), который был основан в VIII в. епископом Фрайзинга Йозефом, принадлежавшим к роду Фагана. Сама местность Изен впервые упоминается в 747 г. в дарственной одного из представителей рода Фагана монастырю Св. Зенона. На тот факт, что во время заселения Баварии многие баварские фамилии оседали в районе Изенгау, указывает обилие топонимов с окончанием на -ing (так называемый патронимический суффикс), такие как Пеммеринг (Pemmering), Пенцинг (Penzing), Шнауппинг (Schnaupping) и т.д. По мнению филологов-германистов, топонимы с окончанием на -ing вообще принадлежат к числу древнейших германских и в частности баварских топонимов.

Другим центром владений рода Фагана была область Бурграйн (Burgrain), также находящаяся в области Изенгау. В 808 г. епископ Фрайзинга Атто (епископская кафедра во Фрайзинге находилась в наследственном владении рода Фагана) получил эту область в дар от графа Ривфинга (Riphwing), одного из представителей рода Фагана. Дарственная 4 мая 811 г. была подтверждена Карлом Великим[68].

Ещё одной древнейшей фамилией Баварии является род Хахилинга или Хахилигга (Hahilinga, Hahiligga, в источниках встречаются два варианта написания). Как считают исследователи, владения этого рода находились к востоку от Регенсбурга, герцогской резиденции Агилольфингов.

Согласно данным источников, ядро владений этого рода находилось в бассейне реки Хах (Hach, Hachinger Bach), к юго-востоку от Мюнхена. К этим владениям принадлежали также области Оберхахинг (Oberhaching) и Унтерхахинг (Unterhaching),

---

[66] О роде Хуоси см. также: *Krahwinkler H.* Huosi // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). 2. Auflage. Band 15, Berlin; New York 2000. S. 272–274. https://books.google.de/books?id=C3yO2zzdfOUC&lpg=PP1&hl=de&pg=PA272#v=onepage&q&f=false; *Maier L.*: Huosi, die // Karl Bosl (Hrsg.): Bosls bayerische Biographie. Regensburg 1983. S. 380; *Diepolder G.* Die Herkunft der Aribonen // Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte 27, 1964. S. 74–119.

[67] Job или Jakob, встречается различное написание этого имени.

[68] О роде Фагана см.: *Störmer W.* Fagana // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). 2. Auflage. Band 8. Berlin; New York, 1994. S. 139–141; *Heilmaier L.* Das obere Isental und das Kloster Isen, Evenhausen, 1938. https://books.google.de/books?id=T9OoB-_eZEIC&lpg=PP1&hl=de&pg=PA139#v=onepage&q&f=false

которые также лежат по течению реки Хах. Первое упоминание об Оберхахинге относится к 806 г., он упомянут в дарственной аббата Петто (Petto) из рода Хахилинга аббатству Шэфтларн (Kloster Schäftlarn, здесь следует упомянуть, что в Средние века в европейских странах и особенно в Германии существовала традиция, согласно которой представители знатных аристократических семей, основывая на своих землях монастырь или передавая ему земли в качестве пожалования, становились аббатами или так называемыми светскими фогтами, то есть покровителями данного монастыря или даже епископства и архиепископства).

Каждая аристократическая и даже просто дворянская семья, как правило, имела «свой» монастырь или даже «своё» епископство, например, представители рода Хуоси, а позднее Виттельсбахи — епископство Фрайзинг. Кроме того, аристократические семьи Европы, как правило, посвящали одного из своих отпрысков церкви. Так, согласно воле родителей, с детства церкви был посвящён Шарль-Морис де Талейран-Перигор (Charles Maurice de Talleyrand-Périgord), будущий знаменитый дипломат и министр иностранных дел Наполеона.

Кстати, род Талейрана, как и большинство фамилий французской и вообще европейской аристократии, — германского происхождения, он восходит к семье графов Перигор, основателем которой был Эменон (Emenon, граф Пуатье). Эменон, который с 845 г. стал графом Перигора и Ангулема, скончался 22 июня 866 г. Эменон, в свою очередь, происходил из знатной франкской семьи Вильгельмидов, основателями которой были граф Теодорих (Theodericus; Дитрих — Dietrich) Отенский и его жена Алдана (Aldana), предположительно дочь Карла Мартелла от его наложницы галло-римского происхождения, родственницы Сиагрия, последнего римского наместника в Северной Галлии. В 486 г. молодой король салических франков Хлодвиг I в битве при Суассоне разгромил войска Сиагрия, это событие завершило период римского преобладания в Галлии, политическое господство в Европе окончательно перешло к германцам. Хотя сам Сиагрий был казнён по приказу Хлодвига, исторические источники позволяют документально проследить историю его рода на протяжении Раннего Средневековья вплоть до 757 г.[69] Род Сиагрия, равно как и другие римские аристократические семьи, естественно, уже оказались тесно переплетены с знатнейшими фамилиями германской аристократии, тем более что италики, предки римлян, германцы и кельты являются родственными друг другу индоевропейскими народностями.

Одержав победу над мусульманами в битве при Пуатье, Карл Мартелл сделал своего верного сподвижника Теодориха-Дитриха графом Отэна, Вьенна и Тулузы, в состав его владений входил также Макон. «Annales Regni Francorum» называют Теодориха, то есть основателя рода графов Перигор, саксом[70]. Кстати, его внуком был

[69] Werner Karl Ferdinand, De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486 // Revue archéologique de Picardie, no 3–4 «Actes des VIIIe journées internationales d'archéologie mérovingienne de Soissons (19–22 Juin 1986)», 1988. P. 3–7. http://www.persee.fr/doc/pica_0752-5656_1988_num_3_1_1526; *Musset L.* The Germanic Invasions: The Making of Europe 400–600 AD, New York, 1965. P. 127.

[70] «Tunc Carlomannus et Pippinus contra Odilonem ducem Baiovariorum inierunt pugnam, et Carlomannus per se in Saxoniam ambulabat in eodem anno et coepit castrum, quod dicitur Hoohseoburg, per placitum et Theodericum Saxonem placitando conquisivit». Und: «Iterum Carlomannus et Pippinus perrexerunt in Saxoniam, et captus est Theodericus Saxo alia vice».

герцог Аквитании Вильгельм Благочестивый[71], который в 910 г. основал в пустынных ущельях Макона знаменитое аббатство Клюни, сыгравшее столь значительную роль в церковной жизни Европы и в том числе в конфликте между Империей и Папством (аббатство было полностью разграблено и разрушено в годы Французской революции, затем использовалось в качестве конюшни, каменоломни и т.д.).

Принцип, в соответствии с которым представители знатных германских семей возглавляли епископские кафедры или аббатства, а также оказывали им покровительство, основывался на положениях традиционного германского (а не римского) права, которое, в свою очередь, восходит своими корнями к древним религиозно-мифологическим представлениям германских народов. Так, например, к числу родовых монастырей фамилии Габсбургов относились монастырь Хоэнбург (Hohenburg) в Эльзасе на горе св. Одилии (Odilienberg), основанный герцогом Эльзаса Этихо, одним из предков рода Габсбургов, для своей слепой от рождения дочери св. Одилии (она признана и православной церковью).

Другим традиционно «габсбургским» монастырём было бенедиктинское аббатство Мурбах (Murbach), расположенное также в Эльзасе[72]. Монастырь в Мурбахе был основан графом Эберхардом (Eberhard), братом герцога Эльзаса Лиутфрида (Liutfrid) из рода Этихонидов, в 727 г. для святого Пирмина. Этот монастырь, для которого в своё время работал великий немецкий художник Матиас Грюневальд, был, как водится, разгромлен в годы Французской революции и так и не восстановлен позднее. Последний его аббат, Бенедикт-Антон-Фридрих фон Андлау-Хомбург[73], скончался в изгнании в Германии.

Позднее на этих принципах традиционного германского права основывалась созданная германским императором Оттоном I (Otto der Große, 23.11.912 – 7.05.973) система так называемой «имперской церкви» («die Reichskirche»). Эти же принципы лежали в основе знаменитого конфликта между Империей и Папством (Regnum и Sacerdotium, Папство ориентировалось на нормы римского права), который в течение долгого времени определял историю средневековой Европы. К сожалению, в нашей стране из всех видов германского права известно, да и то весьма приблизительно, только англосаксонское прецедентное право, о традиционном германском праве существуют весьма смутные представления и, как правило, в контексте бесконечных рассуждений о «расистах, фашистах, нацистах» и т.д.

Между тем традиционное германское право являлось объектом серьёзных научных исследований таких учёных, как, например, Карл фон Амира (Karl von

http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000759_00003.html?sortIndex=010%3A070%3A0006%3A010%3A00%3A00, http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext1.htm. Известно, что в 791 г. Теодорих-Дитрих Отенский участвовал в походе Карла Великого против аваров, возглавляя отряд саксов (http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000759_00003.html?sortIndex=010%3A070%3A0006%3A010%3A00%3A00, http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext1.htm)

[71] Wilhelm I von Aquitanien, der Fromme, *фр*. Guillaume Le Pieux, родился около 870 г., скончался 6 июля 918 г.

[72] Сейчас этот монастырь, так же как и монастырь Св. Одилии, находится в департаменте Верхний Рейн во Франции.

[73] Benedikt Anton Friedrich von Andlau-Homburg, имеется французский вариант написания его имени: Benoît-Antoine-Frédéric d'Andlau de Hombourg.

Amira, 1848–1930) с его книгой «Основы германского права»[74] или «Смертная казнь у германских народов. Исследования в области истории права и религиозных представлений»[75]. Серьёзно занимался историей традиционного права германских народов и один из основоположников научной германистики Якоб Гримм (Jacob Grimm), в нашей стране он и его брат Вильгельм известны прежде всего как знаменитые сказочники. Между тем Якобу Гримму принадлежит не только блестящее исследование в области истории религиозных представлений германских народов «Немецкая мифология»[76], но и блестящая работа «Немецкие правовые древности»[77].

Но вернёмся к дарственной грамоте аббата Петто аббатству Шэфтларн. В этой же дарственной упомянут и Унтерхахинг. В 1172 г. Оберхаханг упоминается в завещании пфальцграфа Фридриха Виттельсбаха. В 2005 г. в Унтерхахинге были раскопаны многочисленные богатые погребения германцев периода Раннего Средневековья (самые ранние датируются периодом около 500 г.), среди погребального инвентаря археологи обнаружили оружие, украшенное золотом, серебром и драгоценными камнями, шёлковые ткани, а также золотые и серебряные украшения с инкрустациями из рубинов и гранатов-альмандинов, которые были типичны для германского Раннего Средневековья.

Как предполагают исследователи, эти погребения могут принадлежать представителям какого-то знатного баварского рода, возможно, рода Хахилинга[78].

Ещё одним знатным баварским родом, упомянутым в «Баварской Правде», является род Анниона (Anniona). Как предполагают исследователи, ядро владений этого рода находилось в Берхтесгаденских Альпах, в районе реки Залах (Saalach, называется также Salzburgische Saale). В источниках этот род упоминается вплоть до конца VIII в.[79]

Но вернёмся к истории правления Теодо I. Как отмечалось выше, период правления Теодо I был тесно связан с жизнью и деятельностью святого Эммерама, одного из известнейших баварских святых. Уроженец Аквитании и епископ Пуатье, св. Эммерам, наряду со святым Корбинианом, святым Рупертом, святым Бонифацием, святым Пирмином, был одним из тех странствующих монахов, деятельность которых в огромной степени способствовала распространению христианства в Германии. О жизни св. Эммерама мы можем судить по его житию, составленному около 750 г. епископом Фрайзинга Арибоном.

---

[74] Grundriß des germanischen Rechts // Grundriß der Germanischen Philologie. Bd. 5. Strassburg, 1913.

[75] Die germanischen Todesstrafen. Untersuchungen zur Rechts- und Religionsgeschichte // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und Historische Klasse. Bd. 31, 3, München, 1922.

[76] *Grimm J.* Deutsche Mythologie. Первое издание — Göttingen, 1835, последнее — Wisbaden, 1992.

[77] *Grimm J.* Deutsche Rechtsaltertümer. Первое издание — Göttingen, 1828, имеются повторные издания на немецком языке, см. также https://books.google.de/books?id=FNhCAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=de#v=onepage&q&f=false

[78] Karfunkelstein und Seide — Neue Schätze aus Bayerns Frühzeit. Ein gemeinsames Projekt des Bayerischen Landesamt für Denkmalpflege und der Archäologischen Staatssammlung München. Denkmalpflege Informationen, 146 (2010) (о роде Хахилинга см. также: Hermann Reichert H. Hahilinga // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). 2. Auflage. Bd. 13, 1999. S. 355–359; Störmer W. Die Baiuwaren. Von der Völkerwanderung bis Tassilo III. München, 2002. S. 34).

[79] О роде Анниона см.: *Störmer W.* Die Baiuwaren. Von der Völkerwanderung bis Tassilo III. München, 2002. S. 34.

Согласно данным «Жития», святой Эммерам прибыл в Баварию по приглашению Теодо I и по его поручению возглавил епархию в Регенсбурге. Однако из-за того, что епископ выступил в защиту дочери Теодо I Уты (Uta, встречается также написание It), вступившей в тайный брак с приближённым герцога графом Зигиальдом[80], святой Эммерам, который к тому времени отправился в паломничество в Рим, был убит в Кляйнхелфендорфе (Kleinhelfendorf) сыном герцога Лантпертом (Lantpert). После мученической кончины святого его тело было перенесено сначала в церковь Св. Георга в Регенсбурге (Kirche St. Georg), а в 752 г. в бенедиктинский монастырь Св. Эммерама (Kloster Sankt Emmeram), который был основан в 739 г. баварским герцогом из рода Агилольфингов Тассило III (Tassilo III)[81].

После гибели святого Эммерама Ута была выслана отцом в Италию. Согласно «Истории лангобардов» Павла Диакона, дальнейшая жизнь Уты сложилась следующим образом: «В Беневенте после смерти герцога Родуальда, который правил пять лет, власть над герцогством перешла к его брату Гримуальду (Grimoald), и управлял он самнитским герцогством 25 лет. С пленной[82] девой по имени Ита он родил сына Ромуальда (Romuald) и двух дочерей»[83]. После того как Гримуальд в 662 г. стал королём лангобардов, Ромуальд до своей смерти в 677 г. правил в качестве герцога Беневента. Одна из дочерей Уты, Гиза (Gisa), в 672 г. умерла на Сицилии в качестве заложницы византийского императора Константа II[84], вторая же дочь Уты стала женой Тразимунда I (Thrasimund), графа Капуи, позднее герцога Сполето («Когда же король Гримуальд спас от греков город и область Беневента и хотел возвратиться в свой дворец в Тицине, он Тразамунду, бывшему до этого графом в Капуе и оказавшему ему большие услуги при взятии власти, дал в жёны свою дочь, вторую сестру Ромуальда, и сделал Тразамунда герцогом Сполето»[85].

Как считают современные исследователи, Теодо I скончался на рубеже 70–80-х годов VII в., однако правление его сына Лантперта не было продолжительным. Он был смещён франками и был вынужден бежать к аварам (на территорию нынешней Венгрии), где и скончался после 680 г.[86]

Следующим герцогом Баварии стал Теодо II (Theodo II, годы правления 680–718). Точное происхождение Теодо II не совсем ясно. С достоверностью можно сказать только о том, что он также происходил из рода Агилольфингов, представители которого, согласно «Баварской правде», имели исключительные права на герцог-

---

[80] Sigialdus, встречается также написание Sigipaldus.

[81] О жизни и деятельности св. Эммерама Регенсбургского см.: *Arbeo von Freising.* Vita et passio Sancti Haimhrammi martyris // Krusch Bruno. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquiorum aliquot. Bd. 2 (Monumenta Germaniae historica — Scriptores rerum Merovingicarum Bd. 4). Hannover, 1902 (имеется переиздание 1995 г.). S. 452–524; *Bosl E.* Emmeram (Heimhram), Heiliger // Bosl Karl (Hrsg.): Bosls bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 175; *Büdinger M.* Emmeram // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 6. Leipzig, 1877. S. 82 f. https://de.wikisource.org/wiki/ADB:Emmeram

[82] В других вариантах — изгнанной.

[83] *Павел Диакон*. История лангобардов. Книга IV, глава 46.

[84] Там же. Книга V, главы 8, 14.

[85] Там же. Книга V, глава 16.

[86] *Béla Miklós Szőke.* Die Donau und die letzten Tage des awarischen Khaganats // Archaeolingua. Ten Thousand Years along the Middle Danube. Budapest, 2011. S. 267.

ский престол[87]. Предполагается, что он мог быть вторым сыном Теодо I и Глейснот, сыном герцога Агилульфа Баварского (Agilulf von Bayern) и, соответственно, внуком герцога Гарибальда II по боковой линии династии. Братом Теодона современные историки считают аббата монастыря Святого Мартина в Туре Виктерба, скончавшегося в 756 г. в возрасте восьмидесяти лет[88]. Столицей владений Теодона II, так же как и у его предшественника, был Регенсбург[89]

Теодо II принимал самое активное участие в династических конфликтах, происходивших в Лангобардском королевстве. В 702 г. он предоставил убежище герцогу Асти Анспранду (Ansprand) и его сыну Лиутпранду (Liutprand), которые провели при дворе баварского герцога девять лет. В 711 или 712 г. Анспранд с помощью Теодо II собрал большое войско, с которым выступил в Италию. Тяжело болевший в то время герцог не смог лично возглавить своих воинов, поэтому во главе баварских отрядов он поставил своего старшего сына Теудеберта, недавно назначенного им своим соправителем. При Павии произошло большое сражение, в результате которого Анспранд стал королём лангобардов. После его смерти в июне 712 г. на престоле лангобардского королевства оказался его сын Лиутпранд[90].

Стремясь упрочить баваро-лангобардский союз, Теодо II выдал замуж за Лиутпранда Гунтруду (Guntrud). Одни источники называют её дочерью герцога Баварии[91], другие, на основании «Истории лангобардов» Павла Диакона, — его сына Теудеберта[92]. Вероятно, устанавливая тесные связи с правителями лангобардов, Теодон II намеревался с её помощью противостоять вмешательству франков в свои дела.

Правление Теодо II тесно связано с жизнью и деятельностью христианских миссионеров святого Корбиниана (der heilige Korbinian, 670–730), святого Рупрехта (der heilige Rupert von Salzburg, встречаются также варианты написания Ruprecht, Hrodperht, Hrodpreht, Roudbertus, Rudbertus, Robert, 650–718), святого Пирмина (der heilige Pirmin, встречаются также варианты написания Pirminius, Priminius, Pirminus, 670–753) и святого Эрхарда (der heilige Erhard, ум. ок. 717). Из них св. Эрхард и св. Рупрехт прибыли в Баварию по просьбе Теодона II, а св. Корбиниан и св. Пирмин — по просьбе сына герцога Гримоальда II.

Святой Эрхард, происходивший из знатной франкской семьи родом из Нарбонна, первоначально подвизался в качестве отшельника в Эльзасе, где его имя было связано с герцогом Этихо, родоначальником Этихонидов, и его дочерью св. Одилией. Согласно Житию св. Эрхарда Регенсбургского, святой исцелил дочь герцога Этихо, св. Одилию, от слепоты и та стала основательницей фамильного габсбургского монастыря на горе Одилиенберг. Прибыв в Баварию по просьбе герцога Теодо II, св. Эрхард стал епископом Регенсбурга. Его деятельность ещё до святого Бо-

[87] http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000877_00220.html?sortIndex=020%3A010%3A0003%3A010%3A00%3A00&zoom=0.75

[88] *Leidinger G.* Agilolfinger // Neue Deutsche Biographie, 1953. Bd. 1. S. 94–95.

[89] *Riezler R.S. von*. Theodo // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 37, Lpz., 1894. S. 713–714.

[90] *Павел Диакон*. История лангобардов. Книга VI, глава 35.

[91] *Menghin W.* Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 196; *Jarnut J.* Agilolfingerstudien. Stuttgart, 1986. S. 118; *Hartmann L.M.* Geschichte Italiens im Mittelalter. Leipzig, 1903. Bd. 2.2. S. 124–125.

[92] *Павел Диакон.* Указ соч. Книга VI, глава 43.

нификация способствовала созданию в Южной Германии упорядоченной церковной организации (святой Бонифаций (Winfried), 673–755), «апостол немцев» (Apostel der Deutschen), миссионер, происходивший из знатной англосаксонской семьи королевства Уэссекс (Wessex). Получил церковное образование в ирландских и англосаксонских монастырях и вслед за ирландскими монахами отправился на континент для того, чтобы «сеять свет истины в пустыне за морем».

В 737 г. Бонифаций был назначен папой Григорием III папским легатом для Германии. На созванном по его инициативе и при поддержке майордома Австразии Карломана (Karlmann, брат Пипина Короткого) в 743 г. Соборе Германской церкви (Concilium Germanicum) в Германии была создана подчинённая папе иерархическая церковная организация: в тех областях, где преобладало христианство (например, Саксония, а в значительной степени и Тюрингия к тому времени ещё сохраняли свою старую веру), были созданы епископства и архиепископства, образованы церковные диоцезы, в целом совпадавшие с административными границами римских территориальных образований в тех районах, которые в прошлом являлись частью Римской империи, установлена иерархия архиепископов и епископов (архиепископ Майнцский — кардинал-примас Германии и т.д.). В целом церковная организация, созданная Бонифацием и Карломаном, несмотря на все исторические бури и неурядицы, сохранилась в Германии вплоть до настоящего времени[93]. Св. Бонифаций был также основателем многих монастырей, в частности одного из самых знаменитых немецких монастырей — имперского аббатства Св. Бонифация в Фульде (Гессен), посвящённого Спасителю (Reichskloster Fulda, Erlöser (Salvator) Kloster Fulda, Kloster des Bonifatius).

Учитывая значение этого монастыря для церковной жизни Северной Европы, например скандинавских стран, Фульду нередко называют «Монтекассино Севера» (Monte Cassino des Nordens), имея в виду знаменитый монастырь Монтекассино, который находится недалеко от Рима и был основан в 530 г. римским аристократом — монахом, святым Бенедиктом Нурсийским, одним из основателей западного монашества (монастырь был основан на месте древнего и широко почитаемого храма Аполлона). Именно здесь св. Бенедикт Нурсийский составил знаменитый «Устав Святого Бенедикта», который вплоть до настоящего времени определяет жизнь западных монастырей. Удивительно, как такая оплошность могла быть допущена левыми, взявшими верх в Европе после Второй мировой войны? Правда, отчасти этот недостаток компенсируется тем, что в конце войны, 15 февраля 1944 г. английская и американская авиация, «защищавшие демократию», полностью разбомбили монастырь, было уничтожено огромное количество культурных ценностей. Бомбардировка не была вызвана никакой военной необходимостью, ведь как немецкое командование, так и Ватикан неоднократно официально заверяли союзников, что германская армия ни в коем случае не будет использовать монастырь для военных целей.

Только тогда, когда аббатство было уже превращено союзниками в руины, около развалин заняли свои позиции немецкие парашютисты, которые оказывали союзникам столь упорное сопротивление во время битвы при Монтекассино, что название этого монастыря даже вошло в марш немецких воздушно-десантных войск (Fallschirmjägerlied). Восстановление монастыря после Второй мировой войны стало возможным только по-

[93] Это, конечно, ужасное упущение левых. Такой обломок «нацистского» средневековья.

тому, что командир воздушно-десантной дивизии «Герман Геринг» Юлиус Шлегель (Julius Schelegel), проявивший себя как герой-летчик ещё в годы Первой мировой войны, распорядился вывести из монастыря и перевезти в Ватикан на 100 армейских грузовиках наиболее ценные раритеты — рукописи, произведения Леонардо да Винчи, Тициана, Рафаэля и других великих мастеров, строительные планы и подробные архитектурные описания аббатства (относительно планов союзников он как в воду глядел!) и самое главное — мощи святого Бенедикта Нурсийского[94].

Бонифаций был убит во время проповеди христианства во Фрисландии[95]. Мощи св. Бонифация были захоронены в крипте церкви Святого Михаила (Michaeliskirche), которая является одной из старейших церквей Германии, она была сооружена по приказу аббата Эгилия (Eigil von Fulda) между 820 и 822 гг. Здесь нужно отметить, что архангела Михаила, архистратига Небесного воинства и, согласно Апокалипсису, победителя Сатаны в Германии (в понятие «Германия» я включаю и австрийские земли) со времён Раннего Средневековья считали покровителем Немецкого государства и немецкой армии. Начиная с IX в. и вплоть до 1945 г., символика, связанная с образом архангела Михаила, неизменно присутствовала на немецких военных знаменах и штандартах.

На протяжении всей истории Германии немцы столь часто сооружали церкви в честь архангела Михаила (так называемые Michaeliskirchen), что это даже неоднократно вызывало прямые запреты и протесты со стороны Папской курии. Храмы в честь архангела Михаила не только в Германии, но и других странах, например во Франции, обычно сооружались на горных вершинах, которые прежде носили названия, связанные с почитанием Одина (Вотана), а также кельтских и античных божеств (например, гора, которая прежде называлась «Wodansberg», после сооружения на ней часовни получала наименование «Michaelsberg», то же самое имело место во Франции, например, знаменитый храм Mont-Saint-Michel в Оверни). Но дело в том, что в соответствии с немецкими народными верованиями архангел Михаил появляется преимущественно на горных вершинах, то есть в тех местах, где в годы язычества обитал верховный бог германцев Один (Вотан). Установленный церковью День Святого Михаила (29 сентября) также находится в тесной связи со старинным германским обычаем отмечать праздником окончание уборки урожая. (Сейчас в связи с «успехами демократии» толкование праздника изменилось, поскольку «зелёные» и прочие «леваки» вкупе с мигрантами в Германии и Скандинавских странах нередко используют этот день для нападений на немцев, шведов, норвежцев и т.д.) А в немецком искусстве и литературе архангела Михаила нередко сравнивали с национальным героем всех германских народов Зигфридом (Сигурдом в Скандинавских странах), который тоже одержал победу над чудовищным змеем.

---

[94] О Юлиусе Шлегеле см.: Julius Schlegel — Retter der Kunstschätze von Montecassino // Monte Cassino Stiftung. http://www.montecassino-stiftung.de/rettung-der-monte-cassino-kunstschaetze.html, Italien hat Julius Schlegel nicht vergessen // Die Welt, 16–03–1998, https://www.welt.de/print-welt/article596847/Italien-hat-Julius-Schlegel-nicht-vergessen.html, Zum Gedenken an den Retter der Kunstschätze von Montecassino Oberstleutnant Julius Schlegel, Pfarrbrief Nr. 2, Sommer 2008 der Dekanatspfarre an der Landesverteidigungsakademie Wien (PDF, 800kb), http://www.mildioz.at/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=100

[95] В отличие от святого Колумбана или святого Пирмина, для него были характерны весьма радикальные способы проповеди евангельской любви: так, проповедуя тюрингам, он собственноручно срубил священный дуб, посвящённый Донару, богу-громовнику, защищающему богов и людей от сил зла, одному из главных божеств германцев и индоевропейцев вообще.

Чем объяснить такое почитание архангела Михаила в Германии и во всех странах с германской культурной традицией? Во-первых, немцы считают, что победа немецкого войска в битве на реке Лех 10 августа 955 г. была одержана благодаря вмешательству Архангела (апокалиптическая битва Михаила с сатаной вообще воспринималась в Германии как «первое деяние воинской и рыцарской доблести»). В этой битве у города Аугсбурга император Священной Римской империи Оттон Великий нанёс сокрушительное поражение мадьярам, что привело к прекращению их набегов не только на Германию, но и на другие европейские страны (венгры, обосновавшись в Паннонии, опустошали даже Италию и добирались до Пиренеев). Сами венгры в результате разгрома в битве на реке Лех начали переходить к оседлости и принимать христианство.

Во-вторых, тем, что в Библии архангел Михаил выступает как глава святого воинства ангелов и архангелов, он будет возглавлять небесное воинство, а также всех верных Богу, выступающих против зла сил, и во время конечной битвы между добром и злом одержит победу над Сатаной. Кроме того, архангелу Михаилу отводится роль судьи на Страшном суде, на который он призовёт души трубным гласом, в связи с этим он изображается в качестве психопомпа (проводника душ в загробное царство) и защитника душ умерших.

А эти образы архангела Михаила находят прямые параллели с традиционными германскими представлениями о посмертном бытии душ умерших, о конце света и т.д. Согласно религиозным представлениям древних германцев, верховный бог германцев Водан (Один) царил в небесном чертоге Вальхаллы, куда валькирии на небесных крылатых конях увлекали души воинов, погибших геройской смертью в кровавой битве. Души погибших воинов-героев, пребывавшие в Вальхалле, этом небесном «чертоге мертвых» (слово «Вальхалла» дословно означает «чертог погибших в бою») образовывали грозную дружину, предводителем (конунгом) которой был Водан (Один). Согласно древнегерманским религиозным представлениям, души погибших воинов-героев становились «Einherjar» Водана (Одина). Отсюда одно из священных имен Водана (Одина) в древнегерманской мифологии — Herjan от того же корня, что и слово «das Heer» в немецком языке, то есть «предводитель войска (душ погибших героев)». Именно поэтому древние римляне, в частности Тацит, сравнивали Водана (Одина) с Меркурием, который, согласно религиозным представлениям древних греков и римлян, сопровождал души умерших в загробное царство и был великим чародеем (отсюда понятие «герметические науки» в средневековой и особенно ренессансной Европе).

Во время последней битвы богов с чудовищными порождениями сил зла и смерти небесная дружина во главе с Воданом (Одином) будет сражаться рядом с богами, чтобы погибнуть вместе с ними в огне страшного мирового пожара и затем возродиться вновь. В одном из произведений древнескандинавской литературы скальд вопрошает Одина: «Как мог Один (Водан) допустить смерть столь великих мужей и воинов?» И получает ответ: их души нужны Одину (Водану), чтобы сражаться рядом с богами в последней решающей битве против сил зла. После того как германцы приняли христианство, прежние древнегерманские религиозные представления не исчезли, а образовали важную часть народных верований и мифологии, частично соединившись с христианскими представлениями. Это отчасти

объясняет традиционный образ «deutscher Michael», который в Средние века воспринимался как образ сурового, воинственного, грозного духа, связанного с миром душ умерших[96].

В то же время известно, что вмешательство христианских миссионеров в личные дела членов баварской герцогской семьи вызывало сильное недовольство сыновей Теодо II. В исторических источниках сообщается о конфликтах между святым Рупертом и Теудебертом, в которых Теодону приходилось выступать в качестве посредника[97], а также о разногласиях между Корбинианом и Гримоальдом, вызванных критикой святым неблагочестивой жизни сына баварского герцога[98].

В 715 или 716 г. Теодо II совершил поездку в Италию. По свидетельству «Liber Pontificalis» («Книга пап» — сборник деяний римских пап начиная с апостола Петра) и «Анналов герцогов Баварии», Теодо был первым из баварских правителей, посетившим Рим. На аудиенции у папы римского Григория II герцог получил от понтифика подарки. На этой встрече Теодо II добился от понтифика согласия на учреждение баварской церковной провинции. В документе, датированном 716 г., указывалось, что эта новая архиепархия должна была быть независима от иерархов Франкского государства и подчиняться непосредственно папе римскому. Как считают исследователи, Теодо II и Григорий II намеревались учредить четыре епархии, которые должны были находиться в герцогских резиденциях: Регенсбургской, Фрайзингской, Пассауской и Зальцбургской[99]. Создание самостоятельных епархий в Баварии способствовало бы снижению зависимости герцогства от влияния правителей Франкского государства. Однако этим планам не суждено было сбыться при жизни Теодо II: четыре епархии на землях Баварии были основаны только в 739 г. святым Бонифацием и герцогом Одилоном[100].

Ещё в 702 г. Теудеберт, старший сын Теодо II, получил от отца в управление город Зальцбург и его окрестности, а в 711 г., в связи с болезнью отца, был назначен его полноправным соправителем. Примерно тогда же (в 711 или 712 г.) свои наделы получили и другие сыновья Теодо. Центрами их владений стали герцогские ре-

---

[96] См.: *Grimm J.* Deutsche Mythologie. Graz, 1968. Bd. I–III; Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I–II. Berlin, 1970; Ганина Н.А. Готская языческая лексика. М., 2001.

[97] *Reiser R.* Theudebert // Karl Bosl (Hrsg.): Bosls bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 774. http://bosl.uni-regensburg.de/?seite=790&band=1; Wolfram H. Österreichische Geschichte. Grenzen und Räume 378–907. Wien, 1995. S. 81.

[98] *Riezler S. von.* Grimoald oder Crimwalt, Baiernherzog // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 9. Leipzig, 1879. S. 700.

[99] См.: *Störmer W.* Agilolfinger (Agilulfinger) // Lexikon des Mittelalters, Stuttgart, 1980, Bd. I. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/a/agilolfinger.html, *Holzinger R.* Theodo // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon, Herzberg, 1996. http://web.archive.org/web/20070613164317/http://www.bautz.de/bbkl/t/theodo_v_b.shtml); *Störmer W.* Das Herzogsgeschlecht der Agilolfinger // Dannheimer H., Dopsch H. (Hrsg.) Die Bajuwaren von Severin bis Tassilo 488–788. Arbeitsgruppe Bajuwarenausstellung, Rosenheim. Salzburg, 1988. S. 149–150. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a135155.pdf

100 *Ewig E.* Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart – Berlin – Köln, 1988. S. 197, 200. https://books.google.ru/books?id=3My4563zVWoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false; Bayern // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1980. Bd. I. http://www.manfred-hiebl.de/genealogie-mittelalter/bayern/bayern_herzogtum.html

зиденции баварских правителей: Теудебальд получил Пассау и его окрестности, а также, возможно, и Зальцбург[101], Гримоальд — Фрайзинг[102].

Вероятно, незадолго до своей поездки в Рим Теодо II, подобно королям из династии Меровингов, провёл перераспределение баварских земель между своими четырьмя сыновьями. Исследователи предполагают, что Теудеберт мог получить земли вокруг Зальцбурга[103], Теудебальд — вокруг Регенсбурга[104], Гримоальд II — вокруг Фрайзинга (об этом сообщается в 18-й главе «Жития Корбиниана»)[105], а Тассило II — возможно, в окрестностях Пассау[106]. Неизвестно, должны ли были сыновья Теодона после смерти отца подчиняться верховной воле кого-нибудь одного из них, как это практиковалось у правителей Лангобардского государства, или каждый из братьев, как у Меровингов, должен был стать полностью самостоятельным владетелем.

Точная дата кончины Теодо II неизвестна. Историки датируют это событие периодом с 716 по 718 г. включительно. Называются даты: 716 г.[107], 717 г.[108] или, на основании «Истории епископов Пассау и герцогов Баварии», а также некролога Ноннбергского аббатства, 11 декабря 718 г.[109] После смерти Теодона его сыновья начали самостоятельно править каждый в своём владении. Снова единовластное правление в Баварии будет восстановлено только в 725 г. при герцоге Хугберте[110].

---

[101] *Reiser S. von*. Theudebald // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. Bd. 1. S. 774.

[102] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 156, 159, 161. München, 1982. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/theodo_2_herzog_von_bayern_716/theodo_2_herzog_von_bayern_716.html; *Riezler S. von.* Grimoald // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 9. Leipzig, 1879. S. 700–701, https://de.wikisource.org/wiki/ADB:Grimoald_(Herzog_von_Bayern)

[103] *Störmer W.* Agilolfinger (Agilulfinger) // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1980. Bd. I. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/a/agilolfinger.html; *Ewig E*. Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart – Berlin – Köln, 1988. S. 197, 200.

[104] Grimoald // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1989. Bd. IV. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/grimoald_2_herzog_von_bayern_728/grimoald_2_herzog_von_bayern_freising_728.html

[105] *Störmer W*. Das Herzogsgeschlecht der Agilolfinger // Dannheimer H., Dopsch H. (Hrsg.) Die Bajuwaren von Severin bis Tassilo 488–788, Arbeitsgruppe Bajuwarenausstellung, Rosenheim, Salzburg, 1988. S. 149–150. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a135155.pdf, Grimoald // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1989. Bd. IV. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/grimoald_2_herzog_von_bayern_728/grimoald_2_herzog_von_bayern_freising_728.html

[106] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 156, 159, 161. München, 1982. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/theodo_2_herzog_von_bayern_716/theodo_2_herzog_von_bayern_716.html, *Reiser R*. Tassilo II // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. Bd. 1. S. 771. http://bosl.uni-regensburg.de/?seite=787&band=1

[107] *Wenskus R.* Agilolfinger // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin/New York, 1973. Bd. 1. S. 96–98. https://books.google.de/books?id=4ci-m8oJocsC&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

[108] *Bosl E.* Theodo // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. Bd. 1. S. 774. http://bosl.uni-regensburg.de/?seite=790&band=1; *Holzinger R*. Theodo // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Herzberg, 1996. http://web.archive.org/web/20070613164317/http://www.bautz.de/bbkl/t/theodo_v_b.shtml

[109] *Reiser R.* Tassilo II // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. Bd. 1. S. 771. http://bosl.uni-regensburg.de/?seite=787&band=1

[110] «Agilolfinger», Genealogie Mittelalter. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/a/agilolfinger.html

На основании одной из дарственных хартий Лоршскому монастырю от 779 г. ряд историков делают вывод о том, что супругой Теодо II была Фолхайд. В этом источнике сообщается, что родиной Фолхайд был Вормс, что её родителей звали Теутакар и Фрейхейда и что у неё была сестра, монахиня Ута[111]. О Фолхайд как о жене герцога Теодо упоминается и в «Зальцбургской книге побратимов» (Хроника зальцбургского монастыря Св. Петра)[112]. Также в некоторых средневековых источниках содержатся свидетельства о том, что супругой Теодо II могла быть Регинтруда[113]. По другим данным, Регинтруда была женой сына Теодо II Теудеберта.

Теодо II был отцом четырёх сыновей: Теудеберта, Теудебальда, Гримоальда II и Тассило II. Одна из дочерей герцога Баварии, неизвестная по имени, стала супругой его союзника, герцога Алемании Готфрида (Gottfried, (Gotefried), Herzog (dux) der Alamannen, ум. ок. 709). От Готфрида и баварской принцессы происходила жена Карла Великого Хильдегард, отец которой граф Герольд Швабский (Gerold von Anglachgau, 730–784) также принадлежал к роду Агилольфингов. Поскольку Хильдегард была матерью Людвига Благочестивого, то все франкские короли и императоры из рода Каролингов по матери принадлежат к Агилольфингам. В 736 г. Одило (Odilo von Bayern, 700–748), сын этого алеманского правителя, сам получил власть над Баварским герцогством[114]. Дочерью или внучкой Теодо II, как уже говорилось выше, была Гунтруда, супруга лангобардского короля Лиутпранда.

По свидетельству Арибона Фрайзингского, Теодо II был влиятельным и мудрым правителем, известность которого распространялась и вне границ его владений. На правление этого герцога приходится период могущества и процветания Баварии[115]. Опираясь на союзы с лангобардами и Папством, Теодо успешно противостоял всё более и более нараставшей силе Франкского государства. Исследователи отмечают, что Теодо II был одним из последних баварских герцогов, не подчинявшихся верховной воле правителей франков[116].

Однако уже вскоре между сыновьями Теодо II начались междоусобия. Возможно, именно к этому времени относится свидетельство Павла Диакона о завоевании королём лангобардов Лиутпрандом в начале правления «многих укреплённых городов бавар». Сохранились свидетельства, позволяющие предполагать, что и Гримоальд II старался расширить свои владения военным путём. Вероятно, ему удалось

---

[111] *Störmer W.* Adelsgruppen im Früh- und hochmittelalterlichen Bayern. Studien zur bayerischen Verfassungs- und Sozialgeschichte. München, 1972. S. 22. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/f/folchaid_herzogin_von_bayern/folchaid_herzogin_von_bayern.html

[112] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 156, 159, 161.

[113] *Riezler R.S. von.* Theodo // Allgemeine Deutsche Biographie» (ADB). Bd. 37. Leipzig, 1894. S. 713–714. https://de.wikisource.org/wiki/ADB:Theodo

[114] *Störmer W.* Adelsgruppen im Früh- und hochmittelalterlichen Bayern. Studien zur bayerischen Verfassungs- und Sozialgeschichte. München, 1972. S. 22; Gottfried, (Gotefried), Herzog (dux) der Alamannen // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1989 Bd. IV. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/gotfrid_alamannenherzog_709/gotfrid_herzog_der_alamanenn_709.html

[115] *Ewig E*. Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart – Berlin – Köln, 1988. S. 197, 200.

[116] *Leidinger G*. Agilolfinger // Neue Deutsche Biographie. 1953. Bd. 1. S. 94–95. https://www.deutsche-biographie.de/sfz448.html#ndbcontent

таким образом распространить свою власть на область Винцгау, непосредственно граничившую с Лангобардским королевством.

Точно неизвестно, были ли связаны с этой междоусобной борьбой кончины двух братьев Теудеберта, Теодебальда и Тассило II. Они оба умерли около 719 г., после чего их владения были разделены между оставшимися сыновьями Теодона II, Гримоальдом II и Теудебертом. После этого под властью Гримоальда оказалась большая часть владений отца[117]. Вероятно, чтобы укрепить своё влияние в землях, ранее принадлежавших Теудебальду, Гримоальд женился на вдове покойного брата Пилитруде (Piltrud, ум. ок. 725–730)[118]. Однако такой брак между близкими родственниками противоречил не только церковным канонам и постановлению папы римского от 716 г., но и законам герцогства — «Баварской правде». Возможно, с неканоническим браком герцога Гримоальда и Пилитруды связано принятие церковным собором в Риме 5 апреля 721 г. нового постановления против браков вдов и братьев их покойных мужей[119]. Отказ Гримоальда II подчиниться этим требованиям привёл его к новому конфликту с Корбинианом. Этот святой, возвратившись около 724 г. в Баварию из паломничества в Рим, объявил брак герцога с вдовой его брата противоречащим церковным правилам. Корбиниан долго убеждал герцога удалить от двора Пилитруду, но тот, хотя в конце концов и дал на то согласие, под различными предлогами откладывал развод. Всё закончилась тем, что Пилитруда наняла людей, которые должны были убить святого. Однако Корбиниан был предупреждён о грозящей опасности: он бежал из Фрайзинга и нашёл убежище в Меране[120].

Герцог Теудеберт скончался, по одним данным, вскоре после смерти своих братьев Теудебальда и Тассило II[121], по другим — несколько позже, в первой половине 720-х гг.[122] Земли умершего унаследовал его сын Хугберт. Гримоальд II, желая соединить в своих руках власть над всем герцогством, лишил Хугберта владений,

---

[117] *Wenskus R*. Agilolfinger // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin/New York, 1973. Bd. 1. S. 96–98. https://books.google.de/books?id=4ci-m8oJocsC&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

[118] Grimoald // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1989. Bd. IV. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/grimoald_2_herzog_von_bayern_728/grimoald_2_herzog_von_bayern_freising_728.html; Reiser R. Pilitrud // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. Bd. 1. S. 590. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/agilolfinger/pilitrud_herzogin_von_bayern_um_730.html; *Störmer W.* Früher Adel. Studien zur politischen Führungsschicht im fränkisch-deutschen Reich vom 8. bis 11. Jahrhundert. Stuttgart, 1973. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/grimoald_2_herzog_von_bayern_728/grimoald_2_herzog_von_bayern_freising_728.html

[119] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 121, 123, 151, 152. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/p/pilitrud_herzogin_von_bayern_730/pilitrud_herzogin_von_bayern_um_730.html

[120] *Becher K*. Corbinian // Neue Deutsche Biographie. 1957. Bd. 3. S. 355–356. https://www.deutsche-biographie.de/pnd118715011.html#ndbcontent

[121] *Werner M*. Adelsfamilien im Umkreis der frühen Karolinger. Die Verwandtschaft Irminas von Oeren und Adelas von Pfalzel. Personengeschichtliche Untersuchungen zur frühmittelalterlichen Führungsschicht im Maas-Mosel-Gebiet. Sigmaringen, 1982. S. 222–232. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/r/regintrud_herzogin_von_bayern_740/regintrud_herzogin_von_bayern_740.html

[122] *Reiser R.* Regintrud // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. Bd. 1. S. 619. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/agilolfinger/regintrud_herzogin_von_bayern_740.html; *Bosl K.* Guntrud // Bosl's Bayerische Biographie. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/agilolfinger/guntrud_von_bayern_langobardenkoenigin.html

и тот был вынужден бежать во Франкское государство к майордому Карлу Мартеллу[123]. Возможно, восстановив единоначалие в Баварии, Гримоальд стал претендовать и на власть над соседними землями, что отразилось в принятии им титула «верховный правитель народов» (*princeps totius gentis*), о котором упоминается в труде Арибо Фрайзингского[124].

Изгнание Хугберта, связанного близким родством с королём Лиутпрандом, привело, вероятно в 724 г., к вторжению в Баварию лангобардского войска. Во время этого похода Лиутпранду удалось захватить несколько баварских укреплений в Южном Тироле. Под предлогом помощи Хугберту правитель лангобардов присоединил к своим владениям все баварские земли вплоть до Мерана[125].

В 725 г. во владения Гримоальда вторглось и франкское войско во главе с Карлом Мартеллом, которое нанесло поражение баварскому войску в сражении на берегу Дуная. Во Фрайзинге франками были пленены Пилитруда и её племянница Сванхильда (Swanhild, Swanahild, ум. после 741). Точные родственные связи Сванхильды до сих пор не установлены. По одним предположениям, Свангильда — внучка баварского герцога Теодо II[126], по другим — близкая родственница Плектруды, супруги Пипина Геристальского, победителя в битве при Тетри[127], по третьим — дочь баварского герцога Тассилона II и алеманки Эммы[128]. Обе они были увезены во Франкское королевство Францию, и здесь в том же году Сванхильда стала второй супругой Карла Мартелла (после того, как скончалась его жена Ротруда). При дворе франкского майордома она занимала достаточно высокое положение. Так, в «Книге побратимов» монастыря Рейхенау её называют королевой[129]. Хотя Сванхильда и не была королевой, подобный титул должен свидетельствовать

---

[123] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 160–164, 200–203. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/grimoald_2_herzog_von_bayern_728/grimoald_2_herzog_von_bayern_freising_728.html; Grimoald // Lexikon des Mittelalters. Stuttgart, 1989. Bd. IV. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/grimoald_2_herzog_von_bayern_728/grimoald_2_herzog_von_bayern_freising_728.html

[124] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 156, 159, 161. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/theodo_2_herzog_von_bayern_716/theodo_2_herzog_von_bayern_716.html; Störmer W. Das Herzogsgeschlecht der Agilolfinger // Die Bajuwaren von Severin bis Tassilo 488–788. S. 149–150. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a135155.pdf

[125] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 160–164, 200–203. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/g/grimoald_2_herzog_von_bayern_728/grimoald_2_herzog_von_bayern_freising_728.html; Menghin W. Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 196. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html

[126] *Reiser R.* Swanahilde (Sunnichilde) // Bosl's Bayerische Biographie. 1983. Bd. 1. S. 769. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html

[127] *Konecny S.* Die Frauen des karolingischen Königshauses. Die politische Bedeutung der Ehe und die Stellung der Frau in der fränkischen Herrscherfamilie vom 7. bis zum 10. Jahrhundert. Wien, 1976. S. 52. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html

[128] *Störmer W.* Das Herzogsgeschlecht der Agilolfinger. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a135155.pdf

[129] Suanahil regina. http://www.dmgh.de/de/fs2/object/display/bsb00000546_00302.html?sortIndex=050%3A020%3A9001%3A010%3A00%3A00

о её очень высоком положении во франкском обществе первой половины VIII в. Также на особый статус Сванхильды указывает и то, что Грифон (Grifo, 725–753), её сын от Карла Мартелла[130], получил право на часть наследства своего отца, которого были лишены сыновья майордома от простых сожительниц (конкубин) майордома[131]. Современные историки даже рассматривают возможность существования при дворе майордома «баварской группы», которую составляли близкие к Сванхильде люди, действовавшие в интересах Агилольфингов[132]. Однако после смерти Карла Мартелла его сыновья от Ротруды Пипин (будущий король франков) и Карломан заставили Сванхильду и Грифона принять монашеский постриг. Сванхильда так и умерла аббатисой Шелльского монастыря, её же сын пытался бороться с Каролингами при поддержке своего родственника, баварского герцога Одилона, пока не погиб в 753 г. в бою при Сен-Жан-де-Морьене[133]. Пилитруде же спустя непродолжительное время удалось бежать в Италию, где она вскоре скончалась[134].

По свидетельству «Жития Корбиниана», Гримоальд был предательски убит своими врагами. В этом же источнике сообщается, что незадолго до гибели бывшего правителя Баварии при неизвестных обстоятельствах погиб и его старший сын, а также все остальные дети Гримоальда и Пилитруды. Возможно, они все были убиты по приказу Карла Мартелла[135]. Дата смерти Гримоальда II неизвестна: возможно, он погиб или сразу же после поражения на Дунае, или в 728 г., когда франкский майордом был вынужден ещё раз выступить против Баварии. Начиная с того времени Хугберт стал единовластным правителем Баварского герцогства.

Хугберт был сыном правителя Баварии Теудеберта и его супруги Регинтруды[136]. Около 715 г. Хугберт вступил в брак с Ротрудой, дочерью Ратхиса, будущего фриульского герцога и короля лангобардов. В течение всей жизни он поддерживал дружественные отношения со своим тестем. В том числе об этом свидетельствует и постройка алтаря в соборе Чивидале-дель-Фриули, возведённого на средства Хугберта[137].

---

[130] *Settipani C.* La préhistoire des Capétiens: Première partie: Mérovingiens, Carolingiens et Robertiens. Villeneuve-d'Ascq, 1993. P. 177–178.

[131] Иероним, Бернар[en] и Ремигий. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html

[132] *Schieffer R.* Die Karolinger. Stuttgart – Berlin – Köln, 1992. S. 42, 49, 51. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html

[133] Ibid.; *Bauer D.R., Histand R., Kasten B, Sönke L.* Mönchtum – Kirche – Herrschaft 750–1000. Sigmaringen, 1998. S. 17–20, 259. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html

[134] *Störmer W*. Adelsgruppen im Früh- und hochmittelalterlichen Bayern. Studien zur bayerischen Verfassungs- und Sozialgeschichte. Bd. IV. S. 21, 38. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/p/pilitrud_herzogin_von_bayern_730/pilitrud_herzogin_von_bayern_um_730.html

[135] Ibid.

[136] *Reiser R*. Hugbert (Hucperth) // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 378. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html

[137] *Reiser R*. Hugbert (Hucperth) // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 378. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html

Получив престол благодаря франкам, Хугберт стал первым с середины VII в. баварским герцогом, признавшим над собой верховную власть правителей Франкского государства[138]. Известно, что при нём часть земель на севере Баварии (Нордгау) была присоединена к Франкскому государству[139]. Сохранились и несколько баварских хартий того времени, датированных годами правления короля-Меровинга Теодориха IV[140].

Сам Хугберт, стремясь ослабить свою зависимость от франков, покровительствовал святому Бонифацию в христианизации Баварии. Как предполагается, в 728 г. Хугберт снова призвал в Баварию святого Корбиниана, бежавшего из герцогства от преследований Гримоальда II и Пилитруды. Святой последовал просьбе Хугберта и, как и прежде, начал вести активную проповедь христианства в окрестностях Фрайзинга[141].

Хугберт скончался в 736 г.[142] Его жена Ротруда после смерти супруга приняла духовный сан и стала аббатисой Ноннбергского монастыря[143]. Новым правителем Баварского герцогства стал Одило[144], сын герцога Алемании Готфрида и неизвестной по имени тётки Хугберта[145].

Как считают исследователи, Одило сумел получить власть над Баварией не в последнюю очередь благодаря влиянию своей племянницы Сванхильды, жены майордома Карла Мартелла[146]. В период правления герцога Одило продолжались усилия, направленные на христианизацию Баварии. В 739 г. на территории Баварии

---

[138] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 161, 163. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html; Leidinger G. Agilolfinger // Neue Deutsche Biographie. 1953. Bd. 1. S. 94–95. https://www.deutsche-biographie.de/pnd11864727X.html#ndbcontent

[139] *Menghin W.* Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. S. 196. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html

[140] *Лебек С.* Происхождение франков. V–IX века. М., 1993. С. 223.

[141] *Reiser R.* Hugbert (Hucperth) // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 378. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html; Becher K. Corbinian // Neue Deutsche Biographie. 1957. Bd. 3. S. 355–356. https://www.deutsche-biographie.de/pnd118715011.html#ndbcontent

[142] *Reiser R.* Hugbert (Hucperth) // Bosl's Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 378. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html

[143] http://fmg.ac/Projects/MedLands/BAVARIA.htm#HuntrudeMLiutprandLombards

[144] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. S. 161, 163. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hukbert_herzog_von_bayern_736/hukbert_herzog_von_bayern_736.html; *Blum W.* Odilo (Oatilo) // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Herzberg, 1993. Bd. VI. http://web.archive.org/web/20110123133719/http://bautz.de/bbkl/o/odilo_h_v_b.shtml

[145] *Riezler S. von.* Oatilo // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 24. Leipzig, 1887. S. 83 f. https://www.deutsche-biographie.de/pnd136731686.html#adbcontent; Jarnut J. Odilo // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1998. Bd. 19. S. 419. https://www.deutsche-biographie.de/pnd136731686.html#ndbcontent

[146] *Schieffer R.* Die Karolinger. S. 42, 49, 51. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html; Jarnut J. Odilo // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1998. Bd. 19. S. 419. https://www.deutsche-biographie.de/pnd136731686.html#ndbcontent; *Konecny S.* Die Frauen des karolingischen Königshauses. Die politische Bedeutung der Ehe und die Stellung der Frau in der fränkischen Herrscherfamilie vom 7. bis zum 10. Jahrhundert. Wien, 1976. S. 52. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html

были учреждены епископства с центрами в Регенсбурге, Фрайзинге, Пассау и Зальцбурге, а также чётко определены их границы. Таким образом Бавария получила законченную церковно-политическую структуру, которую начал создавать ещё Теодо II. Церковная реформа, осуществлённая герцогом Одило, полностью соответствовала усилиям святого Бонифация, который в этот же период, опираясь на поддержку со стороны Пипина Короткого, создавал регулярную церковно-политическую организацию и во Франкском государстве.

В 742 г. Одило вступил в брак с Хильтрудой (Hiltrud, 715–754), дочерью франкского майордома Карла Мартелла и его первой жены Ротруды (другой вариант имени Хротруда, Chrodtrud, ум. ок. 725), дочери св. Лиутвина (der Heilige Liutwin, встречаются также варианты имени Lutwin, Ludwin и Leodewin, латинская форма имени Lutwinus, ум. ок. 717), принадлежавшего к старинному франкскому роду Гвидонидов (Guidonen, встречается также форма Widonen или Lambertiner, продолжением этого рода является также Франконская (Салическая) династия германских императоров, правившая в 1024–1125). Обстоятельства, которые привели к заключению этого брака, весьма запутанны и тесно связаны с борьбой за власть среди представителей франкского и баварского правящего дома. В настоящее время, в соответствии с данными источников, исследователи реконструируют события приблизительно следующим образом.

Намереваясь ещё более усилить связи между Агилольфингами и Каролингами, Свангильда содействовала заключению брака между Одило и Хильтрудой. Вынужденный в начале лета 740 г. бежать от мятежников, баварский герцог в августе нашёл убежище при дворе Карла Мартелла[147]. Здесь он влюбился в дочь майордома Хильтруду, которая ответила ему взаимностью. Уже после того, как в конце марта 741 г. Одило возвратился к себе на родину, Хильтруда родила сына, который позднее получил имя Тассило (Tassilo). По одним данным, это произошло ещё при жизни Карла Мартелла, по другим — уже после его смерти в октябре[148]. Об этих событиях как о «большом скандале» при дворе правителей Франкского государства вспоминали ещё во времена императора Людовика I Благочестивого (Ludwig der Fromme, французский вариант имени Louis le Pieux, латинский вариант имени Hludovicus Pius (778–840), король Аквитании, император франков, вступивший на престол после смерти старших сыновей Карла Великого, Пипина (ум. 810) и Карла (ум. 911). Людвиг Благочестивый был последним правителем единого Франкского государства, поскольку после его смерти последовал раздел империи франков между сыновьями императора (Верденский договор от 843 г.)[149].

---

[147] *Jarnut J.* Odilo // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker, 1998. Bd. 19. S. 419. https://www.deutsche-biographie.de/pnd136731686.html#ndbcontent; *Störmer W.* Das Herzogsgeschlecht der Agilolfinger // Die Bajuwaren von Severin bis Tassilo 488–788. S. 150–151. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a135155.pdf; Хэгерманн Д. Карл Великий. М., 2003. С. 53.

[148] *Schieffer R.* Die Karolinger. S. 42, 49, 51. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/s/swanahild_bayerische_prinzessin_741/swanahild_nach_741.html; Tassilo III // Lexikon des Mittelalters. München. Bd. VIII. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/tassilo_3_herzog_von_bayern_794/tassilo_3_herzog_von_bayern_nach_794.html; *Riezler S. von.* Grimoald oder Crimwalt, Baiernherzog Mönchtum – Kirche – Herrschaft 750–1000. S. 15–19. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html

[149] Астроном. Жизнь императора Людвига // Историки эпохи Каролингов / пер. с лат. А.В. Тарасовой. М., 1999. Гл. 21. http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Astronom/frametext1.htm; *Spindler M.* Handbuch der

Во франкских источниках сообщается о том, что во время начавшейся после кончины Карла Мартелла борьбы за власть между Грифоном (сын Карла Мартелла и Сванхильды) и его братьями Пипином Коротким и Карломаном Сванхильда убедила Хильтруду бежать в Баварию. Там в Регенсбурге та и вступила в брак с Одило. В хронике «Продолжателей Фредегара» сообщается, что и Пипин, и Карломан были категорически против брака Хильтруды и баварского герцога[150]. В то же время, вероятно, заключение брачного союза между Хильтрудой и Одило, кроме Свангильды, поддерживал также и Грифон. Вероятно, способствуя браку Одило и Хильтруды, они надеялись в ответ получить поддержку от герцога Баварии в борьбе за должность майордома Франкского государства[151].

Этот брак, а также поддержка Одило притязаний Грифона, привели герцога Баварии к конфликту с правителями Франкского государства. В 743 г. Карломан совершил поход в Баварию, нанёс Одило и его союзникам поражение на берегу Леха и вынудил герцога передать франкам контроль над своими землями, находившимися к северу от Дуная[152]. Как считают исследователи, только благодаря поддержке со стороны Хильтруды герцогу Баварии удалось откупиться от правителей франков лишь территориальными уступками, а не утратой полной независимости[153]. Сам Грифон был заточён Пипином и Карломаном в монастырь, после того как они обманом завлекли его на встречу. В 747 г. Грифон сумел бежать из монастыря в Баварию, где был принят при дворе герцога Одило, оказывавшего ему всяческую помощь.

Одило умер 18 января 748 г.[154], оставив власть над Баварским герцогством своему сыну Тассило III. Тот в то время был ещё малолетним ребёнком, поэтому управление владениями умершего супруга взяла на себя Хильтруда[155]. Одновременно и

---

bayerischen Geschichte. Erster Band Das alte Bayern. Das Stammesherzogtum bis zum Ausgang des 12. Jahrhunderts. S. 125–127. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html

[150] *Reiser R.* Hiltrud // Bosl's Bayerische Biographie. Bd. 1. S. 350. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html; Продолжения Фредегара // Хроники Фредегара / пер. и комм. Шмидта Г.А., СПб.; М., 2015. Гл. 25. http://www.vostlit.info/Texts/rus4/ContFredegar/frametext.htm

[151] *Störmer W.* Das Herzogsgeschlecht der Agilolfinger // Die Bajuwaren von Severin bis Tassilo 488–788. S. 150–151. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a135155.pdf

[152] *Riché P.* Les Carolingiens, une famille qui fit l'Europe. Paris, 1997. P. 61–62; *Settipani C.* La préhistoire des Capétiens (482–987): Mérovingiens, Arnulfiens, Carolingiens, Robertiens, tome I, avec la collaboration de P. Van Kerrebrouck, Villeneuve d'Ascq, 1993. P. 173; *Лебек С.* Происхождение франков. V–IX века. С. 234–235.

[153] *Konecny S.* Die Frauen des karolingischen Königshauses. Die politische Bedeutung der Ehe und die Stellung der Frau in der fränkischen Herrscherfamilie vom 7. bis zum 10. Jahrhundert. S. 58. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html

[154] *Jarnut J.* Odilo // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker, 1998. Bd. 19. S. 419. https://www.deutsche-biographie.de/pnd136731686.html#ndbcontent; *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. Erster Band Das alte Bayern. Das Stammesherzogtum bis zum Ausgang des 12. Jahrhunderts. S. 125–127. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html

[155] Tassilo III // Lexikon des Mittelalters. München, 1997. Bd. VIII. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/tassilo_3_herzog_von_bayern_794/tassilo_3_herzog_von_bayern_nach_794.html; *Konecny S.* Die Frauen des karolingischen Königshauses. Die politische Bedeutung der Ehe

Грифон, который в прошлом году нашёл убежище при дворе мужа своей сестры, при поддержке некоторой части баварской знати провозгласил себя правителем герцогства. Источники не сообщают о том, как складывались отношения между Хильтрудой и Грифоном в это время. Вероятно, в борьбе за право Тассило III унаследовать владения Одилона Хильтруда опиралась на помощь своего брата Пипина Короткого. После того как Грифон погиб в 753 г. в бою при Сен-Жан-де-Морьене[156], Хильтруде удалось сохранить за своим сыном права на Баварское герцогство[157].

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, как сложилась судьба Хильтруды после смерти герцога Одило; некоторые полагают, что, отстояв престол для своего сына, она стала аббатисой Ноннбергского монастыря (Stift Nonnberg), другое название этого монастыря Erin-Kloster, по имени его первой настоятельницы Эрентруды Зальцбургской (Äbtissin Erentrudis von Salzburg, 650–718), племянницы, по другим данным — сестры, основателя монастыря святого Рупрехта (Der heilige Ruprecht (также Rupert) von Salzburg, 650–718, «апостол Баварии», «Apostel der Baiern», по своему происхождению принадлежал к королевскому роду Меровингов. По другим данным, его отцом был Хродберт (Chrodbert, ум. ок. 678), референдарий при дворе короля Нейстрии Хлотаря III, который являлся прямым предком франкской аристократической семьи Робертинов, от которой берёт своё начало королевский дом Франции. Жена Хродберта Теода (Theodrada, Theoda) действительно принадлежала к правящей династии Меровингов. Святой Рупрехт и святая Эрентруда являются покровителями города Зальцбурга. Само Ноннбергское аббатство представляет собой женский бенедиктинский монастырь, который находится в Зальцбурге. Монастырь был основан в 711 г. святым Рупрехтом на горе Фестунгсберг (Festungsberg, то есть «укрепленная гора», которая получила своё название от находившихся на вершине горы римских укреплений). После того как на вершине горы был устроен монастырь, она изменила своё название (die Nonne — монахиня). Сам же Зальцбург, как и многие города юга Германии, ведёт своё происхождение от римского города Juvavum, основанного императором Клавдием на месте кельтского укрепления. Создание Ноннбергского монастыря стало возможным благодаря покровительству баварского герцога Теодо II (Theodo II, 665–717), который активно содействовал христианизации Баварии. Позднее Ноннбергский монастырь традиционно был местом пострижения представительниц правящих домов Баварии и Австрии, а также баварско-австрийских аристократических семей. В настоящее время Ноннбергский монастырь считается самым древним женским христианским монастырем с непрерывной традицией богослужения и вместе с историческим центром города

---

und die Stellung der Frau in der fränkischen Herrscherfamilie vom 7. bis zum 10. Jahrhundert. S. 58. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html; *Matthias W*. Adelsfamilien im Umkreis der frühen Karolinger. Sigmaringen, 1982. S. 231. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html

[156] *Heidrich I*. Grifo // Neue Deutsche Biographie (NDB). Bd. VII. Berlin, 1966. S. 67 f. https://www.deutsche-biographie.de/gnd133689131.html#ndbcontent; *Reiser R*. Grifo // Karl Bosl (Hrsg.): Bosls bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 274. http://bosl.uni-regensburg.de/?seite=290&band=1

[157] *Хэгерманн Д*. Карл Великий. М., 2003. С. 58; *Riché P*. Les Carolingiens, une famille qui fit l'Europe. Paris, 1997. P. 69.

Зальцбурга включён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО[158]. Другие исследователи полагают, что вдовствующая баварская герцогиня могла вступить в новый брачный союз. Её возможным вторым супругом считают Теудеберта, в браке с которым герцогиня родила дочь Ротруду[159]. Хильтруда властвовала над Баварией до самой своей смерти в 754 г. Предполагается, что с кончины Хильтруды и до того, как Тассило III в 757 г. достиг совершеннолетия и взял на себя управление Баварией, опекуном герцога был франкский правитель Пипин Короткий[160].

После достижения совершеннолетия Тассило III начал проявлять сильную тенденцию к обособлению от франкского доминирования. С этой целью он постарался прежде всего укрепить традиционные узы, связывавшие баварский правящий дом, с лангобардами. На протяжении 60-х гг. VIII в. он неоднократно бывал в Италии, пытаясь заручиться поддержкой со стороны лангобардского короля Дезидерия (Desiderius, годы правления 757–774, ум. предположительно после 786, после поражения, нанесённого ему Карлом Великим в 774 г., Дезидерий был пострижён в монахи в знаменитом аббатстве Корби, основанном в 657 г. меровингской королевой Батильдой). При Меровингах и Каролингах аббатство стало крупным центром духовной жизни и учёности средневековой Европы. Около 780 г. монахи Корби впервые начали использовать каролингский минускул, который в значительной степени был ориентирован на воссоздание античного шрифта. Позднее каролингский минускул стал основным типом письменности как во Франкском государстве, так и в Оттоновской Германии. Тем более что в 815 г. два монаха монастыря Корби — Адалард (Adalhard), двоюродный брат Карла Великого, и Вала (Wala), племянник короля франков, — выполняя волю Карла Великого создать в саксонских землях крупный центр христианско-античной учёности, основали в Германии (нынешняя земля Северный Рейн – Вестфалия) аббатство «новое Корби» (позднее название трансформировалось в Корвей — Fürstabtei Corvey).

Монастырская церковь аббатства Корвей в Германии — церковь Св. Петра, является одним из самых древних памятников церковного зодчества в Центральной Европе. В Средние века Корвей превратился в крупный культурный центр, где получили образование знаменитый историк Видукинд Корвейский, принадлежавший к германской императорской семье, автор «Истории саксов», и миссионер Ансгар, крестивший скандинавов. Здесь имелись большие скрипторий и библиотека, велось летописание: монастырская хроника «Корвейские анналы» («Annales Corbeiensis») содержит ценнейшие сведения по истории Священной Римской империи и Европы в целом. Монастырская библиотека хранила бесценные рукописи, включая «Анна-

---

[158] *Matthias W*. Adelsfamilien im Umkreis der frühen Karolinger. S. 231. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html

[159] *Hlawitschka E*. Die Vorfahren Karls des Großen // Braunfels W. Karl der Große Lebenswerk und Nachleben. Düsseldorf. Bd. I. S. 81.

[160] Tassilo III // Lexikon des Mittelalters. München, 1997. Bd. VIII. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/tassilo_3_herzog_von_bayern_794/tassilo_3_herzog_von_bayern_nach_794.html; *Spindler M*. Handbuch der bayerischen Geschichte. Erster Band Das alte Bayern. Das Stammesherzogtum bis zum Ausgang des 12. Jahrhunderts. S. 125–127. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/h/hiltrud_herzogin_von_bayern_754/hiltrud_herzogin_von_bayern_754.html

лы» Тацита. Упадок аббатства Корвей был связан с влиянием революционных событий во Франции и секуляризацией в период наполеоновских войн.

Только в XI в. одновременно с подъёмом Папства (клюнийское движение) и началом борьбы за инвеституру между Империей и Папством появляется так называемое готическое письмо («фрактура» — «die Fraktur» от *лат*. «fractus» — «ломаный» (позднее и за его пределами)). Оно возникает в итальянских монастырях и папской канцелярии и постепенно распространяется по Европе. Характерно, что отказ от «готического письма» в разных странах Европы совпадает с отстранением от власти традиционных монархическо-аристократических кругов и «прогрессом» «либерального мировоззрения» (в Нидерландах и Англии — период нидерландской и английской революций; в Швеции — «эра свобод» середины XVIII в., то есть период ограничения власти монарха аристократией после Северной войны; во Франции — период после Французской революции; в странах Прибалтики отказ от «фрактуры» совпадает с поражением Германии в Первой мировой войне и, наконец, в Германии он происходит только после 1945 г.). Но вернёмся к монастырю Корби. Монахи Корби разыскивали по всей Европе уникальные рукописи античных учёных и христианской богословской литературы, переписывали их, украшая изумительными миниатюрами, и бережно хранили копии в библиотеке. Благодаря Корби для Европы сохранились труды Аристотеля, Евклида, Боэция, Марциана Капеллы, Тертуллиана, Августина и многих других великих писателей античности и отцов церкви. Помимо этого, в Корби хранились труды по архитектуре знаменитого средневекового зодчего Виллара д'Оннекура (Villard de Honnecourt, 1195–1266), без знакомства с которыми в принципе невозможно изучение средневековой европейской архитектуры. Здесь интересен и такой момент: традиционное искусство Европы вплоть до начала XX в. было неразрывно связано с античностью и германской исторической и культурной традицией, тем более что традиционные правящие круги Европы вели своё происхождение от германцев и аристократии Римской империи. Поэтому, если модернизм и прочие всевозможные «измы» находили своих почитателей прежде всего среди «леваков» и разного рода меньшинств, то интерес к настоящему, подлинному искусству Европы проявляли представители консервативных кругов (неслучайно готику «открыли» в эпоху Реставрации), и прежде всего немцы и итальянцы. Так и первооткрывателем Виллара д'Оннекура стал не американец и даже не француз, а немец — немецко-швейцарский историк искусства Ганс Ханлозер (Hans Robert Hahnloser, 1899–1974), который в 1935 г. опубликовал фундаментальное исследование работ Виллара д'Оннекура. Знаменитый французский ученый, бенедиктинский монах Жан Мабильон (Jean Mabillon, 1632–1707), «отец» научной палеографии и дипломатики, был монахом монастыря Корби. В 881 г. аббатство было разрушено норманнами, но отстроено заново и под покровительством королей стало ещё более богатым и роскошным.

Само аббатство Корби было разгромлено в годы революционной смуты во Франции. Библиотека аббатства повторила судьбу большинства монастырских библиотек Франции и отчасти Бельгии. Многие редчайшие манускрипты были распроданы, часть из них исчезла бесследно, в лучшем случае они оказались в библиотеках Амьена, Парижа и других городов, но как целостное собрание уже не существовали. Некоторые манускрипты, вышедшие из скриптория Корби, сохрани-

лись благодаря русскому библиофилу и дипломату П.П. Дубровскому, работавшему в годы революционной смуты в Париже. Дубровский искренне надеялся зародить в соотечественниках «благородное соревнование привозить из чужих краев, вместо богатых гардеробов, кружев, фарфоровых сервизов и прочего, разные предметы учёности, обогащающие науки и художества»[161]. В 1805 г. его коллекция стала основой Депо манускриптов (то есть Отдела рукописей) Императорской публичной библиотеки Петербурга, где ныне и хранится. Монастырская церковь Святого Петра в Корби была в 1792 г. продана с аукциона и использовалась в качестве каменоломни. В 1816 г. с приходом к власти во Франции Людовика XVIII разрушение аббатства прекратилось и было решено частично восстановить его, но в уменьшенном виде.

Немецкое аббатство Корвей, включая его уникальные скрипторий и библиотеку, было спасено от разрушения в результате наполеоновских революционных бесчинств только благодаря тому, что после «революционной» секуляризации оно по поручению прусского короля Фридриха Вильгельма III оказалось во владении семьи ландграфов Гессен-Ротенбургских. Первым владельцем Корвей был ландграф Виктор Амадей фон Гессен-Ротенбург (Victor Amadeus von Hessen-Rotenburg, 1779–1834), который с 1815 г. носил титул князя фон Корвей (Fürst von Corvey), а с 1821 г. — титул герцога фон Ратибор (Herzog von Ratibor). В 1834 г. В.А. фон Гессен-Ротенбург скончался и передал свои владения племяннику Виктору Морицу, князю фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрсту, который с 1840 г. стал носить титул герцога фон Ратибор и князя фон Корвей (Viktor Moritz Karl I. Herzog von Ratibor, Fürst von Corvey, 1818–1893), тогда как титул князя фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст перешёл к его младшему брату Хлодвигу (Chlodwig Carl Viktor Fürst zu Hohenlohe-Schillingsfürst, 1819–1901), с 1894 по 1900 г. являвшемуся канцлером Германской империи и сторонником сохранения дружественных отношений с Россией. Отчасти дружественное отношение Х. фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрста к России объяснялось тем, что он был женат на Марии фон Сайн-Витгенштейн-Берлебург (Marie zu Sayn-Wittgenstein-Berleburg, 1829–1897), внучке русского фельдмаршала и героя Отечественной войны 1812 г. П.Х. Витгенштейна (Людвиг Адольф Петер цу Сайн-Витгенштейн-Берлебург, Ludwig Adolph Peter (Pjotr Christianowitsch) zu Sayn-Wittgenstein-Berleburg, 1769–1834). В настоящее время владельцем аббатства является Виктор Меттерних-Сандор (Viktor Metternich-Sándor, p. 1964, с 2009 г. (после смерти его отца Franz-Albrecht Maximilian Wolfgang Josef Thaddäus Maria Metternich-Sándor, 1920–2009) носит титул Herzog von Ratibor und Fürst von Corvey.

Читатель может спросить: зачем необходимы все эти сведения об аббатствах, монастырях, истории их основателей и владельцев и так далее? В настоящее время в нашей стране, да и вообще в целом, очень популярно говорить об «упадке Европы», о «её закате», о России как центре христианской цивилизации и т.д. Как это может быть, если именно в России, даже не в США, радикальные антихристианские силы сумели захватить господство, если под властью левого режима именно СССР в огромной степени способствовал разрушению религиозного и вообще тра-

[161] *Голубева О.Д.* Дубровский Петр Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь / ред. Л.А. Шилов, Ц.И. Грин, и др. Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. СПб.: Российская национальная библиотека, 1995. С. 204.

дицонного мировоззрения в мире? Да и в самой Европе левацкие антихристианские силы сумели во второй половине XX в. добраться до власти в огромной степени только благодаря СССР и их союзнику США. Другое дело, что надежды левых не оправдались: упадок белого христианского мира привёл не к созданию «мировой левой земшарной республики» по образцу Коминтерна или Евросоюза, а к подъёму небелых, прежде всего восточноазиатских и мусульманских стран и народов, контролировать которые левые не в состоянии. Но всё равно в рассуждениях многих наших соотечественников причудливо перемешаны «турниры святого Георгия», «защита христиан на Ближнем Востоке», ненависть к «Гейропе» с восторгами по адресу левой идеологии, социализма, свободы, которая якобы установилась в Европе и т.д. Все эти данные, которые приведены выше, может быть, отчасти действительно позволят лучше понять, какие силы действительно несут ответственность за упадок европейской цивилизации и культуры, а какие способствовали их сохранению, развитию и приумножению.

Но вернёмся к династии баварских герцогов. В 763 г. Тассило III женился на дочери Дезидерия Лиутберге. Вероятно, брак должен был скрепить лангобардско-баварский союз, целью которого было противостоять экспансии правителей Франкского государства[162]. В качестве приданого Дезидерий возвратил Тассило III земли Южного Тироля, захваченные у баварского герцога Гримоальда II королём Лиутпрандом в 720-х гг.[163]

Лиутберга в браке с Тассило III стала матерью четырёх детей: трёх сыновей — Теодо Теудеберта (род. 772) и Гунтария, а также двух дочерей — Котани и Ротруды[164]. Старший из сыновей, Теодо, родился около 770 г. В 772 г. в праздник Троицы он был крещён в Риме папой Адрианом I[165].

До нашего времени сохранился потир («Чаша Тассило» — Tassilokelch), подаренный в 777 г. Тассило и Лиутбергой монастырю Кремсмюнстер. На нём нанесена надпись: «TASSILO DVX FORTIS + LIVTPIRC VIRGA REGALIS» («Тассилон — храбрый герцог + Лиутберг — потомок королевского рода»)[166].

Вместе с тем политическая роль Лиутберги в истории баварского герцогства была скорее негативной. На Лиутбергу средневековые авторы возлагали ответственность за уничтожение независимости Баварии, потому что именно она подстрекала мужа к выступлению против франков. Причиной её ненависти к правите-

---

[162] *Schieffer R.* Die Karolinger. Stuttgart – Berlin – Köln, 1992. S. 49, 51, 57, 65, 72, 83–86. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/tassilo_3_herzog_von_bayern_794/schieffer_rudolf.html

[163] *Spindler M.* Handbuch der bayerischen Geschichte. München, 1981. Bd. I. Das alte Bayern. Das Stammesherzogtum bis zum Ausgang des 12. Jahrhunderts. S. 166–176. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/tassilo_3_herzog_von_bayern_794/spindler_max.html

[164] *Hartmann M.* Die Königin im frühen Mittelalter. Stuttgart, 2009. S. 56–57.

[165] Tassilo III // Lexikon des Mittelalters. München, 1997. Bd. VIII. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/t/tassilo_3_herzog_von_bayern_794/tassilo_3_herzog_von_bayern_nach_794.html

[166] О чаше Тассило см.: *Bauerreiß R.* Der Tassilokelch von Kremsmünster und seine Bayerische Benediktinerakademie (Hrsg.), Studien und Mitteilungen zur Geschichte des Benediktinerordens und seiner Zweige. Bd. 50, 1932. S. 408–415, http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a069030.pdf)

лю Франкского государства Карлу Великому они называли развод в 771 г. Карла с её сестрой Дезидератой (это предполагаемое имя лангобардской принцессы, настоящее её имя неизвестно) и уничтожение франками в 773–774 гг. Лангобардского королевства, которым правил её отец Дезидерий[167].

Предыстория этого конфликта такова. В 757 г. Тассило III дал торжественную присягу на верность Пипину Короткому и его сыновьям, передав своё герцогство в руки короля и получив его обратно в виде лена. Тассило III обязался доставлять королю вспомогательные отряды во время походов или же платить определённую дань.

В 763 г. Тассило III отказался исполнить своё обязательство, он мечтал покончить с зависимостью от франков и вновь сделать Баварию самостоятельным государством, каким она была при его предках. Этому способствовало то обстоятельство, что Карл Великий в течение первого двадцатилетия своего управления вынужден был вести беспрерывные войны. Тассило III не приводил королю вспомогательных отрядов, не являлся на майских собраниях франков и созывал собственные ландтаги, постановления которых издавались от имени герцога. Время считалось в Баварии по годам правления герцога, причём имя короля иногда совсем опускалось.

Только по окончании войн с саксами Карл Великий получил возможность принять решительные меры против баварского герцога и двинул против него войска. Тассило III в 787 г. принёс Карлу Великому ленную присягу на рейхстаге в Вормсе, выдав заложников, между которыми был его сын Теодо III. Однако против короля тайно составилась коалиция, к которой примкнули Византия и лангобардские владетели Италии. Во главе коалиции находился Тассило III, подстрекаемый своей женой Лиутбергой. К союзу старались привлечь и аваров, к тому времени обосновавшихся на Среднем Дунае. В итоге Карл Великий вынужден был выступить против Тассило. Карла поддержали папа римский Адриан I и баварское духовенство с архиепископом Зальцбургским во главе, а также представители многих знатных баварских родов, находившихся в зависимости от франков.

В 788 г. на рейхстаге в Ингельхайме (Ingelheim), согласно решению Карла Великого и имперских чинов, герцог Баварии Тассило III (годы правления 748–788) был обвинён в измене и целом ряде преступлений и приговорён к смертной казни. Основанием для этого послужил отказ Тассило III поддержать Пипина Короткого во время его похода в Аквитанию. Однако он был помилован, и смертная казнь для Тассило III была заменена пострижением в монахи аббатства Жюмьеж (Jumièges). Процесс над герцогом Тассило III примечателен ещё и тем, что в числе преступлений, совершённых герцогом, упоминается и «Harislis», то есть «Heeresverlassung» или дезертирство (имелся в виду отказ герцога по политическим соображениям поддерживать политику Каролингов в Италии). Это одно из первых немецких слов, которые получили отражение в исторических источниках. В 794 г. на имперском

---

[167] *Reiser R*. Liutburc // Bosl's Bayerische Biographie. Bd. 1. S. 485. http://bosl.uni-regensburg.de/?seite=787&band=1; *Riche P*. Die Karolinger. Eine Familie formt Europa. München, 1991. S. 113, 131. http://www.manfred-hiebl.de/mittelalter-genealogie/_voelkerwanderung/l/liutperga_bayern_herzogin_793/liutberga_herzogin_von_bayern_um_793.html, «Лоршские Анналы», http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Laureshamenses/text2.phtml?id=6940, Эйнхард «Жизнь Карла Великого», http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Einhard_3/text1.phtml?id=12504, «Анналы королевства франков», http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext1.htm

Синоде (Reichssynode) во Франкфурте Тассило III ещё раз признался в совершённых им преступлениях, а также сам и от лица своих потомков отказался от прав на баварский герцогский престол.

Как считают исследователи, последние годы своей жизни Тассило III провёл в Германии в монастыре Лорш (Lorsch) (в «Песне о Нибелунгах» говорится, что этот монастырь был основан Утой, матерью братьев-Нибелунгов, то есть бургундских владетелей Вормса, однако его основателем был граф Рейнгау Канкор (Chancor) из рода Робертинов) в качестве простого монаха. В базилике монастыря на протяжении всего Средневековья сохранялся надгробный камень Тассило III с надписью «Tessilo dux primum post rex monach(us) sed ad imu(m)Idibus in ternis decesserat iste decembris Conditur hac fovea quem pie Christe bea» («Tassilo, erst Herzog, später König, doch zuletzt Mönch, war am dritten Tag vor den Iden des Dezember (11. Dez.) verstorben und wurde in diesem Grab bestattet. Gewähre diesem, gütiger Christus, die Seeligkeit» — Тассило, вначале — господин, затем — король, в конце жизни — монах на третий день перед декабрьскими идами (11 декабря) скончался и погребен на сем месте. Господь, даруй ему вечное блаженство!»[168]). Историк Георг Хелвих (Georg Helwich, 1588–1632, викарий архиепископа Майнцского и крупный историк Майнцского архиепископства) 10 сентября 1615 г. самолично видел в Лорше и скопировал эту надпись, которую опубликовал в своём историческом исследовании «Древности Лорша»[169]. Подобно многим представителям германских аристократических родов, Тассило III за свою деятельность на благо церкви был причислен к лику святых, день его памяти отмечается 11 декабря. С Тассило III род Агилольфингов теряет власть над Баварией, хотя к этому аристократическому роду возводят своё происхождение многие знатные семьи Южной Германии.

Существует и ещё одна версия происхождения дома Виттельсбахов, согласно которому он восходит к Лиутпольдингам (die Liutpoldinger), одному из знатнейших германских родов эпохи Раннего Средневековья, который правил в Баварии в 895–947 и 983–985 гг. и стоял у истоков формирования Баварского герцогства в составе Священной Римской империи германской нации, однако это уже тема для другой статьи.

---

[168] http://www.inschriften.net/landkreis-bergstrasse/inschrift/nr/di038-0017.html#content

[169] «Antiquitates Laurishaimenses», эта работа была опубликована во Франкфурте на Майне в 1631 г. под полным названием «Antiqvitates Lavrishaimenses, seu Chronologia Praeillustris, Nobilis ac famosi quondam Monasterij S. Nazarii Laurishaimensis in Strata montana siti». http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/helwich1631/0014?sid=1e97ab26f197f97874633862d4e00252

С. Кэрролл

МУЧЕНИКИ И УБИЙЦЫ: СЕМЬЯ ГИЗОВ И СОЗДАНИЕ ЕВРОПЫ

Кэрролл Стюарт — профессор истории в Йоркском университете, Великобритания

Carroll S. Martyrs and Murderers: The Guise Family and the Making of Europe. Oxford etc.: Oxford University Press, 2009. XVI, 345 p.

Реферативное изложение К.А. Фурсова

Книга профессора истории в Йоркском университете в Великобритании (получила приз Дж. Расселла за 2010 г. от Американской исторической ассоциации как лучшая книга по истории Франции) посвящена одной из самых могущественных семей Европы XVI в.

Понять Гизов — значит понять глубокие изменения, которые потрясли Европу XVI в. Поэтому озадачивает то, что за пределами Франции их почти забыли. Ведь в своё время перед Гизами трепетала вся Европа. Ими восхищались или их ужасались, но никто не мог их игнорировать. В разное время враги великих династий Тюдоров, Габсбургов, Валуа и Бурбонов, Гизы были одним из самых могущественных герцогских домов Европы XVI в. Мечтая об империи и стремясь править несколькими королевствами, они были виднейшим некоролевским домом своей эпохи. Могли существовать более богатые немецкие князья и более культурные итальянские герцоги, но ни у кого не было такого ошеломляющего спектра династических интересов, которые простирались от Шотландии до Сицилии и от Ирландии до Иерусалима… Гизы определили ход европейской истории: пережив в середине столетия подъём как крупнейшие враги Габсбургского дома, перед тем, как погрузить Францию в кровавый хаос, они преобразовали католическую церковь на Тридентском соборе[1], замышляли вторгнуться в Англию и свергнуть Елизавету I[2], а также возводили и свергали королей Франции, пока не закончили столетие мучениками за католическое дело» (с. V–VI).

Отпечаток, который Гизы наложили на историю, не сводится к военным кампаниям, покровительству искусствам и дипломатическим и придворным интригам. Реформация была не просто религиозным событием; она привела к глубокой перестройке политической мысли и практики. Эти изменения и воплотили Гизы. Когда народные движения оказались мобилизованы в пользу Реформации и против неё,

---

[1] Тридентский собор — XIX Вселенский церковный собор, один из важнейших в истории католицизма. Был проведён с перерывами в 1545–1563 гг. в Тренто (на латыни Tridentum) и Болонье. Был реакцией на Реформацию и выработал стратегию Контрреформации. — *Здесь и далее прим. автора реферата.*

[2] Елизавета I (1533–1603) — королева Англии и Ирландии в 1558–1603 гг. (династия Тюдоров), при которой страна сделала первые шаги на пути имперского строительства и окончательно порвала с католицизмом.

традиционная династическая политика Средневековья претерпела коренные изменения. Власть перестала быть уделом аристократической элиты. Современников поражало в Гизах то, что они представляли собой нечто новое и зловещее. Они подстрекали католиков и манипулировали их движением. Они использовали недавно изобретённый печатный станок для создания религиозной партии при поддержке масс. Более чем за полувека до Английской республики Гизы возглавили во Франции религиозно-политическую революцию, которая смела династию Валуа.

История Гизов поучительна и в другом отношении. В нашу эпоху религиозного фундаментализма самое время вновь обратиться к корням религиозного насилия в самой Европе. Французские религиозные войны имели общеевропейское значение — не просто потому, что Франция была самой населённой страной Европы, а её кальвинистская церковь десять лет была крупнейшей; католики и протестанты всей Европы рассматривали события во Франции как часть масштабной религиозной борьбы. Бедствия Франции служили ужасным предостережением о том, что может произойти в других странах. Образ и действия семьи Гизов были вынесены на общественный суд. В глазах католиков они были харизматическими героями, а в среде протестантов родилась «чёрная легенда» Гизов.

Целиком историю Гизов ещё предстоит рассказать: ведь историки искажали её, выставляя эту семью — в зависимости от своей позиции — то героями, то негодяями. Изображённые своими врагами как жадные до власти заговорщики-макиавеллисты, Гизы подверглись суровому суду истории. Их обвиняли в том, что они продали Францию иностранцам, преследовали собственные интересы в ущерб родине, были преданы делу религиозной реакции. Настало время разобраться беспристрастно.

28 февраля 1562 г. из замка Жуанвиль на р. Марне в направлении Парижа двигался отряд из 200 человек под началом Франсуа Лотарингского, герцога де Гиза (1519–1563). Он резко выделялся среди воинов высоким ростом. Рост вообще сильно отличал Гизов в эпоху, когда средний человек был много ниже сегодняшнего, а доблести придавали много больше значения. Племянница герцога Мария Стюарт[3] тоже отличалась высоким ростом и светлым цветом волос, из-за которого Гизы выглядели так не по-французски. При дворе даже шептали, что они «иностранцы» из «немецких» земель Лотарингии.

Многоязычная свита герцога отражала его династические интересы, выходившие далеко за страновые границы. Среди его солдат, советников, слуг, казначеев были уроженцы Нормандии, Пикардии, Италии, Германии и Шотландии. Герцогский герб составляли три серебряных орлёнка на красной полосе на жёлтом фоне. Орлята напоминали об имперском наследии Гизов: они были наместниками Священной Римской империи на землях между Рейном и Мозелем. Четверти герба представляли семь других суверенных домов, на происхождение от которых претендовал Франсуа: Венгрию, Неаполь, Иерусалим, Арагон, Гельдерн, Юлих и Бар[4].

---

[3] Мария Стюарт (1542–1587) — королева Шотландии до 1567 г. и Франции в 1559–1560 гг. (как жена короля Франциска II), дочь короля Якова V и Марии де Гиз.

[4] Первые четыре названия обозначают соответствующие королевства (хотя Иерусалим крестоносцы окончательно потеряли ещё в 1244 г.). Остальные три — названия существовавших с XIV в. герцогств: Гельдерн — на территории современных Нидерландов и Германии, Юлих — по немецкому берегу Рейна, Бар — в Лотарингии.

В Париж герцога вызвала регент Франции Екатерина де Медичи[5]. Причиной был кризис из-за Эдикта терпимости, который она издала за шесть недель до того. Хотя этот указ дал протестантам лишь ограниченные права вести богослужение по собственным правилам, его последствия были революционными в королевстве, основанном на принципе «один король, одна вера, один закон». Никогда со времён падения Римской империи европейское государство не разрешало подданным практиковать более чем одну христианскую веру. Нигде в Европе XVI в., даже в неоднородной Польше, не существовало юридической защиты религиозных диссидентов. Для людей XVI в. терпимость к инакомыслию не имела того положительного смысла, какой ей придают сейчас; выше всего ценили единство общества. Проявлять терпимость значило мириться с чем-то, что человеку не нравится, а ересь была синонимом мятежа.

Последнее значило для герцога больше, чем абстрактные принципы религиозной терпимости. Протестанты грозили подорвать его власть в его собственных владениях, и его мать Антуанетта де Бурбон (1494–1583) жаловалась на их засилье. Она постоянно проживала в Жуанвиле, занималась финансовыми вопросами семьи и отличалась набожностью даже по меркам своего времени. Антуанетта ежедневно посещала мессу и упрекала сына в излишней терпимости к еретикам. В отсутствие Франсуа протестантская вера расползлась до самых границ его владений. Особенно прочно она утвердилась в королевском городе Васси с населением 3 тыс. жителей (с. 6). Васси был микрокосмом проблем, с которыми сталкивалось католическое духовенство везде: местные элиты смотрели на бенефиции главным образом как на источник дохода и средство социальной мобильности, а с благосостоянием мирян имели дело лишь по касательной. Идеи Реформации хорошо пускали корни в небольших городах, которые гордились своей гражданской независимостью, где все всех знали и даже поборники старой веры разделяли общую антипатию зарвавшемуся духовенству.

Гиз грозил протестантам, но угрозы были безуспешны, так как для психологии протестантизма было характерно чувство гонимости: ведь праведники ожидают, что бог испытает их в вере. Протестанты толковали события сквозь призму Библии: они рассматривали себя как израильтян, которых со всех сторон осаждают язычники, но которые убеждены, что если будут крепки в вере, то спасутся, тогда как остальные будут прокляты. По совету своего брата, кардинала Лотарингского Карла (1525–1574), главы католической церкви во Франции и богатейшего человека королевства, герцог занял примирительную позицию и попытался вернуть своих подданных и соседей в лоно церкви силой убеждения. В Васси прибыла делегация во главе с епископом г. Шалон, который попытался организовать проповедь устами одного монаха. Протестанты встретили епископа враждебно и навязали ему свой порядок встречи. Они сразу раскрыли Псалтырь и запели гимны, что для католиков неприемлемо: миряне на литургии не поют. Пастор Жан Гравелль оборвал гостя: «Говори не как епископ, а как частное лицо, поскольку мы признаём тебя лишь в таком качестве» (с. 11). Монах, который попытался проповедовать в местной церк-

[5] Екатерина де Медичи (1519–1589) — королева Франции в 1547–1559 гг., жена Генриха II Валуа. Имела большое влияние в период правления трёх своих сыновей — Франциска II, Карла IX и Генриха III (с 1559 по 1589 г.), поэтому его называют «эпохой Екатерины Медичи».

ви, счёл за лучшее покинуть кафедру, причём в такой спешке, что потерял сандалию. Обиженный епископ вернулся в Жуанвиль и пожаловался Антуанетте де Бурбон. Она велела отослать отчёт королю и запретила своим подданным участвовать в протестантских службах, а одного проповедника, которого протестанты звали «Тараканом», отправила поддержать добрых католиков. В Дофине[6] гражданская война по сути уже шла несколько месяцев: в ряде городов были попытки захвата власти. Со стороны протестантов самым кровожадным предводителем был барон Адре[7], о котором говорили, что в его жилах течёт «чёрная кровь».

1 марта 1562 г. Франсуа де Гиз добрался из Жуанвиля до Бруссеваля и услышал доносившийся из Васси колокольный звон в то время, когда он не должен был звучать. Право звонить в колокол в определённое время и в определённые праздники было весьма важным. Для герцога звон стал прямым вызовом его правам сюзерена этих земель. Герцог решил отправиться в Васси и прослушать там мессу. Здесь его утверждения о невиновности в том, что произошло далее, в самом деле сомнительны: отправляясь со свитой в Васси, Франсуа отдавал себе отчёт о том, что может случиться. Однако герцог чувствовал себя преданным. Если он не может присутствовать на мессе в Васси, близ владений своей племянницы Марии Стюарт, что же дальше будет? К тому же Эдикт терпимости разрешил протестантам богослужение только за чертой городов, а колокольный звон давал понять, что оно идёт в самом городе. Ещё неприятнее удивило герцога то, что протестанты собрались в принадлежащем ему амбаре.

В составленном позднее отчёте, вероятно, справедливо указано, что герцог де Гиз намеревался просто разогнать собрание протестантов. Однако когда три его посланца, включая знаменосца Гастона де ла Бросса, подошли к амбару объявить о прибытии герцога, они увидели внутри священника, который проповедовал пяти сотням мужчин, женщин и детей. Тогда-то ситуация и вышла из-под контроля. Посланцев не пустили внутрь и швырнули в них один-два камня. Дворянин ла Бросс перед лицом товарищей не мог стерпеть унижения от «простых крестьян». Люди герцога бросились на шум потасовки и перебили 50 человек (с. 12). Правда, в отличие от событий последующих лет, это не были беспорядочные убийства без разбора пола и возраста. Личности погибших многое говорят о социальной природе протестантизма в городе и о том, почему его так трудно было искоренить. Наряду с виноделами и ткачами погибшими оказались ректор городских школ и городской поверенный, а среди тех, кому удалось спастись, — два члена городского совета и нотариус. Многое говорит и реакция герцога на события. В глазах протестантов он стал «мясником Васси», но действия его говорят о другом. Франсуа был разгневан, что потерял контроль над собственными людьми, на котором зиждилась его репутация. К тому же он не пытался воспользоваться резнёй в политическом отношении и, подобно католическим фанатикам, смотреть на неё как на проявление божественной мести. В беседе с английским послом в Париже герцог лишь пожаловался на «высокомерие» вассалов, которые осмелились поставить под сомнение его власть, и назвал событие «несчастным случаем», к которому привели бунтарские элементы.

[6] Дофине — историческая область на юго-востоке Франции; главный город — Гренобль.

[7] Франсуа де Бомон, барон Адре (1512/13–1587) — французский протестантский военачальник эпохи религиозных войн.

Так 1 марта 1562 г. начался конфликт, который будет сотрясать Францию 36 лет. По значению и последствиям резня в Васси сопоставима с событиями 11 сентября 2001 г. С неё началась эпоха религиозных войн, на столетие захлестнувших Европу. Протестанты в рассказах о событии подчёркивали, что оно было спланировано, но их свидетельства необоснованны. Когда Франсуа де Гиз покинул Жуанвиль со своим отрядом, он не направлялся прямиком к Васси. К тому же его сопровождала беременная жена в повозке. Последняя, кстати, тоже не была фанатичкой, как и брат герцога кардинал Луи (1527–1578), который был больше придворным, чем князем церкви, и был известен как «кардинал бутылок».

Для протестантов Васси стал олицетворением религиозных предрассудков, а для католиков — подстрекательства к бунту. Название города попало в печатные новости не только на французском, но и на немецком, голландском, английском и латыни. Вести о резне посеяли страх среди протестантов. По всей Франции их общины спешно проводили тайные смотры, составляли списки способных носить оружие и вынашивали планы захвата власти в городах. Именно тогда в политический лексикон Европы впервые вошло слово «резня» («massacre»). До 1550-х гг. это слово означало камень, на котором рубили мясо французские мясники. Не прошло и года, как «мясник Васси» сам был убит. «Убийство герцога возвестило конец старой формы политики, основанной на идеалах благородного рыцарства, и положило начало новой идеологической эпохи, в которой политическое убийство толковали как инструмент божьей воли. Резни и убийства станут во Франции регулярными явлениями, а Гизы — обречены быть одновременно заговорщиками и жертвами заговоров. В новую политическую эпоху их образ убийц или мучеников формировался и манипулировался противоборствующими религиозными партиями с целью мобилизовать общественное мнение всей Европы» (с. 20).

Девиз трёх мушкетёров у А. Дюма — «Один за всех, и все за одного» — вовсе не оригинален: поколениями он служил девизом Лотарингскому дому. В 1477 г. дед Франсуа, герцог Лотарингии Рене II (1451–1508), участвовал в сражении против герцога Бургундии Карла Смелого под знаменем предков, на котором была изображена высовывающаяся из облака рука с мечом, а над ней слова: «Одна за всех» (*Une pour toutes*). Отец Франсуа, Клод (1496–1550), изменил акцент, чтобы подчеркнуть солидарность и стойкость: «Все за одну. Здесь и не более» (*Toutes pour une. Là et non plus*).

«Условием подъёма Гизов к власти стали королевская служба и милость короля Франции. Однако их способность извлечь из этого долгосрочную выгоду и держаться за власть даже тогда, когда милости они были лишены, имела причиной исключительно высокий уровень семейной солидарности. Гизы не страдали от соперничества и зависти, раздиравших другие семьи, — то был путь к политическом бессилию. Индивиды действовали в интересах группы; сыновья неизменно подчинялись желаниям отца, а младшие братья — желаниям старшего. Признавалось, что статус человека повышается путём работы на коллектив. Это означало, что важную роль в разработке и осуществлении политики следует играть и женщинам. Сотрудничества добивались не только соблюдением патриархальной дисциплины, так как само по себе это никогда не могло обеспечить гармоничных эмоциональных отношений. Богатство и власть распределялись таким образом, чтобы обеспечить рав-

новесие между членами семьи, поэтому младших сыновей и дочерей хорошо обеспечивали, а взамен ожидали от них демонстрации покорности и лояльности. Ключевыми для поддержания этой стратегии были церковная собственность и патронаж. Гизы старались жить в соответствии со своим девизом и оправдывали его, порождая клановый менталитет, природу которого укрепляли их особое происхождение и статус среди княжеских домов Франции» (с. 22).

Происходили Гизы от самого древнего из домов, сохранившихся на границах Франции с империей. В XVI в. специалисты по генеалогии вольно прослеживали их происхождение к Каролингам и созданию королевства Лотарингия между Мёзом и Рейном в 855 г. Таким образом, предполагалось, что Лотарингский дом знатнее правящего дома Валуа, который в 1328 г. сменил династию Капетингов. Всё же в борьбе с домом Ланкастеров по вопросу о наследовании по женской линии, которая известна как Столетняя война[8], герцоги Лотарингии были верными союзниками Валуа. Тесные связи двух домов продолжались и тогда, когда на земли герцогов Бургундии стали претендовать Габсбурги.

Перед смертью в 1508 г. герцог Рене II поделил владения между шестью сыновьями. Львиную долю получил второй сын, Клод, а младший, Франсуа, — лишь небольшие территории в Провансе. Ключевой фигурой в консолидации Лотарингского герцогства стал третий сын Рене — Жан (1498–1550). В возрасте всего семи лет он получил одно из богатейших в Европе епископство Мец, к которому позднее были добавлены епископства Туль и Верден. Клод в 1506 г. прибыл ко двору Франции и стал подданным этой страны, взял титул графа де Гиза и обосновался в Жуанвиле. Однако, став французом, предков он не забывал. В 1513 г. Клод женился на Антуанетте, дочери графини Марии Люксембургской и Франсуа, графа де Вандома, прадеда будущего короля Генриха IV[9]. Брак стал важной ступенью в политической карьере Клода: он породнился с королевской семьёй. Из Люксембургского дома вышли пять императоров Священной Римской империи и много королев. Старший брат Клода Антуан (1489–1544) двумя годами позднее женился на Рене де Бурбон-Монпансье, сестре герцога де Бурбон-Вандома Карла III, самого могущественного вассала короля. Так возникла тесная связь между разными ветвями Лотарингского и Бурбонского домов, и их непростые отношения станут доминирующей чертой французской политики в XVI в.

Клод разделял страсть нового короля Франциска I (правил в 1515–1547) к подвигам, участвовал в турнирах. Уже в 1515 г. король вторгся в Италию, выдвинув претензии на герцогство Милан, и в сентябре его армия столкнулась со швейцарскими наёмниками миланской династии Сфорца при Мариньяно. Это была одна из самых кровавых битв XVI в. Клод де Гиз участвовал в ней и получил ранение. В 1516 г. он вернулся домой, где его приветствовали Антуанетта и их первый ребёнок — Мария (1515–1560), будущая королева-консорт Шотландии. Мариньяно вернуло Милан под контроль Франции, заставило швейцарцев согласиться служить только ей, а папу римского Льва X[10] — подумать о поддержке французских притя-

[8] Столетняя война — серия вооружённых конфликтов между Англией и Францией в 1337–1453 гг.

[9] Генрих IV Великий (1553–1610) — король Франции (1589–1610), основатель династии Бурбонов; был также королём Наварры (под именем Генриха III) и лидером протестантского движения во Франции.

[10] Лев X (1475–1521) — папа римский в 1513–1521 гг., в миру Джованни де Медичи.

заний на Неаполь. И всё же гегемония Франции в Италии была иллюзией. Это стало ясно после смерти в том же году короля Арагона Фердинанда[11], который оставил свои земли (Кастилию, Арагон и Неаполь) Габсбургам. В 1519 г. умер император Максимилиан (правил в 1508–1519), и встал вопрос об престолонаследии в империи. Полномочным представителем Франциска на выборах в Германии и был назначен Клод — по причине знания немецких дел и родственных связей в империи. Усилия Франциска не возымели успеха, и в 1520 г. в Аахене был коронован Карл V Габсбург (правил в 1519–1556). Франциск тут же ввязался в войну, чтобы не пустить Карла в Италию на получение короны Карла Великого из рук папы. Он не предвидел долгой кампании, но конфликт Габсбургов и Валуа стал главным в европейской истории на следующие 40 лет.

Это был новый тип войны, которая велась на нескольких фронтах — в Пикардии, Шампани, Пиренеях и Милане. Клод де Гиз воевал в Наварре, затем во Фландрии под началом своего шурина коннетабля[12] Франсуа де Бурбона. Когда тот поссорился с Франциском и был вынужден бежать к Карлу V, Гиз в 1524 г. получил повышение: сделался наместником Шампани и членом Тайного совета.

Отъезд Гиза домой пошёл ему на пользу, учитывая случившийся вскоре разгром французской армии под Павией в феврале 1525 г. Испанские аркебузиры выкосили ряды французских рыцарей, и король и многие принцы были увезены в плен в Испанию. Влияние Карла де Бурбон-Вандома как ближайшего мужского родственника короля выросло, а соответственно, стал играть важную роль и Гиз — в обороне страны и поисках средств на огромный выкуп за короля. По возвращении Франциска из более чем годового плена Клод был вознаграждён влиятельной придворной должностью великого охотника. Она давала ему доступ к королю и контроль над бюджетом и аппаратом управления. В 1527 г. графство Гиз было повышено до герцогства, и Клод стал пэром королевства. Теперь в иерархии его опережали только герцоги Вандом и Немур.

Главной целью внешней политики Франциска до его смерти в 1547 г. оставалось отвоевание Милана. Рассматривать это с современной точки зрения как геополитическую борьбу Франции с Испанией было бы анахронизмом. Мировоззрение Карла V и Франциска I было аристократическим, их соперничество было личным, а на кону стояла честь дворянина. Гиз в эти годы не находился среди тех, кто определял политику. В 1528–1541 гг. королевством фактически управлял друг детства короля Анн де Монморанси[13]. Однако Гиз сделал себе имя в Париже: когда имперские войска в 1536 г. вторглись в Пикардию и осадили Перонн всего в 60 милях от столицы, он с небольшим отрядом добился снятия осады.

Влияние Клода росло. В 1538 г. его дочь Мария, уже вдова герцога де Лонгвиля, вышла замуж за короля Шотландии Якова V (1513–1542). Руку ей предлагал и король Англии Генрих VIII (1509–1547). Предполагают, что он получил отказ из-за

[11] Фердинанд II (1452–1516) — король Арагона, Кастилии, Сицилии и Неаполя, муж королевы Кастилии Изабеллы, при котором произошло объединение Испании, завершилась Реконкиста и началась колонизация Америки.

[12] Коннетабль — высшая военная должность во Французском королевстве; даровалась пожизненно.

[13] Анн I де Монморанси (1493–1567) — французский военный, государственный деятель и дипломат, маршал и коннетабль Франции, близкий друг Франциска I и Генриха II.

своей веры или подозрений Марии, что она может стать его следующей жертвой[14]. Однако свидетельства говорят против этого: напротив, Гизам льстила идея того, что член их семьи может стать королевой Англии. На деле браку воспротивился Франциск. Уже тогда французского короля встревожила перспектива чрезмерного усиления одного из его подданных, и он настоял на шотландском браке. А в 1542 г. Клод возглавил военный совет при младшем и любимом сыне короля Карле, герцоге Орлеанском, который воевал с имперцами. Тем не менее на Клода легло пятно из-за поддержки его сыновьями дофина[15] Генриха — их близкого друга с детства. Политическое сообщество той поры было поляризовано соперничеством между дофином и его младшим братом, которому король оказывал предпочтение. Соответственно, в 1543 г. Клод был переведён с поста наместника Шампани на такую же должность в Бургундии. Политическая и военная карьера герцога достигла потолка, причём положение не изменилось даже после дворцового переворота 1547 г., который последовал за смертью Франциска I и воцарением дофина под именем Генриха II (1547–1559).

Будучи на четыре года моложе Франциска, Гиз был совсем другим человеком. Он любил охоту и музыку, но страсти любви и ненависти не терзали его так, как короля. Франциск имел образование гуманиста, а герцог почти не интересовался искусствами. Его личность была больше сформирована идеалами благочестия, долга и дисциплины, какие требовались от христианского рыцаря. Из-за влияния жены и матери Клод был благочестив более обычного. Его мать Филиппа Гельдернская (1467–1547) была известна своей набожностью, и к 1620-м годам иезуиты развивали её культ, рассказывая о видениях и чудесах.

Более серьёзными для Гизов были события в соседней для их владений Германии: разразившаяся там крестьянская война 1525 г. посеяла панику среди правящих слоёв — как католиков, так и лютеран. Важно, что монастырь Филиппы Сент-Клер был францисканским учреждением: братья этого ордена позднее будут более других ассоциироваться с борьбой с кальвинизмом во Франции. Когда Клод и его брат Антуан, ехавшие подавлять выступление крестьян, заехали за благословением к матери, та напутствовала: «Поспешите… и рубите и режьте всех, кто сопротивляется вам с оружием в руках… Не бойтесь быть жестокими» (с. 35). О военной кампании братья опубликовали отчёт, где выставили свои деяния как крестовый поход, а восставших сравнили с филистимлянами. Немецкие протестанты же стали сравнивать герцога Клода с Иродом. К тому же подозревали, что «крестовый поход» имел целью прежде всего расширить его политический контроль над мелкими владениями в Эльзасе.

Много позднее, в ходе религиозных войн, события 1525 г. рассматривали как связующее звено между крестоносным прошлым Лотарингского дома и новым крестовым походом против еретиков, который начался с резни в Васси. Историки подкрепили эту точку зрения, но есть основания подходить к ней осторожно. Несомненно, что Клод, его старший брат и мать были ярыми католиками. Однако Франсуа де Гиз не оправдывал действий в Васси теми же моральными соображениями,

[14] К этому времени Генрих VIII успел избавиться от своей первой жены, Екатерины Арагонской, посредством ссылки (1533), а от третьей, Анны Болейн, — посредством казни (1536).

[15] Дофин — с XIV в. титул наследника французского престола, (старшего) сына правящего короля.

что его отец, а позднее объяснил причины резни и даже принёс извинения. Не следует упрощать религиозные чувства Гизов и считать главным императивом их семейной стратегии ультракатолицизм. Так, Мария де Гиз в ходе своего регентства в Шотландии демонстрировала чрезвычайную терпимость к протестантским подданным.

Как и вся Франция, в вопросах ереси и реформы церкви семья Гизов была разделена. Было бы неверно считать их представителями ретроградного сопротивления изменениям. Так, хотя Филиппа вверила образование своих сыновей богослову-консерватору Николя ле Клерку, карьера её третьего сына Жана показывает, что ультраортодоксальное воспитание не обязательно ковало ультраортодоксальные умы. Жан стал основателем церковной империи Гизов, поэтому значил для судеб семьи не меньше, чем его старший брат Клод. Отличаясь довольно свободными нравами, питая интерес к теннису, соколиной охоте и азартным играм, он сделался собутыльником короля Франциска. Вместе с тем Жан был известен щедростью к беднякам: будучи богатейшим прелатом Франции, мог себе это позволить. Кардиналом он стал уже к 20 годам. За свою жизнь Жан обманным путём получил не менее 11 епархий и был аббатом 13 монастырей. Свою главную резиденцию он устроил в величественном дворце аббатства Клюни. Построенный в конце XV в., он является одним из величайших примеров парижской архитектуры Возрождения. Для его подновления Жан нанял итальянцев, включая работавшего тогда в Фонтенбло Челлини[16], и наполнил его предметами искусства, которые его агенты скупали в Риме и Венеции. Жан и Клод были большими любителями музыки, а племянник Жана Карл хорошо играл на лютне. Таким образом, Жан вписывается в модель светского и культурного кардинала эпохи Возрождения. Вместе с тем от других князей церкви и даже от собственной семьи его отличала принадлежность к евангелическому крылу галликанской церкви. Около десятка лет французские протестанты даже считали кардинала Жана своим попутчиком. В 1527 г. деятель Реформации Капито одобрительно писал Цвингли[17] о том, что Жан защищает брошенных в темницу протестантов и поддерживает идею брака священников.

В десятилетия перед Тридентским собором 1564 г. для образованных католиков разделять такие взгляды было не редкостью — лишь позднее их сочтут диссидентскими. Неслучайно именно к кардиналу Лотарингскому обратился за защитой Дезидерий Эразм[18], когда Сорбонна в 1520-е годы развернула кампанию против тех, кто пытался использовать новое гуманистическое знание для перевода и толкования Библии. Когда в 1546 г. Сорбонна осудила «Третью книгу» Рабле[19], бежал он именно в Мец, зная, что епископом там кардинал Лотарингский, а стало быть, его не тронут.

Интерес Жана к гуманистическому знанию развивался параллельно с дипломатической деятельностью. Его специализация по Италии дополняла его интеллекту-

[16] Бенвенуто Челлини (1500–1571) — великий флорентийский скульптор эпохи Возрождения.

[17] Вольфганг Капито (Кёпфель) (ок. 1478–1541) — немецкий деятель Реформации. Ульрих Цвингли (1484–1531) — лидер швейцарской Реформации, гуманист и философ.

[18] Эразм Роттердамский (1466–1536) — голландский гуманист и богослов эпохи Возрождения.

[19] Франсуа Рабле (1483/1494–1553) — французский писатель-гуманист эпохи Возрождения, автор пяти сатирических романов о великанах Гаргантюа и Пантагрюэле.

альные запросы. Уже в 17 лет Жан был назначен послом Франции при папском дворе. В 1534 г. он возглавил французскую делегацию на конклаве[20] и успешно продвинул кандидатуру Алессандро Фарнезе, который сделался папой Павлом III[21]. В 1538 г., будучи в Риме, кардиналу Лотарингскому удалось через своё влияние добиться кардинальской шапки для одного из своих клиентов вопреки предпочтениям Франциска. В 1549 г. Жану не хватило всего четырёх голосов для своего избрания преемником Павла III. На следующий год он умер от апоплексического удара, находясь вновь по пути в Италию.

Между тем в Жуанвиле Антуанетта де Бурбон в 1515–1536 гг. рожала почти каждый год. Из 12 детей выжили десять. Роль Антуанетты выходила за рамки повседневных расходов на питание и одежду людей Гизов: она следила за счетами мужа и давала ему советы по бюджету. Уже в 1520 г. Клод сделал её своим заместителем по всем делам. Роль финансового советника Антуанетта будет выполнять и для своих сыновей и внуков.

«Фортуна Гизов во многом зависела от королевской щедрости. В эпоху Возрождения короли, воюя, всегда нуждались в деньгах, и от командующих на фронте ждали, что те будут глубоко запускать руку в собственный карман, а уж потом искать компенсацию. Франциск I был вынужден прибегать к ещё более отчаянным средствам для финансирования своих войн с Карлом V. В обществе, где наличных денег обращалось мало, сторонников было легче награждать должностями, землями и титулами… Например, в 1520 г. Гиз получил доходы с королевских соляных складов на своих землях в Майенне, Ферте-Бернаре, Гизе и Жуанвиле» (с. 42). К 1540-м гг. годовой доход Клода составлял почти 65 тыс. ливров; правда, расходы превышали эту сумму примерно на 10 тыс., а значит, приходилось занимать (с. 42). На жаловании Клода состояли 113 членов его домохозяйства, включая трёх секретарей, двух врачей, четырёх лакеев, девять конюхов и т.д. (с. 42). Однако больше всего средств уходило на строительство. Так, в Жуанвиле был воздвигнут господствовавший над городом верхний замок, снесённый в годы революции.

Антуанетта растила детей во внимании к своим обязанностям, заботилась о бедных и сама шила для них одежду. Её отношение к еретикам было сложнее, чем может показаться. Так, посещавшая Жуанвиль Маргарита Наваррская[22] состояла в хороших отношениях с двоюродной сестрой, хотя была поборницей евангелической партии. Одна из ближайших подруг Антуанетты Франсуаза д'Амбуаз обратилась в протестантизм и переписывалась с Кальвином[23]. Есть много других примеров того, как узы дружбы и родства проходили сквозь религиозные границы. Похоже, Антуанетта и её дети чётко различали частные религиозные убеждения человека и его публичное участие в еретических службах (последнее могло вылиться в бунтарские собрания).

---

[20] Конклав — собрание кардиналов, избирающее папу римского.

[21] Павел III (1468–1549) — папа римский в 1534–1549 гг., в миру Алессандро Фарнезе.

[22] Маргарита Наваррская (1492–1549) — сестра короля Франциска I, одна из первых писательниц Франции. Не путать с её внучатой племянницей Маргаритой (1553–1615), «королевой Марго», женой короля Наварры Генриха III — впоследствии король Франции Генрих IV).

[23] Жан Кальвин (1509–1564) — французский богослов, один из лидеров Реформации, основатель кальвинизма.

Тем не менее при наличии десяти детей ключевыми для поддержания семейной патримонии были ресурсы католической церкви. В продвижении интересов династии она играла не менее видную роль, чем браки. Бенефиции переходили из поколения в поколение так же, как должности и имения. Два сына Клода и Антуанетты, Карл и Луи, сделались кардиналами; более мелкие бенефиции давали средства к существованию и другим детям.

Первое поколение семьи Гизов подошло к концу в 1550 г., когда умерли герцог Клод и кардинал Жан. Новым герцогом стал сын Клода Франсуа. Похоронили Клода с королевской пышностью. Гизы знали, что у них есть враги. Так, в 1551 г. был раскрыт заговор с целью отравить королеву шотландцев Марию. «В XVI в. почти всякий раз, когда важная фигура умирала внезапно, подозревали применение оккультных искусств. Однако в этом случае семья для демонстрации своих подозрений предприняла в самом деле немало. В речи на панихиде по Клоду упоминалось о его смерти от руки “Антихриста” и “посланца Сатаны… сведущего в оккультных искусствах”… В XVII в. историки, смотревшие предвзято с конфессиональной точки зрения, обвиняюще указывали на еретиков-предателей. Однако у Гизов были собственные догадки: они считали смерть Клода делом рук своих самых лютых врагов Габсбургов… Неудивительно, что в последующее десятилетие сыновья Клода посвятили себя войне с домом Габсбургов и задаче привести его к падению» (с. 49).

К моменту смерти Франциска I в 1547 г. мечты французов о захвате Италии слабели, так как борьба с Габсбургами перемещалась в новые области. От притязаний на французский трон не отказывался король Англии, и правление Генриха VIII началось с пропаганды возрождения славных дней Генриха V[24]. Генрих VIII пытался, в основном безуспешно, извлечь пользу из конфликта Габсбургов с Валуа, поддерживая то одну, то другую сторону. «Протектор» нового короля Англии Эдуарда VI (1547–1553) герцог Сомерсет продолжал продвигать идею англо-шотландской унии. Преемник Франциска Генрих II был мстителен. Побывав в детстве в трёхлетнем плену в Испании заложником за отца, он вырос в ненависти к испанцам. Уже в 1548 г. новый король добился заключения Хаддингтонского договора с Шотландией, по которому Франция брала ответственность за безопасность этой страны. Договор подкрепили династическим союзом: Мария Стюарт была помолвлена с дофином Франсуа, а регент Шотландии граф Арран[25] был принят во французское подданство. Этому предшествовало обращение к Генриху II за помощью Марии де Гиз, королевы-регентши Шотландии после преждевременной смерти Якова V. Король Франции ответил сбором флота в 130 судов, чтобы перевезти большое войско (с. 51). Его вмешательство в Шотландии было первым шагом в строительстве франко-британской империи. Мария де Гиз энергично взялась за установление в Шотландии французской власти. Французы подумывали о большем. Династия Тюдоров в Англии была слабой и нестабильной, и Генрих II был не прочь включить во франко-британскую империю и Англию. Он вырос на классических идеях имперского величия, а притязания Испании на мировое владычество его беспокоили.

[24] Генрих V (1386–1422) — король Англии в 1413–1422 гг. (династия Ланкастеров). Знаменит как полководец, в ходе Столетней войны разбил французов при Азенкуре (1415).

[25] Джеймс Стюарт, граф Арран (ум. 1595) — шотландский дворянин, фаворит короля Якова VI, лорд-канцлер в 1580-е годы.

Французская дипломатия сохраняла осторожность. Её целью была не открытая конфронтация с Габсбургами, а создание против них союзов. Главным проводником этой политики был коннетабль Монморанси, который по сути заменил Генриху II отца. Главным средством, с помощью которого предполагалось построить франко-британскую империю, служили Гизы благодаря своей безупречной родословной. Тема империи и завоевания хорошо просматривается в величественном празднике, который организовали в 1550 г. в Руане в честь короля. Его въезд в этот город стал самым зрелищным событием в истории Франции XVI в. Руан был символом демографического рывка страны за полстолетия. Население Франции к этому времени подошло к 20 млн. человек, и она была самым населённым государством Европы (с. 53). Руан по численности населения (75 тыс.) уступал в Европе лишь Лондону и Антверпену (с. 53). Экономика города динамично развивалась на основе атлантической торговли; это-то и было ключом к воплощению мечты франко-британской империи. Однако важно, что эта гипотетическая империя была династическим организмом Гизов не в меньшей степени, чем Валуа.

Монморанси добился сближения с Англией. Другой важной фигурой при Генрихе II была его фаворитка Диана де Пуатье. Дела Гизов при новом режиме пошли хорошо. Франсуа был утверждён в должности наместника Дофине, а его младший брат, второй сын Клода Карл (1525–1574), как архиепископ Реймсский, короновал нового короля. Оба были старыми друзьями дофина и теперь были введены в Тайный совет. С самого начала карьеры оба были протеже Дианы. Одним из ключевых политических союзов 1540-х гг. был брак третьего брата Гиза, Клода II (1526–1573), с младшей дочерью Дианы Луизой. Именно благодаря милостям Дианы Гизы приобрели значительное имущество в Париже и Иль-де-Франс[26].

«Смерть герцога Клода легко могла привести к распрям среди его наследников. Из-за запутанности законов наследования юристы роились как стервятники, готовые поживиться трупом любой рассорившейся семьи. В одном отношении Гизам повезло. У Клода и Антуанетты была всего одна дочь (Луиза), которая не ушла в монастырь и поэтому нуждалась в приданом. Она умерла в течение года после брака в 1541 г. со знатным фламандским дворянином Карлом де Кроем, герцогом Ванарсхотом. В результате у младшего поколения Гизов не было сварливых зятьёв. Контроль над церковным патронажем, значительный уже при кардинале Лотарингском Жане, с воцарением Генриха II был укреплён. В результате из шести выживших детей мужского пола средства к существованию требовалось выделить лишь четырём» (с. 57). Карл в 1538 г. наследовал своему дяде в качестве архиепископа Реймсского, а в 1547 г. стал кардиналом. Четвёртый сын, Луи (1527–1578), в 1545 г. был назначен епископом Труа. Пятый брат, которого, как и первого, звали Франсуа (1534–1563), стал рыцарем ордена иоаннитов; уже в 15 лет он был великим приором Франции. Впрочем, его письмо к старшей сестре, королеве Шотландии, выдаёт не по годам развитого подростка.

Таким образом, земельные владения Гизов были разделены всего между тремя сыновьями. Старший, Франсуа, стал вторым герцогом де Гизом и получил титул маркиза де Майенна и территории в Барруа, Шампани и Провансе. Земли в Нор-

[26] Историческая область Франции с центром в Париже.

мандии были поделены между двумя остальными сыновьями: третий сын, Клод II, получил только что созданное герцогство Омаль, а шестой, Рене (1536–1566), 14 лет, пока жил в Жуанвиле под опекой матери.

«Таким образом, амбициозные младшие сыновья удачно женились, получили щедрые порции наследства или сделали стремительные карьеры в высших эшелонах церкви. Когда они обзавелись собственными домохозяйствами и династиями, их часть сделки состояла в том, чтобы проявлять послушание во всех публичных делах своему старшему брату как отцу… Результатом была клановая ментальность, склад ума, который в ритуале повседневной жизни воплощался в одной конкретной церемонии — *lever*[27]. Этот ритуал обычно ассоциировался с подъёмом и одеванием короля и был наиболее развит Людовиком XIV в Версале, где церемониал монархии был разработан полнее всего. У Гизов этот ритуал служил средством для младших братьев выразить своё уважение и покорность старшим... Когда братья находились при дворе, четверо младших вставали раньше и присутствовали при *lever* кардинала Карла, после чего все они посещали Франсуа и прислуживали ему. Таким образом, когда Гизы отправлялись на встречу к королю, являлись они группой» (с. 58).

У семейного единства есть и ещё одно, более простое, объяснение. Концепция «все за одного» насаждалась не только дисциплиной. Поскольку Гизы выросли в строгой, но любящей атмосфере Жуанвиля, они просто любили друг друга. Семья собиралась вместе так часто, как это позволяли государственные дела. Так, в 1549 г. герцог и герцогиня де Гизы, их шесть сыновей, невестки и маленький герцог де Лонгвиль собрались в Реймсе на Пасху.

Два старших брата дополняли друг друга идеально. Их даже сравнивали с Кастором и Поллуксом[28]. Франсуа был прежде всего солдатом, что ценил в нём Генрих II, который даже по меркам французских королей выделялся своим увлечением воинскими искусствами. При нём двор стал давать турниры в таком масштабе, каких не видели с XIV в. Гиз играл в них одну из первых ролей и часто сражался бок о бок с племянником коннетабля Гаспаром де Колиньи (1519–1572). Доблесть и мужество Гиза уже вошли в легенду. Биться он имел обыкновение с поднятым забралом. В нападении на Булонь в 1545 г. Франсуа был ранен английским копьём, которое воткнулось выше правого глаза и вышло сзади уха. Величайший хирург той эпохи Амбруаз Паре[29] вытащил наконечник, но прогноз оставался неблагоприятным, и в чудесном выздоровлении Франсуа увидели очередное проявление особой божьей милости к Гизам. Он получил прозвище *le Balafré* «Меченый». Герцог не выражал гнева на людях, а по отношению к врагам демонстрировал умеренность. Любил лагерную жизнь, помнил имена простых воинов и запросто общался с ними. Именно среди них герцог был счастливее всего.

Впрочем, брак Франсуа с Анной д'Эсте (1531–1607) в 1548 г. был блестящим. Жена получила приданого в 150 тыс. ливров (с. 61). По женской линии она была внучкой короля Людовика XII (правил в 1498–1515). Этот брак ввёл Гиза в

[27] Подниматься, вставать (здесь — с постели) (*фр.*).

[28] Персонажи древнегреческой мифологии, Диоскуры, сыновья-близнецы Зевса и Леды. Поллукс — латинизированное имя Полидевка. В их честь названо зодиакальное созвездие Близнецов.

[29] Амбруаз Паре (1509/10–1590) — французский врач, личный хирург поздних королей Валуа. Считается основателем современной медицины.

сеть французских союзов в Италии. Центром сети был двор отца Анны Эрколя II д'Эсте[30] в Ферраре. Будучи одним из самых пышных дворов Европы, он оказывал глубокое влияние на французские вкусы. Воспитание Анны было для итальянской принцессы необычным. Её мать Рене Французская активно поддерживала протестантское дело, что в конце концов заставило её вернуться на родину. Анна была хорошо образованна, прилично знала латынь и немного — греческий. Как её младшие братья и сёстры, воспитана она была протестанткой, но Гизов, похоже, это не пугало. Напротив, учитывая свои политические интересы в Шотландии, Англии и империи, они могли считать это плюсом. Что необычно для женщины, в библиотеке Анны было больше книг по истории, чем по религии, и за Геродотом, Макиавелли и Фруассаром[31] она чувствовала себя комфортнее, чем за часословами. Выйдя замуж, Анна установила хорошие отношения с Дианой де Пуатье, Екатериной де Медичи и многими итальянцами в окружении королевы. Брак был счастливым: в 1549 г. родился первенец Генрих, а впоследствии ещё пятеро детей.

Характер кардинала Лотарингского Карла был сложнее. Он был высокообразован, его память и красноречие вошли в поговорку. Когда в 1550 г. умер его дядя Жан, Карл унаследовал созданную им церковную империю. Она включала некоторые из наиболее богатых и престижных монастырей Европы, такие как Клюни и Мармутье. Кардинал хорошо говорил по-гречески (на языке, который в Сорбонне подозревали в связи с ересью), на латыни, по-испански и по-итальянски. Опираясь на сеть платных информаторов, он был хорошо осведомлён об иностранных делах. Правая рука Кальвина Теодор Беза[32], как говорили, заметил: если бы у него «было столько элегантности, сколько у кардинала Лотарингского, он надеялся бы обратить половину населения Франции» (с. 63). В отличие от большинства коллег-прелатов, Карл регулярно и с удовольствием проповедовал. Вместе с тем он оставался для современников загадкой. В сравнении с братом кардинал терял: если солдат по своей природе должен быть открытым, качества дипломата, придворного и финансиста — совсем иные. В непоследовательности и двусмысленности Карла современники усматривали лицемерие, и основания на то есть. С одной стороны, кардинал был суров, по пятницам и субботам постился, порой носил власяницу, презирал охоту. С другой стороны, было в нём что-то и от эпикурейца. Так, в начале 1550-х годов он заказал для своего дома 120 изысканных изделий, включая люстры и столовую посуду (с. 64).

С властью пришло высокомерие. К своему высокому положению чувствительно относились все князья церкви, но у Карла осознание своего статуса было столь острым, что отталкивало от него даже равных по сану. Это тщеславие проявля-

[30] Эрколь II д'Эсте (правил в 1534–1559) — герцог Феррары, Модены и Реджо. Был миролюбив, покровительствовал искусствам.

[31] Геродот (ок. 484 – ок. 425 гг. до н.э.) — первый древнегреческий историк, автор первого исторического труда «История». Никколо Макиавелли (1469–1527) — флорентийский философ, писатель и чиновник, автор известного трактата «Государь». Жан Фруассар (ок. 1337 – после 1404) — крупнейший французский летописец Средневековья, автор «Хроник» о первой половине англо-французской Столетней войны.

[32] Теодор Беза (1519–1605) — швейцарский гуманист и богослов, преемник Кальвина во главе Женевской академии.

лось в мстительности по отношению к тем, кто осмеливался бросать кардиналу вызов или, по его мнению, предал его. Кардинал не только делил с матерью бремя управления семейными финансами, но и оберегал интересы своей сестры Марии во Франции. Кроме того, он занимался вопросами образования младших братьев, племянниц и племянников.

Несмотря на различия в характере, Франсуа и Карл испытывали чувство долга перед королём и сознавали совместную миссию в продвижении интересов семьи. В 1550-е гг. у семейной и королевской политики был общий враг — Габсбурги. Однако чувство долга не означало, что у Гизов не было трений с короной или другими семьями. Так, в ходе визита короля в Савойю в 1548 г. Франсуа взял верх над новым главой дома Бурбонов Антуаном[33], добившись права идти рядом с ним, непосредственно за королём.

В 1552 г. холодная война Генриха II с Карлом V переросла в горячую. Гуманисты в Германии и Франции надеялись на возрождение идеалов Священной Римской империи, в которой французский король выступил бы примирителем принцев и защитником немецких свобод. Коннетабль Монморанси продолжал успешную политику скрытых операций против империи. За договором с Англией последовало возобновление дружбы с Османской империей. Также французы отказались принять участие в Тридентском соборе, так как папа Юлий III[34] был настроен проимперски. Генрих II увидел в этом угрозу самостоятельности галликанской церкви и пригрозил созвать национальный собор и даже назначить кардинала де Бурбона[35] патриархом Франции. Он велел прекратить выплачивать папские доходы и отправил армию поддержать герцога Пармского в его споре с папой. Юлий III был вынужден капитулировать: закрыл Тридентский собор и отозвал войска из Пармы.

Новый фронт открывался в Германии. У Карла V вновь затеплилась надежда объединить католиков и протестантов империи и проводить традиционную бургундскую политику контроля над Лотарингией. Валуа же рассчитывали выдвинуть претензии на имперскую корону. К тому же Генриху II импонировала идея франконемецкой империи на древних меровингских землях Австразии[36]; во французской пропаганде его выставляли новым Карлом Великим. При дворе были две семьи, земли которых в империи захватил Карл V и которые подпитывали мечты Генриха о владениях между Мозелем и Рейном, — де ла Марки и Гизы. Когда имперские войска заняли важную крепость на западном берегу Мозеля, угроза оккупации герцогства Лотарингии стала реальной. Французы ответили подготовкой к захвату имперского свободного города Меца, который был стратегическим ключом к региону.

Кампания 1552 г. стала одной из самых успешных в военной истории Франции, а Гизы сыграли в ней важную роль. Франция собрала 70-тысячную армию — наи-

---

[33] Антуан де Бурбон (1518–1562) — герцог де Вандом и король Наварры, отец короля Франции Генриха IV.

[34] Юлий III (1487–1555) — папа римский в 1550–1555 гг., в миру Джованни Мария Чокки дель Монте.

[35] Карл I де Бурбон (1523–1590) — кардинал де Вандом, архиепископ Руанский, один из важных деятелей французских религиозных войн.

[36] Меровинги — первая династия франкских королей (ок. 481–751). Австразия — историческая область, северо-восточная часть Франкского королевства Меровингов (территория востока Франции, Бельгии, юга Нидерландов и запада Германии).

более хорошо подготовленную французскую армию XVI в.; таких армий у страны не будет вплоть до эпохи Ришелье[37] (с. 70). Чтобы помочь оплатить эту армию, Гизы и другие магнаты расплавили своё столовое серебро. Кампания была молниеносной, и уже в апреле Монморанси вступил в Мец, а командиром гарнизона здесь был назначен 33-летний герцог Франсуа. Правда, в октябре Мец осадила 80-тысячная армия Карла V под командованием испанского военачальника герцога Альбы[38]. Франсуа организовал оборону города, мобилизовал жителей на фортификационные работы, но смягчал их недовольство личным примером: в любое время суток появлялся на передовой, сам брал в руки лопату. Хотя его брат Клод, герцог д'Омаль, был ранен и попал в плен, осада затянулась и 1 января 1553 г. Карл был вынужден снять её и, деморализованный, уехал в Брюссель, бросив множество больных и раненых. Отступлением из-под Меца император оставил надежду на воссоздание Бургундской династической империи, подобно тому, как планы его прадеда разрушил дед Гиза в 1477 г.

В Париже король публично поцеловал герцога и назвал братом. Франсуа показал себя крупным лидером и организатором. Хвалили его и за милосердие к имперским солдатам. Однако успех породил зависть со стороны коннетабля. Так были посеяны семена ненависти между домами Гизов и Монморанси, которая будет доминировать во французской политике десяток лет. Не будучи принцем, коннетабль, однако, был коренным французом, тогда как Гизы, чувствуя своё превосходство над человеком, отец которого был лишь бароном, болезненно воспринимали колкости насчёт своего иностранного происхождения. Одной из целей браков Марии Стюарт и герцога Лотарингского с детьми короля было покончить со сплетнями.

Потерпев провал под Мецем, Карл V перенёс боевые действия на французскую территорию: в июне 1553 г. его армия взяла городок Теруанн. Для французов это стало шоком, и король, как говорили, возложил вину на Монморанси. Осторожность коннетабля в военных действиях контрастировала с активностью его соперника. Рушилась и внешняя политика Монморанси. Болезнь Эдуарда VI Английского поставила под угрозу франко-британский проект. Император ставил на свою двоюродную сестру Марию Тюдор[39], а французы — на протестантскую кандидатку леди Джейн Грей[40]. Когда в июле королевой стала Мария, французы были разочарованы. Ещё хуже была весть о помолвке Марии с испанским принцем Филиппом и перспектива того, что их первый сын к бургундским территориям Нидерландов и Франш-Конте добавит Англию. От этой вести Генрих II в беседе с английским послом буквально потерял дар речи.

Между тем весной 1554 г. Монморанси контратаковал имперцев в Артуа, Эно и Люксембурге. Возникла позиционная война, к которой французские аристократы

---

[37] Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585–1642) — французский церковный и государственный деятель, кардинал, первый министр при Людовике XIII.

[38] Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба (1507–1582) — выдающийся испанский полководец, позднее наместник Нидерландов и завоеватель Португалии.

[39] Мария I (1516–1558) — королева Англии и Ирландии в 1553–1558 гг. (династия Тюдоров), с которой связана попытка английских католиков отвоевать утрачиваемые в стране позиции.

[40] Джейн Грей (1537–1554) — королева Англии и Ирландии в течение девяти дней в 1553 г., двоюродная племянница предыдущего короля Эдуарда VI. Вскоре после воцарения Марии Тюдор была казнена.

не привыкли; их моральный дух вновь поднял Гиз, одержав с помощью уловки неожиданную победу. Затем они с коннетаблем поспорили о том, кому принадлежит честь победы, и их дружба рухнула.

Другим успехом французов стал захват Корсики, в котором участвовали два младших брата Гиза — великий приор Франсуа и Рене д'Эльбёф. Последний получил в награду пост командующего средиземноморским галерным флотом Франции. Гизы были заинтересованы в продолжении войны, тогда как коннетабль не видел в этом выгоды. Начались переговоры, которые, правда, не привели к определённым результатам. Однако вскоре Карл V отрёкся от престола и его титулы были поделены между его братом Фердинандом и сыном Филиппом. Это ослабило опасения французов, что Филипп намерен стать всемирным императором. Прорыв был осуществлён благодаря деликатной дипломатии Колиньи, который переживал стремительный подъём: в 1551 г. был назначен наместником Парижа и Иль-де-Франс, а год спустя — адмиралом Франции. Эта должность имела мало отношения к военно-морским делам, но по престижу уступала лишь должности коннетабля. Назначенный также наместником пограничной Пикардии в 1555 г., Колиньи добился принятия королём в г. Восель пятилетнего перемирия. Планы Гизов оказались под угрозой. Пока Колиньи вёл на севере переговоры о мире, кардинал Лотарингский был отправлен в Рим договориться о тайном союзе с антииспански настроенным папой Павлом IV[41].

В обмен на французскую поддержку папа согласился передать Неаполь и Милан младшим сыновьям Генриха II. Как только он ввязался в действия против империи, Гизы стали давить на короля, чтобы тот выполнил свою часть обязательств. В 1556 г. король отправил в Италию небольшую, но закалённую в боях армию под командованием герцога Феррары. Однако кардинал не подготовил брата к действиям в лабиринте итальянской политики. Гиз стремился разбить врага в быстром бою, но его опытный противник герцог Альба избрал войну на истощение. 10 августа испанцы наголову разбили французов при Сен-Кантене. Это было поражение хуже Павии, так как последняя хотя бы вошла в анналы рыцарства. Здесь же французская армия потеряла 56 из 57 знамён и не менее 2,5 тыс. убитых (с. 79). Поражение деморализовало Генриха II и стало началом падения Монморанси, который к тому же попал в плен. Герцог де Гиз был спешно отозван из Италии, чтобы защищать Францию.

Чтобы восстановить честь Франции, Генрих задумал напасть на Кале. Эта кампания показала, как братья Гизы работают в команде, не оставив ничего на волю случая. Англичане были застигнуты врасплох, и в январе 1558 г. их командующий лорд Уэнтуорт запросил мира. Падение Кале потрясло Европу дерзостью нападавших и вызовом, который они бросили традиционным способам ведения войны.

За оказанные услуги Гизы ждали от короля награды — выполнения обещания женить дофина Франсуа на Марии Стюарт. Монморанси, находясь в плену, пытался не дать этому хода, но Кале всё изменило. Пятнадцатилетняя Мария получила такое же гуманистическое образование, как её будущий муж. За два года до свадьбы она произнесла речь в защиту права женщин на учёбу. Франсуа, правда, проявлял инте-

[41] Павел IV (1476–1559) — папа римский в 1555–1559 гг., в миру Джанпьетро Карафа.

рес лишь к охоте. Его физическое и умственное развитие остановилось в подростковом возрасте. Был сыгран пышная свадьба. Вскоре Генрих издал закон, даровавший французское подданство всем шотландцам. Это был первый шаг к включению Шотландии в «имперскую» монархию по образцу Римской империи.

«Различие между властью короля и Гизов в этот период стало размытым. Тогдашние оценки доходов Гизов примерно в 600 тыс. ливров в год почти наверняка занижены. Этот показатель можно поместить в исторический контекст, сравнив с годовым доходом Елизаветы I: в первое десятилетие её правления он составлял примерно 200 тыс. ф. ст. Поскольку английский фунт, как обычно считалось, по стоимости превышал французский в 10 с небольшим раз, доход Гизов составлял более 25% дохода английской короны. Однако думать так значило бы серьёзно недооценивать охват их власти, поскольку король Франции обладал полномочиями патронажа, которых не было ни у кого, кроме Габсбургов. А в отсутствие Монморанси Гизы подошли к полному контролю над этим патронажем: герцог отвечал за военные посты, а кардинал — за гражданские. Церковные назначения он и так контролировал» (с. 84–85).

На долю кардинала Карла приходилась половина дохода семьи. Унаследовав часть епархий дяди, он преодолел сопротивление коннетабля. За свою карьеру Карл был настоятелем примерно 24 аббатств (с. 85). Главным призом в его коллекции было Сен-Дени — духовный дом французских королей и богатейший монастырь страны. Аббаты и епископы были сами по себе важными господами. Например, в роли аббата городка Фекамп на берегу Ла-Манша кардинал имел право назначать капитана этого порта.

Масштаб домохозяйства демонстрировал величие вельможи. Герцог Франсуа в 1561 г. содержал 164 человека, кардинал Карл — 129 (с. 86). От других патронов Гизов отличало то, что развитая ими клановая ментальность копировалась их слугами. Домохозяйства братьев Гизов дополняли друг друга, и разные члены одних и тех же семей выполняли разные роли. Корпоративная идентичность подкреплялась браками между семьями клиентелы. Пример копирования клановой ментальности Гизов — выгодная женитьба младшего из братьев Рене в 1555 г. на сонаследнице одного из крупнейших наследств XVI в. Луизе де Риё (ок. 1531 – ок. 1570). Чтобы поддержать новый статус Рене, Генрих II повысил его баронство Эльбёф до маркизата, а приданым стало графство Аркур в Нормандии. Это было частью сознательной стратегии Гизов контролировать провинцию, ключевую для функционирования франко-британской империи. Рене получал от Карла пенсию в 2 тыс. ливров в год, а взамен выказывал послушание по отношению к братьям и матери в вопросах политики и назначения людей в домохозяйство и роту жандармов (с. 88). Антуанетта заполняла эти должности клиентами семьи, многие из которых были таковыми в течение нескольких поколений. Непрерывность службы и лояльность семье содействовала выработке чувства групповой солидарности.

В 1550-е гг. произошли драматичные изменения не только в политическом и религиозном ландшафте Европы. Имел место фундаментальный сдвиг в политике Гизов во Франции. Прежде семья довольствовалась землями на севере и востоке королевства, должностями провинциальных наместников и военачальников. Теперь же щедрость Генриха II и церковные доходы дали Гизам возможность купить земли и

замки в окрестностях Парижа. В самой столице они приобрели два особняка, которые объединили в крупный дворец, занимавший 2 га в Марэ — самом фешенебельном районе правого берега Сены.

И всё же, даже несмотря на то, что Монморанси находился в плену, он и его семья продолжали в конце 1550-х гг. преобладать на постах при дворе и в армии, а Гизы преобладали только в церкви. Их дальнейшее продвижение было маловероятным, так как Монморанси собирался передать свои должности сыновьям.

Едва франко-британская империя была основана, в ней обозначились трещины из-за высоких налоговых требований короля и нарушения торговли. Близ Руана — центра новой империи — крестьяне бежали из домов, будучи не в состоянии платить непрерывно повышаемые налоги. На море французы не могли конкурировать с объединённым испанским флотом. Однако покончила с мечтами о франко-британской империи религия. В последние годы правления Франциска I и первые — Генриха II протестантизм сурово преследовали. Однако к середине 1550-х гг. охота на еретиков стала стихать. Одной из причин была их растущая численность, организация и уверенность в своих силах. К 1562 г. протестантских конгрегаций во Франции насчитывалось более тысячи, а общее количество их членов составляло 1,5–2 млн. чел. (с. 92). Другой причиной были католики-эразмианцы, особенно в среде гражданского и судебного чиновничества: они ужасались практике сожжения людей за веру и в расколе винили католическую церковь.

Летом 1557 г. двор ошеломила попытка покушения на Генриха II. Её предпринял респектабельный канцелярский клерк Кабош, двух братьев которого судили за оскорбления в адрес церкви. Психология кальвинизма, коренившаяся в библейском фундаментализме, придала новому религиозному движению огромную силу и смелость. Убийство безбожников религиозными фанатиками, как католиками, так и протестантами, станет характерной чертой французских религиозных войн, отличая их от более поздних религиозных конфликтов в Англии и Германии. Традиционная политика во Франции, основанная на борьбе соперничающих фракций, уступит место новой политике, которую сформируют конфликтующие религиозные идеологии.

Покушение на короля не удалось, но численность прихожан протестантской церкви в Париже и её растущую смелость нельзя было игнорировать. Многие католики в катастрофе под Сен-Кантеном видели свидетельство божьего гнева на распространение в стране ереси. В ходе собрания протестантов в доме на улице Сен-Жак 4 сентября 1557 г. были арестованы 130 человек (с. 93). Католическая общественность требовала сурово наказать их. Кальвин просил лютеранина герцога Вюртембергского вступиться за заключённых и жаловался, что вся власть во Франции передана кардиналу Лотарингскому, «который только и требует, чтобы всех их уничтожили» (с. 93). В том году кардинал Карл был назначен инквизитором веры во Франции. Однако Кальвин ошибался: целью создания этой должности было лишь избежать прямого участия короля в репрессиях. Позднее, когда будут написаны первые протестантские истории, роль кардинала будет вплетена в историю сопротивления преследованиям и составит важную часть «чёрной легенды» Гизов.

Провал инквизиции во Франции имел причиной не только отсутствие воли и стремление защитить свободы. Иные католики даже обвиняли Гизов в попусти-

тельстве еретикам, и не только в Шотландии. Так, радикальный католический священник Клод Атон[42] писал в дневнике, что в период преобладания Гизов при дворе «они были известны тем, что принадлежали к партии еретиков» (с. 93). В самом деле, многие магистраты смотрели на собрания протестантов сквозь пальцы, а арест на улице Сен-Жак был делом рук заместителя парижского прево Жака Менье. Как многие парижские чиновники, он был креатурой Монморанси и лютым врагом Гизов.

Вообще утверждать, будто Гизы были «за» или «против» ереси, значило бы переоценивать в их соображениях роль религии. В период войны и кризиса она не была так важна. Например, когда сестра кардинала аббатиса Фармутье пожаловалась ему, что их собственные земли в Сомюре так заражены ересью, что стали второй Женевой, кардинал не предпринял ничего.

Проблемой для властей Парижа в случае с улицей Сен-Жак было то, что многие арестованные были знатного происхождения; они не вписывались в стереотип ереси как убежища мятежной черни. Судьи парламента высказались за компромисс, казнив восемь подозреваемых, в том числе всего одного дворянина. К тому же понимали, что массовые казни протестантов навредят репутации Франции за рубежом. После поражения под Сен-Кантеном братья Гизы обхаживали немецких протестантских князей, рассчитывая на их военную помощь. Вот почему герцог Франсуа заверил своего старого товарища герцога Вюртембергского, что казнённые не были лютеранами, а просто отрицали чудо мессы. Показателен контраст между подходом к этой проблеме кардинала Лотарингского и английского кардинала Поула[43] — другого эразмианца, который столкнулся со схизмой и войной. В 1555–1558 гг. Поул отправил на казнь более 300 человек, при том что население Англии значительно уступало населению Франции (с. 95). Умеренность Гизов была мотивирована политически.

В начале 1558 г. движение Реформации во Франции запланировало серию демонстраций силы. В Великий пост к протестантским идеям неожиданно проявил интерес король Наварры Антуан: он опасался установления всеобщего мира, потому что хотел вернуть себе занятое испанцами королевство.

Генрих II был разгневан собраниями протестантов, но Гизы были слишком заняты, чтобы заниматься расследованием непосредственно. Королю не нравилась полная зависимость от них, и он начал уставать от их высокомерия. Королю не хватало Монморанси, и в мае он отправил кардинала на переговоры о его возвращении. Между тем представитель Филиппа II кардинал Гранвель коварно сообщил коллеге, что переписка адмирала Колиньи и его младшего брата Андело[44] доказывает их приверженность протестантизму. Кардинал Карл поспешил обратно в Париж, чтобы забить ещё один гвоздь в политический гроб Монморанси. Генрих бросил Андело в тюрьму, но тот обязался посещать мессу и был освобождён. По иронии,

[42] Клод Атон (ок. 1534 – ок. 1605) — французский проповедник, автор «Мемуаров», где описал религиозные войны в провинциях Шампань и Бри.

[43] Реджиналд Поул (1500–1558) — английский кардинал, последний католический архиепископ Кентерберийский; при Марии I возглавил в Англии Контрреформацию.

[44] Франсуа де Колиньи д'Андело (1521–1569) — один из предводителей протестантов во время религиозных войн во Франции.

однако, главной надеждой протестантов оставались Гизы, так как в случае мира и Валуа и Габсбурги смогли бы бросить все силы на войну с ересью. Однако ещё до вести о неудаче французов при Гравлине терпение короля в отношении Гизов лопнуло. Важным фактором была потеря ими поддержки Дианы де Пуатье, которой не нравилось, что они вышли из её тени.

В октябре 1558 г. Генрих объявил, что решил заключить мир, а потому готов отказаться от итальянских территорий. Герцог Франсуа был в ярости: за день до того король поклялся, что никогда не уступит Пьемонта. В декабре ко двору вернулся выкупленный из плена Монморанси, и в тот же вечер кардинал по своей инициативе вернул королю кольцо с печатью. Когда король спросил, почему он и его брат больше не посещают совет, кардинал отвечал, что не хочет «сойти за лакея Монморанси» (с. 98). Колесо фортуны вновь завертелось: пожалованные Гизами пенсии и должности были отменены, а племянники Монморанси восстановлены на командных должностях.

«Договор в Като-Камбрези, подписанный 2 апреля (1559 г. — *К. Ф.*) между Францией и Англией, а на следующий день — между Францией и Испанией, был одним из самых противоречивых в истории Европы. Он создал юридические и политические рамки западноевропейских дел и положил начало почти столетию испанского преобладания на континенте. Французы оставили Италию, но сохранили Кале и три епископства — Мец, Туль и Верден. Особенно возмущены тем, что они считали бесчестным миром, были ветераны итальянских кампаний… Гиз стал выразителем их недовольства. Принцы тоже чувствовали, что их продали. Ни король Наварры, ни герцог де Буйон не получили компенсации за потерю своих земель по договору. Герцог де Лонгвиль не получил финансовой помощи в счёт своего разорительного выкупа, вероятно, потому, что был членом фракции Гизов (23 января он был помолвлен со старшей дочерью герцога де Гиза). Гиз дал понять, что мир оскорбил его честь, и многие при дворе ему сочувствовали. Он стал центром притяжения недовольных олигархическим (*partisan*) правлением человека, которого чванливо называли “маленьким бароном из Иль-де-Франс”» (с. 98).

Однако по весомым династическим причинам Генрих II не мог допустить слишком глубокой опалы Гизов. Решив компенсировать потери в Италии, король понимал, что поддержка идеи франко-британской империи для его репутации — ключевая. Английский посол был возмущён, узнав, что наследник престола и его жена Мария Стюарт величают себя дофинами Шотландии, Англии и Франции. После того как в мае 1559 г. в Шотландии поднялись иконоборцы, что означало восстание против Марии де Гиз, Генрих писал папе, что намерен послать туда армию.

Мир с Испанией отпраздновали в Париже в июле 1559 г. пышным турниром. В ходе этого турнира король неожиданно погиб от копья графа Монтгомери.

«Смерть Генриха II обычно рассматривают как конец эпохи, когда слава и сильная власть в одночасье сменились сеющим раздор и хаос правлением Гизов. Вступление на трон его сына Франциска II[45] — начальная точка чёрной легенды о его дядьях Гизах. Согласно этой легенде, их подъём на вершину власти был результатом макиавеллистского заговора с целью связать руки принцам крови, в ходе кото-

[45] Франциск II (1544–1560) — король Франции в 1559–1560 гг., король-консорт Шотландии в 1558–1560 гг., старший сын Генриха II и Екатерины де Медичи (династия Валуа).

рого Гизы вели себя как кровожадные тираны… Однако… два царствования характеризуются преемственностью. Отец и сын сталкивались с одними и теми же проблемами, и вначале Гизы, вполне понимая свои хрупкие позиции у власти, продолжали политику прежнего короля. Новым был уровень сопротивления: те, кто при Генрихе мог лишь бормотать под нос, теперь были расположены говорить открыто. Многие протестантские лидеры радовались смерти Генриха: на их молитвы ответили, божье правосудие избавило их от короля. Однако не следует смотреть на события исключительно глазами протестантов… целью их отчётов было выставить Гизов козлами отпущения и взвалить на их плечи вину за погружение Франции в гражданскую войну и хаос» (с. 100).

Интриги развернулись уже у смертного одра короля. Екатерина де Медичи, которой муж пренебрегал, не пустила в спальню умиравшего Диану де Пуатье. Когда король лежал без сознания, не пускала она и Монморанси, которого тоже не любила. Если другие при Генрихе игнорировали унижения Екатерины, Гизы всегда выказывали ей уважение. К тому же они во многом разделяли её взгляды, отдавая приоритет завоеванию Италии, а не религиозным преследованиям. Екатерина предложила Гизам поддержку в обмен на изгнание Дианы. К тому же она нуждалась в них как в противовесе претензиям на регентство первого принца крови Антуана Наваррского.

Один из многих мифов о новом режиме — то, что он осуществил нововведения, сделавшие его весьма непопулярным. На деле повторения дворцового переворота, который случился при воцарении Генриха II, не было; напротив, Гизы хотели повернуть время обратно в 1557–1558 гг. Доминирующей фигурой в партнёрстве братьев был 34-летний кардинал. Он взял на себя ответственность за дипломатию, финансы и управление гражданскими и религиозными делами, а Франсуа получил контроль над армией. Монморанси был вынужден удалиться в свой замок в Шантийи и подать в отставку с поста великого магистра, который перешёл к давно домогавшемуся его Франсуа. Вместе с тем Гизы не стали загонять коннетабля в оппозицию, поэтому его сыновья и племянники сохранили свои должности.

Монморанси подбивал главу дома Бурбонов короля Наваррского претендовать на роль в правительстве. В июле представители двух кланов встретились в Вандоме. Гизы строили отношения с принцами крови искусно и деликатно. Антуан завязал дружбу с братьями, а герцог обещал добавить к его наместничеству Гаскони область Пуату. Лояльность его брата принца Конде[46] обеспечили подарком в 70 тыс. ливров и обещанием наместничества Пикардии (с. 102). Ко времени коронации Франциска II 18 сентября 1559 г. в Реймсе кардинал Карл удовлетворённо писал, что большего спокойствия в стране представить невозможно. Однако то было затишье перед бурей.

Мир с Испанией сулил Франции выгоду. У неё не было ресурсов мировой империи, и войну она оплачивала земельным налогом и займами на международном денежном рынке. Корона была банкротом, а мир обошёлся недёшево. Поэтому председатель Счётной палаты и главный финансовый советник кардинала Мишель

[46] Луи I де Бурбон, принц де Конде (1530–1569) — основатель рода принцев Конде, младшей ветви династии Бурбонов. Глава протестантского лагеря в 1560-е годы.

де л'Опиталь[47] предложил радикальные финансовые реформы с повышением налогов и сокращением расходов. Кстати, сам кардинал платить новые налоги был не должен: его многочисленные бенефиции освобождались от этого королевским указом. В ноябре 1559 г. он провёл фискальные реформы и пересмотрел выплаты по займам прежнего режима. Это ударило по карману королевских чиновников — кредиторов государства. Банкиры потеряли доверие к правительству и отказывались ссужать его деньгами. Другой чувствительной реформой стало возвращение в казну коронных земель. Генрих II щедро раздавал фаворитам территории королевского домена, что вредило его доходам и к тому же было незаконным. Однако методы возвращения этих пожалований отличались пристрастностью. В то время как коннетабля пожалования лишили, собственность герцога де Гиза на королевские земли в Сомюре, Провене и Дурдане была подтверждена. Сокращение расходов и отмена пожалований оттолкнули от правительства заинтересованных лиц.

Была сокращена армия. Однако отмена обещаний военных назначений, сделанных прежним режимом, и неспособность нового режима погасить задолженность по жалованью привела к росту недовольных и здесь. Они бросились ко двору в поисках управы, но их прогнали, пригрозив смертью. Такое обращение с ветеранами неприятно поразило даже сторонников Гизов.

«Сегодня историки пытаются объяснять религиозные изменения социально-экономическими факторами. Современники были менее сдержанны. Они воспринимали проблемы, с которыми сталкивались, — политические, социальные или экономические, — а также их решения сквозь призму морали. Идея благочестивой Реформации, которая возвращала мир к первоначальному состоянию, наделяла все виды недовольства новым значением» (с. 104–105). Когда Гизы обратились к своему родственнику герцогу Феррары за денежной помощью и взамен освободили его земли в Нижней Нормандии от возвращения в домен, местные протестанты в 1560 г. убили сборщика налогов и королевского администратора, а через два года — главного агента феррарцев в регионе. Протестанты были не только хорошо организованы и вооружены; на действия против итальянцев их толкнуло острое чувство моральной правоты.

Религиозное восстание бросило вызов политическому статус-кво и в Шотландии. Гизы оказали Марии военную помощь, но их дальнейшая поддержка зависела от позиции Англии. В 1560 г. в Лондон обеспечить английский нейтралитет был отправлен новый посол Мишель де Сёр[48]. Однако его миссия провалилась из-за высокомерия его господ. Если в большинстве сфер внутренней политики Гизы вели себя осторожно, честь и репутация требовали от них гордо демонстрировать свои династические права. Хотя новой королеве Англии Елизавете не нравилась идея поддержать мятежников, её возмутило, что отправленный в Шотландию маркиз Эльбёф был объявлен наместником французского короля в Шотландии, Англии и Ирландии. В том же году английские корабли блокировали шотландский порт Лит, и с

[47] Мишель де л'Опиталь (между 1503 и 1507 – 1573) — французский рекетмейстер (докладчик просьб и жалоб), суперинтендант финансов, канцлер, латиноязычный поэт; поначалу клиент Гизов.

[48] Мишель де Сёр (1523? – 1593) — французский придворный и дипломат, посол в Португалии, затем в Англии, дважды великий магистр ордена св. Лазаря Иерусалимского.

лордами конгрегации[49] был заключён союз. Елизавета была объявлена защитницей свобод Шотландии и протестантской веры от иностранной тирании.

«Самое серьёзное обвинение против Гизов, причём такое, которое стало живучим образом их легенды, состоит в том, что они проводили последовательный курс на кровавые репрессии против протестантизма и осуществили их. Согласно этому прочтению событий, резня Варфоломеевской ночи и в Васси коренилась в политике, выработанной в правление Франциска II, а её генезис можно, в свою очередь, проследить даже к более раннему времени, к избиению крестьян Эльзаса в 1525 г. В десятилетия позднее, когда Гизы хотели позиционировать себя как поборников католицизма, они не были расположены опровергать это обвинение; напротив, они культивировали такой образ. Однако в эпоху до гражданской войны и формирования религиозных партий отношение Гизов к ереси было сложным и более экспериментальным, чем и они и их оппоненты были готовы признать позднее» (с. 107).

Как сказано выше, соглашение Генриха II с Филиппом II сделать борьбу с ересью приоритетом нового европейского порядка не отвечало интересам Гизов. Многие во Франции и за её пределами, включая папу Павла IV, критиковали кардинала Лотарингского за слишком мягкое отношение к ереси. Отчасти причиной были эразмианские взгляды самого кардинала, считавшего, что, если еретики не совершают преступлений, с ними лучше бороться на духовном фронте. Как его дядя Жан, Карл не позволял личному мнению влиять на политические действия. Всё говорит о том, что война с ересью была инициативой Генриха II. Неслучайно кардинал не присутствовал 2 июня 1559 г. в замке Монморанси в Экуане, где был подписан новый, более жёсткий, закон против ереси. Коннетабль не мог не знать, что его племянники по меньшей мере симпатизируют протестантизму. Однако утверждать, что руководители борьбы с ересью были лицемерами, — значит плохо понимать её цель. Никто всерьёз не ожидал, что мишенью этой борьбы будут члены элиты. Пока аристократы соблюдали внешние приличия, то, что они делали в частных часовнях, публики не касалось; таким был урок, извлечённый из реабилитации Анделo. Именно это различие между публичным конформизмом и частной верой крылось за хорошими отношениями Гизов с кальвинистскими князьями. Так, в январе 1559 г. герцог де Гиз совершил помолвку своей дочери Екатерины с герцогом де Лонгвилем; если переписка последнего с Кальвином была тайной, то переписка с Кальвином его матери, ревностной протестантки Жаклин де Роган, — нет. Гизы были рады принимать у себя протестантов, и их ещё не считали врагами Реформации. Многие в ту пору всерьёз надеялись, что единство христианского мира вскоре будет восстановлено при помощи Вселенского собора.

Мишенью войны с ересью были «бунтовщики». В XVI в. ересь и бунт были синонимами, а, подобно другим членам элиты, Гизы считали, что бунтовщики по своей природе принадлежат к низшим слоям. Поэтому им было трудно воспринимать князей еретиками. Война с ересью имела отношение к восстановлению социально-политического порядка. Хотя идеологи французского протестантизма призывали к пассивной покорности существующей власти, действия их последователей часто расходились с их призывами. В гражданских войнах 1560-х гг. гробницы и изо-

[49] Группа шотландской протестантской знати, которая выступала за реформу церкви и союз с Англией.

бражения французских королей стали объектом систематического иконоборческого разрушения. Угроза принятым понятиям родства и иерархии была очевидна в шокирующей практике, согласно которой избранные считали себя равными в глазах бога и называли друг друга «братьями» и «сёстрами». В латинской мартирологии Джона Фокса[50], которую в 1561 г. перевели на французский, подчёркивалось, что бог для своей вящей славы использует самых ничтожных людей. Эти идеи быстро распространились в низших слоях общества. Когда в 1562 г. королевского адвоката сенешальского суда Арманьяка — Жана дю Вердье — призвали сдаться именем короля, тот ответил: «Какого короля? Это мы короли, а тот, о ком вы говорите, — мелкий мерзкий королёк; мы его выпорем и заставим работать, чтобы научить его зарабатывать на жизнь, как другие» (с. 110).

Не все католики считали, что ересь и бунт — одно и то же. Многие магистраты не хотели или не могли следить за выполнением законодательства. Поэтому Экуанский указ предполагал отправку в каждую провинцию специальных комиссаров. Особенно власть заботила вялость высшего суда королевства — парижского парламента. Большинство его членов выступали против проектов инквизиции, опасаясь засилья церкви. Единство суда было нарушено существованием в нём протестантской ячейки и поляризацией мнения между умеренными и крайними католиками. Заседание парламента 10 июня 1559 г. стало одним из самых драматичных в его истории. Генрих II в сопровождении охраны, кардиналов, коннетабля и герцога де Гиза прервал работу суда и выразил неудовольствие ходом преследования ереси и свою решимость искоренить её. Двое советников совершили смелые нападки на короля, причём один из них, Луи дю Фор, бросил ему в лицо слова пророка Илии царю Ахаву: «Не я смущаю Израиля, а ты» (3-я книга Царств, 18:18). Разгневанный король заточил семь советников в Бастилию и назначил комиссию судить их, но вскоре погиб.

Свидетельством того, что произойдёт, если не вести войну с ересью, служили события в Шотландии. Осенью 1559 г. во Франции были изданы четыре закона, повелевавшие разрушать дома собраний протестантов и преследовать крупных землевладельцев, которые их укрывали. О трудности выполнения законов говорит приказ арестовывать тех, кто запугивает свидетелей, судей и приставов. И всё же в провинциях законы остались мёртвой буквой. Лишь в Париже парламент в июле – декабре 1559 г. вынес 13 смертных приговоров. Однако эти немногочисленные казни не могли остановить движения, которое превращалось в крупнейшую неофициальную протестантскую церковь в Европе.

Габсбурги в Нидерландах подали пример кострами инквизиции. Жизни социально низших стоили намного меньше, чем жизни представителей элиты. Поэтому суд над арестованными в июне 1559 г. судьями и вызвал такой большой резонанс. Париж разделился на тех, кто ужаснулся преследованию судей за неортодоксальные взгляды, и тех, кто считал, что спасти Францию от еретической заразы можно лишь радикальной операцией. Члены суда смотрели на идею казнить коллегу с отвращением, поэтому обвиняемых допрашивали мягко. Но один из них, Анн дю Бург, шокировал всех отрицанием чуда мессы. Протестанты между тем дважды пы-

[50] Джон Фокс (1516/17–1587) — английский историк и мартиролог, автор книги «Акты и памятники» о христианских мучениках, особенно пострадавших за веру протестантах.

тались устроить единоверцу побег, а в декабре убийцы в масках застрелили ультракатолика судью Минара. Принципиальность дю Бурга не оставила парламенту выбора, и в декабре его казнили через удушение. Кардинал Лотарингский писал французскому послу в Риме, что эта казнь должна устрашить протестантов. В то же время он, вероятно, надеялся, что Рим и Мадрид не будут призывать к новым казням. На деле история с дю Бургом призвала французских протестантов к оружию: сопротивление тиранам считали не только легитимным, но и необходимым для блага общества. Суд над ним оказался важен ещё в двух отношениях. Во-первых, впервые в арсенале законных средств сопротивления появилось убийство; оно коренилось в протестантской психологии, которая воспринимала человека как инструмент божьей кары. Во-вторых, в последние дни суда в Париже произошла вспышка сектантского насилия: католики схватились с протестантами.

Вскоре был убит один из слуг кардинала Карла, и тогда вышел закон о запрете носить маски и длинные плащи, под которыми можно спрятать пистолеты. В феврале 1560 г. парламентский юрист Пьер Авенель (Pierre des Avenelles) сообщил о заговоре с целью схватить короля в Амбуазе и потребовать от него ввести свободу совести; кардинала и герцога должны были арестовать от имени трёх сословий и при попытке сопротивления убить. Руководителем заговора был назван Жан дю Барри, сеньор де ла Реноди.

Амбуазский заговор был кульминацией общеевропейских событий. Французские протестанты воодушевились, видя, как быстро изгоняют папизм с Британских островов. Во Франции и в среде протестантов-изгнанников в Женеве и Страсбурге бушевали споры о том, законно ли противиться божьему помазаннику. В них родилась теория справедливого сопротивления «иностранцам» и «тиранам», как называли Гизов. Привлекала она и раздражённых католиков. В Шотландии кальвинистское восстание санкционировали аристократы. Сам Кальвин предостерегал: если упадёт хоть капля крови, реки Европы заполнятся ею. Однако другие, менее осторожные протестанты настаивали, что в правителях не нуждаются вовсе.

Поскольку принцы крови не считали нужным защищать «конституцию», эта роль перешла к менее знатным вельможам. Ла Реноди в 1540-е гг. находился в орбите Гизов, но бежал, обвинённый в мошенничестве, перешёл в Швейцарии в кальвинизм и увидел в заговоре возможность одновременно защитить веру и вернуть себе статус во Франции. К тому же он винил кардинала Лотарингского в казни своего зятя, ведущего деятеля Реформации в Меце. Сторонников ла Реноди набрал из числа провинциального дворянства с хорошими связями; они были разосланы во все провинции возглавить отряды протестантов. В Провансе представители 60 конгрегаций обещали выставить 2 тыс. воинов (с. 116). В феврале заговорщики собрали в Нанте «парламент», чтобы обговорить план до конца.

Действовали ли они в одиночку? В помощи им Гизы подозревали Елизавету Английскую, но это маловероятно. Возможной была финансовая поддержка заговора из Германии и Швейцарии. Кроме того, протестанты вели переговоры с импульсивным принцем Конде. Он дал добро на предприятие, но постарался не оставить следов своего участия.

Путч наметили на середину марта 1560 г. Тогда-то в широкое употребление и вошло слово «гугенот». Это было искажение немецкого слова *Eidgenossen*, кото-

рым обозначали членов Швейцарской конфедерации. Термин отдавал коммунализмом и республиканизмом, которые были чужды традициям французской монархии. Когда отряды протестантов стали занимать позиции в лесах вокруг Амбуаза, они не подозревали, что заговор уже раскрыт и они идут в ловушку. Кардинал стал носить кольчугу, были обнаружены схроны оружия. Большинство повстанческих отрядов были окружены. Говорили, что сдавались они «как овцы». За это 8 марта была объявлена всеобщая амнистия. Один отряд протестантов пытался напасть на братьев Гизов, но был обращён в бегство. Ла Реноди настигли в лесах и убили. Захваченные бумаги и допросы пленников были на руку пропаганде: мятежников выставили цареубийцами. Парижский парламент даровал герцогу де Гизу титул спасителя отечества. Однако современников ошеломило не столько число казней (его сильно преувеличили), сколько их способы и социальное положение казнённых. Десятки были повешены на стенах для всеобщего обозрения, иных утопили в Луаре. Около 20 человек обезглавили, что протестанты быстро использовали в антигизовской пропаганде (с. 118).

Двор Гизы контролировали, но Амбуазский заговор серьёзно ослабил их контроль над многими провинциями. Угроза стабильности была не только внутренней. Проблемами Гизов пыталась воспользоваться Испания. Того же хотела Елизавета, которая издала прокламацию с призывом свергнуть Гизов. Между тем обостряющийся кризис во Франции и Шотландии породил трения между братьями. Франсуа, будучи солдатом, предлагал простое решение: ответить на силу силой. Карл, как дипломат и учёный, сомневался в правильности репрессий и настаивал, что политических целей лучше достичь путём диалога и выжидания. Впрочем, семейные разногласия происходили за закрытыми дверями, и на публике братья сохраняли единый фронт.

Кардинал считал, что, если устранить религиозный предлог для мятежа, порядок восстановится. В разгар заговора правительство решило обращаться с религиозными и политическими диссидентами как с разными категориями мятежников. Всеобщая амнистия была примечательным документом: король смело заявил, что политика репрессий была грубой ошибкой. Гугенотам объявили, что к ним будут относиться терпимо, если они будут совершать богослужения «тайно и без скандала» (с. 119). Различение вопросов веры, которые требовали христианского понимания, спора и даже компромисса, и вопросов бунта, которые требовали наказания, оставались краеугольным камнем политики второй половины правления Франциска II. Тот же курс кардинал советовал своей сестре Марии в Шотландии.

Такой по сути политический взгляд на религию выдавал желаемое за действительное. Различие между религией и бунтом зависело от точки зрения. Кальвинисты, певшие псалмы и слушавшие проповеди, не считали себя мятежниками, а католики воспринимали эти действия как вызов своим понятиям универсальной церкви и единой веры. Мария де Гиз жаловалась на отсутствие последовательности и ясности в политике. Однако о готовности её дочери Марии Стюарт отказаться от притязаний на английскую корону Лондону объявили слишком поздно. Шеститысячное английское войско укрепило лордов конгрегации в своей правоте, и те потребовали вывода французских отрядов. Гизы в ответ снарядили флот. Англичане знали об этих приготовлениях, так как плели на берегу Ла-Манша внушитель-

ную сеть информаторов. В течение следующих 30 лет она давала министрам Елизаветы более чёткие сведения о положении в Нормандии, чем те, что получало правительство Франции.

Смерть Марии де Гиз в июне 1560 г. ознаменовала конец французского сопротивления в Шотландии. По Эдинбургскому договору 6 июля Мария Стюарт отказалась от своего герба и французские и английские войска покинули страну. Кардинал был в ярости, и во Франции договор так и не был ратифицирован. Через три года герцог де Гиз опять вынашивал планы вторжения в Англию. Однако вскоре братьев отвлекли внутренние проблемы.

Сокрушение Амбуазского заговора и фактическое окончание преследований протестантов не привели к концу их оппозиции. Отныне кардинал всегда ездил в сопровождении драгун. Недвижимость Гизов под Парижем поджигали. Однажды было совершено нападение на их особняк в самой столице, которое отбили мушкетным огнём, убив двух нападавших. Выходили памфлеты, осуждавшие тиранническое правление Гизов. Во многих провинциях, особенно на юго-востоке, порядок рухнул полностью. Многие католики склонялись к мнению Филиппа II, что различий между ересью и бунтом проводить нельзя. Новая политика Франции во многом опиралась на благоразумие и здравый смысл местных чиновников, а те часто находились в замешательстве и не имели достаточных ресурсов. Многие предпочитали смотреть сквозь пальцы, и протестантское движение продолжало набирать силу. Летом 1560 г. со всей Франции доносили, что протестанты открыто проводят богослужения под вооружённой охраной. Нормандия, как говорили, напоминала «мини-Германию». Так, во время летней лошадиной ярмарки близ Фалеза возбуждённая толпа кричала об отмене мессы и выгнала из города священников. Католики, пытавшиеся сбить накал страстей, почти не получали от центра помощи. К протестантам вновь стал склоняться слабохарактерный король Наварры Антуан. По просьбе его и его жены Жанны д'Альбре Кальвин прислал ко двору Бурбонов в пиренейском Нераке двух пропагандистов — Франсуа Отмана[51] и Теодора Безу.

Успех конгрегации в Шотландии воодушевил французских протестантов. Своё положение они видели так же, как их шотландские единоверцы: патриоты, сопротивляющиеся иностранцам, которые узурпировали древние законы и обычаи королевства и мешают вернуться к чистоте религии. Отман напирал на то, что Гизы менее знатны, чем Бурбоны, к тому же вообще не французы.

Узнав о новом заговоре принца Конде, Гизы смогли переиграть оппонентов. В августе 1560 г. они созвали в Фонтенбло съезд 45 представителей знати и чиновничества. Колиньи предложил мирное сосуществование двух конфессиональных общин и представил петицию за 50 тыс. подписей с призывом дать свободу вероисповедания (с. 137). Протестанты впервые осмелились обратиться к королю в такой манере. Герцог де Гиз сразу велел Колиньи не совать нос в дела церкви. Кардинал ответил искуснее: соглашался, что петиционеры — покорные подданные, но заявил, что на 50 тыс. подписей может ответить миллионом своих. Свободу вероисповедания он считал невозможной, так как это было бы одобрением идолопоклонства. Вместе с тем кардинал призвал общины к диалогу.

[51] Франсуа Отман (1524–1590) — французский протестантский юрист и полемист, выступал за ограничение монархической власти.

Колиньи вышел со съезда в Фонтенбло самым красноречивым лидером протестантов. Однако и среди них ситуация не была однозначной. Историки часто забывают о группе протестантов-лоялистов. Это были аристократы, которые, приняв реформированную веру, презирали воинственность городских конгрегаций, напоминавшую коммунализм швейцарского типа. В целом они относились к Гизам лучше, а многие были их родственниками или соседями в Шампани. Резню в Васси они воспримут с классовой точки зрения — как конфликт господина и подданных, а в гражданской войне будут воевать на стороне короны против единоверцев. После Фонтенбло кардинал Карл попытался включить эту группу в «партию среднего пути».

Чтобы ещё больше изолировать дом Бурбонов-Вандомов, внутренние провинции объединили в два супернаместничества. Осенью войска под командованием герцога де Гиза были отправлены в провинции восстановить порядок, и замаячила перспектива гражданской войны. В Ниме и Монпелье протестанты выгнали из города магистратов-католиков. Однако у Бурбонов было всего до 800 всадников и 6 тыс. пехотинцев, тогда как королевские войска насчитывали 40 тыс. (с. 125). В октябре король Наваррский и принц Конде были вынуждены прибыть в Орлеан на открытие Генеральных штатов, которые не собирались с 1484 г. Конде тут же арестовали, судили и сочли виновным, но казнь принца крови была бы политически опасной, и его отпустили.

Между тем Франциск II простудился на охоте и 5 декабря 1560 г. умер от свища в левом ухе. Его младшему брату Карлу[52] было всего 10 лет, и придворные фракции согласились на регентство королевы-матери. Смерть юного короля сделала Гизов уязвимыми для врагов — Монморанси, Габсбургов и Тюдоров. На первом же заседании Тайного совета регентства герцог де Гиз схватился с Колиньи по вопросу протестантских собраний. После этого герцог совершил пешее паломничество к святыне Нотр-Дам де Клери, в котором для демонстрации силы его сопровождал отряд в 500 человек (с. 127). Частые обвинения в том, что Гизы — слишком могущественные подданные короля, получили новый импульс.

Семистраничная диатриба Франсуа Отмана «Тигр» против кардинала Карла установила новые стандарты европейского политического дискурса, превзойдя даже желчного Джона Нокса. Если приветливость и умеренность герцога Франсуа спасли его репутацию, лидера католической церкви во Франции протестанты ненавидели. Лицемером Карла считали не только они, но даже папа Пий IV[53]. На деле теологическая позиция кардинала была в целом последовательной, и вопросы порождала скорее его тактика, продиктованная враждебностью и к ультракатолическим консерваторам, и к кальвинистам.

Своё образование Карл начал в 1535 г., в возрасте десяти лет, в Наваррском колледже под руководством ведущего проповедника своего времени и главного борца с ересью Франсуа ле Пикара. Однако он отличался от других консервативных богословов Сорбонны, которые считали, что еретиков достаточно осуждать. Наваррский коллеж был главным центром гуманизма в Париже, и Пикар учил Карла, что луч-

[52] Карл IX (1550–1574) — король Франции в 1560–1574 гг., третий сын Генриха II и Екатерины де Медичи (династия Валуа).

[53] Пий IV (1499–1565) — папа римский в 1559–1565 гг., в миру Джованни Анджело де Медичи.

ший способ борьбы с ересью — новое знание. Он не боялся читать работы протестантов, чтобы опровергать их отсылками к Писанию. Результатом были скорее дебаты, а не осуждение. К тому же Пикар был готов признать, что в критике церковных злоупотреблений протестанты правы.

Другой ментор Карла в коллеже, Пьер Рамю, был ещё радикальнее. Он критиковал устаревшую программу курсов в Сорбонне, за что в 1544 г. ему запретили читать лекции по Аристотелю и Платону, сожгли его книги и приговорили к году на галерах. После дворцового переворота 1547 г. Карл отменил запрет Рамю преподавать, а позднее выхлопотал ему место профессора в Королевском коллеже.

Неслучайно у себя в Медоне под Парижем кардинал создал либеральную атмосферу, а многие члены его домохозяйства были дворянами, семьи которых больше ассоциируют с протестантским делом. Двумя ведущими мыслителями в окружении кардинала были богослов Клод д'Эспенс[54] и юрист и гуманист Мишель де л'Опиталь. Первый в 1548 г. посетил Женеву для беседы с Кальвином, а второй стал главным полемистом Гизов. Именно он разработал концепцию, согласно которой религию использовали лишь как маску для бунта и веру следовало отличать от политики. В медонском «кружке» восхищались Эразмом, разделяли негодование евангелистов на жадность и абсентеизм духовенства, отвергали нововведения церкви, такие как идею чистилища, которые коммерциализовали путь к спасению. Как альтернативу медонский «кружок» продвигал христоцентричное благочестие. Впрочем, протестантам большинство медонцев были враждебны, а д'Эспенс написал диссертацию с критикой предопределения. Однако группа была согласна в том, что ересь можно победить только реформой церкви и милосердием. Эти люди считали себя ортодоксальными католиками; ни один не отрицал чуда мессы. Вместе с тем, поскольку ультракатолики объясняли быстрое распространение реформы и расстройство порядка сдержанностью умеренных, существовали пределы того, что можно было сказать публично.

Несмотря на крах порядка, гражданская война ещё не казалась неизбежной. Команда гуманистов и прогрессивных католических богословов, которую вырастил кардинал, вошла в Тайный совет. Два года кардинал боролся за созыв свободного и всеобщего Вселенского собора с участием протестантов. Он верно предвидел, что продолжение работы «папистского» Тридентского собора лишь закрепит раскол христианства.

Екатерина между тем поощряла возникновение при дворе всё новых фракций, чтобы выступать их арбитром. С этой целью она устроила возвращение из Рима старого врага Гизов кардинала Турнона[55]. Выражая интересы папы и Филиппа II, он быстро стал лидером ультракатолической фракции. Однако у королевы-матери не было антипатии к протестантам, и в её окружении тоже придерживались разных религиозных воззрений. Екатерина стала блестящим участником опасной придворной игры. Однако её неспособность или нежелание до конца понять расколовшие французов догматические вопросы имели серьёзные последствия. Неслучайно она предпочитала герцога Франсуа кардиналу, который заставлял её чувствовать себя социально и интеллектуально низшей.

[54] Клод д'Эспенс (1511–1571) — французский богослов, гуманист и дипломат.

[55] Франсуа де Турнон (1489–1562) — французский прелат и дипломат, активно боролся с кальвинизмом, пригласил во Францию иезуитов.

В марте 1560 г. кардинал объявил папе план созыва Национального собора галликанской церкви. Рим и Мадрид ужаснулись перспективе религиозного компромисса во Франции, который привёл бы к установлению местного варианта католицизма, независимого от Рима. Однако и кальвинисты отнеслись к проекту с подозрением. Ещё в 1549 г. Кальвин осудил сторонников третьего пути — *Moyenneurs*. Он и его последователи не были заинтересованы в компромиссе, настаивая, что истина открыта в Писании. Они были правы в том, что не верили кардиналу, так как он по-прежнему вынашивал планы их уничтожить. Однако на этот раз оружием своим он собирался сделать компромисс. Поползли слухи, что кардинал выступает за реформу галликанской церкви по немецкому образцу и примет титул патриарха Франции. Однако Карл сознавал: если задача — сохранить монархию, путь империи с её децентрализованной и неоднородной политической структурой Франции не годится. Более обещающей моделью служила елизаветинская Англия.

В октябре все французские принцы, исключая дом Бурбон-Вандомов, собрались в замке королевы-матери в Сен-Жермен-ан-Ле на вторую свадьбу наместника Шампани герцога Неверского и свадьбу его дочери Катерины. Кардинал вёл разъяснительную работу, обсуждал самый спорный вопрос между протестантами и католиками — евхаристию. Он склонялся к компромиссу по образцу лютеранского Аугсбургского исповедания[56]. Кальвин настаивал, что слова Христа на Тайной вечере «Вот моё тело» следует толковать иносказательно. Поэтому для протестантов католическая месса была сродни языческому жертвоприношению. Для католиков же месса была больше, чем обрядом: она символизировала единство общины, и участие в ней было обязательным. Таким образом, месса была необходима для поддержания социального и политического порядка. Предложения французских *Moyenneurs* реформировать церковь — отмена экзорцизма при крещении, причащение под обоими видами, запрет частной мессы, пение псалмов на разговорном языке — были в основном идеями Эразма. Вместе с тем сторонники компромисса собирались в целом сохранить мессу. Даже эти умеренные реформы были противоречивыми, и ход событий не дал им осуществиться.

Важным фактором в возникновении при дворе нового короля Карла IX протестантской партии стал английский посол сэр Николас Трокмортон[57]. Вместе с тем Екатерина оторвала от кальвинистов короля Наварры: он был назначен генерал-лейтенантом королевства вместо Гиза. Руководство протестантским движением переходило к Колиньи. Между тем кардинал Карл, ненавидимый и католиками и протестантами, опасался за свою безопасность и удалился к себе в Реймсскую епархию. В его отсутствие протестантская партия при дворе взяла верх. Екатерина продолжала религиозную политику прежнего режима, но закон оставался неясным, и протестанты решили попробовать королеву-мать на прочность. В Вербное воскресенье 1561 г. Колиньи открыл двери своих покоев и позволил участвовать в совершавшемся там богослужении всем желающим. В церемонии участвовали принц Конде и 500 его сторонников (с. 142). Службу посетили даже королева-мать и её

[56] Первый вероисповедальный документ лютеран, был представлен императору Карлу V на рейхстаге в Аугсбурге в 1530 г.

[57] Сэр Николас Трокмортон (1515/16–1571) — английский дипломат, посол во Франции в 1559–1564 гг., затем при дворе Марии Шотландской.

сын, что дало протестантам основания надеяться (а католикам — опасаться), что король вот-вот перейдёт в кальвинизм. Обратной стороной самоуверенности протестантов была апатия католиков. Правящие элиты охватили пораженчество и оппортунизм.

И вдруг возникла энергичная католическая реакция. Поскольку правители, казалось, были неспособны или не готовы защищать католицизм, народ взял ответственность на себя. Весной – летом 1561 г. в Провансе, Анжере, Понтуазе и других регионах и городах прошла волна погромов. Заметной в них была роль возникавших по всех Франции новых братств. Для этих организаций было характерно благочестие и приверженность святому причастию. Объединяя представителей разных занятий и слоёв, братства призывали к отпору ереси единым фронтом. Католические издатели показали, что протестантизм — не единственная религия книги: перед 1562 г. по стране ходило не менее 70 тыс. экземпляров антипротестантских проповедей и трактатов (с. 142).

Корона пыталась остановить цикл сектантского насилия. Оскорбления «гугенот» и «папист» были объявлены преступлениями, но толку от этого было мало. В Париже преобладал ультракатолицизм, контрастировавший с либеральной атмосферой Фонтенбло. Первым с консенсусом при дворе порвал Монморанси. Они с женой были консерваторами, и им пришлось выбирать между верой и племянниками. Коннетабль заявил Колиньи, что хочет единства и не потерпит повторения событий Вербного воскресенья. На такое заявление его толкнуло, помимо прочего, то, что любимым проповедником королевы-матери стал Жан де Монлюк[58], призванный своим патроном кардиналом Карлом в Тайный совет, чтобы разбавить его деятелями, настроенными на реформу. Коннетабль больше не хотел слышать проповедей с критикой церкви. Перед пасхальным воскресеньем 6 апреля 1561 г. старые враги Монморанси и герцог де Гиз встретились и договорились не присутствовать на проповеди Монлюка. Затем Гиз пошёл к Екатерине, гулявшей в саду, и заявил, что она должна прекратить «пить из двух источников». Два бывших врага со свитой католической знати отправились в квартал слуг послушать какого-то монаха, сознательно избегая *Moyenneurs* и присоединившись к простому люду. Кардинал Турнон благословил их примирение, а протестанты заклеймили этот «триумвират» как заговор против государства.

Монморанси, а затем Гиз покинули двор, оставив Екатерину в изоляции. После Пасхи общественный порядок начал рушиться и вновь замаячила перспектива гражданской войны. В конце апреля 2 тыс. католиков напали на протестантский дом собраний на окраине Парижа; занимавшие его сопротивлялись и убили нескольких нападавших. Обе стороны сильно давили на Екатерину. 11 мая парижский парламент осудил политику толерантности, настаивая, что единственный путь остановить бунт — «вырвать корень, которым является религиозный раскол» (с. 144).

Летом 1561 г. умеренный фламандский богослов Георг Кассандер писал, что во Франции существуют три партии: «паписты» во главе с кардиналом Турноном, гугеноты во главе с Колиньи и третья, или средняя, партия, которую составляют королева-мать, канцлер л’Опиталь, Монлюк, король Наваррский и кардинал Лота-

[58] Жан де Монлюк (1508–1579) — французский церковный деятель и дипломат.

рингский. Историки не согласны с такой классификацией, поскольку для них все Гизы, как главные архитекторы католической реакции, должны принадлежать к «папистам». Однако в годы перед началом гражданской войны в 1562 г. политика находилась в состоянии текучести и неопределённости. История французской смуты слишком часто сосредоточивается на схватке противостоящих религиозных партий, выпуская из вида тех, кто ещё не определил свою позицию или оказался посередине. Именно раскол средней партии толкнул Францию в пропасть.

В условиях нарастающего хаоса Екатерина позвала Франсуа обратно в Париж. Уже в июне Гизы вернулись в центр власти, и английский посол Трокмортон воздавал герцогу хвалу. Протестантские историки считали, что Франсуа одурачил англичанина, тайно руководя заговором триумвирата. Однако свидетельств такого заговора нет вовсе. Триумвират оставался лишь соглашением с целью предать забвению вражду на время кризиса.

Гиз не собирался использовать свою популярность у католического люда в политических целях. Он проигнорировал призывы Рима и Мадрида и поддержал среднюю партию, присоединившись к диалогу Карла с лютеранами и англиканами. (Последний термин и возник во Франции в это время для обозначения церкви Англии, а в английском языке его первое употребление относится лишь к 1635 г.) Герцог надеялся, что религиозные разногласия разрешит Национальный собор. Хотя курфюрст Пфальцский относился к этой идее скептически, а ландграф Гессенский — осторожно, Франсуа получил поддержку от герцога Вюртембергского. Вообще консервативно настроенные князья, будь то немцы или французы, имели больше общего друг с другом, чем с плебейскими ультракатоликами или кальвинистами, которые дрались на улицах. Примирение с Гизами Антуана Наваррского было больше, чем оппортунизмом; оно зиждилось на сходстве мнений.

Новый импульс, который получили поиски среднего пути, отчасти был вызван решением вернуть в Шотландию Марию Стюарт. Она тоже находилась под влиянием Эразма и была согласна с дядей Карлом, что с протестантами нужно договориться. Активизация Гизов в Шотландии требовала поддержки Англии, поэтому они принялись восстанавливать отношения с Елизаветой. Тогда-то и поменялся тон посланий Трокмортона. Он доносил в Лондон, что все французские католики, с которыми он встречался, стоят за тот или иной вариант Реформации, причём с завистью поглядывают через Ла-Манш, считая английские методы поддержания порядка образцовыми.

На деле Гизы не предлагали терпимость, а стремились сохранить единство церкви — основы социального порядка. Они предлагали провести прагматичное разделение между публичным богослужением и частной свободой совести. Это решение весьма отличалось от насильственного варианта, какого требовали проповедники и испанский посол. Кардинал Лотарингский предлагал галликанскую версию среднего пути, который в ту пору тестировали в Англии, а позднее примут в Голландской республике. Этот путь примирял социальный порядок с ограниченной степенью свободы совести.

12 июня 1561 г. Екатерина объявила о подготовке созыва Национального собора. Кардинал настаивал, что для решения проблемы необходим «нерушимый закон». Кальвинисты тоже высказались за такой закон, но по-своему: просили предо-

ставить им свободу богослужений. В июне – июле 150 членов знати и магистратов обсуждали эти два предложения. Идеи Гизов встретили сильную оппозицию, и не только со стороны протестантов. Канцлер л'Опиталь был убеждён в необходимости замирить протестантов и спорил со своими бывшими патронами Гизами, считая, что попытки объявить протестантские богослужения вне закона непрактичны. Кардинал Турнон был против собора. Однако старику недоставало харизмы, и большинство присутствующих католиков приняли предложения Гизов. Июльским эдиктом богослужения протестантов были запрещены. Вместе с тем были отменены телесные наказания за ересь и было «запрещено выяснять, что происходит в доме соседа» (с. 148). Прагматики одержали верх над догматиками.

25 июля Екатерина вдруг дала понять, что собор будет состоять не только из прелатов. К возмущению Пия IV власти собрались обеспечить безопасное посещение собора протестантами. Диалог с ними был тем важнее, что Гизы собирались править протестантским королевством: Мария Стюарт уехала в Шотландию.

На конференцию в Пуасси большинство французских епископов не явились. Для них, как для докторов Сорбонны и папы, само присутствие гугенотов было ужасным скандалом, — а предполагалось, что тем позволят подробно изложить свои еретические мнения перед королём. Женевскую делегацию возглавил Теодор Беза, у которого было такое же гуманистическое образование, как у кардинала Карла. Католики жаловались, что протестантскую делегацию приняли при дворе лучше, чем приняли бы папу.

9 сентября Беза изложил кальвинистскую позицию по евхаристии, но допустил грубую тактическую ошибку, заявив, что Христос присутствует при этом обряде, но не телесно. Прелаты-католики сочли это богохульством, а кардинал Турнон не сдержал слёз. 16 сентября кардинал Карл держал ответную речь. Сосредоточившись на реальном присутствии Христа при евхаристии, он показал, что мнения греческой православной, католической и лютеранской конфессий по этому вопросу в целом едины, и в стороне стоят лишь кальвинисты. Сближение с лютеранством оценили Конде и представитель саксонского курфюрста Юбер Ланге. Старая дружба Гизов и Бурбонов была возобновлена. После этого две группы по 12 богословов попытались найти компромисс по вопросу о Тайной вечере. После бесплодных споров кардинал Лотарингский попытался разрубить Гордиев узел, попросив Безу подписать Аугсбургское исповедание. Протестантские историки обвиняли кардинала в попытке сыграть на противоречиях кальвинистов и лютеран, но на деле его целью было склонить Безу признать только реальное присутствие. Тот, следуя инструкциям Кальвина, призвал кардинала подписать исповедание первым.

«Кардинал несёт большую часть ответственности за провал конференции. Безусловно, его ультиматум разрушил последние шансы на поддержание диалога по принципу убеждения. Однако утверждать далее, что его "инъекция" лютеранства была обманным ходом, значит основываться на неведении его целей. Протестанты воспринимали компромисс как уловку, как часть масштабного заговора с целью расколоть и уничтожить их, стратагему, которая неизбежно привела к резне в Васси. Однако все свидетельства указывают в обратном направлении. В стремлении кардинала Лотарингского победить ересь не было ничего от заговора, и лютеранином он не был. Во что он искренне верил, так это в то, что лютеранская позиция по

реальному присутствию была первым шагом к созданию галликанского варианта католицизма. Вначале он считал, что кальвинистов можно убедить; если только он мог уговорить их принять лютеранское Аугсбургское исповедание, в конечном счёте он склонил бы их к своей позиции. Теперь он осознал, что соглашение с пасторами невозможно: “Они хотят не слушать, а быть услышанными”. После Пуасси кардинал навсегда отвернулся от них. Вместе с тем порвал он и с ультракатоликами; хотя в то время это, казалось, не имело значения, он не верил в действенность Тридентского собора. Единственным выбором для кардинала оставался галликанский средний путь» (с. 152–153).

Отвернувшись и от Женевы и от Рима, кардинал вступал в диалог с англиканами и лютеранами. Тем самым он рисковал изоляцией. Екатерине Карл обещал победу и теперь разочаровал её, поэтому она стала искать новых советников. Королева-мать подумывала о политике терпимости. Так кардинал оказался между Екатериной и её протестантскими союзниками, с одной стороны, и ультракатоликами — с другой. Гизы решили, что при дворе оставаться не могут. Герцог уехал, расставшись с Екатериной и королём Наваррским по-хорошему. Он ждал неизбежного нового призыва.

Однако положение, которое обнаружили братья по возвращении домой в Жуанвиль, было много хуже ожидаемого. В Васси ересь подобралась к самим воротам их владений. По всей Франции Реформация набирала обороты: протестанты захватывали церкви, очищали их от папистских предметов культа, а монахов и священников запугивали или изгоняли. В ряде южных городов, таких как Монпелье, католические богослужения прекратились вовсе. В Гаскони дело Евангелия усугублялось обидами на крупных землевладельцев. Так, в ноябре 1561 г. 2 тыс. простолюдинов штурмом взяли замок католического барона де Фюмеля и убили его (с. 154). По всему юго-западу возникли местные католические лиги для защиты мессы и церквей от иконоборцев. В Париже проповедники открыто обвиняли корону в соучастии в протестантских бесчинствах, и сектантское насилие обострилось.

Гиз между тем отверг предложения испанцев возглавить католическую фракцию при дворе. Кардинал вернулся к себе в епархию и читал проповеди, лютеранский тон которых заметили многие. Узнав о его восхищении Книгой общих молитв, даже шотландские католики были возмущены флиртом кардинала с англиканством. Гизы вступили в переписку с Елизаветой. Однако наибольшие надежды они возлагали на своего старого друга герцога Вюртембергского. На встрече в Саверне в феврале 1562 г. немецкий князь призвал Франсуа воздержаться от пролития невинной крови. На следующий день кардинал проповедовал против культа святых и высказался за изменения в литургии мессы и церковной иерархии. Гизы обещали не преследовать сторонников «новой доктрины».

Встреча в Саверне не была обманом Гизов с целью нейтрализовать немецких князей в подготовке к надвигающейся гражданской войне, так как вопрос об их обращении в лютеранство не стоял. Напротив, Гизы рассчитывали на обращение самих лютеран. Успех их политики целиком зависел от способности продемонстрировать добрую волю. Однако новый порядок длился всего несколько недель: его в зародыше убил Васси. В ходе этой резни герцог де Гиз совершил худшее зло, какое мог сделать рыцарь, — нарушил слово чести. Позднее это мучило его на смертном одре.

Васси изменил Францию навсегда, но не изменил политики Гизов. В конце февраля 1562 г. пришла весть об Эдикте терпимости, изданию которого они давно противились. Однако назад в Париж Гизов позвали не ультракатолики, а Антуан Наваррский, теперь лидер тайных лютеран при дворе. И всё же отчаянные попытки найти мирное решение продолжались. Гизы вместе с Антуаном искали доктринальный компромисс, а летом кардинал выработал галликанский символ веры. Его содержание было столь взрывоопасным, что текст держали в тайне. Кардинал предложил устранить из мессы элементы жертвоприношения и читать её на разговорном языке, проводить причащение под обоими видами, убрать из церквей идолопоклоннические изображения и ежедневно проповедовать Евангелие. Эти предложения в целом отвечали лютеранским принципам. Однако мирные переговоры кончились ничем, и Франция оказалась на пороге гражданской войны. Васси послужил пропагандистским козырем кальвинистам, а в Англии и Германии Гизам больше не верили. Компромисс кардинала был разрушен.

В довершение всего провалились попытки кардинала подключить протестантов к работе Тридентского собора. В сентябре 1562 г. Карл во главе более 60 епископов и дюжины докторов выехал из Парижа для участия в этом соборе. Многие итальянцы и испанцы опасались, что так много неортодоксальных французов разбавят консервативных участников собора. Опасения были обоснованы: кардинал вёз галликанский символ веры и ему было велено предъявить длинный список злоупотреблений в церкви. У папы и его окружения появление кардинала Карла в Тренто вызвало панику: приехал человек, который вёл диалог с еретиками! На соборе кардинал быстро выдвинулся в лидеры оппозиции папской партии. Он спорил с догматиками, настаивал, что именно реформа морали вернёт еретиков в лоно церкви. Собор зашёл в тупик, а к Рождеству кардинал рвался вернуться во Францию, где вспыхнула гражданская война. Он осудил Рим как источник всех бед и тщетно изучал возможность перевести собор в Германию, подальше от влияния Рима и Мадрида.

Однако летом 1563 г. в отношениях Карла с Пием IV наступила оттепель. Папа вызвал его в Рим на личную аудиенцию и разместил близ своих покоев. Постепенный переход кардинала к поддержке Тридентского проекта имел причиной не лесть и взятку со стороны папы. Карл вообразил, что Пий IV в самом деле желает реформировать церковь, а облегчила его переход от галликанского католицизма к римскому тяга к итальянской культуре. Долгое пребывание кардинала в Италии познакомило его с динамизмом католического возрождения в Южной Европе: он выгодно сравнивал эту духовность с узостью североевропейской евангелической традиции и её упором на Писание. Будучи знатоком музыки, кардинал был заинтригован новыми методами, с помощью которых основанная Филиппо Нери[59] в 1550-е годы оратория применяла силу музыки для внушения мирянам благочестия. Важнее то, что обращение Карла было политически мотивированным: он находился в изоляции и имел слабые позиции. Гугеноты считали его главным врагом, а если бы он продолжал говорить о Реформации, стал бы не менее одиозной фигурой и для

[59] Филиппо Нери (1515–1595) — итальянский священник, основатель конгрегации ораторианцев, которые занимались образованием и благотворительностью, а упор делали на развитие церковной музыки.

папы. Отказ от галликанского третьего пути был ценой за поддержание католического единства и проведения серьёзной реформы церкви. Превращение кардинала Карла в защитника римского католицизма стало поворотной точкой в истории Гизов и Франции.

19 декабря 1562 г. произошло сражение между армиями роялистов и протестантов при Дрё. Роялистами командовали Монморанси, маршал Сент-Андре и герцог де Гиз, а протестантами — Колиньи и Конде. Последние не искали битвы, а отступали после неудачного нападения на Париж к Нормандии, где собирались объединиться с английскими союзниками под командованием графа Уорика и использовать английские субсидии, чтобы заплатить своим волновавшимся наёмникам, которые составляли более половины 13-тысячной армии (с. 161). Путь к битве занял восемь месяцев. Чтобы подсластить пилюлю для католиков, Екатерина и её министры в Эдикте терпимости потребовали от гугенотов вернуть церковную собственность и запретили им строить церкви и собираться в пределах городов. Парижский парламент всё равно был недоволен, и перспектива терпимости заставила умеренных католиков выбирать: средняя партия сама разделилась посередине.

О резне в Васси 1 марта 1562 г. Париж узнал через два дня после события. Католики ликовали, а протестанты требовали правосудия. Екатерина призвала герцога в свою резиденцию в Монсо, чтобы держать ответ за содеянное. Другие члены триумвирата — коннетабль и маршал — настаивали на том, чтобы Франсуа игнорировал Екатерину и шёл на Париж. 16 марта он вместе с тремя братьями во главе более тысячи всадников вступил в город, приветствуемый знатью, чиновниками и горожанами. Городской совет обещал герцогу 20 тыс. воинов и 2 млн крон, если он примет титул защитника веры (с. 162–163). По мере приближения Пасхи насилие казалось всё более вероятным. По словам одного наблюдателя, в Париже так часто слышались выстрелы, что он создавал впечатление пограничного города. В конце концов обе стороны согласились вывести солдат из столицы, чтобы избежать дальнейшего кровопролития. Триумвиры отправились в Фонтенбло и по сути поместили Екатерину и Карла IX под домашний арест. Принц Конде уехал в Орлеан и 2 апреля поднял там своё знамя. Вместе с 73 другими протестантскими деятелями он подписал декларацию в защиту свободы и королевства.

Скорость, с какой протестанты мобилизовали свою армию и нанесли удар, ошеломила роялистов. В апреле – мае 1562 г. пали многие крупные города. В Тулузе, которую повстанцы не смогли взять, в ходе уличных боёв между ополчениями погибло 500 человек (с. 163). Католики избивали протестантов; после побед при Божанси и Морна те, со своей стороны, перебили защитников этих городов.

Герцог де Гиз не принимал участия в резне. Возможно, ему хватило Васси. Осенью в ходе осады Руана талант и удача вновь выдвинули его на первые роли. Англичане, вступившие в войну в надежде вернуть Кале, не смогли прислать подкрепление, и осаждённый протестантский гарнизон был обречён. Возвращение Екатерины к власти зиждилось на её способности выступать арбитром между фракциями, поэтому она не была заинтересована в немедленной победе любой стороны, а вела дело к сдаче Руана путём переговоров. Между тем 13 октября мушкетным выстрелом был смертельно ранен Антуан Наваррский. Возглавивший осаждающих Гиз предпринял общий штурм, через пять дней стены были пробиты и город пал.

Когда две армии сошлись при Дрё, протестанты сочли позиции роялистов слишком сильными, чтобы атаковать. Два часа войска стояли друг против друга, причём коннетабль стоял прямо против своих племянников. Затем протестанты всё же атаковали и разбили кавалерию коннетабля, захватив его в плен. Однако швейцарцы подтвердили свою репутацию лучших воинов Европы и отразили все атаки протестантской кавалерии. Гиз выждал, пока она окажется в беспорядке, и ударил. Конде был взят в плен, а Колиньи отступил. В битве пали 8 тыс. человек, 2/3 из которых были роялистами (с. 166). Таким образом, битва при Дрё стала катастрофой для всех сторон, кроме Гизов. Гибель такого большого количества дворян (роялисты потеряли более 500) развеяла ещё остававшиеся рыцарские сомнения в верности идеи убивать других французов. Пленение Монморанси поставило королеву-мать в полную зависимость от Гизов, и через три дня герцог был вновь назначен генерал-лейтенантом королевства. Дрё подтвердила, что герцог де Гиз — крупнейший полководец своей эпохи, а уважительное обращение с пленным Конде ещё больше повысило его репутацию.

Монморанси и Конде присоединились к Екатерине в призывах к переговорам, и от продолжения войны выигрывал только Гиз. В феврале 1563 г. он окружил остатки протестантской армии в Орлеане. Колиньи бежал в Нормандию, и 18 февраля Гиз велел на следующий вечер штурмовать город. Однако в тот же день он был смертельно ранен в спину из пистолета дворянином Польтро де Мере, который втёрся к нему в доверие. Через четыре дня 44-летний герцог умер. Умирая, он просил помиловать убийцу, высказался за «хорошую Реформацию церкви» и просил прощения за события в Васси. Польтро под пыткой показал существование заговора с участием Колиньи, но мстил он за убитых в Амбуазе родственников. Колиньи отрицал, что подал идею убийства.

Устранение герцога сняло главное препятствие к установлению мира, и на следующий день после казни Польтро был заключён Амбуазский мир. Первая гражданская война кончилась. Однако надежды на стабильность были иллюзорными. Убийство Гиза радикально изменило политическую ситуацию. Уже порвавшие со средней партией, Гизы разорвали все связи с бывшими союзниками. Политика следующего десятилетия будет определяться их жаждой мести.

По словам современника Гиза историка Жака-Огюста де Ту, герцог даже по признанию своих врагов был величайшим человеком своего столетия. Оплакивали его при всех католических дворах Европы. Его деяния стали мифом и были использованы католической пропагандой, которая представила Франсуа мучеником за католическое дело, а его наследников — поборниками ортодоксии.

Если бы брат герцога Карл, который находился в Тренто, присутствовал в ту пору во Франции, события пошли бы по-другому. Однако вдова герцога Анна д'Эсте и его 12-летний сын Генрих (1550–1588) требовали мщения. «Ястребы» Клод д'Омаль и кардинал Луи позаботились о том, чтобы слухов о неортодоксальности Гиза, которые сопровождали смерть Антуана Наваррского, не было. Перед смертью герцог вернулся в лоно римской ортодоксии, а исповедовал его исповедник Генриха II и Екатерины епископ де Рьез — консервативный полемист и переводчик работ ведущего апологета Рима и главного оппонента кардинала Карла на

Тридентском соборе польского кардинала Гозия[60]. Согласно ему, герцог защищал реальное присутствие Христа и слушал послание Иакова, которое Лютер заклеймил за идею, будто одной веры для спасения недостаточно.

Парижские власти устроили герцогу пышные похороны. Шествие похоронного кортежа по стране было уникальным для похорон французского принца XVI в. Все церкви столицы звонили в его память целый день. Сын герцога Генрих был назначен на должности отца — великого магистра двора и наместника Шампани. Однако реальное руководство пока перешло к братьям убитого — герцогу д'Омалю и кардиналу Луи. В марте 1563 г. в Жуанвиле состоялся семейный совет. Со всей католической Европы приходили предложения поддержки, но это были пустые слова, а герцог оставил долгов на сумму около 200 тыс. крон (с. 170). Между тем коннетабль говорил коллегам по Тайному совету, что поддержит своих племянников как собственных детей и употребит против Гизов всю силу родственников, друзей и слуг. Колиньи открыто радовался убийству Франсуа. Протестанты пели песни в честь Польтро и величали его «божьей десницей».

Семейный совет Гизов разработал двойную стратегию. Публичные вооружённые демонстрации были средством давления на корону с целью заставить её предпринять юридические действия против адмирала. В то же время общественное мнение обрабатывали пропагандой с поношением семьи Монморанси. Последняя отвечала тем же, позиционируя себя как защитников монархии и Амбуазского мира. В апреле 1563 г. Гизы подали частный иск против Колиньи, подкрепляя его демонстрациями силы. В ноябре провёл демонстрацию силы и адмирал, прибыв в Париж во главе 8–10-тысячного отряда (с. 171).

«Публичная вражда между партиями и их сторонниками выражалась ежедневно в виде насмешек, вызовов и оскорблений. Группы ливрейных лакеев шатались по улицам, нарываясь на драки. Постепенно протестанты и их союзники Монморанси одолели. Требование к Екатерине сместить сторонников Гизов с ключевых постов они подкрепили силой: в канун Нового года был хладнокровно убит капитан королевской гвардии. Гизы не могли ничего противопоставить засилью своих врагов в регентском совете» (с. 172). В январе 1564 г. король приостановил судебное разбирательство по делу об убийстве герцога на три года, в течение которых стороны согласились воздержаться от взаимных нападений. Когда кардинал Лотарингский вернулся из Тренто, приём ему был оказан весьма холодный. Его требование ввести в действие постановления собора Тайный совет отверг.

Положение Гизов никогда не было столь незавидным, как на Пасху 1564 г. Тогда они приняли новый курс. Кардинал работал над созданием более широкой, неконфессиональной в своей основе, базы поддержки, перетянув на сторону Гизов их двоюродного брата Конде. Из-за смерти жены в июле 1564 г. принц перестал быть свойственником Монморанси. Затем кардинал попытался подорвать позиции Монморанси в Париже и вступил в город с племянником и отрядом в 50 человек. Однако 8 января 1565 г. на улице Сен-Дени произошла стычка и люди Гизов были рассеяны. Поднять парижан Гизы не сумели. Обе стороны начали собирать под столицей войска. Конфликт не был чисто религиозным, так как Монморанси пользовался поддержкой Колиньи, а Гизы — Конде.

[60] Станислав Гозий (1504–1579) — польский богослов и кардинал, деятель Контрреформации, пригласил в Польшу иезуитов.

Пытались Гизы создать коалицию и в провинциях, пользуясь недовольством католиков Амбуазским миром. Однако, как и в Париже, поддержку они получили скорее моральную. Слабость Гизов проявилась в январе 1566 г. в Мулене, где корона смогла навязать урегулирование: Колиньи поклялся, что не ответственен за убийство герцога Франсуа, и они с кардиналом поцеловались в знак примирения.

Гизы обнаружили, что их влияние упало до уровня начала 1520-х годов. При дворе оставался лишь кардинал Луи. Карл принял на себя новую роль миссионера, которую отвёл епископам Тридентский собор. В ноябре 1564 г. он созвал в Реймсе провинциальный синод и просил духовенство начать в реформе церкви с себя. Не прошло и трёх лет, как Карл основал в Реймсе семинарию — первую в своём роде во Франции. Он стал ведущим покровителем новых религиозных орденов, таких как иезуиты и капуцины.

«Едва дела семьи достигли низшей точки, внутреннее и международное положение внезапно изменились в её пользу. Католики повсюду стали утверждать свои права, дав Гизам возможность организовать их и выйти на путь политической реабилитации. Религиозные пункты Амбуазского мира были так сложны, что осуществить их оказалось бы чертовски трудно, даже если бы с обеих сторон имелась добрая воля. Дворяне-протестанты воспользовались правами, которые она давала, чтобы увеличить число мест богослужения в своих владениях. Это сильно раздражило католиков, которые формировали местные лиги и ассоциации обороны, чтобы сопротивляться положениям договора. Каждые похороны, молитвенное собрание и процессия были потенциальной “горячей точкой”. При дворе тоже произошёл трудно уловимый сдвиг: атмосфера медленно становилась неблагоприятной для протестантов. В Тайном совете продолжали господствовать умеренные, но Екатерина де Медичи приближала новых людей. Они полностью зависели от её фавора, и от успеха политики терпимости их карьеры не зависели. Многие из этих людей были итальянцами, католические настроения которых были больше римскими, чем галликанскими. По мере того как сдвигался баланс в окружении королевы-матери, толкование статей мирного договора короной и её чиновниками всё больше принимало антипротестантскую направленность» (с. 177–178). Это хорошо видно в поведении Карла IX, а ещё более — его младшего брата Генриха, герцога Анжуйского (1551–1589)[61]. Последний был любимым сыном Екатерины, так как обладал всеми качествами правителя (благочестие, обаяние и ум), которых так не хватало его братьям. Мать смотрела сквозь пальцы на порой возмутительное поведение Генриха. Так, в апреле 1566 г. по его инициативе они с королём играли при всём дворе в игру, в которой передразнивали протестантов, а закончили тем, что порвали книгу Псалмов и протестантский катехизис, осыпав друг друга клочками бумаги. Лидеры протестантов, смотря на это, скрипели зубами.

Сами по себе эти изменения не смогли бы подорвать мира, если бы не революционные события в Нидерландах. Летом 1566 г. власть Габсбургов в этой стране пала, и распространение протестантского богослужения и иконоборчества, казалось, предвещало повторение кальвинистских мятежей в Шотландии 1559 г. и во Франции 1560 г. Филипп II не был готов допустить те же ошибки, что Гизы. Он

[61] Впоследствии король Франции Генрих III (правил в 1574–1589). Последний король из династии Валуа.

располагал самой мощной армией в Европе и был готов пустить её в ход. Попытка восстановить гегемонию Габсбургов в Нидерландах руками герцога Альбы была для испанского империализма Рубиконом. Французские протестанты задрожали. Они опасались широкого заговора с целью подавить реформированную веру и чувствовали, что судьба их голландских единоверцев связана с их собственной. Между франкоязычной знатью конфедерации и знатью Северо-Восточной Франции существовали тесные родственные и культурные связи. Дом Монморанси вскоре повёл с конфедератами тайные переговоры о взаимопомощи. Опасения гугенотов, что Амбуазский мир могут отменить, подтвердились в августе 1567 г., когда Екатерина призвала кардинала Карла вернуться в Тайный совет.

В Шотландии события приняли драматичный оборот. Стабильность режима Марии Стюарт основывалась на разрядке в отношениях с Англией. И шотландцы и англичане подразумевали, что незамужней Елизавете придётся назначить преемника, и Гизы стремились обеспечить кандидатуру Марии. Кардинал какое-то время даже рассматривал возможность её обращения в протестантизм или брака с принцем-протестантом, таким как Конде. Всё же кардинал неохотно хлопотал о папском разрешении на брак Марии с её двоюродным братом лордом Дарнли[62]. Этот катастрофический брак запустил цепь событий, которые приведут к выходу Шотландии из-под контроля Гизов. Дарнли был тщеславен, глуп и имел привычку оскорблять людей. В феврале 1567 г. его убили, после чего Марию свергли, заточили и заставили отречься от престола. Позднее она бежала в Англию, где стала пленницей до конца жизни.

До этого времени отношения кардинала Лотарингского с Филиппом II были прохладными. Теперь же династические и религиозные интересы Габсбургов и Гизов совпали. С 1568 г. кардинал поддерживал постоянную переписку с королём Испании и его советниками. Конечно, дружба с Испанией означала приоритет вопросов веры над родословной и требовала от Гизов отказаться (по крайней мере, на время) от анжуйского наследства.

На поражение конфедератов в Нидерландах и возвращение кардинала в совет гугеноты ответили, пойдя ва-банк. Водоразделом стала их попытка 26 сентября схватить короля и его мать в Мо[63]. Она навсегда нарушила хрупкий баланс при дворе. Для протестантов неудача этой попытки была вдвойне катастрофой. Во-первых, Карл IX избежал пленения и уехал в Париж. Во-вторых, постоянные утверждения гугенотов, будто в защиту общего блага они поступают добродетельно, стали пустыми словами. Почти несомненно, что если бы король попал в руки протестантов, его убили бы. Хотя в декабре 1567 г. в сражении при Сен-Дени погиб коннетабль Монморанси, вторая гражданская война почти не разрешила ситуацию. В мае 1568 г. был заключён мирный договор в Лонжюмо, но и он не был решением.

Между тем Филипп II показал, каким может быть альтернативное решение проблемы ереси. В 1567 г. испанцы учредили в Нидерландах особый трибунал — Совет по делам о мятежах. В общей сложности перед ним предстали 12 тыс. человек, из которых более тысячи были казнены, включая родственников Монморан-

[62] Генрих Стюарт, лорд Дарнли (1545–1567) — шотландский вельможа, король-консорт Шотландии в 1565–1567 гг.

[63] В историю эти события вошли как «сюрприз в Мо».

си — графов Эгмонта и Хорна (с. 180–181). В августе 1568 г. Конде, Колиньи и лидер конфедератов Вильгельм Оранский[64] образовали единый фронт, а главной мишенью их пропагандистской кампании стал чёрный образ кардинала Лотарингского. В сентябре протестанты вновь взялись за оружие и обвиняли Карла в заговоре против мира. Они пытались втянуть в конфликт Англию и утверждали, что вслед за тюремным заключением Марии Стюарт в мае 1568 г. Елизавета I тоже стала мишенью заговора. Некоторые историки верят этим утверждениям, но если опасения католического заговора могли быть реальными, это не значит, что он существовал.

У провала мира в Лонжюмо были и другие причины. Во многих местах этот мир вообще не действовал: установилось лишь вооружённое перемирие. К тому же интернационализация протестантско-католического раскола заставила обе стороны нервно наблюдать за событиями за рубежом. Опасения репрессий обострились из-за неудачного вторжения протестантов в Нидерланды. Решение их лидеров вновь взяться за оружие ускорила бесповоротная потеря ими влияния при дворе.

Екатерина призвала кардинала отчасти с целью умиротворить Испанию — но вместе с тем потому, что отчаянно нуждалась в деньгах. Кардинал предоставил в распоряжение короны огромные доходы церкви. 1 августа папа Пий V[65] издал буллу с разрешением королю Франции отчуждать церковную собственность стоимостью до 150 тыс. крон (с. 182). Условием было расходование этих средств на подавление «еретиков». Канцлер л'Опиталь пытался помешать такой политике, но безуспешно и ушёл в отставку. В письмах к Альбе и Филиппу II Карл называл общим врагом Елизавету и склонял Испанию к интервенции в Англию с целью освободить Марию Стюарт.

Третья гражданская война велась ещё ожесточённее. Поначалу королевская армия во главе с герцогом Анжуйским побеждала. В сражении при Жарнаке в 1569 г. Конде вновь был захвачен. На этот раз почётного плена или выкупа не было: капитан гвардии застрелил принца в голову. Превращение кардинала Лотарингского в воина Контрреформации открыло тёмную сторону его личности, и его мстительность росла. Однако королевской армии не хватало тылового обеспечения, чтобы уничтожить очаги сопротивления на юге. Кавалерия гугенотов применяла партизанскую тактику, терроризировала население и подрывала волю католиков к борьбе. Екатерина понимала, что гражданская война подтачивает власть и престиж монархии, поэтому пробовала заключить мир. Карл IX рос и с завистью смотрел на младшего брата, а придворные стали шептать, что единственные, кому выгодна война, — Гизы.

Весной 1570 г. Колиньи, теперь бесспорный лидер протестантов, начал марш к Парижу. В июне его люди разграбили знаменитое аббатство Клюни. Почти весь королевский совет хотел урегулирования, и 8 августа Екатерина заключила с гугенотами мир в Сен-Жермен-ан-Ле. Его условия были для них так благоприятны, что мир назвали «кальвинистской хартией». Правда, при дворе и в Париже протестантизм был по-прежнему запрещён. Однако свобода вероисповедания была объявлена по всему королевству, а свобода богослужений — там, где их вели до войны. К

[64] Вильгельм I Оранский (1533–1584) — лидер освободительной борьбы Нидерландов против испанской власти, первый статхаудер Голландии и Зеландии.

[65] Пий V (1504–1572) — папа римский в 1566–1572 гг., в миру Антонио Микеле Гизлиери.

тому же протестанты на два года получили четыре укреплённых города, включая Ла-Рошель. Многих католиков эдикт озадачил: они не считали, что гугеноты настолько сильны, чтобы вырвать у власти столь благоприятные условия. Для кардинала мир стал поражением.

Между тем подрастал сын герцога Франсуа Генрих. Он боготворил отца и тяжело пережил его гибель. Образование Генриха было коротким (едва год в Наваррском коллеже), так как отец призвал его обучаться воинскому искусству. В этом компанию Генриху составил его младший брат Карл (1554–1611), тогда как самый младший из братьев, Луи (1555–1588), должен был унаследовать церковную империю дяди. Генрих не имел тяги к знаниям и, несмотря на усилия дяди и бабушки, богословие знал поверхностно. Подобно отцу и деду, он больше интересовался традиционными занятиями аристократов.

В ту эпоху, когда считалось, что внешний вид и поведение возвещают о величии, красота членов дома Гизов была общеизвестна и контрастировала с уродством большинства их современников из домов Габсбургов, Валуа и Бурбонов. Генрих унаследовал обаяние и чувство локтя, какими отличался отец, но его Ахиллесовой пятой была гордыня. У Франсуа гордость аристократа умерялась сдержанностью и скромностью, но Генрих унаследовал высокомерие дяди.

Ещё не достигнув 15 лет, юный герцог уже отличался на турнирах. Однако триумф его врагов делал ежедневное унижение при дворе невыносимым. В 1566 г. Генрих с братом Карлом во главе отряда в 350 человек отправились в Венгрию воевать с турками под командой своего дяди Альфонсо д'Эсте (с. 187). Однако именно в третьей гражданской войне Генрих, будучи назначен командующим драгунов, начал демонстрировать, что он на голову выше других ультракатоликов из окружения герцога Анжуйского.

После победы роялистов при Жарнаке Генрих наконец встретился на поле боя с Колиньи, осадившим Пуатье. Как его отец в Меце, Генрих не чурался трудностей осадной жизни. Он доблестно защищал пробитую протестантами брешь и был легко ранен. Колиньи пришлось снять осаду. Однако вскоре дело пошло к заключению мира, а средством скрепить его сочли династический брак товарищей детских игр герцога Маргариты де Валуа и Генриха Наваррского, которого его мать Жанна д'Альбре воспитала протестантом.

Когда в августе 1570 г. мир был заключён, кардинал Карл слёг с лихорадкой. Сказались интенсивная работа и опасение быть убитым, но усугубили их огорчения, которые доставлял племянник. Генрих де Гиз был трудным подростком, транжирил деньги и наделал долгов. Он даже поставил под угрозу мирное урегулирование, увлёкшись сестрой короля Маргаритой. Дружба Генриха со своим тёзкой принцем рухнула. Мать и братья оказали на Маргариту давление, а Генрих в октябре 1570 г. женился на другой — Екатерине Клевской[66]. У этого брака были серьёзные причины. Как и Гизы, герцоги Клевские происходили с франко-имперской границы, и семьи давно были союзниками. Екатерина принесла мужу приданое в виде стратегически важного княжества Шато-Реньо и графства Э в Верхней Нормандии, которое закрепило господство Гизов в регионе.

[66] Екатерина Клевская (1548–1633) — средняя дочь герцога Франсуа Клевского, герцога Неверского, двоюродная сестра Генриха Наваррского. Родила Генриху де Гизу 14 детей.

«1560-е годы увидели драматичные изменения в судьбе семьи Гизов: она отвернулась от компромисса с протестантами и сделалась ведущим поборником Контрреформации. Уроки битвы при Дрё были ясными. Конфликт с Габсбургами принёс Гизам их состояние, тогда как мир в Като-Камбрези был выгоден их врагам. Новая война опять обеспечила их подъём. Однако ассоциирование с гражданской войной было чревато угрозами, так как позволяло обвинять семью в том, что она увековечивает конфессиональный конфликт ради собственных целей. Установилась самоподдерживающаяся модель: поскольку политическая судьба Гизов зависела от продолжения войны с ересью, их начали считать исключительно "военной партией"; вследствие этого главным гарантом мира была их опала. К концу десятилетия Екатерине, её министрам и сыновьям стало совершенно ясно, что протестантов нельзя победить военным путём, а гражданская война лишь уменьшает власть монархии. Это поставило Гизов перед парадоксом. Своим подъёмом они были обязаны Валуа и без королевской милости оставались бы бессильны; их и без того серьёзные финансовые трудности усугубились. Поэтому они смотрели по сторонам» (с. 190–191).

22 августа 1572 г., когда Колиньи пешком возвращался из Лувра с заседания совета, на него совершили неудачное покушение. В 55 лет адмирал был самым опытным политиком и военным Франции. Даже враги уважали его мужество и благочестие. Колиньи часто сравнивали с Франсуа де Гизом, называя их «двумя сверкающими алмазами». В характере Колиньи была бескомпромиссность, отвечавшая кальвинистской дисциплине, а оружием на войне ему служили жестокость и террор. В глазах протестантов это делало его героем.

Однако не прошло и 48 часов после покушения, как адмирал был убит. Последовали несколько дней анархии, в которой были перебиты от 2 тыс. до 6 тыс. протестантов и разграблены более 600 домов (с. 193). Варфоломеевская ночь — самый трудный объект изучения в истории XVI в. Сохранившиеся источники пристрастны больше обычного, а в последующие века на них наслоилось множество подозрений. Прежние толкования исходили из репутации Екатерины как коварной итальянки, искушённой в тёмных политических искусствах Макиавелли. Утверждают, будто убийство Колиньи было запланировано за годы до его совершения и стало сигналом к осуществлению заранее разработанной программы истребления протестантов. Утверждают также, будто королева опасалась, что адмирал станет для её сына авторитетнее её самой. Такая интерпретация опирается скорее на ксенофобию и женоненавистничество, чем на факты. Историк Н. Сазерленд[67] настаивает, что убийство противоречило долгосрочным политическим целям Екатерины. Более десяти лет она пыталась сохранить мир, балансируя между католической и протестантской фракциями. Н. Сазерленд указывает на международный католический заговор с участием Испании, папства и Гизов. Испанская версия правдоподобна, так как летом 1572 г. Колиньи призывал вторгнуться в Нидерланды. И всё же свидетельств мало. Испанцы исходили из *Realpolitik*: признавали, что адмирал является фактором раскола Франции, а поэтому способствует её слабости. Обвиняют также герцога Анжуйского, итальянских членов Тайного совета или их вместе. Карла IX недавно реабилитировали в том смысле, что, хотя он и мог сыграть в плани-

[67] Sutherland N. The Massacre of St. Bartholomew and the European Conflict, 1559–1572. L.: Macmillan, 1973.

ровании убийства решающую роль, был он королём-философом, который опасался краха своей мечты о согласии в стране. Как бы то ни было, пользой недавних исследований стало то, что заговор против Колиньи перестали связывать с последовавшей за ним резнёй.

Самый удивительный провал в расследовании убийства адмирала — отсутствие серьёзного анализа действий главных подозреваемых, т.е. семьи Гизов. Пересмотр политических событий 1570–1572 гг. с её точки зрения оставляет совсем другое впечатление о событиях в центре. О предшествовавших резне событиях существует не меньше мифов, чем и о самой Варфоломеевской ночи.

Согласно одному из мифов, накануне резни во Франции существовала единая ультракатолическая фракция. Конечно, Сен-Жерменским миром были недовольны многие католики, а Гизы были их главной надеждой. Однако, как мы видели, парижане не были готовы оказать им вооружённую поддержку. Хотя протестанты были меньшинством, внушительной угрозой их делало относительное единство. Католики же были расколоты личными и политическими распрями. Нигде это не проявлялось ярче, чем в королевском совете. Большинство его членов разделяли ультракатолические взгляды Гизов — но не любили самих Гизов. Между тем эти советники сыграли в резне ключевую роль.

Наконец, участником драмы был сам король. Как показано недавно, Карл IX был самостоятельной политической фигурой и, хотя презирал ересь, много поработал над заключением мира. Он не был обделён умом и мог увлечённо говорить о богословии, поэзии, архитектуре и военной стратегии. Карл был одержим охотой и любил работать по металлу. Вместе с тем вырос он в среде, где политические убийства были делом обычным. В 1571 г. он сам дал добро на убийство фаворита своего брата Генриха — Линьероля, который интриговал против королевской политики.

В 1571 г. испанский посол сказал, что о кардинале Лотарингском больше не говорят — как и вообще о Гизах. Это показывает, что отъезд от двора едва ли был подходящим моментом начала сговора Гизов с Филиппом II и Альбой. Испанский король продолжал считать Гизов своими главными союзниками во Франции, но, находясь в опале, они были для него мало полезны. В сентябре король тепло принял при дворе Колиньи, что резко отличалось от приёма, оказанного кардиналу. Молодой Генрих рвался изменить судьбы семьи, но дядя, опытный политик, призывал его к сдержанности. В январе 1572 г. герцог де Гиз прибыл в Париж с обычной свитой в 500 человек (с. 200). В апреле его брат Карл, маркиз де Майенн, покинул Францию, намереваясь отправиться в крестовый поход. Если бы Генрих замышлял возобновить гражданскую войну ударом по Колиньи, едва ли он позволил бы брату уехать с 200 людьми, а двоюродным братьям маркизу Эльбёфу и старшему сыну герцога Омаля — в Рим в свите своего дяди кардинала. В мае 1572 г. Генриху пришлось примириться с Колиньи. Ещё в апреле был заключён брачный контракт Генриха Наваррского с Марго, за которым последовал договор Блуа — англо-французский оборонительный союз. Это было частью сделки Екатерины с Жанной д'Альбре по вопросу о династическом союзе Валуа и Бурбонов.

Однако когда к проекту примирения наносились последние штрихи, в Нидерландах произошло политическое землетрясение, которое навсегда изменило баланс сил в Северной Европе.

Жёсткие меры режима Альбы в Нидерландах привели к резким масштабным изменениям по всей Европе. Морские гёзы были серьёзной угрозой, но они ограничивались рейдами на побережье и нападениями на испанское судоходство из своих баз в Ла-Рошели, Эмдене и портах Ла-Манша. Когда Елизавета, всегда осторожная в отношениях с Филиппом II, изгнала 600 морских гёзов из Англии, те захватили маленький порт Брилл и в Нидерландах началось восстание. Штаты Голландии признали Вильгельма Оранского защитником страны, бросив вызов авторитету Альбы. После окончания третьей гражданской войны во Франции руководство гугенотов пыталось убедить Екатерину и её министров, что интервенция в Нидерланды отвечает интересам Франции, объединив её народ против старого врага.

Главным посланником повстанцев во Франции был младший брат Вильгельма граф Людвиг Нассауский[68]. Он сражался вместе с гугенотами, и Колиньи дал ему слово, что в час нужды он может на них рассчитывать. Когда пал Брилл, Нассау отправил гёзам помощь из Ла-Рошели. В мае 1572 г. он захватил городок Монс, а ещё один отряд изгнанников и французских протестантов перешёл границу и устроил набег на Брюссель в попытке захватить самого Альбу. Последний был убеждён в причастности к этому Карла IX и в том, что Франция вскоре объявит войну. Он бросил силы против Монса, и граф Людвиг просил Колиньи выполнить обещание и вторгнуться в Нидерланды от имени Карла IX. Однако испанцы устроили французам засаду при Сен-Гислене и разбили их. Степень причастности французского короля к вторжению установить трудно. Несомненно, он мечтал вернуть отнятые Габсбургами земли во Фландрии и Артуа. Однако провал английского брака и отказ Елизаветы от чего-то большего, чем оборонительный союз (королева опасалась французской гегемонии не меньше, чем испанской), заставили Екатерину сопротивляться авантюрной внешней политике: она грозила разрушить хрупкий мир внутри страны.

Летом 1572 г. Тайный совет был опасно расколот по вопросу интервенции. В Англии Уолсингэм[69] доносил Елизавете, что Париж находится в состоянии тревожной неопределённости. Колиньи продавливал решение о войне, запугивая альтернативой ещё более опасной войны. Ультракатолики во главе с герцогами Анжуйским и Неверским не хотели, чтобы король поддерживал военную авантюру ради еретиков и мятежников. Решающим оказалось мнение престарелого Жана де Морвилье[70]. Несмотря на близость к семье Монморанси, он высказался против войны, так как Елизавета и немецкие князья не согласились на наступательный союз с Францией. Король, правда, продолжал тайно поощрять голландских повстанцев, но Колиньи больше не хотел ждать. В письме лорду Бёрли[71] он назвал себя божьим воином, который вступает в битву со слугами сатаны. Вильгельму Оранскому он обещал 12 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников и назначил свой отъезд на 25 августа (с. 206).

---

[68] Людвиг Нассау-Дилленбургский (1538–1574) — нидерландский военачальник, воевал с испанцами в ходе войны за освобождение Нидерландов.

[69] Сэр Фрэнсис Уолсингэм (ок. 1532–1590) — придворный и статс-секретарь Елизаветы I с 1573 г., руководитель английской разведки, посол Англии во Франции.

[70] Жан де Морвилье (1506–1577) — отличавшийся умеренностью взглядов советник Екатерины де Медичи, епископ Орлеана, хранитель печати.

[71] Уильям Сесил, 1-й барон Бёрли (1520–1598) — ключевая политическая фигура Англии в правление Елизаветы I, её главный советник, дважды статс-секретарь, с 1572 г. лорд-казначей.

Убийство адмирала не имело целью разрушить мир. Целью было помешать начать внешнюю войну и поставить под угрозу внутренний мир. Генрих де Гиз отрицал свою причастность к убийству, и свидетельства в её пользу несущественны. К тому же герцог формально примирился с адмиралом, и нарушить слово всего через три месяца значило бы бросить вызов королевской власти. Трудно обвинять и испанцев: успех восстания в Нидерландах означал, что они могли оказать Гизам лишь моральную поддержку.

Если Гиз и был причастен, вероятнее всего, он действовал в согласии с кем-то при дворе. Испанский посол считал, что это Екатерина: лишь она могла дать Гизу необходимые гарантии. Единственной другой фигурой, которой доверял Гиз, был герцог Анжуйский. В дни вслед за убийством он сыграл ключевую роль. Принц Генрих был законченным интриганом и манипулятором. Он мог быть набожен, но убийства не трогали его совести. Заговорщикам в Тайном совете идея убийства импонировала: корона избавлялась от врага, а вина падала совсем не на того.

«Нынешнее состояние исследований не позволяет нам установить с определённостью, нёс ли Генрих де Гиз в конечном счёте ответственность за приказ убить Колиньи. Его окружение было полно слуг, которые имели на это основания, считали риски приемлемыми и были готовы выполнить грязную работу сами. В прямом приказе они не нуждались. Гражданская война перевернула старые определённости и иерархию, так что мелкие дворяне могли действовать самостоятельно: того требовала их вера… Они выполняли долг по отношению к памяти убитого герцога, но были у них и личные мотивы. Убив Колиньи, они мстили тем, кто их предал и поступил дурно с их семьями» (с. 212).

Неудачное покушение 22 августа укрепило политические позиции адмирала. Карл IX поспешил навестить его в постели и обещал расследовать это дело. Раненый просил арестовать Гиза, но для многих в его окружении устных заверений короля было недостаточно.

23 августа состоялось неформальное собрание фракции Екатерины с участием герцога Анжуйского. Говорили о надвигающейся новой гражданской войне, так как расследование, вероятно, установило бы причастность членов Тайного совета. Была подана мысль, что теперь, когда протестантское руководство собралось вместе, самое время нанести удар. Нанесённый быстро, он повлечёт минимум насилия и позволит избежать войны. Около 11 часов вечера состоялось второе совещание, на этот раз с участием короля. Его убедили сразить гидру гражданской войны, пока не поздно. Около полуночи в Лувре состоялось последнее совещание, на котором присутствовал и Гиз. Это был уже военный совет, на котором герцоги Гиз, Омаль, Ангулем, Анжу и Монпансье составили список около 70 подлежащих устранению человек и поделили своих людей на отряды. Было принято роковое решение, которое приведёт к выходу ситуации из-под контроля: были вызваны нынешний и прежний градоначальники Парижа, и им велели для поддержания порядка мобилизовать городскую милицию численностью 30 тыс. человек (с. 213). Многие ополченцы были обычными горожанами и носили оружие неохотно, что позволило возглавить движение радикальным католикам. Когда им сообщили, что королю угрожают гугеноты, многие увидели в этом возможность, которую нельзя упустить.

Гиз не сознавал надвигающейся катастрофы и считал, что лишь вершит правосудие. Адмирал Колиньи был убит в числе первых. Католики были напуганы слухами о протестантском восстании. Такое уже было в 1567 г., когда гугеноты подожгли ветряные мельницы под Парижем. Произошла резня. В три часа пополудни городские старшины прибыли в Лувр сообщить, что Париж вышел из-под контроля. Король велел прекратить насилие, но джинн был уже выпущен из бутылки. Французским посольствам за рубежом сообщили, что причина Варфоломеевской ночи — частная ссора двух домов. Эта ложь — свидетельство виновности тех, кто хотел выставить Гизов козлами отпущения. Однако вскоре король по настоянию Екатерины и брата объявил, что это он велел убить адмирала. Кроме задачи показать Европе, что король контролирует ситуацию, у этого была ещё одна причина. Объявить резню результатом частной ссоры значило рисковать продолжением кровной мести. Путаница в королевской политике способствовала тому, что в последующие недели резня перекинулась на провинции.

«Сегодня в расследовании убийства необходимо восстановить передвижения и поведение подозреваемого в часы после совершения преступления. Также можно добавить штрихи к психологическому портрету наших подозреваемых и заглянуть в их мотивы. Ни у кого из главных подозреваемых сцены бойни и резни не выявляют одобрения, здравого размышления или раскаяния. В написанных позднее воспоминаниях сделана попытка свалить вину на других» (с. 217). Карл IX не отказал себе в удовольствии съездить к виселице в Монфоконе полюбоваться трупом Колиньи. Английский посол Уолсингэм писал, что герцог де Гиз не столь кровожаден и сам не убивал, хотя и радовался гибели своего врага адмирала. Хотя его мать тоже желала Колиньи смерти, это не противоречило её симпатии к другим протестантам. Неслучайно убежище у неё получил главный советник адмирала Арно де Кавень, которого она прятала два дня.

«История XX века научила нас, что у причастности к массовым убийствам есть много уровней. Вину аристократических “взводов смерти” в том, что они выпустили народное религиозное насилие, невозможно отрицать полностью. У некоторых лидеров, таких как герцоги Анжуйский и Неверский, руки были испачканы кровью больше, чем у других. Оба были исключительно религиозны, будучи представителями нового воинствующего благочестия Контрреформации. Была и другая причина, по которой они презирали герцога де Гиза. Как и его отец, Генрих был несколько ближе к норме: демонстрировал мало интереса к вопросам догмы. Герцог весьма заботился о том, чтобы правосудие в связи с его частной ссорой не смешивали с действиями католической толпы. Для него это был не крестовый поход или мистический опыт, а правосудие. Он повёл себя необычно, чтобы спасти беззащитных протестантов… Его участие в резне имело основой оппортунизм, а не религиозный фанатизм» (с. 219).

Многие протестанты считали законным право герцога отомстить по законам чести. Сознавали они и то, что он дистанцировался от толпы и своих товарищей по заговору. Генрих не хотел выступать козлом отпущения, и в целом это ему удалось: в августовских событиях 1572 г. будут винить корону. Заговор, который начался как попытка обеспечить мир и стабильность, привёл к противоположному результату. Репутация Валуа оказалась подмоченной, Карл IX выглядел тираном, а Ека-

терина и герцог Анжуйский — интриганами. В самом популярном памфлете о резне, «Будильнике», сожаления герцога Гиза противопоставлялись коварству королевской семьи. Более того, памфлет призывал к свержению монархии Валуа, которые были потомками узурпатора Гуго Капета[72], и замене её на Гизов. Это при том, что памфлет был не католическим, а протестантским. Автор проводил мысль, что Гизы и протестанты пострадали от монархии и пора объединиться — при условии, что Гизы гарантируют свободу совести. В последующие годы герцог де Гиз действительно сформирует союз (правда, не такой), который свергнет один королевский дом и попытается свергнуть другой.

В 1576 г. Гизы праздновали тройную свадьбу — Карла де Майенна с Генриеттой Савойской, Карла, герцога Омальского, со своей двоюродной сестрой Марией, дочерью маркиза д'Эльбёф, а его сестры Дианы — с Франсуа де Люксембургом, герцогом де Пиней. Со времени Варфоломеевской ночи многие привычные лица исчезли. В 1574 г. в возрасте 49 лет умер кардинал Лотарингский, простудившись на церемонии покаяния. Генрих де Гиз по характеру был ближе Генриху Наваррскому, чем другому своему тёзке — Генриху III. До бегства короля Наварры от двора и его нового обращения в 1576 г. они с Гизом ладили. Религия была для них служанкой политики, и ни один не был особо набожен. Будучи воинами, они считали, что занимавшие Генриха III экзистенциальные и богословские проблемы лучше оставить духовенству. Гиз был утончённее Генриха Наваррского: был обходителен, говорил по-итальянски и по-немецки, что важно, так как его свита была такой же космополитичной, как свита отца.

Харизме герцога способствовало обострённое чувство собственного достоинства. Генриха захватила новая мода на дуэли, хотя Тридентский собор их запретил. Так, в 1573 г. он дрался с простым дворянином, чего не позволил бы себе его отец. Вместе с тем, подобно отцу, Гиз заработал репутацию полководца. В 1575 г. он показал храбрость в отпоре немецким наёмникам при Дормансе. Преследуя бегущего врага, герцог был ранен в щёку и левое ухо, оставшись со шрамом, из-за которого его, как отца, прозвали Меченым.

Браки 1576 г. подтвердили превращение Генриха в значительную политическую фигуру. С уходом старшего поколения, которое связывали узы братской любви и уважения к старшему брату, возникла опасность, что семья распадётся. Однако приход следующего поколения был организован таким образом, чтобы предотвратить раздоры и содействовать взаимозависимости членов семьи. Лидерство герцога де Гиза зиждилось на соглашении с братьями и кузенами, по которому соблюдение принципов предшествования вознаграждалось справедливым распределением имений, доходов и церковного патронажа. Так, младший брат Генриха Карл, который тоже был солдатом, получил во владение Майенн, а после смерти своего дяди Клода д'Омаля — наместничество Бургундии. Его женитьба на богатой наследнице Савойского дома принесла Гизам значительное наследство на юго-западе страны. Не менее важно то, что отец невесты Онора Савойский[73] обеспечил Карлу должность адмирала Франции.

[72] Гуго Капет (ок. 940–996) — король Франции в 987–996 гг., основатель династии Капетингов.

[73] Онора II Савойский, маркиз де Виллар (1511–1580) — французский администратор и военный, маршал и адмирал Франции; преследовал протестантов.

Таким образом, Гизы стали контролировать три важных должности королевского аппарата — адмирала Франции, великого магистра двора (которую Генрих унаследовал от отца) и великого охотника (которую Клод д'Омаль передал своему старшему сыну Карлу). Перед смертью кардинал Карл заручился согласием Генриха III на то, что его племянник Луи II наследует ему как кардинал де Гиз. Луи II сам был искусным строителем церковной империи, о чём говорят шесть бенефициев, которые он собрал за период 1574–1588 гг. Правда, хотя Контрреформация требовала от епископов многого, Луи II принадлежал к старой эпохе: любовница подарила ему четырёх незаконнорожденных детей, а его образование, полученное у консервативного бенедиктинца, совсем не походило на гуманистические штудии дяди Карла. Всё же в других отношениях Луи был образцовым епископом эпохи после Тридентского собора. В 1583 г. возраст позволил ему занять должность архиепископа Реймсского, и его епархия стала центром покаянных процессий. Они были масштабной логистической операцией и вовсе не спонтанны. Неслучайно в триумфальном въезде Луи в Реймс участвовала сотня студентов местного Английского коллежа. Кампанию кардинала надо рассматривать в широком контексте: поддержка миссий в Англии служила барометром радикального католического активизма во Франции, тогда как поддержанные им возрождение святынь и культ Марии ассоциировались с иезуитами и были главными символами Контрреформации по всей Европе.

Иезуиты влияли на третье поколение Гизов и в другой области. Карл д'Омаль был одним из первых среди 400 поступивших в Иезуитский университет, который основали герцог Лотарингский Карл III и кардинал Карл в 1572 г. в Лотарингии. Герцог не был воинствующей фигурой Контрреформации, и основание университета показывает, что он рассматривал отвоевание католиками позиций как мирную деятельность. Что касается Антуанетты де Бурбон, то она продолжала управлять семейными делами из Жуанвиля, где воспитывала уже правнуков.

Между тем финансовые дела Гизов шли не слишком хорошо. Генрих имел долгов на сумму от 1 до 3 млн. ливров, что в 4–12 раз превышало его годовой доход (с. 226). Между тем о сокращении расходов речи идти не могло: честь требовала, чтобы принц жил на широкую ногу. Домохозяйство Генриха составляли 98 человек — меньше, чем у отца, но столько, сколько, по его мнению, он мог содержать, не теряя лица (с. 226). Поэтому герцогу пришлось продать графство Нантей, один замок и один фьеф. Генрих нуждался в сохранении королевского патронажа, но появление радикальной католической оппозиции королевской политике стало одновременно вызовом и шансом.

В момент воцарения Генриха III католики смотрели в будущее с бóльшими надеждами, чем за все предыдущие годы гражданских войн. Массовые обращения после Варфоломеевской ночи серьёзно ослабили протестантизм к северу от Луары. Будучи ещё наследным принцем, король показал, что в борьбе за религиозное единство не остановится перед пролитием крови. Гизы разделяли надежды католиков. Четырёх членов семьи новый король призвал в Тайный совет. Более того, через два дня после коронации в феврале 1575 г. он женился на двоюродной сестре Гизов Луизе.

Однако надежды католиков и радость Гизов оборвались катастрофической кампанией 1575 г. и миром в Больё 1576 г., который оказался самым благоприятным

для протестантов за всё это время. Генрих III, как прежде его мать, осознал, что не только войну нельзя выиграть, но и она подрывает монаршую власть. По мере того как провинции попадали под контроль аристократов-военачальников, королевские долги росли и превысили 100 млн. ливров, т.е. с 1559 г. увеличились вдесятеро (с. 227). Чтобы обеспечить мир, Генрих сделал ряд политических и финансовых уступок протестантам и их католическим союзникам. Он согласился восстановить их в должностях, какие они занимали до Варфоломеевской ночи, передать им ряд стратегических городов, заплатить их наёмникам, а также созвать Генеральные штаты. Для ярых католиков это было унижением.

Сформированная ими «Католическая лига была радикальным разрывом с прошлым, так как шла намного дальше призыва восстановить католическую церковь. Обращаясь к новой исторической науке, её манифест с восхищением смотрел на мифическое прошлое, в котором первые франкские короли гарантировали права и свободы трёх сословий. Её принципы предполагали фундаментальное перевоображение (re-imagining) государства. Незыблемость королевского католичества не только обеспечила отлучение Генриха Наваррского, но и проложила путь монархии, избираемой Генеральными штатами, которые действовали от имени народа. Основой этого конституционного сдвига была идея, впервые выдвинутая протестантами, согласно которой суверенитет является делимым. После XVII в. историки игнорировали Лигу, поскольку она трудно вписывалась и в либеральное, и в марксистское понятия революции. Однако со времени иранской революции 1979 г. мы вновь познакомились с революционным потенциалом сочетания теократических и демократических идей. Теперь известно, что английская революция была не первой буржуазной революцией, а вариантом религиозной революции, европейских предшественников которой можно найти во Франции в 1576 г. и в Германии в ходе крестьянской войны 1525 г.» (с. 228).

Вместе с тем герцог де Гиз не был предтечей Кромвеля, а Лига исходно не была инструментом воплощения властных амбиций. Зародилась она на местах, и герцогу, хотя он и сочувствовал ей, приходилось сохранять дистанцию. Миром в Больё сильнее всего были недовольны в Пикардии и Нормандии, где после королевского эдикта протестантизм вновь поднимал голову. Заговорщики регулярно собирались на тайные совещания, писали шифрованные письма. Организационные способности Лиги впервые были опробованы на собраниях с целью избрать депутатов в Генеральные штаты. Это был первый во французской истории случай проведения чего-то похожего на предвыборную кампанию. Традиционно выборы в штаты не были конкурентными. Это были собрания, где обсуждался список жалоб, и кому-то поручали отвезти его на ассамблею. Характерная для Лиги смесь фанатизма и конституционалистской риторики добавила в выборы идеологический элемент. Генрих III несколько раз вмешивался, чтобы навязать своего кандидата, но на выборах делегата от второго сословия в нормандском городе Ко Лиге удалось настоять на своём.

Король подозревал, что за агитацией стоят Гизы. В самом деле, договор о создании Лиги в Перонне в Пикардии был подписан в доме старого слуги их семьи Жака д'Аппленкура. Это не значит, что Гизы плотно контролировали организацию, так как это было бы слишком опасно. 2 августа 1576 г. король заставил Гизов по-

клясться сохранять мир. Они и не собирались порывать с королём: просто надеялись, что Лига заставит его переосмыслить политику. Правда, когда открылись Генеральные штаты, герцога обвинили в государственной измене. Был обнаружен памфлет, на деле написанный протестантами, с призывом к папе сделать Гиза командующим Лиги, а короля и Екатерину заточить в монастыри. Гизы не делали секрета из своего происхождения от Карла Великого, но в памфлете говорилось, что эти притязания будут предлогом для свержения Валуа. Генриха III убедили, что пропаганда — ложная, но сомнения в лояльности герцога она посеяла.

Поскольку королю не удалось уничтожить Лигу в зародыше, он попытался перехитрить оппонентов. Накануне созыва Штатов Генрих вдруг объявил, что в Лигу должны записаться все его подданные. Соответственно, он заменил ряд пунктов новыми — о сохранении мира и протестантских богослужений. Руководство Лиги игнорировало эти изменения, но столкнулось с более упрямым оппонентом, чем король. Простые налогоплательщики увидели в инициативе короля циничный манёвр выжать из них больше денег. На съезде в Блуа в декабре 1576 г. штаты отказались проголосовать за новые налоги, что было поражением Лиги. Этому способствовал юрист Жан Боден[74], который хотел не допустить ещё одной гражданской войны. Он только что опубликовал свои «Шесть книг о государстве», где утверждал, что король не делит власть с народом.

Вместе с тем Генеральные штаты 1576 г. выработали несколько базовых конституционных принципов, которые будут иметь огромные последствия для будущего французской монархии, особенно несовместимость представительного правления с религиозной терпимостью. Отныне выбор будет между продвигаемой Лигой идеей ограниченной монархии, представительные институты которой гарантировали теократическое государство, и продвигаемой Боденом идеей монархии, не ограниченной обычаями и традициями, суверенитет которой неделим, а поэтому достаточно силён, чтобы обеспечить мир и религиозную терпимость.

В результате манёвров Бодена кампания 1577 г. началась без необходимых ресурсов, и поэтому её исход оказался неясен. Однако завершилась она миром, который был более приемлемым для католиков и привёл к ослаблению межобщинной напряжённости. Статья 56 эдикта распускала и объявляла вне закона все ассоциации. Поэтому Католическая лига ушла в подполье, а Генрих де Гиз продолжал делать вид, что не знает о её существовании. Лига между тем создала тайное региональное командование: папский нунций был уверен, что Эльбёф возглавляет организацию в Нормандии, а Омаль — в Пикардии.

Генрих III был необычным французским королём, и это делало его противоречивой фигурой собственной эпохи. Для многих подданных он был загадкой. Генрих был выше среднего роста, вёл себя с достоинством, хорошо говорил на публике и, следуя заданной Филиппом II модели, усердно работал. Он считал, что ради реформирования государства французы должны реформировать самих себя, а кто должен подать пример, как не король? Однако его правление было хрупким, так как король был бездетен и слаб здоровьем. Генрих де Гиз не одобрял своего тёзку за то, что

[74] Жан Боден (1530–1596) — французский юрист, экономист, философ и политический теоретик. Разработал теорию государственного суверенитета, поэтому считается основателем политической науки.

тот «живёт как монах, а не как король». Генрих III с презрением отвергал традиционное времяпровождение аристократов, такое как охота, теннис и скачки. Им восхищались, но популярен он не был. Народ обвинял короля в том, что он попустительствует ереси, поэтому и навлёк на страну божий гнев в виде неурожая и чумы. К тому же Генрих III говорил одно, а делал другое. Так, в 1580 г. он отменил многие продаваемые должности, но вскоре изобрёл много новых. Раздражали и миньоны короля — отъявленные дуэлянты. Дуэли опасно переплелись с фракционной политикой. Так, в апреле 1578 г. произошла схватка между тремя миньонами и тремя сторонниками Гизов, в которой трое погибли. В мае все Гизы покинули двор.

Однако Генрих III не хотел, чтобы герцог де Гиз вошёл в число недовольных принцев, куда уже входили младший брат короля[75] и король Наваррский. Гиз, со своей стороны, нуждался в фаворе короля, чтобы держать на расстоянии кредиторов. Поэтому в марте 1579 г. он был рад вернуться ко двору и, располагая свитой в 600 всадников, оставался близок к королю в течение трёх лет (с. 236).

Отношения между герцогом и королём в эти годы были сложными. Генрих III был слишком умён, чтобы провоцировать или унижать Гиза, но стремление короля радикально преобразить королевство неизбежно вело к столкновению с разными группами интересов. Король хотел держать Гиза при дворе, чтобы не выпускать из виду, поэтому был щедр. В то же время неверно традиционное представление о Гизе как о человеке, которым двигали амбиции и который цинично манипулировал оппозицией в ущерб королю.

Уделяя много внимания этикету, Генрих III произвёл изменения в структуре двора с целью лишить Гизов монополии на высшие должности. В 1578 г. пост великого магистра двора был ослаблен путём создания должности великого прево, который отвечал за полицейские функции при дворе. Её занял королевский миньон Франсуа дю Плесси[76], отец будущего кардинала Ришелье. Поскольку король редко охотился, упало значение и должности великого охотника, которую занимал Карл д'Омаль.

Короли Франции традиционно жили публично и были доступны для подданных. Генрих III следовал английской модели и принял меры к тому, чтобы ограничить такой доступ. В 1581 г. он вопреки советам матери учредил секретный внутренний совет, главными министрами в котором стали Жан-Луи де ла Валетт и Анн де Жуаёз[77]. Генрих превратил этих скромных дворян с юга в крупных магнатов, что вело к разрыву его отношений с Гизами. Публично герцог имел мало причин жаловаться: его регулярно видели с королём, его пенсию и жалованье платили исправно. Между тем Жуаёз и Валетт (ставший герцогом д'Эпернoном) были назначены первыми дворянами личных покоев: никто не мог входить к королю без их согласия. По сути это был дворцовый переворот. Более того, Майенна вынудили оста-

[75] Эркюль Франсуа, герцог Алансонский, затем Анжуйский (1555–1584) — последний, пятый сын Генриха II и Екатерины де Медичи.

[76] Франсуа дю Плесси (1548–1590) — французский военный, затем правительственный чиновник.

[77] Жан-Луи де Ногаре (1554–1642) — французский военный, один из главных миньонов Генриха III, имел прозвище «полукороль» (demi-roi). После гибели в 1610 г. Генриха IV побывал временщиком. Анн де Жуаёз (1561–1587) — французский вельможа, один из главных миньонов Генриха III. Был убит протестантами.

вить пост адмирала Франции, и его занял Жуаёз, а Эпернон стал укреплять контроль короля над армией.

Страна жила в мире, а королевская власть была восстановлена до уровня накануне гражданских войн. Однако Генриха III мучили приступы депрессии — частично из-за отсутствия наследника, а частично из-за Гизов. Ходили слухи, что в обмен на согласие продвижения соперников по карьерной лестнице герцог ожидал назначения на пост коннетабля, а теперь он в ярости. Король посчитал, что Гизы планируют узурпировать права Генриха Наваррского на престолонаследие. Идея была не новой, но в 1582 г. на глаза королю попался генеалогический компендиум Лотарингского дома. Сама идея прямого происхождения Гизов от Карла Великого не оспаривалась, но автор компендиума архидиакон Туля Франсуа де Розьер утверждал, что Гуго Капет был низкорождённым узурпатором Каролингского дома, Прованс и Анжу были отобраны у Рене II Лотарингского, Елизавета I — незаконнорожденная дочь, а истинный наследник Наварры — Филипп II. Генрих III разгневался, Розьера арестовали и допросили: кто надоумил его такое написать? Тот отвечал, что работа самостоятельная.

Враги Гизов принялись возводить на них дикие обвинения. Так, герцога винили в намерении отравить брата короля. Есть основания думать, что Гизов упомянутый компендиум шокировал не меньше, чем Генриха. Розьер работал не на них, а на герцога Лотарингского Карла III. Тот хотел опровергнуть протестантскую публикацию, где высмеивались претензии его дома на происхождение от Карла Великого, а кроме того, мечтал расширить своё герцогство до Рейна.

История с компендиумом лишила Гиза королевского доверия. «Жизнь при дворе постепенно становилась невыносимой. Это чувствовалось тем острее потому, что, когда король в 1575 г. породнился с Лотарингским домом, перспективы Гизов казались столь радужными. Старшинство было точным показателем власти, и другие принцы, чуя, куда дует политический ветер, сумели внедрить правила, вытолкнувшие Гизов вниз по церемониальной лестнице. Это было унижением для семьи, которая когда-то позиционировала себя защитником принцев от выскочек. Даже католические принцы, с которыми Гизы были в родстве, — Орлеаны-Лонгвили, Невер и Монпансье — обращались с ними всё презрительнее. Одним из следствий этого было то, что семья сплотилась как никогда прежде. Враждебность среды и браки между двоюродными братьями и сёстрами укрепили клановую ментальность. Разрыв с королём в 1582 г. сделал солидарность императивом. Герцог оставался при дворе по одной причине: он тоже притворялся, приспосабливался и подыгрывал королю. Втайне он намеревался получить королевство: планировал вторжение в Англию» (с. 241).

В Реймсе в Английском коллеже в ту пору преподавал самый яркий представитель английской эмигрантской общины во Франции Уильям Гиффорд[78]. Гиффорды были древним родом с владениями в Стаффордшире и Глостершире, а их широкий семейный круг включал многих сторонников Марии Стюарт. Английские

[78] Уильям Гиффорд (1554–1629) — католический священник-англичанин, бóльшую часть жизни прожил во Франции. Вступив в орден бенедиктинцев, изменил имя на Гавриил святой Марии. После смерти в 1621 г. Луи III, кардинала де Гиза (третьего сына Генриха де Гиза), сделался его преемником в сане архиепископа Реймсского.

эмигранты-католики составляли воинственную и хорошо организованную общину численностью более тысячи человек с центрами в Реймсе, Париже и Руане (с. 242). Кардинал де Гиз вникал в дела коллежа и рукоположил более сотни священников-англичан, которые вернулись на родину. Это было опасно, так как с 1577 г. 17 таких священников стали мучениками (с. 243). Елизавета знала, что Гизы что-то замышляют, поскольку её секретарь Уолсингэм внедрил в эмигрантскую среду много двойных агентов. Истории этой шпионской деятельности ещё предстоит быть написанной, потому что английские историки не интересовались делами на континенте, а французские мало интересовались английскими изгнанниками. Между тем пропаганда этих изгнанников будет иметь большое значение: она показывала французам ужасную участь католиков в случае воцарения монарха-протестанта и очерняла Генриха III как марионетку Елизаветы. Его ультракатолические критики хотели меньше паломничеств и больше реальной помощи английским единоверцам.

Интерес Гизов к международным делам стимулировало ухудшение отношений с королём. Когда репутация Гиза подверглась нападкам со стороны миньонов, он стал прислушиваться к предложениям помощи от испанцев. В мир международного шпионажа Гиз вошёл под испанским кодовым именем «Геркулес», которое позднее заменили на «Муций».

Покинув двор в мае 1582 г., герцог поехал во владения жены в Нормандии. Возрождался интерес Гизов к франко-британской империи, но на этот раз они имели поддержку не Валуа, а Габсбургов. Сблизившись с иезуитами, Генрих пользовался их услугами в деле разведки. В 1581 г. режим протестанта и англофила графа Мортона[79] в Шотландии пал, и к власти возвратился католик герцог Леннокс[80], что породило у Гизов большие ожидания. Леннокс планировал вернуть Шотландию в лоно католицизма с помощью французских войск. После этого планировалось выдвинуть притязания короля Якова VI[81] на трон Англии. Однако в августе протестантские лорды схватили Якова, а Филипп II отнёсся к плану Гизов прохладно.

Герцога де Гиза обвиняют в том, будто он продался и продал Францию Филиппу II. Это обвинение отражает полное непонимание природы династической политики XVI в. Герцог обращался к королю Испании как равный и надеялся, что католическое дело послужит маскировкой династических претензий Гизов на Британских островах. Однако Филипп не собирался тратить испанские деньги на установление марионеточного режима Гизов в Британии. К тому же герцог был нужен ему во Франции, чтобы отвлекать внимание англичан и французов от Нидерландов, куда в феврале 1583 г. прибыл герцог Анжуйский с одобрения Елизаветы и Генриха III. Разные провинции Нидерландов присягнули французскому принцу как своему герцогу, графу и т.д. Впрочем, Филипп нуждался в противовесе англофилии при французском дворе, поэтому положил Гизу пенсию в 40 тыс. крон (с. 247).

---

[79] Джеймс Даглас, 4-й граф Мортон (ок. 1516–1581) — последний из четырёх регентов Шотландии при малолетнем короле Якове VI, протестант, ориентировался на Англию.

[80] Эсме Стюарт, 1-й герцог Леннокс (1542–1583) — шотландский вельможа, первый из фаворитов Якова VI, был связан с Францией.

[81] Яков I (James I, 1566–1625) — король Шотландии в 1567–1625 гг. и Англии в 1603–1625 гг. В Англии был преемником Елизаветы I и первым представителем династии Стюартов. При нём Англия и Шотландия впервые соединились личной унией.

Однако Генрих III тоже получал помощь из-за рубежа. Вероятно, с ним делилась информацией английская разведка. В ноябре 1582 г. король отказался от услуг своего исповедника Клода Матьё за то, что тот был «слишком испанским».

В феврале 1583 г. Гиз вернулся в Жуанвиль на похороны бабушки Антуанетты де Бурбон. Доходы с её имения и испанская пенсия впервые сделали герцога платёжеспособным. Он продолжал планировать вторжение в Англию, вёл переговоры с папским нунцием. Армия в 12 тыс. человек в составе испанцев, немцев и итальянцев должна была отплыть с Пиренейского полуострова и из Фландрии. Высадившись, она должна была использовать в качестве очага восстания Ланкашир. Собственную армию и английских изгнанников Гиз собирался высадить в Сассексе и отвлечь внимание Елизаветы от восстания на севере. Английский разведчик к середине августа доносил, что в портах Онфлёра, Гавра и Фекампа снаряжаются 15 кораблей (с. 250). Елизавета пожаловалась Генриху III, и Жуаёз посадил наместниками в порты Ла-Манша верных людей, а в ноябре в Лондоне был арестован Фрэнсис Трокмортон[82]. Однако король Шотландии Яков VI одобрил план и просил поддержки Гизов. Герцог собирался лично плыть на Британские острова, но болезнь герцога Анжуйского нарушила эти планы.

В марте 1584 г. отношения короля с герцогом стали невыносимыми. Для обоих вопрос престолонаследия был не только религиозным принципом; речь шла о выживании династий. Хотя Генрих III был последним Валуа, своим законным наследником он видел короля Наваррского Генриха. Филипп II напоминал Гизу, что после воцарения его тёзки ничего хорошего его не ждёт. Сам герцог признался Мишелю де Монтеню[83], что мятежная католическая партия была сформировала по необходимости, так как, пока жив король Наваррский, дом Гизов не находится в безопасности. Лично герцог склонялся к религиозному компромиссу по лютеранской модели.

В июне 1584 г. умер герцог Анжуйский, и в апреле следующего года Гизы подняли восстание. Майенн упрекал Генриха в том, что тот обнаружил себя и товарищей по заговору раньше, чем они были готовы. Гиз отвечал брату, что сделать это его заставили обстоятельства. По стране уже ходил текст якобы речи герцога перед войсками о своём праве на трон. Документ был фальшивым, так как Гиз хотел делать королей, но не быть королём сам. Авторами документа были его протестантские враги, целью которых было очернить герцога в глазах умеренных католиков. Чтобы обелить себя от обвинений в измене, Генрих велел своему двоюродному брату Эльбёфу привезти в Перонн — место рождения Католической лиги — кардинала де Бурбона, чтобы издать там декларацию. Сторонники Лиги призвали возобновить договорную монархию. Она больше импонировала народу, который не принимал идеи наследования трона протестантом. Кардинал осудил внутреннего врага, т.е. тех католиков, которые ради собственных политических интересов подрывали религию и государство. По его словам, Франция не должна была следовать примеру Англии, которая в пропаганде Лиги стала синонимом тирании.

---

[82] Сэр Фрэнсис Трокмортон (1554–1584) — английский дворянин, участник заговора против Елизаветы I, племянник английского посла в Париже Николаса Трокмортона.

[83] Мишель де Монтень (1533–1592) — французский философ и моралист эпохи Возрождения, автор книги «Опыты». Популяризировал очерк (эссе) как литературный жанр.

Последовавшая война за престолонаследие была не просто гражданской войной; то была крупная европейская война. Как только его брат умер, Генрих III послал герцога Эпернона к королю Наваррскому — убедить его обратиться в католицизм. Однако тот не собирался лишаться опоры власти. В декабре 1584 г. он вместе с Елизаветой I, рядом немецких князей и кантонами Швейцарии заключил протестантский союз с целью поддержать переход престола по закону. Король пытался удержать Гизов в Париже, но они под разными предлогами уехали. 31 декабря три брата, главный советник кардинала де Бурбона Роншероль, Эльбёф, Омаль и два посланца Филиппа II подписали договор, собираясь посадить на трон кардинала де Бурбона. Намереваясь изменить правила, католические принцы впервые в истории Франции создали теоретическую возможность выборов короля Генеральными штатами. Филипп II согласился спонсировать армию Лиги в размере 600 тыс. крон в год (с. 259). Братья Гизы разъехались для организации восстания. Особое внимание они уделили Парижу, где сторонники Лиги создали ячейки во всех муниципальных и королевских органах управления. По числу городских округов их тайная организация называлась «Шестнадцать». Хребет её составили юристы — люди, способные снабдить Лигу деньгами. Заместитель столичного прево Никола Пулен устроил новую перевозку в особняк Гизов оружия.

Генрих III знал о заговоре Гизов, но не об их целях. В начале 1585 г. он окружил себя новой охраной — Сорока пятью, которых набрали на родине Эпернона Гаскони, традиционно родине самых крепких солдат Франции. В марте королю повезло: на Марне было обнаружено судно с грузом оружия. Расследование привело к аресту Жана де ла Рошетта — дворянина из окружения кардинала де Гиза со связями среди парижских юристов. Это и заставило Гиза собрать войска в Шалоне. Облегчил его решение карт-бланш от папы Григория XIII[84].

Весной 1585 г. Гиз расширял контроль над Шампанью. Стало ясно, что у короля нет ресурсов победить Лигу, а Гиз не хотел давать сражение и портить свой образ верного слуги короля. 24 апреля после смерти Григория XIII папой был избран Сикст V[85]; он не доверял Испании и перестал поддерживать путч. 7 июля в Немуре был подписал мир, который формально стал капитуляцией короля. Генрих III отменил эдикты в пользу протестантов, обещал объявить войну королю Наваррскому и пожаловал католическим принцам города и охрану. В эти годы Генрих колебался между меланхолическим фатализмом и стремлением уйти от мирской жизни. Несколько дней в году он медитировал в келье францисканской оратории. Вместе с тем собирался выиграть время, перекупить сторонников Гизов и посеять раскол между братьями и двоюродными братьями.

Однако второй раз перехитрить Гизов не удалось. Герцог перестал доверять королю ещё с 1582 г. и имел лазутчика в окружении герцога Эпернона. В частных беседах Гиз сравнивал Генриха III с Людовиком XI[86], который был известен вероломством и двурушничеством. В теориях сопротивления, которые Католическая

[84] Григорий XIII (1502–1585) — папа римский в 1572–1585 гг., в миру Уго Бонкомпаньи. В 1582 г. провёл в католическом мире реформу календаря: заменил юлианский календарь григорианским, устранив тринадцатидневное отставание от солнечного года.

[85] Сикст V (1521–1590) — папа римский в 1585–1590 гг., в миру Феличе Перетти ди Монтальто.

[86] Людовик XI Осторожный (1423–1483) — король Франции в 1461–1483 гг. (династия Валуа). Считается основателем централизованного французского государства.

лига заимствовала у протестантов, Людовик XI был архетипом тирана: при нём был окончательно свергнут суверенитет народа, свободы которого хранились в древней франкской конституции.

Майенн действовал с армией на юге против Генриха Наваррского, но неудачно. Гиз в феврале 1586 г. приехал в Париж, чтобы оказать давление на короля. Тот знал, что, несмотря на популярность, герцогу не хватает денег. Король посчитал, что может повернуть войну в свою пользу: согласился повысить налоги, вновь рассчитывая настроить против Гизов народ.

Между тем Шестнадцать не хотели тянуть время с королём, который не держит обещаний, и намеревались убрать миньонов от власти. Они опасались, что с королём Наваррским и его английскими союзниками вот-вот состоится сделка. Летом столичные адвокаты устроили забастовку, а в ноябре был повешен прокурор Франсуа ле Бретон за то, что назвал короля лицемером (поскольку тот продавал должности, по сути торгуя правосудием). По мере того как Шестнадцать разрабатывали социально-политическую программу, росло их вооружённое крыло. В январе 1587 г., с прибытием в Париж Майенна, заговор был составлен окончательно. Планировалось занять ключевые пункты в городе, устранить ряд роялистов и схватить короля. Рассчитывали применить новое оружие, которое прочно войдёт в историю парижских восстаний, — баррикады (от слова *barrique* — бочка, в которой в каждом доме хранили съестные припасы). Их должны были построить поперёк узких улиц города, предвосхищая события 1648, 1794, 1848, 1871 и 1968 гг. Однако были среди заговорщиков и разногласия. Никола Пулен пришёл в ужас от перспективы социальной революции и подал властям намёк. В результате несколько зачинщиков были арестованы. Если бы король действовал решительно, он мог бы сломить движение вовсе. Однако он этого не сделал — возможно, из-за самоуверенности, а отчасти из-за казни Марии Стюарт в Англии. Парижскому отделению Лиги эта казнь подарила образ мученицы, причём ходили слухи, что Генрих III к ней причастен. В 1587 г. католическая полемика составила 60% всей вышедшей во Франции печатной продукции, а 22% из них относились к событиям на Британских островах (с. 265).

Стратегия Гиза всё больше диктовалась событиями, ему неподконтрольными. С точки зрения финансов и директив он стал полностью зависим от Филиппа II. Испанцы же не собирались давать Гизам влияние в Англии и сами управляли последним дерзким заговором свергнуть Елизавету (который и побудил её казнить Марию). Впрочем, Филипп всё больше занимался подготовкой Армады, поэтому субсидии Гизу выплачивались по остаточному принципу. Из союзника герцог превратился в клиента. Чтобы гарантировать продолжение субсидий, он согласился предоставить Армаде глубоководный порт во Франции. Однако Пулен узнал об этом плане, передал королю, и попытка герцога Омаля в марте 1587 г. захватить Булонь была сорвана. Тогда Омаль поднял открытый мятеж и начал кампанию по захвату Пикардии, чтобы полностью поставить эту стратегическую провинцию рядом с Испанскими Нидерландами и Ла-Маншем под контроль Лиги. Франция подошла к грани первой гражданской войны между католиками.

Генрих III был не в состоянии воевать с Лигой, так как не чувствовал себя в безопасности в собственной столице. Лидерство Лиги в Париже перешло к сестре герцога Екатерине-Марии Лотарингской, вдове герцога Монпансье. В августе в церк-

ви Сен-Жермен л'Осеруа проповедник подверг нападкам самого короля и увязал низкий уровень морали с высокими ценами на хлеб и продажей должностей. В декабре Сорбонна вынесла решение, что правителей, которые ведут себя неподобающе, позволено свергать. Екатерина ходила с ножницами за поясом, намекая, что короля скоро постригут в монахи.

Неспособность Генриха заставить герцогиню и проповедников замолчать имела причиной крах королевской власти в конце 1587 г. Король не мог открыто выступить против Гиза, поэтому собрался привести его к покорности руками протестантов. В ходе месяцев переговоров при посредничестве матери он вновь пытался убедить короля Наваррского обратиться в католицизм. Однако теперь было неизбежным вторжение во Францию протестантских держав, и у короля не было выбора, кроме как дать им отпор. В июле Гиза убедили встретиться с королём в Мо и обсудить защиту страны. Однако король не выполнил обещаний дать людей и ресурсы, и Гизу пришлось обратиться к друзьям и семье. 20 октября произошло сражение между Жуаёзом и королём Наваррским при Кутра, в которой погибли 2 тыс. католиков и сам Жуаёз (с. 270). Это была первая победа протестантов на поле боя. Однако затем немецкие и швейцарские наёмники отделились от протестантской армии, чтобы пограбить богатую сельскую местность Бос. Гиз воспользовался моментом и нанёс протестантам два ощутимых удара. Генрих постарался подорвать значение этих побед, открыв переговоры об уходе наёмников из Франции. Парижане были возмущены, и проповедники объявили герцога спасителем страны.

В феврале 1588 г. Гизы провели совещание в Нанси, где решили заставить короля уважать договор с Лигой, продолжать войну и удалить Эпернона. Однако Генрих III, напротив, назначил фаворита наместником Нормандии и адмиралом Франции, что было беспрецедентной концентрацией власти в руках одного человека.

В апреле Гиз наконец послал инструкции Шестнадцати готовить в Париже восстание. Пулен опять выдал план королю; тот запретил Гизу приезжать в столицу и придвинул к ней 4 тыс. швейцарцев (с. 273). 8 мая Гиз вопреки запрету въехал в Париж, приветствуемый населением. При посредничестве Екатерины он внешне замирился с Эперноном. Однако положение роялистов ухудшалось, и 11 мая начались стычки. Париж традиционно обладал привилегией охранять себя сам, но король ввёл в город войска. Ответом горожан стали баррикады. Король закрылся в Лувре, а Гиз, напротив, вышел из своего дворца показаться сторонникам. Последние атаковали роялистские пикеты на улице Сен-Жак. Роялисты были деморализованы и попали в западню на узких улицах. Король просил Гиза вмешаться и остановить кровопролитие. Тот только и ждал этого. Однако когда люди короля перехватили письмо Гиза с призывом подкреплений, король бежал из столицы.

Власть в Париже перешла к Шестнадцати. «Спустя несколько дней после баррикадных боёв Гиз продемонстрировал приверженность реформам: председательствовал на двух народных собраниях, которые провели чистку городского совета и призвали упразднить муниципальные продажные должности, а также проводить свободные выборы всех городских чиновников раз в два года. Был восстановлен принцип, согласно которому назначения на государственные должности должны осуществляться по принципу меритократии, а не за деньги. Это был первый шаг в восстановлении представительных институтов и гражданской власти по всей

Франции; он предполагал повышение роли Генеральных штатов. Свободные и регулярные выборы должны были превратить этот орган из форума подачи жалоб в собрание, которое гарантировало бы религиозное единообразие и следило бы за деятельностью королевского совета.

Цели Гиза, однако, отличались от целей его народных сторонников. Он никогда не намеревался свергнуть короля Франции: хотел лишь добиться должного признания и сменить Эпернона в центре власти. Выпустить из бутылки джинна народного католического радикализма оказалось на удивление легко; вопрос был в том, сможет ли Гиз контролировать его ради собственных целей» (с. 279).

Вскоре радикалы потребовали наказать английского посла. Его резиденция служила символом иностранной интервенции и ереси, подобно посольству США в Тегеране в 1979 г. Гиз окружил посольство охраной, и дипломатического инцидента избежали. Зато парламент вскоре осудил на казнь двух гугеноток — дочерей адвоката. Начались гонения на неортодоксию и аресты.

Первая встреча герцога с королём после революции прошла так, будто ничего не случилось. В августе 1588 г. Гиз в кольчуге под одеждой, в сопровождении королевы-матери, кардинала де Бурбона и 800 всадников прибыл в Шартр, чтобы формально покориться королю. Толпа встретила его криками: «Да здравствует Гиз!»

Герцог, должно быть, упивался успехом. Он в одночасье решил свои финансовые проблемы и больше не зависел от Филиппа II. Вместе с тем успех его озадачил. Узнав о побеге короля, герцог был в ярости: он хотел быть его главным советником. Гиз играл в двойную игру. Несмотря на настойчивость испанского посла Мендосы[87], он отказался идти на короля войной и лишь организовал оборону подступов к Парижу. Он исходил из интересов собственного дома и стремился избежать унижения от любой династии, будь то Габсбурги или Валуа. Сестра герцога Екатерина, а возможно, и его брат Луи советовали ему схватить короля и заточить в монастырь. Однако Гиз проигнорировал их. Королю пришлось передать руководителям Лиги ещё несколько городов, согласиться выполнять декреты Тридентского собора и удалить Эпернона. К раздражению Мендосы он объявил, что отныне хочет «править со своими кузенами Гизами». Герцог был назначен командующим королевской армией, хотя его главной целью был пост коннетабля.

Намерения Генриха III выяснить труднее. Похоже, он вновь выжидал. Состояние финансов было катастрофическим: в 1576–1588 гг. долги выросли со 101 млн. до 133 млн.; от четверти до трети всех доходов тратилось на оплату процентов, причём занимать короне было трудно (с. 284). Кроме того, Генрих рассчитывал, что сможет перехитрить Лигу, как в 1576 г. Новый созыв Генеральных штатов должен был нейтрализовать пропаганду, которая выставляла его тираном. Когда началась предвыборная кампания, король неожиданно заменил половину своего совета, введя в него людей, которых не могли подкупить Гизы. В истории монархии такое резкое изменение происходило впервые. Вину за недостатки прошлого возложили на прежних министров. Когда открылись Штаты, Генрих объявил о начале новой эпохи.

[87] Бернардино де Мендоса (ок. 1540–1604) — испанский военачальник и дипломат, посол в Англии, затем во Франции.

Генеральные штаты 1588 г. не походили на прежние. Предвыборная кампания отличалась небывалым накалом борьбы. Король постарался поломать планы Лиги. Однако на выборах в делегаты от третьего сословия она одержала бесспорную победу. Многие депутаты, прибывшие в октябре в Блуа, приехали не подать жалобы, а установить новые конституционные отношения между королём и подданными. Используя религиозный язык, их требования по сути были последовательной критикой существующего монархического государства. Для искоренения ереси делегаты требовали глубоких реформ. Звучали призывы собирать Штаты регулярно и учредить Государственный совет, который вёл бы дела вместе с королём в перерывах между созывами Штатов.

Речь короля — талантливого оратора — приняли хорошо. Правда, он намекнул на возмездие герцогу в случае измены. Впоследствии кардинал Луи упрекал брата за половинчатость мер. Однако делегаты Лиги потребовали сделать главным законом страны Эдикт о единстве. Составляя его, королю пришлось согласиться на формулировку: «Лишь по совету Штатов король намерен сделать этот закон основополагающим в своём королевстве» (с. 286). Последствия этой капитуляции могли быть значительными. Эдикт лишал престолонаследия еретика, что ставило под угрозу другой основополагающий закон — Салическую правду[88], которая обеспечивала наследование старшему сыну старшей линии. Штаты претендовали на то, чтобы разделить с королём суверенитет. Дебаты по этому вопросу решительно отличались от дебатов предыдущих штатов 1560 и 1576 гг., которые по сути были средневековыми представительными институтами; язык и идеи предвосхищали таковые 1789 года. Делегаты настаивали, что закон выше короля и он не вправе менять его без их согласия.

Новый конституционный порядок вскоре стал очевиден в сфере налогообложения. Одной из главных черт Штатов 1588 г. был рост уверенности третьего сословия в своих силах; оно и задавало тон. Активисты Лиги обеспечивали координацию и сотрудничество трёх палат. Генрих смирился бы с унижением по вопросу о законодательстве, если бы Штаты выполнили ту функцию, ради которой были созваны, т.е. проголосовали бы за новые налоги. Однако налогоплательщики третьего сословия были раздражены. Их депутаты призвали провести аудит королевских счетов. Назначенная для этого комиссия была открыто враждебной королю. Она вскрыла хаотичное состояние финансов, так как их функционирование нарушалось секретностью, непотизмом и взяточничеством. Комиссия пришла к выводу, что средств у короля достаточно и он просто неэффективно их использует. Депутаты потребовали, напротив, снизить налоги и, предвосхищая события XVII в., потребовали учредить чрезвычайную палату юстиции, чтобы расследовать действия тех, кто нажился за счёт государства.

Король склонялся к компромиссу, но третье сословие осмелилось препираться. Оно давно перестало верить королю, правление которого изобиловало нарушенными обещаниями. Как отметил проницательный наблюдатель Этьенн Паскье[89], деле-

[88] Салическая правда — свод обычного права салических (западных) франков, создан при основателе династии Меровингов Хлодвиге I (481–511).

[89] Этьенн Паскье (1529–1615) — французский юрист, историк, гуманист и поэт, автор «Учёных записок о Франции».

гаты больше не вели себя как подданные. Третье сословие требовало права публиковать свои резолюции, что было равносильно праву издавать собственные законы. При этом делегаты ссылались на опыт представительных органов Англии, Швеции и Польши.

Генрих III начал сознавать, что стоит перед полномасштабной конституционной революцией. Он жаловался, что предложения депутатов «свели бы его до роли дожа Венеции и сделали бы моё положение полудемократическим» (с. 288). Гиза ситуация озадачила. Он обещал компромисс короля со Штатами, но не смог его добиться, в то время как его многочасовые консультации с союзниками в третьем сословии стали вызывать подозрения. Чтобы выйти из тупика и помешать конституционным изменениям, королю следовало нанести удар по лидерам третьего сословия. Однако он не мог этого сделать, не вызвав оппозиции Гизов и их клиентов. Герцога неоднократно предупреждали, что его жизнь в опасности, и он несколько раз собирал совет обсудить эти слухи. Архиепископ Лионский убедил его не покидать Блуа, считая это шагом к поражению. Однако то была серьёзная ошибка. По мнению архиепископа, Гиз был почти у цели и следовало лишь чуть сильнее нажать на короля. Сам герцог был уверен, что такой добрый христианин, как Генрих III, не замыслит убийства.

Ежедневное унижение короля в ходе работы Штатов начало сказываться. Генрих видел лишь один способ восстановить свою власть. Его подозрения подтвердились 17 декабря, когда кардинал Луи на семейном обеде поднял тост за своего брата в качестве короля, а их сестра Екатерина пошутила, что вскоре надеется пустить в ход свои ножницы. Самоуверенность Гиза сделала его беспечным. На следующий день на совещании короля с тремя наиболее преданными военачальниками было решено убить герцога. Дело поручили Сорока пяти. Гиз всегда ходил со свитой, поэтому было необходимо отделить его от его людей. Единственным подходящим местом был зал заседаний Тайного совета в королевском замке. Заговор быстро перестал быть секретом, и Гиза настойчиво убеждали покинуть Блуа. «Он не осмелится», — отвечал герцог (с. 290).

Утром 23 декабря 1588 г. Гиз отправился на совет к королю. На террасе замка один дворянин сообщил ему о необычной активности охраны и советовал не идти дальше, но герцог заявил, что давно излечился от таких опасений. Когда с той же вестью к нему приблизился старый слуга Гизов, его герцог оттолкнул, обозвав дураком. Если бы он был менее беспечен, то заметил бы бледность статс-секретаря Револя, который позвал его на королевскую аудиенцию. Король же, отправляя Револя, его состояние заметил и воскликнул: «Почему вы так бледны? Вы всё испортите! Потрите щёки!»

Револь вызвал Гиза с заседания совета. Герцог вышел в королевскую спальню, где его встретил взвод Сорока пяти. Стражники окружили его как бы для сопровождения к королю, группа пересекла комнату, и, когда герцог взялся за ручку двери, стражники осыпали его ударами кинжалов. По приказу короля великий прево Ришелье вынес тело на второй этаж, где его сожгли, а пепел бросили в Луару. И отец герцога, и его двоюродная сестра Мария уже были мучениками, поэтому королю было важно помешать Католической лиге создать могилу или останки, вокруг которых та могла организовать культ.

Смерть Гиза была не просто политическим убийством; то был произведённый королём переворот. В отличие от Людовика XVI в 1789 г. Генрих III быстро распознал угрозы своей власти, если не задавить конституционную революцию в зародыше. Ришелье с лучниками ворвались на заседание Штатов и арестовали восемь депутатов третьего сословия, включая лидеров Шестнадцати — Нейи, ла Шапель-Марто и Луи Дорлеана. Другие части окружили клиентов герцога и других Гизов. Король задумал устранить и кардинала Луи, но даже Сорок пять не решились на святотатство, поэтому утром 24 декабря его убили шесть солдат, каждому из которых заплатили по 200 ливров (с. 292). Началась контрреволюция.

Тем не менее в XVII в. Гизы оставались великим домом, династические интересы которого продолжали охватывать Европу и который по-прежнему стоял в оппозиции к Габсбургам. Честь и славу семьи пытался восстановить герцог Генрих II, внук Генриха I[90]. Его отцу Карлу[91] в 1631 г. пришлось покинуть Францию, и он умер изгнанником. Генрих II исходно был предназначен возглавить церковную империю Гизов, которую после религиозных войн отстроил его дядя кардинал Луи III[92], ставший в 1605 г. четвёртым среди Гизов архиепископом Реймсским. Планы Карла передать церковную империю стоимостью около 400 тыс. ливров своему второму сыну Генриху потерпели в 1630-е гг. неудачу отчасти из-за личной вражды с кардиналом Ришелье (с. 294). Возможно, важнее то, что Генрих, хотя и был с 15-летнего возраста архиепископом Реймсским, не проявлял интереса к религиозному призванию и в 1639 г., после смерти старшего брата, оставил свои бенефиции. Столетняя церковная империя Гизов пришла к концу.

Генрих II стремился подражать предкам. Он был безрассудным романтиком, и за его широкие жесты и личную храбрость было заплачено ролью семьи в церкви. В 1643 г. Генрих вновь разжёг вражду с семьёй Колиньи и убил на дуэли потомка адмирала — Мориса[93]. Затем герцог возродил вражду с Габсбургами. Когда в 1647 г. Неаполь восстал против испанцев, он прибыл туда с небольшим отрядом, ожидая, что неаполитанцы поддержат его. Несмотря на неудачу и четыре года в испанском плену, герцог в 1654 г. сделал вторую попытку при поддержке кардинала Мазарини[94], но вернулся во Францию уже через несколько недель. Остаток жизни он провёл при дворе Людовика XIV и умер в 1664 г.

И всё же Гизы XVII в. не дотягивали до масштаба своих предков, и уже в начале столетия некоторые ветви семьи начали приходить в упадок: дома Майеннов, Омалей и Меркёров стояли на грани исчезновения из-за отсутствия мужских наследников.

«Хотя после религиозных войн семья Гизов выжила и процветала, ощущение кланового единства сошло на нет. Обострённое чувство собственного достоинства,

[90] Генрих II де Гиз (1614–1664) — архиепископ Реймсский, затем 5-й герцог де Гиз.

[91] Карл I де Гиз (1571–1640) — 4-й герцог де Гиз, старший сын Генриха I де Гиза. При короле Генрихе IV был назначен губернатором Прованса, после его убийства поддержал его вдову Марию де Медичи, впоследствии попал в опалу к Людовику XIII.

[92] Луи III Лотарингский (1571–1621) — архиепископ Реймсский, последний кардинал в роду Гизов, третий сын Генриха I де Гиза.

[93] Морис, граф де Колиньи (1618–1644) — правнук Гаспара де Колиньи.

[94] Джулио Мазарини (1602–1661) — церковный деятель-итальянец, первый министр Франции в 1640-е – начале 1660-х гг. в период детства и юности Людовика XIV.

которое испытывал Генрих II, не могло заменить отсутствия солидарности с двоюродными братьями. Отсутствие сплочённости или любой попытки построить сеть обязательств между братьями и кузенами сильно уменьшило политическую силу ветвей Лотарингского дома в XVII в. Истоки этих изменений можно проследить в более ранний период, в годы после убийств в Блуа, когда у семьи появилась возможность сменить Валуа в качестве следующей королевской династии. Контрреволюция Генриха III потерпела сокрушительный провал; она не восстановила королевскую власть, а обрушила монархию. Причиной было искреннее излияние горя, которым народ встретил вести об этих убийствах. Эмоции были подхлёстнуты проповедниками, которые выставили жертв католическими мучениками и призвали паству сопротивляться тирану» (с. 295). Эти эмоции демонстрируют успех пропагандистской кампании Католической лиги. Актуальности проблеме в глазах французских католиков добавляли вести о страданиях английских единоверцев. Крещение родившегося вскоре сына убитого герцога 8 января 1589 г. превратилось в демонстрацию солидарности Парижа с Гизами. 14 января в парламенте был зарегистрирован декрет Сорбонны о свержении Генриха III. Был учреждён совет из представителей трёх сословий. Главнокомандующим был избран Майенн, а кардинала де Бурбона объявили королём Карлом X. 1 августа Генрих III был убит доминиканским монахом, что Лига представила боговдохновенным деянием.

Однако избавление от Генриха III не решило основного противоречия Лиги. Её демократические идеалы находились в конфликте с требованиями администрации военного времени, которой были нужны не споры, а бюрократическое управление. Нехватку ресурсов восполнило испанское серебро. Для ведения войны всё больше требовались испанские войска. Несмотря на преимущество на поле боя, Генрих Наваррский не смог победить Лигу военным путём, и его конечная победа вовсе не была неизбежной. Если бы Лига нашла серьёзную католическую альтернативу, королевство, скорее всего, разделилось бы, как Нидерланды, на два враждебных государства — католический север, пользующийся поддержкой Испании и организованный (как те же Нидерланды) в соответствии с принципами представительного правления, и бурбонский юг, где абсолютная власть короля гарантировала религиозную терпимость. Кардинал де Бурбон умер в плену в 1590 г., но из-за войны Генеральные штаты собрались в Лувре избрать нового монарха лишь в январе 1593 г. Они не смогли договориться о кандидате по двум причинам — склок внутри Лотарингского дома и высокомерия испанцев. Свои сторонники были и у Генриха, сына герцога Лотарингского, и у Карла, герцога де Гиза. Однако Майенн, который был теперь главой семьи во Франции, не хотел уступить власть более молодому родственнику, и после апрельского совещания в Реймсе семья так и не пришла к соглашению. Посол Филиппа II, который рассчитывал на вознаграждение за оказанную Лиге поддержку, в мае потребовал от Штатов избрать инфанту Изабеллу. Если бы испанцы согласились на её брак с французским принцем, сделка была бы заключена. Однако Филипп переоценил свои силы и настаивал, чтобы Изабелла вышла замуж за Габсбурга — эрцгерцога Эрнеста, брата императора Рудольфа II[95]. Штаты наотрез отказались санкционировать переход короны к королю-иностранцу.

[95] Эрнест Австрийский (1553–1595) — эрцгерцог, статхаудер Австрийских Нидерландов (династия Габсбургов). Рудольф II (1552–1612) — император Священной Римской империи в 1576–1612 гг.

В июле испанцы дали добро на избрание Карла де Гиза и его брак с инфантой, но хотя 22-летний герцог пользовался поддержкой парижан, его не принимали всерьёз собственные родственники. Майенн почувствовал вкус власти и выдвинул неприемлемые условия, которые сводили племянника к роли марионетки. Рассорился Майенн и с герцогами Омалем и Эльбёфом.

Когда 22 июля Генрих Наваррский прибыл в королевское аббатство Сен-Дени с большой свитой, он знал о распрях в Лиге. Дата была выбрана искусно: в седьмое воскресенье после пятидесятницы, которое символизировало возрождённую жизнь, Генрих отрёкся от протестантизма. Католическая лига, уже подорванная войной и доминированием иностранцев, потеряла смысл существования. За следующие несколько лет весь клан Гизов, кроме набожного Омаля, который умер изгнанником в Испании, замирились с королём Наваррским, а теперь королём Франции Генрихом IV. Он мог позволить себе обращаться с прежними врагами щедро (те сгибались под тяжестью огромных долгов), но имел дело с каждым из них по отдельности, способствуя дальнейшему размыванию их клановой солидарности.

Смерть четырёхлетнего Франсуа Жозефа Лотарингского, седьмого герцога, от оспы 16 марта 1675 г. привела к концу мужскую линию дома Гизов, история которой насчитывала более 160 лет. Герцогство было упразднено, а наследство разделено. История не была добра к Гизам. Большинство комментаторов проявляли враждебность, причём материала у них было немало: после правления Франциска I в стране появилось много антигизовской печатной полемики, песен и шуток. Генрих I де Гиз стал синонимом мятежа, амбициозности и интриганства в духе Макиавелли. Впервые «чёрную легенду» Гизов популяризовали в Англии. Пьеса Кристофера Марлоу «Резня в Париже. Со смертью Герцога де Гиза», поставленная в 1593 г., принесла хорошую выручку благодаря десяти постановкам в следующем году. Во Франции полемический интерес к религиозным войнам возродился при Людовике XIV. В 1682 г. вышла официальная версия истории Католической лиги, написанная Луи де Маимбургом (в следующем году её перевёл на английский Драйден)[96].

В XVIII в. образ Гизов исказили ещё больше. Теперь их обвиняли в продаже «нации»; этот термин тогда и был изобретён патриотами. В 1789 г. появился список преступлений лотарингских принцев, которых всегда считали «врагами нации и короля Франции» (с. 300). В нём корни бед страны накануне революции прослеживались к правлению Гизов конца 1550-х годов. На семью взвалили всю ответственность за гражданские войны XVI в. История Гизов дала большой материал романистам, а позднее режиссёрам; в XIX в. Гизы были романтизированы. Правда, на протяжении большей части XX в. историки избегали заниматься аристократией, считая её недостойным изучения предметом.

«Игнорировать Гизов более нельзя. Хотя правда, что в отличие от своих современников Валуа, Тюдоров, Габсбургов и Бурбонов их наследие зачастую неосязаемо и всегда двусмысленно, они тем не менее оставили в истории значительный отпечаток. Тридентский собор, определивший развитие католицизма на 300 лет, не мог бы иметь успеха без кардинала Лотарингского. Их открытая враждебность

[96] Луи де Маимбург (1610–1686) — французский проповедник и историк, иезуит. Джон Драйден (1631–1700) — английский поэт и драматург, первый поэт-лауреат Англии; период английской литературы эпохи Реставрации называют эпохой Драйдена.

к протестантизму возникла позднее, чем считалось, но они весьма содействовали тому, чтобы остановить и обратить вспять волну Реформации во Франции. Сознательно или бессознательно, они содействовали приходу новой формы политики, которая была обращена за пределы круга традиционной элиты к народу и в которой была поставлена под вопрос сама природа монархического государства. С династической точки зрения Гизы были среди главных неудачников XVI в.: их мечты об империи оказались неуловимыми, и они не сумели крепко ухватить корону Франции, когда она уже была в их руках. И тем не менее то, что они в разные периоды стояли в оппозиции к величайшим династиям своей эпохи и ценой больших личных жертв вышли невредимыми из религиозных войн и династических перипетий XVI в., — свидетельство того, что впредь имя Гизов заслуживает более широкого признания» (с. 300–301).

Г. Пэрри

ГЛАВНЫЙ ЧАРОДЕЙ АНГЛИИ: ДЖОН ДИ

Пэрри Глин — профессор истории Университета Нортумбрии в Ньюкасле, Великобритания

Parry G. The Arch-Conjuror of England: John Dee. New Haven; L.: Yale University Press, 2011. XII, 335 p.

Реферативное изложение К.А. Фурсова

В биографическом исследовании одной из наиболее любопытных личностей Англии в эпоху Елизаветы I[1] профессор истории Университета Нортумбрии в Ньюкасле Глин Пэрри показывает: вопреки сложившемуся мнению тот не был вселявшим страх суровым магом-затворником. Ди был неотъемлемой частью английского общества эпохи Тюдоров — именно по причине своей оккультной философии.

Джон Ди родился 13 июля 1527 г. в Лондоне в семье купца Роланда Ди и его жены Джейн. Будучи крещён, конечно, по католическому обряду (раскол Англии с Римом произойдёт позднее), он до конца жизни верил, что крестное знамение и повторение молитв уберегают от зла. Так Джон на всю жизнь сохранил в своём мировоззрении элементы католицизма, которые вплели представления мирян о магии в гибкий и привычный годовой цикл ритуалов. Даже в 1540-е гг., когда Джон подрастал, верования в заклинания сохраняли популярность во всём английском обществе от королевского двора до низов. Критику протестантов «элитное» католическое духовенство приняло лишь постепенно, мало-помалу дистанцируясь от «народных» верований в магию. Это дистанцирование и привело к нападкам на Ди как «чародея». Сами церковные обряды — месса и другие — укрепляли веру в особый статус духовенства: ведь считалось, что распределение святого хлеба и святой воды наделяет защитной силой.

«В свете его более поздних оккультных исследований и “имперских” сочинений как-то неудивительно, что Ди вырос в церкви Св. Дунстана — жившего в X в. весьма почитаемого покровителя золотых дел мастеров, а значит, и алхимиков, который был известен своим мастерством в работе по драгоценным металлам... но слишком склонен к видениям ангелов и злых духов. Согласно легенде, в одном состязании он ухватил дьявола за нос раскалёнными щипцами, которые навсегда и стали символом Дунстана. Протестанты XVI века предпочитали пересказывать обвинения его в ведовстве и некромантии, которые сопровождали его репутацию в те-

[1] Елизавета I (1533–1603) — королева Англии и Ирландии в 1558–1603 гг. (династия Тюдоров), при которой страна сделала первые шаги на пути имперского строительства и окончательно порвала с католицизмом. — *Здесь и далее прим. автора реферата.*

чение пяти столетий» (с. 3). Став архиепископом Кентерберийским, Дунстан короновал короля Эдгара[2], который послужит для Ди образцом первого «имперского» монарха Британии после Артура[3].

Джон Ди претендовал на происхождение от правителей Уэльса, даже от самих Артура и Кадваладра[4]. Однако на деле дом Ди (от валлийского *дду* «чёрный») происходил из валлийского графства Радноршир на границе с Англией и были это йомены-животноводы, вообще едва ли дворяне. В Лондон они перебрались, став мелкими торговцами. Роланд следовал примеру своего двоюродного брата Хью, который к 1514 г. стал йоменом короны, а в 1529 г. представлял город Вустер в парламенте.

В 1524 г. Роланд Ди женился на Джейн из семьи Уайлдов. Члены этой семьи служили в королевской палате и поддерживали связи с магнатом из графства Кент сэром Генри Уайаттом. Таким образом, брак Роланда был выгодным, так как принёс ему политические гарантии. У них с Джейн родились дочь и четверо сыновей. Роланд стал преуспевающим купцом, вступил в гильдию торговцев шёлком и бархатом (Mercers). Это позволило ему дать сыну неплохое образование: отец определил Джона в Челмсфордскую грамматическую школу, где мальчик освоил элементы латинской грамматики. Кстати, род занятий Роланда дал Джону возможность оценить силу чисел: ведь отцу приходилось быстро и точно считать размер и количество тканей, таможенных пошлин, обменный курс, прибыли и убытки. Торговцы тканями доминировали в экспортной торговле Англии, а уплачиваемые ими пошлины составляли важную часть доходов короны. Поэтому повышение статуса отца в гильдии позволило Джону по достоинству оценить значение военно-морской силы в «узких морях»[5]. Эта сила подкрепляла стратегические приоритеты короля Генриха VIII[6] с его концепцией «империи». И числа, и империя будут иметь большое значение в жизни Джона.

Вслед за роднёй Роланд Ди сделался «дворянином-мажордомом» у короля Генриха. Он организовывал его стол, рассаживал гостей и разносил блюда. Благодаря этому Роланд вошёл в слой джентри и завязал полезные контакты, например, с придворным Ричардом Сесилом; неслучайно Джон Ди будет неоднократно обращаться за покровительством к его сыну Уильяму. О благосостоянии Роланда говорит то, что при налоговой оценке 1541 г. его поместили в категорию 100 ф. ст. (с. 6). Положение Роланда близ короля с ранних лет дало Джону доступ ко двору. Дворцы Генриха в Хэмптон-корте, Гринвиче, Виндзоре были набиты дорогой мебелью, гобеленами, картами мира Англии, Рима, Иерусалима. Именно там юный Джон познакомился с небесными и земными глобусами, а возможно, и астролябиями.

---

[2] Эдгар Миролюбивый — король Англии в 959–975 гг. (Уэссексская династия).

[3] Артур — легендарный король V–VI вв. и центральная фигура британского эпоса, вождь кельтского народа бриттов, разбил вторгшихся в Англию саксов.

[4] Кадваладр Благословенный — король кельтского королевства Гвинед в Уэльсе в 655–682 гг., одна из главных фигур валлийской истории и мифологии. Именно его эмблемой был красный дракон, ставший национальным гербом Уэльса.

[5] Узкие моря (narrow seas) — проливы, которые отделяют Великобританию от континента (Ла-Манш, Па-де-Кале) и Ирландии (пролив Святого Георга, Северный пролив).

[6] Генрих VIII — король Англии в 1509–1547 гг. (династия Тюдоров), при котором страна выдвинула претензии на имперский статус и порвала с церковным авторитетом Рима.

В 1544 г. Генрих, нуждавшийся в деньгах для войны с Францией, усилил надзор за таможнями и назначил начальником над ними своего личного слугу Роланда Ди. Его должность именовалась *Packer to the Strangers* («упаковщик для чужаков», т.е. товаров на экспорт). Роланд стал определять подлежащие уплате экспортные пошлины и взимать сборы за упаковку товаров, что, вероятно, приносило ему 400 ф. ст. в год (с. 7). Джону это дало материальную возможность получить образование в Кембриджском университете.

В ноябре 1542 г. Джон Ди поступил в колледж св. Джона. Репутация этого колледжа как рассадника евангелического протестантизма позднее затмила роль его католических гуманистов в эпоху учёбы в нём Ди. Неслучайно несколько католиков из колледжа, не вынеся раскола Генриха с Римом, к тому времени уже переехали в Нидерланды, в Лувен. В 15 лет Джон изучал упрощённую аристотелевскую логику под началом открытого католика Джона Сетона. Позднее тот будет полемизировать с известными протестантскими мучениками Кранмером, Латимером и Ридли[7] и умрёт отлучённым от елизаветинской церкви в 1561 г.

Учебные программы в колледже св. Джона делали всё больший упор на математику и Евклидову геометрию, что немало способствовало приобретению Англией престижа в сфере математики. И всё же Ди впоследствии жаловался Меркатору[8], что недостатки математического образования в Кембридже заставили его восполнить их за рубежом.

Оккультной философии в университетской программе не было, но исследования в этой области Ди начал именно в Кембридже: такое знание казалось там естественным продолжением аристотелевской философии. Трактат Аристотеля «О возникновении и уничтожении» авторитетом великого философа подкреплял веру в то, что в основе всего вещества лежит одна фундаментальная субстанция. Согласно этой теории, вещество имеет внешние различия лишь по причине разных комбинаций четырёх элементов — земли, воды, воздуха и огня. Поэтому путём алхимической манипуляции элементами любой вид вещества можно преобразовать в другой. Соединение всех элементов ведёт к возникновению философского камня.

Поскольку при Елизавете двор сильно заинтересуется алхимией, эти штудии Ди в колледже св. Джона подготовили его к королевской службе. В 1570 г. в своём «Математическом предисловии» к «Геометрии» Евклида Ди назовёт алхимию «земной астрологией». Привлекая цитаты из Аристотеля о звёздах, он попытается доказать, что испускаемые небесными телами лучи приводят к алхимическим изменениям на Земле. Кроме того, учёба в Кембридже заложила основы ангельской магии Ди — вызывания ангелов в кристаллы с помощью лучей света. Этому способствовала дружба Ди с сотрудником колледжа Джоном Хэтчером, который как раз занимался ангельской магией. Как многие его соученики, Ди жадно разыскивал сочинения францисканского монаха и натурфилософа XIII века Роджера Бэко-

[7] Томас Кранмер (1489–1556) — архиепископ Кентерберийский при Генрихе VIII и Эдуарде VI. Хью Латимер (ок. 1485–1555) — епископ Вустерский. Николас Ридли (ок. 1500–1555) — епископ Лондонский. Все трое были активными деятелями английской Реформации и были сожжены на костре при королеве-католичке Марии I.

[8] Герард Меркатор (1512–1594) — фламандский географ, создатель известной картографической проекции и «Атласа».

на[9], включая магические трактаты, которые ему ложно приписывали. По мнению Бэкона, в процессе познания мира человеческий ум нуждается в божьей помощи.

Правда, именно в годы учёбы Ди в Кембридже вера в магию начала терять былую силу. В 1536 г. деятели Реформации исключили магическую силу против демонов из содержания таинств. Святая вода, хлеб, свечи стали служить лишь напоминанием о духовном учении. «В этом возникающем мире скептицизма изучение магических путей к знанию и богатству всё больше вызывало обвинения в демоническом колдовстве. Это создаст проблемы для Ди, который в поисках божественного откровения со студенческих лет следовал Бэкону» (с. 11).

После получения Ди в 1546 г. степени бакалавра протестантская фракция в колледже св. Джона, осмелевшая из-за нападок на магические верования католицизма со стороны реформаторов при дворе и в церкви, отказалась избрать его сотрудником (*Fellow*). Однако в декабре Генрих VIII назначил Ди младшим сотрудником Тринити-колледжа, где он стал младшим преподавателем (*Under-Reader*) греческого. Король находился тогда в одном из своих припадков консерватизма: кроме Ди все пять сотрудников, выбранные от колледжа св. Джона, оказались ярыми поборниками католической ортодоксии.

В Тринити-колледже Ди нашёл покровителя в лице ведущего специалиста по греческому, убеждённого католика Джона Кристоферсона. Тот летом 1547 г. организовал для Ди (за счёт колледжа) продолжение математической учёбы в католическом университете Лувена. Ди поехал в этот ведущий европейский центр астрономии и астрологии и учился там у Меркатора, Геммы Фризия и Антония Гогавы[10]. Вернувшись, он подарил своему колледжу глобусы и астрономические инструменты Меркатора.

В мае 1548 г. Ди получил степень магистра искусств. Его карьере предстояло зависеть от того, насколько хорошо он сможет обзаводиться покровителями, приспосабливая свою эрудицию под их нужды и сочиняя работы на актуальные политические темы. Особенно очевидным это стало после того, как разорение его отца в 1547 г. показало ключевую роль патронажа в политике.

Деятельность Роланда Ди на посту таможенного чиновника вызывала раздражение Сити. Однако при Генрихе VIII трогать его боялись. Более того, в 1543 г. Роланда избрали в приходское управление церкви Св. Дунстана. Однако после смерти Генриха Роланд потерял свой пост. Правда, в 1548–1549 гг. он продолжал посещать набережные и склады вдоль Темзы и блефом заставлял неосведомлённых иностранных купцов платить ему таможенные пошлины — пока его преемник не обратился за правосудием к лорду-протектору герцогу Сомерсету[11]. Это побудило Роланда поддержать политического соперника Сомерсета — Джона Дадли[12]. Именно тогда Джон Ди

[9] Роджер Бэкон (ок. 1214–1292) — английский философ и учёный, занимался математикой, физикой, химией и оптикой; профессор богословия в Оксфордском университете.

[10] Гемма Фризий (1508–1555) — фламандский математик, картограф и мастер глобусов. Антоний Гогава (1529–1569) — фламандский врач и переводчик греческих трактатов.

[11] Эдуард Сеймур, 1-й герцог Сомерсет (ок. 1500–1552) — английский государственный деятель, лорд-протектор королевства в 1547–1549 гг. при своём племяннике малолетнем Эдуарде VI; был казнён.

[12] Джон Дадли, 1-й герцог Нортумберленд (1502–1553) — английский придворный и военачальник, регент королевства в 1550–1553 гг. при малолетнем Эдуарде VI. Был казнён при попытке возвести на престол жену своего сына леди Джейн Грей.

ощутил веяние нужды, которое будет сопровождать его всю жизнь. Финансовая катастрофа отца привела к хроническому безденежью, которое подорвало самовосприятие Джона как ведущего интеллектуала Европы. Именно несоответствие финансового и интеллектуального статуса будет заставлять его искать богатых покровителей и транжирить деньги, едва они будут попадать в его руки. Отказавшись в июле 1549 г. расстаться с бухгалтерскими отчётами своего прихода, Роланд бежал в Грэйвсенд к родителям жены. Однако его мошенничество оставило пятно на репутации сына.

Реакцией Джона на разорение отца был второй отъезд в Лувен и поступление в августе 1548 г. в университет. К этому времени здесь уже нашли убежище многие английские беженцы-католики. Хотя Ди и без того мог спокойно учиться у Меркатора и других светил, он публично заявил о приверженности католической ортодоксии и поклялся отвергать «доктрины Мартина Лютера и всех еретиков». Оканчивая Кембридж, Ди отрицал власть папы, но теперь поклялся «жить в соответствии с предписаниями церкви и под руководством её верховного главы — римского понтифика» (с. 16). Его дальнейшая жизнь покажет, что ни одну из этих клятв он не воспринимал вполне серьёзно. В Лувене Ди изучал римское гражданское право. Это помогло ему завязать контакты с убеждёнными католиками в преподавательской среде и одновременно подготовило его к службе при английском дворе. Кстати, учёбу Ди оплачивал Тринити-колледж, так как отмена Генрихом VIII католического канонического права подорвала преподавание в Кембридже тесно связанного с ним гражданского права. Между тем подготовка в области гражданского права давала амбициозным английским интеллектуалам возможность служить в суде лорда-канцлера и Звёздной палате в качестве дипломатов и членов Тайного совета.

Позднее Ди утверждал, что ошеломлял в Лувене всех, применяя свои математические знания в сфере права. Сочетаясь с гражданским правом, наука чисел поднимала этот предмет до некой божественной справедливости, которую восхваляли Аристотель и Платон. «Различие между миром Ди и нашим собственным открывается тем фактом, что изучение им астрологии под руководством Меркатора, Геммы и Гогавы в то же время сделало его именно таким специалистом, в каких нуждались при дворе. Его кембриджская подготовка в области арифметики, геометрии, перспективы и астрономии позволила Ди охотно участвовать в проводимых его лувенскими преподавателями точных измерениях “небесных влияний и операций, действующих в этой природной части мира”» (с. 17). Ди считал, что теоретически возможно измерять невидимые «лучи небесной добродетели», которые якобы испускают звёзды вместе со светом. По утверждению Ди, он ещё в молодости открыл, что, если измерить расстояния между звёздами, их величины и движения, можно определить силу этих лучей. Его открытие напоминало методы группы Меркатора, астрологический диск которой применял приёмы триангуляции в земной географии к точному измерению небесных влияний. Меркатор и Гемма проверяли свои идеи, пытаясь измерить влияние небес на метеорологию. Ди подражал Гемме, считая, что направляет его сам Христос.

Кроме того, упомянутые учёные пытались определить влияние небес на судьбу человека, исходя при этом из дат зачатия и рождения. В примечаниях к «Четырём книгам» Птолемея[13] Ди также подчёркивал, что в основе небесного влияния на че-

[13] Клавдий Птолемей (ок. 100 – ок. 170) — эллинистический астроном, математик и географ из Египта, автор астрономического трактата «Альмагест».

ловеческое тело лежат правила геометрии. Вернувшись в 1551 г. в Англию, он пытался ускорить свою карьеру, написав не менее 300 «астрологических афоризмов» о применении в Лувене математики к астрологии. Также он утверждал, что обучал использованию астролябии английского дипломата сэра Уильяма Пикеринга. Перед смертью в 1575 г. тот завещал Ди зеркало, производившее оптические иллюзии. Оно стало ещё одним источником некромантической репутации Ди и в марте того же года побудило королеву Елизавету нанести ему визит.

В 1550 г. Ди совершил из Лувена поездку в Париж с рекомендательными письмами от Меркатора. Впрочем, он и сам был мастер завязывать дружбу с интеллектуалами. В Париже Ди сдружился, в частности, с известным математиком-философом Пьером де ла Раме[14]. Для развития оккультной философии Ди более важной была его встреча с эрудитом Гийомом Постелем[15] — возможно, самым эксцентричным учёным в Европе. Тот только что вернулся из поездки по Ближнему Востоку, где изучал несколько семитских языков. Когда Ди жил в Париже, Постель начал развивать свою каббалистическую теорию, согласно которой глубокие тайны исходного божественного языка сокрыты в алфавитах древних языков, в самом написании их букв. Эта идея повлияла на Ди, и позднее он использовал точки, линии и круги для создания своей таинственной Иероглифической монады. Посетил Ди и двор французского короля Генриха II[16]. Он говорил, что отказался от стипендии в 200 крон с предложением быть одним из наставников короля в математике. Однако хотя и сам Генрих, и его жена Екатерина де Медичи сильно опирались на политические советы астрологов, таких как Нострадамус[17], обещание стипендии, похоже, было таким же малосерьёзным, как то, что позднее даст Ди английская королева Елизавета. Возможно, Ди отказался от предложения, так как ожидал получить место при дворе нового короля Англии Эдуарда VI[18]. Падение лорда-протектора Сомерсета в 1549 г. привело к доминированию при дворе Джона Дадли, который вскоре стал герцогом Нортумберлендом. Всю остальную жизнь Ди был связан с семьями Дадли и его сторонников — Сесилов, Сидни и Хербертов, у которых искал покровительства.

В свой кабинет в Тринити-колледже Ди вернулся столь бедным, что ему пришлось занять 4 ф. ст. из своей будущей стипендии. Новым подходом к измерению размеров Вселенной Ди удалось заинтересовать наставника маленького короля — Джона Чика, который стал сотрудником Тринити-колледжа, а затем придворного Уильяма Сесила[19]. Используя полученные у Геммы и Меркатора знания, Ди опре-

---

[14] Пьер де ла Раме (1515–1572) — французский логик, философ и математик; подчёркивал, что для науки характерен метод, поэтому считается предшественником Декарта. Обратился в кальвинизм, поэтому был убит вскоре после Варфоломеевской ночи.

[15] Гийом Постель (1510–1581) — французский философ-мистик, а также арабист, считается первым учёным-востоковедом в строгом смысле термина.

[16] Генрих II — король Франции в 1547–1559 гг. (династия Валуа).

[17] Мишель де Нотрдам (латинизированное имя — Нострадамус) (1503–1566) — французский астролог, врач и алхимик. Известен своими многочисленными пророчествами.

[18] Эдуард VI — король Англии в 1547–1553 гг. (династия Тюдоров).

[19] Уильям Сесил, 1-й барон Бёрли (1520–1598) — ключевая политическая фигура в правление Елизаветы I, её главный советник, дважды статс-секретарь, с 1572 г. лорд-казначей. Его сын Роберт Сесил, 1-й граф Солсбери (1563–1612), был лордом-казначеем при сменившем Елизавету Якове I, а

делял расстояния от центра Земли до планет, звёзд и облаков. «Так начались долгие и сложные отношения Ди с Сесилом, так как, несмотря на свой евангелический протестантизм, Сесил глубоко верил в оккультную философию. И 40 лет спустя Ди помнил, как Сесил оценил его математическую астрологию на той первой встрече. Позднее Сесил найдёт применение астрологии и алхимии Ди, хотя, когда учёности последнего не удавалось служить политическим целям Сесила, он мог с такой же лёгкостью отметать её» (с. 22). По сути новый режим, вероятно, принял Ди из-за связей его отца с семьёй Дадли, которые в конце концов приведут к его разорению в 1553 г.

В 1551–1553 гг. Ди в основном жил в Кембридже на скудную стипендию Тринити-колледжа в 8 ф. ст. в год (с. 12). Этот колледж воплощал собой растущую зависимость обедневшего университета от покровительства короля. Генрих VIII учредил Тринити-колледж для подготовки гуманистов для королевской службы, а не для интеллектуальных спекуляций. Таким образом, Ди развивался в интеллектуальной среде, которая была настроена на выполнение практических требований монарха и двора. В эти годы он иногда выступал консультантом для двора Эдуарда. Ди забрасывал короля и могущественные семьи из его окружения рукописями на различные сюжеты из астрономии, астрологии и космографии. В какой-то момент Эдуард положил Ди пенсию в 25 ф. ст. (с. 23). Возможно, Ди обучал математике сына герцога Нортумберленда — юного Джона Дадли, графа Уорика. В частности, он написал для ученика сочинение о геометрическом применении «стратарифметрии» к расположению армий на поле боя и использованию примитивных телескопов в военных целях.

В феврале 1552 г. Ди фактически поступил на службу к другому знатному вельможе — Уильяму Херберту, графу Пемброку. Утверждения Ди о том, что он практикует новый вид точной математической астрологии, возбудили интерес у этого жадного и грубого солдата, который в любопытстве к науке вообще замечен не был.

Полученная Ди в Лувене подготовка в точных измерениях позволила ему также выступать при дворе консультантом по навигации и географии. Он утверждал, что давал советы Ричарду Ченслору[20] относительно его плавания по Северо-Восточному проходу в 1553 г. Благодаря изучению глобуса Меркатора 1541 г., прекрасный экземпляр которого Ди привёз с собой в Англию, он обладал важным новым знанием в области навигации. Ди обучал Ченслора по ранней разновидности своего «парадоксального компаса», который, по его утверждению, изобрёл в 1552 г. На деле «компас» был не инструментом, а круглой картой с проекциями полюсов, которая «парадоксальным образом» превращала предположительно прямые линии румбов в спирали. В действительности в основе карты лежали идеи португальского математика Педру Нуньиша.

Пенсия Ди в 25 ф. ст., возможно, никогда и не выплачивалась, так как правительству Эдуарда пришлось сильно экономить. Как обычно, финансовое бремя оно

отдалённый потомок Роберт Сесил-Гаскойн, 3-й маркиз Солсбери (1830–1903), — трижды премьер-министром Великобритании в конце XIX – начале XX в. (консервативная партия).

[20] Ричард Ченслор (1521–1556) — английский мореплаватель, служащий внешнеторговой Московской компании. В поисках морского пути в Китай и Индию вдоль северного побережья Евразии дважды приплывал в Архангельск и бывал в Москве у Ивана IV Грозного. Положил начало торговле Англии с Россией.

постаралось переложить на церковь. В 1553 г. король назначил Ди приходским священником местечка Аптон-апон-Северн в графстве Вустер. Ди был мирянином и назначением на церковную должность во многом был обязан своему ученику графу Уорику. К несчастью для Ди, представить священника пастве должен был епископ графства Джон Хупер, а он настаивал, что священниками могут быть только духовные лица. Более того, астрономические вычисления Хупер считал «величайшим и отвратительным злом», нарушением первой заповеди (не поклоняться другому богу). Чтобы преодолеть сопротивление епископа, потребовался второй королевский приказ. Вступив в должность, он немедленно отдал земли прихода и десятину на откуп за 30 ф. ст. в год (с. 25). Правда, вскоре откупщик удержал ренту в свою пользу, задействовав свои связи в графстве.

Неожиданная смерть Эдуарда VI в июле 1553 г. вызвала ещё один политический кризис для семьи Ди. Герцог Нортумберленд попытался посадить королевой свою невестку Джейн Грей вместо наследницы Марии Тюдор, и Роланд Ди участвовал в этой затее. После подавления этого выступления Роланд очутился в Тауэре. У него конфисковали всю собственность и заставили уплатить немалую сумму в 13 ф. ст., чтобы выхлопотать королевское помилование (с. 28). Больше о Роланде Ди ничего неизвестно. Вероятно, он умер задолго до 1574 г., когда его сын напомнил Сесилу о сломившем его «суровом обращении».

Новый режим королевы Марии[21] стал чистить церковь от женатых, протестантски настроенных и прочих нежелательных священников. Позиции Ди как священника зашатались. Более того, действия его отца связали семью с изменой, а связи с семьёй Дадли самого Джона увеличивали подозрения в его нелояльности. В довершение всего тесно связан с заговором Нортумберленда был покровитель Ди граф Пемброк. Правда, он быстро переориентировался и сделался лояльным католиком. С его поощрения Ди стал уже полноценным католическим священником — приняв сан. Пемброк сам заплатил 20 ф. ст. в счёт пошлины папе за его назначение. Судя по воспитанию и тесным связям Ди с католиками в колледже св. Джона и Лувене, обращаясь в католицизм, он, похоже, отчасти действовал по искреннему убеждению. Назначению Ди способствовала и дружба с восстановленным Марией в должности епископа Лондона Эдмундом Боннером[22], который имел нюх на религиозное инакомыслие. Принимая тонзуру, Ди, должно быть, считал, что дела его семьи вновь пойдут в гору. В краткосрочной перспективе так оно и вышло, но в долгосрочной связь, которую его критики проследят между его духовным саном, магией и дружбой с Боннером, окажется разрушительной.

Политические позиции Ди вновь зашатались в сентябре 1554 г., когда нуждавшаяся в наследнике-католике Мария убедила себя, что беременна. Её брак с испанским принцем Филиппом (позднее король Испании Филипп II)[23] создала для англий-

[21] Мария I — королева Англии в 1553–1558 гг. (династия Тюдоров), с которой связана попытка английских католиков отвоевать утрачиваемые в стране позиции.

[22] Эдмунд Боннер (ок. 1500–1569) — английский церковный деятель, епископ Лондонский в 1540-е гг. и при Марии I. Участвовал в отделении англиканской церкви от Рима, позднее примирился с католицизмом и при Марии преследовал протестантов; при Елизавете был заключён в тюрьму, где и умер.

[23] Филипп II — король Испании и её колоний в 1556–1598 гг., а также Португалии в 1581–1598 гг. (династия испанских Габсбургов).

ской элиты сложную проблему престолонаследия. В брачном договоре было сказано, что Филипп не может вмешиваться в престолонаследие, если Мария умрёт бездетной. Поэтому объявление о её беременности меняло политические перспективы Филиппа и Елизаветы. Граф Пемброк стал пытаться втянуть Филиппа в управление страной, рассчитывая на пост главного министра. Сторонники Филиппа внесли в палату общин билль о его назначении в случае смерти Марии опекуном её детей. В январе 1555 г. парламент вынес компромиссное решение: в случае смерти королевы Филиппу было позволено править при её малолетнем ребёнке, но не более того.

Противостоящие друг другу группировки испанцев и сестры Марии — Елизаветы стали собирать силы. Возникла возможность внезапного вступления Елизаветы на трон, и ей пришлось было действовать весьма осторожно, одновременно будучи готовой к власти и избегая вовлечённости в пахнущий изменой заговор. В апреле 1555 г. Елизавета обратилась к Ди, чтобы тот прояснил будущее её самой, Марии и Филиппа. Это показывает, что Ди уже имел репутацию провидца. Обряд предсказания он совершил во дворце Вудсток в присутствии трёх придворных Елизаветы. Однако, вернувшись в Лондон, в мае Ди был внезапно арестован Тайным советом; его книги и бумаги были конфискованы, а жилище опечатано «по подозрению в магии». Одним из двух доносчиков Ди считал некоего Джорджа Феррерса — заклятого врага семьи Дадли, который считал, что магия Ди служит интересам этой семьи. Возможно, Ди в самом деле надеялся на подъём Дадли при Елизавете. Допросы Ди показывают, что сторонники Марии пытались добиться сведений о факте измены Елизаветы.

Спустя несколько дней после ареста Ди один из детей Феррерса умер, а другой ослеп. Это сочли магической местью Ди своему обвинителю. Королева стала ещё больше опасаться за «ребёнка в утробе», а нервы Тайного совета напряглись до предела. Впрочем, Ди и три арестованных с ним человека под давлением сознались в колдовстве. Французский посол доносил о слухах, будто обвиняемые пытались вызвать смерть Филиппа и Марии с помощью их восковых изображений.

Сознавшись во всём, чего хотел от него Тайный совет, Ди был освобождён из Тауэра и вернулся к Боннеру. Власти были убеждены в существовании более широкого заговора и занялись его поисками. Ди между тем продолжил изучать способы вызывать духов в кристаллы. В этой процедуре использовалась архемастрия — способ гадания, с которым Ди познакомился в Кембридже. Он применял математические правила перспективы для переноса представлений об оптике на небесный уровень и утверждал, что оптические приёмы можно использовать для манипуляции небесными влияниями. Архемастер мог использовать свет, который служил моделью оккультных небесных влияний, для достижения внутреннего озарения.

В эпоху Возрождения наблюдение за кристаллами и вызывание духов практиковались при дворах часто. Так, в 1549 г. по делу о колдовстве допрашивали некоего Уильяма Уичерли. Ди считал, что его метод даёт полное понимание космоса, а значит, позволяет предсказывать исход политических кризисов — что и случилось в 1555 г. Правда, когда стало ясно, что беременность Марии ложная, кризис миновал, что спасло Ди. Даже Филипп перестал верить, что Мария разрешится ребёнком, и наступило общее согласие, что наследует ей Елизавета.

В том же 1555 г. деятельность Ди вновь отдалила его от Елизаветы, семьи Дадли и других её сторонников. Ей предстояло серьёзно навредить репутации Ди сре-

ди протестантов уже в годы правления Елизаветы. Приблизившись к епископу Боннеру, Ди тем самым сдружился с заклятым врагом Дадли. Под давлением Марии и Тайного совета Боннер с неохотой стал преследовать еретиков-протестантов, и Ди участвовал в допросе бывшего архидиакона Винчестера. Вместе с тем он воспользовался службой у Боннера для сбора рукописей и книг, которые могли понадобиться ему в работе. К концу 1555 г. только дошедших до нас книг и рукописей у Ди накопилось 68 и 8 соответственно (с. 40).

Собирать книги Ди начал ещё студентом, а в Лувене, Антверпене, Париже и Лондоне серьёзно коллекционировал классические, арабские, средневековые и современные ему тексты по астрономии и астрологии, ангельской магии, оптике, географии, алхимии и неоплатонической философии. Они стали ядром крупнейшей библиотеки тюдоровской Англии, хотя до сих пор неясно, откуда Ди брал средства на их покупку. В 1556 г. на аудиенции у Марии он вроде бы представил ей петицию о сохранении древних сочинений. Впрочем, ещё Генрих VIII (отчасти из соревнования с французским королём Франциском I) основал Королевскую библиотеку, которая собирала редкие книги и хранившиеся в закрытых королём монастырях тексты, служившие ему аргументом в деле развода и королевской супрематии[24]. Правда, Генрих не интересовался схоластической философией, сочинения по которой позднее искал Ди, поэтому многие из них исчезли. Ди предложил Марии создать нечто вроде оккультного института, который собирал бы философские сочинения, причём доступ к ним имели бы лишь немногие посвящённые.

Однако Ди сильно переоценил готовность современников вкладывать деньги в оккультные знания. Королеву и кардинала Поула[25] он не убедил. Тем не менее при помощи Боннера Ди стал одалживать рукописи у знакомых учёных. Так, он одолжил собрание работ по медицине, астрономии и геометрии у Ориел-колледжа в Оксфорде. В Лондоне Ди купил рукопись алхимических сочинений Роджера Бэкона и т.д. С помощью собранных трактатов он пытался постичь всю сферу оккультной философии. Хотя часть знаний он почерпнул из «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста, Ди синтезировал несколько древних традиций алхимии, читая Аристотеля, Арнольда из Виллановы, Авиценну и Гебера[26]. Их имена придавали авторитет сложным и таинственным описаниям того, как превращать металлы и создать философский камень. Последний считался универсальным эликсиром, призванным восстановить физическую и духовную чистоту человечества, которую оно утратило после грехопадения Адама.

«Ди связывал свои алхимические исследования со своим растущим интересом к оптике, математическому измерению небесных лучей и астрологии. Его син-

[24] В 1534 г. английский парламент принял Акт о супрематии, согласно которому король был объявлен главой церкви в стране. Так Англия порвала с церковным авторитетом Рима.

[25] Реджиналд Поул (1500–1558) — английский кардинал, последний католический архиепископ Кентерберийский; при Марии I возглавил в Англии Контрреформацию.

[26] Гермес Трисмегист — гипотетический древний автор «герметического корпуса» философских и научных сочинений. Аристотель (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель формальной логики и создатель первой целостной философской системы. Арнольд из Виллановы (1230-е – 1311) — испанский врач и алхимик. Авиценна — латинизированное имя Абу Али ибн Сины (980–1037), среднеазиатского врача и философа-перипатетика. Гебер — латинизированное имя Джабира ибн Хайяна (ок. 721 – ок. 815), арабского алхимика, врача и астронома.

тез следовал идее Бэкона о всеобъемлющей науке, которая объяснила бы единство мироздания. Бэкон считал, что длительные исследования вкупе с божественным озарением, которого удостоятся добродетельные учёные, восстановят полное понимание мироздания, которое бог открыл Адаму и которому потомки Адама научили Аристотеля» (с. 43). Опираясь на Бэкона, Ди пытался расшифровать Монаду — универсальный символ, который, по его мнению, он получил от бога путём прямого откровения. Ди шёл от оптического измерения астрологических сил к религиозному толкованию скрытой грамматики, которая якобы стоит за всеми языками, — геометрической каббалы, сокрытой в алфавитах. Этот сдвиг отражал идеи Постеля, а также принятие Ди мысли неоплатоников, согласно которой эманации из головы бога поддерживают всё мироздание.

В 1557–1559 гг. Ди написал сочинение об отражении лучей с помощью линз и зеркал. Поддержку астрологии он нашёл в трактате арабского философа аль-Кинди[27] «О лучах». По мнению последнего, испускаемые небесными телами оккультные лучи определяют события и человеческие поступки. В 1558 г. Ди написал «Афористическое введение о некоторых выдающихся добродетелях природы», где изложил сложнейшую программу геометрической оптики. Копию этого трактата автор послал Меркатору. Как и многие идеи Ди, в теории изложенная им схема работала лучше, чем на практике. Предполагалось, что, пока исследователь доберётся до 117-го афоризма, ему потребуется измерить влияние более 25 тыс. различных небесных соединений (с. 44). Не была эта схема и особо новой. Ди не смог убедительно ответить критикам, которые позднее обвинили его в плагиате по отношению к итальянскому врачу XII в. Урсо из Салерно. Когда Ди принялся составлять гороскопы, он вернулся к традиционным методам.

К концу правления Марии Ди, чтобы дополнить свой доход от прихода в Аптоне и гонорары от Боннера, подрабатывал в Лондоне математиком и астрологом. Помимо прочего, он давал практические уроки по обращению с астрономическими инструментами, которые привёз из Лувена. Также Ди продолжал консультировать Московскую компанию, усовершенствовав свой «парадоксальный компас».

«Джону Ди повезло, что обстоятельства вступления на престол Елизаветы 17 ноября 1558 г. и помощь могущественных покровителей позволили ему нейтрализовать последствия его катастрофического решения покинуть её в 1555 г. В целом Ди разделял религиозные и философские взгляды новой королевы и мог доказать свою полезность в противодействии как враждебной ей французской пропаганде, так и сопротивлению её воцарению ярых католиков с применением магии» (с. 47). И Елизавета и Ди придерживались евангелической, христоцентрической разновидности религии. Оба в уединённых молитвах почитали знак креста, а молитвы предпочитали проповеди. Оба считали, что Христос действительно присутствует в обряде причастия. Елизавета с лёгкостью приняла идею, которую высказывал в том числе и Ди, что она способна примирить протестантов и католиков в качестве экуменической последней императрицы мира. Отчасти эта идея отражала её познания в оккультной философии. Способы добиться окончательного примирения двух об-

[27] Абу Юсуф Якуб аль-Кинди (ок. 801–873) — арабский философ, математик и астроном, первый последователь Аристотеля в арабском мире.

щин включали алхимию и философский камень, который, как и Ди, Елизавета жадно искала всю жизнь.

Французы, находясь в войне с Англией, развернули пропаганду против новой королевы уже с конца 1558 г. Они опубликовали пророчество Нострадамуса, который якобы предсказал крах ожидаемых от Елизаветы религиозных изменений. В ответ Тайный совет Англии занялся делом Джона Престолла, которого обвинили в колдовстве. Этот дворянин составлял гороскопы или советовался с духами, предсказывая смерть Елизаветы и восшествие на трон своего дальнего родственника Артура Поула — племянника кардинала[28]. По иронии потребность Тайного совета в противодействии Престоллу помогла Ди вернуть расположение Елизаветы. Этому поспособствовали также его патрон Пемброк и новый фаворит королевы Роберт Дадли. Они считали, что оккультные знания Ди можно использовать против Нострадамуса и опасных пророчеств Престолла. На основе Птолемея и его многочисленных арабских и средневековых последователей Ди составил гороскоп, сделав вывод, что Елизавету ждёт долгое и славное правление. За это в 1559 г. он был назначен приходским священником в местечко Лонг-Леденхэм в Линкольншире. Тот факт, что следующие несколько лет Ди там и жил, подчёркивает его стеснённость в средствах. Елизавета (не в последний раз) не сдержала обещание удвоить пожалованную Эдуардом VI пенсию.

Это подтолкнуло Ди в 1562–1564 гг. совершить научную поездку по Европе. Сначала он заехал в Лувен и Антверпен, где мог приобрести книги по каббале. Взяв в дорогу всего 20 ф. ст., Ди уже в феврале 1563 г. писал из Антверпена Сесилу, прося денег и дополнительного времени на поездку и объявив, что обнаружил рукопись Иоганна Тритемия[29] о способах общения с духами и ангелами. Ди сочетал ангельские штудии с каббалистическим прочтением книг на иврите, халдейском, арамейском и сирийском языках, которые кропотливо собирал. Правда, эти языки он едва понимал, поэтому, подобно Постелю, проводил время больше в размышлениях о каждой букве их алфавитов как об иероглифическом символе или знаке с глубоким смыслом. В Париже Ди в 1562 г. написал ныне утерянный трактат о еврейской каббале. В нём он подвёл итог 20 лет своих алхимических трудов. «Реальные» знаки каббалы Ди выводил не из алфавитов, а — пользуясь каббалистической геометрией — из видимых и невидимых вещей в природе. Вместе с Постелем они ожидали неизбежного «восстановления всех вещей» к исходному совершенному состоянию — отчасти поскольку считали, что могут применить универсальные математические принципы к реформированию всего знания. Примерно во время визита Ди в Париж Постель начал называть себя «космополитом»; он изобрёл это слово для обозначения жителя не какой-то отдельной страны, а неизбежного царства Христа. Ди станет называть себя так же в своей книге «Иероглифическая монада» и работах об апокалиптической империи.

---

[28] Поулы вели свой род от династии Плантагенетов (1154–1399), поэтому имели некоторые права на английский престол. Неслучайно, когда папа римский Климент VII отлучил Генриха VIII от церкви, кардинал Реджиналд Поул поддержал идею крестового похода на Англию других монархов, рассчитывая сесть на её трон самому.

[29] Иоганн Тритемий (1462–1516) — немецкий монах-бенедиктинец, аббат двух монастырей, автор сочинений по монашеским наставлениям, мистике и магии. Один из основателей криптографии — науки о шифровании записей.

Именно в поездке Ди по Европе начал формироваться его замысел «Монады». Кроме того, поездка познакомила его с тайнами алхимии Парацельса[30]. Последний также предсказывал магическое, апокалиптическое восстановление испорченного человеческого знания. В конечном счёте Ди собрал 92 издания книг Парацельса и его последователей (с. 51–52).

Получив материальную помощь от Сесила, Ди продолжил поездку. В апреле 1563 г. он навестил в Цюрихе знаменитого врача и алхимика Конрада Геснера[31]. В июне Ди достиг Венеции, а к июлю — Рима, где познакомился с местными учёными. Как в Антверпене и Лувене, двери перед Ди открывал его католический духовный сан. Через Равенну и Венецию Ди достиг Граца, собираясь присутствовать на коронации Максимилиана Габсбурга в Братиславе королём Венгрии. В течение восьми веков по Европе ходили пророчества о последнем императоре мира, которого всё больше ассоциировали с Габсбургами. Многие, кто посетил коронацию, надеялись, что Максимилиан окажется именно таким императором-«космополитом», который исцелит расколотый христианский мир и возвестит начало всеобщего мира и процветания.

Вернувшись в Антверпен — крупнейший торговый город Европы, Ди в январе 1564 г. сел писать «Иероглифическую монаду». Эта книга имела целью ни много ни мало решить все проблемы мира. Ди предлагал Максимилиану произвести «четвёртую, великую и поистине метафизическую революцию» универсальной империи (идею заимствовал у Постеля). Помимо прочего, Ди искал нового покровителя, и неслучайно в его Монаде сочетались символы Габсбургов, представлявшие солнце, луну, крест и знак Овна. Книга Ди далека от современных представлений о рациональной аргументации. Хотя автор считал, что открытием божественного языка вещей в иероглифах обязан божественному вдохновению, на деле он заимствовал эту идею у современников, как и идею, согласно которой толкование иероглифов преобразует все научные дисциплины, показав их единство.

Как часто с ним бывало, Ди применял старые идеи новыми способами. Его «Монада» зиждилась на веках размышлений о единстве мироздания, геометрии алфавитов и недавних каббалистических учениях Агриппы[32] и Постеля, согласно которым алфавиты имеют не человеческое, а божественное происхождение. Вместе с Постелем Агриппа основал христианскую каббалу. Взяв из каббалы гематрию — нумерологическое толкование слов, он распространил методы еврейских каббалистов на все алфавиты. Агриппа соотнёс их с четырьмя элементами, семью планетами и 12 знаками Зодиака. Поскольку сам внешний вид букв символизировал космическую структуру, они выступали не только знаками, но и иероглифическими образами. Размышляя над ними, учёный мог получить внезапное озарение, чтобы постичь их скрытый смысл. У аль-Кинди Ди взял идею, согласно которой изменение иероглифа изменит звёздные влияния, под воздействием которых он вибриру-

[30] Парацельс (Филипп Авреол Теофраст фон Гогенхайм) (1493–1541) — швейцарский алхимик, врач и философ, стоял за применение в медицине химических препаратов.

[31] Конрад Геснер (1516–1565) — швейцарский ботаник и зоолог, одним из первых пытался классифицировать знания в этих областях.

[32] Агриппа Неттесхаймский (1486–1535) — немецкий врач, алхимик и астролог, автор книги «Оккультная философия».

ет. Наиболее могущественные иероглифы резонировали наиболее мощно. Так, простейшая буква ивритского алфавита «йод» означала единство, из которого всё происходит. Постель выводил из этой буквы весь еврейский алфавит в виде космических диаграмм. По мнению Ди, в самом центре Монады сокрыто подобное Земле тело. Для него это служило иносказанием, обозначающим философский камень.

Считая себя боговдохновлённым автором, Ди писал только для посвящённых. На первой странице «Монады» сказано: «тот, кто не понимает», должен «молчать или учиться». К тому же Ди не мог выражаться ясно, так как ожидал, что несведущие люди будут критиковать его «возвышенные тайны» как демоническую магию. Ясностью стиль Ди никогда не отличался, а в «Монаде» стал особенно неясным. Автор книги считал, что бог через него восстанавливает исходную чистоту астрономии и всех дисциплин благодаря этому новому виду сочинения, «реальной каббале». Специалист, по его мнению, с помощью Монады мог показать, что числа — не просто абстракции, а конкретные целостности, так как их образы коренятся в структуре мироздания. Ди утверждал, что его каббалистические откровения путём обращения евреев приблизят Апокалипсис. Проведя сложные вычисления, он учил, что в 1584 г. в «огненном треугольнике», под которым понимал положение высших планет при прохождении трёх «огненных» созвездий Зодиака, внезапно возникнет новый мир. В одном месте книги он прямо обратился к Максимилиану, говоря о философском камне, с которым ассоциировал число 252. Одновременно Ди просил у бога прощения за то, что обнародовал столь великую тайну, пусть и поделившись ею только с Максимилианом.

Через полгода Максимилиан был избран императором Священной Римской империи. Ди был убеждён, что преподносит потенциальному правителю мира поистине бесценный подарок. Однако тот проигнорировал «Монаду», а может, и вообще не узнал об этой книге. Поэтому в июле 1564 г. Ди вернулся в Англию, сопровождая в качестве врача умиравшую маркизу Нортгемптонскую.

Между тем отсутствие Ди в стране позволило его врагам ещё больше подпортить и без того тёмную репутацию католического «чародея» (conjuror), который при Марии преследовал протестантов. За два года до этого при попытке уехать в Нидерланды был арестован католический священник Джон Кокс, у которого при себе оказались письма к ведущим католикам-изгнанникам. Воспользовавшись этим, Сесил обрушил репрессии на католиков, обвиняя их в стремлении извести Елизавету путём колдовства. Когда в 1562 г. королева опасно заболела оспой, он произвёл аресты тех, кого считал потенциальными заговорщиками. По утверждению Сесила, братья Поулы собирались возвести на трон Марию Стюарт. Такое обвинение позволило ему развеять сомнения Елизаветы в необходимости помочь французским протестантам, которые вновь подняли мятеж против своего короля. В поощрении заговора Сесил обвинил испанского посла. Он надеялся использовать все эти обвинения, чтобы убедить Елизавету выйти замуж или, по меньшей мере, лишить Марию права наследовать трон. Несмотря на просьбу Тайного совета и парламента, Елизавета отказалась урегулировать вопрос престолонаследия. Тогда Сесил использовал идею заговора, чтобы провести антикатолическое законодательство.

Джон Престолл был вновь обвинён в вызывании злых духов. Поскольку в октябре 1562 г. оспа чуть не свела Елизавету в могилу, это делало его действия ещё бо-

лее зловещими. Престолла бросили в Тауэр и заклеймили как изменника. Опасаясь обвинять самого Сесила, Престолл обрушился на Ди как на одного из его клиентов. Родственник Престолла Джон Фокс в сочинении «Акты и монументы» 1563 г. раструбил об участии Ди в допросе Боннером архидиакона Винчестера в 1555 г. Эти нападки ассоциировали незаконную магию с католическим духовенством. Приводились два письма, в которых Ди прямо назывался чародеем (conjuror). В политическом, религиозном и культурном контексте жизни Англии такое обвинение ставило Ди вне закона и мейнстрима общественного мнения. В 1563 г. парламент принял Акт о колдовстве, который вновь объявил «волшебство и вызывание злых духов» преступлением. Проводя этот закон, Сесил навешивал на католических священников и изменников дополнительное обвинение в колдовстве. В такой атмосфере после выхода «Актов и монументов» пополз слух о Ди как о колдуне. Относительная бедность короны в 1560-е годы, неурегулированный вопрос престолонаследия и религиозный раскол лишь обостряли чувствительность иерархического общества в отношении вопросов репутации и доброго имени. Это делало клевету весьма острым оружием, и в борьбе с соперниками при дворе ею пользовались. В труде «Общий и исключительный меморандум» 1577 г. Ди будет просить королеву не давать хода лживым слухам о том, будто он «великий чародей» или даже «главный чародей (Arch-Conjuror) всего этого королевства». Так Ди признал, что его репутация колдуна началась с гадания для Елизаветы в 1555 г. и допроса архидиакона.

Воспользовавшись обвинением Ди в работе Фокса, враги Ди состряпали документы, якобы доказывавшие, что он водится с чертями. Так, некий Винсент Мёрфин сочинил подложное анонимное письмо с обвинением Ди в колдовстве. Длительная и успешная кампания клеветы Мёрфина против Ди отвлекла внимание общественности от Престолла и продемонстрировала лицемерие елизаветинского режима в его нападках на католическую магию на суде над братьями Поулами и в принятии Акта о колдовстве. Пока Ди — католический священник, участник репрессий при Марии, друг Боннера и чародей — пользовался покровительством двора, связи с ним бросали тень на режим. Нападки Мёрфина отчасти объясняют неспособность Ди добиться назначений на важные посты, так как его соперники в борьбе за патронаж использовали репутацию «главного чародея». Когда в 1564 г. Ди прислал из Антверпена экземпляры своей «Монады», Елизавете пришлось защищать его от нападок на это сочинение как форму колдовства. Вообще королева поощряла философские и математические штудии Ди, хотя «Монада» её озадачила.

Ответом Ди на неудачи в поисках покровительства и противостоянии слухам при дворе стало его решение в 1565 г. жениться. Как принявшему сан католическому священнику оно далось ему нелегко: если бы в Англию вернулся католицизм, Ди ждало бы суровое наказание, какому подверглись женатые священники при Марии. Его женой стала уважаемая матрона из Сити, вдова купца Кэтрин Констебл. Для того чтобы появляться с Ди при дворе, ей недоставало манер и происхождения, но её приданым был дом в Мальборо и земли в Уилтшире. Умерла она в 1575 г. бездетной.

Между тем карьера Ди не двигалась. Поддержка королевы не могла оградить его от клеветы Мёрфина. Более того, притязания шотландской королевы Марии на трон Англии способствовали обострению соперничества среди оккультистов. Так, протестантский проповедник Уильям Хэррисон был убеждён, что Мария занимает-

ся колдовством и спешно вышла замуж за лорда Дарнли в 1565 г. отчасти потому, что «ведьмы и колдуны» вновь обещали, что Елизавета скоро умрёт. В 1569 г. притязания Марии привели к самому глубокому политическому кризису елизаветинского правления. Один из возникших вокруг Марии заговоров побудил Мёрфина и Престолла активизировать кампанию против Ди. Тот защищался, настаивая, что занимается неколдовскими формами оккультной мудрости. Однако до конца избавиться от репутации чародея Ди так и не удалось. Одной из причин было то, что он не смог стать придворным алхимиком.

Для понимания зигзагов в карьере Ди надо помнить о глубоком интересе елизаветинского двора к оккультной философии, особенно алхимии. Елизавета не только бегло говорила на нескольких языках, но и задала для двора тон в алхимических штудиях. Её философские знания и поощрение наук были известны всей Европе. Алхимики посвящали ей книги. Так, Томас Чарнок[33] поклялся головой, что за семь лет создаст для королевы философский камень, который продлит ей жизнь и вернёт её монетам высокое качество средневековой эпохи. Занималась алхимией и сама королева. Весьма интересовался этой наукой и Уильям Сесил. Голландец Корнелиус де Ланной обещал добывать золота на сумму 33 тыс. ф. ст. в год (с. 76). Елизавета снабдила его домом, материалами и дорогим оборудованием, но алхимик стал жаловаться на некачественные английские стекло и гончарные изделия. Престолл, кстати, обеспечил себе освобождение из Тауэра, разрекламировав свои алхимические способности.

«“Монада” Ди предлагала ослепительную перспективу изменения мира с помощью философского камня, но двор демонстрировал больше интереса к решению своих хронических финансовых проблем путём превращения неблагородных металлов в золото и серебро. Несмотря на интеллектуальную ауру Ди, его практические навыки алхимика оказались заурядными. Однако его соперничество с алхимиками, которые высказывали более смелые притязания, особенно с Престоллом, объясняет, почему продолжалась клеветническая кампания Винсента Мёрфина» (с. 71).

Ди чувствовал, что не может конкурировать с Престоллом в изготовлении золота, поэтому вновь адресовал свою «Монаду» Максимилиану II. В 1567 г. он перевёл книгу на немецкий, включая длинное посвящение новому императору. Отправленный автором в Германию подарочный экземпляр хранится сегодня в Хайдельберге, хотя сведений о каком-либо ответе императора нет. В том же году Ди доработал своё «Афористическое введение» об измерении оккультных лучей и, реагируя на моду на алхимию, вставил в него ключевые алхимические идеи из «Монады». В январе 1568 г., на следующий день после выхода из печати, Ди бросился к Сесилу подарить ему первый экземпляр. Однако он опоздал, так как провал де Ланноя временно снизил интерес Елизаветы к алхимии. Тем не менее поднесённый ей Пемброком экземпляр книги Ди вновь заставил королеву обратить на него внимание, и в феврале они имели беседу в Вестминстере.

В 1569 г. графы Нортумберленд и Уэстморленд подняли на севере Англии восстание в пользу Марии Стюарт. Повстанцев поддержал Престолл, который бежал в

[33] Томас Чарнок (1516/1524/1526 – 1581) — английский алхимик и оккультист, всю жизнь посвятил поискам философского камня.

Шотландию. Там он замышлял убить Сесила и Елизавету с помощью магии и пытался убедить испанцев вторгнуться в Англию. В марте 1570 г. умер Пемброк, и Ди остался без покровителя. Однако как раз около этого времени придворный и путешественник Хамфри Гилберт[34] предложил основать в Лондоне академию, в которой, помимо прочего, проходили бы практическую подготовку будущие чиновники короны. Эта подготовка включала бы применение арифметики и геометрии к фортификации, артиллерийскому делу, космографии, астрономии, навигации и картографии. Ди преподавал все эти дисциплины у себя дома в местечке Мортлэйк на Темзе ещё с 1566 г., а в 1567 г. давал советы Гилберту по изучению Северо-Западного прохода в Китай[35]. Возможно, неслучайно Гилберт предложил взять преподавать в академию натурфилософа и врача — это были две из многих ролей Ди: мореплаватель пытался дать ему работу. Современным людям убеждённость Гилберта в том, что будущему поколению лидеров Англии подготовка в области алхимии необходима, кажется столь странной, что историки её игнорируют. Между тем Гилберт был одним из многих представителей знати, искавших философский камень. Однако содержание академии предполагало ежегодные расходы в 3 тыс. ф. ст., поэтому Сесил, хотя и интересовался алхимией сам, не дал проекту хода (с. 85).

Ди занялся алхимией по заданию Генри и Мэри Сидни, с кланом которых был связан. До 1573 г. семья Сидни контролировала железоделательное производство в Уилде и Уэльсе. Поскольку (как жаловался де Ланной) английские стеклодувы не могли производить нужных сосудов, Ди, собираясь наблюдать изменения цветов веществ, отправился за ними в Лотарингию. Возвращаясь через Париж, он в мае 1571 г. приобрёл две книги Постеля о праязыке человечества. Когда Ди вернулся больным, Елизавета прислала ему собственных врачей.

Известно, что именно Ди изобрёл концепцию американской Британской империи. Понимал он под этим возрождённую империю короля Артура. Однако чтобы понять картину в целом, следует взглянуть на сочинения Ди о Британской империи в Атлантике («Общие и редкие воспоминания, относящиеся к совершенному искусству навигации» 1577 г., «О границах Британской империи» 1578 г.) в контексте политики елизаветинского двора и современных ему европейских событий. Последующие века «убедили современный мир связывать Британскую империю с распространением прогрессивного протестантизма — сначала благодаря открытию и колонизации Америки, а затем по всему миру. Однако в Ди или его “Британской империи”, которая смотрела назад в древнее прошлое, не было ничего слишком протестантского. Он использовал аргументы гражданского права с целью подтвердить суверенитет Елизаветы в Америке, так как считал, будто там ещё существуют колонии Артура. Тем не менее влиятельные придворные-протестанты на-

[34] Сэр Хамфри Гилберт (1539–1583) — английский мореплаватель и военачальник, основал колонию на острове Ньюфаундленд в Канаде.

[35] Ввиду господства испанцев и португальцев в Атлантике и Индийском океане в XVI в. поиски альтернативных путей в Азию — Северо-Западного прохода (сквозь Канадский Арктический архипелаг) и Северо-Восточного прохода (вдоль северного побережья Евразии по маршруту нынешнего Северного морского пути) — весьма занимали голландских и английских мореплавателей. С XVII в. актуальность этих исследований снизилась из-за усиления Нидерландов и Англии, которые стали успешно теснить иберийские державы в южных широтах.

много больше заинтересовались логически последовательными аргументами Ди в пользу прав Елизаветы на возвращение утраченной Британской империи Артура в Европе. Помещение "имперских" трудов Ди в надлежащий исторический контекст также показывает, что проистекали они не столько из юридических и политических теорий, сколько из его очарованности оккультной философией. Не такое уж отношение имели "имперские" труды Ди и к произведённым в 1576–1578 гг. Мартином Фробишером[36] поискам Северо-Западного прохода» (с. 94–95).

Мысли Ди на эту тему можно узнать из его экземпляра труда Фердинанда Колумба «История жизни и деяний адмирала Христофора Колумба» (1571). Ди отрицал факт первопроходства Колумба, а следовательно, и право Испании на Америку. В описании Фердинандом Колумбом обычаев и языков индейцев Ди нашёл поддержку своей любимой теории, согласно которой Америку открыл в 1170 г. валлийский принц Мадог ап Оуайн Гвинед. Он, кстати, значился в родословной самого Ди. Кроме того, Ди отрицал власть папы даровать Новый Свет Кастилии. Подтверждение своим взглядам Ди нашёл и у Рамузио[37] в его «Плаваниях и путешествиях» (1577–1578). Тот писал о «белых людях, облачённых в такие же одежды, как во Франции». Это будто бы подтверждало идею Ди, согласно которой вдоль Северо-Западного прохода сохранились колонии Артура.

Однако Ди писал сочинения не просто с целью поддержать Фробишера в его плаваниях. Не просто применял он и полученные в Лувене познания в гражданском праве, чтобы обосновать право Елизаветы на открытые англичанами земли. Это не было достаточной причиной того, что важные политики и вельможи, такие как Эдуард Дайер, граф Лестер или сэр Кристофер Хэттон[38], выхлопотали для Ди аудиенцию у королевы. У неё были и другие юридические советники, например, сэр Фрэнсис Уолсингэм или Томас Уилсон[39]. Ещё задолго до Ди в Англии считали, что власть короны и авторитет статутного права распространяются на заморскую торговлю и открытые земли. Добиться для Ди аудиенции сановников убедили его знания по астрологии. Так, он был убеждён, что философский камень возродит империю Елизаветы.

«Елизаветинское "государство" не выносило решения о какой-то одной политике и затем кооптировало Ди с целью подвести под неё интеллектуальную основу. Политика вырабатывалась в ходе ожесточённых споров между членами Тайного совета королевы, а также между ними и Елизаветой, что требовало от придворных и политиков обращаться к накопленной мудрости как при дворе, так и за его пределами. Ведущие члены Тайного совета ежедневно консультировались с интеллектуалами и людьми с практическим опытом, используя их специальные знания, чтобы

[36] Сэр Мартин Фробишер (1535/1539 – 1594) — английский мореплаватель и приватир (капер), совершил три плавания в Америку на поиски Северо-Западного прохода.

[37] Джованни Баттиста Рамузио (1485–1557) — итальянский географ и автор работ о путешествиях.

[38] Сэр Эдуард Дайер (1543–1607) — английский придворный и поэт. Роберт Дадли, 1-й граф Лестер (1532–1588) — английский придворный и военачальник, фаворит Елизаветы, сын Джона Дадли. Сэр Кристофер Хэттон (1540–1591) — английский придворный, лорд-канцлер и фаворит Елизаветы.

[39] Сэр Фрэнсис Уолсингэм (ок. 1532–1590) — придворный и статс-секретарь Елизаветы I с 1573 г., руководитель английской разведки. Томас Уилсон (1524–1581) — английский дипломат, судья и член Тайного совета, автор первых работ по логике и риторике на английском языке.

детально разработать политический курс, реагируя на какие-либо события» (с. 97). Это и стимулировало Ди в написании работ по Британской «империи» и экономическому развитию. Так, в 1566 г. он по заданию Дайера написал трактат «Рассуждения об Атлантике». Хамфри Гилберт и Энтони Дженкинсон[40] как раз искали в ту пору поддержки идее плаваний в Катай через Северную Атлантику, а Московская компания просила парламент подтвердить её торговую монополию. В 1570 г. Ди, опять же по заданию Дайера, переписал свой очерк 1565 г. о реформах под названием «Синопсис Британской республики». Рассматривая идеи Ди об империи, надо помнить и то, что в своих советах он исходил не из современного нам понимания политических расчётов. Когда в 1572 г. в созвездии Кассиопеи появилась сверхновая звезда, Ди объяснил Дайеру: она может означать, что найдено великое сокровище или даже философский камень. Открытие Фробишером золота в 1576 г., по мнению Ди, подтвердило его правоту.

Итак, следует пересмотреть связь Ди с плаваниями Фробишера. В организации поздних плаваний он участвовал — отчасти благодаря своим географическим знаниям об империи Артура. Однако Ди не обладал монополией на эти знания, а за его организаторской ролью стояли и другие причины. Сохранившиеся книги и рукописи Ди создали ложное впечатление, будто он был единственным при елизаветинском дворе знатоком географии Атлантики. Однако уже к 1581 г. бывший купец Московской компании Майкл Лок знал о пустынном ландшафте острова Баффина достаточно, чтобы оставить надежды на существование каких-то поселений времён короля Артура. Инвестировать в путешествия Фробишера Ди стал только после возвращения трёх кораблей из второго плавания в 1577 г. с золотой рудой. В 1578 г. Ди был включён Тайным советом в состав комиссии по плавке в Дартфорде; правда, назначением он был, возможно, больше обязан своему зятю Ричарду Янгу, который тоже заседал в комиссии и имел финансовый интерес в «Компании Катая».

«Примерно с 1576 по 1583 г. оккультная философия Ди оказалась переплетена с политикой елизаветинского двора, когда тот боролся с европейским кризисом. Причины объясняются двумя важными чертами этого двора. Первая черта для всех дворов эпохи Возрождения была общей с современной политикой. Придворные населяли политический зал зеркал, которые формально отражали ослепительный свет, исходивший от их суверенов, но чаще позволяли политикам выставлять своих соперников в нелестном виде, разоблачая их деятельность под неожиданным углом… В ходе конкретного религиозного и стратегического кризиса Англии в эти годы это общее политическое “вращение” взаимодействовало с чертой, характерной именно для елизаветинского двора. Линия идеологических расхождений проходила не между Лестером и Бёрли, а между открыто протестантскими членами Тайного совета и намного более консервативной королевой. Бёрли пытался убедить неохотно верившую ему Елизавету в существовании международного папистского заговора, целью которого с самого начала её правления было подорвать истинную религию и повиновение её народа, убить её и возвести на её трон королеву шотландцев Марию» (с. 103). В то же время консерваторы настаивали, что терпимость к непокор-

[40] Энтони Дженкинсон (1529–1610) — английский путешественник, купец и дипломат. Четыре раза побывал в Москве как посол Англии и представитель английской внешнеторговой Московской компании, ездил в Иран и Бухару.

ности пуритан в отношении созданной в 1559 г. церкви подточит надлежащий порядок и приведёт к созданию «народного» или «анабаптистского» правительства. Таким образом, антикатолицизм и антипуританизм позволяли придворным толковать события, играя на тревогах и предрассудках королевы.

Эти тенденции влияли и на Ди. Они определяли не только его доступ к Елизавете, но и направленность его трудов: политики толковали события, исходя из собственной повестки дня, а кооптированные ими интеллектуалы делали то же в своих сочинениях. Вот почему труды Ди на тему империи содержали скрытые послания. Проникнутые озабоченностью автора империей в Америке, они отражают росший в ту пору интерес к завоеваниям короля Артура в континентальной Европе. Репутация Ди как чародея вместе с его «философскими» знаниями и практиками вовсе не отдалили его от двора, а, напротив, способствовали формированию его имперских взглядов. В благоприятных обстоятельствах они сделали его полезным для политиков, которые стремились двигать «протестантское дело». Однако контрнаступление консерваторов отсекало Ди от причастности к выработке политики. Таким образом, его сочинения содержали скрытый смысл, доступный только элите.

Из авторов, утверждавших идею Артуровой империи, Ди особо выделял упомянутого Иоганна Тритемия — автора книги «О семи планетарных интеллигенциях». Тот давно был известен благодаря вызыванию демонических духов. «Акцент Ди на Тритемии — поразительное свидетельство его ви́дения империи. Возможно, Ди давал понять знакомым с ангельской магией придворным, что им надлежит воспринимать империю Артура сквозь магическую, космически религиозную призму. В книге Тритемия не обсуждалась ни история Артура, ни вопросы империи. Книга описывала, как ангельские духи, управляющие семью планетами, контролируют историю. Каждый ангел поочерёдно правил 354 года и 4 месяца, наделяя каждую эпоху специфическими чертами. Относилось это и к империи Артура. Разрушительные политические и религиозные изменения, знаменовавшие каждый новый период, формировали этапы на пути ко второму пришествию Христа, Эсхатону» (с. 106–107).

Веками аксиомой английской внешней политики было поддерживать хорошие отношения с державой, контролирующей Нидерланды: ведь те были главным импортёром основной экспортной статьи Англии — сукна. Однако вспыхнувшее в Нидерландах в середине 1560-х гг. восстание привело к резкому изменению елизаветинской политики: она сделалась антигабсбургской. Это убедило приверженцев «протестантского дела», что Елизавете надо стать последней императрицей мира. Учёные мужи применяли к ней древние пророчества. После краха испанской власти в Нидерландах в 1575 г. некоторые тайные советники просили королеву принять предложенный ей суверенитет над Голландией и Зеландией. В 1576 г. даже сама она вообразила, будто ей по силам принести мир всему христианскому миру. Ходили рукописи, где утверждалось, что Елизавете предписано богом стать королевой Иерусалима.

В этих обстоятельствах и появилось сочинение Ди «Общий и исключительный меморандум» («General and Rare Memorials») 1577 г., где автор призывал королеву восстановить былую европейскую империю Артура «к югу и востоку». Иными словами, Ди сделал важный вклад в заимствование, а точнее, кражу елизаветин-

цами древней имперской мифологии у Габсбургов (с. 109). Впрочем, он никогда не определял Британскую империю как протестантскую. Однако уже к 1570-м годам Ди считал, что женское ангельское влияние Венеры указывает на особую роль Елизаветы. Кроме того, он убедил себя, что ему удалось канализировать святой дух, так как его «Монада» содержала каббалистические тайны, открытые ангелом Михаилом.

По мнению Ди, отремонтированный королевский флот должен был восстановить для Англии имперскую власть, завоёванную флотом короля Эдгара в X в. Перекликаясь с апокалиптическим тоном «Монады», «Меморандум» предложил Елизавете философский камень, который Ди прежде предлагал Максимилиану. Ди соединил откровения ангелов с алхимией, которая должна была позволить Елизавете стать императрицей-реформатором последних дней. Скрывая своё предложение в образе царя-алхимика Халида, Ди давал понять знатным читателям связь между производством философского камня и восстановлением Британской империи. Столь завуалированный язык иллюстрирует многослойность смыслов имперских сочинений Ди. С той же целью идейно обосновать право Елизаветы на «весьма обширные зарубежные владения» Ди в трактате «Знаменитые и богатые открытия» того же 1577 г. поддержал поиски Северо-Восточного и Северо-Западного проходов в Азию: считалось, что империя Артура контролировала их оба. Чтобы поторопить Елизавету использовать имперскую возможность Англии, Ди писал о подступающей эпохе Юпитера, а себя величал пророком этой «невероятной политической тайны» (с. 113).

Свой «Меморандум» Ди начал диктовать 1 августа 1576 г. В печатном виде получилось 80 страниц. Помимо прочего в сочинении объяснялось, как финансировать, снабжать и развёртывать военный флот в составе 60 судов — не океанский, а лишь для патрулирования берегов Англии. Его задачей было защищать страну от вторжений, а купеческие суда — от пиратов, обучать моряков, пресекать контрабанду и т.д. Также Ди предложил Елизавете расширить сферу её суверенитета, так как считал, что её происхождение от Артура и Плантагенетов даёт ей право на обширные области Европы.

Подоплёкой написания «Меморандума» были события в Нидерландах. В 1575 г. испанский король Филипп II изменил порядок выплаты своих долгов, что разрушило его кредит. Испанские гарнизоны в Нидерландах не получали жалованья, взбунтовались и принялись грабить провинции. В июле 1576 г. Государственный совет Нидерландов объявил испанцев врагами государства. По замыслу Ди, английский флот должен был заставить уважительно относиться к английским купцам не только испанцев, но и голландских морских гёзов, которые оспаривали суверенитет Елизаветы на морях, да ещё и угрожали английской экономике, захватив груженные сукном суда компании купцов-авантюристов, так как те плыли в удерживаемый испанцами Антверпен. В ответ Елизавета велела Тайному совету установить экономическую блокаду Нидерландов.

К несчастью для Ди, Тайный совет не хотел ослаблять Голландию и Зеландию: это значило бы помочь отвоевать эти провинции Испании, после чего маячило её вторжение уже в Англию. Бёрли настаивал, что возмущение грабежом морских гёзов надо сопровождать тайными переговорами с Вильгельмом Оранским. Несмо-

тря на действия гёзов, эти переговоры велись при посредничестве Уолсингэма ещё с марта. Таким образом, «Меморандум» Ди отвечал интересам консерваторов при дворе.

Однако печатный вариант «Меморандума», вышедший в сентябре 1577 г. (тиражом 50 экземпляров) через год после написания, коренным образом отличался от рукописного. Автор выступил в поддержку агрессивной протестантской политики военной помощи мятежным провинциям Испанской империи. Эту политику отстаивал его могущественный покровитель граф Лестер. Слухи в январе 1577 г. о срыве переговоров нидерландских провинций с новым испанским губернатором доном Хуаном Австрийским сделали военное вмешательство Англии для графа и его сторонников необходимым. «Они возродили прежние мечты, согласно которым Елизавете следовало повести за собой протестантскую Европу, чтобы реформировать христианский мир. Начать ей следовало с принятия суверенитета над Голландией и Зеландией, а затем надеть на себя мантию последней императрицы-реформатора. В том же месяце в образце руды, привезённом Фробишером из его первого плавания, алхимики нашли золото, побудив придворных поддержать идею второго плавания… Ди, безусловно, воспринимал плавания Фробишера с этой космической точки зрения, так как теперь считал, что сверхновая звезда 1572 г. ознаменовала открытие золота» (с. 122).

Всё это разожгло апокалиптические мечты Ди о возрождённой империи. 16 января 1577 г. он встретился с Лестером, Филипом Сидни и Дайером. Вероятно, они обсуждали следующее путешествие Фробишера, а также будущее посольство Сидни во Франкфурт, где немецкие князья должны были попытаться устранить разногласия протестантов по вопросу о евхаристии. В тот же день Ди написал письмо своему другу голландскому географу Абрахаму Ортелию[41], прося подтвердить факт существования северных проходов. По возвращении в Англию в мае Сидни написал сочинение (возможно, с помощью Ди), подчеркнув, как объединённый флот Англии, Голландии и Зеландии может установить суверенитет Елизаветы в «узких морях».

Коррективы в печатном варианте «Меморандума» подкрепляют утверждение Ди, что писал он не в интеллектуальной изоляции, а «по серьёзной просьбе моих соотечественников». В сочинении показано, как Сити, зная о растущем влиянии Ди благодаря патронажу Лестера, использовал его труды, чтобы убедить королеву решать проблемы страны.

Стоявшая за «Меморандумом» политическая идея заставила Ди точнее описать былую империю Артура. Ещё в «Открытиях» он утверждал, будто в её состав входила Голландия. В «Границах Британской империи» частями последней названы также Зеландия, Брабант, Фландрия и Пикардия. Ди просил Елизавету вернуть короне Британскую империю в Европе и считал, что через несколько лет английская королева будет править мировой империей, которую получит с божьей помощью. Средствами её обретения мыслились внезапные апокалиптические изменения, указания от ангелов и философский камень. Правда, сама Елизавета надеялась примирить Нидерланды с Филиппом, восстановив их прежние свободы, демилитаризовав и освободив от вмешательства Франции. Гибкая в вопросах религии, короле-

[41] Абрахам Ортелий (1527–1598) — фламандский картограф, автор первого географического атласа «Зрелище круга земного».

ва недооценивала стремление Филиппа навязать провинциям католическую ортодоксию. «Однако чаще Елизавета колебалась между прекращением поддержки голландцам, вступлением в оборонительную международную протестантскую лигу, конфронтацией с Испанией путём военной поддержки голландцам или в крайнем случае принятием суверенитета над ними. Завися от международной религиозной политики, придворной борьбы между консерваторами и ревностными протестантами за влияние на неё и ежедневного течения событий, Елизавета постоянно заигрывала со всеми этими политическими курсами. Поэтому вопрос о том, окажутся ли имперские сочинения Ди влиятельными, зависел от конкретного момента. Ведь Ди оставался клиентом, подчиняясь интересам сильных мира сего. Эту реальность не могла преодолеть даже его вера в апокалиптическую истинность его имперских идей» (с. 126).

Несмотря на выход «Меморандума», придворные-католики советовали Елизавете не вмешиваться в политику на континенте, так как поддержка нидерландских мятежников могла объединить против Англии Францию и Испанию. В этих обстоятельствах королева запретила Ди распространять книгу. Тем не менее Лестер продолжал приводить Ди на аудиенции к Елизавете, иногда пользуясь отсутствием Бёрли. В течение следующих нескольких лет Ди стал тесно связан с агрессивной политикой Англии в Нидерландах и оппозицией плану брака Елизаветы с герцогом Анжуйским[42]. Так, в ноябре 1577 г. Ди продемонстрировал королеве масштабы империи Артура, включая Северо-Западный проход, и, возможно, заверил её относительно Последних дней, о которых, по его мнению, возвестила комета. Оккультные советы Ди имплицитно критиковали идею брака с французским принцем, подчёркивая апокалиптическое имперское предназначение Елизаветы. Кстати о браке: в феврале 1578 г. сам Ди женился на дворянке Джейн Фромаундс — фрейлине леди Кэтрин Хауэрд, ближайшей подруги Елизаветы.

К ноябрю 1577 г. Ди начал писать трактат «Границы Британской империи». Связь Ди с плаваниями Фробишера именно с той поры могла бы наводить на мысль, что это сочинение подводило теоретическую основу под «Артурову» империю Елизаветы в северо-западной Атлантике. Отчасти так оно и было, но надо принять во внимание, что Ди писал во время переговоров с французским посольством. По большей части его трактат утверждал суверенитет Елизаветы в Европе. Неслучайно Ди оставался в неведении целей плавания Хамфри Гилберта: считал, что тот держит путь в район современного Монреаля, тогда как истинной целью была Вест-Индия. Таким образом, «Границы» имели дело с главной проблемой, занимавшей Лестера и Уолсингэма летом 1578 г., — суверенитетом над Нидерландами, который, как те опасались, мог захватить герцог Анжуйский. Лестер использовал кошмарную перспективу французского контроля над Антверпеном как жизненно важной экономической коммуникацией Англии. Под его влиянием Елизавета спешно согласилась отправить графа на континент во главе армии. Придворные-католики перегруппировались, чтобы расстроить эти планы, и Лестер вновь обратился к Ди. Правда, французские послы успокоили постоянно колебавшуюся Елизавету прежде, чем Ди получил аудиенцию, и нидерландские амбиции Лестера рухнули.

[42] Эркюль Франсуа де Валуа (1555–1584) — французский принц, герцог Алансонский и Анжуйский, младший сын короля Генриха II и Екатерины де Медичи.

Однако вскоре Тайному совету понадобились магические знания Ди. В августе 1578 г. в Лондоне нашли восковые изображения Елизаветы и двух членов совета, утыканные свиной щетиной, что посчитали ведовской попыткой извести их. Совет обратился к Ди с просьбой предотвратить беду. Следующие несколько месяцев принесли ему большое влияние, поскольку он в интересах Лестера искал свидетельства колдовства католиков против Елизаветы. Тайный совет использовал историю с фигурками для оправдания репрессий против подготовленного заранее списка католиков-диссидентов[43]. Лестер старался доказать существование папистского заговора и лично допрашивал в Тауэре двух арестованных католиков — отца и сына Блоуэров.

Между тем королева заболела, и Лестер с Уолсингэмом отправили Ди в Германию, во Франкфурт-на-Одере, просить совета у последователя Парацельса, врача и алхимика Леонарда Турнейссера[44]. Лестер пускал слухи, что недуг королевы вызван любовным зельем, с помощью которого сторонники герцога Анжуйского пытались склонить Елизавету к браку с ним. Против католиков и их «колдовства» Лестер поднял скандал по всей Англии, но получил он и общеевропейскую известность благодаря трактату французского юриста Жана Бодена[45] «Демономания колдунов». Тайному стали мерещиться заговоры повсюду. Правда, к октябрю 1578 г. растущий интерес Елизаветы к французскому браку и потеря ею интереса к «протестантскому делу» почти привели придворных-католиков к вхождению в Тайный совет. Лестер же потерял доверие, когда известный маг Томас Элкс сознался, что создал те восковые фигурки по заказу богатого молодого клиента с целью любовной магии.

Из-за изменившейся политической конъюнктуры Елизаветы отдалила Лестера и Уолсингэма от двора, что продолжалось до 1580 г. Соответственно, Лестер потерял способность защищать Ди от непрекращавшихся нападок Мёрфина, который старался возродить его репутацию как католического «главного чародея». Между тем «недавний мир между французскими католиками и гугенотами, а также договор герцога Анжуйского с Нидерландами возродили страхи Елизаветы насчёт контроля Франции над этой страной. Лестер играл на этих страхах, давя на неё с целью отправить английские войска. Свидетельство Ди о правах королевы на европейскую империю служило краеугольным камнем этой кампании, так что Мёрфин мог быть подставным лицом для католических оппонентов Лестера» (с. 139).

О степени напряжённости при дворе можно судить по визиту Елизаветы к Ди через три дня после того, как он подал на Мёрфина в суд за клевету. Королева выразила доверие к Ди, возродив у Лестера надежды на продолжение активной политики на континенте. В октябре 1580 г. Ди преподнёс королеве два пергаментных свитка — черновик трактата «Границы Британской империи», в котором обосновывались генеалогические притязания Елизаветы на империю Артура в Европе. Правда,

---

[43] В оригинале употреблён термин recusant; так называли католиков, которые отказывались присутствовать на англиканских богослужениях.

[44] Леонард Турнейссер (1531 – 1595/96) — швейцарский врач, алхимик и астролог при дворе курфюрста Бранденбургского Иоганна Георга.

[45] Жан Боден (1530–1596) — французский юрист, экономист, философ и политический теоретик. Считается основателем политической науки, так как разработал теорию государственного суверенитета.

Бёрли, прекрасно знавший генеалогию, засомневался в ценности этой работы, особенно в обоснованности претензий Елизаветы на Кастилию и Леон. Отчасти причиной было то, что Ди составил работу без его ведома; отчасти же Бёрли опасался внешнеполитических осложнений такого курса.

Однако когда политические условия изменились, Бёрли нашёл «Границы» более убедительными. В 1585 г., после убийства Вильгельма Оранского, голландцы вновь предложили суверенитет над своей страной Елизавете. Секретариат Бёрли в подготовленной «Декларации причин оказания помощи Нидерландам» использовал идеи Ди, отметив, что королева благодаря законному происхождению имеет прочные права на часть этой страны. Правда, хотя Елизавета согласилась послать армию, предложение суверенитета она отклонила. Поэтому Бёрли перед публикацией своего сочинения слова о законном происхождении вычеркнул. Никогда прежде Ди не подходил так близко к влиянию на политику.

К концу 1580 г. ситуация вновь изменилась. Филипп II присоединил Португалию, в Шотландии власти лишился поддерживаемый англичанами регент Мортон, а английская дипломатия пыталась нащупать союз с протестантскими князьями Германии. Испанский наместник герцог Пармский двигался по Нидерландам. Всё это делало Елизавету зависимой от Франции. В такой ситуации она явно не могла стать «имперской правительницей» христианства, как воображал Ди. Королева и Лестер смирились с провозглашением герцога Анжуйского в 1582 г. правителем Нидерландов. Соответственно, Лестер перестал нуждаться в идее европейской Британской империи. До 1590-х гг. в записях Ди больше нет сведений о беседах с королевой об алхимии, магии и его апокалиптическом имперском видении. Кроме того, Ди пришлось бороться с растущим скептицизмом относительно завоеваний короля Артура. Фробишеру не удалось открыть остатки Артуровой цивилизации, и это пошатнуло уверенность Ди в принадлежности к ней района Северо-Западного прохода. Неслучайно, что в трактате Ричарда Хаклюйта-младшего[46] «Различные плавания» 1582 г., где говорилось, что англичане должны по праву владеть заморскими землями, отсылки к Артуру нет вовсе. Лишь в трактате «Главные плавания» 1589 г. Хаклюйт включил в число завоёванных Артуром земель Фландрию. Последний удар идее Артуровой империи нанёс церковный и придворный деятель Джордж Эббот в 1605 г.

Несмотря на это, Ди продолжал давать советы путешественникам. Так, в 1580 г. он составил карту начала Северо-Западного прохода, а в 1582 г. вступил в компанию Гилберта. Некоторое отдаление от королевы не разрушило связей Ди при дворе. Так, крёстных родителей для своих детей он нашёл среди второстепенных придворных и близких слуг королевы. Ди продолжал обсуждать географические исследования с мореплавателями и путешественниками; обращались к нему и за толкованием снов. Продолжал он и советоваться с ангельскими духами. В 1581 г. Ди даже посчитал, что увидел такой дух в кристалле. Практикующему ангельскую магию требовался помощник-посредник, через которого ангелы якобы и говорили; назывался он *scryer*[47]. В ту пору *scryer* для Ди выступал некий Эдуард

[46] Ричард Хаклюйт-младший (1553–1616) — английский писатель, автор многочисленных трактатов елизаветинской эпохи о необходимости колонизации Северной Америки.

[47] Вроде медиума в спиритуализме.

Келли[48]; он тщательно закрывал уши, отрезанные в наказание за подлог, а также был подвержен пьяным выходкам.

В 1583 г. дела Ди опять пошли под откос из-за реформы календаря. Введение нового календаря папой Григорием XIII[49] в 1582 г. имело целью укрепить власть папства в христианском мире, установив единую дату для Пасхи. Из политического символизма Григорий отменил лишь 10 дней, отсчитав солярное время только к моменту Никейского собора 325 г. Между тем многие учёные Европы, включая Ди, настаивали на отмене 11 дней. Католические страны перешли на григорианский календарь, но реформа привела к десятилетиям католическо-протестантской борьбы. Большинство протестантских стран сохранили юлианский календарь, символически отрицая папскую власть.

Однако Елизавета сначала всерьёз подумывала принять папский календарь. В декабре 1582 г. Тайный совет обратился к Ди за экспертизой. Математическая подготовка, полученная Ди в Лувене, позволяла ему точно измерять небесные тела с астрологическими и хорологическими целями. С 1550-х гг. он совершил тысячи наблюдений за высотой Солнца, используя квадрант своего близкого друга мореплавателя Ричарда Ченслора, который утонул, возвращаясь в 1556 г. из Московии. Ди вынес решение об оправданности календарной реформы, но, сыграв на предрассудках Тайного совета, подал отмену Римом лишь 10 дней как свидетельство его растущего морального разложения. Ди настаивал, что истинно христианскую календарную реформу должна возглавить Елизавета. Он возвращался к любимой идее: королеве выпадала новая возможность стать последней императрицей-реформатором. Ди не только предложил снять из периода с мая по сентябрь 1583 г. 11 дней, но и ввести «постоянный календарь королевы Елизаветы», основанный на Лондонском меридиане; такой календарь должен был дать королеве контроль над самим временем и служить руководством для христианского мира на века. При этом Ди умолял Елизавету реформировать календарь непременно до ноября 1583 г. Вместе с Бёрли он разделял распространённое мнение о том, что наибольшее сближение Сатурна и Юпитера в созвездии Овна в марте 1583 г. знаменовало драматичные изменения. Считалось, что это сближение, которое прежде наблюдали всего шесть раз, знаменует космически значимое событие, такое как Великий потоп и Десять заповедей.

В 1582 г. ангелы заверили Ди, что он положит начало «новым мирам, новым людям, новым королям и новому знанию о новом правительстве» (с. 152). Такие пророчества объясняют желание Ди в сентябре 1583 г. отправиться в Польшу вслед за обедневшим польским дворянином Альбрехтом Ласким[50] (см. ниже). Стремление к календарной реформе сочеталось у Ди с попыткой возродить исследование Северо-Западного прохода. Несмотря на неудачу Фробишера, он убедил себя, что плавания в этом направлении поправят финансовое положение его лично. С этой

[48] Эдуард Келли (1555–1595) — английский алхимик, автор трёх работ по этой тематике. Многие историки считают его шарлатаном, который воспользовался доверчивостью Ди. Однако утверждают и другое: Ди, почти каждый день заставляя Келли долго общаться с ангелами, привёл того на грань сумасшествия.

[49] Григорий XIII (1502–1585) — папа римский в 1572–1585 гг., в миру Уго Бонкомпаньи.

[50] Альбрехт Лаский (1536–1605) — польский магнат и военачальник, воевода серадзский.

целью Ди, Адриан Гилберт (брат Хамфри) и Джон Дэйвис[51] встретились с Уолсингэмом и обсудили навигационные карты. В поддержку нового проекта Ди написал «Географическое или гидрографическое описание Северного полушария».

Что касается календарной реформы, может показаться странным, что Бёрли и Уолсингэм поддержали идею папства. Однако неслучайно самый проницательный биограф Елизаветы назвал её «допротестанткой», почитавшей крест, который многие её подданные осуждали как папистского идола[52]. Тайный совет обсудил проект реформы, причём последний игнорировал папу и утверждал собственную связь королевы с Никейским собором через её якобы предка императора Константина, созвавшего этот собор. Однако Елизавета велела посоветоваться с астрономами и епископами, и Уолсингэм воспользовался этим, чтобы саботировать реформу. Епископы высказались против неё, так как не хотели поддерживать никакую инициативу «церкви Антихриста». Влияние Ди при дворе падало. К тому же королева отказалась санкционировать плавание Адриана Гилберта. В довершение всего к июлю 1583 г. она отказала Ди в просьбе о пенсии в 200 ф. ст. Отчасти причиной было использование Уолсингэмом сомнительного прошлого Ди (принадлежность к католической церкви), чтобы спровоцировать бывшего архиепископа Кентерберийского Эдмунда Гриндала на сопротивление реформе.

Уже несколько месяцев ангелы повелевали Ди покинуть Англию до Апокалипсиса. Однако у него не было денег, зато были большие долги. Когда в Англии объявился польский дворянин Лаский, Ди вообразил, что тот послан богом поправить его репутацию и финансовое положение. Лаский пользовался общеевропейской известностью воина-гуманиста, публиковал на латыни сочинения о военном деле и религиозной политике. Елизавета приветствовала поляка, так как Бёрли убедил её в его высоком статусе при дворе короля Стефана Батория[53]. По просьбе Лаского Ди задал ангелам вопрос: будет ли тот наследовать Стефану и будет ли править Молдавией? Ангелы обещали Ласкому королевство в течение года. В Англии он оказался после того, как поддержал претензии на польский трон габсбургского императора Максимилиана, а успешный кандидат Стефан конфисковал его имения. Католицизм Лаский сочетал с беспринципным политическим авантюризмом. Бёрли собирался использовать поляка в своих целях, но отношение к нему при дворе стало меняться, так как он претендовал на кровное родство с Елизаветой. Ди начал понимать, что, связавшись с Ласким, он погубил себя, и это увеличило его стремление сопровождать того в Восточную Европу. К этому же Ди призывал алхимик Келли.

В сентябре 1583 г. Ди встретил Лаского на Темзе, и они покинули Лондон глухой ночью, чтобы обмануть своих кредиторов. Поскольку тот был банкротом, именно Ди пришлось нанять два корабля, чтобы перевезти на континент свою семью, значительную часть библиотеки (800 печатных книг и почти 100 рукописей), Лаского и его слуг и лошадей (с. 170). Согласно легенде, толпа недоброжелателей, воз-

[51] Джон Дэйвис (ок. 1550–1605) — известный английский мореплаватель елизаветинской эпохи. Его именем назван пролив между Гренландией и островом Баффинова Земля в Канаде. Также Дэйвис открыл Фолклендские острова.

[52] *Collinson P.* Elizabeth I. Oxford, 2007.

[53] Стефан Баторий (1533–1586) — король польский и великий князь литовский в 1576–1586 гг., происходил из венгерского рода.

мущённая колдовством Ди, тут же разгромила его библиотеку в Мортлэйке, поломав алхимическое оборудование и дорогие навигационные инструменты. На деле же книги растащили знакомые Ди, включая его кредиторов. Уплывая из Англии, Ди колебался и нервно спрашивал ангелов о реакции королевы и Тайного совета. Когда он прибыл в Гамбург, английские купцы в этом городе встретили его враждебно и хотели вернуть пресловутого чародея на родину под стражей.

В феврале 1584 г. Лаский в сопровождении Ди и Келли добрался до своего имения в Западной Польше. Там ангелы заверили Ди, что бог избрал их для этого «конца урожая», и велели ехать в Краков. Келли притягивал Ягеллонский университет, знаменитый по всей Европе своей алхимической учёностью в духе Парацельса. Ди пытался вступить в университетское сообщество, подарив библиотеке рукопись Боэция[54], которая хранится там и поныне.

Ди стал считать, что посредство Келли даёт ему лучший контакт с божьими посланцами, чем даже тот, что был у ветхозаветных пророков. По утверждению Келли, ангелы объяснили превосходство своего языка над человеческим, настаивая, что буквы исходного божьего языка надлежит с помощью Каббалы восстановить на их законном месте, назначив каждому число.

Между тем политическая ситуация в Кракове сделалась для Лаского неблагоприятной. Вдохновлённый пророчествами ангелов, он вступил в заговор против Стефана Батория. Незнакомый с польской политикой, Келли не оценил угрозу вовремя: хотя руководителя заговора Самойло Зборовского[55] обезглавили, ангелы продолжали сулить Ласкому власть над Польшей. В то же время они велели всем троим бежать к императору Рудольфу II в Прагу. Будучи давним сторонником Габсбургов, Лаский мог ввести Ди и Келли в его окружение.

«Габсбургский двор в Праге блистал как европейский центр пророческих ожиданий. Габсбурги уже давно притягивали космополитов-интеллектуалов, жаждавших универсальной реформы и религиозного примирения. Мыслители, которые отвергли жёсткие ортодоксии, беспокойно перемещались по религиозному спектру в поисках мистического разрешения духовных неопределённостей. Превращение Ди из католического священника в елизаветинского мирянина-конформиста, затем участника ангельских откровений и, наконец, человека, который послушно исповедует и получает католическое причастие, кажется почти обычным в сравнении с людьми, которых ему предстояло встретить в Богемии, такими как Франческо Пуччи и Христиан Франкен» (с. 179)[56]. Для многих из тех, кого притягивал двор Рудольфа, едва ли подходят ярлыки «католик» и «протестант», которые мы навешиваем задним числом. В относительной анонимности Праги их духовные паломничества могли окончиться весьма неортодоксальными убеждениями. Эмоциональ-

[54] Аниций Манлий Северин Боэций (ок. 480–524) — римский сенатор и философ-неоплатоник, автор сочинения «Утешение философией», которое стало весьма популярным у средневековых схоластов.

[55] Самойло Мартынович Зборовский (ок. 1525–1584) — польский магнат, участвовал в походах Стефана Батория против Руси; гетман Войска Запорожского.

[56] Франческо Пуччи (1543–1597) — итальянский философ и гуманист, противник кальвинизма и последователь пелагианства — учения богослова Пелагия (IV–V вв.) о свободе воли. Христиан Франкен (1550–1611) — немецкий иезуит, позднее богослов-унитарий (противник концепции Троицы).

ная нестабильность Келли и мешанина идей в ангельских откровениях отражали религиозную атмосферу этого города. Достаточно сказать об отрицании Келли божественности Христа и его убеждённости в переселении душ. Ди и Келли ожидали, что Лаский поможет им убедить Рудольфа провести апокалиптическую реформацию. Ожидания имели некоторое основание: император покровительствовал таким мыслителям, так как всё больше опасался, что Контрреформация подорвёт его власть. Правда, опасался он и стремления протестантов к политической независимости. Духовная неопределённость побудила его заняться оккультной философией, особенно алхимией.

В августе 1584 г. Ди поселился в Праге у Тадеаша Гаека[57] — алхимика, который поддерживал отношения с умеренными мыслителями по всей Европе и был личным врачом Карла V, Максимилиана II, а теперь Рудольфа. Все его сыновья учились в Англии, а его другом был Филип Сидни. К тому же у Ди была книга Гаека о сверхновой звезде 1572 г.

Ангелы велели Ди предупредить Рудольфа, что ангел Господа упрекает его за грехи, но если в «это последнее время» он послушает Ди, то получит власть над миром. В письме Рудольфу от 17 августа Ди не решился поставить вопрос таким образом, а подчеркнул существование «божественного плана». В теореме XX своей «Монады» он указывал, что нумерологическое развёртывание и раскрытие алхимических тайн в четырёх элементах приведёт к возвышению Максимилиана «или какого-либо другого члена австрийского дома» (с. 181).

Через посредство испанского посла в Праге Гильена де Сан-Клементе (который, кстати, претендовал на происхождение от известного каталонского мистика Рамона Лулла[58], тоже искавшего философский камень) Ди получил у Рудольфа аудиенцию. Однако, как и Елизавета, император мало что понял в «Монаде». В беседах с ангелами Рудольф велел разобраться своему доверенному лицу Якобу Курцу. Однако заинтересовать императора не вышло, Ди оставил надежду сделаться «философом и математиком Цезаря», и они с Келли уехали в Венгрию. Впрочем, оттуда Ди вновь писал Сан-Клементе и Курцу, пытаясь доказать свою ценность для императора.

В январе 1585 г. у Келли начались алхимические видения с обещанием философского камня. Он занялся алхимией, и стало казаться — успешно. В то же время католическое духовенство начало требовать от двух англичан доказать свою ортодоксию. В ответ на это Ди крестил своего сына Михаила в соборе Св. Вита по католическому обряду. «К середине марта откровения ангелов стали исключительно беспорядочными. Ангелы либо не появлялись вовсе, либо делились такими непроницаемыми тайнами, что даже Ди и Келли сидели, озадаченно смотря друг на друга» (с. 185). Растущий интерес Ди к философскому камню отражал их крайне стеснённое материальное положение. Ди дважды писал Елизавете с просьбой о помощи, но ответа не получил. Одной из причин был слух об истинном отношении Ди к своим английским покровителям. Так, передавали, будто Ди осуждал Бёрли за скупость. Как многие ин-

[57] Тадеаш Гаек (1525–1600) — чешский алхимик и астролог, основатель меридианной астрономии.

[58] Рамон Лулл (Раймунд Луллий) (ок. 1235–1315) — каталонский миссионер, поэт и богослов, один из основателей арабистики и комбинаторики (раздел математики, который изучает дискретные объекты и возможности их комбинации).

теллектуалы, Ди ошибочно полагал, что ум принесёт ему награду сам по себе. Он не понимал, что при дворе намного больше веса имеют личные связи.

Ещё хуже для Ди было то, что с марта 1585 г. Келли благодаря своим познаниям в алхимии стал в их тандеме главным. В апреле партнёры вернулись в Краков к Ласкому, который замирился со Стефаном Баторием. На аудиенции у польского короля Ди получил от него предложение покровительства. Неслучайно рецепт философского камня он называл теперь «Mysteria Stephanica». Под влиянием споров с Келли и давлением католического духовенства Ди решил примириться с Римом во время новой григорианской Пасхи. Он исповедался францисканскому монаху Г. Россели, хотя неясно, что́ рассказал об ангелах.

Незадолго до этого Ди начал издавать своё сочинение о герметическом корпусе. Как почти все, он считал, что Гермес Трисмегист был современником Моисея, и одобрял вызывание духов. На новой аудиенции Стефан, убеждённый католик, выразил сомнение в том, что бог теперь тайно посещает людей. Ди отвечал отсылкой к католической доктрине, согласно которой святой дух пронизывает собой мироздание подобно Христу на мессе. Стефан согласился участвовать 27 мая в вызывании ангелов, и те потребовали от него смыть грехи — тогда Богемия (т.е. Рудольф) будет сокрушена, а Стефан возвысится. Это действо, похоже, не произвело на польского короля впечатления, и Ди вернулся в Прагу вместе с Франческо Пуччи, который был психологически так же нестабилен, как Келли. Будучи рукоположен священником во Флоренции, Пуччи в духовных поисках изъездил значительную часть Европы, а в 1574 г. получил степень магистра в Оксфорде. Под влиянием вызванных Келли ангелов он уверился в своём особом призвании, если примирится с церковью — но для этого должен выдать Ди и Келли иезуитам. Ди в ответ написал латинский памфлет, защищая себя и партнёра от обвинений в некромантии. В марте 1586 г. двух англичан даже вызывал к себе папский нунций в Праге Маласпина[59]. А вскоре ангелы подтвердили, что бог открывает свои тайны даже низшим из людей, сулили разрушение католической церкви и заявили, что внешне Ди и Келли должны проявлять покорность ей, но внутренне повиноваться духу.

Вскоре Ди нашёл нового покровителя, который с религиозной и интеллектуальной точек зрения был открыт ангельской магии. Это был могущественный бургграф Богемии Вилем Рожмберк[60]. Будучи католиком, он в то же время поддерживал умеренную и антипапскую религиозную политику. Десятилетиями он пользовался услугами алхимиков в Праге, в своих южнобогемских имениях и в Силезии. Новый покровитель был не лишним, так как папский нунций доносил в Рим, что Ди и Келли создают «новый предрассудок, если не сказать ересь». Венецианский посол, со своей стороны, доносил, что Ди «не исповедует христианскую жизнь» и утверждает, будто общается с ангелами, да ещё «у него есть последователи» (с. 192). Эти нападки сами по себе показывают, как влияли на двор и даже императора разговоры двух англичан об апокалиптической реформе, подкреплённые успехами в алхимии.

---

[59] Германико Маласпина (1550–1603) — итальянский церковный деятель, папский нунций в Праге, Неаполе и Польше.

[60] Вилем из Рожмберка, или Вильгельм фон Розенберг (1535–1592), — чешский аристократ, военачальник и администратор; должность бургграфа была должностью наместника чешского короля в Богемии.

Считая свои позиции в Богемии упрочившимися, Ди съездил в Саксонию — в знаменитые стекольные заводы в Фалькенау, где производили алхимическое оборудование. Заехал он и в Лейпциг, где надеялся найти ответы из Англии на свои письма. Не найдя ответов, Ди написал Уолсингэму. Он осторожно обошёл тему своего примирения с Римом, намекал на существование католического союза против Англии и выставил себя жертвой папской тирании. В самом деле, в мае 1586 г., по возвращении Ди и Келли в Прагу, они узнали, что новый нунций Филиппо Сега осудил их перед Рудольфом за ересь, «некромантию и другие запрещённые искусства». Рожмберк вмешался слишком поздно, император уступил давлению папы и 29 мая объявил о высылке англичан. Сега настаивал, чтобы их отправили в Рим, но Рудольф не мог отменить своего указа и англичанам было просто предписано в шесть дней покинуть владения Габсбургов.

Более того, были разосланы предупреждения против «религиозных нововведений» Ди. Власти Эрфурта в Тюрингии отказались позволить Ди с Келли остановиться в этом городе. Тогда они прибыли в Кассель к ландграфу Вильгельму IV[61], который переписывался с коллегами Ди на темы натурфилософии и покровительствовал математикам. В это время ландграф и его группа учёных были погружены в наблюдения за Солнцем и звёздами, используя усовершенствованные инструменты астронома Тихо Браге[62]. В конечном счёте они занесли в каталог тысячу звёзд. К алхимии и философскому камню Вильгельм проявлял меньше интереса. К счастью для Ди, Рожмберк убедил Рудольфа позволить англичанам пожить в его собственных имениях в Южной Богемии. Следующие два года они в основном провели в Тршебоне, где возобновили вызывание ангелов. Последние теперь пытались заинтересовать политическими перспективами Рожмберка. Продолжали англичане заниматься и алхимией. В декабре 1586 г. купец английской Московской компании Эдуард Гарленд передал Ди предложение царя Фёдора[63] поступить к нему на службу. Ди отклонил его, но Келли продемонстрировал Гарленду и его брату Фрэнсису философский камень, который якобы превратил унцию с четвертью ртути в почти унцию золота. Ди и Келли надеялись, что Фрэнсис Гарленд сообщит об этом Бёрли и Уолсингэму.

По мере продвижения алхимической работы Рожмберк всё большую долю материального вознаграждения давал Келли, а Ди доставалась всё меньшая. Между тем ангелы сообщили Келли: чтобы избавиться от бездетности, он должен поменяться с Ди жёнами. В мае Ди, Келли, Джейн Ди и Джоан Келли подписали соответствующий договор. А вскоре ангелы повторили, что бог в скором времени посетит землю, причём Ди и Келли — «избранники этих последних дней». Обещалось, что через десять месяцев Московия и Татария объединятся и нападут на Польшу, Богемию, Германию и Италию, а через два года Рим будет уничтожен и на севере поднимется Антихрист.

---

[61] Вильгельм IV Мудрый (1532–1592) — первый ландграф Гессен-Касселя в 1567–1592 гг., построил первую в Европе астрономическую обсерваторию.

[62] Тихо Браге (1546–1601) — датский астроном, астролог и алхимик (мы вновь видим переплетение этих отраслей знания); первым проводил систематические наблюдения небесных тел.

[63] Фёдор I Иванович (1557–1598) — царь всея Руси в 1584–1598 гг., сын Ивана IV Грозного и последний Рюрикович на московском престоле.

Между тем Елизавета, Бёрли и Уолсингэм стали зазывать Келли обратно в Англию — изготовлять золото перед лицом надвигающейся испанской угрозы. Ди попадал во всё большую зависимость от алхимических способностей Келли, а тот всё больше вытеснял его из фавора Рожмберка. Растущие опасения по поводу маргинализации своей роли Ди записывал в дневнике, причём всё более сложным шифром: сначала греческими буквами по-английски в обычном порядке, потом так же, но справа налево, после чего греческими буквами уже по-латыни. «В довершение всего к концу 1587 г. Ди обнаружил, что оказался в непростом положении, раздираемый двумя лояльностями. Келли всё больше искал покровительства Рожмберка и Рудольфа. Те игнорировали Ди, который хотел вернуться в Англию, но сознавал, что появиться там без алхимических навыков Келли будет бессмысленно. Он никогда не был в состоянии контролировать Келли, а тот больше в нём не нуждался. Поэтому, когда Келли в начале 1589 г. наконец дал ему отставку, исключив из общих алхимических занятий, Ди мог лишь оттягивать возвращение в Англию, надеясь, что Келли присоединится к нему» (с. 200). Уже в октябре 1587 г. Келли, поддержанный женой, заявил своим слугам, что Ди водится с дьяволом. В феврале 1588 г. у Джейн родился сын, но было непонятно, от Ди или от Келли; поэтому его назвали Теодор, «Дар божий».

В ноябре 1587 г. Фрэнсис Гарленд привёз Келли письма от Эдуарда Дайера и Ричарда Янга с повелением королевы вернуться в Англию. В июле двоих англичан посетил сам Дайер. То, что он съездил на континент в разгар подготовки к отражению Армады, показывает, насколько серьёзно Елизавета и Бёрли воспринимали алхимию Келли.

В феврале 1589 г. Келли с большинством слуг уехал из Тршебоня к Рожмберку, и Ди больше его никогда не видел. Ди ничего не оставалось, как вернуться в Англию. Если он хотел обзавестись новым покровителем, надо было защищать свою европейскую репутацию, а это требовало расходов. Поэтому семья Ди путешествовала в новой карете, а сзади ехали в двух повозках слуги и повозки с библиотекой и скарбом. 9/19 апреля 1589 г. семейство прибыло в Бремен. Использование Ди в дневнике и юлианского и григорианского календаря говорит о его расколотой лояльности. Он ещё надеялся, что Келли передумает и в Англию они вернутся вместе. Одновременно Ди пытался снискать расположение Уолсингэма, собирая сведения о положении в Нидерландах. Так, он доносил о «великом предателе» Кристофере Паркинсе — иезуите, которого Рим якобы послал убить Елизавету. Одно это донесение должно покончить со старым ложным слухом о том, что Ди выступал для Уолсингэма шпионом. На деле Паркинс к тому времени покинул орден иезуитов и по сути был дипломатическим представителем Елизаветы в Германии, Польше и Богемии. Не дождавшись Келли, Ди с семьёй в декабре 1589 г. (по юлианскому календарю) вернулся в Англию, прожив в Европе более шести лет.

Пока была жива Елизавета, Ди мог искать её покровительства. 9 декабря 1589 г. он получил аудиенцию и пожаловался на разграбление своей библиотеки в Мортлэйке. Тайный совет назначил комиссию с целью помочь отыскать книги и материалы. Также Ди упомянул, что не в состоянии отпраздновать Рождество, и Елизавета обещала выдать ему 100 ф. ст. Получил он, что характерно, лишь 50 (с. 205). Кроме того, королева велела Бёрли просить архиепископа Кентерберий-

ского Джона Уитгифта[64] найти Ди какую-нибудь синекуру в церкви. Её щедрость говорила не столько о её оценке самого Ди, сколько о надежде убедить вернуться Келли. Через пять дней Ди с беременной Джейн вернулись в свой разорённый дом без мебели и с пустыми алхимическими лабораториями; в библиотеке не хватало более 500 книг (с. 206).

В то же время, к несчастью для Ди, в апреле 1590 г. умер Уолсингэм, а через три дня — граф Уорик. Лестер скончался ещё в 1588 г. Эти смерти переменили политическую конфигурацию елизаветинского двора, лишив Ди могущественных покровителей как раз в то время, когда война, экономический кризис и финансовые проблемы короны весьма обострили конкуренцию за сокращавшиеся в размерах вознаграждения. «Надежды на покровительство Ди теперь возлагал главным образом на пожилого и замученного работой Бёрли, который ничего не забыл, включая критику Ди в его адрес в Праге. Надеждам Ди на продвижение предстояло разбиться и об осторожное приспособление лорда-казначея к новому порядку в государстве и церкви. Пока Ди был за границей, двор преобразила глубокая культурная контрреволюция. Частично она была нацелена на то, чтобы запретить оккультную философию, которую представлял Ди» (с. 206).

Прошедшая по стране сознательная консервативная кампания меняла культуру позднеелизаветинской Англии. Коренилась эта кампания в церковной политике, последствия которой для последнего периода жизни Ди ранее не изучались. Ещё в 1576 г. Бёрли поощрял подъём сэра Кристофера Хэттона как фаворита королевы в противовес Лестеру. Хэттон сохранил её доверие, так как разделял её стремление добиваться покорности населения елизаветинской церкви, основанной в 1559 г. По мере подъёма Хэттона надежды на дальнейшую реформу церкви увядали. Позиция назначенного под его влиянием Уитгифта позволила другим противникам реформ осудить стремление радикальных протестантов к «популярности» посредством духовного озарения. Так, в 1584 г. вышел трактат Реджиналда Скота «Открытие ведовства [и] мошенничество колдунов». Как и другие конформисты, Скот стремился маргинализовать пресвитерианство, связав претензии пресвитериан на духовное озарение с политически подозрительными формами магии. Скот утверждал, что бог открывает будущее «мудрым, богатым, учёным», а не беднякам. Чудеса и пророчества, по его мнению, закончились ещё с апостолами, а все откровения ангелов после Христа — надувательство. Скот обрёл большое влияние на консервативное духовенство, лидером которого выступал Уитгифт. Книги бывших учеников Ди — Джона и Ричарда Харви — демонстрируют растущее давление консерваторов с целью покончить с тем типом пророческой политики, каким занимался их учитель. Так, Джон Харви в 1588 г., хотя и защищал «естественную магию», осудил магию ангельскую. Ричард, мешая консервативную астрономию с политикой, предсказывал, что, если пресвитериане получат власть, королевство погрузится в «анархию, с движущейся Землёй по Копернику» (с. 209). Как коперниканцы, по его мнению, подорвали естественный порядок небес, так пресвитериане угрожали «посадить дураков на коней, а королей — спешить» (с. 209).

Экономический кризис конца 1580-х годов усилил сопротивление населения растущим требованиям короной средств на борьбу с Испанией. Это спровоцирова-

[64] Джон Уитгифт (ок. 1530–1604) — архиепископ Кентерберийский в 1583–1604 гг., проводил курс на укрепление англиканской церкви, притеснял пуритан.

ло авторитарную реакцию, укрепив подозрения Уитгифта и Хэттона, что религиозный нонконформизм приведёт к восстанию. Капеллан Хэттона, а затем Уитгифта Ричард Бэнкрофт осудил содержавшееся в какой-то рукописи пророчество, будто Елизавета помазана богом стать королевой Иерусалима: эта идея была неудобно близка к вере Ди в возрождённый Израиль. Близкие ко двору авторы начали нападать на магию. Так, в сочинении Бена Джонсона «Алхимик» высмеивалась деятельность Ди и Келли. В 1589 г. вышел дешёвый памфлет «История проклятой жизни и заслуженной смерти доктора Джона Фаустуса», где осуждался астролог, математик и маг, пытавшийся усовершенствовать человеческое знание посредством ангельских откровений.

Неудивительно, что Уитгифт засомневался в необходимости синекуры для Ди. Он запросил информацию о деятельности последнего в Польше и Богемии, так что Бёрли пришлось дать на Ди характеристику, которая выставила его путешествия по Европе в благоприятном свете. В последующие годы, когда Ди пытался получить продвижение по церковной службе, архиепископ не давал этому хода, так как был намерен восстановить епископскую власть над церковными назначениями и был настроен против «злых епископов и деканов», назначенных благодаря покровительству Лестера.

Правда, козырной картой Ди оставалась его переписка с Келли. Тот продолжал дразнить Бёрли обещаниями вернуться. Также Ди пытался убедить епископа Лондонского Джона Эйлмера в своей ортодоксии, предупредив его о готовящейся вакханалии в Брентфорде. Кроме того, Ди использовал свои алхимические знания, чтобы заручиться поддержкой влиятельных придворных, таких как путешественник Ричард Кэвендиш и маршал двора сэр Джордж Кэри. В мае эти двое просили Елизавету и Уитгифта назначить Ди ректором Итонского колледжа; однако противники Ди пустили слух об «открытой вражде» Келли к Ди, и ректорство ушло в другие руки. Тем не менее королева вновь выразила расположение к Ди, так как алхимия зачаровывала её. Что касается Келли, то в октябре 1590 г. стало известно, что он присягнул Тайному совету императора Рудольфа и, стало быть, отказался от английского подданства. Получив окончательный отказ Келли поделиться философским камнем, Елизавета, возможно, вновь участвовала в алхимическом эксперименте Ди.

Несмотря на это, в 1591 г. Ди потерял надежду вернуть себе две церковные должности: Уитгифт и Хэттон были намерены изгнать магию из церкви и государства и примером в этом отношении сделали именно Ди. К тому же при дворе крепло мнение, что осуществляемые Келли превращения металлов — просто мошенничество.

В ноябре 1592 г. придворная карьера Ди рухнула. Ещё в январе некий изгнанник-католик в каком-то памфлете обвинил Ди в колдовстве. Эта клевета открывает забытую главу биографии Ди и проясняет его связи со «школой ночи» — группой придворных и интеллектуалов, имевших контакты с сэром Уолтером Роли[65], кото-

[65] Сэр Уолтер Роли (ок. 1554–1618) — английский придворный, приватир и путешественник, поэт и писатель, фаворит Елизаветы, сводный брат сэра Хамфри Гилберта. Руководитель экспедиций в Америку на поиски богатой золотом мифической страны Эльдорадо. Его именем названа столица штата Северная Каролина. Пользовался в Англии огромной популярностью как борец с испанцами, но был казнён Яковом I из-за жалобы испанского посла на участие Роли в стычке в Южной Америке.

рых католики заклеймили как «атеистов». «Всё началось, когда потребность Бёрли перенаправить учащающиеся нападки Уитгифта и Хэттона на пресвитериан в 1591 г. совпала с потребностью Ди возродить его придворную карьеру. Обвинение изгнанником-католиком Ди в том, что он колдовал в пользу елизаветинского Тайного совета, отражает примечательный разворот Бёрли в вопросах церковной политики всего за несколько месяцев. В конце 1591 г. он использовал оккультные способности Ди, чтобы продавить эту коренную перемену, что привело к заключению под стражу, пыткам и казням католических священников и мирян, оправдав страшное обвинение изменником Ди в "колдовстве"» (с. 217–218).

Таким образом, Бёрли привлёк Ди к решению насущной проблемы. Ему требовалось подготовить королевство к угрозе испанского вторжения, защитить пресвитериан от Уитгифта и Хэттона и помешать этим двоим проводить политику веротерпимости в отношении английских католиков. Бёрли издал прокламацию против католических священников и иезуитов. В течение следующих нескольких лет репрессии против католиков в Англии достигли небывалой интенсивности. Прокламация оправдывала эти репрессии, утверждая, что католические миссионеры играют на руку Филиппу II в его стремлении к господству в христианском мире. В прокламации содержался приказ создать «в каждом графстве, городе и порте» комиссии для выявления скрытых католических священников или их сторонников. Каждый глава домохозяйства (*household*) был обязан зарегистрировать происхождение, род занятий и частоту посещения церкви своих жильцов за прошедший год. Под угрозой обвинения в измене предписывалось доносить комиссиям на католических миссионеров. «По сути Бёрли создал тюдоровское полицейское государство. Он добавил бюрократические инструкции для эффективного допроса, мишенями которого были не только диссиденты-мужчины, но и впервые женщины. Католический образ жизни сделался преступлением. Комиссиям графств следовало арестовывать не только тех, кто отказывался посещать церковь, но и всех, "кого, вероятно, по своему поведению, образу жизни или по какой-то другой причине можно подозревать" в том, что они "католические священники, получившие образование за рубежом или в Англии, иезуиты или беглецы"» (с. 222).

Мотивы Бёрли в написании этой прокламации вызывали вопросы уже тогда. Католики считали, что его отсылки к связанным с Армадой заговорам служили просто оправданием обеспечить себе власть и после смерти Елизаветы. Когда летом 1592 г. приходские команды проводили повальные обыски в домах, особенно в Лондоне, католики назвали это «новой Сесиловой инквизицией». Страх Бёрли перед международным католическим заговором против Елизаветы всегда граничил с паранойей. В прокламации 1591 г. он повторил свои аргументы 1559 г., времени задолго до приезда в Англию первого выпускника заморской католической семинарии и за поколение до первой иезуитской миссии в Англию в 1580 г. Неслучайно английский иезуит-изгнанник Роберт Парсонс писал, что целью истерии в связи с испанским вторжением было стремление Бёрли играть на страхах Елизаветы к собственной выгоде.

Между тем угроза вторжения в прокламации подчёркивалась ещё и в связи с тем, что елизаветинский режим уже несколько лет вёл тайные переговоры с испанским наместником в Нидерландах герцогом Пармским. Королева предлагала же-

нить его сына на католичке Арабелле Стюарт, у которой были права на наследование английского трона, и фактически терпимо относиться к английским католикам. Если бы герцог согласился, он мог и не поддержать идею Филиппа о вторжении в Англию. Обретя надежду на наследование трона католичкой, её английские единоверцы и папа имели бы меньше причин поддерживать Испанию. Прокламация Бёрли расстроила эти переговоры, разрушив всякие перспективы толерантности. Укрепила позиции Бёрли и смерть Хэттона в ноябре 1591 г.

Убедить Елизавету отказаться от мирного курса Бёрли помог Ди. В петиции королю Якову I 1604 г. он будет защищать себя от нападок «английского изменника», который в 1592 г. оклеветал его как мага Тайного совета. Ди имел в виду письмо некоего Уильяма Аллена, напечатанное в книге упомянутого Парсонса «Апология в защиту церковной субординации в Англии» (1601). В письме содержалось также сенсационное утверждение, что прокламация Бёрли многим обязана Ди, который благодаря своим вычислениям убедил Тайный совет, что ближайшим летом Англия подвергнется нападению. Бёрли знал веру королевы в философские и алхимические способности Ди, как и в его астрологические предсказания; он и сам их принимал. Бёрли ожидал, что эти предсказания встревожат Елизавету и заставят её изменить курс[66].

Работа Ди на Бёрли оставалась секретной, поэтому он нуждался в каком-то публичном признаке королевской милости. Вот почему в марте 1592 г. Елизавета пожаловала двоюродному брату Ди — Уильяму Обри пять приходов в Уэльсе, общий доход которых, вероятно, доходил до 150 ф. ст. (с. 227). Правда, Ди они так и не достались: два, как оказалось, были уже заняты, а получить остальные помешал Уитгифт. В конце концов Ди в 1601 г. удалось выхлопотать себе только один приход, Тенби, с доходом в 50 ф. ст. (с. 228).

Осаждаемый кредиторами, Ди продолжал оказывать оккультные услуги. Несмотря на Акт о ведовстве 1563 г., он за плату составлял гороскопы с целью выявить воров, найти клады и изгнать бесов из одержимых. И всё же Ди приходилось по-прежнему занимать деньги, сдавать комнаты внаём и брать учеников. В июле 1592 г. ему исполнилось 65 лет. Ди утверждал, что испытывает «невероятную нужду», и ещё надеялся на влияние графини Уорик на королеву.

Помогла Ди растущая тревога режима относительно новой испанской Армады. Тайный совет принялся разоружать католиков. Казалось, что пророчество Ди о вторжении всех убедило. Бёрли отмахивался от разведданных своего агента, отрицавшего, что Филипп был способен отправить Армаду тем летом. В октябре Тайный совет сделал то, чего Бёрли добивался с начала царствования Елизаветы, — провёл чистку всех мировых судей-католиков.

Ди продолжал нуждаться, и к осени 1592 г. общая сумма его долгов достигла 833 ф. ст. — во много раз больше годового дохода с приходов, которых он добивался (с. 230). Ещё в июле поставщики прекратили давать Ди в кредит и начали

[66] К помощи астрологов британские правящие круги и спецслужбы прибегали не только в XVI веке. К 1942 г. руководство разведки в Уайтхолле так отчаянно стремилось предсказать действия Гитлера, что наняло голландского астролога Луи де Воля, который утверждал, будто может сделать это по его знаку зодиака (восходящие Весы). Лишь через несколько месяцев работы де Воля МИ-5 и МИ-6 поняли, что он шарлатан.

публично стыдить его. К октябрю несостоявшееся предсказание вторжения разрушило политическое влияние Ди. Соответственно, многочисленные враги Роли при дворе стали обвинять Ди в атеизме: нападки на Ди препятствовали реабилитации опального вельможи. Уитгифт был готов принять эти обвинения всерьёз, и Ди пытался убедить архиепископа в своей ортодоксии: выразил желание, чтобы тот велел опровергнуть две богохульные книги против Христа и святого духа. Однако вышедший трактат Парсонса очернил репутацию Ди ещё больше. Парсонс писал, что, если Роли войдёт в Тайный совет, пройденная им подготовка в школе некроманта приведёт к изданию прокламации этого «мага» от имени Елизаветы, в которой будет отрицаться божественность и бессмертие души. Получилось, что Бёрли просто использовал Ди против Уитгифта. Вызволив пресвитериан, расстроив переговоры с герцогом Пармским и прижав католиков, лорд-казначей теперь безжалостно отомстил Ди за клевету в Праге о его скупости как покровителя.

Это вынудило Ди написать трактат «Краткое повторение» и обратиться к Елизавете напрямую через голову Бёрли. В указанном сочинении он составил отчёт об оказанных королеве услугах. Несколько страниц Ди посвятил своей международной репутации, но умолчал о рукоположении католическим священником. Живое описание неоднократных обещаний Елизаветы поддержать его философские исследования проливают свет на её интерес к оккультной философии, который постоянно игнорировали её биографы. Изложив свой отчёт двум посланцам королевы, Ди получил от неё подтверждение прав на один из приходов. Также королева прислала Ди 66 ф. ст. (с. 236). Однако вскоре она внезапно охладела к Ди, что объясняется влиянием Уитгифта.

«Отдаление Ди отражало и другие конфликты внутри Тайного совета Елизаветы. Бёрли и Уитгифт сильно расходились по вопросу о том, кто представляет наибольшую угрозу елизаветинской церкви: радикальные протестанты или паписты. Созванному в феврале 1593 г. парламенту предстояло заняться этим вопросом. Там Уитгифт сместил внимание обратно на радикальных протестантов, которые верили в оккультные духовные силы. Уитгифт знал, что Бёрли использовал пророчество Ди об испанском вторжении, чтобы запугать Елизавету с целью заставить её издать его прокламацию. Теперь Уитгифт отомстил. Покинутый Бёрли, Ди пал жертвой постоянных напоминаний Уитгифта об опасностях, которые крылись в толерантном отношении к претензиям на духовное озарение» (с. 237).

В 1593 г. Бёрли в парламенте заявил о планируемом Филиппом II вторжении через Шотландию; слух происходил от его агентов, а не из астрологии Ди. Парламент ужесточил преследования инакомыслящих. Так, клиенты Уитгифта провели «Акт с целью удержать подданных королевы в покорности». Это был первый елизаветинский статут, карающий протестантов за возражения против епископальной церкви. В такой атмосфере репрессий возможностей у Ди делать дальнейшую карьеру при дворе не было. И всё же репутация выдающегося алхимика постепенно выправила его финансовое положение и позволила ему обрести друзей в высших слоях знати. Так, через Ричарда Кэвендиша он познакомился с младшей сестрой графини Уорик — графиней Камберленд. Правда, в декабре 1593 г. Бёрли посадил помощника Ди по алхимическим штудиям Томаса Уэбба в тюрьму, так как тот пытался с помощью алхимии чеканить монеты. Позднее выяснилось, что Уэбб рабо-

тал на сына Бёрли сэра Роберта Сесила; он был прощён, но отправлен в изгнание в Нидерланды. Этот эпизод показывает, насколько тонкой была грань между философской и практической алхимией, с одной стороны, и алхимическими подделками — с другой.

Между тем Ди продолжал нуждаться в стабильном доходе, всё больше погружаясь в долги. Ему пришлось вновь заложить свой дом, получив 400 ф. ст. на оплату самых неотложных долгов (с. 241). Эти проблемы заставили Ди вновь демонстрировать свои духовные дарования королеве. Однако Уитгифт и Бэнкрофт выставили Ди как очередного пророка-энтузиаста, который угрожает естественной власти. В 1594 г. Ди, вновь через графиню Уорик, передал королеве «небесное предостережение», которое она с благодарностью приняла. Оно напоминало предостережения ангелов, которыми Ди делился с императором Рудольфом. Годы спустя Джон Чемберлен[67] утверждал, что Елизавета умерла в Ричмонде именно потому, что Ди предостерёг её от Уайтхолла. В том же году заболел и умер сын Ди Майкл. Положение Ди настолько ухудшилось, что он просил у Елизаветы разрешения объявить Тайному совету о своей бедности или уехать из страны. Просьбу королева проигнорировала, но в декабре велела Уитгифту назначить Ди управителем собора Св. Павла. Однако архиепископу удалось не пустить Ди на эту должность, и он предложил ему место старосты университетской коллегиальной церкви в Манчестере. Она обслуживала большой приход, где находились несколько маноров, 30 городков и 7 часовен (с. 249). В мае 1595 г. патент Ди на занятие этой должности был скреплён Большой печатью. Чтобы отметить назначение, Ди заказал свой портрет. Сегодня он хранится в Эшмоловском музее в Оксфорде. Ди изображён в чёрной мантии учёного и чёрной ермолке. Его дорогой плоёный воротник обрамляет его на удивление гладкое и свежее лицо с белыми висящими усами и длинной остроконечной бородой.

Манчестер даже тогда вовсе не был отдалённой глубинкой Англии. Город был связан с Лондоном хорошими дорогами, численность его населения составляла около 2 тыс. человек, и он был региональным центром суконного производства Ланкашира. В годы пребывания в должности церковного старосты Манчестера Ди, поддерживая связи с учёными-коллегами, продолжал подолгу жить в Мортлэйке, где 7 марта 1598 г. наблюдал солнечное затмение.

Предлагая кандидатуру Ди в Манчестер, Уитгифт не только спроваживал его из собора Св. Павла, но и пытался столкнуть его с радикальными нонконформистами этого города, занимавшими там сильные позиции. Ди столкнулся также с финансовыми проблемами местного колледжа — прежде крупнейшего в Северной Англии — и повёл борьбу за исправление хаотического состояния его финансов. В годы его пребывания в должности арендаторы разных учреждений Манчестера боролись друг с другом в судах за земли и десятины колледжа.

В июле 1595 г. Ди исполнилось 68 лет. Через месяц Джейн родила Маргарет — их седьмого выжившего ребёнка. В Манчестере семья содержала девять слуг. Официальное жалованье Ди составляло 4 шиллинга в день (с. 247). Это было немного, и он почёл за лучшее оставить надежды на независимость города от местного крупного землевладельца — Уильяма Стэнли, графа Дарби. Ди даже составил гороскоп

[67] Джон Чемберлен (1553–1628) — английский автор серии писем, которые имеют историческую и литературную ценность и служат источником по истории Англии конца XVI – первой четверти XVII в.

для его новорожденной дочери и убедил его сдать ему внаём жильё на территории колледжа. Тогда же Ди получил письмо от Келли, который, в свою очередь, звал его к себе в Прагу — служить императору Рудольфу. Однако уже в ноябре Ди достигла весть о смерти партнёра[68].

Столкнулся Ди и с социальной напряжённостью из-за роста населения. Манориальные лорды превращали общинные пастбища в пашню, чтобы воспользоваться ростом цен на зерно. Это серьёзно уменьшало доход колледжа, так как арендаторы пастбищ, обязанные платить десятину, отказывались это делать, как только огораживали землю для засева. Помимо прочего, неспособность Ди добиться справедливости показывает неспособность короны вершить правосудие в Ланкашире с помощью герцогских судов в Вестминстере.

Инициировав иски к арендаторам, Ди с семьёй с июля 1598 г. два года провёл в Лондоне. Любопытно, что из столицы и на месте религиозная ситуация в Ланкашире виделась совершенно по-разному. При взгляде из Лондона Ланкашир представал одним из тёмных уголков страны, где ещё процветал католицизм. На месте же Манчестер виделся оплотом против мятежных католиков. Если епископ Честерский хотел, чтобы читались проповеди, ему приходилось мириться с проповедниками-нонконформистами, которых в других местах преследовали бы за неприятие стихаря и Книги общих молитв. Неудивительно, что в церковной среде крепло мнение, что проповедь укрепляет внешнюю ортодоксальность. На деле же население графства придерживалось разных направлений. Местный судья Эдмунд Хопвуд консультировался с Ди об одержимости дьяволом и преследовании ведовства, но часть духовенства по иронии видела в Ди орудие Уитгифта в насаждении ортодоксии.

Применение Ди крестного знамения, вероятно, снискало ему популярность у многих мирян Ланкашира. В отличие от нонконформистов он считал знак креста весьма важным: многие заклинания требовали его неоднократных повторений. Для Ди крест воплощал Троицу, а его центр — философский камень, совершенную гармонию качеств, о чём он намекнул в теореме XX «Монады». Как и Елизавета, в моменты глубоких религиозных переживаний Ди осенял себя крестным знамением. Рецитация Ди латинских молитв, особенно псалмов в ходе беседы с ангелами, была знакома местным мирянам, но духовенство считало это признаком папизма. Ди потребовалось четыре года, чтобы убедить сотрудников колледжа согласиться использовать в церкви орган — с их точки зрения, ещё один пережиток папизма.

В Манчестере Ди продолжал вызывать ангелов, работая с двумя помощниками — Фрэнсисом Николсом и Бартоломью Хикмэном. В 1600 г. Николс убедил Ди сжечь все «откровения» Хикмэна, поскольку его предсказания не сбылись. Однако в конце 1590-х годов в Ланкашире достигли пика преследования ведьм. Много хуже для Ди было то, что вышла серия книг с сенсационными рассказами об одержимости бесами и экзорцизме. Эти книги сделали его ещё более печально известным.

Никогда не были толком объяснены связи Ди с пресвитерианским священником Джоном Дарреллом по вопросу об одержимости бесами «ланкаширской се-

[68] В Чехии Келли не поздоровилось. Он купался в роскоши, получил от Рожмберка земельные угодья и крупные суммы денег, а от императора — рыцарское достоинство. Однако когда стало ясно, что произвести золото он не может, его заточили в одном замке. Келли пытался бежать, но упал со стены, сломал ногу и был возвращён в тюрьму, где и умер.

мёрки». «Действия Ди оттолкнули от него сотрудников Манчестерской университетской церкви, вновь принесли ему известность в стране, подставили его под дальнейшую критику со стороны Уитгифта и, наконец, разрушили его надежды вырваться из манчестерского “лабиринта”, получив должность где-то ещё. Даррелл в конце 1590-х годов снискал широкую дурную славу за видимое “исцеление” одержимых бесами с помощью групповых молитв и постов. Его методы имели глубокие политические последствия. Для его сторонников они подтверждали божью поддержку его харизматического пастырства и пресвитерианский манифест церковной реформы. Для критиков-конформистов, особенно Уитгифта, Бэнкрофта и их протеже Сэмюэла Харснетта, Даррелл использовал мошенническую магию с целью снискать пресвитерианству “популярность”, чреватую политическими потрясениями» (с. 257).

В декабре 1596 г. некий Николас Старки консультировался с Ди об одержимости дьяволом семи человек в его домохозяйстве. Ответ Ди на просьбу Старки стал яблоком раздора между пресвитерианами и конформистами. По версии пресвитериан, Ди отказался вмешиваться и посоветовал обратиться к проповедникам, чтобы изгнать бесов с помощью молитв. По версии конформистов, Ди дал совет обратиться к Дарреллу. Подчёркивая связи Ди с последним, конформисты могли использовать дурную славу Ди как «мага», чтобы очернить пресвитериан. Как бы то ни было, в марте 1597 г. Даррелл прибыл в Ланкашир. Вскоре Ди одолжил судье Хопвуду несколько книг о борьбе с ведовством, включая знаменитый трактат «Молот ведьм»[69].

В последнем Уитгифт усмотрел убеждённость Ди в правоте Даррелла. Поэтому, когда летом 1598 г. Ди поехал в Лондон, его целью было не только выиграть поданные колледжем иски, но и спасти остатки репутации. В апреле Уитгифт заключил Даррелла в тюрьму, и готовился показательный процесс. Поэтому Ди, чтобы его не ассоциировали с Дарреллом, опубликовал в 1599 г. «Апологетическое письмо», написанное Уитгифту за четыре года до этого. Рьяные заверения Ди, что его магия выражает ортодоксальную христианскую веру, убедили не всех. Что касается Даррелла, его судили, объявили экзорцистом-обманщиком и лишили сана; правда, благодаря поддержке при дворе из тюрьмы его позднее выпустили.

За два года в Лондоне Ди не удалось восстановить репутацию среди сотрудников Манчестерского колледжа. После его возвращения в Ланкашир в 1600 г. те просили епископа Честерского провести расследование, и Ди пришлось отвечать перед комиссией.

Неудачный мятеж графа Эссекса[70] 1601 г. ещё более затруднил Ди задачу защищать магию от нападок конформистов. Уитгифт и Бэнкрофт использовали мятеж, чтобы привязать магию, Даррелла и пресвитериан к восстанию. Они утверждали, что пресвитериане использовали молитвы и посты в качестве заклинаний. «В той

[69] «Mallēus Maleficārum» (лат.) — самая известная книга о методах борьбы с колдуньями. Автор — немецкий инквизитор Генрих Крамер. Вышла в 1486 г. в Шпайере.

[70] Роберт Деверё, 2-й граф Эссекс (1565–1601) — английский придворный и военачальник, фаворит Елизаветы I. Участвовал в двух рейдах к побережью Испании, но потерпел неудачу в перехвате испанского флота и не сумел подавить восстание в Ирландии, за что впал в немилость. Пытался совершить переворот и был казнён.

степени, в какой конформистам удалось привязать магические верования к подрывной деятельности, их культурная контрреволюция омрачила последние годы жизни Ди» (с. 263). Между тем духовенство Манчестера выражало всё большее недовольство тем, что Ди как представитель колледжа не читает проповедей. С этой целью они наняли некоего Уильяма Бёрна, а в 1603 г. добились, чтобы новый король Яков I[71] велел Ди назначить его сотрудником колледжа и пожаловал ему право занять должность старосты после смерти Ди. К этому времени финансовое положение Ди отнюдь не улучшилось, и в 1602 г. ему пришлось заручиться документом за Большой печатью, который запрещал кредиторам подавать на него в суд. Под бременем административных и финансовых забот, усугублённых религиозными и личными конфликтами, физическое и умственное здоровье Ди, похоже, пошатнулось. Он стал подвержен депрессии.

В 1602 г. экзорцизм вновь подвергся нападкам со стороны официальной церкви. Экзорцистские действия Ди лишь подтверждали его национальную репутацию чародея. Вспышка чумы в ходе воцарения Якова I привела к размышлениям о её астрологических причинах и о том, что на Землю упадёт какая-то планета. Говорили, что, если планета рухнет на сушу, чума будет продолжаться, а если в море, то прекратится. Некоторые лондонцы приписывали эту теорию известному астрологу Эдуарду Грешему[72]. Как и Ди, он основывал свою астрологию на астрономических измерениях, защищался от обвинений в атеизме, практиковал медицину и магию и едва избежал обвинений в ведовстве. По словам Грешема, автором планетарной теории большинство считало именно Ди. Тот в самом деле был убеждён, что после вспышки сверхновой звезды в ноябре 1572 г. важные события будут происходить каждые десять лет. Молва сочла это мнение предсказанием чумы. Что касается нового короля, то, будучи интеллектуалом, он был открыт идеям о духах. Яков покровительствовал занятиям натурфилософией, включая оккультную философию, так же как проявлял терпимость к разным религиозным и политическим убеждениям. Поэтому репутацию Ди как прорицателя можно связать с его незадокументированным утверждением о том, что в августе 1603 г. он был назначен королевским математиком.

Однако вскоре над Ди опять сгустились тучи: в 1604 г. парламент принял Акт о ведовстве, и Ди опасался, что по этому закону его вообще могут казнить. Прошлой зимой по Лондону ходили слухи о его «проклятом волшебстве». Ангельская магия Ди не была секретом. Акт о ведовстве 1563 г. объявил общение со злыми духами уголовным преступлением, только если наносился какой-то физический вред. Новый же билль обрекал человека на казнь за сам факт вызывания злых духов. Целью Бэнкрофта было обрушить репрессии на пресвитериан-экзорцистов, но Ди в панике счёл билль направленным лично против него и опубликовал петицию Якову. Он просил, чтобы его судили и оправдали перед королём, Тайным советом или парламентом от клеветы, согласно которой он был колдуном и вызывал дьяволов. Ди давал голову на отсечение, если кто-то докажет злые намерения с его стороны, и про-

[71] Яков I (James I, 1566–1625) — король Шотландии в 1567–1625 гг. и Англии в 1603–1625 гг. В Англии был преемником Елизаветы I и первым представителем династии Стюартов. При нём Англия и Шотландия впервые соединились личной унией.

[72] Эдуард Грешем (1565–1613) — английский астролог и врач.

сил Якова решить его финансовые трудности и покарать его врагов. Однако не похоже, чтобы король удовлетворил хотя бы одну из этих просьб.

В июне 1604 г., на следующий день после принятия палатой общин билля о духах, Ди опубликовал стихотворную петицию палате. Он указал, что 50 лет на него клеветали как на «чародея», но теперь он требует принять закон против клеветы, причём со специальным пунктом «о случае Джона Ди». Эта петиция тоже была проигнорирована. Тогда Ди наивно обратился к общественному мнению. Он переиздал своё «Апологетические письмо» 1599 г., защищая «весьма христианскую линию» своих философских «упражнений». Эта маленькая книга тоже никого не убедила.

Удручённый, Ди вернулся в Манчестер. В марте 1605 г. там произошла вспышка чумы и умерла Джейн. Из семерых детей, которых они привезли в Манчестер, Теодор и Маргарет успели скончаться (1602 и 1603 гг.). Артур в 1602 г. женился и начал собственную карьеру алхимика и астролога[73]. Когда болезнь стала свирепствовать, состоятельные люди побежали из города, а система управления по сути рухнула. Поскольку Ди не мог проповедовать и не имел в Манчестере власти, после смерти жены у него не было причин там оставаться. К 1606 г. относятся сведения о его внезапном возвращении в Лондон, где он пытался заручиться новыми друзьями единственным известным ему способом — через преподавание. Ди собирался вновь пожаловаться Тайному совету на нищету и предложить услуги сэру Роберту Сесилу, теперь графу Солсбери. Он также ожидал помощи от Бэнкрофта — нового архиепископа Кентерберийского. Ангелы не давали практических ответов на вопросы Ди, а политической проницательности ему по-прежнему недоставало: Сесил поддерживал конформистов, а магов не жаловал. Бэнкрофт продолжал политику Уитгифта против оккультного объяснения мира.

Между тем сотрудники Манчестерского колледжа во главе с Бёрном наконец решили проблему проповеди, но за счёт Ди. Хартия колледжа позволяла ему отсутствовать в городе три месяца в год, и сотрудники отказались оплачивать его отсутствие сверх указанного срока. Формально Ди оставался старостой до самой смерти, хотя есть утверждения, что в 1605 г. он подал в отставку.

Ди упорно продолжал алхимические поиски богатств. Так, по заказу клиента из Ланкашира он настойчиво спрашивал ангелов о местонахождении украденной собственности. В июле 1607 г. ангелы обещали ему Книгу Дунстана[74] и философский камень. Между тем Солсбери настроил короля Якова против Ди, выставив его колдуном. Воспользовавшись этим, Хикмэн отомстил своему 80-летнему хозяину за то, что тот сжёг все его предсказания: в сентябре 1607 г. ангелы передали, что, поскольку бог ожесточил Англию против Ди и живёт он в бедности, пусть готовится отбыть за рубеж, где бог чудесным образом исцелит его. На родину он

[73] Артур Ди (1579–1651) — английский врач и алхимик, старший сын Джона Ди от его третьей жены Джейн. Окончил Вестминстерскую школу, учился в Оксфорде, но степени не получил. По рекомендации Якова I был назначен одним из личных врачей царя Михаила Фёдоровича Романова (правил в 1613–1645); был известен в Москве как Артемий Иванович Диев. Прожив на Руси около 14 лет, вернулся на родину и стал личным врачом сына Якова — короля Карла I Стюарта (правил в 1625–1649).

[74] Книга св. Дунстана — трактат по алхимии, где объяснялось, как изготовить красный и белый порошок для превращения металлов. Её единственный экземпляр якобы обнаружил в Уэльсе Эдуард Келли.

уже не вернётся, поэтому должен распродать свои книги и оставить алхимическое оборудование. Так начала утрачиваться крупнейшая частная библиотека Англии. В том же месяце Ди отправил Томасу Хэрриоту[75] свои наблюдения о комете, которую позднее назовут именем Галлея[76].

Летом 1608 г. Ди ушёл с заведования приходом в Тенби и избавился от своего дома. Он вновь надеялся на Германию, рассчитывая присоединиться к плану математика и алхимика Йоханнеса Хартманна[77] основать «алхимический колледж» в Марбургском университете под патронажем ландграфа Гессен-Кассельского Морица[78]. В отличие от Ди Хартманн добился успехов, так как ставил свои исследования в зависимость от желаний покровителя.

Однако покинуть Англию Ди уже не довелось. Последние месяцы жизни он прожил в Лондоне в доме своего друга купца Джона Понтойса, окружённый рукописями и книгами, которыми были забиты все полки большого кабинета. При нём оставались астрологические часы и некоторые ценные математические инструменты. В кедровом сундуке с потайным отделением по-прежнему хранились чётки и крест из оливкового дерева, записи ангельских откровений и его собственные сочинения. 25 марта 1609 г. в возрасте 85 лет Ди умер.

«Какой вывод можно сделать из необычной истории Джона Ди? Для общества раннего периода его жизни, народная религия которого ценила заговоры и заклинания, его магия, должно быть, казалась естественным продолжением жизни. Для его некоторых современников, которые пережили нападки протестантов на религиозные заклинания и реакцию католиков, с чего начался упадок магии, оккультная философия, должно быть, оставалась знакомой частью жизни и политики. Им жизнь Ди, должно быть, казалась если не обычной, то по меньшей мере совершенно объяснимой. Мужчины, а начиная с королевы, и многие женщины одного с Ди образования воспринимали астрологию, алхимию и ангельскую магию как общее наследие учёных людей. Их магическая практика, как и у Ди, имела много больше общего с необразованными людьми, чем иногда признают. Погружённые в такую учёность политики того времени без труда использовали оккультное знание с целью продвигать свои интересы и побеждать оппонентов. Это делали даже те, кто критиковали оккультную философию, так как вполне понимали, как она владеет воображением их введённых в заблуждение современников.

Лишь к концу жизни Ди, когда он не поладил с культурными консерваторами в ходе второй волны протестантских нападок на магию, его неприятности можно объяснить его ревностной верой в оккультную философию. Причины ранних неудач Ди были для тюдоровской Англии достаточно характерны. Как многим другим, ему оказалось трудно плыть в бурных водах среднетюдоровской политики. Неслу-

---

[75] Томас Хэрриот (1560–1621) — английский астроном, математик и этнограф. Первым нарисовал карту Луны, увиденной через телескоп.

[76] Эдмунд Галлей (1656–1742) — английский астроном, математик и физик. Был директором Гринвичской обсерватории. Более всего известен систематизацией знаний о комете, названной его именем (возвращается к Солнцу каждые 75–76 лет).

[77] Йоханнес Хартманн (1568–1631) — немецкий химик и врач, первый профессор химии в Германии.

[78] Мориц (1572–1632) — ландграф Гессен-Касселя в 1592–1627 гг., сын и преемник упомянутого Вильгельма IV. Покровительствовал композиторам и сам сочинял музыку.

чайно его отец, поддержав в ходе кризиса не ту сторону, пал жертвой фракционной борьбы. Джон в 1555 г. слишком быстро перешёл на другую сторону, поэтому не уловил перемены направления политической жизни.

И всё же частичным восстановлением своих позиций при воцарении Елизаветы Ди по сути был обязан оккультной философии. Его карьера и репутация при её дворе процветали, когда политические планеты выстраивались так, что его навыки оказывались полезными для влиятельных политиков. В конечном счёте Ди потерпел неудачу, когда изменились политические обстоятельства и сильные мира сего больше не нуждались в его оккультных талантах. Иногда на него не обращали внимания не из-за репутации “мага”, а потому, что его затмевали более яркие волшебники — особенно Джон Престолл и Эдуард Келли. Ди было трудно двигаться вперёд не потому, что магия маргинализовала и изолировала его, а потому, что у него было слишком много соперников в магической учёности и по службе, как в Европе, так и при дворе Елизаветы I.

В конечном счёте, когда Ди потерял политическое покровительство, утратил он и способность защищать чистоту своего пророческого призвания от врагов, клеймивших его как “чародея”. В конце его жизни такие нападки облегчили консервативное контрнаступление на магию как на машину подрывной деятельности, что вытеснило её на периферию раннесовременного политического мира. Эти нападки на магию окрашивают наше понимание Джона Ди и его эпохи по сей день» (с. 271–272).

Улоф Ашберг

АВТОПОРТРЕТ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Ашберг Улоф (1877–1960) — шведский банкир

Островский Александр Владимирович — доктор исторических наук

Гехт Антон Борисович — кандидат исторических наук

Морозов В.Е. — историк

Носова Е.Г. — историк

ОГЛАВЛЕНИЕ

Островский А.В. У. Ашберг. Россия и внешний мир.
Вступительная статья к книге У. Ашберга «Между Западом и Россией.
1914–1924 гг. Из воспоминаний “красного банкира”»..... 250
Ашберг У. Странствующий еврей с Гласбрюксгатен..... 269
Комментарии А.В. Островского. 384
Комментарии А.Б. Гехта..... 408
Список людей из Гостевой книги. 417
Ашберг У. Фрагменты книги «Возвращение»..... 420
Денежная помощь большевиков друзьям партии в Швеции
и за её пределами 445

У. Ашберг. Россия и внешний мир

Вступительная статья к книге У. Ашберга «Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний “красного банкира”»

I

Имя шведского банкира Улофа Ашберга приобрело особую известность осенью 1918 г., когда в США под названием «Немецко-большевистская конспирация» появились знаменитые «бумаги Сиссона»[1]. Представленные читателям как подлинные документы, выкраденные из секретных архивов, они рисовали картину тайного сотрудничества между Советским правительством и Германией, а в качестве одного из посредников между ними называли У. Ашберга[2].

Позднее было убедительно доказано, что «бумаги Сиссона» представляли собою грубую подделку[3]. В то же время исследователям стали доступны материалы, свидетельствующие, что вопрос о «немецких деньгах» в Октябрьской революции возник не случайно[4], что Советское правительство с самого же начала пользовалось поддержкой со стороны определённых кругов международной финансовой олигархии США[5], и что важная роль в наведении первых постов между Советской республикой и внешним миром действительно принадлежала У. Ашбергу[6].

Его роль в этом отношении была намного значительнее той, которую сыграл в истории нашей страны знаменитый американский бизнесмен Арманд Хаммер[7]. Однако, если имя А. Хаммера известно у нас самой широкой читательской аудиторий[8],

---

[1] United States, Committee on Public Information. The German – Bolshevik Conspiracy. War Information Series. № 20. October 1918; (далее — GBC). Немецко-большевистская конспирация. Вашингтон, 1918. «Русское» издание представляет собою сокращённый вариант «американского».

[2] GBC. P. 26–27, документы № 54, 57, 61.

[3] *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ большевиков. 2-е изд. Нью-Йорк, 1989. С. 131–151.

[4] Germany and the Revolution in Russia. 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. By Z.A.B. Zeman. L., 1958; *Scharlau W., Zeman Z.A.B.* Freibeuter der Revolution. Parvus – Helfand. Politische Biographie. Köln, 1964.

[5] *Sutten A.* Wall Street and the Bolshevik Revolution. N.Y., 1974.

[6] Ibid. P. 57–63.

[7] *Bryson J.* The World of Armand Hammer. N.Y., 1985.

[8] *Консидайн Б.* Больше, чем жизнь. Удивительная биография доктора Арманда Хаммера. М., 1981; Хаммер А. Мой век двадцатый. М., 1988.

то имя У. Ашберга мало известно даже среди историков[9]. Между тем о своей деятельности в России уже на склоне лет он поведал сам[10]. Предлагая вашему вниманию главы из его Воспоминаний, мы надеемся, что этим делам первый шаг на пути подготовки специального исследования об их авторе[11].

Улоф Ашберг родился в Стокгольме 22 июля 1877 г.[12] Его отец Герман Аш и мать Роза (Рашель) Шлоссберг[13] были выходцами из России и только за два года до этого переселились в Швецию. Кроме Улофа у них было ещё четыре дочери. Первоначально Герман Аш (вместе с братом Давидом, принявшим фамилию Аранович) имел небольшую мастерскую по изготовлению кроватей и спальных принадлежностей, но со временем разбогател, основал фирму под названием «Герман Аш и К°», открыл несколько магазинов и даже стал выполнять заказы королевского двора.

В 1883 г. Улоф пошёл в школу. Здесь произошло его знакомство с братьями Нахмансонами: Юсефом[14] и Эрнестом[15], которые принадлежали к влиятельной фамилии стокгольмского делового мира[16]. Это знакомство сыграло немаловажную роль в последующей судьбе Улофа. Во всяком случае, когда в 1892 г. он закончил своё обучение и по желанию отца решил посвятить себя коммерческой деятельности, первым местом его работы стала фирма «Людвиг Рубенсон и К°», принадлежавшая Эммануилу Нахмансону, дяде его школьных товарищей[17].

Вслед за этим он был отправлен отцом за границу, работал в Гамбурге и Лондоне, учился в Париже[18](18), а вернувшись в 1896 г. домой, несмотря на свой юный возраст (ему шёл девятнадцатый год), открыл в Стокгольме свою собственную торговую контору. Так началась его коммерческая карьера.

В следующем году в возрасте сорока лет умерла его мать, и именно тогда он взял себе фамилию «Ашберг», составив её из фамилии отца — «Аш» и окончания фамилии матери — «берг». Тогда же он покинул родительский дом и, поселившись отдельно, в 1898 г. женился на актрисе Стокгольмского драматического театра Анне-Луизе Альберг[19]. Их совместная супружеская жизнь продолжалась около

---

[9] Наиболее полно деятельность У Ашберга рассматривается в книге Р.Ш. Ганелина «Россия и США. 1914–1917 гг.» (Л., 1968. С. 54–139).

[10] *Aschberg O.* En vandrande Jude från Glasbruksgatan. St., 1946. S. 113–238.

[11] При подготовке данной публикации удалось обнаружить краткие биографические сведения о У. Ашберге только в некоторых шведских справочных изданиях: Vem är det? (за разные годы); Svenska män och kvinnor, Biografisk uppslagsbok. Bd. I. St., 1942. S. 142; Bonniers Lexikon, Bd. I. St., 1961. S. 804.

[12] В основу предлагаемого биографического очерка положены воспоминания У. Ашберга (см. выше) в переводе И.Г. Носовой. Далее даются сноски только на другие использованные источники.

[13] Vem är det? 1916. S. 15; Svenska män och kvinnor. Bd. I. S. 142.

[14] См. далее: с. 81. Сведения о лицах, которые упоминаются в воспоминаниях У. Ашберга, приводятся в комментариях к этим воспоминаниям.

[15] Эрнест Нахмансон (1877–1943) получил известность как профессор истории и филологии (Svensk biografiskt leksikon. Bd. 26. St., 1987–1989. S. 364–366.

[16] Ibid. S. 362.

[17] Ibid.

[18] По некоторым данным, в 1895–1896 гг. он изучал в Париже филологию (Vem är det? 1916. S. 15–16).

[19] Анна-Элизабет Альберг (Ahlberg) (р. 1877) была дочерью владельца хлебопекарни Августа Альберга и его жены урождённой Зандберг (Сандберг) (Vem är det? 1916. St., 1915. S. 15–16).

18 лет. От этого брака они имели трёх сыновей: Стуре — 1899, Рагнара — 1903 и Фольке — 1905[20].

Коммерческая деятельность У. Ашберга была успешной, вскоре он вместе с отцом и Юсефом Нахмансоном организовал новое предприятие — швейную фирму «Унион», а в 1905 г, принял участие в создании двух строительных компаний — «Телеуборгского акционерного общества недвижимости» и «Акционерного общества Эрбю»[21].

Незадолго до известной всеобщей стачки 1909 году он стал инициатором и организатором «Объединения предпринимателей швейной промышленности Швеции», был избран его председателем и делегирован от него в «Союз предпринимателей Швеции». Поэтому, когда началась всеобщая стачка, он оказался в эпицентре борьбы, развернувшейся между рабочими и предпринимателями.

Вполне возможно, что это событие впервые пробудило у него интерес к рабочему вопросу, а знакомство с посвящённой ему литературой, в том числе работами Карла Маркса, повлекло за собой пересмотр прежних представлений, имевшихся у него на этот счёт. Сам У. Ашберг именно так объяснял произошедшую в его сознании переоценку ценностей и именно с этим связывал сложившееся у него убеждение в объективной обусловленности рабочего движения и необходимости придания ему цивилизованных форм. В результате, если верить ему, он пришёл к мысли о создании специального рабочего банка, который, аккумулируя небольшие сбережения рабочих, мог бы предоставлять им необходимый кредит на льготных условиях.

По его словам, этой идеей он поделился со своим знакомым из числа шведских социал-демократов Вальфридом Вильгельмсоном[22], который в свою очередь познакомил его с редактором газеты «Сосиал-Демократен» Герхардом Магнуссоном[23], а через него — с депутатом риксдага от Социал-демократической партия Швеции (СДПШ) А. Кристьернсоном[24], руководителем Центрального объединения профсоюзов Швеции Херманом Линдквистом и лидером СДПШ Яльмаром Брантингом. Предложенная идея заинтересовала их.

«Для дальнейшего изучения и разработки моего плана, — вспоминал У. Ашберг, — мы договорились с Герхардом Магнуссоном съездить в Германию, Англию и Францию. В поездке принимал участие директор Густав Свенсон. В этих странах мы встречались с ведущими представителями финансового мира и международно-

[20] Сын У. Ашберга Рагнар тоже был банкиром (Index bio — biographicas notorum hominum. Pars C. Vol. 8. Osnabrück, 1977. S. 6753).

[21] В справочной биографической литературе отмечается, что до 1905 г. У. Ашберг основал три фирмы: 1896–1905, 1900–1906, 1903 — и что первой из них была швейная фабрика (Vem är det? 1916. S. 15).

[22] Сведений о В. Вильгельмсоне обнаружить не удалось.

[23] Магнуссон (Magnusson), Густав Герхард (1872–1940) входил в руководство «Нового банка» в 1912–1918 гг. (Svenska män och kvinnor. Bd. III. St., 1949. S. 193.

[24] Кристьернсон (Christiernson), Аксель, по-шведски правильнее: Кришернсон — был не только депутатом риксдага от СДПШ, но и владельцем фирмы «А. Кристьернсон и К°», имевшей отделение в Москве. После Октябрьской революции эта фирма принадлежала к числу первых зарубежных корпораций, которые встали на путь сотрудничества с Советским правительством. 23 ноября 1918 г. с нею было подписано пять контрактов на поставку в Россию авиационных двигателей, карбюраторов, инструментов и некоторых других товаров на сумму 19 млн. крон (Шведская промышленность. 1915–1916. Т. 1. Стокгольм, с. 634–635; РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 476. Л. 11–88).

го рабочего движения»[25]. После этой поездки 12 мая 1912 г. в Стокгольме был подписан учредительский договор о создании кредитного учреждения, получившего названий «Нового банка» (Nya banken). Его первым директором стал У. Ашберг[26].

У нас нет оснований не доверять этой версии возникновения «Нового банка». В то же время есть основания думать, что она нуждается в корректировке. Как бы ни была заманчива идея создания подобного кредитного учреждения, для её реализации прежде всего требовался практический опыт в банковском деле, которым по роду своей прежней деятельности У. Ашберг не располагал. По этой причине кто-то должен был его консультировать и кто-то должен был ему помогать, как в организации банка, так и в налаживании его работы.

Вероятнее всего, подобная помощь была оказана ему его школьным приятелем и компаньоном по фирме «Унион» Юсефом Нахмансоном, который в 1909 г. был приглашён на службу в одно из крупнейших кредитных учреждений Швеции, составлявшее ядро финансовой империи Валленбергов, — «Стокгольмс эншильда банкен» (далее — СЭБ). Вскоре Ю. Нахмансон был назначен главным кассиром, а в 1910 г. стал вице-директором[27]. В таком случае не исключено, что именно СЭБ стоял у истоков «Нового банка».

В первые же годы своего существования наряду с обычными кредитными операциями «Новый банк» стал осуществлять и операции инвестиционного характера. Так, им был создан завод «Радиус» для производства керосинок, открыта фабрика по изготовлению пианино, налажено производство спортивных принадлежностей, учреждено страховое общество «Фолькет», организовано Скандинавское акционерное общество «Авиатика», основано акционерное общество «Кинетофон». Два последних начинания имели для «Нового банка» особое значение. Если создание «Авиатики» открывало перед ним выход в правительственные и военно-промышленные круги, то деятельность «Кинетофона» вводила его в сферу международного бизнеса.

---

[25] *Aschberg O.* Op. cit. S. 97. См. также: Holger, Till Olof Aschberg Nagra hagkomster fran en resa med vannerna Gustaf S. och Gerhard M. varen 1912. St., 1913.

[26] «Учредительный протокол (о создании «Нового банка») подписали следующие лица: Улоф Ашберг — директор, Стокгольм, Г.В. Даль — председатель Союза кооператоров, Стокгольм, Бернард Эрикссон — депутат риксдага, Грэнгесберг, Херман Линдквист — депутат риксдага, Стокгольм, Адольф Молин — депутат риксдага, Седертелье, Свен Персон — редактор, член муниципалитета, Стокгольм, И.Е. Берглунд — кассир, депутат риксдага, Стокгольм, Роберт Экман — директор типографии, член муниципалитета, Стокгольм, К.Г. Рослинг — второй председатель Союза кооператоров, Стокгольм, Н.П. Ольсон — мастер, член муниципалитета, Стокгольм, Густав Свенсон — директор, Стокгольм, С.П. Видегрен — кассир профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности, член муниципалитета, Стокгольм, А.И. Кристьернсон — редактор, депутат риксдага, Хельсингборг, Отто Йерте — служащий коммерческой коллегии, член муниципалитета, Стокгольм, Г. Герхард Магнуссон — редактор, член муниципалитета, Стокгольм, А. Спарринг — кассир профсоюза металлургов, Стокгольм, Нильс Персон — депутат риксдага, Мальмё, Андерс Эрне — член муниципалитета, Стокгольм. В Правление банка вошли: председатель — Херман Линдквист, исполняющий обязанности директора — Улоф Ашберг, заместитель исполняющего директора — Герхард Магнуссон, директор кассы — Густав Свенсон, члены правления: А.И. Кристьернсон, А.П. Спаринг, главный врач — Карл Сунделиус, заместители — книгоиздатель Тур Бонньер, служащий Отто Йерте, лиценциант философии Ингве Ларссон, члены Ревизионной комиссии: профессор Хельге Бекстрём, депутат риксдага Бернхард Эрикссон» (*Aschberg O.* Op. cit. S. 98–99).

[27] См. далее: С. 81.

В первой половине 1914 года У. Ашберг отправляется в США и здесь завязывает деловые связи с «Нью-Йорк Эдисон компани»[28], входившей в финансовую группировку Джона Пирпонта Моргана. Накануне первой мировой войны эта группировка объединяла более ста корпораций с общим акционерным капиталом в 22 миллиардов долларов, что по курсу того времени составляло около 66 миллиардов рублей[29] Для сравнения — в это же самое время стоимость всех ценных бумаг царской России не превышала 22 миллиарда рублей[30], а стоимость её национального богатства без земли и природных недр составляла 70 миллиардов рублей[31] Представляя собою государство в государстве, финансовая империя Д.П. Моргана уже в начале XX века претендовала не только на ведущую роль в жизни американского общества, но и на мировую гегемонию.

Когда началась Первая мировая война, У. Ашберг был призван в армию. Вскоре он снова получил возможность вернуться к своим коммерческим делам. Но теперь его деятельность приобрела совершенно иной характер. Скромный начинающий стокгольмский банкир неожиданно для многих выходит на орбиту крупного международного бизнеса и оказывается причастным к некоторым событиям тайной дипломатии.

Сам У. Ашберг объяснял столь резкий поворот в его судьбе случайным стечением обстоятельств. Решающим из них он называл содействие шведского банкира Йесты Чульбергера, который получил несколько важных коммерческих предложений из России и решил привлечь «Новый банк» к их реализации. В результате этого, по свидетельству У. Ашберга, в 1915 г. в Стокгольме при участии «Нового банка» создаётся «Шведско-Русско-Азиатская компания», а в США — акционерное общество «Джон Мак Грегор Грант корпорейшн», наладившие в России деловые отношения с «Русско-Азиатским банком», а в США — с морганoвским банком «Гаранти траст компании». И с осени 1915 г. в деловых контактах с министерством финансов царской России У. Ашберг стал выступать как представитель Д.П. Моргана[32].

22 мая/4 июня 1915 г. У. Ашберг как директор «Нового банка» был принят министром финансов царской России П.Л. Барком[33] и, по всей видимости, в ходе этой встречи получил предложение взять на себя посредничество между царским правительством и американскими банками в предоставлении России денежного кредита.

---

[28] Одним из директоров этой компании был брат известного нефтяного короля Джона Рокфеллера — Вильям, одновременно с этим занимавший пост директора крупнейшего американского банка «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» (Hho's who in America. Vol. VII. Chicago, 1912. P. 1780).

[29] *Корей Л.* Дом Морганов. М., 1934. С. 115.

[30] *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 66–67.

[31] *Вайнштейн А.Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 368–419.

[32] РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 1069. Л. 22 об. Осенью 1915 г. на страницах русской печати появились сведения, будто бы у истоков «Шведско-Русско-Азиатской компании» стоял варшавский коммерсант Герман Малиньяк, который, получив в России несколько выгодных заказов, сумел привлечь к их реализации Й. Чульбергера, а он У. Ашберга. В 1917 г. при расследовании дел князя Д.И. Бебутова и журналиста И.И. Колышко, обвинявшихся в связях с германской разведкой, среди тех лиц, с которыми они контактировали в Стокгольме, фигурировало имя варшавского коммерсанта Александра Малиньяка (*Колышко И.И.* /Баян-Рославлев/. Моё дело. Пг. 1917. С. 53, 64; ЦГИА г. С.-Петербурга. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2686. Л. 9).

[33] РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 1068. С. 354.

Переговоры продолжались около года и завершились 26 мая/8 июня 1916 г., когда Комитет министров утвердил условия подобного займа[34].

Однако в ходе переговоров речь шла не только о получении займа. «На Ашберга, — пишет один из исследователей русско-американских отношений В.В. Лебедев, — возлагалась задача финансировать заказы на 5 миллионов ярдов серошинельного и 3 миллиона ярдов защитного сукна, 83 тысяч пудов подошвенной кожи, 5 тысяч телефонов, 10 тысяч вёрст телефонных проводов, 63 тысяч биноклей, 1 миллион винтовок с 1 тысячью патронов на каждую (т.е. 1 миллиард патронов — *А. О.*), 100 тысяч пистолетов и 50 миллионов патронов к ним, 5 тысяч пулемётов. Кроме того, через Ашберга намечалось приобрести большое количество взрывчатых веществ, заводское оборудование, снаряды и орудия, автомобили, тракторы, мотоциклы, колючую проволоку, алюминий и т.д.»[35].

Для того чтобы оценить масштабы этих операций, достаточно учесть, что всего за 1914–1917 гг. Россия получила из-за границы около 2,5 миллионов винтовок и 1,0 миллиардов патронов[36]. Насколько удалось реализовать планы поставок через У. Ашберга и какую роль они действительно играли в снабжении царской России, пока остаётся неизвестным.

После заключения займа след У. Ашберга теряется[37], но в начале 1917 года его имя появляется на страницах русских газет и становится в центре довольно крупного политического скандала. Дело в том, что в июне 1916 г. в Стокгольме произошла тайная встреча товарища председателя Государственной Думы А.Д. Протопопова и члена Государственного Совета Д.А. Олсуфьева с неофициальным представителем германского ведомства иностранных дел Фрицем Варбургом, в ходе которой обсуждались возможные условия мира между Германией и Россией[38].

Осенью 1916 г. А.Д. Протопопов был назначен министром внутренних дел, и тогда его политические противники потребовали от него объяснений. Оправдываясь, А.Д. Протопопов назвал У. Ашберга организатором и участником данной встречи[39]. Правда, Д.А. Олсуфьев сразу же и категорически опроверг как первое, так и второе[40]. Но сам У. Ашберг в развернувшейся газетной полемике предпочёл не участвовать. Лишь позднее в своих воспоминаниях он счёл необходимым назвать утверждения А.Д. Протопопова вымыслом[41].

---

[34] *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 111, 115.

[35] *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения в 1900–1917 гг. М., 1964. С. 173.

[36] *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. I. С. 84, 118.

[37] Из воспоминаний У. Ашберга явствует, что (после возвращения из Петрограда в Стокгольм) вечером 6/19 июля 1916 г. он на борту парохода «Бергенсфьёрд» в сопровождении своего секретаря Курта Пальма и художника Альберта Энгстрёма отправился в очередное путешествие к берегам Америки (Aschberg O. Op. cit. S. 105).

[38] См. далее: с. 72.

[39] По некоторым данным, в организации этой встречи принимал участие Александр Малиньяк. Позднее П.И. Бурышкин утверждал, что в Стокгольме А.Д. Протопопов обсуждал не только вопрос о возможных условиях сепаратного мира между Россией и Германией, но и вопрос об организации революции в России (*Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 55–56; *Колышко И.И.* Указ. соч. С. 64; О стокгольмской беседе А.Д. Протопопова // Русское слово. М., 1917. 19 января).

[40] Д.А. Олсуфьев – П.А. Базилевскому. 15 января 1917 г. // Там же.

[41] *Aschberg O.* Op. cit. S. 125.

Сразу же после Февральской революции У. Ашберг поспешил в Петроград. Свою поездку он объяснял чисто коммерческими целями, но в чём именно они заключались, не конкретизировал. Между тем почти сразу же после его возвращения из России на страницах издававшегося в Стокгольме «Скандинавского листка» появилось сообщение, в котором говорилось: «В связи с последней поездкой в Россию директора стокгольмского “Ниа банкен” г. Ашберга здесь циркулируют упорные слухи об образовании в Петрограде крупного банковского предприятия по образцу “Ниа банкен”. Новый банк будет работать в тесном контакте с “Ниа банкен”» (Скандинавский листок. 1917. 26 апреля/9 мая).

Насколько эти слухи соответствовали действительности исследователям ещё предстоит выяснить. Обращает, однако, на себя внимание то, что в Петрограде У. Ашберг встречался не только с представителями делового мира, но и с некоторыми лидерами партии большевиков: Л.Б. Каменевым и А.М. Коллонтай. Вполне возможно, что эти встречи были связаны с обсуждением вопроса о создании «рабочего банка» в России. Но не исключено, что поездка У. Ашберга в Петроград наряду с коммерческими имела и какие-то политические цели. А то, что в 1917 году он был причастен к политике, явствует из его собственных воспоминаний. Сразу же после Февральской революции среди германских социал-демократов, социалистов нейтральных стран и лидеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов возникла идея международной социалистической конференции, которую предполагалось созвать в Стокгольме, и которая должна была обсудить вопрос о возможных путях прекращения войны[42].

Как видно из воспоминаний У. Ашберга, он также оказался причастным к организации этой так и не состоявшейся конференции и был даже одним из авторов проекта итогового документа, принятием которого она должна была завершиться. В нём шла речь о создании после окончания войны нового мирового порядка на принципах демократии и суверенитета отдельных стран в форме своеобразных Соединенных штатов мира. Но так как У. Ашберг являлся лицом, представлявшим определённые кредитные учреждения, прежде всего «Новый банк», маловероятно, чтобы он согласился принимать участие в разработке подобной резолюции, не согласовав свою деятельность с руководством этих кредитных учреждений. А значит, они тоже имели определённое отношение к организации Стокгольмской конференции. Между тем, пока ещё шла подготовка к ней, 3–5 июля 1917 года в Петрограде произошли события, которые вошли в литературу под названием «июльского кризиса» и снова привели к тому, что имя У. Ашберга появилось на страницах русской печати. 5 июля мало кому до этого известная газета «Живое слово» опубликовала письмо за подписью бывшего большевика Г.А. Алексинского и бывшего народника В.С. Панкратова, содержавшее обвинение партии большевиков в связях с германской разведкой[43].

В письме утверждалось, что июльские события были организованы большевиками не только по указанию, но и на деньги германского Генерального штаба,

[42] См. далее: с. 75.

[43] Ленин, Ганецкий и К° — шпионы // Живое слово. 1917. 5 июля.

что деньги поступали в Россию через «Дисконто гезельшафт» в Берлине[44], «Новый банк» в Стокгольме и «Сибирский торговый банк»[45] в Петрограде, связь осуществлялась через немецкого социал-демократа А.Л. Парвуса[46], основавшего для этого специальную торговую контору в Дании[47], польского социал-демократа Я.С. Ганецкого, являвшегося директором этой фирмы, польского социал-демократа М.Ю. Козловского[48], исполнявшего обязанности её юрисконсульта и коммерсантку Е.М. Суменсон[49], выступавшую в качестве доверенного лица фирмы «Клингсглянда», которая принадлежала к числу партнёров парвусовской торговой конторы[50].

---

[44] «Дисконто гезельшафт» (Disconto-Gesellschaft) — один из крупнейших банков Германии. Был создан в 1851 г. в Берлине министром финансов Пруссии Давидом фон Ганземаном. В 1856 г. из кредитного общества преобразован в коммандитное товарищество, получив название «Direction der Disconto-Gesellschaft». Был тесно связан с банкирским домом М.А. Ротшильда, на базе которого (после его ликвидации в 1901 г.) открыл во Франкфурте-на-Майне свой филиал. Накануне Первой мировой войны имел личную унию примерно со ста акционерными обществами. Можно назвать «Всеобщую электрическую компанию» — ВЭК, «Гамбургско-американское акционерное общество» — ГАПАГ, «Динамитное акционерное общество Альфреда Нобеля, «Рейнско-Вестфальский электрический концерн», «Немецко-Азиатский банк», «Итальянский коммерческий банк». Сотрудничал с Августом Тиссеном и Штуммом в Германии, с фирмой «Кун, Леб и К°» в США (*Dr. Riesser.* Die deuschen Großbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit der Entwicklüng der Gesamtwirtschaft in Deuschland. Jena, 1922; См. также: Die Disconto-Gesellschaft, 1851–1901. Dankschrift zum 50 Jahrige Jubiläum. B. 1901. *Däbritz W.* Gründung und Anfänge der Disconto-Gesellschaft. Berlin – München – Leipzig. 1931; *Wolf M.J.* Die Disconto-Gesellschaft. Stätten deuschen Arbeit. Bd. I. B. 1930).

[45] А.Л. Парвусу (настоящая фамилия — Гельфанд) посвящена большая литература. См.: *Osterroth F.* Biographisches Lexicon des Sozialismus. Bd. I. Hannover, 1960. S. 126–127. *Schartau W.* Parvus – Helfand als Theoretiker in der deutschen Socialdemokratie und seine Rolle in der ersten russischen Revolution 1867 — 19 0. München, 1964; *Соловьёв О.Ф.* Парвус: политический портрет // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 162–185.

[46] Речь идёт о фирме «Handels og Exportkompan'fex» // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 96.

[47] Мечислав Юльевич Козловский. Даты жизни и деятельности // РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 34. Л. 1–25.

[48] По сообщениям газет, которые нуждаются в проверке, Евгерия Маврикиевна Суменсон-Гельфанд до начала Первой мировой войны жила в Варшаве, в Петрограде поселилась после оккупации Польши германскими войсками, т.е. не ранее 1915 г. Ей было около 35 лет, она имела брата, инженера, по фамилии Рондо, приходилась родственницей Я.С. Ганецкому (по одним данным, была его свояченицей, по другим, племянницей). В 1917 г. являлась доверенным лицом фирмы «Фабиан Клингсглянд» и по делам фирмы имела связи с Я.С. Ганецким. Утром 5/18 1917 г. была арестована контрразведкой. Освобождена под залог 21 сентября 1917 г. Последующая судьба пока не известна (Предательница Суменсон арестована // Живое слово. 1917. 6 июля; На даче шпионки (к аресту Е.М. Суменсон // Петроградский листок. 1917. 7 июля; М-ов П. На зимней квартире шпионки (К аресту Е.М. Суменсон). Там же. 8 июля; Ганецкий и компания // Русская воля. Утр. вып. 1917. 11 июля; Документы по делу Ланина и К° // Там же. 12 июля; Расследование событий 3–5 июля // Воля народа. 1917. 22 июля. *Ляндрес С.* Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 г.: новые подходы и взгляды. СПб., 1993. С. 60–64).

[49] Речь идёт о фирме «Фабиан Клингсглянд», совладельцем которой был брат Я.С. Ганецкого (Кентавр. 1992. № 5–6. С. 96).

[50] *Бурцев В.* Из письма в редакцию // Новое время. 1917. 7 июля; Министры о германских агентах // Там же. 8 июля; Документы о Ленине и К°; новые разоблачения о германских агентах: Парвусе, Ганецком и компании // Там же. 19 июля; Документы о Ленине и К° // Там же. 22 июля; Прошение присяжного поверенного Козловского // Там же. 28 июля; *Бурцев В.* Ещё один вызов на третейский суд // Там же. 1 августа; *Заславский Д.*: 1. Нечестивые и наивные // День. 1917. 6 июня; 2. Гримм и грим-

И хотя бесспорных доказательств в обоснование этого ни тогда (в печати[51] и в ходе расследования, а оно велось одновременно и органами прокуратуры[52], и ЦК РСДРП(б)[53]), ни позднее[54] приведено не было, руководству «Сибирского торгового банка» (В.С. Субботник[55]), дирекции «Нового банка» (У. Ашберг[56]), заграничному бюро ЦК РСДРП(б) (Я.С. Ганецкий, В.В. Воровский, К. Радек[57]) и представителям ЦК в Петрограде (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.И. Ленин[58]), а также М.Ю. Козловскому[59] пришлось давать объяснения в печати.

Из них явствовало, что Я.С. Ганецкий действительно являлся клиентом «Нового банка», а М.Ю. Козловский и Е.М. Суменсон — клиентами «Сибирского торгового банка» и что между ними производились переводные денежные операции. Однако руководство партии большевиков категорически отрицало существование каких-либо денежных отношений с названными выше лицами и утверждало, что их коммерческая деятельность имела чисто личный характер и никак не была связана с политикой, во всяком случае с деятельностью больше-

мированные // Там же. 10 июня; 3. Кошмар // Там же. 15 июня; 4. Экспедиент формальности // Там же. 23 июня; 5. Грязное бельё // Там же. 1 июля; Расследование деятельности Ленина и др. // Вечернее время. 1917. 6 июля; *Мзура. А.* В трясине предательства // Там же. 7 июля; *Семёнов Е.* Кто такой Парвус? // Там же; *Мзура А.* Охранные прорицатели // Там же. 11 июля; *Коллонтай А.М.* // Там же. 15 мюля; Документы по делу Ленина и К° // Русская воля. Утр. вып. 1917. 12 июля; *Гуревич Э.* Парвус – Козловский – Ганецкий // Власть народа. 1917. 7 июля; Дело большевиков. Постановление прокурора Петроградской судебной палаты // Там же. 22 июня; Письмо Троцкого // Рабочая газета. 1917. 9 июля; Письмо тов. Х. Раковского // Там же; *Перазич Р., Далин Д.* По поводу письма Бурцева // Там же. 11 июля; *Раковский Х.* Ответ клеветнику. Письмо в редакцию // Там же. 16 июля; *Алексинский Х.* Ещё о клеветнике Алексинском // Там же. 3 августа; К аресту Коллонтай // Новая жизнь. 1917. 15 июля; *Бинштok Гр.* (*Осипов Г.*) Письмо в редакцию // Там же. 21 июля; Расследование событий 3–5 июля. От прокурора Петроградской судебной палаты // Воля народа. 1917. 22 июля; Без лишних слов. 1917. № 1–2.

[51] Материалы следствия, составившие 21 том, частично введены в научный оборот только в самое последнее время: Анисимов Н.А. Обвиняется Ульянов-Ленин… // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 3–9; *Ляндрес С.* Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды. СПб., 1993. С. 61–63.

[52] Дело Ганецкого и Козловского. Из протоколов заседаний ЦК РСДРП в июне – ноябре 1917 г. // Кентавр, № 1–2. С. 71–82; № 5–6. С. 68–79.

[53] *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ. 2-е изд. Нью-Йорк, 1989; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 29–67.

[54] Беседа с директором Сибирского банка // Петроградская газета. 1917. 9 июля.

[55] Как финансировались большевики // Русская воля. Веч. вып. 1917. 15 июля; Ленинцы и германские деньги // Живое слово. 1917. 19 июля.

[56] Самооправдание Ганецкого и компании // Русская воля. Веч. вып. 1917. 10 июля; Заявление Центрального большевистского комитета // Новое время. 1917. 11 июля.

[57] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 410–417, 418, 422, 424–426, 427; Т. 34. С. 6–7, 21–32; Т. 49. С. 441–442, 445–447.

[58] Заявление М.Ю. Козловского // День. 1917. 7 июля.

[59] Так, в заявлении Заграничного бюро ЦК РСДРП(б), подписанном В.В. Воровским, Г.С. Ганецким и К.Б. Радеком говорилось: «Мы заявляем, что ни Центральный комитет большевиков, ни Ленин, ни другие лица, находящиеся с ними в отношениях, никогда не получали денег ни на какие политические цели ни от Ганецкого, ни от Заграничного бюро большевиков, в состав которого входит Ганецкий. Мы вообще никогда не пересылали денег в Россию» (Новое время. 11 июля).

виков[60]. Ставшие с тех пор доступными исследователям документы свидетельствуют, что это было не совсем так[61].

Однако независимо от того, как именно всё обстояло в действительности, ни одно кредитное учреждение не несёт ответственности за характер использования переводимых через него его клиентами денежных средств. С чисто формальной точки зрения никаких претензий нельзя было предъявить и «Новому банку». Несмотря на это, после июльских событий его репутация в определённых финансовых кругах была подорвана. По всей видимости, это было связано с тем, что газетные обвинения упали на давно подготовленную почву.

Первые сведения о связях У. Ашберга с Германией появились на страницах русской печати ещё осенью 1915 года (Колокол. 1915. 11 октября). 25 января 1917 г. иностранный отдел Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов информировал Министерство торговли и промышленности: «...По полученным от Русско-Азиатского банка доверительным сведениям Московское отделение названного банка отказалось от приёма Ньюа-банк в Стокгольме поручений по инкассо документов по пересылке в Россию посылок ввиду нескольких случаев конфискации заключавшихся в этих посылках товаров, оказавшихся враждебного происхождения, в некоторых случаях умышленно скрытого»[62].

Поэтому, когда осенью 1917 года «Новый банк» решил открыть счёт в Петроградском отделении «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и администрация этого отделения стала наводить справки, «Новый банк» был охарактеризован как прогерманский и ей было рекомендовано воздержаться от включения его в число своих клиентов[63]. В таких условиях после июльских событий У. Ашберг стал в России фактически фигурой нон-грата.

Но как только произошла Октябрьская революция и партия большевиков пришла к власти, мы снова видим его в Петрограде. Сам он датировал эту поездку «примерно 10 ноября 1917 г.» нового стиля, или же 28 октября старого стиля. Как видно из его воспоминаний, в России он встречался с руководителями нового правительства и представителями финансово-промышленных кругов и пытался использовать своё влияние для налаживания делового сотрудничества между ними. Факт весьма примечательный и несомненно свидетельствующий о том, что как директор «Нового банка» У. Ашберг был непосредственно заинтересован в таком сотрудничестве, а следовательно, и в укреплении позиций Советской власти. Как дол-

[60] В литературе уже обращено внимание на несоответствие этих заявлений В.И. Ленина и его переписки с Я.С. Ганецким и К. Радеком за 1914–1917 гг. (*Автарханов А.* Происхождение партократии. Т. 1. ЦК и Ленин. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 318–322). В противоречии с этими заявлениями находится и недавно опубликованное письмо К. Радека В.И. Ленину от 11/24 июля 1917 г.: «Ганецкий, — писал К. Радек, — занимался вообще торговлей не для личной наживы, а для того, чтобы помогать материально партии. Последние два года Ганецкий не одну тысячу дал нашей организации» (Кентавр. 1992. № 1–2. С. 74–75. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. Вступительная статья С. Ляндреса (США). Составители Н.А. Сидоров и Е.С. Ульно // Отечественная история. 1993. № 2. С. 128–142).

[61] Там же. Ф. 624. Оп. 1. Д. 111. Л. 2; Из глубины времён. Вып. 1. СПб., 1992. С. 201.

[62] О приездах У. Ашберга в Советскую Россию после прихода партии большевиков к власти см. далее: с. 75–76.

[63] Шведский импорт из России // Скандинавский листок. Стокгольм. 1918. 2 февраля (н.с.).

го продолжалась эта поездка и чем именно она завершилась, остаётся пока неясным. Неясным остаётся и вопрос о том, сколько раз до начала экономической блокады Советской республики У. Ашберг посещал Россию[64].

В его воспоминаниях описывается ещё только одна такая поездка, начало которой он относил к январю 1918 года по новому стилю, т.е. ко времени после 18 декабря 1917 г. по старому стилю. Но и об этой поездке мы не найдём в его воспоминаниях точных и конкретных данных. По сообщениям печати, её цель заключалась в переговорах «относительно ввоза в Швецию смазочных масел»[65].

Однако достаточно посмотреть тех лиц, с которыми встречался У. Ашберг (министр труда и исполняющий обязанности наркома промышленности и торговли А.Г. Шляпников, заместитель наркома торговли и промышленности М.Г. Бронский, комиссар Государственного банка Я.С. Ганецкий, помощник главного комиссара Государственного банка Г.Л. Пятаков, председатель Петроградской ЧК Я.С. Урицкий и некоторые другие), чтобы понять, что версия о доставке смазочных масел использовалась для прикрытия переговоров по каким-то другим более важным вопросам[66].

В связи с этим заслуживает внимания следующий эпизод. В ноябре 1927 г. Я.С. Ганецкий опубликовал на страницах газеты «Известия» любопытную телеграмму В.И. Ленина[67], направленную не ранее 8/21 декабря 1917 г. из Петрограда в Стокгольм на имя В.В. Воровского. В ней говорилось: «Срочно подыщите и пришлите сюда трёх бухгалтеров высшей квалификации по реформе банков. Знание русского языка необязательно. Оплату установите сами, сообразуясь с местными условиями»[68]. Речь в телеграмме безусловно шла о национализации банков и связанной с ней реорганизации всей кредитно-финансовой системы России[69].

Касаясь этого эпизода, авторы книги «Так начинался наркоминдел» пишут: «Шведы откликнулись на обращение к ним Воровского» и «в Петроград отправился сам директор Стокгольмского банка Ашберг[70], который повёз с собою готовый план организации в Советской России кооперативного банка»[71]. К сожалению, авторами не указаны источники, на основании которых сделано подобное утверждение. Однако, по воспоминаниям Г.А. Соломона, который вернулся из Стокгольма в Петроград не позднее 27 ноября/10 декабря 1917 г.[72] и попутчиком которого оказался У. Ашберг, в ноябре план создания такого банка действительно существовал[73].

О том, что в конце 1917 – начале 1918 гг. У. Ашберг занимался вопросами налаживания деятельности кредитно-финансовой системы Советской России свиде-

---

[64] См. далее: с. 75–76.

[65] *Ганецкий Я.С.* Первые шаги // Известия. 1927. 6–7 ноября.

[66] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 362.

[67] Национализация частных банков началась 14/27 декабря 1917 г.

[68] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 362.

[69] Национализация частных банков началась 14/27 декабря 1917 г.

[70] *Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался наркоминдел. М., 1984. С. 145.

[71] В периодической печати того времени действительно можно встретить сообщения о планах создания в России шведского кооперативного банка.

[72] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника (далее — *Ленин В.И.* Биохроника). Т. 5. С. 88.

[73] *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. Париж, 1930. С. 12–21.

тельствует и опубликованное 6/19 января 1918 г. на страницах «Известий» письмо одного из руководителей «Русско-Азиатского банка» М.Э. Верстрата к У. Ашбергу.

«Вы, — писал М.Э. Верстрат, — довели до моего сведения о тех серьёзных опасениях, которые возникли в заграничных финансовых кругах по поводу забастовки служащих и приостановления деятельности русских банков, явившегося последствием этой забастовки. В качестве иностранца, представителя французских акционеров "Русско-Азиатского банка" я не могу и не должен вмешиваться в вопросы внутренней политики, касающейся исключительно русских, но я сохраняю право иметь своё личное мнение, и я Вам открыто заявляю, что я не понимаю практической целесообразности забастовки, неудобства и опасные последствия коей для меня слишком ясны и очевидны, чтобы я не желал её немедленного прекращения»[74].

Из этого явствует, что У. Ашберг принимал активное участие в ликвидации начавшейся после национализации частных банков забастовки их служащих.

По возвращении из России У. Ашберг дал интервью газете «Скандинавский листок», которое было опубликовано 27 января/9 февраля 1918 г. под названием «О русско-шведском экономическом сближении». В нём он открыто обосновывал необходимость развития экономического сотрудничества с Советским правительством[75], а 28 января/10 февраля выступил на массовом митинге в Стокгольме, где не только поделился своими впечатлениями о поездке в Россию, но и снова открыто призвал к признанию Советской республики и экономическому сотрудничеству с нею[76].

Учитывая то положение, которое он занимал в деловом мире, и то, что руководство «Нового банка», «Шведско-Русско-Азиатской компании» и фирмы «Джон Мак Грегор Грант корпорейшн» не отмежевалось от его публичных выступлений, можно с полным основанием утверждать, что в данном случае его позиция если и не была согласована с руководством этих учреждений, что само по себе маловероятно, то во всяком случае не вызывала с их стороны принципиальных возражений. Это даёт основание утверждать, что, выступив в начале 1918 года за признание Советской России и деловое сотрудничество с нею, У. Ашберг выражал не только свои собственные взгляды, но и настроения определённых кругов финансовой олигархии, прежде всего морганoвской группировки, в орбиту влияния которой входили все названные выше кредитные учреждения.

Если верить мемуарам У. Ашберга, в конце 1917 – начале 1918 г. «Новый банк» попал в «чёрные списки» Антанты, и его стали бойкотировать те фирмы, которые занимали антисоветские позиции. У. Ашберг вынужден был выйти из состава акционеров «Нового банка» и подать в отставку с поста его директора. Вскоре после этого он создал при участии Яльмара Брантинга, который в это время входил в состав правительства Швеции в качестве министра торговли, новое кредитное учреждение под названием «Шведское экономическое акционерное общество» (ШЭАО). По существу, оно стало играть ту же роль, которую до этого играл «Новый банк».

---

[74] *Верстрат М.Э.* Вопрос о банках // Известия. 1918. 6 января.

[75] *А-ров Г.* О русско-шведском экономическом сближении (интервью с директором «Nya Banken» У. Ашбергом) // Скандинавский листок. 1918. 9 февраля (н.с.).

[76] В пользу сближения России и Швеции // Там же. 1918. 13 февраля (н.с.). См. также далее: с. 75.

В связи с этим несомненный интерес представляет статья «Русский рубль за границей», опубликованная в феврале 1919 г. на страницах органа ВСНХ «Экономическая жизнь». В ней говорилось: «За лето 1918 года в Стокгольм всего подвезено из России несколько сот миллионов рублей. Сколько-нибудь точной регистрации такого подвоза, само собой разумеется, не велось; осторожные люди считают, что подвезено было не менее 200 миллионов; другие же полагают, что цифра даже в 1/2 миллиарда была бы не преувеличенной. Подвоз рублей производился, с одной стороны, в частном порядке — лицами, спасшими из России свои состояния, и спекулянтами. И те, и другие использовали для доставки сравнительно небольших партий, главным образом, курьеров нейтральных стран. С другой стороны, весьма большое количество рублей и притом уже крупными партиями было доставлено в Стокгольм курьерами Советского правительства. Наиболее крупная партия была привезена комиссарами в июне: Шейнманом (17 миллионов рублей) и в сентябре Гуковским (50 миллионов рублей). Для размена на кроны лица, первой из упомянутой категорий, пользовались сначала Nya Bank'ом. С осени 1918 года роль Nya Bank, в отношении русских рублей, стало играть Ekonomiaktiebolaget, новое детище того же Ашберга. Из других кредитных учреждений, скупающих мелкие партии рублей, наиболее видную роль играют Affärsbank и в меньшей мере (купеческий банк) — Koppmanebank. Из банкирских контор, занимающихся торговлей рублями, на первом месте в настоящее время стоит Daidel och Hagbing, обороты коего ежедневно составляют не менее миллиона рублей. Развитию оборотов названной конторы способствует её тесная связь с швейцарским банком. Главным покупщиком русских рублей в Стокгольме, как известно, являлась до последнего времени Германия, причём закупкой русских рублей ведал Reichsbank, а его непосредственным сотрудником состоял Bankhaus Мендельсона. В Швеции немецкие скупщики имели своих агентов, отчасти в лице крупных банков (Skandinaviska Kreditaktiebolaget и Handelsbank и др.), а отчасти отдельных лиц и мелких контор... На смену сократившемуся германскому спросу выдвигается усилившийся спрос со стороны Швейцарии, а в последнее время также Голландии»[77].

Когда произошла Ноябрьская революция 1918 года в Германии, У. Ашберг отправляется в Берлин и открывает там отделение ШЭАО. Одновременно он покупает в Берлине дом, перевозит туда свою семью и на время обосновывается в Германии. К этому времени здесь у него уже были достаточно широкие связи, а в круг его ближайших друзей входил один из директоров «Национального банка Германии» — Эмиль Виттенберг. Через него У. Ашберг знакомится с другими руководителями этого банка, в том числе с Якобом Гольдшмидтом и Яльмаром Шахтом. В 1922 г. «Национальный банк Германии», с которым берлинское отделение ШЭАО устанавливает тесные деловые контакты, сливается с «Дармштадтским банком» и на их основе создаётся объединённый «Дармштадтский и Национальный банк Германии» — «Данатбанк»[78]. В 20-е годы он сыграл немаловажную роль как в налаживании советско-германского экономического сотрудничества, так и в восстановле-

[77] Экономическая жизнь. 1919. 28 февраля. О контактах Советского правительства с «Новым банком» осенью 1918 г. См.: *Карлбек – Исталло Х.* Экономические связи Советской России и Швеции в 1917–1924 гг. // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988. С. 37.

[78] См. далее: с. 83–84.

нии послевоенной германской экономики. Не случайно именно Яльмар Шахт после прихода Гитлера к власти стал министром экономики Третьего рейха. В 1919 г., несмотря на то, что в России шла гражданская война, У. Ашберг пытается, используя свои связи с германскими профсоюзами, прорвать «экономическую блокаду» и наладить деловые контакты между Германией и Советской Россией. А в 1920 г. принимает самое деятельное участие в ликвидации экономической блокады Советской республики.

2 февраля 1920 г. Советская Россия заключила мирный договор с Эстонией[79], и 16 февраля бывший нарком финансов И.Э. Гуковский был назначен в Ревель руководителем торговой делегации Центросоюза[80]. В результате этого Ревель стал для советской страны своеобразным окном во внешний мир. Сюда перемещает центр своей коммерческой деятельности и У. Ашберг, а ШЭАО берёт на себя банковское обеспечение коммерческих операций с зарубежными фирмами, осуществляемых торговой делегацией. Но поскольку Россия имела ограниченные экспортные возможности, то для оплаты импортируемых товаров она вынуждена была использовать свой золотой запас. А поскольку страны Запада продолжали осуществлять так называемую «золотую блокаду», экспорт советского золота мог иметь только контрабандный характер. Именно этим первоначально занимался И.Э. Гуковский, затем его сменил Г.А. Соломон[81], а в первых числах января 1921 года М.М. Литвинов[82].

Вот как он описывал свою деятельность: «В 1921 году я состоял главным уполномоченным СНК по валютным операциям и по реализации нашего золота за границей. Я находился в Ревеле и через мои руки прошло несколько сот миллионов рублей нашего золота, проданного мною за границу. Большая часть этого золота была продана мною непосредственно или через разных посредников крупным французским фирмам, которые это золото переплавляли не то во Франции, не то в Швейцарии, откуда это золото находило своё последнее убежище в кладовых американского Резервного банка. Это отнюдь не было тайной, об этом были информированы и «Банк де Франс» и другие банки. Это было в момент напряжённейших отношений между нами и Францией, когда Франция ещё активно участвовала прямо или косвенно в военных нападениях на нас, когда никаких отношений между нами и Францией ещё не было»[83]. В своих мемуарах У. Ашберг признаёт не только сам факт подобных операций, но и своё участие в них[84].

24 сентября 1920 г. начала работу Брюссельская международная финансовая конференция, на ней было решено восстановить золотое обеспечение национальных валют, создать национальные эмиссионные банки там, где их к этому време-

[79] Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 3. М., 1958. С. 339–354.

[80] *Ленин В.И.* Биохроника. Т. 8. М., 1977. С. 297.

[81] *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. С. 325–508.

[82] *Ленин В.И.* Биохроника. Т. 9. С. 620, 634.

[83] ДВП СССР. Т. 11. М., 1966. С. 670–671.

[84] О контрабандной торговле советским золотом. См.: *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. С. 325–508; *Ларсон М.Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930. Признавая важность изучения данной проблемы, необходимо констатировать, что некоторые появившиеся в последнее время публикации (например, книга И. Бунича «Золото партии». СПб., 1992) только дискредитируют начатую в этом направлении работу.

ни не было, и оказать финансовую помощь странам, не способным самостоятельно выйти из экономического кризиса[85]. Россия не участвовала в этой конференции, но принятые ею решения имели влияние и на её последующую судьбу. Весной 1921 г. она отказывается от прежней политики «военного коммунизма», становится на путь новой экономической политики и осенью 1921 г. восстанавливает деятельность ликвидированного в 1920 г. Государственного банка РСФСР. Как отмечалось в одном из официальных изданий того времени, «в первый год своего существования Государственный банк проводил все свои главные заграничные операции через германские и шведские банки»[86]. Прежде всего это были три шведских кредитных учреждения: «Скандинавское кредитное акционерное общество», «Северный торговый банк» и ШЭАО, которые стали первыми клиентами и партнёрами Государственного банка РСФСР. За ними последовали германские кредитные учреждения: «Дармштадский и Национальный банк Германии», «Дрезденский банк», «Дойче банк», «Дисконто гезельшафт», «М.М. Варбург и К°»[87]. Эти кредитные учреждения сыграли важную роль в восстановлении нарушенных гражданской войной финансовых связей между Россией и внешним миром. Но Советская страна была заинтересована в том, чтобы иметь за рубежом собственные кредитные учреждения, через которые можно было бы проводить наиболее важные и требующие особой секретности коммерческие операции и деятельность которых могла бы служить источником пополнения валютных поступлений советского бюджета. В решении этой важной задачи У. Ашберг тоже играл немаловажную роль.

Об одной из попыток решения этой задачи рассказывает в своих воспоминаниях Г.А. Соломон, посланный летом 1920 г. в Ревель в качестве преемника И.Э. Гуковского на посту руководителя торговой делегации «Центросоюза». Вскоре после завершения Брюссельской конференции У. Ашберг появился в Ревеле и предложил Г.А. Соломону следующий план: «Я, — заявил он, — уже давно думаю о том, что РСФСР необходимо иметь свой банк за границей, что значительно развязало бы России руки и удешевило бы всякого рода операции. И уже давно я собираюсь переговорить с Вами и предложить Вам и Вашему правительству следующую комбинацию. Я стою сейчас во главе основанного мною банка “Экономи акцие булагет”, одним из крупных акционеров которого является мой друг Брантинг, т.е. по существу банк этот принадлежит ему и мне... Вот я и предлагаю, чтобы РСФСР взяло на себя этот банк, который номинально останется частным акционерным шведским предприятием. РСФСР вносит в дело, скажем, 5 миллионов золотых рублей не от своего имени, а якобы Вы, как частное лицо, их вносите... Таким образом, имея в этом деле примерно около 75% акций. Вы становитесь единственным директором-распорядителем банка». А для того, чтобы устранить всякие подозрения насчёт того, что Г.А. Соломон, выступая в такой роли, являлся лишь подставным лицом, У. Ашберг предлагал ему инсценировать бегство за границу и отказ от советского гражданства. По свидетельству Г.А. Соломона, в январе 1921 г. этот план был рассмотрен в Ревеле с участием Л.Б. Красина и М.М. Литвинова, одобрен

[85] Финансовая энциклопедия. М., 1924. С. 72.

[86] Там же. С. 236. Государственный банк РСФСР. Первые годы деятельности. М., 1922. С. 92.

[87] Там же. Приложение. С. 46–47.

ими и доложен Совету народных комиссаров, где тоже был встречен положительно. Однако, по утверждению Г.А. Соломона, в самую последнюю минуту на пути реализации предложения У. Ашберга встал один из представителей советского правительства за границей — Ю.В. Ломоносов, и оно было провалено[88]. Маловероятно, однако, чтобы влияние Ю.В. Ломоносова оказалось сильнее влияния Л.Б. Красина и М.М. Литвинова. Следовательно, причины провала плана У. Ашберга нужно искать в чём-то другом[89].

Потерпев неудачу с преобразованием ШЭАО в зарубежный советский банк, У. Ашберг выступил с предложением о создании в Советской России частного коммерческого банка. 18 августа 1922 г. Совет труда и обороны постановил разрешить ему открыть в России подобный банк[90]. 19 октября ВСНХ утвердил его устав, а 1 ноября последовало разрешение Главного концессионного комитета на открытие его деятельности. Новое кредитное учреждение получило название «Российского коммерческого банка — РКБ», основной капитал которого был определён в 10 миллионов рублей или же в 5 миллионов долларов, и на эту сумму выпущено 100 тысяч акций, из которых 10 тысяч были переданы Государственному банку РСФСР, а остальные 90 тысяч остались в руках учредителя, т.е. в руках У. Ашберга[91]. 10 ноября состоялось первое общее собрание акционеров, которое избрало руководящие органы банка. В Совет банка вошли пять человек: У. Ашберг, бывший член Правления «Московского купеческого банка» и член Правления Государственного банка Александр Данилович Шлезингер[92], бывший член Советов «Московского купеческого» и «Московского торгового банков» Иван Александрович Баранов[93], бывший член Советов «Московского купеческого» и «Московского промышленно-

---

[88] *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. С. 491–503.

[89] Не исключено, что определённую роль здесь сыграли появившиеся в зарубежной печати публикации, касающиеся подобных замыслов. Так, эмигрантский правомонархический журнал «Двуглавый орёл» писал: «В № 135/136 “Нового времени” за 1921 г. были напечатаны разоблачения, касающиеся необходимости создать в Париже замаскированный советский банк, для каковой цели большевики соглашались ассигновать 25 млн. франков. Инициаторами этого дела в Париже были евреи: Высоцкий, Златопольский, Добрый, Цейтлин, братья Животовские, Лесин и др. Из приведённой в этой статье копии письма Гуковского к Животовскому, найденного Чека при обыске квартиры сожительницы Гуковского госпожи Арнольд в Москве, видно, что организация такого банка была одобрена самим Бронштейном, который с Гуковским и некоторыми другими большевиками должен был быть в нём пайщиком, а в качестве директоров оказались приемлемы Лесин, Добрый, Шкаф, Шайкевич, Фишман, Залшупин, Немировский и некоторые другие лица» (Письма экономиста. Письмо шестое // Двуглавый орёл. Вып. 31. Берлин, 1922. 1/14 июня. С. 38).

[90] Финансовая энциклопедия. 2-е изд. М. – Л., 1927. С. 94.

[91] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 15, 20.

[92] Там же. Д. 6. Л. 41; Русские банки в 1917 г. С. 87; Государственный банк СССР. Первый год деятельности. М., 1922. С. 6.

[93] Баранов Иван Александрович — происходил из богатой семьи текстильных фабрикантов. Был племянником известного московского купца Асафа Ивановича Баранова и двоюродным братом руководителя «Александровской республики» в декабре 1905 г. Сергея Николаевича Баранова. В годы Первой мировой войны только в «Товариществе мануфактур Барановых» и «Товариществе Соколовской мануфактуры Асафа Баранова» имел акции на 1,3 млн. руб. (Русские банки в 1917 г. С. 87; РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 140. Л. 1–22; Д. 14. Л. 6–38. *Лукьянов П.* «Фабрикант-революционер» (памяти оклеветанного общественного деятеля). Б.м. 1911; Вся Россия. СПб., 1903. С. 142).

го» банков Николай Александрович Калмыков[94] и бывший управляющий торгового дома «И.Г. Харитоненко, сыновья в Сумах» Николай Михайлович Чупров[95]. Правление было избрано в составе трёх человек: бывшего председателя «Сибирского торгового банка» Владимира Васильевича Тарновского[96], бывшего директора «Московского промышленного банка» Якова Александровича Галяшкина[97] и бывшего директора «Гаранти траст компании» Макса Мэя[98]. Кроме того, в Правление вошли от Совета банка У. Ашберг и от Государственного банка Д.Д. Михельман[99] (позднее кандидатом в члены Правления стал М.М. Розен[100]), первым директором РКБ были утверждены бывший член Правления «Соединенного банка» Александр Рудольфович Менжинский[101], бывший служащий «Петербургского международного коммерческого банка» Виталий Станиславович Коробков[102] и Макс Мэй. Свои операции новый банк открыл 1 декабря 1922 г.[103]

В том же 1922 году Берлинское отделение ШЭАО приобрело небольшой провинциальный банк и на его основе было преобразовано в «Гарантийный и кредитный банк для Востока» — «Гаркребо» (Garantie und Kreditbank für den Osten)[104]. В декабре 1923 г. в Копенгагене ШЭАО основало «Датско-Русский банк» («Скандинавское кредитное общество») с основным капиталом в 5 миллионов крон, из которых 10% были внесены Государственным банком РСФСР, а остальные 90% У. Ашбергом[105]. Тогда же начались переговоры о создании подобного же «Русско-Итальянского банка». В первых числах января 1924 года У. Ашберг отправился в Рим и там провёл целую серию переговоров на эту тему, но завершить их не успел.

---

[94] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 41. В 1917 г. Н.А. Калмыков являлся председателем Правления и директором «Товарищества Кольчугина», председателем Правления Товарищества «Гловно», директором «Сиверского металлопрокатного завода», «Московского электротехнического завода», общества «Электропровод» и страхового общества «Якорь», а также выборным Московского Биржевого общества (Вся Москва на 1917 г. М., 1916. Ч. 3. С. 219; Русские банки в 1917 г. С. 87, 94).

[95] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.

[96] См. далее с. 90.

[97] Свою карьеру Я.А. Галяшкин начал в «Волжско-Камском банке», затем перешёл в «Сибирский торговый банк» и возглавлял его Мосековское отделение, а в июле 1917 г. был приглашён в «Московский промышленный банк» (бывший «Юнкер банк») (Русские банки в 1917 г. С. 91; Коммерческий телеграф. 1917. 22 июля).

[98] См. далее: с. 70.

[99] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.

[100] Там же. Д. 3. Л. 19.

[101] Там же. Д. 6. Л. 41; Русские банки в 1917 г. С 98. См. далее: с. 89.

[102] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 41; Русские банки в 1917 г. С. 7.

[103] За время существования Российского коммерческого банка У. Ашберг присутствовал на следующих заседаниях его Правления: 10 и 11 ноября, 7, 8, 11–16, 19, 21–23, 29, 30 декабря 1922 г. 2 января, 2, 5, 9, 12, 14–17, 19, 21, 23, 26–28 февраля, 3, 5–8, 13–16, 19–21, 24 марта, 25, 28 апреля, 4, 7–9, 15, 18, 21, 22, 29, 30 мая, 8, 14, 18, 20, 22, 23 июня, 6, 7, 12, 23 июля, 6, 7, 12, 21 сентября, 22, 24, 29 октября, 15, 16, 22, 23, 26, 28, 30 ноября, 3, 5, 6, 8, 13, 18 декабря 1923 г.; 3, 7, 8, 13, 19, 21, 22, 25 февраля, 1, 3, 6, 11, 14, 20, 24, 26, 28, 29, 31 марта, 1, 2, 4, 7, 9, 11 апреля 1924 г. (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–457; Д. 12. Л. 1–447).

[104] Одним из директоров «Гаркреба» был И.Д. Левин / РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 234.

[105] *Шишкин В.А.* Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса. 1924–1929. СПб., 1992. С. 98.

21 января умер Ленин и, предчувствуя возможность перемен в Кремле, У. Ашберг поспешил в Россию. По дороге он сделал три остановки — в Берлине, Копенгагене, Стокгольме[106] — и к 27 января (день прощания с В.И. Лениным) был в советской столице. Предчувствия его не обманули. Вскоре после похорон он получил предложение о преобразовании РКБ. 6 февраля Правление банка постановило созвать Чрезвычайное собрание акционеров[107], и 4 марта оно утвердило реорганизацию РКБ во Внешторгбанк. В связи с этим У. Ашберг продал принадлежавшие ему акции: 60% акций перешло в руки Государственного банка СССР, а 40% приобрёл Народный комиссариат внешней торговли[108]. У. Ашбергу было предложено остаться в качестве консультанта на должности заместителя директора банка, однако он отклонил это предложение и 12 апреля подал в отставку со всех занимаемых постов. Одновременно с этим ушли в отставку все члены Правления за исключением В.В. Тарновского и все члены Совета за исключением А.Д. Шлезингера[109]. Оставшись руководителем трёх заграничных кредитных учреждений (ШЭАО, «Датско-Русского банка» и «Гаркребо»), У. Ашберг покинул Москву и, по всей видимости, больше сюда уже не возвращался[110].

В 1925 г. он в третий раз женился. Последней его женой стала бывшая секретарша Яльмара Брантинга — Сири Кугельман, родители которой были выходцами из Германии и принадлежали к числу ближайших друзей Германа Аша. Вероятно, вскоре после этого У. Ашберг оставил директорские кресла всех трёх названных выше кредитных учреждений и из Стокгольма переселился в Париж. Здесь он прожил около пятнадцати лег, играл на бирже, продолжал поддерживать отношения с советскими дипломатами за границей, а его дом был даже одним из салонов, где они нередко проводили свой досуг. Когда началась Вторая мировая война и Германия оккупировала Францию, У. Ашберг оказался на захваченной территории, некоторое время провёл в заключении, но в 1941 г. получил возможность эмигрировать в США. Ему было за 60 лет, в активной коммерческой деятельности он уже не участвовал, а поэтому, оказавшись не у дел, начал писать мемуары. Первая часть его воспоминаний под названием «Странствующий еврей с Гласбруксгатан» увидел свет в 1946 г. в Стокгольме на шведском языке[111]. В 1947 г. была опубликована вторая часть воспоминаний «Возвращение»[112], а в 1955 г. третья часть «Гостевая книга»[113]. В 1961 г. уже после смерти автора — он умер в 1960 г.[114] — в сокращённом виде появился сводный текст мемуаров[115].

---

[106] А.В. Русско-Итальянский банк (беседа с председателем Совета «Российского коммерческого банка» О. Ашбергом) // Известия. 1924. 3 февраля.

[107] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 268.

[108] Там же. Д. 14. Л. 60.

[109] Там же. Л. 55–58.

[110] Покидая Россию, У. Ашберг вывез с собою богатую коллекцию икон (Ruska ikoner/ Olof Aschberg till Nationalmuseum overlamnade samling, utställning. St. 1933: Aschberg O. Op. cit. S. 227–232).

[111] *Aschberg O.* En vandrande Jude fran Glasbruksgatan. St., 1946.

[112] *Aschberg O.* Aterkomst. Memoarer. 2. St., 1947.

[113] *Aschberg O.* Gästboken. St., 1955.

[114] Bonniers Lexikon. Bd. I. S. 804.

[115] *Aschberg O.* Gruningen till ny tid Ur mina memoarer. St., 1961.

Значительное место в воспоминаниях У. Ашберга занимает Россия, с которой был связан самый важный период в его коммерческой деятельности, а может быть, и во всей его жизни. Предлагая эти страницы вашему вниманию, необходимо отметить, что они публикуются в сокращении.

Перевод воспоминаний сделан А.Б. Гехтом и Е.Г. Носовой, вступительная статья написана А.В. Островским, комментарии подготовлены А.Б. Гехтом, В.Е. Морозовым и А.В. Островским. При составлении комментариев особое внимание было обращено на выявление политических, коммерческих, родственных и иных связей между упоминаемыми У. Ашбергом лицами, с которыми он контактировал как в России, так и за границей.

А.В. Островский

Улоф Ашберг

Странствующий еврей с Гласбрюксгатан[1]

Перевод А.Б. Гехта

[1] Концевые комментарии под арабскими цифрами принадлежат А.В. Островскому; под римскими — А.Б. Гехту.

Предисловие

Несмотря на советы друзей, я никогда в жизни не собирался писать воспоминания. Я не считал себя достаточно компетентным человеком, да и не было у меня желания сидеть и что-то писать в тишине.

Осенью 1942 года я тяжело заболел. В течение нескольких месяцев жена выхаживала меня, а через год я настолько окреп, что был в состоянии работать. Но мне пришлось изменить образ жизни, мне требовался покой. Тогда я вспомнил то, к чему меня призывали друзья, и решил записать свои воспоминания. Начал с коротеньких рассказов о детстве. Один эпизод из жизни тянул за собой другой, и я серьёзно включился в работу. Всё, что я прежде упустил в своей суматошной жизни, пришлось теперь навёрстывать, поэтому я начал многое читать и многому учиться. Жена сторожила меня, словно Цербер. Она превратилась в учительницу, исправляющую мои сочинения, а я — в школьника, постоянно получающего замечания, но работа полностью захватила меня, время летело очень быстро, и его нам всегда не хватало.

Я назвал книгу «Странствующий еврей» не потому, что кичусь своей принадлежностью к древнему народу, подарившему миру столько великих людей, но вечно презираемому и гонимому. Я родился в Швеции, свободной стране, где отсутствовала почва для антисемитизма, и всегда считал себя прежде всего шведом. Но когда Франция оказалась под властью нацистов, мне дали понять, что меня считают не шведом, а только лишь евреем. Я снова стал одним из тех, кто тысячелетиями жили лишёнными своих корней и защиты.

Во Второй мировой войне пострадали миллионы невинных людей, но ни один народ не подвергся такому унижению, как евреи: беззащитные, они были лишены даже намёка на сочувствие, которое обычно выпадет на долю гонимых. Добиваясь владычества над всем миром, нацисты и фашисты превратили их в козлов отпущения.

Все мои документы, блокноты и книги были конфискованы или уничтожены нацистами в Париже, поэтому я вынужден писать лишь о том, что сохранилось в моей памяти. Приходится пользоваться той литературой, к которой я

имею доступ в Нью-Йорке, таким образом я восстанавливаю пережитые мною события и портреты людей, с которыми я встречался.

Ларчмонт, Нью-Йорк, июнь 1945
Улоф Ашберг.

Детство

Я родился 22 июля 1877 г. на Малой Гласбрюксгатан[2]. Моей улицы в Стокгольме и дома, в котором я родился, уже давно нет.

Мои родители родились в России и переехали в Швецию в 1875 г. (I). Отцу тогда было 22 года, а матери 20. Позже в Швецию с женой приехал мой дядя, младший брат отца. Здесь он принял новую фамилию Аронович. Никто из них в детстве не ходил в школу, так как в то время не было школ, в которых могли бы обучаться дети-евреи. Один учитель-еврей обучил их ивриту, а всему остальному они научились самостоятельно.

Когда мне было четыре, мы жили в двухэтажном деревянном доме на Бадстюгатан. На нашем этаже размещалась также мастерская обойщика. В этой мастерской работали несколько подмастерьев и готовили на продажу матрасы и постельное белье для магазина на Большой Нюгатан, 30, где мой отец и дядя вели торговлю. Я мог часами сидеть и наблюдать за тем, как работают в мастерской.

Лето 1882 года мы провели в загородном доме Рузенхилл на острове Юргорден. Этот дом арендовал отец, и мы жили в нём вместе с семьёй моего дяди. К тому времени у меня уже было три сестры, Лина, Эстер и Ханна, и Рузенхилл с его большим садом и множеством фруктовых деревьев был настоящим раем для нас, детей.

Дела у отца шли успешно, и осенью того же года мы переехали в новый дом, принадлежавший семье Бонньер. В квартире этажом ниже нас жила вдова Арнольдсон с дочерью и сыном. Её муж был выдающимся певцом в Королевской опере в Стокгольме, но застрелился, потеряв голос. Их дочь, Сигрид, в своё время стала одной из величайших певиц, а сын Нильс, с которым мы вместе часто играли, стал известным врачом в Стокгольме. В доме Бонньеров жили также доктор Юнгрен с сыновьями, генеральный консул Редлих, и архитектор Нильссон, построивший этот дом, тоже жил в нём с семьёй. В конторе, что находилась на первом этаже дома, всегда можно было застать работающими Альберта Бонньера и его сына Карла Отто. Во дворе жила ещё одна семья, которой принадлежало швейное ателье. Младший из двух сыновей этой семьи учился в балетной школе при Королевской

[2] Шведск. букв. улица Стекольного завода.

опере, и я иногда шёл вместе с ним на занятия, чтобы увидеть жизнь театрального закулисья и поближе разглядеть декорации.

В шесть лет я пошёл в частную школу Иттербума, которая находилась невдалеке от кладбища Святой Клары. В тот период шла перестройка церкви Святой Клары, и строительный процесс меня очень увлекал. На деньги, что мне давали для завтрака, я обычно покупал спички и в перерыве шёл один на стройку, чтобы устроить из них маленький фейерверк.

Посещая школу, я не вполне осознавал необходимость в соблюдении правил поведения и не был пунктуальным. Я часто приходил с опозданием и без конца получал замечания. Однажды, опаздывая на занятия, у входа в школу я встретил директора Иттербума, он дал мне такую сильную пощёчину, что у меня потемнело в глазах и закружилась голова. Я не только постоянно опаздывал, но и не делал домашние задания, а однажды я и вовсе прогуливал школу подряд несколько дней.

Вместе со мной в этой школе учились братья Форсман. Один из них в будущем стал директором Страхового акционерного общества персонала пенсионной кассы Швеции, а другой, Аксель, адвокатом, председателем Адвокатского сообщества и членом правления «Газеты торговли и судоходства» в Гётеборге. С нами также учились братья Юсеф и Эрнст Нахмансоны. Юсеф, с которым мы позже долгое время вместе работали, стал директором «Эншильда банкен» (II). Эрнст стал профессором, преподавателем классических языков. Другой мой школьный приятель, Херман Гулльберг, стал послом Греции, с ним мы в своё время сотрудничали в мануфактурной отрасли. Сам Иттербум, директор одной из самых лучших частных школ Стокгольма, в конце концов спился и оказался в нищете. В 1896 г. он пришёл в контору, где я работал, попросил прощения за ту пощёчину и попросил одолжить ему мелкую сумму.

В 1886 г. мне наняли домашнего учителя, студента Харальда Ляйпцигера. Он готовил меня к поступлению в первый класс училища в Эстермальме. Харальд понравился мне ещё в самом начале нашего с ним знакомства. Он пытался вызвать у меня интерес ко всему, что любил сам: к театру, литературе и искусству. Со временем Харальд Ляйпцигер стал известным писателем, автором интересных театральных представлений и вслед за Эмилем Норландером был одним из самых плодовитых творцов в своей сфере. Он умер, когда ему было 50 лет, в 1916 году.

Свен Сёдерман, хороший друг Харальда, сын композитора Августа Сёдермана, стал одним из ведущих критиков литературы и искусства. Свен всегда был одним из моих лучших друзей.

Фирма отца «H. Asch & Co» процветала, у него было уже три магазина, и он стал поставщиком Его величества. Мы переехали в пригород Стокгольма, Эстермальм. На Шеппаргатан, 6, мы сняли целый этаж в доме со всеми удобствами, квартира была обставлена красивой мебелью, потолки украшали хрустальные люстры, в гостиной была повешена большая картина.

Когда лето 1886 года подошло к концу, я пошёл в первый класс школы Лагерстрёма в Эстермальме. Директор Лагерстрём был пастором и сам преподавал в школе основы христианства. Позже директор сменился и им стал доктор Карлсон, преподававший математику. На второй год я перешёл в школу в Эстермальме. Руководителем класса, в котором я учился, стал доктор Н.Г.В. Лагерстедт, известный автор учебника по природоведению.

Моим лучшим другом и одноклассником был Мартин Хольм. Он рисовал акварели с натуры, в основном виды Стокгольма, в той же манере, что и Анна Пальм. Мы часто вместе ходили в Национальный музей, чтобы полюбоваться прекрасными произведениями, такими как «Давид и Саул» Кронберга, «Эрик XIV и Катарина Монсдоттер» Розена, «Смерть героя» Форсберга, и работами Юхана Тирена, изображавшими лапландцев.

Летние месяцы были самым счастливым временем моего детства. Харальд Ляйпцигер продолжал работать у нас, и я очень привязался к нему. В одно лето, когда мне исполнилось 11 лет, наша семья жила у причала Клинтена в Скурусунде. Причал стал постоянным местом сборища мальчишек, с которыми я играл. С сёстрами мы всегда выходили к причалу, чтобы встретить папу, когда тот возвращался домой на пароме из города.

В 1888 г. в Сундсвалле и Чёпинге начались сильные пожары. В этот же год у моего отца появились крупные заказы, для выполнения которых ему пришлось открыть в Сундсвалле специальное отделение своей фирмы. Я поехал вместе с ним в Чёпинг, и стал свидетелем того, как свирепствовал пожар. Затем мы поехали в Вестерос и Энчёпинг, где отец продавал розничным торговцам пух и перо. Из Вестероса мы отправились на пароходе «Арос» домой. Так прошла моя первая дальняя поездка.

Перед моим тринадцатилетием в семью опять был приглашён мой домашний учитель Харальд Ляйпцигер.

Еврейская религия придаёт большое значение дню, когда мальчику исполняется 13 лет. В этот день он расстаётся со своим детством и становится «бармицве», что на иврите значит «сын долга». Отныне мальчик сам должен отвечать за свои поступки, в то время как до этого ответственность за его поведение несут родители. Среди гостей в день моего тринадцатилетия были раввины доктор Левисон и доктор Клайн, мой дядя Давид Аронович и Семми Кугельман, которому, будь он жив, через 36 лет было суждено стать моим тестем.

Родители Мартина Хольма, моего хорошего друга, переехали в другой пригород Стокгольма, Якоб, и он перешёл в другое училище. Мне удалось уговорить моих родителей, и меня перевели туда же. Здесь я познакомился с ребятами, с которыми в будущем мне часто приходилось сталкиваться. В нашем классе учился Карл Андерссон, через несколько лет он стал знаменитым скульптором и взял фамилию Миллес и теперь звался Карл Миллес (III). В 1941 г. в Нью-Йорке проходила выставка его работ. Тогда он побывал у меня дома и весь вечер мы вспоминали наши школьные годы.

Лето 1891 года, когда мне было уже четырнадцать, я впервые провёл в Фурусунде. От Стокгольма сюда ходил пароход, а время в пути занимало три с половиной часа. Полюбив шхеры на всю жизнь, каждый раз возвращаясь после поездок домой, я отправлялся хоть ненадолго в Фурусунд.

Фурусунд принадлежал известному торговцу антиквариатом и ювелирных изделий Христиану Хаммеру. Он был хозяином курзала, где проводили время отдыхающие, приехавшие на воды. Курзал был обставлен старинной мебелью, а на стенах висели портреты генералов и королей. Картины не имели особой ценности, но выглядели внушительно. Хаммеру принадлежал также расположенный неподалеку Малый театр, который называли Хаммеровским сараем. Около театра находи-

лось несколько отелей. Сюда на холодные и тёплые водные процедуры съезжались богатые дамы и господа. Сотни дач вокруг сдавались внаём на всё лето. В интерьерах дач и отелей также преобладали предметы старины, стены украшали картины.

В круг друзей моей старшей сестры Лины, отдыхавшей в Фурусунде, входили Герда Фрёдинг, необыкновенно красивая девушка, родственница Густава Фрёдинга, и Хенрик Зандер, сын изобретателя ортопедических гимнастических аппаратов доктора Зандера. Я встретил Хенрика в 1915 г. в Петербурге. Он работал инженером и был женат на Герде, которая жила здесь вместе с ним.

Моя деловая жизнь началась, когда мне было 15 лет. Я поступил учеником без оплаты труда на одну из фирм «Людвиг Рубенсон и Ко». Фирма принадлежала Эммануэлю Нахмансону, старому представительному оптовику. Рабочий день начинался в полдевятого и длился до 18 часов. Я должен был являться на рабочее место в полвосьмого, производить уборку помещения, затачивать карандаши для служащих, срывать листки календарей, выносить корзины с бумагой и т.д. и т.д. Затем я приступал к регистрации накладных, сотен исходящих писем, снимал с них копии, надписывал конверты, ходил на почту, телеграф, на железную дорогу, на таможню, бегал в банки и лавки всего города. Во время обеденного перерыва я должен был разнести по дороге домой счета за доставленные товары тем клиентам, мимо чьих магазинов я проходил. На обед оставалось минут десять, и я буквально хватал кусок в зубы и бежал обратно на работу, поскольку опаздывать было нельзя. Через четыре месяца такой работы меня наградили. На Рождество 1892 года мне преподнесли конверт, в котором лежало 20 новеньких крон. За это время я очень похудел и чувствовал себя разбитым, но работа у господина Нахмансона стала для меня хорошей школой, и я многому научился. К Новому году я решил покинуть это место, чтобы отправиться за границу. Я мечтал увидеть мир и чему-нибудь научиться. И хотя, работая у Нахмансона, я старался как мог, при расставании он заявил, что не очень доволен мной.

Годы учебы за границей

В марте 1893 г. я отправился на пароходе в Любек, а оттуда в Гамбург, где я остановился в шведском отеле «Кронпринсен». На следующий день я снял комнату у одного вдовца. Ему было около шестидесяти, и он был так называемым официальным переводчиком. Он преподавал мне немецкий, что входило в стоимость полного пансиона. Таким образом вопрос с жильём был улажен, и мне оставалось устроиться на работу волонтёром в какую-нибудь фирму.

У отца были деловые связи в Гамбурге, и я отправился к одному из его знакомых, изготовителю перин и подушек. Он познакомил меня с шефом фирмы «Мейерхоф и Натхорф», главная контора которой находилась в Берлине. Мне предложили работу в конторе и на складе без оплаты труда. Рабочий день длился с половины девятого до шести часов. Завтрак я должен был приносить с собой, обеденный перерыв был очень короткий.

Мне очень понравилась работа, я сумел многому научиться в новой для меня отрасли, но был вынужден через год оставить это место. Хозяин фирмы поссорился с начальником конторы, я принял сторону последнего, и меня уволили. На прощание хозяин сказал мне, что моей работой все были довольны и в главной конторе уже было решили наградить меня золотыми часами. Пришлось уйти без вознаграждения.

Живя в Гамбурге, я чувствовал себя счастливым человеком. Сюда из всех стран мира съезжалась молодёжь, чтобы изучить деловую жизнь. Я часто встречал моих соотечественников, мы заглядывали в кафе «Новак» и «Альстер», там всегда можно было взять бесплатные газеты на разных языках.

Также я общался с одним немецким предпринимателем, которого звали Франк. Он помогал своей матери вести дела в канцелярском магазине. Франк был очень музыкальным человеком и играл на скрипке в оркестровом объединении, куда я тоже часто приходил и подыгрывал ему. По воскресеньям мы ходили с ним на танцы. Франк был евреем, я не слышал о нём с той поры, когда жил в Гамбурге, но в 1938 году, незадолго до начала войны, я получил от него письмо с просьбой помочь перебраться в Швецию, откуда он мог бы отправиться в Палестину. Мне удалось помочь ему.

*

В феврале 1894 г. я собрал чемодан и отправился в Лондон. Пер Берггрен, мой хороший друг, с которым я встретился в Гамбурге, дал мне адрес пожилой вдовы, у которой он когда-то снимал недорогую комнату. Я поселился у миссис Николь и через пару дней отправился на поиски работы. Найти работу было трудно, так как в Лондоне в то время наступила безработица. Я знал, что одна гамбургская фирма по продаже зеркал и оконного стекла, поставляемых из Бельгии, Германии и Франции, открыла филиал в Лондоне, туда я и отправился. Хозяин фирмы сказал, что им требуется посыльный, и я с радостью согласился работать за шесть шиллингов в неделю. Персонал состоял всего лишь из одного человека, мистера Чарда, английского специалиста стекольного дела. Фирма занимала одну комнату, поэтому я слышал все разговоры и был в курсе всех дел.

Проработав посыльным месяц, я решился попросить у хозяина разрешения продавать товар. В ответ на мою просьбу он только рассмеялся: «Мистер Чард занимается этим уже 25 лет, знает всех клиентов, но даже он не может ничего продать. А вы, почти не зная языка и не имея представления о стекольном деле, думаете взяться за это». В итоге я уговорил хозяина, но мне не разрешили обращаться с предложениями в те крупные фирмы Лондона, которые обслуживал мистер Чард.

Мне помог сын миссис Николь. Он был закупщиком одной крупной мебельной фирмы и посоветовал обратиться к его поставщикам. Так начались мои хождения. Прошло больше месяца, и наконец я получил заказ. Хозяин был удивлён и обрадован. Прошло ещё некоторое время, и я добился большего, чем хозяин и мистер Чард вместе. Позже мистер Чард покинул фирму, и тогда все конторские дела и торговля легли на мои плечи. Хозяин переехал в Гамбург и посещал лондонскую контору примерно раз в два месяца. Моя зарплата возросла. В первый год я заработал больше 250 фунтов стерлингов, что в то время было немалыми деньгами. Но тот факт, что мне было только 17 лет, был самым большим несчастьем для меня. Поверенным в делах фирмы не мог быть человек моложе 21 года. Я выглядел старше своих лет, поэтому никому не приходило в голову интересоваться моим настоящим возрастом, но именно этого я и боялся больше всего. Единственное, что омрачало мою счастливую жизнь в Лондоне, была моя молодость.

Как я уже упомянул, все дела фирмы вёл я. Ежедневно я писал около 25 писем, регистрировал их и относил на почту, ходил по адресам десятков клиентов. Торговля шла туго, но продавать дёшево было нельзя. Я завёл дружбу с резчиками из стекольных мастерских, иногда звал их вместе выпить. Таким образом я узнавал, когда им понадобится товар, какого размера нужны будут стёкла и т.д. Оставалось только вовремя предложить клиенту нужный товар. Иногда приходилось подолгу ждать удобного момента. Временами казалось, что ничего не выйдет, но вдруг поступал хороший заказ.

Вечера я обычно проводил дома, играл на скрипке и брал уроки у одного хорошего учителя немецкого происхождения. Его звали Кройц, он был композитором. По субботам я с моими шведскими друзьями отправлялся веселиться в театр или варьете.

Всего я проработал в Лондоне два года. За это время я набрался опыта и изучил английский, немецкий и французский. Хозяин расстроился, узнав, что я решил вернуться домой в Швецию, и предложил мне должность своего компаньона, но я отказался от этого предложения.

*

Последние полгода в Лондоне я прожил в одной французской семье, что позволило мне улучшить знание языка, поэтому, прибыв в Париж, я уже довольно неплохо говорил по-французски.

Один француз, М. Герен, который тоже жил в этой семье, дал мне рекомендательное письмо к своему отцу, бывшему нотариусу. Это письмо открыло для меня двери дома не только милых родителей этого молодого человека, но и других французов. Я смог узнать, как живёт этот народ, и полюбил их родину.

По рекомендации Герена я переехал к одному пожилому парижскому профессору, жившему недалеко от Триумфальной арки. В месяц я платил ему 250 франков, находясь на полном пансионе, куда входили уроки французского.

На какое-то время в Париж приехали мой дядя Давид Аронович и его супруга. Случилось так, что они потеряли своего сына, которому было девять лет: мальчик умер от воспаления слепой кишки. Чтобы оправиться от пережитого горя, они в компании с доктором Альфредом Свенссоном, преподавателем французского из Стокгольма, отправились в Париж. Свенссон любил Францию и с охотой показывал и рассказывал о парижских достопримечательностях.

Пробыв в Париже две недели, мои дядя и тётя вернулись в Стокгольм, а Свенссон остался, и мы часто с ним куда-нибудь ходили. Он брал меня с собой на «охоту за книгами» к набережной Сены, где собирались букинисты. Его очень притягивало это место, и ему часто удавалось найти старые интересные издания. Он увлекался театром настолько, что в один и тот же день мы могли посмотреть и утреннее, и вечернее представление.

С собой у меня было рекомендательное письмо от директора «Стокгольмского торгового банка» Луиса Френкеля, и я пробовал в нескольких банках устроиться на работу, но безуспешно. Тогда я решил заняться французской литературой и прочесть всё, начиная от Мольера, Расина и Вольтера и заканчивая современными авторами.

В начале каждого месяца я получал деньги от отца и тратил их на театры и кафе. Вторую половину месяца я вёл существование без гроша в кармане. Но поскольку я жил на полном пансионе, мне не приходилось тревожиться о пропитании. В таком образе жизни были и свои плюсы. Две недели каждого месяца я был вынужден проводить дома, и у меня была возможность посвятить это время чтению. Целыми днями я лежал на спине, читал французские книги и докуривал старые окурки от сигарет.

Среди других шведов, с которыми я общался, живя в Париже, был Мауриц Филипсон. С ним я играл в домино в бульварных кафе. Позже Мауриц стал директором «Торгового банка». С моим старым школьным товарищем из Эстермальма Дэнисом Мальмбергом мы обычно катались на коньках, он так же, как и я, был фигуристом.

Снова в Стокгольме

В феврале 1896 г. я вернулся домой в Стокгольм. В Лондоне я подружился с Георгом Хаглундом, зятем Акселя Вальберга, и мы с ним вместе решили организовать своё агентство в Стокгольме. У меня уже имелись некоторые связи в английских и французских фирмах, и, таким образом, образовалась целая сеть своих агентов. Георг Хаглунд взялся вести дела нашей конторы, я же должен был предлагать клиентам товар. В Швеции мы выступали представителями фирмы по обслуживанию кафе, в которой Георг работал, живя в Лондоне.

Дело не пошло. У хозяев кафе уже были свои поставщики, и с новой фирмой, ресурсы которой были очень ограничены, они не хотели иметь дела. Я посчитал, что дальнейшее сотрудничество будет напрасным, и в итоге расстался с моим компаньоном.

Отец предложил мне продавать ткани по предварительным заказам покупателей через агентов. Я брал образцы у оптовика, и агенты показывали их покупателям в провинции. С первых же дней дело пошло хорошо. Со временем я открыл собственный магазин.

Через год я преобразовал магазин в акционерное общество, в которое вошли мои отец и дядя и которое получило название «Шведское акционерное общество по пошиву готовой одежды». Я стал исполняющим обязанности директора. Совершенно неожиданно акционерное общество стало давать хорошую прибыль. Дивиденды первого года составили 10%. К концу первого года оборот составлял 1 млн. крон, что в то время было очень большой суммой. У нас работало около 1000 торговых агентов.

В то время я жил у родителей вместе с четырьмя сёстрами. Когда мне исполнилось 19 лет, я получил королевское разрешение на прохождение первой части моей воинской службы, которую я отбыл в Королевском батальоне тылового обеспечения в Мариенберге. Поскольку я был пацифистом, служил я в качестве санитара. По вечерам разрешалось ездить в город, благодаря чему я не оставил своих дел и мог видеться с друзьями.

В 1897 г. произошло много событий. Второго февраля, после шестинедельной болезни, умерла моя мать. Я сильно любил мою маму, и её смерть оставила глубочайшие раны, которые время никогда не сможет залечить.

На лето мы переехали в Фурусунд. Там постоянно жили актёры и другие работники театра и художники. Моя старшая сестра Лина и я часто бывали в одной компании с дочерьми директора театра Августа Варберга, особенно с младшей из них, Карин. В наш круг общения входили также художник Роберт Лундберг, его жена Лоттен Селиг, Ева Хамрин и Кнут Ниблум из Драматического театра, театральный директор Аксель Коллин и многие другие.

Я был хорошим другом племянника Августа Стриндберга, Нильса Стриндберга. Последний раз я виделся с ним в отеле «Ридберг», незадолго до того, как он отправился в злосчастную арктическую экспедицию на воздушном шаре с Андре и Френкелем.

Осенью 1897 г. я покинул родительский дом, переехав в четырёхкомнатную квартиру на Банергатан, 17. Роберт Лундберг помог обставить моё новое жильё. Благодаря ему я развил художественный вкус и полюбил искусство. В том же году я начал коллекционировать живопись.

Однажды мы с Робертом в компании друзей ужинали в ресторане, и зашла речь о людях, меняющих свои имена и фамилии, что в то время было пока редкостью. И вдруг Роберт сказал: «А я считаю, что Улле должен изменить фамилию. Что это за фамилия Аш? Это же междометие какое-то». И в самом деле, подумал я, почему я должен был наследовать только фамилию моего отца. Я могу взять половину маминой фамилии, Шлоссберг, и стану Ашберг. Эта комбинация всем очень понравилась, и в тот вечер мы обмывали мою новую фамилию прекрасным старинным вином.

Квартира на Банергатан стала местом сбора моих друзей. Один из моих приятелей, доктор Давид Трёмберг, был талантливым пианистом. Он мог, находясь у меня в гостях, сидеть и целый вечер играть Шопена, Грига и Листа по памяти. В более близкий круг общения входил доктор Херман Хольмтсрём, певец и комедийный писатель, а также художник Антон Генберг, хороший друг Роберта Лундберга.

Карин Варберг, студентка школы Драматического театра, представила нам свою подругу, с которой они вместе учились, Анну-Лизу Альберг. Она была милой и одарённой девушкой, ей пророчили большое театральное будущее. Анна-Лиза, в свою очередь, была хорошей подругой Эллен Хартман, примадонны Драматического театра, и, безусловно, одной из самых выдающихся актрис нашей страны. Все мы часто катались вместе на велосипедах.

Роберт Лундберг познакомил меня с ещё одним художником, Альбертом Энгстрёмом. Мы стали хорошими друзьями, и наша дружба продлилась до его смерти в 1942 году.

17 октября 1898 г. я женился на Анне-Лизе Альберг. Наш гражданский брак был скреплен подписью бургомистра в Ратуше. В тот же день мы отправились в свадебное путешествие в Берлин, Дрезден и Вену.

Во время поездок в Германию я обратил внимание на процветающую отрасль готовой одежды. В Швеции же нельзя было найти готовую мужскую одежду, существовал лишь кое-какой пошив одежды для рабочих. Ателье предлагали грубые, бесформенные костюмы. Но, как известно, встречают по одёжке, и я задумал использовать немецкий опыт в моей стране. Вместе с отцом и оптовиком Юсефом Нахмансоном мы образовали Акционерное общество готовой одежды «Унион». Наша идея увенчалась успехом. Люди с удовольствием стали покупать готовую одежду,

так как это было практично и экономически выгодно. Костюмы, которые мы продавали, были модными и элегантными, а цены на них низкими.

Я проработал с Нахмансоном 15 лет и всегда ценил его высокие способности и стремление к ясности в ведении дел. Он был человеком, не чуждым интересов общества, и понимал, что главным ключом к развитию здорового общества являются жилищные условия, поэтому он с большой охотой содействовал моим строительным делам в Брэннщюрке. Он умер вскоре после своего пятидесятилетия. Для меня он был деятельным и благородным человеком, который ушёл слишком рано, но успел совершить в жизни много хорошего.

Вместе с банкирами Дэнисом Мальмбергом и Гуннаром Йонссоном мы основали современную фабрику по изготовлению готовой одежды и начали открывать филиалы по продажам в разных частях страны. Подобная деятельность требовала не только много времени и денег, но и согласованного единого управления. Мои компаньоны не предвидели всех сложностей, которые необходимо преодолеть при запуске такого крупного предприятия. К сожалению, я и сам не обеспечил себя контрольным пакетом акций, что позволило бы мне вести дела так, как я планировал.

В результате, я был вынужден отойти от участия в управлении производством. В результате место директора занял норвежец, толковый человек в своей области, но, на мой взгляд, слишком молодой для руководства предприятием подобного масштаба. Через короткое время фабрику пришлось закрыть. При ликвидации производства мы потеряли весь вложенный капитал. Кредиты, однако, были полностью выплачены.

В июле 1899 г. у меня родился первый ребенок, сын Стуре. Я гордился тем, что стал отцом, хотя самому мне было только 22 года. Второй сын, Рагнар, родился в 1903 г., третий, Фольке, в 1905 г.

Я хорошо помню начало нового столетия. Я стоял на площади Густава Адольфа с женой и Свеном Сёдерманом. Часы пробили двенадцать, наступил новый век. Этот момент был очень торжественным. Кто тогда мог предвидеть, что человечеству придётся пережить две мировых войны! Ещё в меньшей степени люди могли предсказать появление таких чудес, как автомобиль, самолет, радио и телевидение.

У концертмейстера Королевской оперы Ларса Зеттерквиста, с которым я познакомился летом 1889 г. и затем подружился, я брал уроки игры на скрипке.

У меня дома на Торстенсонсгатан, 6, мы собрали смычковый квартет. В квартет входил художник Юхан Тирен, играющий на альте. Тирен невероятно хотел постичь тайну итальянских мастеров, чьи скрипки обладали той красотой звука, которую никто впоследствии не мог повторить. Брат Зеттерквиста Калле и его друг Эльберг также участвовали в квартете. Поочередно в нашем квартете играли выдающиеся виолончелисты Королевской оперы Фредрик Трубэк и Линде. Я восхищался тем, насколько кристально чистым был звук при игре Зеттерквиста (IV). Я подталкивал его к тому, чтобы он начал выступать за границей и приобрёл тем самым известность. Однажды мне удалось подготовить всё для его выступления в Берлине, но в самую последнюю минуту застенчивый Зеттерквист отказался.

Я строю жилые дома в Брэннщюрке

Когда я вышел из «Акционерного общества готовой одежды», меня всерьёз заинтересовали вопросы жилищного строительства. В начале века в Стокгольме ощущалась острая нехватка жилья. Особенно страдали от этого многодетные семьи. Меня привлекала идея строительства нового жилья для рабочих в пригородах. В то время в пригородах Стокгольма располагались в основном виллы зажиточного слоя общества. Появлялись и рабочие посёлки, которые, однако, были неблагоустроенны. Там не было газа, водопровода и канализации, словом, людям приходилось жить в антисанитарных условиях.

В 1905 г. я задумал начать строительство жилья в Брэннщюрке. Через пару лет вместе с группой заинтересованных лиц я организовал «Телюсборгское акционерное общество по недвижимости», которое для этой цели купило поместье Телюсборг. Исполнительным директором стал Перси Тамм. Был разработан проект посёлка, проложена дороги, началось автобусное движение, были проведены вода, газ и электричество. Появились современные жилые дома с большими солнечными комнатами. Были разбиты детские площадки, высажены деревья. Некоторые дома были рассчитаны только на одну семью. Дома строились вокруг прекрасного парка, в котором была поставлена скульптура Карла Андерссона, изображавшая персонажа из сказки.

Я и мой отец незадолго до этого купили поместье Эрбю в Брэннщюрке. Для того чтобы начать строительство домов для рабочих в поместье, мы организовали «Акционерное общество Эрбю» и наняли архитектора Халльмана для разработки проекта. Когда проект уже был готов и были размечены участки, городские власти неожиданно приняли решение о запрете строительных работ в поместье. Мы израсходовали все деньги, потраченные на подготовку строительства. С тех пор прошло 40 лет, но жилищный вопрос в Эрбю до сих пор не решён.

*

Я вырос вместе с моим двоюродным братом Мартином Ароновичем. Он был на три года меня младше, и мы были близки словно родные братья. То же касается моих сестёр и сестёр Мартина, все вместе мы были словно одна семья. Мартин

следовал за мной во многих делах. Так же, как и я, он был фигуристом и начал свою предпринимательскую деятельность в Гамбурге в фирме, на которую я работал, живя в Лондоне. Вернувшись в Стокгольм, он начал работать в банковской фирме отца, но вскоре уже самостоятельно вёл дела на бирже. Подобно мне, он интересовался искусством и стал крупным коллекционером. Впоследствии он стал владельцем одного из лучших антикварных магазинов в Стокгольме.

Мартин женился на Ирме Таубе, дочке графа Карла Эверта Тауба (V). На берегу Мэларена он приобрёл прекрасное имение Каггехольм, которое отремонтировал и обставил с большим вкусом.

Последний раз мы встретились в 1939 году, когда я вернулся домой из Парижа. Вместе с сыном Рагнаром я навестил его в квартире на Шеппсбрун, 8. Тогда Мартину нездоровилось, и он попросил меня зайти к нему.

Грёндаль

Мой отец и я приобрели незастроенный район под названием Грёндаль в обмен на недвижимость на Биргер Ярлсгатан, 25. Позднее от биржевого маклера Вретхольма нам поступило предложение продать Грёндаль. Наличных денег мы не получили бы, но покупатель казался надёжным. Предложенная цена была не очень привлекательной, но тем не менее мы приняли предложение.

Покупателем стал граф Карл Бонде. Он застроил часть участков в Грёндале, но через несколько лет граф устал от ведения дел, и тогда был образован консорциум, который взял строительство на себя.

Большое поместье Хегерстен в Брэннщюрке с кирпичным заводом принадлежало фирме «Ольсон и Русенлунд», которая активно развивала там лесную промышленность и строительство.

В самом начале мы запустили автобусное движение, но оно не решило транспортного вопроса по причине всё увеличивающегося населения. Следовательно, мы взяли инициативу в свои руки и образовали транспортное акционерное общество «Сёдра Фёштадсбанан». С его помощью должно было быть открыто трамвайное движение, связывающее Слюссен с районами Мидсоммаркрансен, Теллюсборг, Аспюдден, Хэгерстен и Фридхем.

В общество вошли разные заинтересованные персоны. В правлении участвовали главный бухгалтер Эдстрём, инженер Перси Тамм, я, директор Густав Свенссон, оптовики Ольсон и Рузенлунд, типограф Г. Вальфрид Вильгельмсон. С этими людьми было приятно работать. Первый трамвайный путь, связывающий районы Стокгольма, стал большим шагом в развитии нашего общества.

Наша строительная деятельность шла полным ходом. Мы смогли помочь многим малоимущим гражданам улучшить жилищные условия.

Связь с рабочим движением

Между предпринимателями и рабочими отрасли производства готовой мужской одежды стали возникать споры из-за требования последних о повышении заработной платы (VI). Под руководством доверенного лица Андреассона они были хорошо организованы. У предпринимателей же не было своей организации (VII). По моей инициативе было проведено собрание, на котором предприниматели решили образовать собственное «Объединение организаторов производства готовой мужской одежды». Я занял пост председателя объединения, Пауль И. Бергстрем стал моим заместителем. Мы вошли в Союз предпринимателей Швеции, где полномочным представителем нашего объединения избрали меня.

Уже на первых переговорах с рабочими я заметил, насколько толковыми были наши противники. Переговоры велись в дружеской атмосфере. Андреассон обладал прекрасным чувством юмора, было просто очень интересно его слушать. Нам сильно содействовал представитель Союза предпринимателей Швеции, но мы могли прийти к согласию с рабочими только внутри нашего объединения. Союз предпринимателей, в свою очередь, занимался рассмотрением принципиальных вопросов, решением крупных проблем и регулированием отношений с рабочими организациями.

В здании риксдага состоялась встреча представителей Союза предпринимателей под руководством Яльмара фон Сюдов и Центрального объединения профсоюзов под руководством Хермана Линдквиста (VIII). В завершении той встречи соглашение не было достигнуто. 26 июля 1909 г. был объявлен локаут, было уволено 53 000 рабочих, а 2 августа ещё 29 000. 4 августа рабочие объявили всеобщую стачку, в которой приняло участие 280 000 человек.

Летом 1911 года я отдыхал с семьёй в Нюнэсе. В один воскресный день в Народном доме Нюнэса с докладом о рабочем классе выступал Хинке Бергегрен (IX). Мне очень понравился его доклад, но я вдруг почувствовал, что нашей предпринимательской деятельности, да и обществу в целом, грозит некая опасность. На другой день я отправился к Яльмару фон Сюдов в Союз предпринимателей. Я рассказал о докладе и о возникших у меня опасениях и попросил его принять ответные

меры. Фон Сюдов предложил провести дискуссию в Союзе, а начать ее поручил мне, дав время для того, чтобы хорошо подготовиться к выступлению.

Я начал поиск книг по социально-политическим и экономическим вопросам. Мною были прочитаны труды Маркса, Энгельса и Вернера Вомбарта. Чем больше я читал, тем яснее понимал, насколько сложной была эта тема, но в то же время новые перспективы всё сильнее увлекали меня. Я читал о том, что было близко моему сердцу. Я и прежде всей душой стремился к улучшению социальной жизни, но делал это интуитивно, не осознавая общей взаимозависимости. Я пришёл к пониманию того, что политика работодателей несостоятельна. Акция, предпринятая мной против Хинке Бергегрена, сыграла в моей жизни более важную роль, чем я предполагал.

Мне стало ясно, что между работодателем и рабочим существует теснейшая связь. Повышение покупательной способности рабочего и уровня его жизни приносит пользу не только собственно рабочему, но и работодателю, а также приводит к процветанию общества в целом. Я пришёл к выводу о том, что необходимо всеми силами поддерживать требования рабочих о повышении зарплаты.

Экономическую политику следовало повернуть в сторону простых людей и рабочих, с тем, чтобы их собственные сбережения использовались в их же интересах. Но если мы улучшим положение рабочих в нашей стране, увеличив им зарплату, то повысятся и цены на продукцию, ослабнет наша конкурентоспособность на мировом рынке. Исходя из этого, следует развивать сотрудничество рабочих всех стран во имя общих интересов. В международном рабочем движении я увидел ту силу, которая смогла бы уничтожить социальную несправедливость во всём мире и создать приемлемые условия жизни для всего человечества.

Разобравшись в существующей ситуации, я объявил Яльмару фон Сюдов, что далее не могу оставаться в Союзе предпринимателей. Оправившись от изумления, он выразил уверенность в том, что мне не удастся сработаться с представителями рабочего движения.

Мой приятель, социал-демократ Вальфрид Вильхельмсон, познакомил меня с редактором газеты «Социал-демократен» Г. Герхардом Магнуссоном (X). Я изложил ему свои идеи относительно создания банка для рабочих и простых граждан, в котором они могли бы хранить свои сбережения, а в дальнейшем использовать их в собственных интересах. Магнуссона заинтересовали мои планы, и он выразил готовность сделать всё для их осуществления. Он познакомил меня с Яльмаром Брантингом, председателем Центрального объединения профсоюзов Швеции Херманом Линдквистом и членом риксдага А.Е. Кристьернсоном (XI). Они отнеслись ко мне с большой подозрительностью. Я поведал им историю моего преображения, заявил, что моё место в их рядах, и изложил свои планы. Брантинг выслушал меня с интересом, сказал, что приветствует мои начинания, но предупредил о необходимости иметь в запасе немалые силы и упорство для их осуществления. Херман Линдквист выразил надежду на то, что реализация моих планов принесёт людям пользу. Эта встреча проходила в открытой и дружеской обстановке. Я чувствовал, как закладываются основы сотрудничества и появляется доверие ко мне. В тот момент я решил, что никогда не изменю общему делу. Так возникла наша дружба, которая длилась до конца дней Брантинга и Линдквиста.

Для дальнейшего изучения и разработки моего плана мы договорились с Герхардом Магнуссоном съездить в Германию, Голландию, Англию и Францию. В поездке также принимал участие директор Густав Свенссон. Путешествуя по этим странам и встречаясь с ведущими представителями финансового мира и международного рабочего движения, мы почерпнули многое для себя.

В 1912 г. для обсуждения банковского вопроса я пригласил на собрание во дворец Эрбю в Брэннщюрке представителей рабочего движения. Сюда входили политические, профсоюзные, кооперативные группы, больничные кассы и Народный дом. Было решено обратиться к Его Величеству с просьбой о предоставлении концессии для образования банка, учрежденного 12 мая 1912 г. Учредительный акт был подписан следующими лицами:

Улоф Ашберг, директор, Стокгольм;

Г.В. Даль, председатель Союза кооператоров, Стокгольм;

Адольф Молин, член риксдага, Сёдерщелье;

Свен Персон, редактор, член риксдага, Норрчёпинг;

И.Е. Берглунд, кассир, член риксдага, Стокгольм;

Роберт Экман, директор типографии, член городского муниципалитета, Стокгольм;

Ингве Ларссон, лиценциат философии, Стокгольм,

К.Г. Рослинг, второй председатель Союза кооператоров, Стокгольм;

Н.П. Ольссон, мастер, член городского муниципалитета, Стокгольм;

Густав Свенссон, директор, Стокгольм;

С.П. Видегрен, кассир Профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности, член городского муниципалитета, Стокгольм;

А.И. Кристьернсон, редактор, член риксдага, Хельсингборг;

Отто Йэрте, служащий Коммерческой коллегии, член городского муниципалитета, Стокгольм;

К. Герхард Магнуссон, редактор, член городского муниципалитета, Стокгольм;

А.П. Спарринг, кассир Профсоюза металлургов, Стокгольм;

Нильс Перссон, член риксдага, Мальмё;

Андерс Эрне, член городского муниципалитета Стокгольм.

Было поставлено, что акционерный капитал составит минимум 1 млн. крон, максимум 2 млн. В правление банка вошли:

председатель — Херман Линдквист;

исполняющий обязанности директора — Улоф Ашберг;

заместитель исполняющего обязанности директора — Герхард Магнуссон;

директор кассы — Густав Свенссон.

Прочие члены правления: А.И. Кристьернсон; А.П. Спарринг, главный врач Карл Сунделиус; а также заместители: книгоиздатель Тур Бонньер, служащий Отто Йэрте, лиценциат философии Ингве Ларссон; члены ревизионной комиссии: профессор Хельге Бэкстрём и член риксдага Бернхард Эрикссон.

Первую банковскую контору мы открыли на углу Лилла Нюгатан и Корнхамнсторг. Между тем я приобрёл здание на Васагатан, 6, в котором, после его перестройки, должна была находиться главная контора банка. Я совершил поездку по некоторым местам сельской местности, рассказывая местным жителям о банков-

ских проектах. В Эскильстуне я впервые встретился с редактором Эмилем Свенссоном, ставшим впоследствии министром торговли. В Сундсвалле я познакомился с Туре Нерманом, тогда он был редактором «Нюа Самхэллет» (XII).

С самого начала наши дела пошли очень хорошо, росло число клиентов, одним хотелось вкладывать деньги, другим нужно было брать денег взаймы. Мы не могли существовать за счёт разницы между поступлением и выдачей денег, тем более что мы не хотели поднимать ренту за заём выше 6%. Мы не могли также взимать с малоимущих дополнительные комиссионные и плату за делопроизводство, как это делают небольшие банки и ломбарды, поскольку мы как раз собирались помогать им.

Для того чтобы наше дело приносило людям пользу, мы решили зарабатывать деньги другим способом. Наряду с регулярной банковской работой, мы занялись различными сделками, что дало нам возможность покрывать расходы и быть в состоянии выплачивать владельцам акций банка солидные дивиденды. Наш метод вызвал нарекания как со стороны банковской инспекции, так и со стороны конкурентов, особенно тех, которые сами хотели воплотить эту идею в жизнь.

С представителями банковской инспекции у меня бывали серьёзные стычки, поскольку они не желали отказываться от своего рутинного отношения к делу, и мне приходилось искать другой выход из положения. Однажды такой инспектор во время ревизии обратил внимание на заём, в обеспечение которого были приняты две трети оценочной стоимости недвижимости. Речь шла о полупустом доме в Теллюсборге. Инспектор потребовал включить в оценочную стоимость только сданную внаём часть дома, приносящую доход, а пустующую половину не принимать во внимание.

Я был уверен, что «Новый банк» разрастётся, но на это требовалось время. Мы заложили фундамент учреждения, с которым в будущем придётся считаться не только в Швеции, но и на мировом рынке.

Чтобы укрепить связь банка с рабочим движением, я подарил акции на сумму 100 000 крон Северному Народному дому и на сумму 10 000 крон Южному Народному дому. Тяжёлым было положение Народного дома на Барнхюсгатан. Чтобы помочь им, банк выпустил в пользу Народного дома облигации на сумму 250 000 крон.

Мне казалось, что отсутствие переведённых на шведский язык учений Маркса было большим упущением. Поэтому я передал руководству Социал-демократической партии 6000 крон для издания сокращённого варианта основ марксистского учения на шведском языке. Рикарду Сандлеру было дано задание кратко и доступно изложить теорию Маркса. Выпуском этой работы занялось издательство «Тиден» (XIII).

Говорящее кино Эдисона

В 1913 г. «Новый банк» взял на себя финансирование первого звукового фильма, говорящего кино Эдисона. Этот фильм был закуплен для Скандинавии и Исландии людьми из близкого окружения банка. Для внедрения и эксплуатации нового изобретения в Стокгольме было создано акционерное общество «Кинетофон». Контракт был заключён с представителями Эдисона в Вене. Директором шведского отделения общества стал Юн Лённегрен, редактор газеты «Свенска Дагбладет» (XIV). Фильм демонстрировался в Стокгольме в театре Оскара и был принят публикой неравнозначно. Одним фильм понравился, другие отнеслись к нему скептически. Это была первая попытка показа звукового фильма в Швеции. Чтобы обсудить лично с Эдисоном проблемы эксплуатации нового изобретения и планы на будущее, я отправился в Америку на недавно спущенном на воду немецком пароходе «Фатерланд» водоизмещением 58 000 тонн. Пароход совершал свой второй рейс из Гамбурга в Нью-Йорк.

Глава фирмы Эдисон, господин Уилсон, встретил меня и представил великому изобретателю Томасу Эдисону. Эдисон пользовался слуховой трубкой. Это был очень симпатичный и мягкий человек. Глядя в его добрые глаза, становилось очевидным, как был прав господин Уилсон, утверждая, что если бы Эдисон сам мог вести свои дела, то он разорился бы в пух и прах, так велико в нём было желание всем помочь. Он двигался по огромному залу лаборатории, в углу которого стояла простая железная кровать. Когда мы заговорили о Швеции, в которой он никогда не бывал, но слышал, что это горная страна, он стал показывать жестами, какие там высокие горы, и выразил радость по поводу предстоящего сотрудничества со шведами. Он сказал, что они ему нравятся, «ведь они все республиканцы». В Соединённых Штатах же все республиканцы были людьми консервативного толка. Вскоре после моего возвращения домой разразилась мировая война, и звуковое кино было забыто.

«Радиус»

Одним из мероприятий «Нового банка» был запуск завода «Радиус» по изготовлению керосинок в городе Теллюсборге. В мастерских «Примуса» был объявлен локаут. Доверенное лицо профсоюза рабочих-металлистов И.Т. Юхансон обратился ко мне за советом. Я предложил рабочим открыть свой завод по изготовлению керосинок, таким образом конфликт мог быть решён. Мы организовали акционерное общество, удалось собрать 500 000 крон. Профсоюз рабочих-металлистов внёс 100 000 крон, остальную часть внесли член Верховного суда Эрик Лундберг, сын известного строителя Лундберга, книгоиздатель Тур Бонньер, я и некоторые другие лица. Юхансон оставил пост доверенного лица и стал исполняющим обязанности директора предприятия, Эрик Лундберг стал председателем правления. Благодаря организаторским способностям Юхансона, предприятие с первых же дней начало успешно работать. Рабочие с достоинством вышли из конфликта с фирмой «Примус». Через несколько лет они продали свои акции, так же поступил и я. «Радиус» существует и по сей день, им руководит Юхансон, которому принадлежит крупный пакет акций этого общества, пользующегося уважением общественности.

Фабрика по изготовлению пианино

Другим предприятием, в образовании которого принимал участие «Новый банк», была фабрика по изготовлению пианино. Я спросил Хермана Линдквиста, не хотел ли он занять пост председателя нового предприятия. Тот с радостью согласился, поскольку сам по специальности был мебельщиком и очень любил столярное дело. Мы образовали акционерное общество с капиталом 500 000 крон. Половину этой суммы внесла Скандинавская эмиссионная компания, директором которой был Бруцелиус из Хельсингборга. Крупная современная фабрика начала работать. Продукция была первоклассной, но по причине плохо организованной торговли экономические результаты были неудовлетворительными. Мы были вынуждены закрыть предприятие. Позже Херман Линдквист сказал мне: «Молю Бога, чтобы он не дал мне стать работодателем снова!»

Деревообрабатывающая фабрика Экстранда

У столяра Экстранда была мастерская по производству гимнастических снарядов, которая славилась на весь мир. Мастер был уже стар и хотел отойти от дел. Люди, много лет проработавшие вместе с ним, стали высококлассными специалистами. Они обратились за помощью к Герхарду Магнуссону, известному человеку в спортивных кругах. Образовалось акционерное общество, акции которого принадлежали рабочим. Экстранд пообещал не оставлять без внимания новое предприятие и быть в курсе его дел. В Теллюсборге была построена фабрика с просторными помещениями и современным оборудованием. Магнуссон стал председателем правления. Сохраняя традиции, фабрика начала успешно работать. Для изготовления спортивного оборудования использовались особые сорта дерева, которое ещё до обработки сушилось в течение нескольких лет. Когда смотришь на простые спортивные снаряды, трудно представить, что для их создания требуются колоссальный опыт и сложная техника, но именно они стали залогом особой популярности шведского спортивного оборудования во всём мире.

Скандинавское акционерное общество «Авиатика»

Барон Карл Цедерстрём предложил мне создать акционерное общество по производству самолётов. В одном из цехов завода в Сёдерщелье, руководителем которого был барон Цедерстрём, строили самолёты. Но ему захотелось иметь настоящий завод. Дело было, с моей точки зрения, важным и перспективным. В течение первых лет нельзя было рассчитывать на прибыль, но важно было хотя бы открыть такое предприятие и начать накапливать опыт. Покупатель был только один — шведское государство. Цедерстрём был старым другом полковника Амундсона, возглавлявшего шведскую авиацию. Было образовано Скандинавское акционерное общество «Авиатика», исполняющим обязанности директора в нём стал Цедерстрём. Его сотрудниками стали инженер Фьельбек и капитан Крокстедт, лучший лётчик Швеции. О Крокстедте барон сказал однажды так: «Я бросаю летать, счастливо преодолев все опасности. Единственно, чего я ещё хотел бы, это одолеть самого Крокстедта». Завод был построен в Теллюсборге. Поступали заказы от армии, и они успешно исполнялись. Мы могли спокойно существовать.

Однажды мне позвонил Кале Цедерстрём (так мы ласково называли барона Карла): «Слушай, нужно помочь Альберту Энгстрёму, он устал и совсем плох». Цедерстрём и Энгстрём давно дружили. Про них рассказывали всякие забавные истории, особенно о выходках Цедерстрёма в молодости. Кале вёл хозяйство в имении Брюнн. И вот он однажды пригласил к себе на выходные Альберта. «И знаешь, сколько он у меня прожил?» — спрашивал он. «Не-ет? Семь лет!» Как-то они возвращались из Копенгагена, куда ездили «погулять», и вдруг на таможне в Мальмё Альберта остановили таможенники и тщательно обыскали. Во время обыска неподалёку стоял Калле и хохотал. Это он шепнул таможеннику, что подозревает эту личность в провозе спиртного.

Теперь Цедерстрём хотел, чтобы Альберт немного пожил у меня в деревне. Я ему сказал, что завтра уезжаю в Америку, но, если Альберт захочет, я могу прихватить его с собой. В то время для въезда в Америку в качестве туриста не требовалось никаких формальностей. Мы решили, что Альберт поедет со мной, и на следующий день вечером, это было 19 июля 1916 г., мы отправились в путь на борту парохода «Бергенсфьорд».

С нами был мой секретарь Курт Пальм, бывший служащий «Скандинавского банка», директором которого был его отец. Пальм остался в Америке, и я встретился с ним в Нью-Йорке в 1941 г., это был уже 60-летний мужчина, сотрудник Шведской торговой палаты в Нью-Йорке.

Было решено, что на пароходе Альберт займётся своим здоровьем. Он не притрагивался к спиртному и рано ложился спать. Мы с ним вели долгие дискуссии о смысле жизни. Иногда Альберт писал или рисовал карикатуры. Мы остановились в гостинице «Балтимор» и после обеда отправились на Таймс-сквер, чтобы взглянуть на жизнь Бродвея. Возвращаясь в номер, мы договорились пораньше лечь спать. У входа в отель мы столкнулись с директором Экспортного объединения Юном Хаммаром, который был в Нью-Йорке по делам. Мы немного поговорили, и я предложил разойтись по комнатам. «Позволь мне задержаться с Юном на пять минут», — сказал Альберт. Я же отправился спать.

На следующий день я пошёл к Альберту справиться о его самочувствии. На мой стук в дверь никто не ответил. Решив, что он ещё спит, я вернулся в свой номер. Через некоторое время я опять подошёл к двери, но снова не было ответа. Тогда я попытался открыть дверь, она оказалась незапертой. Постель была нетронутой. Подумав, что с Альбертом случилось несчастье, я поспешил к портье с просьбой сообщить обо всём полиции. И тут внезапно появился Альберт, по его виду я сразу сообразил, что он уже больше не трезвенник. Я проводил его в комнату, он тут же плюхнулся на кровать и моментально заснул. Прошло несколько дней, и однажды, гуляя по Бродвею, за рулём одного такси мы увидели белозубого негра, который улыбался во весь рот и подавал нам какие-то знаки, как будто он увидел близких знакомых. Альберт с радостью бросился к нему как к старому другу. Потом он рассказал мне, что именно с этим негром они дебоширили всю ту ночь, когда его комната пустовала. Теперь этот негр предлагал покатать Альберта по Нью-Йорку.

У Альберта постоянно брали интервью журналисты ежедневных газет. Однажды ему предложили написать портрет одной американки. Портрет получился не очень лестным, так как он увидел в ней только лишь хорошо откормленную натуру. Небоскрёбы, напротив, казались ему художественными и архитектурными произведениями. Он встречался со многими шведами из шведской колонии, среди которых были доктор Юханнем Ховинг и его жена фру Хельга, бывшая примадонна Королевского драматического театра в Стокгольме, Чарльз Юхансен редактор шведской газеты «Нурдшернан», оперная певица Юлия Клауссен и другие. Мы частенько проводили время и с моими друзьями из «Кворенти траст», и Альберт набрасывал их портреты. Альберт окреп, но через несколько месяцев после возвращения домой заболел — воспалилась слепая кишка, и его поместили в больницу Саббатсберга. Состояние его было тяжёлым, но он был физически сильным человеком, и всё хорошо обошлось.

В один прекрасный день 1918 года ко мне «по важному делу» явился Цедерстрём. «Акционерному обществу» представился случай сорвать крупный куш. У него побывал представитель финского правительства и пригласил его в Гельсингфорс для обсуждения заказов на строительство самолётов. В Финляндии шла гражданская война. Поэтому я отказался от участия в этой сделке, так как она могла привести лишь к всевозможным осложнениям. Наше дело — продолжать постав-

ки шведскому государству, и если мы в начале не так уж много на этом зарабатывали, то хотя бы всё время держались на плаву. Цедерстрём не сдавался и настаивал на поставках в Финляндию. Я категорически от этого отказывался, и, так как наши мнения разошлись, я решил уйти из «Акционерного общества». Цедерстрём предложил 150% за мои акции, на что я согласился, однако предвидел в будущем процветание акционерного общества без финской сделки.

Вместе с Кроксдетом Цедерстрём отправился в Фурусунд, откуда 29 июня 1918 г. они поднялись на самолёте, чтобы лететь в Финляндию. Нужно было подписать контракт на поставки самолётов. Но они не долетели до места: самолёт разбился. Цедерстрёма нашли у маяка Чёрного клуба. Тело было без повреждений, отсутствовала некоторая часть одежды. Кроксдетт так и не был найден. Обломки самолёта были обнаружены в разных местах. В тот день была великолепная погода, им нужно было пролететь очень короткое расстояние. Причину несчастного случая так и не выяснили.

Последним напоминанием о склонности барона к розыгрышам стала книга моего друга Жана Жанссона «Рассказы старого золотых дел мастера». Золотых дел мастер самым серьёзным образом рассказывал следующее: «Однажды по дороге в город я встретился с Калле. Мне сразу бросилось в глаза, что вид у него был не такой весёлый в тот день. Он был чем-то удручён и озабочен, что с Калле случалось редко. “Что случилось, дружище? — спросил я. — Ты такой мрачный, просто сердце сжимается”. — “Чёртово настроение”, — пробормотал Калле, употребив привычное для него словечко. Тут было что-то не так. “Давай рассказывай!” — “Я взялся выполнить поручение Улле Ашберга, совершенно законное, но требуется срочная выплата, а Улле не хочет связываться с банком, это дело затянется надолго. А мне, Жан, не больно-то хочется лететь с пятью тысячами в кармане”. — “Откажись тогда”. — “Не могу. Дал обещание. И потом, Улле отличный парень, помогал, когда это было нужно”. Калле посмотрел, сощурившись, на гладкую поверхность воды Мэларена. Вдруг его лицо просияло: “Слушай, Жан, ты привык иметь дело с большими деньгами. Лети вместо меня. Кроксдетт тебя переправит, он не подведёт. Соглашайся, Жан”. Но я не согласился. Такое доверие было лестным, но у меня были дела поважнее, чем полёты в качестве postillion de la monnaie Ашберга. И вот Цедерстрём и Кроксдетт ранним утром отправились из Фурусунда в свой последний полёт».

Страховое общество «Фолькет»

В течение ряда лет вялой страховой деятельностью кооперативов руководил Карл Бэкмарк. Время предъявляло новые требования, встал вопрос об активизации изменённых форм страхования. В «Новом банке» под председательством барона Эрика Пальмстьерна состоялось заседание, посвящённое этой проблеме (XV). После заседания он сказал мне: «Наш план неосуществим, это мертворождённое дитя». Я ответил, что всё будет в порядке, так как за дело берётся «Новый банк». Новое страховое общество располагалось в доме на Васагатан, 6. Банк представил Страховой инспекции гарантийное обязательство на 120 000 крон. Страховое общество возглавили директор Лофтман, служивший ранее в Страховом обществе Туле (XVI), и директор Бэкмарк. Через несколько лет гарантийные обязательства принял на себя Профсоюз кооперативов. Под руководством Карла Эриксона, который пришёл на смену Бэкмарку и Лофтману, страховое общество «Фолькет» стало одним из самых значительных в стране и теперь располагается в собственном здании на Кунгсгатан.

В противовес газетам «Нюа Даглит Аллеханда» и «Афтонбладет» (XVII) в Стокгольме стала выходить радикальная ежедневная газета «Афтонтиднинген» при поддержке книгоиздателя Карла Отто Бонньера и профессора Хельге Бэкстрёма (XVIII). Однажды главный редактор этой газеты Вальфрид Спонгберг попросил меня, как человека известного своим радикализмом, оказать газете материальную помощь. Я обсудил это с Бонньером и Бэкстрёмом и решил передать газете 100 000 крон. Но в то время радикальные идеи не пользовались особой популярностью, газета была закрыта, а я потерял деньги.

Яльмар Брантинг не умел отказывать людям, когда к нему обращались за помощью. Его втягивали в бесконечные долговые сделки. Это отнимало много времени и мешало ему работать. Долговые обязательства и векселя поступали в банк сплошным потоком. Ежедневно пускались в оборот новые векселя и займы. Чтобы навести в этом деле порядок, мы скупили все эти векселя и долговые обязательства и свели их в один общий заём. Сумма долга Брантинга составила 12 000 крон. Ему принадлежала усадьба на Норртулльсгатан, 3, доставшаяся в наследство от отца.

Усадьба находилась в заповедной зоне и не подлежала продаже, отдать её под залог можно было только с Высочайшего позволения. Чтобы повысить доход от собственности, необходимо было модернизировать дом и надстроить три этажа. Когда на это было получено разрешение от Его Величества, «Новый банк» выдал аккредитив на строительные работы. Дом был перестроен. И тут оказалось, что не так-то легко сдать его внаём. Люди не хотели снимать квартиры в «доме социалиста Брантинга». От Анны Брантинг я принял предложение снять один этаж.

Датские социал-демократы проявляли живой интерес к «Новому банку» и его деятельности. Меня пригласили в Копенгаген и попросили сделать доклад о банковских проблемах для функционеров датской Социал-демократической партии. Глава партии Стаунинг встретил меня у трапа парохода, когда я прибыл в столицу Дании (XIX). Мой доклад был принят с одобрением. За докладом последовала дискуссия. Вечером был устроен приём в гостинице «Бристол», на котором присутствовали Стаунинг, Боргбьерг, Хансен, Нина Банг и другие руководители рабочего движения Дании. Настроение у всех было отличным, датский характер проявлялся в юморе выступавших на вечере. На другой день я осмотрел кооперативные строительные предприятия и мастерские. Вскоре датские рабочие открыли свой собственный банк.

Общие собрания в «Новом банке» проходили особенно оживлённо, когда образовывалась оппозиция его правлению. Всегда находились люди, которым отказывали в займе, и люди, которым по политическим или другим соображениям хотелось бы нанести вред банку. Приобретение одной акции не составляло труда, и это давало право выступить на общем собрании.

Помню выступление на одном из собраний председателя уездного суда Эрика Берглунда, известного члена Союза выборщиков, хорошего юриста и приятного человека, с которым мне приходилось встречаться. Но когда при нём заходила речь об общественных реформах, в глазах у него темнело. За день до общего собрания он стал обладателем одной акции. Он жёстко критиковал руководство банка и исполняющего обязанности директора за нездоровые сделки и выступал в роли горячего защитника интересов простых людей. Меня поразило, что именно он печётся о защите владельцев мелких акций. Я сказал ему: «Что касается нездоровых сделок, особенно при покупке недвижимости, против которых выступает господин Берглунд, я должен напомнить ему об одном случае, когда я, купив у него пригородный посёлок Грёндаль, тут же был вынужден приступить к строительству канализации, так как полное её отсутствие могло нанести вред здоровью не только жителям Грёндаля, но и Стокгольма. Господин Берглунд должен согласиться, что такую сделку нельзя считать нездоровой». После этого мой друг Берглунд больше не появлялся на общих собраниях.

Нас так же не любили в других банках. Характерной была одна история. В «Торговый банк» обратился человек с чеком из «Нового банка». Кассир заявил, что они не принимают чеков подобного банка. Человек ушёл и через некоторое время вернулся с пачкой денег: «Не примите ли вы их?» — «А почему нет?» — «Но ведь они тоже из “Нового банка”».

После общих собраний я обычно приглашал на ужин членов правления. Эти вечера пользовались успехом. Особое настроение создавалось выступлением хора

рабочих Стокгольма, руководителем которого был Пауль Магнуссон, а дирижёром Аксель Нюландер, контролёр таможни. Песни рабочих мне очень нравились, я высоко ценил Пауля и его хористов. В 1913 г. я помог им организовать выступления в Дании и Германии. Каждая встреча с хором была для меня настоящим праздником, я никогда не забуду наши вечера на Фьедерхольмана, Мосебакке и в Стальмэстарегорден. Когда Союзу хористов исполнилось 50 лет, меня пригласили на юбилейную встречу в Ратушу, и я был одним из тех, кто получил нагрудный знак Союза, выполненный из золота. Это единственный знак отличия, которым я обладаю, и я очень его ценю.

Оказалось, что за те пять лет моего руководства «Новый банк» стал одним из самых известных за границей шведских банков. Было приятно осознавать себя частью небольшой нейтральной и уважаемой нации, сумевшей объединить экономические интересы различных государств и отдельных групп людей, не пробудив в них зависти к себе.

Начало Первой мировой войны

Мировая война началась 1 августа 1914 года[1]. Почувствовалась она и в «Новом банке». Тысячи иностранцев, возвращаясь домой из Германии, Англии, Франции, Бельгии, Голландии и т.д. в Россию, Финляндию, Прибалтийские провинции и наоборот, являлись в банк, чтобы обменять деньги, продать чеки «Американ экспресс»[2] или получить деньги по аккредитивам. Помочь всем этим людям было нелегко: не хватало персонала. Но мы делали всё, чтобы оказать им необходимые услуги. Многие деловые люди оставались в Швеции, так как в нейтральной стране можно совершать сделки с обеими воюющими сторонами. В Стокгольме развили активную деятельность люди, у которых прежде были крупные дела в России и Прибалтике. Они становились клиентами банка. Его иностранный отдел постоянно расширялся.

Я часто бывал за границей, особенно в России, и видел, какие широкие возможности может предоставить эта страна нашей торговле и промышленности. Ещё до войны у меня появились там надёжные связи, теперь они могли мне пригодиться.

Очень важную роль во время войны играла русская пограничная станция Белоостров, примерно в часе езды от Петрограда. Здесь производился тщательный досмотр любого багажа и личный обыск. Внимательно изучались паспорта и другие бумаги выезжающих и въезжающих. Чтобы успешно вести дела в царской России, нужно было иметь хорошие связи с пограничными властями.

Говоря о взятках и подкупах в старой России, не следует забывать, что жалованье тамошних чиновников было таким низким, что его едва хватало на жизнь. Поэтому они использовали своё служебное положение для оказания платных услуг. Взятки, разумеется, были запрещены, но их брали везде, и на это смотрели сквозь пальцы. Система взяток была очень сложной. Чтобы её постичь, необходимо было знать, как, где и сколько следует дать нужному человеку. Случалось, что интересы чиновников сталкивались, тогда они объединялись, чтобы не провалить дело и удовлетворить запросы всех участников. Это привело к тому, что у верхушки появились свои платные агенты, мужчины и женщины из среды служащих, следившие за подобными сделками. Таким образом, царская Россия стала самой свободной из всех свободных стран для тех, у кого были деньги и нужные связи.

Благодаря русским друзьям у меня появились прекрасные связи на пограничной станции, и я без затруднений мог пересылать свои бумаги в Россию и из неё. Один высокий пограничный чин в пылу особой ко мне расположенности заявил, что моментально арестует каждого, кого мне захочется задержать. Однажды я забыл свой паспорт в Швеции, что, однако, не помешало мне пересечь русскую границу. Этому предшествовал разговор с начальником. «Я проведу вас как одного из своих агентов», — любезно предложил высокий чин. Я горячо поблагодарил его, но попросил ни в коем случае не делать этого, а подыскать какую-нибудь другую причину.

Раньше российские банки работали в основном совместно с немецкими[3], во время войны это сотрудничество прервалось. У России не было прямых связей с банками Соединённых Штатов[4], сделки осуществлялись через петроградскую контору «Лионского кредита»[5].

«Новый банк» осуществлял операции с ассигнациями, особенно с русскими. Мы скупали русские рубли и продавали их в странах, граничащих с Россией. Разница между покупкой и продажей была значительной и давала большую прибыль. Ежедневно вокруг «Нового банка» собирались толпы иностранных дельцов. Это место превратилось в настоящую биржу.

Некогда преуспевавший банкир Йеста Чюльбергер[6] (XX) (в своё время он был посредником при покупке пакета акций сэра Эрнеста Касселя[7] в «Акционерном обществе Грэнгесберг»[8] на сумму 16 млн. крон) за год до войны понёс потери вследствие падения курса на фондовой бирже. Теперь ему поручили несколько дел в России, и он предложил мне сотрудничать с ним. Мы организовали «Шведско-Русско-Азиатскую компанию», которая стала сотрудничать в Петрограде с «Русско-Азиатским банком»9.

В это же время в Соединённых Штатах мы основали ещё одно акционерное общество: «Джон Макгрегор Грант Инк» в Нью-Йорке[10]. Грант прежде был директором в «Американ экспресс компани»[11]. Во время одного из своих посещений Нью-Йорка я договорился с ним основать акционерное общество для ведения дел в Швеции и России. Кроме того, мы стали представителями одной крупной российской страховой компании в Америке[12] и получили крупные заказы на приобретение товаров и машин для России. Акционерное общество процветало, прибыль составляла сотни тысяч долларов. Но дивидендов не было. Грант был шотландцем, он считал, что деньги должны оседать и ни один доллар не должен уходить на дивиденды. Когда в 1917 году в России разразилась революция, мы потеряли всё. Через 26 лет с эмигрантской визой на руках я переехал в Ньо-Йорк. В газетах я прочитал, что недавно скончался Джон Грегор Грант, президент одного из крупнейших предприятий Америки в Сан-Франциско («Трансамерикен корпорейшн»), капитал которого составлял 150 млн. долларов.

В Петрограде у меня состоялась беседа с министром иностранных дел Сазоновым[13], мы рассмотрели с ним мои предложения о налаживании экономических связей между Россией и Соединёнными Штатами.

Разговор коснулся обстановки в Швеции, её будущего. Я высказал предположение, что в Швеции скоро будет сильное демократическое правление и Яльмар Брантинг[14] станет играть большую роль в нашем будущем. Сазонов с его старорежимным образом мышления совершенно не верил в успех социал-демократов ни в на-

шей стране, ни в Европе в целом. Не ощущал он тогда и изменения политической обстановки, которая через короткое время привела к перевороту в его стране и уничтожила класс, представителем которого он являлся.

Русские хотели завязать прямые связи с кредитными учреждениями в Соединённых Штатах. Министерство финансов направило туда своего представителя, чтобы получить государственный заём. Переговоры не дали результатов[15]. Тогда министр финансов России Барк[16] поручил мне договориться о предоставлении займа для России[17]. С этим поручением я и направился в 1915 году в Нью-Йорк.

Американскими финансами в те годы владели две конкурирующие группы. Одна из них, «Кун, Леб и К°»[18], представляла крупный еврейский капитал, но более мощной была «Группа Моргана»[19]. Сначала я обратился к представителям первой группы. В беседе с одним из совладельцев фирмы[20] я постарался выяснить, как он отнесётся к возможности предоставления России займа. Он ответил, что его компаньон и тесть Яков Шифф[21], благотворительная деятельность которого широко известна, не согласится на предоставлении России займа до тех пор, пока евреи в этой стране будут жестоко угнетаться и подвергаться погромам (он напомнил при этом о преступлениях в Кишинёве[22]) и будут лишены возможности жить в крупных городах. Тогда я обратился к «Гаранти траст компани»[23], входившей в группу Моргана, имевшей акционерный капитал в 5 млн. долларов и такой же резервный фонд.

Было решено, что вместе со мной в Россию отправится представитель «Гаранти траст компани», который на месте изучит обстановку и представит отчёт. Это был Грэйсон М.П. Мэрфи[24], бывший офицер, представительный и красивый мужчина, со смехом признавшийся мне, что его только что избрали в правление банка, хотя он и понятия не имеет, что такое вексель.

На борту парохода, везшего нас в Европу[25], мы говорили о России и займах. Мэрфи считал, что надо заставить русских в качестве залога выдать золото. Я сказал, что не очень доверяю золоту, что война в мире перевернёт наши представления, будто бы только золото приносит счастье и власть. Мэрфи пришёл в ужас от таких речей, он решил, что перед ним человек с опасными идеями, и готов был повернуть домой. Я понял: умнее будет больше не касаться этой темы, ведь золото, как известно, для американских капиталистов — сам господь Бог и подрывать их веру кощунственно. Больше я не заикался ни о золоте, ни о политике, наши отношения стали приятельскими, даже дружескими. Мэрфи был компанейским человеком, он жил по принципу «пользуйся случаем», любил вкусно поесть, хорошее вино, гаванские сигары, пирушки и весёлых людей.

Я по телеграфу пригласил в отель «Ройаль» русского посла Неклюдова[26], членов русского посольства и других важных лиц на обед в честь г-на Мэрфи. Обед прошёл в праздничной обстановке. Хорошие вина и великолепный коньяк привели Мэрфи в отличное настроение, Стокгольм показался ему замечательным городом.

Через Хапаранду мы приехали в Петроград[27]. Там у нас состоялось несколько встреч с директорами «Русско-Азиатского банка»[28]. Они показали всё, что могло нас заинтересовать. Мы побывали на фабриках и заводах, в учреждениях, на электростанциях, в больницах, переполненных ранеными, в театрах, музеях и т.д. Жизнь в Петрограде била ключом. Театры и рестораны процветали. В битком набитых ночных кафе играли цыганские оркестры. Шампанское лилось рекой, столы

ломились от необыкновенных яств. Сказочно красивыми были туалеты дам и украшавшие их драгоценности. На спекуляциях военными поставками сколачивались миллионные состояния, и щедрые от природы русские сорили направо и налево легко добытыми деньгами. Светские дамы ходили в скромных платьях сестёр милосердия, от чего красота этих женщин становилась особенно заметной. Их можно было видеть повсюду, где билось сердце высшего общества.

Из Петрограда мы отправились в Москву[29], здесь всё повторилось. Устроенный нам пышный приём носил некоторый налёт официальности. Сильное впечатление на Мэрфи произвели некоторые промышленники и купцы, с которыми мы познакомились. Один из них, сибиряк по фамилии Второв[30], ворочал такими крупными делами, что привёл бы в изумление даже предприимчивых американцев.

Мэрфи был очень доволен тем, что смог увидеть и узнать. Он оказался наблюдательным человеком, его отчёты были очень содержательными и деловыми. Сам он тоже произвёл на русских сильное впечатление, им нравились его манеры и лёгкий характер. Именно этот Мэрфи через несколько лет руководил расследованием дела Крейгера[31] в Соединённых Штатах (XXI).

Мы вернулись в Нью-Йорк[32]. За три месяца, проведённых вместе[33], мы стали хорошими друзьями, но я никогда не заговаривал с ним о золоте. В связи с нашим возвращением президент «Гаранти траст компани» г-н Чарльз Сэбин[34] устроил обед в «Метрополитен клаб», на котором присутствовал весь директорат. Меня попросили рассказать об обстановке в России и дать оценку возможному торговому обмену с этой страной. Моё сообщение прерывалось аплодисментами. Между прочим, их вызвали следующие слова: «Нас огорчает, что в Америку хлынуло золото. В обмен мы должны требовать товары». Я взглянул на Мэрфи и спросил, помнит ли он наш спор на борту парохода. В ответ он только расхохотался.

После сообщения и отчёта Мэрфи в «Гаранти траст компани» было принято решение предоставить российскому государству заём на 200 млн. долларов. Это произошло ещё до вступления Соединённых Штатов в войну. Для составления контракта банк направил в Россию в качестве полномочного представителя одного из своих юристов, г-на Рольфа Мэрша[35] Ему было около 45 лет, он являлся другом г-на Сэбина и пользовался у него особым доверием. Я предварительно обсудил технические вопросы этой сделки с руководителем международного отдела компании г-ном Максом Мэйем[36]. Американец Мэй был немцем по происхождению и знатоком своего дела. И вот мы вновь направились в Россию, как и три месяца назад. Г-н Мэрш был более серьёзным человеком, чем Мэрфи, и не употреблял спиртного. Но он любил танцевать.

По прибытии в Петербург мы попросили аудиенции у министра финансов[37]. Мэрш был очень доволен оказанным ему приёмом и телеграфировал в «Гаранти траст» и своей жене, что всё идёт хорошо и он скоро будет дома. Дни шли за днями, а результатов не было. Постоянно говорилось: «Завтра всё выяснится». Проходили недели, результатов не было. Никто не знал, от чего всё зависит. Русские хотели получить заём, теперь им его предлагали, а они его не принимали. Недели переходили в месяцы. Мэрш стал нервничать. Неопределённость и ожидания могли вывести из себя кого угодно. Он каждый день писал письма и посылал телеграммы своей жене. За это время я несколько раз побывал в Стокгольме по делам «Но-

вого банка», а Мэрш всё ходил и чего-то ждал, дела его были плохи. Он пустился в весёлую жизнь и, что хуже всего, начал пить. Через 8 месяцев русские согласились подписать заём на 50 млн. долларов сроком на 3 года с рентой в 6 1/2%[38]. Заём предоставлялся консорциумом, в который входили «Гаранти траст компани», «Нэйшнл сити бэнк»[39] «Дж.П. Морган»[40], «Киддер Пибоди и К°»[41] и «Ли, Хиггинсон»[42]. Это был первый заём, полученный Россией от Америки. Несмотря на то что заём был не столь велик, как я ожидал (и всё из-за нерешительности русских), мне лично он принёс успех. Яльмар Брантинг писал в газете «Сосиаль-Демократен»: «Благодаря российскому займу Улоф Ашберг стал признанным финансистом мира». В это же время я организовал в Соединённых Штатах заём для покупки товаров «Русско-Азиатскому банку».

Я с головой ушёл в свои дела и постоянно был в разъездах, в 1915 году я провёл в поездах и на пароходах 245 дней, семейная жизнь разрушалась. Жена этого не выдержала и потребовала развода[43].

В «Русско-Азиатском банке» я впервые встретился с руководителем крупной фирмы «Сименс»[44] в России Леонидом Красиным[45], и скоро мы стали друзьями. Первые десять лет советской власти он играл в ней важную роль.

В Стокгольме я часто встречался с послом Неклюдовым, он свёл меня с видными русскими деятелями. У него я познакомился с Протопоповым[46], когда тот через Стокгольм возвращался в Петроград из-за границы. Он был товарищем председателя Государственной думы и последним при царском режиме министром внутренних дел. Моя встреча с Протопоповым[47] породила слухи, будто бы я посредничал при передаче мирных предложений между немцами и царским правительством[48]. Эти слухи безосновательны. В наших беседах затрагивалась в основном проблема экономических связей с Соединёнными Штатами.

Нашим послом в Петрограде был генерал Брэндстрем[49]. Это был человек старой военной закалки, поклонник Германии и германского милитаризма. В своё время он был председателем муниципалитета города Линчёпинга. Как представитель шведских властей, он сумел поставить себя так, что снискал глубокое уважение всех членов дипломатического корпуса. Он не любил Россию и презирал коррумпированную российскую власть. Не одобрил он и русскую революцию, так как считал её руководителей бунтовщиками и авантюристами. Ему и в голову не могло прийти, что через четверть века именно эти люди спасут не только Россию, но и всю человеческую культуру от гибели. Я всегда держал генерала Брэндстрема в курсе всех моих дел в России, моих переговоров с царским правительством. Он проявлял к этому большой интерес, был внимателен ко мне и доброжелательным.

Его дочь Эльса[50] стала во время войны сестрой милосердия, военнопленные в Сибири, где она работала, называли её «сибирским ангелом». Как и её отец, она преклонялась перед немцами. После смерти отца в 1921 году она вышла замуж за немца-профессора, который был социал-демократом[51]. Ему пришлось покинуть Германию, когда к власти пришёл Гитлер. Он поселился в Америке и стал профессором Кембриджского университета. Эльса Брэндстрем, отдавшая всю свою душу Германии, с таким трудом собиравшая средства для бедствующих немецких солдат, одной из первых испила горькую чашу и увидела крушение своих иллюзий.

Генерал Брэндстрем был таким же известным человеком в военных кругах и в среде высших чиновников, как Херман Линдквист[52] в среде шведских рабочих. Оба они были уверены, что в Первую мировую войну Германия отстаивала справедливое дело. Шведы, как заколдованные, преклонялись перед основательностью, точностью, дисциплиной и организованностью немцев. На 90% общественное мнение Швеции было на стороне Германии.

В последний период существования царского строя в России много говорилось об одном человеке. Фамилия его была Ярошинский[53]. Высокий представительный господин, он обладал хорошими манерами. Ему принадлежал сахарный завод в Киеве[54]. Но этого ему было мало. Переехав в Петроград[55], он через Распутина завязал связи с могущественными представителями аристократии и эти связи использовал для осуществления своих операций. Хорошо зная ситуацию в стране, он решил овладеть сердцем её экономического организма — взять под свой контроль банки.

В то время я часто встречался с руководителями петроградских банков, при упоминании его имени они только с презрением пожимали плечами. Но в скором времени попали в угрожающее положение. Чтобы взять под контроль один из банков, Ярошинский на занятые деньги приобрёл достаточное количество акций этого банка. Когда этот банк оказался в его руках, он скупил акции другого банка и т.д. Вскоре он, жонглируя средствами различных банков, мог осуществлять любые экономические сделки внутри России.

Впервые я встретился с Ярошинским, когда выступал в качестве посредника при переговорах о займе для России в Америке. Он пригласил меня в свой роскошный дворец и рассказал о своих планах использования русских природных богатств. «Но для этого мне необходим заём не менее 100 миллионов долларов»[56]. В этом человеке было что-то привлекательное. Я думаю, что американцы его ценили бы. Но произошла революция, и его карточный домик рухнул.

События 1917 года

Война никогда не была популярна в России, а в начале 1917 года обстановка в стране осложнилась до крайности. Ранней весной 1917 года Николай II был вынужден отказаться от престола, было образовано Временное правительство. В июле во главе его встал Керенский.

Яльмар Брантинг и Вернер Рюден[57] отправились Петроград. Им была оказана сердечная встреча[58], так как у Брантинга в новом правительстве оказалось много друзей. По возвращении он дал мне рекомендательное письмо к своим русским друзьям, и я тоже отправился в Петроград, чтобы в интересах «Нового банка» завязать связи с новым финансовым руководством[59].

Я побывал в редакции «Правды» — газеты большевиков. Её главным редактором был Каменев[60]. Мне необходимо было поговорить с ним лично, хотя мы не были с ним знакомы. В приёмной было полно народу. Дежурный отнёс мою визитную карточку Каменеву, вернулся и спросил, по какому вопросу я обращаюсь, Каменев, дескать, очень занят. Я попросил дежурного передать Каменеву привет от редактора Хёглунда из Стокгольма[61] (XXII). Это подействовало как «сезам». Меня впустили в кабинет, разговор о положении в стране был долгий и интересный.

Среди тех, с кем я встречался в то время, была Александра Коллонтай[62], на съездах и собраниях в Петрограде она обычно переводила на русский язык выступления членов скандинавских делегаций. Впервые я увидел её на обеде, который давал в честь своих друзей. Дело происходило в фешенебельном ресторане «Медведь», славившемся своими изысканными блюдами, великолепным запасом тонких вин и цыганской музыкой. Мадам Коллонтай была приглашена на обед, её сопровождал французский адвокат Жак Садуль[63], облачённый во французскую военную форму. За несколько недель да этого я встретился с ним у парадного дома № 3 по Норртульсгатан, он обратился ко мне на французском языке с вопросом, в какой квартире живёт Яльмар Брантинг[64]. Теперь он был гостем.

Одним из первых мероприятий правительства Керенского был выпуск «займа свободы»[65], предполагалось провести его не только в России, но и за её пределами. Вернувшись в Швецию[66], я предложил «Новому банку» принять участие в подписке, прав-

ление моё предложение одобрило, и мы подписались на 2 млн. рублей, курс рубля и кроны был тогда 1:10. Брантинг телеграфировал Керенскому о нашем решении.

В апреле 1917 года[67], возвращаясь в Россию из десятилетней эмиграции, в Стокгольм с группой русских революционеров прибыл Ленин[68]. Его встретила депутация партии левых социалистов, в неё входили бургомистр Линдхаген[69], член риксдага Фредрик Стрём[70], редактор Туре Нерман[71]. Член риксдага Хёглунд, руководитель партии левых социалистов, был приговорён верховным судом к году тюремного заключения за официальное заявление, что всеобщая забастовка является необходимым средством в борьбе против войны. Ленин и Стрём направили Хёглунду в тюрьму на Лангхольмене приветственную телеграмму.

В 1917 году была сделана попытка на этот раз в Стокгольме объединить распавшийся Интернационал[72].

В одну из комиссий запланированной конференции меня пригласили в качестве экономического консультанта. Поэтому я познакомился со многими делегатами, которые прибыли в Стокгольм, чтобы подготовить конференцию. Она должна была открыться 15 августа 1917 г. Многие делегаты посещали меня как главу «Нового банка». Они проявили большой интерес к идее создания в своих странах подобных банков для рабочих. Особый интерес к делу проявил директор страхового общества в Амстердаме г-н Троельстра. Он просил меня помочь организовать банк для рабочих в Голландии. Однажды ко мне пришли Эберт и Шейдеманн. «Вы только что объявили о подписке на русский мирный заём. А не может ли “Новый банк” осуществить подписку на немецкий заём?» — спросил меня Шейдеманн. «С большим удовольствием, — ответил я, — когда Германия выпустит свой “заём свободы”».

Объявленная конференция так и не состоялась, так как правительство стран Антанты отказалось выдать заграничные паспорта делегатам.

Георг Брантинг[73] и я разработали проект резолюции конференции, обсудили его со многими влиятельными делегатами, но он не понадобился.

Проект резолюции:

Мы не должны повторять пройденный путь, приведший к вооружению, милитаризации и мировой войне. Твёрдо заявляем: к этому мы не вернёмся.

Должно возникнуть нечто новое, новый мировой порядок. Этот новый порядок должен быть связан с существовавшей до кризиса организацией общества и стать новой исторической ступенью его естественного развития.

В общих интересах следует создать единый орган управления. Нам необходимо единое мировое руководство, но мы потребуем от него отчётности и соблюдения права на самоопределение и свободу, поэтому управление должно быть демократическим.

Нам необходим, следовательно, мировой парламент, который, уважая внутреннее самоуправление каждого народа, возьмёт на себя решение вопросов, представляющих наши общие интересы[74]. Мы испытываем в этом настоятельную потребность: всем людям незамедлительно нужны мир, свобода, порядок, безопасность. Пришло время, когда человек должен стать счастливым.

Интернациональная социалистическая конференция обязана объявить себя временным мировым парламентом[75]. На это её молча уполномочили все народы. Они молча ждут и надеются.

Конференция провозглашает свой суверенитет и объявляет основные направления своей политики. Они таковы:

1. Самоуправление всех народов во внутренних делах. Под самоуправлением подразумевается, что народ правит сам, а не им управляет незначительное меньшинство. Общим интересом становится полная победа демократии.

2. Перемирие. Всеобщее и полное разоружение.

3. Материальное возрождение: увеличение производства, его регулирование с учётом потребления. Для этих целей необходимо будет создание международного финансового учреждения, подчинённого мировому парламенту. Золото национальных государственных банков, которое никого не кормит и не одевает, потеряет признание, вступят в силу кредиты и действительные ценности. Это международное финансовое учреждение предоставит необходимые кредиты для восстановления разорённых стран.

В связи с тем, что финансовые средства будут сосредоточены в руках парламента, станут излишними строгие средства принуждения и так называемая международная полиция.

4. Введение единой международной системы законов, денег, мер и весов.

Существующие ныне государства должны подчиниться такому парламенту и признать его суверенитет. Сопротивление окажут только консерваторы, в этой ситуации их следует считать врагами народа и счастья человечества. Буржуазные правительства потеряли свой авторитет. Правительства, не признавшие суверенитет общенародного представительства, это анархисты и противники необходимого порядка. Революция сметёт их со своего пути[76].

Речь в Хорнсбергс Хаге

Около 10 ноября[77] я снова отправился в Петроград. Война, революция и сложившаяся в связи с этим обстановка привели к обвалу экономической жизни, теперь мне следовало строго защищать интересы «Нового банка». У меня были встречи и длительные беседы с друзьями из русских банков, совершенно выбитыми из колеи событиями последних дней и декретом большевиков, в соответствии с которым во все банки были присланы контролёры, тщательно следившие за всем, что происходит в банках. Буржуазия была в панике, и все, кто только мог, бежали из страны. Ведущие банковские служащие не проявили гибкости в создавшихся условиях, наступил паралич всякой деятельности. Я серьёзно советовал им помочь новому правительству снова запустить экономический механизм, но никто не желал меня слушать. Моё мнение разделял только один человек — Леонид Красин, глава фирмы «Сименс» в Петрограде, член правления «Русско-Азиатского банка»[78]. Преднамеренный саботаж был направлен на свержение большевистского правительства.

Во время частых бесед с большевиками — руководителями, многих из которых я знал, у меня крепла уверенность, что эти люди спасут Россию. Их честная и бескорыстная революционная деятельность дала плоды, они были полны решимости воплотить в жизнь свою программу. Старая Россия прекратила своё существование. Их энтузиазм и вера в будущее передались и мне, я почувствовал себя обязанным помогать им.

Вернувшись в Швецию, я попал в напряжённую обстановку. Из уст в уста передавались обросшие страшными подробностями рассказы бежавших из России, пресса была переполнена такими описаниями революционных событий, что просто волосы становились дыбом.

Партия левых социалистов решила провести в Цирке собрание, на котором предлагалось выступить представителям различных течений. Пригласили и меня. Я пообещал рассказать о своих впечатлениях от поездки в Россию, откуда вернулся всего неделю назад. Как только стало известно о моём предстоящем выступлении, я получил серьёзные предостережения со стороны своих друзей. Вернер Рюден на-

стойчиво отговаривал меня от этого шага. Он сообщил, что меня предполагают назначить на важный пост в стране, но после выступления это будет исключено[79]. В действительности всё закончилось ещё более печально. Собрание состоялось не в Цирке, как предполагалось, а на территории Хорнсбергс Хаге, куда его перенесли. Одно это название вызывало раздражение в буржуазных кругах, так как именно в этом месте проводились всякие демонстрации и произносились хулительные речи. Дурной славой пользовалась эта «лужайка».

Там я произнёс следующую речь: «Прежде всего благодарю устроителей за приглашение на это собрание. Я понимаю, что здесь хотят услышать рассказ о событиях в России. Я постараюсь кратко и честно рассказать обо всем и поделиться своим мнением о том, какую позицию должны занять прогрессивно настроенные представители буржуазии по отношению к революции. События в России, подчас жестокие, нельзя оценивать только как частность. Чтобы представить себе объективную картину, нужно взглянуть на русскую революцию как на составную часть всеобщей мировой катастрофы. Понять причины русской революции нетрудно. До войны капиталистический строй основывался на нерегулируемом производстве, что привело к безудержной конкуренции в области производства и распределения. И вместо благоденствия, которое могло бы наступить в результате регулируемого производства, пришла жёсткая нищета. Уровень жизни рабочих постоянно снижается, вместо того чтобы подниматься вместе с развитием производства. Механизация и новые изобретения, которые должны поднимать благосостояние всего общества, наоборот, создают предпосылки к резкому обострению противоречий между богатыми и бедными. Появляются безработные, занятые рабочие получают крайне низкую заработную плату. В руках немногих скапливается невероятное богатство, богатые становятся богаче, бедные — беднее.

Но конкуренция существует не только между отдельными предприятиями внутри каждой страны, но и между отдельными странами.

Чтобы обезопасить свою торговлю, страны начинают вооружаться. Не для того, чтобы воевать, а, как утверждается, для того, чтобы сохранить мир. Чем больше вооружений, тем надёжнее гарантия сохранения мира. И вот встала одна страна против другой. Война началась из-за экономических проблем. Разрешается спор, какая группировка будет господствовать в мировой торговле. Народы этих стран не заинтересованы в этой войне. Их враги находятся внутри страны, а не за её пределами. Люди хотят улучшить своё социальное положение, добиться повышения зарплаты, улучшения жилищных условий, признания их человеческого достоинства. Но для достижения этих целей необходимо объединиться, чтобы заставить власти своей страны осуществить реформы.

Сначала поговаривали о том, что будет война между Германией и Англией, но никто не верил, что это вообще возможно. Потом говорили, что социалисты, представители интернациональной партии, не станут её поддерживать, оказалось, что это не так. Война продолжается уже четыре года, и совершенно невозможно описать страдания, которые она принесла людям. Все попытки заключить мир или хотя бы собрать мирную конференцию проваливаются. Сегодня ещё не видно конца войны, и, если ничего не изменится, весь мир в скором времени будет превращён в кладбище. Сейчас разразилась катастрофа в России, так как общество этой стра-

ны оказалось наиболее больным. Мы знаем о всех прежних революционных переворотах, и вот теперь знаем о том, что произошло в 1917 году. Предыдущие революционные события не воздействовали в достаточной степени на войну, не вели к её окончанию, поэтому они не могли удовлетворить народ, страдающий от войны и жаждущий мира. Произошла новая революция, но она не ограничится пределами России. Русские утверждают: “Социальная революция — это не внутренняя проблема, она затрагивает весь мир. Революция будет распространяться, коснётся всех народов и каждого, кто хочет мира. Старый строй обанкротился, мы должны создать новый, но для этого необходимо покончить со старым режимом”.

Мы знаем о событиях в России. Революция идёт всё шире, Гражданская война продолжается. В эти события вовлечена и Финляндия, идёт сражение во всём мире. Мне кажется, что весь мир скоро будет охвачен пожаром. Вряд ли в такой ситуации этот пожар минует нашу страну.

Как в этих условиях нам следует вести себя? Мы должны признать, что капиталистический строй экономически и морально потерпел крах. Весь мир сейчас похож на имущество, которое вот-вот пойдёт с молотка. А воюющие стороны напоминают игроков, которые в азарте повышают ставки и затем всё теряют. Здесь и там ощущается приближение голода, и не надо быть провидцем, чтобы понять — надвигается катастрофа. Но кто же претендует на мировое имущество, кто в первую очередь имеет на него право? Это те, с кем жестоко обращались, — народы разных стран, им тоже принадлежит это имущество. Перед ними мы должны отчитаться, куда пошли их деньги, ответить за плохое ведение хозяйства и помочь во всём разобраться. Российская буржуазия не стала делать это, в стране наступила неразбериха. Безжалостно эксплуатируемые русские рабочие и крестьяне не допускались к управлению страной. Теперь они восстали. Перед подобным фактом просвещённая буржуазия в нашей стране или в Германии, например, попыталась бы направить революцию в более широкое русло, в России этого не произошло. Там буржуазия и высший класс отвернулись от неё, и это было страшной ошибкой. Радикальная интеллигенция побоялась влиться в революционный поток, чтобы, используя свой опыт и знания, придать ему правильное направление. В связи с этим возникли непреодолимые противоречия между теми, кто в действительности хотел бы прийти к одной и той же цели.

В прессе революционные вожди представлены как орда головорезов и грабителей. Во имя справедливости это следует опровергнуть. Правда, что совершаются убийства, ограбления. Виновны в этом солдаты. Это объяснимо: люди в течение четырех лет готовились убивать и убивали, чем больше, тем лучше. Ответственность за это лежит на старом режиме. Но каждое такое преступление строго карается. С революцией шутки плохи. Сейчас туго тем, кому раньше было хорошо, кто потерял своё прежнее положение. И если подумать хорошенько, это ничто по сравнению с теми страданиями, которые испытывают миллионы людей во время войны.

Как мы должны относиться теперь к России? Я считаю, что на пользу обеим странам сейчас пойдёт возобновление торговых связей, и при этом хочу добавить, что правительство России согласится на это, а мы получим сырьё, необходимое нашей стране. Хотелось бы надеяться, что наше правительство достаточно дальновидно и справится с серьёзными проблемами. Мы не должны соглашаться с рассу-

ждениями о необходимости подождать до более спокойных времён. Они могут наступить в России и во всём мире не скоро. А мы должны жить дальше и приспосабливаться к обстоятельствам.

Я надеюсь, что после всемирного переворота не будет установлено господство какого-либо класса над другим, что все классы общими усилиями добьются процветания человеческого общества. Господство рабочего класса также несправедливо, как и господство свергнутого ныне класса. В период обновления классы должны объединить свои усилия, а не сопротивляться ему. Новый строй должен позволить союзу народов создать общее мировое хозяйство, в котором природные богатства и гений человечества станут основой благоденствия всех стран и народов. Рост производства тогда будет приводить не к кризису, а к повышению материального и духовного богатства.

Я выражаю благодарность за предоставленную мне возможность высказаться и заканчиваю своё выступление с надеждой, что в эти тяжёлые времена в Швеции будет проявлено глубокое понимание происходящего»[80].

В речи не было ничего подстрекательского — ещё до выступления я показал её Я. Брантингу. Он не высказал никаких возражений, но не советовал мне выступать в этом пользующемся дурной славой месте. Он был прав: моё выступление в Хорнсбергс Хаге привело в шок буржуазию и было воспринято как подстрекательство. На меня немедленно посыпался град писем и телефонных звонков. На улице от меня демонстративно отворачивались мои знакомые. Меня считали предателем, утончённым честолюбцем, а то и просто ненормальным. Я впал в уныние от постоянных обвинений и нападок, которые делались в открытую и исподтишка. Особенно тяжело было, когда удары наносились со стороны симпатичных мне людей, но я никогда не пожалел о том, что поступил именно так. Я понимал, что, имея такое высокое положение в обществе, я поступил глупо. Но я так сблизился с русскими революционерами и понял, что их поступки честны и стремление к осуществлению мирового переворота непоколебимо. Эти люди ради идеи принесли в жертву свои жизни. Они годами сидели в тюрьмах, их ссылали в Сибирь, другие провели большую часть своей жизни в изгнании за границей. Они уходили из дома, оставляли свои семьи, чтобы бороться за освобождение обнищавшего и угнетённого русского народа. Всё увиденное в России настолько меня захватило, что я отбросил все предрассудки и условности, чтобы остаться человеком.

«Новый банк» попал в чёрный список Антанты, это было самым печальным последствием моего выступления. У банка были крупные активы в Англии и Америке, они были блокированы. Потребовали, чтобы я покинул банк и продал свои акции. В дело вмешался Брантинг, ему удалось расположить ко мне представителей Антанты, находившихся в Стокгольме, но это не помогло. В это же время банк и я попали в «чёрный список» центральных держав.

Я вынужден был сдаться. Весной 1918 года я покинул банк и продал свои акции. В этот период положение банка было прочным[81], акции котировались по 150 крон. У обоих Народных домов (Северного и Южного) вместе было 1100 акций, которые я предложил продать, но они не согласились на это. Вместо меня назначили Харальда Тролле[82] из «Шведского торгового банка». Когда-то он был вице-консулом Швеции в Петрограде.

Банк под руководством Тролле просуществовал несколько лет[83], рабочее движение вокруг него прекратилось. Судовладелец капитан Ингмансон, член первой палаты риксдага, главный держатель акций банка, продал в конце концов свои акции, и тогда правление решило продать банк «Седерманландскому частному банку».

Так был уничтожен «Новый банк», этот важный фактор в борьбе за улучшение положения рабочего класса. Херман Линдквист очень тяжело расставался с банком. Здесь в сложнейших условиях он проработал пять лет со дня его основания, ведя борьбу с противниками банка. Когда начались интриги против меня и меня принудили к отставке, он из чувств солидарности со мной оставил свою должность.

Шведское экономическое общество

В 1918 г. в доме на Фредсгатан открылось «Шведское экономическое общество», созданное на мои личные средства. Акционерный капитал общества составил 5 млн. крон[84]. Деловые отношения с Антантой и центральными властями к тому времени были прекращены. Благодаря своим взглядам я стал в России персоной grata и, совершенно естественно, мои экономические связи с этой страной получили дальнейшее развитие.

В январе 1918 г.[85] я вновь отправился в Петроград[86], на этот раз вместе с З. Хёглундом и Карлом Чильбумом[87], ехавшими на конгресс. Через несколько дней туда прибыли бургомистр Линдхаген, начальник почты Эгеде Ниссен из Норвегии[88] и лектор Смирнов из Гельсингфорса[89]. Владимир Смирнов был женат на дочери Августа Стриндберга[90] и позже стал генеральным консулом Советской республики в Швеции. В течение тяжелейших 25 лет он занимал этот пост, умело и с большим тактом защищал интересы русских и снискал глубочайшее уважение в Швеции.

Мы попали в зимнюю стужу и снегопад. На Хёглунде было тоненькое зимнее пальто, кошачий мех которого и несколько газет слабо защищали его от промозглого холода, проникающего до мозга костей. Лектор Смирнов очень страдал от морозов, я помню, как мы засовывали газеты ему под пальто. Номера в гостинице не отапливались, в них было неуютно. В окружающей нас атмосфере ощущалось беспокойство.

18 января 1918 г. открылось Учредительное собрание, первое после установления нового режима. Мне повезло, и я вместе со шведскими друзьями стал свидетелем этого знаменательного события. В зале из уст в уста передавались разноречивые слухи. В воздухе чувствовалось напряжение. К Чильбуму, сидевшему рядом со мной, подошёл Бухарин[91], что-то прошептал ему на ухо и сунул в карман его брюк заряженный револьвер.

Большевики потребовали передать власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заявив, что буржуазные партии должны быть полностью отстранены от участия в управлении государством. Подавляющее большинство отклонило данное предложение. Вскоре Учредительное собрание было распущено, большевики остались у власти и начали осуществлять свою программу.

Я часто сопровождал друзей в Смольный, громадный монастырь, где в прошлые годы аристократы воспитывали своих дочерей. Теперь там находился Совет народных комиссаров и другие правительственные учреждения. Все пути вели к Смольному, все приказы шли оттуда.

В одном из залов была устроена столовая, напоминающая скорее солдатский буфет, где питались служащие Смольного и вместе с ними все народные комиссары. В заграничных газетах писали о «роскошных обедах с шампанским и икрой, когда народ за стеной голодает». Я видел эти «роскошные обеды», состоящие из бледного чая и куска чёрного хлеба без масла. Пища и питьё занимали ничтожное место в беспокойной жизни этих идеалистов и фанатиков-реформаторов.

Хёглунд и Чильбум познакомили меня со многими видными деятелями нового правительства, среди них были министр финансов Менжинский[92], министр торговли Бронский[93], глава Государственного банка Пятаков[94], остроумный Радек[95], Бухарин и Урицкий[96], возглавлявший милицию Петрограда и убитый эсерами 31 августа 1918 года.

Я был рядом с Линдхагеном, когда он однажды спросил Ленина, как тот разрешил бы вопрос о едином мировом языке, и Ленин ответил: «Сейчас мы думаем о более важных вещах». Он был совершенно прав. Но ответ крайне разочаровал Линдхагена. Я вспомнил моего старого учителя математики в Эстермальме, в 1912 г. мы столкнулись с ним на Стурегатан. Он жаловался на жестокость времени, беспокоился о судьбе шведского народа. Ошибку делают радикальные политики, они развращают рабочих, говорил он. Но больше других он презирал Линдхагена.

Люди неправильно судят обо всех крупных личностях. Карл Линдхаген не стал исключением. Он поднялся высоко над горизонтом своего времени. Введение единого мирового языка стало для него важнейшей целью. Для него не имело никакого значения различие людей по расам, цвету кожи и религии. Будучи христианином, он глубоко чтил Моисея, Мухаммеда, Конфуция. Он боролся за мир во всём мире и сочувствовал всем нищим и угнетённым, будь то отдельные люди или целые государства, такие как Индия и Китай.

Линдхагена считают фантастом и мечтателем, но на самом деле он был реалистом, гражданином мира, опередившим своё время. Его имя войдёт в историю наряду с другими именами великих и благородных людей, живших в своё время в Швеции.

В тот поздний вечер мы с Линдхагеном шли пешком домой из Смольного. Было темно и холодно, кругом лежали высокие сугробы. До центра было далеко, извозчиков не было видно. Линдхаген собрался ночевать в моей комнате. У него был номер в гостинице рядом с «Европейской», где жил я, но по ночам в городе становилось очень беспокойно, совершались налёты и убийства, и ему не хотелось оставаться одному в комнате. «Понимаешь, у меня жена и дети, я должен помнить о них», — говорил он. Я предложил ему перебраться ко мне в номер, где стояли две кровати, и он с большим облегчением согласился.

Только мы улеглись в постели, как раздался страшный стук. Я встал, открыл дверь и увидел с десяток вооружённых людей. Они хотели произвести обыск. Зная лишь несколько слов по-русски, я стал при помощи жестов и этих слов объяснять, что мы шведы и у нас нет ничего интересного и запрещённого. Меня поняли и от-

правились дальше. Линдхаген счёл, что переговоры были слишком затяжными, но на другой день он сообщил нашим друзьям: «Как только Ашберг появился в ночной рубахе, они в панике разбежались».

Вместе с Чильбумом я побывал у Александра Шляпникова[97], тогдашнего министра труда и железных дорог. Заброшенный и одинокий, он сидел в огромном здании министерства, на службе у него состояло два десятка людей, вместо тысяч прежних чиновников.

Побывал я и в Государственном банке, президентом которого был Пятаков и вице-президентом Фюрстенберг[98], с которым я уже был знаком. Меня поразило, что в течение всего разговора Пятаков не проронил ни единого слова. Он сидел в председательском кресле и с глубоким вниманием выслушивал все мои рассуждения и предложения. Длинные волосы и рыжая эспаньолка делали его похожим на живого натурщика для картины голландского художника XVI века. Через много лет он навестил меня в Париже и, когда мы заговорили о прошлом, сказал, что отлично помнит мой визит в банк. Ему тогда было немногим больше двадцати лет и он абсолютно ничего не понимал в моих экономических рассуждениях, поэтому боялся раскрыть рот. Однако, если судить по тому вкладу в экономическую жизнь, который сделал Пятаков, он очень быстро вник в суть экономических проблем.

С Менжинским, министром финансов, мы неоднократно вели продолжительные беседы. Позже он возглавил грозную ЧК, политическую милицию с центром в Москве. Также я познакомился с Урицким, возглавлявшим петроградскую милицию. Он был небольшого роста, но в его умных глазах всегда горел азартный огонек.

В Москве мне повстречался Антон Нильссон[99], проходивший в своё время по делу «Амальтеа». Вместе с двумя сообщниками он подбросил бомбу в плавучую казарму «Амальтеа», стоявшую недалеко от города Мальмё, при этом один человек был убит и 20 ранены. На том судне жили штрейкбрехеры. Преступление вызвало общественный шок и всколыхнуло рабочее движение, хотя и рабочие осуждали это действие. Сообщники были схвачены и приговорены к смертной казни, которая позже была заменена пожизненной каторгой. Приговор привёл в негодование рабочих, началась активная борьба за освобождение участников событий. Движение возглавил издатель Аксель Хольмстрём[100]. Благодаря его неутомимой работе общественное мнение в стране склонилось в сторону осуждённых, и в 1917 г. они вышли на свободу.

Антон Нильссон был добрым человеком и большим идеалистом, только юношеский максимализм привёл его к такому необдуманному поступку. Когда он вышел на свободу из тюрьмы Лонгхольмен, я помог ему поступить в лётную школу. Получив диплом, он отправился в Россию, где стал лётчиком в Красной армии.

Находясь в Москве, я встретил ещё одного шведа, моего друга, оптовика Юхана Карлссона, зятя Артура Энгберга[101]. Карлссон улаживал в Москве кое-какие дела. Жил он в гостинице и однажды пришёл домой с крупной суммой денег. Вечером в его номер ворвались два бандита и велели выложить деньги. Они и не предполагали, что нарвались на старого закалённого викинга. Юхан Карлссон был сильным, как медведь, и юрким, как кошка. Он перешёл в наступление и пустился в погоню за бандитами, когда те стали удирать через чердак на крышу. С пулей в ноге он догнал их и обезвредил. Потом он целый месяц пролежал в больнице.

Министр торговли Бронский был личным другом Чильбума и часто бывал в гостинице «Европейской», где мы все жили. Он был самым большим оптимистом в среде большевиков-руководителей, хотя его оптимизм ничем себя не оправдывал.

Однажды я зашёл к нему в кабинет, и он сказал: «Сегодня мы решили издать декрет, согласно которому мы аннулируем все иностранные долги, которые Россия наделала во время царского режима и правления Керенского. Я думаю, что все вы там побледнеете от этого»[102]. «Могу подтвердить, что я потрясён, — ответил я, — ничего более глупого я никогда не слышал. Можно понять, что сейчас вы не в состоянии выплатить эти старые долги. Вы не одни такие. Никто не требует от вас выплаты этих долгов прямо сейчас. Но на весь свет объявить, что вы решили списать с себя эти долги, вещь неслыханная и в результате вы полностью лишитесь кредитов для себя во всём мире».

Но Бронский только хохотал. Было ясно, что декрет издавался в угоду массам, но это вело к опасным последствиям. Но никто не собирался вникать, к чему это может привести. Большое число французов вложило деньги в русские облигации, незадолго до этого Соединённые Штаты предоставили России первый заём. Правительство Керенского выпустило заём свободной России, на который подписывались все симпатизирующие свободной России, в основном простые люди, не разбирающиеся в партиях и их расхождениях по тактическим вопросам. Это были свободолюбивые люди в разных странах мира, так они выразили своё отношение к русскому народу, и вот теперь им дали пощёчину[103].

Декрет об аннулировании старых долгов был непродуманным. Внешние долги — это, прежде всего, драгоценные ресурсы, которые составляют основу взаимных интересов и служат звеном, связующим Россию и страны-кредиторы, главным из которых были Соединённые Штаты. И не потому, что их кредиты особенно велики, и не в связи с политическими расхождениями этих держав. К тому же русские не имели к Соединённым Штатам никаких претензий, в отличие от Англии и Франции, которые по Версальскому миру не компенсировали России её вклад в войну, оплаченный миллионами человеческих жизней и утратой Польши, Прибалтийских провинций, Бессарабии и Финляндии.

Значение Соединённых Штатов велико потому, что они обладают мощной промышленностью и способны делать крупные поставки. Выплачивая долги Штатам, можно было бы наладить невиданный до сих пор обмен между континентами. Россия, чьё население больше, чем в Соединённых Штатах, и чья территория составляет 1/6 часть всего мира, имела достаточную покупательную способность, чтобы дать работу безработным в Америке. Имелись также ресурсы для оплаты долгов натуральными продуктами и товарами.

Насколько щепетилен вопрос о выплате долгов, мы можем проследить на примере отношений Соединённых Штатов к Финляндии, которая всегда пунктуально выполняет свои долговые обязательства. Даже в период, когда Финляндия вместе с Германией напала на союзную Россию, Штаты не прервали связей с Финляндией. Это можно объяснить тем высоким престижем, которого Финляндия добилась, корректно обращаясь со своими обязательствами.

В то время, когда немцы получали кредиты, давшие им возможность подготовиться ко Второй мировой войне, русским было отказано в займах и предложено использовать собственные ресурсы.

В связи с всеобщей разрухой и параличом средств коммуникаций, вызванных Гражданской войной в России, но ещё в большей степени от того, что крестьяне, потеряв доверие к бумажному рублю, вели только натуральный обмен, положение на рынке в больших городах стало катастрофическим. Петроград испытывал ужасающую нехватку продуктов, в продаже практически не было ничего съестного. Отощавшие, изголодавшиеся люди падали и умирали прямо на улицах. Рассказывали, что от голода в некоторых домах вымирали целые семьи.

Помню, однажды мне удалось раздобыть большой заплесневелый крендель, чёрствый как камень. В гостинице мы с трудом разбили его на куски и тут же съели.

Люди на улицах были очень плохо одеты, часто это делалось демонстративно, мужчины носили потёртые пальто без воротников, женщины кутались в старые платки и шали. Растерянность людей переходила в отчаяние. Грабеж и убийства совершались средь бела дня. Чтобы положить конец бесчинствам толпы, большевики пошли на крайние меры: преступники, схваченные на месте преступления, тут же расстреливались. Постепенно наступил некоторый порядок, стало спокойнее.

В конце декабря 1917 г. Ленин начал вести мирные переговоры с Германией, Троцкий встретился с немецкими представителями в Брест-Литовске. Желая прийти к соглашению, немцы на первых порах делали вид, что они готовы заключить мир на условиях, которые принимал и Ленин, то есть без аннексий и контрибуций, при этом спорные вопросы, прежде всего территориальные, должны были решить сами народы путём голосования. Но когда немцы заметили неустойчивое положение большевиков, то сразу же изменили тактику. Они потребовали от России освобождения Польши, Прибалтийских провинций и Украины. Конечно, Троцкий объявил об окончании войны и о демобилизации армии, но он отказывался подписываться под условиями немцев.

В период переговоров в Брест-Литовске[104] мне часто приходилось беседовать с видными руководителями партии большевиков. Все они были в отчаянии, но большинство из них считало, что, несмотря на труднейшую ситуацию, войну нужно продолжать. Но Ленин требовал любой ценой положить конец войне. Он считал, что революция постепенно охватит все страны, и нет никакого смысла продолжать войну. Бухарин, напротив, считал принятие условий немцев предательством революции.

За столом переговоров в Брест-Литовске немцы вели себя нагло. Генерал Гофман[105], возглавлявший переговоры, ударил саблей по столу, когда Троцкий[106] отказался ставить свою подпись.

Тем временем немцы продолжали наступление[107], захватили Псков и Нарву, путь на Петроград был открыт. ЦК компартии принял решение перенести столицу из Петрограда в Москву[108]. Постановление было немедленно выполнено[109].

Троцкий ушёл в отставку с поста министра иностранных дел[110], вместо него был избран Чичерин, бывший дипломат и дворянин, перешедший на сторону революции. Чтобы занять должность Троцкого, он вернулся из Англии, где месяц просидел в тюрьме. Я случайно находился в Министерстве иностранных дел, когда туда прямо с поезда прибыл Чичерин[111]. Он здоровался со всеми присутствующими, и меня удивил его несколько неряшливый вид. От старорежимного дипломата можно было ожидать большего порядка в одежде.

Первым мероприятием Чичерина стала встреча с немецкой делегацией, Брест-Литовский мир был заключён[112]. Русские отказались от Польши и Прибалтийских провинций. На Украине ещё до этого было образовано правительство, заключившее договор с Германией, и Россия была вынуждена согласиться с ним. Ещё до этих событий Советская Россия признала самостоятельность Финляндии.

Для борьбы со спекуляциями на продовольственном рынке Ленин создал ЧК, но, когда контрреволюция подняла голову, вся мощь этой организации была перенаправлена против неё. Грозный руководитель ЧК Дзержинский получил широкие полномочия. Была введена воинская повинность, и Красная гвардия, выполнявшая ранее роль милиции, была превращена в настоящую армию. Заработали старые фабрики, на которых шилась военная амуниция, коммунисты начали развивать лихорадочную деятельность.

В этот период произошли следующие события. Социалисты-революционеры, эсеры, взорвали квартиру немецкого посла в Москве, посол граф Мирбах был убит. Объявили, что покушение было совершено с целью провоцирования разрыва отношений с Германией. Немцы, занятые наступлением на Францию, ограничились протестом и требованием наказать преступников, на что большевики с удовлетворением согласились.

Но социалисты-революционеры не прекратили своих действий. Молодая женщина, Дора Каплан, член партии социалистов-революционеров, совершила покушение на Ленина, когда он покидал одно собрание в Москве. Ленин был тяжело ранен. На следующий день другой социалист-революционер совершил покушение на Урицкого, руководителя Петроградской милиции. Урицкий был убит.

На оба покушения ответили так называемым красным террором. Пятьсот видных представителей русской буржуазии были арестованы ЧК и расстреляны в Москве и Петрограде.

В течение нескольких недель состояние здоровья Ленина было критическим. Предположительно, причиной его ранней смерти стала пуля, застрявшая в верхней части позвоночника, которую было невозможно удалить.

Террор, спровоцированный социалистами-революционерами, стал прелюдией к Гражданской войне, иностранной интервенции и международному бойкоту.

Советское правительство направило в Стокгольм своего финансового представителя Шейнмана[113]. Это был умный, инициативный и жизнерадостный человек. Позже он возглавил русский Государственный банк. Наши встречи с Шейманом случались очень часто и привели к дружескому и продуктивному сотрудничеству[114].

Швеция не признавала советское правительство. Представитель старого режима сохранял свою миссию в Стокгольме на Страндвэген. Политическим представителем советского правительства был назначен инженер Воровский[115], работавший в Стокгольме в акционерном обществе «Люкс»[116]. Для нового представительства он снял помещение на Каптенсгатан, здание тыльной стороной примыкало к дому Русской миссии на Страндвэген. Воровский был очень серьёзным и деловым человеком. Позже он работал в качестве советского представителя в Италии. В 1923 г. в Лозанне состоялась конференция, в работе которой принимал участие Воровский. Во время обеда в гостинице он был убит русским эмигрантом швейцарского происхождения. Суд оправдал убийцу. Советы прервали все связи со Швейцарией, в от-

вет все советские граждане были высланы из страны. В момент, когда я пишу эти строки, отношения между сторонами ещё не возобновлены, и, когда в 1944 г. Швейцарию пригласили на конгресс авиаторов в Чикаго, Советская Россия отказалась принять в нём участие.

Близким другом Воровского в Стокгольме был русский по фамилии Циммерман[117]. По чистой случайности он избежал смерти от рук белогвардейцев из Русской лиги[118], которые убирали со своего пути всех представителей новой власти. Лигу возглавлял бывший полковник царской армии[119]. У него была вилла в Норрвикене, куда молодые красивые женщины, члены лиги, заманивали своих жертв, там их вязали по рукам и ногам, допрашивали, судили, приговаривали к смерти и топили в пруду рядом с виллой. В списке людей, подлежащих ликвидации, значился и я.

Важная встреча с Литвиновым

В 1918 году я впервые познакомился с Максимом Литвиновым[120]. Он прибыл из Англии[121], где его знали как крупного представителя русских революционных кругов. Нас познакомил Фредрик Стрём (XXIII), генеральный консул Советского Союза, когда Литвинов появился у него проездом, направляясь в Россию.

Литвинов рассказал мне, что антисоветски настроенные круги издали книгу с тем, чтобы оказать давление на президента Вильсона, доброжелательно относившегося к Советской республике. Это послужило началом для объявления всеобщего бойкота Советской России[122]. В течение нескольких лет огромное государство было полностью изолировано от внешнего мира. Швеция порвала дипломатические связи с Советами в 1918 году.

В этой книге упоминали и меня как посредника в передаче денежных средств из «Дойче банка»[123] с целью поддержки русского революционного движения. Эти сведения не соответствуют истине, как и тот фальсифицированный обмен телеграммами между мной и «Дойче банком», на который ссылается автор книги.

Почти все американцы, с которыми я был в Петрограде, представители крупнейших промышленных компаний и банков, журналисты (с теплотой вспоминаю профессора национальной экономики Генри К. Эмери, представителя «Гаранти траст компани»[124]) до публикации этой книги с пониманием относились к новому строю, переживали о проблемах, возникающих при его становлении. Все верили в честность и искренность Ленина и его сподвижников в стремлении создать новые здоровые условия жизни, искоренить коррупцию и связанные с ней безобразия. Такой симпатии к перевороту и новому строю, какую я наблюдал у американцев, не проявляла ни одна другая нация.

Ещё до окончания Гражданской войны, которую вели против советского правительства адмирал Колчак, генералы Юденич, Деникин и Врангель, до снятия блокады союзников, Литвинову удалось получить разрешение на поездку в Копенгаген. Необходимо было снять блокаду, установить мир и добиться признания советского правительства. Он прибыл в Данию под предлогом передачи военнопленных.

В Копенгагене Литвинов столкнулся с трудностями при съёме комнаты в гостинице. Хозяева гостиниц не хотели принимать гостей, за которыми наблюдает полиция, а именно так обстояло дело с Литвиновым: власти опасались, что белогвардейцы, которыми кишела Дания, устроят на него покушение. Кроме того, они боялись, что он, чего доброго, организует в стране революцию.

Узнав, что Литвинов в Копенгагене, я предложил Брантингу поехать туда и выяснить, нельзя ли возобновить с Россией торговые связи. Брантинг счёл мою идею разумной, но поставил следующее условие: я должен добиться со стороны Советов признания старых долгов и возмещения русским шведам их убытков. С моей стороны, я попросил Брантинга пригласить в поездку с нами оптовика Стена Стендаля[125], на что тот согласился. Стендаль, выдающийся предприниматель, один из виднейших руководителей правой партии, человек, консервативные взгляды которого были известны в общественных кругах, должен был стать гарантией того, что моя акция совершается в интересах Швеции.

Договорившись обо всём со Стендалем, отлично понимавшим, какое огромное значение для нашей страны имеет возобновление связей с Россией, мы отправились в Копенгаген[126].

Литвинов принял нас в своем гостиничном номере. Во время нашего разговора он заявил, что советское правительство будет готово признать старые долги и возместить русским шведам их убытки в случае признания советского правительства de jure. Стендаль потребовал от Литвинова письменное подтверждение сказанного, что последний немедленно выполнил. Скрепив написанное подписью, он передал бумаги нам.

Ниже приводится точная копия этого важного документа.

Копия

Господин Стен Стендаль, Стокгольм.

Отель Конг Фредерик, Копенгаген
4 февраля 1920 года.

Дорогой Господин!

Возвращаясь к нашему разговору о путях и средствах устранения существующих расхождений между Россией и Швецией и подготовки почвы для восстановления нормальных отношений между двумя правительствами, я хочу подтвердить, что Советское правительство готово направить в Швецию комиссию для рассмотрения и устранения претензий, которые могут быть предъявлены Советской России.

Советское правительство готово также принять за основу для обсуждения следующие вопросы:

1. О компенсации Советским правительством Шведскому правительству за любой ущерб, нанесённый зданиям и имуществу Шведской дипломатической миссии и консульства в России, и за все утраченные ценности при условии, что они были фактической собственностью шведского государства.
2. О возмещении ущерба шведским гражданам и фирмам за все конфискованные или реквизированные ценности с учётом 10% надбавки от их стоимости на момент конфискации при условии, что они действительно являлись собственностью этих граждан и фирм, а не были переданы им под правовую защиту российскими подданными и фирмами.
3. О возвращении всех товаров, приобретённых шведскими подданными в России для экспорта, или о компенсации за них.
4. О предоставлении шведским гражданам права использовать все вклады, имеющиеся на их счетах в российских банках.
5. О возвращении Советскому правительству или его представителям всех денежных средств, находящихся на счету российского государства, или всего золота и других ценностей, хранящихся в шведских банках, и всех товаров или других видов собственности, принадлежащих Российскому государству и правительству в Швеции.

Вышеупомянутое соглашение, заключаемое между русской комиссией и представителями шведских интересов, должно быть направлено на полное восстановление дипломатических отношений между двумя правительствами.

Вместе с тем я хотел бы предложить, чтобы комиссия получила возможность возобновить торговлю между Россией и Швецией.

Надеюсь, что я достаточно ясно выразил желание Советского правительства ликвидировать все препятствия на пути улучшения взаимоотношений между Швецией и Россией.

Остаюсь искренне Ваш
Максим Литвинов.

P.S. Само собой разумеется, что вышеупомянутая комиссия возьмёт на себя обязательство не заниматься никакой пропагандой и соблюдать законы страны.
М.Л.[127]

Мы оба были довольны результатом. Брантинг обрадовался, когда увидел документ. Но тут же нам пришлось похоронить наше общее дело. Как я позже узнал, мы с надеждой ждали решения судьбы Аландских островов, из-за которых нам не хотелось сталкиваться с союзниками. Соглашение со Швецией создало бы прецедент, и многое в международном сотрудничестве могло пойти по другому руслу. В политике, как и в биржевой сделке, нельзя упускать случай. Нужно покупать, когда цены падают и все хотят продавать, и продавать, когда цены выросли до верхнего предела и все хотят покупать. Когда четыре года спустя Швеция признала Советский Союз, положение настолько изменилось, что не могло быть и речи о каких-то условиях для признания. Мы упустили случай.

Я восстанавливаю связи с Германией

В 1914 г., во время правления кайзера Вильгельма, рейхстаг в Германии состоял из 397 членов, 112 из них были социал-демократами. Они не могли существенно влиять на немецкую политику, проводимую лично кайзером. Социальное законодательство страны было более прогрессивным, чем во Франции, однако в нём имелись статьи, дающие хозяевам право применять телесные наказания к своим слугам и сельхозработникам. Это право было отменено лишь в 1918 г. Немецкие социал-демократы больше занимались вопросами заработной платы рабочих, а не проведением необходимых реформ.

Ответственность за вспыхнувшую войну в равной степени несут и социал-демократы, и юнкера, и промышленники. Немецкие социал-демократы поддались националистической пропаганде, основной смысл которой выражает лозунг «Deutschland über Alles» («Германия превыше всего»), и совершили предательство в тот момент, когда впервые испытывалась их верность в отношении международного рабочего движения.

Рассказывали, что руководитель социал-демократов Эберт при поддержке партии дал обещание предотвратить конституционный переворот, если кайзер отречётся от престола в пользу своего старшего внука. Эберт приложил все силы для сохранения монархии.

Когда прошёл слух, что кайзер отрёкся от престола, у здания, где заседали представители социал-демократов, собралась огромная толпа. Народ хотел знать, что происходит, и требовал, чтобы кто-нибудь к ним вышел. Вести переговоры поручили Шейдеманну. Не успел он подойти к окну, как с улицы ворвался человек и стал ему рассказывать, что дальше по улице собралась другая толпа и там Карл Либкнехт собирается провозгласить создание Германской республики. Либкнехт был другом Шейдеманна и руководителем радикальной левой группы. Революция уже охватила Киль и Гамбург, Бавария была объявлена самостоятельной республикой. Шейдеманн понял, что всё могут решить секунды. Он подошёл к окну и вместо объявления об отречении от престола крикнул: «Монархия пала. Да здравствует новая Германская республика!»

Эберту стало дурно, он устроил скандал, когда вернулся Шейдеманн, но провозглашение республики уже нельзя было отменить.

Если бы Либкнехт и Роза Люксембург, эти призрачные борцы за свободу, смогли осуществить революцию, от каких безграничных бед и страданий был бы спасён мир. Немецким шовинистам, мечтавшим о господстве во всём мире, удалось прикрыться Веймарской республикой, ставшей ширмой для немецких юнкеров, за которой они вели подготовку к новой войне.

Когда социал-демократы пришли к власти[128], я снова смог работать в Германии. Купив здание на Унтер ден Линден, 69, я открыл в нём филиал «Шведского экономического акционерного общества». На должность директора был приглашён немец, бывший поверенный в делах «Дойче банка».

Жизнь в Германии была тяжёлой. Нехватка ощущалась абсолютно во всём, народ страдал от опустошительной войны, которая велась во всех соседних странах.

Шведское рабочее движение, получавшее экономическую поддержку от немецких профсоюзов во время всеобщей забастовки, сочло обязанностью предоставить немецким единомышленникам заём. Херман Линдквист поручил это «Экономическому обществу».

Я обратился за помощью к моему другу Юсефу Нахмансону[129], который образовал консорциум, состоящий из «Стокгольмского частного банка»[130], «Скандинавского кредитного акционерного общества»[131], «Стокгольмского торгового банка»[132] и «Акционерного общества Гётеборгский банк»[133]. Все члены консорциума в качестве долга выдали по 500 000 крон, в общей сложности 2 млн. крон, которые необходимо было вернуть через два года. На эти средства немецкие профсоюзы должны были сделать закупки одежды и обуви для членов профсоюзов.

Деньги в счёт выплаты долга по мере поступления должны были скапливаться на замороженном счёте в «Дойче банке» и храниться до истечения срока, когда, как предполагалось, 2 млн. шведских крон будут окуплены. Юсеф Нахмансон, как и все другие, был уверен, что немецкие профсоюзы получат большую выгоду от этого займа из-за разницы курса кроны и марки. Что из этого вышло? Курс марки беспрерывно падал на протяжении этих двух лет. Поступившая к оплате сумма соответствовала 400 000 шведских крон. Недоставало 1,6 млн. крон. К истечению срока выплаты долга немецким профсоюзам удалось где-то в Германии купить на марки 1 млн. шведских крон. 600 000 крон внесло в банк Центральное объединение профсоюзов Швеции.

Я часто бывал в Берлине, и после открытия «Экономического сообщества», жил в гостинице «Адлон». Но мне надоела гостиница, и я купил под Берлином, в Далеме, на проспекте Подбельски двухэтажную виллу, расположенную в красивом саду. Я занял первый этаж, а второй сдал директору «Национального банка Германии»[134]. Квартира состояла из 12 комнат со всеми современными удобствами. Дом был построен незадолго до войны. У меня было собственное домашнее хозяйство, поэтому мне, как раньше, не приходилось назначать встречи в ресторанах, я мог принимать гостей в более дружественной обстановке.

В то время я часто встречался с Вильгельмом Янссоном[135], редактором газеты немецких профсоюзов «Корреспонденцблатт». Он начинал свою жизнь садовником в Южной Швеции, затем после многолетнего участия в профсоюзном движении Гер-

мании стал его видным деятелем. Мы познакомились в Стокгольме и стали хорошими друзьями. Янссон и я оказались ровесниками, а когда выяснилось, что и Арвид Турберг[136], секретарь Центрального объединения профсоюзов Швеции, родился в том же 1877 году, было решено организовать общество мужчин 1877 года рождения. Вильгельм Янссон услаждал наш слух своими экспромтами на вечеринках.

Вильгельм Янссон познакомил меня с Карлом Легином, председателем немецкой профсоюзной организации, крупным деятелем. Впервые я увидел его мельком на Стокгольмской конференции в 1917 году. Когда я поселился в Берлине, мы стали часто встречаться.

Если я не ошибаюсь, немецкие профсоюзы насчитывали тогда 12 млн. человек и считались, благодаря своей дисциплинированности и духу солидарности, образцовой организацией. После войны власть перешла в руки социал-демократов, первым президентом республики стал Фридрих Эберт, который в молодости занимался изготовлением сёдел. Легин недолюбливал его и поведал мне, что никогда не принял бы приглашения в дом президента.

Часто по утрам Легин заходил ко мне в банк на Унтер ден Линден. Мы говорили в основном о проблемах безработицы, Легин искал идеи для нового поля деятельности рабочих Германии. Мы решили создать акционерное общество. Легин вошёл в него как представитель немецких профсоюзов. Немецкое акционерное экономическое общество должно было стать посредником рабочей силы Германии. Предполагалось, что сырьё будет поступать из-за границы, работа будет выполняться немецкими рабочими и возвращаться в виде готовых товаров (одежды, кожаных и вязаных изделий) непосредственно заказчику. Это обеспечит занятость немецких рабочих, заказчик, в свою очередь, получив беспошлинный товар, выплатит зарплату рабочим и возместит расходы на провоз грузов.

Мы часто обсуждали проблемы России и мечтали о сближении немецкого и русского профсоюзного движения. Легин был заинтересован в крупных заказах из Советского Союза. Получателями заказов должны были стать немецкие профсоюзы, которые затем распределяли бы их по фабрикам. Кроме того, профсоюзы должны были контролировать правильность выполнения работ, увеличивать при необходимости рабочее время и интенсивность труда и удерживать цены на определённом уровне. Эту проблему мы обсудили с находящейся в Берлине советской торговой делегацией, которую возглавлял Стомоняков[137], и с профессором Ломоносовым[138], представителем советского правительства по вопросам локомотивных поставок. Вопреки ожиданиям русские сделали свои заказы непосредственно фабрикантам.

Возмущённый несолидарным отношением русских к немецкому рабочему классу, Легин выступил в печати с открытым письмом, в котором рассказал о происшедшем. Но ещё до публикации письма я встретился с Каменевым, когда он возвращался в Россию[139]. Он ехал из Лондона вместе с приглашённой в Советский Союз писательницей и скульптором Клэр Шеридан[140]. Меня представили этой красивой женщине. Я рассказал Каменеву о предложении немецких профсоюзов лично заняться русскими заказами и об отказе русских, заметив при этом, что такое положение вещей может нанести вред сотрудничеству профсоюзного движения Германии и Советского Союза. Было обещано, что он займётся этим сразу по прибытии домой. Но я так больше ничего и не узнал о данном деле. Руководитель русских

профсоюзов Лозовский[141] тоже пытался вмешаться, но безрезультатно. Зарождающиеся дружественные отношения между рабочими двух стран были разрушены.

Важную роль в срыве Капповского путча в Германии сыграл Легин. Он решительно потребовал объявления всеобщей забастовки. Члены правительства бежали из Берлина, Легин остался на месте. Заговорщики, взявшие власть в свои руки, искали его повсюду. Легин полностью владел ситуацией. Заговор был сорван, правительство вернулось в Берлин, забастовка была отменена. В это критическое время я часто находился рядом с Легином, меня поражали его спокойствие и уверенность.

Легин был большим ценителем немецких Мозельских вин. Поэтому у меня дома всегда специально для него стояло вино его любимой марки, чтобы он мог утолить жажду.

Когда в 1920 г. Карл Легин умер, не нашлось никого, кто продолжил бы начатое им дело. Он перевернулся бы в гробу, увидев, во что превратилось руководство профсоюзов, созданных по придуманной им модели.

Ненадёжная немецкая марка стала доминантой финансовой жизни Германии и подрывала всякую возможность её стабилизации. Курс марки по отношению к фунту и доллару всё падал, а цены в стране всё росли. Падение курса марки стало настоящей катастрофой для тех, у кого были вклады, страховки, кто жил на пенсию или за счёт ренты. Но и те, кто располагал стабильным доходом, даже если они прежде и были миллионерами, внезапно оказались нищими. 1 млн. марок стал равен такой мелочи, как 25 шведских эре. Курс марки продолжал падать. Придя в ресторан, можно было заказать обед по ценам, указанным в меню в начале застолья, а к его концу получить счёт с ценами, возросшими на сотни процентов. Можно было разменять один доллар на целую кучу немецких марок и приобрести на них большой каменный дом. Иностранцы и спекулянты жили словно князья, а народ, имевший в запасе только марки, голодал.

Что же стояло за этим бедствием? Самый бесстыдный, невиданный доселе обман был разыгран ведущими немецкими политиками и финансистами, чтобы избежать уплаты компенсаций и дискредитировать республиканский и социал-демократический режим. Они не остановились перед тем, чтобы разорить вкладчиков своей страны. На начальной стадии, когда ещё сохранялось доверие к немецкой марке, они через агентов продавали миллиарды марок за границей. Друзья Германии были обмануты. А немцы, таким образом, вернули не только то, что выплатили в счёт репараций, но и получили за границей актив для начала вооружения как внутри, так и вне Германии.

Гуго Стиннес, один из немецких промышленных магнатов, нажился в годы национальной катастрофы. Он брал в долг в банках, у банкиров и в страховых обществах столько, сколько ему давали, и покупал всё подряд: недвижимое имущество, фабрики, банки, страховые общества, поместья, акции, облигации, товары, машины. Когда пришёл срок выплаты долгов, курс марки резко упал, и оказалось, что он получил своё богатство почти бесплатно.

Хорошо нажился в Берлине и Ивар Крюгер, купивший недвижимость на Унтер ден Линден и Фридрихштрассе. Многие шведы имели недвижимость в Германии, правда, большинство из них приобрели её ещё до краха марки.

Вполне понятно, что такая обстановка в стране деморализовала деловую жизнь, и многие ранее солидные и безупречные люди втягивались в спекуляции и мошенничество.

Однажды в моём берлинском банке появился некто Мойрер, коммерческий советник. Он представил рекомендацию из «Национального банка Германии». Пока я с ним разговаривал, туда позвонили и получили подтверждение о том, что это надёжный человек, с которым можно иметь дело. Мойрер продал партию винтовок в Афганистан, и афганское правительство должно было оплатить оружие по документам. Он просил помочь ему в осуществлении сделки. Я отказался, сказав, что, насколько мне было известно, такие сделки запрещены Версальским договором. На это он ответил, что торговля оружием запрещена в Германии, а в данном случае оружие следует из Италии в Афганистан и у него имеется лицензия на провоз оружия через Германию. Он обратился к нам потому, что Афганистан выразил желание иметь дело с нейтральным банком и передал документы, подтверждающие законность сделки. Мы согласились помочь ему. На другой день явился афганский посол и внёс в банк 30 000 фунтов с указанием выдавать деньги Мойреру по мере поступления от него железнодорожных документов с указанием суммы за отгруженное оружие[142].

Операция уже давно была завершена, когда мне вдруг позвонили из «Национального банка» и сообщили новые сведения о Мойрере. Меня предупредили о том, что он оказался непорядочным человеком, и попросили не иметь с ним никаких дел.

Поставки завершились, пока меня не было в Берлине. Поверенный в делах банка, после получения от нашего контролёра подтверждения о наличии поставок, выплатил Мойреру 30 000 фунтов. Однако, когда ящики прибыли в Афганистан и были вскрыты, вместо винтовок в них обнаружили камни. Коммерческий советник смог подкупить даже преданных мне людей. Мы потеряли всю внесённую афганцами сумму. Вскоре после этой махинации Мойрер умер, поверенного судили, процесс растянулся на несколько лет, а когда виновного приговорили к возмещению убытков, у того не было ни гроша.

Директором «Национального банка Германии», информационный отдел которого порекомендовал мне Мойрера, был Эмиль Виттенберг[143], один из моих лучших друзей в Германии. Он прослужил в банке 40 лет и, когда «Национальный банк Германии» объединился с «Дармштадским банком»[144], стал одним из руководителей этого крупного предприятия. Он был евреем, человеком старой закалки, пользующимся большим уважением.

Виттенберг много лет проработал на русском рынке в царское время. Очень хорошо знал Швецию, имел массу друзей среди банкиров. С Луи Френкелем[145], основателем «Шведского торгового банка», он был на дружеской ноге. За услуги, оказанные Швеции, Виттенберг был награждён орденом «Полярная звезда». За долгое время банковской службы он разбогател и, живя до этого в простых условиях, купил к своей свадьбе замок в Потсдаме и роскошно его обставил.

Я часто бывал в Потсдаме и проводил у друзей Виттенбергов выходные. У них был великолепный винный погреб, причём сам Виттенберг радовался больше остальных, принося оттуда бутылку какого-нибудь отменного старого вина. Этот добрый и приветливый человек, убеждённый старый холостяк, внезапно женился на 65-м году жизни на женщине, которая в течение многих лет была его подругой. Когда-то в молодости она была опереточной певицей.

Госпожа Виттенберг, высокая блондинка с голубыми глазами, женщина без предрассудков, в чертах лица которой сохранялась былая красота, очень любила вкусно поесть и выпить хорошего вина в приятном обществе. Она с удовольствием показывала друзьям кладовые, которые своим изобилием не уступали лучшим первоклассным магазинам. Обеды в их доме были изысканными, общество интересным, его украшением была очаровательная хозяйка, предмет обожания со стороны мужа.

Когда этот выдающийся человек пожелал на ней жениться, ей захотелось удивить супруга. Чтобы не получилось неравного брака, она решила приобрести титул княгини. Удалось найти старого обнищавшего немецкого принца, который мечтал поправить своё финансовое положение и дал согласие на брак. Брак был заключён и тут же расторгнут. Гордая и радостная новоявленная княгиня явилась к Эмилю Виттенбергу. Её авантюра произвела неожиданный эффект. Честный старый холостяк пришёл в бешенство от новости. Давно запланированный брак чуть не был отменён. Долгое время казалось, что всё пойдет прахом. В конце концов, жених смягчился, княжеский титул госпожи Виттенберг был предан забвению.

В доме Виттенберга я всегда видел двух его друзей. Один — его брат, старый холостяк, руководитель одного банковского филиала, чудак, похожий на педанта чиновника, был на несколько лет старше Виттенберга. Он всегда говорил о политике, любил поесть и выпить немецкого пива. Врач прописал ему строгую диету и из-за строгого запрета пить пиво жизнь перестала приносить ему радость. Он не одобрял женитьбу Эмиля, что очень огорчало последнего, так как он очень любил брата и страстно, по-мальчишески был влюблён в жену. Эмиль метался между двух огней, страшась вспышки пожара.

Второй приятель, Майлендер[146], проработал в «Национальном банке» столько же лет, что и Эмиль Виттенберг. Он возглавлял фондовый отдел и был известным человеком на фондовой бирже. У этого старого холостяка, как и у Эмиля, в течение многих лет была подруга.

Я видел, что старым друзьям гораздо лучше жилось в простых условиях, чем в роскошных покоях Виттенберга. Старую холостяцкую квартиру в Берлине, где он прожил 30 лет, Эмиль не бросил.

Навещая Виттенберга в банке, я встречался с его двумя содиректорами Якобом Гольдшмидтом[147] и Яльмаром Шахтом[148]. Гольдшмидт считался Наполеоном немецкой биржи и, будучи евреем, тем не менее поддерживал Гитлера, так как верил в обещания Гитлера защитить капитал от коммунизма. Когда Гитлер пришёл к власти и началось преследование евреев, Гольдшмидту удалось бежать в Америку, где он и обосновался. Он потерял всё своё богатство, но сохранил жизнь.

Гольдшмидт и Шахт интересовались делами России. Гольдшмидту хотелось получить нефтяные концессии. У Шахта был брат, пытавшийся вести дела с русскими. Сам Шахт скептически относился к русским и не верил в прочность их нового строя.

Яльмар Шахт, ставший впоследствии главой «Немецкого государственного банка», сыграл роковую роль не только в судьбе Германии, но и всего мира. Он сумел использовать громадные долги Германии и компенсации за убытки так, как это никогда прежде не делалось между кредитором и должником. Сильной стороной теперь уже был не кредитор. Он должен был идти с шапкой в руках к госпо-

дину Шахту, радоваться и благодарить его за оказанную милость, за выданные ему немецкие марки, которые Шахт делил на несколько категорий: шперрмарки, райземарки — и как они там ещё назывались. Словно талантливый фокусник он, умело манипулируя, получал новые займы. Вся Германия участвовала в займах: государственный, коммунальный, промышленный, банковский заём и т.д. следовали один за другим и всё под большие проценты для привлечения людей.

В то время никто не мог объяснить, почему немцы, сумевшие благодаря многолетнему честному труду создать торговлю и промышленность, получившие признание на мировом рынке за высокое качество товаров, точность поставок, надежность соглашений, пошли на утрату безупречной репутации, самого большого богатства и основы германского величия. Разгадку принесла Вторая мировая война. Правители всего мира, немцы могли не беспокоиться о репутации или о том, что там думают о них рабы.

Не могу не упомянуть здесь некоторые факты, объясняющие экономическое развитие Германии, которые я обнаружил в 1944 г. в американском журнале, в статье доктора Макса Иммануэля. В течение десяти лет доктор Иммануэль был коллегой Шахта в «Немецком государственном банке», но ушёл в отставку с приходом к власти Гитлера в 1933 году. Переехав в Соединённые Штаты, получив гражданство, он стал советником крупных американских фирм, которые иногда хотели делать капиталовложения в Германии. В большинстве случаев ему удалось воспрепятствовать этим вкладам и спасти поручителей от больших потерь. Доктор Иммануэль писал:

«Доктор Шахт нужен Германии для подготовки к третьей мировой войне. Немецкое радио сетует, что Шахт впал в немилость, внушая слушателям, что он никогда не одобрял нацистский режим и что этот человек может повести Германию новым демократическим путём. Я знаю методы работы Шахта, знаю образ его мышления, знаю, как он воспринимает действительность. Я работал вместе с ним, когда он был главой “Немецкого государственного банка”, видел его каждый день. Он часто повторял своё кредо: “Забудь свои идеалы. Добивайся богатства и политической власти, ни перед чем не останавливайся!”».

Шахт — это притягательная игрушка с взрывным устройством, которая несёт беду. Она может взорваться и разнести вдребезги американские послевоенные мечты. Опасность заключается в том, что Шахт хорошо знает Америку, у него здесь хорошая репутация. В детстве он жил в Бруклине, куда его взял с собой отец. Семья вернулась в Германию, когда Шахту было 12 лет, но он часто возвращался сюда, бегло говорил по-английски.

В 1931–1932 гг. он ездил в Германию за счёт Гитлера, готовящегося к захвату власти. В докладах, с которыми он выступал во всех крупных городах, Шахт рассуждал о Гитлере, как о верном стороннике капитализма, либерале и вообще обаятельном человеке. Своим друзьям в Нью-Йорке он говорил: «В Германии прокладывает себе путь человек более крупный, чем Наполеон, равный Христу». Выступая в «Таун Холле» Нью-Йорка, он сказал, что в Германии скоро придёт к власти самое миролюбивое правительство за всю историю страны. Шахт очень привлекательный, но хитрый человек, у него много друзей в Америке, особенно в финансовых и промышленных кругах. Ему, к сожалению, до сих пор многие верят.

После инфляции в Германии, последовавшей за Первой мировой войной, многие банки поспешили помочь немцам займами, сохраняя доверие к народу этой страны. Деньги мелких вкладчиков из Соединённых штатов, Англии и Южной Америки хлынули в Германию. На эти деньги Германия построила дороги, лучшие в Европе промышленные предприятия.

Это не помешало Шахту отказаться от выплаты процентов по займу. В результате цена облигации стала составлять только какую-то часть от её первоначальной стоимости. И тут Шахт путём различных махинаций скупил эти облигации. Так были сорваны планы Дэвиса и Янга. Президент Гувер ввёл мораторий на выплату компенсаций. Они никогда так и не были выплачены. Затем Шахт приложил все свои силы к тому, чтобы продлить мораторий на выплату частных займов. Это делалось в период, когда Германия была платёжеспособной.

Такими методами был создан экономический фундамент, открыт путь Гитлеру к новой войне. Большую часть махинаций Шахт совершил в период Веймарской республики. Когда к власти пришёл Гитлер, он делал Шахта экономическим диктатором. Шахт придавал блеска экономическому престижу нацистов.

Будучи главой Государственного банка, Шахт занимался спекуляциями на швейцарской бирже. Он был невидимым членом многих немецких крупнопромышленных предприятий и пользовался своим положением для размещения в них правительственных заказов.

Махинации Шахта привели к полному разорению Балканских стран. Это было слишком даже для толстокожих нацистов, которые заметили, что Шахт лишил жителей этих стран самого необходимого. «О Господи, — восклицал Шахт, — им что, тоже нужно есть?»

Шахту 67 лет. Он носит старомодный высокий белый целлулоидный воротник. Штреземанн обычно так говорил о Шахте: «Единственное чистое место у этого человека — это его целлулоидный воротник».

Ревель — ворота в Российское государство

В 1919 г. русские направили в Ревель торговую делегацию. Требовалось налаживание торговых связей с заграницей. Город сразу превратился в важный центр, в который со всех концов мира устремлялись люди, желающие завязать с русскими торговые отношения. Здесь наряду с представителями солидных торговых фирм было немало дельцов и авантюристов.

Делегацию возглавлял бывший нарком финансов Гуковский[149]. «Шведское экономическое акционерное общество» было назначено финансовым представителем торговой делегации. Когда торговые сделки стали принимать широкий размах, мы направили директора Гидеона Стремана в качестве нашего представителя в Ревель, где он вёл дела совместно с торговой делегацией. В Ревеле мы сотрудничали с банком «Харью», представителем которого был генерал Лайдонер, крупный эстонский государственный деятель[150].

Особый интерес в наших общих с торговой делегацией сделках представлял экспорт российского золота. Оно продавалось главным образом Франции и Соединённым Штатам. Франция, официально объявившая бойкот российскому золоту, была самым активным его покупателем. У французов был свой представитель в Стокгольме, господин Ривьер, член известного банковского дома «Лион Аллеман», специализировавшегося на продаже драгоценных металлов[151]. Главой этого банка был тогда господин Венсан, создатель крупного «Национального кредитного банка» в Париже[152], крах которого через несколько лет стал причиной биржевой паники. Чтобы не упустить выгодного предложения от русских, господин Ривьер ежедневно являлся в «Экономическое общество».

Немецкие банки и банкиры также имели своих представителей в Стокгольме. Они скупали русское золото, меняли пробу на слитках, переплавляли монеты. На королевском монетном дворе кипела работа. Позже появилась возможность продавать золото со шведской пробой, получая большую выгоду.

Я предложил Стокгольмскому государственному банку обменять принадлежащее ему золото, но предложение было отклонено. Тогда я предложил главе банка Моллю[153] предоставить русским в обмен на золото 100 млн. крон для покупки

шведских товаров, но и это предложение Молль отклонил, заявив, что подобными сделками Государственный банк не занимается.

Такое учреждение, как Государственный банк, не должно быть ни консервативным, ни бюрократическим. Ничто не зависит так сильно от происходящих в мире перемен, как стоимость денег.

Как-то в конце тридцатых годов я после возвращения из Парижа присутствовал на обеде у члена риксдага Стендаля. В те годы цена на медь, как и на другое сырьё, была чрезвычайно низкой, а золотой запас Государственного банка значительно превосходил уровень достаточности. Я повторил тогда то, на чём всегда настаивал: золоту придаётся слишком большое значение. Гораздо важнее иметь в запасе то сырьё, которое необходимо стране при любых обстоятельствах, и Государственный банк не должен упускать благоприятного момента.

Профессор Густав Кассель[154], крупнейший экономист Швеции, с которым мы часто обсуждали подобные вопросы, разделял моё мнение. Он пытался связывать свои теоретические познания с простейшими реалиями из жизни, хотя и здесь он иногда не мог избежать ошибок. Профессор считал, что экономической жизнью должно управлять крестьянское мышление. Без этого теоретические познания не имеют никакой ценности. Позже я познакомил Касселя с главой русского Государственного банка Шейнманом, и тот помог профессору поместить статьи по экономике в русской прессе.

Я и сам часто бывал в Ревеле в связи с русскими сделками. Хорошо помню, как однажды, возвращаясь домой, чуть не попал в беду. В то время между Ревелем и Стокгольмом под командованием эстонца Таммса курсировал невзрачный пароходик «Калевипоэг». В тот раз пароходик отходил при сильном ветре. Кроме меня на его борту был ещё только один пассажир, торговец бриллиантами[155]. Я вёз золотой груз стоимостью несколько миллионов крон[156]. Когда мы вышли в открытое море, начался настоящий шторм. Боясь за жизнь и за груз, я начал уговаривать капитана повернуть обратно. «Нет, чёрт побери, стану я ещё поворачивать обратно! Идём на Стокгольм», — рявкнул он.

Так мы шли шесть часов. Шторм усиливался, было неясно, куда идёт пароход. Казалось, что мы кружим на месте. В конце концов, старый морской волк милостиво объявил: «Поворачиваем назад». Я стоял рядом с ним на капитанском мостике. В какой-то момент пароход чуть было не перевернулся. Бледный машинист выскочил наверх с криком: «Вытекло масло!» Всё, что было не закреплено, перебилось, в углу салона валялось перевёрнутое пианино, кругом царил хаос. Мой спутник лежал в салоне и, дрожа от страха, громко молился, обещая Богу, если тот сохранит ему жизнь и вернёт на землю, раздать беднякам миллионы эстонских марок. При попутном ветре мы возвращались в Ревель. Недалеко от гавани пароход чуть не подорвался на плавучей мине. Команде было приказано расстрелять мину, но из-за высоких волн не удалось попасть в неё. Пришлось отказаться от этой затеи. Наконец мы прибыли в Ревель. Торговец бриллиантами, позабыв об обещании раздать деньги беднякам, незаметно исчез.

Я остался на пароходе, и на следующие утро мы снова отправились в путь. Море было спокойное, поездка прошла отлично, но мне не забыть поворота «Калевипоэга», когда я мог зачерпнуть рукой воду за его бортом прямо с капитанского мостика.

Однажды, направляясь на пароходе в Ревель, я пригласил в поездку Анну Брантинг[157] и Хермана Линдквиста. После прогулки по городу, осмотра исторических памятников периода шведского правления, я дал на пароходе обед, на который были приглашены глава советской торговой делегации Соломон[158] с супругой, генерал Лайдонер, члены эстонского правительства и представители банка «Харью». На обеде присутствовал также капитан первого ранга Эриксон[159], глава акционерного общества «Свеа», принимавший участие в этой поездке.

В другой раз, когда я направлялся в Ревель вместе с моим приятелем консулом Оскаром Старком, посредником в торговле с русскими, я встретился с Чильгреном[160], директором завода в Арвике. Он рассказал мне, что заключил с русскими крупную сделку для фирмы «Балтик Сепаратор»[161]. Русские выдали наличными 75%, а остальную часть должны были выплатить по векселям, срок которых истекал через 18 месяцев. Председатель уездного суда Маркус Валленберг[162] из «Частного банка», который вёл дела «Балтик Сепаратора», был очень доволен такими условиями, хотя считал, что на векселя рассчитывать не приходится. Я сказал Чильгрену, что это заблуждение. У меня были сделки с русскими, и я мог заверить, что векселя абсолютно надежны и будут оплачены точно в срок. Чильгрен спросил, не куплю ли я векселя со скидкой, раз я настолько им доверяю. «Да, я могу это сделать и без всякой скидки», — подтвердил я. Векселей было на 1,8 млн. крон. «Сколько дашь за эти векселя?» — спросил Чильгрен. «Плачу полностью с вычетом 5%». Чильгрен не поверил своим ушам. «Когда заключим сделку?» — живо спросил он. «Как только прибудем в Ревель, по телеграфу», — ответил я. Я отлично понимал, что могу купить векселя за гроши, но я не хотел подрывать доверие к русским векселям, кроме того, русские уведомили меня, что векселя акцептированы, и просили оформить их выкуп за счёт своего актива.

В этот период в районе Самары на Волге погиб урожай, и над населением нависла угроза голода. Катастрофа выросла до таких размеров, что правительство уже не могло справиться с ситуацией без иностранной помощи[163].

Герберт Гувер[164], руководитель американской общественной организации АРА[165], направил в Ригу на переговоры с Литвиновым своего представителя господина Брауна[166]. Стороны были полны подозрений в отношении друг друга. Переговоры затянулись. Литвинов боялся проникновения в Россию шпионов и тайных агентов. Однажды Браун, потеряв терпение, воскликнул: «Господин Литвинов, не забывайте, что мы прибыли сюда для передачи продовольствия голодающей России!» Литвинов ответил: «Продовольствие может стать оружием против нас. Для нас гораздо важнее возобновление нормальных торговых отношений между нашими странами». АРА, получавшая средства только от благотворительных организаций и частных лиц, была не в состоянии полностью обеспечить поддержку бедствующих. Поэтому американский конгресс решил направить в Россию хлеб из государственного запаса. Таким образом, Америка помогла 11 млн. российских граждан. Европейские страны, в том числе Швеция, направили в Самару экспедицию Красного Креста, которая взяла под своё крыло ещё 3 млн. человек. Об остальных заботилось советское правительство. Несмотря на все попытки смягчить беду, число жертв катастрофы достигло 3 млн.

Перенесённый голод привёл к тому, что сопротивление введению так называемой новой экономической политики было сломлено.

Находившийся в Берлине Литвинов срочно собирался ехать в Москву[167]. Я в это время тоже находился в Берлине и готовился к переговорам в Москве относительно банковской концессии. Меня пригласили ехать вместе с Литвиновым[168]. Наш путь пролегал через Польшу. Когда поезд пошёл по русской земле, Литвинов сделался мечтательным и поэтичным: «Я люблю эту страну, понимаете, её леса, колышущиеся золотые поля, людей, живущих здесь». Он долго говорил о России. Рассказал о своей жизни и поездках. В молодости он отправился в Англию и получил место счетовода в одной фирме. Наверное, он хорошо справлялся с работой. Шеф фирмы очень сожалел, когда Литвинов уходил[169]. У него могло бы быть хорошее будущее, если бы он остался, говорил ему шеф.

С Лениным Литвинов впервые встретился в Лондоне, в читальном зале Британского музея, где Ленин работал ежедневно. Встреча произвела на Литвинова огромное впечатление и запомнилась на всю жизнь. Знакомство перешло в долгую и верную дружбу. Ленин брал Литвинова с собой в Гайд-парк послушать ораторов, которые, как правило, выступали по актуальным политическим вопросам. Ленин пригласил нового друга к себе домой, в двухкомнатную квартирку. Там Литвинов познакомился с Крупской.

В этот период Социал-демократическая партия раскололась на две группы: большевиков и меньшевиков. Литвинов вошёл в группу Ленина, группу большевиков. Когда Ленин начал издавать в Женеве новую газету, Литвинов получил задание нелегально распространять её среди сторонников партии в России. Рассказывали, что Литвинов безукоризненно выполнял данное задание. Ленин нашёл в нём надёжного, компетентного, изобретательного и талантливого сотрудника. Вскоре он стал выдающимся представителем партии.

Жизнь в поездке была далеко не роскошной. Литвинов был невероятно счастлив, найдя на одной из остановок буфет, где за еду брали в два раза меньше, чем в ресторанах на предыдущих станциях. До этого я видел, как он работает, как ведёт себя на представительских обедах. Теперь передо мной был, простой, неприхотливый, милый человек.

Иногда взаимоотношения с Литвиновым приносили мне весьма большой ущерб. Так было, когда он возглавлял торговую делегацию в Ревеле[170]. Русские заметили, что большинство предпринимателей, с которыми они имеют дело, старались нажиться за их счёт. Литвинов стал подозрительным и считал, что все и всегда запрашивают слишком много. Я взялся за небольшое вознаграждение продать несколько крупных партий золота, которые русские сбывали, чтобы получить валюту для приобретения необходимых товаров. Расчёт должен был производиться в шведских кронах. Распоряжения о начале продаж отдавал Литвинов по телефону. После этого срочно заключались сделки, так как русским обычно нужно было немедленно оплачивать какие-нибудь счета.

В этот раз было невозможно срочно продать такие большие партии золота за шведские кроны, поэтому пришлось принимать оплату в долларах. Обмен долларов на кроны мог принести делегации как выгоду, так и убытки. К несчастью, в тот момент курс доллара сильно упал, и я при обмене долларов на кроны потерял несколько сот тысяч шведских крон, которые сохранились бы, если бы продажа сразу производилась в кронах. При расчете я, разумеется, внёс в счёт торговой делега-

ции разницу в связи с изменением курса валюты. Литвинов отказался принять этот счёт и пригрозил, что порвёт со мной всякие связи. Я предпочёл отступить: легче было потерпеть убыток, чем потерять сделки с русскими, поскольку в то время они меня очень интересовали.

Теперь в менее деловой обстановке я напомнил ему о его несговорчивости, которая мне так дорого обошлась. Он выразил сожаление по поводу случившегося. Но как мне показалось, он обрадовался, узнав, что это произошло не потому, что я хотел нажиться за счёт русских бедняков.

Прибыв в Москву, я немедленно отправился к Ээро Йернефельту[171], поверенному в делах Финляндии. Его сестра Эмси была женой моего сына Стуре, а другая сестра была женой одного их сыновей моей сестры. Йернефельт предложил мне пожить у него.

В Москве всё было плохо. Казалось, что город вымер: все магазины были закрыты, продукты отсутствовали. Кое-что я привёз с собой, но также и в доме у Йернефельта, который получал продукты из Финляндии, мне давали всё необходимое.

Я встретился с моим другом Шейнманом. Он собирался в Китай и ждал, когда назначат день его отъезда[172]. Я спросил, не было ли ему нужно что-нибудь из моего продуктового запаса, но он отказался. На другой день Шейнман смущенно спросил, не осталось ли у меня чего-нибудь из еды, и сказал, что он с удовольствием принял бы это. Шейнман был очень гордым человеком, поэтому я понял, что его дела шли неважно. Через день он принёс мне баночку русской икры.

Москва являла собой безутешную картину. Ничего подобного мне прежде не приходилось видеть. Настроение было гнетущим. Очевидно, правительству необходимо было вмешаться, чтобы революция не потерпела поражение. Я вёл переговоры об открытии частного банка. Интуитивно я ощущал, что момент для этого созрел, и, покидая Москву, я верил, что мне повезёт.

Перед отъездом в Берлин, для получения паспорта и оформления других формальностей, я явился в Народный комиссариат иностранных дел. Там меня представили английскому генералу Томсону[173], отъезжавшему в Берлин в тот же вечер, что и я. Было решено, что мы поедем в одном купе.

Вечером мы встретились в старом удобном литерном вагоне, и я предложил генералу разделить со мной содержимое продуктового пакета. Он с благодарностью принял предложение. «Я тоже могу кое-что предложить», — сказал он и с довольной улыбкой поставил на стол полбутылки коньяка. Когда я стаскивал с полки мой мешок, генерал встал, чтобы помочь мне, и при этом задел бутылку. Бутылка упала, и в одно мгновение драгоценная жидкость растеклась по полу. С отчаянием на лице генерал тихо произнес: «Это, можно сказать, трагедия». Но вскоре мы успокоились и великолепно доехали до Берлина. Моего спутника я больше никогда не видел. Через несколько лет я прочёл в газетах, что министр авиации Англии генерал Томсон погиб в авиакатастрофе в Африке.

«Российский коммерческий банк»

Несмотря на яростное сопротивление, была введена новая экономическая политика — НЭП. Ленин понимал, что этот шаг неизбежен, только так можно было спасти экономическую жизнь в сложившейся ситуации. Наступил спад производства во всех областях. К концу 1920 г. производство чугуна составляло всего несколько процентов от довоенного уровня. Также обстояло дело с добычей угля. Население испытывало нехватку самого необходимого: спичек, керосина, мыла, лекарств. Снабжение продуктами было недостаточным, сельское хозяйство катастрофическими темпами приходило в упадок, так как крестьяне хотели производить больше того, в чём сами нуждались. Излишки отбирались у них за ничтожную плату в пользу государства. Свирепствовали болезни, уровень смертности составлял 85 человек на тысячу. Кроме того, революции было отдано много жертв из буржуазного общества, купечества, промышленников, банковских работников, инженеров и т.д. Когда-то благодаря этим людям экономическая жизнь страны кипела. Теперь многие из них покинули Россию.

Большевики, приступив к своему первому коммунистическому эксперименту, немедленно упразднили капиталистическую систему. Квартплата была отменена. Жильё стало бесплатным. Бесплатным стал и проезд на поездах, пароходах и другом общественном транспорте. Вход в театры, кинотеатры и другие увеселительные заведения был свободным. Труд оплачивался купонами на продукты и товары.

С вводом НЭПа все эти порядки были отменены, государственное хозяйство стало вновь опираться на денежную систему. Пост министра финансов занял Сокольников[174]. Государственный банк был реорганизован, его президентом назначили Шейнмана, бывшего финансового представителя Советского Союза в Стокгольме[175]. Валюта стабилизировалась. В обороте появился «червонец», соответствовавший 20 шведским кронам. Старые обесцененные советские рубли были изъяты и заменены новыми, на 25% обеспеченными золотом.

Открывались новые банки, появились «Промышленный» и «Сельскохозяйственный» банки со своими филиалами во всех частях страны[176]. Государственные банки были переданы под руководство органов местного самоуправления.

Была предоставлена концессия «Российскому коммерческому банку», который в основном должен был осуществлять операции с заграницей[177]. Моя мечта об открытии русского частного банка осуществилась. Первоначальный капитал составлял 5 млн. долларов. Я стал председателем банка. Исполняющим обязанности директора стал Тарновский[178], в царское время руководивший «Сибирским банком» в Петрограде. Директором банка стал Макс Мэй, бывший глава иностранного отдела «Гаранти траст компани».

Банк расположился в прекрасном месте на углу Петровки и Кузнецкого Моста, главных торговых улиц Москвы. Я с большим интересом наблюдал за переделкой здания. В Берлине я видел, как перестраивали дом для моего банка. Теперь я мог сравнить и оценить работу людей в двух странах. Могу утверждать, что у русских рабочих более умелые руки, русские работоспособнее немцев. Из-за нехватки жилья рабочие ночевали на полу в здании, но всегда были всем довольны, приветливы и веселы. Для банка русские мастера выполнили мебель из карельской берёзы. Никогда прежде я не видел подобных высококачественных изделий. Когда переделка была закончена, мы устроили для рабочих праздник, на котором они получили награды за свой отменный труд.

По окончании организационных работ банк был открыт для общественности[179]. С самого начала нам сопутствовал успех. Нашими клиентами стали в основном представители старого режима, и всё здесь было законно, они были рады вести дела через частный банк.

Объектом моего постоянного контроля стали туалетные комнаты банка. Посетители, очевидно, считали, что именно там следовало оставлять всякий мусор. Моя секретарша передала уборщицам, что я был ими не доволен. Я каждый день ходил и проверял их работу, не давая им покоя до тех пор, пока всё не было отполировано и сверкало от чистоты. Бедные женщины пребывали в постоянном страхе, считая меня не совсем нормальным человеком.

Штат приглашённых в банк сотрудников состоял из представителей царского режима. Они были рады получить работу. Тарновского обожали все. Компетентный банковский работник, весёлый и обаятельный человек, он пользовался особым доверием у нового руководства банка.

Персонал главной конторы состоял из 700 человек, несколько сот человек работали в филиале банка в Петрограде, главой которого был Менжинский[180]. Его брат, бывший министр финансов, теперь возглавлял ЧК.

С началом НЭПа и открытием «Российского коммерческого банка» Соединённые Штаты сняли запрет на перевод денежных средств в Россию. Вновь пришла в движение система, которая простаивала в течение нескольких лет. Нас засыпали пяти-, десятидолларовыми переводами. Доллары обменивались по официальному курсу на рубли, которые затем пересылались по почте по соответствующим адресам. Следует отметить, что почта работала безукоризненно, поэтому переводы терялись чрезвычайно редко. Советское правительство получило таким путём десятки миллионов долларов.

Меня очень беспокоило, как мы сможем покрывать колоссальные расходы банка, где нам взять такие доходы. Оказалось, что в России всё не так, как у нас. Например, в то время в России месячная рента в 10% не считалась непомерно высо-

кой. Или другой пример: предприимчивый человек мог закупить в одном городе сахар по цене в одну крону, а продать его в другом городе, расположенном в нескольких часах езды о первого, за 1 крону 40 эре. Действуя подобным образом, за одну неделю можно было получить 40% прибыли. Под залог в банк отдавались уникальные вещи, убытков почти не было.

Новая экономическая политика стала животворящей силой для всего русского общества. Внезапно оживилась торговля, повсюду открылись магазины, на прилавках появились ранее припрятанные товары. Люди начали приводить в порядок дома и улицы. Вёдрами пошла в расход краска, мрачная прежде картина становилась цветной и радовала глаз. Уличная жизнь, как и в былые времена, забила ключом. То тут то там мелькали роскошные автомобили. Для посетителей вновь были открыты театры, кинотеатры и другие культурные заведения. В городе кипела жизнь.

В голодный 1921 год урожай составлял третью часть довоенного уровня. В 1922 г. он составил две трети, а в 1923 г. сравнялся с довоенным уровнем. Импорт в 1921 г. (в основном продовольствие) составлял 208 млн. золотых рублей, экспорт — только 20 млн. В 1922 г. импорт составил 270 млн., экспорт — 81 млн. В 1923 г. объём импорта был равен 144 млн. рублей, экспорт вырос до 206 млн. В последний год моей работы в банке, в 1924 г., импорт составлял 234 млн., а экспорт достиг 369 млн. рублей.

Когда потребовалась передышка, Ленин сделал умный и необходимый шахматный ход — ввёл НЭП. Прежде всего, он намеревался удовлетворить требования крестьян. Но было бы ошибкой полагать, что большевики откажутся от своих первоначальных планов ввести новый коммунистический общественный порядок.

Теперь я отчётливо знал, какими ресурсами и возможностями обладает Россия, и не сомневался в том, что наступят времена, когда эта страна не только достигнет уровня промышленного развития Германии и Америки, но и оставит далеко позади себя эти частно-капиталистические страны.

В 1925 г. государство приступило к осуществлению программы по индустриализации. Эта программа была принята на партийном съезде в 1920 г. Ленин мечтал электрифицировать всю Россию, проложить по стране водные пути, возвести плотины и электростанции, необходимые для электроснабжения крупных промышленных предприятий, шахт нефтедобычи. Была создана государственная комиссия по планированию — Госплан. Эта комиссия планировала и осуществляла руководство строительства промышленных предприятий. Наглядным примером трудовых достижений стала гигантская гидроэлектростанция Днепрострой, расположенная в самом сердце промышленной Украины. Для популяризации строительства правительство разумно превратило его в общенародное дело. Каждый мужчина, каждая женщина вносили свои гроши в совместное дело, каждый чувствовал себя хозяином. В 1927–1932 гг. строительством руководил американский инженер Хью Л. Купер. Днепрострой стал гордостью России. В период наступления немцев в 1941 г. русские взорвали своё национальное достояние.

Другим достижением стало Московское метро, по своему убранству и оснащению превзошедшее всё, что было построено в столицах других стран для этих же целей. Был объявлен конкурс, в котором приняли участие многие архитекто-

ры. Лучшие работы были приняты к исполнению. Каждая станция была построена по проектам разных архитекторов. Мощные эскалаторы связывали наземные и подземные станции. Скрытые источники света освещали белоснежные барельефы, создавая праздничное настроение.

Пока организовывался «Российский коммерческий банк» и перестраивалось его здание, я жил в доме генерального консула Аскера[181], где располагалась шведская торговая делегация[182]. Она была прислана «Шведским объединением по экспорту»[183], представляла собой полуофициальную организацию и выполняла функции посольства и консульства в тот период, когда советское правительство ещё не было признано Швецией.

Главой делегации был инженер Альгот Янссон[184], представитель «Шведского акционерного общества по производству спичек»[185]. Позже его сменил секретарь «Шведского объединения по экспорту» Давид Белин. В этом доме жили и другие члены делегации: инженер Лаурин[186], директор Йёста Хелльман, один из руководителей фабрики SKF в Москве, мой одноклассник и старый друг Франс Тойхлер, представитель фирмы «Атлас Дизель»[187], ранее работавший инженером на Нобелевских заводах[188]. Также здесь жил представитель фирмы «Эриксон»[189] инженер Энглунд[190], представитель фирмы «Шведская арматура»[191] инженер Ивар Элиассон. Членом делегации был также директор Улле Ольссон из «Скандинавской компании»[192], но он жил в своём собственном доме. Он был женат на состоятельной русской даме и жил с женой и тещей в их старом родовом особняке, который большевики не тронули, поскольку его хозяином был швед.

Мы вели совместное домашнее хозяйство. На кухне орудовал старый русский повар. Он умело готовил повседневные шведские блюда, которые мы очень любили. На нашем столе бывала селёдка во всех видах, горох, свинина, коричневая фасоль, блинчики с брусничным вареньем, голубцы и другие шведские лакомства. Нам хорошо жилось, нас объединял дух товарищества.

Я покинул торговую делегацию и переехал в роскошные покои «сахарного короля»[193]. Величественный дворец с видом на Кремль стоял на берегу Москвы-реки. Постройка дворца обошлась в несколько миллионов. После революции здание было конфисковано советским правительством. Внутренняя отделка была великолепной, стены увешаны французскими гобеленами, полы устланы настоящими кавказскими и туркестанскими коврами, роскошные бронзовые и хрустальные люстры украшали потолки. Особенно нарядными были залы и приёмные. Комиссариат иностранных дел использовал здание для приёмов, в нём размещались особенно важные зарубежные гости. Здесь с семьёй жил и Литвинов.

В Комиссариате иностранных дел мне пообещали подыскать особняк, который я смог бы использовать в представительских целях. Разумеется, я пользовался бы им за плату, но и это было тогда большой привилегией, так как жилая площадь строго распределялась, на каждого человека полагалось всего несколько квадратных метров.

Прожив несколько месяцев во дворце, я получил особняк и перебрался в него. Ранее дом, занятый мною, принадлежал знаменитому русскому архитектору. Он находился в Риме и не вернулся домой, когда в стране произошла революция. Советское правительство, с большим уважением относившееся к интеллигенции, обра-

тилось к архитектору за разрешением о предоставлении мне во временное пользование особняка, на что было дано согласие. Особняк располагался в центре города, в тихом Серебряном переулке Арбата. Маленький идиллический сад, окружавший его, и вся внутренняя обстановка говорили о прекрасном вкусе хозяина. В этом доме я мог принимать гостей, советских руководителей, зарубежных дипломатов и других важных персон. О назначении личных встреч не могло быть и речи, русские неофициальные лица могли попасть под подозрение в шпионаже, если им случалось общаться с иностранцами. В Москве жили мои русские кузины, но я избегал каких-либо контактов с ними.

Пока я жил в Москве, у меня был массажист по фамилии Линдстрём. Будучи шведом по происхождению, он прожил в России уже сорок лет, был женат на русской, его дети были русскими и не знали ни одного слова по-шведски. Когда-то у него были клиенты из благородного общества, несколько представителей царского рода. Теперь Линдстрём жил в своём именьице под Москвой, куда к нему, «доктору Ивану Петровичу Линдстрёму», часто приходили местные крестьяне, когда им нездоровилось. «Я даю им лекарство, капли в маленьких бутылочках и приказываю строго выполнять мои предписания: пить ни на каплю больше, ни на каплю меньше, чем сказано. Обычно им становится лучше, обо мне идёт добрая молва, ведь я не беру с них денег. Я даю им чистую воду, но, понимаете ли, господин Ашберг, вера делает своё дело», — говорил с довольной улыбкой Линдстрём.

Шведская торговля с Советским Союзом продолжала развиваться и приобретать вес, неопределённое положение торговой делегации[194] не удовлетворяло ни одну из сторон. Произошла реорганизация делегации, её руководителем стал бывший советник шведского посольства в Петрограде Карл фон Хейденстам[195]. Во время революции он оставил свой пост и перешёл в «Шведский торговый банк», где исполняющим обязанности директора банка был его друг Карл Фриск[196]. Теперь он решил, что принесёт больше пользы на посту представителя Швеции в Советском Союзе, особенно потому, что никто более не сомневался в скором возобновлении официальных отношений между странами.

Русский вопрос решался следующим образом. В Каннах в то время проводилась конференция Антанты, на которой обсуждались меры по восстановлению экономики в опустошенных войной странах. Основной темой был Советский Союз. Все пришли к единому мнению, что главным условием для возобновления нормальных экономических связей будет признание Советским Союзом старых долгов и обязательств. При этом исключалось любое вмешательство во внутренние дела страны.

Затем была открыта конференция в Генуе. Это была международная встреча дипломатов, на которую впервые были приглашены представители советского правительства. Чичерин заявил о готовности признать долги, сделанные до и во время войны. Тем самым он снимал напряжение, вызванное ранее декретом о задолженности России. Советский Союз брал на себя обязательство возместить убытки за конфискацию имущества либо возвратить его владельцу. При этом было выдвинуто главное условие — немедленное признание советского правительства и предоставление кредитов. В заключение Чичерин потребовал возмещения убытков, которые понёс Советский Союз в результате блокады, интервенции и Гражданской войны.

Англия и Италия были склонны к обсуждению предложенного русскими. Франция и Бельгия ответили отказом. Ллойд Джордж пытался путём сепаратных переговоров с советским представителем добиться монополии на экспорт русской нефти для «Ройал Датч Шелл компани». Но сведения об этом просочились в печать, и американская газета «Обозреватель», предостерегая конференцию, заявила, что Соединённые Штаты привержены политике «открытых дверей» также и относительно вопроса об использовании русской нефти. Отсутствие единства среди союзников очень осложнило переговоры. Но главным результатом конференции неожиданно стало заключение сепаратного соглашения, которого сумели добиться немцы во время встреч с Чичериным в местечке Рапалло неподалёку от Генуи. Генуэзская конференция таким образом потерпела фиаско. Это происходило в 1922 г.

По соглашению, подписанному в Рапалло, отменялись взаимные претензии сторон на выплату компенсаций за убытки. Германия отказывалась от выплаты компенсаций за убытки своим гражданам с условием не выплачивать компенсаций за убытки и гражданам других стран. Восстанавливались дипломатические и консульские связи между обеими странами, немецкое правительство заявило о своей готовности сделать всё возможное для выполнения частными фирмами обязательств перед Советским Союзом. Министр иностранных дел Вальтер Ратенау, подписавший соглашение в Рапалло, через три недели после этого был убит немецкими реакционерами. Через несколько месяцев союзники возобновили переговоры в Гааге, но, несмотря на их увеличившуюся уступчивость и желание договориться, конференция вновь ни к чему не привела.

Во время Гаагской конференции[197] я несколько раз встречался с Литвиновым. Вернувшись в Стокгольм, я сказал Брантингу, который в то время был премьер-министром и министром иностранных дел Швеции, что наступил удобный момент для назначения в Москву представителя в ранге министра. Ранг и титул министра получил в Москве Хайденстам.

В соответствии с соглашением, подписанным в Рапалло, немецкое правительство направило графа Брокдорфа-Рантцау[198] своим послом в Советский Союз. Граф был в своё время министром иностранных дел Германии. На Версальской конференции он отказался скреплять своей подписью условия для заключения мира, предложенные союзниками. Немцы поступали очень разумно, посылая своего выдающегося дипломата в Москву, которая стала главным пунктом их интересов, так как отношения между странами стремительно развивались.

Я часто встречался с Брокдорфом-Рантцау, этим обольстителем и весельчаком. Он был коллекционером, и частенько при приобретении какого-нибудь предмета искусства наши интересы сталкивались. Граф поздно вставал и работал обычно по ночам, как и Чичерин. Однажды я обратился к нему с просьбой помочь мне получить разрешение на вывоз из моего погребка в Берлине спиртного, оно было мне необходимо для представительских целей, а в магазинах его не было. «Помогу с удовольствием, — сказал граф, — но много нельзя». «А сколько бутылок можно?» — спросил я, мечтая получать хотя бы четыре литра в месяц. «Ну, скажем, 500 бутылок», — услышал я в ответ. Граф считал, что это немного.

Однажды на обеде в честь народного комиссара просвещения Луначарского я пригласил на ленч несколько дипломатов и иностранных корреспондентов. Среди

приглашённых были Брокдорф-Рантцау, посол Италии маркиз Патерно, финский министр Хакцелл, министр Хайденстам и другие дипломаты, я теперь не всех помню. Ленч был назначен на час дня. В два часа Луначарского всё ещё не было, мы решили больше его не ждать и сели за стол. В пять часов появился бодрый, в прекрасном расположении духа Луначарский и, как ни в чём не бывало, с довольным видом, уселся на почётное место. Ел он с завидным аппетитом. Опоздание Луначарского никому не испортило настроения, он был очень остроумным человеком, с большим чувством юмора, поэтому гости, прибывшие на ленч к часу дня, стали расходиться только вечером после девяти часов.

Пунктуальность не является характерной чертой русских. Однажды я пожаловался Шейнману, что непунктуальность русских наносит вред деловым отношениям. Он рассердился и сказал: «Так, это дело мы поправим. Записывайте фамилии всех непунктуальных, я попрошу ЧК их арестовать». Не думаю, что такие меры могли бы привести к желаемому результату.

Непунктуальность русского надо рассматривать в другом плане. Она тесно связана со своеобразным индивидуализмом и художественным темпераментом человека, не желающего подавлять своё стремление к свободе. Я, раб пунктуальности, частенько пытался наказать непунктуального человека, заставив его дожидаться меня, ведь именно непунктуальные люди не выносят ожидания, но вот приближался назначенный час, я ничего не мог с собой поделать и минута в минуту бывал на месте.

В то время не всем разрешалось въезжать в Советский Союз, советское правительство опасалось шпионов и контрреволюционных элементов. Однако интерес к торговле с Советским Союзом был огромным. Многие из прибывших обращались ко мне, чтобы узнать что-нибудь об экономической жизни и перспективах Советского Союза. Моя оценка обстановки совершенно не соответствовала тому, что они слышали от своих пессимистически настроенных дипломатов, не советовавших предоставлять кредиты и не веривших в способность советских руководителей привести в движение экономические механизмы. НЭП произвёл на них сильное впечатление, но и укрепил их в мнении, что советский строй долго не продержится, так как целиком и полностью отвергает капиталистический порядок. Дипломаты были едины в этом мнении, но они общались только между собой, и не замечали, что силы, пробудившие революцию, продолжают работать по всей стране. Конечно, всё давалось с большим трудом, приносились жертвы, но русская молодёжь, охваченная энтузиазмом, верила в будущее. Этот мощный капитал нельзя было не брать в расчёт, когда оценивались перспективы России.

Из Швеции, которая в то время ещё не признала Советской России, прибыла делегация в составе двух человек: адвоката Элиэля Лёфгрена[199] и генерального консула Юсефа Сакса[200]. Они должны были на месте во всём разобраться и устранить все помехи для восстановления нормальных связей между обеими странами. Предметом переговоров, как и прежде, оставался вопрос о выплате компенсаций за разрушенную или национализированную шведскую собственность, о долгах прежнего режима. Но после соглашения в Рапалло положение советского правительства настолько укрепилось, что добиться договорённости по этим вопросам, к чему стремились в Швеции, было просто невозможно. Русские согласились признать старые долги и выплатить компенсацию за убытки, причинённые шведам во время ре-

волюции, но при этом требовали компенсацию за убытки, понесённые страной во время блокады, в которой принимала участие и Швеция. Эта сумма была столь велика, что чистый выигрыш составлял плюс-минус ноль.

Финны, признавшие Советский Союз ещё в 1920 г.[201], стремились укреплять с ним торговые отношения. Бывший министр торговли Финляндии инженер Макконен[202] часто бывал в России. Он жил в нашем банке, в комнатах, приспособленных для приёма наших зарубежных клиентов. Макконен был финноманом, входил в группу Рюти[203] и Хакцелла[204], но любил шведов, так как получил диплом инженера в Чалмерском институте Гётеборга. Он дружил с Иваром Крюгером и его братом Торстеном[205].

Среди деловых людей и предпринимателей, приезжавших в Советский Союз, больше всего было немцев и американцев.

Чтобы получить капитал и стимулировать развитие промышленности, во время НЭПа стали создавать так называемые смешанные акционерные общества. Они наполовину принадлежали государству, наполовину частным лицам. Эта форма сотрудничества вызвала большой интерес за границей. Многие дельцы пожелали нажиться на колоссальных богатствах Советского Союза. Начались переговоры с иностранными владельцами капитала, возникали смешанные акционерные общества, но через несколько лет все они были выкуплены российским государством.

Среди причин, усложнявших признание советского правительства de jure, был и вопрос о так называемой коммунистической пропаганде. 2 марта 1919 г. Ленин открыл в Москве Международный конгресс рабочих, на котором в противовес II Интернационалу социал-демократов был создан III Интернационал. Это укрепило позиции коммунистов, получивших свой собственный международный орган, но одновременно ослабило позиции Советского правительства, добивавшегося признания в Европе и Америке. Социал-демократы, составлявшие основную часть организованных рабочих, были восстановлены против советского правительства.

Помню 1923 год. На съезд в Москву прибыли делегаты Шведской коммунистической партии: З. Хёглунд и Фредрик Стрём. Обсуждался ряд проблем, был поставлен вопрос и об отношении к религии. Уже в начале революции большевики приступили к конфискации несметных богатств православной церкви. Церковь лишали земельных угодий, недвижимости, доходов, не трогали только предметы, необходимые для отправления церковной службы, куда входили иконы, священные сосуды, книги и одеяния священнослужителей. Все религиозные общины были уравнены в правах, ни одна из них не получила поддержки от государства, они должны были существовать за счёт своих прихожан. Православная церковь, потерявшая своё богатство и власть, поддерживала во время Гражданской войны белых генералов и восстанавливала своих приверженцев против нового правительства. Кроме того, новые власти, как и Маркс, считали, что религия — это опиум для народа, и вскоре высшие церковные чины предстали перед судом. Некоторых приговорили к смерти и казнили.

Католические священники также были обвинены в предательстве и организации саботажа декретов и постановлений советского правительства и приговорили к смерти. Многие считали, что смертная казнь будет заменена тюремным заключением и позже можно будет обменять поляков на русских пленных. Суд вызвал волну

протестов не только в Риме, но и во всём мире. Советское правительство отступило перед требованием немедленно освободить осуждённых и заявило о своей готовности отпустить на свободу польских священников. Но советский подданный Буткевич должен был смертью искупить свою вину. Весь церковный мир осудил «жестокое и несправедливое убийство Буткевича». Вероятно, под давлением общественного мнения был отложен суд над патриархом Тихоном. Позже он был освобождён.

Хёглунд и Стрём не одобряли религиозную политику Советского Союза и выступили с протестом. Они считали, что религия должна быть вне политики и что она должна быть личным делом каждого члена общества. Их оппозиция стала сенсацией съезда. Коминтерн, с его строгой дисциплиной и нетерпимостью, не принимал во внимание разницы в уровне развития различных стран. Социальное и экономическое положение шведских рабочих было несравнимо с положением рабочих в отсталых странах. Это привело к разрыву. Хёглунд и Стрём вышли из коммунистической партии[206], за ними последовали лучшие её представители.

В России вместе с Альбертом Энгстрёмом

Лето 1923 года я провёл в шхерах недалеко от Стокгольма[207]. Как-то я отправился в Гриссльехамн навестить Альберта Энгстрёма[208] (XXIV). Там мы договорились вместе ехать в Россию. «Но ты сходи со мной к Бонньерам, я хочу получить у них аванс, чтобы семья могла без меня на что-то жить», — попросил Альберт. Я согласился, и вот мы явились к Туру Бонньеру. Альберт объявил, что едет в Советский Союз, и попросил выдать ему аванс — 5000 крон. Тур заглянул в счёт Альберта и сказал: «Из твоего счёта видно, что аванс за твою следующую книгу уже выплачен». «Но ведь это будет особенная книга, книга о Советском Союзе, куда далеко не все могут попасть!» — возразил я. «Должен тебе сказать, что нам обычно удаётся продать определённое количество книг Альберта Энгстрёма, а что он там напишет в очередной раз, совершенно не имеет никакого значения», — сказал Тур. Делать было нечего.

Альберт рассказал мне, что Бонньеры всегда были предупредительны и корректны с ним. «А как составлен контракт с Бонньерами?» — спросил я, считая, что значимость книги определяется не её продажной ценой, как утверждал Тур, а её содержанием. «Я могу продавать свои книги кому угодно, — ответил Альберт, — но у Бонньеров имеется право преимущественной покупки, если они заплатят ту же сумму, что мне предлагают». Когда он закончил книгу о Советском Союзе, получившую название «Московиты», я предложил ему за неё двойную цену. Позже я встретил с Туром Бонньером и услышал: «Какой ужас! Мы ведь не продали ни на один экземпляр больше, чем обычно».

Приезд Альберта Энгстрёма в Москву привёл в восторг всю шведскую колонию. Люди старались делать всё, чтобы ему здесь понравилось. Я дал всем понять, что Альберт приехал сюда работать, а не веселиться. То же самое я сказал и ему. Позже я узнал, что во время одной попойки он просил всех не проговориться мне о его участии в ней. А ведь он сам первый попросил меня: «Давай договоримся ничего не скрывать друг от друга. Как только кто-то из нас нарушит договор — дружба врозь».

Однажды он сказал: «Я так много слышал о стремлении русских всё приукрашивать, об их потёмкинских деревнях. Но никто тут не собирается дурачить меня.

Даже обидно, я бы показал им, я как раз в хорошей форме». И он принял боксёрскую позу. «Да, жаль, что тебе не придётся подраться, но зато шведский народ может от тебя узнать правду о том, как тут обстоят дела. Никто и не думает, что тебя можно одурачить. Ты видишь неприкрытую нищету и нужду. Надеюсь, что это не восстановит тебя против советского правительства. Ты ведь познакомился со многими его представителями и узнал, что все они честные люди. Твоя поездка сюда имеет очень важное значение. Уже со школьной скамьи нас приучали ненавидеть русских, это сидит в нас с детства. Мы отдали России в 1809 году Финляндию, но разве мы не отдали свои провинции и Германии? Разве к этой стране мы относимся так же, как к России? Несмотря на предостережения Свена Хедина (XXV), нам всё-таки следует ждать угрозы со стороны своих “друзей”-немцев, а не от русских со стороны Норланда. Надеюсь, что глаза у “die dummen Schweden”, “глупых шведов”, наконец откроются».

Каждый день, проходя по Арбату, мы видели на углу нищего старика. Совершенно седые волосы, длинная борода, прикрытое лохмотьями тело — классический тип нищего. Альберт попросил Олле Ольсона, говорящего по-русски, уговорить старика за хорошую плату попозировать ему несколько раз. Щедрый Адьберт предложил ему сумму, равную 10 кронам, за каждый сеанс. Старик презрительно покачал головой: «Ни за какие на свете деньги не уйду со своего угла». Попрошайничество в России очень доходная профессия. Нищий, устроившийся в хорошем месте, может стать зажиточным, так как русские очень отзывчивы и щедры. Теперь таковой профессии в России не существует.

Альберт очень любил ходить на блошиный рынок, на котором продавалось всё, что душе угодно. Особенно оживлённо там было по субботам, но торговля шла и в будни. Альберт приобрёл там несколько прекрасных икон.

Я подозревал, что Альберт быстро сойдётся с Брокдорфом-Ранцтау. Иногда они могли прокутить всю ночь напролёт. Однажды во время очередной пьянки они обнаружили, что являются родственниками. Брокдорф был выходцем из Дании, а Альберт смоландцем, так что, с моей точки зрения, их родство очень сомнительно.

Лучшими друзьями Альберта в Москве были Адольф Лаурин, его земляк из Смоланда, и Олле Ольсон, весёлый и компанейский сконец. Ольсон очень любил Россию, в которой прожил несколько лет. Он любил песни и танцы цыган, тратил на них свои деньги, и цыгане любили его за это. В Москве не было ни одного цыгана, который не знал бы Олле, и он знал их всех по имени. Ольсон таскал Альберта с собой повсюду, особенно они любили бывать там, где продавалось пиво. Это единственное слово, которое Альберт выучил здесь, так как слово «водка» он выучил ещё до приезда в Россию.

Однажды ночью они возвращались домой на извозчике. Вдруг в их пролётку вскочили два бандита. Альберт схватил одного из них и с грохотом швырнул его на землю, следом за ним туда же был отправлен и второй бандит. Пролётка без остановки неслась дальше. Рассказывая об этом происшествии, Альберт сожалел о том, что они не остановились и не посмотрели на негодяев, ведь он их, наверное, здорово отделал.

После подобных оргий Альберт любил бывать наедине со мной. Я должен был играть ему на скрипке шведские народные мелодии, и он пел мне старинные, даже

средневековые шведские песни. Как сейчас вижу его сидящим на стуле, с головой, склонённой в мою сторону, и слышу его протяжное и печальное пение.

Приближался день отъезда Альберта. Мы должны были поспеть домой к Рождеству. С нами собрался ехать Свен Хедин[209], только что вернувшийся из Азии. Члены шведской колонии решили устроить вечер в честь отбывающих Энгстрёма и Хедина. Настроение у всех было приподнятое. Адриан, инженер шведского завода шарикоподшипников[210], должен был произнести в связи с событием торжественную речь, он был любителем спиртного и, видимо, хватил лишнего. В первых же словах его речи в честь Хедина послышалась угроза: «Не знаю, что за открытие ты там сделал, попробовал бы лучше, чёрт побери, продать в пустыне шарикоподшипники, вот тогда мы сказали бы на что ты годишься». Мы быстро вмешались в это дело и успокоили оратора. Адриан был вообще человеком мягким и скромным. Мы намекнули ему, что ждали хвалебную речь в честь Свена Хедина, а не ругательную. Всё обошлось, и веселье продолжалось.

Когда Хедин, Энгстрём и я прибыли в Петроград[211], русские устроили в честь Хедина приём в Географическом обществе, по-моему, так называлось это учреждение. Было много выступающих, и все говорили о Хедине. Он ответил на русском языке. Его красноречие лилось через край, когда он говорил о Советском Союзе и новом режиме, он расхваливал его на все лады. Трудно себе представить, что именно этот человек совсем недавно говорил об «угрозе» Швеции с этой стороны и что через двадцать четыре года он будет славить режим Гитлера, когда тот захватит Норвегию и Данию и будет готов в любой момент наброситься на Швецию.

Мы благополучно прибыли в гавань Стокгольма. Я провёл в Стокгольме Рождество и затем отправился в Берлин.

Предполагалось, что оттуда я поеду в Рим завязывать торговые отношения между Советским Союзом и Италией. В Москве подготовку к этому уже начал итальянский министр маркиз Патерно[212].

Ежедневно я встречался со своим другом Эмилем Виттенбергом, он держал меня в курсе всех событий. Виттенберг был хорошим приятелем Штреземанна, известного борца за мир, получившего за это Нобелевскую премию.

Однажды я получил приглашение на ленч к графу Брокдорфу-Рантцау, брату-близнецу московского посла. Он жил постоянно в Берлине и был чем-то вроде управляющего всех имений кайзера Вильгельма в Германии. Меня встретили как старого друга, было сказано много торжественных слов в мою честь. Но разговор наш быстро перешёл в другое русло, граф заговорил о положении в Германии, в основном он повторил то, что я уже знал от Виттенберга. «Так дальше продолжаться не может, — сказал он. — Германию нужно спасать, но нам нужен человек, который поведёт нас. Спасти ситуацию может мой брат, его нужно только склонить к этому. Мы рассчитываем на вашу поддержку. Вы так хорошо знаете моего брата и сможете по достоинству оценить его возможности». Больше я никогда его не видел, а когда в Москве встретился с его братом-послом, тот ни словом не обмолвился о планах, которые излагались мне в Берлине. Но вполне возможно, что Брокдорф-Рантцау в качестве вождя Германии не стал бы мешать юнкерству и военным добиваться мирового господства.

Мой банк в Берлине, являвшийся по сути только филиалом «Шведского экономического акционерного общества», приобрёл весь пакет акций одного старого

немецкого провинциального банка, которому принадлежала концессия на банковскую деятельность во всей Германии. После переименования банк стал называться «Гарантийный и Кредитный Восточный банк»[213] и был помещён в принадлежащем нам перестроенном здании на Унтерден Линден, 69А, напротив русского посольства. Берлинский филиал «Экономического акционерного общества» был закрыт.

Русские сделки банка, составлявшие основную часть его деятельности, расширялись и теперь охватывали не только экспорт в Россию, но и импорт из России в Германию. Через «Гарантийный и Кредитный банк» финансировались крупные закупки в России пеньки, льна, пушнины, икры, яиц и кишок для немецкого колбасного производства и прочее. На рынок шёл и русский фарфор, и предметы народного кустарного производства: искусно сделанные лакированные шкатулки и бокалы, на которых яркими сочными красками были изображены картинки из крестьянской жизни или русский ландшафт с летящими вперёд тройками.

Я прибыл в Рим в начале января 1924 г.[214], нанёс визиты министру финансов, министру торговли, главам крупных банков, русскому министру[215] и в Шведскую миссию. Барон Бек-Фриис[216], наш министр, пригласил меня на ленч, на котором присутствовал живущий у него барон Ф.У. Врангель[217]. Здесь я впервые встретился с Ф.У., так его все называли. Наше знакомство продолжилось в Париже, где он проживал и куда я позже приехал. Барон был приятелем Альберта Энгстрёма и хотел знать о его впечатлениях от Москвы.

Барон Бек-Фриис тоже был очень приятным человеком. Во время моего пребывания в Риме я часто бывал в обществе этих двух милых людей. Я встречался также с министром Багге, секретарём посольства[218], которого я знал ещё по Гельсингфорсу, с корреспондентом и редактором Энгстрёмом. Хорошо помню прекрасную и талантливую баронессу Астрид Хермелин, которая занималась живописью в Риме и жила там вместе с матерью. Я был знаком с этой семьёй несколько лет, Астрид Хермелин написала замечательный портрет моего сына Рагнара, в день моего пятидесятилетия она подарила его мне. Но в 1940 г. немцы вместе с другими произведениями искусства, которые были у меня в Париже, забрали и его. Помню, Астрид Хермелин была тогда в восторге от чернорубашечников. Они казались ей «ужасно элегантными». Так считали многие не затронутые политикой люди, которых обманывало хорошо отрежиссированное театральное представление фашистов.

Когда в Рим пришло сообщение о смерти Ленина 21 января 1924 г.[219], я понял, что это повлечёт за собой большие перемены. Я знал, что Ленин долго болел. Профессор Хеншен[220] и его сын[221], специалисты по болезням мозга, были вызваны в Москву. Тогда уже было ясно, что состояние здоровья Ленина критическое. Я решил немедленно вернуться в Москву и, отменив все деловые встречи, покинул Рим.

Смерть Ленина, конец НЭПа

Смерть Ленина стала страшным ударом для русского народа. Люди не могли себе представить, что его больше нет. Похороны проходили на Красной площади при стечении огромного потока граждан, которых не остановил даже сильнейший мороз. Гроб по очереди несли Сталин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин, двое рабочих и два крестьянина. Евдокимов, представитель петроградской организации компартии, обладавший очень сильным ораторским голосом, с подмостков зачитал декларацию Всероссийского съезда.

Новая экономическая политика Ленина была необходима стране как инъекция больному. Ленин ни на секунду не сомневался, что возврат к капитализму невозможен. Больной организм начал набирать новые силы. Нужно было продолжать строительство коммунистического государства. Зарубежный капитал, введённый НЭПом в Советскую Россию, был выплачен его владельцам.

К Государственному банку отошли основанные мною «Русский коммерческий банк», «Шведское экономическое акционерное общество» в Стокгольме, «Гарантийный и кредитный банк для Востока» в Берлине, «Скандинавское кредитное общество» в Копенгагене. Эти учреждения я создавал для ведения дел с Советской Россией. Мне предложили остаться в Советском Союзе и занять пост вице-председателя в «Русском коммерческом банке», но я отклонил данное предложение, так как счёл мою задачу выполненной, и остался на должности председателя трёх банков, находящихся за границей.

Люди полагают, что я разбогател, участвуя в сделках с русскими. Ничего другого они и не могли подумать, так как я ворочал огромными суммами денег. Мне становилось смешно, когда я слышал о себе подобные вещи. Ведь деньги принадлежали не мне, а русскому государству. Мои заслуги были скромными, а мои личные средства даже уменьшились за годы моего сотрудничества с Советским Союзом. В работе я видел не выгодную сделку, а почётное поручение, которое я с благодарностью принимал.

Все представители советского руководства, с которыми я общался, работали не покладая рук, вели скромный образ жизни, такой же нищенский, как и у всего

остального народа. Рассказывали, что повсюду снова стали давать взятки чиновникам, чтобы чего-нибудь добиться. Так могли говорить только люди, не знавшие, как обстояли дела на самом деле, или просто лгуны. Я, проработав несколько лет в Советском Союзе, знаю, что любая попытка возродить взяточничество, строго каралась. Из-за взятки люди могли лишиться жизни. Это стремление к чистоте было сильной стороной нового строя.

Когда я покидал банк, у меня взял интервью Пауль Шеффер, корреспондент газеты «Берлинер Тагеблатт». Он сам прожил в Москве несколько лет и хотел узнать, что я теперь думаю о будущем Советского Союза. Я сказал ему: «Русское общество, подобно мощному дорожному катку, медленно продвигается вперёд, сметая все препятствия, возникающие на его пути. Отдельный индивидуум не играет никакой роли в развитии этого огромного государства. Советский Союз будет идти вперёд, даже если будут совершаться ошибки»[222]. С тех пор прошло 20 лет. Советский Союз достиг на практике таких успехов, которые трудно было себе вообразить.

Когда я в последний день перед отъездом в Стокгольм находился в компании друзей из шведской колонии, ночью, в половине первого, меня позвали к телефону. Звонил народный комиссар иностранных дел Чичерин, просил зайти к нему. В два часа я прибыл к нему в кабинет и пробыл там больше часа. Мы говорили о текущих событиях. На прощание он подарил мне свой портрет. Утром я отбыл в Стокгольм[223].

Здесь я занялся восстановлением шведско-русских отношений. Однажды, возвращаясь с отдыха на пароходе в Стокгольм, я встретился с тогдашним министром торговли Швеции Нильсом Волином[224]. Волин поинтересовался событиями, происходящими в Советском Союзе. К тому моменту Англия и Франция уже признали Советский Союз. Волин попросил меня устроить ему встречу с русским послом Осинским[225]. Я выполнил его просьбу. Волин, хорошо понимавший необходимость незамедлительного признания Советского Союза, склонил правительство к положительному решению этого вопроса.

В связи с признанием Советского Союза Швецией я дал в честь Осинского обед в летнем ресторане, на который были приглашены представители искусства, науки, торговли, промышленности, члены риксдага, деятели профсоюза, кооператоры и пресса.

Мои русские иконы

На Смоленском рынке в Москве, так называемом блошином рынке, шла бойкая торговля. По субботам там было особенно многолюдно. Иностранцы, интересующиеся искусством и антиквариатом, регулярно ходили на этот рынок. После революции сюда попадали великолепные вещи, припрятанные в своё время от властей. Лишь острая нужда заставляла людей продавать эти уникальные предметы.

Здесь я приобрёл мои первые иконы. Часть икон, продаваемых на рынке, принадлежала частным лицам, а другая часть, вероятно, была украдена из церквей и монастырей во время революции. Я не был знатоком искусства, но с первого же мгновения иконы заинтересовали меня. При взгляде на них казалось, что невидимая сила излучает строгость и красоту. Некоторые иконы были грязными и чёрными от копоти свечей. Но они чем-то притягивали меня. После очистки и реставрации под грязной поверхностью обнаруживалось настоящее сокровище, созданное безымянным мастером в XV–XVI веках.

Когда стало известно, что я собираю иконы, ко мне стали приходить люди из бывших аристократических семей и приносили иконы, принадлежавшие этим семьям в течение сотен лет. Им хотелось, чтобы иконы попали в надёжные руки. Они не считали иконы произведениями искусства, для них они были священной силой, оберегающей дом.

Когда Альберт Энгстрём увидел мою коллекцию икон в Москве, то пришёл в изумление. Мы долго молча сидели и разглядывали иконы, а потом он произнёс: «Мальчик, это подлинное искусство. По правде говоря, я завидую. Я и сам бы хотел обладать подобным сокровищем». Тогда Альберт не слукавил. Он стал постоянным посетителем Смоленского рынка и радовался, словно ребенок, каждому своему новому приобретению.

Собравшись вывозить мою коллекцию в Стокгольм, я обратился к министру торговли Красину. Возражений с его стороны не было, но исключительно ради формальности коллекцию должны были осмотреть работники музея. Ко мне пришли четверо музейщиков. Осмотрев иконы, один из них произнёс: «Не понимаю, как

оказались эти иконы у вас. Среди них есть такие, которых нет даже в собраниях наших музеев. Мы не можем дать вам разрешение на вывоз. Можете хранить их здесь, но не вывозить». Я предложил им отобрать для музеев ценные иконы, а на остальные дать разрешение на вывоз. Я заметил, как эти люди просияли. Музейные работники отобрали 13 икон, я подарил их четырём музеям.

Когда иконы были доставлены в Стокгольм, я разместил их в моей вилле, находящейся в Сальтшёбадене. Голландец Корнелиус Боссман занялся реставрацией икон. На это потребовалось несколько лет. Частенько я брал с собой сына Рагнара, и мы наблюдали за работой Боссмана, за тем, как постепенно проявляются чудесные детали произведений.

Переезжая в Париж, я взял с собой большую часть коллекции русских икон. В одном парижском русском антикварном магазине мне посчастливилось раздобыть ещё несколько икон. Золотницкий, хозяин магазина, до революции был продавцом антиквариата в Киеве, где среди его клиентов были члены царской семьи. В Париже большей частью его покупателей были русские аристократы, которым удалось уехать из России. Среди всех красивых русских антикварных вещей, продаваемых в магазине, иконы интересовали меня в большей степени.

Я долго раздумывал над тем, чтобы составить каталог икон, хранящихся у меня. Но за пределами России едва ли можно было найти кого-то, кто был бы способен сделать это. По дороге из Стокгольма в Париже я встретил друга Ханнеса Шёльда, доцента университета в Лунде. Ханнес обладал уникальным талантом к изучению иностранных языков, и, если я не ошибаюсь, он знал по меньшей мере 34 языка. Ханнес познакомил меня с Хельге Щеллином, профессором университета в Лунде, который затем стал основателем и директором Вэрмландского музея в Карлстаде. Когда я встретился с профессором, мы договорились, что он и его жена Стина, специалист по реставрации церковной живописи, приедут на лето в наше французское имение для начала работы по сбору материала о моей коллекции. Эти чудесные люди стали украшением того лета для меня и моей жены, и впоследствии мы оставались друзьями.

Когда распространились новости о том, что я приобрёл в России иконы, шведская пресса подняла крик, обвиняя меня в скупке краденых икон из церквей и монастырей. Меня успокоил старый русский профессор Авинов, директор Питсбургского музея. Он обнял меня и со слезами на глазах сказал, что рад тому, что эти бесценные церковные сокровища займут достойное место в шведской культурной жизни.

В 1933 г. в Стокгольме проходил 13-й Международный конгресс историков искусства. В связи с этим мероприятием я выставил собрание моих икон в Королевской академии свободных искусств, тогда же я передал коллекцию в качестве дара Национальному музею в Стокгольме.

Ольга Николаевна

В 1916 г. в Петрограде я познакомился с одной русской, на которой позже женился. Ей было 28 лет, звали её Ольга Николаевна Зубкова. Она была разведена с мужем-офицером. Жили они в Саратове. Маленький сын после развода остался с отцом.

Ольга была очень музыкальна и обладала необыкновенно красивым голосом. Вся прелесть её голоса становилась особенно явной, когда она пела задушевные русские народные и цыганские песни. Музыка была её жизнью. Ольга начинала петь рано утром, а когда мы жили за городом, она отправлялась в лес, где могла проводить целый день в одиночестве и петь.

В Стокгольме вокруг Ольги собирались русские эмигранты, она звала их к себе в дом, где они чувствовали себя не такими бездомными и несчастными. Позже к нам переехали её сёстры — Вера Шмидт с маленькой дочкой Ниной и Люба, актриса Художественного театра, которая была замужем за молодым одарённым художником. Вместе с нами они переехали в Берлин. Так была собрана вся семья воедино, кроме матери, оставшейся на родине, которая, однако, ненадолго приехала в Берлин, но, заскучав по дому, вернулась назад.

В доме работала служанка Настя, прожившая с семьёй много лет. Она с необычайным умением вела домашнее хозяйство. Настя убирала, шила, вязала, готовила еду, стирала, гладила белье, чистила серебро, полировала мебель и пекла превосходные пироги. Она всегда была с семьёй, будь то в моменты радости или горя. Она плакала и смеялась вместе со всеми, и каждый мог прийти к ней со своими заботами.

У Ольги в нашем доме в Берлине жили и её дальние родственники, молодые и старые, и даже друзья. Некоторые из них навсегда покидали этот мир в нашем доме, здесь появлялись на свет новые люди. Печаль сменялась радостью.

Дела требовали моего постоянного присутствия в Москве. Когда я приезжал в Берлин, мне приходилось жить в гостинице из-за того, что мой дом был переполнен.

Иногда Ольга ездила со мной в Москву и чувствовала себя там как рыба в воде. Она очень тосковала по своему сыну. Мальчик же, наоборот, живя постоянно с от-

цом, не разделял материнских чувств, несмотря на все подарки, что он получал от неё. Для Ольги это было самым большим горем.

Развестись в то время было так же просто, как и жениться. Поняв, что наши взгляды на жизнь часто не совпадают, мы решили разойтись. Ольга осталась в Берлине и целиком посвятила себя искусству, не только пению, но и живописи. Во Франции было организовано несколько выставок её работ. Вера умерла от тяжёлой болезни, а вскоре и её муж. Их дочь Нина навестила меня как-то раз в Париже приблизительно в 1935 г Она была замужем за немецким офицером и направлялась к Ольге, которая переехала в своё имение в южной Франции. Больше я никогда о них не слышал.

Положение тех русских эмигрантов, кто всё ещё верил в падение власти большевиков и надеялся на возвращение в Россию и получение имущества, становилось всё тяжелее. Им пришлось продать свои ювелирные украшения, меха и предметы искусства. Кто-то сдался, но часть из них начала работать с невиданной прежде энергией и предприимчивостью. В основном все они были художественно одарёнными людьми, что наложило отпечаток на их деятельность. Их величественный нрав и мягкий любезный характер делали их обожаемыми людьми в тех странах, куда они переезжали. Естественно, большинство из них были непримиримыми противниками большевизма, лишившего их всех привилегий в обществе, но время лечит раны. В 1944 г. в Америке я встретил одного из них, и он сказал: «Вы ведь понимаете, что мне не нравились большевики. Но, должен признаться, после той храбрости, мощи и самопожертвования, что Советская Россия показала миру, я горжусь тем, что я русский».

Яльмар Брантинг

Когда Яльмар Брантинг умер, мир потерял одного из своих величайших сыновей. Я пишу эти строки через двадцать лет после его смерти и пытаюсь до конца понять, что он значил для Швеции, всего мира, для бедных и для тех, кому посчастливилось считаться его друзьями. Я вспоминаю события, связанные с его именем, и перед моим взором возникает его рослая фигура. Я вижу его густые усы, лохматые брови, торчащие ёжиком седоватые волосы, мягкий взгляд серо-синих глаз. Благородный, отзывчивый, проницательный и бесстрашный, деятельный человек-гигант, неподкупный борец.

Будучи молодым студентом, он привлёк к себе внимание людей тем, что часть своего наследства, доставшегося ему после смерти отца, профессора Габриеля Брантинга, отдал на поддержку рабочего движения. В первые годы ему приходилось бороться и преодолевать трудности. Но благодаря уму, навыкам лидера и свойствам сильной личности, ему удалось привести рабочее движение к блестящим победам.

Я опущу то, как зарождалось рабочее движение, и упомяну лишь некоторые события из его истории. Сплочённость рабочих способствовала мирному разрешению судьбы унии в кризисный период. Швеция и Норвегия преподали урок всему миру, показав, как цивилизованные нации могут без войны решить даже самые спорные вопросы.

Самым серьёзным этапом, через который Брантингу пришлось пройти, стала стачка 1909 года (XXVI). Европа и Америка с напряжением следили за борьбой между капиталом и трудом. Шведских рабочих поддерживали рабочие организации других стран. Суммы, конечно, были не такими большими, но подобный жест свидетельствовал о солидарности представителей рабочего класса на международном уровне. Возникла опасность, что стачка начнется и в других странах Европы. В то время рабочее движение ещё не было достаточно зрелым, и конфликт мог привести к гражданской войне. Тот факт, что стачка завершилась относительно удачным образом, говорит, прежде всего, о достойном поведении рабочих, но также и о той работе, которую проделал Яльмар фон Сюдов, сдерживая вспыльчивых представителей со стороны работодателей.

Рабочие отступили и проиграли эту битву, но своей организованностью и мудрым поведением во время стачки завоевали уважение и восхищение всех здравомыслящих граждан.

Брантинг был революционером, но не был доктринёром. Он считал, что учение Маркса не может быть с буквальной точностью применено в такой высокоразвитой стране, как Швеция. Согласно идеям социал-демократов, королевская власть должна упразднять. Если бы Брантинг был главой социал-демократической партии в царской России или Испании, то он наверняка упразднил бы власть монарха, которая угнетала народ. Но в Швеции, стране, где король был всеми любим, не было никаких оснований что-то менять. То же касалось религии и духовенства. Священники посвящали себя исключительно своей профессии и не вмешивались в политику.

Во время Первой мировой войны практически все шведы, благодаря умело инсценированной пропаганде, сочувствовали Германии. Даже рабочие, объединившиеся в профсоюзы по немецкому образцу, поддерживали немцев. Страну было легко втянуть в войну на стороне Германии, но Брантинг решительно встал на сторону союзников.

Во время гражданской войны в Финляндии он высказался против вмешательства Швеции в этот конфликт. Выступая в риксдаге, он сказал: «Наступит время, когда Финляндия будет с нами считаться, потому что мы не вмешивались в их внутренние дела».

Яльмар Брантинг стал одним из выдающихся людей, работающих в Лиге Наций. Если бы он не умер, то великим державам не удалось бы вести свои интриги, подготавливая почву для Второй мировой войны.

Моя жена, работавшая его личным секретарем, когда он был премьер-министром, рассказывала, что он никогда не отказывал тем, кто обращался к нему за помощью. Он отдавал людям всё, что у него было. Он любил свою семью, свою жену. Я до сих пор вспоминаю часы, проведённые в кругу его родных или у меня на вилле в Сальтшёбадене.

Последний раз я виделся с Брантингом в Сальтшёбадене. Тогда на ужин ко мне приехали также Херман Линдквист, Элиэль Лёфгрен и Артур Энгберг. Когда гости разошлись, я заметил, что Брантинг был сильно уставшим, каким я прежде его никогда не видел.

О том, насколько он был любим нами, говорит следующее: однажды он сильно заболел и попал в больницу. В тот день я был с Херманом Линдквистом, и он сказал: «Если Брантинг умрёт, то и я больше не захочу жить».

Херман Линдквист лучше всех остальных знал, что значил Брантинг для рабочего класса. Они вместе организовали профсоюзное движение.

Главной силой Брантинга была его приверженность морали. Человеколюбие и справедливость были его главными качествами. В таком духе он воспитал рабочий класс, целеустремлённых мужчин и женщин, которые из пролетариев превратились в состоятельных граждан, обладающих высоким социальным статусом.

Почти всю его жизнь Брантинга ненавидела буржуазия, и любили рабочие. В последние годы буржуазия изменила своё отношение к нему. Один предприниматель выразил это такими словами: «Мы голосуем за социал-демократов, ибо наше дело никогда не процветало так, как в период их правления». Буржуазия поняла: чем больше зарабатывает рабочий, тем лучше идут дела.

Дух, объединяющий шведский рабочий класс, да и всех шведских граждан, свидетельствует о том, что дело всей жизни Яльмара Брантинга процветает и поныне. Его имя как борца за Свободу, Равенство и Братство не померкнет в веках.

Памятник мира

После окончания Первой мировой войны и создания Лиги Наций в мире существовало мнение, что войнам положен конец. Тогда у рабочих возникла идея создать памятник мира, который должен был стать символом мира и увековечить имена представителей рабочего движения — борцов за мир. Я переговорил с Яльмаром Брантингом, и он одобрил идею.

Был создан комитет, председателем которого назначили меня, а секретарём Фредрика Стрёма. В комитет также вошли Георг Брантинг, Херман Линдквист, Хуго Силлен и Арвид Торберг.

В рабочих организациях начался сбор средств для возведения памятника. Из предложенных к рассмотрению комитета проектов была выбрана скульптура Рагнара Геллерстеда «Прометей». Предполагалось, что восьмигранный пьедестал будет украшен бронзовыми барельефами, портретами крупнейших борцов за мир. Австрию должен был представлять Виктор Адлер, Германию — Август Бебель и Карл Либкнехт, Швецию — Яльмар Брантинг, Англию — Кейр Харди, Францию — Жан Жорес, Россию — Ленин, Польшу — Роза Люксембург. На монументе на восьми языках должен был быть выгравирован девиз международного рабочего движения «Больше никакой войны».

Монумент был готов, началась его отливка. В Городской коллегии рассматривался вопрос о месте установки памятника, дело было передано в Художественный совет и там застряло на многие годы. Причиной задержки стали барельефы. Художественный совет был готов одобрить памятник в том случае, если комитет отказался бы от барельефов, поскольку они придавали памятнику международное значение.

Прошла четверть века, человечество пережило Вторую мировую войну, ещё более страшную, чем первую. Настало время снова браться за работу.

Старые друзья

Городской прокурор Ларс Стендаль был родом из Халланда, занимался земледелием, а потом стал постовым полицейским в Стокгольме. Он отличался крестьянской хваткой, несокрушимой энергией, собранностью, честолюбием и быстро продвинулся по службе, заняв в итоге должность начальника сыскной полиции и первого прокурора в Стокгольме. Его девиз гласил: «Имеешь власть, используй её». Что он и делал. Более верного законника трудно было себе представить. Он сам выносил приговор в том случае, когда считал излишним беспокоить суд. Он был настоящим отцом-покровителем для артистов. Они чуть что бежали к «нашему прокурору» с разводами, спорами, разорванными контрактами. Он читал им кодекс законов, давал советы, как царь Соломон, решал, на чьей стороне закон, и они подчинялись его решению.

Стендаль любил евреев. Оптовик Хейман из фирмы «Хейман и Шёнталь» был одним из его лучших друзей. Он занимался парусным спортом, а парусный спорт был любимым занятием Стендаля. Летом они обычно уходили на парусах в Стокгольмские шхеры. Когда Хейман умер, я занял его место в сердце Стендаля. Мне было позволено называть его «дядей». У Стендаля был такой принцип: если ты старше его сына Стена, то имеешь право обращаться к нему на «ты», а если ты младше, то должен называть его «дядя».

Дядя Стендаль всегда завтракал в компании адвоката Свена Аронсона. Они были завсегдатаями ресторана Драматического театра. Частенько и я присоединялся к ним. Дядя Стендаль всегда пребывал в отличном настроении. Он был большим знатоком и ценителем красного вина.

Свен Аронсон интересовался спортом и редко пропускал призовые соревнования, но также он был и религиозным человеком и вместе с оптовиком Вальфридом Андерсоном построил маленькую красивую церковь в Бирке на берегу озера Мэларен.

Свен Аронсон познакомил меня с Эрнстом Рольфом и Карлом Герхардом. Эрнст Рольф начинал свой путь, работая станочником на заводе в Вестеросе, но после того, как он принял участие в одном любительском представлении, его замети-

ли и пригласили на руководящую должность во дворец Феликса. В качестве директора театра он первым стал организовывать масштабные постановки, которые прежде можно было увидеть только в мегаполисах.

Карл Герхард уже в юности стал актером, работая при этом кучером. Впоследствии Герхард сделался директором театра, и среди артистов, работающих на него, был Йёста Экман.

В своих пьесах Карл Герхард строго осуждал лицемерие и жульничество. Он ненавидел всё неискреннее и ненастоящее. Горе было тому, кто попадал под его удар. Карл Герхард прославился не только в Швеции, но и во всём мире. Наше правительство страшилось его премьер не меньше, чем парламентских дебатов. Я рад быть его другом. Но я знаю, что если понадобиться, то ничто не остановит его перед тем, чтобы выложить всё начистоту, даже если дело касается его лучшего друга. Его неподкупность делает его ценнейшим представителем культурной жизни нашей страны.

В своё время мне довелось обратиться за помощью к «нашему прокурору». Это случилось, когда Отто Банк, судовладелец из Гельсингфорса, предъявил мне иск по обвинению в банкротстве.

В царское время капитан Банк и я приобрели партию русских облигаций. Капитан внёс деньги и, согласно договору, шестипроцентная рента принадлежала ему, а прибыль или убыток мы должны были разделить поровну после окончания войны и установления нормальных условий жизни.

Однако капитан Банк, с которым у нас всегда были дружеские отношения, попал под влияние пользующегося дурной славой сутяги, который к тому же не был юристом. После того как он предъявил мне иск по обвинению в банкротстве, в газетах появились напечатанные крупным шрифтом заголовки: «Ашберг обвиняется в банкротстве». В то время я был директором «Российского торгового банка». В Москву пришла телеграмма об этом обвинении. В русскую прессу это сообщение не пропустила цензура. Мне, в свою очередь, пришлось объяснять в соответствующих органах, что послужило причиной подобной атаки на меня.

Следуя мудрому совету дяди Стендаля, я потребовал полицейского расследования и тут же сдал на хранение в частный банк в Сёдерманланде 700 000 крон, что составило ту часть денег, которую за меня внес капитан Банк, включая ренту. Когда посредством прессы об этом стало известно, разговоры о банкротстве затихли и поползли слухи о том, что я сам выдумал всю эту историю в целях саморекламы. Дело было закрыто.

*

Летом мы с дядей Стендалем, как правило, отправлялись на моей моторной лодке в шхеры. Взявшись за руль, он попадал в свою стихию. Он любил рассказывать разные смешные истории, при этом хохотал громче всех. Если в его присутствии заговаривали о чём-то, что писали в газетах, он скептически улыбался и говорил: «Мой мальчик, я скажу тебе, что это может быть правдой, но ведь это написано в газетах».

У Стендаля была привычка брать с собой в длинные поездки различные деликатесы, которые он сам покупал. Копчёный лосось, угорь, баранина, оленина, не говоря уже о винах.

С нами в Шхеры часто ходил Херман Линдквист, с которым дядя дружил, несмотря на их противостояние во время всеобщей стачки. Но особую слабость он питал к Хинке Бергегрену, о котором рассказывал истории, связанные с тайными встречами и съездами русских революционеров в Стокгольме. Русская полиция следовала за ними по пятам и пыталась схватить их, но Стендаль не разделял этого стремления. Ещё неизвестно, куда бы повернулось колесо истории в противном случае, ведь Ленин был в руках у Стендаля. Думаю, что социал-демократы недооценивали этого консервативно настроенного, но дальновидного человека, часто повторявшего: «Я ни разу не распустил их собрание». Рабочее движение не стало бы столь успешным, будь в Стокгольме другой начальник полиции.

Как-то раз дядя Стендаль вместе со своей любимой супругой навестили нас в Париже. Исаак Грюневальд нарисовал его портрет, изобразив Стендаля суровым, крепким начальником полиции и сенатором. Мы же, зная его близко, воспринимали дядю Стендаля как человека с добрым сердцем, вершившего правосудие и втайне питавшего жалость к преступникам, как капитана шхер, с долей юмора утверждавшего, что ложь не так уж плоха, иначе каким был бы мир, если бы всё, что говорили люди, действительно было правдой.

Я снова женюсь

Отец мне как-то сказал: «Тебе надо ещё раз жениться. У меня на примете есть одна девушка». «Об этом я как раз и не думал, но если я женюсь, то только на той, с которой меня познакомила Анна Брантинг», — ответил я.

На другой день весной 1926 года я отправился в Чехословацкое посольство, чтобы встретиться с Сири Кугельман. Она решила, что я пришёл за визой или хотел завязать торговые отношения с Чехословакией, и, когда я попросил её руки, посчитала это забавным розыгрышем. Но заметив мой серьёзный вид, попросила времени на раздумье.

До этого момента я встречал Сири Кугельман у Брантингов. Она была дочерью давних друзей моих родителей, оптовика Семми Кугельмана и его жены, урождённой Ниман. Ещё молодыми они переехали в Швецию из Германии. Её отец умер 11 лет тому назад, недавно умер и её брат. Теперь они жили вдвоём с матерью.

Мы поженились в сентябре 1926 г. и отправились в свадебное путешествие во Францию. Мы жили в отеле «Резервар», расположенном в Версале. Нам очень понравилось французское общество, и тогда мы решили, что переберёмся в Париж, когда я отойду от дел.

В семи километрах от Версаля мы купили поместье площадью в 10 гектаров. Дом с двадцатью комнатами принадлежал когда-то семье банкира Жоржа Малле, одному из «двухсот правящих семейств» Франции.

Местечко называлось Буа дю Роше. Последние десять лет здесь никто не жил, и территория вокруг дома сильно заросла. Благодаря тому что мы начали активную работу по ремонту и благоустройству дома, я смог получить некоторое представление о рабочих условиях во Франции. Мы провели здесь всю осень, которая в тот год выдалась необыкновенно красивой и тёплой. Но в конце ноября погода резко сменилась, начался холод, туманы и осадки.

В то время что мы жили в Париже, мы встретились с Сигрид и Исааком Грюневальдами, с которыми я дружил уже на протяжении нескольких лет. В моей вилле в Сальтшёбадене Исаак выполнил роспись потолка на библейский мотив, что хорошо сочеталось с моей коллекцией икон. Исаак с женой снимали большую мансарду

в богемном стиле в районе Монпарнас. Исаак боролся за новое направление в живописи, как он сам его называл, «новый ренессанс в искусстве», то есть простота и ясность в использовании выразительных средств.

В Париже по случаю революционного праздника 7 ноября мы побывали в русском посольстве и решили возвращаться домой в Стокгольм через Варшаву, Москву, Ленинград и Гельсингфорс.

В Москве были заметны перемены, говорящие об улучшении дел. Начались строительные работы, улицы стали чище, в магазинах оживлённее. Отмена НЭПа произошла без помех. Страна приступила к осуществлению грандиозных планов. Повышался престиж советского правительства за рубежом, что было следствием пунктуального выполнения им экономических обязательств.

Мы навестили моих друзей из немногочисленной шведской колонии. Среди них был поверенный в делах Гуннар Рутершёльд, секретарь посольства Харальд Фаллениус, пресс-атташе Нильс Линд и атташе посольства Стаффан Сёдерблум. Нас также пригласила к себе чета Литвиновых. Литвинов, как всегда, был перегружен работой.

Англия, постоянно оттесняющая Россию, потерпела фиаско благодаря трактату Литвинова с Турцией. Трактат был только что подписан. Велись переговоры с Францией относительно долгов, но результатов пока не удавалось достичь. Велись переговоры и с Соединёнными Штатами, которым пришлось встретить противодействие многих сил, в том числе и со стороны американских профсоюзов. Была развязана ожесточённая кампания против советского правительства, при поддержке церковных и контрреволюционных кругов, обвиняющих Советы в разжигании мировой революции.

Мы нанесли визит графу Брокдорфу-Рантцау. Посол был очень любезен. Но когда я заговорил о Франции, лицо его изменилось. Я рассказал ему, что в банковских и промышленных кругах Франции растёт интерес к сотрудничеству с Германией, что оно уже не за горами в связи с начавшейся выплатой в счёт репараций. Посол вдруг поднялся со своего места, сжал кулаки и тяжело опустил их на стол. «Никогда, никогда, — прошипел он. — Мы возьмём реванш!» Я был потрясён. Он показал всю силу озлобленности и жажды мести. Такова была плодородная почва для будущих деяний Гитлера.

В Ленинграде мы проводили время со шведским консулом Эйнаром Иттербергом и его женой, русской красавицей-аристократкой. В городе обнаружилось скопление антиквариата, и мы воспользовались удобным случаем. Для нашего нового жилища во Франции мы купили множество прекрасных антикварных вещей: хрустальные и бронзовые люстры восемнадцатого века, старинные ковры, мебель.

*

Мне говорили, что если я женюсь на фрёкен Кугельман, то одновременно я женюсь на всех её подружках. Шесть девушек, подружившиеся ещё в детстве во время учебы во Французской школе, были неразлучны. Их звали: Соня Вестерстоль, Тони Романдер, Лиза Свенссон, Тайра Ларсон, Лалла Ольфельдт и Карин Линдберг.

Подруги моей жены, так называемые девочки, давно задумывали какой-нибудь сюрприз к нашему возвращению в Стокгольм и переезду в новый дом на Норр-

тулльсгатан, 3. Наконец они решились обставить одну из комнат в восточном стиле. Полагаю, эта идея принадлежала Карин Линдберг, самой воодушевлённой из их компании.

С самого начала Соня Вестерстоль и Карин Линдберг втянули меня в процесс подготовки и на целый месяц приехали в Париж для закупки всего необходимого. Моя жена была очень рада их приезду, но даже и не подозревала, чем они всё время были так серьёзно заняты.

Когда мы вернулись из свадебной поездки, сюрприз ещё не был готов. Но когда шумные работы все-таки закончились, результат превзошёл все ожидания: подруги преобразились в женщин из гарема. Соня Вестерстоль написала книгу стихов, повествующих о моментах жизни моей жены с иллюстрациями в стиле старых персидских миниатюр. Стихи зачитывала Карин Линдберг, а затем каждая вручила свой подарок.

Восторг и радость моей жены невозможно описать словами. Постановка и режиссура подруг превзошла сам Голливуд.

Мы переезжаем в Париж

В новом 1927 году мы окончательно переехали во Францию. Было жалко оставлять жилище на Норртуллсгатан, с которым так много было связано, и которым я владел в течение 12 лет. В то же время нам хотелось иметь свой дом и в Швеции, и мы оставили за нами виллу в Сальтшёбадене.

В Буа дю Роше шёл ремонт. В Париже мы сняли третий этаж старинного дома на улице Фобур Сент-Оноре. Квартира была маленькой, но я радовался и этому, так как в городе сильно не хватало жилья. Дом принадлежал торговцу антиквариатом Золотницкому, клиентом которого я был. На третьем этаже этого дома жил наш сторож.

Со времён революции сторожа стали играть важную роль в общественной жизни Франции. Они буквально хранили судьбы людей в своих руках. Они скрывали или выдавали тех, чьих табличек с именами не было на дверях квартир. И по сей день полиция, разведывательные отделы и налоговая используют сторожей в качестве своих агентов. Сторожа оказывали такое сильное влияние на жизнь постояльцев, что некоторым приходилось переезжать, а некоторым стараться сохранить квартиру только ради хорошего сторожа. Как я узнал от нашего сторожа, разведывательное управление интересовалось и моей платёжеспособностью.

Будучи приезжим, я считал, что у меня есть некоторые обязанности. Французы больше были возмущены наплывом американцев и считали их виновниками роста цен. Для тех, у кого были доллары, повышение цен не играло никакой роли, но французы, чьи доходы поступали в франках, сильно пострадали.

Я не рассчитывал заниматься новыми строительными проектами и перестройкой чего-либо с целью улучшения ситуации на рынке жилья во Франции, но живя в этой стране, я знал, что обязан принести какую-то пользу, а не вести паразитический образ жизни. Этому принципу я следовал всегда. Когда франк падал, я скупал франки.

Я купил замок, расположенный в восьми километрах от города Компьен, в месте, где росли самые большие леса во всей Франции. Замок когда-то принадлежал месье де Вал Руайе, министру юстиции при Наполеоне III, одному из богатейших людей Франции. Я купил его из-за прекрасного чистого лесного воздуха, и мы за-

думали расположить там санаторий или больницу для шведской колонии. Колония, однако, отклонила наше предложение.

Неподалёку находилась маленькая деревенька Ла-Бревье, построенная ещё в Средних веках. Жители деревни в основном занимались рубкой леса и охотой. Для замка я построил электростанцию и предложил жителям деревни также провести свет. Но все они в один голос отказались, так как были довольны своими старыми керосиновыми лампами. Но через несколько лет муниципальные власти проложили через деревню электрический кабель, и большинство всё-таки поддалось искушению принять новое чудо в своих домах.

Старый повар, служивший у министра юстиций, и все эти годы охранявший замок, рассказал, что во время Первой мировой войны немцы разместили ставку главнокомандующего в замке. В саду в одном из деревьев до сих пор находилась застрявшая неразорвавшаяся граната, и нам пришлось вызывать экспертов из гарнизона в Компьене для её извлечения.

В Париже я также купил недвижимость на улице Казимир-Перьер. Недвижимость состояла из пятиэтажного дома, здания конюшни и частного отеля во дворе. Конюшню снесли и на её месте построили восьмиэтажный дом, а над пятиэтажным домом надстроили ещё четыре этажа. Руководство строительством я передал архитектору Арвиду Бьерке, известному своим отличным вкусом.

*

В шведском посольстве в Париже я познакомился с послом графом Альбертом Эренсвэрдом, советником посольства Лагербергом и торговым представителем Свеном Бергиусом. Я не был знаком с Эренсвэрдом лично, но я знал о его свободных политических взглядах и о его содействии художникам в Париже, от чего испытывал к нему большую симпатию.

Со Свеном Бергиусом мы сразу подружились. Он рассказал, что впервые увидел меня в «Новом банке», куда он явился в качестве доверенного лица «Экспортного объединения Стокгольма» для продления контракта об аренде помещений. Его предупредили, что со мной трудно иметь дело. Предстояла нелёгкая встреча. Оказывается, я, выслушав его, сказал только: «Составьте контракт, я подпишу его».

В первый же год пребывания в Буа дю Роше на праздник Середины лета мы пригласили друзей из шведской колонии, в основном это была молодежь. Мы танцевали вокруг майского шеста, Исаак Грюневальд играл на скрипке, Арвид Хиден руководил исполнением студенческих и хоровых песен. Праздник удался, гости начали расходиться только на рассвете. Для тех, у кого не было автомобилей, были наняты автобусы, чтобы довезти гостей до Парижа.

На следующий год мы разослали шведам 150 приглашений, к нам же на праздник прибыло 500 человек. Перед домом мы установили майский шест, подняв синежёлтый флаг. Профессор Хельге Челлин с женой Стиной, которые жили у нас, сочинили стихи, восхваляющие праздник Середины лета, прекрасные цветы и пение птиц. Вершиной торжества стал момент, когда Карина Ари и Отто Торесен перенесли всех нас в сказку «Тысяча и одной ночи». Этот праздник Середины лета прошёл ещё лучше прежнего.

Через день мы получили гневное письмо от пастора Бьюрстрёма, который предлагал нам больше не устраивать этого празднества, поскольку это не наше дело, а дело его прихода. Мы получили щелчок по носу. Чтобы не вызвать раздражения окружающих, мы выполнили указание пастора и перестали устраивать праздники для шведской колонии.

Шведский клуб тоже воспринял устроенный нами праздник по-своему. Один шутник как-то вечером на собрании клуба пел куплеты о том, что на праздник Середины лета Ашберги собрали всякий сброд.

В доме на Буа дю Роше у нас была гостевая книга. Сейчас я понимаю, что подобную книгу стоило отправить в Швецию и хранить её там, поскольку она вмещала в себя историю за целые пятнадцать лет. К несчастью, нацисты изъяли эту книгу, поэтому теперь я вынужден писать по памяти и наверняка я забыл многих дорогих и интересных людей, с которыми встречался во Франции.

Я помню одну замечательную пожилую даму, которая часто навещала нас. Её звали мадам Авриль де Сен-Круа. Она была выдающейся француженкой, представителем в Лиге Наций, борющейся за благосостояние бывших пленных.

Мне запомнилось ещё одно событие, произошедшее в 1927 г. В Буа дю Роше пришла телеграмма от Георга Брантинга с просьбой немедленно связаться с друзьями американских банков и через них вмешаться в дело Сакко и Ванцетти и спасти их от смерти на электрическом стуле.

Эта история началась в 1920 г., когда американскими властями были арестованы итальянские эмигранты Сакко и Ванцетти, обвинённые в убийстве. Оба были анархистами, что в Соединённых Штатах приравнивалось к большевикам, а этого там боялись как чумы. Несмотря на невиновность, они были приговорены к смерти с целью острастки мигрантов, распространяющих революционные идеи. Никакие вмешательства в это дело не помогали. Сакко и Ванцетти были казнены.

Я помню другое событие 1927 года, имевшее мировое значение, — полёт Чарльза Линдберга через Атлантический океан. Я никогда не забуду самолет, пролетающий над Вилакубле. Мы гордились тем, что Линдберг был шведского происхождения, но сильно разочаровались, когда он несколькими годами позднее обратился к нацизму.

Согласно обычаю, каждый год в начале июня восьмиклассники Французской школы в Стокгольме во главе с мадмуазель Жозефин Ролльер совершали поездку во Францию для языковой практики и останавливались у нас.

Я не терял связи с русскими друзьями. Русское посольство находилось на улице Гренеля, там же располагались и другие посольства. В то время русским послом в Париже был Христиан Раковский. Это он вёл в Лондоне переговоры с рабочим правительством МакДональда, признавшим Советский Союз. Консерваторы выступали против признания и, чтобы свергнуть правительство МакДональда, опубликовали так называемое «письмо Зиновьева», в котором давались указания английским коммунистам о том, как следует вести себя на выборах и как проводить работу в армии. Письмо вызвало возмущение среди избирателей. Манёвр удался, рабочее правительство потерпело поражение, на смену ему пришло правительство консерваторов во главе с Болдуином. Письмо же оказалось фальшивкой.

Раковский был блестящим дипломатом. Врач по профессии, он свободно владел французским языком, был элегантным и любезным человеком. Он встретил

меня как старого друга. Мы часто виделись во время его пребывания в Париже. Главой торговой делегации был Пятаков. Я знал его ещё с тех времён, когда я работал в Петрограде, с 1917 г. С ним мы тоже часто проводили время. Все, кто соприкасался с Пятаковым, начинали испытывать к нему большую симпатию.

Раковского сменил Валерьян Довголевский, бывший посол в Швеции. Мы очень подружились с ним и его женой. Он учился в Брюсселе, стал инженером и работал техническим руководителем на крупном французском заводе. Будучи большим любителем искусства, он покровительствовал русским художникам в Париже. Часто он с женой проводил выходные дни у нас в Буа дю Роше. Вместе с ним приезжали и должностные лица, и художники, прибывшие в Париж по делам.

Довголевского сменил профессор Потёмкин. Он был не только учёным, но и любителем музыки. Чета Потёмкиных окружала себя музыкантами. На их приёмах можно было встретить известных советских виртуозов.

Я стремился содействовать укреплению торговых отношений между Францией и Советским Союзом. Некоторые связи с французскими предприятиями крупной промышленности, к ним, прежде всего, относится компания «Женераль де Электрисите», возникли благодаря моим усилиям.

Русских особенно интересовали автомобили. Андре Ситроен после войны приступил к выпуску автомобилей с таким размахом, что масштабы производства стали стремительно приближаться к американскому уровню. Ситроен первым во Франции стал выпускать дешёвые автомобили, подобно тому, как это сделал Форд в Америке.

Когда Ситроен был на вершине успеха, я нанёс ему визит и предложил обратить своё внимание на русский рынок. «Господин Ашберг, — ответил он надменно, — вы ведь понимаете, что при таком спросе на автомобили во Франции нас не может интересовать Советский Союз». «Господин Ситроен, у вас сейчас отличная конъюнктура, но всё может измениться, и тогда неплохо будет использовать русский рынок», — заметил я. Ситроен не желал меня слушать. Продажи шли отлично, заводы разрастались, устанавливалось современное оборудование. Автомобиль «Ситроен» считался самым лучшим и самым красивым на рынке.

Однако разразился кризис. Ситроен поссорился с банками. Он не получал от них помощи, а новое оборудование поглощало большие массы денег. Акции Ситроена, котировавшиеся на бирже в 2000 франков, стали падать. Когда курс акций упал до 250 франков, меня и Ситроена пригласил к себе глава SKF Иван Братт, чтобы разобраться в сложившейся ситуации (XXVII). Ситроен задолжал SKF и просил меня финансировать крупную партию его акций из акционерного общества «Ситроен», но было уже поздно. Слухи о несостоятельности акционерного общества расползлись повсюду. Курс акций упал до 50 франков. И тогда на сцене появился «Мишлен», которому Ситроен заложил большую часть своих акций, и совместно с могущественным банком «Лазаре» осуществил блестящую сделку, приобретя за гроши акционерное общество «Ситроен». Андрэ Ситроен умер разорённым.

Некоторые друзья из шведской колонии

У Свена Бергиуса в Париже был родственник Жорж Левин, который жил в ателье на Монпарнасе. Он не был трудолюбивым человеком. В его чёрных глазах всегда горели весёлые огоньки.

Иногда я был гостем в ателье Жоржа. Главным предметом мебели там был американский бар, за которым он сам смешивал коктейли. Стены украшали карикатуры и юмористические картины. Жорж обладал также внушительной коллекцией марок.

Жорж Левин входил в «Лилла юльафтонклуббен» («Маленький клуб сочельника»). Его председателем был Рольф де Мааре, остальными членами клуба были: Гуннар Бернтсон, Нильс Дардель, Рольф Ександ, капитан Хейне и Арвид Хиден.

Рольф де Мааре был одним из самых выдающихся представителей шведской колонии. Он был собирателем современного искусства. Однако делом всей его жизни стал музей искусства танца, единственный во всём мире, который он создал в Париже.

Гуннар Бернтсон был родом из Гётеборга, он был выдающимся спортсменом и игроком в бридж. Когда у него закончились деньги и пришлось начать работать, он занял пост директора в Шведском клубе. В Шведском клубе все этому очень обрадовались, так как трудно было себе представить человека более подходящего для данной должности.

Арвид Хиден, прежде чем посвятил себя пению, был офицером кавалерии. Арвид был певцом от Бога, и у него было бы блестящее будущее, если бы он не остался в Париже. Добиться славы здесь было крайне трудно из-за невероятной конкуренции. Арвид зарабатывал на жизнь тем, что поставлял шведские деликатесы и напитки. Никому не удавалось сделать шведские продукты настолько известными во Франции, как это получилось у Арвида Хидена. Шведская колония чрезвычайно благодарна Арвиду Хидену, шведскому трубадуру, благодаря которому на протяжении многих лет шведская песня не умолкала во Франции.

Я храню много радостных воспоминаний о временах, когда друзья из шведской колонии навещали нас в Ла-Бревьер, до того, как мы превратили его в детский дом.

В наш круг входила также Эмма Хольмстранд, бывшая оперная певица из Стокгольма. По выходным к нам в Ла-Бревьер обычно приезжали Нильс Конради, Тор Карландер, Эрнст Флюгаре и многие другие. В большом зале нашего замка был огромный камин, вокруг которого мы с друзьями собирались после ужина, пели песни, рассказывали друг другу разные истории и выпивали.

Пирмонт

В немецком княжестве Вальдек находится романтический курортный городок Пирмонт, горячие источники и грязи которого были известны ещё с римских времён. Сюда в сезонное время съезжались на лечение люди со всех концов Земли. Здесь набирались сил Фридрих Великий, царь Пётр, Гёте и многие другие великие личности.

В этом городке в 1855 г. родилась моя тёща Тони Кугельман. Её отец Луи Халеви приехал сюда из Эльзаса и принял фамилию Ниман. Затем он открыл чулочную фабрику. Вязальные машины были розданы крестьянам из близлежащих селений, и те поставляли готовую продукцию. В наследство моей теще достался дом, принадлежавший её матери. На первом этаже дома помещались два магазина, ювелирный и табачный.

Моя тёща ходила во французскую школу и получила хорошее образование. Она знала английский и французский языки, играла на пианино.

Тёща с детства любила этот городок, туда тянулись и её дети. Моя жена и её брат Карл, который умер в 1926 г., часто навещали мать.

Я обычно заезжал в Пирмонт по дороге в Париж или возвращаясь из него. Особенно в этом городе я любил театр и Курпарк, где ежедневно Дрезденский филармонический оркестр под руководством дирижёра Фрица Буша играл превосходную музыку.

Я много раз встречался с давней подругой моей тёщи фрёкен Амели фон Стьетенкрон. Её рассказы о поездах по миру и событиях, случившихся с ней, могли бы стать многотомными мемуарами.

В городе становилось всё меньше еврейских семейств. Их многочисленные предки покоились на местном кладбище. Синагога ещё стояла на месте, в ней хранились старинные книги, но раввин там не появлялся из-за того, что прихожан почти не было. Была ещё жива вдова последнего раввина. Она жила здесь с детьми и внуками, но, когда были введены антиеврейские законы, семья эмигрировала в Америку.

Другой подругой детства моей тёщи была Хелен Гутман. Она жила вместе со своей дочерью Гретой, которая зарабатывала на жизнь для них обоих в хлебном ма-

газине. Им удалось уехать в Швецию, а затем после многих месяцев странствий по России и Турции они наконец обосновались в Палестине.

Одна близкая родственница моей жены в течение последних нескольких лет жила в доме моей жены в Пирмонте. Её сыну удалось эмигрировать в Палестину, дочери в Уругвай. Но бедная женщина, не успев получить шведского вида на жительство для ожидания палестинской визы, была вывезена в Польшу и разделила судьбу миллионов невинных женщин и детей.

О шведских художниках и Шведском клубе в Париже

В двадцатые годы, период процветания рынка искусства, когда лучшие творения современных художников приобретались для Национального музея, шведские художники не имели возможности показать свои работы, так как на свои скромные деньги не могли снимать подходящие залы для выставок. В принадлежащем мне доме на бульваре Сен-Жермен, 26, я освободил помещение для такой выставки. Месторасположение было не совсем удобным, но временно устраивало всех.

Арвид Ярнефельт был другом Толстого, и можно сказать, что Ярнефельт стал финским Толстым. Он хотел сделать мир лучше. Он приходил в церкви и проповедовал, несмотря на запреты служителей. «Церковь для тех, кому есть что сказать народу», — говорил он. В Швеции мы познакомились с Ярнефельтом после постановки его драмы «Тит» в Драматическом театре. В то время он жил у меня, и мне не забыть глубоких разговоров с этим большим идеалистом и большим человеком. Он умер в 1932 г.

Мой сын Стуре открыл здесь выставочный зал и фотоателье, в котором работал чешский художник Рудольф Шнайдер, брат подруги моей жены Ани Вальтер.

В 1931 г. Стуре организовал нашумевшую выставку, где были показаны работы талантливого двадцатидвухлетнего Челля Лёвенадлера. В первый же день были проданы 12 картин, среди его покупателей были граф Эренсвэрд и Рольф де Маре.

Стуре занялся продажей живописи, и я стал его главным покупателем. Таким образом я собрал богатую коллекцию картин и скульптур шведских художников. На Буа дю Роше у меня висели картины Карлсунда, Дарделя, Деттхова, Экегорда, Грюневальда, Лундстрёма, Лёвенадлера, Розена, Шёльда, Цура, Валлина, Врангеля, Эстерлинда. Там же находились скульптуры, исполненные Карлом Фагербером, Фрисендалем, Грате, Цадигом и другими.

Я приобретал работы художников и из других стран, таких как Шагал, Грубер, Кизлинг, Модильяни, Редко, Утрилло и другие. Я собирал не только современную живопись, но и произведения XIX века.

При содействии посла Эренсверда в Париже было образовано Французско-Шведское объединение художников. В правление входили также граф Ф.У. Вран-

гель, советник коммерции Свен Бергиус, граф Карл Аксель Вахтмайстер, генеральный консул Нурдлинг, господа Рольф де Маре и Гуннар Седершёльд. Я стал казначеем объединения. Советниками были художники Нильс Дардель и Исаак Грюневальд. Мы приобрели множество прекрасных работ высокого качества. К сожалению, когда мы делали закупки, цены на картины были высокими, но после кризиса, пришедшего из Америки, цены резко упали.

Финансовый кризис губительно отразился на продаже предметов искусства. Большая часть магазинов закрылась. После краха Крюгера закрылся и выставочный зал Стуре. Курс кроны упал, и, как следствие, шведы, получавшие деньги из Швеции, резко сократили свои расходы.

Тяжелейший удар был нанесён и Шведской академии искусств в Париже, поскольку её финансовым обеспечением в основном занимался Ивар Крюгер.

Новым явлением в мире искусства стало основание доктором Гуннаром В. Люндбергом центра шведской культуры в Париже, Института Тессина. Люндберг организовывал выставки, где художники могли бесплатно показывать свои работы.

Французско-шведское объединение художников прекратило своё существование с уходом Эренсверда с поста посла Швеции. Приобретённые объединением работы художников были переданы Национальному музею в Стокгольме.

Без Эренсверда в Париже стало пусто. Лично для меня это была большая потеря. Мне пришлось испытать тяжесть его отсутствия и беззащитность, когда несколькими годами позднее я был подвергнут преследованиям нацистов.

Мы с женой пригласили в Париж Стину Бергман, вдову писателя Яльмара Бергмана. Она хотела познакомить французов с произведениями своего мужа, особенно с его театральными пьесами. Её свели с выдающимся театральным деятелем Питоевым и его женой Людмилой. Договорились о постановке «Сброда», началась совместная работа. Стина не пропускала ни одной репетиции и вникала в каждую роль. Она привела в порядок и дом Питоевых, где было семеро разутых и раздетых детей разных возрастов. Она чинила и штопала их одежду и чулки, шила занавески и так далее. Одновременно Стина занималась декорациями и реквизитом для театра. С невероятным успехом прошли показы двух спектаклей. Так Франция познакомилась с Яльмаром Бергманом.

Шведский клуб существовал в Париже уже в то время, когда я впервые там побывал, в 1895 г., однако тогда он назывался Скандинавским. Переименование произошло после распада унии в 1905 г. Когда мы в 1926 г. поселились в Париже, председателем клуба был генеральный консул Рауль Нордлинг. Клуб посещали в основном старые холостяки, чтобы полакомиться блюдами шведской кухни. Вице-председатель клуба барон Бенетт постоянно находился в нём.

Преобразователем Шведского клуба стал доктор Иван Братт. Доктор Иван Братт известен как создатель так называемой системы Братта. В Швеции, где спиртному отдавалось большое почтение, его тогда почти все возненавидели. У нас было много людей, считавших героем того, кто больше всех выпьет. Иван Братт мечтал освободить общество от бед, приносимых ему из-за бесконтрольного употребления алкоголя.

В 1914 г. по предложению Братта были введены карточки на спиртное, что вызвало сильное негодование потребителей. Но полиция сообщила о том, что после

введения карточек ей приходилось подбирать лишь одного-двух пьяниц в день вместо обычного десятка. Если бы мы не ввели систему Братта, то пришли бы к «сухому закону», а его зловещие последствия известны нам из опыта Финляндии и Америки. Во время «сухого закона» в Финляндии стали пить даже женщины и дети. В Америке расцвела контрабанда спиртным и самогоноварение, в руках гангстеров сосредоточился сбыт спиртного, вследствие чего образовалось криминальное государство в государстве.

В 1928 г. Иван Братт отошёл от официальных дел. Он принял предложение от частного предприятия и стал главой SKF в Париже.

Прежде я знал Ивана Братта крайне поверхностно, но я восхищался его деятельностью, которая сделает его одним из выдающихся людей в шведской истории. Поэтому я был рад оказать ему услугу, сдав ему один этаж в моём нововыстроенном доме на улице Казимира-Перье во времена, когда в Париже невозможно было найти жильё.

Он любил Францию, здесь он обладал обширными связями. Братт считал, что новый Шведский клуб даёт возможность развития и укрепления шведско-французских отношений. Кроме того, Шведский клуб должен был стать основным центром для шведской колонии в Париже и соотечественников, прибывающих из Швеции. Прежний клуб располагался в неудобном месте на узенькой улочке и предназначался только для мужчин. Правление старого клуба с радостью приняло проект Братта и начало ему во всём содействовать. Братт был избран председателем нового правления. Под сильным напором со стороны Братта я согласился войти в правление. Позже мне пришлось пожалеть об этом.

Идея Братта была воплощена в жизнь. Новый Шведский клуб открылся на улице Риволи. На открытии присутствовал Его Величество король Густав V.

*

Одним из старых друзей Свена Бергиуса был диспашер Конрад Пинеус, живший в Гётеборге. Я и раньше был с ним знаком и даже вёл вместе с ним кое-какие дела, но ближе мне довелось узнать его только после его прибытия в Париж. Пинеус был любителем искусства, создателем Галереи Фюрстенберга в Гётеборге.

В Париже Пинеус был словно рыба в воде, поскольку любил Францию. Здесь он мог вдоволь насытиться всем, что любил: театром, музыкой, искусством и красивыми женщинами.

В 1938 г. на домашнем ужине именно Конрад Пиниус представил меня профессору Торгни Сегерстедту. Это был незабываемый вечер. Я в течение многих лет следил за деятельностью Сегерстедта и восхищался им.

В этот самый момент, когда я пишу эти строки, находясь в Америке, пришла новость о смерти Сегерстедта. Это большое горе и невозместимая потеря. Сегерстедт всегда стоял горой за демократию. Он был апостолом правосудия, свободы и гуманности. Он относился к категории великих людей, таких как Карл Линдхаген и Туре Нерман, которые, будучи политиками, не занимали сторону какой бы то ни было партии, а боролись за права человека, вне зависимости от расы, цвета кожи или вероисповедания.

О политике и аферах

В 1926 г. резко упал курс франка. Раймонд Пуанкаре, бывший президент страны, немедленно образовал коалиционное правительство. Он отлично понимал, что падение курса немецкой марки было подстроено для того, чтобы избежать платежей в счёт репараций. Пуанкаре удалось добиться стабилизации курса франка. Это произошло потому, что Пуанкаре принадлежал той категории французских политиков, для которых честь и интересы Франции были превыше всего.

В период Первой мировой войны неофициальным представителем Франции в Стокгольме был Андре Вальц. Он почти без акцента говорил по-шведски и был женат на шведке. После войны он вернулся в Париж. В его доме я познакомился со многими интересными людьми. Одним из них был Андриен Марке, мэр города Бордо, член нескольких правительств Франции. Он был социал-демократом, затем перешёл в партию неосоциалистов, что привело его к фашизму и позже возвело на пост министра внутренних дел правительства Виши.

Там же я познакомился с адвокатом и политиком Анатолем де Монзи, членом почти всех правительств, занимавшим тот или иной пост. Я познакомился с этим человеком в период подготовки Германией репарационных выплат. Между немецкой и французской промышленностью заключались сделки, и здесь кое-кто проводил мошеннические операции.

Известный французский адвокат Анри Торрес в своей книге «Пьер Лаваль, предатель Франции» рассказывает о мошеннических операциях бельгийского финансиста, поселившегося во Франции и завязавшего там связи с влиятельными людьми. Во время суда над этим человеком, которого звали Фонтэн, его защитниками выступали бывшие министры юстиции Франции Анатоль де Монзи и Пьер Лаваль. Мошенничество защищали бывшие представители правосудия страны, и это во многом объясняет, почему эта страна потерпела поражение в войне.

О том, что творилось во Франции до Второй мировой войны и что, в конечном счёте, привело её к поражению, можно судить по аферам Ставиского.

Ставиский родился в 1886 г. в России. Будучи совсем юным, он переехал во Францию, был хорош собой и пользовался большим успехом у женщин. Он похи-

тил драгоценности у одной знаменитой актрисы, которая не только простила ему это, но и дала деньги на приобретение ночного клуба. Ставиский давал полиции ценные сведения о своих клиентах, за что пользовался её покровительством.

Он занимался подделкой чеков, кражей драгоценностей, но полиция смотрела на это сквозь пальцы. Неожиданно оставив свой ночной клуб и собутыльников, Ставиский под новой фамилией занялся иной деятельностью. Он приобрёл одну газету, репортёры которой собирали пикантные подробности из жизни представителей правительства и других видных деятелей.

Позже он занялся мошенническими операциями по продаже облигаций, на которых, грабя мелких вкладчиков, нажил два миллиарда франков. В январе 1932 г. полиция обнаружила его мёртвым на собственной вилле. Голова была прострелена, револьвер лежал рядом. Были арестованы сотни людей, замешанных в его грязных делах. Судья, у которого скопились сведения о причастности к делу высокопоставленных лиц, был найден убитым. Затем последовала цепь загадочных убийств и самоубийств. Но знавший всё Ставиский был уже мёртв.

Судебное дело против «Всеобщего сберегательного банка»

Мой приезд из Парижа в Гётеборг был отмечен своеобразным приветствием национал-социалистов. В их газете «Ден свенске Нашунальсосиалистен» крупными буквами было напечатано: «Когда арестуют Ашберга? 88 000 ограбленных шведов требуют справедливости». Я относился к той немногочисленной группе богатых шведских евреев, к которой относилось и семейство Валленберг, имена которых постоянно использовались национал-социалистами в пропагандистских целях. Один из деятелей выпустил в своё время брошюру под названием «Всеобщий сберегательный банк и Улоф Ашберг. Шведский вариант дела Ставиского». Эту брошюру распространили не только в Швеции, но и среди членов шведской колонии в Париже.

Мне никогда не приходило в голову связываться с пасквилянтами, но в этот раз дело зашло слишком далеко. Я решил проучить нацистских клеветников. Я поручил моему адвокату подать в суд на лидера нацистов Линдхольма (XXVIII), издателя той газеты, и потребовать за нанесённые оскорбления возмещение в размере 10 000 крон. Линдхольм хвастался, что он располагает обличительными документами, которые предъявит, как только это потребуется. Я обратился в Полицейское управление Стокгольма и потребовал провести расследование.

Решение городского суда потрясло Линдхольма. Он обратился в Верховный суд. Верховный суд приговорил Линдхольма к двум месяцам тюрьмы и подтвердил все решения Городского суда. Линдхольм обратился к королю. Его Высочество подтвердил решение Верховного суда, и Линдхольм получил своё.

Идея образования «Всеобщего сберегательного банка» принадлежала Густаву Свенссону. Он скупил большие территории, прилегающие к Стокгольму, с тем, чтобы улучшить жилищные условия для неимущих граждан. На деньги вкладчиков должны были быть построены новые маленькие квартиры. В начале всё шло по плану, но в конце 1920-х гг. до нас добрался американский кризис, и оказалось, что Свенссон начал расширять своё предприятие слишком поспешно.

Относительно Густава Свенссона и основанного им «Всеобщего сберегательного банка» могу высказать мою личную точку зрения. Свенссон был мыслящим

деловым человеком. Он был оптимистом и так же, как и многие, не чувствовал опасности, таящейся в общем финансовом положении.

Крах «Всеобщего сберегательного банка» был первым значительным событием такого рода в Швеции. Этого могло бы и не произойти, если бы банку оказали помощь другие банки или государство. Никто не потерял бы и копейки, так как банк располагал достаточными средствами. Зависть других привела банк к краху. Мюрдаль в своей книге «Контакт с Америкой» справедливо заметил: «В Америке успехам человека радуются все».

Густаву Свенссону, хоть он и заслуживал успеха, не удалось воплотить свои идеи в жизнь. В сложившихся экономических условиях всё зависит от конъюнктуры.

Теперь проектом Густава Свенссона занимается жилищно-строительный кооператив, и архитектор Свен Валландер вносит свой вклад в его реализацию. Этот проект сделал Швецию мировым образцом в вопросах строительства современного, здорового и стильного жилья, доступного каждому.

Круиз на «Грипсхольме» и дело Крюгера

В феврале 1932 г. Хуго Крафт, представитель шведско-американской линии в Париже, в связи с предстоящим круизом на «Грипсхольме» обратился ко мне. Рейсовое движение в Швеции из-за кризиса в Америке резко сократилось. Чтобы как-то возместить убытки, владельцы стали устраивать круизы для желающих. Меня уговорили принять участие в первом круизе, рассчитанном на шесть недель. «Грипсхольм» отправлялся из Гётеборга, мы с женой и маленьким сыном поднялись на его борт в Болонье.

В Париже на борт вошли ещё некоторые пассажиры, среди которых был Арвид Хиден, приглашённый для того, чтобы радовать остальных своим пением.

Как это всегда бывает, среди пассажиров образовались небольшие группы. К нашей группе, помимо парижского друга, примкнули фру Вальборг Фернстрём, писатель Сигфрид Сивертс, директор банка Хольмберг. В остальном мы общались с такими милыми людьми, как оптовики Херман Линдквист и Стен Марк, фру София Крюгер, сестра моего старого друга Стена Хидена, издатель Юхан Ханссон, редактор Паллин, инженер Хультман и певец Гуннар Грипп с женой.

Первая остановка была в Танжере, затем, пройдя мимо Канарских островов, мы на день остановились в Тринидаде. Следуя дальше, были сделаны короткие остановки в Венесуэле и на Кубе.

Экономическая обстановка в Гаване была плачевной. Неблагоприятная конъюнктура настолько снизила производство сахарного тростника, что плантаторам едва хватало денег на трамвай. Подобным образом обстояло дело и с табачной промышленностью. Резко снизился экспорт гаванских сигар и других табачных изделий.

Настроение у пассажиров в последние дни круиза заметно поменялось, на борту царила нервозная атмосфера. Из дома приходили тревожные вести. Ходили слухи, что у Ивара Крюгера неприятности, что в связи с неудачно проведёнными им переговорами в Соединённых Штатах о предоставлении кредита курс его бумаг на бирже резко упал. Ко мне зачастили пассажиры, им хотелось знать, как я отношусь к Крюгеру и его деятельности.

По прибытии в Нью-Йорк я отправился к друзьям из разных банков. Настроение у всех было неважное. Когда меня стали расспрашивать о делах в Швеции, я отвечал, что всё не так уж плохо. Единственное, что нас тревожило, были проблемы Крюгера, но о них мы пока знали не больше, чем в Нью-Йорке.

С руководителем одного банка, которого я хорошо знал с 1915 г., мы отправились в кабачок, где, несмотря на запрет, подавали алкогольные напитки в любых количествах. Когда зашла речь о делах Крюгера, я услышал от приятеля: «Скажу тебе откровенно, Крюгер великий мошенник, но никто и пикнуть об этом не смеет».

Экономический кризис разразился после биржевой паники на Уолл-стрит в октябре 1929 г. Затем он охватил весь мир. В момент моего пребывания в Нью-Йорке в стране уже было 10 млн. безработных. Заработная плата тех, кто ещё продолжал работать, упала с 28 до 17 долларов в неделю. Не лучше обстояло дело и с сельским хозяйством. В 1929 г. доход ферм составлял 7 млрд., к 1932 г. он снизился до 2 млрд. долларов. Экспорт снизился на 60%.

Сразу после краха экономики республиканское правительство Гувера пообещало американцам скорое восстановление рынка акций. Но положение становилось только хуже. Участились случаи самоубийств. Процветала преступность, появились новые гангстерские группировки. Имя Аль Капоне стало известным на весь мир.

После того что я узнал и увидел в Нью-Йорке, у меня пропала всякая охота развлекаться на борту теплохода.

До того мы посетили генерального консула Швеции, дружелюбного Улле Ламма, заседавшего в небоскрёбе Крайслер-билдинг. В один из вечеров Анн-Ида Брострём пригласила нас на ужин в только что открытый отель «Уолдорф Астория». Также я встретился с моим старым другом Стеном Хиденом, с которым последний раз виделся в 1892 г. в Фурусунде. Вскоре после нашей встречи Стен умер.

Как-то утром, когда мы уже находились в Атлантике, пришло сообщение о том, что в Париже застрелился Крюгер. Новость привела людей в замешательство, они толпились у доски, где была помещена телеграмма. Один юнец из «Союза шведской молодёжи» с негодованием выкрикивал: «Подумать только, среди нас находится виновник этого несчастья». Он имел в виду меня. Ходили сплетни, что я наживался на падении курса акций Крюгера. Этого я как раз никогда не делал. Я всегда скептически относился ко всем манипуляциям Крюгера и никак не мог понять, зачем спичечной промышленности, даже если бы она удовлетворяла потребности всего мира, нужны столь огромные суммы.

Беспокойство охватило пассажиров, всем поскорее хотелось вернуться домой. Сбережения многих были частью ценных бумаг Крюгера, поскольку вера в него была так же незыблема, как и вера в Государственный банк Швеции.

Едва ли на борту «Грипсхольма» нашёлся бы хоть один пассажир, которого не задела новость о самоубийстве Крюгера. Ходили зловещие слухи, но никто не знал истинного положения дел.

Круиз тем временем продолжался. Через несколько дней, которые показались многим неделями и даже месяцами, мы достигли острова Мадейра и прибыли в Фуншал. Уехав далеко от снежных штормов и нью-йоркского холода, мы наконец добрались до южного солнца. Далее наш пароход отправился в Лиссабон, где была сделана последняя остановка для тех, кто сходил с корабля в Болонье.

Ивар Крюгер неприязненно относился ко мне. Он считал, что я действую против него. В течение ряда лет он шпионил за мной. Об этом я узнал, когда после его смерти мне предложили купить досье, заведённое на меня.

Ивар Крюгер напоминал мне одного человека, о котором много говорили в России в последние годы существования царского режима. Фамилия его была Ярошинский. Высокий представительный господин обладал хорошими манерами. Ему принадлежал сахарный завод в Киеве, но этого ему было мало. Он мечтал о власти и богатстве. Переехав в Петроград, через Распутина он завязал связи с могущественными представителями аристократии. Эти связи он использовал для осуществления своих операций. Хорошо зная ситуацию в стране, он решил завладеть сердцем экономического организма, то есть взять под свой контроль банки.

В то время я часто встречался с руководителями банков Петрограда. Они только с презрением пожимали плечами при упоминании имени этого человека. Но в скором времени они попали в ситуацию, где им грозила опасность.

Чтобы взять под контроль один из банков, Ярошинский на занятые деньги приобрёл достаточное количество акций этого банка. Когда первый банк оказался в его руках, он начал скупать акции другого банка и так далее. Вскоре он, жонглируя средствами различных банков, мог осуществлять любые экономические сделки внутри страны.

Впервые я встретился с Ярошинским, когда выступал в качестве посредника при переговорах о займе для России в Америке. Он пригласил меня в свой роскошный дворец и рассказал о планах использования российских природных запасов. «Но для этого мне необходим заём, не менее 100 миллионов долларов». В этом человеке было что-то привлекательное. Я думаю, что американцы по достоинству оценили бы его. Но произошла революция, и его карточный домик рухнул.

В Америке похожей славой пользовался Сэмюэл Инсалл. Он начал свою карьеру в качестве инженера, позже стал управляющим чикагской компании, снабжающей город электричеством. Затем он прибрал к рукам сорок подобных мелких компаний в близлежащих городах. В 1912 г. он образовал холдинговую компанию, которая ничего не производила, а только контролировала акции других электрокомпаний. Но и на этом Инсалл не остановился. Вскоре его холдинговая компания «Мидл Вест» пустила корни в 32 штатах Америки из 48. Он владел конями, железными дорогами, электростанциями.

Во время кризиса Инсалл пытался поддерживать курс своих акций свободными средствами контролируемых компаний. Когда эти средства кончились, он в 1931 г. прекратил все выплаты. Оказалось, что он задолжал 253 млн. долларов, имея в наличии лишь 43 млн. Был разорён не только он, но вместе с ним и сотни тысяч семей.

*

Изначально Первая мировая война была противоборством Англии и Германии, а также борьбой за господствующую позицию в мировой торговле. Война закончилась победой Англии, но эта победа дорого обошлась.

В большом российском государстве народ был освобождён от царского правления. Рабочие и крестьяне захватили власть. Был установлен социалистический по-

рядок, а все попытки капиталистического мира разрушить социалистическую державу провалились.

Более того, изоляция Советского Союза привела к расшатыванию системы мировой торговли. Больше всех пострадала Америка во времена правления Гувера, чей министр финансов окончательно потерял голову. В результате экономического кризиса 12 млн. человек стали безработными. Революция была бы неизбежна, если бы в последний момент Новый курс Рузвельта не спас ситуацию.

Рузвельт понимал, что нельзя рушить связи между странами, и его первым делом стало признание Советского Союза. Но недальновидные американские финансисты, желавшие любой ценой свергнуть социалистический режим, поддерживали гитлеровское движение и его пропаганду, что было подтверждено в официальном докладе Джорджа Гордона, посла Соединённых Штатов в Берлине в 1930 г.

Даже нефтяной магнат Детердинг был на стороне Гитлера. После того как Советский Союз во много раз увеличил производство нефти, Детердинг увидел в нём опасного конкурента на мировом рынке.

Уничтожение первой социалистической державы было делом жизни и Ивара Крюгера. Советский Союз обладал безграничными запасами осины, важнейшего сырья для производства спичек, и мог снабжать спичками не только своё население, но и весь мир. Отсюда становятся понятными антидемократические настроения Ивара Крюгера и внушительный кредит, предоставленный им Германии.

Махинации Инсалла затронули только Америку, но в любом случае из них можно извлечь урок. Подобной катастрофы не могло случиться в Швеции. Здесь газовые, водопроводные станции, железные дороги и даже телефонная связь, почта и телеграф принадлежат государству или муниципалитетам.

Социальная революция в Швеции прошла мягко. Многие шведы и не заметили, как нищие и презираемые рабочие превратились в передовой руководящий класс нашего общества, и это привело к небывалому процветанию страны. Повышение жизненного уровня рабочих стимулировало развитие промышленности и торговли. Мы можем занять достойное место среди наций, которые строят новый мир. Мир, в котором уважается достоинство человека и где хлеб и свобода будут у каждого.

Мы уже давно стоим на пороге экономической революции, когда мир перейдёт от частного к государственному типу производства. Мы не можем препятствовать этому развитию, мы можем лишь сдерживать его. Но если работодатели поведут себя так же мудро, как и во время социальной революции в Швеции, то многие от этого выиграют.

Население Швеции невелико, но если мы будем целенаправленно идти к рационализации нашей торговли и промышленности, то наша страна станет значимым фактором в сфере международной экономики. Мы можем встать во главе наций, которые будут строить новый мир — мир, где уважается сам человек, где каждый сыт и свободен.

Комментарии А.В. Островского

1 В тексте указано ошибочно — 4 августа 1914 г.

2 «Американ экспресс» (American Express Company, AMEXCO) — американская компания, основана в 1850 г. в Нью-Йорке в результате объединения нескольких фирм, занимавшихся переводом денег, писем, документов и других ценностей. У истоков компании стояли Генри Уэллс (Wells), бывший в 1850–1868 гг. её первым президентом, и Уильям Джордж Фарго (Fargo, 1818–1881), заменивший его на этом посту в 1868 г. (Brockhaus Enzyklopädie in zwanzig Bänden. Bd. 1. Wiesbaden, 1966. S. 444; Encyclopaedia Britannica. L., 1964. Vol. 9. P. 78–79; Vol. 23. P. 503).

3 Накануне Первой мировой войны германский капитал в акциях 16 русских коммерческих банков составлял около 80 млн. рублей (*Оль П.В.* Иностранный капитал в России. Пг., 1922. С. 192).

4 В 1917 г. свои отделения за границей имели только шесть русских банков, но ни один из них не имел отделений в США (Акционерно-паевые предприятия России, далее — АППР) (Пг., 1917. С. 576–182).

5 «Лионский кредит» (Credit Lyonnais) — французский банк, основан в 1863 г. в Лионе Анри Жерменом (Germain, 1824–1905). В 1869 г. правление и главная контора банка были перенесены в Париж. В 1879 г. «Лионский кредит» открыл своё агентство в Петербурге, а в 1891 г. — в Москве и Одессе, в 1901 г. в Петербурге и Москве начали действовать его отделения. Вплоть до января 1917 г., когда за ним последовал «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», «Лионский кредит» являлся единственным иностранным кредитным учреждением, имевшим в России свои отделения (Encyclopaedia Universalis. Thesaurus. T. 2. Paris, 1988. P. 1217).

6 Чюльбергер (Kylberger), Йеста (Густав-Адольф) — родился в 1882 г., шведский банкир, окончил торговую школу в Гамбурге, стажировался в Германии, Англии, Швеции, в том числе с 1901 по 1902 г. в стокгольмской фирме Зигфрида Варбурга. Входил в правления акционерных обществ «Хассельбанкен», «Альстермо брукс», «Бильманс фабрик», «Скандинависка хандельс акциебулагет», «Эрик Ульсон Тревару акциебулагет», «Трефоре фабрик акциебулагет», страхового акционерного общества «Нурден», пароходного общества «Шведский Ллойд» и пр. (Vem är det? Svensk biografisk handbok. 1923. St., 1922. S. 345–346).

7 Кассель (Cassel), Эрнест (1852–1921) — английский финансист, родился в семье кёльнского банкира Якоба Касселя; уехал в Англию, в 1878 г. женился там на Энет Максвелл (Maxwell, ум. 1881). В 1884 г. открыл собственный банкирский дом. Среди его друзей и партнёров были Макс Варбург, Мориц Гирш, братья Гуггенхейм, Якоб Шифф. Участвовал в строительстве государственных железных дорог в Швеции, являлся основателем «Национального банка Египта», руководил реорганизацией финансов Уругвая. Был близок к английскому королю Эдуарду VII. Единственная дочь Э. Касселя — Мод (ум. 1911) была замужем за членом парламента от консерваторов Уилфридом Уильямом Эшли (Ashley). (Who's who. 1919. P. 72, 427; *Adler C.* Jacob Schiff. His Life and Letters. Vol. 1–2. N.Y., 1975. P. 39, 51).

8 «Акционерное общество Грэнгесберг» (Gängesbergsbolaget), полное название — Trafik A.B. Grängesberg Oxelösund, TGO — одно из крупнейших частных предприятий современной Швеции, основано в 1896 г. «Скандинависка банкен» и Эрнестом Касселем. Главная сфера деятельности — горная и металлургическая промышленность, транспорт (Bonniers lexikon. Bd. 6. S. 642. *Söderpalm S.A.* Wallenberg och Branting. Lund. 1970. S. 11).

9 «Русско-Азиатский банк» был создан в 1910 г. в результате объединения «Русско-Китайского» и «Северного» банков (АППР. Пг., 1915. С. 42).

10 Штаб-квартира фирмы «Джон Мак Грегор Грант корпорейшн» разместилась в Нью-Йорке по адресу: Бродвей, 120. Здесь же находились правления таких известных американских фирм, как «Дженерал электрик», «Федеральный резервный банк Нью-Йорка», «Гуггенхейм эксплотейшн компани», «Уильям Бойс Томпсон и Кº», «Синклер галф корпорейшн», «Стоун энд Вебстер», «Американская международная корпорация», «Эквитебл билдинг», «Вайнберг энд Познер» и др. (*Sutton A.* Wall Street and the Bolshevik Revolution. N.Y., 1974. P. 59, 133).

11 Грант (Grant) Джон Макгрегор (1874–1941) — шотландец по происхождению, в 1895 г. поселился в США, в 1903 г. принял американское гражданство. Коммерческую деятельность начал в 1895 г. в «Каледонен бэнк оф Скотланд», в 1896–1902 гг. в «Мэрчентс лоун траст компани» (Чикаго), с 1902 по 1915 г. менеджер «Американ экспресс» в Лондоне и Нью-Йорке, в 1915 г. стал организатором и руководителем фирмы «Джон Макгрегор Грант корпорейшн», с 1916 по 1921 г. директор Нью-Йоркского отделения «Второго Русского страхового общества», в 1921–1925 гг. вице-президент «Мерчантайл траст компани» (Сан-Франциско), с 1928 г. вице-президент, а с 1932 по 1941 г. президент «Трансамерикен корпорейшн» (Who was who in America. Vol. I. Chicago, 1962. P. 477).

12 Речь идёт о «Втором Русском страховом обществе», которое было создано в 1835 г. и принадлежало к числу не только старейших, но и крупнейших страховых обществ царской России. В 1917 г. его основной капитал составлял 2,5 млн. руб., в правление общества входили Б.Я. Поляков — председатель, С.Е. Савич — директор-распорядитель, М.Л. Бутри, А.А. Повержо и В.В. Пуцберг (АППР. Пг., 1917. С. 435).

13 Сазонов Сергей Дмитриевич (1861–1927), занимал пост министра иностранных дел с 4 сентября 1910 г. по 7 июля 1916 г. (СИЭ. Т. 9. С. 466).

14 Брантинг (Branting), Карл Яльмар (1860–1925) — один из основателей (1889) и руководителей Социал-демократической партии Швеции (СДПШ), с 1907 г. председатель её Исполкома, депутат второй палаты риксдага с 1897 г., в 1917–1918 гг. министр финансов в правительстве Эдена, премьер-министр социал-демократического правительства Швеции в 1920, 1921–1923 и 1924–1925 гг., в 1921–1923 гг. — министр иностранных дел. Делегат Швеции в Лиге Наций с 1920 г., с 1923 г. член Совета Лиги Наций. Лауреат Нобелевской премии 1921 г. В начале XX в. оказывал содействие РСДРП в транспортировке через Швецию нелегальной литературы (Svenska män och kvinnor Biografisk uppslagsbok. Bd. 1. S. 444–446; Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 6. S. 14–38; *Futrell M.* Northern Underground Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland. L., 1963. P. 86).

15 По всей видимости, речь идёт о Григории Абрамовиче Виленкине, который в 1904–1905 гг. являлся финансовым агентом России в Вашингтоне. Учитывая это, а также его связи в банковских кругах США (он был зятем банкира Зелигмана), царское правительство уже в 1914 г. направило его в США для переговоров о займе, и в начале 1915 г. ему удалось обеспечить получение Россией денежного кредита в размере 25 млн. руб. (*Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917 гг. Л., 1969. С. 17–20).

16 Барк, Павел Львович (р. 1858) — был министром финансов России с 30 января 1914 г. по 28 февраля 1917 г. (СИЭ. Т. 9. С. 466).

17 Первая известная нам встреча У. Ашберга с П.Л. Барком состоялась 22 мая / 4 июня 1915 г. (РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 1068. С. 354), а так как в августе 1915 г. У. Ашберг уже находился в США и вёл переговоры о займе (там же, Ф. 630, Оп. 2, Д. 19, Л. 36, 42, 45), то предложение взять на себя посредничество между Министерством финансов России и американскими банками он мог получить не позднее 22 мая / 4 июня 1915 г.

18 «Кун, Леб и Кº» — банковская фирма, основанная в Нью-Йорке в 1867 г. выходцами из Германии Абрамом Куном (Kuhn) и Соломоном Лебом (Loeb). В 1875 г. их компаньоном стал тогда ещё только начинавший свою коммерческую карьеру, но уже имевший международные финансовые

связи, тоже выходец из Германии Якоб Шифф. В этом же году он породнился с Соломоном Лебом, взяв в жёны его дочь Терезу. В 1883 г. другая дочь С. Леба — Гута стала женой Иосифа Ньютона Зелигмана, являвшегося одним из владельцев, а затем и руководителем международной банковской фирмы «И. и В. Зелигман и К°». В 1894 г. третья дочь С. Леба — Нина вышла замуж за гамбургского банкира Пауля Варбурга, а в 1895 г. единственная дочь Якова Шиффа — Фрида — стала женой Феликса Варбурга. Оба брата, оставаясь совладельцами гамбургской фирмы «М.М. Варбург и К°», тоже стали компаньонами фирмы «Кун, Леб и К°». В 1897 г. в число владельцев этой фирмы вступил сын банкира из Мангейма Бернарда Кана (Kahn) — Герман-Отто Кан, начинавший свою карьеру в лондонском отделении «Дойче банка», а затем являвшийся служащим американского банка «Шпейер и К°». Используя родственные связи и личные унии, фирма «Кун, Леб и К°» к началу XX в. заняла в США одно из ведущих мест среди других банковских учреждений. Есть сведения, что она сотрудничала с финансовой империей Д.П. Моргана. В 1904 и 1912 гг. «Кун, Леб и К°» участвовала в предоставлении двух крупных займов шведскому правительству (*Adler C.* Op. cit. Vol. I. P. 172; *Carroso V.P.* Investment Banking in America. A History. Cambridge (Mass.). 1970. P. 19, 505; *Gårdlund T.* Marcus Wallenberg. 1864–1943. Hans liv och Gärning St., 1976. S. 324–325).

19 «Группа Моргана» — одна из сильнейших финансовых группировок США, сложившаяся ещё в конце XIX в. У истоков её формирования стоял Джуниус Спенсер Морган (1813–1890), который в середине 50-х годов XIX в. стал партнёром банкира Джорджа Пибоди (Peabody), являвшегося одним из друзей известного социалиста Роберта Оуэна и одновременно возглавлявшего крупный международный банк в Лондоне. В 1835–1863 гг. он назывался «Джордж Пибоди и К°», а с 1863 г. — «Джуниус Спенсер Морган и К°». Продолжателем дела Д.С. Моргана был его сын (сноска 40) Джон-Пирпонт Морган-старший (1837–1913). Накануне Первой мировой войны группа Моргана включала в себя боле ста фирм с капиталом 22,3 млрд. долл.: 34 банка, 32 транспортные компании, 24 промышленные корпорации, 12 компаний сферы обслуживания, 10 страховых обществ. В 1929 г. акционерный капитал фирм, входивших в группу Моргана, увеличился до 67 млрд. долл., что составляло почти четверть всего акционерного капитала США. В эту группировку входили такие фирмы, как «Д.П. Морган и К°», «Гаранти траст компани», «Нэшнл сити бэнк», «Фёрст нэшнл сити бэнк», «Меллон нэшнл сити бэнк», «Дженерал электрик», «Дженерал моторз», «Интернэшнл харвестер», «Юнайтед стейтс стил корпорейшн», «Американ телеграф энд телефон», «Интернэшнл телеграф энд телефон оф Нью-Йорк», «Нью-Йорк Эдисон компани» и т.д. Особенно велико было влияние этой группировки на транспорте. Из 105 000 км железных дорог США накануне Первой мировой войны группа Моргана контролировала непосредственно 19 100 км, вместе с группой Хилла 10 400, с Вандербильдом 19 500 и с другими фирмами ещё 18 200, а всего 67 200 км, т.е. практически две трети всех железных дорог США. Велика была роль этой группы и в международных морских перевозках. К этому необходимо добавить, что в годы войны большая часть американских займов на европейском континенте размещалась через Моргана, а поэтому он выступал в качестве крупнейшего международного банкира (*Корей Л.* Дом Морганов. М., 1934).

20 Речь идёт о Феликсе Варбурге (Warburg): Варбург, Феликс (1871–1937) — сын известного гамбургского банкира Морица Варбурга и его жены Шарлотты-Эстер, урождённой Оппенгейм. Мориц Варбург (1838–1910) возглавлял один из крупнейших частных банков Германии, который был создан ещё в 1798 г. Кроме Феликса он имел ещё четырёх сыновей: Аби (1868–1929), Макса (1867–1946), Пауля (1868–1932) и Фрица (1879–1962) — и двух дочерей: Ольгу, выданную замуж за Пауля Кона-Шпейера, и Луизу, выданную замуж за Юлиуса Доренберга. После смерти отца Макс Варбург возглавлял семейную фирму «М.М. Варбург и К°» (был женат на Луизе Магнус). Пауль Варбург, приняв американское гражданство, стал одним из руководителей Федеральной резервной системы США. Фриц Варбург был женат на дочери Зигфрида Варбурга — Анне и представлял семейную фирму в Швеции, выступая здесь в качестве неофициального представителя германского правительства по коммерческим вопросам. Феликс Варбург поселился в Нью-Йорке в 1894 г. В 1895 г. он женился на дочери Якова Шиффа — Фриде и в 1900 г. принял американское гражданство. Его дочь Клара накануне Первой мировой войны стала женой сына Генри Ротшильда-Уолтера. Через фамилию барона Гинцбурга Варбурги были связаны с Россией (*Attali J.* A man of influence. The extraordinary career of S.G. Warburg Bethesda, 1987. P. 52, 83; *Farer D.* Op. cit. P. 14; *Warburg M.* Aus meinen Auszeichnungen. N.Y., 1952).

21 Шифф (Schiff) — Якоб Генри (1847–1921) — родился во Франкфурте-на-Майне, выехав в США (1865 г.), первоначально служил в фирме «Франк и Ганс», а в 1867 г. основал собственную брокерскую контору «Будге, Шифф и К°», которая, однако, не выдержав конкуренции, вскоре прекратила своё существование. По одним данным, в 1872 г., по другим — в 1873 г. Я. Шифф вынужден был вернуться в Германию. Здесь некоторое время он работал в фирме «М.М. Варбург и К°» и в только что возникшем (1870 г.) «Дойче банк» (Deutsche Bank). Вступив с 1 января 1875 г. в качестве компаньона в фирму «Кун, Леб и К°», снова вернулся в США и стал одним из её руководителей. Успех его деятельности на этом посту во многом объясняется его широкими связями, которые он сумел приобрести к этому времени. Его друзьями были Эрнест Кассель, Мориц Гирш, Эдуард Нетцлин, Роберт Флеминг и некоторые другие. Среди тех фирм, в управление которых он входил, можно назвать «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», «Уэллс, Фарго и К°» (сноска 2), «Вестерн Юнион телеграф компани», «Сентрал траст компани», правления многих железных дорог, он был вице-президентом фонда барона Морица Гирша, возглавлял благотворительный дом Монтефиоре, участвовал в сионистском движении, оказывал поддержку еврейским эмигрантам из России. Кроме дочери (Фриды), ставшей женой Феликса Варбурга, имел сына Мортимера, женатого на Эдели Г. Нейштадт (*Adler C.* Op. cit. Vol. 1–2; Who was who in America. Vol. I. Chicago, 1962. P. 1087).

22 Кишинёвский погром произошёл в апреле 1903 г.

23 «Гаранти траст компани» (Guaranti Trust Company) — трастовая компания, была основана в 1864 г., находилась под контролем группы Д.П. Моргана. С января 1915 г. президентом компании был Чарльз Сэбин, а вице-президентом (1909–1918) — Льюис Бэтелл Фрэнклин (Franclin, 1878), являвшийся в 1917–1918 гг. президентом «Американской ассоциации инвестиционных банков». В 1959 г. «Гаранти траст компани» слилась с фирмой «Д.П. Морган и К°», образовав фирму «Морган гаранти траст компани». В 1917–1918 гг. в директорат «Гаранти траст компани» входили: Чарльз Х. Аллен (Allen), Эдвард Дж. Бёвинд (Berwind), А. Бэдфорд (Bedford), Томас Е. Вильсон (Wilson), Гарри П. Витней (Whitney), В.А. Гарриман (Harriman), Даниэль Гуггенхейм (Guggenheim), Аугустус Д. Джулэд (Julliard), Роберт В. Джэлт (Joelet), Джеймс В. Дьюк (Duke), Кэлб Дьюла (Dula), В.М. Крэйн (Crane), Томас В. Ламонт (Lamont), Вильям Лэйн (Lane), Эдгар Л. Мэрстон (Marston), Грейси М.-П. Мэрфи (Murphy), Чарльз А. Пибоди (Peabody). Вильм Поттер (Potter), Джон С. Раннельс (Runnells), Томас Ф. Риан (Ryan), Т. де Витт Сайлер (Cuyler), Чарльз Х. Сэбин (Sabin), Вальтер Д. Хайнс (Hines), Альберт Х. Харрис (Harris), Александер Дж. Хэмфилл (Hemphill), Джон В. Шпур (Spoor), Альберт Штраус (Straus) и три директора Лондонского отделения — Роберт Калландер (Callander), Сесил Ф. Пэе (Parr), Артур Дж. Фрэзер (Fraser) (*Корей Л.* Указ. соч.; *Carosso V.P.* Op. cit. P. 81; *Sutton A.* Op. cit. P. 183).

24 Мэрфи (Murphy), Грейсон М.П. (1878–1937) — в 1903 г. окончил военную академию и некоторое время находился на военной службе, основал фирму «Г.М. Мэрфи и К°», а затем был приглашён на службу в «Гаранти траст компани» и вошёл в её правление. В 1917 г. являлся членом военной миссии американского Красного креста во Франции. В 30-е годы появились сведения о его причастности к подготовке фашистского переворота в США. Был женат на Мэнд Дональдсон — 1906 г. (Who was who in America. Vol. I. Chicago, 1962. P. 882).

25 У. Ашберг и Г. Мэрфи покинули США и отправились в Россию не позднее 8/21 сентября 1915 г., так как около 18 сентября / 1 октября они уже находились в России (РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 1069. Л. 22 об.).

26 Неклюдов, Анатолий Васильевич (1856–1926), с 1914 по апрель 1917 г. был русским послом в Швеции. Автор воспоминаний (Svensk uppslagsbok. Bd. 20. S. 1128).

27 У. Ашберг и Г. Мэрфи были приняты П.Л. Барком 3/16 октября 1915 г. (РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 1069. Л. 22 об.).

28 См. выше: с. 60.

29 Из дневника представителя «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» в Петрограде Г.Ф. Мезерва (запись 2/15 октября 1915 г.) явствует, что У. Ашберг и Г. Мэрфи находились в Москве «три-четыре дня» (РГИА. Ф. 624. Оп. 1. Д. 4. Л. 32; см. также: Коммерческий телеграф. М., 1915. 8 октября).

30 Роль Н.А. Второва в русской промышленности // Торгово-промышленная газета. 1918. 26 мая.

31 Крейгер (Kreuger), Ивар (1880–1932), по-шведски правильнее Крюгер — коммерческую карьеру начал в США, вернувшись в Швецию, в 1908 г. основал строительную контору «Крейгер ок

Толль», в 1911 г. стал её полновластным хозяином, а позднее сумел превратить её в многопрофильный концерн международного значения. Основу этого концерна составили перешедшие под его влияние или же созданные при его участии «Шведское спичечное акционерное общество», трест «Грэнгесберг» (сноска 8), фирма «Л.М. Эриксон и К°», «Шведский целлюлозный трест», фирма «СКФ». И. Крейгеру удалось подчинить своему влиянию «Скандинавское кредитное общество» и сделать его основным орудием своей финансовой политики. За границей И. Крейгер выступал в качестве партнёра таких известных бизнесменов, как Детердинг, Перси Рокфеллер. Одним из кредиторов И. Крейгера был американский банк «Ли, Хиггинсон» (сноска 42). Свою карьеру И. Крейгер сделал главным образом в годы Первой мировой войны и по её окончании. Однако созданная им финансовая группировка не выдержала экономического кризиса конца 20-х годов и потерпела крах, а сам И. Крейгер покончил самоубийством (*Шильдкрут В.А.* Мировая спичечная промышленность и шведский спичечный трест. М. – Л., 1932; *Далин С.* Крах концерна Крейгера. М., 1932; *Glete J.* Kreugerkoncernen och krisen pa svensk aktiemarknad. Studier om svenskt och internationellt riskkapital under mellankrigstiden. St., 1981. S. 81, 83, 84, 108–115; L.M. Ericsson. 100 years. Vol. I. St., 1977. S. 265, 275).

32 У. Ашберг и Г. Мэрфи, по всей видимости, отправились в обратный путь 3/16 октября 1915 г. Об этом свидетельствует следующая запись, сделанная в дневнике Г.Ф. Мезерва 2/15 октября 1916 г.: «Он (Мэрфи. — *А.О.*) на следующий день предполагает отправиться в Америку» (РГИА. Ф. 624. Оп. 1. Д. 4. Л. 32).

33 В США У. Ашберг мог вернуться в конце октября – начале ноября 1915 г. (ст. ст.).

34 Сэбин (Sabin), Чарльз Гамильтон — свою коммерческую карьеру начал в 1887–1889 гг. в Олбани, в 1891–1898 гг. работал в «Парк бэнк» (Park Bank), в 1898–1902 гг. — в «Сити нэшнл бэнк» (Олбани), в 1902–1907 гг. он — вице-президент «Нэшнл кемикел бэнк», в 1907–1910 гг. — президент «Нэшнл Купер бэнк» (Нью-Йорк), в 1910–1915 гг. — вице-президент, в 1915–1921 гг. — президент, в 1921–1929 гг. — председатель, в 1929 г. — вице-председатель, с 1930 г. — опять председатель правления «Гаранти траст компани» (Who was who in America. Vol. I. P. 107).

35 О поездке Р. Мэрша в Россию см.: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 54–99.

36 Мэй (May), Макс (р. 1861), свою коммерческую карьеру начал в Германии (Дармштадт и Карлсруэ), в 1883 г. уехал в США, в 1888 г. принял американское гражданство, в 1883–1904 гг. работал в «Атлас энд Фёрст нэшнл бэнк» (Чикаго), с 1904 по 1918 г. в «Гаранти траст компани», руководил её внешним отделом, в 1918–1920 гг. возглавлял «Банковскую компанию внешней торговли», с ноября 1922 г. по апрель 1924 г. директор и член правления «Российского коммерческого банка» в Москве (Who was who in America. Vol. I. P. 792).

37 Из Стокгольма У. Ашберг и Р. Мэрш выехали 5/18 декабря 1915 г. (*Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 55), а 14/27 декабря У. Ашберг был принят министром финансов П.Л. Барком (РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 1069. Л. 41 об.).

38 Условия займа 26 мая / 8 июня 1916 г. были утверждены Комитетом министров, а 1/14 июля — Николаем II (*Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 111, 115).

39 «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» — один из старейших и крупнейших банков США, был создан в 1812 г. Вошёл в число ведущих банков США в конце XIX в., когда его президентом стал Джеймс Стилмен (в 1891 г.), бывший на этом посту вплоть до своей смерти в 1918 г.; в рассматриваемый период в директорат банка входили такие ведущие американские бизнесмены, как Кливленд Х. Додж (1889–1926), Джон Адамс (1915–1925), Вильям Рокфеллер (1895–1922), Сайрус Х. Маккормик (1902–1930), Джеймс А. Стилмен (1904–1918), Фрэнк Вандерлип (1907–1909; в 1909–1914 — президент банка), Эрик П. Свенсон (1912–1945), Перси А. Рокфеллер (1916–1939); с 1899 по 1914 г. в директорат входил Якоб Шифф, с 1909 по 1914 г. — Д.П. Морган. (*Cleveland H.B., Huertas T.B.* Citibank. 1812–1970. Cambridge – L., 1985).

40 «Дж.П. Морган» (Morgan) — банкирский дом, был основан в 1871 г. в результате реорганизации фирмы «Дрексел и К°». Созданная в Филадельфии Ф.М. Дрекселом (Drexel, 1792–1863), она была унаследована его сыном Энтони Джозефом Дрекселом (1826–1893) и его братьями. В 1871 г. их компаньонами стали Джуниус Спенсер Морган (1813–1890) и его сын Джон Пирпонт (1837–1913), и банк стал называться «Дрексел, Морган и К°». К 1895 г. старшие партнёры Д.П. Моргана умерли, и дело полностью перешло в его руки. В связи с этим банк был подвергнут новой реорганизации и получил название «Д.П. Морган и К°». Он сыграл значитель-

ную роль в создании финансовой империи Моргана (сноски 19 и 23) и долгое время являлся одним из основных её финансовых рычагов. Банк участвовал в создании таких крупных американских фирм, как «Юнайтед стейтс стил корпорейшн», «Дженерал электрик», «Интернейшнл харвестер компани», «Интернейшнл мерчентайл мейрин компани», контролировал многие железные дороги, угольные копи. С 1913 г. во главе банка стоял Джон Пиртонт Морган-младший (1867–1943). В годы Первой мировой войны банк играл главную роль в финансировании английского и французского правительств и к 1918 г. имел союзнические облигации на сумму 1,5 млрд. долл., ещё 1,7 млрд. составили кредиты на «восстановление Европы». После избрания Ф. Рузвельта президентом США банкирский дом «Дж.П. Морган» был искусственно разделён на два банка «Морган, Стэнли и К°» и «Джон П. Морган и К°» (*Корей Л.* Указ. соч.; Dictionary of American Biography. Vol. XIII. P. 175–182).

41 «Киддер, Пибоди и К°» (Kidder, Peabody) — банкирская фирма, основанная в Бостоне в 1820-х годах Доном Тейером под названием «Джон Тейер», в 1839 г. преобразована в фирму «Джон Е. Тейер и братья». Занималась торговым посредничеством, инвестициями в железные дороги, сберегательные банки, страхование, судоходство, недвижимость. В 1865 г. младший брат Джона Тейера Натан вышел из дела, и фирма перешла в другие руки, её владельцами стали Генри П. Киддер и Джордж Пибоди, в связи с чем фирма стала называться «Киддер, Пибоди и К°». Она была связана с финансовой империей Моргана, наиболее крупным совместным их делом являлось финансирование «АТТ». В ноябре 1930 г. фирма оказалась на грани банкротства, с помощью Моргана и при поддержке Вебстера из фирмы «Вебстер и Стэнли» она была реорганизована, с 1964 г. это — акционерное общество закрытого типа (*Carosso V.P.* Op. cit. P. 7–8, 311–317).

42 «Ли, Хиггинсон и К°» (Lee, Higginson) — американская фирма, основана в Бостоне, первоначально осуществляла внутренние вексельные операции и торговое посредничество. После гражданской войны становится частным инвестиционным банком (*Carosso V.P.* Op. cit. P. 11, 318–319; Who's who in America. Vol. XI. P. 1330; Who was who in America. Vol. I. P. 561).

43 В справочной биографической литературе отмечается, что У. Ашберг был женат дважды: в 1898 г. на А.Э. Альберг и в 1925 г. на Сири Кугельман. Однако, как явствует из воспоминаний самого У. Ашберга, он был женат не два, а три раза (*Aschberg O.* En vandrande jude från Glasbruksgatan. St., 1946. S. 233–238).

44 «Сименс» (Siemens) — германская электротехническая фирма, тесно связанная с такими банками, как «Дармштадский банк», «Дойче банк», «Дисконто гезельшафт», «Дрезденский банк». В 1898 г. ею было создано русское АО «Сименс-Гальске», а в 1913 г. — русское АО «Сименс-Шуккерт». Несмотря на то что к крупнейшим акционерам этих двух фирм принадлежали дочери Карла Сименса: Шарлотта, являвшаяся женой близкого ко двору Николая II барона Александра Александровича Буксгевдена, и Мария, бывшая женой барона Гревеница, тоже принадлежавшего к дворянской аристократии царской России, — в начале Первой мировой войны обе фирмы были признаны германскими и ликвидированы, а в 1917 г. на их основе создан объединённый концерн «Сименс». До 1917 г. на предприятиях «Сименса» работали многие видные большевики: С.А. Аллилуев, В.В. Воровский, Т.С. Енукидзе, Л.Б. Красин, Б.С. Стомоняков и некоторые другие (*Дякин В.С.* Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 222; *Siemens G.* History of the House of Siemens. Vol. 1–3. Munich, 1957; *Dr. Riesser.* Op. cit. P. 588).

45 Красин, Леонид Борисович (1870–1926) — видный деятель РСДРП, в 1905–1908 гг. «казначей» партии большевиков, с 1908 по 1912 г. находился в Германии, с 1912 г. в России, входил в руководство фирмы «Сименс-Шуккерт», акционерного общества «Электросила», «Акционерного общества механических, гильзовых и трубочных заводов П.В. Барановского», находившихся под контролем Русско-Азиатского банка. Есть сведения, что в октябре 1917 г. присутствовал на заседании ЦК РСДРП(б), на котором окончательно был решён вопрос о вооружённом восстании. После Октябрьской революции на хозяйственной и дипломатической работе (Памяти Л.Б. Красина. Сборник воспоминаний. М. – Л., 1926; Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М. – Л., 1928; *Красин Л.Б.*: 1. Большевики в подполье. Воспоминания 1900–1907 гг. М., 1932; 2. Дела давно минувших дней. 3-е изд. М., 1934; *Карпова Р.Ф.* Красин Л.Б. — советский дипломат. М., 1962; *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Советской страны дипломат. М., 1968).

46 Протопопов, Александр Дмитриевич (1866–1918) — из потомственных дворян Симбирской губернии. Октябрист. В 1907–1916 гг. депутат III и IV Государственных дум, с 1914 г. товарищ пред-

седателя Государственной думы, с сентября 1916 г. министр внутренних дел, расстрелян осенью 1918 г. (Петроградская газета. 1916. 30 авг.; *Заславский Д.О.* Последний временщик Протопопов. Л., 1927).

47 У. Ашберг и А.Д. Протопопов имели возможность познакомиться в России осенью 1915 г. (*Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 70).

48 Встреча возвращавшихся из заграничной командировки в Россию члена Государственного совета графа Дмитрия Адамовича Олсуфьева и товарища председателя Государственной думы А.Д. Протопопова с неофициальным представителем германского правительства Фрицем Варбургом произошла в Стокгольме 23 июня 1915 г. (*Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 180, 187–190).

49 Брэндстрем (Brändström), Пер Генри Эдвард (1850–1921) — генерал-лейтенант, посол Швеции в России в 1906–1920 гг. Сын Эрик (1892–1959) в 1917–1919 гг. был секретарём дирекции СКФ в Гётеборге, в 1919 г. являлся помощником директора, а в 1935–1951 гг. — вице-директором акционерного общества «Сепаратор» (Vem är det? 1916. S. 52; 1935. S. 136; 1959. S. 164; 1969. S. 1092).

50 Брэндстрем, Эльса (1888–1948) — дочь Э. Брэндстрема, почётный доктор медицинских наук (1927). С 1914 г. получила профессию медицинской сестры в русском Красном кресте, с 1915 г. работала с немецкими военнопленными в Сибири, вернулась в Швецию в 1920 г.; позднее поселилась в Германии, в 1929 г. стала женой профессора Р. Улиха. В 1933 г. получила предложение Гитлера возглавить германский Красный крест, отклонив это предложение, вынуждена была уехать в США. Находилась в близких отношениях с Фрицем и Анной Варбург, с Анной Варбург сотрудничала в области детского образования. Автор воспоминаний (Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 6. S. 612–614; *Farer D.* Op. cit. P. 195–196).

51 Имеется в виду Роберт Генрих Готлиб Улих (р. 1890), философ и популяризатор научных знаний, референт министерства народного образования Саксонии, в 1928–1933 гг. профессор в Дрездене, с 1937 г. в эмиграции (США), до 1960 г. был профессором Гарвардского университета (Brockhaus Enzycklopädie. Bd. 19. S. 202).

52 Линдквист (Lindqvist), Херман (1863–1932) — шведский социал-демократ, в 1900–1920 гг. председатель Центрального объединения профсоюзов Швеции, с 1906 г. депутат второй палаты риксдага, в 1918–1921 и 1924–1927 гг. её спикер, в 1921–1923 гг. министр по социальным вопросам в правительстве Яльмара Брантинга, в 1912–1918 гг. один из руководителей «Нового банка» (Svenska män… Bd. 5. S. 6–7).

53 Ярошинский, Карл Иосифович — из дворян Подольской губернии, долгое время был известен как сахарозаводчик, в начале Первой мировой войны происходит его финансовый взлёт, и он превращается в одного из крупнейших банкиров России. На март 1916 г. его капитал оценивался в 26 млн. руб. В апреле 1916 г. ему удалось приобрести контрольный пакет «Русского торгово-промышленного банка», одновременно он стал крупным акционером и членом правления «Союзного банка», в 1917 г. вошёл в синдикат, организованный для скупки акций «Петроградского коммерческого» и «Русского для внешней торговли» банков. Летом 1918 г. эмигрировал. После Октябрьской революции участвовал в скупке акций «Сибирского торгового банка» и реорганизации заграничных отделений «Русско-Азиатского банка». На их основании был создан «Франко-Русский банк». Переименованный позднее в «Эйробанк» с середины 20-х годов, он выступал за границей как советский банк (*Фурсенко А.А.* Русский Вандербильд // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 183–188; *Семёнов Е.* Русские банки за границей и большевики. Из анкеты. Париж, 1926).

54 В 1917 г. К.И. Ярошинский входил в правление «Товарищества сахарного и рафинадного завода “Гнивань”» (основной капитал 2,6 млн. руб.), «Товарищества сахарного завода “Корделевка”» (0,8 млн. руб.) и «Товарищества Черноминского сахарного завода» (0,6 млн руб.) (АППР. Пг., 1917. С. 8, 13, 30).

55 К.И. Ярошинский переселился в Петроград, по всей видимости, в 1916 г. (Весь Петроград на 1917 г. Пг., 1916. Ч. 2. С. 803; Весь Киев на 1916 г. К., 1915. Ч. 2. С. 301).

56 *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 111–112.

57 Рюден (Ruden), Клас Вернер (1878–1930) — шведский социал-демократ, в 1907–1919 и 1921–1928 гг. депутат второй палаты риксдага, в 1919–1920 гг. депутат первой палаты риксдага, в 1917–1919 гг. министр по делам церкви в правительстве Эдена. Был женат на Малин Ботильде Олльсон (1907) (Vem är det? 1913. St., 1922. S. 541).

58 Прибыв в Петроград 24 марта / 6 апреля 1917 г., Я. Брантинг в этот же день встречался с руководителями Петроградского совета и министром иностранных дел П.Н. Милюковым. Его поездка была связана с обращением исполкома Петросовета 14 марта 1917 г. к народам мира о необходимости прекращения войны (Коммерческий телеграф. 1917. М., 25 марта).

59 Ашберг был в Петрограде не ранее 30 марта / 13 апреля – не позднее 23 апреля / 6 мая 1917 г. (Коммерческий телеграф. М., 1917. 25 марта; Скандинавский листок. Стокгольм. 1917. 26 апреля / 9 мая).

60 Каменев (Розенфельд), Лев Борисович, сын директора керосинопровода на Кавказе, был женат на сестре Л.Д. Троцкого Ольге Давидовне Бронштейн, видный деятель партии большевиков, репрессирован в 1936 г. (Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989).

61 Хёглунд (Höglund), Сет (1884–1956) — шведский социал-демократ, в 1908–1918 гг. редактор газеты «Стормклоккан», в 1908–1911 гг. и 1928–1941 гг. член исполкома СДПШ, в 1915–1917 и 1928–1940 гг. депутат второй палаты риксдага, в 1917 г. один из основателей Коммунистической партии Швеции — КПШ, в 1917, 1918–1921, 1921–1924 гг. её председатель, исключён из КПШ в 1925 г., в 1926 г. вернулся в СДПШ. Автор воспоминаний (БСЭ. 3-е изд. Т. 28. С. 226; Svenska män… Bd. 3. S. 604–606).

62 Коллонтай (урождённая Домонтович), Александра Михайловна (1872–1952) — дочь генерала, в революционном движении с 90-х годов XIX в. С 1915 г. в партии большевиков. В годы Первой мировой войны жила в Швеции и Норвегии. После Октябрьской революции входила в Совет народных комиссаров, находилась на дипломатической работе (*Иткина А.М.* Революционер, трибун, дипломат. Очерк о жизни А.М. Коллонтай. М., 1964).

63 Садуль (Sadoul), Жак (1881–1956) — французский социалист, сын рабочего, участника Парижской коммуны 1871 г., окончил юридический факультет в Сорбонне, свою картеру начал в США. Летом 1917 г. был назначен атташе при французской военной миссии в России. После Октябрьской революции выступил в поддержку советской власти и осенью 1918 г. вступил во французскую группу РКП(б), участвовал в создании Коминтерна, в 1924 г. вернулся во Францию (*Иванова Г.М.* Об авторе // *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. М., 1990. С. 3–13).

64 Ж. Садуль был направлен из Парижа в Россию осенью 1917 г., 16/29 сентября он находился в Стокгольме и действительно встречался с Я. Брантингом, а 18 сентября / 1 октября был в Петрограде (*Садуль Ж.* Указ. соч. С. 5, 14, 20). Поэтому, вероятнее всего, упоминаемая У. Ашбергом встреча с Ж. Садулем в Стокгольме имела место не весной, а осенью 1917 г.

65 Решение о выпуске «займа свободы» было принято Временным правительством 27 марта 1917 г., а подписка на него открыта 6 апреля (Коммерческий телеграф. 1917. 5 и 7 апреля).

66 У. Ашберг вернулся в Стокгольм не позднее 23 апреля / 6 мая 1917 г. (сноска 59).

67 Проездом из Швейцарии в Россию В.И. Ленин находился в Стокгольме 31 марта / 13 апреля 1917 г. с 10.00 до 18.37 (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника / далее — Ленин В.И. Биохроника. Т. 4. М., 1973. С. 46–49).

68 Конкретные сведения о спутниках В.И. Ленина см.: *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. М., 1990. С. 240.

69 Линдхаген (Lindhagen), Карл (1860–1946) — шведский политический деятель, юрист по образованию, в 1897–1917 гг. депутат второй палаты риксдага, в 1903–1930 гг. бургомистр Стокгольма, в 1919–1940 гг. депутат первой палаты риксдага, в 1917–1919 гг. главный редактор газеты «Фолькетс Дагблад» (Folkets Dagblad Politiken), с 1909 г. член СДПШ, в 1917 г. примкнул к левым социал-демократам, участвовал в организации возвращения В.И. Ленина из Швейцарии в Россию, в 1924 г. вернулся в СДПШ (Svenska män… Bd. 4. S. 523).

70 Стрём (Ström), Фредрик Отто (1880–1948) — шведский социал-демократ, в 1911–1916 гг. секретарь СДПШ, один из создателей и руководителей КПШ, в 1921–1924 гг. её секретарь участвовал в организации возвращения В.И. Ленина из Швейцарии в Россию весной 1917 г., в 1918–1920 гг. был главным редактором газеты «Фолькетс Дагблад», в 1919–1924 гг. русский консул в Стокгольме, в 1924 г. примкнул к группе З. Хёглунда, исключённой из КПШ, в 1926 г. вернулся в СДПШ, был женат (1905) на Тиа-Анне Грете Эрикссон, автор воспоминаний «I stormig tig» (St., 1942. Ibid. Bd. 7. S. 278–280).

71 Нерман (Nerman), Type (р. 1886) — шведский социал-демократ, поэт, в 1916–1918 гг. первый редактор газеты «Политикен» (Politiken), в 1917–1929 гг. член КПШ, после исключения из неё снова

вернулся в СДПШ, в 1917 г. участвовал в организации возвращения В.И. Ленина из Швейцарии в Россию (Ibid. Bd. 5. S. 427–428).

72 11/24 марта 1917 г. А. Парвус призвал русских социалистов взять в свои руки дело прекращения войны, 25 апреля / 8 мая Исполнительный комитет Петроградского совета поддержал это обращение и предложил социалистическим партиям II Интернационала созвать для выработки согласованной политики в данном вопросе специальную международную конференцию. Первоначально она планировалась на май 1917 г.

73 Брантинг (Branting), Георг (1887–1965) — шведский социалист, сын Яльмара Брантинга, по профессии адвокат, в 1923 и 1928 гг. выступал защитником во время процессов над коммунистами в Финляндии, а в 1927 г. в США над Сакко и Ванцетти, с 1931 г. депутат первой палаты риксдага от СДПШ (Vem är det? 1969. St., 1922. S. 1091).

74 Первым опытом создания такого мирового парламента явилось образование Лиги Наций (1919).

75 Призыв к провозглашению международной социалистической конференции «мировым парламентом» по существу означал призыв к мировой социалистической революции.

76 Ср.: *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 21–22.

77 «Около 10 ноября» по новому стилю — это около 28 октября по старому стилю.

78 Сведений о том, что осенью 1917 г. Л.Б. Красин являлся членом правления «Русско-Азиатского банка», обнаружить не удалось.

79 В конце 1917 – начале 1918 г. по инициативе Я. Брантинга рассматривалась возможность назначения У. Ашберга членом Торгового совета при Министерстве иностранных дел Швеции (*Söderpalm S.A.* Wallenberg och Branting Lund. 1970. S. 152–154).

80 Митинг, на котором выступал У. Ашберг, состоялся 28 января / 10 февраля 1918 г. (*Aschberg O.* Den ryska revolutionen och vad vi skola lära därav: tal vid demonstrationsmötet i Stockholm söndagen den 10 febr. 1918. St., 1918).

81 В момент основания уставный капитал «Нового банка» составлял 1 млн. крон (1912 г.). К 1915 г. он увеличился до 2 млн., а в начале 1918 г. достиг 6 млн. крон, одновременно с этим обороты банка составили на 1 января 1913 г. 2,0 млн. крон, 1 января 1914 г. — 4,1 млн., 1 января 1915 г. — 6,7 млн., 1 января 1916 г. — 8,8 млн., 1 января 1917 г. — 15,3 млн. и 1 января 1918 г. — 39,9 млн. крон (*Воллер Т.* Шведская промышленность. 1915–1916. Т. 1. Иллюстрированное описание шведских промышленных предприятий, а также указание фирм, работающих с Россией. Стокгольм, 1916. С. 808–809; Стокгольмский листок. 1918. 6 апреля).

82 Тролле (Trolle), Карл Харальд (1888–1956) — шведский дипломат и финансист, сын почтового чиновника Хельмута Тролле, в 1907 г. окончил Высшую торговую школу в Лондоне, в 1907–1913 гг. вице-генеральный консул Швеции в Лондоне, Гельсингфорсе, Руане, с 1913 г. в Петербурге, Архангельске, Омске, в 1917 г. назначен заведующим русским отделом в «Стокгольском торговом банке», в 1918–1920 гг. исполнительный директор «Нового банка», с 1921 г. директор «Стокгольмс Хандельсбанкен» и «Худиксквалль», умер в Кальмаре в 1956 г. Автор книг и статей (Vem är det? 1935. S. 861; Svensk uppslagsbok. Bd. 23. S. 650).

83 Уход К.Х. Тролле с директорского поста в «Новом банке» (1920 г.) был связан с его реорганизацией (*Söderlund E.* Skandinaviska banken i det svenska bankväsendets historia. 1914–1939. Uppsala. 1978. S. 105).

84 Судя по всему, «Шведское экономическое акционерное общество» (далее — ШЭАО) взяло на себя некоторые из тех функций, которые до этого выполнял «Новый банк». В связи с этим нельзя не учитывать того, что одним из акционеров ШЭАО стал Яльмар Брантинг (сноска 14).

85 Начало января по новому стилю — это 19 декабря по старому. Подобная датировка «второго» после прихода партии большевиков к власти приезда У. Ашберга в Петроград противоречит тому факту, что 2/15 декабря 1917 г. он уже был в русской столице и здесь встречался с Ж. Садулем, а 3/16 декабря В.И. Лениным были приняты З. Хёглунд и К. Чильбум (*Садуль Ж.* Указ. соч. С. 123; Ленин В.И. Биохроника. Т. 5. С. 106).

86 20 января / 2 февраля 1918 г. на страницах «Стокгольмского листка» появилось сообщение, в котором говорилось: «На днях вернулись в Стокгольм бургомистр Карл Линдхаген и директор “Нового банка” Ашберг, ездившие в Россию для прелиминарных переговоров относительно ввоза в Швецию смазочных масел» (Скандинавский листок. 1918. 2 февраля н.ст.). Учитывая, что дорога от Петрограда до Стокгольма требовала не менее двух дней, можно утверждать, что У. Ашберг покинул Петроград не позднее 16/29 января 1918 г.

87 Чильбум (Kilbom), Карл (1885–1961) — шведский политический деятель, публицист по профессии, весной 1917 г. участвовал в организации возвращения В.И. Ленина из Швейцарии. Один из основателей и руководителей КПШ, её представитель в ИККИ в 1924–1929 гг., за критику советской системы удалён из Москвы, пытался создать новую, социалистическую партию, а после неудачи — в 1937 г. вернулся в СДПШ, с 1922 по 1924 и в 1929–1944 гг. депутат второй палаты риксдага, в 1924–1936 гг. главный редактор «Фолькетс Дагблад». Автор мемуаров (I hemligt uppdrag Ur mitt livs aventyr. Bd. 1–2. St., 1954). Был женат дважды: первая жена (1921–1936) Зоя Корвин-Круковская, вторая (с 1937 г.) — Марта Элисабет Бенгтссон (Svenska män… Bd. 4. S. 237).

88 Эгеде-Ниссен (Egede-Nissen), Адам Яльмар (1868–1953) — норвежский политический деятель, в 1867 г. почтмейстер в Вардё, в 1911–1933 гг. в Ставангере, в 1900–1912 и 1922–1924 гг. депутат стортинга, в 1906 г. из партии «Венстре» перешёл в Рабочую партию Норвегии, в 1923 г. вступил в Коммунистическую партию Норвегии, с 1936 г. её председатель, в 1933–1935 гг. председатель общества «Друзья СССР», автор воспоминаний (Aschehougs konversations lexikon. Bd. 5. Oslo, 1956. S. 546).

89 Смирнов, Владимир Мартынович (1876–1952) — родился в Пскове в семье купца, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, после чего жил в Финляндии, преподавал в Гельсингфорсском университете. В революционном движении с 1897 г., с 1900 г. член РСДРП, участвовал в организации и обслуживании скандинавского транспортного пути партии большевиков. В 1911 г. женился на дочери известного шведского писателя Августа Стриндберга — Карин. После Октябрьской революции — в Швеции на дипломатической работе (*Дашков Ю.Ф.* Его знали под именем Паульсен. М., 1984).

90 Стриндберг (Strindberg), Август Юхан (1849–1912) — известный шведский писатель (Svenska män och kvinnor… Bd. 7. S. 265–266).

91 Бухарин, Николай Иванович (1888–1938) — один из лидеров партии большевиков, с лета 1915 по весну 1916 г. жил в Швеции, откуда был выслан в Норвегию, а в октябре 1916 г. уехал в США, после Октябрьской революции видный деятель Коминтерна. Репрессирован в 1938 г. (*Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988; Николай Иванович Бухарин. Указатель литературы. М., 1989).

92 Менжинский, Вячеслав Рудольфович (1874–1934) — сын петербургского профессора Рудольфа Игнатьевича Менжинского, преподавателя Пажеского корпуса и Императорской Римско-католической духовной академии. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В революционном движении с середины 90-х годов XIX в. С декабря 1907 г. в эмиграции: жил в Бельгии, Англии, Италии, Франции, США, Швейцарии. В годы Первой мировой войны сотрудничал в газете «Наше слово». В 1915–1917 гг. работал в парижской конторе «Лионского кредита». После возвращения в Россию был введён во Всероссийское бюро Военной организации большевиков. После Октябрьской революции в 1917–1918 гг. нарком финансов, в 1918 г. первый советский консул в Берлине, в 1919 г. нарком РКИ Украинской советской республики, в 1919–1923 гг. член президиума ВЧК, в 1923–1926 гг. заместитель, а в 1926–1934 гг. председатель ОГПУ (*Гладков Т., Смирнов М.* Менжинский. М., 1969; Рассказы о Менжинском. М., 1969; О Вячеславе Менжинском: воспоминания, очерки, статьи. М., 1985).

93 Бронский (Варшавский, Яков), Мечислав (Мозес) Генрихович (1882–1941) — польский социал-демократ, сын купца из Лодзи, с 1902 г. в революционном движении, с 1903 г. учился в Берлинском университете, в 1905–1907 гг. находился в России, неоднократно арестовывался, в 1907 г. уехал в Швейцарию, поселился в Цюрихе. Был членом Швейцарской социал-демократической партии, участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. Играл важную роль в организации возвращения В.И. Ленина весной 1917 г. из Швейцарии в Россию. Приехал в Петроград со второй партией «швейцарских» эмигрантов. После Октябрьской революции сначала возглавлял отдел, а в январе 1918 г. стал заместителем наркома торговли и промышленности. В 1919 г. был направлен в Германию, где организовал Западноевропейское бюро Коминтерна. С 1920 г. полпред в Австрии, с 1922 г. на административной и преподавательской работе в СССР. В 1937 г. был арестован. Погиб в 1941 г. (Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego. T.1. Warszawa. 1978. S. 243–244).

94 Пятаков, Георгий Леонидович (1890–1938) — сын сахарозаводчика Леонида Тимофеевича Пятакова. В революционном движении с 1905 г. С 1914 г. в эмиграции, жил в Японии, Швейцарии, Шве-

ции и Норвегии. После прихода партии большевиков к власти был помощником, а затем главным комиссаром Государственного банка, в последующем председатель СНК Украинской советской республики, заместитель председателя Госплана, заместитель председателя ВСНХ, полпред во Франции, председатель правления Госбанка СССР, заместитель наркома тяжёлой промышленности. В 1937 г. репрессирован (Деятели СССР и революционного движения в России. С. 133–136).

95 Радек (Собельсон), Карл Бернгардович (р. 1885) — родился во Львове (Австро-Венгрия), участвовал в социал-демократическом движении Польши, Германии и России. С начала Первой мировой войны в партии большевиков, 31 марта / 13 апреля 1917 г. назначен членом Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. С осени 1917 г. на дипломатической работе, возглавлял Международный отдел ВЦИК и отдел Центральной Европы НКИД. С декабря 1918 по январь1920 г. находился в Германии. Один из лидеров Коминтерна. В 1927 г. исключён из партии за участие в троцкистско-зиновьевской оппозиции, в 1937 г. был осуждён, и его след затерялся в сталинских застенках (Деятели СССР и революционного движения в России. С. 539–609; Из глубины времён. Вып. 1. СПб., 1992. С. 84–139).

96 Урицкий, Моисей Соломонович (1873–1918) — родился в семье купца, окончил Киевский университет, в революционном движении с 1897 г. Видный деятель партии меньшевиков. Накануне Первой мировой войны сотрудничал с Л.Д. Троцким, а в 1915–1917 гг. с А. Парвусом. В 1917 г. вошёл в партию большевиков, принимал активное участие в подготовке Октябрьского вооружённого восстания, возглавлял Комиссию по подготовке Учредительного собрания, а затем Петроградскую ЧК, убит 30 августа 1918 г. эсером А. Канегисером (Деятели СССР и революционного движения в России. С. 734–735).

97 Шляпников, Александр Гаврилович (1885–1937) — из семьи рабочего, в революционном движении с 1901 г. В 1907–1908 гг. член Петербургского комитета РСДРП. С 1908 по 1914 г. в эмиграции, жил в Англии, Германии, Франции, входил в Социалистическую партию Франции и СДПГ, участвовал в обслуживании скандинавского транспортного пути РСДРП. В 1915 г. кооптирован в ЦК РСДРП(б). Принимал активное участие в Февральской революции. После Октябрьской революции на государственной и профсоюзной работе. Автор мемуаров. В 1933 г. исключён из партии, 2 января 1935 г. арестован, в 1937 г. расстрелян (*Смольников А.С., Чернобаев А.А.* Предисловие к настоящему изданию // *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. С. 5–20).

98 Ганецкий (Фюрстенберг), Яков Станиславович (1879–1937) — родился в Варшаве в зажиточной семье. По утверждению Г.А. Соломона, находился в родственных связях с А. Парвусом и секретарём первого советского консульства в Германии Ландау. Имел брата — Генриха, бывшего зятем Фабиана Клингсглянда, и сестру — Франциску Ландау. Был женат на Гизе Адольфовне Адлер. Учился в Берлинском, Гейдельбергском и Цюрихском университетах. В 1902 г. вместе с Ф.Э. Джержинским участвовал в создании Социал-демократической партии Польши, принадлежал к числу её лидеров. В начале Первой мировой войны находился в Австро-Венгрии, с конца 1914 г. в Швейцарии. Летом 1915 г. возглавил созданное А. Парвусом в Дании импортно-экспортное акционерное общество, занимавшееся посредническими операциями между Германией и Россией. В конце 1916 – начале 1917 г. был арестован по обвинению в нарушении законов торговли и после освобождения перебрался из Копенгагена в Стокгольм. Принимал участие в организации возвращения В.И. Ленина из Швейцарии в Россию. 31 марта / 13 апреля 1917 г. был введён в Заграничное бюро ЦК РСДРП(б). После Октябрьской революции находился на хозяйственной и дипломатической работе (Деятели СССР и революционного движения в России. С. 395–397; *Ляндрес С.* Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды. СПб., 1933. С. 61–63; Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego. T.2. S. 469–470; *Epmolaiewa R.* Jakub Hanecki // Z pola walki. Warszawa. 1962. № 2 (18). S. 172–195).

99 Нильссон (Nilsson), Антон (р. 1887) — шведский социалист, руководил подготовкой террористического акта в плавучей казарме «Амальтеа» 12 июля 1908 г. Его помощниками были Альгот Росберг (1888–1939), впоследствии видный профсоюзный деятель, и Альфред Стерн (р. 1888). А. Стерн был амнистирован в марте, а А. Нильссон и А. Росберг осенью 1917 г. (Bäckström K. Arbetarrörelsen i Sverige. 2-a boken. St., 1963. S. 125–126, 353, 388, 390, 391).

100 Хольмстрём (Holmström), Нильс Аксель (р. 1881) — шведский издатель, владелец издательства «Аксель Хольмстрём Фёрлаг», публиковал книги по актуальным политическим вопросам (Svensk uppslagsbok. Bd. 13. S. 701; Svenska män… Bd. 3. S. 524).

101 Карлссон (Karlsson), Карл Юхан (1861–1945) — фабрикант из г. Эскильстуна, основатель и владелец нескольких предприятий пищевой промышленности, участвовал в организации возвращения В.И. Ленина в Россию весной 1917 г. (Vem är det? 1935. S. 43; Vem är det? 1955. S. 1088).

102 Вопрос об аннулировании внешних займов был решён на заседании СНК 1/14 января 1918 г. (*Журавлёв В.В.* Декреты Советской власти 1917–1920 гг. как исторический источник. М., 1979 г. С. 106–111).

103 Подобный шаг был согласован с дипломатическими кругами Германии и неоднозначно встречен в других странах, в том числе в США.

104 Переговоры о мире начались 9/22 декабря 1917 г.

105 Гофман (Hoffmann), Макс (1869–1927) — германский генерал, участвовал в Брестских переговорах (*Гофман М.* Записки и дневники. 1914–1918. Л., 1929).

106 Троцкий (Бронштейн), Лев Давидович (1879–1940) — родился в семье землевладельца Елисаветградского уезда Херсонской губернии Давида Леонтьевича Бронштейна (ум. 1922) и его жены Анны Львовны Животовской (ум. 1910). По материнской линии приходился племянником петербургским миллионерам Абраму и Давиду Львовичам Животовским. В революционном движении с 1897 г. Один из лидеров РСДРП. В годы Первой мировой войны занимал интернационалистские позиции. Играл видную роль в Октябрьском вооружённом восстании 1917 г. В 1917–1927 гг. один из руководителей партии большевиков и советского правительства. В 1929 г. выслан за границу, в 1940 г. убит агентом НКВД (*Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 1–2. М., 1990; *Дейчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991).

107 Германские войска начали наступление 18 февраля 1918 г.

108 Решение о переносе столицы из Петрограда в Москву было принято на заседании СНК 26 февраля 1918 г. (В.И. Ленин. Биохроника. Т. 5. С. 282).

109 Советское правительство во главе с В.И. Лениным переехало из Петрограда в Москву в ночь с 11 на 12 марта 1918 г. (Там же. С. 308–309).

110 Л.Д. Троцкий подал в отставку с поста наркома иностранных дел на заседании ЦК РСДРП(б) 22 февраля 1918 г. (Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 208).

111 Г.В. Чичерин был освобождён из английской тюрьмы 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) и прибыл в Петроград 6/18 января 1918 г. (*Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался наркоминдел. М., 1984. С. 46).

112 Брестский мирный договор был подписан 3 марта, а ратифицирован IV Всероссийским съездом Советов 15 марта 1918 г.

113 Шейнман, Арон Львович (р. 1886) — в партии большевиков с 1903 г., в марте 1917 г. член Гельсингфорсского комитета РСДРП(б), осенью 1917 г. — председатель Исполнительного комитета Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих Финляндии. Осенью 1918 г. назначен руководителем скандинавской торговой миссии. Вернулся обратно в начале 1919 г. 20 февраля 1919 г. был назначен членом коллегии Наркомпрода. 27 января 1920 г. подал заявление об отставке, с 24 февраля 1920 г. член коллегии и заместитель наркома торговли и промышленности. 8 июля 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило освободить его от этих обязанностей и после предоставления отпуска назначить полномочным представителем РСФСР в Грузии. В апреле 1921 г. отозван из Грузии и направлен в Берлин. 27 июля 1921 г. рассматривался вопрос о его командировании для переговоров в Китай. В октябре 1921 г. назначен первым председателем вновь созданного Государственного банка РСФСР и членом коллегии наркомфина. На этих постах оставался до 1929 г., когда сделался «невозвращенцем» (В.И. Ленин. Биохроника. Т. 5, 6, 8–12. М., 1974–1982; *Шишкин В.А.* Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса. 1924–1929. СПб., 1991. С. 434).

114 Полномочия для ведения переговоров в Дании, Норвегии и Швеции были даны А.Л. Шейнману 24 октября 1918 г. (РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 453. Л. 181 об.).

115 Воровский, Вацлав Вацлавович (1871–1923) — внук участника Польского восстания 1863 г., родился в Москве в семье потомственного дворянина, в революционном движении с середины 90-х годов XIX в. В 1905–1907 гг. участвовал в обслуживании нелегальных транспортных путей РСДРП. Перед Первой мировой войной жил в Петербурге, работал в АО «Электросила», а затем в фирме «Сименс-Шуккерт». Осенью 1915 г. сменил Б.С. Стомонякова на посту руководителя Стокгольмской конторы этой фирмы. 31 марта / 13 апреля 1917 г. введён в Заграничное бюро ЦК

РСДРП(б). С 29 ноября / 12 декабря 1917 г. по 31 января 1919 г. советский полпред в Швеции. В 1919–1921 гг. работал в Госиздате, а с 1921 по 1923 г. был советским полпредом в Италии. Погиб в результате покушения на него (*Ганецкий А.С.* В.В. Воровский. М., 1925; *Жуковский Н.* Посол нового мира. М., 1978; *Краснопольская Н.Е.* Во имя любви и человека. М., 1981).

116 Акционерное общество «Люкс» было основано в Стокгольме в 1901 г. с капиталом в 3,0 млн крон. В 1907 г. оно открыло свои действия в России, основав в Риге завод керосинокалильных ламп. Директором фирмы в Стокгольме был К.Г. Линдблюм, а её ответственным агентом в России — Ю.А. Блау (Шведская промышленность. Т. 1. Стокгольм, 1916. С. 347; АППР. Пг., 1917. С. 594). По имеющимся сведениям, В.В. Воровский, с 16 декабря 1915 г. возглавлявший Стокгольмскую контору фирмы «Сименс-Шуккерт», являлся представителем этой фирмы в АО «Люкс». На 1 января 1917 г. штат возглавляемой им конторы включал 14 человек: В.В. Воровский, Г.А. Весбслад, В.И. Жиженков, г-жа Е.А. Липс, г-жа Ю.Г. Нистрем (её заменил Э. Грейшер), Я.П. Штоль, В.В. Тис, Е. Йельм, С. Линдстрем, Т. Мальстрем, П. Фланздин, Гонман, г-жа Е. Малисова, Х. Ауэ. В этот список, вероятно, можно включить и П.Г. Густавсона. Существует мнение, что в годы Первой мировой войны Стокгольмская контора фирмы «Сименс-Шуккерт» занималась импортом комплектующих изделий из Германии (*Дякин В.С.* Указ. соч. С. 217; ЦГИА г. С.-Петербурга. Ф. 1352. Оп. 5 Д. 20. Л. 1–8; Оп. 3. Д. 10. Л. 20–31, 69; Д. 36. Л. 16–42).

117 «Циммерман, — писал о нём В.В. Воровский, — артист, работающий в кинематографических предприятиях, человек ни к каким партиям не принадлежащий, меньше всего большевик. После моего назначения в ноябре 1917 г. полномочным представителем советского правительства в Стокгольме Циммерман, состоящий со мною в свойстве, согласился помочь мне и взял на себя ведение неполитической части (консульские дела, отправку эмигрантов, беглых военнопленных и пр.). К осени (1918 г. — *А.О.*), когда из России приехал необходимый штат служащих, он оставил службу в посольстве» (*Воровский В.В.* Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959. С. 169). По свидетельству Г.А. Соломона, он тоже находился в родственных отношениях с Циммерманом; оба были женаты на сёстрах (*Соломон Г.А.* Среди красных вождей. С. 34). Сам Г.А. Соломон был женат на дочери секретаря Шадринского уездного земства Пермской губернии Николая Григорьевича Фёдорова — Марии (ГАРФ. Ф. 102. 3-е Д. 1891. Д. 467. Л. 10 об., 22), которая имела двух сестёр: Елизавету и Татьяну (Там же. 1893. Д. 274. Л. 1).

118 Речь идёт о «Военной организации для восстановления империи», которая была создана в Петрограде в мае 1918 г., а затем перенесла свою деятельность в Стокгольм и, организовав несколько террористических акций против сторонников советской власти, получила название «Лиги убийц» (*Воровский В.В.* Статьи и материалы по вопросам внешней политики. С. 152–178).

119 Во главе «Лиги убийц» стоял полковник Могамед-бек Хаджи-Лаше, по некоторым данным связанный с английской разведкой (Там же. С. 156).

120 Литвинов (Валлах, Мовша), Максим Максимович (1876–1951) — родился в Белостоке в семье служащего. В социал-демократическом движении с 1898 г. Участвовал в обслуживании нелегального транспорта РСДРП из-за границы. После 1907 г. жил в Англии. С 1918 г. на дипломатической работе, в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел, в 1941–1946 гг. заместитель наркома иностранных дел. Шурин М.М. Литвинова — Идер, Давид Монтегю (1866–1936) в 1921–1923 гг. возглавлял политический отдел Всемирной сионистской организации (*Шейнис С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989; Минувшее. Исторический альманах. Т. 10. С. 186; *Литвинова А.* Встречи и разлуки // Новый мир. 1966. № 7. С. 236, 240).

121 М.М. Литвинов покинул Англию 28 сентября и находился в Стокгольме между 4 и 7 октября 1918 г. (*Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался наркоминдел. С. 192–193).

122 Речь идёт о «бумагах Сиссона»: см. выше с. 57.

123 «Дойче банк» (Deutsche Bank) — один из крупнейших банков Германии, у его истоков стоял банкирский дом М.А. Ротшильда. Был создан в 1870 г. в Берлине при активном участии Георга Сименса, вплоть до своей смерти в 1900 г. являвшегося его руководителем. В 1881 г. участвовал в создании «Национального банка Германии» (National bank für Deutschland), в 1929 г. объединился с «Дисконто гезельшафт» (Disconto-Gesellschaft) (*Dr. Riesser.* Op. cit.; *Gossweiler K.* Großbanken, Industriemonopole und Staat. Ökonomie und Politik des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland 1914–1932. B. 1971. S. 141; *Seidenzahl F.* 100 Jahre Deutsche Bank. 1870–1970. Frankfurt-am-Mein. 1970; *Wilson D.* Rothschild: A story of Wealth and Power. L. 1988. P. 171).

124 Эмери (Emery), Генри Кросби (1872–1924) — американский экономист, в 1900–1915 гг. профессор политэкономии, в 1909–1913 гг. член Тарифного управления США, с 1916 г. представитель «Гаранти траст компани» за рубежом, в 1917–1918 гг. находился в России, затем был в Германии и Китае, состоял менеджером «Азиатской банковской корпорации», умер 6 февраля 1924 г. на пути из Китая в США (Dictionary of American Biography. Vol. 6. N.Y. 1930. P. 143–144; Who was who in America. Vol. I. Chicago, 1962. P. 371).).

125 Стендаль (Standahl), Стен (1876–1954) — шведский политический деятель и предприниматель, с 1898 г. владелец фирмы «Б. Урселльс», в течение многих лет (до 1919) член муниципалитета Стокгольма, в 1919–1938 гг. депутат первой палаты риксдага, член правления Стокгольмской фондовой биржи. Жена (1900) — Сара фон Халле (р. 1878), мать — Анна Хольм (Holm) (Vem är det? 1955. S. 43; Vem är det? 1955. S. 1103; Svensk uppslagsbok. Bd. 27. S. 405).

126 О переговорах У. Ашберга с М.М. Литвиновым зимой 1920 г. см.: *Карлбек-Исотало Х.* Экономические связи Советской России и Швеции в 1917–1924 гг. // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988. С. 42.

127 Перевод с английского С.П. Островской.

128 Революция в Германии началась 8 ноября 1918 г.

129 Нахмансон (Nachmanson), Юсеф (1876–1927) — правнук Гирша Нахмана (1765–1825), переселившегося в Стокгольм из Курляндии в 1786 г. и бывшего отцом Микаеля Гирша Нахмансона (1794–1846), который имел трёх сыновей: Абрама (1842–1912), Эммануэля (1843–1897) и Германа (1839–1901). Ю. Нахмансон был сыном Германа Нахмансона и его жены Росы Давидсон, дочери директора банка Хенрика Исака Давидсона. Кроме Юсефа они имели ещё двух сыновей: Августа и Эрнеста. В 1901–1910 гг. Юсеф Нахмансон был оптовиком, с 1902 по 1904 г. он входил в правление газетного АО «Швеция», с 1905 по 1910 г. в правление «Стокгольмского торгового объединения», в 1906–1911 гг. он уполномоченный «Стокгольмской торговой палаты», с 1906 г. член правления «Объединения Стокгольмской торговой школы»; с 1906 г. член правления Стокгольмского порта, с 1909 г. директор Стокгольмской внешней торговой школы, с 1909 г. член правления, в 1910 г. главный кассир, в 1910–1920 гг. вице-директор, с 1920 г. директор СЭБ, с 1910 г. член правления «Нурдиска мануфактуракциебулагет», с 1911 г. член правления АО «Дилигентиа», с 1913 г. член правления железнодорожного АО «Стокгольм-Сальтшён», в 1916–1927 гг. член правления АО «Инвестор», с 1916 г. член правления АО «А. Виклундс машин ок велосипедсфабрик» и «Стокгольмского пароходного акционерного общества – СВЕА», в 1917–1927 гг. член правления Нового железнодорожного АО «Стокгольмс-Вестерос-Бергслаген», с 1917 г. член правления АО «Атлас Дизель», в 1918–1921 гг. член правления АО «Йернферединг», в 1918–1926 гг. член правления «Свенска кронкредитакциебулагет», с 1918 г. член правления АО «Лесопильных заводов Коппаберга и Хофора» и Сульфитного АО «Стурвика», с 1919 г. член правления «Виоста варас АБ» и др. Когда после кризиса 1922 г. была создана «Кредитная касса 1922 г.», Ю.Н. вошёл в её правление и принимал участие в реорганизации «Вермландского частного банка», «Шведского крестьянского банка», «Шведского торгового банка» и «Нурдиска хандельсбанкен». Находясь в родственных отношениях с Хелмером Кеем, главным редактором «Свенска Дагбладет», поддерживал связи с этой газетой. Был также членом консорциума, который с 1903 г. получил преобладающее влияние на газету. В сотрудничестве с Улофом Сёдербергом, известным промышленником, много сделал для создания Стокгольмской Высшей торговой школы. Был женат на Тюре Анне Эмме Бёрьесон (1877–1965) (Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 26. St., 1987–1989. S. 362–364).

130 «Стокгольмский частный банк» (Stockholms Enskilda Bank) — первый частный банк Швеции, был основан в 1856 г. Андре Оскаром Валленбергом (1816–1886) и долгое время являлся одним из крупнейших кредитных учреждений страны. В 1863 г. им было создано «Скандинавское кредитное акционерное общество» (Skandinaviska kreditaktiebolaget), в 1871 г. разногласия в правлении банка привели к тому, что 8 из 12 его членов подали в отставку и образовали новый банк, получивший название «Стокгольмский торговый банк» (Stockholms handelsbanken SHBB). До 1886 г. СЭБ возглавлял А.О. Валленберг, его сменил сын — Кнут Агатон (1853–1938), в 1892 г. в правление вошёл другой сын Андре Оскара — Маркус Лаурентиус (1864–1943), который в 1911 г. стал одним из директоров банка. В 1972 г. СЭБ объединился со «Скандинависка банкен», образовав «Скандинависка эншильда банкен» (*Söderlund E.* Skandinaviska banken i det svenska Bankväsendets historia. Bd. 1. 1864–1914. St., 1964; Bd. 2. 1914–1939. Uppsala, 1978).

131 «Скандинавское кредитное акционерное общество» (Skandinaviska kreditaktiebolaget) — один из крупнейших шведских банков, был создан в Гётеборге в 1863 г. А.О. Валленбергом, Оскаром Экманом, К.Ф. Верном-младшим, Т. Маннхеймом, О. Диксоном, О. Вийком. Первым руководителем банка был Теодор Маннхейм. В начале XX в. СКАБ удалось поглотить целый ряд других банков: «Индустри кредит АБ» (1907), «Сконес эншильда банк» (1910), «Свэрьес привата сентральбанк» (1917), «Эребру эншильда банкен» (1918), АБ «Сконска Хандельсбанкен» (1919). Собственный капитал банка к 1926 г. составил 182 млн. крон. В 20-е годы сильные позиции в банке занял концерн Крейгера, крах которого пошатнул положение и СКАБ. Но государственная поддержка помогла ему выйти из кризиса. В 1938 г. банк был реорганизован и стал называться «Скандинависка банкен», в 1972 г. произошло его слияние с СЭБ (Ibid.).

132 «Стокгольмский торговый банк» (Stockholms handelsbank) — основан в 1871 г. после раскола в правлении СЭБ. С 1919 г. назывался «Шведским торговым банком» (Svenska handelsbanken). В 1893–1911 гг. во главе банка стоял Луис Френкель (сноска 145), в 1911–1922 гг. Карл Фриск (сноска 196), в 1922–1923 гг. Мауритс Филипсон, а с 1923 г. Х. Стен. В 1918 г. капитал банка составлял 80 млн. крон, резервный фонд — 100 млн. крон (Nordisk familjebok. Bd. 27. S. 21–22; Bd. 38. S. 642–643; Bonniers lexikon. Bd. 13. S. 612).

133 «Акционерное общество Гётеборгский банк» (AB Göteborgsbank) — возникло в 1848 г. под названием «Гётеборгс приватбанк», в 1858 г. было переименовано в «Гётеборгс эншильда банк». В 1917 г. поглотило «Стокгольмс дисконтобанк», в 1921 г. «Эребру ленс банк», в 1922 г. «Коппабергс эншильда банк». В результате этого превратилось в один из крупнейших банков Швеции, который в первые же годы советской власти начал выступать в качестве посредника между Россией и Швецией (*Söderlund E.* Op. cit.; *Карлбек-Исотало Х.* Указ. соч. С. 33–47).

134 «Национальный банк Германии» (National Bank für Deutschland) — НБГ, был основан в 1881 г. при участии «Дойче банка», фирмы «Братья Зульцбах» из Франкфурта-на-Майне и банкирского дома «Лео, Дельбрюк и К°» из Берлина; важную роль в его создании играли Эмиль Ратенау и Ойген Ландау (см.: «Из глубины времён», вып. 1. СПб., 1992. С. 128–131). С 1881 по 1902 г. О. Ландау являлся председателем Наблюдательного совета НБГ. На этом посту его заменил Эрнст Магнус (1902–1910), его шурин, а затем Рихард Виттинг — брат известного журналиста Максимилиана Гардена (см.: «Из глубины времён», вып. 1. С. 100, 127), занимавший этот пост до 1922 г. Важную роль в управлении НБГ играли Юлиус Штерн (ум. 1915), Яков Гольдшмидт (сноска 147), Эмиль Виттенберг (сноска 143). В 1917–1919 гг. в правление НБГ входили: Эмиль Виттенберг, Ялмар Шахт, Ганс Винтерфельд, Теодор Марба, Паул Кох, Мартин Шифф, Франц Ринтели. В 1922 г. произошло объединение НБГ с «Дармштадтским банком», в результате чего возник «Дармштадтский и Национальный банк Германии» — «Данатбанкт». В 1931 г. он был поглощён «Дрезденским банком» (*Dr. Riesser*. Op. cit.; Deutsches biographisches Jahrbuch. Bd. 1. B. Leipzig, 1925. S. 160; Neue Deutsche Biographie. Bd. 13. S. 482; Bd. 15. S. 676; Juden im deutschen Kulturbereich. B., 1959. S. 728, 745–749; *Sutton A.* Op. cit. P. 183; см. также: *Levi M.* Nationalbank für Deutschland zu Berlin. 1881 bis 1909, 1911).

135 Янссон (Jznsson), Вильгельм (1872–1923) — немецкий профсоюзный деятель. Родился и вырос в Стокгольме. В 1896 г. переселился в Гамбург. С 1897 г. активный деятель профсоюзного движения в Германии. С 1905 г. второй редактор центрального органа германских профсоюзов «Корреспонденцблатт». В годы Первой мировой войны сотрудничал с А. Парвусом. В 1917 г. получила известность его попытка встретиться с В.И. Лениным, возвращавшимся из Швейцарии в Россию. В 1919 г. был назначен шведским атташе в Берлине по социальным вопросам (Neue Deutsche Biographie. Bd. 10. S. 345–346).

136 Турберг (Thorberg), Арвид (1877–1930) — шведский политический и профсоюзный деятель, в 1908–1920 гг. секретарь Центрального объединения профсоюзов Швеции (ЦОПШ), с 1920 г. его председатель, с 1922 г. депутат первой палаты риксдага (Svenska män… Bd. 7. S. 515).

137 Стомоняков, Борис Спиридонович (1882–1941) — сын болгарского коммерсанта, учился в Горном институте (Петербург) и Льежском электротехническом институте (Бельгия). В социал-демократическом движении с 1902 г. Занимался сбором денег, закупкой оружия, транспортировкой нелегальной литературы в Россию. По рекомендации Л.Б. Красина был принят на службу в германскую фирму «Симменс-Шуккерт». В начале 1915 г. возглавил её стокгольмскую контору. После вступления Болгарии в войну на стороне Германии был призван в армию. В 1917 г. для ор-

ганизации поставок в Болгарию был направлен сначала в Берлин, а в 1918 г. в Стокгольм. После Ноябрьской революции 1918 г. снова в Германии. В 1920–1924 гг. работал в советском торгпредстве в Германии. Зимой 1924–1925 гг. был отозван в Москву: занимал пост сначала заместителя наркома внешней торговли, а затем заместителя наркома иностранных дел. Был репрессирован (*Йорданов Л.* Красный экселенц. Повесть о Б. Стомонякове. М., 1985).

138 Ломоносов, Юрий Владимирович (1876–1952) — из дворян Смоленской губернии, окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, преподавал, служил в управлении частных железных дорог. Накануне Февральской революции бы переведён в Министерство путей сообщения, весной 1917 г. с дипломатической миссией уехал в США. После Октябрьской революции выступил за признание советской власти. Был в близких отношениях с одним из руководителей «Фёрст нэшнл бэнк» Ривом Шлеем. 19 сентября 1919 г. вернулся в Москву, а 25 мая 1920 г. получил назначение на пост уполномоченного СНК по железнодорожным делам за границей и был командирован в Ревель. На этом посту пробыл до 1923 г. Находясь за границей участвовал в контрабандной торговле советским золотом. Его деятельность была связана с деятельностью таких кредитных учреждений, как «Нордиска Хандельсбанк», «Дойче банк», «Дармштадтский банк», «Национальный банк Германии», «Дрезденский банк», «Лондонский сити банк», «Мидлэнд банк», «Свенска Хандельсбанк», АО «Апис» и др. После ликвидации железнодорожной миссии Ю.В. Ломоносов остался за границей. Здесь им были написаны десятитомные воспоминания, которые до сих пор остаются неопубликованными (Минувшее. Исторический альманах. Т. 10. М. – СПб., 1992. С. 7–63; Россия и Америка (беседа с профессором Ю.В. Ломоносовым) // Экономическая жизнь. 1919. 20 сентября; Окончательный отчёт Ю.В. Ломоносова о деятельности Российской железнодорожной миссии за границей (1920–1923. Машинопись // Спецхран РГБ).

139 Каменев находился в Лондоне в августе – сентябре 1920 г. и вёл переговоры о прекращении войны с Польшей. С отчётом о своей поездке он уже 24 сентября выступал на расширенном заседании Моссовета (Ленин В.И. Биохроника. Т. 9. С. 321).

140 Шеридан (Sheridan), Клэр (1885–1970) — английская писательница и скульптор, в Москве находилась осенью 1920 г. (*Ленин В.И.* Полн. соб. соч. Т. 43. С. 348, 502).

141 Лозовский (Дридзо), Соломон Абрамович (1878–1952) — один из лидеров советских профсоюзов, в 1921–1937 гг. генеральный секретарь Профинтерна (Деятели СССР и революционного движения в России. С. 513–515).

142 Этот эпизод свидетельствует, что У. Ашберг имел отношение к снабжению афганской армии оружием. В связи с этим необходимо учесть, что в годы Гражданской войны советским правительством рассматривался вопрос о поддержке повстанческого движения в Индии и даже о направлении туда частей Красной армии. Причём именно Афганистан должен был стать главным плацдармом для этих действий (РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 51. Л. 1–2; Из глубины времён. Вып. 1. СПб., 1992. С. 119–121, 136; *Параделов Н.* Поход на Индию: по документальным данным // Последние новости. Париж, 1921. 9 июня).

143 Виттенберг (Wittenberg), Эмиль — германский банкир. При подготовке данной публикации обнаружить биографические сведения о нём не удалось.

144 «Дармштадтский банк» (Bank für Handel und Industrie) — был основан в 1863 г. Абрамом Оппенгеймом. В 1905 г. объединился с банкирским домом «Роберт Варшауэр и К°» принадлежавшим тестю известного германского банкира Эрнста Мендельсона-Бартольди, а глава этого банкирского дома Гуго Оппенгейм (ум. 1921), владелец банка «Гуго Оппенгейм и К°», перешёл на службу в «Дармштадтский банк» и до конца своей жизни принадлежал к числу его руководителей (*Dr. Riesser.* Op. cit. S. 43–44, 57, 360, 405, 651–654, 718–720; Juden im deutschen Kulturbereich. S. 730, 745, 747–749).

145 Френкель (Fraenckel), Луис (1851–1911) — сын торговца из Ашерлебена (Германия) Иосифа Френкеля и Каролины Хайнеман. В 1868–1870 гг. учился в торговом училище, с 1871 по 1874 г. работал служащим в фирме «Б.М. Штрупп и К°» в Майнингене. С 1870 г. его дядя по матери — К. фон Хайнеман — был генеральным консулом Пруссии в Стокгольме. По его предложению братья Луиса Давид и Мориц переселились в Швецию и здесь открыли собственное дело. В 1874 г. Луис Френкель тоже уехал в Швецию и стал работать в фирме своих братьев. Одновременно он открыл в Стокгольме собственное агентство и возглавлял его до 1880 г. После смерти К. Хайнемана стал его душеприказчиком, что позволило ему приобрести широкие связи со мно-

гими иностранными банками и открыть в 1880 г. коммандитное товарищество «Луис Френкель и К°», одним из наиболее крупных пайщиков которого стал известный франкфуртский банкир барон Людвиг Эрландер. В 1893 г. это товарищество влилось в состав созданного при участии Л. Френкеля «Стокгольмского торгового банка», с 1893 по 1911 г. Л. Френкель являлся директором этого крупнейшего шведского кредитного учреждения. Он участвовал в создании «Сконска хандельсбанкен» (1895) и «Гётеборгс хандельсбанкен» (1897). В 1897 г. ему удалось добиться соглашения о сотрудничестве с «Сундваллс хандельсбанк». С 1907 г. налаживается сотрудничество между «Стокгольмским торговым» и «Стокгольмским частным» банками. Одновременно Л. Френкелем было организовано «АО Шведских сахарных фабрик» (Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 16. St., 1964–1966. S. 405–408).

146 Майлендер (Mailänder), Карл — один из директоров НБГ, его брат Генри Майлендер из Баварии имел собственную банкирскую фирму и пытался объединить частные банки против крупнейших акционерных банков (Juden im deutschen Kulturbereich. B., 1959. S. 756–757).

147 Гольдшмидт (Goldschmidt), Якоб (р. 1882) — происходил из небогатой семьи, получив юридическое образование, начал коммерческую деятельность в родном Ганновере, позднее переселился в Берлин и здесь в Юлиусом Шварцем основал фирму «Шварц, Гольдшмидт и К°», которая была создана при поддержке руководителя «Хильдерхаймер банка» Леесера. По рекомендации Карла Хагена, брата кёльнского банкира Луиса Хагена, накануне Первой мировой войны стал работать в НБГ и к началу 20-х годов занял в нём положение одного из руководителей, играл большую роль в объединении НБГ с «Дармштадтским банком». После окончания Первой мировой войны участвовал в восстановлении германского торгового флота (ГАПАГ), в создании международного электротехнического картеля, в ликвидации концерна Стиннеса, в восстановлении германской промышленности, в том числе военной, имел широкие финансовые связи в Голландии, США и Швеции (Juden im deutschen Kulturbereich. B., 1959. S. 745–747).

148 Шахт (Schacht), Ялмар (1877–1970) — немецкий банкир, с 1916 г. один из директоров НБГ, с 1922 г. директор «Данатбанка», с декабря 1923 по апрель 1930 г. президент «Рейхсбанка», участвовал в разработке планов Дауэса и Юнга, в 1930 г. из-за разногласий с правительством ушёл из «Рейхсбанка» и вернулся туда только в 1933 г. после прихода к власти Гитлера; до 1939 г. занимал пост президента банка, в 1934–1937 гг. у него начинаются разногласия с Гитлером, и он оказывается в оппозиции к нему. В 1948 г. возвратился к прежней коммерческой деятельности, в 1953 г. опубликовал мемуары «76 лет моей жизни» (*Benz W., Graml H.* Biographisches Lexikon Weimarer Republik. München. 1988. S. 282; *Simpson A.* Hjalmar Schacht in perspective. Mouton. 1969).

149 Гуковский, Исидор (Израиль) Эммануилович (Мануйлович) (1871–1921) — сын одесского купца, по профессии аптекарь, в революционном движении с 90-х годов XIX в. Входил в управление нефтепромышленных фирм: «Петербургское нефтепромышленное акционерное общество» и «Англо-русское акционерное общество (Максимовское)», являлся учредителем нефтепромышленного товарищества «И.Э. Гуковский и К°», владел кирпичным заводом. В 1917 г. состоял казначеем Петербурского комитета РСДРП(б), весной – летом 1918 г. был наркомом финансов. После отставки с этого поста находился за границей, а затем в аппарате Рабоче-крестьянской инспекции. 16 февраля 1920 г. возглавил торговую делегацию Центросоюза в Ревеле. Умер в 1921 г. при невыясненных обстоятельствах (*Невский В.И.* Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период с 1880 по 1905 г. Вып. 1. М. – Пг., 1923. С. 206; РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 51. Л. 1–53; Весь Петербург на [1914–1917]. СПб., 1913–1916).

150 Лайдонер (Laidoner), Йохан (Иван Яковлевич) (1884–1953) — эстонский государственный деятель, в годы Гражданской войны возглавлял вооружённые силы Эстонской буржуазной республики (БСЭ. 3 изд. Т. 14. С. 117–118; I onniers lexikon. Bd. 8. S. 1121).

151 Дом «Лион Алеман» (Comptoir Lyon Alemand) — французский банк, был основан в 1880 г. (International Banking Directory. 1937–1938. N.Y. P. 205).

152 «Национальный кредитный банк Франции» (Banque Nationale de Credit à Paris).

153 Молль (Moll), Виктор (1858–1929) — шведский финансист, в 1908–1912 гг. исполнительный директор Всеобщего ипотечного банка Швеции, с 1912 г. глава Риксбанка (Государственного банка Швеции), в 1902–1908 гг. депутат второй палаты риксдага (Vem är det? 1931. S. 942).

154 Кассель (Cassel), Карл Густав (1886–1945) — шведский экономист, профессор Стокгольмской высшей школы в 1904–1933 гг., участвовал в работе Брюссельской (1920) и Генуэзской (1922)

международных конференций. Был женат на Юханне Бьернсон-Меллер, дочери Н. Бьернсон Меллера и Янетты Холмлунд. Автор воспоминаний. Находился в близких отношениях с Маркусом Валленбергом (Svenska män… Bd. 2. S. 48–49; *Gardlund T.* Op. cit. S. 141).

155 Г.А. Соломон, который после И.Э. Гуковского тоже занимался экспортом бриллиантов, вспоминал, что в этих операциях участвовал «капитан Кон», прибывший из Англии и называвший себя другом Ллойд Джорджа, некто Абрагам из Парижа и Брэдфорд из Лондона (*Соломон Г.А.* Среди красных вождей. С. 475–478).

156 Об участии У. Ашберга в экспорте советского золота через Ревель см.: Там же. С. 433–434.

157 Брантинг (Branting), Анна (1855–1950) — урождённая Едерин (Jäderin), жена Я. Брантинга (второй брак), шведская писательница и журналистка, сотрудничала в газетах «Сосиаль Демократен» и «Стокгольм тиднинген» (под псевдонимом Рене — Rene), автор воспоминаний, находилась в дружеских отношениях с У. Ашбергом. Ей посвящена специальная глава в третьей книге его воспоминаний (Svenska män… Bd. 1. S. 446; Svensk biografisk lexikon. Bd. 6. S. 39–40; *Aschberg O.* Gästboken. St., 1955. S. 188–195).

158 Соломон Георгий Александрович (р. 1868) — участвовал в социал-демократическом движении с 90-х годов XIX в., был в близких отношениях с Л.Б. Красиным. В 1907 г. эмигрировал. Позднее вернулся в Россию, занимался литературной деятельностью, служил в частном банке, играл активную роль в Февральской революции. С весны до осени 1917 г. находился в Швеции. После «июльских событий» на страницах печати была опубликована следующая телеграмма из Стокгольма в Петроград: «№ 37. С[альтшо] – Баден. 8–5. Козловскому. Петроград. Первое письмо получили. Нью-Банкет телеграфировал. Телеграфируйте, кто Соломон? Предлагает совместное телеграфное агентство, ссылается [на] Бронека, Савельева, Авилова» (Русская воля. Утр. вып. 1917. 12 июля). В конце 1917 – начале 1918 г. был послан в Швецию, а по возвращении оттуда в Германию. В 1919–1920 гг. был заместителем наркома торговли и промышленности, в 1920 г. возглавлял торговую делегацию в Ревеле, называл себя «банкиром Коминтерна». Последнее место работы — советское представительство в Лондоне (1921–1923), с 1923 г. «невозвращенец». Автор воспоминаний «Среди красных вождей» и «Семья Ульяновых» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 449; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 434. Л. 107; ГАРФ. Ф. 102. 3-е Д. 1891.Д. 467; 1893. Д. 274).

159 Речь идёт о Эриксоне Хокане Хансе Кристиане (Ericson, 1868–1945). Х.Х.К. Эриксон — морской офицер и судовладелец, во флоте с 1899 г., с 1917 г. капитан первого ранга, с 1921 г. в запасе, в 1911–1919 гг. депутат первой палаты риксдага, в 1917 г. входил в качестве государственного советника в кабинет департамента морской обороны правительства Шварца, в 1918–1934 гг. был исполнительным директором, а затем председателем правления «Стокгольмского пароходного акционерного общества» — СВЕА, а также председателем правления акционерных обществ «Финбуда варв», «Онгфартюгс акциобулагет Етаканал» и «Акциебулагет Редериаентур». В Риге СВЕА имело в качестве своего представителя фирму «П. Бронгольд и К°» (Шведская промышленность. Т. 1. С. 716; Svensk uppslagsbok. Bd. 8. S. 850–851).

160 Чильгрен (Kilgren), Карл Т. (1879–1954) — шведский предприниматель из г. Арвика. Исполнительный директор акционерного общества «Куллберг и К°» в 1915–1918 гг., председатель правления «Объединения по сельскохозяйственным машинам», член правлений акционерных обществ «Глава гласбрук», «Юнгстремс онгтурбин», «Куллберг и К°», «Нюман ок Шуль», «Шведского объединения по экспорту» и др., участвовал в акционерном обществе «Арвика-верк» (Vem är det? 1935. S. 441; Vem är det? 1945. S. 574; Vem är det? 1955. S. 1088).

161 «Балтик Сепаратор» (Baltic Separator) — вероятно, одно из дочерних предприятий акционерного общества «Сепаратор» (AB Separator, с 1963 г. — AB Alfa Laval), основанного в 1878 г. в Стокгольме. Специализировалось на производстве знаменитых шведских сепараторов для молока системы Густава де Лаваля (1845–1913), который был одним из основателей этого предприятия. Важную роль в его истории сыграл также Йон Бернстрем (1848–1925), исполнительный директор фирмы в 1887–1916 гг. До 1917 г. Россия была одним из основных покупателей сепараторов этой марки, поэтому компании «Балтик» и «Сепаратор» стремились к сотрудничеству с Россией и после Октябрьской революции. О связи компании «Балтик» с концерном «Сепаратор» свидетельствует то, что в их руководство входил Я. де Лаваль (*Карлбек-Исотало Х.* Указ. соч. С. 35, 42).

162 Валленберг (Wallenberg), Маркус Лаурентиус (1864–1943) — шведский предприниматель, представитель одной из богатейших семей Швеции, сын основателя финансовой империи Валлен-

бергов Андре Оскара Валленберга и его второй жены Анны фон Сюдов. Почти вся жизнь М.Л. Валленберна была связана с СЭБ, с 1892 г. он член правления и вице-директор этого банка, с 1911 г. исполнительный директор, в 1920–1938 гг. вице-председатель, а с 1938 г. председатель правления. В 1916–1919 гг. возглавлял шведскую делегацию на торговых переговорах с Англией, представляя Швецию на Парижской (1919), Брюссельской (1920) и Генуэзской (1922) конференциях, в 20–30-е годы выступал в качестве третейского судьи в международных спорах по германскому вопросу, принимал участие в осуществлении планов Дауэса и Юнга в Германии, был тесно связан с А. Дизелем и АСЕА. От брака с Амалией Хагдал (1864–1959) имел трёх сыновей: Якоба (1892), Андреа (1894), Маркуса (1899) — и двух дочерей: Соню (1891–1970) и Гертруду (1895); Якоб Валленберг был директором СЭБ в 1920–1927 гг., а Маркус в 1927–1946 гг. (*Tjerneld S.* Wallenbergs. St., 1969. S. 81–83; *Gardlund T.* Op. cit.).

163 Советское правительство вынуждено было обратиться за помощью к правительствам и народам мира 2 августа 1921 г. (ДВП СССР. Т. IV. М., 1960. С. 250–253).

164 Гувер (Hoover), Герберт (1874–1964) — крупный американский горнопромышленник, с 1909 г. принимал участие в российском бизнесе, в 1909–1910 гг. участвовал в организации 11 нефтепромышленных компаний на Северном Кавказе (Майкоп), с 1912 г. был одним из учредителей «Русско-Азиатской корпорации» (в которой участвовал Д.П. Морган) и «Иртышской корпорации», а в 1914 г. «Риддеровского» и «Киргизского» горнопромышленных обществ, в 1919–1923 гг. возглавлял АРА, в 1921–1928 гг. занимал пост министра торговли США, в 1929–1933 гг. был тридцать первым президентом США (СЭС. 1990. С. 351; *Лебедев В.В.* Русско-Американские экономические отношения. 1900–1917 гг. М., 1964. С. 113–114).

165 АРА (Американская администрация помощи) (American Relief Administration) действовала в 1919–1923 гг. для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в годы Первой мировой войны. В 1921 г. в связи с голодом в Поволжье была разрешена деятельность АРА на территории Советской России (СЭС. 1990. С. 68).

166 Браун (Brown), Уолтер Фолджер (р. 1869) — американский предприниматель и политик, юрист по образованию, в 1921–1924 гг. представитель президента в АРА (Who was who in America. Vol. 18. Chicago, 1934. P. 414).

167 М.М. Литвинов прибыл в Берлин после Гаагской конференции 25 июля 1922 г. и находился там около трёх месяцев, не ранее 21 – не позднее 26 октября он был в Ревеле и не позднее 9 ноября вернулся в Москву (*Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов. С. 212; Ленин В.И. Биохроника. Т. 12. С. 429, 470).

168 Поездка У. Ашберга, по всей видимости, имела место после того, как был утверждён устав «Российского коммерческого банка» — 19 октября, но до 3 ноября, когда состоялось первое предварительное собрание его акционеров (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

169 З. Шейнис называет четыре места работы М.М. Литвинова в 1908–1917 гг.: дом бизнесмена, эмигранта из России, В.Л. Чайтельсона (домашний учитель), издательство «Уильям энд Норгет», туристическое бюро и фирма по продаже сельскохозяйственных машин. С. Зарницкий и Л. Трофимова пишут, что последним местом работы М.М. Литвинова перед назначением его советским полпредом была должность секретаря директора «Московского кооперативного народного банка» в Лондоне, а Г.А. Соломон утверждал, что в годы эмиграции М.М. Литвинов работал и в фирме «Виккерс», одним из владельцев которой был знаменитый оружейный король Базиль Захаров (*Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 79, 80, 94, 97; *Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался наркоминдел. С. 178; *Соломон Г.Л.* Среди красных вождей. С. 519).

170 М.М. Литвинов возглавил советское представительство в Ревеле после отставки Г.А. Соломона и прибыл туда около 5 января 1921 г., 29 апреля было принято решение об отозвании его с этого поста, 10 мая последовало решение СНК о назначении его заместителем наркома иностранных дел (Ленин В.И. Биохроника. Т. 9. М., 1978. С. 634; Т. 10. М., 1979. С. 367, 402).

171 Йернефельт (Järnefeld), Ээро (р. 1888) — финский дипломат, сын известного писателя Арвида Йернефельта. На дипломатической службе с 1920 г., в 1920–1921 гг. атташе при финском посольстве в Стокгольме, в 1921–1922 гг. секретарь финского посольства в Москве, в 1934–1939 гг. посол Финляндии в США, в 1939–1940 гг. в Италии (Vem och vad? Biografisk handbok. Helsingfors. 1941. S. 301; Uusi tietosanakirja. Osa 9. Helsinki, 1962. P. 282).

172 Вопрос о назначении А.Л. Шеймана представителем в Китай рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 июля 1921 г. (Ленин В.И. Биохроника. Т. 11. М., 1980. С. 104).

173 Томсон (Thomson), Кристофер (1875–1930) — британский политический деятель, в годы Первой мировой войны был военным атташе Великобритании в Румынии (1915–1916) и Палестине (1917), принадлежал к числу противников участия Великобритании в интервенции против Советской России, являлся военным экспертом Лейбористской партии, военную карьеру завершил в чине бригадного генерала, в 1924 г. получил баронский титул, тогда же возглавили министерство авиации в лейбористском правительстве, погиб в авиакатастрофе в 1930 г. (Encyclopaedia Britannica. Vol. 22. Chicago – L., 1964. P. 150).

174 Сокольников (Бриллиант), Григорий Яковлевич (1888–1939) — с 1921 г. член коллегии и заместитель наркома, а в 1922 г. нарком финансов (Деятели СССР и революционного движения в России. С. 73–87).

175 Государственный банк РСФСР был восстановлен 4 октября 1921 г. В состав его первого правления входили: Г.М. Аркус, С.Я. Гинцбург, А.И. Ефимович, Г.С. Канцеленбаум, Н.Н. Кутлер, П.А. Садырин, Я.Н. Торгулов, Н.Г. Туманов, А.Г. Хрущёв, А.И. Швецов, А.Л. Шейнман, М.Е. Шефтель и А.Д. Шлезингер (Государственный банк РСФСР. Первый год деятельности. М., 1922. С. 6).

176 Вслед за Государственным банком РСФСР были созданы «Всероссийский кооперативный банк» — 8 февраля 1922 г., «Промышленный банк» — 1 сентября 1922 г. «Сельскохозяйственный банк» был создан позднее — 15 февраля 1924 г. (Финансовая энциклопедия. 2-е изд. М., 1927. С. 94).

177 Устав «Российского коммерческого банка» был утверждён 19 октября 1922 г. (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

178 Тарновский, Владимир Васильевич (1872–1952) — банковский деятель, потомственный дворянин, родился в Александровском уезде Херсонской губернии в родовом имении Юльковка. После окончания в 1890 г. Киевского кадетского корпуса поступил в Николаевское инженерное училище, с 1893 г. служил в лейб-гвардии в Резервном полку, в 1896 г. в чине поручика ушёл в отставку. Работал помощником контролёра в Батумском отделении Госбанка, с 1898 г. секретарём Томского отделения, с 1900 г. бухгалтером Курского отделения. С 1902 г. управляющий отделения «Московского международного торгового банка» в Верхних Торговых рядах, в 1906 г. стал организатором и руководителем «Самарского купеческого банка», в 1912 г. перешёл в члены правления и стал директором «Сибирского торгового банка», в 1917 г. был избран председателем совета банка. В 1916 г. совместно с директором «Сибирского торгового банка» Э.К. Груббе вёл переговоры с известным журналистом и членом правления фирмы «Сименс-Шуккерт» И.И. Колышко об издании в Петрограде новой газеты «Русская воля», одним из учредителей которой должен был быть будущий министр внутренних дел А.Д. Протопопов (*Колышко И.И.* Моё дело. Пг., 1917. С. 55). После Октябрьской революции на различных хозяйственных должностях, в 1920 г. состоял на службе в Управлении мостовых коммунального хозяйства в Петрограде, с февраля 1921 г. возглавлял здесь же Финансовый институт экономических исследований, в октябре 1921 г. был назначен управляющим Северо-Западной областной конторой Государственного банка, откуда 1 октября 1922 г. ушёл в создавшийся «Российский коммерческий банк» и с 12 ноября 1922 по 1924 г. был председателем его правления. С 1924 г. — заместитель заведующего подотдела денежного обращения и кредита Наркомфина СССР, в 30-е годы вернулся в Ленинград, в 1944–1948 гг. старший консультант Бюро экспертов при председателе правления Государственного банка СССР, с 1948 г. на пенсии (*Тарновский В.В.* Автобиография // РГФЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 9. Л. 38; *Гиндин И.Ф.* История «Сибирского торгового банка». 1872–1917 гг. // Материалы по истории России в период капитализма. М., 1976. С. 129–168).

179 «Русский коммерческий банк» открыл свои действия 1 декабря 1922 г. (РГАЭ, Ф. 7590. Оп. 1. Л. 1).

180 Менжинский, Александр Рудольфович (р. 1867) — известный финансовый деятель царской России, брат Вячеслава Рудольфовича Менжинского (сноска 92). После окончания Петербургского университета (1889) около 20 лет прослужил в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, последние шесть лет возглавлял отдел и был чиновником пятого класса. В 1909 г. в связи с созданием «Соединённого банка» перешёл в его правление и оставался в нём до 1917 г. Одновременно с этим входил в правление «Общества производства и торговли резиновы-

ми изделиями “Богатырь”», «Товарищества Алапаевских горных заводов наследников С.С. Яковлевых», «Общества городских и пригородных конножелезных дорог России», «Товарищества Рязанского завода сельскохозяйственного машиностроения и железнодорожных изделий». «Общества пивоваренного завода наследников Ф.Ф. Боде», «Акционерного общества Лисичанских химических заводов», «Акционерного общества Ревельской писчебумажной фабрики “Иогансон Э.И.”», «Акционерного общества Ревельского химического завода “Майера, Рихиля”» (АППР. Пг., 1917. С. 35, 75, 104, 241, 413, 426, 450; РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 852. Л. 14–25).

181 Аскер был генеральным консулом Швеции в России в 1918 г. В печати сообщалось, что как представитель нейтрального государства он по линии Красного креста представлял в России интересы Германии и в апреле 1918 г. был в числе тех, кто встречал прибывшего в Москву германского посла Мирбаха (Наш век. Пг., 1918. 24 и 27 апреля).

182 В мае 1920 г. между «Центросоюзом» и «Шведским объединением по экспорту» было подписано соглашение (так называемое «красинское»), в соответствии с которым был осуществлён обмен торговыми делегациями, они действовали вплоть до установления между Швецией и СССР дипломатических отношений (Nordisk familjebok. Bd. 38. S. 707).

183 «Шведское объединение по экспорту» (Sveriges allmänna exportförening), ШОЭ основано 18 апреля 1887 г. по инициативе дипломата Х. Окермана, в 1918 г. насчитывало около 1300 членов: до 1902 г. исполнительным директором объединения был В. Теш, в 1902 г. — А. Ланнер, в 1903–1915 гг. — Й. Хаммар, с 1916 г. — Э. Нюландер. В 1915 г. в ШОЭ было создано специальное отделение, позднее преобразованное в восточно-европейское. ШОЭ издавало журнал «Шведский экспорт», который выходил с 1917 г. на шведском и английском, а с 1918 г. и на русском языке (Bonniers lexikon. Bd. 4. S. 776–777; Nordisk familjebok. Bd. 27. S. 1252–1254; Bd. 38. S. 707–708).

184 Янссон (Jansson), Альгот — школьный товарищ С. Хёглунда, был служащим СТАБ, некоторое время исполнял обязанности шведского консула в Москве (*Kilbom K.* I hemligt uppdrag. Ur mitt livs äventyr. Stockholm. 1954. S. 393).

185 «Шведское акционерное общество по производству спичек» (Svenska Tändsticks AB, STAB), Йенчепинг. Головное предприятие так называемой группы СТАБ, ныне имеющей дочерние предприятия в Европе, Азии, Африке и Америке. Возникло в 1917 г., когда при посредничестве фирмы «Крейгер ок Толль К°» объединились два спичечных концерна — «Йенчепинг ок Вулканс Тэндстиксфабрик-АБ» и АО «Объединённые шведские спичечные фабрики» (AB Förenade Svenska Tändsticksfabriker, основано в 1913 г., глава Ивар Крейгер). И. Крейгер стал первым исполнительным директором СТАБ (1917–1932). После банкротства И. Крейгера под руководством Ф. Юнгберга СТАБ был подвергнут радикальной реконструкции (Bonniers lexikon. Bd. 13. S. 984–987).

186 Лаурин (Laurin), Адольф Адольфович — директор-распорядитель акционерного общества «Торговля и промышленность» в Стокгольме, в 1919 г. оно отказалось примкнуть к экономическому бойкоту Советской России. А.А. Лаурин участвовал в создании «Русско-Шведского товарищества для внешней торговли». В него входили: Александр Константинович Бабаевский, Карл Николаевич Видерстрем (консул, член правления), Эйнар Оскар Гарберг (помощник атташе), Константин Васильевич Вольфберг (член правления), Густав Людвигович Нобель (председатель правления), Сергей Андреевич Шаттелен, Борис Евгеньевич Шацкий, Иосиф Арсеньевич Марголис (директор), Ивар Иоганн (Юхан) Шэстрем (Шестрем) (РГАЭ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 200. Л. 20–21; Ф. 7590. Оп. 1. Д. 15. Л. 33).

187 «Атлас Дизель» (Atlas Diesel) — с 1955 г. «Атлас Копко», головное предприятие в одноимённом концерне, ныне производит пневматическое оборудование, прежде всего для горной промышленности. Основано в 1917 г. в результате слияния «Нюа АБ Атлас» (основано в 1873 г., до 1891 г. — «АБ Атлас») с «АБ Дизель Мотор», имевшим отделение в Москве (Мясницкая, 38) (Bonniers lexikon. Bd. 1. S. 907; Шведская промышленность. Т. 1. С. 541).

188 В 1864 г. Альфред Нобель (1833–1896) основал АО «Нитроглицерин», ему принадлежали также фабрики в Винтервикене близ Стокгольма и в Крюммеле близ Гамбурга (1865). В 1893 г. он приобрёл контрольный пакет АО «Бофорс-Гуллспонг». Людвиг Эммануилович Нобель (1868–1946) был членом правления АО «Нитроглицерин», «Бустадс вилласамхэлле», «Трекрунур», исполнительным директором АО «Сконегорд» и «Бустадс бадхотель» (Vem är det? 1923. S. 463; Bonniers lexikon. Bd. 10. S. 647–648).

189 Фирма «Эрикссон» — «Телефонное акционерное общество Л.М. Эрикссон» (Telefon AB L.M. Ericsson, Стокгольм). Ведущее шведское предприятие в области производства средств связи. Начало фирме было положено в 1876 г., когда сын вермладского крестьянина Ларс Магнус Эрикссон (1846–1926) основал в Стокгольме фабрику по производству инструментов. Выпуск телефонов был налажен в 1879 г. В 1896 г. фирма преобразована в акционерное общество «L.M. Ericsson». В 1918 г. произошло её объединение с другими крупными предприятиями Швеции в этой области — «Stockholm Allmänna Telefon AB» (основано в 1883 г.) и «Allmänna Industri AB H.T. Cedergren». До 1926 г. фирма называлась «Allmänna Telefon AB L.M. Ericsson». Фирма «Эрикссон» была тесно связана с финансовой империей Валленбергов. СЭБ финансировал проникновение фирмы в Россию, для чего в 1901 г. было создано «Шведско-Датско-Русское телефонное акционерное общество» (Svensk-Dansk-Ryska Telefon AB, ШДРТАО), председателем которого долгое время был Кнут Валленберг. Маркус Л. Валленберг входил в правление «Мексиканского телефонного АО Эрикссон» в 1909–1938 гг. (L.M. Ericsson. 100 Years. P. 125, 178, 179; Bonniers lexikon. Bd. 4. S. 587–591).

190 Энглунд (Englund), Эрик А. (1879–1965) — инженер «Шведского телефонного АО» с 1900 г., в 1901 г. командирован в Россию для руководства прокладкой телефонной линии для ШДРТАО в Москве, под его руководством были построены телефонные заводы в Харькове, Киеве и других городах России. После Первой мировой войны работал в Италии, Греции, Турции и других странах. В 1922–1923 гг. входил в состав делегации вместе с её руководителем К.Ф. Винкрантсом (Winkrantz) и Э.О. Сандбергом (Sandberg), которые от имени компании «Эрикссон» неоднократно посещали Москву и пытались решить вопрос о бывших капиталах компании в России. Позднее Э.А. Энглунд был экспертом компании по русским вопросам (L.M. Ericsson. 100 Years. P. 176, 240–243).

191 В 1915–1916 гг. на русском рынке была представлена только одна шведская фирма, занимавшаяся производством арматуры — «АО Кунгсерской арматурной фабрики» (Шведская промышленность. Т. 1. С. 525).

192 «Скандинавская компания» (AB Nordiska kompaniet) — стокгольмская фирма, была основана в 1902 г. в результате слияния фирм «Йозефа Лейя» и «К.М. Лундберга». Собственный капитал в 1920 г. составлял 48 млн. крон. Особую роль в становлении этой компании сыграл Юзеф Сакс. Первоначально компания занималась главным образом розничной торговлей, позднее к ней добавилась сфера услуг и мелкое промышленное производство (Bonniers lexikon. Bd. 10. S. 687–688; Nordisk familjebok. Bd. 31. S. 740).

193 «Сахарный король» — это бывший действительный статский советник Павел Иванович Харитоненко, владелец торгового дома «И.Г. Харитоненко с сыном в Сумах». Накануне революции он жил в Москве и имел особняк на Софийской набережной. Одним из управляющих у Харитоненко работал будущий член совета РКБ Николай Михайлович Чупров (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 41; Вся Москва на 1917 г. М., 1916; *Хаммер А.* Мой век двадцатый. Пути и встречи. М., 1988. С. 77).

194 Шведская торговая делегация была реорганизована в 1923 г.

195 Хейденстам (Heidenstam), Карл Герхард, фон (1876–1939) — шведский дипломат, в 1901–1906 и 1910–1917 гг. занимал различные должности в шведском посольстве в Петрограде. В 1923–1924 гг. был руководителем торговой делегации ШОЭ в Москве, в 1924–1930 гг. посол Швеции в Москве, позднее посол Швеции в Анкаре, Софии, Хельсинки (Vem är det? 1935. S. 346; Svensk uppslagsbok. Bd. 13. S. 64).

196 Фриск (Frick), Карл (1865–1944) — шведский банкир, член правления и главный кассир «Стокгольмс интекнинг гаранти АБ» в 1896–1900 гг., в 1901–1907 гг. в СЭБ, в 1907–1911 гг. вице-исполнительный директор СЭБ, в 1911–1919 гг. исполнительный директор «Стокгольмс Хандельсбанк», в 1919–1922 гг. исполнительный директор «Свенска Хандельсбанкен». В 1924 г. основал «Сосьете финансьер сюисс э скандинав», член правления многих фирм, в том числе «Свенска эмиссионс АБ», СТАБ, «Шведского банковского объединения» и др. Жена — Грета Лундберг (Svenska män… Bd. 2. S. 261; Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 16. S. 575–576).

197 Гаагская конференция проходила с 15 июня по 19 июля 1922 г. Советская делегация прибыла в Гаагу 26 июня, а покинула её 25 июля (*Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов. С. 212).

198 Брокдорф-Рантцау (Brockdorff-Rantzau), Ульрих, фон (1869–1928) — граф, немецкий государственный деятель, приёмный сын барона Ульриха Брокдорфа (1807–1875) — датского диплома-

та, фактически являвшийся сыном дочери брата последнего. Сотрудник германских посольств в Брюсселе, Петербурге, Вене, Будапеште, посол Германии в Копенгагене в 1912–1918 гг., пытался использовать посредничество датского короля для мирных переговоров, вёл работу по снабжению Германии продовольствием, используя связи между социал-демократами двух стран. В декабре 1918 г. – феврале 1919 г. — государственный секретарь по иностранным делам, в феврале – июне 1919 г. — министр иностранных дел. Отказавшись подписать Версальский договор, ушёл в отставку. С 1922 г. посол Германии в Москве (*Haupts L.* Ulrich von Brockdorff-Rantzau. Zurich. 1984).

199 Лёфгрен (Löfgren), Йонас Элиэль (1872–1940) — шведский политик, юрист по профессии, депутат первой палаты риксдага в 1910–1911, 1921–1922, 1929–1937 гг., второй палаты в 1918–1920, 1924–1928 гг., министр юстиции в правительстве Эдена (1917–1920), министр иностранных дел в первом правительстве Экмана (1926–1928), в 1923–1930 гг. руководил Шведской либеральной партией, лидер её парламентской фракции в 1930–1934 гг. Участвовал в торговых переговорах с представителями Советской России в Гааге в 1922 г. и в Москве в 1925 г. (Vem är det? 1935. S. 566–567; Svenska män… Bd. 5. S. 162–163).

200 Сакс (Sachs), Юсеф Эрнс (1872–1949) — шведский предприниматель, глава фирмы Joseph Beja (розничная торговля) в 1892–1902 гг., исполнительный директор АО «Скандинавская компания» в 1902–1937 гг., генеральный консул Норвегии в 1916–1924 гг., с 1916 г. член правления «Шведского объединения по экспорту», с 1911 г. — правления СЭБ, с 1915 г. — «Железнодорожного АО Стокгольм – Сальтшён», с 1930 г. председатель Международной комиссии по торговой политике, в 1911–1928 гг. — председатель правления страхового АО «Виктория», с 1915 г. — АО «Вэксхольмс», в 1917–1920 гг. — АО «Свенска Осеанкомпаниет» и «Свенск-энгельска Осеанкомпаниет», в 1918–1920 гг. уполномоченный по подготовке соглашения с Германией, Россией и Финляндией, член Комиссии по русскому вопросу с 1918 г., с 1919 г. член комиссии по договорам. Был женат на Сигрид Френкель (Fränckel) (1880–1929). Имел тесные связи с Валленбергами (Svenska män… Bd. 6. S. 460–461; *Söderpalm S.A.* Op. cit. S. 85, 190).

201 Советско-финское соглашение было подписано 14 октября 1920 г. (ДВП СССР. Т. 3. М., 1959. С. 265–280).

202 Макконен (Makkonen), Эркки Пекка (р. 1882) — финский инженер и промышленник, образование получил в Швеции и Германии, в 1921–1922 гг. министр торговли и промышленности Финляндии (Vem och vad? 1925. S. 324).

203 Рюти (Ryti), Ристо Хейкки (1889–1956) — в 1921–1922 гг. министр финансов, а в 1923–1940 и 1944 гг. председатель правления Банка Финляндии (Uusi tietosanakirja. O. 17. P. 528–529).

204 Хакцелль (Hackzell), Антти (Андерс Вернер) (1881–1946) — финский посол в Москве с 1922 по 1927 г., в 1932–1936 гг. министр иностранных дел, а с 1 августа 1944 г. премьер-министр Финляндии (Ibid. O. 6. P. 909).

205 Крейгер, Торстен (р. 1884) — шведский предприниматель, брат Ивара Крейгера. Участвовал в деятельности его концерна. В 1908 г. основал спичечную фабрику в Кальмаре, был президентом «Американского банка» в Польше и «Польской спичечной монополии», в 1926–1932 гг. польский генеральный консул в Стокгольме, исполнительный директор и владелец АО «Стокгольм Тиднинген» и «Афтонбладет», до 1956 г. издававших ведущие шведские газеты (Vem är det? 1935. S. 459; 1959. S. 547).

206 Хёглунд и Стрём были исключены из Коммунистической партии Швеции в 1925 г.

207 У. Ашберг покинул Москву не ранее 23 июня, а вернулся обратно не позднее 6 сентября 1923 г. (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 11. Л. 201–378).

208 Энгстрём (Engström), Альберт (1869–1940) — шведский писатель и художник, профессор Высшей художественной школы в 1925–1935 гг., член Шведской академии наук с 1922 г. (Svenska män… Bd. 2. S. 420–421; Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 18. S. 700–722).

209 Хедин (Hedin), Свен Андрес (1865–1952) — известный шведский географ, исследователь Центральной Азии, в годы Первой мировой войны занимал прогерманские позиции, лояльно отнёсся к Октябрьской революции, но позднее занимал антисоветские позиции, в 1941 г. поддержал фашистскую агрессию против СССР, неоднократно бывал в Германии, встречался с Гитлером, Герингом и другими фашистскими лидерами (Svenska män… Bd. 3. S. 360–362; Svenskt biografiskt lexikon. Bd. 18. S. 471–477).

210 Шведский завод шарикоподшипников (Svenska Kullagerfabriken AB, SKF) основан в Гётеборге в 1907 г. с капиталом в 110 000 крон, к началу 1918 г. основной капитал вырос до 82 млн. крон. К этому времени фирма имела дочерние предприятия в Англии, Германии, Франции, России, США (Nordisk familjebok. Bd. 27. S. 989–990; Bd. 38. S. 646).

211 У. Ашберг мог выехать из Москвы не ранее 18 декабря и быть в Петрограде не ранее 19 декабря 1923 г. (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 174–266).

212 Патерно (Paterno), Ди Манки Ди Биличи, Гаэтано (р. 1879) — маркиз, итальянский дипломат, на дипломатической службе с 1909 г. Сотрудник посольств и консульств Италии в Константинополе, Барселоне, Триесте, Дамаске. Член итальянской делегации на Версальской конференции 1919 г., в 1922–1923 гг. советник посольства в Кабуле, в октябре 1923 г. – феврале 1924 г. глава итальянской делегации в Москве, в 1924–1926 гг. посол в Хельсинки, с 1926 г. в Каире (Chi è Dizionario degli italiani d'oggi. Roma. 1928. P. 373).

213 «Гаранти унд кредит банк фюр ден Остен» (Garantie und Kreditbank für den Osten) был создан в 1922 г. (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 234).

214 У. Ашберг находился в Италии между 1 и 22 января 1924 г. О результатах своих переговоров он рассказал 3 февраля 1924 г. на страницах газеты «Известия» (Русско-итальянский банк // Известия. 1924. 3 февраля).

215 После убийства В.В. Воровского полномочным представителем СССР в Италии в 1923–1924 гг. был Н.И. Иорданский (Деятели СССР и революционного движения России. С. 422).

216 Бек-Фриис (Beck-Friis), Карл Аугустин (р. 1869) — барон, шведский дипломат. На дипломатической службе с 1898 г., работал в Лондоне, Париже и Мадриде. В 1917–1920 гг. посол в Мадриде и Лиссабоне, с 1920 г. в Риме (Vem är det? 1923. S. 36).

217 Врангель (Wrangel), Фредрик Ульрик (1853–1929) — граф, шведский придворный писатель, в 1897–1906 гг. камергер, с 1908 г. жил в Париже (Svenska män… Bd. 8. S. 434–435).

218 Багге (Bagge), Видар (р. 1886) — шведский дипломат, на дипломатической службе с 1919 г. Был первым секретарём посольства в Риме с 1923 по 1924 г., позднее работал в Лондоне, Брюсселе, Хельсинки, Токио, Шанхае, Париже (Vem är det? 1935. S. 52; Vem är det? 1949. S. 55; Vem är det? 1969. S. 83).

219 В.И. Ленин умер 21 января 1924 г. в 18.50 (В.И. Ленин. Биохроника. Т. 12. С. 664).

220 Хеншен (Henschen), Соломон (1847–1930) — шведский врач, немец по происхождению, специалист в области физиологии и патологии нервной системы, прежде всего головного мозга (Международная жизнь. 1991. № 9. С. 129–130).

221 Хеншен, Фольке (р. 1881) — шведский врач, сын С. Хеншена, специалист про физиологии и патологии нервной системы, в 1920–1947 гг. преподавал в Каролинском институте, автор воспоминаний (Там же).

222 Scheffer P. Sieben Jahre Sowjetunion. Leipzig. 1930. S. 333–335.

223 У. Ашберг покинул Москву не ранее 12 апреля 1924 г.

224 Волин (Wohlin), Нильс Рикард (1881–1948) — шведский учёный и политик, профессор Уппсальского университета в 1916–1930 гг.; в 1919–1928 и 1932–1942 гг. депутат первой палаты риксдага, в 1929–1931 гг. депутат второй палаты риксдага, в 1923–1924 гг. министр торговли в правительстве Трюггера, в 1928–1929 гг. министр финансов в правительстве Линдмана, в 1930–1946 гг. генеральный директор таможен. Первоначально принадлежал к Крестьянской партии Швеции, в 1927–1928 гг. перешёл в Правую партию Швеции. Был женат дважды. Вторая жена (1927) Маргарит Кассель (р. 1897) была дочерью профессора Густава Касселя (сноска 7).

225 Осинский Н. (Оболенский, Валериан Валерианович) (1887–1938) (Деятели СССР и революционного движения в России. С. 89–96).

Комментарии А.Б. Гехта

I. *Мои родители родились в России и переехали в Швецию в 1875 г.*

На протяжении долгого времени за редкими исключениями евреи фактически не могли селиться в Швеции без официального отказа от иудаизма и крещения. Лишь в 1782 г. был принят официальный документ, Еврейский Регламент, согласно которому евреи как нехристиане не могли занимать государственных постов, не имели права голоса и не могли быть свидетелями в судах. Им разрешено было селиться и приобретать недвижимость лишь в Стокгольме и других крупнейших городах. Они могли заниматься лишь теми видами ремёсел, для которых не было гильдий. Естественно, таких ремёсел было очень мало и они были невыгодными. Браки с христианами были запрещены. В то же время, как и в других европейских странах, евреи пользовались определённой автономией в религиозных, общинных и семейных делах.

Однако уже эти послабления возымели эффект. В последующие десятилетия, несмотря на наличие заметных антисемитских настроений в обществе, в Швецию прибыли многие евреи, ставшие родоначальниками старейших в Швеции еврейских семейств, внесших большой вклад в хозяйственную и культурную жизнь, — например, именно к их числу относятся династии Бонниеров и Валленбергов.

В 30-х гг. XIX в. волна либерализма в Европе дошла и до Швеции. В подобных условиях существовавшие в отношении евреев ограничения были несовместимы ни с принципом свободы экономики, ни с новыми представлениями о правах человека. По указу короля Карла XIV Юхана (Жан-Батиста Бернадота) от 30 июня 1838 г., так называемому Эдикту об эмансипации, Еврейский Регламент был отменён. Если не считать запрета приобретать недвижимость в сельской местности и возложенной на общину обязанности содержать своих бедных, а также некоторых ограничений, оговоренных основным законом и гражданским кодексом Швеции для нехристиан, шведские евреи были приравнены в правах к христианам.

Однако понадобилось ещё несколько десятилетий, чтобы положения Эдикта об эмансипации стали общепринятыми в шведском обществе. С 1838 по 1870 г. был проведён ряд реформ, значительно улучшивших статус евреев: был отменён запрет на все прежде неразрешённые профессии; евреям было разрешено селиться и приобретать недвижимость в любом месте страны; был снят запрет на браки с христианами.

В результате, в 1870 г. риксдаг значительным большинством голосов принял решение о предоставлении евреям всей полноты гражданских прав (за исключением права занимать министерские посты: лица, не принадлежавшие к государственной лютеранской церкви, были лишены такой возможности вплоть до 1951 г.)

Таким образом, в 1870-х годах для шведских евреев начался период благополучия и процветания, продлившийся вплоть до начала 1930-х гг. Эмансипация сопровождалась быстрой ассимиляцией, евреи всё в большей степени становились неотъемлемой частью шведского общества. В

этой связи становится понятным стремление родителей У. Ашберга начать новую жизнь именно в Швеции, на глазах освобождавшейся от прежних предрассудков и предосудительности к евреям.

II. *Юсеф, с которым мы позже долгое время вместе работали, стал директором «Эншильда Банкен».*
«Стокгольмс Эншильда банкен» (Stockholms Enskilda Banken, основан в 1856 г. Андре Оскаром Валленбергом) — один из крупнейших шведских банков конца XIX в. Наряду с «Свенска Хандельсбанкен» и «Скандинависка банкен» играл определяющую роль в экономике Швеции. В 1972 г. произошло его слияние с «Скандинависка банкен», что привело к созданию «Скандинависка Эншильда банкен» (Skandinaviska Enskilda Banken, SEB), одного из крупнейших коммерческих акционерных банков современной Швеции. С 2004 г. и по настоящее время председателем совета директоров банка является Маркус Валленберг, представитель одной из наиболее богатых и влиятельных династий шведских финансистов и предпринимателей.

III. *В нашем классе учился Карл Андерссон, через несколько лет он стал знаменитым скульптором и взял фамилию Миллес и теперь звался Карл Миллес.*
Карл Миллес (Carl Emil Wilhelm Milles; настоящая фамилия Андерссон), 1875–1955. Знаменитый шведский скульптор, получивший благодаря своим многочисленным работам, выполненным в оригинальной авторской манере, мировое признание. К его ключевым произведениям относят статую Посейдона в Гётеборге, статую короля Швеции Густава I Васа в Скандинавском музее в Стокгольме, скульптурную группу «Орфей» с внешней стороны Стокгольмского концертного зала, а также ряд работ в различных городах США.

IV. *Я восхищался тем, насколько кристально чистым был звук при игре Зеттерквиста.*
Ларс Юхан Зеттерквист (Lars Johan Zetterquist), 1860–1946. Знаменитый шведский скрипач. Учился в Стокгольмской консерватории, с 1882 г. выступал в Королевской капелле в Стокгольме, в 1886 г. стал её концертмейстером. Одновременно Зеттерквист руководил оркестрами различных шведских воинских подразделений. В 1893–1900 гг. руководил собственным квартетом, позднее преподавал в Стокгольмской консерватории. Среди его учеников были такие шведские композиторы и музыканты, как Хуго Альфвен (с 1910 по 1939 г. музыкальный директор (*director musices*) Королевского академического оркестра Уппсальского университета) и Хельмер Александерссон (автор официального гимна V Олимпийских игр 1912 г.).

V. *Мартин женился на Ирме Таубе, дочке графа Карла Эверта Тауба.*
Таубе, также есть вариант произношения Тоб (Taube) — старинный шведский дворянский род, происходящий из Германии. С рубежа XVI–XVII вв. представители рода состояли на службе у шведских монархов, последовательно получив баронский и графский титулы. Известным представителем этого рода является Эверт Аксель Тоб (1890–1976), знаменитый шведский певец, поэт и композитор. В 2014 г. Эверт Тоб вошёл в Зал славы шведской музыки в Стокгольме наряду с такими известными группами, как ABBA и Roxette.

VI. *Между предпринимателями и рабочими отрасли производства готовой мужской одежды стали возникать споры из-за требования последних о повышении заработной платы.*
Несмотря на достаточно развитую горнодобывающую промышленность, в целом на протяжении первой половины XIX в. Швеция оставалась преимущественно аграрной страной, отставшей от передовых промышленных стран Западной Европы. Хотя решение риксдага 1853–1854 гг. о начале строительства железных дорог создало предпосылки будущего увеличения промышленного производства и способствовало скорости перемещения товаров, индустриализация в Швеции проходила достаточно медленно и заметно ускорилась лишь во второй трети XIX столетия.
В достаточно заметную социальную группу шведские рабочие выделяются только к началу 1870-х годов. Однако ухудшение экономической конъюнктуры в конце 1870-х годов привело к снижению зарплат на 20% на лесопильных заводах, результатом чего стала забастовка рабочих в Сундсвале в 1879 г., объединившая более 4000 человек. После вмешательства военнослужащих бастовавшие были вынуждены вернуться на рабочие места. После этого зарождавшийся рабочий

класс Швеции осознал необходимость организации для защиты своих прав и интересов — как экономических, так и политических, — т.е. получения избирательного права.
Спустя два года после событий в Сундсвале, в 1881 г. рабочие в Стокгольме и в области Сконе на юге страны объединились в профсоюзы в уже достаточно современном значении этого слова. Создавались новые газеты, поднимавшие проблему принятия всеобщего избирательного права. Именно в этот период оформляется реформистский, ненасильственный характер шведского рабочего движения, склонного добиваться своих целей путём переговоров и нахождением компромиссов. Вскоре, в 1889 г., шведское рабочее движение получило свою политическую платформу — Социал-демократическую партию, ставшую первой шведской политической партией в современном понимании. Важной опорой Социал-демократической партии стало созданное в 1898 г. Центральное объединение профсоюзов Швеции (LO), которое должно было оказывать помощь членам профсоюзов в случае локаутов, снижения зарплат и в другой защите их интересов.

VII. *У предпринимателей же не было своей организации.*
Шведский союз работодателей (SAF) был создан в 1902 г. в качестве органа, представляющего совместные интересы шведских предпринимателей в ходе переговоров по различным вопросам с Центральным объединением профсоюзов Швеции и стал своего рода противовесом со стороны шведской буржуазии.

VIII. *В здании риксдага состоялась встреча представителей Союза предпринимателей под руководством Яльмара фон Сюдов и Центрального объединения профсоюзов под руководством Хермана Линдквиста.*
Яльмар фон Сюдов (Hjalmar von Sydow), 1862–1932. Шведский юрист и политик. На протяжении ряда лет работал в администрации Стокгольма, с 1907 г. стал председателем (исполнительным директором) Шведского союза работодателей (SAF) и занимал эту должность вплоть до 1931 г., депутат верхней палаты риксдага. 7 марта 1932 г. Яльмар фон Сюдов вместе со своей прислугой был убит в собственном доме. Предполагаемым убийцей политика стал его сын Фредрик, покончивший с собой и своей супругой перед задержанием полицией. Дело имело широкий общественный резонанс и нашло отражение в ряде книг, фильмов и других произведений искусства.
Яльмар фон Сюдов — представитель старинного шведского дворянского рода фон Сюдов, имеющего немецкое происхождение. В частности, к одной из ветвей рода фон Сюдов относится известный шведский актёр Макс фон Сюдов (1924 г.), работавший с такими мастерами современного кинематографа, как Ингмар Бергман, Ян Труэль, Марчелло Мастроянни, Мартин Скорсезе, Ридли Скотт и многими другими.

Херман Линдквист (Herman Lindqvist), 1863–1932. Шведский профсоюзный деятель, видный деятель рабочего движения, функционер Социал-демократической партии Швеции. По первой профессии — плотник, общественной деятельностью занялся с 1894 г. в рамках Союза работников деревообрабатывающей промышленности Швеции. Стоял у истоков создания Центрального объединения профсоюзов Швеции, с 1900 по 1920 г. был его председателем. В 1906–1918 и 1919–1932 гг. был депутатом нижней палаты риксдага, с 1921 по 1923 г. занимал пост министра по социальным вопросам (Socialminister). В 1920 г. оказался вовлечён в крупный скандал, поднятый в шведском обществе буржуазной прессой: Линдквист, как и ряд других высокопоставленных деятелей СДПШ, якобы получал доходы от спекулятивных сделок в ходе Первой мировой войны и тем самым наживался на всеобщей нужде. Несмотря на заметное внутрипартийное давление, при поддержке главы Социал-демократической партии Яльмара Брантинга Х. Линдквист сохранил своё положение, однако позднее в том же году ушёл с поста председателя Центрального объединения профсоюзов Швеции.

IX. *В один воскресный день в Народном доме Нюнэса с докладом о рабочем классе выступал Хинке Бергегрен.*
Хинке (Хенрик) Бергегрен (Hinke (Henrik) Bergegren), 1861–1936. Шведский левый политик, журналист, писатель и переводчик. В 1890–1900-е гг. являлся редактором ряда газет и журна-

лов коммунистического и анархистского толка. На протяжении длительного периода был членом Социал-демократической партии Швеции, однако тяготел к анархо-синдикалистским политическим концепциям и придерживался леворадикальных взглядов, с позиции которых регулярно подвергал критике официальный политический курс партии, выступая в качестве оппозиции руководству СДПШ. Считается, что в 1906 г. Х. Бергегрен укрывал участников нашумевшего вооружённого ограбления Государственного банка в Гельсингфорсе, произошедшего 13 февраля того же года.

Конфликт Бергегрена с руководством СДПШ завершился его исключением из партии в 1908 г. В 1910 г. он оказался вовлечён в крупный общественный скандал после публичного выступления в защиту легализации контрацепции в Швеции. За это Бергегрен на короткий срок оказался в заключении по вновь принятому так называемому Закону Хинке (неофициально названному так по имени Бергегрена), который запрещал пропаганду контрацепции.

В 1921 г. Хинке Бергегрен вступил в Коммунистическую партию Швеции и в том же году участвовал в 3-м конгрессе Коминтерна, проведённом в Москве, где Бергегрен вместе с Цетом Хёглундом и Фредриком Стрёмом представлял Швецию. После раскола Коммунистической партии Швеции, последовавшего в 1929 г., Бергегрен вместе с большинством членов партии вошёл в состав Социалистической партии (название с 1934 г., до этого сохраняла прежнее название — Коммунистическая партия Швеции), придерживавшейся на том этапе выраженной антисталинистской позиции.

«Народный дом» — наименование общедоступных культурно-просветительских учреждений, в первую очередь для пролетариата, сосредоточенных практически во всех крупных городах Швеции на рубеже XIX–XX вв. Создание первого «Народного дома» началось в Стокгольме в 1897 г.

X. *Мой приятель, социал-демократ Вальфрид Вильхельмсон, познакомил меня с редактором газеты «Социал-демократен» Г. Герхардом Магнуссоном.*

«Социал-демократен» (Social-Demokraten). Ежедневная газета, издававшаяся с 1885 г. как площадка для распространения социал-демократических взглядов, позднее — как главный печатный орган Социал-демократической партии Швеции. Регулярно её главными редакторами выступали руководители СДПШ, например, Яльмар Брантинг и Пер Альбин Ханссон. С 1944 по 1958 г. выходила в свет под названием «Морон-Тиднинген» (Morgon-Tidningen).

Герхард Магнуссон (Gustaf Gerhard Magnusson), 1872–1940. Шведский политик, журналист и писатель, деятель рабочего движения, функционер Социал-демократической партии Швеции. На протяжении ряда лет работал в администрации Стокгольма, с 1908 по 1912 г. был главным редактором «Социал-демократен». Позднее, в 1920 г., оказался вместе с Х. Линдквистом вовлечён в скандал, поднятый на страницах шведской буржуазной печати, — якобы он тоже получал доходы от спекулятивных сделок в ходе Первой мировой войны.

XI. *Он познакомил меня с Яльмаром Брантингом, председателем Центрального объединения профсоюзов Швеции Херманом Линдквистом и членом риксдага А. Е. Кристьернсоном.*

Карл Яльмар Брантинг (Karl Hjalmar Branting), 1860–1925. Выдающийся шведский политический деятель. Родился в семье преподавателя, получил блестящее университетское образование. С 1885 г. активно занимался журналистикой, увлёкся марксизмом и стал социал-демократом. Принимал участие в организации рабочих стачек и уличных демонстраций в пользу всеобщего избирательного права. Брантинг стал одним из главных основателей шведской Социал-демократической партии, также принимал участие в работе II Интернационала. В 1896 г. стал депутатом риксдага. В 1887–1917 гг. с перерывами занимал должность редактора «Социал-демократен», с 1907 г. стал председателем исполкома СДПШ и тем самым возглавил партию. Широко взаимодействовал с представителями социал-демократических партий различных европейских стран, в том числе и с руководством РСДРП в лице В.И. Ульянова-Ленина.

Так, на IV съезде РСДРП, проходившем в Стокгольме в 1906 г., Я. Брантинг выступил с приветственной речью к российским социал-демократам. Однако вскоре взгляды Брантинга и Ленина на цели и задачи рабочего движения и методы политической борьбы разошлись настоль-

ко, что последний прекратил всякие контакты с Брантингом. 5 марта 1917 г. В.И. Ленин писал А.М. Коллонтай в Христианию (Осло): «Борьба с Брантингом и К° дело серьезное…» Находясь в Стокгольме по пути в Россию в 1917 г., В.И. Ленин возражал против приглашения Брантинга на совещание российских большевиков и шведских левых социал-демократов, поддерживавших их идеи.

В свою очередь, Брантинг негативно воспринял события осени 1917 г. и осудил силовой захват власти большевиками, оставаясь сторонником демократического прихода к власти и проведения общественных преобразований мирным путём. В 1920 г. Я. Брантинг стал первым в истории Швеции премьер-министром — представителем Социал-демократической партии, позднее (в 1921–1923 и 1924–1925 гг.) также занимал пост премьер-министра королевства. Фактически, в период руководства Брантингом СДПШ оформилось следующее поколение шведских социал-демократов, в 1930–1940-е гг. приступивших к реализации обширной программы социально-экономических реформ, приведших к созданию так называемой «шведской модели» государства всеобщего благосостояния.

XII. *В Сундсвалле я познакомился с Туре Нерманом, тогда он был редактором «Нюа Самхэллет».*

Туре Нерман (Ture Nerman), 1886–1969. Шведский левый политик, поэт, писатель и журналист. Работал в ряде газет коммунистического толка, таких как Stormklockan и Politiken, в 1910–1913 гг. был редактором крупной социал-демократической газеты «Нюа Самхэллет (Nya Samhället) в г. Сундсвалль. Вместе с Цетом Хёглундом возглавлял левое крыло СДПШ, став в оппозицию к руководству партии во главе с Яльмаром Брантингом. Нуреман принимал участие в работе II Интернационала в Базеле и в Циммервальдской конференции 1915 г., где выступал с антимилитаристских позиций. Известно, что на этой конференции Нуреман встречался и общался с руководством российских большевиков — В.И. Ульяновым-Лениным и Г.Е. Зиновьевым. Можно предположить, что именно так состоялось их знакомство, так как в силу возраста Нуреман ещё не был столь активно вовлечён в социал-демократическую среду в ходе посещения российскими социал-демократами Швеции в первые годы XX в.

В начале 1917 г. длительное время нараставшие противоречия между левым крылом и руководством СДПШ привели к её расколу. Цет Хёглунд и Туре Нерман, называвшие себя коммунистами, были исключены из партии вместе с другими известными радикалами, такими как Екатерина Дальстрём, Фредерик Стрём и мэр (бургомистр) Стокгольма Карл Линдхаген. Ими в мае 1917 г. была создана Левая социал-демократической партии Швеции, ЛСДП (с 1921 г. — Коммунистическая партия Швеции). ЛСДП организовала выпуск газеты Politiken, в которой писала и публиковала тексты других коммунистических деятелей. Нерман до 1918 г. был её редактором.

Как международный представитель ЛСДП, Нерман поддерживал связи с большим количеством ведущих европейских коммунистов того времени: Карлом Либкнехтом, Карлом Радеком, Анжеликой Балабановой, Юрьё Сирола, Отто Куусиненом и другими. Состоял в переписке с такими известными американскими социалистами и коммунистами, как Юджин Дебс, Джон Рид и Макс Истмэн.

Летом-осенью 1918 г. Т. Нерман посетил Советскую Россию. В ходе поездки встречался с высшим руководством большевиков — Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, Н.И. Бухариным, Л.Д. Троцким. Позднее дважды посещал РСФСР и СССР — в 1920 и 1927 гг. Негативно отнёсся к процессам внутрипартийной борьбы в СССР после смерти Ленина и к возвышению И.В. Сталина. После раскола Коммунистической партии Швеции, последовавшего в 1929 г., Нерман вместе с большинством членов партии вошёл в состав Социалистической партии (название с 1934 г., до этого сохраняла прежнее название — Коммунистическая партия Швеции), придерживавшейся на том этапе выраженной антисталинистской позиции.

В 1939 г. Нерман вышел из Социалистической партии, к тому времени под руководством Н. Флюга резко отклонившейся в сторону сотрудничества с нацистской Германией. В годы Второй мировой войны Т. Нерман резко критиковал правительство Швеции за его политику уступок и компромиссов по отношению к нацистской Германии (в частности, за предоставление транзита германским войскам) и даже был подвергнут за это краткосрочному тюремному заключению.

XIII. *Рикарду Сандлеру было дано задание кратко и доступно изложить теорию Маркса. Выпуском этой работы занялось издательство «Тиден».*

Рикард Сандлер (Rikard Sandler), 1884–1964. Крупный шведский политик, один из руководителей СДПШ. На протяжении своей политической карьеры занимал большое количество высоких государственных должностей — в частности, пост премьер-министра королевства в 1925–1926 гг. С сентября 1932 г. по декабрь 1939 г. (с перерывом на несколько месяцев в 1936 г.) Сандлер занимал пост министра иностранных дел. Был сторонником оказания развёрнутой помощи Финляндии в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., в частности совместной обороны Аландского архипелага в Балтийском море. Противоречия внутри политического руководства Швеции по вопросу оказания помощи Финляндии привели к отставке Р. Сандлера с поста министра иностранных дел Швеции.
Является автором переводов на шведский язык ряда работ К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности в 1930–1931 гг. подготовил полный перевод трёх томов «Капитала» К. Маркса на шведский язык.

«Тиден» (Tiden, Tidens förlag) — одно из крупнейших книжных издательств в Швеции, относится к крупнейшей в стране издательской группе Norstedts. Издательство было основано в 1912 г. и изначально публиковало издания, преимущественно связанные с рабочим движением в стране. В частности, в его редакцию входили такие деятели СДПШ, как Яльмар Брантинг и Пер Альбин Ханссон.

XIV. *Директором шведского отделения общества стал Юн Лённегрен, редактор газеты «Свенска Дагбладет».*
«Свенска Дагбладет» (Svenska Dagbladet) — одна из крупнейших в Швеции ежедневных газет либерально-консервативного толка, выходит в свет с 1884 г. С 1910 по 1977 г. тяготела к политической позиции либерально-консервативной буржуазной партии «Союз всеобщих выборов» (Allmänna valmansförbundet), с 1968 г. действует под современным названием «Умеренно-коалиционная партия Швеции» (Moderata samlingspartiet). С 1977 г. и по настоящее время газета позиционирует себя как независимое умеренное издание, разделяющее либерально-консервативные идеи при сохранении рыночного направления развития экономики страны.

XV. *В «Новом банке» под председательством барона Эрика Пальмстьерна состоялось заседание, посвященное этой проблеме.*
Эрик Пальмстерна, правильнее Пальмщерна (Erik Palmstierna), 1877–1959. Шведский аристократ, политик и дипломат. С 1917 по 1920 г. был морским министром, с марта по октябрь 1920 г. занимал пост министра иностранных дел Швеции, с 1920 по 1937 г. был посланником в Лондоне. Вопреки своему происхождению, с 1911 г. примкнул к СДПШ, за что получил прозвище Красный барон.

XVI. *Страховое общество Туле*
Не имеет никаких обнаруженных связей с оккультной организацией «Общество Туле», появившейся в Германии в 1919 г. Можно предположить, что название навеяно популярным в эпоху национального романтизма сюжетом о мифическом острове Туле, давшем название в том числе и немецкому оккультному сообществу.

XVII. *«Нюа Даглит Аллеханда»*
«Нюа Даглит Аллеханда» (Nya Dagligt Allehanda) — одна из крупнейших в Швеции газет консервативного толка, выходившая в свет с 1859 по 1944 г.

«*Афтонбладет*»
«Афтонбладет» (Aftonbladet) — одна из крупнейших в Швеции газет, выходит в свет с 1830 г. За всё время своего существования газета неоднократно меняла свою политическую направленность. Будучи изначально либеральной, к описываемому У. Ашбергом периоду она приняла консервативную направленность.

XVIII. *При поддержке книгоиздателя Карла Отто Бонниера и профессора Хельге Бэкстрёма.*
Карл Отто Бонниер (Karl Otto Bonnier), 1856–1941. Крупный шведский книгоиздатель, представитель известной в Швеции династии крупных предпринимателей еврейского происхождения.

Известен публикацией книг таких выдающихся шведских авторов, как А. Стриндберг, С. Лагерлёф, Я. Сёдерберг. Семья Бонниер с начала XIX в. занимается книгоиздательством, а с течением времени в сферу её интересов вошла и индустрия массмедиа. Династии принадлежит медиагруппа «Bonnier Group», владеющая примерно 175 компаниями в 18 странах. В частности, к ним относятся такие газеты, как Dagens Nyheter, Expressen, Dagens Industri, киноконцерн Svensk Filmindustri и телеконцерн TV4-Gruppen.

Хельге Бэкстрём (Helge Bäckström), 1865–1932. Шведский учёный и политик. Известен как крупный геолог. С 1912 по 1921 г. был депутатом нижней палаты риксдага, занимал ряд должностей в парламенте, а также в Банке Швеции, подчинённом в своей деятельности парламенту страны.

XIX. *Глава партии Стаунинг встретил меня у трапа парохода, когда я прибыл в столицу Дании.*
Торвальд Стаунинг (Thorvald Stauning), 1873–1942. Выдающийся датский политический деятель. Родился в семье рабочего, начал работать в возрасте 10 лет. С 1893 г. становится профсоюзным активистом, с 1898 г. является казначеем Социал-демократической партии Дании. В 1906 г. стал членом парламента, в 1909 г. был избран председателем Социал-демократической партии. Помимо прочего, представлял свою партию в политбюро II Интернационала. Как и Яльмар Брантинг, Стаунинг был противником революционного насилия и выступал за мирные общественные реформы.
В 1913–1925 гг. Т. Стаунинг был членом городского совета Копенгагена, в 1919–1924 гг. возглавлял его. В 1918 г. Стаунинг стал первым в истории Дании министром социал-демократом (на позиции министра без портфеля), вплоть до 1920 г. занимался вопросами социального обеспечения. В 1924 г. Стаунинг впервые возглавил социал-демократическое правительство Дании, а в 1929–1940 гг. возглавлял коалиционные кабинеты министров.
Во время пребывания на посту премьер-министра Стаунинг, в частности, принимал меры для преодоления последствий Великой депрессии в Дании путём вмешательства государства в экономику посредством поддержки промышленности. Были также проведены достаточно широкие реформы законодательства и социальной сферы в социал-демократическом ключе, что в совокупности позволило Дании относительно безболезненно преодолеть экономический кризис.
Т. Стаунинг оставался во главе правительства национального единства и во время оккупации Дании нацистской Германии вплоть до своей кончины в 1942 г.

XX. *Некогда преуспевавший банкир Йёста Чюльбергер…*
Йёста (Густав) Чюльбергер (Gustaf (Gösta) Kyhlberger, 1882–1926. Шведский банкир. Был женат вторым браком на Инге Таубе, сестре Ирмы Таубе, жене двоюродного брата У. Ашберга Мартина Ароновича. В качестве члена правления или управляющего совета принимал участие в руководстве следующими шведскими фирмами: AB Hasselbacken, Alstermo Bruk AB, Billmans Fabriks – & Handels AB, Erik Ohlssons Trävaru AB, Fredfors Fabriker AB, Försäkrings AB Norden, Inlands Nya Pappfabrik AB, Järnhdls Elektriska AB, Limhamns Skeppsvarv AB, Nora Bergslags Järnvägs AB, Rederi AB Svenska Lloyd m. fl. Известно, что Й. Чюльбергер был тесно связан дружескими и деловыми контактами с шведской семьёй еврейского происхождения Хирш (Hirsch), занимавшейся финансовыми операциями.

XXI. *Именно этот Мэрфи через несколько лет руководил расследованием дела Крюгера в Соединённых Штатах.*
Ивар Крюгер (Ivar Kreuger), 1880–1932. Шведский финансист, предприниматель и промышленник. В 1908 г. Крюгер стал соучредителем строительной компании Kreuger & Toll Byggnads AB, которая специализировалась на новых строительных технологиях. Благодаря агрессивным инвестиционным и инновационным финансовым инструментам, он в короткие сроки построил международную спичечную и финансовую империю.
После завершения Первой мировой войны Ивар Крюгер начал предоставлять кредиты заинтересованным правительствам различных стран. За низкой процентной ставкой скрывалось ответное предоставление привилегированного и даже монопольного положения для предприятий Крюгера. В результате в период между двумя мировыми войнами путём скупки европейских и амери-

канских спичечных монополий Крюгер создал спичечную империю, контролирующую две трети мирового производства спичек, и получил прозвище Спичечный король.
Финансовая империя Крюгера, простиравшаяся на несколько континентов и затрагивавшая различные сферы экономики, прекратила своё существование во время Великой депрессии: 12 марта 1932 г. И. Крюгер застрелился в номере парижской гостиницы. После смерти предпринимателя обнаружились факты длительного и масштабного подделывания различной документации, а также долговых обязательств различных правительств, что привело к длительному расследованию обстоятельств дела и резонансному судебному процессу.

XXII. *Я попросил дежурного передать Каменеву привет от редактора Хёглунда из Стокгольма.*
Цет Хёглунд (Zeth Höglund), 1884–1956. Видный шведский левый политик, писатель и журналист. Ключевая фигура шведского коммунистического движения. С юности увлёкся социалистическими идеями, с 1902–1903 гг. стал принимать участие в политической деятельности как сторонник СДПШ. С этого периода поддерживал дружеские связи с Фредриком Стрёмом. Неоднократно подвергался тюремному заключению за провокационные высказывания. В 1912 г. Хёглунд принимал участие в конгрессе Второго интернационала в Базеле. В период накануне и во время Первой мировой войны стал лидером левого крыла социал-демократического движения в Швеции. С 1914 г. занимает место в парламенте, постепенно всё сильнее идеологически расходясь с Я. Брантингом и его сторонниками. В начале 1917 г. длительное время нараставшие противоречия между левым крылом и руководством СДПШ привели к её расколу, и Ц. Хёглунд впервые возглавил левую Социал-демократическую партию Швеции (с 1921 г. — Коммунистическая партия Швеции). В 1919–1924 гг. вновь был председателем партии.
В 1923 г. Хёглунд опубликовал в главной газете своей партии Politiken статью, в которой утверждал, что можно одновременно разделять и коммунистические, и религиозные идеи. Исходя из этого убеждения, Хёглунд считал, что, выступая против религии, коммунисты отталкивают от себя людей, которые могли бы стать полезными участниками революционного движения. В результате произошедшего конфликта Хёглунд ввиду его отказа подчиниться требованиям Исполнительного комитета Коминтерна в августе 1924 г. был исключён и из него, и из шведской компартии. В 1926 г. Ц. Хёглунд вернулся в СДПШ, где оставался лидером радикального левого крыла. Крайне негативно отнёсся к процессам внутрипартийной борьбы в СССР после смерти Ленина и к возвышению И.В. Сталина, выступал с резкой критикой сталинизма. С 1940 по 1950 г. занимал пост мэра Стокгольма, оставаясь убеждённым сторонником коммунистических идей.

XXIII. *Нас познакомил Фредрик Стрём…*
Фредрик Стрём (Fredrik Ström), 1880–1948. Шведский левый политик и писатель (является автором пятитомной истории русской революции и ряда других работ). Став членом СДПШ, в 1911–1916 гг. был секретарём партии; в 1916 г. был впервые избран в риксдаг. Во время Первой мировой войны занимал позиции интернационалистов. 31 марта (13 апреля) 1917 г. вместе с Туре Нерманом и мэром (бургомистром) Стокгольма Карлом Линдхагеном был в группе левых социал-демократов, встречавшихся с В.И. Лениным и Г.Е. Зиновьевым во время их короткой остановки в Стокгольме на пути из Цюриха в Россию.
Ф. Стрём наряду с Цетом Хёглундом и Туре Нерманом стал основателем шведского коммунистического движения. В 1918–1920 гг. был главным редактором газеты Folkets Dagblad Politiken. Неоднократно бывал в Советской России. В 1921–1924 гг. был секретарём Коммунистической партии Швеции. Ф. Стрём из-за разногласий с политическим курсом И.В. Сталина покинул компартию, хотя и продолжал считать себя коммунистом. В 1926 г. вернулся в Социал-демократическую партию, позднее с 1930 по 1938 г. был депутатом парламента.

XXIV. *Как-то я отправился в Гриссльехамн навестить Альберта Энгстрёма.*
Альберт Энгстрём (Albert Engström), 1869–1940. Шведский писатель и карикатурист. В 1897 г. основал сатирический журнал «Стрикс». В своих карикатурах и рассказах-анекдотах описывал повседневную жизнь рабочих, крестьян, рыбаков, их тяжёлый труд, а также зло высмеивал чиновников и буржуа. Член Шведской академии с 1922 г. Автор известного шаржа на А.В. Луна-

чарского и одного из самых распространённых рисованных изображений У. Ашберга, выполненных в Москве в 1923 г.

XXV. *Несмотря на предостережения Свена Хедина…*
Свен Хедин (Sven Hedin), 1865–1952. Знаменитый шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель. Совершил ряд успешных экспедиций в Тибет, Китай и Среднюю Азию, первым описал многие исторические памятники и ландшафты, устранил на карте мира ряд «белых пятен». Его книга «В сердце Азии», вышедшая в 1898 г., имела большой успех и способствовала громкой славе Хедина далеко за пределами Швеции. Будучи сторонником консервативных идей, разделял популярные в шведском обществе пангерманистские настроения. Придерживался германофильских позиций в Первую мировую войну, публиковал статьи и книги в поддержку Германии во время обеих мировых войн. Несмотря на подрыв своей научной и общественной репутации, в период между мировыми войнами С. Хедин открыто высказывался в поддержку политического курса А. Гитлера и после его смерти написал некролог.

XXVI. *Самым серьёзным этапом, через который Брантингу пришлось пройти, стала стычка 1909 г.*
Речь идёт о начавшейся 4 августа 1909 г. крупнейшей в шведской истории забастовке. Экономика королевства находилась в периоде спада: шло сокращение объёмов промышленного производства, произошла серия банкротств, начались крупные увольнения, в стране наблюдалось сокращение рабочего времени и снижение зарплат. В ответ на угрозу локаута со стороны работодателей Центральное объединение профсоюзов страны объявило всеобщую забастовку, названную В.И. Лениным «одной из величайших всеобщих стачек последнего времени».
На пике активности забастовки около 300 000 человек прекратили работу. Всего забастовка продлилась три месяца, но в связи с тяжёлым экономическим положением бастующих лидеры Центрального объединения профсоюзов Швеции уже в начале сентября 1909 г. пошли на прекращение забастовки для части рабочих. Несмотря на поражение, забастовка 1909 г. продемонстрировала, что рабочее движение в Швеции достигло нового уровня сплочённости и превратилось в достаточно организованную общественную группу.

XXVII. *…Меня и Ситроена пригласил к себе глава SKF Иван Братт...*
SKF — шведский машиностроительный концерн, один из крупнейших в мире производителей подшипников и ряда прочей промышленной продукции. Был основан в 1907 г., к началу Первой мировой войны филиалы SKF действовали в ряде стран (Дания, Германия, Франция, Италия, Великобритания и др.). Фактически с момента своего создания и по настоящее время концерн играет важнейшую роль в экономике Швеции. SKF занимает видное место в финансовой корпорации семьи Валленберг.

XXVIII. *Я поручил моему адвокату подать в суд на лидера нацистов Линдхольма…*
Свен Линдхольм (Sven Lindholm), 1903–1998. Шведский ультраправый политик, журналист и писатель. С 1920-х гг. стал одной из ключевых фигур в шведском ультраправом политическом лагере. Являлся одним из главных идеологов национал-социализма в Швеции, поддерживал контакты с руководством НСДАП. В начале 1930-х гг. С. Линдхольм возглавил одну из партий нацистского толка в Швеции — Национал-социалистическую рабочую партию (НСРП), однако каких-либо заметных успехов на выборах не достиг. Активно занимался продвижением нацистских и антисемитских идей в Швеции и после поражения Германии во Второй мировой войне. С. Линдхольма можно рассматривать как идеологического предшественника современных ультраправых радикалов в Швеции. Известен написанием некролога на смерть А. Гитлера.

Список людей из Гостевой книги

Перевод А.Б. Гехта

С 1926 по 1939 г. во французском имении Улофа Ашберга Bois du Rocher велась гостевая книга, в которой на память расписывались многочисленные гости банкира. После его ареста нацистами книга была утрачена, но в своих мемуарах У. Ашберг постарался перечислить имена людей, гостивших у него. Список приводится в хронологическом порядке появления в тексте, с авторскими примечаниями касательно национальности и рода деятельности различных людей.

1. Жак Дебре (Jacques Debré) — старший раввин в Париже, инженер Compagnie Générale d'Eléctricité.
2. Христиан Раковский (Christian Rakovskij) — полпред СССР во Франции
3. Валерьян Довголевский (Valerjan Dovgolevskij) — полпред СССР во Франции
4. Владимир Потёмкин (Wladimir Potjomkin) — полпред СССР во Франции
5. Яков Суриц (Jakow Suriz) — полпред СССР во Франции
6. Жорж Лё Блан (Georges Le Blanc) — глава Equitable Trust Company, входящей в Chase Bank
7. Джозеф Ларкин (Josef Larkin) — шеф парижского отделения Chase Bank
8. Уно Троили (Uno Troili) — глава фирмы Uddeholm
9. Аксель Фурнадер (Axel Fornader) — глава фирмы Fagersta
10. Аксель Вальберг (Axel Wahlberg) — глава фирмы Jernkontoret
11. Карл Варен (Carl Wahren)
12. Карл Отто Боньер (Karl Otto Bonnier)
13. Йон Йозефсон (John Josephson) — оптовый торговец
14. Вильгельм Йозефсон (Wilhelm Josephson) — сын Йона Йозефсона
15. Бьёрн Притц (Björn Prytz) — глава концерна SKF
16. Уно Фурсберг (Uno Forsberg) — глава концерна SKF
17. Карл Ф. Ёранссон (Karl F. Göransson)
18. Кристофер Хульдт (Kristoffer Huldt) — промышленник
19. Теодор Адельсвэрд (Theodor Adelswärd) — барон
20. Ульрих Сальхов (Ulrich Salchow) — фигурист
21. Карл Герхард (Karl Gerhard) — музыкант и поэт

22. Аксель Веннер-Грен (Axel Wenner-Gren) — глава концерна Elektrolux AB
23. Аксель Йонссон (Axel Jonsson) — глава фирмы Svenska Averikalinien
24. Бернхард Устерман (Bernhard Osterman) — художник
25. Эрик Детбов (Eric Dettbow) — художник
26. Антон Генберг (Anton Genberg) — художник
27. Нильс Волин (Nils Wohlin) — профессор
28. Свен Бергиус (Sven Bergius) — торговый советник
29. Эверт Таубе (*Evert Taube)* — певец и музыкант
30. Андреас Виндинг (Andreas Vinding) — датский журналист
31. Хельга Ховинг (Helga Hoving) — актриса
32. Анна Норье (Anna Norrie) — актриса
33. Фриц Арльберг (Fritz Arlberg) — певец
34. Карина Ари (Carina Ari) — танцовщица и хореограф
35. Роберт Лундберг (Robert Lundberg) — художник
36. Герда Боэтиус (Gerda Boëthius) — историк искусства
37. Соломон Грумбах (Salomon Grumbah) — депутат парламента Франции
38. Аксель Гоффин (Axel Goffin) — художник, критик и писатель
39. Рагнар Хуппе (Ragnar Hoppe) — искусствовед
40. Эмиль Сёгрен (Emil Sjögren) — композитор
41. Марика Стирнстедт (Marika Stienstedt) — писатель
42. Эрик Зеттерстрём (Erik Zetterström) — писатель
43. Эрик Блумберг (Erik Blomberg) — писатель
44. Франсуа Гюбер (François Guber) — французский художник
45. Роланд Свенском (Roland Svenskom) — художник
46. Люсьен Мори (Lucien Maury) — французский писатель и литературовед
47. Поль Десфёле (Paul Desfeuiles) — доктор
48. Муке (Muquet) — скульптор
49. Щель Лёненддалер (Kjell Lönenddaler) — художник
50. Маркстрём (Markström) — журналист
51. Принц Евгений Шведский (Prins Eugen) — художник и меценат
52. Альберт Эренсверд (Albert Ehrensvärd) –министр иностранных дел Швеции, позднее шведский посол в Париже
53. Аксель Вахтмейстер (Axel Wachtmeister) — граф
54. Густав Фурсиус (Gustaf Forsius) — консул
55. Георг Щельберг (Georg Kjellberg)
56. Исаак Грюневальд (Isaac Grünewald) — художник
57. Редько (Redko) — русский художник
58. Балмори (Balmori) — мексиканский художник
59. Соня Аминофф (Sonja Aminoff) –кулинар
60. Вальдемар Экигорд (Waldemar Ekegårdh) –кулинар
61. Аксель Петер (Axel Peter) — художник
62. Самюэль Хибинетт (Samuel Hybbinette) — профессор
63. Хельдинг Линквист (Helding Linnqvist) — художник
64. Хуго Зубр (Hugo Zubr) — художник
65. Ф. Врангель (F. Wrangel) — писатель

66. Хельге Щеллин (Gelge Kjellin) — профессор
67. Эйнар Уттберг с русской женой Верой (Einar Yttberg,Vera) — консул
68. Фердинанд Эрольд (Ferdinand Hérold) — композитор
69. Альберт Энгстрём (Albert Engström) — художник
70. Пьер Пара (Pierre Paraf) — шеф-редактор французского радио
71. Берзелер (Berzeler) — венгерский доктор
72. Ронаи (Ronay) — прелат, венгерский барон
73. Отто Трореcен (Otto Throresen) — певец
74. Кисси Ольсон (Cissi Ollson) — артистка
75. Лотте Лехман (Lotte Lehman) — австрийская певица, бежала после Аншлюса
76. Жозеф Косма (Josef Kosma) — композитор
77. Давид Мильхаунд (David Milhaund) — немецкий певец, бежал от нацистского преследования
78. Эрнст Толлер (Ernst Toller) — немецкий поэт, бежал от нацистского преследования
79. Альфред Керр (Alfred Kerr) — немецкий актёр, бежал от нацистского преследования
80. Вилли Мюнценберг (Willi Münzenberg) — немецкий коммунист
81. Макс Браун (Max Braun) — лидер протестного движения в Сааре, был представлен У. Ашбергу В. Мюнценбергом
82. Герман Раушнинг (Hermann Rauschning) — немецкий политик, был представлен У. Ашбергу В. Мюнценбергом
83. Георг Бернхард (Georg Berhard) — немецкий журналист, был представлен У. Ашбергу В. Мюнценбергом
84. Йозеф Вирт (Josef Wirth) — немецкий политик, в 1930–1931 гг. министр внутренних дел Германии. Был представлен У. Ашбергу В. Мюнценбергом.
85. Лион Фейхтвангер (Lion Feuchtwanger) — немецкий писатель
86. Стефан Цвейг (Stefan Zweig) — австрийский писатель
87. Анна Брантинг (Anna Branting) — писатель и журналист, жена шведского политика Яльмара Брантинга.

Перевод начала третьей части мемуаров У. Ашберга — «Возвращение» — выполнен со шведского издания: Aschberg, Olof. Återkomsten. Stockholm: Tidens Förlag, 1955. S. 10–46.

Перевод А.Б. Гехта

В моей книге «Возвращение» я, как и многие другие, ощущая приближение войны, попытался рассказать о том, как нашёл самым важным то, чтобы миролюбивые люди обрели контакт друг с другом. Ситуация во Франции тем временем была подорвана внутренним расколом и деятельностью «пятой колонны». Когда Гитлер наконец направил свои войска на запад, Франция уже была не в силах сопротивляться. Ещё до наступления отрядов Гитлера агенты «пятой колонны» посадили меня в концентрационный лагерь на юге Франции. Я смог высвободить оттуда мою семью и себя самого и уехать в Америку только после того, как заплатил большую сумму денег, и только когда война закончилась, мы смогли вернуться в Швецию.

Та шумиха, которая снова поднялась вокруг моего имени в европейской прессе на рубеже 1948 года, должна рассматриваться в связи с общим обострением ситуации на международной арене в то время. Наступил более интенсивный и опасный период так называемой холодной войны, и моё имя самым наглым образом связывали с происходящими событиями. Из меня сделали интригана на службе у холодной войны. Поводы для этого были самыми разнообразными.

Деятельность некоторых влиятельных кругов Франции была направлена против меня. Если бы им удалось скомпрометировать меня и выставить в качестве врага Франции, демократии и Запада, то мне стало бы труднее защищать собственные права и интересы.

Гонения, которым я подвергался в прессе, имели и другой аспект. Учитывая все предыдущие нападки на меня, когда меня мнили опасным коммунистом, было решено, что я подхожу на роль финансиста холодной войны в условиях ведения антикоммунистической пропаганды. Тем самым был бы нанесён удар по коммунизму, и в то же время можно было бы сыграть на антисемитских струнах.

Немец, которого в течение нескольких лет пичкали антисемитизмом и которому теперь приходится читать в газете подробные отчёты о том, как один злобный еврей тайно затевает новую войну, обнаруживает лишь то, что его прежние теории подтверждаются. Он не может знать и тем более не верит, что всё, что пишут в газетных статьях — ложь. Пускай он даже стал скептичен и начал сомневаться в ис-

тинности того, что ему сообщают, этого будет достаточно, так как развитие его антисемитских предрассудков получило новый толчок.

Даже до шведской прессы донеслись словно эхо, европейские обвинения против меня. Здесь звучала всё та же старая песня: я оказывал поддержку коммунистам в Швеции. Я никогда не скрывал, что в 1920-х годах при различных обстоятельствах я помогал газете коммунистического толка «Фолькетс Дагблад» и в мой 50-летний юбилей за оказанное содействие я принял от газеты благодарность.

Мне нравилась эта газета, потому что по сравнению с другими она обладала наиболее ярко выраженной антивоенной направленностью. В ней в разное время работали самые выдающиеся деятели рабочего движения, такие как Цет Хёглунд, Карл Линдхаген, Карл Чильбум, Туре Нерман, Фредрик Стрём, К.Н. Карлесон, Эрик Хеден и многие другие, которых я знал лично и чей бескорыстный труд на благо человечества вызывал у меня восхищение. Я выделял материальную помощь из моих собственных средств. Никогда не шла речь о том, чтобы направить деньги посредством моих предприятий шведской или какой-либо другой коммунистической партии.

В апреле 1948 г. в ряде шведских провинциальных газет появилась статья «Красный нацизм». В выпуске «Фалу-Курирен» от 9 апреля статья была напечатана с подзаголовками «Коминтерн издал директиву — и расплатился по счетам, Банкир Ашберг — финансист красного нацизма». Я почувствовал, что вынужден опровергнуть информацию, содержащуюся в тексте относительно меня:

«Господин редактор!

В статье под заголовком “Красный нацизм”, опубликованной в Вашей уважаемой газете 9 апреля, затрагиваются мои связи с Советским Союзом. В статье также говорится, что 22 июля 1927 г. в газете “Фолькетс Дагблад Политикен” было напечатано: “За прекрасное сотрудничество по праздникам и в будни мы чествуем шведского коммуниста, Вас, Улоф Ашберг”. По поводу Вашей статьи я прошу позволить мне сделать следующее заявление:

Я всегда осознавал первостепенную важность нахождения Швеции в хороших соседских отношениях как с Россией, так и с другими государствами с коммерческой и культурной точек зрения. Поэтому ещё при царском режиме я начал завязывать экономические отношения с Россией (я основал “Шведско-Русско-Азиатскую компанию” и приобрёл для России первый долларовый заём в Соединённых Штатах). Я продолжал развивать эти связи и после падения царской власти, сперва с правительством Керенского (я разместил русский потребительский кредит в Швеции), а впоследствии со сменившем его советским правительством.

Благодаря занимаемому мной положению и доверию, которым я пользовался, отчасти вследствие моей предпринимательской деятельности и отчасти по причине того, что я, будучи беспартийным, мог беспристрастно судить о ситуации, в то время мне удалось оказать большую услугу шведской торговле и промышленности. В тот период мы боролись с трудностями при размещении наших экспортных товаров.

Когда после смерти Ленина в 1924 г. был отменён НЭП, я прекратил ведение всех моих сделок с Советским Союзом и продал мои предприятия Государственному банку СССР.

Я никогда не принадлежал какой-либо политической партии. Единственным принципом, которым я руководствуюсь, является истина, независимо от того, откуда она проистекает. Когда я обнаружил, что коммунисты борются за те же идеалы, что и я, то я был рад начать поддерживать их стремления, и когда 22 июля 1927 г. коммунистическая партия поблагодарила меня за оказанную помощь, то я высоко оценил этот знак признательности.

В моих мемуарах “Странствующий еврей с Гласбрюксгатан” и “Возвращение” я решительно настаиваю на том, что не считаю необходимым глобальное преобразование мирового социального и экономического устройства. Я слишком часто был свидетелем нищеты, страданий и бед, поэтому я считаю моим долгом открыто заявить о подобном убеждении. В то же время я глубоко разочарован тем, насколько люди, живущие в капиталистических странах, не осознают своей ответственности. Я никоим образом не считаю, что капитализм уже закончил свою игру, но я думаю, что капиталисты заблуждаются, когда им кажется, что посредством войны они спасают своё положение. Работая на благо мира и сотрудничая с Советским Союзом, они могут получать более крупную и стабильную прибыль и вместе с тем помогать голодающему населению мира в улучшении их жизненных условий.

В газете говорится: двойная позиция, занимаемая Ашбергом в качестве предпринимателя, ведущего свои дела в Советском Союзе, стала основой для недавно произошедшего конфликта между ним и французскими властями, которые отказали Ашбергу в выдаче вида на жительство во Франции под предлогом того, что тот принимал участие в финансировании коммунистической деятельности в различных европейских странах.

Вслед за этим я хочу лишь ответить, что в 1926 г. я поселился во Франции. Там я никогда не участвовал в какой-либо внутренней политической деятельности и никогда не занимался её финансированием. Напротив, я вёл работу в поддержку Лиги Наций и противодействия нацизму в Германии и фашизму в Испании. Работая в рамках этого направления, я вместе с женой основал детский дом для сирот из Германии и Испании, что вызвало недовольство среди реакционеров в шведской колонии.

Когда в 1939 г. началась война, я находился в Швеции, но вернулся во Францию, готовый служить этой стране, поскольку считал её второй родиной. В моей книге “Возвращение” в главе под названием “Любящий Францию” я описал события, которые произошли со мной там.

Прискорбно, однако, что я не получил помощи от наших официальных представителей в Париже, помощи, на которую шведский гражданин имеет полное право. Консульство даже не пыталось защитить моё ценное движимое имущество, среди которого было большие собрания художественных произведений, предназначенные для отправки в Швецию. Я до сих пор не получил какого-либо объяснения этому.

То, что мне всё ещё отказано во въезде во Францию, должно быть, объясняется моим правомочным требованием о возвращении большого пакета акций из акционерного общества “Пате”, от которого меня, будучи пленным правительства Виши, принудили отказаться в 1940 году, с тем чтобы я и моя семья смогли получить разрешение на выезд из Франции.

Эппельвикен, апрель 1948 г.
Улоф Ашберг».

Нет никакого сомнения, и я получил подтверждение этому от самых авторитетных источников, что именно мои акции в «Пате» были причиной того, что на протяжении трёх лет после войны французские власти отказывали мне во въезде в страну.

Едва ли требуются особые комбинационные способности, чтобы заметить связь между моим участием в делах «Пате» и нападками на меня со стороны французской прессы. Для того чтобы сделать невозможным исполнение предъявляемых мною требований, нужно было уничтожить меня в глазах общественности. В январе 1948 г. по совету нашего врача я отправился с женой в Италию. Эта поездка была воспринята как повод для того, чтобы подозревать меня во встрече с главным коммунистическим лидером Западной Европы. По прибытии домой в начале февраля в ряде шведских газет под кричащими заголовками мы обнаружили телеграмму из Франции следующего содержания:

«Париж, пятница.

Предпринятая лидером французских коммунистов Морисом Торезом поездка в Италию, во время которой он, в частности, принял участие в большом международном коммунистическом конгрессе и вёл длительные переговоры с Пальмиро Тольятти, главой итальянских коммунистов, и другими коммунистическими лидерами Балканских стран, стала поводом для распространения различных слухов и предположений.

Как всем известно, французские коммунисты борются с большими экономическими трудностями, и кажется, что буржуазная пресса во Франции единодушно считает, что в первую очередь Торез хотел использовать время переговоров в Италии для поправки экономического положения. Во Франции все хорошо знают, что путь Тореза в Москву пролегает через Италию и Югославию. Через плохо охраняемую франко-итальянскую границу идёт поток коммунистических курьеров и контрабандных денег. В некоторых случаях была также зафиксирована переправка документов и оружия.

В ближайших к де Голлю кругах с напряжённым интересом следят за развитием сотрудничества между французскими и итальянскими коммунистами. В конце прошлого года Торез потерпел крупное поражение в профсоюзном движении Франции и, вероятно, теперь он сделает всё для того, чтобы вернуть утраченные позиции.

Находясь в очень тесном сотрудничестве с итальянскими и югославскими коммунистами, приближённые к де Голлю стали придерживаться мнения о том, что если что-то произойдёт в Италии, то тогда и Торез решится что-то предпринять. Относительно вопроса о том, кто финансирует коммунистическую подрывную деятельность как в Италии, так и во Франции, обществу де Голля известно, что деньги поступают из Москвы и что в качестве посредников выступают буржуазные банкиры.

Среди упоминаемых в этой связи банкиров есть швед Улоф Ашберг, который, как утверждают, “с близкого расстояния” следил за переговорами Тореза и Тольятти, проходящими в Италии. Официальная сторона в Париже не желает высказываться о том, какую возможную роль банкир Ашберг сыграл во взаимодействии Тореза с Москвой, но приводятся ссылки на “Досье на Ашберга”, которое находится в руках французской полиции и из содержания которого следует, что банкир Ашберг

был шпионом на службе у Советской России. Между тем содержание досье засекречено, и полиция не намерена выдавать его для исследования».

Ответив на статьи в прессе, я, в частности, подчеркнул, «что они на самом деле были настолько глупыми и нелепыми, что даже не стоило бы на них отвечать. Тем не менее они так же, как и более ранняя пропаганда, завоёвывают доверие и тем самым способствуют развитию антисемитских тенденций, и я не могу допустить, чтобы эти необоснованные слухи продолжали распространяться без какого-либо опровержения». Далее я написал:

«Информация о том, что я был в Италии, является абсолютно верной. Однако я пробыл там не два месяца, как сообщается в газете, и не для того, чтобы встретиться с вышеупомянутыми политическими персонами, с которыми я не имею чести быть знакомым, но с тем, чтобы поправить здоровье. Именно поэтому 19 января с женой мы отправились в Сан-Ремо. Между тем стоимость жизни за последнее время выросла до такого небывало высокого уровня, что наших денежных средств, предназначенных для двухмесячного пребывания в Италии, едва хватило на несколько недель. Тогда же начала вызывать тревогу и политическая ситуация — в высказываниях Бевина швейцарская пресса видела серьёзную военную угрозу, — и несколько дней тому назад мы вернулись в Швецию. На этом всё, что касается моей поездки в Италию.

То, что определённые круги во Франции связывают данную поездку с революционными планами коммунистов в Италии, я могу истолковать лишь как одно из звеньев в цепочке активных действий этих кругов. Их деятельность направлена на выдвижение подозрений против меня с тем, чтобы заставить французские власти препятствовать моему пребыванию в Париже. В этом они смогли преуспеть за срок почти в три года.

Я спрашиваю себя: как французское правительство, будучи демократическим, могло содействовать тому, чтобы шведскому гражданину, который стал жертвой моральных и экономических нападок, было отказано в возвращении во Францию с тем, чтобы там он мог потребовать восстановления своих прав?

Я также спрашиваю себя о том, как выходит, что шведскому правительству с настолько выдающимся и уважаемым министром иностранных дел не удалось уговорить французское правительство предпринять расследование для внесения ясности в это тёмное дельце. Дело ведь касается не только личного интереса одного человека. Речь идёт о правде и справедливости. Правда и справедливость одержали победу в деле Дрейфуса. В данном деле они также победят».

В результате напряжённых усилий в течение трёх лет, в июне 1948 г. я наконец смог вернуться во Францию. За то, что на моё возвращение было дано согласие, я в первую очередь должен поблагодарить Жюля Мока и Саломона Грюмбаха. Они оба были влиятельными членами Социалистической партии Франции. В 1940 г., когда я попал в концентрационный лагерь, Грюмбах вступился за меня и публично заявил, что судебный процесс, начатый против меня, самым отвратительным образом напоминает дело Дрейфуса.

Саломон Грюмбах умер летом 1952 г. 2 июня того же года он в качестве представителя Социалистической партии Франции присутствовал на открытии памятника Брантингу в Стокгольме. Он лично знал Яльмара Брантинга и всегда восхи-

щался этим истинным интернационалистом. Среди всех блестящих речей, произнесённых в честь открытия памятника, речь Грюмбаха стала самой красивой и самой тонкой. Он был прекрасно образованным человеком, оратором от бога, блестящим участником дебатов, который в перерыве между остроумными репликами делал меткие карикатурные зарисовки в своём блокноте.

Саломон Грюмбах был душой любой компании благодаря своему горячему темпераменту, искромётному чувству юмора и остроумию. Будь то друг или противник, никто не мог остаться равнодушным к его сердечной доброте. Всех привлекал огонёк плутовства в его живых глазах.

Грюмбах был одним из самых деятельных борцов за мир нашего времени. В проведении Брюссельского мирного конгресса 1936 года под председательством лорда Роберта Сесила он сыграл одну из главных ролей. Во Франции он был наиболее компетентен в немецком вопросе и владел немецким языком так же хорошо, как и французским. Позже его усилия и помощь в спасении беженцев во Франции были забыты.

Во время своего приезда в Стокгольм, который был приурочен к открытию памятника Брантингу, Грюмбах навестил, конечно же, и нас в поместье Эппельвикен. Мы сидели под вишнёвым деревом в нашем саду, и он был счастлив словно дитя. «О, можно ли мне будет приехать сюда и собрать вишни», — закричал он от восторга, увидев дерево, усеянное белыми цветами. Прошло несколько дней, и мы вместе отправились в Париж, а через пару недель Саломон Грюмбах скончался.

Я виделся с ним за день до того, как его увезли в больницу в Нёйи-сюр-Сен, на окраине Парижа, чтобы провести там операцию, которая, к сожалению, не спасла ему жизнь. В тот день он шутливо спросил меня: «Как вы думаете, вишня уже созрела?». Его супруга, Валли Грюмбах — «la citoyenne»[1], как он любил её называть, — также была активным борцом за права угнетаемых и преследуемых граждан.

После нашего возвращения во Францию прежние нападки посыпались на меня с новой силой. В прессе стали появляться на редкость лживые и бесчестные статьи. Например, в газете «Лентрасижант» от 27–28 июня 1948 г. вновь была напечатана статья под заголовком «Советский банкир, Ашберг, вернулся во Францию по таинственному поручению Коминформбюро»:

«Несколько дней тому назад в маленьком отеле на левом берегу остановился один загадочный человек. Он невысокого роста, коренастый, прячет свои глаза за очками в золотой оправе. Он выглядит словно какой-нибудь Господин Доктор из какого-нибудь немецкого университета.

В отеле его можно встретить только около десяти утра, а затем только в десять часов вечера. Его сопровождает молодая, высокая, стройная блондинка; это его секретарь.

Этот человек, кажущийся таким незначительным, которого можно было бы принять за обычного туриста, на самом деле является одним из самых могущественных деятелей Восточной Европы. Это тот, кого называют “Советским банкиром”, это Ашберг.

Что делает этот необычный гость во Франции? Уже составлены два рапорта, касающиеся Ашберга: один — от Министерства внутренних дел, расположенного

[1] Фр. «гражданка».

на площади Бово, другой сделан Управлением территориального надзора. Во втором рапорте представлена исчерпывающая информация и содержится большое количество деталей.

Злые языки уверяют, что Ашберг уже встречался с Морисом Торезом на его вилле в Шуази-ле-Руа. Другие утверждают, что видели, как он входил в дом 44 на улице Шатоден, где расположена штаб-квартира Французской коммунистической партии. Иные же заявляют, что видели, как он ехал в чёрном "Ситроене", принадлежащем партии. Должно быть, в тот день его сопровождали Марти и Флоримон Бонт.

Что является правдой? Это выяснить крайне трудно.

Биржевой маклер Ленина и Троцкого

Как бы то ни было, у "Советского банкира" была причина на то, чтобы приехать во Францию. Наверняка у его поездки был какой-то официальный повод, поскольку, чтобы въехать во Францию и получить разрешение от министерства иностранных дел, у него должно было быть поручение дипломатического характера.

Говорят, что Ашберг приехал с тем, чтобы передать приказы и инструкции. Разве его ещё не нарекли "Коммивояжёром Комиинформа"?

С другой стороны, Ашберг — финансист номер один для Советского Союза, и в этом нет сомнения. Он играет ту же роль, что и Шахт в прошлом в Германии, и Бернард Барух в США сегодня.

Ашберг начал свою полную сенсаций карьеру с финансирования деятельности Ленина и Троцкого. По их распоряжению именно он в 1916 г., за год до Октябрьской революции, занялся получением одного миллиона рублей. И именно на его деньги были снаряжены первые воинские части Красной армии.

Утверждают, что на днях этот финансист был в Праге, в главном дворце столицы, Алькроне. Там он снял этаж с пятью комнатами и видом на площадь Влачеслава Ламенского.

Говорят, что Ашберг обладает колоссальным состоянием. Согласно свежим данным, его состояние могло бы соперничать с богатствами Форда, Рокфеллера или Моргана.

Официально ему принадлежат поместья во Франции, а также в Швейцарии, одно из которых расположено на берегу Лемана, а другое находится неподалеку от Домодоссола, города у итало-швейцарской границы.

Помимо прочего, Ашберг хорошо знает Францию и Западную Европу. Вплоть до 1938 г. он постоянно приезжал туда и жил годами. Тогда он был практически официальным агентом Москвы. Несомненно, он был первым, кто по поручению Советского Союза был послан в Испанию во время гражданской войны. Он был также тем, кто в период первых забастовок в 1936 г. передал Коминтерну доклад объёмом более чем в 150 страниц, который был высоко оценен руководителями в Кремле.

В Париже он обосновал свою штаб-квартиру для всей Западной Европы. Она располагалась на улице Казимира Перье, в доме номер 21.

Затем Ашберг внезапно исчез из поля зрения.

Необычный человек

Наверное, Ашберг является самым необычным человеком из тех, кем Кремль располагает в Западной Европе. Официально он не обладает никакими званиями, он даже не делегат какого-нибудь центрального комитета. Он не относится также к иностранной службе советского Министерства экономики под руководством Микояна или Коминформа. Он превосходно говорит на восьми языках. Он несравненный мастер вести подсчёты, и он хранит одно удивительное воспоминание, как однажды Сталин назвал его "феноменом Кремля".

Сегодня мы можем предоставить некоторую информацию о последних этапах жизни, через которые этот финансист прошёл до прибытия во Францию:

1. Он находился в Чехословакии, когда произошёл государственный переворот Готвальда.

2. Он был в Италии и после встречи с коммунистическими лидерами поспешно уехал в Болгарию, где в Софии у него состоялась встреча с Георгием Димитровым.

Существует большая вероятность того, что его нахождение во Франции сейчас носит не только туристический характер.

Советский банкир, ведущий финансовый советник Коминформбюро, вернулся в Париж, и многие наверняка заплатили бы большую цену за то, чтобы узнать, чем он занимается. Но Ашберг презирает публичность, и мы лишь в скобках можем заметить, что его имя не встречалось ни в одной советской газете уже 25 лет.

Словно тихий бездельник, не получивший ничего, кроме 4000 франков по прибытии в Париж, Ашберг иногда завтракает и обедает в "Дюпон латин", он обычно задерживается и любуется аквариумом.

У Ашберга есть советское гражданство, но его родители и бабушка с дедушкой были немецкого происхождения».

Конечно, дело Пате не было единственной причиной той травли, что развернулась против меня во французских газетах. Французский антисемитизм имеет давние традиции. Человек не напрасно взывает к так легко возгораемой расовой ненависти. Моей жене и мне ежедневно приходилось писать опровержения статей то одной, то другой газеты. Как правило, эти опровержения принимались, однако часть из них была напечатана только после того, как я пригрозил принять юридические меры посредством моего адвоката. Пользующаяся уважением газета «Ле Монд» незамедлительно опубликовала моё опровержение, в несокращённом в виде и на том же самом месте, где была статья, чьё содержание было направлено против меня.

В западногерманских и других европейских газетах в то же самое время начали появляться самые нелепые статьи, содержащие вымышленные факты проводимых мною дел на востоке Германии. В Западной Германии в своём прежнем духе под различными прикрытиями всё ещё вели деятельность нацистские силы, которые обрели второе дыхание. Неудивительно, что антисемитизм получил новую почву для роста, когда появилось разорённое и разочарованное население и сильная безработица. В газете «Свенска Дагбладет» от 20 февраля 1949 г. была напечатана статья, ранее изданная в берлинской редакции данной газеты под заголовком «Падение курса восточной марки становится причиной крупных убытков у жителей Западного Берлина. Предположительно, банкир Ашберг способствует установлению новых валютных планов». Прочитав эту статью, можно получить хорошее пред-

ставление об антисемитских методах, и очевидно, что эти методы действуют сегодня в Германии.

Я не буду подчёркивать, что освобождаю газету «Свенска Дагбладет» и её редакцию от ответственности за использование антисемитской журналистики. Газета опубликовала лишь ту информацию, которую её берлинская редакция заполучила у «экспертов» западногерманской прессы. Статья интересна тем, что она показывает, как работает западногерманский механизм пропаганды и как там спекулируют на антисемитизме. Статьи с подобным содержанием были опубликованы как в немецкой, так и французской прессе, и я был вынужден опровергнуть данные, представленные в них. «Свенска Дагбладет» напечатала моё опровержение под следующим заголовком: «Банкир Ашберг даёт ясное опровержение».

«Господин редактор!

В связи с опубликованной в Вашей уважаемой газете статьёй, которая основывается на данных, полученных от Берлинской редакции, и носит название “Падение курса восточной марки становится причиной крупных убытков у жителей Западного Берлина. Предположительно, банкир Ашберг способствует установлению новых валютных планов”, я прошу Вас напечатать следующее:

Статья, в которой идёт речь обо мне, не несёт в себе ни единого слова правды:

1. Я не был ни в Берлине, ни в Лейпциге, ни в любой другой точке восточной зоны после 1933 года, и вообще я не приезжал в Германию с тех пор (если не считать, что используемый мною транспорт два раза пересекал эту страну).

2. После 1924 года у меня не было никаких экономических связей с Советским Союзом.

3. Я также не давал каких-либо консультаций представителям восточных государств в отношении каких-либо экономических проблем.

За границей я опроверг большое количество сенсационных заявлений одного и того же рода, как, например, то, что я якобы способствовал приведению в действие революции в разных странах, что я подобен царю Крёзу и богаче Моргана и Рокфеллера, что я влиятельный человек в Кремле, самый близкий друг Сталина и так далее.

Само по себе опровержение подобных нелепых слухов может показаться излишним. Но я осознаю, что за ними стоят силы, которые за раз пытаются ослабить мировое возмущение перед убийством шести миллионов евреев и дать пищу заново вспыхнувшему антисемитизму. Что только не сделают бедные немцы, если им внушить, что еврей хочет ещё больше разорить их.

Эппельвикен, 20 февраля 1949 г.
Улоф Ашберг».

В политической борьбе ложь всегда играла большую роль. Но в настоящее время ложь самым изощрённым образом помещается в систему. Для нацизма ложь стала и наукой, и оружием.

В «Майн Кампф» Гитлер писал, что чем крупнее ложь, тем проще в неё поверить. Даже если впоследствии люди узнают правду, то, как утверждает Гитлер, «они ещё долго будут сомневаться и будут нерешительны, и в любом случае будут верить, что, по крайней мере, *что-то* всё же является правдой».

Гитлера больше нет, но живут его последователи, и они по-прежнему применяют на практике его учение. Я не могу процитировать здесь всё безумное вранье, что было напечатано за последние годы в отношении меня. Интересно лишь то, что по мере того, как обострялась холодная война, нападки на меня становились всё более жестокими. 17 апреля 1949 г. в газете «Сюдсвенска Дагбладет» была опубликована сенсационная статья с огромным заголовком и фотографией, где были я и Микоян: «Улоф Ашберг — вновь Кремлёвский банкир и руководит рискованной операцией с золотом. Холодная война с золотыми пулями против Запада». Статья была подписана Фредом Доусоном:

«Один из наиболее загадочных и фантастических персонажей международной финансовой политики, шведский миллионер Улоф Ашберг, ставший одним из самых богатых людей в мире благодаря своему долгому сотрудничеству с коммунистами и работе в качестве “Кремлёвского банкира”, на днях прибыл в русскую часть Берлина.

Его пребывание там связывают с планами русских по принятию новой инициативы в берлинском вопросе, а также с решением Кремля о начале действий по введению решительных перемен в ход холодной войны.

Советский Союз хочет перейти “к ведению холодной войны с использованием золотых пуль”. Для руководства новым коммунистическим наступлением были назначены три человека, а именно бывший министр внешней торговли Микоян, бывший председатель Государственной плановой комиссии Вознесенский, и собственно инициатор данной идеи Улоф Ашберг.

Этот чрезвычайно интересный и сенсационный материал мне посчастливилось заполучить у представителей разведки западных оккупационных сил и частично у некоторых лиц в Берлине, состоящих в тесном контакте с русским военным правительством, находящимся в Германии.

Около месяца тому назад в разведывательную службу западных властей в Берлине явился русский беженец, 60 лет, инженер Б. Колышкин и передал отчёт, который эксперты считают самым полным и достоверным отчётом о советских запасах золота.

Приблизительно в то же самое время мне удалось выйти на след загадочного Улофа Ашберга, и теперь связи в Берлине дополнились полученными справками и сведениями, которые проводят соединительную линию между отчётом Колышкина, ролью Ашберга и недавней сменой высших руководителей в советском правительстве.

Ашберг, как он это часто делал в прошлом, согласился помочь Кремлю в наступлении, чьим неутомимым заступником он всегда был.

Согласно данным Колышкина, в данное время СССР располагает золотым резервом массой примерно в 4500 тонн. Ежегодный объём производства золота на данный момент составляет не меньше 450 тонн, и в течение текущей пятилетки планируется увеличение объёма производства до 750 тонн. В Москве сейчас считают, что Микоян, Вознесенский и Ашберг, сотрудничая, будут в состоянии финансировать денежную, промышленную и военную консолидацию всего Восточного блока, и вместе с тем серьёзно пошатнуть финансовую и экономическую стабильность западных держав.

Обязанности по осуществлению данного проекта были разделены между тремя вышеупомянутыми специалистами следующим образом:

Вознесенскому поручено возглавить производство “золотых пуль”, то есть следить за тем, чтобы объёмы производства золота возрастали в желаемом направлении.

Микоян должен был использовать золото в пользу отечественного фронта, то есть он должен был стать во главу консолидации Восточного блока и упрочить её посредством увеличения внешней торговли.

Ашбергу было предписано управлять золотым наступлением во внешнем направлении, частично сотрудничая с Микояном, когда дело касается внешней торговли Восточного блока, частично — с экспертом по внешним делам Молотовым и Коминформом, если речь идёт об использовании золота в целях ослабления демократических государств.

Как видно, Западному блоку интересен в первую очередь Ашберг, в то время как новое советское наступление постепенно приобретает оформленные черты.

Уже не в первый раз этот мистический персонаж становится кремлёвским экспертом. По рождению Улоф Ашберг гражданин Швеции. Ещё во время Первой мировой войны его имя приобрело известность в банковских кругах Стокгольма. Он был основателем и владельцем “Нового банка”, но во время войны перенаправил всю свою деятельность в южном направлении. В Швейцарии он завязал знакомства с русскими эмигрантами и, как утверждают, одалживал им внушительные суммы. Говорят также, что он дал Ленину деньги, на которые тот вместе с попутчиками совершил историческую поездку домой через Германию в бронированном вагоне.

Вскоре было образовано советское правительство, и его самым главным финансистом стал “Новый банк” в Стокгольме. Банк выдал Москве кредит не менее чем на 80 млн. золотых рублей в твёрдой валюте. Затем Ашберг помог Ленину освободиться от некоторых кредитных обязательств за границей. Когда в России всё ещё оставались финансовые проблемы, Ашберг приехал в Москву, чтобы вместе с Лениным и другими финансовыми экспертами привести в порядок “новую экономическую политику”, которая дала название периоду НЭПа. За свои услуги Ашберг получал щедрые вознаграждения. В 1922 г. он получил от советского правительства разрешение на основание банка для ведения внешней торговли, посредством которого он организовал крупный экспорт российских товаров. Как для Советского Союза, так и для Ашберга открытие данного дела стало важнейшим событием, и именно тогда его стали называть “Кремлёвским банкиром”.

Напоследок советское правительство решило изменить свою экономическую политику. В этой связи частный банк внешней торговли Ашберга был социализирован, но в качестве платы за оказанные Ашбергом услуги ему было дано разрешение на скупку целых вагонов русского антиквариата, чтобы затем продать его за границей.

После войны Кремль восстановил контакты с Ашбергом. Началось с того, насколько известно, что в 1947 г. планировалось принять контрмеры против плана Маршалла. В августе 1947 г. в Варшаве была проведена первая конференция по этому вопросу при участии Ашберга и Микояна. Из Варшавы Ашберг направился в Москву, когда туда же прибыла правительственная делегация из Чехословакии, которой был отдан приказ об аннулировании заявки на участие в плане Маршалла.

В течение следующего полугодия Ашберг объездил восточноевропейские вассальные государства для подготовки введения "Плана Микояна", с помощью которого Кремль надеялся компенсировать вассальным государствам помощь Маршалла, получения которой Кремль не мог допустить. Ашберг находился в Праге, когда произошёл февральский переворот.

Говорят, что уже в тот момент Ашберг посоветовал Сталину активизировать русские золотые запасы, но Политбюро выступило против данного предложения. Имелось в виду, что агрессивное использование "золотых пуль" легко может привести к тому, что холодная война перерастёт в настоящую войну, чего Кремль не хотел.

Дальнейшее развитие событий показало, что данное представление оказалось неверным, и предложение Ашберга было принято. Было решено созвать восточноевропейский экономический совет, который в сущности и стал ответным ходом Советского Союза плану Маршалла и его западноевропейской программе восстановления.

Ашберг сыграл важную роль в финансовой стороне политики Советского Союза в отношении Германии. Он действовал в качестве советника при обсуждении сложных валютных проблем в Берлине. В октябре он появился в Гамбурге, где — неясно с каким результатом — он обратился к ведущим представителям экономики Западной Германии и предложил им часть ценных бумаг общей ценностью в 40 млн. рейхсмарок, которые русские обнаружили в сейфе германского государственного банка в Берлине. Ашберг предложил также провести некоторые трансакции, которые препятствовали бы осуществлению планов западных держав по восстановлению западногерманского государства.

Сейчас Ашберг проживает в Потсдаме, откуда он, очевидно, будет управлять своими новыми кремлёвскими операциями».

Если взглянуть на эти статьи как на ложные документы, то они представляют собой исключительный интерес. Настолько умело они составлены и какими реальными и объективными они кажутся! Вероятно, все эти статьи выходят из бюро пропаганды, которое, как мне известно, находится в Швейцарии. Там работают превосходные сотрудники, реализующие обширную программу, которая имеет не только антисемитскую, но и в общем антидемократическую направленность.

Я находился во Франции, когда была опубликована вышеприведённая статья, поэтому об опровержении для газеты «Сюдсвенска Дагбладет» позаботился адвокат Хуго Линдберг:

«В связи с опубликованной в Вашей уважаемой газете статьёй под заголовком "Улоф Ашберг — вновь Кремлёвский банкир и руководит рискованной операцией с золотом" от 17 апреля 1949 г., я в качестве представителя банкира Ашберга, который в настоящее время пребывает во Франции, прошу Вас напечатать следующее опровержение:

Представленные в статье сведения о банкире Улофе Ашберге от начала и до конца являются безосновательными. 1. Ашберг лично не знаком и не имеет никаких контактов ни с советским министром по внешней торговле Микояном, ни с председателем плановой комиссии Вознесенским, ни также с их представителями. 2. Ашберг в общем и целом не поддерживал каких-либо экономических связей с Советским Союзом после 1924 г. 3. Ашберг не присутствовал на конференции в Варшаве в августе 1947 г. и не находился в Москве, "когда туда же прибыла правитель-

ственная делегация из Чехословакии, которой был отдан приказ об аннулировании участия в плане Маршалла". 4. Ашберг не посещал какие-либо из "восточноевропейских вассальных государств". 5. Ашберг не проживает и никогда не проживал в Потсдаме. С 1933 г. он не приезжал в Германию. 6. В военные годы Ашберг поселился в США и вернулся в Швецию в сентябре 1945 г. С тех пор он непрерывно находился в Швеции, за исключением промежутков с 10 июня по 15 июля и с 5 октября по 21 ноября 1948 г., когда он уезжал во Францию, где он снова находится с 27 февраля 1949 г.

Нет необходимости опровергать данные статьи о том, что Ашберг "рождён на Балтике" и "был гражданином Швеции". Подобные сведения могут быть опровергнуты с помощью любого шведского справочника, в случае если читатели газеты не знакомы с собственными мемуарами Ашберга "Странствующий еврей с Гласбрюксгатан", о которых так много сейчас говорят в прессе.

Стокгольм, 22 апреля 1949 г.
Хуго Линдберг».

Датская газета «Нашунальтидене» придала широкой известности те же небылицы, напечатав их в статье в воскресном приложении к газете 1 января 1950 г. под заголовком «Серые кардиналы большой политики», где было категорично заявлено, что все сведения являются истинными, «даже если сам Улоф Ашберг их опровергает».

Датский адвокат Поль Кристиансен в связи с публикацией данной статьи написал своё дополнение в газету, в котором в пяти пунктах уничтожил данную статью в пух и прах, и закончил следующим предложением: «Очень жаль, что газета заранее клеймила опровержение Ашберга, назвав его неискренним, что видно из того, как одно из вышеупомянутых недостоверных сведений в статье называется истинным, "даже если сам Улоф Ашберг это отрицает"».

31 июля 1949 г. берлинская редакция газеты «Дагенс Нюхетер» под заголовком «Экономический кризис парализует Берлин» сообщила следующее:

«В настоящее время в Берлине остались безработными 200 000 человек, и есть опасность, что данная цифра будет расти. Финансовое положение в городе настолько критично, что только быстрая и эффективная помощь с Запада может спасти финансы, заявил бургомистр Эрнст Рейтер в субботу. Тогда же он передал письмо союзным комендантам, в котором он по долгу службы в городском правлении требовал, чтобы Берлину незамедлительно была предоставлена часть средств от помощи Маршалла.

Все доступные кредитные источники должны быть открыты для Берлина, говорится далее в письме. В последнее время берлинский экономический кризис усугубился по причине того, что с Запада стало поступать меньше кредитных средств. У нас больше нет возможности продолжать восстановление города, если мы безотлагательно не получим кредиты с Запада. Согласно Эрнсту Рейтеру, главный комиссар Макклой, который в настоящее время пребывает в США, пообещал попытаться оказать влияние на Вашингтон с тем, чтобы Берлин получил часть из средств помощи Маршала».

Итак, согласно заявлению Эрнста Рейтера, финансовое положение в Берлине было критическим, а растущий уровень безработицы всё более вызывал беспокой-

ство. В таких обстоятельствах пресса Германии начала кишеть статьями о якобы проводимых мною совместно с русскими манипуляциях с целью разорения немцев. Связь между кризисной ситуацией и вспыхнувшим антисемитизмом очевидна. 12 августа 1949 г. в «Дагенс Нюхетер» можно было прочесть письмо сотрудника газеты, Акселя Веннерлинга, посланного в Дюссельдорф, под заголовком: «Немецкий антисемитизм усиливается. Уличные беспорядки в Мюнхене отзываются эхом в других городах».

Редактор Веннерлинг рассказал о сценах драки, произошедших в Мюнхене. Несколько сотен евреев из лагеря перемещённых лиц, выступивших с демонстрацией против газеты «Зюддойче цайтунг», опубликовавшей антисемитское письмо, вступили в столкновения с полицией, «что привело к началу стрельбы и возможным жертвам». Отправитель письма впоследствии сообщил, что отнюдь не все евреи были убиты нацистами газом, а газета оправдалась тем, что «не хотела игнорировать мнение читателя».

Корреспондент «Дагенс Нюхетер» также взял интервью у выдающегося члена еврейской религиозной общины, доктора А. Дрейфуса, главы еврейского сообщества в Северном Рейне-Вестфалии. Он сказал следующее:

«Среди немцев антисемитизм в настоящий момент стал крепче, чем когда-либо. Немецкие евреи живут на периферии общества. Нам трудно установить контакт с народом. У немцев, в свою очередь, мы никак не можем проследить какого-либо желания возместить причинённый нам ущерб… Со времён Гитлера антисемитизм не потерял свою силу. Поставщики устраивают бойкоты еврейским торговцам. Лидеры общественной жизни очень внимательны, но их же подчинённые организуют саботаж. За последние два года в британской зоне оккупации были осквернены 80 еврейских кладбищ. Ни один из преступников не был пойман полицией. Невозможно также узнать, кто стоял за недавним распространением антисемитских листовок со свастикой в Дюссельдорфе».

Доктор Дрейфус также рассказал, что до Гитлера в еврейскую общину входило 5800 человек, но только 250 из них вернулись домой после войны. При этом средний возраст члена общины был приблизительно равен 50 годам, а во всей общине было лишь три ребенка. Он добавил:

«Будущее Германии видится мне очень мрачным. Учения Гитлера оставили за собой глубокий след. Каким образом нам удастся дать молодёжи гуманистическое образование, если большинство учителей — старые нацисты?»

22 июля 1949 г. — за неделю до заявления бургомистра Эрнста Рейтера — в швейцарском журнале «Зи унд Эр» появилась большая статья Курта Рисса под заголовком «Улоф Ашберг — Кремлёвский банкир». Разделение труда было организовано очень умелым способом. Немецкая пресса опиралась на данные из газеты нейтральной страны, известной своим давним демократическим укладом. Работники немецкой прессы сумели внушить бедствующим народным массам в Германии, что я, еврей, — причина их бед и несчастий.

В связи с этим я вспомнил нашу первую встречу с Максимом Литвиновым в 1918 г., когда он был проездом в Стокгольме. Уже тогда в европейской прессе начали появляться статьи с нападками на меня, и Литвинов рассказал, что за антисемитским движением стоит международная организация в Швейцарии. Некто Курт Рисс написал следующее:

«Его можно встретить прогуливающимся по Булонскому лесу в Париже, или вдоль реки Влтавы в Праге, в парке Тиволи в Копенгагене, или же в парке Большой Тиргартен, что в Берлине, приблизительно между двенадцатью и часом дня, если погода к этому располагает. Ему 62 года, и его возраст заметен. Он среднего роста, немного медлителен, с полным лицом, выпученные глаза спрятаны за старомодными очками в золотой оправе. На голове у него почти нет волос.

Без внимания проходят мимо него люди. Они и не подозревают, что человек, который незаметно следует за ним на расстоянии примерно тридцати шагов и не сводит с него глаз, является служащим Главного управления национальной безопасности Франции или представителем тайной полиции в Праге, детективом в Берлине или Копенгагене. Этот медлительный пожилой господин, чьё лицо не вызывает каких-либо воспоминаний или ассоциаций и чье имя — Улоф Ашберг, неизвестен широкой общественности, но, по всей вероятности, он принадлежит к кругу самых влиятельных персон, которые вообще существуют в мире.

Те, кто знаком с его загадочной деятельностью, мимоходом отмечают, что он подобен Захарову нашего времени. При первом взгляде на Ашберга это замечание, как кажется, не имеет под собой оснований, ведь он не производит и не продаёт оружие. Он вообще не заинтересован в том, чтобы началась одна или несколько войн. Скорее он хочет препятствовать этому. Он стремится к тому, чтобы одержать победу без пролития крови. Он — финансист холодной войны.

Посвящённые люди считают его самым главным русским агентом в Европе, но есть сомнение в том, что он работает агентом в обычном понимании этой должности. Тем более он не является русским, а рождён на Балтике и швед по национальности. Однако он также свободно и без акцента говорит по-русски, как и пошведски, и в придачу знает ещё полдюжины других языков.

Улоф Ашберг часто находится в разъездах, и не случайно он всегда оказывается именно там, где что-то происходит. Например, в прошлом году он прибыл в Прагу и пробыл там не более десяти дней, как коммунисты провели государственный переворот, и Чехословакия стала “народной республикой”. Для большинства людей, следящих в то время за его деятельностью, было загадкой, откуда коммунисты внезапно получили большие суммы денег, которые были так необходимы для осуществления переворота. Лишь немногие смогли заметить причастность Ашберга к этим событиям.

Когда забастовка французских шахтёров в конце октября прошлого года достигла своей кульминации, Ашберг появился в Париже, куда не приезжал уже давно. Тогда была раскрыта тайна о том, кто оказывал материальную поддержку забастовщикам. Главное французское управление национальной безопасности обнаружило, что Коминформ посылал крупные суммы денег во Францию. Конечно, никто не смог представить доказательства о непосредственном участии Ашберга в проведении данной трансакции, несмотря на то, что в деле были задействованы лучшие эксперты. Было установлено лишь то, что Ашберг располагал отличными связями в парижском банке, чей контрольный пакет акций находился во владении Советского Союза.

В последнее время Ашберг также несколько раз появлялся в Берлине, и ни разу общественность не смогла что-либо узнать о его приезде. Первый раз он приехал в

начале октября 1948 г. и пробыл в городе десять дней. Он провёл множество переговоров с российскими служащими при финансовом отделении SMA[2] с тем, как позже выяснилось, чтобы решить вопрос о ценных бумагах, которые русские присвоили себе в качестве добычи при захвате Германии. Бумаги были сложены стопками в сгоревшей церкви в Карлсхорсте, их ценность достигала почти 40 млрд. рейхсмарок, которые тогда ещё не были объявлены недействительными.

В конце декабря Ашберг вновь прибыл в Берлин. Один из участников переговоров, на которых был и Ашберг, рассказал, что в их ходе шло обсуждение финансирования немецкой армии для гражданской войны под руководством генералов Паулюса и Зейдлица, проведение которой русские планировали под прикрытием "полиции восточной зоны".

Карьера Ашберга началась с финансирования Октябрьской революции в России. Во время Первой мировой войны он жил в Цюрихе, где в начале 1917 г. благодаря главному бургомистру Стокгольма, радикальному социалисту Линдхагену он познакомился с Лениным, который тогда находился в швейцарской эмиграции. Ленин получил от Людендорфа разрешение вернуться в бронированном вагоне через Германию в Россию вместе со своими товарищами и друзьями. В качестве благодарности немецкий генерал получил обещание о начале решительных действий в ходе русской революции, вследствие чего Россия отказалась бы продолжать войну против Германии.

Тем не менее для осуществления поездки не хватало денег. Ашберг выдал Ленину аванс и в качестве вознаграждения принял участие в поездке в Россию, поскольку Ленин посчитал, что именно в самом начале революции коммунистической партии может понадобиться человек, который словно по волшебству мог из ниоткуда доставать крупные суммы денег.

В то время Ашберг познакомился с Николаем Крестинским, который в течение нескольких лет находился в ссылке в Сибири, а теперь был назначен на должность генерального комиссара государственного банка. Находясь в тесном сотрудничестве с Крестинским, Ашбергу удалось получить в пользование несколько иностранных кредитов и тем самым приобрести доллары и фунты, необходимые для покупки оружия и снаряжения Красной армии, которая тогда пребывала в процессе становления. Началась интервенция. Без Ашберга у Ленина и Троцкого не было бы никаких ресурсов для противостояния армии генерала Врангеля.

Таким образом, после революции Ашберг занялся финансированием вооружённых сил Советского Союза. В то же самое время он познакомился с молодым коммунистом, у которого были невероятные усы и который отважно и мастерски вёл оборону города Царицына, позже переименованного в Сталинград.

Впоследствии, всё более упрочивая своё положение в качестве непосредственного руководителя государственного банка, Ашберг, в то время как Крестинский занялся правлением в народном комиссариате финансов, разработал основные направления развития НЭПа. "Новая экономическая политика" превратилась в своего рода компромисс между социализмом и капиталистической системой, или, как затем это явление было описано в коммунистической литературе, НЭП был шагом

[2] Социалистическая молодёжь Австрии? Точная расшифровка этой аббревиатуры оказалась затруднительна.

назад с целью того, чтобы вскоре сделать сразу два шага вперёд. Ленин одобрил этот план. Ашбергу было дано разрешение на предоставление коммерческих концессий в России для иностранных капиталистов, и весной 1922 г. в Москве он открыл банк для ведения внешней торговли, с помощью которого должны были проводиться все заграничные сделки.

Ашберг собирал миллионы. Тем не менее он всё же предчувствовал, что не сможет постоянно заключать сделки с коммунистами, поэтому решил отойти от дел. Ашберг принял участие в последней крупной сделке, работая на коммунистов, когда за процентное вознаграждение продал за границу целый товарный поезд, нагруженный драгоценностями и антиквариатом. Однако он на всякий случай осуществил продажу не из Москвы, а из Стокгольма и затем разорвал все торговые связи с русскими.

Крестинский не был так же умён. Он в качестве главы русской торговой делегации отправился в Берлин и остался там на должности посла. В один день в середине тридцатых годов его отправили обратно в Москву, где он предстал перед судом и был “ликвидирован”.

Вскоре после окончания войны русские восстановили контакты с Ашбергом. Вероятно, хотя это и трудно доказать, уже тогда русские рассматривали в качестве возможности начало холодной войны между Америкой и Советским Союзом, поэтому им понадобился первоклассный финансист. Следовательно, они вспомнили о существовании этого человека, который пользовался доверием самого Ленина, несмотря на то, что был капиталистом.

Итак, финансист революции и борец с интервенцией стал финансистом холодной войны. В этой связи сыграл роль так называемый “Старый вексель”. В сейфах государственного банка русские нашли векселя немецких фирм. Там же были обнаружены векселя, принадлежащие фирмам и частным лицам ненемецкого происхождения. По всей видимости, их ценность составляла несколько сотен миллионов долларов, и теперь Ашберг пытается каким-то образом пустить их в обращение. Будет ли это возможно, можно ли считать эти векселя возвратными, принадлежат ли действительно эти векселя немецким фирмам, учитывая, что фирмы всё чаще основываются в западной зоне, — всё это проблемы, которые, вероятно, может решить только Улоф Ашберг.

До того, как Ашберг начал работать на русских, он требовал предоставления некоторых гарантий для своего имущества в Швеции, Франции и Швейцарии. Для себя самого он не требовал ничего. Он не трудится за какую бы то ни было плату. Ведь ему принадлежит состояние, чей размер во сто крат больше того, что он может потратить. Поэтому ему достаточно лишь снова быть участником игры, снова быть тем, кто дёргает за ниточки на международной арене. Сделки всегда были единственной страстью в его жизни».

Статья Курта Рисса воспроизводилась и в ряде шведских газет. В газете «Афтонбладет» 30 июля 1949 г. в Стокгольме была помещена сенсационная статья с вызывающим заголовком: «Швейцарец даёт указания на русского агента: Улоф Ашберг, финансист холодной войны». Я написал опровержение, которое газета отказалась напечатать. Газета «Афтонбладет» и прежде способствовала распространению клеветы и фальшивых данных обо мне. 4 февраля 1948 г. читатели данной газеты могли прочесть следующее: «Банкир Улоф Ашберг находится в Париже, где ему

предстоит совершить множество дел совместно с другими банкирами и политиками. Прежде этот банкир длительное время жил во Франции и провёл прибыльные сделки, как с недвижимостью, так и с иконами». В тот момент, 4 февраля 1948 г., я всё ещё находился в Стокгольме в ожидании визы для въезда во Францию, которую я получил только пять месяцев спустя. Что касается сделок по продаже икон, то уже в 1933 г. я передал моё собрание икон Национальному музею в качестве дара.

Я посчитал, что в связи с опубликованной в «Афтонбладет» статьёй вынужден обратиться в Совет по делам прессы. В моём письме я отметил, что газета отказалась напечатать опровержение. Вместе с тем я подчеркнул, что агитация подобного рода навредила не только репутации газеты, но в большей степени подорвала общественную мораль. В ноябре 1949 г. Совет, в состав которого входили градоначальник Стокгольма Хагандер в качестве председателя, госпожа Маргит Сивертц, главный редактор Аксель Ульсон и редактор Т. Винквист, сделал следующее заявление:

«Данные, содержащиеся в этой порицательной статье, взяты из швейцарского журнала “Зи унд Эр”, в котором 22 июля 1949 г. была опубликована статья “Улоф Ашберг — Кремлёвский банкир”. Едва ли можно считать нарушением журналистской традиции тот факт, что в шведской газете приводится упоминание об этом деле. Но швейцарский журнал предъявляет неслыханное обвинение Ашбергу и как человеку, и как шведу.

В этой связи “Афтонбладет” — газета пожелала передать содержание упомянутой журнальной статьи — позаботилась о том, чтобы и в заглавии статьи, и в самом стиле её написания выделить именно то неопределённое, что содержится в достоверности процитированного утверждения. Невозможно полагать, что в вопросах существующего такта и уважения “Афтонбладет” знает меру. Прежде всего, газета должна быть обвинена в том, что по такому серьёзному вопросу не было подготовлено место для публикации опровержения, написанного Ашбергом. Не может послужить оправданием и то, что во вступительной части этой порицательной статьи кратко говорится, что Ашберг “сам недавно опроверг слухи”».

Заявление Совета было обнародовано во всей шведской прессе. Практически все издания единодушно встали на мою сторону. Многие газеты после моего обращения в Совет по делам прессы выразили согласие и несомненную уверенность том, что стояло за всей этой писаниной. В газете «Моргон-Тиднинген» было напечатано следующее:

«Антисемитизм пробивается в разных местах и предстаёт в различных формах. Это во времена гитлеровского благополучия сильно инфицированная нацизмом газета “Афтонбладет” не упускала ничего, чтобы посредством коварных нападок поддерживать горящее пламя антисемитизма. На днях газета распространила статью из “Зи унд Эр”, в которой банкир и писатель Улоф Ашберг изображается в качестве русского агента и финансиста холодной войны, в качестве того, кто оказывал экономическую поддержку переворота в Чехословакии, забастовке французских шахтёров и спланированной русскими армии буржуазной войны в Германии. Это любовь “Афтонбладет” к сенсационной журналистике, её характерная черта: данные обвинения ранее неуклонно опровергал и сам господин Ашберг, и его юридический поверенный, Хуго Линдберг, и газета сама признала тот факт, что господин Ашберг действительно опровергал эти оскорбительные обвинения.

Само собой разумеется, что подобная клеветническая кампания в прессе вызовет трудности и причинит очевидный вред не только господину Ашбергу, но и будет способствовать разжиганию антисемитизма в кругах некритичных и доверчивых людей. Отсюда становится понятным, что господин Ашберг решил представить писанину “Афтонбладет” на суд Совета по делам прессы с тем, чтобы добиться восстановления его репутации, насколько это было возможно.

В указанном случае журналистские методы “Афтонбладет” были такого рода, что заслуживают публичного позора на суде по делам прессы. Это не первый и наверняка не последний раз, когда “Афтонбладет” пренебрегает нормами того, что считается правильным и верным и является хорошим тоном в вопросах качественной журналистики».

Самым сложным было добиться опубликования опровержений в западногерманской прессе. Вероятно, мои письма с опровержениями чаще всего попадали в мусорную корзину, так как я по большей части не получал ответа от редакторов. Также ссылались на информационные агентства, обещали «разобраться», говорили, что был получен материал из «других надёжных источников». Всё это сообщалось мне в личных письмах, в то время как немецкий народ всё ещё был опутан ложным представлением о том, что один еврей занимался мучением немцев.

Однако также и в западногерманской прессе можно было найти исключения. Некоторые газеты открыто заявляли, что допустили ошибку. 16 февраля 1951 г. газета «Хамбургер Эхо» опубликовала статью под заголовком «Банкир мировой революции. От служащего до миллионера. Ашберг финансирует коммунистические партии».

Газета «Хамбургер Эхо» проявила себя как редкий образец честности, когда 27 февраля напечатала большое по объёму опровержение под заголовком «Банкир мировой революции. Нападки на Улофа Ашберга оказались надувательством»:

«16 февраля мы опубликовали статью, которая была передана в наше издательство из бюро корреспонденции. В данной статье шведский банкир Улоф Ашберг был представлен в качестве финансиста европейских коммунистических партий.

Мы получили письмо от одного человека, почитаемого во французском обществе, чья неприкосновенность не подвергается сомнению. Это доказывает, что, опубликовав вышеупомянутую статью, мы пали жертвой жалкой мистификации».

В продолжении статьи газета пункт за пунктом назвала ранее опубликованные данные «редкостными небылицами». В заключении говорилось:

«Мы считаем, что наш журналистский долг — довести до сведения читателей “Хамбургер Эхо” объяснения, данные господином Улофом Ашбергом, и решительно заявить, что, согласно полученной нами достоверной информации, не существует какого-либо повода обвинять господина Ашберга, который сейчас, в возрасте 73 лет отошёл от дел и живёт на юге Франции. Мы будем требовать разъяснений о том, откуда статья “Банкир мировой революции” была прислана в бюро корреспонденции. Как бы то ни было, крайне прискорбно, что человек, не заслуживающий подобного обращения после многих лет плодотворной работы на благо общества, как это следует из представленных нами объяснений, был так несправедливо оскорблён».

Появление нападок на меня в европейской прессе я воспринимал довольно спокойно. Что действительно тревожило меня, так это новая волна антисемитизма

и холодная война, которые стали своего рода почвой для возникновения нападок. Научились ли люди чему-нибудь в результате двух мировых воин и страшных гитлеровских кровопролитий, унёсших жизни миллионов евреев, или этот танец ведьм начнётся снова и человечество будет стёрто с лица Земли?

Цет Хёглунд рассказывает в своих мемуарах о том, как однажды бургомистр Карл Линдхаген сказал ему: «Ты слышал, что Пальмшерна пишет дневник? Будет лучше всего, если сейчас мы все начнём вести дневники».

Когда в начале 1950-х гг. начали публиковать дневники барона Пальмшерна, то даже я обнаружил, что совет Линдхагена будет полезным! В книге Пальмшерна «Некоторые особенности» (1950 г.) я нашёл одно место, с содержанием которого я был вынужден не согласиться, поэтому я отправил в прессу опровержение:

«Я прочёл книгу барона Эрика Пальмшерна “Некоторые особенности” и был удивлён тому, каким образом писатель относится к своим современникам. Я ожидал чего-то большего. Я ожидал, что за период долгого общения с ведущими политическими личностями нашей страны господин Пальмшерна что-то почерпнёт и осознает. В этой связи мне хотелось бы всё-таки возразить на неправдивые заявления господина Пальмшерна.

На странице 65 он пишет: “Рюден свернул с пути, когда искуситель Ашберг, „Новый банк“, „Зенно“ и „Свенск импорт“ привлекли его к приобретению, исходя из экономического положения, которое могло обеспечить им влиятельное положение, но стало его несчастьем. Эта неудача очистила его”.

Правда заключается в том, что на тот момент я уже оставил дела в банке по причине доклада, с которым я выступил в Хорнсбергс хаге и из-за которого я и “Новый банк” попали в чёрный список. Только после этого Вернер Рюден позволил себе последовать за этими аферистами, которым я отказал выдать кредит в банке. “Свенск импорт” был как раз таким предприятием. Позже именно руководство депутата риксдага Отто Валлена, питавшее симпатию к нацистам, привело Рюдена и других к беде.

Париж, октябрь 1950 г.
Улоф Ашберг».

«*Открытое письмо барону Эрику Пальмшерна*

Согласно полученным мною сообщениям, во второй части Ваших мемуаров Вы вносите свой вклад в шведскую историю: “Наши фантастические большевики едут на моторных лодках к „красным“ в Финляндию и везут с собой оружие. Викман, будучи в курсе дела и посредством члена городского муниципалитета Анны Юханссон, приютившей часть из них в Бромме, донёс мне, что участок земли в Сальтшёбадене, принадлежащий Улофу Ашбергу, станет стартовой площадкой для этой экспедиции. Правда ли это? В это время происходит множество удивительных вещей, и у Ашберга имеется много интересов в большевистской России, которые ему нужно защищать”.

В первой части Ваших мемуаров Вы делаете из меня козла отпущения в отношении так называемого “скандала с тюленьим мясом” — сделка, для проведения которой я, будучи исполняющим обязанности директора в “Новом банке”, отказывал в выдаче кредита, но которая была осуществлена после моего ухода из банка.

Во второй части Вы подозреваете меня в занятии контрабандой оружия. Как правило, писатели мемуаров рассказывают о том, что они пережили и чем действительно занимаются, но Вы не пишете об этом. Сперва Вы сообщаете публике сенсационную новость и в то же время спрашиваете: правда ли это? Ответ таков: это неправда! Я не проводил ни одну сделку с Россией, будь то в царские времена, период правления Керенского или в советский период, не получив на то согласия шведского правительства.

Если бы во время Гражданской войны в России действительно происходила отправка контрабандного оружия на моторных лодках с одной из хорошо обозримых лодочных пристаней в Сальтшёбадене, то Вам, учитывая занимаемый Вами пост Морского министра Швеции с 19 октября 1917 г. по 10 марта 1920 г., следовало бы вмешаться.

Париж, 26 октября 1953 г.
Улоф Ашберг».

Спустя несколько дней от барона Пальмшерна пришёл ответ, в котором он взваливает вину на других, но оставляет некоторый туманный намёк:

«Господин редактор!

Около недели тому назад в “Моргон-Тиднинген” было опубликовано письмо банкира Улофа Ашберга, написанное им по случаю недавнего выхода моих дневников, описывающих события 1917–1919 годов. Я прошу опубликовать нижеследующий ответ:

Шуточный образ господина Ашберга и гора искушений, окружённая партийными лидерами в 1920 году, стали выражением всеобщей веры в него. Полиция была уведомлена о транспортировке оружия для большевиков. Как следует из текста книги “Беспокойное время. II часть”[3] на странице 343, обвинение Вам представил кассир Социал-демократической партии, но я в этом сомневаюсь, хотя дело, возможно, и стоило расследовать, так как “в это время происходит множество удивительных вещей…”

Юэлм, Англия, 2 ноября 1953 г.
Эрик Пальмшерна».

Нет, на самом деле я не занимался контрабандой оружия. Напротив, планы по доставке контрабандного оружия так называемым «белым» в Финляндию, как кажется, стали главной проблемой в деятельности барона Пальмшерна. У него, однако, возникли некоторые опасения из-за позиции рабочих. 5 февраля 1918 г. он сделал следующую запись в своем дневнике:

«Все они придерживались мнения о том, что перевозка по железным дорогам на север вызовет волнения, поэтому она была отменена. Повсюду заметно проявляется солидарность рабочих, несмотря на то, что финские злодеи вызывают неприязнь. Херман Линдквист стал красным как рак, сидя на месте спикера парламента и слушая, как я выношу предложение о предоставлении белым поддержки в виде

[3] *Palmstierna E.* Orostid: Politiska dagboksanteckningar. 1917–1919. II.

передачи оружия: “Как вы можете думать о том, чтобы стрелять в финских рабочих?” — вскипел он».

Таким был Херман Линдквист, и он выразил именно то, что думали шведские рабочие. Барон Пальмшерна, напротив, был готов прибегнуть к нарушению закона ради того, чтобы прийти на выручку белым. 31 января им была сделана запись: «Между тем я, пожалуй, закрою глаза, если произойдёт доставка контрабанды (белым)». Учитывая описываемые им далее события, он так и сделал.

28 февраля он сделал отметку в дневнике о том, что Хелльнер выполнил просьбу Грипенберга о предоставлении 10 пулеметов, 2000 винтовок, а также 100 000 патронов и 50 000 ручных гранат. Это дело провернул барон Пальмшерна, сообщив, что он, не уведомив об этом правительство, дал заблаговременное обещание Белой гвардии, базировавшейся на острове Эккерё, вернуть оружие, отданное ими при всеобщем разоружении.

Фантазии об убийствах, содержащиеся в дневниковых записях Пальмшерна, также производят удивительное впечатление. Такие виды терроризма, как, например, покушения на убийство политических противников, согласно принципам мирового рабочего движения, отвергаются. Их также не приемлют большевики и социал-демократы из-за аморальности и нецелесообразности данных методов. Барон Пальмшерна тем временем, как кажется, придерживается иной точки зрения. 23 апреля 1918 г. он оставил запись в своём дневнике:

«Русский министр Гулькевич, который присутствовал на одном из “вторников”, устраиваемых моей женой для дипломатического корпуса, был немало заинтересован в том, чтобы донести сообщения из России. Это выглядело так, будто большевики решили примириться со старой системой и воспользоваться её людьми.

Я рассказал Г. о том, что когда Ленин в своё время был проездом в Стокгольме, то я тут же об этом узнал и позвонил Бр[антингу]. Я сказал ему: “Ты ведь знаешь Керенского. Передай ему, что Ленин прибудет следующим поездом. Когда он будет пересекать границу, то должен быть застрелен или схвачен и посажен в тюрьму. Телеграфируй ему”. Брантинг только рассмеялся и ответил: “Ты совсем свихнулся. Так не делается”.

Тогда я закричал в трубку: “Ты старый либерал и восьмидесятник, сейчас нужен человек, который осмелиться действовать!”. Хохоча во всё горло, Бр[антинг] повесил трубку. В отличие от него, Гулькевич понял ситуацию и сказал со слезами на глазах: “Мой дорогой барон, судьба России в Ваших руках”. Представьте, что было бы, если бы Бр[антинг[послушался моего совета!!»

Таким образом барон Пальмшерна закончил дневниковую запись и подчеркнул своё волнение двумя восклицательными знаками.

Несомненно, Брантинг по-своему боролся с большевиками, но его руки оставались чистыми. Для него не существовало понятия убийства из-за угла. Он вёл себя по-рыцарски и мог высоко оценить силы противника. После смерти Ленина, 22 января 1924 г. Брантинг рассказал газете «Фолькетс Дагблад Политикен» о своей встрече с Лениным в Копенгагене в 1910 г. В тот раз Брантингу удалось лишь поверхностно узнать Ленина. Он особо отметил, что на первом этапе революции осуждал Ленина, а затем добавил:

«Тем временем оказалось, что он (Ленин) знал свой народ лучше многих, которые судили о происходящих событиях, основываясь на западную точку зрения. Не-

возможно переоценить значимость Ленина для русской революции. Он совершил большой исторический поступок, стараясь посредством грубой борьбы очистить страну от пережитков прошлого. Его действия были особенно жестокими на первом этапе большевистской революции. Позже в силу обстоятельств были предприняты некоторые вынужденные изменения.

Большая заслуга Ленина состоит в том, что он ранее остальных осознал необходимость в разумном приспособлении к сложившимся обстоятельствам. Крестьянские массы, оказывавшие доминирующее влияние на тело государственного организма, и в общем коалиция крестьян и рабочих требовали этих перемен. Данная коалиция была необходима, народ стремился к её созданию. В процессе изменений он также умело применил марксистскую теорию. Изначально Ленин был марксистом, но вдохновлялся скорее работами не старого, а молодого Маркса в духе 1848 года.

Свершённое Лениным навсегда останется одним из важнейших событий нашей эпохи. Останутся значимыми его прямолинейность и его бесцеремонная любовь к социальной революции».

Барон Пальмшерна питал отвращение к большевикам и боялся, что они могут убить его. Он беспокоился также и о безопасности Брантинга, поэтому проследил за тем, чтобы к нему была приставлена полицейская охрана на случай возможного нападения со стороны большевиков. Он строил свои опасения на основании сведений, полученных из вторых рук. Дело было в том, что русский министр Гулькевич рассказал Пальмшерна, что министр иностранных дел при правительстве Керенского Терещенко сообщил, что американский консул Поалей, прибывший из Москвы, сказал, что большевики собираются убить Брантинга.

Несомненно, Яльмар Брантинг подвергался множественным угрозам, в том числе и угрозам его жизни. Но эти угрозы исходили от реакционеров в Швеции, а не извне. Он даже сохранял письма с угрозами, так как считал, что они имеют историческую ценность. Анна Брантинг пишет в своей книге «Мой долгий путь», что «нам с Яльмаром всегда приходилось быть начеку, если они поздно возвращались домой, так как они опасались, что какой-нибудь сумасшедший может перейти от угроз к действию. Мы то и дело получали подтверждения того, что эти опасения не были лишь плодом их воображения. Действительно были люди, которые заплатили бы за то, чтобы Яльмар получил выстрел или удар ножом в спину. Во время его последней болезни случилось даже так, что один господин, занимавший высокое положение в обществе, сказал одному из его врачей: “Раз вы заботитесь о Брантинге, то вы можете дать ему что-нибудь такое, после чего мы наконец избавимся от него”».

Анна Брантинг пишет далее: «Сам доктор не говорил об этом, но власть имущие ходили вокруг и хвастались тем, что он сказал это. Конечно, не было и речи о том, что он поверит в то, что этому совету кто-то последует, но то, каким беспощадным был образ подобных мыслей, было хорошим отражением мировосприятия, свойственного определённой категории политических противников Яльмара».

От критичного барона Пальмшерна никто не получит милости. В его книге «Некоторые особенности», содержащей ряд портретов современных исторических лиц, есть также и сочинение о Яльмаре Брантинге. Он благосклонно признаёт имеющиеся у Брантинга определённые положительные качества, но в то же время даёт

понять, что за невероятной предприимчивостью Брантинга (намекает барон) стояли другие люди.

Он пишет: «В рамках международной политики, бесспорно, он оказывал большое влияние и с завораживающей смелостью высказывал своё мнение, но проявляемая им прогрессивная инициатива, как правило, привносилась другими людьми. Он брал на своё попечение представленные проекты и идеи, придавал им форму и вёл далее судно, нагруженное предложениями и замыслами, сквозь труднопроходимые воды противоречий». Брантинг изображается как малообразованная личность, «он едва ли соответствовал своему времени, исходя из социально-экономического понимания. Скорее он был хорошим слушателем и был в состоянии быстро усвоить тему разговора в кругу специалистов».

И вице-спикера Хермана Ламма, и Рауля Хамильтона барон Пальмшерна описывал следующим образом:

«Во время правительственного кризиса Херман Ламм и Рауль Хамильтон пришли вместе к королю с тем, чтобы дать ему совет. Никто не мог быть лично более безразличен, чем эти двое: еврей и католик».

Барон Пальмшерна дружелюбно похлопывает Ф.В. Торссона по плечу, но в то же время обращает внимание на то, что «принадлежность к низшему сословию была очевидна» и что «он стыдился того низкосословного качества, которое было в нём». Он свирепствует против «компании Пера Альбина-Энгберга», а Рикард Сандлер узнает из дневников, что «он ведёт совершенно ограниченное существование и, какой бы одарённой рабочей машиной он ни был, он не постигнет и не осознает связи вещей».

Я понимаю Карла Стаафа, который в 1910 г. при переходе Пальмшерна от либералов к социал-демократам высказался так (согласно тому, что Линдхаген рассказал Хёглунду): «Как чудесно было избавиться от этого павлина».

20 октября 1918 г. барон Пальмшерна записал в дневнике: «Угроза, исходящая от большевиков, становится всё очевиднее. Здесь, на родине, предпринимаются меры предосторожности. Ашберг — загадочная фигура — устраивает в Стокгольме торжества в честь русских большевиков. Халльгрен, начальник полиции города, присутствует на всех их мероприятиях».

Да, в то время дела так и обстояли. Я трудился с целью установления благоприятных торговых отношений между новой державой на востоке и нашей страной. Я успешно начал работать в этом направлении при царском режиме. Я был уверен в том, что новый режим стабилизируется и будет прочным. Поэтому я посчитал, что Швеции следует как можно быстрее восстановить дипломатические отношения и договориться о начале плодотворного товарообмена между странами.

В моей книге «Странствующий еврей с Гласбрюксгатан» я уже описывал, как после переговоров с Яльмаром Брантингом и с его одобрения я в компании со Стеном Стендалем, оптовиком, депутатом риксдага и одним из лидеров правой партии, отправился в 1920 г. в Копенгаген. Там мы провели переговоры с полномочным представителем Советского Союза Максимом Литвиновым о возобновлении торговых связей между Швецией и Россией при условии, что Советский Союз признает старые долги и возместит шведам убытки, полученные в результате революции в России.

Наши переговоры увенчались успехом. 4 февраля 1920 г. Литвинов сделал письменное заявление о том, что советское правительство в качестве основы для последующих дискуссий о налаживании нормальных отношений между советским правительством и Швецией, готово:

– возместить шведскому государству урон, нанесённый шведскому посольству и консульству в России;

– предоставить шведским гражданам и фирмам денежное возмещение за реквизированное или конфискованное имущество в размере 10% от стоимости имущества на момент конфискации;

– вернуть шведским гражданам товары, приобретённые в России с целью последующего экспорта, или предоставить денежное возмещение за эти товары;

– предоставить в распоряжение шведских граждан их активы, хранящиеся в русских банках.

Брантинг был приятно удивлён, когда получил данный документ. В Швеции появилась возможность привезти на родину крупное состояние. Шведские требования к России дошли до сумм гигантских размеров. Одно только национализированное шведское имущество в России, по оценкам, достигло нескольких сотен миллионов крон. Вопреки расследованиям мне, к сожалению, не удалось выяснить точные цифры, поскольку на документах стояла печать секретности. Ни Стен Стендаль, ни я не могли представить себе, что Швеция упустит из рук такой шанс.

Денежная помощь большевиков друзьям партии в Швеции и за её пределами

Перевод А.Б. Гехта

В переводе представлена глава из книги А.С. Кана «Домашние большевики. Шведская социал-демократия, большевики и меньшевики в I мировую войну и революционные годы 1914–1920»; перевод выполнен со шведского издания «Hemmabolsjevikerna: den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker under världskriget och revolutionsåren 1914–1920». Stockholm, 2005. S. 394-401. Сохранено авторское оформление сносок.

Субсидии большевиков, выплачиваемые для поддержки их сторонников в Швеции, не были отражены в потоке проводимых ими банковских сделок. Деньги поступали от шведских акционерных обществ, отдельных предпринимателей и служащих в советском представительстве. Первой заметной акцией большевиков в поддержку международного движения по борьбе против империализма и движения за мир стало ассигнование в размере 2 млн. рублей.

Декабрьский декрет от 28 декабря[1] был обнародован сразу же после его подписания Лениным и Троцким и впоследствии обсуждался в шведской прессе и несколько раз перепечатывался.

Размер ассигнования практически достиг 1 млн. шведских крон, между тем его реальная ценность снизилась вследствие падения курса рубля. Очевидно, однако, что этот щедрый дар не дошёл до шведских партийных товарищей.

В феврале 1918 г. в своём письме к Мари Нильсен Линдерот писал: «Правительство большевиков выделило 2 млн. рублей для проведения революционной пропаганды за границей. Мы начали думать, что это была фантазия Радека. Ни Воровский, ни Балабанов не получали каких-либо известий из Петрограда за исключением той телеграммы, которая была напечатана в прессе»[2].

1 марта 1918 г., сразу же после возвращения из России, Фридрих Платтен отправил из Цюриха письмо Балабановой:

---

[1] Ленин подписывает «Декрет о расширении финансовых прав Петроградского городского общественного управления» и даёт указание секретарю СНК Н.П. Горбунову направить его в печать. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 260–263. — *Прим. А.Б. Гехта.*

[2] Björlin i Guldet fra Moskva. S.50.

«Я хотел бы попросить Вас подумать о нашей молодёжи. Они приходят ко мне раз за разом и просят хотя бы уменьшить нагрузку. Вы смогли бы довести дело до конца. Я сожалею, что, несмотря на твёрдое обещание Ленина и Троцкого, отказался ради приличия принять то, в чём мы так настоятельно нуждаемся» [3].

Спустя месяц Балабанова направила письмо международному бюро молодёжи в Цюрихе, где следующим образом обосновала ассигнование бюро, запрашиваемое у Циммервальдской комиссии:

«Мы сомневаемся, что сумма, обещанная русскими, при содействии товарища Платтена может быть доставлена в срок, учитывая то, что технические проблемы препятствуют исполнению обещания в отношении высылки тех денег, которые ВЦИК выделил в целях поддержки социалистического [пропуск в письме]»[4].

Определённые циммервальдские группы и их участники страстно желали получить обещанные русскими деньги. Уже в ноябре 1918 г. швейцарка Роза Блох в своём письме к заместителю Балабановой в Циммервальдской комиссии, Хёглунду, с долей злости сообщает: «Здесь все словно обезумевшие ищут эти русские миллионы, хотя их так никто и не видел, и мы тоже».

Принимая во внимание повторяющиеся в шведской прессе кампании, направленные против печатных изданий Левой социал-демократической партии Швеции (в январе, августе и ноябре 1918 г.) «в отношении тех самых двух миллионов»[5], является очевидным, что демонстративное ассигнование 1917 г., предпринятое Лениным и, в первую очередь, наркомом иностранных дел Троцким, в любом случае нанесло ущерб большевикам, находящимся в Швеции. Советские лидеры больше никогда публично не выделяли деньги для проведения пропаганды за границей.

Левая партия и её союз молодёжи постоянно нуждались в деньгах. Финансовое положение только что образованной партии было крайне слабым. Партия была вынуждена занять деньги у более сильной Социал-демократической партии Финляндии (СДП). 1 июня 1917 г. рабочая комиссия Левой партии поручила Чильбуму за время участия в конгрессе Социал-демократической партии Швеции добиться получения займа для погашения долга в размере 5000 крон[6].

Эти деньги главным образом покрыли бы расходы на участие в международных конгрессах, а также расходы на проведение избирательной кампании. 27 июня 1917 г. руководство финской партии одобрило выдачу займа Левой партии Швеции: Юрьё Сирола (по доверенности Карла Харальда Виика) должен был доставить деньги шведам в Стокгольм[7]. Финские партийные сбережения хранились в «Новом банке» Ашберга, который обслуживал рабочее движение. В декабре 1917 г. Чильбум и Хёглунд получили новый заём от финнов в размере 25 000 крон с целью предоставления помощи печатному органу Левой партии, газете «Фолкетс Дагблад Политикен»[8].

---

[3] ARAB, Z. Höglunds saml. Vol.6. Plattern till Balabanova 1 mars 1918.

[4] ARAB, Z. Höglunds saml. Vol.6. Balabanova till ungdåmsinternationalens byrå, den 28 mars 1918.

[5] ARAB, Z. Höglunds saml. Vol 3.1:5 Rosa Bloch till Z.Höglund 23 november 1918.

[6] ARAB, SSV.-saml. A2:1, AU mötets protokol från den 1 juni 1918.

[7] ARAB Stockholm, Kopiesamlingar, K.H. Wiiks dagboksanteckningar 27 och 30 jini, 5 och 25 juli 1917.

[8] Senast Seppo Hentilä, «Gäst i revolutionsland. Sveriges arbetarrörelse och det finska inbördskriget»,1985. S.18.

Вопрос о предоставлении большевиками финансовой помощи партийным товарищам в Северной Европе в последний раз поверхностно затрагивался Ларсом Бьёрлином в изданной в Дании книге «Золото из Москвы». В общем и целом следует согласиться с исходным предположением Бьёрлина: «…также очевидно, что уже в 1918 г. шведская партия ожидала получения финансовой помощи напрямую от русских большевиков для поддержки политической деятельности партии»[9].

Однако, согласно дневниковым записям финского шведа, социал-демократа Карла Вийка, во время своей первой «красной поездки» в Петроград Чильбум и Хёглунд не получили денег, которые совершенно точно были предназначены для их партии[10]. Но снова из разумного предположения Бьёрлина следует, что «при имеющихся у левого крыла Социал-демократической партии Швеции контактах с большевиками» СДПШ посредством инвестиционного сберегательного счёта получила финансовую помощь от большевиков из России. «Обычно левое крыло шведской партии обсуждало свои финансовые связи с большевиками на заседаниях совета директоров. Но когда это происходило, обсуждения не вносились в протокол. Вероятно, эти вопросы рассматривались в очень узком кругу партийного руководства». То же самое пожилой Отто Гримлунд рассказывал историку Карлу Георгу Андрэ. «О таком ведь нельзя писать в протоколе», — говорил он[11].

Не стоит всё же воспринимать эту цитату как указание на то, что Левая партия стыдилась принять деньги большевиков. Как писал Хёглунд, 4 января 1918 г. глава «Фолкетс Дагблад Политикен» выражал надежду на то, что русская революционная демократия протянет свою щедрую руку помощи международному социалистическому движению. То, как Хёглунд и его единомышленники из Левой партии выражали своё отношение к данному вопросу, заслуживает цитирования:

«Мы скорее состоим в союзе с русскими рабочими и крестьянами, с революционным пролетариатом, чем с капиталистическим, военным, предательским, эксплуататорским классом здесь на родине. Поэтому мы открыто признаём, что находим значимым и высокочтимым этот яркий знак признательности, который передовые отряды социальной революции адресовали своим товарищам в других странах».

Вышеприведённая цитата заполняет определённый пробел в «Золоте из Москвы». Согласно Хёглунду, получение русских денег могло произойти только при одном условии: «их использование в соответствии с указанной целью проведения пропаганды» и их возможное распределение «посредством какой-либо международной социалистической комиссии». Другой лидер Левой партии, Гримлунд, был склонен к такому же принципиальному признанию вероятной денежной помощи от русских: «…если бы нам предложили помощь для проведения агитации и пропаганды, мы, разумеется, не отказались бы от неё» (цитата из газеты «Сконска Фолькбладет» от 12 сентября 1918 г.).

Оставаясь верными своему мнению, как во время первой, так и во время второй «красной поездки», лидеры Левой партии получили деньги для Циммерваль-

[9] Guldet fra Moskva. S.50.

[10] Karl H. Wiiks dagbok från storstrejken till uppropet 1917+1918, utg. Av Sven Lindman, Åbo, 1978. S.90.

[11] Guldet fra Moskva. S.48–49.

да. Таким образом, 23 декабря 1917 г. Хёглунд в своём докладе рабочему комитету партии доложил:

«…была также исполнена часть поручений в счёт Циммервальда, в частности от русских присоединившихся партий в отношении требований комиссии. Было дано обещание о предоставлении крупного ассигнования, которое способствовало бы осуществлению более масштабной деятельности»[12].

Для финских партийных товарищей, которых также просили предоставить денежную помощь, было сделано уточнение о том, что деньги получены только для Циммервальда. Тот факт, что во время второй «красной поездки» на инвестиционный сберегательный счёт поступило 100 000 рублей, не упоминается ни в процитированном письме Линдерота к Мари Нильсен, ни в запротоколированной части доклада Хёглунда от 1 марта 1918 г.[13]

В обширном исследовании Бьёрлина рассматривается шведское коммунистическое движение в течение всего советского периода. Тому отрезку времени, на который мы обратили внимание, главным образом на управление ассигнованием Коммунистического Интернационала, Бьёрлин посвящает лишь пару страниц и основывается на единственном первичном источнике, а именно письме Линдерота к Мари Нильсен от 5 февраля 1918 г.[14]

Ниже цитируется продолжение письма от главы экономического отдела газеты Чильбума к Стрёму, написанное в июле 1918 г. Помимо экономических привилегий для прессы Левой партии, которые были обещаны во время «красной поездки» в Москве, фактический отправитель письма говорит об острой нужде высшего органа власти. Чильбум пишет:

2) Это ведь сделки! […] Финны также получили бы некоторые деньги от этого. Это более личное дело. Неудобно писать об этом.

3) Конечно, от Ашберга был получен заём, но вместе с тем нам следует быть экономными. Пока типография не будет готова, у нас будут большие расходы. Нам также необходимо организовать типичное типографское заведение. Вы увидите, как оно высосет деньги, и 25 000 для ежедневной газеты — это, на самом деле, гроши. В следующем году нам также необходимо получить субсидию минимум в размере 25 000, учитывая наши теперешние планы по расширению. […] Если досталась монетка, то нельзя впадать в манию величия, нужно думать о будущем. Это экономически разумно. Через пару лет появится новая пресса, тогда и наступит покой, наступит неизбежно.

4) Тираж упал! Да, к сожалению! На самом деле, это ведь естественно. Разумеется, мы проведём агитацию. Однако нужно принять во внимание то, что народ отупеет, если мы будем слишком часто кричать и призывать их к чему-то. А мы в действительности много кричали после перепланировки. Людям в провинции нужно иногда давать время для отдыха. Но, как я уже сказал, мы проведём агитацию, когда у нас будет собственный дом и готовая типография. Между тем ка-

[12] ARAB, SSV.-saml. A2:1, ur sammanträdets 23 deember 1917 protokoll.

[13] ARAB, SSV.-saml. A2:1.

[14] Karl H. Wiiks dagbok från storstrejken till uppropet 1917+1918, utg. Av Sven Lindman, Åbo, 1978. S.90, 130.

жется, что возникнут определённые трудности с прессой. Хотелось бы получить компенсацию в виде драгоценных металлов, но всё ещё неясно, согласится ли на это Торговая комиссия, пока не слишком поздно. При этом я сделал что мог, после того как вернулся домой. Полагаю, что дела в газете пошли бы лучше, если бы можно было делать местный репортаж. В этом отношении многое должно быть сделано. С точки зрения освещения внешней политики газета довольно хороша. Ах, если бы только она была так же хороша с точки зрения освещения новостей внутренней политики.

5) Публикации: все партии [стороны?] имеют меньшее количество газетных публикаций в сравнении с социал-демократами. Июль тоже плохой месяц. Между тем необходимо принять на работу мужчину вместо фрёкен Брурссон. Это нужно сделать осенью. Социал-демократы тоже не располагают многим — в любом случае у них нет таких больших средств, как можно было бы подумать, зная, что им уже 30 лет. Сравнение с «Дагенс Нюхетер» и «Свенска Дагбладет» всегда неудачно.

6) На встречу с руководством в полном составе мы решили пригласить Хедена и Линдхагена вместе с Карлесоном. Посмотрим, что мы сможем сделать. Разумеется, нам нужно быть с ними осторожными, но с другой стороны, мы должны выражать ясность, в противном случае наша предприимчивость будет уничтожена.

7) Прискорбно, но, насколько мне удалось выяснить, в возникающей путанице в девяноста случаях из ста виноваты провинциальные жители. Пример: они не отправляют доверенности, спецификация плательщиков, когда один человек шлёт деньги нескольким и так далее. Позже это привело к небывалой путанице, что было хуже всего. И все забыли, кому в декабре 1917 года «Андерссон» высылал доверенности. Неясные адреса, отсутствие печатей, неразбериха с платой по свидетельствам на акции и тому подобное в действительности является привычным делом. Но, разумеется, это наш промах, когда впоследствии они не получают квитанции.

С 1 февраля для того, чтобы помочь фрёкен Олин, у меня появилась одна женщина [лист 5], способная и добросовестная. Они прошли через всё. Я сам тоже вмешивался в каждое трудноразрешимое дело. И нужно сказать: в большинстве случаев это была вина рисовальщиков. Но постепенно всё, конечно, должно наладиться. Трата длительного времени на проведение платежей тоже является помехой. Этот опыт пригодится нам для следующего раза.

8) Сделайте собственное конкретное предложение по вопросу об общескандинавском бюро [печати]. Но никаких фантазий, трезво и холодно. Это ускорит решение вопроса. Таким образом, мы можем попытаться реализовать это, когда вернёмся, вы — из отпуска, а я — из России. Официально это должно быть подчинено Samköp[15]. Собственный представитель — это первая предпосылка.

9) Уже давно в каждый муниципалитет и клуб мы написали письма, в которых рассказывали о газете. Но пока наша газета не готова, рабочие любят социалистическую «Дагенс Нюхетер». Они читают газеты не из чувства солидарности, а из-за

[15] Samköp — (швед. дословно «совместная закупка») процесс, при котором объединяется большая группа людей для ведения переговоров по установлению более низкой цены на товары или на проведение сделок. На данном принципе основывается работа потребительских кооперацией. — Прим. А.Б. Гехта.

их содержания, потому что в глубине души шведские рабочие — это такие же важные буржуа, прежде всего их супруги, как и само название «буржуа»[16].

В длинном письме Чильбума не содержатся какие-либо прямые доказательства существования советского ассигнования, но в нём прослеживаются каналы, по которым была предоставлена финансовая помощь. Первым и прямым указанием на это был перевод денег во время «красных поездок», в данном случае финских денег, которых было в достатке у финского эмигрантского руководства в течение первого времени после их бегства из России[17]. Рабочая комиссия Левой социал-демократической партии Швеции на заседании 15 июня 1918 г. поручила Чильбуму «наладить экономические связи с финской партией».

Как следует из процитированного письма Чильбума (пункт 3), он сам должен был доставить деньги из Петрограда в Стокгольм. Затем ЛСДПШ получила свой третий заём в размере 180 000 крон в «Финском комитете» в Стокгольме[18]. По совету Чильбума 1 ноября 1918 г. 100 000 крон были переданы в «Шведское экономическое акционерное общество» Улофа Ашберга. Зимой 1918/19 г. он на всю сумму приобрёл в Финляндии русские рубли, но они были конфискованы финскими властями. Ашберг пообещал возместить убыток[19]. Согласно исследованию Бьёрлина, заём, выданный финнами, был выплачен шведской, теперь коммунистической, партией только в 1921 г. при поддержке Интернационала[20].

Вторым каналом, по-видимому, было только что открытое «Шведское экономическое акционерное общество» Ашберга, созданное для продолжения сотрудничества и расширения его экономический связей с Советской Россией[21]. Как впоследствии утверждали шведские критики Ашберга, уже в сентябре 1918 г. Советское государство стало фактическим обладателем контрольного пакета акций «Экономического общества»[22].

Летом и осенью 1918 г. Ашберг помог русским обменять крупные партии рублей на западную валюту, не вызвав при этом видимого интереса к новому акционерному обществу со стороны полиции. Позже в Таллинне советская торговая делегация назначила именно «Экономическое акционерное общество» в качестве своего финансового представителя[23]. В 1920-е гг. Ашберг, с одной стороны, помогал в организации банковского дела во времена рыночной экономики НЭПа, а с другой стороны, продолжал выдавать кредиты своим друзьям в Коммунистической партии Швеции и их главному печатному органу, газете «Фолкетс Дагблад Политикен», в ряде случаев не требуя за них выплаты[24].

---

[16] GUB H 134:101.

[17] Folkarkivet Helsingfors, microfilm 74, «Suomen kansanvaltuuksunnan pöytäkirja», det finska röda regeringens mötetsprotokoll 28 mars 1918.

[18] Tauno Saarela, Suoma lommunismin synty 1918–1923, Helsinki 1996. S. 107; Björlin i Guldet fra Moskva. S.50

[19] RGSAPI, Finska kommunistpartiets saml.516, fört.2, dos.14, ark.83, 104+108.

[20] Björlin i Guldet fra Moskva. S.247.

[21] Enligt Olof Ascberg, En vandrade jude. S.148.

[22] Per Granskare, Allmänna sparbanken. Närgången titt bakom kulisserna, Stockholm 1930. S.13–14.

[23] Enligt Olof Ascberg, En vandrade jude. S.182; Georgij Solomon:Sredi krasnych vozjdej, Moskva, 1995. S.305.

[24] ARAB, Z. Höglunds saml. Vol 3.1:2б Ascberg till Höglund15 november 1924.

Третьим указанием на каналы помощи стал тот факт, что, пока продолжалась мировая война и блокада, шведские большевики получали выгоду при покупке дефицитных полиграфических товаров, что должно было облегчить положение всей левой социалистической прессы. В первой половине и летом 1918 г. (не позднее 22 августа) эти вопросы несколько раз поднимались на собраниях рабочей комиссии ЛСДПШ, что привело к появлению определённых разногласий как со шведскими властями, так и с советским ведомством и дало скудные результаты[25].

Четвёртым, также непрямым каналом помощи стало посредничество русских новостей в деятельности «Фолкетс Дагблад Политикен» на выгодных условиях. Их телеграфирование происходило бесплатно. Например, уже первые телеграммы с интервью, которые Хёглунд отослал в «Политикен», были бесплатно отправлены русским телеграфом[26]. «Здесь мы не принимаем во внимание ту любезность, с которой были встречены иностранные путешественники во время “красных поездок”, и полученные ими привилегии в Советской России: без того нахождение и перемещение иностранцев по стране, охваченной гражданской войной и голодом, было совершенно невозможным, даже если буржуазная пресса, по всей видимости, переоценивала факт благоприятного пребывания лидеров ЛСДПШ в русских столицах»[27].

Как бы то ни было, в 1918 г. процветала как партийная газета, так и её небольшое издательство. «Мы видим, что все эти новые газеты образуются согласно экономически выгодному принципу», — говорил Хёглунд на заседании 21 марта 1918 г.[28] Шведские власти — Министерство иностранных дел, сам министр иностранных дел Хельнер и полиция — выразили подозрения в отношении русских субсидий, предоставленных прессе.

17 ноября 1918 г. в Стокгольме шведское Министерство иностранных дел информировало посла Норвегии о том, что, несмотря на размещение советских вкладов в шведских банках в размере нескольких миллионов, всё же отсутствуют прямые доказательства предоставления более крупных субсидий для проведения большевистской пропаганды в Швеции[29].

В данное время известно лишь о единственном менее крупном ассигновании в размере 100 000 крон, предоставленном для газет левого социалистического толка. Было установлено, что дела газеты «Норршенсфламманс» (г. Люлео) внезапно начали процветать весной 1918 г. Волнения читателей газеты по поводу предоставляемой помощи были рассеяны заявлением, в котором говорилось, что «деньги поступают из другого источника»[30].

---

[25] ARAB, SSV.-saml. A2:2, SSV handelsekommissionens brev «Till Ryska Rådsreringe», 24 augusti 1918.

[26] ARAB, SSV.-saml. A2:1, AU protokolet från AU sammanträdet 23 december 1917.

[27] Tora Garm, I bolsjevismens Petrograd, Stockholm 1918. S.58, 66.

[28] ARAB Stockholm SSV.-saml. A2:2.

[29] RA Oslo, UD vol.5897, bind I, det norska sändebudt till sitt UD 17 november 1918.

[30] Riksarkivet Stockholm, SPB F1B1, dossier 666.

О.Б. Озеров

ГИБЕЛЬ «КРАСНОГО ПАШИ»

Озеров Олег Борисович — заместитель директора Департамента Африки МИД РФ, посол РФ в Королевстве Саудовская Аравия (2010–2017)

В данном кратком исследовании речь пойдёт о Кариме Хакимове — трагической и выдающейся фигуре российской дипломатии периода СССР, в судьбе которого отразились и преломились все противоречия советского внешнеполитического курса периода 20–30-х годов прошлого века и его непростых взаимоотношений как с народами и правителями Ближнего Востока, так и западноевропейских держав.

Цель этой работы — понять, почему в развернувшейся после Первой мировой войны борьбе за Ближний Восток наиболее яркими фигурами в которой являлись английский авантюрист и разведчик Томас Эдвард Лоуренс[1] (Лоуренс Аравийский), британский аристократ и друг короля-основателя Саудовской Аравии Джон Филби[2] и советский-дипломат Карим Хакимов, в конечном итоге к 1945 г. победил... Рузвельт. Почему Советская Россия и Британия, боровшиеся за умы и сердца народов и правителей обширного региона, которому предстояло стать одним из ключевых «призов» в геополитической борьбе XX в., эту борьбу на том этапе (т.е. в период до Второй мировой войны) проиграли? Британцы — отчасти, поскольку упустили нефть в Саудовской Аравии, а Советская Россия — вчистую (если не считать установления отношений с КСА и заключения пары торговых договоров с ней и Йеменом) и смогла вернуться в регион только в 50–60-е годы XX в. на волне национально-освободительных движений, хотя и опираясь на заделы, созданные в 20–30-е годы.

Чтобы понять истоки происходивших тогда событий и диспозицию основных игроков, обратимся к общеизвестным договорённостям мировых держав, которые стали основой мировой политики на Ближнем Востоке после окончания Первой

---

[1] Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский) (1888–1935) — английский военный разведчик, получивший известность во время Первой мировой войны как руководитель восстания арабов против турок. Также знаменит своей негласной политической деятельностью на Среднем Востоке после окончания Первой мировой войны (*Liddel Hart B.H., Storrs R.* Lawrence of Arabia. L.: Corvinus, 1936).

[2] Гарри Сент-Джон Бриджер Филби (1885–1960) — английский востоковед, писатель, разведчик. Оказал содействие восшествию на престол первого короля Саудовской Аравии Ибн Сауда, а также сыграл значительную роль в получении американской нефтяной компанией АРАМКО концессии в Саудовской Аравии (*Monroe E.* Philby of Arabia. N.Y., 1998).

мировой войны и во многом остаются ею до настоящего времени. Речь идёт о тайных соглашениях между Великобританией и Францией от 16 мая 1916 г., в соответствии с которыми были разграничены сферы влияния между ними, а также Россией, которая должна была стать державой-победительницей и поучаствовать в колониальном разделе региона, если бы в ней не произошла революция октября 1917 г.

Напомним, что по соглашению Великобритания получала территорию, соответствующую современным Иордании и Ираку, а также район вокруг города Хайфа. Франция получала юго-восточную часть Турции, Северный Ирак, Сирию и Ливан. Впоследствии Франция отказалась от обещанного ей Мосульского вилайета и от участия в управлении Палестиной, удовлетворившись частью исторического Леванта. Оставшаяся территория между Средиземным морем и р. Иордан должна была находиться под международным контролем. Каждая из держав имела право определить государственные границы в своей зоне влияния.

Россия должна была получить кусок территории современной Турции по линии Трапезунд – Эрзерум – Ван. Главным же призом должен был стать контроль над Босфором и Дарданеллами и, соответственно, над Константинополем, но поскольку Российская империя после октября 1917 г. развалилась, то не получила ничего и была исключена победителями из их расчётов, да и новый руководитель страны Владимир Ленин сделал ставку на развитие отношений с новой светской Турцией Ататюрка.

Из зон влияния, обозначенных в соглашениях Сайкса – Пико[3], на тот период выпали очень важные куски арабских территорий, показавшиеся тогда победителям в войне не особенно важными. Речь шла, прежде всего, об обширных пустынных просторах сердцевины Аравийского полуострова, где на тот момент ещё не была обнаружена нефть, стратегическая ценность которой влиятельным игрокам казалась весьма и весьма сомнительной. Важным казалось только побережье. На нём располагались немногочисленные, но воинственные племена, которые вели собственную игру. Их Великобритания желала лишь использовать как подсобный строительный материал для обеспечения собственных интересов в этом районе мира. Она не рассматривала их как самостоятельных игроков, а скорее как инструмент выстраивания ими системы сдержек и противовесов в рамках своих зон влияния.

Причём опирались британцы на Аравийском полуострове на тот период (во время Первой мировой войны и до 1924 г.) в основном на Великого шерифа Мекки Хусейна из хашимитской династии, контролировавшего святые места ислама — Мекку и Медину, чтобы расставлять его людей, с которыми были установлены прочные отношения, на правление в отошедших к ним зонах по соглашению Сайкса – Пико.

В Аравии с X в. Великим шерифом титуловался правитель Хиджаза и Мекки, управлявший святыми местами. В мусульманском мире первоначально право на

[3] Соглашение Сайкса – Пико от 16 мая 1916 г. — соглашение, заключённое между правительствами Великобритании и Франции о разделе сфер влияния в Азиатской Турции. Получило название по именам дипломатов, подготовивших проект этого соглашения, — англичанина Марка Сайкса и француза Франсуа Жорж-Пико (Дипломатический словарь. М.: Государственное издательство политической литературы. А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский. 1948). Марк Сайкс (1879–1919) — британский дипломат, писатель и политик. Франсуа Жорж-Пико (1870–1951) — французский дипломат в Бейруте.

этот титул имели лишь потомки Хасана — внука Мухаммеда, однако позднее «шерифами» называли всех потомков пророка Мухаммеда.

Шериф Мекки Хусейн был назначен на свой пост турками-османами в 1908 г., а в 1916 г. принял титул короля. Во-первых, это было сделано потому, что Османская империя, контролировавшая святые места ислама, разваливалась, а во-вторых, он рассчитывал на щедрые обещания англичан, что восстание арабов против Османов будет вознаграждено созданием единого арабского государства под его руководством. В современной Саудовской Аравии подают дело так, что Хусейном двигали «личные амбиции» и именно поэтому он отправил в июле 1915 г. письмо верховному комиссару Великобритании в Египте сэру Генри Макмагону[4], в котором высказал идею англо-арабского альянса для борьбы с Османской империей[5].

Однако Лондон, действовавший через своего агента и авантюриста Лоуренса Аравийского, мягко говоря, делал туманные и двусмысленные обещания (о создании единого арабского государства), которые он не собирался выполнять или выполнять лишь отчасти и таким образом, чтобы это отвечало в большей степени его интересам. Истинными его планами было выполнение соглашения Сайкса – Пико, о котором говорилось выше, руками шерифа Хусейна, и Декларации Бальфура[6] от 2 ноября 1917 г. о создании на территории Палестины еврейского национального очага (она была оформлена в виде письма Министерства иностранных дел Великобритании представителю мощного финансового клана Ротшильдов лорду Уолтеру Ротшильду).

Хусейн, поднявший 10 июня 1916 г. антиосманское восстание, эти реалии полностью осознал уже к 1920 г., когда победителями в Первой мировой войне был свёрстан Версальский договор и места единому арабскому государству в нём не нашлось — регион оказался поделён между англичанами и французами по линиям Сайкса – Пико. Хусейн такой договор отказался подписать. В 1921 г. Лондон предложил Хусейну новый большой договор, предполагавший военное сотрудничество с Великобританией, получение от неё значительных субсидий, а также признание «особых интересов» Лондона в Хиджазе. Но Хусейн уже англичанам не верил и иронично попросил их прояснить, зачем создаётся еврейский очаг в Палестине, на что ответа, естественно, не получил. Его надежды стать королём всех арабов рушились на глазах. Лондон предложил довольствоваться тем что есть и кинул его семье несколько жирных, на его взгляд, кусков.

Как писал известный российский учёный-востоковед А.М. Васильев в своем фундаментальном труде «История Саудовской Аравии (1745–1973)» про период

---

[4] Артур Генри Макмагон (1862–1949) — британский дипломат, в период 1915–1917 гг. занимал пост верховного комиссара Египта. Кроме того, дважды занимал пост главного комиссара Белуджистана (Британская Индия). Наиболее известен по переписке Макмагона — Хусейна и по линии Макмагона между Индией и Тибетом.

[5] *Habib J.S.* Saudi Arabia and the American National Interest an Interpretive Study of Special Relationship. Universal Publishers, 2003. P. 30–31.

[6] Артур Джеймс Бальфур (1848–1930) — английский государственный деятель, лорд с 1922 г., один из лидеров Консервативной партии. В 1887–1891 гг. министр по делам Ирландии, В 1891–1892 и 1895–1902 гг. министр финансов. В 1902–1905 гг. премьер-министр. В 1915–1916 гг. Бальфур — морской министр, в 1916–1919 гг. министр иностранных дел. Явился автором так называемой декларации Бальфура (ноябрь 1917 г.) о создании еврейского «национального очага» в Палестине (Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978).

послевоенного обустройства Ближнего Востока: «У. Черчилль на совещании в Каире (1921 г. — Прим. авт.) определил послевоенную структуру Ближнего Востока. Англичане решили сделать Фейсала, сына шерифа Хусейна, королём Ирака, и вскоре состоялась его коронация, а Абдаллаха — эмиром Трансиордании» (его внук до сих пор правит современной Иорданией. — *Прим. авт.*)» [7].

В эти расчеты и планы вознамерились вмешаться две новые силы: Советская Россия и боровшийся за создание или, точнее, воссоздание своего государства будущий король Саудовской Аравии Абдельазиз бен Сауд, на тот период являвшийся эмиром Неджда.

Советская Россия сразу же после Октябрьской революции заявила о себе как новая пассионарная сила, предложившая миру мессианскую, или, как теперь сказали бы, глобалистскую идею коммунизма — идею братства и равенства угнетённых трудящихся масс всего мира.

Уже 20 декабря 1917 г., то есть всего через два месяца после победы восстания в Петрограде, лидер большевиков В.И. Ленин обратился с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам Востока». В документе говорилось, что арабы, как и все мусульмане, имеют право быть хозяевами своей страны, «устроить свою жизнь по образу своему и подобию»[8].

В Москве на тот момент исходили из того, что ислам наиболее близок к коммунистической доктрине — он провозглашает идеалы равенства, объявляет всех мусульман братьями, взывает к принципам справедливости, предлагает делиться с бедными. Кроме того, на ислам, в отличие от христианства, в Москве смотрели как на религию эксплуатируемых масс, как на форму протеста против угнетения и колониализма, рассчитывали, что на каком-то этапе эту идеологию, соединённую с антиколониальными лозунгами самоопределения народов, коммунистическая идея окажется способной трансформировать или поглотить. Ближний Восток в этом контексте рассматривался как огромный резервуар свежей энергии, которым можно было бы подогревать огромный котёл мировой революции.

Эти воззрения вроде бы подпитывались опытом борьбы с басмачеством в Средней Азии, где часть населения, особенно наиболее обездоленного и люмпенизированного, пошла за большевиками, тогда как правящие круги потеряли свои богатства и власть. Исходя из накопленного и, как казалось тогда, позитивного опыта, а ещё больше из грандиозных планов, в июне 1918 г. в Казани на I Конференции мусульманских коммунистов, организованной Центральным мусульманским комиссариатом, была учреждена Российская мусульманская коммунистическая партия — РМПК. Новая партия входила на федеративных началах в состав РКП(б). По решению I Съезда коммунистов-мусульман в ноябре 1918 г. партия была преобразована в мусульманские комитеты РКП(б), которые просуществовали до начала 1930-х гг.

Чтобы максимально быстро привлечь на свою сторону не только арабские массы, но и арабских вождей того времени, начавших восстание против Османской империи, советские власти по прямому указанию В.И. Ленина в ноябре 1917 г. опубликовали соглашения Сайкса – Пико, что вскрыло обман, на который пошли ан-

[7] *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745–1973). М.: ГРВЛ, 1982. С. 283.

[8] *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: ГРВЛ, 1993. С. 11.

гличане, чтобы заманить доверчивых и слепо веривших им арабов на сторону Лондона в его извечной борьбе против материковых держав.

С целью обеспечить своё проникновение на Ближний Восток Москва также воспользовалась разочарованием короля Хиджаза Хусейна в Великобритании, вероломно нарушившей все обещания Томаса Эдварда Лоуренса. Москва стала активно налаживать контакты с Хиджазом (надо заметить, что заслуги Лоуренса сильно преувеличены в мировой историографии). Истинными авторами соглашения Хусейна с англичанами были представители Великобритании в Египте — Китченер[9] и, как указано выше, Мак-Магон, которые вели с ним переговоры ещё с 1914 г. через его сына Аблаллаха и выстроили договорённости на основе предложений тайных сирийских панарабских обществ «Молодая Аравия» и «Аль-Ахд», к которым примкнул Хусейн[10]. Причём инициатором этих контактов, как ни парадоксально, выступил Хиджаз, или, как его тогда называли в Советской России, Геджаз[11].

Отправным моментом в истории советско-арабских и, в частности, советско-саудовских отношений стала Лозаннская конференция 1922–1923 гг., на которую съехались не только делегации стран, официально приглашённых в ней участвовать (среди них — делегация СССР во главе с Г.В. Чичериным[12]), но и многие представители национальных организаций и движений Ближнего Востока. В кулуарах конференции делегаты Сирии, Палестины, Египта, Хиджаза, Ирака вели активную работу с тем, чтобы западные державы выполнили данные ими во время Первой мировой войны обещания о предоставлении арабским странам независимости.

Российскую делегацию возглавлял глава внешнеполитического ведомства Советской России Г.В. Чичерин. В записке М.М. Литвинову[13] по поводу своих бесед в Лозанне от 17 декабря 1922 г. он писал:

---

[9] Гораций Герберт Китченер (1850–1916) — британский фельдмаршал, граф. В 1886–1888 гг. генерал-губернатор Восточного Судана. В 1895–1898 гг. командовал британскими войсками в Египте, руководил подавлением восстания махдистов. В 1899–1900 гг. начальник штаба, в 1900–1902 гг. командующий британскими войсками во время англо-бурской войны. В 1911–1914 гг. британский агент и генеральный консул в Египте и фактический правитель страны. С 1914 г. военный министр Великобритании. Погиб на крейсере «Хэмпшир», следовавшем с визитом в Россию и подорвавшемся на мине (БСЭ).

[10] *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М.: ГРВЛ, 1977. С. 141–142.

[11] Геджаз. В русской транслитерации название провинции Хиджаз традиционно записывалось как Геджаз, но после Второй мировой войны из-за отсутствия прямых связей с Саудовской Аравией в употребление вошла транслитерация на основе английского написания Hejaz. В частности, словарь Брокгауза и Ефрона (1904) даёт написание Геджаз, в то время как написание Хиджаз появляется уже в Большой советской энциклопедии (1969–1978).

[12] Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) — советский дипломат, в 1918–1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР и СССР. За время своей работы на посту руководителя НКИД Чичерин состоял членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIV и XV съездах партии Чичерин избирался в состав ЦК ВКП(б). (Большая биографическая энциклопедия, 2009).

[13] Максим Максимович Литвинов (1876–1951) (настоящая фамилия и имя Баллах Макс) — советский государственный и партийный деятель, дипломат. В 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР. В 1941–1946 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1941–1943 гг. посол СССР в США и в 1942–1943 гг. посланник СССР на Кубе. В 1934–1941 гг. член ЦК ВКП(б) (Большая биографическая энциклопедия, 2009).

«У меня был сирийский князь Хабиб Лотфаллах (христианин), советник короля Геджаса по иностранным делам и в настоящее время полпред Геджаса в Риме и в Вашингтоне. Гуссейн Первый, король Геджаса, вполне самостоятелен, никакого мандата Лиги Наций на его королевство нет. Он участвовал в нескольких больших европейских договорах, не знаю, есть ли это двурушничество, но он во всяком случае, между прочим, ведёт политику создания большой независимой Аравии и фрондирует против Англии. Лотфаллах изложил мне весь план создания Великой Федеративной Аравии, в которой Гуссейн Первый был бы Верховным Союзным Правителем. Он излагал мне самые фантастические планы участия России в создании этого союза... Под строжайшим секретом он сообщил мне, что Муссолини обещал ему полную поддержку против Англии и что ожидается присоединение Америки к его проекту. Когда он пришёл ко мне во второй раз, он весьма секретно представил мне текст секретного договора, который он мне предложил подписать. Этот текст я себе оставил и пересылаю его Вам. Речь идёт о создании тоже Великой Федеративной Аравии. Я сказал ему одно: что желательно остаться с ним в контакте, а для этого ему надо познакомиться с тов. Воровским, ибо он будет Полпредом в Риме и там будет встречаться с тов. Воровским; это я и сделал. Кроме того, я говорил о желательности создания снова Российского Консульства в Джедде».

«Я действительно нахожу, что нам крайне важно иметь в Джедде консула. Джедда находится рядом с Меккой; наш консул в Джедде будет в самом центре мусульманского мира… и таким образом очень многие совершающиеся в мусульманстве политические движения, которые теперь от нас ускользают, будут происходить перед глазами нашего консула, При нашей мусульманской политике нам, по-моему, необходимо иметь человека в самом центре мусульманского мира»[14].

Следует принимать во внимание, что подходы СССР к мировым делам быстро эволюционировали. К 1924 г., то есть к моменту установления дипломатических отношений с Хиджазом, они уже претерпели серьёзные изменения. Во-первых, верх, вместо поборников мировой революции, в СССР шаг за шагом стали брать жёсткие государственники, такие, как И. Сталин. Г.В. Чичерин, несмотря на свои коммунистические воззрения, эволюционировал вместе с новым главой государства от ленинских идей мировой революции (от которых и сам Ленин стал отказываться в последние годы своей жизни) в сторону большего учёта национальных интересов советского государства. Советская Россия вроде бы по-прежнему была оплотом коммунистического движения, а в то же время шло её становление как крупного самостоятельного государства со своими национальными интересами. Но, как и царская Россия, СССР долго ещё был в этом смысле «двуголовым» — практически до 1943 г., когда Сталин, нуждавшийся в помощи союзников для победы над Гитлером, упразднил Коминтерн.

Квинтэссенция этих дуалистических подходов, в том числе и в отношении роли ислама, была выражена в письме Г.В. Чичерина полпреду СССР в Италии К.К. Юреневу[15] 3 апреля 1924 г: «Вступление в сношения с королём Гуссейном, од-

[14] Вестник МИД СССР. № 21 (79). С. 37.

[15] Константин Константинович Юренев (1888–1938) — видный советский деятель, коммунист. В 1921 г. был послан полпредом в Бухару. В начале 1922 г. был назначен полпредом в Латвию; в начале 1923 г. — полпредом в Чехословакию, в начале 1924 г. — полпредом в Италию, 1925 г. — в Персию и в 1927 г. — полпредом в Австрию (Большая биографическая энциклопедия, 2009).

нако, вовсе не означает готовности с нашей стороны признать его халифом. Наше правительство не имеет отношения к церковным организациям и игнорирует существование таких институтов, как халифат. Что же касается мусульманской церкви на территории СССР, она, по всей вероятности, будет стоять на точке зрения полного упразднения института халифата, и будет в этом смысле пытаться влиять на мусульман других стран. Это действительно есть для нас самое лучшее»[16].

Иными словами, Советская Россия была за единое светское арабское независимое государство, с которым можно было бы установить дружественные отношения для того, чтобы противостоять Великобритании и Франции, наносить ущерб их интересам на Ближнем Востоке, делая их сговорчивее по другим проблемам, которые волновали тогда молодой СССР. Таким образом, речь шла о вполне понятной геополитической игре государств, а первоначальные замыслы превращения ислама в восточную версию коммунизма постепенно сдавались в архив, хотя ещё в 1925 г. (17 марта) Г.В. Чичерин писал: «Нас интересует вопрос о панисламизме, как особой форме национального движения, как идеологической маске последнего»[17]. Впоследствии развеялись надежды даже на такое использование ислама...

Таким образом, используя обиды Хусейна на Великобританию и его неудовлетворённые амбиции в части создания великого арабского государства, а также фантазии его сирийского представителя, Россия решила играть по-крупному. Однако те люди, которых она направила в Хиджаз, ещё не осознавали этого, продолжали курс на объединение исламских и коммунистических идей и их продвижение в массы. Во главе приехавшей в Хиджаз в 1924 г. группы коммунистов Москвой был поставлен Карим Хакимов, который, кроме поручений Москвы, имел и собственное видение стоящих перед ним задач. Возможно, что именно это его и сгубило.

Фигура К. Хакимова достаточно неординарная и загадочная, во многом ещё не изученная. В своём опросном листе, так в 1930-е гг. называлась анкета (копия имеется у автора), он сообщает, что родился в 1892 г. в селе Дюсян (сейчас — Дюсяново) Иль-Кульминской волости Белебеевского уезда нынешней Башкирии. В том же опросном листе он сообщает: «Происхожу из крестьян... они занимались земледелием. У родителей было малоземельное хозяйство, которое распалось в 1918 году...» (цит. по первоисточнику).

Впоследствии станет известно, и об этом напишет в своей диссертации исследователь его биографии Руслан Хайретдинов[18], что на самом деле в соответствии с ревизскими сказками (метрическими книгами) он родился в 1890 г. и в далеко не бедной семье, обладавшей десятью десятинами земли... Возможно, эти расхождения послужили впоследствии основанием для доноса, по которому был репрессирован Карим Хакимов в 1938 г. К этому моменту мы ещё вернемся.

Но зачем было Хакимову скрывать своё происхождение? Почему он изменил год своего рождения? До сих пор это остаётся тайной.

---

[16] Вестник МИД СССР. № 21 (79). С. 38.

[17] Там же. С. 41.

[18] *Хайретдинов Р.Ф.* Карим Хакимов — революционер, дипломат. Дисс. на соискание учёной степени к.и.н. Уфа, 2006. 225 с.

Одно из самых простых объяснений — религиозному мусульманину Хакимову было бы трудно сделать карьеру в Советской России, если бы он раскрыл своё истинное происхождение.

Однако заменивший его впоследствии на посту полпреда Назир Тюрякулов[19] раскрыл своё «мелкобуржуазное» происхождение. Впрочем, с тем же результатом.

В любом случае фактом является то, что Хакимов получил блестящее образование в одном из элитных медресе Уфы «Галия», что также говорит в пользу его непростой родословной. Правда, как пишут одни из первых исследователей его жизни Л. Гадилов и Ф.Х. Гумеров[20], учёбой там, как и в двух предыдущих медресе, где он проучился по году, непоседливый и любознательный Хакимов остался недоволен. По некоторым данным, которые приводят другие авторы, Хакимова преследовали и дразнили более богатые и удачливые ученики, считая его ниже себя. Это оскорбляло честолюбивого юношу, его самолюбие было уязвлено, и он, пережив душевный надлом, покинул медресе, уехав в Ташкент.

Остроумный и весёлый, отличный певец, хорошо игравший также на мандолине и скрипке, он обладал личным обаянием, которое ему позволяло входить в самые разные круги общества. Но, поскитавшись по Средней Азии, он понял, что вход в высшее общество при сложившейся системе общественных отношений ему, несмотря на его блестящий ум, закрыт. Он там был чужой.

Будучи человеком авантюрного склада, он мог приспособиться к любой жизни. Оставшись без средств к существованию и не желая вернуться домой, что означало бы признаться родителям в своей несостоятельности (домой Хакимов попадёт только в 1914 г.), он поступил простым шахтёром на шахту «Канибадам» (ныне Таджикистан), которая и предопределила перелом в его судьбе. Впоследствии, отталкиваясь от этого эпизода, он называл себя пролетарием, на что ссылался видный деятель российской революции В.В. Куйбышев[21], который дал ему лестную характеристику. Эту «неправильность», судя по всему, тоже отметили в 1930-е гг. въедливые следователи, занимавшиеся его делом.

Однако, скорее всего, Хаким Каримов просто гордился этим «пролетарским» эпизодом своей биографии и рассказал об этом В.В. Куйбышеву. Ведь там, на шахте, на которой он проработал около трёх лет, он познакомился с политическим ссыль-

---

[19] Назир Тюрякулович Тюрякулов (1893–1937) — советский государственный и партийный деятель, языковед. В 1928–1932 гг. генеральный консул в Хиджазе, в 1932–1936 гг. постпред СССР в Саудовской Аравии. С 1936 г. работал в Ленинградском институте народов Востока, в Московском институте языка и письменности народов Востока. Делегат 10, 12-го съездов РКП (б). Был членом ВЦИК. 3 ноября 1937 г. по обвинению в пантюркистской агитации и призывах к террору по отношению к руководителям советской власти приговорён ВК ВС СССР к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1958 г. (http://memory.pvost.org/pages/tiuriakulov.html, БСЭ)

[20] *Гадилов Л.З., Гумеров Ф.Х.* Карим Хакимов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. С. 8–9.

[21] Валериан Владимирович Куйбышев (1888–1935) — советский партийный деятель. С 1926 г. председатель ВСНХ СССР. В 1920–1930-х гг. член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. С 1930 г. председатель Госплана СССР, заместитель председателя СНК СССР и СТО. С 1934 г. председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР, 1-й заместитель председателя СНК СССР и СТО. С 1927 г. член ЦК и член Политбюро ЦК ВКП(б) (Большая биографическая энциклопедия, 2009).

ным, поляком Ковалевским[22], который дал ему первоначальные знания о марксистском учении.

И вот тут-то в голове молодого и горячего человека с хорошим мусульманским образованием соединились исламские принципы «адаля» (справедливости) и марксистские постулаты братства и равенства всех пролетариев. Произошла магическая химическая реакция, которая на долгие годы, практически на всю жизнь определила убеждения Карима Хакимова, как и многих мусульман Российской империи, поддержавших революционное движение, которое возглавили большевики.

Отныне его путь был предопределён — с Аллахом в душе и с Марксом в котомке он пошёл по новой дороге, которая в конечном счёте привела его на расстрельный полигон «Коммунарка» в московском пригороде Бутово 10 января 1938 г.

Но тогда о таких мрачных перспективах никто не задумывался, поскольку с точки зрения многих молодых энтузиастов в России разгорался мировой пожар коммунистической революции, который зажёг сердца миллионов. В его огне должен был сгореть старый мир. Карим Хакимов хотел во всём этом участвовать, искал своё место в революционном движении и уже после Февральской революции энергично окунулся в бурную политическую деятельность. Революция стала тем социальным лифтом, который быстро вознес одарённого юношу на головокружительные карьерные высоты.

Уже в 1918–1919 гг. он становится членом Оренбургского мусульманского военно-революционного комитета, губернским комиссаром народного просвещения, командиром 2-го батальона интернационального полка на Актюбинском участке Оренбургского фронта, затем начальником политотдела 1-й Отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады. В 1920–1921 гг. он уже заместитель начальника политуправления Туркестанского фронта, одновременно секретарь временного ЦК компартии Туркестана, полномочный представитель РСФСР в Бухарской народной республике, секретарь ЦК Бухарской коммунистической партии.

И вот тут в его судьбе происходит очередной крутой поворот: К. Хакимова после его участия в III Конгрессе Коминтерна В.В. Куйбышев рекомендует для работы в Народный комиссариат иностранных дел, откуда его посылают генконсулом в Мешхед и Решт в Персии, где в 1921–1924 гг. и закладываются его профессиональные качества как дипломата. Там же он вступает в первый контакт с советской разведкой, которой начинает активно помогать.

А в декабре 1923 г. в Москве принимают решение о переводе К. Хакимова на работу в Хиджаз, где он 9 августа вручает верительные грамоты королю этого нового государства Хусейну аль-Хашими.

Однако прибывает он в Хиджаз, где у России ещё до Октябрьской революции было своё генеральное консульство для обслуживания мусульманских паломников, не один. В состав возглавляемой им так называемой арабской пятёрки, официально приехавшей для работы в генконсульстве, входят: Юсуф Гульметов — 1-й секретарь, правая рука Хакимова (знаток персидского и турецкого языков), Наум Бел-

[22] *Гадилов Л.З., Гумеров Ф.Х.* Указ. соч. С. 10.

кин[23] — 2-й секретарь со знанием немецкого, французского и арабского языков (любопытно, что у него была своя «легенда» — будто бы ранее он работал на Хиджазской железной дороге), И. Амирханов — переводчик, который ранее жил в Сирии, и М. Аксельрод[24] — юрист, изучал арабский язык в Москве, писал материалы о Востоке под псевдонимом Рафит Муса. Эта группа больше похожа не на дипломатов, а на «панчаят» законспирированных спецагентов...

В начале работы «пятёрки» в её задачи входило создание союза Хиджаза и России против Англии и Франции, что соответствует указаниям Г.В. Чичерина.

А виделась ситуация главе советской дипломатической службы следующим образом, о чём он написал К. Хакимову 14 ноября 1924 г., через несколько месяцев после его приезда в Джидду.

«Уважаемый товарищ,

В этом письме мы хотим сообщить Вам, в каком виде, по имеющимся у нас данным, представляются нам последние события в Аравии... Мы просим Вас подробно сообщить нам о возможных неточностях нашей схемы, которую в общем и целом считаем правильной.

Нападение ИБН-САУДА на Геджаз было спровоцировано Англией, которая этим путём хотела поставить на колени ГУССЕЙНА, начавшего выходить из повиновения и пытавшегося добиться от Англии выполнения ею обещаний 1915 г. Особенно одиозными и опасными для Англии были несомненно палестинские вожделения ГУССЕЙНА. В связи с продолжающимся антианглийским движением в Египте перспектива образования в Палестине арабского правительства, к тому же зависимого от Геджаза, стала пугать Англию. Крушение сионизма в Палестине в конечном счёте привело бы к тому, что арабские националисты Египта и Палестины подали бы друг другу руку. Этот политический мост через Суэцкий канал мог поставить Англию в чрезвычайно затруднительное положение.

Сознание такой перспективы, видимо, и предопределяло отношение Англии к панарабскому движению и заставляло её упорно преследовать политику балканизации арабских территорий, недопущения объединения Аравии под властью единого правителя. Одно время Англия, нуждаясь в арабах, пыталась удовлетворить их панарабские стремления путём удовлетворения династических интересов семьи ГУС-

[23] Наум Маркович Белкин (1893–1942) — деятель советских спецслужб, старший лейтенант госбезопасности. В 1925 г. работал представителем Наркомторга в Хиджазе и Йемене, затем под прикрытием сотрудника генконсульства находился в Джидде и представительствовал в Ближвосгосторге в Холейде. В 1931 г. зачислен в кадры Иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) ОГПУ-НКВД. В 1933–1934 гг. выполнял нелегально задания внешней разведки в Болгарии и Югославии, затем некоторое время находился в Уругвае, там завербовал ценного агента, который стал работать в Берлине с А. Харнаком. С 1936 г. — заместитель резидента в республиканской Испании. http://rusrazvedka.narod.ru/base/htm/belkinn.html

[24] Моисей Маркович Аксельрод (1898/99–1939) — арабист, историк и политолог; революционер, дипломат, разведчик. В 1924 г. участник миссии К.А. Хакимова в Джедду. До 1927 г. сотрудник генконсульства в Саудовской Аравии. В 1928 г. участник советской делегации для установления торговых и дипломатических отношений с Йеменом. В 1929 г. провёл 6 месяцев в Турции. Вернулся в Москву, преподавал в МГУ и МИВ (1929–1930). 16 октября 1938 г. арестован по личному распоряжению Л.П. Берии. 20 февраля 1939 г. приговорён ВК ВС СССР к высшей мере наказания (ст. не указана). В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1955 г. http://memory.pvost.org/pages/akselrod.html

СЕЙНА. Этим создавалась видимость панарабской политики со стороны Англии, но на деле это давало противоположный результат: сыновья ГУССЕЙНА ФЕЙСАЛ и АБДУЛЛА превратились в британских чиновников, которые силой обстоятельств теряли свою связь с панарабской политикой ГУССЕЙНА. Таким образом, обширные арабские территории, объединённые под властью династии ГУССЕЙНА, на деле представляли из себя ряд отдельных государств, а не единое государство»[25].

Надо сказать, что видение в Кремле ситуации было в целом правильным (если не считать того, что в глазах Абдельазиза Хусейн заслуживал того, чтобы быть низложенным), и К. Хакимов стал действовать, отталкиваясь от этой схемы. Получалось так, что теперь уже Советская Россия, а не Лондон, в пику разоблачившим себя англичанам, добивалась создания единого арабского государства и искала, на кого из арабов она могла бы опереться.

На первом этапе дела у Хакимова шли прекрасно. Шериф (теперь уже король) Мекки Хусейн (или Гуссейн, как его обозначает Г.В. Чичерин) лично нанёс визит Хакимову и полтора часа разговаривал с ним. Он уже понимал свою крайнюю слабость и хватался за любую внешнюю поддержку. Дипкорпус был в восхищении от блестящего и обладающего светскими манерами Хакимова, который к тому же хорошо говорил по-арабски, знал Коран и неоднократно появлялся на приёмах в национальной арабской одежде. Он смог завоевать доверие как местных властей, так и многих дипломатов.

Английские дипломаты, однако, не верили в то, что Хакимов приехал только для налаживания отношений с Хиджазом. Англичане полагали, что «аравийская пятёрка» занята коммунистической пропагандой через паломников. Работа якобы строилась на основе антиколониальных лозунгов, причём группа работала только с паломниками, то есть не против Шерифа Хусейна или Аль-Сауда. Активные оперативные мероприятия также, с их точки зрения, проводились с Генконсульствами других стран, в том числе с Генконсульством Индии. Иначе говоря, группа решала двоякую задачу — открытую политическую и скрытую — по формированию в арабском мире ячеек компартий.

Однако политическая ситуация в Хиджазе быстро менялась. Хусейн утрачивал авторитет и власть, его «халифат» был поражён коррупцией, англичане постепенно от его поддержки уходили, тем более что он отказался подписать не только Версальский договор, но и по той же причине (несогласие с созданием еврейского очага в Палестине) привезённые ему Лоуренсом предложения об англо-хиджазском договоре, в соответствии с которым правитель Мекки должен был получить английские субсидии и заключить военный договор с Великобританией, а в обмен признать её особые интересы в Хиджазе.

Вскоре всё это стало терять смысл. В середине октября 1924 г. Абдельазиз ибн Сауд триумфально занял Хиджаз (Мекку), причём сделал это элегантно, руками своих сыновей, так что анализ Г.В. Чичерина, даже будучи в целом правильным, несколько запоздал. Шериф Мекки Хусейн бежал, доверив остатки королевства своему сыну Али. К. Хакимов, как истинный дипломат, попытался примирить врагов и поехал в Мекку (его привилегия заключалась в том, что, будучи мусульманином,

[25] Вестник МИД СССР. № 21 (79). С. 38–39.

он мог это делать свободно, в отличие от западных дипломатов), где уже с декабря 1924 г. находился новый властитель Аравии.

Об этом выдающемся политическом деятеле следует сказать особо. Абдельазиз ибн Абдель Рахман ибн Фейсал аль Сауд из древнего рода Саудов с 15 января 1902 г., то есть с момента завоевания им Эр-Рияда, возвысился над другими вождями племён полуострова и чрезвычайно эффективно проводил политику объединения аравийских земель. Будучи от природы одарённым полководцем и политиком, он, опираясь на твёрдую исламскую веру, неукротимую энергию, целеустремлённость и осознание правоты своего дела, быстро добился выдающихся результатов. Это были вынуждены признать англичане, для которых его возвышение оказалось неожиданным. Уже 26 декабря 1916 г. они подписали с новым арабским вождём договор, которым признавали «Неджд, Аль-Хаса, Катиф, Джубейль и зависящие от них территории… а также их порты на берегу Персидского залива странами (т.е. владениями. — Прим. авт.) ибн Сауда и его предков, и настоящим подтверждается, что указанный Ибн Сауд является их независимым правителем и абсолютным руководителем этих племён…»[26].

К концу 1924 г. Абдельазиз уже оказался близок к своей цели — поставить под свой контроль практически весь Аравийский полуостров. Теперь уже он, а не Хусейн виделся проницательному К. Хакимову той фигурой, с которой Кремль мог бы выстроить отношения на базе поддержки идеи единого арабского государства и противостояния Великобритании, поскольку этот плечистый, почти двухметровый великан из пустыни выглядел как человек более решительный и принципиальный, чем Хусейн.

Но задача выхода на этого нового энергичного и удачливого правителя казалась сложной. Решить её помогли личностные качества К. Хакимова, который сумел подружиться с «Джеком» Филби (Гарри Сент-Джон Бриджер Филби, Harry St John Bridger Philby), который был отцом советского разведчика Кима Филби.

«Джек» Филби был большим оригиналом. Он бросил свою колониальную службу (ранее работал в Индии, Ираке и Трансиордании) и перебрался в 1920-е гг. в Аравию. Первый раз он заехал в официальную командировку туда, будучи ещё на государственной службе в Ираке в 1917–1918 гг. в качестве главы официальной британской миссии для переговоров с Абдельазизом. Позднее он там осел, женился на арабке, носил арабскую одежду и жил как араб, принявший ислам (официально он его принял в 1930 г.), хотя был выпускником Кембриджа, просвещённым и знающим востоковедом. По характеру человек абсолютно независимый, он не считал себя связанным обязательствами перед британской короной (во всяком случае, он это не афишировал) и занимался в жизни тем, что ему было интересно. А интересен ему был как раз король Абдельазиз, которого он считал, и, думается, не без оснований, величайшим арабом после пророка Мухаммеда. Эти слова вслед за ним повторяли потом многие западные дипломаты.

Филби искренне восхищался королём, стал его личным другом («открыл», правда, Абдельазиза ибн Сауда для Британии не он, а британский агент в Кувейте,

[26] *Habib J.S.* Op. cit. P. 33.

капитан со звучной фамилией Шекспир, который в 1913 г. познакомился там с эмиром Неджда, а затем доложил о нём Лондону как о перспективной фигуре). «Джек» помогал молодому монарху во многих делах, в том числе коммерческих, и не без выгоды для себя. Он сумел сохранить хорошие отношения с метрополией, помогал ей когда мог, ездил в Лондон, где купался в лучах славы, выступая с лекциями о малоизвестной тогда Саудовской Аравии, ставшей знаменитой благодаря его книгам о пустыне Руб аль-Хали. Он продолжал выполнять деликатные поручения британской короны, но почему-то каждый раз в выигрыше оказывался саудовский монарх. Позднее именно Филби сыграл ключевую роль в том, что аравийская нефть перешла под американский контроль (точнее, контроль клана Рокфеллеров), а сама Саудовская Аравия оказалась в отношениях special partnership с США. К этой теме мы ещё вернёмся.

Как конкретно Хакимов вышел на Филби, история умалчивает. Думается, что они просто приглянулись друг другу — оба интересно и независимо мыслящие, питающие симпатии к арабскому и исламскому миру. Факт состоит в том, что Филби убедил ибн Сауда принять Хакимова в качестве человека, который хочет помочь отстаивать право на паломничество мусульман из СССР (15 000 человек). Проблема на тот момент состояла в том, что англичане их не пускали через проливы, опасаясь усиления русского присутствия и проникновения «коммунистической заразы». При личной встрече Хакимов попросил Абдельазиза ибн Сауда помочь в организации Хаджа. Но, возможно, речь шла о каких-то других, политических, вопросах.

В любом случае, после этой беседы Хакимов рекомендовал Москве не вмешиваться в противостояние хашимитов и саудов, что тогда работало на эмира Неджда. Ибн Сауд этого доброго совета не забудет. Хакимов, действительно, благодаря своей тонкой интуиции, врождённым дипломатическим талантам правильно сориентировался в ситуации и понял, кто на самом деле является самой сильной фигурой на Аравийском полуострове.

22 декабря 1925 г. войска ибн Сауда, уже «переварившего» Мекку, захватили Джидду. Сын Хусейна Али бросил всё (кроме казны в 800 000 золотых соверенов) и уехал в эмиграцию. Колеблющиеся англичане, выстроившие планы на сыновей Хусейна, в этот момент заняли нерешительные позиции, чем и воспользовался Хакимов. В результате Москва «на последней миле» обскакала Лондон и первой в мире признала власть ибн Сауда над объединёнными землями Неджда и Хиджаза. 16 февраля 1926 г. Хакимов направил ибн Сауду ноту с признанием его власти со стороны Кремля.

Более того, Россия, которая тогда к ваххабитам относилась очень позитивно, активно помогла признанию новой страны другими государствами.

В этих целях по просьбе Абдельазиза Ибн Сауда 26 сентября 1926 г. в Мекку прибывает советско-мусульманская делегация для участия во Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке, организованном новым правителем для обеспечения признания себя не только новым королём, но и Хранителем двух благородных святынь ислама — Мекки и Медины, что автоматически давало ему приоритет и большую легитимность (ООН ещё не существовала) по сравнению со всеми другими правителями региона. Возглавил российскую делегацию, возможно тоже

по предложению К. Хакимова, председатель Центрального духовного объединения мусульман СССР Муфтий Риза-Уддин Фахретдинов[27].

Фахретдинов так объяснил участие советской делегации в конгрессе: «Во-первых, отрицательное отношение ко всем попыткам империалистических держав использовать в своих целях религию мусульманства и стремление к единству мусульманского народа. В силу этого соображения мы не участвовали в катарском конгрессе, созванном и работавшем по заданным Англией условиям и занимавшемся вопросами халифата.

Во-вторых, желание всячески содействовать укреплению возродившейся под руководством ибн Сауда самостоятельности и независимости арабского государства и, следовательно, противодействовать всем попыткам дискредитировать в глазах мусульман главу этого государства, а также сорвать созванный по его инициативе первый мусульманский конгресс»[28].

Всего в этом судьбоносном форуме приняли участие 68 человек. Советская делегация была весьма активна в обеспечении признания не только Королевства, но и лично короля в качестве Хранителя двух благородных святынь (родословная которого, в отличие от Хусейна аль-Хашими, не восходила к Пророку Мухаммеду), и поэтому пользовалась всеобщим уважением. Конечно, эти услуги Москвы не были забыты королём, и он всегда был благодарен Хакимову (причём гораздо больше ему персонально, чем самой стране, чьи инструкции он выполнял) за них, и даже во время общемусульманского конгресса пригласил Хакимова вместе совершить Хадж, что было высшим знаком уважения к нему.

В Лондоне же считали, что благодаря этим усилиям король слишком уж усилился и стал выходить из-под зависимости британской короны, претендуя на самостоятельные роли.

Но вскоре после этого в политике Москвы происходят заметные теперь уже невооружённому взгляду перемены. Поддержав новое государство, она делает крутой разворот от масштабной политики проникновения на Ближний Восток, всемерной поддержки всех подряд антизападных революций и борьбы с Великобританией к политике выстраивания торговых отношений со всеми странами, в том числе и с Саудовской Аравией. Советы теперь больше волнует начавшаяся в СССР индустриализация и потребности её обеспечения. На первый план выходит достижение торгового соглашения с Эр-Риядом. Об этом говорят практически все указания Центра К. Хакимову.

Но этим уже займётся другой советский дипломат — Назир Тюрякулов, который заменит К. Хакимова в 1927 г. В 1929 г. он получит из Центра секретные указания подписать с Абдельазизом общий договор. «Основной вопрос, который нам не-

[27] Риза-Уддин Фахретдинов (1859–1936) — деятель мусульманской культуры в России, историк, публицист, педагог. Составил учебники татарского языка и математики (изданы в 1886–1887 гг.). Открыл новометодную школу и преподавал в ней. В 1908–1917 гг. редактор литературного и педагогического журнала «Шура» в Оренбурге. Одновременно директор медресе «Хусаиния», одного из самых известных новометодных учебных заведений России. В 1922 г. назначен муфтием в Уфе. Был известен как историк, мастер биографического жанра. Опубликовал 170 очерков-портретов: Аристотеля, Платона, Ф. Бэкона и др. Главное историческое произведение Фахретдинова — многотомный историко-биографический труд «Сочинения» (*Бим-Бад Б.М.* Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 415).

[28] Известия. № 224 (2855). 29.09.1926. С. 1.

обходимо урегулировать, является осуществлением нашей торговой деятельности в Геджазе», — пишет ему 21 мая 1929 г. руководитель ближневосточного направления, заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан[29].

Такой разворот, обозначившийся ещё в период пребывания К. Хакимова в Хиджазе, вызывает внутренний протест у этого пламенного революционера, романтика и искреннего мусульманина, и он просит в 1927 г., чтобы его вернули в СССР, о чём мы узнаем из записки И. Сталину того же Л.М. Карахана от 16 ноября 1927 г.[30] До этого К. Хакимов неоднократно отказывал своей жене Хадиче в возвращении на Родину, хотя она находилась в крайне тяжёлом положении после смерти их сына Шамиля от дизентерии в 1925 г. А тут неожиданно он сам просится домой. Не потому ли, что вместо поддержки идей мировой революции он получает в 1927 г. новое задание — организовать прозаическую поставку в Джидду морским транспортом первых трёх партий товаров первой необходимости из Одессы — сахара, муки (местное население с тех пор называет муку высокого качества «москоби» — «московской»), керосина, что он и делает.

Но большевикам он пока нужен, хотя с самого начала они довольно цинично говорили о нём как о человеке с «дефектами», но который «уже привык к нашей политике». Вскоре после этого, в 1929 г., Хакимова назначают представителем Экспортно-импортной конторы Госторгов по торговле с Турцией и Ближним Востоком «Ближвостгосторг» в Йемене. На заседании Политбюро от 9 мая 1929 г. (Протокол № 79) «было принято предложение НКИД утвердить генеральным представителем СССР (генеральным уполномоченным Ближвосторга) в Йемене т. Хакимова»[31], где он проработал около двух с половиной лет, с июня 1929 г. по декабрь 1931 г. Там его деятельность также носит двоякий характер. Являясь полпредом, он одновременно возглавил координационную работу местного отдела Коминтерна. В 1929 г. в результате именно его усилий СССР подписал торговые соглашения с Йеменом (с имамом Яхъей[32]). Любопытно, что не распадается и «аравийская пятёрка». Один из её членов, Наум Павлович Белкин, становится коммерсантом и заключает соглашение о поставке товаров в Йемен из Советской России. Создаётся сеть компаний под разными флагами, но торгующих советскими товарами.

В записке на имя Л.М. Карахана от 10 марта 1930 г. Н. Тюрякулов вновь подчёркивает, что в отношениях с Саудовской Аравией «торговый вопрос для нас яв-

---

[29] *Мансуров Т.А.* Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова. М.: Реал-Пресс, 2001. С. 193.
Лев Михайлович Карахан (1889–1937) — советский государственный деятель, дипломат. С июня 1917 г. — член ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. С августа 1917 г. — член Президиума и секретарь Петроградского совета. В октябре входил в Петроградский ВРК. С ноября 1917 г. — секретарь советской делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске. В 1918–1920 гг. — зам. наркома иностранных дел РСФСР. С 1921 г. — полпред РСФСР в Польше, в сентябре 1923 – августе 1926 г. — в Китае. В 1927–1934 гг. — зам. наркома иностранных дел СССР. В 1934 г. переведён на должность полпреда СССР в Турции. 3 мая 1937 г. отозван в Москву и арестован. Расстрелян 20 сентября 1937 г. Посмертно реабилитирован.

[30] Мансуров Т.А. Указ. соч. С. 149.

[31] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 784. Л. 62.

[32] Яхъя бен Мухаммед Хамид-ад-дин (1867–1948) — государственный деятель Йемена. В 1904 г. возглавил восстание йеменских зейдитских племён против господства Османской империи. В 1911 г. добился признания турецким султаном внутренней автономии Йемена. После распада Османской империи в 1918 г. принял титул короля Йемена. Объединил племена Северного Йемена в рамках единого государства. В 1928 г. заключил с СССР договор о дружбе и торговле. (БСЭ, 1969–1978).

ляется одной из основных задач, удовлетворению которой придаётся прежде всего большое политическое значение»[33]. Примечательно, что он при этом не забывал о своём предшественнике. В совершенно секретной записке на имя того же Л.М. Карахана от 25 марта 1930 г. он требует от Москвы прислать ему на какое-то время Хакимова, чтобы тот мог «совершить хадж» (!) и «проработать с нами как вопросы торгового договора, если это окажется возможным, так и вопросы торговли»[34].

В 1932 г. Хакимов уже находится в Москве, где учится на курсах красной профессуры, но параллельно готовит визит сына Абдельазиза, принца Фейсала, лично участвует в его встрече на Белорусском вокзале.

Поездка Фейсала в Москву во многом была сформирована под впечатлением от трудов незаурядного дипломата К. Хакимова. Советская Россия во многом воспринималась в Саудовской Аравии через его призму как весьма дружественное государство. В Эр-Рияде решили, что надо поискать, кто мог бы помочь молодой стране, и в список перспективных союзников и партнёров, наряду с США и Великобританией, внесли СССР.

Когда 29 мая 1932 г. принц Фейсал прибыл на Белорусский вокзал, то его там пышно встречал весь второй эшелон тогдашнего политического, военного и дипломатического руководства СССР, но знакомых лиц было всего два — Н. Тюрякулов и К. Хакимов. Эта поездка была последним пунктом в турне Фейсала по странам Европы. Главной целью визита наряду с решением ряда торговых вопросов было получение займа в СССР для испытывавшего тогда серьёзные финансовые затруднения Саудовского Королевства.

Фейсал посетил в Москве заводы и воинские части, музеи, парки и театры, провёл переговоры почти со всеми руководителями СССР, кроме лично И. Сталина. 31 мая 1932 г. в его честь был проведён приём в Кремле от имени председателя СНК СССР В.М. Молотова[35].

Однако, несмотря на пышность приёма, разочарование от визита было обоюдным. Большевики увидели в принце не главу национально-освободительного движения, как они ожидали по рассказам Карима Хакимова, а набожного сына абсолютного монарха, стремившегося к получению денег из любых источников. Москва отказала Фейсалу в кредите, а сам Фейсал был крайне обижен не только этим, но и тем, что ему не дали встретиться с Фахретдиновым по непонятным ему причинам. Однако можно догадаться, что ему было отказано в этой встрече потому, что с конца 1920-х гг. в России была развёрнута широкая антиисламская пропаганда, а с декабря 1929 г. из 12 000 мечетей 10 000 закрылись. В начале 1931 г. прекращается богослужение в главной мечети Ленинграда. Иными словами, власти опасались, что Фейсал от Фахретдинова узнает о притеснениях мусульман в Советской России. В результате же Фейсал убедился, что СССР — атеистическая страна, к тому же не столь развитая, как Великобритания или США.

Вскоре после завершения визита на Аравийском полуострове объявляется о создании Саудовской Аравии (23 сентября 1926 г.) и королём на основании докла-

[33] Цит. по: *Мансуров Т.А.* Указ. соч. С. 229.

[34] Там же. С. 228.

[35] Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890–1986) — советский государственный деятель. С декабря 1930 г. — председатель Совнаркома (до мая 1941 г., когда этот пост занял Сталин). В мае 1939 г. назначен наркомом иностранных дел. С марта 1946 г. — министр иностранных дел, зам. председателя Совета министров.

да от любимого сына, которому он полностью доверял, делается выбор в пользу сотрудничества с западными партнёрами, а не с СССР.

Совершенно очевидно, что это становится крупнейшим поражением лично Карима Хакимова, который страстно ратовал за развитие отношений с Саудовской Аравией. Но в изменившейся атмосфере Москвы, где уже не до мировой революции, а ислам превращается на глазах в преследуемого идейного конкурента коммунизма, ему уже ничто не может помочь, ничто не может спасти его карьеру, а как потом оказалось, и жизнь. Из прагматических соображений Хакимова для развития торговых отношений с Саудовской Аравией в 1936 г. вновь посылают туда на замену Назиру Тюрякулову, который чрезвычайно устал от малопродуктивных торговых переговоров с неуступчивыми Саудами и попросился домой. В июле 1937 г. Н. Тюрякулова арестуют, а 3 ноября расстреляют.

О том, что тучи над ним сгущаются, К. Хакимов, видимо, знал. Косвенным признаком этого служит письмо Н. Тюрякулова из Берлина неизвестному т. Цукерману от 26 января 1936 г., в котором без всякой связи с основным текстом (Н. Тюрякулов жалуется на трудности работы в Саудовской Аравии) в конце приписана странная фраза: «Тов. Хакимов уехал из Парижа в очень удручённом состоянии»[36]. Зачем Хакимов находился в Париже, остается загадкой.

Известно лишь, что «красный паша» не избежит участи Н. Тюрякулова. Его 6 сентября 1937 г. отзывают в Москву. Он отважно возвращается, уже предчувствуя свою судьбу, но ещё надеясь доказать свою невиновность. В ноябре его арестовывают и 10 января 1938 г. расстреливают.

1937–1938 гг. практически вся «аравийская пятёрка» подвергается репрессиям. В живых почему-то (об этом оставляем догадываться читателей) остаётся И.П. Белкин, которого уволили, но с началом войны он вернулся в строй. Он умирает в Иране в 1942 г. естественной смертью во время очередной командировки.

Ставший известным востоковедом М.М. Аксельрод расстрелян 27 февраля в Москве. И. Амирханов — расстрелян в Казани 3 ноября 1938 г. Ю.Г. Гульметов — 19 февраля 1938 г. на полигоне «Коммунарка» — там же, где Хакимов. Жена Хакимова Хадича получила 8 лет колонии в Казахстане.

Любопытный штрих: король узнал о смерти своего друга от Джона Филби. «Джек», как утверждают некоторые историки, даже специально ездил в Москву, чтобы прояснить судьбу выдающегося дипломата (по другим данным, он под псевдонимом «советник Абдулла» приезжал в 1943 г. в Каир, где в только что открывшемся посольстве СССР интересовался судьбой Хакимова). Известие о его гибели произвело на монарха эффект разорвавшейся бомбы, и он принял решение заморозить отношения с Советским Союзом. Эта ситуация продлится 60 лет…

А что же Джон Филби? Вот уж кто не прогадал, так это он. Он увидел то, что талантливый, но сосредоточенный на вопросах мировой революции Карим Хакимов не увидел: нефть. Англичане были первыми на Ближнем Востоке, кто вплотную занялся нефтью. Однако их интересы были сфокусированы в основном на Иране и Ираке и в меньшей степени — на Персидском заливе. В Саудовской Аравии они решили действовать через Д. Филби, который стал представителем «Ирак петролеум».

---

[36] *Мансуров Т.А.* Указ. соч. С. 299.

Но независимый англичанин смотрел на вещи широко: он принял также в 1933 г. предложение работать на американскую «Стандарт ойл оф Калифорния» — одну из ведущих нефтяных компаний семьи Рокфеллеров. Действовал он так, исходя из установки короля Абдельазиза — отдать концессию на добычу нефти той компании и той стране, которая предложит больше денег. И сентиментальные чувства к британской короне не помешали ему сделать рациональный выбор[37]

Англичане не верили в нефть в Саудовской Аравии и не платили больших денег Филби. Зато это сделали американцы, которые сразу мощно вложились в поддержку Абдельазиза и успешно подписали с ним 8 мая 1933 г. соглашение, в соответствии с которым они за 35 000 фунтов наличными и 5000 фунтов в год получили право на добычу нефти. За тонну нефти они обещали Саудам платить всего 4 шиллинга. Так началась новая эра на Ближнем Востоке, приведшая в 1945 г. к установлению отношений особого партнёрства Саудовской Аравии с США и вытеснению СССР, и частично Великобритании, с Ближнего Востока.

Англичане пытались получить всё: от арабов — за поддержку единого государства и от клана — Ротшильдов за сионистский проект. В конечном счете они потеряли доверие арабов, в том числе короля Абдельазиза, вступили в конфликт с сионистским движением и получили то, что получили: владения в пределах линий Сайкс – Пико и иракскую нефть. Но после Второй мировой войны поддержанные СССР национально-освободительные движения сильно сократили их сферу влияния, а появившийся в 1948 г. не без их помощи Израиль быстро переориентировался на США.

При этом надо отдать им должное — англичане, вслед за СССР, разглядели мощный потенциал исламского фактора. Но если Советский Союз, поглощённый модернизацией, отказался от затеи соединить социалистические идеи с исламскими, то Лондон своего не упустил. Поддержав, а в чем-то и сформировав проект появившихся благодаря Хасану аль-Банне[38] в 1928 г. «Братьев-мусульман», он сумел дать старт политическому исламу, который стал к началу XXI в. немалой, хотя и распадающейся на разные потоки (шииты и сунниты), силой на Ближнем Востоке. Попечение над ним также впоследствии перешло к США, но свой след в истории подъёма этого феномена англичане оставили.

И всё же Вашингтон переиграл стареющую империю. Стратегия Рокфеллеров победила. Запах нефти и денег оказался важнее идеологии ислама и коммунизма, важнее мировой революции. Нельзя исключать, что если бы Карим Хакимов в этот период больше интересовался экономическими вопросами, то со своими талантами и благодаря дружбе с королём он мог бы теоретически переиграть англичан, да и американцев, в нефтяных вопросах, как он это сделал в случае с признанием Королевства. Но Советская Россия не нуждалась в нефти и сама продавала Саудовской Аравии керосин, а суровые предвоенные чистки в СССР дипломатов, заподозренных в излишне «интернациональных» настроениях, довершили дело...

---

[37] Васильев А.М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М.: Вост. лит., 2010. С. 120–128.

[38] Хасан аль-Банна (1906–1949) — египетский политический деятель, исламский проповедник, основатель религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане» (см.: Ражбадинов М.З. Египетское движение «Братьев-мусульман». М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003).

С.Н. Земляной

УЧЁНЫЙ, КОТОРЫЙ УМЕЛ ЗАБИВАТЬ «ЧИСТЫЕ ГОЛЫ». ПОДВИЖНАЯ ЖИЗНЬ ГЕОРГИЯ ГАМОВА

Земляной Сергей Николаевич (1949–2012) — российский философ

Знаменитый астрофизик Иосиф Шкловский на одном из семинаров в Ленинградском физико-техническом институте как-то заявил относительно своего современника и бывшего соотечественника Георгия Гамова, оставшегося на Западе в 1933 г., которого он видел лишь один раз в жизни: «Почему же мы должны отдавать “им” за здорово живёшь Гамова? А ведь за этим могучим мастером значатся по самому крупному счёту не какие-то изящные финты или передачи поперёк поля, а три чистых гола. Это альфа-распад, горячая Вселенная с реликтовым излучением и генетический код. Реальное значение имеют только забитые голы — в этом, между прочим, сказывается жестокость науки. В конце концов, от учёного остаются только конкретные результаты его труда. Конечно, он невозвращенец, и это нехорошо. Но можем ли мы представить себе музыкальную культуру России XX в. без имён Шаляпина и Рахманинова? Я считаю Гамова крупнейшим русским физиком XX в.»[1] Однако до последнего времени, фактически до рубежа 1980–1990-х гг., на родине о Гамове было известно мало достоверного, за исключением более чем полувековой давности академических былей и анекдотов, а также разрозненных сведений о его научной деятельности в США. Ситуация стала изменяться в лучшую — информационную — сторону с восстановлением Георгия Гамова (посмертно) в членах-корреспондентах АН СССР в 1990 г. и выходом в свет его автобиографии «Моя мировая линия: неформальная автобиография» в переводе на русский язык и с приложением к ней содержательных материалов и документов о Гамове, собранных и подготовленных Юрием Лисневским[2].

Согласно принятому в современной социологии и социальной психологии определению, для человека иметь некую идентичность — значит занимать особое место в мире, предписываемое определёнными правилами. Именно наличие **личностной идентичности** обеспечивает Homo sapiens возможность и способность,

---

[1] *Френкель В.Я., Чернин А.Д.* Возвращается Г.А. Гамов // Природа. 1989. № 9. С. 83–84.

[2] *Гамов Дж.* Моя мировая линия: неформальная автобиография / Предисл. С. Улама. Пер. с англ., комментарии и доп. материалы Ю.И. Лисневского. М.: Наука. 1994. См. также: *Gamov G.* My World Line. An informal Autobiography / Foreword by Stanislaw M. Ulam. New York: The Viking Press. 1970.

отличающие его от животных не менее, если не более, чем труд, иметь индивидуальную, внутри себя центрированную и неподменную, биографию. Герой моего повествования в этом смысле стоит особняком: он имел некую биографию, о которой сам и написал, хотя и «неформально», но, судя по прямым и косвенным данным о нём, не располагал личностной идентичностью, не занимал особого места в мире и не подчинялся никаким предписанным правилам. «Гамов умел удивлять, — писали Френкель и Чернин. — Его поведение не всегда было предсказуемо. И у нас в стране, и для многих на Западе он оставался загадочной фигурой с авантюрным прошлым и таинственным настоящим. После смерти легенда о нём не умерла. Он удивляет, озадачивает и сейчас. Кто же он — Джордж или Георгий Антонович? Любитель лёгкой жизни или труженик науки? Бесплодный авантюрист или один из крупнейших учёных-универсалов современности?»[3] Поэтому сама его биография во многом, в главном, всё ещё носит гипотетический или, говоря по-современному, виртуальный характер. «Но кто ж он? На какой арене / Стяжал он поздний опыт свой?» — уместно спросить вместе с великим поэтом. Для введения читателей в горизонт этого неизбежного вопрошания начну со справки и биографических темнот.

Сперва справка: **Гамов Георгий Антонович (4 марта 1904 г., Одесса – 23 августа 1968 г., Болдер, штат Колорадо) — американский физик. Окончил Ленинградский университет (1925). В 1928–1931 гг. работал в Гёттингене, Копенгагене, Кембридже. В 1931–1933 гг. в Физико-техническом институте в Ленинграде. В 1933 г. эмигрировал сначала во Францию, затем в Англию. С 1934 г. — в США. В 1934–1956 гг. — профессор Университета Дж. Вашингтона в Вашингтоне, с 1956 г. — Университета Колорадо. Гамов дал первое квантово-механическое объяснение альфа-распада. Внёс существенный вклад в теорию бета-распада (совместно с Э. Теллером). В 1946 г. выдвинул теорию «горячей Вселенной». Сделал первый расчёт генетического кода.**

Теперь — о биографической темноте, связанной с античным эффектом deus ex machina. Дело в том, что жизненный путь Георгия Гамова отмечен некими поворотными пунктами, на которых абсолютно неожиданно, в нарушение всех обыкновений и правил крайне неблагоприятное для него развитие событий менялось на обратное и которые не поддавались попыткам дать им рациональное объяснение. Мифологическими объяснениями изобилует упомянутая выше автобиография Гамова. К примеру, сам Гамов так изображает внезапную перемену в своей жизни, в результате которой он оказался в своей первой зарубежной командировке, не имея за собой ещё никаких научных заслуг: «В этот момент (лето 1928 г. — *С.З.*) произошло неожиданное изменение в моей карьере. Старый, в то время уже в отставке, профессор Орест Данилович Хвольсон, лекции которого по физике я “слушал” на первом курсе (однако так и не посетил ни одной лекции), заговорил о том, что я мог бы провести несколько месяцев в зарубежном университете, и сказал, что был бы рад рекомендовать меня Ленинградскому университету для поездки на летнюю сессию 1926 г. в знаменитый немецкий университет в Гёттингене — один из ведущих центров развития квантовой механики… Рекомендация Хвольсона была подписана Крутковым (научный руководитель аспиранта Гамова профессор Ю.А. Крутков. — *С.З.*) и несколькими дру-

[3] *Френкель В.Я., Чернин А.Д.* Указ. соч. С. 83.

гими профессорами, которые были высокого мнения о моих способностях, и в начале июня я ступил на борт парохода, отплывавшего в немецкий порт Свинемюнде»[4]. Гамов забыл упомянуть, что Хвольсона он лично не знал, что Крутков вовсе не был высокого мнения о его научных успехах (судя по его неблагоприятному отзыву о своём подопечном от 14 февраля 1928 г.) и что в Гёттинген он поехал только **через два года** после получения рекомендации Хвольсона.

Что же произошло? Сделавший много полезного для сохранения памяти о Гамове в нашей стране Юрий Лисневский, на результаты архивных изысканий которого я здесь буду опираться, так и не сумел развеять возникающие недоумения: «Какой-то сдвиг со стороны кого-то всё же произошёл. По-видимому, этот "кто-то" решил так — с учётом безусловной потенциальной талантливости Гамова (скорее веря в его талантливость, даже не взирая на его безрезультативность в аспирантуре) отправить его в заграничную командировку как последний шанс для проявления его творческого потенциала. Безусловно, это было очень смелым решением. С другой стороны, для самого Гамова ситуация была критической — в декабре 1928 г. кончался срок учёбы в аспирантуре, и он был просто обязан "выдать нагора" научный результат»[5]. Мало того, этот мифический «кто-то» обеспечил в последний момент получение Гамовым субсидии в валюте на пребывание в Германии. По меркам того сурового советского времени, совсем не склонного к филантропии и готовившегося к обострению борьбы с классовыми врагами, такая благотворительность по отношению к «социально чуждому элементу» была чем-то из ряда вон выходящим. Подобные загадочные истории происходили с Гамовым и впоследствии. Лишь один пример ещё. Академик Владимир Вернадский в своём дневнике за 1932 г. 14 февраля оставил такую запись: «Ряд мелочей из нашей каждодневной жизни — Гамов в связи с притеснениями за "световой эфир" написал письмо Сталину»[6]. Речь идёт о скандале, разгоревшемся в связи с издевательской телеграммой, посланной Гамовым и другими ленинградскими физиками автору статьи «Эфир» в БСС академику Гессену. В автобиографии Гамов даже не обмолвился о своей челобитной Корифею всех наук. Подобные темноты и умалчивания и превратили биографию Георгия Гамова в уравнение со многими неизвестными, которое пока не удалось решить никому.

Была ещё и другая несообразность в биографии Гамова. Что имеется в виду? Крупный и известный специалист по экономической истории Европы из ГДР и ещё более крупный, но неизвестный советский разведчик Юрген Кучиньски в своей книге «Образы и произведения» интересно размышлял о случаях несоразмерности между высочайшим рангом открытий, сделанных некоторыми учёными в определённый период их жизни, и их в общем средним умственным и человеческим уровнем на протяжении всей прочей жизни. «В качестве примера, — писал он, — стоит назвать Юлиуса Роберта Майера, первооткрывателя принципа сохранения энергии, ставшего одним из величайших достижений в области естественных наук в XIX в. Но рядом с этим экстраординарным достижением не только не стоит ещё ни одна

[4] *Гамов Дж.* Моя мировая линия… С. 49.

[5] Там же. С. 183–184.

[6] *Вернадский В.И. Дневники,* 1926–1934. М.: Наука. 2001. С. 235.

первоклассная работа Майера (многим великанам духа удавались только экстраординарные свершения в познании и почти не удавались первоклассные), но и ни одна второклассная. Подобные случаи единственного выдающегося достижения в ординарной в остальном деятельности учёного совсем не так редки». Майеру так и не удалось при жизни получить научное признание[7].

С чем-то похожим мы сталкиваемся, обращаясь к научной карьере Георгия Гамова, который совершал экстраординарные открытия и выдвигал гениальные идеи (напомню ещё раз о сильных словах Шкловского), но так и не был «канонизирован» мировым научным сообществом в качестве великого учёного. Внешним проявлением этого стал непонятный факт неприсуждения ему Нобелевской премии по физике, которую получили не более талантливые современники и коллеги Гамова, включая друга его молодости Льва Ландау. Были и другие несообразности. Весьма характерны и отзывы о Гамове в письмах Петра Капицы, впрочем, окрашенные очевидной пристрастностью: «Что касается Джони (“Джонни” — студенческое прозвище Гамова, закрепившееся за ним в научных кругах. — *С.З.*), то это тип беспринципного шкурника, к сожалению, одарённого только исключительным умом для научной работы, но вообще, человек не умный» (письмо к А.А. Капице от 12 ноября 1934 г.). И ещё одно свидетельство: «Вот возьмём хотя бы Джони. Им гордились как первым молодым знаменитым учёным, созданным социалистической страной. Поэты его воспевали, художники писали его портреты, газеты помещали его портреты, печатали интервью о нём. Глава правительства благословляет его на путешествие, а он, мерзавец, не возвращается. Что притягивает его на Западе, в капиталистических странах? Там не только его не будут воспевать поэты, но вообще Джони нигде не будет играть первую скрипку, а в Англии его по недостатку калибра вообще не примут и, кроме как в Америке, ему нигде не устроиться» (письмо к А.А. Капице от 15 июня 1935 г.)[8].

Этот неутешительный в части признания Гамова научным сообществом прогноз Капицы подтвердил задним числом крупный отечественный физик Дмитрий Иваненко, близко знавший «Джонни» до его «невозвращенчества», в своих воспоминаниях: «Получив (после личного приёма у Молотова, подсказанного Н.И. Бухариным) разрешение реализовать приглашение на Сольвеевский ядерный конгресс в Брюсселе (сразу после участия в I ядерной конференции в конце сентября 1933 г. в Ленинграде на базе ЛФТИ), Гамов с супругой остался за границей и в конце концов переехал в США, где он до завершения своего жизненного пути (август 1968 г.) состоял профессором (далеко не самых первоклассных) университетов Вашингтона, затем Колорадо»[9]. Да и написанное за год до смерти письмо Гамова сыну (опубликованное Лисневским) недвусмысленно говорит о том, что и в Колорадском университете Гамов отнюдь не слыл среди студентов властителем умов и академическим небожителем: «Вчера я пришёл на встречу со своим классом (Физика 461)

[7] *Kuczynski J.* Gestalten und Werke. Soziologische Studien zur deutschen Literatur. Berlin und Weimar: Aufbau, 1974. S. 45.

[8] См.: *Лисневский Ю.И.* Дополнительные материалы к биографии учёного // Гамов Дж. Моя мировая линия… С. 212–213.

[9] *Иваненко Д.И.* Эпоха Гамова глазами современника // Гамов Дж. Моя мировая линия: неформальная автобиография / Предисл. С. Улама. Пер. с англ., комментарии и доп. материалы Ю.И. Лисневского. М.: Наука. 1994. С. 269–270.

и не нашёл студентов. Только один зарегистрировался, но не пришёл. Поэтому я снова не читаю лекции в этом семестре… Так что для меня планируется устроить общеуниверситетские популярные лекции по физике. Что случилось с этим университетом?»[10] Была ещё одна сторона жизни Гамова, без учёта которой трудно понять её столь неутешительный закат. Сын Гамова Игорь Гамов откровенно сказал о ней в письме Юрию Лисневскому: «Отец действительно пил и особенно сильно в последние годы жизни, но это, конечно, не было причиной развода моих родителей. Скорее наоборот, развод привёл к тому, что оба стали сильно пить. Мне кажется, отец так до конца и не избавился от этого. Многие из его друзей считали — отец пил от сознания потери "матушки России", но я не согласен с этим. Безусловно, отец очень скучал по России, как и все живущие здесь русские, которых я знаю, но, что касается отца, то причиной его упомянутой склонности была, вероятно, всё же жестокость развода — как в юридическом, так и в психологическом плане»[11].

Что до бывших друзей и коллег, оставшихся в России, то ходячую среди некоторых из них «доксу» о Гамове за границей неплохо передаёт Сергей Снегов в своей повести о физиках «Творцы», изображая разговор Игоря Курчатова с работавшим в 1930-е гг. в СССР австрийским физиком Фрицем Хоутермансом (кстати, одним из соавторов Гамова): «Курчатов давно хотел спросить Хоутерманса о Гамове. Не знает ли Хоутерманс, где Гамов сейчас, каковы его успехи? Гамов считал, что на родине плохо, его не устраивало, что ему охотно давали грамм радия, когда в магазинах с трудом доставали фунт гвоздей; он доказывал, что только при обилии жизненных удобств расцветает талант теоретика. Но что-то не видно его новых крупных работ. Почему? Хоутерманс развёл руками. Нет, он давно не видел Гамова. Гамов хотел остаться в Европе, это не удалось. Резерфорд сказал, что возьмёт его, если об этом будет ходатайствовать Советское правительство. Ходатайство правительства — хорошо устроить человека, бежавшего со своей родины, — вот такую пощёчину влепил великий Резерфорд Джорджу Гамову, ха-ха! Гамов убрался в Америку, сделал совместно с Эдвардом Теллером работу по бета-распаду. Небольшая статья, но сильная — революции не произвела, а важную закономерность открыла. Джордж много пьёт — виски, водка, ром. Говорят, он ссорится с женой, они хотят разводиться. Детей нет, семьи нет… И самое главное — дефицит творчества… Весь этот вечер Курчатова не оставляли мысли о бывшем товарище. Гамов, вероятно, уже жалел об опрометчивом поступке. Он потерял безвозвратно то, что так воодушевляло его в Ленинграде, — преклонение друзей перед его талантом, постоянное, нетерпеливое, воодушевляющее ожидание от него научных подвигов. Он с озорством подчёркивал свою на всех непохожесть, но был всё же свой среди своих. А там? Джордж Гамов пьёт — это ли стимулятор творчества? А ведь он знал другое опьянение — восторженно впивающиеся в него глаза, самозабвенно внимающие его откровениям уши! Сравнение выспренно, но есть ли более точное? Фунт гвоздей и грамм радия!»[12]

---

[10] *Лисневский Ю.И.* Дополнительные материалы к биографии учёного // Гамов Дж. Моя мировая линия… С. 228.

[11] Там же. С. 224.

[12] *Снегов С.* Творцы. Историческая повесть о современниках. М.: Советская Россия. 1979. С. 82.

Что же, помимо легенд и академических былей, помимо досужей «доксы», выпадает в сухом остатке правдивому описателю подвижной жизни Георгия Гамова? Умственный эксперимент с заочным «перекрёстным допросом» её исторических свидетелей, среди которых много замечательных учёных, от Дирака, Бора, Резерфорда и Эйнштейна до Теллера и Улама, а среди них — наши Йоффе, Вернадский, Капица, Ландау и Иваненко. Ещё недавно подобные, даже сугубо экспериментальные, «опыты» были отнюдь не безопасным делом: тот же Лисневский за свой интерес к бывшему соотечественнику в 1980-е гг. был подвергнут партийному остракизму и едва не вылетел с работы, а в КГБ, куда он ещё в горбачёвские времена обратился за получением разрешения на ознакомление с делом Гамова, его грубо отшили, прозрачно намекнув на подозрительность его ненужного любопытства (сообщение Лисневского). В дальнейшем я изложу некоторые результаты моего умственного эксперимента — безо всяких притязаний на полноту биографического описания.

Гамов как интеллектуал: стиль жизни и стиль мышления

Что же в стремительном и славном, хотя и отнюдь не простом, начале Гамова в самостоятельной жизни и большой науке предвещало или провоцировало такой финал? Главная сложность для него сперва заключалась в том, что он никогда не был и так никогда не стал «советским парнем», как его назвал после первого научного успеха в опубликованном в «Правде» стихотворении Демьян Бедный («СССР зовут страной убийц и хамов. / Недаром. Вот пример: советский парень Гамов. / (Чего хотите вы от этаких людей?!) / Уже до атома добрался, лиходей!»). Совсем не советским было его социальное происхождение: он был потомственным дворянином из древнего (по отцу) рода, о котором найдены архивные свидетельства XVII в.; а по матери его предки принадлежали к южнорусскому духовенству. Дед Георгия Гамова по отцу был полковником царской армии, командующим Кишинёвским военным округом; дед по матери — митрополитом, настоятелем Одесского собора; его отец, Антон Михайлович Гамов, — статским советником, преподавателем русского языка и литературы в одесских гимназиях и реальных училищах; мать, Александра Арсеньевна Лебединцева, преподавала историю и географию в одесской женской гимназии (она рано умерла, Георгию было тогда только 13 лет).

В памяти Георгия Гамова от отца осталась одна примечательная отметина: в классе, где он преподавал, учился Лев Бронштейн, будущий знаменитый революционер Троцкий, который в своих мемуарах (Лев Троцкий. «Моя жизнь») отозвался о своём учителе литературы без всякой благодарности и почтения. А двоюродный брат Гамова по материнской линии Всеволод Владимирович Лебединцев стал известным революционером-террористом Кальвино, казнённым с другими заговорщиками после неудачного покушения на министра юстиции Щегловитова (он был выведен Леонидом Андреевым в образе Вернера в «Рассказе о семи повешенных»). Что до социального происхождения Гамова, справедливости ради надо отметить, что оно не только делало его объектом особого внимания при всяких чистках и проверках, которые ему приходилось проходить в богатые на них времена как дворя-

нину и сыну статского советника. В одном из ленинградских архивов сохранилась справка, лучше сказать — записка, приколотая к фотографии Гамова 1922 г. Записка, в которой указана «принадлежность к сословию до революции — дворянин» (слово «дворянин» было кем-то подчёркнуто). По-видимому, этот факт биографии не раз портил ему жизнь. Недаром в студенческие годы за ним закрепилось прозвище «кающийся дворянин». Не потому ли, что в анкетах он по-разному указывал своё социальное происхождение: то — «дворянское», то — «сын преподавателя средней школы» и трудовая интеллигенция[13]. Оно, это происхождение, в варианте «сын преподавателя» освобождало его от платы за учёбу в Ленинградском университете как отпрыску «шкраба» и члена профсоюза.

Однако не будучи «советским парнем», Георгий Гамов в некоторых существенных чертах своего человеческого и умственного облика был советским интеллектуалом чекана «золотых 1920-х» с их «коммунистической всечеловечностью» (интернационализмом, пафосом мировой революции и т.п.), ознаменованных прорывом советской культуры и науки на передовые позиции в мире. Я говорю лишь о «некоторых» чертах, ибо Гамов с его пресловутой «осторожностью» стремился, например, держаться как можно дальше от политики, этого интеллигентского наркотика тех лет. Скажем, его друг Лев Ландау был в этом плане намного более ярок: Ландау, писал о нём Гамов, «всегда был ревностным марксистом, но троцкистского толка. Во время посещений Копенгагена или Кембриджа, когда я был там, он всегда носил красную спортивную куртку как символ своих марксистских взглядов, что делало его похожим соответственно на датского почтальона или английский почтовый ящик. Обычно он любил повторять, что сколь бы плохо ни было сейчас в Советской России, в капиталистических странах всё определённо хуже, и что его тошнит от вида “выпирающих мускулов” немецкого шуцмана или британского бобби»[14]. Ландау сумел найти и, так сказать, внутрисоветское применение своим идеологическим пристрастиям: опираясь на опыт своих зарубежных командировок, он опубликовал в «Известиях» за 23 ноября 1935 г. ошеломившую научную общественность статью «Буржуазия и современная физика». Ландау обличал западных физиков, которые подпали под влияние буржуазной идеологии; Эддингтона и Джинса он бестрепетно назвал «физиками средней руки, чьи работы не слишком значительны». Ландау не остановился даже перед критикой Нильса Бора, которому он, равно как и Гамов, был многим обязан. Но здесь речь шла ещё о сравнительно вегетарианских годах каннибалистского сталинского режима, в чём арестованному и обвинённому в участии в контрреволюционном троцкистском заговоре Ландау пришлось на собственном горьком опыте убедиться в эпоху Большого террора. А спасли его от неминуемой гибели всё тот же Бор, вступившийся за Ландау перед советским руководством, да Пётр Капица, под чьё личное поручительство Ландау выпустили из тюрьмы и закрыли заведённое на него дело.

Несравненно более типичен Гамов был в другом отношении: он стал первым живым воплощением в нашей стране интеллектуала новой формации, с вселенским

---

[13] *Лисневский Ю.И.* Георгий Антонович Гамов. Жизнь в России и СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 55.

[14] *Гамов Дж.* Моя мировая линия… С. 100.

кругозором и удостоверенной СМИ универсальной компетентностью, ироника и гуру, взысканного тайнами высшей духовности. Массовое производство и потребление подобного рода интеллектуалов началось в 1960-е гг., после инициировавших широкую и бурную общественную дискуссию стихотворения Бориса Слуцкого («Что-то физики нынче в почёте…») и фильма Михаила Ромма «Девять дней одного года». Тогда их предстателем перед Богом и интеллигенцией стал Лев Ландау, но **первым** советским интеллектуалом большого стиля следует всё-таки считать Георгия Гамова. Пётр Капица, который мог бы претендовать на эту небесспорную честь, был на десять лет старше Гамова и являлся, в отличие от него, выражаясь на нынешний манер, человеком модерна, а не постмодерна.

Попробую объясниться. Начну прежде всего с предварительного социологического описания интеллектуала, которое представляется мне наиболее продуктивным: «Интеллектуала, — пишут Питер Бергер и Томас Лукман в своей знаменитой работе "Социальное конструирование реальности", — мы можем определить как эксперта, экспертиза которого не является желательной для общества в целом. Это предопределяет переопределение знания vis-a-vis (*фр.* напротив. — *С. З.*) к "официальному" учению, т.е. это нечто большее, чем просто отклонение в интерпретации последнего. Поэтому интеллектуал, по определению, оказывается маргинальным типом. Был ли он сначала маргиналом, чтобы затем сделаться интеллектуалом (как это было в случае со многими еврейскими интеллектуалами на современном Западе), либо его маргинальность была прямым следствием интеллектуальных аберраций (как в случае подвергнутого остракизму еретика), — нас сейчас не интересует. В любом случае его социальная маргинальность выражает отсутствующую теоретическую интеграцию в универсум его общества. Он оказывается контр-экспертом в деле определения реальности. Подобно "официальному" эксперту, он делает проект общества в целом»[15].

Интеллектуалом в этом смысле предстаёт перед нами Георгий Гамов в 1920–1930-е гг., исходную маргинальность которому обеспечила не национальная, а социальная принадлежность. Неизгладимый отпечаток на него наложило полное гимназическое образование, резко выделявшее его среди подавляющего большинства сверстников в СССР (другой одессит, Юрий Олеша, полагал, что любой окончивший гимназию мог считать себя в Советском Союзе образованным человеком). Не без кокетства он в январе 1932 г. в графе личного листка по учёту кадров о знании иностранных языков написал: «Читает и переводит со словарём — древнеегипетский, читает и может объясниться — французский, владеет свободно — немецкий, английский, датский»[16]. Нехарактерными для «советских парней» его возраста были и элитарные культурные запросы и предпочтения Георгия Гамова, которые при их предании гласности кое-кто мог назвать тогда «упаднические» (именно так произносили это слово-ярлык воинствующие философы-марксисты 1920–1930-х гг., которых смертельно боялся Гамов). Наглядной иллюстрацией вкусов Гамова может послужить его письмо Т.Н. Кастериной от 1 января 1927 г. с двумя стихотворными эпиграфами: «Михаил Сергеевич повернётся / Ко мне из кресла цвета "бискр", / Стекло пенснейс-

[15] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр – Медиум, 1995. С. 205.

16 *Лисневский Ю.И.* Дополнительные материалы… С. 200.

ное проснётся, / Переплеснётся блеском искр» (А. Белый). И следующий эпиграф: «И вновь обычным стало море, / Маяк уныло замигал, / Когда на низком семафоре / Последний отдали сигнал» (А. Блок). А вот само письмо: «Ленинград, 1-го января 1927 г. Dear Tatiana! Только что вернулся из Москвы и нашёл твоё письмо. На съезде было очень забавно — много ругались из-за теории относительности с москвичами. Бродил по Щукину и Морозову — смотрел импрессионистов — очень понравились Гоген и Ван Гог. Были на "Ревизоре" у Мейерхольда — чрезвычайно — кончается хороводом через партер — Хлестаков в круглых очках и в кивере, а Осип — только из пелёнок. В Питере холодно (–16 градусов), взялся всерьёз за Египет и Дальний Восток. Физику пока забросил — это называется путешествие в Египет для отдыха. Даже завтра иду в Александринку на "Цезаря и Клеопатру". Весной, вероятно, поеду на всё лето в Göttingen и по Германии. Пока практикуюсь в немецком и учусь носить смокинг. Кстати, получил письмо от Юрия Германовича Рабиновича (Y.G. Rainich) из Michigan-a (USA). Пишет много интересного об Америке. Он сейчас много работает по теории кривых пространств — прислал мне свои оттиски. Новый год встретил как полагается — сидя у себя на диване и читая Канта. На старое Рождество устраивал ёлку в лесу — вылазка на лыжах — бенгальские огни — аккумуляторы и пр. Надеемся попасть в милицию. Ну, пока. Всех благ. Поклон Нине и Марусе. Юра»[17].

Символисты, импрессионисты, Щукин и Ван Гог, Мейерхольд, всесоюзная физическая конференция, Александринка, теория относительности и теория кривых пространств, Кант, Göttingen и Michigan, Хлестаков в круглых очках, как Грибоедов! Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе? В 1960–1970-е гг. Гамов с этими вкусами своей аспирантской юности был бы в СССР абсолютно передовым человеком. Кажется, в этом джентльменском наборе не хватает только двух вещей: джаза и Хемингуэя? Неверно. Джаз уже тоже был, хотя Хемингуэй ещё отсутствовал: сколотившаяся вокруг Гамова в Ленинградском университете группка или секта студентов, куда входили Дмитрий Иваненко, Лев Ландау, Матвей Бронштейн и примкнувшие к ним лица женского пола, празднично именовала себя «джаз-бандом». Г.Е. Горелик и В.Я. Френкель в книге «Матвей Петрович Бронштейн» одну из главок так и назвали — «Джаз-банд»: «Речь идёт о знаменитом среди физиков джаз-банде, в центре которого были Г.А. Гамов, Л.Д. Ландау, в то время, впрочем, более известные своими прозвищами — Джонни, Димус и Дау; называли их ещё "три мушкетёра". В некоторых устах вторая часть названия группы прибавлением всего одной буквы в конце меняла загранично-музыкальный характер на отечественно-уголовный. Бандой с особой охотой называли их не поспевающие за временем физики и философы, которым не приходилось рассчитывать ни на почтительное, ни даже на сдержанно-нейтральное отношение. К этой боевой и пышущей физико-математическим здоровьем компании присоединился Бронштейн». Одна из участниц джаз-банда посвятила его героям стихи, идущие след в след за знаменитыми «Капитанами» Николая Гумилёва: «Вы все, паладины Зелёного Храма, / По волнам де Бройля держащие путь, / Барон Фредерикс и Георгий де Гамов, / Эфирному ветру открывшие грудь» (Е.Н. Канегиссер, в замужестве Пайерлс)[18].

[17] Там же. С. 181–182.

[18] *Горелик Г.Е., Френкель В.Я.* Матвей Петрович Бронштейн. 1906–1938. М.: Наука. 1990. С. 25–27.

Именно этот «джаз-банд» изобрёл многие из форм общения, получившие широкое распространение в интеллигентских компаниях 1960-х и последующих годов: помешанность на всём американско-космополитическом, включая «заграничные» прозвища членов группы — упомянутые «Джонни», «Дау», «Димус» (Иваненко), «Аббат» (Бронштейн); взаимные превращения работы в досуг и обратно, их обязательное смешение; непрерывные демонстрации эрудиции и парады остроумия; бесконечные розыгрыши, комикования и издевательства над «дураками» и «догматиками», иногда совсем не безопасные для их авторов; издание рукописного журнала «Отбросы физики» и т.п. «Остальное время мы провели в игре в теннис, ходили купаться и в кино, когда показывали голливудские фильмы с Мэри Пикфорд, Дугласом Фербенксом и другими звёздами мирового кино» (Гамов)[19]. Первостепенное значение Георгия Гамова, позволю себе рискованное обобщение, для отечественной культуры заключается не столько в его открытиях в области науки, сколько в его открытиях в области образа жизни: **он был одним из зачинателей нового, эпохального стиля поведения интеллектуала как культурного героя XX в.**

Абсолютной нелепостью было бы делать из сказанного вывод, что времяпрепровождение лидеров «джаз-банда» сводилось к указанным занятиям: все они упорно и успешно учились, брали и впитывали из первых (Александр Фридман, Абрам Иоффе) и вторых рук, из иностранных физических и математических журналов последние новости о происходившей тогда революции в науке. Поразительно, за какой короткий срок и Гамов, и Иваненко, и Ландау, и Бронштейн обжили её передний край, включились в международный исследовательский поиск и обмен идеями. Правда, всё это они делали на свой, «джаз-бандовский» манер. В неписаном уставе «джаз-банда» одним из главных пунктов был следующий: **быть незнаменитым некрасиво. Наоборот, прославиться — это стильно**. Вот как запомнились Дмитрию Иваненко обстоятельства отъезда «Джонни» за границу: «Все мы помогали Джо перед отъездом, выбирали ему костюмы, провожали на набережной перед посадкой на пароход, направлявшийся в Штеттин, вспоминали ходившие по рукам строфы Кузьмина: “Вот пароход уходит в Штеттин. / Я остаюсь на берегу, / Не знаменит и не заметен / Так жить я больше не могу”»[20]. Гамов обречён был стать знаменитым, чтобы остаться верным стилю «джаз-банда».

И это ему, как ни удивительно, удалось в кратчайшие сроки. Вновь предоставлю слово Иваненко: «Первая же поездка Гамова превзошла, как известно, все ожидания. Его истолкование альфа-распада, как квантово-волнового проникновения через барьер (названный «Гамов – Берг»), явилось самым впечатляющим из качественно новых специфически квантовых эффектов, а не просто квантовых поправок… Удачнейшее, незапланированное знакомство с Нильсом Бором, сразу ввело Гамова в круг лидеров физики. Статья одного из самых крупных теоретиков Лауэ, обсуждавшего теорию Гамова в центральном немецком органе того времени, произвела сильное впечатление»[21]. Основополагающая статья Гамова по теории альфа-распада «Zur Quantentheorie des Atomkerns» («О квантовой теории атомного ядра»)

[19] *Гамов Дж.* Моя мировая линия… С. 47.

[20] *Иваненко Д.Д.* Указ. соч. С. 267.

[21] Там же. С. 267–268.

была закончена им в Гёттингене 28 июля 1928 г. и получена в редакции Zeitschrift für Physik 2 августа 1928 г.

Не имея ни научной компетенции, ни возможности более обстоятельно обсуждать работы Гамова, мгновенно принесшие ленинградскому аспиранту международную известность, остановлюсь лишь на указанной статье — с точки зрения проявившегося в ней мыслительного стиля её автора. Боясь показаться самонадеянным, сделаю предположение, что важнейшей чертой этого стиля было **остроумие**. Если следовать Зигмунду Фрейду, то к методологии остроумного мышления принадлежат такие приёмы, как «сгущение, смещение, изображение через противоположное, через самое малое» («Автобиография»)[22]. То есть сопоставление между собой далёких явлений, проведение неожиданных аналогий. Именно это и было самой сильной стороной научного стиля Георгия Гамова. Знаменитый учёный Станислав Улам писал об этом в своём предисловии к воспоминаниям Гамова: «Мой друг, математик, покойный Стефан Банах однажды сказал мне: “Хорошие математики видят аналогии между теоремами или теориями, а самые лучшие видят аналогии между аналогиями”. Этой способностью находить общее между моделями для физических теорий Гамов обладал почти до сверхъестественной степени. В современную эпоху всё более сложного и, может быть, сверхсложного использования математики было удивительно видеть, сколь много он мог достичь использованием интуитивных картин и аналогий, получаемых историческими или даже художественными сравнениями»[23]. Если угодно, Гамов и здесь был верен своему «джаз-бандовскому» стилю. Необычайной популярностью пользовалась предложенная им остроумная интерпретация теории альфа-распада как «туннельного эффекта».

Чтобы не залезать в дебри атомной физики, сошлюсь на работу одного из крупнейших учёных XX в. Луи де Бройля «Революция в физике», где тому эффекту посвящён отдельный параграф. Де Бройль предлагает мысленно рассмотреть ситуацию, когда частица заключена в пространстве, со всех сторон ограниченном потенциальными барьерами, высота которых больше энергии частицы. Классическая механика утверждала, что частица никогда не сможет вырваться из той потенциальной ямы. Согласно применённой Гамовым волновой механике частица, наоборот, имеет вполне определённую, небольшую вероятность покинуть яму. В научном сообществе бытует легенда о том, что после выступления Гамова с изложением своей теории 27 февраля 1929 г. в лондонском Королевском обществе на открытии дискуссии о строении атомных ядер не менее остроумно описал это положение вещей британский физик Роберт Фаулер: каждый присутствующий в этом помещении имеет конечную вероятность покинуть его, не проходя через дверь или, конечно, не прыгая в окно.

Луи де Бройль показал, как работает эта теория в случае альфа-распада: «Можно предположить, что альфа-частицы ещё до распада заключены в ядрах радиоактивных атомов как в потенциальной яме… Величайшее удивление вызывал у физиков такой факт: энергия альфа-частиц, выходящих из распадающихся ядер, была, по-видимому, гораздо ниже той, которая позволила бы им перевалить через окру-

22 *Фрейд З.* По ту сторону удовольствия. М.: Прогресс-Литера, 1992. С. 141.

23 *Улам С.* Предисловие // Джордж Гамов. Моя мировая линия… С. 6–7.

жающий ядро потенциальный барьер… Если исходить из классических представлений, то мы попадаем в тупик. А вот туннельный эффект сразу всё объясняет. Заключённые в радиоактивном ядре альфа-частицы находятся в потенциальной яме с очень высокими стенками. Тем не менее они имеют определённую вероятность за единицу времени выскочить наружу. Эта вероятность, очевидно, равна постоянной распада радиоактивного вещества… Сделав разумные предположения о форме этих барьеров, Гамов показал, что результаты теории очень близки к наблюдаемым». Луи де Бройль счёл необходимым сказать о «замечательном применении волновой механики, которое нашёл Гамов»[24]. Столь же лестно на несколько лет раньше отозвался о теории Гамова на упомянутой дискуссии в Королевском обществе Эрнест Резерфорд. Это был подлинный триумф молодого учёного из Советской России[25]. Триумф его мыслительного стиля. Но не жизненного. Тут произошёл генеральный сбой: коса нашла на камень.

Неудачный coup d'etat в советской физике

Косой оказалось внезапно вспыхнувшее честолюбие Георгия Гамова, камнем — инициированный им конфликт с академическим сообществом Советского Союза. Обнародованные только в 1990-е гг. факты позволяют более чётко обозначить контуры этого конфликта. После своего первого триумфа Гамов, на первый взгляд, шёл от победы к победе. Благодаря устроенной Владимиром Фоком встрече с Нильсом Бором Гамов получил стипендию в Институте теоретической физики в Копенгагене, тогдашней Мекке физиков-теоретиков, а вместе с ней — и разрешение от советских инстанций на продление своей заграничной командировки. Благодаря протекции Бора Гамов познакомился с Эрнестом Резерфордом, с успехом выступил в лондонском Королевском обществе на открытии дискуссии по проблемам атомного ядра 7 февраля 1929 г., получил стипендию Рокфеллера в Кембриджском университете в Англии, где работал в 1929–1930 гг. За этим последовало новое приглашение в Копенгаген к Бору, где Гамов пребывал до сентября 1931 г. Он много печатался в научных журналах Европы, зачастую — в соавторстве, выпустил в свет свою первую монографию «Строение атомного ядра и радиоактивность», сперва на английском, а потом на немецком и русском языках. При этом Гамов всё это время оставался аспирантом ЛГУ! Он спорадически приезжал в СССР, где внимательно следили за его научной карьерой. Приезжал, главным образом, для того, как он сам писал, чтобы получить накопившуюся за его отсутствие стипендию. 11 сентября 1931 г. Гамов лично направил в Ленинградский

[24] *Бройль Луи де.* Революция в физике. М.: Атомиздат. 1965. С. 156–159.

[25] Правда, на голубом небе научной славы Гамова было одно неприятное облачко. Как отметили Френкель и Чернин, ко времени публикации статьи Гамова об альфа-распаде идея о туннельном эффекте, можно сказать, витала в воздухе. Соответствующий расчёт был выполнен другими советскими физиками годом раньше и опубликован в том же Zeitschrift für Physik. Гамов не мог не знать об этом. Видимо, не обратил на неё должного внимания. Много позднее И.Е. Тамм справедливо считал недопустимым, что Гамов не упомянул об этой работе ни в своих последующих статьях, ни в книгах. См.: *Френкель В.Я., Чернин А.Д.* Возвращается Г.А. Гамов // Природа. 1989. № 9. С. 89.

университет следующее заявление: «Директору ЛГУ. Ввиду моего возвращения из заграничной научной командировки и окончания моего аспирантства прошу оформить окончание моего аспирантского стажа и зачислить меня в штат Ленинградского Государственного Университета. Г. Гамов»[26]. Так завершился затяжной зарубежный вояж Георгия Гамова.

Без работы Гамов, разумеется, не остался: он был зачислен старшим физиком в Физико-математический институт АН СССР, из которого после переезда из Ленинграда в Москву образовались ФИАН и МИАН. Помимо этого, Гамов в качестве доцента преподавал в ЛГУ и в качестве научного сотрудника первого разряда служил в его Физическом НИИ, а также был научным сотрудником первого разряда Государственного радиевого института. Но его непреодолимо влекло на Запад, и в тот же день, 11 сентября 1931 г., он ошеломил правление ЛГУ и сектор науки Наркомпроса новым ходатайством о поездке за рубеж «для окончания работы». 12–14 сентября Гамов был вызван в Москву для отчёта об итогах своих предыдущих командировок, который прошёл, очевидно, вполне успешно. Доказательством тому является выдвижение кандидатуры Гамова уже в декабре 1931 г. президиумом Государственного радиевого института в составе академика В.И. Вернадского и профессоров В.Г. Хлопина и Л.В. Мысовского в члены-корреспонденты АН СССР.

За избрание Гамова сильно хлопотал Лев Ландау, засыпавший известных учёных на Западе своими письмами. Вот его любопытная переписка с П.Л. Капицей. «Ландау – Капице, 25. 11. 1931. Дорогой Пётр Леонидович, необходимо избрать Джони Гамова академиком. Ведь он бесспорно лучший теоретик СССР. По этому поводу Абрау (не Дюрсо, а Иоффе) из лёгкой зависти старается оказывать противодействие. Нужно обуздать распоясавшегося старикана, возомнившего о себе бог знает что. Будьте такой добренький, пришлите письмо на имя непременного секретаря Академии наук, где как член-корреспондент Академии восхвалите Джони; лучше пришлите его на мой адрес, чтобы я мог одновременно опубликовать таковое в “Правде” или “Известиях” вместе с письмами Бора и других. Особенно замечательно было бы, если бы Вам удалось привлечь к таковому посланию также и Крокодила (Резерфорда. — *С. З.*). Ваш Л. Ландау». «Капица – Ландау, 03. 12. 1931. Дорогой Ландау, что Академию омолодить полезно, согласен. Что Джони — подходящая обезьянья железа, очень возможно. Но я не доктор Воронов и не в свои дела соваться не люблю. Ваш П. Капица»[27].

29 марта следующего года Георгий Гамов был избран членом-корреспондентом АН СССР, став самым молодым из учёных, имевших тогда это звание. В сентябре 1933 г. Гамов выступил с головным докладом «Квантовые уровни ядра» на I Всесоюзной конференции по атомному ядру в Ленинграде.

Однако параллельно с этим быстрым восхождением Георгия Гамова по ступеням академической иерархии происходили ещё два более подспудных процесса, которые в конечном счёте и предопределили его дальнейшую судьбу. Первым из них была почти забытая сегодня попытка «занять командные высоты» в советской фи-

[26] *Лисневский Ю.И.* Дополнительные материалы… С. 194.

[27] Цит. по: *Горелик Г.Е., Френкель В.Я.* Указ. соч. С. 88.

зике, предпринятая в начале 1930-х гг. Гамовым и Ландау. Последний тоже вернулся в Ленинград из своей заграничной научной командировки, хотя и не с такой помпой, как его более удачливый друг. Дмитрий Иваненко, хорошо знавший изнутри подоплёку событий, писал: «Вспоминая 1930–1931 гг., напомним коротко о практически только косвенно известном в истории научной литературы эпизоде, связанном с проектом реорганизации советской физики (сперва теоретической), выдвинутым Гамовым и Ландау… Гамов уже вошёл в большую науку своей теорией альфа-распада, ранние работы Ландау также были оценены, и они решили, что всего этого достаточно, чтобы посчитать себя самыми главными советскими теоретиками, ссылаясь на некоторое будто бы уже установленное в этом смысле мировое мнение. Соответствующие их высказывания по возвращении в Ленинград (типа: Фок вообще не теоретик, а математическая машина; у Френкеля много сырых работ; Тамм, Иваненко выполнили какие-то мелочи — за рубежом-де известны только достижения Гамова – Ландау; Мандельштам — только радиофизик; это были, напомним, ещё доядерные годы); всё это, конечно, вызывало смех, но к последующим шагам пришлось отнестись серьёзно. Настойчивая агитация, проводившаяся Ландау, о скорейшем выборе Гамова в Академию наук, конечно, имела вполне разумное основание… С другой стороны, проект создания в Ленинграде центрального академического Института теоретической физики во главе с Гамовым и Ландау без привлечения других руководящих теоретиков был, конечно, правильно оценен как реальный шаг к “захвату власти” и вызывал резкие возражения (тем более что у Френкеля со мной и другими коллегами были уже проекты, направленные на содействие большому “рывку” теоретической физики)»[28]. Нельзя не увидеть за этими словами также присутствия оскорблённого самолюбия Иваненко (его не могло не обидеть то, что Ландау, к примеру, назвал иваненковскую протон-нейтронную модель атомного ядра — «филологией», пустой болтовнёй), но суть дела к этому не сводилась.

Гамов с Ландау не только развалили некогда столь сыгранный «джаз-банд», разорвали или крайне отяготили свои личные отношения с Иваненко и Бронштейном. Сестра бывшей участницы и первой поэтессы «джаз-банда» Е.Н. Канегиссер Н.Н. Канегиссер писала ей за границу: «Новый Putsch — теоретический сектор. Директор — Jonny (те же и они же), члены — Дау, Виктор [Амбарцумян] и Аббат, и аспирант — грузинский юноша из Рентг [Физтеха], которого они уже успели свести с ума. Триумвират не желает впустить туда ни Яшу [Френкеля], ни Dymus-a. Виктор либеральней. Склока происходит ужаснейшая. Dymus обиделся на Jonny, Jonny на Dymus-a (зачем не голосовал за его кандидатуру в академики. На собрании в Рентг. Эту остроумную кандидатуру поддержали только Аббат, Дау и безумный грузин!)»[29].

Они резко противопоставили себя людям, которым были обязаны в научном плане очень многим, которые их высоко ценили и которых они хотели пустить на «академическое мясо». С Гамовым и Ландау долго возились в Академии наук, происходили бесконечные обсуждения ситуации с академиком Иоффе, с непременным секретарём АН СССР Волгиным. В эту возню были втянуты и ВСНХ, и даже ЦК

[28] *Иваненко Д.Д.* Указ. соч. С. 272–273.

[29] Цит. по: *Горелик Г.Е., Френкель В.Я.* Указ. соч. С. 88–89.

ВКП(б). Создавшееся напряжение не сняло и предложение Владимиру Фоку стать директором нового института, а руководство его основными отделами возложить на Гамова, Ландау, Иваненко и Амбарцумяна. В конце концов Френкель и Иваненко уговорили Иоффе выступить на решающем собрании АН СССР против идеи создания отдельного Института теоретической физики как нецелесообразной и несвоевременной. Академики поддержали Иоффе; они должны были это сделать уже хотя бы в силу корпоративной солидарности, для острастки нетерпеливых молодых людей, которые хотели списать их в утиль. После провала этой затеи Ландау уехал в Харьков, в филиал ЛФТИ, а Гамов погрузился в другие заботы, ставшие для него самыми насущными.

Ещё будучи за границей, Гамов получил от Гульельмо Маркони приглашение принять участие в первом международном конгрессе по атомному ядру (Рим, октябрь 1931 г.) и представить статью по структуре ядра. О дальнейших событиях он написал в своих воспоминаниях: «Я решил вместо возвращения в Ленинград провести лето в поездке вокруг Европы на моём мотоцикле и закончить её в Риме к моменту начала конгресса»[30]. Гамов самолично решил продолжить свою загранкомандировку, но для этого ему нужно было продлить свой советский паспорт. Снять этот вопрос в советском посольстве автоматически, методом штемпелевания ему на этот раз не удалось: в посольстве ему рекомендовали появиться в Москве и там оформить соответствующий документ. Возвращение Гамова в Советскую Россию в 1931 г. было, таким образом, не вполне добровольным. Несмотря на все свои хлопоты, Гамов так и не получил загранпаспорт до начала конгресса, и его доклад на нём был зачитан Максом Дельбрюком. Делегаты конгресса послали Гамову открытку с сожалениями о его отсутствии, подписанную в числе прочих Марией Кюри, Вольфгангом Паули, Энрике Ферми, Лизой Мейтнер и другими знаменитостями. 10 ноября 1931 г. П. Эренфест писал А. Иоффе: «То, что Гамов, в конце концов, всё же не сумел приехать, вызвало, конечно, очень и очень большое сожаление у всех, кто интересуется молодой русской физикой»[31]. Что эта проволочка с выдачей загранпаспорта не была случайна, Гамов вскоре убедился воочию, когда ему не была разрешена поездка в США на летнюю школу в Мичигане в 1932 г. Фактически он стал, говоря на советском новоязе, «невыездным». Мириться с этим Гамов, стремившийся даже в СССР позиционировать себя со своим несостоявшимся Институтом теоретической физики как советского аналога Бора с его Институтом теоретической физики или Резерфорда с его Кавендишской лабораторией, не мог и не хотел по самой своей натуре. Чтобы изменить создавшееся положение дел, он пошёл по проторённому пути. Рассказы Гамова о его попытках сбежать вместе с женой за рубеж по морю на байдарке или на мотоботе мне представляются его стилистическими шедеврами (и «главной темой» его «отрывочных воспоминаний», как сформулировал это сам Гамов), которые надо рассматривать по законам литературного вымысла. В жизни всё происходило намного прозаичнее. Гамов получил очередное приглашение из заграницы, на сей раз — на международный Сольвеевский конгресс по ядерной физике, который

[30] *Гамов Дж.* Моя мировая линия… С. 80.

[31] *Эренфест. Иоффе*. Научная переписка. Л.: 1973. С. 338.

должен был состояться в Брюсселе в октябре 1933 г. За то, чтобы Гамова выпустили из СССР на конгресс, лично ходатайствовал перед советскими инстанциями Поль Ланжевен, к чьему голосу в Советской России тогда ещё сильно прислушивались. И такое разрешение было дано! «Я не мог поверить своим глазам, — отмечал Гамов, — но в моих руках было официальное письмо, в котором чёрным по белому было написано, что я должен прибыть в Москву, получить паспорт, необходимые визы и железнодорожный билет за несколько дней до отъезда»[32].

Но этого Гамову показалось мало: он потребовал, чтобы загранпаспорт выдали и его жене, смехотворно мотивируя свою просьбу тем, что она помогает ему в работе. Трудно сказать определённо, собирался ли Гамов уже тогда вместе с женой остаться за рубежом или нет, ясно одно: его жена страстно хотела в Европу и сделала ему предложение, от которого он не смог отказаться. (Капица очень отрицательно отзывался в письмах о жене Гамова, фигурирующей под именем «Ро»: «Ро — авантюристка и женщина, только помогающая развить в Джони его антисоциальные черты»[33]. В такой оценке «Ро» Капица был отнюдь не одинок. Сергей Снегов в повести «Творцы» воспроизвёл голос тогдашнего общественного мнения относительно жены Гамова: «Физики дружно сторонились Любови Николаевны Вохминцевой, красивой, модно одевающейся женщины, недавно ставшей его женой»[34].)

Гамов обратился за поддержкой к Николаю Бухарину, с которым был лично знаком как с заведующим научно-исследовательским сектором ВСНХ и участником затеянной Гамовым и Ландау академической эпопеи. Бухарин открыл Гамову двери в кабинет Председателя СНК Вячеслава Молотова. Молотов решил вопрос Гамова — в нарушение всех правил: Ро получила загранпаспорт, они поехали вдвоём в Бельгию и больше в Россию никогда не возвращались. «Размышляя о прошлом, — писал Гамов, — я до сих пор не могу себе представить, как случилось, что я получил второй паспорт. Самым вероятным кажется, что где-то скрестились чьи-то интересы»[35]. Да уж, интересы скрестились, и весьма нешуточные: фактический «невозвращенец» Гамов получил в ответ на своё письмо **официальное разрешение** продлить на год свою зарубежную «командировку». Кто-то сильно за него молился. Мало того, Гамов обратился к протежировавшему его Молотову с требованием предоставить ему такой же статус, как у Петра Капицы: сохраняя гражданство СССР, постоянно жить с семьёй и работать за границей, лишь наезжая по необходимости на родину. Ответ Молотова на это обращение неизвестен. Реакция власти известна: в том же сентябре 1934 г., когда закончился срок командировки Гамова, в СССР был задержан находившийся здесь Пётр Капица, который навсегда потерял свой статус. Капица косвенно выразил своё раздражение поступком Гамова в письме Нильсу Бору от 15 ноября 1933 г.: «Невозвращение Гамова в Россию чрезвычайно затруднит получение разрешений на выезд для тех молодых русских физиков, которые хотели бы учиться за границей. Это представляется мне основным

32 *Гамов Дж.* Моя мировая линия… С. 101.

33 *Лисневский Ю.И.* Дополнительные материалы… С. 212.

34 *Снегов С.* Творцы… С. 33.

35 *Гамов Дж.* Моя мировая линия… С. 105.

доводом против подобного шага. Сейчас примерно десять молодых физиков хотели бы выехать за границу, и этот вопрос рассматривается в настоящее время. Но если Гамов останется в Европе без разрешения русского правительства, это очень им повредит»[36]. Капица тогда ещё не вполне сознавал, насколько это повредит ему самому.

Юрий Лисневский по этому поводу размышляет несколько туманно и загадочно: «Можно представить себе такую ситуацию. Когда стало ясно, что Гамов, добивавшийся для себя "статуса Капицы" (письмо В.М. Молотову, см. также переписку Гамова с Капицей. — *С. З.*), не вернётся, было осуществлено "задержание" в России Капицы — основателя такого статуса. Тем самым ценой уже реализовавшейся потери Гамова, а может, взамен такой потери, для страны приобретался Капица и ликвидировался сам этот статус, столь необычный для нашей страны и соблазнительный для других советских учёных. Естественно, подобные действия должны были осуществляться по решению самых высоких инстанций. Пожалуй, мы не ошибёмся, если скажем, что это было сделано с санкции Сталина»[37]. Остаётся не снятым главный для этой истории вопрос: так что же на самом деле имело место — обмен или размен? И вообще: теряла ли страна Георгия Гамова, задерживая Петра Капицу?

* * *

Историк науки Валентин Белоконь в беседе с журналистом Андреем Павловым чисто по-евангельски поведал «с кровли» то, о чём втихомолку толковали наиболее информированные люди из числа бывших друзей и знакомых Георгия Гамова: «Георгий Гамов исчез за кордоном в 1934-м — то ли просто сбежав, то ли будучи завербованным НКВД под страхом расправы за "антимарксистскую" (вместе с Иваненко) деятельность. Кстати, нельзя с порога отбросить версию, что именно от Гамова к Сахарову попали секреты термоядерного оружия: основным автором принципов водородной бомбы был польский математик Станислав Улам — закадычный и единственный в Лос-Аламосской атомной лаборатории друг Гамова»[38]. Белоконь ошибся: другим закадычным другом и соавтором Гамова с 1930 г. был один из создателей водородной бомбы, венгерский еврей Эдвард Теллер, которому Гамов проторил дорогу в Америку и вместе с которым Гамов участвовал в реализации Манхэттенского проекта.

В своей автобиографии Гамов отмечал: «Более обширной была моя связь с Лос-Аламосской лабораторией после 1949 г., когда я прошёл проверку на благонадёжность. Я воспроизвожу здесь почтовую открытку д-ру Норрису Бредбери, директору Лос-Аламосской лаборатории. Эта открытка стала моим ответом на официальное приглашение принять участие в работе над бомбой деления в Лос-Аламосе. Другие два рисунка — по существу дружеские шаржи. Первый — карикатурные портреты моих добрых друзей Эдварда Теллера и Станислава Улама, которые из-

[36] *Капица П.Л.* Письма о науке. 1930–1980. М.: Моск. рабочий. 1989. С. 25.

[37] *Лисневский Ю.И.* Дополнительные материалы… С. 212.

[38] Литературная газета. № 6. 13–19 февраля 2002 г.

вестны как отец и мать водородной бомбы, а второй имеет отношение к тому времени, когда президент Трумэн ещё колебался, сказать да или нет разработке водородной бомбы. Пожалуй, вот и всё о моей военной деятельности»[39]. Два шаржа. Вот и всё, что сохранилось от этой захватывающей истории…

Это — в стиле Георгия Гамова.

[39] *Гамов Дж.* Моя мировая линия… С. 127–128.

Н.И. Кротов

ПЛАМЕННЫЕ БАНКИРЫ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ

Кротов Николай Иванович — генеральный директор АНО «Экономическая летопись», специалист по экономической истории

Просто жизнь моя — манеж,
Ну а вы, мой друг, мне кажется, зритель.

Ю.И. Визбор. Манеж

И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

Б.Ш. Окуджава. Сентиментальный марш

Существовала такая присказка — «Нельзя выжатую зубную пасту вернуть в тюбик». С жестяным такой фокус не был возможен, с пластиковым тюбиком, пожалуйста.

Принято заявлять, что история не имеет сослагательного наклонения. Свершённого действительно не вернуть. Но история — это наука о граблях, и если мы не будем исследовать альтернативы пережитых нами событий, то будем вновь и вновь наступать на этот русский тренажёр. Рассматривать разные «если бы» да «кабы» нужно не для того, чтобы наказать виновного (или по крайней мере не только для этого), а для того, чтобы повторно не совершать похожие ошибки. «Родовые травмы» человека исследуют, чтобы знать, как лечить их последствия.

Особенно интересно, какое влияние оказывает на происходящее субъективный фактор. Как в критические моменты истории он выходит на первый план.

Я неоднократно писал о том, как создавалась современная банковская система[1], сегодня же давайте посмотрим, как появилась её предшественница 1920-х годов. Сделаем мы это на примере трёх основных банков того периода: Госбанка, Промбанка и Внешторгбанка.

Госбанк в стране хозяин

Как-то Виктору Владимировичу Геращенко, ещё председателю правления Госбанка СССР, предложили повесить в банке портреты предшественников. Он начал разбираться и убедился, что весь начальный советский период работы Госбанка СССР представляет собой белое пятно!

Печальна судьба многих руководителей главного банка страны. Скажу только, что ни один из них (!) не доработал весь положенный ему срок.

За 90 лет председателями Госбанка СССР, Центрального банка РСФСР, Центрального банка РФ становились 26 человек. Семеро из них были расстреляны,

[1] Многие книги вывешены на сайте http://www.letopis.org

один предусмотрительно попросил политического убежища в Англии, другой оказался членом «антипартийной группировки», ещё один умер во время исполнения обязанностей. Остальных отправляли в отставку без серьёзных для них последствий. Только в 2013 г. председатель Банка России Сергей Михайлович Игнатьев создал прецедент выживаемости.

11 (24) ноября 1917 г. управляющий Государственным банком (с 1914 г.) **Иван Павлович Шипов** (1865–1920) отказался признать советскую власть и был уволен за саботаж без права на пенсию. С этого началась история банковской системы новой России.

До Госбанка СССР с ноября 1917 г. по январь 1920 г. в составе Наркомата финансов существовал Народный банк РСФСР. Его руководители долго не задерживались на своих постах, судьба их печальна: четверо из шестерых расстреляны, один погиб при невыясненных обстоятельствах, ещё один отделался исключением из партии.

Первым комиссаром по Государственному банку на правах управляющего стал польский дворянин **Станислав Станиславович Пестковский** (1882–1937). Естественно, революционер, постигающий науки на поселениях и в эмиграции. В 1917 г. он сменил ряд должностей от управляющего делами городского Совета профсоюзов Петрограда до комиссара Главного телеграфа. Видимо, ему было всё равно, чем руководить.

Он сам рассказывал, что, будучи рядовым большевиком, вскоре после октябрьских событий зашёл в поисках какой-либо работы в Смольный: «Я открыл двери в комнату, находящуюся против кабинета Ильича, и вошёл туда... На диване полулежал с утомлённым видом т. Менжинский. Над диваном красовалась надпись: “Народный комиссариат финансов”. Я уселся около Менжинского и вступил с ним в беседу. С самым невинным видом т. Менжинский расспрашивал меня о моём прошлом и полюбопытствовал, чему я учился. Я ответил ему, между прочим, что учился в Лондонском университете, где в числе других наук штудировал и финансовую науку. Менжинский вдруг приподнялся, впился в меня глазами и заявил категорически:

“В таком случае мы вас сделаем управляющим государственным банком”. Через некоторое время он вернулся с бумагой, в которой за подписью Ильича удостоверялось, что я и есть управляющий государственным банком». Банк Пестковский возглавлял два дня — с 11 (24) ноября по 13 (26) ноября 1917 г. В.И. Ленин поставил ему задачу: найти деньги для революции. Средства Пестковский не нашёл, но предложил оформить заём в 5 млн. рублей у знакомого польского банкира. За что был тут же уволен. После этого работал в Коминтерне. В 1937 г. репрессирован, расстрелян как польский шпион.

Его сменил другой дворянин, **Валериан Валерианович Оболенский** (партийный псевдоним Н. Осинский) (1887–1938), с такой же революционной судьбой, но к тому же с экономическим отделением юридического факультета Московского университета за плечами. В середине ноября пришёл в банк с десятком энергичных товарищей и с неограниченными полномочиями. С помощью 50 подписанных, но не заполненных ордеров на арест Оболенский смог добиться того, что не удалось его предшественнику, — ему для нужд Совнаркома были переданы ключи от банковских кладовых и деньги. 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) назначен председателем ВСНХ. Его считают отцом автомобилизма и автомобилестроения в Советской России, он стал первым главным редактором журнала «За рулём». Воз-

главлял в 1926 г. ЦСУ, а с 1932 г. созданное в декабре 1931 г. Центральное управление народно-хозяйственного учёта при Госплане СССР. В 1935 г. стал первым директором Института народного хозяйства (ныне Институт мировой экономики и международных отношений). 13 октября 1937 г. машина террора съела одного из её создателей — В.В. Оболенский был арестован как свидетель по процессу Бухарина – Рыкова, а 1 сентября 1938 г. расстрелян[2]. Колесо репрессий на этом не остановилось. Следователи, которые вели дело Оболенского, — Герзон и Коган — были тоже расстреляны в 1938 и 1939 гг. Как говорилось в материалах о реабилитации, «за фальсификацию следственных дел и применение недозволенных методов в ходе следствия». Председательствовавший на суде армвоенюрист В.В. Ульрих в 1948 г. отделался снятием с работы, понижением в должности до начальника курсов усовершенствования военно-юридического состава Советской армии и вскоре умер.

Далее (с декабря 1917 г.) был **Георгий (Юрий) Леонидович Пятаков** — человек более известный, ставший в дальнейшем и председателем правления Государственного банка СССР. Поэтому рассказ о нём позже.

Пятакова в марте 1918 г. сменил первый представитель рабочего класса (по крайней мере, по происхождению) **Александр Петрович Спунде** (1892–1962). Он успел поработать учеником торговой конторы в Риге и управляющим книжным складом, конторщиком в Сибирской торговой компании и счетоводом в Минусинской конторе Русско-Азиатского банка, окончить торговую школу и частные вечерние общеобразовательные курсы. Занимал пост комиссара Государственного банка до июня 1918 г. После этого судьба его ещё раз свяжет с главным банком страны: в 1922–1923 гг. он управляющий Украинским отделением Госбанка в Харькове, а с 1926 по 1930 г. фактически руководит Госбанком СССР, будучи зампредом правления при живущем за границей председателе А.Л. Шейнмане, а позже политическом председателе Г.Л. Пятакове. Одновременно Спунде — член коллегии Наркомфина СССР, член ЦИК и ряда других важных структур. Принимал активное участие в разработке первого пятилетнего плана. Судьба у него не типичная для тех лет. Хотя избежать ссылок и арестов до революции ему не удалось, зато он достаточно благополучно прожил до 1962 г., будучи с 1931 г. на пенсии (был только исключён из партии как «левый коммунист» и активный сторонник Н.И. Бухарина). Не желая оставаться без дела, бывший комиссар Народного банка работал главбухом Сельэлектро, а с 1948 по 1951 г. — кассиром в Мосторге.

За ним был **Тихон Иванович Попов** (1872–1919), родившийся в семье протоиерея. Это был зрелый человек 48 лет (предшественникам было от 26 до 35 лет), окончивший историко-филологический факультет Харьковского университета. Член РСДРП с 1893 г. Как и В.И. Ленин, карьеру начинал секретарём присяжного поверенного (Ленин был помощником), но, говорят, более успешно — получил известность, защищая социал-демократов на многочисленных политических процессах. Работал агентом Киевского земского общества страхования от огня. В 1913 г. — член «тройки», возглавлявшей газету «Правда». В 1912–1913 гг. получил опыт работы в банке — служил в Торгово-промышленном банке в Петербурге и его

[2] Судя по всему, человек он был до конца социально активный. Его правнук Валериан Симаков в журнале «Большой город» № 19 (08.11.2010) рассказывает: «Бабушка вспоминает, что он как-то сказал жене, что хорошо как-нибудь исхитриться и бросить на Сталина тифозную вошь!»

московском отделении. Видимо, благодаря этому в качестве главного комиссара-управляющего Московской конторой Государственного банка участвовал в проведении в 1917 г. национализации частных банков.

Главным делом Попова на посту главного комиссара Народного банка РСФСР (в июне – октябре 1918 г.) стала эвакуация в Казань по указанию В.И. Ленина летом 1918 г. части золотого запаса банка, находившегося в Особой кладовой Московской конторы (в Большом Кремлёвском дворце). До этого другая часть золотого запаса банка была уже эвакуирована в Самару. После обострения положения на Восточном фронте Попов поручил Казанскому филиалу Народного банка подготовить ценности к эвакуации, однако вопреки его указаниям красный главком М.А. Муравьёв воспрепятствовал вывозу золота в Нижний Новгород. После сдачи Красной армией Казани и Самары золото попало вначале к белочехам, а затем — к колчаковцам. Рассказы о «золоте Колчака» до сих пор будоражат умы историков и публицистов. Оно же фактически сгубило Т.И. Попова. После того как выяснилось, что золото «пошло по рукам», в октябре 1918 г. Тихона Ивановича сделали крайним и понизили в должности, назначив заместителем главного комиссара Народного банка РСФСР. А в ноябре 1919 г. его направили на подпольную работу в Баку. До места назначения Попов не доехал, в астраханских степях был окружён белогвардейцами и, чтобы не попасть в плен, застрелился. По другой версии, парусник, на котором он плыл в Баку, был настигнут в море белогвардейским кораблём.

Про последнего комиссара Народного банка написаны книги, это была занимательная фигура — **Якуб Ганецкий** (1879–1937) (настоящее имя — Яков Станиславович Фюрстенберг, партийные псевдонимы: Генрих, Куба, Микола и Машинист). Родился в Варшаве в семье промышленника. Учился два семестра на естественном факультете Берлинского университета, затем в университетах Гейдельберга и Цюриха. С 1896 г. — в рядах социал-демократии Королевства Польского. Ближайший соратник Ф.Э. Дзержинского. До Февральской революции 1917 г. в России практически не появлялся. Принимал участие в работе берлинской секции Бунда (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше, России). Именно он в 1914 г. способствовал освобождению В.И. Ленина из австрийской тюрьмы и его переезду в Швейцарию, а после Февральской революции участвовал в организации возвращения В.И. Ленина и других российских социал-демократов в Россию в так называемом запломбированном немецком вагоне. Его имя тесно связано с именем известного демона революции Александра Львовича Парвуса. Ганецкий был исполнительным директором экспортно-импортной фирмы «Фабиан Клингслянд» в Стокгольме, а Парвус — её основателем. Наконец, он особо доверенное лицо Ленина, через которого якобы Германия финансировала большевистскую партию.

А.Ф. Керенский в статье «Парвус – Ленин – Ганецкий» (журнал «Новая Россия», Париж) писал: «Временное правительство точно установило, что денежные дела Ганецкого с Парвусом имели своё продолжение в Петербурге, в Сибирском банке, где на счету на имя родственницы Ганецкого, некоей Суменсон, а также небезызвестного Козловского хранились очень большие денежные суммы, которые через Ниа-банк[3] в Стокгольме переправлялись из Берлина при посредничестве всё того же Ганецкого...».

[3] «Ниа Банкен» (Nya Banken) — его главой был шведский банкир еврейского происхождения Улоф или Олаф Ашберг (швед. Olof Aschberg), о котором у нас пойдёт речь дальше.

В Россию он вернулся после Октябрьской революции и сразу был назначен помощником главного комиссара Государственного банка. Связи Ганецкого с Германией и Парвусом стали причиной партийного разбирательства в РСДРП(б). В начале 1918 г. Яков Станиславович даже был исключён из партии, но в результате личного вмешательства Ленина восстановлен и в октябре 1918 г. даже стал товарищем (заместителем) главного комиссара Народного банка РСФСР, а в ноябре — и.о. главного комиссара. Видимо, Парвус хорошо научил его считать деньги. На этой должности Ганецкий оставался вплоть до упразднения Банка в январе 1920 г. В конце карьеры с 1932 по 1935 г. руководил Государственным объединением музыки, эстрады и цирка, а в 1935 г. стал директором Музея Революции СССР. В 1937 г. был, естественно, репрессирован и расстрелян.

4 октября 1921 г. декретом Совнаркома за подписью В.И. Ленина был учреждён Государственный банк РСФСР. 7 октября того же года декрет утвердила IV сессия ВЦИК. В условиях НЭПа без него было невозможно обойтись. Банк не был самостоятельным, он напрямую подчинялся наркому финансов, его задачей было «способствовать кредитом и прочими банковыми операциями развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота», а также развитию «правильного денежного обращения».

16 ноября 1921 г. Госбанк начал свою работу. Ему предоставили монопольное право на проведение операций с валютой и валютными ценностями. После появления в октябре 1922 г. твёрдого червонца Госбанк стал также эмиссионным центром — начал выпускать банковские билеты. В отличие от так называемых совзнаков, червонцы «обеспечивались в полном размере устойчивой иностранной валютой, золотом, драгоценными металлами и прочими активами Госбанка». Когда в 1922 г. было разрешено создавать коммерческие банки, Госбанк стал координировать их деятельность.

Первым председателем 13 октября 1921 г. стал **Арон Львович Шейнман** (1886–1944). Младший ребёнок купца (по другим сведениям, банкира), имевшего также двенадцать дочерей. Как и многие другие дети из богатых еврейских семей, рано увлёкся радикальными идеями переустройства мира. Ещё в 1903 г., обучаясь на «счетовода» в коммерческом училище, он познакомился с большевиками. Желая отвлечь сына от нежелательных связей, отец отправил Арона, служившего тогда банковским конторщиком, учиться за границу, в Швейцарию и Германию, где он имел несчастье встретить Ленина и уже упоминаемого Я.С. Ганецкого.

В канун Октябрьской революции Шейнман возглавляет Совет депутатов армии, флота и рабочих Финляндии, где, по оценке Л.Д. Троцкого, зарекомендовал себя «человеком осторожным и бюрократического склада, но шедшим в то время в ногу…».

В 1918 г. он становится комиссаром финансов Петроградской трудовой коммуны и замнаркомфина РСФСР. Далее можно перечислить множество его различных должностей — ротация в то время была сумасшедшей. До 1921 г. Шейнман поработал и финансовым атташе полпредства в Стокгольме, и членом коллегии Наркомата продовольствия, замнаркомвнешторга, и даже полпредом в меньшевистской Грузии (он сменил на этом посту в сентябре 1920 г. С.М. Кирова).

Следует сказать, что в Скандинавии во время пребывания там нашего героя происходили серьёзные события. В Швеции он знакомится с банкиром Улофом Ашбергом, сотрудничавшим со многими российскими большевиками, в частности с

Л.Б. Красиным. Об этом бизнесмене, принявшем участие не в одной крупной финансовой махинации, у нас речь пойдёт дальше. Летом 1922 г. Шейнман, безусловно, помогал своему партнёру Улофу Ашбергу получить концессию на создание Российского коммерческого банка в Москве, преобразованного позже во Внешторгбанк.

А в январе 1919 г. Шейнман возвращается в Москву не совсем добровольно — его вместе с В.В. Воровским, М.М. Литвиновым, М.М. Бородиным и другими большевиками выслали из Швеции.

Арон Львович является одним из главных идеологов и организаторов НЭПа. Во многом по этой причине именно его в июле 1923 г. назначают первым председателем правления Госбанка. Он активно участвует в проведении знаменитой денежной реформы, его подпись стоит на каждом советском червонце.

Будучи директором-распорядителем первого треста в Союзе, Северолеса, я как-то позвонил Шейнману, директору Госбанка, и просил его увеличить размер кредита для этого треста; в зимние месяцы мы тратили все деньги на заготовку леса на экспорт, который начинался лишь с открытием сезона навигации между Россией и Англией, а потому нам до весны всегда нужны были средства. Обращаясь к Шейнману по телефону, я сказал приблизительно следующее:

– Пойдите нам навстречу и дайте нам лишних несколько миллионов аванса под лесные операции.

На это последовал следующий ответ:

– А, вы хотите, чтобы я пошел вам навстречу? Хорошо. Вот вы в Лубянском переулке, а я на Кузнецком. Мы выйдем одновременно и как раз встретимся на Лубянке. Подходит вам это место встречи?[4]

В 1925 г. Шейнман — нарком внутренней торговли, но уже с января следующего года вновь председательствует в Госбанке, являясь одновременно замнаркомфина и членом Совета труда и обороны СССР.

В июле 1928 г. Шейнман получает разрешение Политбюро ЦК ВКП(б) уехать в двухмесячный отпуск в Германию. Оттуда он пишет письмо председателю Совета народных комиссаров (СНК) А.И. Рыкову, в котором жалуется на «довольно паршивое» здоровье, мучительные боли и нехватку денег, а также выражает опасения по поводу своего будущего: «Неполучение указаний от начальства для человека, находящегося в моём юридическом положении, штука весьма неприятная и вряд ли способствующая улучшению моего состояния».

В стране действительно уже началось свёртывание НЭПа и борьба с «правым уклоном». 18 сентября 1928 г. в «Правде» была опубликована статья И.В. Сталина «Коминтерн о борьбе с правыми уклонами». А вскоре на апрельском 1929 г. Пленуме ЦК его лидеров (А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина, М.П. Томского) подвергнут резкой критике и уклон будет «разгромлен». Шейнман был, безусловно, близок к этой группе.

А вот воспоминания жены известного деятеля Коминтерна Отто Куусинена, Айно. К ним надо относиться с осторожностью, в книге много ошибок, да и, судя по всему, мемуарист плохо различает функции банка и ломбарда. К тому же и с датами у неё нестыковка. Тем не менее...

---

[4] *Либерман С.* Дела и люди (На советской стройке). М. 1999. С. 60.

Помню также скандал с Шейнманом. Правда, история эта не связана с Коминтерном, но она хорошо характеризует то время.

Знатоком финансовых дел считался в середине 20-х годов товарищ Шейнман, который, по рассказам Отто, был в 1918 г. советником и связным между большевиками и «красными» в Финляндии. Отто считал Шейнмана волшебником в финансовых делах, и неудивительно, что позже, в Москве, тот стал директором Госбанка. На него возлагались большие надежды: надо было придумать, как стабилизировать рубль и улучшить положение с валютой. Шейнман по работе постоянно поддерживал связь с банками и правительствами Европы. <…>

Ленин считал стабилизацию рубля настолько важным моментом, что однажды сказал: «Если мы не сможем стабилизировать нашу валюту, мы обречены на неудачу и провал». Шейнман часто выезжал за границу.

Проработав несколько лет, он в 1927 г. попросил разрешения взять с собой за границу жену и детей. Иначе коллеги на Западе ехидничают, что члены семьи остаются во время его поездок как бы заложниками. Разрешение было получено, семья выехала за границу. Вскоре из Праги пришло письмо, в котором Шейнман сообщал, что никогда, к сожалению, не сможет стабилизировать рубль. Поэтому больше не может возглавлять банк и в Россию не вернётся. Что собирается делать, не сообщил.

Вскрыли сейфы — на это имели право только руководители страны — они были опустошены. Шейнман прихватил всё, имеющее за границей ценность, как рассказывал мне Отто, — всё, что только мог. Парадокс, но правительство вынуждено было молчать, даже в Москве мало кто знал об этой краже.

Шейнман рассчитал верно: западные финансисты и раньше сомневались в кредитоспособности большевиков. Если бы на Западе узнали о размерах кражи, недоверие стало бы ещё больше. Поэтому невозможно было вернуть ни Шейнмана, ни деньги[5].

Исполнявшим обязанности председателя Госбанка на время отпуска сделали А.П. Спунде, о котором уже был разговор. Поскольку уже намечались переговоры об урегулировании финансовых претензий американских банков в обмен на предоставление ими долгосрочных кредитов СССР, 4 августа исполнявший обязанности председателя Госбанка Спунде уведомил вице-президента Chase National Bank о намерении лечившегося в Германии Шейнмана посетить Соединённые Штаты.

20 апреля 1929 г. А.И. Рыков сообщает участникам пленума о решении председателя Госбанка А.Л. Шейнмана не возвращаться в СССР и выходе из рядов ВКП(б). Нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР К.Е. Ворошилов объявляет Шейнмана предателем и, может быть, «больше — вором, потому что он сидел в аппарате Госбанка». В тот же день вышло постановление СНК РСФСР об освобождении Шейнмана от обязанностей председателя Госбанка. Его сменяет Г.Л. Пятаков.

Руководство страны размышляет, что делать. Во-первых, на заграничном счету Шейнмана находились крупные суммы. Во-вторых, фирмы, с которыми непосредственно связан бывший председатель, — Амторг, Аркос — входили в мобилизационную сеть коммерческих предприятий Разведывательного управления РККА за рубежом. Судя по всему, Шейнман хорошо знал все прикрытия советских разведчиков

[5] *Куусинен А.А.* Господь низвергает своих ангелов. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 59–60.

в системе Внешторга и имел прямой доступ к шифрпереписке. Вот, в частности, что говорилось в одном из документов английской S.I.S. (Secret Intelligence Service):

В статье в Daily Mail под названием «Красная Рука в американских выборах» было указано, что г-н Мэтью Уолл (Matthew Woll), исполняющий обязанности президента Национальной гражданской федерации, написал открытое письмо А.Л. Шейнману, ушедшему в отставку председателю советского государственного банка, собирающемуся в Нью-Йорк, чтобы взять на себя руководство Амторгом через сотрудничество с Советским Коммерческим Бюро в США. Г-н Уолл утверждал, что все деньги на коммунистическую деятельность в США поступают через Амторг, и он упомянул Аркос в Лондоне и Пекине как аналогичную помощь в этих двух городах. Он продолжал также: установлено, что под руководством Амторга существует в Америке очень активная советская секретная служба, которая не делает нашей стране ничего хорошего и которая используется в качестве инструмента для подавления русских в Америке путем угроз их семьям и близким, находящимся до сих пор в России[6].

Шейнман оперативно делает заявление о том, что он не хочет вредить советской власти. А И.В. Сталин пишет полпреду СССР в Германии Н.Н. Крестинскому, что не исключено, что невозвращенцу будет предложена работа за границей. В мае в качестве «цены за молчание» ему предлагают ежемесячную пенсию в 1000 марок.

Скандал в советском банке

Коммунистический суд винит бывшего директора за деморализацию. Аарон Шейнман, бывший директор советского Государственного банка, недавно посетивший США и затем отказавшийся вернуться в Россию, был объявлен судом коммунистической партии, завершившимся 17 августа, «ответственным за скандальную деморализацию, открывшуюся среди сотрудников-коммунистов Госбанка», согласно депеше из Москвы в Еврейское телеграфное агентство[7].

Одновременно наркому внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микояну поручают в недельный срок подобрать новую работу бывшему банкиру. Однако решение «о возможности использования Шейнмана на одном из небольших постов за границей» Политбюро ЦК ВКП(б) принимает лишь 1 ноября 1932 г. Тогда же согласовываются условия «вооружённого мира»: Шейнман «освободил хранившиеся на его личном счету секретные фонды, а советское правительство предоставило в его распоряжение определённую сумму отступного». Арону Львовичу доверяют руководство отделением «Интуриста» в Лондоне. Он возглавляет его до начала войны в 1939 г. 23 октября того же года он принимает гражданство Великобритании.

Как известно, между советским правительством и бывшим председателем Госбанка А. Шейнманом после его ухода состоялось соглашение, в силу которого Шейнман обязался не выступать против советского правительства, за что он получал по 150 000 марок в месяц[8].

---

[6] № S.Z. 108. от 09 октября 1928.

[7] New York Times. 08. 09. 1929.

[8] Это, безусловно, ошибка.

Ныне жалованье бывшему председателю Госбанка сокращено до 600 марок в месяц. В Москве считают, что за молчание и этой суммы достаточно, а заслуг у Шейнмана, по-видимому, мало...[9]

Заканчивал свою жизнь некогда главный банкир Советского Союза кладовщиком на одной из лондонских фабрик. А скончался 22 мая 1944 г. в возрасте 58 лет от рака мозга.

В 1929 г. состоялось «третье пришествие» в главный банк страны Г.Л. Пятакова.

Георгий (Юрий) Леонидович Пятаков (1890–1937) был из непростой семьи крупного владельца сахарного завода в Киевской губернии. Но революционная деятельность и ему не позволила получить высшее образование. Он успел окончить только реальное училище и три курса экономического отделения юридического факультета Петербургского университета.

В октябре 1917 г. Пятаков возглавил Киевский совет рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционный комитет. 6 ноября председатель СНК В.И. Ленин вызывает Пятакова в Петроград и назначает помощником главного комиссара Госбанка с правами товарища управляющего, а в декабре — главным комиссаром.

Вместе со своим руководителем В.В. Оболенским Пятаков занимается подавлением саботажа чиновников Государственного банка. Не приняв условия Брестского мирного договора, в феврале 1918 г. он подписывает приказ по Народному банку РСФСР о передаче своих полномочий своему помощнику А.П. Спунде и уезжает на Украину организовывать партизанскую войну против кайзеровских войск.

Через полгода, в октябре 1918 г., СНК вновь назначает Пятакова главным комиссаром Народного банка РСФСР. Но ему вновь не суждено долго поработать на этом посту. Уже через месяц он возвращается на Украину, главным же комиссаром становится его новый помощник, Я.С. Ганецкий.

1920-е гг. были у Пятакова бурными. В начале за свои действия он получил звание одного из палачей Крыма (так как в конце 1920 г. возглавлял «Чрезвычайную тройку по Крыму»). Успел побывать председателем Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса, начальником Главного управления по топливу, заместителем председателя Госплана и ВСНХ, председателем Главного концессионного комитета, наконец, торгпредом СССР во Франции.

В.И. Ленин в своём «Письме к съезду» писал о Пятакове: «Человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьёзном политическом вопросе»[10].

После смерти Ленина, в 1924 г., Пятаков недальновидно присоединился к Троцкому, выступив против Сталина. Протестовал против введения НЭПа. В 1926–1927 гг. был активным участником троцкистской оппозиции.

После исключения в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) из партии как деятеля троцкистской оппозиции раскаялся и уже в следующем году, после покаянного заявления, был в партии восстановлен.

В результате в октябре 1928 г. Пятаков вновь направляется на работу в Госбанк.

---

[9] Новое Русское Слово. Нью-Йорк. 30. 12. 1931.

[10] *В.И. Ленин.* ПСС. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967–1972. Т. 45. С. 343–346.

Вначале становится заместителем председателя правления, а весной 1929 г. председателем правления. Причиной новой отставки Пятакова в октябре 1930 г. называют неудачи в проведении первого этапа кредитной реформы.

Будучи человеком гибким, 21 августа 1936 г., накануне своего ареста, Георгий Леонидович пишет статью, в которой, приветствуя расстрел Каменева и Зиновьева, в частности, заявляет: «Их надо уничтожить как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям».

На процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков, Н.И. Муралов и др.) 23–30 января 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Пятакова к расстрелу.

Пытаясь спасти себя, бывший председатель правления Госбанка, согласно докладу Н.И. Ежова И.В. Сталину, просил предоставить «любую форму реабилитации» и, в частности, «разрешить ему лично расстрелять всех приговорённых к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену».

Следующий руководитель **Николай Гаврилович Туманов** (1887–1936) так и не возглавил Госбанк, хотя в 1924–1926 гг. исполнял обязанности председателя правления. После окончания четырёх классов городского училища он работал в частных фирмах и банковских учреждениях родного города Острова Псковской области и в Санкт-Петербурге. В декабре 1917 г. поступил на службу в Госбанк для борьбы с саботажем тамошних чиновников. Видимо, Туманов проявил себя хорошо, потому что уже в январе 1918 г. его назначают управляющим одного из отделений банка в Петрограде, а затем — Народного банка Северной области (1918–1919 гг.). В 1920 г. он становится уполномоченным Наркомата финансов РСФСР на Украине.

В октябре 1921 г. Николай Гаврилович — член правления Госбанка РСФСР, в 1923 г. также член коллегии Наркомфина и нарком финансов Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. Активно участвует в проведении денежной реформы.

В марте 1924 г., как уже говорилось, в Германию уезжает А.Л. Шейнман. Туманов назначается исполняющим обязанности председателя правления Госбанка СССР. Находился он на этой должности до января 1926 г.

Это был важный период в истории Госбанка. Желая поддержать покупательную способность рубля, Банк проводил постоянные валютные интервенции, в результате к началу 1926 г. и без того небольшие золотовалютные резервы страны оказались исчерпанными. В стране тогда была введена вначале монополия на внешнюю торговлю, а затем, в апреле 1926 г., прекращается котировка червонцев на зарубежных биржах, и в июле запрещается вывоз из страны советских денежных знаков и платёжных документов в рублях без особого разрешения. Так начала вводиться государственная валютная монополия, действовавшая до конца 1980-х гг.

Говорят, что Туманов был сторонником наркома финансов Г.Я. Сокольникова, считавшего, что руководство СССР переоценивает возможности планового ведения народного хозяйства. В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) нарком примкнул к так называемой новой оппозиции и был снят с работы. За ним пошёл Туманов. Забавно, что его сменил всё тот же А.Л. Шейнман, а заместителем председателя правления Госбанка был назначен Г.Л. Пятаков.

Туманов не уходит из банковской системы. С 1931 по 1932 г. он работает председателем правления Банка долгосрочного кредита СССР, а потом управляющим Промышленным банком СССР. Но в 1936 г. его арестовывают, и 3 сентября военная коллегия Верховного суда СССР приговаривает к высшей мере наказания.

Моисей Иосифович Калманович (1888–1937) родился в семье торговца, в 1904 г. вступил в партию социалистов-революционеров, одумался, в 1917 г. присоединившись к РСДРП(б). После революции работает на партийных и хозяйственных должностях в Белоруссии и на Украине. Во время военного коммунизма организует карательные экспедиции по насильственной реквизиции хлеба у крестьян. Видимо, успешно. В 1923 г. Калманович уже нарком продовольствия РСФСР, затем работал в Сахаротресте и Промбанке (1927–1928).

С должности заместителя народного комиссара земледелия его 18 октября 1930 г. назначают председателем правления Госбанка СССР. Моисей Иосифович быстро проявил себя в новой должности (или просто в связи с чистками не хватало кадров), поскольку в ноябре того же года был назначен одновременно заместителем наркома финансов, членом Совета труда и обороны, членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции и избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

С периодом руководства Калмановича связана перестройка кредитной системы СССР, проходившая в 1931 и 1932 гг. В первую очередь надо вспомнить принятое 24 января 1931 г. постановление СНК СССР «О мерах улучшения практики кредитной реформы». В ходе реформы укрепляются безналичные расчёты, которые централизуются в Государственном банке. Коммерческое кредитование заменяется прямым банковским кредитованием. Товар теперь оплачивается только при согласии покупателя на принятие продукции (акцепта счёта).

Незадолго до этого, в конце 1930 г., в Госбанке вводится система межфилиальных оборотов (МФО), связавшая между собой все региональные подразделения Госбанка и максимально облегчившая проведение расчётов. Эта система с небольшими изменениями просуществовала почти 60 лет и была для того времени весьма эффективной.

Калманович был освобождён от обязанностей председателя правления и заместителя наркома финансов 4 апреля 1934 г. Его назначают наркомом зерновых и животноводческих совхозов СССР. Снят с этого поста он будет 11 апреля 1937 г., через два месяца его арестуют, приговорят к смертной казни и расстреляют.

Очередной председатель **Лев Ефимович Марьясин** (1894–1938) после революции был на партийной работе. В 1922 г. становится председателем Центрального совета народного хозяйства (ЦСНХ) ТАССР, поднимал Туркестан. Затем он стал заведующим отделом торговой и финансовой политики Главного экономического управления ВСНХ. С 1925 г. вновь на партийной работе.

Банкиром Лев Ефимович стал после учёбы на экономическом отделении Института красной профессуры. Хватило трёх лет (1928–1930), чтобы быть утверждённым в должности члена правления, а через год — заместителем председателя правления Государственного банка СССР. Наконец в апреле 1934 г. Марьясин — председатель правления Госбанка СССР. По должности он также член Совета труда и обороны (СТО) и заместитель наркома финансов. Занимал он этот пост до июля 1936 г., тогда же был репрессирован.

Летом были арестованы и все заместители председателя правления Госбанка СССР. 10 сентября 1937 г. Марьясин был осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и 22 августа 1938 г. расстрелян.

Привожу без комментариев рассказ о двух жертвах сталинских репрессий, имеющих отношение к нашему рассказу. (наиболее щепетильным читать не рекомендую!):

Решился поместить эту цитату, так как прежде она была опубликована в книге известного российского общественного деятеля, заместителя председателя Общества «Мемориал» Никиты Васильевича Петрова, впервые изданной в 2002 г. в солидном стенфордском издательстве Hoover Institution Press. Да и российское издательство, переиздавшее книгу, говорит само за себя: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Серия «История сталинизма». Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина.

В конце 20-х – начале 30-х годов Ежов пристрастился к пьянству. Позже Зинаида Гликина, давняя подруга Евгении (супруги Ежова) ещё по Гомелю и постоянная гостья её дома, показала на допросе: «Ещё в период 1930–1934 гг. я знала, что Ежов систематически пьёт и часто напивается до омерзительного состояния... Ежов не только пьянствовал. Он, наряду с этим, невероятно развратничал и терял облик не только коммуниста, но и человека».

Его <...> собутыльником был Лев Ефимович Марьясин, вместе с Ежовым бывший ещё одним заместителем заведующего орграспредотелом с ноября 1927 г. <...> Имеются свидетельства о том, как Марьясин и Ежов любили убивать время. Напившись пьяными, они устраивали соревнование, кто из них, сняв штаны и сев на корточки, выпуская газы быстрее, сдует горку папиросного пепла с пятикопеечной монеты.

Через Марьясина Ежов познакомился с его шефом Георгием Леонидовичем Пятаковым. С 1928 г. Пятаков был заместителем председателя, а в следующем году — уже председателем правления Госбанка СССР, а затем в 1932 г. он стал заместителем наркома тяжёлой промышленности. На суде в 1940 г. Ежов рассказал о своей обиде на Пятакова:

«Обычно Пятаков, подвыпив, любил издеваться над своими соучастниками. Был случай, когда Пятаков, будучи выпивши, два раза меня кольнул булавкой. Я вскипел и ударил Пятакова по лицу и рассёк ему губу. После этого случая мы поругались и не разговаривали».

Марьясин пытался помирить обоих, но Ежов отказался и, в конце концов, порвал и с Марьясиным. Все эти и другие знакомые Ежова были впоследствии осуждены как «троцкисты» и т.п., а когда в 1939 г. Ежов сам был арестован, его, конечно же, обвинили в контактах с этими «врагами»[11].

Затем руководителями Госбанка последовательно назначались имевшие опыт партийной и хозяйственной (но не банковской!) работы Соломон Лазаревич Кругликов (1936–1937) и Алексей Петрович Гричманов (1937–1938).

Соломон Лазаревич Кругликов (1899–1938). По возрасту смог заняться политической деятельностью только после революции. В 1920–1925 гг. он был поли-

[11] *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008. С. 29–30.

тработником в Красной армии. Затем окончил экономическое отделение Института красной профессуры.

После введения Кругликова в 1930 г. в состав Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) начинается его хозяйственная карьера. В ноябре того же года переведён на работу в Планово-экономическое управление ВСНХ. Далее ответственная работа в различных наркоматах. Наконец в 1935 г. он уже член ВЦИК. В 1936 г. его назначают председателем правления Госбанка СССР, а также по должности членом СТО и замнаркома финансов.

Кругликов успевает поработать в комиссии под руководством заместителя председателя Совнаркома В.Я. Чубаря. Комиссия разрабатывала проекты постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе финансово-кредитной системы, в частности, постановление «О мерах улучшения кредитной работы Государственного банка СССР». В нём впервые было предложено ввести очень распространённые позднее способы расчётов: взаимные зачёты и плановые платежи. И что очень важно, впервые было предложено выделить Госбанк из состава Наркомата финансов. Однако, видимо, время для решения этого вопроса тогда ещё не пришло.

Интересная инициатива (реализованная только в 1990-е гг.) содержалась в другом проекте — организовать государственное казначейство и освободить Госбанк от кассового исполнения госбюджета. Были там и другие революционные инициативы.

Поработать в Госбанке Кругликову пришлось недолго — 11 сентября 1937 г. он был арестован. 19 марта 1938 г. приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению «в участии в контрреволюционной террористической организации правых, действовавшей в Наркомтяжпроме СССР, проведении вредительской работы и подготовке террористического акта против Ежова». 28 июля 1938 г. он был расстрелян в посёлке Коммунарка Московской области.

Алексей Петрович Гричманов (1986–1939) — судя по всему, самый малограмотный председатель правления. За его плечами была только церковно-приходская школа. Работал рабочим на заводе, грузчиком на вокзале. Война открыла ему перспективы: «вёл революционную пропаганду на румынском фронте. Не единожды избирался членом солдатских комитетов, был делегатом армейского съезда». Он участвовал в установлении советской власти в Одессе и Севастополе, ликвидировал басмачество в Средней Азии. Затем, до 1928 г., занимался политической работой в армии, боролся с контрреволюцией и саботажем в Оренбурге. Таким образом он попадает на работу в центральные партийные и советские органы, входит в ЦКК РКИ. Потом вновь практическая работа — участие в ликвидации восстания в Каракалпакии. В 1930–1932 гг. Гричманов уже заместитель заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б). Потом работа в регионах и, наконец, в 1935 г. — приглашение в центральный аппарат ЦК ВКП(б), с 1936 по 1937 г. Алексей Петрович возглавляет исполнительный комитет Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. В августе 1937 г. его назначают первым заместителем наркома финансов СССР, а 13 сентября 1937 г. — председателем правления Госбанка СССР. Кстати, именно тогда, в 1938 г., Госбанк всё-таки выходит из системы Наркомата финансов, в составе которого он находился с момента своего создания, поэтому Гричманов стал первым из председателей правления Госбанка, которого ввели в состав Совета народных комиссаров СССР (СНК) в ранге министра.

16 июля 1938 г. Гричманов был арестован, приговорён к смертной казни и 25 февраля 1939 г. расстрелян.

Повышение статуса главного банка страны «похоронило» Гричманова, явно не соответствующего должности его руководителя. Теперь требовалось, чтобы председателем правления Госбанка стал политический тяжеловес. И им в 1938 г. стал **Николай Александрович Булганин** (1895–1975), который одновременно являлся заместителем председателя Совнаркома СССР и членом ЦК ВКП(б). Булганин — слишком известная личность, чтобы пытаться описать его жизнь и деятельность в столь коротком очерке.

Промбанк — надежда промышленности

С объявлением НЭПа в стране возникли специализированные банки: Торгово-промышленный банк (Промбанк) для финансирования промышленности, Банк потребительской кооперации (Покобанк), Электробанк для кредитования электрификации, Российский коммерческий банк (с 1924 г. — Внешторгбанк) для финансирования внешней торговли и Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк).

Промбанк стал первым в этом ряду. О некоторых его руководителях (Туманове и Калмановиче) я уже рассказал. Сейчас коснусь, пожалуй, самого яркого.

Краснощёков Александр Михайлович

6 апреля 1920 г. Учредительный съезд трудящихся Прибайкалья провозгласил создание Дальневосточной Республики. Первой её столицей стал город Верхнеудинск (ныне — Улан-Уде), но уже в октябре, после разгрома вооружённых сил атамана Семёнова, правительство переехало в Читу. В состав Республики вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин, Хабаровский округ. Территория ДВР составляла более 1 млн. кв. км — одна двадцатая часть бывшей империи.

Правительство возглавил большевик А.М. Краснощёков. Одновременно он стал и министром иностранных дел республики.

Абрам Моисеевич Краснощёк (так звали героя в детстве) родился в 1880 г. в небольшом еврейском местечке Чернобыль Переяславского повета (уезда) Киевской губернии. В том самом, теперь всем известном! Уже в юности стал заниматься революционной деятельностью на Украине. Пытался поступить в Киеве в университет, репетитором у него был М.С. Урицкий, ставший позже членом ЦК РСДРП(б) и председателем Петроградской ЧК.

Вскоре его арестовывают. Он бежит и переходит на нелегальное положение. В 1902 г. эмигрирует в Германию, затем в САСШ (так тогда называли США). В Нью-Йорке работал портным, маляром, одновременно активно занимаясь партийной и профсоюзной работой, окончил Чикагский университет, где изучал экономику и право, занимался адвокатской практикой, защищал права рабочих. Выиграл, в частности, нашумевшее «хлебное дело», по которому хлебопёки и кондитеры обвинялись в умышленном отравлении крупных банкиров. Основал Рабочий университет. В США познакомился с Л.Д. Троцким, поддержка которого ему на первых порах, безусловно, помогала, а позже погубила.

Сразу после Февральской революции вместе с большой группой эмигрантов отправляется на родину. Летом 1917 г. он уже большевик, занимается подпольной партийной работой на Дальнем Востоке и в Сибири. За его голову японцы назначали крупную награду золотом. Тогда обошлось. Тем не менее он попадает в Иркутскую тюрьму, приговаривается к расстрелу, однако восставшие рабочие в декабре 1919 г. его освобождают. И вот создаётся Дальневосточная Республика. Это пик карьеры А.М. Краснощёкова.

Могу высказывать только предположения. Краснощёкова учили в Америке, в одной из крупнейших сионистских организаций того времени. Сионизм в начале XX века терпел очень мощные противодействия по всему свету. <…> Идея, которую втаскивает Краснощёков, совершенно очевидна. Это создание определённого анклава американского образа экономического действия за пределами Америки, т.е. здесь (на Дальнем Востоке. — Прим. авт.*) находилась своего рода экономическая колония*[12].

Тогда же он писал жене: «Если ты встретишь кого-нибудь из американцев, с которыми я здесь встречался, то по их рассказам получишь представление обо мне — сильном, здоровом, как всегда, решительном, таком, какого ты полюбила в давние дни первой революции.

Я продолжаю своё дело, стараясь решить мирным путём, но твёрдой рукой наши трудные проблемы освобождения и перестройки Дальнего Востока на новых основах, построить мир, где благоразумие, практичность, свойственные американскому строителю и исполнителю, должны объединиться и подчиниться идейности, человечности, эмоциональности, но непрактичности русских и создать новую жизнь, новый мир. Мы боролись и победили»[13].

Летом 1920 г. Александр Михайлович первый раз приезжает в Москву для того, чтобы обсудить будущее Дальневосточной Республики.

Однако уже в конце 1921 г. Краснощёков был обвинён в привлечении в правительственную коалицию ряда партий социалистического направления, в частности анархо-синдикалистов, в слишком активной поддержке независимости ДРВ от РСФСР и отозван в Москву. Произошло это после того, как он потерял поддержку влиятельного главкома Народно-революционной армии Дальневосточной Республики Генриха Эйхе[14], смещённого и высланного за пределы Республики. В Москву осенью 1921 г. Краснощёков возвращается в особом вагоне, украшенном Государственным флагом Дальневосточной Республики.

Высланная из США анархистка Эмма Гольдман (тоже прежде эмигрировавшая из России), которую Краснощёков находит в Москве, дала следующий портрет своего коллеги из Рабочего университета:

Он приехал из Сибири в собственном железнодорожном вагоне, привёз с собой многочисленный провиант, собственного повара и пригласил нас на первый насто-

---

[12] *Кутузов М.А.* Лекционный курс «Феномен Дальнего Востока в Русском Мире», «Дальневосточная Республика». Лекция 10, 12 мая 2001.
http://www.archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1142

[13] *Икшин Ф.* Лиля Брик. Жизнеописание великой любовницы. М.: Эксмо. 2009. С. 337.

[14] Генрих Эйхе умер в 1968 г. в Юрмале. Меньше повезло его двоюродному брату Роберту Эйхе, который в качестве 1-го секретаря Сибирского крайкома и затем Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) руководил чисткой партийного и хозяйственного аппарата, развёртыванием массовых репрессий в Сибири. В 1938 г. он был арестован и в 1940 г. расстрелян.

ящий пир в Москве. Краснощёков остался таким же свободным и щедрым человеком, каким был в Штатах <...>. Он уверял, что в его части России царит свобода слова и печати, так что там были все возможности для нашей [анархо] пропаганды. <...> Ему нужна была наша помощь, и мы ему доверяли <...> «А как к свободе слова и печати относится Москва?» — спросила я. Положение в этой далекой стране было иным, а у него были развязаны руки. С ним сотрудничали анархисты, эсеры и даже меньшевики, и он своей деятельностью доказывал, что свобода слова и совместные усилия дают лучший результат[15].

Краснощёкова назначают заместителем народного комиссара финансов РСФСР. В 1922 г. становится инициатором создания и вскоре председателем правления Промбанка СССР. Рассказывают, что он был весьма успешным руководителем банка: в течение неполного 1923 г. ему удалось увеличить капитал Промбанка в 10 раз, значительно увеличился за это время приток американских инвестиций в Россию.

Не исключено, что обвинения против Краснощёкова инициировались людьми из Наркомфина и конкурирующего советского Госбанка; незадолго до своего ареста Краснощёков выступил с предложением, согласно которому Промбанк должен был взять на себя все промышленно-финансовые операции Госбанка. Эффект получился обратным: после суда над Краснощёковым Промбанк подчинили Госбанку[16].

На этой должности он был недолго. 19 сентября следующего года его арестовывают по обвинению в злоупотреблениях: он якобы давал льготные ссуды своему брату Якову, директору предприятия «Американско-российский конструктор», устраивал пьянки и оргии в гостинице «Европейская» в Ленинграде и платил цыганам, развлекавшим компанию, чистым золотом. Плюс к этому пересылал зарплату от Русско-американской индустриальной корпорации (200 долларов в месяц) жене (которая вернулась в США), покупал любовнице цветы и меха на казённые средства, снимал дорогую дачу[17] и содержал не менее трёх лошадей.

Беседовал с Краснощёковым. Вижу, что мы, Политбюро, сделали большую ошибку. Человека, несомненно, умного, энергичного, знающего, опытного, мы задёргали и довели до положения, когда люди готовы всё бросить и бежать, куда глаза глядят. Знает все языки, английский превосходно, в движении с 1896 г. 15 лет в Америке. Начал с маляра. Был директором школы. Знает коммерцию. Показал себя умным председателем ДВР, где едва ли не он же всё и организовал. Мы его сняли оттуда. Здесь, при полном безвластии в НКФ, посадили в НКФ. Теперь, как раз, когда он лежал больной тифом, его уволили!!! Всё возможное и невозможное сделано нами, чтобы оттолкнуть очень энергичного, умного и ценного работника[18].

Этому процессу прессой уделялось много внимания. В газете «Известия» (3 октября 1923 г.) нарком Рабоче-крестьянской инспекции В.В. Куйбышев заявил, что были установлены «бесспорные факты присвоения Краснощёковым государ-

---

[15] Бенгт Янгфельдт. Краснощёков, Александр (Абрам). http://www.jewage.org/wiki/ru

[16] *Янгфельд Бенгт.* Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг. М.: КоЛибри. 2009. С. 75.

[17] Дом, до революции принадлежавший семье известного архитектора Ф.О. Шехтеля, в нём весной 1913 г. часто бывал Маяковский.

[18] Записка В.И. Ленина В.М. Молотову 30 марта 1922 г. // *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967–1972. Т. 54. С. 219.

ственных средств, устройства на эти средства безобразных кутежей, использования хозяйственных сумм банка в целях обогащения своих родственников и т.д.».

Арест Краснощёкова был необычен для тех дней — впервые в коррупции обвинили столь высокопоставленного коммуниста. В.В. Куйбышев это особо подчёркивал: «Советская власть и коммунистическая партия будут больше, чем когда-либо, суровой рукой уничтожать уродливые проявления НЭПа и сумеют напомнить успокоившимся на прелестях капиталистического бытия господам, что они живут в рабочем государстве, возглавляемом коммунистической партией».

Судили Краснощёкова в начале марта 1924 г. Вместе с ним осудили его брата Якова и троих работников Промбанка.

Краснощёков получил шесть лет, был лишён гражданских прав сроком на три года. Кроме этого, его исключили из партии. Но, пробыв в Лефортовской тюрьме до ноября 1924 г., Краснощёков по амнистии был освобождён.

В январе 1925 г. его помиловали. Более того, председателю ГПУ Ф.Э. Дзержинскому дали поручение найти Краснощёкову квартиру и работу.

Летом 1926 г. он становится экономистом-консультантом по финансовым вопросам в Главном хлопковом комитете Наркомзёма, в 1926 г. издаёт книгу «Современный американский банк», написанную, кстати, в Лефортове[19].

В предисловии Александр Михайлович отмечал: «Приносим благодарность всем отдельным товарищам и организациям, которые своим содействием дали возможность автору выполнить свою задачу, несмотря на особо неблагоприятные условия, в которых ему пришлось работать». Предисловие, датированное 15 ноября 1924 г., заканчивается загадочной аббревиатурой — Л.И. Москва, расшифровываемой просто: имеется в виду Лефортовский изолятор[20].

Что интересно: 27 января 1923 г. проводится учредительное собрание пайщиков-учредителей Всероссийского кооперативного банка. Краснощёков вводится в его совет! Судя по всему, в это время он находился в тюрьме. Выйдя из заключения, он включился в разработку выращивания лубяных культур. Сотрудничает с Н.И. Вавиловым, говорят, добивается успехов, возглавляет Новлубтрест.

В июле 1937 г. его давнее знакомство с Троцким не прошло даром — он был арестован, осуждён на «10 лет без права переписки» и 25 октября (26 ноября, по другим данным) 1937 г. расстрелян.

С Краснощёковым связана ещё одна интересная история.

Летом 1922 г. Александр Михайлович проживает в городе Пушкино в Подмосковье, и у него возникает роман с любвеобильной Лилей Брик, жившей с Маяковским и своим мужем Осипом на соседней даче.

Лили и Краснощёков были одной из наиболее обсуждаемых любовных пар в Москве; Лили ничего не скрывала, это было бы против её природы и принципов. Но если на сплетни вокруг этого романа она вряд ли обращала внимание, то слухи о растратах, которые начали муссироваться в связи с именем Краснощёкова, не могли её не беспокоить. Учитывая колоссальные суммы денег, которыми распоряжался Краснощёков в качестве директора Промбанка и генерального представи-

[19] За три года до этого он стал автором книги «Финансирование и кредитование предприятий».

[20] *Икшин Ф.* Указ. соч. С. 372.

теля Российско-американской промышленной корпорации, многим обвинения казались вполне правдоподобными[21].

Во время судебного разбирательства, кстати, в деле Краснощёкова фигурировал и Осип Брик, писавший в качестве юриста устав строительной фирмы Якова Краснощёкова «Американско-российский конструктор». Так что парочка Бриков, видимо, успешно раскручивала и банкира.

«Отдельные товарищи», упоминаемые в книге Александра Михайловича, — это и есть Лиля Брик, постоянно посещавшая сидельца. Не оставил без внимания Краснощёкова и В.В. Маяковский. В стихотворении «Юбилейное» (1924 г.), построенном как монолог, обращённый к памятнику Пушкина, сказано:

Их и по сегодня
много ходит —
всяческих охотников
до наших жён.

По мнению Икшина, именно Краснощёков сравнивается с Дантесом, а сам автор, естественно, сопоставляется с Пушкиным.

Выход за границу: Роскомбанк — отец Банка для внешней торговли

Этой теме я посвящу больше всего места. В ней отражаются все успехи и неудачи предвоенного развития банковского дела в Советской России.

Планы создания банка

Первое предложение создать в Советской России банк с иностранным капиталом сделал шведский гражданин Улоф (или Олаф) Ашберг ещё в конце 1917 г. Ленин категорически отверг его как неприемлемое. У большевиков тогда были другие представления о создаваемой финансовой системе.

Возможность создания кредитных учреждений с иностранным участием обсуждалась на заседаниях специальной комиссии Всероссийского совета народного хозяйства[22] (ВСНХ) в феврале 1922 г. Комиссия решала, на какие отступления готова идти советская власть в области экономической политики, на Генуэзской конференции, после того как советское правительство аннулировало все иностранные займы, которые получили царское и Временное правительства, для того чтобы облегчить установление финансовых отношений между РСФСР и иностранными кредитными учреждениями. Большевики прекрасно понимали, что восстановить пострадавшую во время войны экономику без привлечения иностранного капитала будет проблематично, поэтому собирались приоткрыть страну для внешних инвестиций.

[21] *Янгфельд Бенгт*. Указ. соч.

[22] Переименованного вскоре в Высший совет.

Но реальная возможность открытия банка с иностранным капиталом появилась только после объявления на X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) новой экономической политики (НЭП).

Одним из наиболее последовательных сторонников создания так называемых смешанных банков и даже разрешения деятельности иностранных банков на территории РСФСР являлся известный экономист, профессор Захарий Соломонович Каценеленбаум. Он считал, что «банкам этого типа следовало бы предоставить самые широкие возможности, помимо банковских операций по финансированию промышленности и торговли, им должно было бы предоставить в известных пределах и право на ведение внешней торговли».

Советское государство находилось в финансовой изоляции. Никто не хотел работать с правительством, отказавшимся от выполнения международных обязательств своих предшественников. Даже реализация золота для небольших импортных закупок осуществлялась с большим трудом.

Не решили проблем также Генуэзская и Гаагская международные конференции, посвящённые вопросам экономических отношений Запада и РСФСР. На них не удалось принять даже компромиссных решений.

Советское правительство в этой ситуации решило, что есть смысл привлечь в банковскую систему страны иностранного банкира (пусть и не очень крупного): сотрудничество с ним открывает новые перспективы за границей.

Учредить новый, предназначенный для внешней торговли банк разрешили шведскому банкиру У. Ашбергу, развившему к тому моменту активнейшую деятельность. Он не успокоился после первой неудачи, курсировал между европейскими столицами и вёл переговоры, подбирая будущих партнёров задуманного банка. В начале октября 1922 г. он встретился в Берлине с Эмилем Виттенбергом, директором National Bank fur Deutschland. После бесед и обсуждения возможного германского участия в Роскомбанке банкиры поехали в Стокгольм для переговоров с вице-президентом Guaranty Trust Company, отвечающим за иностранные операции, Максом Мэем. Во встрече участвовал и представитель Госбанка РСФСР А. Шейнман.

В деле Аарона Шейнмана, председателя правления Госбанка СССР, составленного английской разведкой (открытые материалы на их сайте), говорится:

...Когда советский рубль упал в 1922 г., Шейнман договорился с некими шведскими финансовыми группами о том, что они с американской помощью предоставят консультации и откроют банк в Москве с отделением в Петрограде.

Как считает американский исследователь, Guaranty Trust Company своё предложение реализовала и участвовала в создании первого советского банка с иностранным капиталом Российского коммерческого банка (Роскомбанка), а Макс Мэй (Мей) стал директором-начальником его иностранного отдела.

Кстати, позже французское следствие установит, что граф Минотто, подчинённый Макса Мэя по работе в Guaranty Trust, был германским шпионом.

В Москву выехали тов. Шейнман, основатель Российского коммерческого банка Ашберг и американский финансист Макс Мэй, назначенный директором иностранного отдела названного банка. Такое значительное событие в мировой финансовой жизни не могло не привлечь внимания международной прессы.

В частности, особенно важное значение придаёт поездке Мэя шведская печать. Газета «Дагенс Нюхетер» по этому поводу пишет: Мэй, бывший вице-президент огромного нью-йоркского банка — «Трэст Грарнти Компании», пользуется международной известностью в качестве специалиста по валютным операциям.

Согласие Мэя занять пост директора иностранного отдела Коммерческого банка окажет, несомненно, благоприятное влияние на отношение к Советской России не только американских деловых кругов, но и американского правительства.

В интервью с журналистами Мэй заявил, что после ознакомления с положением в России он предполагает поехать в Европу, чтобы завязать необходимые для Российского коммерческого банка финансовые сношения с заграницей. Мэй далее сказал: «… принимая сделанное мне предложение, я следовал своему желанию содействовать возобновлению нормальных экономических сношений России с другими странами»[23].

Богатая Америка с широко развитой промышленностью не нуждается во ввозе из других стран, но зато она крайне заинтересована в сбыте своих товаров в другие страны и считает Россию, конечно, самой подходящей страной для сбыта своей продукции, принимая во внимание громадные потребности России во всех областях.

Устойчивость политического положения России и улучшения перспектив торговых сношений её с заграницей являются теми факторами, которые побуждают Америку вступить в более тесные таковые сношения с Россией.

Ввиду этого я придаю особенное значение вновь открываемому Российскому коммерческому банку, который, кроме чисто банковских операций, конечно, должен будет широко поставить вопросы финансирования всех отраслей русской промышленности. Что же касается моих личных впечатлений о России, то они самые благоприятные. Уезжая из Америки, я думал найти Россию ещё в стадии полного неустройства её финансовой жизни. Понаблюдав, как русские умеют и хотят работать для возрождения страны, я приложу все старания к тому, чтобы и моя работа была продуктивна, и сам я, таким образом, надеюсь на полный успех нового начинания.

В недалёком будущем, после открытия работы банка, я рассчитываю съездить в Америку. Я поделюсь там своими впечатлениями о России. Впечатления эти настолько сильны, что я больше чем уверен, что не только Америка, но и финансисты Европы пойдут охотно со мною работать в России. Я вернусь сюда опять и посвящу себя работе по оказанию помощи русскому народу на его тяжёлом пути возрождения хозяйства страны[24].

Учреждение банка

В 1922–1924 гг. в Советской России была проведена денежная реформа, которая подавила бушевавшую в стране гиперинфляцию и установила твёрдую валюту. В эти же годы были сделаны первые попытки распространения советских займов, однако полученные результаты не внушали оптимизма. Положение тем временем становилось катастрофическим. Понимая, что внутри страны нет

[23] Организация Российского коммерческого банка // Экономическая жизнь. 20. 10. 1922.

[24] *Мэй М.* К открытию Российского коммерческого банка // Экономическая жизнь. 31. 10. 1922.

средств для восстановления национальной экономики, советское правительство решило привлечь в РСФСР зарубежные финансовые средства на любых условиях.

Но так как получить кредиты было очень сложно, инвестиции ждать было бесполезно, оставалось использовать различные виды концессий, в том числе и банковские.

18 августа 1922 г. Совет труда и обороны (СТО) РСФСР разрешил одному из иностранных кредитных учреждений (Swenska Ekonomie Aktiebolaget), которое представлял шведский гражданин Улоф Ашберг, учредить в Москве на концессионных началах первый, практически полностью частный банк краткосрочного кредитования — Российский коммерческий банк (Роскомбанк). Уже на следующий день, 19 августа, постановлением СТО устав нового банка был утверждён. Он стал третьим акционерным банком в РСФСР.

Ашберг по этому поводу в своих мемуарах пишет:

Советское правительство мне доверило этот важный пост в банке за оказанные услуги и потому, что правительство знало, что я верил в прочность этого режима, а также заявлял об этом в газетах, и, наконец, потому, что я имел многочисленные международные связи[25].

Основной (складочный) капитал Роскомбанка первоначально был определён в 10 млн. рублей золотом, или 5 146 000 американских долларов. Капитал предполагалось образовать выпуском 100 000 акций, номиналом в 100 рублей каждая. Он весь был внесён иностранной валютой. Первоначальный капитал банка распределялся между учредителями, которым было предоставлено право пригласить к участию в обществе других лиц с передачей им части акций. Часть оплаченных учредителями акций (10%) безвозмездно передавалась ими в собственность Государственного банка РСФСР, а кроме того, после утверждения устава учредители банка должны были отчислить правительству РСФСР 5% от суммы основного капитала.

Считают, что в банке были средства германских, шведских, американских и британских банкиров. В частности, Э. Саттон[26] пишет, что среди них была английская компания Russo-Asiatic Consolidated Ltd, которая была «одним из крупнейших частных кредиторов России и которой Советы предоставили 3 млн. фунтов стерлингов как компенсацию за ущерб, нанесённый её имуществу в Советском Союзе в результате национализации». Само британское правительство уже купило солидные доли в российских частных банках; согласно отчёту Государственного департамента, «британское правительство осуществило большие инвестиции в рассматриваемый консорциум»[27].

Новый банк мог открыть свою деятельность не позднее чем через два месяца после опубликования устава и представления наркому финансов документов, подтверждающих, что за каждую банковскую акцию уже внесено 50% нарицательной цены (то есть 5 млн. рублей золотом). Первоначальные взносы необходимо было внести в Госбанк РСФСР.

---

[25] *Ашберг У.* Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний красного банкира. «Из глубины времён». Альманах. СПб., 1995. № 2.

[26] Саттон Энтони, Antony Sutton (1925–2002) — профессор экономики Университета штата Калифорния в Лос-Анджелесе. С 1968 по 1973 г. занимался исследованиями в Гуверовском институте Стэнфордского университета.

[27] *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998. С. 65.

Роскомбанку разрешалось осуществлять все операции, аналогичные операциям Госбанка, за исключением эмиссионных. Учредители должны были застраховать свой капитал от инфляционных потрясений, и для этого банку предстояло работать с какой-либо из устойчивых иностранных валют или в золотом исчислении. В то же время Роскомбанк по заявлению Госбанка был обязан продавать последнему до 50% свободной иностранной валюты, находящейся в его распоряжении в момент заявления, по курсу дня. Правлению Госбанка для осуществления постоянного контроля за деятельностью Роскомбанка было предоставлено право делегировать своего представителя в состав правления Роскомбанка (с правом решающего голоса).

Ашберг, открывая банк, сказал: «Новый банк будет контролировать закупки машин и сырья в Англии и США, и он будет гарантировать выполнение контрактов. Вопрос о закупках в Швеции ещё не поднимался, но есть надежда, что позже это произойдёт».

Давая разрешение на учреждение банка, советское правительство демонстрировало тем самым готовность принять правила игры международного финансового рынка.

Интересно, что учредительных собраний практически было два. 3 ноября 1922 г. прошло предварительное общее собрание акционеров. На нём присутствовали: учредитель У. Ашберг и акционер от Госбанка в лице председателя правления Госбанка РСФСР А.Л. Шейнмана.

10 ноября 1922 г. в том же составе состоялось уже учредительное собрание, при этом Шейнман в протоколе значился как «акционер Госбанка в лице законноуполномоченного председателя правления Госбанка». Секретарём учредительного собрания был Виталий Славович Коробков. Он станет директором иностранной операционной группы банка.

Тогда же были выбраны члены совета банка: председателем стал Ашберг, товарищем председателя — бывший глава Московского купеческого банка Александр Данилович Шлезингер, также в Совет вошли Иван Александрович Баранов, Николай Александрович Калмыков, Николай Михайлович Чупров.

Членами правления избраны Яков Александрович Галяшкин, Макс Мэй и Владимир Васильевич Тарновский. От Госбанка в него вошёл Даниил Давыдович Михельман. На первом заседании правления В.В. Тарновский стал его председателем, Я.А. Галяшкин — заместителем председателя.

Все отмечали, что руководящая команда была сформирована из опытных старых специалистов.

Факт учреждения банка краткосрочного кредита на капиталы, мобилизованные за границей, имеет громадное значение <…>: во-первых, это первый крупный иностранный капитал в современной России; во-вторых, этот капитал приходит не в форме капитала завоевателя, а капитала — сотрудника в развитии.

<…>Коммерческий банк свою политику будет координировать с деятельностью Государственного банка. В особенности эта координация будет необходима в области регулирования денежного обращения. Коммерческий банк, обладая <…> большей гибкостью и предприимчивостью, будет способствовать устойчивости той валюты, которая призвана играть большую роль в укреплении народного хозяйства[28].

[28] К открытию Российского коммерческого банка. Беседа с В.В. Тарновским // Экономическая жизнь. 31. 10. 1922.

На том же собрании были «намечены к открытию» отделения в Архангельске, Баку, Батуме, Киеве, Нижнем Новгороде, Новониколаевске, Петрограде, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Харькове[29].

Начало операционной деятельности Роскомбанка

14 ноября 1922 г. открылся текущий счёт Роскомбанка в Госбанке в шведских кронах, английских фунтах стерлингов, советских рублях.

7 декабря 1922 г. правление на своём заседании (протокол № 7) приняло решение об открытии операций банка 12 декабря.

Хотя к активным операциям и решено относиться с осторожностью, уже 11 декабря 1922 г. (протокол заседания № 9) было принято решение о первом кредите:

Слушалось предложение кооператива работников Наркомзема (Коопзема) о выдаче гарантии финляндскому гражданину И.И. Вепселяйнену об уплате ему по 16 000 руб. за каждый пуд шпига в количестве до 2000 пуд., закупленного у него кооперативом, т.е. до 32 000 000 дензнаками 1922 г.

Решили — выдать гарантийное письмо. Товар поступает на склады банка[30].

Международное сообщество не сразу оценило этот шаг советского правительства. Сначала зарубежные банки относились с недоверием к проведению платежей через Роскомбанк, однако оно рассеялось, когда партнёры убедились, что платежи в иностранной валюте в СССР проходят беспрепятственно. За короткий срок банк завязал корреспондентские отношения с более чем 100 кредитными учреждениями Европы и Америки. В том числе с самыми солидными: Darmstadter & Nationalbank, Deutsche Bank, Direction der Disconto-Gesellschaft, Guaranty Trust Company of New York, Banco di Roma, Comptoir National d'Escompte de Paris.

В западной прессе вскоре появилось много доброжелательных отзывов. Так, датская газета «Националь тиденде» писала, что «были созданы возможности для сотрудничества с советским правительством, которые были бы невозможны путём политических переговоров». А стокгольмская газета Svenskadagbladet 17 октября 1922 г. цитировала слова советника Роскомбанка, шведского профессора Густава Касселя:

То, что Россия учредила банк для решения чисто банковских вопросов, является большим шагом вперёд, и мне кажется, что этот банк был создан, чтобы что-то делать для строительства новой экономической жизни в России. Этот шаг вперёд должен всячески поддерживаться другими странами, и когда спрашивают моего совета, я отвечаю, что готов его дать. Я не выступаю за негативную политику и считаю, что для помощи в позитивной реконструкции следует использовать любую возможность. Большая проблема сейчас — возврат российской валюты к нормальной работе. Это сложная проблема, которая нуждается в серьёзном изучении. Безрассудно было бы предоставлять Россию с её ресурсами её собственной судьбе…[31].

---

[29] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 14. Л. 78.

[30] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 7. Л. 65.

[31] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 66.

Однако судьба Роскомбанка оказалась несколько иной, чем ожидали при его учреждении. Текущие счета в первое время открывали исключительно частные лица и кооперативы, государственным организациям это было запрещено. Только 3 мая 1923 г. в «Известиях» было опубликовано распоряжение о праве госорганов, находящихся на хозрасчёте, иметь текущие счета и в Роскомбанке. В результате количество счетов, принадлежащих трестам и другим госучреждениям, начало резко расти. К концу 1923 г. их число возросло более чем в 8 раз. Наибольший остаток на всех счетах был 8 сентября, он составлял 365 283 червонца. Позже в стране наступили финансовые сложности, и многим организациям стало трудно держать в банке даже обязательный неподвижный остаток в 10 червонцев. Число счетов стало вновь уменьшаться[32].

Правление в годовом отчёте за 1922/23 г. отмечало, что в условиях НЭПа даже после выхода майского постановления банки имели заметные проблемы с привлечением депозитов:

Препятствием к развитию этих операций, помимо общих причин, являлось несоответствие между процентом, уплачиваемым банком по текущим счетам и вкладам, и нормами частного дисконта на рынке: в процессе первоначального накопления капитала денежные капиталы сосредоточились в руках наиболее предприимчивых и энергичных слоёв населения, которые стремятся возможно интенсивнее использовать и преумножить свой капитал путём торговли и спекулятивного оборота и, следовательно, прибегают к банку для хранения случайно освободившихся средств лишь в исключительных случаях, на сравнительно короткие сроки.

За первый операционный год почти в 9,5 раза вырос объём активных операций. Но преобладала всё же частная клиентура. В среднем за год ей принадлежала половина остатков средств на текущих счетах. По обороту и активам, согласно своему балансу, Роскомбанк занял третье место среди акционерных банков страны. Однако общие показатели не были впечатляющими.

В первом отчёте Российского коммерческого банка за 1922/23 операционный год несколько витиевато сказано:

Начавшийся в 1921 г. хозяйственный порядок, называемый НЭП, потребовал организации кредита и создания банковского аппарата, последний представлялся исключительно государством, т.к. банковское дело признавалось государственной монополией. В дальнейшем с предоставлением Государственному банку эмиссионного права, при наличии которого всё кредитное дело страны должно регулироваться и направляться соответственно видам центрального государственного кредитного органа, было признано возможным допустить учреждение и других кредитных предприятий; попутно выяснилась желательность привлечь в банковское дело частную инициативу и частный капитал, что при бедности страны денежными капиталами повлекло привлечение в эту область и иностранного капитала.

Однако в условиях строгой государственной регламентации частный банк никак не мог располагать той свободой действий, которая предполагалась изначально. Деятельность частного кредитного учреждения плохо укладывалась в рамки государственной монополии внешней торговли, и это мешало широкому развитию финансирования импортно-экспортных операций. Банк испытывал трудности в по-

[32] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

лучении депонированных за границей авансов за экспортируемые товары. Из-за того что их переводили на имя советских торговых представительств, большая доля средств Роскомбанка была «заперта» на депозитных счетах в Госбанке РСФСР.

В отчёте за 1922/23 г. по этому поводу было написано:

Возложенная на банк его Уставом обязанность содействовать промышленности и торговле внутри страны и в то же время содействовать развитию её оборотов с заграницей потребовала от банка специальной организации и вызвала необходимость разделить его операционные отделы на отделы, обслуживающие внутренний рынок, и отделы, предназначенные для заграничных сношений. Необходимо отметить, что Отделы заграничных коммерческих сношений особого развития не получили и до настоящего времени деятельность банка в этой области не носит планомерного характера, ограничиваясь финансированием от случая к случаю отдельных экспортных и импортных операций.

Масштабам экспортно-заготовительных и импортных операций страны никак не соответствовал собственный капитал, который банк мог в эти операции вложить. Из внесённых учредителем 10 млн. рублей правление банка могло оперировать только 6,5 млн. рублей, так как согласно условиям концессии 25% основного капитала Роскомбанк держал в Госбанке в обеспечение интересов вкладчиков. Ещё 1 млн. составили организационные расходы (5-процентный концессионный налог, ремонт здания и т.д.).

Судя по всему, уже тогда появились трения с Госбанком.

Далее в докладе сообщалось о причинах других неудач:

В деле привлечения кредитов из-за границы РКБ в первый год своего существования особых успехов и развития не достиг. Во-первых, нас ещё не знали за рубежом. Во-вторых, возникла проблема залогов. Принимаются процентные бумаги, векселя и товары. Первых в портфеле банка нет, векселя по своей краткосрочности и неурегулированности почтовых отношений не могут пересылаться за границу, а для того, чтобы оставлять их в России на инкассо (как это практикуется), надо, чтобы иностранные банки были связаны тесными деловыми сношениями с банками СССР, чего в настоящее время нет.

Товары, экспортируемые из СССР, также не могут быть предметом залога, т.к. находятся в распоряжении заграничных представительств Наркомата внешней торговли[33].

Иностранные партнёры ставили жёсткие условия, при соблюдении которых готовы были обеспечить приток капиталов в Советскую республику. Так, в 1923 г. появился «Меморандум английских банкиров». В нём говорилось:

Обе стороны должны согласиться на признание государственных и частных долгов. Должно быть достигнуто соглашение о признании частной собственности иностранцев. Советское правительство должно гарантировать, что в будущем ни при каких обстоятельствах частной собственности не будет угрожать конфискация со стороны государства.

Банкиры, промышленники, купцы Англии должны иметь возможность совершать сделки с частными учреждениями и лицами совершенно свободно, без вме-

[33] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 87.

шательства правительства. Все до единого пункта были невыполнимы, и это понимали руководители Роскомбанка.

РКБ можно было пойти по линии биржевой игры и спекуляции валютой, как делали многие, но банкиры с дореволюционным стажем считали это ниже своего достоинства.

К тому же скоро выяснилось, что Советская Россия и без выполнения ультиматумов активно осваивается на международном пространстве и успела завязать экономические и торговые отношения с целым рядом западных государств. Да и Госбанк стал достаточно успешно развивать свои внешнеторговые операции. Во многом это объяснялось тем, что, обладая крупным золотым фондом, он мог устанавливать за рубежом такие связи и отношения, которые были недоступны любому другому советскому кредитному учреждению[34].

В этой ситуации Роскомбанк был вынужден перенести центр тяжести на внутриторговые операции и сосредоточиться на кредитовании частной клиентуры. Рост цен на промышленные изделия, наблюдавшийся в 1922–1923 гг. и способствовавший развитию частной торговли, с октября 1923 г. сменился систематическим снижением цен. Тем самым основная операция Роскомбанка — выдача ссуд под отечественные товары — превратилась из прибыльной в убыточную.

Тем более что уже к концу 1923 г. наметилась новая тенденция — «зажимать частника». Региональным наркомфинам ушло письмо члена коллегии НКФ СССР М.И. Фрумкина и начальника валютного управления Л.Н. Юровского «О значении государственной, кооперативной и частной торговли». В нём говорилось:

Кредитные учреждения должны поощрять переход торговли, особенно оптовой, в руки государственных и кооперативных торговых организаций. В тех областях оптовой торговли, в которых ещё господствует частный торговый капитал, они должны отыскивать жизнеспособные государственные и кооперативные предприятия и, кредитуя их преимущественно перед частными предприятиями, содействовать постепенной замене частной торговли[35].

Банк занялся вексельными операциями. Начал со скромной суммы 26 605 червонцев, постепенно увеличивал операции по вексельным кредитам и, судя по балансу на 1 июля 1923 г., выдал клиентам 250 112 червонцев.

В первый год работы значительное развитие получили операции по предоставлению гарантий, не имевшие в прежней практике русских банков большого значения. Совместно с Госбанком Роскомбанк сумел распространить свои операции как в области аккредитивов, так и переводов и других комиссионных поручений за пределы Москвы.

В.В. Тарновский при этом жаловался на общем собрании акционеров банка 18 декабря 1923 г., что «в современных условиях разрушены старые фирмы, а вновь возникшие не стоят никаких гарантий их кредитоспособности. Поэтому кредиты обеспечиваются только с помощью товаров и товарных документов».

---

[34] *Юровский Л.Н.* Банки в России и СССР // Кредит и банки. Сб. статей. М., 1929. С. 404, 405.

[35] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 174.

Хроника текущих событий Роскомбанка в 1922 и 1923 годах

Интересно посмотреть, какие текущие дела приходилось решать Роскомбанку в первые полтора года своего существования.

Регистрация банка не прошла без происшествий: в экземпляре устава, первоначально утверждённом Советом труда и обороны 22 октября 1922 г., был халатно пропущен § 47. Пришлось повторно утверждать внесённые изменения, новое постановление СТО вышло 2 ноября 1922 г.

На восьмом заседании правления 8 декабря 1922 г. впервые были распределены обязанности первых сотрудников банка:

Тарновский Владимир Васильевич — председатель правления — общее руководство всеми делами банка, ближайшее заведование главной кассой, бухгалтерией, секретариатом и юридическим отделом.

Ашберг Улоф — председатель совета — налаживание связей с русскими и иностранными корреспондентами на время отсутствия члена правления Мэя.

Галяшкин Яков Александрович — заместитель председателя правления — наблюдение за хозяйственным отделом, затем по русской группе: за товаро-ссудным, торгово-комиссионным отделами; по иностранной группе: за фондовым, товарным и торгово-комиссионным отделами и п/отделом кредитов в иностранной валюте и делькредере.

Михельман Даниил Давыдович — член правления — наблюдение за русской группой, за отделами текущих счетов и вкладов, учёта векселей, краткосрочных ссуд под обеспечение и инкассовым отделом. По иностранной группе: за п/отделом текущих счетов в золоте и иностранной валюте и по п/отделу иностранных переводов, чеков и платёжных поручений.

Информационный отдел — на директоре В.С. Коробкове[36]*.

В конце 1922 г. начинают появляться первые положения о банковском регулировании. 10 ноября 1922 г., в частности, вышло постановление СТО, указывающее, что все изменения уставов кредитных учреждений проводятся через Валютное управление НФНВФ, запрашивающее по этим вопросам в случае необходимости отзыв Госбанка. Тогда же СТО выпускает ещё одно постановление, согласно которому банки обязаны публиковать в газетах «Известия ВЦИК» и «Экономическая жизнь» свои ежемесячные балансы и извлечения из годовых отчётов со следующими показателями: суммы основного капитала, капитала запасного, резервного и прочих, счета прибылей и убытков за отчётный год.

Вскоре, 2 января 1923 г., секретарь председателя Московской конторы Госбанка Д.Д. Михельмана В.А. Ульяновская письменно передаст руководству Роскомбанка указание своего начальства: теперь стало необходимо отсылать ей ежедневные балансы банка, которые она будет предоставлять в Госбанк[37].

На заседании правления Роскомбанка присутствуют кураторы Роскомбанка от иностранного отдела Госбанка — Соломон Яковлевич Гордон и Г. Вебор (имя и пол выяснить не удалось); от Наркомата финансов — и.о. управляющего отделением надзора Вайденгаммер и и.о. заведующего подотделом Гандер.

---

[36] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.

[37] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 23. Л. 122.

Для обеспечения же клиентуры по пассивным операциям каждый банк, также согласно постановлению СТО, должен был вносить в Госбанк в наличных деньгах или в государственных процентных бумагах стран с устойчивой валютой залог в размере 10% с пассивов и не менее 25% основного капитала.

После постановления Совнаркома от 30 июля 1921 г. было восстановлено понятие «тайна кредитных учреждений». В документе говорится, что «справки о состоянии текущих счетов и о переводах выдаются только владельцам или судебным и следственным органам».

В то же время вышел проект Положения о Комитете по делам банков, возглавляемом председателем правления Госбанка. Так, в комитет войдут один из членов правления главного банка страны, председатели или их замы Промбанка, Всекобанка, Роскомбанка, Горбанка и Сельскохозяйственного банка, а также один представитель от обществ взаимного кредита. С совещательным голосом будут участвовать по одному представителю от союзных Наркомата финансов, Госплана, ВСНХ, Наркомата внешней торговли и Наркомата внутренней торговли.

16 декабря 1922 г. открывается первый корреспондентский счёт в зарубежных банках. Это был London City and Midland Bank, London. Решено держать на нём не менее 200 000 фунтов стерлингов[38].

В стране с началом новой экономической политики появилось много акционерных обществ, правление Роскомбанка получало массу предложений участвовать в акционерном капитале тех или иных АО. От большинства из них банк отказывался, в частности, от предложения АО «Пролеткино», а вот 50 акций Московского городского банка 19 декабря всё же приобрёл. В тот же день он позволил «постоянным клиентам (видимо, имеющим уже двухнедельный стаж! — *Н. К.*) по желанию производить реализацию имеющихся у них золотых монет»[39].

Буквально через четыре дня пришлось давать опровержение. Дело в том, что Декрет Совнаркома от 4 апреля 1922 г. установил монопольное право Госбанка покупать и продавать золотые монеты. Юристы Роскомбанка тем не менее решили, что выдача ссуд под залог монет разрешена, ну а если кто-то не сможет вернуть деньги, то это уже не проблема банка.

21 декабря 1922 г. Роскомбанк включили в число учреждений, принимающих подписку на первый, выпущенный в декабре, Государственный выигрышный заём — стране срочно были нужны деньги[40].

Заём был на общую сумму в 100 млн. рублей, срок его действия — 10 лет. На 6-процентных облигациях было написано:

Все платежи по этой облигации производятся в Российской золотой валюте или в долларах по золотому паритету. Народный комиссар финансов (факсимиле).

Вскоре был подписан договор консорциума банков с Народным комиссариатом финансов, его 8-й параграф касался поддержки курса облигаций. Роскомбанк получал 10% комиссии от реализации бумаг, он также выдавал под них ссуды в размере до 60% от стоимости. Эта операция была ограничена 200 червонцами в день в одни руки, за-

[38] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 23. Л. 99.

[39] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 23. Л. 101.

[40] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 23. Л. 114.

ложить можно было не более чем 10 облигаций. Заведующий отделом краткосрочного кредитования банка А.Л. Шнейдеров так охарактеризовал своих клиентов:

Ссудами до 5 облигаций пользуются или мелкие барышники с Сухаревского и других рынков, или же трудящиеся, получившие облигации в счёт заработной платы, не имеющие почти никакого влияния на установление рыночных цен на заём. Средняя же публика ссудой в 5 или 6 червонцев под 20–100 облигаций не интересуется, и ни одной ссуды под залог займа мы на таких условиях не выдали[41].

19 февраля к руководству банка, видимо, пришло понимание, что их бизнес развивается не так успешно, как хотелось. Во всяком случае правление, «принимая во внимание, что прибыли первых месяцев деятельности банка не настолько значительны, чтобы покрывать текущие расходы», установило максимальный размер ежемесячного вознаграждения, выдаваемого на руки членам правления и директорам, в 300 рублей в золотом исчислении (из 1000 обещанных). «Что касается остальных 700 рублей в месяц для членов правления и 450 рублей в месяц для директоров, что было установлено Общим собранием акционеров от 10 ноября 1922 г., то получение этих разниц отнести к моменту заключения годового отчёта, когда выяснится степень прибыльности банка». Этих денег они так и не получат!

В феврале 1923 г. Роскомбанк, по примеру Промбанка и Покобанка, стал заниматься арбитражными операциями. Дело в том, что ситуация на просторах России была столь разной, что, в частности, по котировкам Московской фондовой биржи иностранная валюта расценивалась в Москве значительно ниже, чем в Петрограде. И этим нельзя было не воспользоваться[42].

Весной встал вопрос о выпуске акций банка. Оказалось, сделать это в послевоенной России весьма нелегко, поэтому решили напечатать упрощённый их вариант — на узорчатой бумаге без водяных знаков[43].

Рассматривались в это время и многие вопросы, разъяснения которым просто нет. Так, 16 марта 1923 г. правление решает, брать или не брать в аренду имение «Поречье». Судя по всему, на его территории банком планировалось проводить какие-то сельскохозяйственные работы, так как в решениях записано: «Отклонить предложение до осмотра имения агрономом и лесоводом».

В мае 1923 г. Роскомбанк взялся по договору комиссии распространить 1500 билетов лотереи Большого театра[44].

Обзавёлся банк и средствами передвижения, бывшими тогда в Москве редкостью. 3 сентября 1923 г. правление РКБ рассматривает вопрос о приобретении автомобилей для банка. Была возможность сделать это непосредственно с Всероссийской сельскохозяйственной выставки через «Автопромторг».

В Москве в то время действовали Московская фондовая и Торговая биржи, Роскомбанк активно работал на них и ежегодно выкупал входные билеты.

Не чужд был банк и маленьких хитростей. В частности, 19 марта 1923 г. вице-директор А.Э. Миллер предлагает способ удешевления пересылки валюты в про-

[41] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 134.

[42] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 380.

[43] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 395.

[44] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 495.

винцию. При посылках ценностью до 100 рублей золотом объявлять их стоимость в половинном размере. Расчёт, безусловно, делался «на авось»[45].

Личный состав Роскомбанка

Постоянный штат Роскомбанка в начале его деятельности был невелик — несколько десятков человек. В банке активно использовался, как сейчас сказали бы, аутсорсинг. Многие работы выполняли по договору члены Усачёвско-Шестовской Новогостиничной артели Т-ва «Освобождённого труда». Артель предоставляла банку необходимое количество бухгалтеров, кассиров, инкассаторов и специалистов других специальностей.

Такая практика сохранялась до конца 1920-х гг. и была характерна для многих организаций нэпмановской России. Например, для Госбанка, в котором, в частности, работала артель гардеробщиков.

Популярна была и кооперативная форма труда. Уже 14 ноября 1922 г. первые сотрудники Роскомбанка обратились в правление с предложением о создании кооператива для сотрудников РКБ с целью снабжения их продуктами. Тем более что в Госбанке аналогичная структура была создана. Однако найдено было иное решение: «представить членам Временного бюро Баркову, Малинину, Шнейдерову, Петрову беспроцентную ссуду в размере месячного оклада содержания всего личного состава для приобретения продуктов сотрудникам»[46].

Аутсорсинг активно применялся в Советском Союзе до середины 1950-х гг. в виде артелей и кооперации. Курс на индустриализацию способствовал развитию артелей. Задания первой пятилетки предусматривали рост численности их работников в 2,6 раза. Первые радиоприёмники, радиолы, телевизоры выпускала ленинградская артель «Прогресс-Радио».

Во время войны артели выпускали нужную для фронта продукцию, оружие. В послевоенные годы в российской глубинке до 40% всех предметов в доме (посуда, обувь, мебель и т.д.) было сделано артельщиками. Однако в апреле 1956 г. постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР была начата ликвидации этой системы.

Многие сотрудники приходили в Роскомбанк с Московской биржи труда. Практически сразу руководству Роскомбанка пришлось ориентироваться на новое трудовое законодательство (15 ноября 1922 г. вступил в действие новый КЗоТ РСФСР). От методов принуждения в регулировании трудовых отношений государство переходило к методам свободного найма рабочей силы с заключением добровольного трудового договора.

В этом кодексе всем гарантировалась 42-часовая неделя и двухнедельный оплачиваемый отпуск. Женщинам предоставлялись декретные отпуска (для работниц умственного труда — 6 недель до и 6 недель после родов). Кстати, с некоторыми поправками этот кодекс действовал до 1971 г.

---

[45] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 11. Л. 82.

[46] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

Стоит сказать, что найти квалифицированных работников тогда было трудно, поэтому особого выбора при пополнении штата у руководства банка не было и в банке часто возникали проблемы с дисциплиной.

На первом этапе руководство банка достаточно либерально относилось к анкетам своих сотрудников. Важно было собрать настоящих специалистов.

В частности, одним из первых сотрудников был Николай Николаевич Петров.

По следующим письмам можно оценить кадровую политику правления РКБ. Выписка из постановления:

«1922. Сентябрь 25-го дня. Московский революционный трибунал в публичном заседании под председательством тов. Лаврова и членов Трибунала тт. Орехова и Гусева рассмотрел ходатайство ЦИТО о досрочном освобождении гр. Петрова Николая Николаевича, осуждённого Костромским Губревтрибуналом 30 октября 1921 г. за приём и передачу взятки к расстрелу, заменённому 5 годами принудительных работ со строгой изоляцией, считая срок наказания с 30 октября 1921 г.

Заслушав объяснения представителя ЦИТО тов. Соболева, руководствуясь 479-й ст. Уголовного процессуального кодекса, Трибунал ПОСТАНОВЛЯЕТ: ходатайство удовлетворить и гр. Петрова досрочно освободить с переводом на принудительные работы на оставшийся срок без лишения свободы.

Подлинное за надлежащими подписями…

1 октября 1922 г.

Письмо № 13

В Московское управление

принудительных работ

Б. Воскресенская пл.

Организаторы Российского коммерческого банка просят Бюро принудительных работ откомандировать на службу в банк для организационных работ гр-на Николая Николаевича Петрова, состоящего на учёте в бюро как технического специалиста банковского дела (по бухгалтерии).

Организаторы.

25 / X–22»[47].

С созданием в 1924 г. Внешторгбанка и приходом В.К. Таратуты Н.Н. Петров сразу будет уволен.

Роскомбанк и денежная реформа начала 1920-х годов

В послевоенные годы денежные реформы проводились во многих странах. Большинство из них были успешны, поэтому ничего уникального в нашем опыте нет. Однако наиболее радикальными, по разным причинам, реформы были в Германии и СССР.

Участие Роскомбанка (Банка для внешней торговли СССР) в денежной реформе 1922–1924 гг. значительно. Стоит хотя бы посмотреть, чьи подписи стоят на пущенных тогда в обращение червонцах. Более половины из всех подписантов

[47] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 8. Д. 677. Л. 7–9.

были в разные годы членами совета Банка для внешней торговли: это Г.М. Аркус, Б.М. Берлацкий, А.А. Блюм, М.И. Калманович, З.С. Каценеленбаум, Д.Д. Михельман, Г.Л. Пятаков, А.П. Спундэ, А.Л. Шейнман, В.В. Шер, А.Д. Шлезингер.

Совершенно справедливо многие исследователи начало денежной реформы относят не к 1922 г., а к началу 1921 г., когда начались теоретические дискуссии о форме её проведения. Будущие руководители Банка для внешней торговли СССР сыграли заметную роль в процессе подготовки этой реформы.

Впервые о денежной реформе заговорили ещё на I Всероссийском съезде совнархозов, состоявшемся в мае 1918 г. На съезде говорили о параллельном обращении двух валют, эмитируемых Государственным (Народным) банком. С переходом к политике «военного коммунизма» этот проект был забыт, все революционные силы были брошены на полное уничтожение денег. А в январе 1920 г. за ненадобностью был упразднён и Народный банк.

После объявления 15 марта 1921 г. X съездом РКП(б) новой экономической политики (НЭПа) руководители Советского государства вынуждены были коренным образом пересмотреть свои взгляды на роль денег в экономике переходного периода. Решающее значение получил вопрос о том, как перейти от всё сильнее обесценивавшихся совзнаков к твёрдой устойчивой валюте.

Задача преобразований в финансовой сфере была поставлена, однако никто тогда ещё не знал, какую денежную единицу следует вводить в обращение. Многие руководители Наркомфина вообще считали, что нет необходимости создавать новую денежную единицу, а следует сохранить и стабилизировать совзнак.

Большинство финансистов, ставших «буржуазными спецами», то есть согласившихся прийти на службу советской власти, совершенно справедливо считали идеи уничтожения денег и поиска иного заменителя оценки объёма труда (в частности, так называемого треда[48]), которые пытались внедрить во время «военного коммунизма», утопическими. Именно они, разбиравшиеся в вопросах финансов, денег и кредита на мировом уровне экономических знаний, и стали основными разработчиками денежной реформы. Одним из тех, кто внёс решающий вклад в её подготовку, стал Владимир Васильевич Тарновский, в дальнейшем первый председатель правления Российского коммерческого банка.

Ещё в 1920 г. в одном из своих докладов на заседании Финансовой секции Петроградского отделения Института экономических исследований В.В. Тарновский (тогда он состоял на службе в Управлении мостовых коммунального хозяйства в городе Петрограде) теоретически обосновал необходимость возвращения к полноценному денежному обращению и восстановлению нормальной, а не «эмиссионной» денежной системы. В условиях «военного коммунизма» это предложение не могло найти понимания у организаторов, докладчик и его начальник получили выговор за «контрреволюционный доклад».

К 1921 г. после предварительного обсуждения практически все экономисты и руководители народного хозяйства России выступали за создание новой денежной единицы, каким-то образом связанной с золотом. Разногласия были только в форме такой связи.

[48] Тред — твёрдая учётная единица, равная оплате одной смены рабочего первого разряда, планировали ввести с 1 января 1922 г.

Обсуждалось и то, насколько быстро необходимую реформу можно провести. В частности, знаменитый в будущем полярник О.Ю. Шмидт, а тогда член коллегии Наркомфина, заявил, что понадобится 10 лет упорной работы для установления в Советской России устойчивой денежной единицы.

Им возражали немногочисленные тогда специалисты, среди которых был сотрудник Наркомата финансов РСФСР, крупнейший эксперт по денежному обращению профессор Л.Н. Юровский. Леонид Наумович утверждал, что при падающем совзнаке восстановить народное хозяйство не удастся и следует незамедлительно приступить к созданию твёрдой валюты. Его поддержал В.В. Тарновский, предложивший, не прекращая эмиссию быстро теряющих стоимость совзнаков (покрывавших бюджетный дефицит), параллельно выпускать для коммерческого оборота достаточно стабильные новые банкноты, частично обеспеченные золотом и иностранной валютой.

С таким же предложением в апреле 1921 г. выступил на заседании комиссии денежного обращения Института экономических исследований ВСНХ крупный финансовый специалист З.С. Каценеленбаум, ставший одним из основателей Госбанка СССР.

В конце мая 1921 г., выступая в Институте экономических исследований с докладом, сотрудник ВСНХ и Наркомфина Н.Н. Кутлер вынес на обсуждение проект денежной реформы. В нём Николай Николаевич предложил отлить и пустить в обращение золотые монеты, использовав для этого весь имевшийся золотой запас, а эмиссию бумажных денег прекратить. Месяц спустя, в июне, в Институте экономических исследований проект денежной реформы представил и В.В. Тарновский. Он считал, что следует выпустить разменные на золото банкноты, которые будут ходить наряду с прежними бумажными совзнаками.

Однако благоприятная ситуация длилась недолго: осенью 1921 г. был катастрофический неурожай, за ним последовал голод. Все поняли, остановить бюджетную эмиссию будет невозможно. С июля 1921 по июнь 1922 г. общий объём наличной денежной массы вырос с 3,2 трлн. почти до 320 трлн. рублей, цены же поднялись почти в 6 млн раз!

К 1922 г. было ясно и то, что надежды на мировую революцию слабы. Следует заниматься своим хозяйством.

После учреждения Госбанка РСФСР В.В. Тарновский был назначен товарищем (заместителем) управляющего Северо-Западной областной конторы банка. Чуть раньше, в конце 1921 г., главой Наркомфина РСФСР был назначен 33-летний Г.Я. Сокольников, увлёкшийся идеей денежной реформы.

У В.В. Тарновского и его единомышленников появилось политическое прикрытие, Григорий Яковлевич энергично взялся претворять в жизнь идею создания червонного обращения. В результате реформа даже получила его имя.

Несмотря на сложность реализации, предложение В.В. Тарновского вскоре было принято за базовое. В начале 1922 г. Владимир Васильевич, на этот раз в своей статье «Вопросы денежного обращения и Госбанк», доказал необходимость создания денежной единицы, выпускаемой Госбанком, и показал пути к этому. Он ещё раз подчеркнул, что «ввиду невозможности достигнуть устойчивости государственной бумажной валюты необходимо допустить создание параллельной валюты для нужд народного хозяйства».

Идея выпуска твёрдой валюты обсуждалась с участием В.В. Тарновского в процессе целого ряда совещаний, состоявшихся в Наркомфине и Госбанке РСФСР в мае 1922 г. В результате было предложено три варианта её названия: федерал, целковый и червонец[49].

Пока не было принято официального решения, В.В. Тарновский настойчиво разъяснял в лекциях, докладах, газетных интервью свою позицию, отстаивал её на публичных диспутах. Его предложения активно обсуждались.

25 июля 1922 г. Совнарком принял декрет «О предоставлении Государственному банку права выпуска в обращение банковых билетов»[50]. Было решено, что валютное управление Наркомфина будет продолжать печатать совзнаки, а Госбанк осуществлять эмиссию червонцев. Согласовывать действия двух не очень дружественных структур поручили Л.Н. Юровскому, назначенному тогда же, 10 августа, заместителем начальника валютного управления Наркомфина.

Наркомфин признавался главным в этой связке, а управлению Леонида Наумовича предстояло заняться регулированием денежной политики страны и разрабатывать меры по оздоровлению денежного обращения. Именно в нём, а не в Госбанке, была создана комиссия по вопросам кредита и денежного обращения.

В заключение — ещё об одном руководителе Российского коммерческого банка, претендовавшем на роль отца червонца.

В своей анкете он записал: «Считаю в целях объективной правды необходимым отметить, что я считаю себя одним из авторов “червонной реформы”. Первая статья в печати, посвящённая этому вопросу, помещённая в “Экономической жизни”, принадлежит моему перу. Первый доклад в правлении Госбанка о необходимости параллельной валюты был прочитан мной». Это слова В.С. Коробкова.

Виталий Славович действительно был сподвижником В.В. Тарновского и поддерживал в 1922 г. его предложение приступить к денежной реформе немедленно. И в дальнейшем он постоянно одобрял и защищал своего коллегу, однако со своим предложением выступил только в декабре 1921 г., позже Владимира Васильевича. 26 февраля 1922 г. Коробков подготовил тезисы о направлении кредитной политики главного банка страны, обсуждённые на заседании правления Госбанка 26 февраля 1926 г. В них он обосновал предоставление Госбанку самостоятельного права выпуска золотых банкнот[51]. Статья же, на которую ссылается Коробков, написанная на основе этих тезисов, вышла 1 марта 1922 г.

Виталий Славович Коробков

Родился в 1887 г. в городе Мстиславль Смоленской губернии. Родом из мещан. В анкете, составленной при оформлении в 1922 г. на работу в Российский коммерческий банк (будущий Внешторгбанк СССР), сообщал, что знал немецкий, древнееврейский, еврейский, английский, французский, латинский и греческий языки. Окончил Санкт-Петербургский политехнический институт, получил звание кандидата экономических наук. Тема диссертации: «Очерки по экономической истории

[49] Финансовая газета. 31.05.1924. С. 2.

[50] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (СУ). 1922. № 46. С. 578.

[51] Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твёрдой валюты. Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия. 2008. С. 110–112.

польско-литовского еврейства». До 1910 г. занимался литературным трудом. Затем работал на небольших должностях в коммерческих банках, в частности в Петербургском международном коммерческом банке. Как он сам признавался, отношение к Октябрьской революции у него скорее негативное — «не сочувствовал, активного участия не принимал». Однако после революции занимал высокий пост в профсоюзах — стал председателем Центральной комиссии Всероссийского союза служащих финансового и контрольного дела. Член ЦК, член президиума и секретарь профсоюза «Кредитруд», член Петроградского совета профсоюзов. Был также членом правления Общества регулирования еврейской эмиграции и колонизации и Общества ремесленников и земледельческого труда (три его сестры — Ревекка и Берта Коробковы и Эсфирь Бегам — с 1913 г. жили в Палестине, в Иерусалиме). Виталий Славович был автором книги «Экономическая роль евреев в лесной промышленности и торговле» и ряда брошюр.

С момента создания Госбанка в 1921 г. — главный секретарь правления (выполнял функции секретаря-докладчика Концессионной комиссии СТО и докладчик от Госбанка в Малом Совнархозе) и член правления Покобанка. В Российский коммерческий банк его рекомендовали: М.П. Томский, А. Лозовский, Д.Б. Рязанов, А.О. Альский, Г.Я. Сокольников, Н.Г. Туманов, Р.Я. Левин (замнаркома финансов СССР, с 1924 г. директор советского банка в Германии «Гаркребо»), Л.Н. Юровский[52].

10 ноября 1922 г. на учредительном собрании РКБ исполняет роль секретаря. Назначается директором иностранной операционной группы банка. Остаётся на этой должности до октября 1925 г. Всё это время тесно работает с пытающимся стать на ноги банком «Гаркребо».

Курирует информационный отдел, неслучайно из-под его пера появляются следующие маркетинговые выводы: «27 января 1923 г. В Москве идут только овечьи кишки, бычьи же не идут»[53].

В.С. Коробков любил загранкомандировки, судя по всему, у него были неплохие связи в Европе и США. В частности, он до создания РКБ был знаком с У. Ашбергом, основателем и комиссионером банка (можно предположить, что он сыграл определённую роль и в учреждении банка «Гаркребо»). Уже после реорганизации, летом 1924 г., Внешторгбанка СССР получил предложение нью-йоркских банков направить своего представителя для переговоров. В США был командирован Коробков. Его переговоры с представителями Guaranty Trust, Equitable Trust (Эквитэбль, Эквитрест), Chase National Bank (Чейз-банк), International Banking C° велись в течение ноября – декабря 1924 г. Они, как сообщал Коробков правлению банка для внешней торговли в своём первом письме от 3 ноября 1924 г., начались с разговоров общего характера: «А кто несёт ответственность за ваш банк? А что будет, если он обанкротится? А как нам судиться с вами, раз между нами нет торгового договора? Каков баланс? Что с червонцем? А что будете экспортировать? А как с монополией внешней торговли? А есть ли у вас частные вклады и т.д. и т.д.».

В следующем письме из Нью-Йорка от 7 ноября 1924 г. В.С. Коробков сообщал: «Я добился после многочисленных заседаний (свыше десяти) с дирекцией

[52] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 8. Д. 448. Л. 1–4.

[53] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

Чейз-банка открытия экспортных кредитов в русских портах». Речь шла о согласии американского банка давать кредит под товары, отправленные из портов СССР на пароходах прямого сообщения до США, в размере 60–80% средней стоимости товаров при получении телеграфных сообщений от Внешторгбанка об отправке товаров. При успешном осуществлении подобных кредитных операций Чейз-банк был готов увеличить кредиты, «но в настоящее время, пока ход торговли окончательно не установился, предполагается, что общая сумма аванса не превысит 1 млн. долларов, причём за такие авансы будет взиматься 7% годовых». Кроме того, Chase National Bank согласился тогда стать главным агентом банка для внешней торговли по переводным операциям в СССР.

Переговоры о кредитовании импорта американских товаров в СССР были длительными. Лишь в конце ноября Коробков достиг соглашения с Chase National Bank о гарантировании им около 1 млн. долларов при депонировании Банком для внешней торговли СССР 25% этой суммы (по сделке г. Форда с Амторгом на поставку тракторов). При этом половину суммы банк уплачивал фирме Ford по представлении документов о продаже, а на остальную часть акцептовал её траты на 6 и 9 месяцев на основе гарантий, подписанных Внешторгбанком.

Оценивая это соглашение, Коробков без лишней скромности приходил к выводу, что благодаря ему в банковских кругах США «удалось прорвать блокаду и на фронте импорта». В декабре были подписаны договоры и с другими американскими банками.

«После длительных, казалось, бесплодных и нудных переговоров с Equitable Trust'ом, — сообщал Коробков правлению Банка для внешней торговли в письме от 8 декабря, — наконец сегодня кой-чего добился. Эквитэбль открывает нам кредит на сумму в 1 млн золотых рублей (500 тыс. долларов), из коих 400 тыс. рублей импортного кредита и 600 тыс. рублей экспортного… Считаю это открытие кредита на русские порты таким банком, как Эквитэбль, большой принципиальной победой. Итак, соглашения с Чейзом, Guaranty Trust'ом и Эквитэблем налицо!»

В своих биографиях Коробков будет потом писать: «Из деятельности моей во Внешторбанке отмечу мою командировку в САСШ[54], где мною впервые были заключены договоры с крупными американскими банками о предоставлении России непокрытых кредитов»[55].

С 1929 по 1932 г. в советских банках, как и в других учреждениях страны, проходила чистка, и Виталий Славович попал в её жернова, тем более что вспомнить ему было что. В протоколе центральной комиссии по чистке аппарата Госбанка СССР от 30 июня 1930 г. говорится о непролетарском происхождении Коробкова и о том, что в Октябрьские дни он стоял «во главе реакционного банковского чиновничества».

Согласно другому пункту обвинения, Коробков, «одержимый честолюбием, упорно присваивает себе идею твёрдой валюты (введение червонца)». Вспомнили ему и так называемую золотую операцию. В протоколе записано: «Настоял в 28 г. на завозе в Америку золота, не отнесся к этому с должной вдумчивостью и осто-

[54] В русском языке до середины XX века было распространено наименование Североамериканские Соединённые Штаты (САСШ).

[55] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 8. Д. 448. Л. 7.

рожностью, в результате чего 10 млн. советского золота было захвачено французским банком». Решение комиссии предписывало: «С работы в Госбанке снять». В протоколе зафиксировано «особое мнение» главы Госбанка Г.Л. Пятакова: «…Коробкова можно и должно использовать на работе в Госбанке»[56].

В ночь с 16 на 17 декабря 1930 г. Коробков был арестован и отправлен в БАМЛАГ, однако 13 июня 1935 г. освобождён и оставлен работать в финансовых органах гулаговской системы в качестве вольнонаёмного[57].

На первом этапе Наркомфин старался наладить денежное хозяйство с использованием бумажных совзнаков и не планировал их уничтожение. Казалось, удастся приостановить инфляцию, упорядочить эмиссию, сделать так, чтобы денежная масса соответствовала товарному обращению и совзнак стабилизировался и в конце концов обменивался на золото. Такие попытки делались до осени 1923 г.

Для упорядочения денежного обращения советское правительство провело две деноминации. В 1922 г. в соответствии с Декретом Совнаркома (СНК) РСФСР от 3 ноября 1921 г. для упрощения расчётов в народном хозяйстве были заменены денежные знаки всех предыдущих эмиссий в соотношении 10 000 к 1. Тогда были выпущены денежные знаки РСФСР 1922 г. (называемые совзнаками) достоинством от 50 копеек до 1000 рублей, а позже ещё 5000 и 10 000 рублей (купюра в 50 копеек так и не была выпущена). На следующий год в соответствии с Декретом СНК от 24 октября 1922 г. появились новые денежные знаки РСФСР образца 1923 г., которые приравнивались к 100 рублям образца 1922 г. или к 1 млн. рублей выпуска 1921 г., изъятых к тому моменту из обращения.

Наконец, последний раз попытались стабилизировать совзнак, выпустив 6 июля 1923 г. постановление ВЦИК: размер ежемесячной эмиссии не должен был отныне превышать 15 млн. рублей золотом. С 1 января 1924 г. планировали даже полностью отказаться от использования эмиссии для покрытия бюджетного дефицита.

Выполнить июльское постановление не удалось — в частности, из-за того, что в сентябре были значительно увеличены военные расходы. У руководства страны появилась надежда на революцию в Германии, которой оно собиралось оказать вооружённую поддержку. В результате возрос бюджетный дефицит, и его пришлось покрывать огромной эмиссией совзнаков[58].

Однако никакие меры по стабилизации советских денежных знаков не помогли — они быстро обесценивались. Создавалась совершенно реальная опасность полного вытеснения этих денег твёрдой иностранной валютой и золотом. Особенно большую опасность представляла собой золотая монета старой чеканки.

11 октября 1922 г. был подписан Декрет Совета народных комиссаров «О предоставлении Госбанку права выпуска банковых билетов». На его основе в обращение были выпущены банковые билеты в золотом исчислении. 27 ноября 1922 г. появилась первая партия из 200 000 советских золотых червонцев, всего до конца года их было выпущено на 3,6 млн. рублей.

---

[56] ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 786. Л. 90–90 об.

[57] *Николаев М.Г.* «Дом Госбанка»: люди и судьбы // Деньги и кредит. № 3, 2014. С. 73.

[58] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927) / Ю.М. Голанд. Избранные статьи. М.: Начала-Пресс, 1996.

Они не менее чем на 25% обеспечивались драгоценными металлами (платиной, золотом, серебром) и устойчивой иностранной валютой по курсу на золото. А остальные 75% — легко реализуемыми товарами (товарными векселями) и другими краткосрочными обязательствами. Банковские билеты выпускались купюрами в 1, 3, 5, 10, 25, 50 червонцев. Каждый был приравнен к 10 дореволюционным рублям и формально заключал в себе 7,74234 г чистого золота.

28 ноября червонцами была выдана первая ссуда. Её получил Льноцентр. Однако было решено эмиссию червонца не форсировать. Госбанк, поддерживая «червонный голод», повышал спрос на «параллельные деньги».

Российский коммерческий банк был учреждён через месяц после декрета о введении червонного рубля в обращение и практически сразу начал производить операции с червонцами. Уже на заседании правления 14 декабря 1922 г. (Протокол № 12) было принято решение:

Открыть в Госбанке текущий счёт в червонцах, внести на этот счёт 5000 червонцев, обязаться 3 месяца их не востребовать[59].

Это давало право банку на льготные условия по переводным операциям.

Активные операции с начала 1923 г. банк стал проводить исключительно в червонцах. Текущие же счета открывали в совзнаках, но в золотом исчислении.

Необходимость ведения операций сразу в трёх валютах на практике создавала много сложностей. Такая система исчисления требовала втрое увеличить штат счетоводов и конторщиков. Поэтому Роскомбанк, первым из банков с 1 февраля 1923 г. перешёл на исчисление в червонцах по всем операциям и стал осуществлять приём совзнаков в червонном исчислении с зачислением на текущий счёт. Другие банки постепенно перенимали опыт Роскомбанка и вводили расчёты в червонцах в течение 1923 г.

«Инициатива РКБ по переходу к червонному исчислению послужила одним из серьёзных толчков к постепенному переходу на это исчисление всех промышленных и торговых оборотов страны»[60].

Госбанк обязали беспрепятственно обменивать червонцы на совзнаки. Твёрдого соотношения между ними декрет не устанавливал. Червонцы сразу начали котироваться на вновь открытых биржах, и их курс стал определяться прежде всего состоянием спроса и предложения, а также предпочтениями рыночной клиентуры.

Устойчивость червонца Госбанк поддерживал валютными интервенциями, покупая и продавая их за золото и инвалюту на внутреннем рынке, а впоследствии и на международном. Чем ниже падала стоимость совзнака, тем выше поднимался престиж новой валюты.

Две советские денежные единицы сразу разделили сферы обращения: червонцы, как правило, использовались в оптовой торговле и в расчётах между государственными предприятиями и учреждениями (сперва вообще ими оплачивались только таможенные пошлины), совзнак же в основном применялся в розничной торговле и в денежном обороте в деревне.

Часто клиенты Госбанка разменивали полученные червонцы на совзнаки сразу, как только получали их в кассе, так как не знали, на что их потратить. Область их использования была действительно весьма узкой.

---

[59] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д.2. Л. 95.

[60] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 14. Л. 95.

С октября 1923 г. червонец практически вытеснил совзнак, дореволюционные рубли и иностранную валюту из оборота и стал эквивалентом оценки стоимости всех товаров и валют. С этого времени уже большая часть расчётов производилась в червонном исчислении. А цены в червонцах стали общепринятыми и понятными для всего населения страны. Условный счёт на золото был прекращён.

Были выпущены и металлические червонцы, но они в обращение не пускались, а предназначались в основном для использования во внешней торговле.

Роскомбанк много сделал для пропаганды червонца за рубежом. Так, в Берлине он за свой счёт издал на английском, немецком и французском языках брошюру о червонце, объясняющую закон от 11 октября 1922 г. и разъясняющую значение червонца в системе денежного хозяйства Советской республики[61].

В результате иностранные банки стали приобретать червонцы. Первым это начал делать ещё 1 февраля 1923 г. немецкий банк Berliner Handelsgesellschaft, за ним английский Lloyds Bank. И за пять последних месяцев 1923 г. зарубежные банки вложили в червонцы 28,5 млн рублей золотом. Большая часть средств пришла из Англии[62].

Тогда же червонец начали котировать на иностранных биржах. Первыми в сентябре 1923 г. это начали делать в Китае (в Харбине и Шанхае)[63]. В марте 1924 г. за червонец на Нью-Йоркской бирже давали 5,2 доллара[64], то есть советский рубль котировался в 52 цента. В 1924 г. к Китаю присоединились Латвия, Эстония и Персия. С марта 1925 г. червонец стал котироваться в Турции (в Константинополе).

Госбанк в 1924–1925 гг. принял решительные меры к внедрению через Русперсбанк червонца в Персии и удержанию его курса на номинальном уровне[65].

Весной 1925 г. операции с червонцами на Константинопольской бирже по поручению от Госбанка начинает проводить отделение Внешторгбанка.

В апреле 1925 г. итальянское фашистское правительство официально объявило о допущении червонца к котировке на итальянских биржах. Затем с июня он стал котироваться в Литве. В октябре 1925 г. — в Германии (Берлине) и Монголии (Улан-Батор). В начале 1926 г. червонец стал котироваться и в Японии, в Токио. Курс червонца в золотых рублях, пересчитанный по курсу доллара, держался в среднем на уровне 9,94–10,07 рубля, то есть на уровне своего номинала[66].

А тем временем в стране во все хозяйственные звенья внедрялись хозрасчёт и планирование. Благодаря этому государству удалось практически ликвидировать дефицит государственного бюджета — в 1922 г. он был огромным. Причём действенным оказалось не только сокращение расходов, к которому призывал Г.Я. Сокольников, но и увеличение доходов государственных предприятий. Для пополнения госбюджета были выпущены и реализованы четыре займа. В результате к началу 1924 г. дефицит бюджета составлял лишь 5,5%.

---

[61] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 14. Л. 85.

[62] *Рагольский М.Н.* Денежное обращение в Советской России. Саратов, 1924. С. 74.

[63] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 23. Л. 111.

[64] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

[65] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

[66] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 12. Л. 47.

Проводилась налоговая реформа, налоги в 1924 г. стали принимать только в денежной форме.

Оценивая итоги денежной реформы, большинство исследователей выделяют особую роль в ней Григория Яковлевича Сокольникова, которого тоже, как и В.В. Тарновского, часто называют «отцом червонца» (но, как уже говорилось, заслуги Тарновского, весьма значительные, долгое время незаслуженно замалчивались).

С этим согласны не все. В частности, Ю.П. Бокарёв пишет:

Если попытаться выяснить общее между Сокольниковым и реформаторами денежной системы, то оно заключается только в едином стремлении стабилизировать курс рубля. Однако дальше начинаются сплошные расхождения. Нарком финансов был марксистом и полностью разделял трудовую теорию стоимости К. Маркса. Денежные же реформы 1920-х годов опирались не на неё, а на сформулированную представителями австрийской школы экономистов теорию полезности. <…> Надо отдать Сокольникову должное — он не мешал реформаторам. Однако простое сопоставление его работ о денежной реформе с её реальным ходом не оставляет никаких сомнений в том, что нарком финансов не понимал действительного содержания реформы, не разбирался в тонкостях её осуществления.

<…> Ясно, что нет никаких оснований приписывать Сокольникову авторство денежной реформы. У него не было для этого ни опыта, ни достаточных знаний[67].

С этим можно частично согласиться, учитывая, что ещё весной 1922 г. Г.Я. Сокольников не был сторонником денежной реформы и отстаивал необходимость укрепления совзнака. Вот что он говорит в своём докладе на XI съезде РКП(б):

Прежде всего надо отчётливо признать, что найти выход из этого финансового кризиса силами финансовой техники, изобретательности финансистов, конечно, никак невозможно. Выход из финансового кризиса лежит только в выходе из кризиса экономического, конечно, только на основе подъёма нашей индустрии, конечно, только на основе подъёма нашего сельского хозяйства, конечно, только на развитии нашей внутренней торговли и на развитии нашей внешней торговли. Конечно, только на этой основе возможен выход из финансового кризиса.<…>

Вы можете со всех сторон слышать самые смелые проекты денежных реформ — они печатаются и на страницах наших газет. Одни предлагают перейти на золотую валюту, пустить в обращение серебро и золото; другие, как, например, т. Кузовков, предлагают перейти к размену бумажных денег на золотые слитки. Этих проектов чрезвычайно много — я засыпан целым рядом проектов денежной реформы, иногда самого фантастического свойства, которые исходят из самых разнообразных кругов — из крестьянской, рабочей среды, от бухгалтеров, чиновников и т.п. Все изобретают, все думают, что можно найти какой-то магический секрет, который дал бы возможность от плохих денег перейти к хорошим немедленно, сразу, на основании тех ресурсов, которые есть.

Это — глубочайшая иллюзия, и нужно сказать, что это прожектёрство надо отбросить самым решительным образом и сказать, что теперь, при нынешнем

[67] Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М.: Прогресс-Академия, 1994. Глава VI. Бокарёв Ю.П. Денежная реформа 20-х годов и её последствия. С. 201, 202.

состоянии нашего народного хозяйства и нашего финансового хозяйства, никаких хороших, устойчивых денег государство дать не может[68].

Уже в середине 1925 г. появились первые признаки усиливающейся инфляции.

Стало ясно, что устойчивость червонца находится под угрозой вследствие увеличивающейся пассивности внешней торговли и расчётного баланса, чрезмерных кредитов, предоставленных советской промышленности и сельскому хозяйству, постоянно увеличивающейся зарплаты и уменьшающейся внутренней покупательной способности денег.

Собственное производство в 1925 г., по официальным сообщениям председателя СНК СССР А.И. Рыкова, составляло не более 76% довоенного и не было способно удовлетворить потребности растущего населения[69].

Были введены карточки на обувь и одежду. При этом перед магазинами всё равно выстраивались длинные очереди служащих, которые боятся, что товара на всех не хватит.

Государство было чрезвычайно заинтересовано в увеличении продукции промышленности в СССР. Оно предлагало с этой целью различным её отраслям, а также, хотя и в меньшей степени, сельскому хозяйству большие кредиты на пополнение оборотных средств, часть из которых, однако, шла на увеличение заработной платы.

Таким образом, в обращении быстро росло количество денег.

Конец Роскомбанка

Время шло, и становилось очевидно, что Роскомбанк не мог дальше развиваться в том виде, в котором он был создан в 1922 г. Решение о его открытии было вынужденным. В 1922 г. у молодого советского правительства не было выбора. Другими способами привлечь иностранные средства было нельзя: испорченная репутация после отказа от выплаты долгов, гиперинфляция, разруха как следствие Гражданской войны — не лучшие условия для инвестиций. В начале 1924 г. ситуация изменилась: были заключены первые международные экономические соглашения, иностранные государства одно за другим признавали Советский Союз, благодаря новой экономической политике удалось накормить население, во всяком случае сельское (составляющее большинство жителей СССР того времени), были открыты или готовились к открытию первые совзагранбанки, выполнявшие роль «форточек» в западный мир. Угроза гибели, нависавшая над молодым государством, стала рассеиваться, пришло время спокойных действий. У Советского Союза появились первые свободные деньги. Уже скоро решится вопрос с открытыми в 1922 и 1923 гг. концессиями, к концу 1920-х гг. немногие из них будут действовать. Но начать решили с концессионной кредитной организации, тем более что толка от неё было немного, причём как государству, так и акционерам. Российский коммерческий банк был обречён, романтический период закончился. Начался новый период конструктивной работы, накопления опыта, не менее сложный, но благодаря ко-

[68] Съезд. 11-й. Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1922. С. 299–301.

[69] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 25. Л. 126.

торому Банк для внешней торговли СССР стал в 1960-е гг., безусловно, одним из самых влиятельных банков мира.

А тем временем Народный комиссариат внешней торговли, нуждавшийся в создании собственного кредитного учреждения для обслуживания советского экспорта и импорта и уже в декабре 1923 г. получивший разрешение на открытие экспортного банка, решил использовать для этого готовый банковский аппарат Российского коммерческого банка, превратив его в специальный Банк для внешней торговли. С этой целью были проведены переговоры, и по их итогам в марте 1924 г. акционеры Роскомбанка и Наркомат внешней торговли достигли соглашения, по которому Наркомвнешторг отказался от идеи создания самостоятельного банка. 16 апреля того же года Госбанк и Внешторг заключили между собой договор, в соответствии с которым последний покупал у Госбанка 40 000 акций Роскомбанка по номинальной цене 100 рублей золотом за одну акцию с купонами. 60% проданных У. Ашбергом акций перешло в руки Госбанка, 40% приобрёл Наркомвнешторг. Вся сумма должна была быть выплачена Внешторгом равными частями (по 1 млн. золотых рублей) в четыре срока: 1 октября 1924 г., 1 апреля и 1 октября 1925 г., 1 апреля 1926 г[70].

2 февраля 1924 г. правление Роскомбанка приняло решение о проведении 1 марта чрезвычайного общего собрания акционеров.

В повестке дня стояло два вопроса:

1. Изменение проекта устава.

2. Учреждение Банка для внешней торговли под наименованием «Российский коммерческий банк».

Как отмечает Э. Саттон, хорошие перспективы Роскомбанка на первом этапе объяснялись дружбой Ашберга с М.М. Литвиновым. Через эту связь, как говорится в отчёте Государственного департамента, Улоф Ашберг имел доступ к крупным суммам денег для осуществления платежей за товары, заказываемые Советами в Европе[71].

Сразу после важных организационных решений покинул банк и Макс Мэй. 24 марта 1924 г. правление на своём заседании рассматривает «заявление по телеграфу члена правления и директора Макса Мэя о его выходе из состава правления при сохранении звания директора». Окончательно жечь корабли он не хотел, однако в дальнейшем в списках директоров не значился.

Российский коммерческий банк, преобразованный в Банк для внешней торговли СССР, таким образом стал банком Наркомвнешторга, отстаивавшего его самостоятельное существование, чтобы иметь собственное кредитное учреждение в противовес Госбанку. Первым председателем правления Банка для внешней торговли СССР был избран В.К. Таратута.

В связи с изменением состава акционеров 7 апреля 1924 г. Совет труда и обороны внёс в устав банка необходимые поправки. В отличие от первого варианта новый устав стал более подробным, сохранив тем не менее в силе основные положения устава 1922 г.

Самое время рассказать подробнее о тех, кто создавал проработавший чуть больше двух лет, но оставивший яркий след в банковской истории нашей страны Роскомбанк.

---

[70] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 2. Д. 217. Л. 1.

[71] *Саттон Э.* Указ. соч.

Отдельный индивидуум не играет никакой роли

Улоф Ашберг[72]

Если использовать современную терминологию, то одними из первых иностранных агентов, получающих помощь из-за рубежа, были шведский бизнесмен — «красный банкир» Улоф Ашберг и его партнёр — русский, советский банкир, первый председатель Роскомбанка (фактически Внешторгбанка СССР) Владимир Тарновский.

Ашберг организовал предоставление иностранных грантов ещё в дореволюционную Россию, занялся созданием росзагранбанков ещё при Керенском и развернулся со своей «благотворительной» деятельностью при большевиках.

Его фамилия известна незаслуженно меньше, чем фамилии Парвуса и Хамера (Гамера).

Появление Российского коммерческого банка было закономерно, предпосылки к его появлению закладывались за много лет до его учреждения. Однако ещё в начале 1922 г. о нём не могло быть и речи.

И одну из ключевых ролей не только в истории создания банка, но и в становлении международных отношений молодой Советской России сыграл Улоф Ашберг.

Улоф, или Олаф, Ашберг (по-шведски Olof Aschberg) родился 23 июня 1877 г. в Стокгольме, умер тоже в Швеции в 1960 г., хотя большую часть жизни провёл в переездах. Шведский банкир еврейского происхождения (родители его были выходцами из России), по мнению современников, имел репутацию авантюриста и доказал способность улаживать самые щекотливые финансовые вопросы и проводить самые неожиданные финансовые операции.

Им занимались органы безопасности различных стран: французская разведка искала в его делах «германский след», российская — связь с революционными элементами, американская также признавала Ашберга коммунистом. Но вот его роль «в наведении мостов между Советской республикой и внешним миром», как считают исследователи, «была более значительной, чем Арманда Хаммера»[73]. А ведь Арманд Хаммер известен тем, что этот американский врач и предприниматель сотрудничал со многими советскими лидерами, от Ленина до Горбачёва.

12 мая 1912 г. Ашберг в Стокгольме создал свой первый банк. Это был Nya Banken (Новый банк) — рабочий банк с капиталом в 5 млн. крон для предоставления рабочим кредита на льготных условиях. Он же стал и первым директором банка.

Уже в то время банкир проявлял большой интерес к рабочему и социалистическому движению. Не случайно партнёром по учреждению банка стал Карл Яльмар Брантинг, один из основателей в 1889 г. и лидеров Социал-демократической партии Швеции (СДПШ), а также 2-го Интернационала.

В 1915 г. Ашберг вышел на Министерство финансов России. Последний министр финансов царской России Пётр Барк поручил ему заключить договор о предоставлении займа для России на финансирование военных грузов. С заданием он

---

[72] У. Ашбергу посвящён один из разделов этого тома. — *Прим. сост.*

[73] *Ашберг У.* Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний красного банкира / Предисловие и примечания А.В. Островского. «Из глубины времён». Альманах. СПб., 1993. № 2. С. 3, 4.

справился. Условия займа в 50 млн. долларов сроком на три года были представлены группой американских банков и утверждены правительством и Николаем II 1 июля 1915 г. (по ст. ст.)[74].

Профессор Энтони Саттон пишет, что летом 1915 г. на Уолл-стрит появилась загадочная фигура — некий Улоф Ашберг, глава стокгольмского банка Nia Banken. Этот господин встречался с руководителями крупнейших финансовых компаний и предлагал (якобы от имени правительства России) новую схему распределения русских военных заказов, из которой исключалась Англия.

До Октябрьской революции российские революционеры использовали скандинавские страны как свою перевалочную базу. Они удачно располагались: вблизи России, в них действовало достаточно либеральное законодательство о политэмигрантах. Поэтому после поражения революции 1905 г. там скрывалось много российских революционеров. Через эти страны, в первую очередь Швецию, граничившую с Великим княжеством Финляндским (входившим в Российскую империю, но где были ограничены права российской полиции), в Россию переправляли нелегальную литературу, оружие, денежные средства.

У российских революционеров там были хорошие связи, и неслучайно их стали использовать в 1920-е гг. для попыток прорыва экономической блокады Советской России.

Уже 10 ноября 1917 г. в Петроград приезжает директор шведского Nya Banken (Нового банка) У. Ашберг с предложениями об учреждении в России кооперативного банка. Для этого он, в частности, встречался с комиссаром Государственного банка Я.С. Ганецким и помощником главного комиссара Государственного банка Г.Л. Пятаковым.

Вернувшись в Стокгольм, У. Ашберг в интервью газете «Скандинавский листок» (опубликовано 27 января / 9 февраля 1918 г. под названием «О русско-шведском экономическом сближении») говорил о необходимости развития экономического сотрудничества с советским правительством.

В Москве Ашберг активно работал с первым наркомом финансов В.Р. Менжинским. Описывая в своих мемуарах состояние того времени, он говорит об «энтузиазме и вере в будущее» россиян и что он «почувствовал себя обязанным помогать им», воспринимая работу в Советской России как «почётное поручение»![75]

Большевик Г.А. Соломон (Исецкий) в своих мемуарах вспоминает: «Ашберг, который, стремясь ковать железо, пока горячо, вёз с собой целый проект организации кооперативного банка в России»[76].

Исецкий пишет, что сразу эту идею реализовать не удалось.

С помощью генерального консула Советской России в Стокгольме Фредрика Стрёма Ашберг сумел познакомиться со многими членами советского правительства. Сначала занимается простыми обменными операциями рублей на различную иностранную валюту. В это время он познакомился и с А.Л. Шейнманом, ставшим в июле 1918 г. финансовым атташе советского правительства в Стокгольме. Тогда

---

[74] *Ашберг У.* Указ. соч. С. 6, 7.

[75] *Ашберг У.* Указ. соч. С. 15, 16.

[76] *Соломон (Исецкий) Г.А.* Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. С. 13.

Арон Львович начал заниматься привлечением частных коммерческих переводов в Советскую Россию (о них будет подробно рассказано позже). Страна нуждалась в привлечении валюты. Без Ашберга делать это ему было бы чересчур трудно.

В декабре 1918 г. наш герой оперативно покидает свой первый банк и создаёт, при участии уже упомянутого Я. Брантинга, новый частный банк Svenska Ekonomiaktiebolaget, в переводе на русский «Шведское экономическое акционерное общество», с капиталом в 5 млн. шведских крон. Советское правительство России делает его своим официальным агентом в Швеции, а 10 октября 1922 г. приобретает контрольный пакет банка (об этом ниже).

В январе 1919 г. партнёр Ашберга А.Л. Шейнман выслан из Швеции вместе с Вацлавом Воровским, Максимом Максимовичем Литвиновым, Михаилом Марковичем Бородиным и другими большевиками, входящими в состав Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. В том же 1919 г. Шейнман стал членом коллегии Наркомата продовольствия РСФСР и боролся с голодом в России.

Тогда же в Швеции Ашберг пытается создать банк с советским капиталом — «Экономиакциебулагет».

Эту историю описывает много видевший Г.А. Соломон (Исецкий):

В 1920 г. Ашберг обратился ко мне с предложением.

«Я знаю, — сказал он, — что советское правительство вам очень верит. Я уже давно думаю о том, что РСФСР необходимо иметь свой собственный банк за границей, что значительно развязало бы России руки и удешевило бы всякого рода операции. И уже давно я собираюсь переговорить с вами и предложить вам и вашему правительству следующую комбинацию. <…> Вот я и предлагаю, чтобы РСФСР взяла на себя этот банк, который номинально останется частным акционерным шведским предприятием. РСФСР вносит в дело, скажем, пять миллионов золотых рублей, не от своего имени, а якобы вы как частное лицо их вносите… Таким образом, имея в этом деле, примерно, около семидесяти пяти процентов акций, вы становитесь единственным директором-распорядителем банка… Впрочем, вопрос о правлении банка — это уже второстепенное дело, и, если вы и ваше правительство согласны на эту комбинацию, вы уже сами установите систему конструирования этого банка. Но таким образом РСФСР будет иметь свой собственный заграничный банк. Вы будете располагать правом единоличной подписи, а остальные члены правления, то есть я и другие, по вашему усмотрению, с теми или иными ограничениями… <…>».

Я познакомил его с Литвиновым, которому он тоже изложил свой проект, и Литвинов отнёсся к нему очень сочувственно.

<…> Пришли к следующему решению, которое Красин и взялся провести в Москве. Согласно нашему проекту, утверждённому в дальнейшем в сферах, РСФСР одобряет предложение Ашберга. Осуществление его я беру на себя. Советское правительство ассигнует (вернее, доверяет) мне лично пять миллионов золотых рублей. Для того чтобы в глазах всего мира моё участие не вызывало подозрений, я с ведома советского правительства симулирую, что, разойдясь с ним в корень и отряхнув прах от моих ног, я бежал от него в Швецию, где и устроился со своими (неизвестно, каким способом нажитыми) пятью миллионами в «Экономиакциебулагет»… Иными словами, я должен был навсегда погубить мою репутацию честного человека…

<…> Красин уехал. Ашберг приезжал ещё не один раз, и мы с ним и Литвиновым разрабатывали все детали его проекта, который, по полученным от Красина известиям, встретил полное сочувствие в советских сферах и, главное, со стороны Ленина[77].

Однако, несмотря на усилия Ашберга, тогда план провалился. Во главе Швеции стояло консервативное правительство, очень недружелюбно относившееся к советскому государству, не признанному Швецией. Только с приходом к власти в 1921 г. социал-демократа К.Я. Брантинга проект был всё-таки осуществлён, без участия Соломона, и банк «Экономиакциебулагет» стал работать исключительно на советское правительство.

В 1920 г. именно через Швецию и Норвегию был организован экспорт из России золота, главным образом в виде золотых монет царской чеканки, золотых слитков и ювелирных изделий. Уже из Скандинавии золото переправлялось в Голландию и Германию (Советская Россия ещё надеялась на мировую социалистическую революцию и поддерживала своих единомышленников в Европе), а также использовалось для оплаты приобретаемой в разных странах, включая США, продукции, необходимой для выживания молодой страны.

Вот что пишет об этом Соломон Исецкий:

Как раз в это время мне написал стокгольмский банкир Олоф Ашберг. <…> Между прочим, он предложил мне сделать попытку продавать золото в Америке. Дело это было трудное, так как русское золото можно было провезти в Америку только контрабандой. Но Ашберг взял на себя всю эту неприятную сторону сделки. Я ему дал для пробы 500 000 зол. р., и спустя известное время он продал его в Нью-Йорке по небывало высокому курсу, около 2,35 шведских крон за золотой рубль. Но это был единственный случай и повторять его было нельзя из-за трудностей перевоза золота в Америку[78].

Участвовал Ашберг и в так называемой паровозной афере. В 1920 г. в России сложилось тяжелейшее положение на железнодорожном транспорте. В частности, срочно нужны были паровозы. Казалось бы, заказ на их изготовление можно было разместить на Путиловском заводе, выпускавшем до войны 225 паровозов в год.

Однако СНК РСФСР 16 марта 1920 г. принимает постановление «О забронировании 300 миллионов рублей золотом для приобретения за границей паровозов и запасных частей для ремонта железнодорожного транспорта». В мае 1920 г. заказ на изготовление 1000 паровозов разместили в Швеции, на заводе Nydqvist & Holm AB (NOHAB), который до этого выпускал в год не более 40 штук больших паровозов Эш-44-52. Более того, советская сторона сразу выдала огромный аванс золотом (по информации Фролова, 15 млн. золотых рублей) и готова была ждать несколько лет, которые должны были уйти на расширение завода: постройку заводских корпусов, зданий для рабочих и т.д.[79]

Всего же заказ потянул на сумму 200 млн. рублей золотом. Чтобы представить, что это такое, А.А. Иголкин приводит такие числа: в 1920 г. объём производства

---

[77] *Соломон (Исецкий) Г.А.* Указ. соч. С. 492–494.

[78] Там же. С. 434.

[79] *Иголкин А.А.* Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. № 1. 2004.

всех отраслей промышленности России составлял 517,6 млн. золотых рублей, промышленности «металлической» (куда входило машиностроение) — 48,5 млн. золотых рублей[80]. Находившийся в России золотой запас Государственного банка на 8 ноября 1917 г. составлял 1101 млн. золотых рублей. Часть золота — 650 млн. рублей была эвакуирована в Казань, затем эти деньги попали к Колчаку, после разгрома которого Москва вернула только 409 млн. рублей[81].

Кстати, NOHAB сумел за период с 1922 по 1924 г. выполнить только половину заказа и поставил 500 паровозов. Уже в марте 1922 г. на съезде партии, отвечая на претензии председателя Петроградского союза металлистов А.Г. Шляпникова, что «мы могли бы паровозы строить лучше, а покупаем за границей», временный нарком путей сообщения РСФСР Л.Д. Троцкий, признавая, что, «возможно, здесь сделана крупная ошибка, пытается доказать, что он тут ни при чём»[82].

Главным организатором этой аферы был Ю.В. Ломоносов. Вот что о нём пишет Г.А. Соломон (Исецкий).

Говоря о приезде в Ревель, Иоффе упомянул о появлении Юрия Владимировича Ломоносова. <…> Я имел о нём представление по рассказам, <…> аттестовавшим его как пустого малого, псевдоучёного, но человека очень бойкого, эквилибристического и потому добившегося степеней известных, дававших ему возможность широко жить, что особенно ярко сказалось в эпоху его советской службы, когда он поспешил заделаться стопроцентным коммунистом и по протекции Красина стал членом коллегии народного комиссариата путей сообщения, где и расцвёл. Он получил командировку в Швецию для наблюдения за постройкой заказанных там паровозов. Человек ловкий, совсем неумный, он сумел втереться в полное доверие Ленина, что, конечно, сильно укрепило его и дало ему возможность «жрать». И в советских кругах он даже прославился своим лукулловым образом жизни. Но кроме того, он отличался крайним нахальством и кляузничеством[83].

Совнарком ассигновал Ломоносову 60 млн. золотых рублей. Они были переведены в Ревель и депонированы в Эстонском государственном банке.

«Ревель стал местом своеобразной золотой горячки. Ломоносов устроил ряд пиров на прибывших за золотом пароходах. Три дня продолжалось беспробудное всеобщее пьянство… По сообщённым мне сведениям, было пропито (поил Ломоносов, “за свой счёт”, т.е. за народные деньги) до 600 000 эст. марок»[84].

Эта «операция» обрушила цену на золото: «И следующая партия золота, которую я продал (а ведь я вынужден был продавать, ибо меня хватали за горло аккредитованные советским правительством разные лица), пошла сразу по 2,12 шведских крон за золотой рубль, спустившись таким образом с 2,19, т.е. понизившись на семь пунктов. И дальше пошло по наклонной плоскости, и вскоре рубль упал до 2,04. Мои банкиры, Ашберг и Шелль, честно служившие мне и помогавшие в поднятии курса, были в отчаянии. Ашберг специально приезжал из Стокгольма и про-

[80] Внешняя торговля и народное хозяйство России. М., 1923. С. 50.

[81] Архив Русской революции. М., 1991. Т. 5–6. С. 103.

[82] Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. С. 130, 131.

[83] *Соломон (Исецкий) Г.А.* Указ. соч. С. 443, 444.

[84] Там же. С. 450.

сил меня повлиять на советское правительство, чтобы Ломоносову было запрещено продавать золото. О том же просил и Шелль...»[85]

2 февраля 1920 г. в городе Юрьеве (Тарту) был подписан мирный договор с Эстонией. Столица Эстонии Ревель был намечен Москвой в качестве основного пункта по вывозу золота и ввозу товаров. Уже 5 февраля по этому поводу В.И. Ленин говорит: «В международном положении самым ярким фактом является мир с Эстонией. Этот мир — окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада»[86].

В приложении к Юрьевскому договору были пункты: «Товары, провозимые через территорию одной из договаривающихся сторон, не должны облагаться никакими ввозными пошлинами и транзитными налогами. <…> В открываемых в Ревеле или в других портах Эстонии свободных гаванях Эстония предоставит России районы и места для перегрузки, хранения <…> прибывающих из России или предназначенных для неё товаров <…> причём сборы за таковые районы и места не должны превышать сборов, взимаемых с собственных граждан в отношении транзитных товаров»[87].

Ради этого окна большевики сделали, по словам Ленина, «громадные уступки» странам Прибалтики. Эстонии были переданы населённые русскими территории вокруг Нарвы и более 10 т золота на сумму в 14 млн. рублей. Латвия получила золота на 4 млн. рублей, Литва — на 3 млн. Латвии отошли населённые русскими территории возле Двинска (ныне Даугавпилс), а также часть Псковской губернии, позднее, в конце 1930-х гг., возвращённая России[88].

После этого в Ревель направляется торговая делегация Центросоюза во главе с И.Э. Гуковским. При этом полномочным представителем РСФСР в Латвии стал уже знакомый нам и Ашбергу Яков Ганецкий. Советское правительство для ведения переговоров о финансовых соглашениях с заграницей создало в Ревеле бюро, директором которого стал Г.А. Соломон (Исецкий). У. Ашберг тесно работал с ним, а затем и с его преемником, своим старым знакомым М.М. Литвиновым. Именно он, судя по всему, взял на себя банковское обеспечение коммерческих операций с зарубежными фирмами, осуществлявшихся вышеназванным бюро. Для оплаты импортных товаров оно вынуждено было использовать свой золотой запас. Экспорт советского золота мог иметь только контрабандный характер, так как со стороны западных стран продолжала осуществляться «золотая блокада»[89].

Сам Ашберг в своих воспоминаниях писал: «Особый интерес в наших общих с торговой делегацией сделках представлял экспорт российского золота. Оно продавалось, главным образом, Франции и Соединённым Штатам. Франция, официально объявившая бойкот российскому золоту, была самым активным его покупате-

---

[85] Там же. С. 451.

[86] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 50.

[87] Юрьевский мирный договор. 1920 г. Фотокопия оригинального текста выложена на сайте посольства Эстонии в России: http://www.estemb.ru/estonia_i_rossija/pogranitsjnoje_dogovori

[88] *Мосякин А.* Балтийский оффшор // Балтийский курс. Рига. № 13, 10.07.2008.

[89] Вступительная статья А.В. Островского к воспоминаниям У. Ашберга «Из глубины времён». СПб., 1993. № 2. С. 13, 14.

лем. Немецкие банки и банкиры также имели своих представителей в Стокгольме. Они скупали русское золото, меняли пробу на слитках, переплавляли монеты»[90].

С 1920 до конца 1922 г. Эстония оставалась монополистом по продаже русского золота и транзиту грузов в Россию. Российский историк В.Г. Сироткин считал, что до середины 1920-х гг. через эстонскую границу большевики вывезли золота на продажу на гигантскую сумму в 451 млн. золотых рублей (1 202 660 000 золотых франков).

Э. Саттон отмечал, что советское золото шло и на шведский монетный двор, который «переплавляет русское золото, проводит его количественный анализ и ставит шведское пробирное клеймо по просьбе шведских банкиров или других шведских подданных, являющихся владельцами этого золота»[91]. И в то же самое время Улоф Ашберг предлагал неограниченное количество русского золота через шведские банки. Всего, по подсчётам специалистов, в 1920–1922 гг. только через порты на Балтике из Советской России было вывезено не менее 500 т золота.

Следующий период жизни Улофа Ашберга связан с Российским коммерческим банком.

Одновременно, сразу после создания в июне 1922 г. в Германии банка «Гаркребо» его директор И.Д. Левин (должность Ильи Давидовича называлась в Советской России «Главный Агент Государственного Банка за границей») занимается в 1922 г. созданием сети совзагранбанков в Скандинавии и отделения в Ревеле (Таллин). Там в 1920-е гг. действовало три банка: «Северное кредитное акционерное общество» («Норд-Кредит», Det Nordiske kredit Akcie Selscab), образованное в декабре 1923 г. в Копенгагене (Дания), с основным капиталом в 5 млн крон, из которых 10% были внесены Госбанком РСФСР, а остальные 90% «Шведским экономическим акционерным обществом» У. Ашберга.

Банк «Экономиакциебулагет» был зарегистрирован 24 ноября 1917 г., а 10 октября 1922 г. был выкуплен советскими организациями и перерегистрирован на основании Закона об акционерных обществах, принятого 12 августа 1910 г. по адресу: Стокгольм, площадь Stureplan, 15.

Другие адреса банка, обозначаемые в 1922 г. на бланках банка: Stockholm, Fredsgatan 6 и Hamngatan, 5A. В первом здании сегодня располагается Министерство иностранных дел Швеции, второе не сохранилось.

Было у банка и отделение в Берлине по адресу: Unter den Linden, 68a.

Из 2000 выпущенных акций (на общую сумму 4 млн. крон) 1991 при основании была выписана на имя У. Ашберга, 9 — на имя различных лиц. 200 акций получил некий профессор Ал. Смирнов как представитель Госбанка (А.И. Смирнов на начальном этапе стал директором шведского банка), вдобавок к этим акциям у него оказалась одна собственная. Акции были именные с купонным листом на получателя и выплатой дивидендов в течение 10 лет[92].

В 1924 г. Ашберг был смещён со своего поста в Роскомбанке по причине «злоупотреблений средствами банка». Утверждалось, что крупные суммы для осущест-

---

[90] *Ашберг У.* Указ. соч. С. 45.

[91] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 192.

[92] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 6. Д. 9. Л. 184.

вления платежей за товары, заказываемые советскими учреждениями внешней торговли в Европе, Ашберг вносил на личный счёт в Svenska Ekonomiebolaget. Возможно, он действительно использовал средства банка для личных нужд, но всё-таки были и более серьёзные причины его увольнения. После смерти Ленина Сталин начинает постепенно укреплять свою власть, происходят изменения во внутренней и внешней политике советского руководства.

Так, на XIII съезде РКП(б) 23–31 мая 1924 г. были нанесены первые удары по Л. Троцкому. Ашберг был близок к команде Льва Давидовича, за что и поплатился. Оперативно преобразован был и созданный им банк. Хотя ничто вроде бы не предвещало для Ашберга беды.

О смерти Ленина он узнал в Риме и тут же приехал в Москву. Человеком он был неглупым, поэтому понял, что это повлечёт за собой большие перемены. 27 января 1924 г. Ашберг участвует в траурных мероприятиях прощания с Лениным.

Оценив ситуацию, он отклонил формальное предложение работать консультантом на должности замдиректора только что созданного Банка для внешней торговли, продал свои акции и в апреле 1924 г. навсегда покинул Россию.

Правление 17 апреля 1924 г. приняло решение: «Вместо доверенности выдать Ашбергу письмо, уполномочивающее его на ведение переговоров от имени банка за границей»[93].

А через два с половиной месяца, 4 июля, У. Ашберг и М. Мэй значатся в документах банка как «уполномоченные представители банка за границей (не в штате)»[94].

И на этом отношения со шведским бизнесменом не прекратились, в 1926 г. в приложениях к протоколам заседаний правления появляется фраза: «Ашберг имеет за нами по совместному с Госбанком договору о представительстве в Швеции — 10 876,25 рублей»[95].

Непосредственно перед отъездом в интервью корреспонденту газеты Berliner Tageblatt на вопрос о будущем Советской России он сказал: «Русское общество, подобно мощному дорожному катку, медленно продвигается вперёд, сметая все препятствия, возникающие на его пути. Отдельный индивидуум не играет никакой роли в развитии этого огромного государства. Советский Союз будет идти вперёд, даже если будут совершаться ошибки»[96].

В следующий период жизни его ждут не менее драматичные события. 11 февраля 1927 г. он вместе с сыном переехал на постоянное местожительство во Францию, где выделял деньги на антинацистскую пропаганду, сотрудничал со Всемирной ассамблеей в защиту мира. Финансировал испанский республиканский «Народный фронт» в ходе его войны против фашистов.

Как сообщает С.С. Попова в книге «Между двумя переворотами» (М.: Ладомир, 2010), после создания в начале 1936 г. Всемирной ассамблеи в защиту мира (R.U.P.), объединяющей многочисленные пацифистские организации при активном

[93] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 18. Л. 160.

[94] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 18. Л. 184.

[95] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 57. Л. 193.

[96] *Ашберг У.* Указ. соч. С. 57.

содействии лорда Роберта Сесила (лауреат Нобелевской премии мира 1937 г.), офис французской секции этого движения был перенесён в сентябре 1937 г. в частную гостиницу Ашберга по адресу: 21, Rue Casimir-Perier.

В 1941 г., уже после вторжения гитлеровских войск во Францию, Ашберг с семьёй эмигрирует в США, где публикует в 1946 г. свои мемуары.

После войны Ашберг вернулся в Швецию, где и поныне живут его потомки. В частности, его внук Роберт Ашберг владеет крупнейшей в стране телепродюсерской компанией. Контактов с Россией потомки Ашберга не поддерживают.

Улофа Ашберга помнят в Швеции и как собирателя русских и византийских икон XIV–XV вв. Первые произведения по рассказам Ашберга он купил на Смоленском рынке, в дальнейшем пополнял коллекцию, в том числе и через Всесоюзное объединение «Международная книга – Антиквариат», и вывез её из СССР в 1924 г. при посредничестве Красина. Собрание из 245 икон он передал в 1933 г. Шведской национальной галерее. Ашберг продолжал пополнять собрание, последние сделанные им пожертвования датируются 1950-ми годами. Сейчас в нём 323 произведения, и оно считается одним из богатейших в Западной Европе. Самая старая икона в этой коллекции была написана в Новгороде примерно в 1300 г.

Первый председатель банка — Владимир Васильевич Тарновский*

Глава подготовлена совместно с А.П. Ефимкиным

Наравне с Ашбергом огромную роль в становлении Российского коммерческого банка сыграл его первый председатель Владимир Васильевич Тарновский. К сожалению, он известен меньше, чем сменивший его на этом посту и возглавивший банк, переименованный во Внешторгбанк, В.К. Таратута. Необходимо восстановить справедливость.

Владимир Васильевич Тарновский родился 2 августа (по ст. ст.) 1872 г. в деревне Юльковке Бандуровской волости Александрийского уезда Херсонской губернии.

Его отец Василий Васильевич Тарновский (1838–1899) — отставной полковник, дворянин, владел 530 десятинами земли в Херсонской губернии[97] (в своей анкете и в 1920-е гг. Владимир Васильевич называл профессию отца — «землевладелец», а своё происхождение — «дворянин»). Он также имел парк в имении Качановка, собирал украинские древности, на основе которых позже был создан Черниговский исторический музей. Судя по всему, это было известное место. В 1880 г. в имении Тарновского Илья Ефимович Репин делал зарисовки во время работы над картиной «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

А ещё раньше имя деда Владимира Васильевича — Василя Васильевича Тарновского (1810–1860) — неоднократно встречается в письмах Н.В. Гоголя. Они вместе учились в Нежинской гимназии высших наук князя А.А. Безбородко и продолжали дружить после окончания учёбы. Н.В. Гоголь даже рекомендовал его рек-

[97] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 18. Д. 8613. Л. 12.

тору Киевского университета Св. Владимира М.А. Максимовичу профессором русской словесности.

Считается, что род Тарновских, имеющий несколько ветвей — польскую, западноукраинскую, черниговскую, полтавскую и др., — начал свой отсчёт со времён крестовых походов. Описание их герба и сведения о потомках приведены в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, начатом в 1797 г.», в Herbarz Polski Kaspra Niesieckego S.J. и пр. Кого только за долгие годы в этой семье не было! Статский советник, полтавский уездный предводитель дворянства Владимир Васильевич Тарновский в 1812–1815 гг. был членом масонской ложи декабриста М.Н. Новикова «Любовь к истине» в Полтаве. Отставной полковник польской службы Мартын Иванович Тарновский (1772–1861) был членом польского тайного общества, отбывал за это срок в Петропавловской крепости.

Итак, Владимир Васильевич Тарновский получил военное образование и в 22 года поручиком начал службу в армии[98]. Он так описывает в своей биографии армейскую карьеру: «Воспитание получил в Киевском кадетском корпусе, который окончил в 1890 г. (поступил в 1885 г.). Специальное образование получил в Константиновском военном училище (1890–1892) и Николаевском военно-инженерном училище (1892–1893). В 1893 г. был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Резервный полк». В 1897 г., после трёх лет армейской службы в чине поручика, он вышел в отставку. Причиной тому послужила женитьба на Александре Васильевне Бутурлиной. Ветвь Бутурлиных не имела дворянства, а это обстоятельство не допускалось статусом офицера лейб-гвардии полка. Таким образом, в 25-летнем возрасте Владимир поступает на службу по финансовой части. Всё это время семья Тарновских проживала в Петербурге, снимая в аренду квартиру. В 1898 и 1901 гг. у четы Тарновских родились две дочери — Нина и Ольга.

Первые пять лет Владимир Васильевич занимает незначительные должности в местных учреждениях Государственного банка Российской империи. Вначале он помощник контролёра в Батумском отделении. В 1898 г. он был назначен секретарём в Томское отделение и, наконец, в 1900 г. — бухгалтером в Курское отделение Государственного банка. Как видно, он не боится никакой работы, соглашается на переезды в любую точку страны. И его высокий интеллект, практические навыки ведения финансовых дел (полученные ещё в детстве от отца), пытливый ум, трудолюбие, упорство в достижении цели, ответственность не остались незамеченными.

В 1902 г. В.В. Тарновский уже получил должность управляющего Верхним торговым отделением Международного банка в Москве, через шесть лет он — организатор и управляющий Самарским купеческим банком. В 1910 г. приглашён организовать, а затем управлять Ростовской конторой Московского купеческого банка, в 1912 г. Владимир Васильевич стал директором и членом правления одного из крупнейших акционерных банков коммерческого кредита России — Сибирского торгового банка в Петербурге.

Бурное развитие капитализма в России и Первая мировая война способствовали получению российскими коммерческими банками огромных прибылей. К октябрю 1917 г. 45-летний банкир В.В. Тарновский имел личный капитал в размере

[98] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 40 Л. 64–76 об. Л. 38.

3 млн. рублей и мог бы спокойно почивать на лаврах или, сидя в кресле, приумножать капитал. Однако после вступления России в Первую мировую войну Тарновский, как патриот своей Родины, воспользовавшись связями с влиятельными людьми (дабы возраст не стал помехой), уходит на фронт. Поручик В.В. Тарновский восемь месяцев в рядах лейб-гвардии Третьего гвардейского стрелкового полка (бывшего лейб-гвардии Резервного полка) участвовал в ожесточённых боях под Перемышлем; после одного из них от всего полка осталось лишь 250 человек. Сам Тарновский тогда уцелел, но вскоре серьёзно заболел и в феврале 1915 г. был эвакуирован и потом демобилизован. В столице он вернулся к банковским делам.

Большевики во главе с В.И. Лениным вели борьбу за превращение войны империалистической в войну гражданскую, за поражение царского правительства. Бывшему боевому офицеру В.В. Тарновскому, добровольно и с полным убеждением в своей правоте воевавшему за Веру, Царя и Отечество, действия большевиков казались преступлением. «Они разлагают армию», — негодовал он. Но В.В. Тарновский не был и контрреволюционером. Так, когда в 1917 г. к нему через адъютанта обратился за финансовой помощью генерал Л.Г. Корнилов, поднявший мятеж и двигавшийся на Петроград с целью установления контрреволюционной диктатуры, он не получил ни копейки.

Октябрь 1917 г. В.В. Тарновский, как и все представители российского банковского капитала, встретил враждебно. Однако при этом он не последовал примеру своих коллег, большинство из которых или сразу же эмигрировали, или поступили на службу белогвардейских правительств Врангеля и Деникина. 25 октября 1917 г. он с женой был в Финляндии и затем, вернувшись в Россию, лишившись всех своих постов и капиталов, стал искать своё место в перевернувшемся мире.

В декабре 1917 г. российские акционерные коммерческие банки были национализированы и слиты с Государственным банком в единый Народный банк. В.В. Тарновский остался без места. Бывший миллионер работает скромным агентом для поручений на Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороге, где с 1914 г. был членом правления. Службу эту он оставил только в 1919 г., когда были ликвидированы и частные железные дороги.

В 1920 г. Тарновский состоял на службе в Управлении мостовых коммунального хозяйства в Петрограде. Новая работа, безусловно, не соответствовала возможностям этого незаурядного человека.

При этом в 1918 г. он вступил в Союз трудовой интеллигенции. Созданная в феврале, эта организация была близка к авторам знаменитого сборника «Смена вех» и называла своей целью «всемерное содействие наиболее целесообразному использованию интеллигентных сил России в целях воссоздания её культурно-хозяйственной жизни».

В 1920 г., когда Гражданская война и иностранная интервенция заканчивались, в «Известиях» было опубликовано обращение дореволюционных российских деятелей к правительствам стран – членов Антанты, эмигрантам с призывом прекратить борьбу с Советской Россией. Одним из подписавших его был и В.В. Тарновский. Незадолго до этого, в феврале, он был назначен председателем финансовой секции Петроградского отделения Института экономических исследований Народного комиссариата финансов РСФСР.

В одном из своих докладов на заседании финансовой секции В.В. Тарновский теоретически обосновал необходимость возвращения к полноценному денежному

обращению и восстановлению нормальной, а не «эмиссионной» денежной системы. Тогда докладчику и его начальнику был сделан выговор за «контрреволюционный доклад», а в дальнейшем на основе этого доклада начнётся разработка первой денежной реформы Советской России.

Вскоре, 15 марта 1921 г., X съездом РКП(б) будет принята новая экономическая политика, сменившая политику «военного коммунизма», и идеи Тарновского окажутся востребованными. Назначенный в конце 1921 г. главой Наркомфина РСФСР Г.Я. Сокольников с группой экономистов, в которую входил и В.В. Тарновский, начнёт энергично претворять в жизнь идею создания червонного обращения.

Осенью 1921 г. в своём докладе «О возможности учреждения Государственного банка, обладающего эмиссионным правом», который был сделан в Петроградском отделении Института экономических исследований, В.В. Тарновский доказывал, что восстановление системы кредита может быть осуществлено только «созданием особого института, обладающего правом эмиссии денежных знаков, поставленных в лучшие условия по сравнению с Гознаком, как по системе обеспечения, так и посредством воздействия на их курс». Впрочем, о введении золотого червонца и роли Тарновского в этом процессе достаточно сказано в предыдущей части статьи.

В октябре 1921 г. В.В. Тарновский был назначен товарищем управляющего Северо-Западной областной конторы Государственного банка. Далее, как он пишет в автобиографии, «каковую должность оставил 1 октября 1922 г., приняв на себя организацию Российского коммерческого банка, председателем правления которого избран 12 ноября 1922 г.».

В марте 1924 г. банк был преобразован в Банк для внешней торговли СССР, а 17 апреля 1924 г. В.В. Тарновского назначили заместителем председателя правления и поручили курирование кассы, инспекции, юридического отдела и секретариата. Найти общий язык с новым председателем правления В.К. Таратутой, профессиональным революционером с образованием на уровне ремесленного училища, Владимир Васильевич, видимо, не смог.

2 сентября 1924 г. на заседании правления вторично рассматривалось заявление Тарновского «с просьбой предоставить ему двухмесячный отпуск, после коего считать его свободным от исполнения обязанностей заместителя председателя правления Роскомбанка». В этот раз его просьбу удовлетворили. С 1 сентября он находился в отпуске, а 1 ноября 1924 г. покинул банк окончательно. На чрезвычайном общем собрании акционеров Банка для внешней торговли «Российский коммерческий банк» 14 октября 1924 г. его вывели и из членов правления.

Через некоторое время В.В. Тарновский стал научным сотрудником Госплана СССР. Но с учреждением Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства он вновь возвращается к банковским делам — его назначили членом правления этого банка. В начале октября 1925 г. В.В. Тарновский был избран председателем правления крупного Строительного общества взаимного кредита.

Через год это общество потерпело крах, его председатель и другие члены правления за допущенные ими нарушения предстали перед судом. В.В. Тарновскому грозило пятилетнее тюремное заключение, хотя он и доказывал на суде, что государство никакого ущерба не понесло. В защиту В.В. Тарновского выступили новый наркомфин СССР Н.П. Брюханов, начальник Валютного управления союзного Народного комиссариата финансов Л.Н. Юровский и другие ответственные работни-

ки Наркомфина. И хотя главные обвинения судом были отвергнуты, подсудимого всё же приговорили к шести месяцам принудительных работ. По амнистии, объявленной ВЦИК в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции, В.В. Тарновский был полностью освобождён от этого наказания.

После этого он недолго работал в Главном управлении Гострудсберкасс, а затем перешёл в Отдел кредитной политики валютного управления Наркомфина СССР. Последняя должность В.В. Тарновского в Наркомфине — помощник заведующего отделом кредитных учреждений и денежного обращения.

Судьба ещё раз сталкивает его с Внешторгбанком. 8 июля и 3 августа 1927 г. он участвует в заседаниях Центральной комиссии по размежеванию кредитных учреждений, определяющих распределение клиентуры между Госбанком и спецбанками. Владимир Васильевич представлял на заседании валютное управление Наркомфина[99].

С последней должности он был 10 октября 1929 г. «вычищен» по «первой категории» комиссией по чистке и проверке аппарата Наркомфина СССР. Дело его ведёт известный чекист Х.Я. Петерс (в 1938 г. ставший «невинной жертвой большого террора»). Вместе с В.В. Тарновским была «вычищена», как сообщалось в прессе, «солидная группа буржуазных экономистов, которые были нужны в период восстановления финансового хозяйства, но с которыми теперь нам не по пути».

Современному читателю мало о чём говорит это известное по «Золотому телёнку» выражение: «Теперь он ходил по городу, останавливал знакомых и произносил одну и ту же полную скрытого сарказма фразу: “Слышали новость? Меня вычистили по второй категории”. И некоторые знакомые сочувственно отвечали: “Вот наделали делов эти Маркс и Энгельс!” А некоторые ничего не отвечали, косили на Побирухина огненным глазом и проносились мимо»[100].

Происходили такие чистки в самом конце 1920-х гг. Говорят, что инициатором их был пламенный революционер Е.М. Ярославский (М.И. Губельман), в то время секретарь партколлегии Центральной контрольной комиссии и председатель «Союза воинствующих безбожников».

Именно Ярослав Михайлович (или Миней Израилевич) изобрёл три категории «чисток».

«Вычищенный» по первой категории фактически получал «волчий билет», обрекался на полнейшую социальную незащищённость: лишался права на пенсию, выходное пособие, пособие по безработице, ему запрещалось работать в любых государственных, кооперативных и общественных организациях, на предприятиях и учреждениях. Вторая категория не давала права работы только в столичных учреждениях. Третья разрешала оставлять «вычищенного» на том же месте работы, но с обязательным понижением в должности. «Чистка» сопровождалась воспитательным процессом, проводилась она на общих собраниях коллектива[101].

В процессе «чистки» Тарновского были вынуждены признать его заслуги: как-никак он был «отцом червонца». Подтвердили это даже самые яростные обвинители. Но припомнили ему всё: непролетарское происхождение, 3 млн. рублей лично-

[99] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 6. Д. 260. Л. 7.

[100] *Ильф И., Петров Е.* Золотой телёнок.

[101] *Бугаев Н.* Наркомфин, как он есть в процессе чистки // Экономическая жизнь. 1929. 29 ноября.

го капитала (которым он мог, но не воспользовался), все просчёты в работе, снятую судимость, пассивность в общественной жизни коллектива, критические замечания его научных докладов, поданную за год до этого в коллегию Наркомфина СССР записку со своими соображениями относительно дальнейших мероприятий кредитной политики и другие «грехи».

Любопытно, что в той записке, расценённой рядом коллег В.В. Тарновского по работе и членами комиссии по «чистке» как «вредной», её автор признавал наличие в стране инфляции и предлагал систему мер по борьбе с нею.

Именно с того времени (конец 1920-х гг.) наличие инфляции в СССР, несмотря на бесспорную очевидность, стали официально отрицать, а сам термин «инфляция» был надолго объявлен неприемлемым для характеристики «временно возникающих в советской экономике затруднений в сфере денежного обращения».

Говорят, бывшие коллеги не раз предлагали Владимиру Васильевичу эмигрировать, но он отвергал такие предложения, считая их изменой Отечеству.

В начале 1930-х гг. В.В. Тарновский жил с женой Матильдой Андреевной Щуко в Ленинграде, принимал активное участие в очередной финансовой реформе, работая в Наркомате финансов. Но в феврале 1935 г. он был приговорён к высылке с женой в город Атбасар Карагандинской области как бывший царский офицер[102].

Но ехать в ту далёкую казачью станицу Владимиру Васильевичу всё-таки не пришлось. Семью спас архитектор, академик В.А. Щуко (автор проектов здания Библиотеки им. Ленина, станции метро «Электрозаводская», культового памятника «Ленин на броневике» в Ленинграде, так и не построенного Дворца Советов в Москве и многих других). В марте 1935 г. он обратился за помощью к жене писателя Максима Горького — Е.П. Пешковой.

«10 марта 1935 г.
Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

Зная, сколько у Вас сейчас просьб подобного рода, тем не менее убедительно прошу Вас не отказать сделать всё возможное для спасения мужа моей родной сестры Владимира Васильевича Тарновского. В прошлом он офицер и директор Сибирского банка (крупный экономист). После революции был членом Союза трудовой интеллигенции, затем был директором советского банка в Москве, принимал деятельное участие в финансовой реформе, являясь создателем нашего червонца. В настоящее время служит и имеет прекрасные рекомендации. В настоящее время высылается в местность без железной дороги — сообщение на верблюдах — Атбасар (Северный Казахстан). Если нельзя будет сохранить его в Ленинграде, то хотя бы дать возможность выбора города. В настоящем он глубоко советский человек, и я очень прошу Вас, Екатерина Павловна, помочь ему и моей сестре в их несчастье. В настоящий момент хотя бы приостановить высылку из Ленинграда, назначенную на 30/II. Ещё раз очень прошу. Искренне Вас уважающий Академик Владимир Щуко»[103].

[102] ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 111.

[103] ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1310. С. 17.

На письме стоит резолюция: «Удовлетворено». Вскоре «врагами народа» будут объявлены коллеги Владимира Васильевича: Г.Я. Сокольников («участник троцкистско-бухаринской банды»), Л.Н. Юровский («глава контрреволюционной буржуазной “школы” в области денежного обращения»), другие сотрудники Наркомфина СССР.

А вот В.В. Тарновскому повезло: он выжил, работал бухгалтером в жилуправлении. Рассказывают, что все поражались его офицерской выправке, эрудиции и немногословию.

Да, он до конца жизни следил за собой, всегда носил строгий чёрный костюм, галстук. Скончался Владимир Васильевич Тарновский у себя дома в Москве 19 марта 1954 г.

Урна с его прахом покоится на Ваганьковском кладбище (уч. 38), рядом с младшей дочерью Ниной и первой женой Александрой Васильевной. Позже в эту же могилу были захоронены и урны с прахом остальных членов семьи Одингов-Тюлиных (потомков В.В. Тарновского; в анкете в 1922 г. Владимир Васильевич Тарновский перечисляет следующих родственников: жена Лидия Алексеевна, 1880 г. рождения, дочь Ольга Владимировна Одинг, 1901 г. рождения, жила в Петрограде, дочь Нина, пасынок Ростислав Алексеевич Карпов, 1908 г. рождения).

На могиле стоит памятник из светло-коричневого гранита с крестом и со множеством вырубленных на всех сторонах надписей.

В Российском государственном архиве экономики хранится дело Владимира Васильевича Тарновского[104].

Банк для внешней торговли СССР

Новым председателем правления (его до сих пор в банке считают основоположником) стал В.К. Таратута.

Таратута Виктор Константинович

Родился 16 апреля 1881 г. в городе Елисаветграде Херсонской губернии (Кировоград, с 2016 г. — Кропивницкий). В 1920-е гг. он обозначал в анкетах свою специальность так: «журналист, профессиональный революционер».

Его социальное происхождение было «из мещан». Окончил Одесское ремесленное училище, на этом его образование закончилось, хотя потом он отмечал в графе образование — «держал экстерном». Ещё юношей, в 1896–1897 гг., он познакомился с революционными социал-демократическими кружками. Начал свою революционную деятельность с распространения нелегальной литературы среди рабочих сельскохозяйственных заводов в родном городе.

В июне 1898 г. его первый раз арестовали (тогда же он стал членом РСДРП(б)). Таратута провёл в одесской тюрьме 5 месяцев, а затем его выслали на два года под надзор полиции. С этого времени началась его скитальческая жизнь.

В 1901 г. он стал членом екатеринославского комитета партии, затем занимался партийной работой в Николаеве, Херсоне и Одессе.

[104] Ф. 7590. Оп. 8. Д. 888.

Весной 1902 г. Виктора вновь арестовали. Сначала он сидел в тюрьме в Одессе, затем в Бендерах и, наконец, попал в московскую Бутырку. На этот раз Таратута просидел уже около полутора лет и был выслан административным порядком в деревню Тарховку (Вельской волости Енисейского уезда).

После годичного пребывания в ссылке он бежал в Самару, где в то время находилось восточное бюро ЦК партии, которое направило его на работу в Батуми. На Кавказе Таратута работал в качестве члена батумского, гурийского, а затем и бакинского комитетов РСДРП.

Весной 1905 г. Виктор Константинович был арестован в третий раз и выслан по этапу в Архангельскую губернию. Октябрьская (1905 г.) амнистия застала этап в Ростове-на-Дону, и там Таратуту отпустили на волю. После амнистии он переехал в Москву, где в течение 1906–1907 гг. с небольшими перерывами, обусловленными полицейской слежкой и случайными арестами, работал в качестве секретаря Московского комитета и Центрального областного бюро партии. По совместительству он заведовал партийной кассой и издательством. В эти годы он, судя по всему, участвовал в экспроприациях, организуемых Л.Б. Красиным и А.А. Богдановым. Двусмысленно звучит ответ В.К. Таратуты на вопрос о практическом стаже в банковской отрасли: «до вступления в эту деятельность был много лет клиентом банков».

От Центральной области Таратута был делегирован на IV Стокгольмский (1906 г.) и V Лондонский (1907 г.) съезды партии. В Лондоне он входит в состав Большевистского центра. Там же его выбирают кандидатом в члены ЦК РСДРП (был им до 1911 г.).

Человеком Виктор Константинович был отчаянным. Чего стоит только женитьба на младшей сестре владельца лучшей в России мебельной мануфактуры Николая Павловича Шмита — Елизавете. С банальной целью — получить большое наследство и передать его большевикам (в общей сложности 280 000 рублей). Бывший до 1917 г. большевиком В.С. Войтинский вспоминает, что В.И. Ленин говорил о своём сподвижнике восхищённо: «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошёл бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошёл... Это человек незаменимый»[105].

Приведу только один эпизод, связанный с этой детективной историей, рассказанный старым социал-демократом из Иваново-Вознесенска Шестерниным, также участвовавшим по заданию большевистского центра в получении наследства Шмита и вывозе его за границу. Вот что он рассказывает о первой встрече в Выборге весной 1907 г. представителей центра (Ленина, Красина, Таратуты) с Алексеем, юным 15-летним братом Н.П. Шмита, и его адвокатами[106]. Всё шло достаточно спокойно, обсуждались юридические вопросы дела, пока Таратута внезапно не вскочил и «резким металлическим голосом» не заявил: «Кто будет задерживать деньги, того мы устраним». Ленин «дёрнул Таратуту за рукав», а среди питерских адвокатов, сопровождавших молодого Шмита, «произошло какое-то замешательство». При этом мемуарист добавляет, что это была «единственная шероховатость». Од-

[105] *Войтинский В.* Годы побед и поражений. Берлин: Изд. Гржебина, 1924. Т. 2. С. 103.

[106] *Шестернин С.П.* Реализация наследства после Н.П. Шмита и мои встречи с Лениным // Старый большевик. М., 1933. Т. 5 (8). С. 153.

нако результат был достигнут — уже через несколько дней адвокаты сообщили, что Шмит от своих прав на наследство отказывается и передаёт их двум своим сёстрам. Это были не единственные угрозы Виктора Константиновича в деле о «наследстве Шмита».

Тогда же против В.К. Таратуты некоторые коллеги выдвинули тяжёлые обвинения. Они утверждали, что он — полицейский агент-провокатор. Эти обвинения до сих пор можно прочитать в некоторых книгах, однако они, как выяснилось позже, были несправедливыми. На самом деле среди ближайших сотрудников Ленина, занимавшихся в те годы добыванием «финансов» за границей, работал осведомитель заграничной парижской охраны — доктор Житомирский, по кличке Отцов, именно он совершил предательства, в которых обвинили Таратуту. Но можно представить, насколько напряжённой была обстановка в среде российских революционеров, проживающих в Швейцарии и Франции, куда в конце 1909 г. перебрался Виктор Константинович.

В 1919 г., вернувшись из эмиграции теперь в СССР, В.К. Таратута работает в партийных и советских учреждениях. В 1919 г. — управляющий делами ВСНХ СССР, потом секретарь Коминтерна, председатель правления Центрожира. В 1921 г. он становится председателем правления треста «Моссукно», где проработает до весны 1924 г.

Как впоследствии будет отмечено в его некрологе, «в хозяйственной работе Таратута, как и во всём, проявлял огромную настойчивость и исключительную энергию».

16 апреля 1924 г. его избирают председателем правления Банка для внешней торговли СССР[107]. 23 мая на заседании правления № 215/102 было отмечено, что он (как своеобразно записано в тексте протокола) «вступил к ознакомлению делами».

С появлением в банке Виктора Константиновича в текстах официальных писем появляется обязательная фраза: «С коммунистическим приветом, Таратута».

Осенью он со своим старым знакомым Л. Красиным проводит операцию по приобретению Банка для Северной Европы (Эйробанка) в Париже.

Умер Виктор Константинович Таратута 13 мая 1926 г. Вот что было написано в его некрологе, опубликованном 14 мая в газете «Известия»: «Сегодня, в 10 ч 45 мин утра, внезапно скончался от припадка грудной жабы председатель правления Банка для внешней торговли старый большевик В.К. Таратута. Покойный страдал в течение последних лет тяжёлой формой миокардита с припадками грудной жабы. В прошлом и в этой году у покойного было несколько припадков, угрожавших смертным исходом, но они обходились благополучно. В последние два месяца здоровье тов. Таратуты улучшилось, и он собрался в длительный отпуск для курортного лечения. 10 мая он лёг в Кремлёвскую больницу на 3–4 дня, чтобы произвести все анализы для выбора соответствующего курорта, и до последнего момента чувствовал себя хорошо. Припадок наступил совершенно внезапно. Принятые меры оказались безрезультатными.

Перенесение тела тов. Таратуты из Кремлёвской больницы (Воздвиженка, 6) в Деловой клуб (Мясницкая, 6) состоится сегодня в 4 часа.

Комиссия по организации похорон приглашает организации, решившие возложить венки на гроб, произвести соответствующие отчисления в пользу беспризорных».

[107] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

Похоронен Таратута был на Новодевичьем кладбище. На заседании совета банка 19 мая 1926 г. член совета банка Ганецкий сделал предложение об увековечении памяти Таратуты:

«Поместить в зале заседания портрет Таратуты. Присвоить 4-м стипендиатам банка в вузах Москвы, Харькова, Тифлиса и Баку имя Таратуты. Установить пособие для 4 детей покойного каждому до его совершеннолетия в размере по 50 рублей в месяц. Похоронные расходы банку взять на себя»[108].

Не знаю, как долго висел портрет Таратуты и сколько стипендиатов в результате получили нелишнюю прибавку к стипендии, но по поводу пособия для детей есть документ — протокол ещё одного заседания совета, прошедшего 15 октября 1930 г. под председательством председателя правления Госбанка Г.Л. Пятакова. На нём было решено прекратить выплаты пособия детям покойного т. Таратуты. Аргумент прост: «Разделяя мнение правления о необходимости сокращения расходов, а также принимая во внимание, что пособие в случае смерти кормильца должно выделяться Соцстрахом»[109].

Следует признать, что умер В.К. Таратута вовремя: пройдёт немного времени, и будут расстреляны решавшие его посмертную судьбу Ганецкий и Пятаков, многие другие его друзья и соратники из «ленинской гвардии». Это тоже были незаурядные личности, чего стоит, например, Якуб Ганецкий. Настоящее его имя — Фюрстенберг Яков Станиславович. Родился в 1879 г. в Варшаве.

До революции его имя было тесно связано с именем известного демона революции Александра Львовича Парвуса (своего рода Б.А. Березовского начала XX в.). В частности, он был исполнительным директором созданной Парвусом экспортно-импортной фирмы «Фабиан Клингслянд». В 1920-е гг. — последний комиссар Народного банка, а в 1923–1930 гг. — один из руководителей и член коллегии Наркомата внешней торговли СССР. В 1937 г. арестован, расстрелян 26 ноября 1937 г.

И самому Виктору Константиновичу было что припомнить. Хотя бы то, что за границей он был самым близким сподвижником Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Их троих даже называли «постоянными адъютантами Ленина». Проживи он подольше, вряд ли у него были бы шансы быть похороненным на Новодевичьем кладбище. Супруга В.К. Таратуты, столько сделавшая для революции, Елизавета Павловна Шмит (1887–1937), по матери была из династии богатейших промышленников Морозовых. Её дед — Викула Морозов (на его средства построена знаменитая Морозовская больница в Москве). Несмотря на происхождение, Елизавета поддерживала политические взгляды Виктора Константиновича, была активной участницей революционной деятельности Московской организации большевиков (с 1905 г.), секретарём Московской боевой группы. После смерти брата Н.П. Шмита, убитого в Бутырской тюрьме, эмигрировала во Францию.

В 1907 г. ей было уже 20 лет, но тогда Елизавета считалась ещё несовершеннолетней и не могла самостоятельно распоряжаться даже перешедшей ей по наследству частью семейного имущества. Да и её гражданский муж был на нелегальном положении, жил под чужими фамилиями и, естественно, не мог оформить с ней законный брак и, следовательно, в качестве мужа распоряжаться её деньгами.

---

[108] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 128. Л. 162.

[109] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

Пришлось Елизавете, по совету Виктора Константиновича, заключать в 1908 г. фиктивный брак с другим большевиком, членом боевой организации ЦК А.М. Игнатьевым.

В Париже Елизавета Павловна стала в 1910 г. редактором французской социалистической газеты. После Октябрьской революции она — сотрудник Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР (прославившегося благодаря Владимиру Маяковскому); заведующая детским домом в городке им. Коминтерна (1919–1922); переводчица в Коминтерне (1922–1925); сотрудница библиотеки Коммунистической академии и редакции Малой советской энциклопедии (1925–1932); затем работает в Комиссии ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма (1935–1936).

В.К. Таратута имел четырёх детей. Дочь Елена умерла рано, в 1938 г., и похоронена вместе с отцом. Нина (родилась в 1908 г. в Женеве, умерла в 1967 г. в Москве) стала библиографом. Работала в ВО «Международная книга», книжном отделе АН СССР во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. Николай (1915–1994) и Лидия (1917–1999) родились в Париже. Николай стал радиотехником, участник Великой Отечественной войны в составе частей связи. Работал в системе Министерства связи СССР. Лидия тоже стала инженером, работала в ГСПИ «Промэнергопроект» (затем ВНИПИэнергопром).

В Российском государственном архиве экономики хранится дело Виктора Константиновича Таратуты[110].

В 1926 г. Таратуту сменил А.С. Сванидзе.

Сванидзе Александр Семёнович

Родился в 1886 г. в селе Баджи Кутаисской губернии. Отец его, азнаур (то есть дворянин) Симеон Сванидзе, дал ему хорошее образование. Александр Семёнович учился сначала в Тифлисе, а затем на средства РСДРП на историко-филологическом факультете Йенского университета. Изучал древнюю историю (специализировался на восточной), овладел немецким и английским языками. Выбор места обучения был странный, в энциклопедиях советского периода писали: «В идеологическом отношении университет в конце XIX – начале XX в. был средоточием крайне реакционных агрессивно-империалистических взглядов, с 1933 г. — фашистской идеологии». Впрочем, в этом университете когда-то защитил свою докторскую диссертацию К. Маркс.

В этот же период он смог получить профессию, которую непременно отмечал в своих анкетах: «наборщик типографии».

В 1904 г. вступил в РСДРП, состоял в большевистской фракции, вёл партработу в Закавказье. Партийная кличка — Алёша.

Светлана Аллилуева в своей книге вспоминает о родственнике так: «Дядя Алёша был красивый грузин сванского типа — невысокий, плотный блондин с голубыми глазами и тонким носом с горбинкой. Одевался он всегда очень хорошо, даже с некоторым щегольством. Грузины очень чувствительны к внешней форме и умеют соблюдать её во всём, непринуждённо и грациозно.

Марксистские убеждения не мешают им в этом нисколько. А дядя Алёша был старый марксист, с европейским образованием. Ещё до революции он учился на

[110] Ф. 7590. Оп. 8. Д. 853.

средства партии в университете в Йене, в Германии, знал западные языки, и восточные; он прекрасно знал историю, экономику и особенно финансовое дело».

Странно, конечно, что такую оценку даёт десятилетняя девочка. Видимо, эту легенду она услышала от старших. Непонятно, где Сванидзе успел получить эти знания, вряд ли на историко-филологическом факультете.

Первая мировая война застала его в Германии, и он сразу был интернирован. А после революции его отпустили, и, вернувшись в Грузию, он стал её первым наркомфином, а также членом ЦК[111].

По другим сведениям, вернулся на родину в Тифлис он в 1916 г., где до 1919 г. занимался преподавательской работой, участвовал в Гражданской войне.

26 мая 1918 г. Закавказская Федерация распалась, а грузинские меньшевики провозгласили создание самостоятельного государства — Демократическая Республика Грузия. Сванидзе переезжает в Москву. Там он становится помощником заведующего отделом НКИД РСФСР.

Весной 1921 г., после победы большевиков, была ликвидирована ДРГ и создана Грузинская Советская Социалистическая Республика, вошедшая 12 марта 1922 г. в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (Закавказской Федерации, ЗСФСР).

Александр Семёнович уже в 1921 г. возвращается в Тифлис, где его назначают первым народным комиссаром просвещения, финансов, иностранных дел Грузинской ССР, а затем и ЗСФСР. Тогда же он становится членом республиканского ЦК.

На исторической родине он пробудет всего год, в 1922 г. возвращается в НКИД РСФСР, работает в Берлине, Лондоне, Женеве.

С 1924 г. он торгпред СССР в Германии. Если учесть, что Берлин для Советской России в то время был самым важным местом и с политической, и с экономической точки зрения, назначение чрезвычайно важное.

В 1927 г. (высшая стадия напряжения отношений СССР с Западной Европой) Александра Семёновича включают в состав советской делегации на переговорах с Францией. Он представляет Наркомфин.

Все 1920-е и 1930-е гг. он занимает различные ответственные посты в Наркоматах иностранных дел, финансов и внешней торговли, в том числе и в советских учреждениях за границей.

В 1927 г. Сванидзе «генеральный агент Народного комиссариата финансов за границей». В этой должности он в июне в качестве председателя участвует в работе Специальной комиссии по передаче совбанков Наркомторгу. От Госбанка СССР тогда под курирование Наркомторга (а фактически — Внешторгбанка) перешли совзагранбанк Garantie und Kredit Bank Fur den Osten («Гаркребо») в Берлине, Svenska Ekonomiaktiebolaget (Свенска-банк) в Стокгольме и «Норд-Кредит» в Копенгагене[112].

В феврале 1928 г. Сванидзе участвует в работе комиссии для обследования Эйробанка (парижского банка, учредителем которого был Банк для внешней торговли)[113].

---

[111] *Аллилуева С.* Двадцать писем другу. М., 1990. С. 61.

[112] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 84. Л. 5–10.

[113] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 180. Л. 89а.

Судя по всему, работа в этих комиссиях и профильное образование оказались решающими факторами при назначении Сванидзе в 1932 г. председателем правления Банка для внешней торговли, спецбанка с «восточной специализацией».

В своих дневниках жена Александра Семёновича вспоминает, что в 1932 г. ему сделали предложение занять пост заместителя председателя Совнаркома Закавказской Федерации, однако он отказался, поскольку не хотел работать с Л.П. Берией, которого в то же время назначают первым секретарём Закавказского крайкома партии[114].

Возможно, это так, но нельзя исключать и банального нежелания после Берлина, Лондона, Парижа и Женевы возвращаться в провинциальный Тифлис.

И вообще маловероятно, что это могло произойти в 1932 г., ведь 10 января 1932 г. на чрезвычайном общем собрании акционеров Банка для внешней торговли А.С. Сванидзе избирают председателем правления[115].

А вот информация, содержащаяся в воспоминаниях сотрудника Наркомата внешней торговли и дипломата, поверенного СССР в делах в Греции А.Г. Бармина (Граффу), ставшего в декабре 1937 г. «невозвращенцем», чрезвычайно интересна.

В 1934 г. А.С. Сванидзе назначают председателем комиссии в район Синьцзян в Северо-Западном Китае. Банк для внешней торговли имел в Северо-Западном Китае несколько зарубежных филиалов (в том числе и в столице Синьцзяна — Урумчи). Комиссия должна была составить план реконструкции района. Следует учесть, что в Китае в то время была чрезвычайно напряжённая внутренняя политическая ситуация, а Синьцзян был регионом, привлекавшим огромное внимание Советского Союза. Он граничил на большом протяжении с нашей страной и был отделён от основного Китая пустынями. «Политбюро приняло решение об оказании полномасштабной помощи губернатору Синьцзяна, который был осаждён в своей столице мусульманскими повстанцами, действовавшими при поддержке англичан. <...> Учитывая, что повстанцы уже непосредственно угрожали столице Синьцзяна Урумчи, Политбюро приказало двум бригадам войск ОГПУ при поддержке авиации расчистить дороги, ведущие к столице, и подавить мятежников. Тем временем мы, действуя на основании того же решения Политбюро, подвезли к границе с Синьцзяном несколько самолётов и запас бомб. <...> Лётчики “доставили” груз губернатору, сбросив бомбы на головы мятежников в окрестностях столицы и посадив самолёты прямо в осаждённой крепости. <...> Прорвавшись к Урумчи, советские войска разгромили повстанцев, и скоро в Синьцзяне прочно укрепилось просоветское правительство. Сталин намеревался сделать Синьцзян зоной исключительного советского влияния и нашим опорным пунктом на Востоке. Нам пришлось полностью экипировать десятитысячную армию Синьцзяна, от ботинок до гоминьдановских эмблем. К губернатору были направлены советские советники, которые практически выполняли функции министров»[116].

Одним из таких советников и был Александр Семёнович. 21 марта 1936 г. приказом по Государственному банку А.С. Сванидзе освобождается от исполнения обя-

---

[114] «Иосиф бесконечно добр…». Дневник М.А. Сванидзе // Документы русской истории. 1993, № 1. С. 4–34.

[115] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 167. Л. 16.

[116] *Бармин А.Г.* Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997. С. 130.

занностей председателя правления Банка для внешней торговли[117]. Одновременно его назначают заместителем председателя правления Госбанка СССР. Чрезвычайное общее собрание акционеров Банка для внешней торговли 28 сентября 1936 г. закрепляет решение Госбанка и освобождает его от должности председателя[118].

За ним закрепляется курирование Банка для внешней торговли. Так, 25 июля и 13 октября 1937 г. он председательствует на чрезвычайных общих собраниях банка[119].

Всё это время Александр Семёнович продолжал заниматься научной деятельностью. Он в 1937 г. основал и редактировал журнал «Вестник древней истории», успел там опубликовать несколько статей о происхождении древнейших грузинских племён, изучал нахско-дагестанские языки, распространённые на Северном Кавказе. В 1936 г. вышла его книга «Материалы по истории алородийских племён», посвящённая этнической истории Закавказья в древности. Тогда же он перевёл на русский язык поэму классика грузинской литературы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Даже больше, чем своей научной и профессиональной деятельностью, А.С. Сванидзе известен своей принадлежностью к семье И.В. Сталина. Он был шурином Сталина, то есть родным братом его первой жены — Екатерины (Като) Семёновны Сванидзе. Её судьба трагична: она умерла от брюшного тифа (по другой версии, от туберкулёза) в 1907 г. совсем молодой, оставив шестимесячного сталинского первенца Якова.

А.С. Сванидзе был женат на оперной певице Марии Анисимовне Короне (1890–1942). По рассказу Аллилуевой: «Там (в Грузии) он вскоре женился на Марии Анисимовне, дочери богатых родителей, окончившей Высшие женские курсы в Петербурге и консерваторию в Грузии и певшей в Тифлисской опере.

Тётя Маруся была очень хороша собой. Она принадлежала к богатой еврейской семье по фамилии Корона, вышедшей из Испании. А похожа лицом она была, скорее всего, на славянку: правильный овал лица, коротенький вздёрнутый нос, нежнейший бело-розовый цвет лица и огромные васильковые глаза. Она была крупная, весёлая, нарядная женщина, благоухавшая хорошими духами. Они были чудесной парой, оба яркие, красивые, всех очаровывавшие»[120].

Мария Анисимовна Сванидзе окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы в Петербурге, консерваторию в Грузии. В 1920-х гг. пела в Тбилисской опере. Первый раз вышла замуж в Тифлисе, овдовела в 1918 г. От этого брака имела сына Анатолия (ум. 1941). В 1921 г. вышла замуж за А.С. Сванидзе.

Мария Анисимовна была вполне лояльным членом тогдашнего общества, осуждавшим проявления оппозиционности. Она одобряла наказания для «провинившихся» людей своего круга. Так, в частности, она пишет по поводу процесса по делу Николая Бухарина или по делу бывшего секретаря ЦИК Авеля Енукидзе, обвинённого в политическом и бытовом разложении, то есть аморалке: «Негодяи, мерзавцы! Как они смеют так огорчать Иосифа!»[121]

---

[117] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 223. Л. 37.

[118] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.

[119] *РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 229. Л. 14 и 18.*

[120] *Аллилуева С.* Указ. соч. С. 61.

[121] *Трифонова О.* Несостоявшаяся убийца // «Огонёк», 2008. № 52.

Сына своего, родившегося в 1929 г. в Берлине, Сванидзе назвали Джонрид — в честь американского журналиста.

23 декабря 1937 г. Александр Семёнович и Мария Анисимовна были арестованы.

Дочь брата сталинской жены Надежды Сергеевны, Кира Павловна Аллилуева, вспоминает: «В 1937 г. арестовали Александра Семёновича Сванидзе. <…> У мамы был день рождения, и Сванидзе пришли к нам в гости. <…> Александр Семёнович был в цивильном, его жена, Мария Анисимовна, в платье из панбархата с роскошным декольте. Было очень весело, и они ушли около двух ночи, тогда мы с мамой стали мыть посуду. И вдруг звонок, приходит Толечка, сын Марии Анисимовны от первого брака. Он совершенно белый: “Евгения Александровна, вы знаете, Лёшу (партийная кличка Сванидзе) и маму арестовали и увели в чём они были, ничего не дали взять. Маленького велели отдать бабушке...”»[122].

4 декабря 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила А.С. Сванидзе к высшей мере наказания. Его обвинили в том, что он в 1922 г. был завербован наркомом финансов РСФСР Г.Я. Сокольниковым (также приговорён к высшей мере наказания) и являлся «активным участником национал-уклонистской группировки в Грузии», в 1929 г. примкнул к «антисоветской организации правых и проводил вредительскую деятельность», а в 1932 г. установил антисоветские связи со всё тем же Г.Я. Сокольниковым, дав ему согласие на участие в антисоветской деятельности. В материалах следствия встречались указания на то, что обвиняемый был осведомлён о подготовке покушения на Л.П. Берию.

С 1 декабря 1940 по 23 января 1941 г. А.С. Сванидзе держали в камере смертников.

М.А. Сванидзе была осуждена 29 декабря 1939 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР к восьми годам лишения свободы за то, что «скрывала антисоветскую деятельность своего мужа, вела антисоветские разговоры, осуждала карательную политику советской власти и высказывала террористические намерения против одного из руководителей Коммунистической партии и советского правительства»[123].

23 января 1941 г. после протеста заместителя председателя Верховного суда СССР В.В. Ульриха высшая мера наказания Президиумом Верховного суда СССР была заменена на 15 лет лишения свободы.

Срок Сванидзе отбывали в разных лагерях: Александр Семенович — под Ухтой, его жена — в Долинском, в Казахстане.

После начала Великой Отечественной войны от многих приговорённых к большим срокам по политическим статьям, сидящих в европейской части СССР, избавлялись (положение на фронте было тяжёлым). Так, 20 августа 1941 г. Пленум Верховного суда СССР по протесту В.В. Ульриха отменил своё же постановление в отношении А.С. Сванидзе, оставив в силе приговор Военной коллегии от 4 декабря 1940 г. (расстрел). Приговор в тот же день был приведён в исполнение.

В книге С. Аллилуевой рассказана следующая история смерти Марии Анисимовны: «Тёте Марусе вскоре сообщили о смертном приговоре, который вынесли её

[122] *Филиппов А.* Сталин и шорты // Русский курьер. № 24. 2006.

[123] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 24. Д. 42. Л. 60, 61.

мужу... Она выслушала его и умерла от разрыва сердца»[124]. Скорее всего, это красивая легенда. Постановление о расстреле М.А. Сванидзе было принято Особым совещанием при НКВД СССР 3 марта 1942 г. Тогда же оно и было исполнено.

Через два года после смерти И.В. Сталина, в 1955 г., А.И. Микоян дал поручение Прокуратуре СССР разобраться с делом Сванидзе. 6 января 1956 г. заместитель Главного военного прокурора В.С. Жабин сообщил, что решением Военной коллегии Верховного суда СССР по протесту Прокуратуры СССР дело А.С. Сванидзе прекращено за отсутствием состава преступления.

19 января того же года по постановлению Пленума Верховного суда СССР А.С. Сванидзе был реабилитирован. Его жена была реабилитирована 19 декабря 1955 г.

Тяжёлой оказалась судьба и у сына Сванидзе Джонрида (Ивана). По словам С. Аллилуевой, его приютила у себя бывшая воспитательница, работавшая тогда на швейной фабрике, и этим спасла его.

Позже ему тоже придётся отсидеть своё. В 1948 г. он был приговорён к ссылке на пять лет, но вернулся из Казахстана только в 1956 г., после чего поступил в Московский университет на исторический факультет. Затем были аспирантура и защита кандидатской диссертации в Институте Африки АН СССР. В советское время избирался депутатом райсовета.

За этими достаточно известными банкирами последовали знакомые только исследователям и родственникам, но персоны, также проявившие себя в первую очередь на революционной стезе.

Данишевский Карл Юлий Христианович

Родился 16 мая 1884 г. в Митаве, латыш, русский подданный. Окончил Московский коммерческий институт без сдачи экзаменов. Сословие — «интеллигент» (сын мелкого землевладельца). Основная профессия — журналист. Член ВКР(б) с 1900 г. Был за границей в Финляндии, Швеции, Дании, Англии, Германии, Франции, Голландии. Начиная с 1903 г. участвовал в партийных съездах в разных странах Европы. Партийный псевдоним — Герман. Под судом был «только в царское время». В 1914 г. осуждён на пожизненную ссылку в Нарым, в январе 1917 г. бежал. Жена — Елена Ивановна, сын — Сигизмунд. В царской армии служил рядовым, в Красной армии — с момента формирования, входил в высший командный политический состав. 1918–1919 гг. — комиссар штаба РВСР и председатель Ревтрибунала республики. Председатель делегации на мирных переговорах в Польше. Секретарь Сибирского ЦК ВКП(б). С 1921 г. председатель Главлескома, председатель Лесоэкспортного бюро, Лесоэкспорта, член правления Промбанка, зампредседателя Совета государственной промышленности, торговли и транспорта, председатель лесных трестов и др. Вошёл в правление на чрезвычайном общем собрании акционеров 4 июня 1926 г. Избран председателем правления Банка для внешней торговли 5 июня 1926 г., переизбран 29 мая 1929 г., тогда же избран членом Совета банка. С мая 1929 г. председатель правления акционерного общества «Экспортлес».

Барышников Михаил Васильевич

Михаил Васильевич Барышников родился 11 января 1887 г. в селе Раменское Московской губернии.

---

[124] *Аллилуева С.* Указ. соч. С. 61.

В автобиографии пишет: «сын крестьянина-рабочего». К двадцати годам получил среднее образование, полтора года учился на юрфаке Московского университета. С 1906 до 1918 г. состоял в партии эсеров.

В 1913 г. стал членом общества приказчиков и служащих в Москве. Затем до революции 1917 г. участвовал в нелегальной работе, как сам писал, «среди рабочих Саввы Морозова и Сыновья в Орехово-Зуево».

Числился максималистом, затем — интернационалистом. Но одумался и 9 февраля 1919 г. вступил в ВКП(б).

После Февральской революции в 1917 г. был выбран председателем Военного комитета 91-го запасного полка в Саратове и членом президиума Казанского военноокружного комитета. «Военной демократией» занимался с 1 марта по 1 июля. С ноября же М.В. Барышников стал заместителем председателя Крестьянского комитета Особой армии и членом Аркома в городе Луцке. С сентября 1918 г. по январь 1919 г. — на подпольной работе в Волыни на Украине.

Далее должности меняются, как в калейдоскопе, в его автобиографии они занимают почти целую страницу: с января по август 1920 г. член президиума Екатеринославского губисполкома; с июля 1922 по январь 1923 г. одновременно врио управляющего Всеукраинской конторой Госбанка и член коллегии Наркомфина (НКФ) Украины; с января 1923 по март 1924 г. управляющий Дальневосточной краевой конторы Госбанка, член областного ревкома.

В 1924 г. судьба связала Михаила Васильевича с системой банка для Внешней торговли СССР. С августа 1924 по октябрь 1925 г. его назначили председателем правления Русперсбанка в Тегеране[125].

С января 1926 г. он стал председателем правления Эйробанка (и уполномоченным Банка для внешней торговли по Франции, Швейцарии, Италии и Бельгии). В это время он представлял Эйробанк в Совете банка. Вернувшись в Москву в мае 1928 г., несколько месяцев находился в резерве ЦК ВКП(б), а 28 мая 1929 г. на общем собрании акционеров его избрали председателем правления Банка для внешней торговли[126]: «Центральный Комитет ВКП(б) командировал Барышникова во Внешторгбанк для руководящей работы». Общее собрание акционеров 10 января 1932 г. переизбрало Михаила Васильевича[127]. Он стал начальником управления иностранных операций, директором правления, членом правления Госбанка.

После ухода из Госбанка в октябре 1934 г. М.В. Барышников — начальник финансового управления Наркомата водного транспорта СССР. Затем он стал представителем правления Госбанка в Берлине. В августе 1936 г. был освобождён от работы и вновь откомандирован в распоряжение ЦК ВКП(б). Однако новой должности в этот раз не дождался.

5 сентября 1937 г. он был арестован и 15 ноября приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР (ВКВС) по обвинению «во вредительстве и участии в антисоветской троцкистской террористической организации». Расстрелян 14 ноября 1937 г. Известно место захоронения М.В. Барышникова — Москва, Донское кладбище.

---

[125] РГАЭ. Ф. 7590. Оп.1. Д. 29. Л. 10.

[126] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.

[127] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 167. Л. 16.

7 июля 1956 г. реабилитирован ВКВС СССР. В Российском государственном архиве экономики хранится дело Михаила Васильевича Барышникова[128].

Шапиро Семён Маркович

Семён Маркович Шапиро родился в 1893 г. в Житомире в семье учителя. «С 15 лет я стал зарабатывать себе на жизнь, то служа, то давая уроки, одновременно занимался самообразованием в качестве экстерна, — писал Семён Маркович в автобиографической справке в ноябре 1926 г. — В Красной армии служил до конца 1921 г., занимал разные должности в 12-й армии, во 2-й конной, Опродкомюжне, Укрвоенпродснабе, 6-й армии и Упродокре Киевского военного округа. В настоящее время я студент финансового факультета Промышленного экономического института». Член ВКП(б) с 1919 г.

После окончания воинской службы вернулся в город Житомир, где работал в советских органах: в коммунальном хозяйстве, по линии Главснабпродарма, Наркомпрода и Наркомфина, по поручению губкома и губисполкома включался во всевозможные комиссии, участвовал в работе продовольственных и финансовых съездов, губернских партийных и профсоюзных конференций.

Затем, в сентябре 1923 г., он оказался в Москве, где стал старшим консультантом в правлении Госбанка СССР, последующие четыре года работал там же главным контролёром, главным инспектором, заведующим инспекцией, наконец, директором инспекции.

В ноябре 1928 г. Шапиро был назначен управляющим Сибирской конторы Госбанка в Новосибирске. Должность неразделима с партийной и общественной работой. В этот период Семён Маркович был кандидатом в члены крайкома ВКП(б) и членом крайисполкома.

Новосибирцам С.М. Шапиро запомнился тем, что в годы его работы управляющим краевой конторой Госбанка шёл процесс проектирования и строительства на центральной площади Новосибирска здания местного отделения Государственного банка.

После Новосибирска судьба занесла Семёна Марковича в Харбин, там он стал управляющим отделения Дальбанка, сменив на этом посту первого руководителя Н.Н. Ромма.

8 июня 1933 г. избран в совет Внешторгбанка, 31 мая 1936 г. приказом Госбанка назначен врио председателя правления, в том же году стал председателем правления. Официально переизбран 25 июля 1937 г. 31 октября 1937 г. был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и 16 января 1938 г. осуждён и приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Приговор был приведён к исполнению в тот же день в мрачном, историческом месте — посёлке Коммунарка Московской области. 7 июля 1956 г. С.М. Шапиро был реабилитирован.

Жил в Москве Семён Маркович по адресу Тверской бульвар, д. 6, кв. 9.

[128] Ф. 7590. Оп. 8. Д. 68.

Внешторгбанковцы

А теперь давайте посмотрим, как жили и работали сотрудники банка среднего уровня, персоны меньшего калибра, но весьма заметные в банковской жизни СССР того времени.

Сразу после учреждения Банка для внешней торговли в него потянулись так называемые выдвиженцы. В первое время у банка ещё были возможности браковать совсем уж неподходящих. Так, 1 октября 1924 г. из банка уходит письмо:

В Краснопресненский райком РЛКСМ. Ячейка РЛКСМ РКП(б) направляет к Вам члена РЛКСМ тов. Шкарина как несоответствующего своему назначению плохого работника, неисправно исполняющего свои обязанности.

Секретарь ячейки РЛКСМ.

Секретарь РКП(б)[129].

Но в конце 1928 г. отношение к выдвиженцам меняется. Идёт борьба за показатели, и теперь следует выполнять указания на рост в банке партпрослойки. Выходит Постановление Центрального комитета ВКП(б) с призывом укрепить операционные отделы госструктур коммунистами. Один из партийных руководителей подотдела жаловался: «Меня поставили в такие условия, что должна быть большая храбрость оставаться: никакого руководства, никакой помощи. Те беспартийные сотрудники, которые мне передали работу, смотрят на меня как на врага»[130].

Как ныне в футболе, когда при жёстком лимите на легионеров повысился спрос на игроков с российским паспортом, так и в нэпмановской России боролись за служащих с парткнижкой в кармане. Характерен случай с «выдвиженцем» во Внешторгбанк с 20 мая 1930 г. Д.М. Лидерманом. За него разразилась битва между двумя кредитными учреждениями Советского Союза. Вот письмо из Промбанка в Банк для внешней торговли: «Настоящим сообщаем, что дать согласие на переход к Вам на работу т. Лидермана Д.М. ни в коем случае не можем, так как в банке большой недостаток в квалифицированных работниках-коммунистах. 30.VII.1930»[131].

Банку для отстаивания своих интересов пришлось прибегнуть к помощи вышестоящих партийных организаций. Однако, видимо, результат не был достигнут. Давид Моисеевич, окончивший Институт им. Рыкова в Москве, член ВКБ(б) с марта 1919 г., проработавший с 1927 по 1930 г. старшим инспектором Всекобанка, с 1930 г. стал трудиться в той же должности в Промбанке.

По анкетным данным сложно распознать и незаменимый профессионализм другого выдвиженца — Абрама Ильича Либинсона.

«Родился в 1878 г. в городе Орша (Белоруссия), получил четырёхклассное городское образование. Был наборщиком типографии “Правда”»[132].

Однако переманивание «ценных» кадров стало тогда нормой жизни и в личных документах сотрудников появились обязательные приписки: «вопрос о перемещении согласован с ячейкой ВКП(б)».

---

[129] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

[130] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 179.

[131] *Кротов Н.И.* Внешэкономбанк. История банка. История страны. М.: Рост Медиа, 2014. Т. 1. С. 189.

[132] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 117. Л. 223, 227, 230.

Но и до постановления члены ВКП(б), специалисты в банковском деле были нарасхват. Секретарь администрации Банка для внешней торговли СССР, заведующий отделом труда Лев Исаакович Слуцкий жалуется: «Большая партийная и общественная нагрузка (я состою агитпропорганизатором ячейки, руководителем кружков партийного самообразования фабрики «Свобода» и Хрустального завода, руководителем кружка в депо Савёловской железной дороги и до последнего времени был секретарём Экономической комиссии месткома Внешторгбанка) не даёт мне возможности заниматься иностранным языком». Вскоре он становится инспектором банка, однако поработать в Банке для внешней торговли ему не суждено. 6 декабря 1926 г. он пишет заявление об увольнении «ввиду мобилизации Центральным комитетом ВКП(б) на партработу».

И отправляется инспектором в Брянское отделение Госбанка. В 1928 г. возвращается в банк, становится заведующим отдела текущих счетов и переводов, однако ненадолго. 8 ноября 1929 г. пишет новое заявление: «Сообщаю, что я сего числа мобилизован ЦК ВКП(б) и послан в Акмолинский округ Казахстана для проведения хлебозаготовок. Зарплату мою во время командировки прошу выдать жене, которой я выдал доверенность». Через три месяца местным Окружкомом Л.И. Слуцкий оставлен на постоянную работу[133].

В связи с этим хотелось бы рассказать ещё об одном колоритном персонаже, тоже выходце из Украины — заведующем инспекцией банка **Владимире Самойловиче Руденском.**

Родился он в 1892 г. в г. Глухове (тогда Черниговской губернии). Член ВКП(б) с 1919 г. Окончил три класса городского училища. С 12 лет работал в торгово-комиссионных предприятиях счетоводом. 1905–1907 гг. — служил в Северном, Русско-Азиатском и Соединённом банках (начинал «мальчиком», счетоводом). С 1917 г. работал в профсоюзе банковских служащих в г. Николаеве. С приходом советской власти в начале 1919 г. занимал должность заведующего банковским отделом губфинотдела г. Николаева, затем заместителя губфинотдела. В сентябре был арестован контрразведкой белых, до ноября 1919 г. находился под арестом, за несколько дней до суда бежал из тюрьмы. В 1920–1921 гг. участвовал в организации советской власти в Крыму, заведовал уфинотделом в Ялте и по совместительству являлся секретарём ревкома, был членом оргбюро упрофсовета. В марте 1921 г. направлен для работы в Москву. Занимал ряд ответственных должностей в Наркомате финансов. В июле 1921 г. по своей инициативе начал разработку проекта о создании Банковского управления НКФ. В 1922 г. — председатель бюро по организации Госбанка СССР, заведующий кооперативной частью Госбанка. В автобиографии пишет: «В 1921 г. я разработал проект организации нынешнего Госбанка и провёл его через коллегию НКФ. Был председателем бюро по организации Госбанка и в первоначальной стадии намечался коллегией НКФ в члены правления Госбанка». Под его председательством особой комиссией было выработано Положение о Государственном банке РСФСР, утверждённое IV сессией ВЦИК в октябре 1921 г. В должности заведующего кооперативной частью Госбанка работал до 1 августа 1922 г. В 1922 г. — управляющий Курским отделением Госбанка. В 1923 г. — Краевой конторой Госбанка в Екатеринбурге.

---

[133] *Кротов Н.И.* Указ. соч. С. 189.

В 1923 г. возглавил отделение Всекобанка в Баку. В 1924 г. вернулся в Москву, он — старший инспектор в Госбанке. В 1926 г. — директор-распорядитель Тувинского торгового банка. В апреле 1926 г. стал вице-директором Банка для внешней торговли СССР. А с сентября того же года — заведующий инспекцией банка. В феврале 1928 г. был командирован в Константинополь и Афины для разрешения организационных и оперативных вопросов, связанных с работой заграничных совбанков. Член правления Банка для внешней торговли с 1926 по 1929 г. 15 марта 1929 г. написал заявление об освобождении от должности члена правления (вследствие переизбрания).

При чистке 1929 г. Руденского исключили из партии[134].

Незадолго до этого, 8 декабря 1928 г., он отчитывался в письме в Госбанк: «В связи с сокращением работы н/банка мы проводим увольнение со службы 32 сотрудников»[135].

Владимир Самойлович, судя по всему, сыграл важную роль при создании Госбанка СССР. Но и его судьба не сберегла.

Ему, как и другим уволенным, вручили выходное пособие в размере полуторамесячного оклада.

Большое внимание в банке уделялось работе со студентами-практикантами. В заседаниях правления в 1930 г. слушались вопросы: «О форме контрактации студентов» (банк шефствовал над Техникумом им. Плеханова), «О посылке законтрактированных студентов на заграничную практику (по линии Наркомторга, Востгосторга и др. учреждений)»; «О посылке студентов Института востоковедения на зарубежную практику». По последнему вопросу решили воздержаться (не отрывать студентов от учёбы на целый год, к тому же у банка с валютой были некоторые проблемы).

Напряжённую международную ситуацию того времени характеризует инструкция банка (8 сентября 1928 г.) по заполнению анкет для получения иностранных виз: «Во всех анкетах в графах принадлежности к политическим партиям и указании об общественной деятельности пишите отрицательно»[136].

А вот документ, появившийся в конце 1920-х гг. Во исполнение Постановления СНК Союза ССР от 21 / IX-26 и 14 / XII-26 во Внешторгбанке «проводится кампания по заведению трудовых списков в обязательном для всех служащих порядке». Появляется примерная схема автобиографии:

а) Социальное положение

Год и место рождения; род занятий родителей, их сословие, звание, состояние, общие условия жизни в семье; где и в каком возрасте начал работать; служил, сколько лет, месяцев, в каком качестве; материальная обеспеченность при перемене рода занятий, указать причины перехода с одной работы на другую… отношение к окружающим и связь с местами; служили ли в Красной армии, когда и где и в каком качестве; общие условия службы и личное отношение к службе и окружающим.

---

[134] *Кротов Н.И.* Указ. соч. С. 190.

[135] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 179.

[136] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 8. Д. 469. Л. 29.

б) Интеллектуальное развитие и образование

В каком учебном заведении учился, сколько лет, окончил или нет; если нет, то почему; занимался ли самообразованием: систематически, под руководством специалистов, в кружках, в клубах; самостоятельное чтение книг по системе; сколько лет и по каким вопросам.

в) Партийная принадлежность

Когда и где вступил в партийную организацию; какую именно, при каких обстоятельствах; мотивы вступления; кто рекомендовал и с кем работал; партийная деятельность в нелегальный период; характер, время и место работы; перерыв в партийной работе; в каком году, сколько времени, причины перерыва; место пребывания и род работы во время перерыва; при переходе из одной партии в другую указать, в какую именно, когда, сколько времени находился в той или иной партии; мотивы перехода и характер работы.

г) Участие в общественной жизни до Февральской революции

В каких общественных организациях (профсоюзах, клубах, кооперативах, учреждениях) принимал участие и какое, когда и где; участие в стачках и выступлениях, когда, где и их характер.

д) Репрессии и судимости

Когда, где и за что подвергался арестам, преследованиям полиции; условия жизни в этот период; был ли когда, где и по каким статьям осуждён, последствия судимости, пребывания в тюрьме, каторге, административной ссылке; эмиграция, сколько лет; имелась ли связь с парторганами, в чём она выражалась; имелась ли возможность работать над своим образованием.

е) Работа после Февральской революции

Где, когда и какое участие принимал в Февральском и Октябрьском перевороте; партийная, советская, профессиональная, хозяйственная, военная, где и в каком году; по каким отраслям начал работать; переход с одной работы на другую, сколько лет, месяцев, по каждой отрасли в отдельности; причины перехода с одной работы на другую; условия работы; результат работы; кроме того, указать работы, не связанные с исполнением той или иной должности; участие в работе съездов, конференций, комиссий, газетной, журнальной и лекционной работе, специальные поручения.

ж) Желание работать (по какой отрасли)

Как и в какой отрасли работы мыслите наиболее целесообразное свое использование[137].

В анкетах много забавных записей: «Отношение к революции революционно радостное, активное участие принимал в качестве красногвардейца Лефортовского района», «родственников и свойственников в банке не имею».

Стоит отметить, что до 1935 г. руководители банка не подвергались репрессиям. Это следует из письма, отправленного 2 декабря 1935 г. правлением Банка для внешней торговли:

«ЦК ВКП(б), Сектор учёта руководящих кадров ОРПО т. Кудрявцеву.

Информация о снятых руководящих работниках Внешторгбанка по центральному аппарату и его периферии с 1 мая по 1 декабря.

---

[137] *Кротов Н.И.* Указ. соч. С. 194, 195.

Не было случаев снятия руководящих работников по номенклатуре, утверждённой ВКП(б)… то есть директоров правления, директоров отделов или секторов»[138].

Да и в дальнейшем подвергнутые арестам банковские служащие к тому времени во Внешторгбанке уже не работали, репрессированы они были, уйдя на повышение.

Реформирование банка, начавшееся в середине 1920-х гг., судя по всему, было необходимо. До него только в иностранном отделе работали 78 человек. В документах говорится, что «дело было поставлено чрезвычайно громоздко и плохо. Это было наследство, которое мы получили от РКБ. Там была определённая система преувеличения штатов, вечная борьба за их сохранение. Мы с этим боролись долго — 2 года. В результате посадили других людей, завели контроль и установили порядок. <…> В кредитной работе правильная работа началась только с 1927 г.»[139].

В новом штате банка было 160 человек. Председатель правления Сванидзе получал 550 рублей, его заместитель Левитас — 450 рублей. Директор — 300 рублей. Заведующий юридического бюро — 400 и надбавку 50 рублей. Простой юрисконсульт — 200 рублей. Высоко оценивался заведующий бюро рационализации и экономики труда (Ульянинский) — его оклад 400 рублей.

Секретарь правления (Турова), она же заведующий секретной частью, получал 275 рублей и надбавку в 55 рублей. Обе стенографистки получали надбавки: к 160 рублям ещё 30.

А вот заведующая общей канцелярией (в которой работает 11 человек) получала голый оклад в 225 рублей.

Не всё хорошо складывалось и с организацией работы основных подразделений банка, занимавшихся экспортно-импортными операциями. По протоколам заседаний правления банка этого не скажешь, но можно понять, читая докладные записки сотрудников банка.

25 мая 1927 г. один член правления банка Г.М. Елин написал своему коллеге Р.М. Антиколю эмоциональное письмо, в котором обосновывал увеличение штата двух отделов — ЭИГО и ИНО:

«Часть сотрудников ушла в отпуск, 2 человека (в том числе один из лучших бухгалтеров в ИНО) арестованы, количество работы, особенно в ЭИГО, за последние 2 квартала увеличилось. В результате работа отделов, особенно ЭИГО, дезорганизована. Сотрудники, потеряв всякую надежду на подкрепление и убедившись в том, что все их просьбы о помощи остаются без ответа, пришли в состояние безразличия».

Директора не только на словах, но и письменно стараются снять с себя всякую ответственность за состояние бухгалтерии и отчётности:

Банк, финансирующий внешнюю торговлю и при этом преимущественно отрасль тяжёлого экспорта (нестандартных товаров) — нерентабельного, медленно оборачивающегося, распыляющегося при реализации на многих рынках сбыта, при отсутствии или минимальных собственных капиталов и лишённый при этом права отбора клиентов, далее финансирующий в области импорта небиржевые товары, то есть требующие сплошь и рядом длительного финансирования (авто-

[138] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 798. Л. 9.

[139] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 124, 126.

машины, сельскохозяйственные орудия и др.), — не может строить свою политику, как банк депозитного типа и краткосрочного кредита.

Твёрдо установленный список клиентов и обратно — право для клиентов кредитоваться только в одном банке — создают для банка обязанность удовлетворять потребности в средствах данной клиентуры.

Если при этом банк не сможет влиять тем или иным способом на финансовую политику своей клиентуры, то ему грозит опасность превратиться в какой-то кассовый отдел своих клиентов, вечно лавирующий между отдельными учреждениями и меньше всего имеющий собственное лицо, свою собственную действительную политику.

В переходный момент опаснее всего предоставить всё так называемому ходу вещей. Необходимо именно теперь установить твёрдую линию на значительный промежуток времени для того, чтобы в ближайшем будущем не оказаться перед неразрешимыми проблемами[140].

Постепенно происходит нивелирование зарплаты сотрудников банка. Поэтому в протоколе заседания правления от 28 февраля 1932 г. появляется запись «о необходимости ликвидации уравниловки в зарплате в соответствии с постановлением открытых общих партсобраний по докладу администрации банка и обследовательской бригады месткома и партячейки»[141].

Все 1920-е гг. в руководстве банка не было женщин. Первая дама Банка для внешней торговли СССР, ставшая руководителем подразделения, была **Ревекка Ароновна Лев** — заведующая группой переводов с апреля 1932 г.

Родилась она в 1894 г. в белорусском селе Березина. Происхождение — из мещан. Образование получила домашнее, в пределах средней школы. В течение четырёх лет прослушала историко-философский цикл в университете Шанявского. До конца жизни осталась незамужней и беспартийной.

В Банке для внешней торговли работала с 1930 г. (перешла туда из Госбанка, где служила с февраля 1922 г.). С 29 ноября 1943 г. — старший бухгалтер Банка для внешней торговли, заведующая группы переводов. В декабре 1947 г. подала заявление об уходе «в связи с плохим здоровьем и увеличением объёма работы в секторе переводов из-за границы». 1 августа 1948 г. подписан приказ об увольнении по собственному желанию.

В отделе её работали исключительно женщины. Вот, в частности, состав группы в 1936 г.: Елизавета Вениаминовна Бауэр, Бетти Моисеевна Канторович, Елена Иосифовна Сигал, Ирина Александровна Гинце, Ольга Викторовна Мациевская, Мария Николаевна Перская, Агнесса Карловна Якобсон, Анна Семёновна Левман, Ольга Павловна Ушанкиш.

Первым персональным пенсионером Банка для внешней торговли был **Алексей Эдуардович Миллер**. Он родился в 1872 г. в Москве, был «из потомственных почётных граждан». Беспартийный. Окончил шесть классов Московского Петропавловского училища. В 1889–1992 гг. работал в Госбанке. В 1892–1910 гг. был заведующим иностранным отделом Русского для внешней торговли банка. В 1910 г.

---

[140] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 63. Л. 43.

[141] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 171. Л. 35.

стал организатором и учредителем иностранного отдела в Московском купеческом обществе взаимного кредита. С 1918 г. был управляющим иностранным отделом Народного банка, работал там до его ликвидации.

1 августа 1922 г. Алексея Эдуардовича приняли на работу вице-директором Российского коммерческого банка. Благодаря знакомству с заграницей по личной инициативе он привлёк много иностранных корреспондентов. Издал ряд брошюр и Инструкцию для корреспондентов и машинисток. Состоял в Бюро по рационализации.

В 1927 и 1928 гг. был директором отдела иностранных переводов и корреспондентов. 22 апреля 1929 г. подал заявление о присвоении ему звания Героя Труда (за 40 лет стажа). Комиссия по назначению персональных пенсий при Наркомате социального обеспечения РСФСР ограничилась персональной пенсией в 200 рублей в месяц. Скончался А.Э. Миллер 5 апреля 1933 г.

Режим работы банка

Российский коммерческий банк начинал работу с 10 часов. 17 мая 1924 г. приказом по банку начало «занятий» было перенесено на 9.00. В документе также говорилось: «Заканчивать расчёты, чтобы сотрудники всех категорий могли покинуть банк не позднее 5 1/2 часа дня. Платежи на кассу, ордера и приходные выписки готовить с расчётом, чтобы они могли быть переданы на исполнение в кассу никак не позже 1 1/2 часа дня»[142].

Большой проблемой руководства банка была дисциплина труда. 26 ноября 1924 г. в банке вывешивают приказ № 17: «Несмотря на неоднократные предупреждения месткома о своевременной явке сотрудников на работу, замечено, что многие сотрудники систематически запаздывают на службу, являясь к 10 1/2 часам и позже.

Настоящим подчёркивается, что работа в банке начинается с 10 часов утра и оканчивается в 16 часов дня. На заведующих отделами и п/отделами на их личной ответственности возлагается обязанность соблюдения за своевременным приходом на работу сотрудников, а также и за окончанием ими работы. О замеченных случаях невыполнения сего надлежит доводить до сведения управления делами. Виновные будут подвергаться законному взысканию, вплоть до увольнения со службы»[143].

Видимо, грозное указание не дало результата, 14 февраля 1925 г. был вновь вывешен аналогичный приказ. Трёхкратное опоздание в течение месяца наказывается выговором, свыше трёх раз — увольнением.

Были и курьёзные, но так понятные всем нам нарушения. Пункт 2. Приказа по банку от 23 декабря 1925 г. гласил: «Объявить строгий выговор с предупреждением об увольнении ст. дворнику при домоуправлении КИРИЛЛИНУ Г.Ф. за пьянство в служебные часы и неисполнение распоряжения управдома»[144].

Отношение между руководством банка и сотрудниками регулировалось ежегодным соглашением между правлением Банка для внешней торговли и правлени-

[142] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

[143] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

[144] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 8. Д. 499. Л. 16.

ем Московского губернского отделения профессионального союза советских и торговых служащих СССР (Совторгслужащих). Договорённости эти были неформальными, их обсуждение сопровождалось дебатами и прениями.

В соглашении было множество пунктов. Много места уделялось работе с учениками: сколько должно их быть, условия их работы, обучения и т.д.

Специально оговаривались даже бытовые детали. Например, что следует «курьерам-рассыльным добавить вторую пару подмёток, им же заменить кожаную тужурку прорезиненным пальто и добавить перчатки или варежки на один сезон и один летний костюм», «истопникам добавить вторую пару подмёток», «дворникам выдавать один тулуп на всех, носки для несения ночных дежурств».

Отдельным пунктом регулировался порядок отдыха сотрудников: «Месячный отпуск — директорам, старшим доверенным, управляющему делами, секретарю правления, главному бухгалтеру, заведующим отделами, помощникам заведующих отделами. Остальным — трёхнедельный отпуск (18 рабочих дней)»[145].

Вот ещё некоторые статьи соглашения (протокол от 11 марта 1927 г.): «О распределении брони подростков по банку… Исходя из численности 2% нормы, предусмотренной гендоговором из штата, существующего в октябре 1926 г. по правлению и филиалам в 800 человек, установить количество учеников в 16 человек. Из них в Москве — 9, Ленинграде — 1, Украине — 5, Баку — 2, Тифлисе — 1.

<…> Изменение устава: Параграф 63. Было: 6% отчислять в пользу служащих банка. Стало: 10% — в фонд улучшения быта рабочих и служащих банка. Плюс не более 25% от чистой прибыли отчислять на дополнительное вознаграждение служащих банка, членов правления и Совета в виде тантьем[146], премиальных и т.п.»[147].

Существовал и Третейский суд между Губотделом профсоюза и администрацией банка. На нём, в частности, необходимо было рассматривать спорные вопросы по увольнениям. Правление уполномочило участвовать в них заведующего административным отделом Л.М. Гордона.

Наиболее скандальные случаи рассматривались в более высокой инстанции. В архиве хранится результат расследования жалобы, направленной в СМИ.

«17 октября 1929 г.

Соединённое бюро жалоб НК РККИ РСФСР, Ильинка, 21.

В бюро расследований при газете “Рабочая Москва”

В ответ на присланную Вами для расследования заметку за № 5810–20/VIII сообщаем:

Содействие тов. Данишевского в устройстве П.С. Станиславского и С.Н. Николаевского не есть факт протекционизма, а есть верно поставленное использование специалистов на работе. Указания в заметке о родстве Данишевского со Станиславским не подтвердилось»[148].

Особенно жестоко карались взятки. 27 октября 1926 г. признан виновным по 2-й части 114-й статьи УК Ю.Е. Шкловский. Он был приговорён к высшей мере на-

---

[145] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 108. Л. 168.

[146] Тантьема (фр. tantième, определённая часть) — вознаграждение, выплачиваемое в виде процента от прибыли директорам и высшим служащим акционерных обществ, банков, страховых организаций.

[147] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 52. Л. 37.

[148] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 128. Л. 53.

казания через расстрел с конфискацией всего имущества — ему вменили получение взятки (4000 рублей) за содействие в корыстных целях открытию банком кредита оказавшемуся неплатёжеспособным Москоопсельхозу.

Юлий Евсеевич Шкловский родился в 1882 г. в Москве. Окончил физико-математический факультет Ленинградского университета. Был членом РСДРП(б) с 1903 по 1909 г. В 1910 г. работал в Воронежском отделении Северного банка, затем заведующим фондовым отделом Харьковского отделения того же банка. Затем работал в Юнкер-банке в Москве. В январе 1925 г. пришёл в Банк для внешней торговли заместителем заведующего торгово-комиссионным отделом. Уже в апреле возглавил отдел, но ненадолго. 26 апреля 1926 г. он «исключён из сотрудников как находящийся под судом».

В конце 1925 г. банк начал проводить плановую политику. Первые планы были квартальные, потом стали месячные, наконец, в 1928 г. появились недельные.

Одновременно была создана комиссия по рационализации. Она должна была находить резервы для улучшения работы банка. Общественность призывали участвовать в «пятнадцати дневниках по сбору рационализаторских предложений». Участникам давали за рацпредложение в основном премии от 10 до 20 рублей. Иногда вместо денег активистов отмечали в стенгазете и приказом.

Однако заметных результатов инициатива не давала. Не случайно в одной из стенгазет (тоже распространённое явление того времени) была размещена загадка с ответами: «Что такое оркестр без дирижёра — правление. А что такое дирижёр без оркестра — Комиссия по рационализации». Комсомольская организация жаловалась, что молодёжь в комиссию не допускали.

В конце 1920-х гг. в банке пытаются механизировать счётные работы. Банку для внешней торговли выделяют 2 комптометра (один из УИНО Госбанка, другой комптометр или монроэ — со счётной фабрики Госбанка). Правлением даётся задание — их должны освоить 5 счётных работников.

Надо сказать, что комптометр был в то время уже не новинкой, он был первым коммерчески успешным механическим калькулятором, запатентованным в США ещё в 1887 г. А большинство машин, которые были поставлены в Банк для внешней торговли, были произведены между 1913 и 1915 г. Обновлённую модель выпускали до 1920 г.

Условия для жизни и отдыха сотрудников банка

Многие руководители Банка для внешней торговли проживали в квартирах, устроенных в здании самого банка по адресу ул. Петровка, д. 3/6. В частности, в кв. 14 там проживал в 1927 г. председатель правления К.Х. Данишевский.

Для проживания сотрудников был также арендован дом на Большой Якиманке.

23 июля 1924 г. устанавливается квартирная плата для проживающих в нём:

За 1 кв. сажень жилой площади (4,5365 м^2):

1-й этаж без ванной — 2 рубля 35 копеек.

2-й этаж без ванной — 2 рубля 56 копеек.

1-й этаж с ванной — 2 рубля 49 копеек.

3-й этаж с ванной — 2 рубля 84 копейки.

Оплачивали проживание сотрудники не всегда аккуратно. Так, из 49 съёмщиков по Кузнецкому дому в 1926 г. 41 числился в должниках, а в 1928 г. из 52 съёмщиков оставалось 29 должников. На Якиманке из 52 съёмщиков было 48 должников, в 1928 г. из того же количества съёмщиков оставалось 29 должников.

Самый большой долг был за членом правления Р.М. Антиколем, в ведении которого в 1927 г. было домоуправление и хозчасть. Он не платил около двух лет. Домоуправ жаловался: «Когда я предложил обратиться в суд, Данишевский написал: “Прошу предварительно попытаться воздействовать в партийном порядке”». Однако это не помогло — Антиколь уехал в Милан.

В том же году правление заслушало вопрос о долгах бывших членов правления: Розен М.М. оказался должен 2250 рублей 91 копейку, Галяшкин Я.А. — 323 рубля и Антиколь Р.М. — 271 рубль 42 копейки. При относительно невысокой стоимости аренды суммы впечатляющие.

Только в начале 1929 г. возбудили уголовное дело о взыскании долга с Антиколя. И Рафаил Моисеевич начал платить.

Хроническим неплательщиком был уже упоминаемый и ставший в 1925 г. директором иностранного отдела Госбанка, член совета Банка для внешней торговли В.С. Коробков[149].

Сотрудников банка явно портил квартирный вопрос. Управляющий Сибирского краевого отделения Л.П. Салтыков, вернувшись в Москву после закрытия отделения в мае 1927 г., обнаружил, что зам. управляющего делами и зав. административным отделом банка Л.М. Гордон «разбазарил его мебель и продал комнату» (уезжая в Сибирь, всё своё московское имущество он передал банку)[150]. Суд между коллегами длился долго, и как он закончился, выяснить не удалось.

Летом 1926 г. был создан Жилищно-строительный кооператив «Коллектив сотрудников Внешторгбанка» (Малый Демидовский пер., д. 3). Банк в июле 1926 г. перечислил в него 123 000 рублей[151].

31 декабря 1926 г. появилось Постановление ЦИК и СНК СССР (опубликовано в «Известиях ЦИК» от 12.01.1927) об установлении с 1.10.1926 г. целевой надбавки на нужды рабочего жилищного строительства. «Означенная надбавка для Внешторгбанка — 1,2% с выплачиваемой зарплаты»[152].

Дом построили быстро. В переписке по личному составу в 1927 г. значилось, что в этом доме в 39-й квартире проживал заместитель председателя правления И.В. Боев.

Сотрудники банка и в дальнейшем продолжали получать квартиры. До июня 1933 г. в банке формировался фонд «на постройку зданий», переименованный 4 июня в фонд «финансирования строительства для работников банка».

Осенью 1929 г. очередники получили «жилые помещения» за счёт средств фонда улучшения быта сотрудников банка во вновь отстроенных квартирах в доме 13 по Страстному бульвару.

---

[149] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 234.

[150] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 70.

[151] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 57. Л. 70.

[152] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 69. Л. 14.

Наконец, в 1935 г., когда самостоятельность банка была сильно ограничена, дирекция банка приняла решение о передаче фонда и финансирования жилстроительства Госбанку и о сдаче Госбанком Банку для внешней торговли жилплощадей на полученную сумму[153].

Руководство банка уделяло внимание и отдыху сотрудников. Для их досуга, в частности, был открыт Клуб работников народного хозяйства им. Ф.Э. Дзержинского (ул. Кирова, д. 7) в так называемом доме В.Г. Черткова.

Годовой членский взнос в клуб был немалый, в 1931 г. — 1000 рублей на человека. Кстати, председателем правления клуба в начале 1930-х гг. был в прошлом известный революционер, член ВЧК и председатель Всеукраинской и Киевской ЧК Мартын Иванович Лацис. Современники указывали на особенную личную жестокость Лациса — действительно, глава украинской ЧК выступал последовательным сторонником усиления её карательных функций. В середине 1930-х гг. он стал директором Московского института народного хозяйства. Тогда институт носил имя А.И. Рыкова, затем назывался МИНХ им. Г.В. Плеханова, ныне зовётся РЭУ (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова). В 1938 г. сам Мартын Иванович попал под жернова карательной системы — похоже, его призывы услышали.

Сотрудникам банка и членам их семей предоставлялась возможность отдохнуть в летнее время в свободные дни (субботу и воскресенье) в Клубе работников народного хозяйства им. тов. Дзержинского на станции Клязьма, Боткинская ул., дача Дёмина.Там были «организованы различные игры, площадки, прогулки, экскурсии и пр.».

С июня организовывалось «горячее питание по умеренной цене, а также представлялась возможность переночевать (исключительно членам клуба в ограниченном количестве)[154]».

2 декабря 1918 г. были приняты правила СНК «О еженедельном отдыхе и праздничных днях». Согласно им «соблюдение установленных еженедельных дней отдыха было обязательно для всех трудящихся Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, кроме занятых на предприятиях, деятельность которых по характеру своему являлась непрерывной.

Производство работы воспрещалось в следующие праздничные дни, посвящённые воспоминаниям об исторических и общественных событиях: 1 января — Новый год; 22 января — день 9 января 1905 г.; 12 марта — низвержение самодержавия; 18 марта — день Парижской коммуны; 1 мая — день Интернационала; 7 ноября — день Пролетарской революции.

В соответствии с этим решением революционные праздники приобрели узаконенный характер, стали официальными общегосударственными праздниками. Местные советы профессиональных союзов с согласия Народного комиссариата труда могли устанавливать, помимо указанных, особые дни отдыха, но не свыше 10 в году, согласуя эти дни отдыха с обычными для большинства населения данной местности праздниками при непременном, однако, условии, чтобы такие дни отдыха не оплачивались»[155].

---

[153] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 193. Л. 32.

[154] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 52. Л. 70.

[155] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 87, 88. С. 905.

Действовали эти правила до 25 октября 1929 г., когда большинство учреждений и предприятий (в том числе и Внешторгбанк) перешли на «непрерывное производство», то есть стали работать без общих выходных. Едиными нерабочими днями с этого момента были признаны только пять революционных праздников (7 и 8 ноября, 22 января, 1 и 2 мая). То есть число праздников было сокращено.

С этого времени рабочая неделя длилась четыре дня, а следующий за ними день был выходным. Таким образом, год делился на 72 пятидневные недели, или пятидневки, как их тут же стали именовать.

Опыт оказался неудачным, особенно в промышленности. Новое явление сразу получило наименование — «обезличка». Как и в случае с введением в наши дни «зимнего времени», исправляли ошибки на самом высоком уровне. И.В. Сталин 23 июня 1931 г. выступил на совещании хозяйственников с речью, получившей название «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства», в которой призвал «отбросить прочь бумажную непрерывку, перейти временно на 6-дневную прерывку».

В результате уже 1 сентября 1931 г. была введена шестидневная рабочая неделя. Выходные дни были установлены на 6, 12, 18, 24 и 30-й день месяца. В итоге вместо 72 выходных дней трудящиеся получили 61 плюс пять праздников. Новый год решением на самом высоком уровне стал праздником в 1947 г.

Чистка аппарата банка для внешней торговли СССР

В конце 1930 – начале 1931 г. в банке была проведена чистка аппарата. В Государственном архиве экономики хранятся более полутора тысяч страниц протоколов, датируемых периодом с октября 1930 по февраль 1931 г.

Они касаются двух десятков сотрудников банка, большинство из них подвело происхождение — дворянское, купеческое, некоторые из них какое-то время успели послужить в царской армии. Самым большим наказанием стало увольнение из банка.

Эта акция была проведена вскоре после XVI съезда ВКП(б), проходившего в Москве с 26 июня по 13 июля 1930 г. В директиве съезда говорилось:

«…тот, кто не идёт в ногу с темпами, принятыми по директивам партии и правительства, те, кто не может работать таким образом, кто не хочет эту работу проводить, срывает её <…> все они должны быть устранены из аппарата. <…> Мы должны будем подвергать самой жестокой самокритике, самой жестокой проверке всех недостатков. <…> Сегодня мы знаем уже более ясно о всех событиях вредительства, раскрытых ОГПУ…»[156]

Чтобы понять, как проходил этот процесс, расскажем о некоторых пострадавших и оправданных в процессе этой чистки. В частности, о Михаиле Ивановиче Свешникове.

На допросе комиссию интересовало отношение главного кассира к забастовке банковских служащих, организованной их профсоюзом в 1917 г.

[156] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.

«Вопрос председателя Макарова: “Скажите, где Вы были в 1917 году? Где работали? В каком союзе состояли? Какое Ваше участие на стороне “не работать”? Вы знаете, что союзная организация того времени стояла на стороне “не работать”?

Свешников: “В общественной работе Союза банковских работников я не принимал участия. В первый же месяц я подал заявление в Народный банк. <…> Произошла национализация, мы пришли в банк, только было открыли кладовую, вдруг входит военный караул и всем предложил одеваться и уходить…”

– Ни в какую политику не верили?

– Не то что не верил, а не занимался.

– Значит, никаких политических взглядов не исповедовали?

– В то время нет.

– С какого времени начали, с 17, 18, 19, 20?

– Я тогда был далёк от партийной работы вообще. <…>

Вопрос председателя: “Когда кто-нибудь из кассиров делал просчёт в кассе, Вы на всех доносили Госстраху или нет?”

Свешников: “По договору с Госстрахом о мелких суммах можно было не доносить, а о больших суммах сообщалось”».

В процессе обсуждения выплывали и слабые стороны работы банка, обычно скрываемые в отчётах. Так, Свешников жалуется: «Должен сказать, что во всём банке касса была самым заброшенным отделом, ибо со стороны членов Правления, ведающих кассой, хоть сколько-нибудь значительного интереса к кассе никогда не проявлялось, порой было совершенно невозможно получить то или иное указание, или руководство, особенно когда кассой ведал Антиколь. Он приходил обыкновенно на час, всегда торопился и по утрам проводил так называемые кассовые совещания»[157].

В результате Свешникову были предъявлены следующие претензии: «Он выжидал, как развернутся дальнейшие события и не преждевременно ли поддерживать советскую власть».

Первое время на работу в кассу банка были наняты в основном представители Усачёвско-Шестовской Новогостиничной артели т-ва «Освобождённого труда», односельчане. По словам Свешникова, «артельщики, то есть люди, в прошлом объединённые интересами друг с другом, люди, работа которых производилась систематически на принципах взаимной помощи и взаимного покрытия, люди, которые, будучи не членами профсоюза, не были охвачены ни общественной работой, ни другой работой вне их службы».

Комиссия высказала претензию, что «если контроль за кассовыми работниками и имелся в отдельных случаях, то контроль формальный… Имеются факты поощрения зав. кассой различных группировок, хотя тов. Свешников и отрицал это».

В протоколе было отмечено: «Около месяца велись прения между кассирами, между банковской общественностью о переходе на госстрахование, почему артели, как нарост на советском строительстве, должны быть уничтожены…».

И вот каков оказался вывод: «Свешников, если не активный противник советской власти, то, во всяком случае, занимает выжидательную позицию… Его можно использовать только на технической работе… Свешников не вёл общественную

[157] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 17–19, 23.

работу, его приходится судить только с отрицательной стороны. Положительного нет ничего.

Учитывая всё это, тов. Свешникова на работе оставлять нельзя.

Когда его в 1928 г. увольняли, то предварительно предложили поехать в Тувинскую Республику в местный банк, созданный с советским участием, но он отказался»[158].

Кем же был этот «вредитель» **Михаил Иванович Свешников?**

Родился он в г. Суздале в 1878 г. в семье ремесленника из мещан. С 1899 по 1917 г. (до национализации) работал в банковской конторе «Юнкер». Начал учеником, был заведующим биржевым отделом, главным кассиром, доверенным. В Банк для внешней торговли СССР пришёл в 1922 г. С июля 1924 г. — главный кассир, с ноября 1926 г. — заведующий кассовым отделом. 31 августа 1929 г. уволен по рационализации аппарата. Уже работая старшим бухгалтером в Семеноводтресте, подвергся чистке в Банке для внешней торговли.

Отвечая на предъявленные обвинения, Свешников, в частности, говорит: «Меня обвиняют в плохом руководстве и поддержке группировкой[159]. Но те три внезапные ревизии, которые были в кассе, и особенно та, которая была при аресте кассира Железнова[160], когда по поручению председателя Данишевского т. Иваниным была перевёрнута буквально вся кладовая, не нашли расхождений»[161].

А вот бухгалтера Владимира Николаевича Лепорка обвинили в следующих грехах:

1. Бюрократический подход к интересам советского аппарата (нежелание активно помочь выдвиженцу-руководителю и молодым корреспондентам).

2. Халатное и небрежное отношение к работе (состояние выплаты аккредитивов и засылка телеграммы в архив).

3. Сокрытие перед бригадой по чистке недостатков работы группы (аккредитивов)[162].

Чистка затронула и Сергея Викторовича Воронина.

Конфликт Воронина с руководством зашёл так далеко, что в июне 1930 г. ему объявили выговор «за проявление бюрократизма, выразившееся в том, что по вопросу о запросе Госбанка написал докладную записку зав. отделом, сидящему рядом с ним».

«Помощь молодым работникам и выдвиженцам гр. Воронин не оказывал и своих знаний не передавал.

В его статье в журнале “Кредит и хозяйство” № 1 от апреля 1925 г. относился к плану не как к базе, на которой должны строиться социалистическое хозяйство и вся кредитная система, а как к некоему коррективу в свободном стихийном взаимоотношении между отдельными отраслями.

---

[158] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 37, 40, 44.

[159] Русской националистической.

[160] Старший кассир главной кассы И.М. Железнов, судя по документам, занимался спекуляцией валютой и был в 1928 г. выслан из Москвы.

[161] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.

[162] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 54.

Гр. Воронин является нетерпимым чиновником, бюрократом, лицом, бездушно и халатно относящимся к работе. Бригада по чистке рекомендовала поставить его на персональную чистку»[163].

Пытались подвергнутого чистке оправдать: «Воронин за темпами не угонялся, т. Воронин просто выдохся… но он всё же человек с багажом…»

Сам обвиняемый оправдывался: «В отделе был полный кавардак, отдел представлял из себя трамвай на Лубянской площади, что один уходит, посидит и уходит»[164].

Воронин Сергей Викторович — сын надворного советника, окончивший экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института в 1908 г., имеющий трудовой стаж 22 года, работал с мая 1924 г. заведующим финансово-экономическим отделом Банка для внешней торговли СССР. Одновременно с 1920 по 1926 г. по совместительству был учёным секретарём в Институте экономических исследований НКФ.

Одним из активных обвинителей был И.И. Турок.

Турок Израиль Исаакович в 1924 г. стал старшим бухгалтером в товарно-комиссионном отделе, занимался финансированием и кредитованием частников. О себе он писал так: «Родился в 1889 г. в маленьком рабочем местечке Черниговской губернии. Я учился до 14 лет в еврейской школе. Поступил в Российский коммерческий банк». Обвиняя коллег, он жаловался: «Мне предложили работу в товарно-ссудном отделе, но на следующий день переправили в иностранный отдел к Миллеру. В последнем я узнал, что в товарно-ссудном отделе нация моя не в фаворе. <…> Я был недоволен работой. Были работники хуже меня, но получали больше»[165].

Не отставали от Турока и другие активисты. Вот ещё несколько ярких обвинений: «Тов. Проклову, который пришёл к нам выдвиженцем, рабочему с производства, они ничего не хотели показать. Это меня обидело как общественницу. На ком у нас стоит всё строительство — на выдвиженцах… А эта наша гнилая интеллигенция…»

«В лице Бушуева мы, несомненно, имеем человека, который рассматривает своё пребывание в СССР и на работе в банке как некое пересиживание непогоды…»

Ряд сотрудников благополучно прошли чистку. Среди них был Генрих Маркович Елин, самый высокопоставленный сотрудник банка, подвергнутый проверке на лояльность.

Из его ответов можно узнать очень много интересного из подковёрной жизни Банка для внешней торговли. В частности, о взаимоотношениях с Госбанком.

Даже рассказывая о работе в одном из курируемых им отделов (иностранных переводов и корреспондентов), Елин считает необходимым уколоть коллег: «У нас не было речи о подкупе сотрудников, но в переводном отделе Госбанка дело окончилось тем, что подкупленные сотрудники были арестованы и высланы»[166].

Однако и Елина подозревают в укрывательстве и допытываются: «За весь период прохождения персональных чисток в нашем банке вы ни разу не выступали и

[163] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 56,58.

[164] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 395.

[165] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 199–201.

[166] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 158.

не задавали вопросы. Вы ведь хорошо знаете аппарат банка, почему вы не оказывали содействия бригаде по чистке?»[167]

Кроме многочисленных отделов, которые курировал Елин, и параллельной работы в Госбанке, он возглавлял ещё и комиссию по рационализации. В общем, судя по его собственным рассказам, был преисполнен неистощимой энергией и брался за всё — за что и подвергался критике. Генрих Маркович взял на себя гораздо больше, чем мог справиться. «У нас есть очень правильное определение И. Сталина: "головокружение от успехов"»[168].

Елин Генрих Маркович родился в 1886 г. в Одессе. Сын приказчика. Окончил в 1909 г. математическое отделение физико-математического факультета Новороссийского университета в Одессе[169]. Участвовал в забастовках. До апреля 1919 г. был бухгалтером в Московском народном банке в Одессе и Москве, затем инспектором в ВСНХ. Автор проекта устава Госбанка. В Банк для внешней торговли пришёл в октябре 1924 г. в отдел инспекции. В ноябре 1925 г. был избран членом правления. В начале 1927 г. ездил во Францию и Германию с председателем правления банка Данишевским по делам банка. В январе 1928 г. командировался в Берлин, Париж, Варшаву и Лондон «для организационных и оперативных вопросов, связанных с работой заграничных банков». Был «допущен к секретной работе» (июнь 1929 г.). В 1933 г. стал директором правления Госбанка, работал в управлении иностранных операций (УИНО).

Подвергся чистке и был оправдан Семён Семёнович Штереншиц(с).

Чисткой признан социально сознательным работником и А.Д. Богин.

Богин Абрам Давидович родился в 1887 г. в семье мелкого торговца мануфактурным товаром. По словам Богина, «отец был старого еврейского закала, он своим детям советского образования не хотел давать. До 13 лет я занимался в чисто еврейском духе, посещал Ходер. В 17 лет поступил в банковскую контору Лифшица, где прослужил 5 лет, затем поступил в техническую контору, работал старшим бухгалтером до 1915 г. Когда к Минску подходили немцы, эвакуировался в Москву. Там работал до 1918 г. у того же хозяина. После этого вернулся в Минск, где работал в потребкооперации главным бухгалтером». В Банк для внешней торговли пришёл одним из первых, дослужился там до заместителя главного бухгалтера, а в сентябре 1947 г. перешёл на работу в УИНО Госбанка.

На заседании по чистке Богин объясняет причины, породившие сложности в работе отдела иностранных переводов, за которые тот подвергся критике: «Госбанк, у которого началась чистка аппарата и который, очевидно, был в очень скверном состоянии, нуждался в работниках, передал Внешторгбанку целый ряд массовых операций — переводы из-за границы, переводы по Москве, потом переводы за границу как обывательского, так технического и коммерческого характера. (Когда мы переехали в помещение Госбанка, естественным было объединение части операций.)

Операции передали, а людей, занимающихся ими, нет. Организовано всё было безобразно. Не успели новые сотрудники ознакомиться с работой, как Госплан стал присылать им своих клиентов по этим операциям.

---

[167] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 149.

[168] Кстати, это было единственное упоминание И.В. Сталина в делах по чистке.

[169] Новороссийский университет основан в Одессе в 1865 г. на базе Ришельевского лицея.

Образовались хвосты по 65 человек. Произошла путаница, потому что в Банк для внешней торговли не были переданы счета клиентов.

Количество переводов из-за границы в год достигает теперь 300 000. Наши сотрудники работали и до 9, и до 10 часов, чтобы ликвидировать прорывы»[170].

Штереншис Семён Семёнович родился в 1891 г. Из ремесленников-мещан Подольской губернии. Окончил гимназию. Затем работал в различных коммерческих банках. «В 1917 г. приглашён О. Ашбергом в его первый банк Nya Banken на должность их представителя в России <…> После 1920 г. работал в структурах НКИД, затем в торгпредстве в Берлине, потом в Варшаве зав. экспедиторским отделом». В октябре 1922 г. устроился в экспортно-импортный отдел Российского коммерческого банка. А в июле 1925 г. стал заведующим иностранным торгово-комиссионным отделом Банка для внешней торговли СССР. Затем управляющим Сибирским краевым отделением в Новосибирске. В первой половине 1930-х гг. был директором оперативного сектора, пока в июле 1936 г. не перешёл на работу в Госбанк. Во время Великой Отечественной войны вернулся во Внешторгбанк и до августа 1945 г. был заместителем главного бухгалтера».

Но самой тщательной чистке была подвергнута бухгалтерия. После увольнения главного бухгалтера Евдокимова подвергся обвинениям его помощник, ставший и.о. главбуха А.В. Комаров. Организаторы чистки договорились до того, что заявили: «Главная бухгалтерия звалась во Внешторгбанке группой “черносотенцев”. Вы как общественник (обращение к Комарову) не чувствовали, что тот круг, где Вы находились, был не советский круг?» Участники дискуссии дружно вторили обвинителям.

Член комиссии по чистке Куцемелов отметил: «Главная и иностранная бухгалтерия были последними позициями, которые завоевали коммунисты. Оперативный отдел и все остальные участки мы захватили легче».

Член комиссии по чистке Гуревич подхватил: «До 1929 г. мы знаем два отдела, в которых не было ни практикантов, ни партийца, ни комсомольца — эти два отдела — главная и иностранная бухгалтерия…»

Евдокимов Тимофей Алексеевич родился в 1871 г. в Одессе. Из крестьян Херсонской губернии. Беспартийный. Окончил Одесское коммерческое училище, знал французский, немецкий, английский языки. Работал с 1891 г. в различных коммерческих организациях. В 1894–1899 гг. — бухгалтером в отделении Русского для внешней торговли банка в городе Николаеве. 1902–1905 гг. — главный бухгалтер отделения банка в Риге, по распоряжению правления участвовал в ревизиях других отделений. В 1905 г. стал главным бухгалтером Московского отделения банка. До 1917 г. работал в банке «И.В. Юнкерс и К°». В начале 1918 г. — главный бухгалтер национализированного Русского для внешней торговли банка, затем председатель ликвидационного Комитета по делам банков, затем бухгалтер отдела международных расчётов. В 1922 г. стал бухгалтером экспортного отдела Госторга. В Российский коммерческий банк пришёл сразу после его открытия, с 1 сентября 1922 г. он главный бухгалтер банка РКБ, затем Банка для внешней торговли СССР. Уволен в 1929 г.

[170] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 143. Л. 288, 289.

Досталось и самому Комарову: «Комаров очень хороший технический работник, очень быстрый работник, но вместе с тем он имеет такие недостатки, он так враждебно относится ко всем заявлениям, что нужно подумать, может ли он нести ответственную работу в советском аппарате. <…>

Комаров имеет привычку дискредитировать сотрудников, которые выступают против него (давая им невыполнимую ими работу)».

Член комиссии по чистке Фоньо: «Сидит рядом и не знает, что его отдел совершенно далёк от советской действительности».

Член комиссии по чистке Гельруд: «У меня было о нём скверное мнение… сегодня, слушая ответы Комарова на поставленные вопросы, эти хитроватые и запутанные ответы, пришёл к убеждению, что, как видно, моё мнение о нём было не настолько плохое, насколько оно должно было быть….

И сделан был общий вывод: “Главная и иностранная бухгалтерия были святая святых. Нужно было отчётность держать в таком сложном, запутанном виде, чтобы простой смертный не мог разобраться, и поэтому там необходимо держать старых специалистов”»[171].

Некоторые коллеги пытались оправдать Александра Васильевича. Так, участник обсуждения Соловьёв заявил: «Комаров был против копиручёта[172]. Комиссия по проведению копиручёта работала приблизительно месяцев девять. Вводился он 1/IV-29. Головка бухгалтерии не ошибалась — копиручёт дал плохой результат. Первые же 7–8 дней никак не могли свести баланс…».

А присутствующий на заседании Ильин заметил: «Комаров — прекрасный бухгалтер, прекрасно разбирается в обстановке, это не узкий бухгалтер, который знает только дебет и кредит. <…> Но это “консервативный зубр”».

Комаров Александр Васильевич родился в 1891 г. в Москве, из рабочих. Окончил торговую школу. Работал помощником завотдела в Русском для внешней торговли банке. В 1915–1917 гг., после — окончания школы прапорщиков, служил в царской армии (несмотря на рабочее происхождение, стал строевым подпоручиком на Юго-Западном и Румынском фронтах). В 1918 г. пришёл в Народный банк и работал там до ликвидации.

С 1919 по 1922 г. был начальником отдела заготовок и снабжения Управления РККА. В октябре 1922 г. стал помощником главбуха Роскомбанка, в ноябре 1926 г. — 1-й старший бухгалтер главной бухгалтерии Внешторгбанка. После увольнения Евдокимова в 1929 г. стал и.о. главбуха, но пробыл на этой должности только четыре месяца.

«Вычистить» могли порой и квалифицированные кадры. На это указывает множество примеров. Часто происхождение было главной причиной увольнения. Подобный случай — В.В. Голицын.

Голицын Владимир Владимирович родился в 1879 г. в Москве. Служащий из дворян. Беспартийный. «Женился на трудовой крестьянке». Окончил Московский универси-

[171] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 144. Л. 29, 31, 56.

[172] Копировально-карточный метод бухгалтерского учета — способ ведения бухгалтерского учета, при котором бухгалтерские записи производились от руки при помощи копировального аппарата непосредственно с документов и заносились на отдельные карточки, заменяющие собой: а) счета главной и вспомогательной книг и б) бухгалтерский журнал. Этот метод был распространён в СССР в 1930-е гг.

тет. Как он писал в автобиографии: «…несмотря на своё происхождение, ни разу ни аресту, ни каким-либо другим репрессиям не подвергался». Прокурор республики Д.И. Курский в письме от 14 июня 1924 г. в правление Российского коммерческого банка подтвердил лояльность Голицына. С июня 1923 г. — старший делопроизводитель, секретарь финансово-экономического отдела (должность уровня машинистки). В сентябре 1925 г. стал экономистом отдела, а в 1927 г. — старшим статистом (с мизерной зарплатой — 40 рублей в месяц). При этом представлял банк на заседаниях различных учреждений (Госплан, НКФ и др.). «Уволен в порядке рационализации» 30 апреля 1929 г.

Ещё раньше происходили чистки регионального значения. Интересный случай произошёл на Украине.

5 сентября 1924 г. проводить свои операции начала Всеукраинская контора Внешторгбанка СССР, открытая в столице Советской Украины — Харькове. Её управляющим стал О.И. Каган — заметная фигура в экономической истории страны. Осенью 1928 г. Овсей Израилевич стал управляющим Банком для русской торговли в Лондоне. А в конце 1930-х гг. — руководителем сектора валюты и внешней торговли Наркомата финансов СССР, затем начальником валютного отдела НКФ СССР.

1926/27 операционный год — период расцвета конторы. Она руководит работой двух отделений, созданных на Украине (Киевским и Одесским). Её штат составлял 110 человек.

Отделение в Одессе открылось в июле 1924 г., его управляющим стал С.Б. Смолянский. Отделение специализировалось на кредитовании советского экспорта (рогатый скот, икра, сода, мелкий скот, птица, фанера, ковры). Эти товары преимущественно шли на Ближний Восток. А в Западную Европу отправляли через Одессу натрий, селитру, фанеру, хлопок. Отделение в Киеве начало работу позже, в январе 1925 г., его управляющим стал Я.Б. Ветман.

Это было время «укоренения» партийного и государственного аппарата в национальных республиках, провозглашённого XII съездом РКП(б) в апреле 1923 г. На Украине, соответственно, проводили украинизацию. При ней карьерный рост представителей коренной национальности ускорялся всеми способами. Тогда же переводились на украинский язык обучение и делопроизводство.

В апреле 1925 г. генеральным секретарем ЦК КП(У) стал Л.М. Каганович. При нём процесс украинизации советского и партийного аппарата усилился, было заявлено, что к началу 1926 г. все чиновники должны овладеть украинским языком. Была создана Центральная комиссия по украинизации и её региональные отделения. Активно обсуждался вопрос, по какой статье увольнять чиновника, не выучившего украинский язык.

Затронул этот вопрос и Всеукраинскую контору Внешторгбанка СССР. 5 апреля 1927 г. в Москве состоялось заседание правления банка с необычной повесткой дня: рассматривалось предложение комиссии по украинизации Всеукраинской конторы «об увольнении с занимаемой должности главного бухгалтера Конторы Ф.Д. Кузнецова за враждебное отношение к украинизации. Письмо Всеукраинской конторы от 30 марта с.г. за № 21/479». Принято решение: «Освободить главного бухгалтера нашей Всеукраинской Конторы Ф.Д. Кузнецова от занимаемой должности»[173].

[173] РГАЭ. Ф.7590. Оп. 1. Д. 69. Л. 215.

Контора тогда имела правление из четырех человек: О.И. Каган (управляющий), И.И. Лурье (заместитель управляющего), а также Ратнер и Лихтенштейн (инициалы в документе не указывались), уже, видимо, перестроившиеся хлопцы. Место Кузнецова занял его заместитель «щирый» (настоящий) С.Г. Луцкий, более устраивавший организаторов кампании.

Поработать Соломону Григорьевичу долго не удалось: в апреле 1927 г. были ликвидированы Киевское и Одесское отделения банка, а 25 апреля 1928 г. — и сама Всеукраинская контора.

Кстати, в 1930-е гг. проходила новая волна украинизации. Было решено убрать с руководящих постов всех не знающих украинский язык. Инициатива не прошла — среди начальников в этом случае практически не оказалось бы украинцев и русских.

Следует отметить и национальный состав Банка для внешней торговли. Сделать это возможно, ознакомившись с анкетами уволившихся и принятых на работу в 1935 г. В основном это передвижения внутри среднего и низшего состава — бухгалтеров, экспедиторов, машинисток, курьеров и т.д. Всего 126 человек. 75 русских (сюда входят также украинцы и белорусы, так как их в списках нет), 44 еврея, по одному — латыш, армянин (в анкете записано «арменин»), поляк, грузин, немка и некто «великоросс»[174].

Кадры новой страны

В начале о событиях, казалось бы, не связанных с банковским делом. В апреле 1927 г. разрываются отношения Советского Союза с Чан Кайши, а затем, в июле 1927 г., с уханьским правительством в Центральном Китае и одновременно с маршалом Фэн Юйсяном на Севере страны. В течение этого года Китай покидают советские военные специалисты.

7 ноября 1927 г., «отмечая» 10-летие Октябрьской революции, русские белоэмигранты совершили налёт на советское генконсульство в Шанхае. При полном попустительстве местных властей они попытались выломать двери.

В конце 1927 г. подобные налёты на советские консульства и представительства хозяйственных и торговых организаций были совершены и в других городах.

11 декабря 1927 г. в Кантоне (Гуанчжоу) вспыхнуло восстание («Кантонская коммуна»). Уже через три дня оно было потоплено в крови. Разгромлено консульство СССР в Кантоне, зверски убиты 5 сотрудников консульства. На подконтрольных нанкинскому правительству территориях были закрыты советские консульства на Юге и в Центральном Китае. Они вновь откроются только после установления советско-китайских дипломатических отношений в 1933 г.

С 15 по 18 декабря были закрыты отделение торгпредства, отделения Совторгфлота, Центросоюза, Дальбанка, Текстильсиндиката, КВЖД, Госторга, Чаеуправления и Дальлеса в Шанхае.

В начале февраля 1928 г. на IV Пленуме ЦИК Гоминьдана было образовано новое национальное правительство во главе с председателем правительства Чан Кай-

[174] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 211. Л. 75.

ши, который был также утверждён главнокомандующим. Столица страны официально переносилась в Нанкин. Гоминьдан проводил в жизнь политику искоренения коммунизма и был признан западными государствами. Однако Шанхай оставался неподконтрольным Чан Кайши.

22 декабря 1928 г. китайская полиция в Харбине захватывает телефонную станцию, принадлежавшую КВЖД.

Положение на Китайско-Восточной железной дороге к тому времени было отнюдь не безоблачным. Следствием отвратительного хозяйничанья советских представителей явилось финансовое неблагополучие на дороге. КВЖД стала превращаться в чисто китайское предприятие, коррумпированное снизу доверху, где взяточничество, разгильдяйство и хищения стали системой, которую старались не замечать, и с ней никто не боролся.

Штаты дороги неимоверно разбухли. Китайские просьбы об увеличении числа китайцев в аппарате безотказно удовлетворялись. Причем этот процесс происходил преимущественно за счёт создания заведомых синекур. Одновременно шло увеличение в абсолютных цифрах числа русских служащих. В результате было создано «отвратительное, типично китайское массовое "кормление", разлагающе действовавшее на весь аппарат»[175].

Особенно обострилось положение на КВЖД весной 1929 г. Желания китайцев захватить дорогу становились всё более настойчивыми.

Наконец, 27 мая 1929 г. в помещение советского генерального консульства в Харбине ворвался наряд полиции. В течение шести часов шёл обыск. Была конфискована часть консульской переписки и арестованы все находившиеся в консульстве люди — 39 человек, проживающие в Маньчжурии советские граждане. На следующий день полиция опубликовала абсурдное заявление о том, что ею было сорвано «заседание III Интернационала», якобы происходившее в подвале консульства.

Позднее в «Обвинительном акте и приговоре по делу советских граждан, арестованных при обыске в советском консульстве», опубликованном 11 сентября 1929 г., были приведены подробности полицейского рейда: «На месте было обнаружено большое количество документов и официальных бумаг и остатки от бумаг сожжённых (тайных телеграмм между Харбином и Москвой — содержанием этих телеграмм является предписание о создании в Нанкине и Мукдене и др. местах партии террористов с целью препятствовать объединению Севера и Юга Китая). Помимо этого в канцелярии были обнаружены револьверы, патроны, книги и бумаги для пропаганды коммунизма»[176].

Одновременно налётам подверглись советские консульства в Цицикаре (Северо-Восточный Китай) и Маньчжули (станция Маньчжурия). Советское правительство не предприняло никаких ответных мер, лишь выразив протест. Дипломатические отношения с Китаем будут прерваны только летом 1929 г. В июле 1929 г. в Китае закроются генконсульства СССР в Пекине, Тяньцзине, Харбине и Мукдене, а также консульства в Маньчжурии, Суйфыньхэ, Сахаляне, Калгане, Хайларе и в Цицикаре.

[175] *Алексеев М.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты». М.: Кучково поле, 2010. С. 311.

[176] *Алексеев М.* Указ. соч. С. 312.

6 августа 1929 г. за счёт объединения всех вооружённых сил, тогда расположенных на территории Дальнего Востока, создаётся Особая Дальневосточная армия (ОДВА). Её командующим назначается В.К. Блюхер. Ряд побед над группировками китайских войск отрезвляют противника. 22 декабря 1929 г. в Хабаровске подписывается протокол, согласно которому восстанавливается положение на КВЖД и Китай обещает покончить с деятельностью белогвардейских отрядов в Маньчжурии.

В 1930 г. в списках Харбинского отделения Дальбанка появляется 30-летний заведующий операционным отделением Андрей Ильич Дубоносов, из крестьян. К тому времени он имеет 6-летний банковский стаж и 10 лет состоит членом ВКП(б) (с 1920 г.). Этот человек в дальнейшем сыграет очень большую роль в истории Банка для внешней торговли СССР. А пока в его учётной карточке было записано: «Воинская категория — особый учёт ОГПУ. Учётный билет сотр. ОГПУ № 51/моб. От 23-V-27 г. Проживает по адресу: Варсонофьевский пер., д. 4, кв. 12. Консультант по Дальнему Востоку ОУП и ПБ. С 1.02.1930 — резерв. 22.02.1930 — отчислен из резерва, за выездом Дальбанк, Харбин»[177].

Попал сюда Андрей Ильич, видимо, неспроста. Это было сложное время для Китая. В 1931 г. Япония приступила к захвату Маньчжурии и в 1932 г. провозгласила создание марионеточного государства Маньчжоу-Го. КВЖД оказалась на его территории. 23 марта 1935 г. СССР под давлением Японии «продал» дорогу Маньчжоу-Го за смехотворную сумму — 140 млн. иен. Сын Андрея Ильича вспоминал: «Через два года после нашего приезда в Харбин (то есть в 1932 г.) Маньчжурию оккупировали японцы. На улицах изредка слышалась стрельба, где-то происходили стычки, ходили слухи о жестоких наказаниях за неподчинение. Мне было запрещено гулять и кататься на велосипеде. У отца в верхнем ящике письменного стола появился наган. Консульство выдало его, но, когда следует использовать, не определило. А банковский “Крайслер” продолжал каждое утро подъезжать к дому, увозя отца на работу»[178].

Уже в мае 1933 г. А.И. Дубоносов возглавил Шанхайское отделение банка. Следует отметить, что в этом городе находится представительство Коминтерна в Китае. Там же и подпольный ЦК КПК, поддерживаемый Советским Союзом.

Шанхайское отделение банка финансировало проведение советскими хозорганизациями этих операций, оплачивало выдаваемые переводы и аккредитивы из СССР и Лондона. Банк также косвенно содействовал этим операциям, выдавая гарантии и акцепты по обязательствам советских организаций перед иностранными фирмами и банками.

К финансированию экспорта из СССР в Шанхай и Южный Китай леса, каменного угля, рыбы, нефти Шанхайское отделение Дальбанка не было допущено. Он финансировался преимущественно Владивостокской конторой Госбанка СССР и, в меньшей мере, Дальбанком ДВК.

Слабо Шанхайское отделение было связано и с местной экономикой.

А.И. Дубоносов приехал в Шанхай вновь неслучайно. Его приезду предшествовали важные события. 28 января 1932 г. японские войска захватывают Шанхай. Уходят они из города только 31 мая, после подписания перемирия с Китаем.

Вновь вернёмся к воспоминаниям сына Андрея Ильича:

---

[177] РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 1. Д. 97. Л. 1. 1 об.

[178] *Дубоносов Л.* Нелегал за океаном. М.: Консалтбанкир. 2002.

Неожиданно наступили перемены: отца назначили директором банка в Шанхае. По сравнению с пыльным, затрапезным провинциальным Харбином 1932 г. Шанхай оказался развитым, бесконечным в любую сторону городом, в котором сугубо китайские кварталы, пахнущие китайской кухней, соседствовали с современными многоэтажными домами, с банковским Сити. Рядом была набережная, а фактически — порт, сплошь заполненный морскими судами.

Основная улица делового Сити носила название Бунд. В 30-х годах XX века эта улица представляла собой причудливое смешение импозантных зданий с грузовыми тележками, рикшами и лёгкими пирсами со сходнями к бесчисленным джонкам. В одном из представительных зданий на Бунде работал мой отец. Показательно, что Русско-Азиатский банк был третьим по счёту, занявшим на Бунде солидное современное здание.

Международный характер Шанхая тех лет подчёркивался не только обилием автомашин, но и солидными зданиями банков и компаний. В магазинах были товары известных мировых фирм. Отец ездил, как и в Харбине, на престижном американском «Крайслере», рабочей ручкой у него всегда был «Паркер», производившийся по лицензии местным заводом, курил он «Кэмел» и пользовался зажигалкой «Ронсон». Мама шила на «Зингере», пудрилась «Коти», а любимыми духами был «Чёрный нарцисс» от Карон. Я катался на английском двухколёсном «Геркулесе», как и «Паркер», производимом китайским предприятием по английской лицензии.

Был ли отец в китайский период сотрудником только Госбанка-Дальбанка? Не исключено, что само назначение в Китай было связано с тем, что отец прежде работал в ВЧК. Делая свои первые шаги на банковском поприще, он ещё соглашался выполнять отдельные просьбы спецслужб. Встречался он и со знаменитым разведчиком-нелегалом Рихардом Зорге, передавая ему пакеты с деньгами и информацией[179]*. Можно предположить, что отец был знаком по Лубянке или уже по Шанхаю с Эйтингоном*[180] *(возможно, и Шпигельгласом*[181]*), в то время резидентом*

---

[179] Эти встречи, по всей видимости, имели место до отъезда Р. Зорге из Шанхая в Москву 12 ноября 1932 г. То, что в то время А.И. Дубоносов работал на разведуправление Красной армии, сомнений не вызывает. ИНО ОГПУ никакого отношения к Р. Зорге никогда не имело.
Шанхайская резидентура Разведупра РККА постоянно — и до Зорге, и после него — испытывала дефицит денежных средств для организации и проведения возложенных на неё оперативных задач и страдала от несвоевременной их доставки из Центра. Легальных каналов перевода денежных средств не было. Поэтому, как правило, деньги направлялись с курьерами со всеми вытекающими отсюда рисками. Созданный через Далькомбанк канал, по-видимому, способствовал разрешению этой проблемы.
До своего отъезда из Китая летом 1934 г. Андрей Ильич мог также встречаться с временно исполняющим обязанности резидента «Паулем» (К.М. Римм, 1891–1937) до его отъезда из Шанхая в августе 1933 г. и новым резидентом шанхайской резидентуры «Абрамом» (Я. Г. Бронин, 1900–1984).

[180] Эйтингон Наум Исаакович (1899–1981) — в 1927–1929 гг. руководитель легальной резидентуры Иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине. В июне 1928 г. организовал совместно с нелегальной резидентурой Разведупра РККА в Харбине ликвидацию Чжан Цзолиня. После налёта гоминдановской полиции 27 мая 1929 г. на Харбинское консульство и производства там незаконного обыска Эйтингон был отозван Центром в Москву, а из Москвы отправлен резидентом в Турцию. Так что в Шанхае в 1930-е гг. его не было.

[181] Шпигельглас Сергей Михайлович (1897–1939) с января 1919 г. работал в органах Военного контроля. После слияния Военного контроля (военная контрразведка) с Военным отделом ВЧК и образования Особого отдела (ОО) ВЧК был назначен на должность начальника сметного (финансового) отделения ОО ВЧК. В Особом отделе работал в одно и то же время с А.И. Дубоносовым.

в Шанхае. А если учитывать, что посидеть на скамейке спокойного и ухоженного Джесфилд-парка естественнее не одному, а с дамой, то отцу, вероятно, и было предложено выходить на эти встречи со своей женой.

Со временем, глубже войдя в мир бизнеса, отец убедился, что чисто банковской деятельностью он может принести стране куда большую реальную пользу. Провал в разведке и контрразведке — вещь неотвратимая. Это лишь вопрос времени, и если с ними связан банк, будет подорвана репутация банка, а банк без репутации — не банк. Отсюда вывод: всеми силами избегать использования спецслужбами сотрудников банка в качестве своих агентов. И позже, когда отец возглавлял Моснарбанк в Лондоне, он придерживался этого же принципа[182].

Но работала наша разведка в Китае, видимо, не очень успешно.

В Китае европейцев было не так уж много. Поэтому на них обращалось больше внимания, хотя бы в силу того, что «они приметнее». Здесь все привыкли видеть европейцев всегда чисто и аккуратно одетыми сообразно требованиям моды. И все, кто был одет небрежно или не по сезону, являлись исключением, и для таких в Китае установилось название «русский большевик». Именно большевик, так как русские белогвардейцы одевались либо под европейцев, либо ходили в лохмотьях.

Неумение одеваться ни в одной стране так не бросалось в глаза, как в Китае. Часто бывало, что наш работник был одет вполне прилично и даже по моде, но костюм на нём сидел так небрежно, что сразу выдавало в нём «русского большевика». Особая небрежность у советских работников проявлялась в завязке галстуков и их расцветке[183].

Сразу после начала работы Андрея Ильича в отделении Дальбанка, в марте 1933 г., совет директоров советского банка в Лондоне — Московского Moscow Narodny Bank Ltd принял резолюцию, гласившую, что «банк покупает 1000 акций харбинского банка “Дальбанк” за 50 тыс. долларов серебром». За приобретением акций последовало поглощение в 1933 г. и шанхайского отделения Дальбанка. Вместе с ним Московский народный банк приобрёл ценного работника Андрея Дубоносова, которому в своё время предстояло сыграть важнейшую роль в расширении операций банка на территории Европы. Новое Шанхайское отделение активно выполняло операции по торговле золотом и валютному обмену, что со временем обеспечило весьма полезный опыт при осуществлении операций в Лондоне.

Судя по всему, занятие валютными операциями было в то время в Китае увлекательным делом. Дело в том, что в 20–30-е гг. XX в. единой денежной системы в Китае не существовало. Имели хождение серебро как таковое, медная и серебряная монета (национальная и иностранная) и бумажные деньги. Чеканили китайские серебряные таэли во многих городах — Пекине, Шанхае, Нанкине и др., причём проба и вес этих монет не совпадали. В результате, как отмечалось ещё в 1930-е гг. в книге члена правления Дальбанка в Харбине П.Д. Разгильдяева «Записки о валютной работе», получалась следующая картина:

шанхайских таэлей 1045,00 равны 1000 пекинских таэлей;
1053,00 — 1000 тяньцзинских;
1024,70 — 1000 ханькоуских;

---

[182] *Дубоносов Л. Нелегал за океаном. М.: Консалтбанкир. 2002.*

[183] *Алексеев М.* Указ. соч. С. 261.

1067,00 — 1000 циндаоских;
1099,80 — 1000 калганских.

Как пекинскими правительственными, так и частными китайскими и иностранными банками производилась эмиссия банкнот. В общем, анархия денежного обращения была полная!

Был широко развит выпуск бумажных денег местными властями и их суррогатами — меняльными конторами и торговыми фирмами. Не обеспеченные металлическим резервом провинциальные бумажные деньги были подвержены резким колебаниям рыночного курса и часто совершенно обесценивались.

Наиболее устойчивым курсом и наибольшей популярностью в Китае пользовались банкноты иностранных банков, выпускавших их в обращение через свои филиалы в Шанхае, Ханькоу, Тяньцзине, Пекине, Дайрене, Инкоу и других пунктах Китая[184].

В 1934 г. А.И. Дубоносов покидает Китай.

В мае 1950 г. шанхайский филиал закрыли, вместе с ним прекратила существование международная сеть отделений МНБ. До появления в 1963 г. Бейрутского отделения.

До 1939 г. Дубоносов работает в Москве.

В 60-е годы муж моей тёти, имевший связи среди работников архива НКВД, раскрыл нам «новость»: летом 1939 г. отец оказался в списках лиц, подлежавших аресту. Когда машина НКВД закрутилась, оказалось, что в ЦК уже оформлялись документы на его выезд в Англию. В результате было решено подождать: приедет — возьмём. Но к 45-му всё, к счастью, забылось[185].

Приезжает он в Лондон летом 1939 г. с заданием проверить деятельность советской по капиталу, но английской по регистрации Черноморско-балтийской страховой компании Black Sea and Baltic General Insurance Company Limited, часто именуемой в России «Блэкбалтси» (Blackbaltsea).

И как всегда, приезд Андрея Ильича сопровождается историческими событиями. Через неделю, 1 сентября 1939 г., в Европе началась Вторая мировая война. В результате А.И. Дубоносов вернулся в Москву лишь через шесть лет.

Отец из Лондона бомбардировал Москву просьбами либо отправить его домой, либо направить к нему семью. Уже шёл 1941 г., когда Москва в конце концов решила отца отозвать, и, упаковав весь багаж, он поездом прибыл в порт Ливерпуль на более безопасном западном побережье Англии. Предполагалось, что путь пройдёт через Атлантику к Америке, затем далее — через Тихий океан на Владивосток. Но прибыв на борт советского судна, он узнал о нападении Германии на СССР. А посланная ему вслед телеграмма советского посла Ивана Майского предписывала срочно вернуться не в Москву, а в Лондон[186].

Принимается решение назначить А.И. Дубоносова генеральным управляющим «Блэкбалтси». Именно ему пришлось страховать перевозку морским путём советского золота в оплату поставок по ленд-лизу (неплохо заработал на этом для страны и вдобавок получил орден Трудового Красного Знамени).

---

[184] *Алексеев М.* Указ. соч. С. 228.

[185] *Дубоносов Л.* Указ. соч.

[186] *Дубоносов Л.* Указ. соч.

Все годы войны А.И. Дубоносов был также одним из советских директоров Моснарбанка в Лондоне.

После войны Андрей Ильич работал в Главном управлении советского имущества за границей (ГУСИМЗ).

Дубоносов Андрей Ильич (1900–1978).

Кандидат экономических наук, награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя из них — за работу в Англии.

Возрождение деятельности Моснарбанка связывают с его приходом в мае 1959 г. к руководству банком.

На одном приёме в Лондоне несколько именитых английских гостей обсуждали, какие русские входят в элитный круг разъезжающих по заграницам. Чтобы разрешить этот вопрос, обратились к разговаривавшему неподалёку председателю правления Моснарбанка:– Наверное, г-н Дубоносов, за границу ездят не рядовые русские, а партийные функционеры и, возможно, преданная дореволюционная элита?

– Я затрудняюсь говорить за всех, — ответил Андрей Ильич, — но до революции я занимал положение... ну, скажем, выше большей части местной аристократии.

Англичане многозначительно закивали: что, мол, мы вам говорили!

– Я, — продолжал Дубоносов, — был учеником кровельщика.

Эффект был поразительным: англичане оценили и прямоту, и юмор и быстро разнесли находку по всему Сити[187].

Андрей Ильич действительно был учеником кровельщика в 1918 г., перед тем как вступил добровольцем в Красную армию. В 1921 г. его направили в Москву на курсы ВЧК, а по окончании — на работу в Особый отдел Московской области (Лубянка, 14). Работая там, он поступил на заочное отделение рабфака, окончив которое, смог перевестись на работу в Госбанк и поступить на вечернее отделение Промышленно-экономического института. После его окончания Андрей Ильич был командирован в Китай.

Под его началом в Лондоне происходит быстрое расширение деятельности банка. За два года — 1959 и 1960 — количество штатных сотрудников выросло с 40 до 100. Советских граждан по устоявшейся практике среди них было мало — председатель и два директора (чуть позже разрешили взять ещё двух). У нового руководителя Дубоносова сразу сложились хорошие отношения в лондонском Сити.

Уже в первый год на посту чермена (chairman — председатель правления), в 1959 г., он оставил старое полуподвальное помещение банка на Finsbury Circle, арендовав у английского частного банка Brown Shipley большую часть респектабельного пятиэтажного здания на Morgate street, № 4, в центре лондонского Сити, рядом с Банком Англии. Но и этого помещения для банка вскоре стало мало, и Дубоносов организовал новый переезд. В 1964 г. для Моснарбанка было построено восьмиэтажное здание по адресу: King William Street № 24/32 — буквально в двух шагах от Банка Англии.

Только в конце 50-х годов под руководством нового председателя, представительного и знающего своё дело А.И. Дубоносова 63 лет (он носит мягкую фетро-

[187] *Дубоносов Л.* Указ. соч.

вую шляпу Homburg) Народный банк перестроил свою работу на капиталистический лад и превратился в полноценный коммерческий банк лондонского Сити[188].

Деловой Лондон признавал, что под руководством А.И. Дубоносова у банка постоянно был самый высокий темп роста в лондонском Сити. Статьи о его успехах регулярно появлялись во многих респектабельных журналах: The Banker, Forbes, The Economist, Stock Exchange Gazette, Der Spiegel и других.

В 1964 г. газета Guardian делала серию статей «Лица Сити». Среди них были материалы о бароне Эдмунде Ротшильде — главе банкирского дома Ротшильдов, сэре Джордже Болтоне — директоре Банка Англии и председателе Банка Лондона и Южной Америки, сэре Сериле Хокере — директоре Банка Англии и председателе Standard Bank, Давиде Монтэгю — представителе банкирского дома Монтэгю, занятом главным образом операциями с золотом, и ряде других.

На почётном месте в первой десятке 19 сентября были помещены статья и портрет и нашего банкира под названием «Там, где Восток встречается с Западом».

Андрей Ильич Дубоносов, председатель и генеральный директор Московского народного банка, является одним из самых популярных людей в Сити. <…>

Дубоносов и его аппарат (в основном английский) завоевали себе блестящую репутацию в осуществлении корректных и прибыльных операций. Через стеклянные двери современного, нового, истинно банковского здания — неподалёку от Лондонского моста — снуют взад и вперёд джентльмены в цилиндрах с Ломбард-стрит[189]*. Валютный отдел банка проводит колоссальные операции со всеми главными европейскими центрами. Считают, что Моснарбанк занимает 4-е место в качестве крупнейшего дилера на международном долларовом рынке. На денежном рынке векселя банка пользуются высокой репутацией и учитываются по ставкам первоклассных векселей. Моснарбанк находится в тесной связи с лондонским рынком золота и осуществляет большую часть регулярных продаж золота Советского Правительства. Короче говоря, Моснарбанк стал интегральной частью лондонского Сити.*

Этот успех в основном достигнут благодаря г-ну Дубоносову, приветливому и проницательному человеку 64 лет.

За девять лет, пока А.И. Дубоносов был на посту председателя правления, банк увеличил свои активы почти в 30 раз — с 8,6 млн. до 250 млн. фунтов стерлингов. Естественно, этому способствовал и рост товарооборота Англии с СССР, но, безусловно, и личный вклад Андрея Ильича в этих достижениях огромен. Моснарбанк при нём стал активно работать с английскими государственными ценными бумагами, расширил кредитование местных городских проектов и участвовал в деятельности на валютном рынке.

Прежде чем в 1967 г. покинуть Лондон, Андрей Ильич Дубоносов осуществил своё давнее желание: поставил над банком два флагштока: один — с британским флагом, другой — с советским. Никогда до этого наш флаг не появлялся ни над одним зданием советской фирмы, даже в праздники. В этот раз был проявлен такт: сделано это было после согласования с лорд-мэром Лондона, заранее убедившимся, что это в цитадели делового Лондона не будет воспринято в штыки.

[188] Советский Союз добился выдающихся успехов / Time, 12 июля 1963 г.

[189] Джентльмены с Ломбард-стрит — представители учётных домов, каждое утро посещающие банк по денежным операциям.

Сообщают, что председатель банка — 66-летний г-н Андрей Дубоносов награждён орденом Красного Знамени «за его деятельность, способствующую развитию англо-советских финансовых и торговых отношений». Награждать орденом за заграничную коммерческую деятельность необычно для советского правительства. Время награждения, очевидно, связано с визитом в следующем месяце в Англию премьер-министра СССР г-на Косыгина.

Правительство Англии, возглавляемое г-ном Вильсоном и его предшественниками, весьма щедро раздавало награды за достижения в англо-советской торговле; награждение г-на Дубоносова подчёркивает, что советское правительство также считает эту торговлю важной[190].

После Лондона А.И. Дубоносов недолго находился в Москве, он стал первым председателем советского банка в финансовой цитадели ФРГ — Ost-West Handelsbank (Франкфурт-на-Майне). В начале 1970-х гг. он был уполномочен довести то успешные, то затухавшие в течение десятилетия переговоры с ФРГ о создании банка до подписания.

Интервью в журнале Euromoney (август 1972 г.), данное Андреем Ильичом сразу после его прибытия во Франкфурт-на-Майне, начиналось вопросом:

«В ходе Вашей лондонской карьеры в Московском народном банке Вас стали рассматривать как одного из отцов-основателей евродолларового рынка. Каковы мотивы, объясняющие Ваш приход с операциями сюда, во Франкфурт?»

Ответ: «Первые попытки я предпринял ещё в 1959–1960 гг. Но безуспешно — мы не получили разрешения немецких властей. Политическая ситуация тогда была не очень удачной для открытия банка.

Вторая попытка открыть банк была предпринята в 1966–1967 гг. Тогда отношение немецких властей было позитивным, но открытие банка было отложено».

Владимир Сергеевич Геращенко

— Смотри, Чиклин, он весь седой!
— Жил с людьми — вот и поседел от горя.

А.П. Платонов. Котлован

В заключение хотелось бы рассказать о человеке со знакомой всем фамилией, но мало кому известном.

На его примере видно, как в 1920-е и 1930-е гг. формировалась плеяда блестящих специалистов, благодаря которым долгие годы успешно развивалась советская экономика, Советский Союз сумел выдержать испытания Великой Отечественной войной и после неё восстановить народное хозяйство быстрее других стран.

Владимир Сергеевич, отец Виктора Владимировича Геращенко, председателя правления Госбанка СССР и председателя Банка России, родился 26 июля 1905 г. в городе Вильно, но записали в метрике почему-то как родившегося в селе Гали-

[190] Financial Times. 14 января 1967 г.

чи, что в Климовичском уезде Гомельской губернии Белоруссии (сейчас это Могилёвская область Республики Беларусь), видимо предугадывая развал СССР. Кстати, тогда его фамилия была Геращенков.

Учился в Климовичах в школе, даже поступил здесь в гимназию. В это время в России произошла революция. В 15 лет, продолжая учиться в средней школе, начал работать переписчиком-регистратором уездного продовольственного комитета и счетоводом районной заготовительной конторы в городе Климовичи.

В начале 1920-х гг. Владимир Сергеевич уезжает учиться в Политехнический институт в Ленинград, избрав финансовое отделение экономического факультета. После окончания института его призывают в Красную армию, где он служит один год в 24-м артиллерийском полку, дослужившись до звания командира взвода запаса артиллерии РККА. После увольнения в запас поступил в аспирантуру Ленинградского финансово-экономического института на кафедре «Денежное обращение и кредит», одновременно работая заведующим отделом кассового плана и денежного обращения Ленинградской областной конторы Госбанка СССР. В 1935 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Этапы развития советского кредита от Октября до развёрнутого социалистического наступления». В ней особое внимание уделялось созданию специализированных банков применительно к потребностям основных отраслей народного хозяйства страны. После этого он становится заведующим кафедрой «Денежное обращение и кредит» Ленинградского финансово-экономического института.

На практику он попал в Москву, ходил на улицу Неглинную в Госбанк.

В банковской системе тогда была особая обстановка. Её, в частности, характеризует анекдот, рассказанный острым на язык сыном нашего героя. Приезжает человек из Москвы, желавший получить кредит. Его спрашивают: «Ну как, получил?» «Да нет!» — отвечает он, расстроенный. «Понятно, там одни евреи!» — «Да нет, когда я выходил из банка, мне швейцар дверь придержал — русский!»

Вскоре Владимиру Сергеевичу предложили стать заместителем директора Ростовского финансово-экономического института по научной части. Приехал он в октябре 1937 г. в Ростов-на-Дону, встретил его директор И.А. Майданюк и сказал: «Володя, принимай институт — у меня брата в Москве арестовали! В ближайшие дни снимут и меня». Так Геращенко стал вначале исполняющим обязанности директора, а потом и директором института. Благодаря ему в Ростове появилась кафедра «Денежное обращение и кредит».

Долго поработать на юге не удалось: в 1938 г. его вызвали в Минфин и предложили стать начальником управления подготовки кадров правления Госбанка СССР. Дело в том, что в то время Госбанк был практически подразделением Минфина. Владимир Сергеевич отказался, заявив, что у него интересная работа в институте. Из Москвы на место работы пришла начальственная жалоба. Только он вернулся домой, вызывает его М.А. Суслов, тогда секретарь Ростовского обкома партии, и объясняет, какая важная задача была перед ним поставлена в Москве, и негоже от неё молодому коммунисту отказываться.

15 ноября 1938 г. Владимир Сергеевич сдал свои дела в Ростове-на-Дону, 21 ноября приказом председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанова он «освобождён от работы директора». Действи-

тельно, вопрос кадров в эти годы был основным — люди на ответственных постах, в том числе и в финансовом блоке, по разным понятным причинам менялись часто. Как мы уже рассказывали в предыдущих главах, ни один довоенный председатель Госбанка своей смертью не умер. Хорошую традицию спокойно (относительно) уходить на пенсию начал только Булганин.

Незадолго до встречи с Сусловым Владимир Сергеевич вступил в ВКП(б). Тогда для этого надо было получить пять характеристик, из них две от коммунистов с партийным стажем не менее 10 лет. Да и кандидатский испытательный стаж не был определён по времени — можно было хоть пять лет ходить кандидатом, пока не докажешь обоснованность своих претензий.

Тогда во время разъяснительной беседы Михаил Андреевич сказал: «Я вот тоже учился в Московском институте народного хозяйства, в Экономическом институте красной профессуры, хотел преподавать, а видите, где я!»

Так, отработав в Ростове всего один год, Геращенко переехал в Москву. На встрече с председателем правления Госбанка СССР Н.А. Булганиным[191] ему были предложены на выбор три должности: начальника управления иностранных операций (УИНО), начальника планово-экономического управления и начальника управления кредитования машиностроения. «Иностранные операции» звучало для 33-летнего молодого человека наиболее заманчиво — их он и выбрал. Тогда УИНО занималось обслуживанием всех зарубежных операций, Внешторгбанк вплоть до 1961 г. специализировался только на иностранцах — частных лицах. Николай Александрович обещал подумать над этим пожеланием, но, введя Владимира Сергеевича в правление Банка, распорядился по-своему — отправил его руководить планово-экономическим управлением.

Центральное планово-экономическое управление правления Госбанка, включавшее отделы кредитного и кассового планов, было создано в том же 1938 г. Владимир Сергеевич, назначенный 14 декабря его начальником (и став членом правления банка), был уже молодым кандидатом экономических наук, что в то время было редкостью. Хотя другой начальник — управления кредитования машиностроения, — назначенный тогда же, оказался ещё моложе: Н.Д. Барковскому было всего 26 лет, и он ещё учился в аспирантуре. Ставка на молодые кадры, к тому же с научным потенциалом, была не случайной. По свидетельству того же Барковского, обновление специалистов проводилось в связи с тем, что одна часть старых работников была репрессирована, а другая часть уволена по мотивам несоответствия своей должности. С помощью молодых специалистов легче было искать новые пути развития банковской системы.

Кстати, Николай Дмитриевич Барковский — ещё одна фигура, безусловно достойная отдельного повествования.

В.А.Челноков[192]: *В 1939 г. по инициативе В.С. Геращенко Госбанк начал экспериментировать с кредитованием предприятий машиностроения по обороту товарно-материальных ценностей с применением специальных ссудных счетов. Новый порядок кредитования стал важной вехой на пути совершенствования си-*

[191] Булганин Н.А. был председателем правления Госбанка СССР три раза: в 1938–1940, 1941–1945 гг. и в марте – августе 1958 г.

[192] *Челноков В.А.* — профессор Финансовой академии при Правительстве РФ.

стемы кредитования и её максимальной адекватности плановой системе хозяйства. В результате кредитования совокупного оборота товарно-материальных ценностей, поступающих для выполнения плановых заданий, учреждения Госбанка значительно расширили круг кредитуемых объектов, которые для этого ограничивались сезонным накоплением сырья, материалов и товаров. Таким образом был достигнут рост кредитных вложений и обеспечены устойчивые кредитные связи учреждений Госбанка с большинством предприятий тяжёлой промышленности. Социалистическая индустрия получила мощную кредитную поддержку Госбанка и не испытывала дефицита платёжных ресурсов для формирования фонда оборотных средств и своевременного совершения платежей по плановым поставкам товарно-материальных ценностей.

То есть Владимир Сергеевич делал то, что так необходимо сделать Банку России сегодня!

В.В. Геращенко: *В 1939 г., рассказывал отец, у Булганина возникла идея выпустить деньги с подписями членов правления Госбанка. Отец, имевший очень приличный почерк, начал оттачивать свой автограф. Но оказалось, что старался зря: мудрый Сталин зарубил идею на корню: «Сегодня вы на деньгах распишетесь, а завтра в тюрьму сядете! Что с деньгами делать?» Первым потешил своё самолюбие в 1992 г. Г.Г. Матюхин. Зачем? С точки зрения дополнительной защиты от подделки это бессмысленно... Во всяком случае, мне такая «слава» не была нужна никогда. И без этого всяких хлопот хватает.*

Одновременно с работой в Госбанке в декабре 1939 г. Геращенко становится членом учёного совета Московского кредитно-экономического института. С 1940 г. он уже заместитель председателя правления Госбанка СССР.

В.В. Геращенко: *В июле 1940 г. прибалтийские народы с радостью присоединились к Советскому Союзу. Я не шучу — у них был выбор только между немцами и нами. Остаться самостоятельными они не могли. Латвия (наиболее развитая прибалтийская республика) имела самый дешёвый по фрахтовым ставкам, но хреновый по качеству флот, который постоянно тонул. Ну, рыбу ещё они ловили. Литва продавала за границу сало, вернее шпек (у них так назывался свиной жир), гусиное мясо, сено и дешёвую рабочую силу, в основном в Канаду. Об Эстонии вообще нечего говорить — люди там выживали за счёт близости Ленинграда и Финляндии.*

После присоединения Прибалтики зампредов Госбанка разослали по новым советским республикам — приводить их банковскую систему в соответствие с советской практикой. Владимиру Сергеевичу досталась Латвия. 21 сентября 1940 г. замнаркома иностранных дел А.Я. Вышинский выписал ему соответствующее удостоверение.

В.В. Геращенко: *Я потом его донимал вопросами — куда он дел латышское золото. Он оправдывался, что до него в республике побывали труженики НКВД, так что ловить уже было нечего! К тому же большая часть золота буржуазным правительством ранее была заложена в Англии и в Банке международных расчётов (Bank for International Settlements — BIS) в Базеле. Банк, созданный в Швейцарии в 1930 г., покупал и продавал золото и иностранную валюту, принимал от центральных банков золото на хранение, предоставлял им ссуды под залог драгметаллов или легко реализуемых краткосрочных обязательств.*

В октябре 1940 г. председателем правления Госбанка второй раз стал Булганин, представлять его пришла делегация во главе с членом Политбюро, зампредседателя Совнаркома А.И. Микояном. Анастас Иванович по заведённому тогда порядку начал разносить сложившуюся в Госбанке при предыдущем, снятом руководстве систему. В частности, заявил, что и с кредитными планами там тоже беспорядок! Отца это задело (за этот план отвечал он), и ему хватило мужества выступить с опровержением: «Товарищ Микоян, вы ошибаетесь! Кредитный план строится совсем по-другому, не так, как вы представляете!»

Анастас Иванович зашумел: «Ты кто такой? Сядь и помолчи!» Отец не успокаивается: «А что молчать, если вы не то говорите!» На этом спор закончился, стали ждать его результатов. Через два дня к Владимиру Сергеевичу приезжает помощник Микояна и просит подробнее осветить затронутый вопрос. После этого случая Анастас Иванович постоянно говорил: «Если Геращенко что-то сказал, значит, это так и есть!»

М.П. Базаря[193]: *Заместитель Булганина — Владимир Сергеевич Геращенко — умный, энергичный, во всех отношениях положительный человек, к этому времени уже завершил, с участием начальников управления, разработку концепции развития Госбанка. Именно он тогда поставил вопрос об очерёдности платежей за материальные ценности. Основным его аргументом был тезис: если в производстве будет всё в порядке, то и финансы будут в порядке. Минфин Союза с этим не был согласен, отстаивая приоритет налоговых платежей и погашение долгосрочных кредитов Сельхозбанка.*

В 1940 г. Геращенко вызывают в НКВД к легендарному в то время заместителю НКВД СССР по кадрам Сергею Никифоровичу Круглову. Фигура преинтереснейшая, замнаркома он стал в 1939 г., когда ему было всего 32 года! Перед самой войной доверявший Круглову Лаврентий Берия передал в его владение ГУЛАГ и производственно-строительные управления. Во время войны он занимался вопросами охраны правительственных делегаций СССР, США и Великобритании на Крымской и Потсдамской конференциях. Ф. Рузвельт прислал ему письмо с благодарностью «за подготовку резиденции и качественное обслуживание в Ялте его и 275 сопровождающих лиц» и наградил орденом Легион Достоинства, а король Великобритании издал указ «О награждении генерал-полковника Круглова С.Н. Превосходнейшим орденом Британской империи и присвоении звания рыцаря командора Превосходнейшего ордена Британской империи». В октябре 1941 г. Круглов — командующий 4-й саперной армией под Москвой. В феврале 1942 г. награждается за заслуги орденом Красной Звезды.

Чекист занимается и организацией заградотрядов. Наконец, в марте 1944 г. Круглов руководит операцией по выселению карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей в Сибирь, Казахстан, на Алтай. 29 декабря 1945 г. он становится министром НКВД-МВД СССР. Штат его структуры составляет тогда без малого 2 млн. человек (точнее, 1,9 млн.)! Но к началу 1950-х гг. из МВД в МГБ (Министерство государственной безопасности) передали все оперативные подразделения, внутренние и пограничные войска, милицию, уголовный розыск. МВД практически становится

[193] Базаря М.П. — в 1954–1961 гг. начальник управления кредитования сельского хозяйства правления Госбанка СССР, в 1961–1987 гг. — заместитель управляющего Российской конторой Госбанка СССР.

министерством лагерей. У него в подчинении 267 лагерей, 392 рабочих батальона, 178 специальных госпиталей. В том числе знаменитые «шарашки».

В 1949 г. ему вручили орден Ленина за участие в создании ядерного оружия. Круглов руководил специальным 9-м управлением МВД, которое занималось атомным проектом.

В.В. Геращенко: *Круглов вызвал моего отца и сказал ему следующее: «Владимир Сергеевич, в НКВД принято решение создать отдел по борьбе с экономической контрреволюцией. Мы хотим предложить вам возглавить его и стать членом Коллегии комиссариата». Отец рассказывает, что он всеми силами хотел показать, что у него мало опыта, что он слишком молод*[194]*, дурак на букву «м», не понимает всего, что происходит вокруг него, и вообще недостаточно бдительный. Да, экономически подкованный товарищ, но явно не достойный такого ответственного предложения! Ох, как не хотелось, имея пятерых детей, быть со временем расстрелянным! В результате агитаторы поняли, что отец им не подходит — недостаточно жёсткий и не амбициозный. Поэтому отстали.*

Всю войну Геращенко проработал в Москве в Госбанке. Работа в правлении Госбанка в это время протекала в условиях сталинского «стиля работы» — до поздней ночи. Часто совещания затягивались до полуночи. Сотрудникам выдавали специальные пропуска, чтобы они могли вернуться домой, ведь в городе был введён комендантский час. Утром на работу выходили к одиннадцати часам.

Близился конец войны. В 1944 г. активно обсуждалось будущее Югославии. При Броз Тито обосновалась английская военная миссия. Уинстон Черчилль, всегда считавший эту страну важной зоной влияния Великобритании, включил в состав миссии своего старшего сына — Рандольфа. Была и советская миссия, в неё были включены зампредседателя Госбанка В.С. Геращенко и первый замминистра финансов Михаил Фёдорович Бодров. Решался вопрос о предоставлении Тито беспроцентного кредита в 10 млн. долларов. Пробыла наша миссия там с марта по сентябрь 1944 г.

Геращенко тогда прошёл курсы по прыжкам с парашютом, судя по всему, только теоретические. И через Тегеран, Хабани (Ирак), Каир, Бари (Италия) миссию отправили в Югославию. Миссия постоянно попадала под обстрелы немцев и подвергалась нападению хорватских фашистов — усташей, и Владимиру Сергеевичу пришлось вместе со всеми бегать по горам. Другой раз в горах их на бреющем полёте обстреливал немецкий истребитель, они спрятались за валуны, пересидели, пока у лётчика не стало заканчиваться топливо и самолёт не улетел. По рассказам помощника Геращенко в той операции В. Щеглова, случайно встреченного автором этого материала, он постоянно носил с собой вещь-мешок командира, полный валюты. Впоследствии Владимир Сергеевич мало рассказывал о том, что он пережил в те месяцы.

За эту операцию В.С. Геращенко был награждён орденом Партизанской звезды первой степени. Во время разрыва с Югославией в 1948 г. ордена недружественной страны сдавались. Сергей Михалков тогда писал про Иосипа Броз Тито:

---

[194] Круглов, кстати, был на два года моложе.

Жаждой зла напитан туго
патентованный бандюга,
он всех подряд повесить рад,
законченный дегенерат.

Ордена вернули, когда дружба наших стран возобновилась. Антиюгославская кампания прекратилась, и 28 ноября 1954 г. югославское посольство в Москве устроило приём по случаю Дня независимости. Летом 1955 г. в Белград нанесли визит Хрущёв, Булганин и Микоян. Вот тогда вспомнили о том, что Геращенко знает всё высшее руководство Югославии, и предложили ему поехать туда послом, но он отказался.

В 1944 г. Советский Союз участвовал в переговорах по созданию Международного валютного фонда и связанного с ним Международного банка реконструкции и развития. Обе эти организации были учреждены на международной валютно-финансовой конференции Объединенных Наций, состоявшейся в период с 1 по 22 июля 1944 г. в Бреттон-Вудсе (США, штат Нью-Гэмпшир). В переговорах приняли участие представители 44 государств. Со стороны СССР их вёл первый заместитель министра внешнеэкономических связей М.С. Степанов. Нам тогда, при вступлении в Фонд, даже сделали исключение и разрешили взнос в золоте держать в стране, не вывозить! Правда, при условии, что представители Фонда смогут в любой момент проверять его наличие.

До 1 декабря 1945 г. следовало или ратифицировать это соглашение, или не ратифицировать. Министр иностранных дел Вышинский написал соответствующую записку Молотову, что надо создать комиссию для рассмотрения целесообразности нашего участия в этих организациях, поставив во главе её министра финансов товарища Зверева. Молотов синим карандашом, как тогда было принято, пишет на записке резолюцию: «т. Вознесенскому. Не можете ли Вы взяться за это дело и возглавить комиссию? В. Молотов 3. III». В таких случаях не отказываются, и Н.А. Вознесенский возглавил комиссию.

25 декабря 1945 г. В.С. Геращенко вместе со своим заместителем А.А. Арутюняном написал записку по данному вопросу, и вопрос рассматривался на президиуме Совнаркома. Вёл заседание Молотов, как первый зампред. Вознесенский выступал на заседании и сказал, что при вступлении в организации мы вынуждены будем предоставить много данных, характеризующих наше экономическое положение. Врать мы не могли, правду говорить было неудобно — из войны мы вышли в тяжёлом положении. Поэтому, хотя членство давало определённые плюсы, решили, что нам лучше в МВФ и Международный банк реконструкции и развития не вступать. Так, молча, документ не ратифицировали.

Кстати, СССР также предлагали и в плане Маршалла участвовать, но Сталин сказал, что пусть получателями будут не Советский Союз в целом, а Украина и Белоруссия — тем более что они члены ООН. Однако нам ответили: либо СССР, либо никто. Вопросы здесь были чисто политические.

В процессе подготовки этих документов в МИДе появилась необходимость в создании своего экономического отдела. В Госбанке в то время Геращенко курировал управление иностранных операций. По предложению Молотова уже в сентя-

бре 1944 г. он возглавил новый отдел в МИДе, став членом коллегии министерства, чрезвычайным и полномочным посланником 2-го класса.

В качестве руководителя отдела МИДа Владимир Сергеевич участвовал в Потсдамской (17 июля – 2 августа 1945 г.) конференции, ставшей, возможно, важнейшей конференцией XX века. На память о Потсдаме осталась фотография: в первом ряду первый замминистра иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, заместитель председателя ГКО В.М. Молотов, И.В. Сталин. Во втором ряду в центре В.С. Геращенко.

На этой конференции был учреждён Совет министров иностранных дел (СМИД). Участники встречи согласовали политические и экономические принципы в отношении побеждённой Германии в начальный контрольный период; была достигнута договорённость о репарациях с Германии, о германском военно-морском и торговом флоте, о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района, о предании суду военных преступников и ряд других вопросов. В официальном сообщении об итогах встречи говорилось, что конференция «укрепила связи между правительствами и расширила рамки их сотрудничества и понимания».

В.С. Геращенко также был заместителем советского делегата в работе Генеральной Ассамблеи ООН (28 октября – 21 декабря 1946 г.). С 14 июня по 27 октября 1946 г. работал в качестве эксперта на Парижской мирной конференции, в которой участвовали советы министров стран-союзников и обсуждались проекты мирных договоров между государствами антигитлеровской коалиции, одержавшими победу во Второй мировой войне, и бывшими союзниками фашистской Германии в Европе — Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией. Участвовал он и в переговорах по установлению итало-югославской границы в Англии (15 января – 3 марта 1946 г.), был представителем СССР в работе комиссии четырёх держав-победительниц по статусу Свободной территории Триест (10 января – 8 марта 1947 г.). Советская сторона рассчитывала, что этот район перейдёт к Югославии или, по крайней мере, останется свободным, но никак не окажется у итальянцев. Тито же, когда поругался с СССР, в 1954 г. отдал Триест Италии.

В 1947 г. Геращенко дважды в качестве заместителя советского делегата участвует в Женеве в работе Европейской экономической комиссии ООН. Кроме этого, за послевоенные годы он побывал в Иране, Египте, Венгрии, Швеции, Чехословакии.

В марте 1948 г. председателем правления Госбанка стал Василий Фёдорович Попов. Укрепляя кадры, он попросил в лоно Госбанка вернуть Владимира Сергеевича, он был назначен заместителем председателя правления и введён в состав правления банка. Соответствующее Постановление Совета министров СССР от 17 апреля 1948 г. было подписано председателем Совмина И.В. Сталиным. 10 ноября того же года приказом министра финансов СССР А.Н. Косыгиным В.С. Геращенко был утверждён первым заместителем председателя.

В Госбанке тогда внедрялись новые технологии кредитования, расширялись кредитные вложения, рос платёжный оборот и укреплялось денежное обращение. В стране ежегодно возрастал товарооборот, и на этой основе успешно выполнялись кассовые планы Госбанка. По указанию Сталина В.С. Геращенко был установлен персональный оклад — 18 000 рублей, что приравнивалось к заработной плате министра союзного значения.

В 1954 г. Владимир Сергеевич вместе с министром финансов СССР Арсением Григорьевичем Зверевым, будущим директором Института экономики АН СССР Кириллом Никаноровичем Плотниковым (1959–1965 гг.) подготовили постановление Совмина СССР и ЦК КПСС «О роли и задачах Государственного банка СССР». Оно вышло 21 августа. С него началось усиление роли Госбанка, который был наконец выведен из подчинения Минфина.

Было также провозглашено укрепление хозрасчёта в народном хозяйстве, усиление контроля рублём за действиями предприятий страны.

Постановление ЦК КПСС и союзного Совмина от 21 августа 1954 г. «О роли и задачах Государственного банка СССР». В нём предлагалось учитывать обобщённые показатели деятельности предприятий, особенно состояние их оборотных средств и выполнение заданий по росту накоплений и снижению себестоимости продукции. Для плохо работающих вводился особый режим расчётов, а отличившихся поощряли льготными кредитами. Дело облегчалось по мере рационализации структуры наших банков[195].

Председатель Совета министров СССР Георгий Максимилианович Маленков, курирующий работу, спросил тогда Зверева: «Арсений Григорьевич, а почему в работе не принимает участия ваш первый зам, председатель правления Госбанка СССР Попов?» Надо сказать, что в банк В.Ф. Попов пришёл в 1948 г. после Якова Ильича Голева. До этого он был в Госконтроле первым замом у Льва Мехлиса, участвовал в боях на Волге во время Гражданской войны. В общем, мужик был неплохой, но мало понимал в экономике.

Ответ Зверева поэтому был категоричен: «Василий Фёдорович? Да ему только начальником пожарного депо быть! Да и то районного масштаба!» Пробыл, однако, Попов председателем Госбанка 10 лет, с марта 1948 до марта 1958 г.

Что касается В.Ф. Попова, то с ним мы встречались по работе ещё не раз. Василий Фёдорович, сын ростовского железнодорожника и внук воронежских крестьян, смог до революции окончить лишь двухклассное училище, потом был мальчиком на побегушках у владельца рыбного промысла. Там он сумел стать мотористом, а в 1920 г., семнадцатилетним юношей, ушёл добровольно в армию и был помощником пароходного машиниста в Донской военной флотилии Кавказского фронта. Направленный по комсомольской путёвке в уголовный розыск, он боролся с хищениями грузов на железнодорожном транспорте, был комендантом маршрутных поездов. В 1923 г., то есть примерно в одно время со мной и Урюпиным, был переведён на работу в финансовую систему. Так в его жизни началась новая полоса. Её достаточно полно характеризует самый перечень занимаемых Поповым должностей: финагент, старший агент, помощник фининспектора, фининспектор, старший инспектор окружного финотдела, заведующий районным и городским финотделами, слушатель Финансовой академии, заместитель наркома финансов и председатель Госплана Татарской АССР, наконец, народный комиссар финансов РСФСР. С этого-то поста Василий Фёдорович и был переведён в союзный наркомат в качестве моего первого заместителя. Прослужив всю Великую Отечественную войну первым замом наркома Госконтроля СССР, а потом не-

[195] *Зверев А.Г.* Записки министра. М.: Политиздат, 1973. С. 159.

сколько лет — в сфере торговли и лёгкой промышленности, он далее в течение десяти лет возглавлял Правление Госбанка СССР[196].

Тогда Георгий Максимилианович Маленков и предложил отцу возглавить Госбанк. Тот в первую очередь пошёл консультироваться с женой.

В.В. Геращенко: *Мама сказала ему: «Володь, ты конечно, большой учёный, знающий человек, все к тебе ходят, ждут, когда ты их примешь, посоветуешь чего-нибудь. Но ты ведь плохой администратор — дома я всё решаю! Да и зачем тебе всё это надо? Попов тебя уважает, посылает на все совещания. Что тебе ещё надо?!» Отец послушался главного своего авторитета и не принял предложение. При том разговоре присутствовал Михаил Сергеевич Смиртюков, тогда заместитель управляющего делами Совета министров СССР (с 1964 г. управляющий). Он передал разговор Попову. Отношения между коллегами, естественно, ухудшились.*

Отец вспоминал ещё интересный случай, связанный со Зверевым. Идут они однажды из Кремля в Минфин (на улице Куйбышева) поправить какие-то бумаги. Арсений Григорьевич ему и говорит: «Володя, что ты всё время выступаешь? Выгонят же!» «Ну, выгонят, — отвечает отец, — пойду читать лекции!» «Нет, — продолжает более опытный министр, — если тебя сейчас выгонят, ты, кроме "Вечерней Москвы", ничего читать не будешь!»

В конце 1957 – начале 1958 г. у рубля стало два обменных курса: 4 рубля — обычный и 10 рублей за доллар — туристический. И вот Микоян решил этот дуализм ликвидировать. Он обратился к отцу, и тот, подумав, предложил провести деноминацию рубля в десять раз. А заодно изменить его золотое содержание. Причём главной целью была всё-таки девальвация. Официальный курс рубля не соответствовал его реальной стоимости.

Отец подготовил соответствующую записку по заданию первого заместителя председателя Совета министров СССР. Соблюдая субординацию, он принёс её на подпись председателю Госбанка Попову, тот отказался брать на себя ответственность и посоветовал: «Я через четыре дня ложусь на диспансеризацию, вот ты сам и подпишешь бумагу».

Когда в 1958 г. освободилось место председателя Госбанка после ухода Булганина, отец, естественно, категорически выступил против кандидатуры Попова, объяснив это тем, что Василий Фёдорович ничего не хочет решать сам. Микоян поинтересовался, не хочет ли председателем стать отец. Но тот однажды уже отказался от этого поста, не собирался менять своё решение и сейчас. В результате банк возглавил замминистра финансов СССР А.К. Коровушкин, когда-то в институте учившийся у отца.

В.В. Геращенко тогда же его приятели, академики К.В. Островитянинов и В.П. Дьяченко, предложили возглавить Институт экономики АН СССР. Однако Александр Константинович попросил его не уходить из банка.

21 октября 1958 г. Владимир Сергеевич ушёл в отставку. С 1958 по 1995 г. преподавал в Московском финансовом институте, затем в Финансовой академии, возглавлял кафедру «Денежное обращение и кредит». В 1965 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Вопросы хозяйственного расчёта и кредита в промышлен-

[196] *Зверев А.Г.* Указ. соч. С. 172.

ности и строительстве», где обосновал необходимость внедрения полного хозяйственного расчёта и самофинансирования во всех хозяйственных структурах СССР. После этого получил звание профессора, написал 63 научных труда по проблемам развития экономики и банковской системы нашей страны. Был руководителем авторских коллективов базовых учебников «Денежное обращение и кредит СССР», «Организация и планирование кредита», «Организация и планирование денежного обращения», «Учёт и операционная техника в банке». Они неоднократно переиздавались, на них воспитано не одно поколение специалистов в области финансов и банковского дела.

Скончался Владимир Сергеевич Геращенко 1 мая 1995 г. Его многолетняя деятельность отмечена правительственными наградами: орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны I степени, югославским орденом «Партизанская звезда I степени» и многими медалями. А вот огромный вклад в развитие банковского дела и подготовку специалистов практически не был отмечен. К 50-летию (в 1955 г.) его представляли к награждению орденом Трудового Красного Знамени, но предложение наверху не утвердили. По существу за долгие годы работы в Госбанке СССР Владимир Сергеевич получил только медаль «За доблестный труд». Орден Ленина он получил за поездку в Югославию (ему предложили даже писать представление на Героя Советского Союза, но отец не стал этого делать).

Безусловно, нельзя в коротком очерке рассказать о всех заслуживающих этого банкирах тяжёлого периода формирования советской банковской системы. Здесь одинаково неуместны заявления типа «Когда б вы знали, из какого сора...» и «Как закалялась сталь». Советская банковская система формировалась в специфических условиях: уникального дефицита кадров и фактических внешних санкций.

Дефицит был обусловлен отказом большинства старых кадров поддержать советскую власть. Забастовка банковских и финансовых работников началась уже 25 октября 1917 г., после неё большое количество специалистов либо эмигрировало из страны, либо было репрессировано.

С другой стороны, советские государственные банки (а других, кроме короткого периода действия Российского коммерческого банка, предшественника Внешторгбанка СССР, не было) не имели возможности ни кредитоваться за рубежом, ни вести там активные операции. Неслучайно была создана сеть так называемых «совзагранбанков», действующих во многих странах Европы и Азии вплоть до начала 2000-х гг. Именно они в период непризнания Советского Союза и холодной войны были «форточками» для прорыва финансовой блокады, источниками, в частности, зарубежных кредитов. Через них осуществлялась проверка соответствия квалификации советских банкиров мировому уровню.

Безусловно, в столь инкубаторских условиях в Советском Союзе был создан особый тип банковского работника, но тем и важнее и интереснее изучение этого феномена. Чем мы и занимаемся.

DE PERSONIS / О ЛИЧНОСТЯХ. Сборник научных трудов. Том I
А.И. Фурсов (сост.)
Четвертое издание.
М.: Товарищество научных изданий КМК. 2023. 600 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Редактор издательства К.Г. Михайлов
Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 24.05.2023. Тираж 700 экз. Заказ №
Формат 70×100/16. Объём 37,5 печ.л. Усл. печ.л. 48,75. Бумага офсетная.